

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
КОМИССИЯ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

*К XVI Международному
съезду славистов*

МОСКВА
2017

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту №17-04-16033д, не подлежит продаже

Ответственный редактор

М.И. Чернышева

Редакционная коллегия

член-корреспондент РАН Ю.Л. Воротников

академик РАН А.М. Молдован

профессор С. Ристич (Сербия)

Рецензенты

доктор филологических наук И.С. Улуханов

(Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН)

кандидат филологических наук Э.Ф. Шимчук

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
филологический факультет)

Лексикология и лексикография славянских языков. Международный коллективный труд /
Л43 Отв. ред. М.И. Чернышева. – М.: ЛЕКСПУС, 2017. – 879 с.

ISBN 978-5-9909698-2-7

Итоговый международный труд «Лексикология и лексикография славянских языков» включает фундаментальные исследования ведущих специалистов из славянских стран и России. Благодаря теоретической обоснованности, глубине проработки материала и масштабности разноаспектного рассмотрения, а также анализу назревших проблем и формулировке задач, требующих решения, представленные в труде разработки вносят серьезный вклад в развитие современной славянской лексикологии и лексикографии и становятся ориентиром для дальнейших изысканий.

Lexicology and Lexicography of Slavic Language. International collective work / Ed. by Margarita Chernysheva. – Moscow, 2017. – 879 p.

The final international collective work “Lexicology and Lexicography of Slavic Languages” contains basic researches written by leading experts from Slavic countries and Russia. It includes such subjects as: “Comparative Lexicography of Slavic Languages”, “Historical Lexicology of Slavic Languages” and “Historical Lexicology of Russian Language”. The theoretical validity, the depth of studied material, the scale of versatile consideration and also the analysis of the imminent problems and the formulation of the tasks requiring the solution – all this characterizes the collective work, that makes a serious contribution to the development of the modern Slavic lexicology and lexicography and becomes a reference to the point for the further scientific researches.

ISBN 978-5-9909698-2-7

© Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© ООО «ЛЕКСПУС», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (М.И. Чернышева)	7
------------------------------------	---

Часть 1

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Д. Благоева</i> (София, България) Проблеми на славянската тълковна неография	15
<i>І.С. Гнатюк</i> (Київ, Україна) Українська авторська фразеографія в східнослов'янському контексті	38
<i>В.В. Дубичинский</i> (Варшава, Польша) Контрастивная лексикография: словарь «Ложных друзей переводчика» versus словарь лексических параллелей	49
<i>И. Крейчиржова</i> (Прага, Чешская республика) Чешско-русские и русско-чешские словари: история и современность	79
<i>Т. Piotrowski</i> (Wrocław, Polska) Porównawcza leksykografia języków słowiańskich. Słowniki z językiem polskim	93
<i>С. Ристић, Н. Ивановић</i> (Београд, Србија) Српска савремена дескриптивна лексикографија у поређењу са лексикографијом других словенских језика	111
<i>М. Чоролеева, Ц. Георгиева</i> (София, България) Славянски сравнителни речници с участието на българския език	120
<i>Л.Л. Шестакова</i> (Москва, Россия), <i>В.К. Щербин</i> (Минск, Белоруссия) «Словарь языка Пушкина» и «Слоўнік мовы Янкі Купалы»: опыт сравнительного анализа	151
<i>А. Ярошова</i> (Братислава, Словакия) Словацкая двуязычная лексикография в методологическом контексте: на примере словацко-русских и русско-словацких словарей ...	185

Часть 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>В.С. Ефимова</i> (Москва, Россия) Лексикология старославянского языка: проблемы и методы исследований	199
България: <i>Е. Мурчева</i> (София, България) Проблеми и достижения на българската историческа лексикология	234
Македония: <i>Л. Макаријоска</i> (Скопје, Македонија) Осврт на историската лексикологија на македонскиот јазик	257
Польша: <i>А. Zajda</i> (Kraków, Polska) O słownictwie polskim poprzez wieki	277
Србия: <i>Р. Драгићевић</i> (Белград, Србия) Развој лексичког система српског језика од прасловенске епохе до почетка XXI века	332
<i>Е.И. Якушкина</i> (Москва, Россия) Историческая лексикология сербского языка	355
Словакия: <i>І. Valentová</i> (Bratislava, Slovensko) Lexikografické spracovanie slovnej zásoby predpisovnej slovenčiny	363
Словения: <i>М. Merše</i> (Ljubljana, Slovenija) Slovenska zgodovinska leksikologija – dosežki in problematika	379
Украина: <i>О.В. Прискока</i> (Київ, Україна) Огляд праць зі східнослов'янської та староукраїнської лексикології	412
Хорватия: <i>В.З. Тафра</i> (Zagreb, Hrvatska) Leksičko-semantički odnosi u hrvatskom jeziku iz dijakronijske perspektive	465

Часть 3
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Е.В. Генералова</i> (Санкт-Петербург, Россия) Лексика европейского происхождения в непереводах памятниках русского языка XVI–XVII вв.	491
<i>И.Г. Добродомов</i> (Москва, Россия) К изучению тюркского лексического вклада в русском языке (итоги и перспективы)	534
<i>В.Н. Калиновская, С.А. Эзериня</i> (Санкт-Петербург, Россия) Лексическая семантика в пространстве «Словаря русского языка XIX века»	543
<i>И.А. Малышева</i> (Санкт-Петербург, Россия) Из истории изучения лексики русского языка XVIII века	556
<i>С.А. Мызников</i> (Санкт-Петербург, Россия) Лексика прибалтийско-финского происхождения в памятниках письменности и в русском литературном языке	582
<i>М.О. Новак</i> (Казань, Россия) Об изучении церковнославянской лексики (вторая половина XX – начало XXI в.)	601
<i>Г.В. Судаков</i> (Вологда, Россия) Русская историческая лексикология донационального периода (XI–XVII вв.)	615

Приложение
ПЕРЕВОДЫ

<i>И. Валентова</i> (Братислава, Словакия) Лексикографическая обработка лексического состава словацкого языка долитературной поры (перевод Г.Я. Романовой)	669
<i>Р. Драгичевич</i> (Белград, Сербия) Развитие лексической системы сербского языка от праславянской эпохи до начала XXI века (перевод Е.В. Куренковой)	688
<i>А. Зайда</i> (Краков, Польша) О польской лексике сквозь века (перевод В. Шетэли и М.А. Пузиной, редакторы С.В. Некрасова, М.О. Новак)	712
<i>Л. Макариоска</i> (Скопье, Македония) Экскурс в историческую лексикологию македонского языка (перевод А.И. Чиварзиной)	764
<i>М. Мерше</i> (Любляна, Словения) Словенская историческая лексикология – достижения и проблематика (перевод Е.В. Сагалович)	784
<i>Е. Мирчева</i> (София, Болгария) Проблемы и достижения болгарской исторической лексикологии (перевод Е.А. Баньковой)	823
<i>Б. Тафра</i> (Загреб, Хорватия) Лексико-семантические связи в хорватском языке в диахронической перспективе (перевод Е.В. Куренковой)	846
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ	876

CONTENTS

Preface (by M.I. Chernysheva)	7
-------------------------------------	---

Part I

COMPARATIVE LEXICOGRAPHY OF SLAVIC LANGUAGES

<i>D. Blagoeva</i> (Sofia, Bulgaria) Some Problems of Slavic Explanatory Neography	15
<i>I.S. Gnatjuk</i> (Kiev, Ukraine) Ukrainian Author's Phraseography in the East Slavic Context ..	38
<i>V.V. Dubichinsky</i> (Warsaw, Poland) Comparative Lexicography: Dictionary "False Friends of the Translator" versus Dictionary of Lexical Parallels	49
<i>I. Kreychirzhova</i> (Prague, Czech republic) Czech-Russian and Russian-Czech Dictionaries: History and the Present	79
<i>T. Piotrovsky</i> (Wroclaw, Poland) Comparative Lexicography of Slavic Languages. Dictionaries with Polish	93
<i>S. Ristich, N. Ivanovich</i> (Belgrade, Serbia) Modern Serbian Descriptive Lexicography in Comparison with Lexicography of the Other Slavic Languages	111
<i>M. Choroleeva, Ts. Georgieva</i> (Sofia, Bulgaria) Slavic Comparative Dictionaries with Bulgarian	120
<i>L.L. Shestakova</i> (Moscow, Russia), <i>V.K. Shcherbin</i> (Minsk, Belarus) "Dictionary of the Pushkin's Language" and "Dictionary of Yanka Kupala's Language": the Experience of Comparative Analysis	151
<i>A. Yaroshova</i> (Bratislava, Slovakia) Slovak Bilingual Lexicography in the Methodological Context: a Case Study on Slovak-Russian and Russian-Slovak Dictionaries	185

Part 2

HISTORICAL LEXICOLOGY OF SLAVIC LANGUAGES

<i>V.S. Efimova</i> (Moscow, Russia) Old Slavonic Lexicology: Problems and Research Methods	199
Bulgaria: <i>E. Mircheva</i> (Sofia, Bulgaria) Problems and Achievements of Bulgarian Historical Lexicology	234
Macedonia: <i>L. Makarijoska</i> (Skopje, Macedonia) A Review of Historical Lexicology of Macedonian Language	257
Poland: <i>A. Zajda</i> (Cracow, Poland) About Polish Vocabulary through the Ages	277
Serbia: <i>R. Dragičević</i> (Belgrade, Serbia) The Development of the Lexical System of Serbian Language from the Proto-Slavic Epoch to the Beginning of the 21st Century	332
<i>E.I. Yakushkina</i> (Moscow, Russia) Historical Lexicology of Serbian Language	355
Slovakia: <i>I. Valentová</i> (Bratislava, Slovakia) Lexicographic Processing of the Lexicon of Pre-standard Slovak Language	363
Slovenia: <i>M. Mershe</i> (Ljubljana, Slovenia) Slovenian Historical Lexicology – Achievements and Problems	379
Ukraine: <i>O.V. Pryskoka</i> (Kiev, Ukraine) Review of the Works on East-Slavonic and Old-Ukrainian Lexicology	412
Croatia: <i>B.Z. Tafra</i> (Zagreb, Croatia) The Lexical-Semantic Relations in Croatian Language in Diachronic Perspective	465

Part 3
HISTORICAL LEXICOLOGY OF RUSSIAN LANGUAGE

<i>E.V. Generalova</i> (St. Petersburg, Russia) Loanwords of the European Origin in Non-translated Russian Texts of the 16-17th Centuries	491
<i>I.G. Dobrodomov</i> (Moscow, Russia) On Study of Turkic Lexical Contribution into Russian Language (Results and Prospects)	534
<i>V.N. Kalinovskaya, S.A. Ezerinya</i> (St. Petersburg, Russia) Lexical Semantics in the Space of “Dictionary of the 19th Century Russian”	543
<i>I.A. Malysheva</i> (St. Petersburg, Russia) From the History of Study of Vocabulary in the 18th Century Russian	556
<i>S.A. Myznikov</i> (St. Petersburg, Russia) Lexical data of the Baltic-Finnish Origin in Ancient Records and in Russian Literary Language	582
<i>M.O. Novak</i> (Kazan, Russia) On the Church Slavonic Lexic Research (Second Half 20th – the Beginning of the 21st Centuries)	601
<i>G.V. Sudakov</i> (Vologda, Russia) Russian Historical Lexicology of the Pre-national Period (11th–17th Centuries)	615

Appendix
TRANSLATIONS

<i>I. Valentová</i> (Bratislava, Slovakia) Lexicographic Processing of the Lexicon of Pre-standard Slovak Language. Translated into Russian by G.Ja. Romanova	669
<i>R. Dragičević</i> (Belgrade, Serbia) The Development of the Lexical System of Serbian Language from the Proto-Slavic Epoch to the Beginning of the 21st Century. Translated into Russian by E.V. Kurenkova	688
<i>A. Zajda</i> (Cracow, Poland) About Polish Vocabulary through the Ages. Translated into Russian by V. Shetelya and M.A. Puzina, red. S.V. Nekrasova, M.O. Novak	712
<i>L. Makarijoska</i> (Skopje, Macedonia) A Review of Historical Lexicology of Macedonian Language. Translated into Russian by A.I. Chivarzina	764
<i>M. Mershe</i> (Ljubljana, Slovenia) Slovenian Historical Lexicology – Achievements and Problems. Translated into Russian by E.V. Sagalovich	784
<i>E. Mircheva</i> (Sofia, Bulgaria) Problems and Achievements of Bulgarian Historical Lexicology. Translated into Russian by E.A. Bankova	823
<i>B. Tafra</i> (Zagreb, Croatia) The Lexical-Semantic Relations in Croatian Language in Diachronic Perspective. Translated into Russian by E.V. Kurenkova	846
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS AND TRANSLATORS	876

ПРЕДИСЛОВИЕ

К предстоящему XVI Международному съезду славистов (Белград, Сербия, 2018) членами Комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов (МКС)¹ и коллегами, приглашенными к сотрудничеству, подготовлен коллективный международный труд **«Лексикология и лексикография славянских языков»**.

Эта работа, с одной стороны, отражает новое направление деятельности Комиссии, а с другой, — является продолжением исследований, представленных в предыдущем обобщающем и итоговом труде Комиссии — **«Славянская лексикография»** (2013)², где были показаны итоги исторического развития словарного дела во всех славянских странах со времени его возникновения до первого десятилетия XXI века, а также продемонстрированы главные достижения и перспективные разработки в области лексикографии славянских языков на фоне оценки и прогнозирования процессов, развивающихся в современных славянских языках. Коллективный международный труд **«Славянская лексикография»** (2013) имел положительный резонанс в международном славистическом сообществе³, в 2015 г. эта работа была отмечена почетной грамотой Союза писателей России.

В ходе реализации этого проекта, помимо основных тем, авторы касались актуальной проблематики, которую невозможно было полностью охватить даже в таком масштабном труде, как **«Славянская лексикография»** (2013).

Первая проблемная тема представляемого нового коллективного труда **«Лексикология и лексикография славянских языков»** — **«Сравнительная лексикография славянских языков»**, призванная показать процесс осуществления лексикографических проектов, проводимых (или уже проведенных) на материале ряда славянских языков, и их результаты, — уже была поставлена во второй части **«Славянской лексикографии»** в очерках хорватской исследовательницы Ж. Финк-Арсовски «О хорватско-славянском словаре сравнительных фразеологизмов» и сербских коллег Р. Драгичевич и М. Стефанович «О славянской ассоциативной лексикографии».

Вторая проблемная тема — **«Историческая лексикология славянских языков»** — была сформулирована и научно обоснована заведующим лабораторией общей и компьютерной лексикологии и лексикографии МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Поликарповым в 2008 г. на XIV Международном съезде славистов (Охрид, Македония). Свое видение современных возможностей разработки этой темы и достигнутые ре-

¹ Сайт Комиссии по лексикологии и лексикографии представлен на страничке Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН: www.ruslang.ru

² Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв.ред. М.И. Чернышева. М.: Азбуковник, 2013. 886 с.

³ Отзывы и рецензии см.: *Sesar D. Slavenska leksikografija od početaka do danas (Славянская лексикография, Азбуковник, Москва, 2013) // Suvremena lingvistika. 2014. Vol. 40. № 77. S. 103–108; Жужнословенски филолог. 2015. Књ. LXXI, св. 1–2. С. 97–105 (рецензент: М.В. Супрунчук); рецензию для «Вестника РГНФ» (2013) написал К.А. Максимович.*

зультаты А.А. Поликарпов продемонстрировал в очерке «Модель жизненного цикла знака: к теоретическим основаниям исторической лексикологии и дериватологии», опубликованном в пятой части «Славянской лексикографии» («Вопросы теории лексикологии и лексикографии славянских языков»).

Таким образом, накопленный научный потенциал определил направление дальнейшей деятельности. Во время проведения заседания Комиссии по лексикологии и лексикографии при МКС на XV Международном съезде славистов в 2013 г. в Минске (Белоруссия) было принято решение объединить усилия членов Комиссии и приглашенных к сотрудничеству специалистов по лексикологии и лексикографии славянских языков для разработки двух указанных тем: «**Сравнительная лексикография славянских языков**» и «**Историческая лексикология славянских языков**», с тем чтобы представить результаты к XVI съезду славистов в Белграде в обобщающем труде «**Лексикология и лексикография славянских языков**».

Члены Комиссии по лексикологии и лексикографии приступили к разработке определенных тем. Предварительное обсуждение проходило во время заседаний Комиссии и обсуждений с коллегами из славянских стран во время международных конференций по лексикологии и лексикографии: «Современные проблемы лексикографии» (27–30 апреля 2015 г., Санкт-Петербург, Россия)⁴, «Лексикография в начале XXI в.» (15–16 октября 2015 г., София, Болгария)⁵, «Slovanská lexikografie počátkem 21. století» (Slovanský Ústav — Славянский Институт Чешской Академии наук, 20–22 апреля 2016 г., Прага, Чешская республика), где член Комиссии по лексикологии и лексикографии хорватская исследовательница Ж.Финк-Арсовски сообщила о недавнем выходе в свет нового словаря «Hrvatsko-romansko-germanski rječnik poredbenih frazema»⁶, публикация которого способствует разработке темы «Сравнительная лексикография славянских языков». Продолжались обсуждения на встрече лексикографов во время проведения Международной научной конференции «Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения», которая проходила в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (12–14 декабря 2016 г., Москва, Россия)⁷. Проблематика темы «Историческая лексикология славянских языков» затрагивалась в докладах членов Комиссии во время Международной научно-практической конференции «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского (1812–1880)» (21–23 сентября 2017 г., Рязань, Россия)⁸. Завершающей стала XIII Международная конференция «Современные проблемы лексикографии», организатором которой был Центр иссле-

⁴ По результатам этой конференции был опубликован сборник статей: Слово и Словарь. Vocabulum et Vocabularium. СПб., 2016. 768 с.

⁵ Доклады опубликованы в кн.: Лексикография в начале XXI в. София, 2016. 773 с.

⁶ Fink Arsovski Željka, Ivičević Evaine Le Calvé, Sarić Daliborka, Soares Sofia, Lončar Ivana, Rouco Chao Carolina, Malinar Smiljka, Zergollern-Miletić Lovorka, Lučić Radovan, Bierich Alexander, Barčot Branka, Novoselec Zvonimir i Bredenkamp Christine. Hrvatsko-romansko-germanski rječnik poredbenih frazema. Zagreb: Knjižna, 2016. 387 s.

⁷ См.: Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. Материалы докладов и сообщений международной научной конференции 12–14 декабря 2016 года. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 156 с.

⁸ Подготовленные доклады опубликованы в сборнике с тем же названием (отв. ред. Е.П. Осипова. Рязань: Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2017. 448 с.).

дования белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси и отдел лексикологии и лексикографии Института языкознания Якуба Коласа (23–24 ноября 2017 г., Минск, Белоруссия)⁹.

Кроме того, в русле тематики, разрабатываемой Комиссией, оказалось несколько статей в сербском сборнике «Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа» (Београд, 2016)¹⁰, в котором приняли участие лексикологи и лексикографы из славянских стран, а также члены Комиссии.

Осталось добавить, что под эгидой Комиссии по лексикологии и лексикографии при МКС были изданы две монографии, авторы которых внесли свой вклад в дальнейшую разработку исторической лексикологии русского языка: Г.Я. Романова «Объяснительный словарь старинных русских мер»¹¹, М.И. Чернышева «Именования Богородицы в древнерусской письменности»¹².

* * *

Итоговый международный труд «**Лексикология и лексикография славянских языков**» включает фундаментальные исследования, опирающиеся на современные научные достижения. Благодаря теоретической обоснованности, глубине проработки материала и масштабности разноаспектного рассмотрения, а также анализу назревших проблем и формулировке задач, требующих решения, представленные в труде разработки вносят серьезный вклад в развитие современной славянской лексикологии и лексикографии и становятся ориентиром для дальнейших изысканий.

Состав участников

В работе над коллективным международным трудом «Лексикология и лексикография славянских языков» приняли участие три десятка ведущих специалистов в области лексикологии и лексикографии из 11 славянских стран, а также — восемь переводчиков и два редактора-переводчика, осуществивших сложный труд переложения авторских разработок раздела «Историческая лексикология славянских языков» на русский язык, поскольку именно этот раздел в силу назревших проблем более всего нуждается в научном обсуждении.

Структура работы

Работа состоит из трех частей и раздела «Переводы».

Первая часть «Сравнительная лексикография славянских языков» состоит из девяти работ, написанных 12 авторами из восьми славянских стран. Содержание раздела включает: исследование вопросов истории и развития двуязычной лексикографии со славянскими и неславянскими частями (очерки И.С. Гнатюк, И. Крейчиржо-

⁹ Доклады опубликованы в сборнике: Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. Минск: «Четыре четверти», 2017. 596 с.

¹⁰ Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа. Lexicology and Lexicography in the Light of Contemporary Approaches. A Collection of Papers / Уредништво: С. Ристић, И. Лазић, Н. Ивановић. Београд, 2016. 577 с.

¹¹ Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 304 с.

¹² Чернышева М.И. Именования Богородицы в древнерусской письменности. М.: URSS, 2017. 328 с.

вой, Т. Пиотровского, С. Ристич и Н. Ивановича, А. Ярошовой), обсуждение проблем лексической эквивалентности, показанной в разных ракурсах и на различном материале (очерки В.В. Дубичинского, М. Чоролеевой и Ц. Георгиевой, А. Ярошовой), рассмотрение развития современной славянской неографии (в очерке Д. Благоевой) и др. Особое внимание авторы уделяют проблеме межъязыковой омонимии. Обзор вопросов фразеологической, в том числе и авторской, лексикографии представлен в работе И.С. Гнатюк. Жанру авторской лексикографии посвящено исследование, написанное специалистами из двух восточнославянских стран — Л.Л. Шестаковой и В.К. Щербиным, в котором предложен сравнительный анализ структуры и содержания двух словарей, созданных в России и Белоруссии. В нескольких очерках авторы предлагают свое теоретическое видение разрабатываемых проблем. Таким образом, в первой части представлен сопоставительно-контрастивный аспект, основанный на сравнении лексических материалов славянских и неславянских языков, который демонстрирует перспективное направление изучения славянских языков¹³. Недостающий ракурс сравнительно-исторического этимологического анализа восполняет исследование А.К. Шапошникова «Сравнительная лексикография славянских языков» (очерк опубликован в упомянутом выше сербском сборнике¹⁴).

Две части, вторая и третья, посвящены разработке проблем исторической лексикологии славянских и русского языков.

Вторая часть «Историческая лексикология славянских языков» состоит из десяти работ, написанных специалистами из девяти славянских стран. Она строится иначе, чем первая и третья, где имена авторов расположены в алфавитном порядке. Открывает вторую часть очерк В.С. Ефимовой, посвященный проблемам и методам исследований лексикологии старославянского языка. Далее материал расположен в соответствии с алфавитным порядком названий славянских стран.

Третья часть «Историческая лексикология русского языка» состоит из семи работ, написанных восемью авторами из России.

Во второй и третьей частях находятся исследования, которые ориентированы на осмысление проблем и задач развития исторической лексикологии — области, еще только складывающейся в ряде славянских стран.

По первоначальному замыслу предполагалось посвятить очерки, в основном, обзору исследований по исторической лексикологии, однако поставленная задача оказалась достаточно сложной в силу многомерности входящих в нее вопросов (на что справедливо указала в начале своей работы М. Мерше), так что многие авторы — под давлением проблематики — вынуждены были выйти за пределы чисто описательного жанра.

Таким образом, в этих двух частях обсуждаются методы, используемые в исследованиях по исторической лексикологии, и представлено содержание следующих

¹³ В области контактологии продолжает активно работать Й. Айдукович (среди его последних работ: *Ајдуковић Јован*. Руско-инословенска контактолошка истраживања. Руско-инославянские контактологические исследования. Белград: Фото Футура, 2014 — электронное издание: <http://ajdukovicj.narod.ru/AjdukovicRIK12014.pdf>; библиографию его работ см.: *Ајдуковић Јован*. Биобиблиографија са прилозима. Београд: Фото Футура, 2015 — электронное издание: <http://ajdukovicj.narod.ru/JovanCV.pdf>).

¹⁴ *Шапошников А.К.* Сравнительная лексикография славянских языков // Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа. С. 211–221.

параметров этой области языкознания: определение источников, генезис и динамика развития тематических и лексико-семантических групп, история изучения отдельных слов, вопросы исторической семасиологии и закономерности изменения лексико-семантической системы, анализ эволюции сферы употребления лексических средств и их стилистических качеств, характеристика территориального распределения лексики, вклад диалектной лексики и местных лексических особенностей в развитие национального языка и мн. др.

Особо обсуждаются источники пополнения словарного состава в разные исторические периоды развития языка: путем заимствований из разных языков, расширения семантического поля, возникновения новой сочетаемости, развития новых словообразовательных средств и др.; выделяются области появления неологизмов и др.; авторы осмысливают проблемы синонимии, омонимии, полисемии, паронимии и особенности их возникновения и функционирования (см. очерк Б. Тафры), а также демонстрируют явления, характерные для развития и взаимодействия близкородственных языков и диалектов.

Кроме того, в работах исследователей нескольких славянских стран предлагается собственное видение традиционных вопросов развития лексики в древнейших славянских памятниках письменности (см. очерки В.С. Ефимовой, Е. Мирчевой, Л. Макариоски).

Среди множества обсуждаемых проблем и назревших задач — в качестве наиболее актуальной — авторы особо выделяют задачу сбора полной библиографии по исторической лексикологии.

Главной проблемой исторической лексикологии как самостоятельной дисциплины остается нехватка общей методики, о чем напомнил в своем очерке Г.В. Судаков: «Констатируем в качестве проблем современного развития — отставание в разработке методологических и методических вопросов исторической лексикологии, а также отсутствие координации и редкие попытки коллективных исследований». В свое время Ф.П. Филин¹⁵ предложил и опробовал такой метод, когда рассмотрение лексики начинается с праславянского лексического фонда (с опорой на этимологические словари славянских языков). Этот метод по отношению к сербскому языку использован в очерке Р. Драгичевич. Тем не менее, — при всей разнице подходов к описанию и исследованию материала, — объединяющим для всех исследователей был диахронический аспект рассмотрения.

Представленные в коллективном труде работы методологически отличаются друг от друга и имеют разный характер: это и описательные (иногда с ограниченным кругом источников, выбранных для рассмотрения), и обзорные, библиографически ориентированные (очерки М.О. Новак, О.В. Прискоки, Е.И. Якушкиной и др.), иногда с включением элементов конкретных исследований (очерк И.Г. Добродомова); здесь находятся также исследования, имеющие целью показать (в многостороннем рассмотрении) целостную картину развития лексической системы описываемого языка (очерки А. Зайды, М. Мерше, Г.В. Судакова и др.). Интересная картина сложилась в ходе обсуждения одних и тех же вопросов авторами из разных славянских стран (это относит-

¹⁵ *Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка. Проспект. М.: Наука, 1984.

ся, например, к проблеме определения «преславизмов» и «охридизмов», старой лексики и инноваций и др. — см. очерки В.С. Ефимовой, Л. Макариоски и Е. Мирчевой).

Выбранный несколькими авторами аспект рассмотрения показателен для восприятия лексикологии и лексикографии как единой дисциплины (см., к примеру, очерк И. Валентовой); с другой стороны, лексикографическое описание понимается как важнейший метод или условие успешного лексикологического описания. В этом смысле показательно высказывание Е. Мирчевой по отношению к исторической лексикологии болгарского языка: «До сих пор недостаточно специальных исследований, что имеет свое логическое объяснение: в палеославистике источниковедческая, текстологическая, издательская работа находятся на начальном исследовательском этапе, а чтобы иметь ключ к критически обработанному тексту, лексиколог должен опираться на какой-нибудь тип лексикографического оформления. Это принципиальный вопрос, и он касается целого исследовательского поля в области исторической лексикологии».

Что касается третьей части, посвященной вопросам исторической лексикологии русского языка, то можно надеяться, что, благодаря разноаспектности проблемного рассмотрения, представленные работы вносят вклад в изучение данной темы, подготавливая тем самым почву для создания в будущем академической исторической лексикологии русского языка, когда будут учтены многочисленные исследования российских ученых в этой области¹⁶.

В разделе «Переводы» находится семь работ по исторической лексикологии славянских языков, переведенных на русский язык.

* * *

Таким образом, членами Комиссии по лексикологии и лексикографии при МКС и приглашенными к сотрудничеству специалистами создан новый значительный по объему труд, который способствует развитию современной славянской лексикологии и лексикографии.

Авторы несут ответственность за предоставленную информацию.

* * *

В заключение хочу выразить благодарность всем участникам международного коллективного труда «Лексикология и лексикография славянских языков», а также — профессору А. Фаловскому, который внес важный вклад при подготовке польских материалов, сотрудникам отдела исторической лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, оказывавшим поддержку во всех начинаниях, особенно — Л.Ю. Астахиной и секретарю Комиссии по лексикологии и лексикографии А.Е. Соболевой.

*М.И. Чернышева (Россия),
председатель Комиссии по лексикологии
и лексикографии при МКС*

¹⁶ Концепцию «функциональной и генетической классификации лексики языка Древней Руси» см. в работе: Улукханов И.С., Солдатенкова Т.Н. О некоторых перспективах изучения исторической лексикологии русского языка // Russian Linguistics. 2002. Vol. 26. P. 29–62.

Часть 1

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

Проблеми на славянската тълковна неография

1. Въведение

Неографията¹ е сравнително ново направление в славянската лексикография. Неговите основи са поставени в средата на 60-те години на миналия век, когато под ръководството на Н.З. Котелова в Ленинградския отдел на Института за руски език към РАН се пристъпва към съставяне на различни типове лексикографски издания, които да регистрират лексикалните и фразеологичните иновации за определен период и (според първоначалната идея) да служат като основа за допълване на общите тълковни речници на руския език². Може да се каже, че 60-те и 70-те години на ХХ в. отбелязват възникването на неографията като лексикографско направление в световен мащаб, тъй като приблизително по едно и също време тогава са публикувани неологични речници и за редица други езици, сред които английски, френски, немски, японски³.

Особено динамично (макар и с различни темпове за отделните славянски страни) е развитието на славянската неография от края на миналия век насам. Това е отговор на възникналата необходимост от систематизиране и речниково описание на експлозивно протичащите иновации в славянската лексика и фразеология на границата между двата века. За повечето славянски езици (руски, украински, беларуски, чешки, полски, български, сръбски) вече са издадени тълковни неологични речници (в някои случаи повече от един). През този период значително се обогатява и жанровото разнообразие на неографските издания. Освен тълковни речници на новите думи се съставят и двуезични неологични речници (славянско-славянски или с изходен славянски език: руско-чешки, чешко-руски, беларуско-руски, полско-немски, руско-немски), обратни речници на словообразователните неологизми (за руски), речници на авторски неологизми (за руски, украински), преводни речници на авторски неологизми (полско-руски), тълковно-словообразователни речници на оказионализмите (за украински) и пр.

Стремителното развитие на компютърните и езиковите технологии днес налага осъвременяване на неографската (и изобщо – лексикографската) работа чрез въвеждането на нови ресурси, методи и подходи⁴. Все по-активно славянските неолози и неографи се насочват към съвременни форми за събиране, обработка и представяне на

¹ По определението на С.И. Алаторцева неографията е „наука за особеностите на проектирането и съставянето на речници на неологизмите, за спецификите на новата дума и новото съчетание като обекти на такива речници“ (вж.: *Алаторцева С.И.* Проблемы неологии и русская неография: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998. С. 238).

² *Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 5–26.

³ Вж.: *Левашов Е.А.* Словари новых слов (краткий обзор) // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 29; *Алаторцева С.И.* Проблемы неологии и русская неография. С. 190 и цитираната там литература.

⁴ *Благоева Д., Колковска С.* Корпусният подход в българската лексикография – практика и перспективи // Съвременни методи и подходи в лексикографската практика. София, 2011. С. 7–45; *Дмитриев Д.В.* Neologia.Ru: принципи построения интернет-ресурса для коллективной лексикографической работы // Лексикология, лексикография и корпусная лингвистика: Сб. науч. статей. СПб., 2013. С. 99–109; *Буцева Т.Н.* Неологическая служба русского языка // Там же. С. 93–98.

неологичния материал, каквито са например лингвистичните бази от данни. Предлагат се проекти за създаване на база от данни за словообразователните неологизми в украински⁵; на лингвистична база от данни за новата заета лексика в някои славянски езици (руски, чешки, хърватски)⁶; на онлайн база от данни за руската неологична лексика⁷ и др. За целите на руската академична неография е разработено софтуерното средство neoLEX, което представлява интегрирана база от данни и едновременно с това система за търсене на информация⁸. В Института за чешки език е създадена неологичната електронна база *Neomat*⁹ с откъси от текстове, извлечени от различни източници, която е основа както за лексикографска работа, така и за провеждане на теоретични наблюдения върху новата лексика¹⁰.

Нараства също така интересът към онлайн речниците, които са удобна и достъпна форма за лексикографско представяне на лексикалните иновации. Колектив от Варшавския университет разработва проекта *Najnowsze słownictwo polskie*, в рамките на който се създава онлайн речник на думи и фразеологизми, навлезли в полския език след 2000 г.¹¹ Достъпна е (съкратена) онлайн версия¹² на най-представителния досега тълковен неологичен речник на българския език¹³. Оперативна информация за най-новите попълнения в българската лексика предоставя и онлайн речникът *Неолекс*¹⁴, като нов момент в този ресурс е включването на визуални елементи като илюстрация на речниковите тълкувания.

Натрупаният богат опит в лексикографското описание на новата лексика в славянските езици е добра основа за набелязване и анализиране на специфичните теоретични, технологични и други проблеми, свързани с отделните неографски жанрове, както и с прилагането на различни (традиционни и съвременни) форми за обработка и представяне на неологичния материал.

Тук ще насочим вниманието към тълковните речници на неологизмите в славянските езици, като се спрем върху два основни проблема, свързани с тях: **класификация на съществуващите тълковни неологични речници и лексикографска параметризация на съвременните тълковни неологични речници**. По този начин ще се опитаме да открием някои характерни моменти в актуалното състояние на славянската неография.

⁵ Кислюк Л. Подання новотворів у лексичній базі даних // Українське мовознавство. 2013. № 43. С. 27–35.

⁶ Буцева Т.Н., Карева О.М. Новые иноязычные заимствования в славянских языках (параметры описания и систематизация в лингвистической БД) // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium: Сб. науч. трудов по лексикографии. Вып. 12. Харьков, 2011. С. 36–39.

⁷ Дмитриев Д.В. Neologia.Ru: принципы построения интернет-ресурса... С. 99–109; Буцева Т.Н. Неологическая служба русского языка... С. 93–98.

⁸ Карева О.М., Кочнев В.В. Интерактивная база данных «neoLEX»: опыт алгоритмизации лексикографической обработки неологизмов // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). СПб., 2006. С. 68.

⁹ <http://neologismy.cz/>

¹⁰ Golánová H. Novočeský lexikální archiv a excerpce v průběhu let 1911–2011 // Slovo a slovesnost, 2011, № 4. С. 287–300.

¹¹ <http://nowewyrazy.uw.edu.pl/>

¹² <http://ibl.bas.bg/infolex/neologisms.php>

¹³ Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С. Речник на новите думи в българския език (от края на XX и първото десетилетие на XXI в.). София, 2010. 515 с.

¹⁴ <http://ibl.bas.bg/neoalex/bg/>

2. Класификация на тълковните речници на неологизмите в славянските езици

Както посочва Е.А. Левашов за неологичните речници: „Их типология во многом повторяет типологию обычных словарей: словари языка и речи, языка общего и специальные, одноязычные и двуязычные, научные и популярные, нормативные и нет и т. д.“¹⁵ Опит за типологизация на славянските неологични речници въз основа на различни признаци е предложен от Д. Благодеева¹⁶. Класификация на неологичните речници за руския език представят Н.З. Котелова, А.А. Брагина, Т.В. Попова и др.¹⁷, а за украинския език – Е. Карпиловска, О. Тищенко¹⁸.

Тук ще разгледаме само тълковните неологични речници, като ще ги класифицираме въз основа на следните признаци: а) форма на представяне на речника; б) хронологичен обхват на речника; в) тип на включената лексика; г) нормативност/ненормативност.

2.1. Подялба по признака *форма на представяне на речника*

По този признак неологичните (както и останалите) речници се делят на **традиционни (книжни)** и **електронни**. На сегашния етап в славянската лексикография преобладават речниците в традиционната форма на печатно издание (вж. приложения списък Лексикографски и справочни издания). Както беше отбелязано по-горе обаче, развитието на компютърните и информационните технологии дава възможност за въвеждане на нови, по-съвременни форми за лексикографска регистрация на лексикалните иновации. Опитите за създаване на електронни речници засега се ограничават с вече посочените онлайн речници на неологизмите в български и в полски, които са на различен стадий от своето разработване.

Важна задача е изграждането на концепция за нов тип речници на неологизмите в електронна форма, които да отговорят на изискванията и потребностите на съвременните ползватели на лексикографски ресурси.

2.2. Подялба по признака *хронологичен обхват на речника*

Хронологичните граници на лексикографското описание на лексикалните иновации в съществуващите неологични речници на славянските езици се различават значи-

¹⁵ Левашов Е.А. Словари неологизмов XX века: Библиографический указатель // Новые слова и словари новых слов. СПб., 1997. С. 133.

¹⁶ Благодеева Д. К типологии словарей неологизмов славянских языков // Literature, Language and Culture Influenced by Globalization. Vol. 4. Vienna, 2014. С. 3–17.

¹⁷ Котелова Н.З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография. М., 1988. С. 46–63; Брагина А.А. Рецензия на «Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1988» / Под ред. Е.А. Левашова. РАН, Институт лингвистических исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 420 с. // НДВШ. Филологические науки. 1997. № 2. С. 111–115; Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гуцунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. М., 2005. С. 117–120.

¹⁸ Карпиловська Є. Сучасна українська словотворчість та її відображення в неологічних словниках // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. 2004. Вип. 34. Ч. I. С. 4; Тищенко О. Нові й актуалізовані слова та значення (словникові матеріали) у контексті сучасних неословників // Українська мова. 2011. № 1. С. 55–68.

телно¹⁹. Отражаваният в отделните издания период варира от една година до няколко десетилетия, като се уточнява (често и в самото заглавие на труда) чрез началната и крайната му граница (например „за периода 1998–2003“) или пък с по-обща формулировка (например „от края на ХХ и началото на ХХІ в.“).

Е.А. Левашов посочва три възможни подхода при избора на хронологичната рамка на лексикографското описание: да се вземе произволен отрязък от миналото или настоящето; границите да се установят от специалистите неографи (въз основа на преценка на степента на обновяване на речниковия състав в даден период); да се изследват еднакви по големина последователни отрязъци от време²⁰.

Последният подход се прилага активно преди всичко в руската академична неография, като се следва приетата още през 60-те години концепция за системност при създаване на три типа неографски издания: бюлетини с речникови материали (отразяващи едногодишен период), справочници (отразяващи десетгодишен период) и речници (отразяващи период от три десетилетия)²¹. Тази концепция се основава върху предложената от Н.З. Котелова конкретно-историческа теория за същността на неологизмите²², в която се постулират няколко стадия в развитието на новата дума: начало на функционирането (в рамките на едногодишен период), стабилизация (в рамките на десетгодишен период) и закрепване в езиковата система (в рамките на период от няколко десетилетия).

Като отбелязва В.А. Ефремов обаче, класическата система от три типа неологични речници днес губи актуалност²³. Една от причините за това може да се търси в променените условия, при които функционират славянските езици в най-новия период. Процесите на неологизация са подчертано динамични, етапите, през които преминава новата лексика в своето развитие – възникване, актуализация, стабилизация и закрепване в системата – са значително ускорени и в редица случаи протичат почти едновременно. Вече далеч не са необходими десетилетия за утвърждаване на неологизмите. Някои от тях почти веднага след появата си се актуализират, усвояват се от широки кръгове от обществото и губят признака си „новост“. Така например редица хронологично нови думи в българския език като *банкомат*, *еврокомисар*, *екоактивист*, *генномодифициран*, *пинкод* и пр. вече са станали част от лексикалната система и дори са кодифицирани в общите тълковни речници. Подобни примери може да се посочат и за останалите славянски езици.

Въз основа на признака хронологичен обхват славянските неологични речници се разпределят в следните групи:

¹⁹ Както отбелязва Е.В. Левашов, твърде разнородна е практиката и в световната лексикография. Представени са трудове, отразяващи лексикалните нововъведения в определени езици за различни по продължителност периоди: от една година (и дори от няколко месеца) до цял век. (Вж.: *Левашов Е.А.* О хронологических границах словарей неологизмов // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований.* СПб., 2012. Т. VIII. № 3. С. 311–312).

²⁰ *Левашов Е.А.* О хронологических границах словарей неологизмов... С. 311–312.

²¹ Вж. подробно: *Алаторцева С.И.* Проблемы неологии и русская неография; *Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В.* Неология и неография современного русского языка и др.

²² *Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов. С. 5–26.

²³ *Ефремов В.А.* Современная академическая неография: проблемы и перспективы // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета.* 2014. № 3 (19). С. 19.

2.2.1. Издания с хронологичен обхват от една година. Изданията от този тип представляват бюлетини с речникови материали, в които се регистрират лексикални нововъведения, извлечени чрез пълно или частично обследване на периодични издания и литературни произведения, публикувани през конкретна година. Характерни са преди всичко за руската и украинската неографска школа, срв. съответно свезките (т. нар. „словари-ежегодници“) от серията *Новое в русской лексике. Словарные материалы* (за руски)²⁴ и някои части от серията *Лексико-словотвірні інновації* с автор (или съавтор) А. Нелюба (за украински)²⁵.

2.2.2. Издания с хронологичен обхват между две и десет години. Към тази група се отнасят: в руската лексикография т.нар. „словари-десятилетници“ (четири издания от серията *Новые слова и значения*²⁶); в чешката – двутомното издание *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů* и *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 2*²⁷; в украинската – някои издания от серията *Лексико-словотвірні інновації*²⁸, справочникът *Нові й актуалізовані слова та значення: словникові матеріали (2002–2010)*²⁹ и изданията *Нове в українській лексиці*³⁰, *Словник новотворів української мови кінця 80-х – початку 90-х рр. ХХ ст.*³¹, *Словник новотворів української мови кінця ХХ століття*³², *Словник новотворів української мови початку ХХІ століття*³³; в българската – *Речник на новите думи в съвременния български език*³⁴ и *Неологичен речник (за периода 1998–2003)*³⁵.

2.2.3. Издания с хронологичен обхват между едно и три десетилетия. Тук се причисляват украинските издания *Лексико-словотвірні інновації (1983–2003)*³⁶, *Словотворчість незалежної України (1991–2011)*³⁷, обхващащи 20-годишен период (уточ-

²⁴ Вж. библиографското описание на серията по-долу в списъка Лексикографски и справочни издания.

²⁵ Лексико-словотвірні інновації (2007). Словник / За ред. А. Нелюби. Харків, 2009.

²⁶ Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. М., 1970; Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984; Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг. / Под ред. Е.А. Левашова. СПб., 1997; Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. / Под ред. Т.Н. Буцовой (отв. редактор), Е.А. Левашова, Ю.Ф. Денисенко. Т. 1–3. СПб., 2009–2014.

²⁷ *Martincová O. a kol. Nová slova v češtině. Slovník neologizmů*. Praha, 1998; *Martincová O. a kol. Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 2*. Praha, 2003.

²⁸ *Нелюба А., Нелюба С. Лексико-словотвірні інновації (2004–2006)*. Словник. Харків, 2007; *Нелюба А.М. Лексико-словотвірні інновації (2008–2009)*. Словник. Харків, 2010; *Нелюба А.М. Лексико-словотвірні інновації (2010–2011)*. Словник. Харків, 2012; *Нелюба А.М., Редько Э. Лексико-словотвірні інновації (2012–2013)*. Словник. Харків, 2014.

²⁹ *Балог В.О., Лозова Н.Э., Тименко Л.О., Тищенко О.М. Нові й актуалізовані слова та значення: словникові матеріали (2002–2010)*. Київ, 2010.

³⁰ *Мазурик Д. Нове в українській лексиці*. Львів, 2002.

³¹ *Віняр Г.М., Шпачук Л.Р. Словник новотворів української мови кінця 80-х – початку 90-х рр. ХХ ст. Кривий Ріг, 2000.*

³² *Віняр Г.М., Шпачук Л.Р. Словник новотворів української мови кінця ХХ століття. Вип. 2. Кривий Ріг, 2002.*

³³ *Віняр Г.М., Шпачук Л.Р. Словник новотворів української мови початку ХХІ століття. Кривий Ріг, 2005.*

³⁴ *Бонджолова В., Петкова А. Речник на новите думи в съвременния български език*. В. Търново, 1999.

³⁵ *Бонджолова В. Неологичен речник (за периода 1998–2003)*. В. Търново, 2003.

³⁶ *Нелюба А.М. Лексико-словотвірні інновації (1983–2003)*. Словник. Харків, 2004.

³⁷ *Нелюба А.М. Словотворчість незалежної України (1991–2011)*. Словник. Харків, 2012.

нен в заглавието на изданието), руският речник *Словарь новых слов русского языка*³⁸, който описва 30-годишен период (от средата на 50-те до средата на 80-те години на ХХ в.), полският речник *Słowa, słowa... Czy je znasz?*³⁹ с хронологичен обхват от две десетилетия (90-те години на ХХ в. и първото десетилетие на ХХІ в.), както и *Речник на новите думи и значения в българския език*⁴⁰, отразяващ лексикалните иновации в български от края на 80-те години до 2001 г. Условно към тази група отнасяме и издания, в които обхващаният хронологичен срез е определен най-общо като „в края на ХХ и началото на ХХІ в.“, без да е посочена конкретна начална и крайна граница. Това са българският *Речник на новите думи в българския език*⁴¹, украинският речник *Нові слова та значення*⁴², както и беларуският *Слоўнік новых слоў беларускай мовы*⁴³.

2.2.4. Издания с хронологичен обхват от над три десетилетия. Повече от тридесет години включват хронологичните граници на сръбският речник *Нови речник нових речи*⁴⁴, който отразява лексиката, навлязла в сръбския език в периода след Втората световна война.

2.2.5. Издания с неясен хронологичен обхват. Съществуват и речници, в които времевите граници не са уточнени. Такива са сръбският *Речник нових речи*⁴⁵ и българският справочник *Нови и най-нови думи*⁴⁶.

Както се вижда, в повечето случаи тълковните речници на неологизмите в славянските езици имат хронологичен обхват до три десетилетия. Застъпени са и трите описани от Е.А. Левашов подхода при избора на хронологичните граници на лексикографското описание. В най-новия период (от края на ХХ в. насам), характеризиращ се с повишена неогенност, изборът на хронологичен обхват е предимно прагматично обусловен, като обикновено авторите се насочват към най-близкия предходен времеви отрязък. За много от езиците (руски, украински и др.) се създават неологични серии или поредици, като хронологичният обхват на последователните издания може да е равномерно по големина или да варира.

2.3. Подялба по признака тип на включената лексика

2.3.1. От една страна, по този признак неологичните речници се поделят на **общи**, отразяващи различни типове неологични единици: лексикални неологизми, неосемантизми, нови фразеологизми, нови устойчиви съчетания с нефразеологичен характер, нови абривиатури; и **частни (аспектни)**, включващи само един тип неологични единици. По-голямата част от разгледаните в раздел 2.2. лексикографски издания се причис-

³⁸ Словарь новых слов русского языка (середица 50-х – середица 80-х годов) / Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995.

³⁹ Słowa, słowa... Czy je znasz? / Pod red. Teresy Smółkowej. Kraków, 2013.

⁴⁰ *Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С.* Речник на новите думи и значения в българския език. София, 2001.

⁴¹ *Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С.* Речник на новите думи в българския език (от края на ХХ и първото десетилетие на ХХІ в.). София, 2010.

⁴² *Туровська Л.В., Василькова Л.М.* Нові слова та значення. Київ, 2009.

⁴³ *Уласевіч В.І., Даўгулевіч Н.М.* Слоўнік новых слоў беларускай мовы. Мінск, 2009.

⁴⁴ *Тирилов Ј.* Нови речник нових речи. Речи, изрази и значења преузети из других језика или настали у српскохрватском језику после Другог светског рата. Београд, 1991.

⁴⁵ *Клајн И.* Речник нових речи. Нови Сад, 1992.

⁴⁶ *Антонов Н.* Речник нови и нај-нови думи. София, 1994.

ляват към общите неологични речници. Като изключение може да се посочат серията от речници с автор (или съавтор) А. Нелюба за украинския език, чиято концепция предвижда отразяването само на словообразователни неологизми.

Към групата на частните неологични речници се причисляват също: речник на новите англицизми в сръбски⁴⁷, речник на новата лексика от чужд произход в руски⁴⁸, речник на нови абривиатури и съкращения в руски⁴⁹, речник на новите устойчиви съчетания в полски⁵⁰, речник на глаголните иновации в украински⁵¹.

2.3.2. От друга страна, класификацията на славянските неологични речници следва да отчита характера на включената лексика по признака узуалност/неузуалност (принадлежност към езика/принадлежност към речта). Във връзка с това се обособяват 4 групи речници:

а) речници, включващи само узуална и интегрирана в езиковата система нова лексика. В този случай акцентът се поставя върху нормативния аспект на лексикографското издание. Речниците от този тип са малко на брой. Тук се отнася преди всичко *Словарь новых слов русского языка*⁵², в който са представени стабилизиралите се в езиковата система на руския език лексикални иновации за периода от средата на 50-те до средата на 80-те години. Към описание на утвърдена нова лексика е насочен и украинският речник *Нові слова та значення*⁵³.

б) речници, включващи узуална и потенциално узуална нова лексика. Към тази група се отнасят двата академични речника на новите думи в български⁵⁴, двутомният чешки академичен неологичен речник⁵⁵, полският академичен неологичен речник⁵⁶, както и речникът на неологизмите в беларуски⁵⁷. В чешкия речник се допускат изключения от принципа за отразяване на (потенциално) узуална нова лексика, като се включват и отделни оказионални образувания (придружени със съответния квалификатор).

в) речници, включващи много широк кръг лексикални нововъведения (узуална и потенциално узуална нова лексика, оказионализми, индивидуално-авторски образувания). Такъв тип лексика регистрират бюлетините с речникови материала-

⁴⁷ *Vasić V., Průh T., Hajgebauer G.* Du you speak anglosrpski? Rečnik novijih anglicizama. Нови сад, 2001.

⁴⁸ *Комлев Н.Г.* Словарь новых иностранных слов М., 1995.

⁴⁹ *Новичков Н.Н.* Словарь современных русских сокращений и аббревиатур. М., 1995.

⁵⁰ *Nowakowska B.* Nowe połączenia wyrazowe we współczesnej polszczyźnie. Kraków, 2010–2013.

⁵¹ *Карп'юк М.Д.* Словник дієслівних інновацій. Т. 1. Переяслав-Хмельницький, 1996. 207 с.

⁵² *Словарь новых слов русского языка (середица 50-х – середица 80-х годов) / Под ред. Н.З. Котеловой.* СПб., 1995.

⁵³ *Туровська Л.В., Василькова Л.М.* Нові слова та значення. Київ, 2009. Както се посочва в публикувани за труда рецензии обаче, този принцип не е прокаран последователно и в речника присъстват също оказионализми и авторски новообразувания. (Вж.: *Данильчук Д.* Рецензия на видання: Нові слова та значення: словник / Інститут української мови НАН Укрїани; уклали Л.В. Туровська, Л.М. Василькова. Київ: Довіра, 2009. – 271 с. – (Словники України) // Стиль і текст: науковий збірник. Київ, 2009. Вип. 10. С. 240.)

⁵⁴ *Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С.* Речник на новите думи и значения в българския език. София, 2001; *Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С.* Речник на новите думи в българския език (от края на ХХ и първото десетилетие на ХХІ в.). София, 2010.

⁵⁵ *Martincová O. a kol.* Nová slova v češtině. Slovník neologizmů. Praha, 1998; *Martincová O. a kol.* Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 2. Praha, 2003.

⁵⁶ *Słowa, słowa... Czy je znasz? / Pod red. Teresy Smółkowej.* Kraków, 2013.

⁵⁷ *Уласевич В.І., Даўгулевіч Н.М.* Слоўнік новых слоў беларускай мовы. Мінск, 2009.

ли от руската серия *Новое в русской лексике*⁵⁸, от полската серия *Nowe słownictwo polskie*⁵⁹, украинското издание с речникови материали *Нові й актуалізовані слова та значення: словникові матеріали (2002–2010)*⁶⁰, както и неографската поредица за украинския език с автор (или съавтор) А. Нелюба⁶¹.

г) речници, включващи само оказинални образувания. За украинския език е съставен специален речник на оказинализмите: *Тлумачно-словотвірний словник оказиналізмів*⁶². Той има хибриден характер и съчетава принципите на тълковен и на словообразователен речник.

Към тази група може да се отнесат и тълковните речници на индивидуално-авторските образувания (т.нар. поетични неологизми), характерни за идиостила на конкретен писател или поет. Тези речници съставляват един от специфичните жанрове на авторската лексикография и във връзка с това следва да са предмет на специален анализ. Тук те няма да бъдат разглеждани.

2.4. Подялба по признака *нормативност/ненормативност*

Тази подялба закономерно е тясно свързана с представените в раздел 2.3.2. типове речници, тъй като нормативният или ненормативният характер на конкретното издание се определя до голяма степен от типа на включваната в него лексика по параметъра узуалност/неузуалност. Очевидно единствено тип **а)** от описаните по-горе неологични речници (т.е. тези, съдържащи само нова лексика, която вече е усвоена от езиковата система) имат изцяло нормативен характер. Както беше отбелязано, с декларирана нормативна насоченост е *Словарь новых слов русского языка*, замислен да служи като допълнение към общите тълковни речници на руския език.

Преобладаващата част от съществуващите славянски неологични речници не преследват нормативни цели. Изданията от група **в)** и **г)** (вж. раздел 2.3.2.) са от справочен тип и не претендират за нормативност, а тези от група **б)** са дескриптивни, но е възможно да отразяват и някои аспекти на нормативна дейност, т.е. да имат и частично нормативен характер.

Въпросът за нормативността при лексикографското описание на новите думи е сложен⁶³ и се нуждае от специално изследване. В практиката са представени различни подходи. В началния период от развитието на руската неография например целенасочено е търсен баланс между нормативната и справочната насоченост на неографските издания, във връзка с което регистрираната в източниците жаргонна или стилистично снижена нова лексика не намира място в речниците. Впоследствие се отбелязва известна еволюция във възгледите на руските неографи, което води до частично отстъпление от този подход⁶⁴.

⁵⁸ Вж. по-долу приложения списък Лексикографски и справочни издания.

⁵⁹ Вж. по-долу приложения списък Лексикографски и справочни издания.

⁶⁰ *Балог В.О., Лозова Н.Э., Тименко Л.О., Тищенко О.М.* Нові й актуалізовані слова та значення: словникові матеріали (2002–2010). Київ, 2010.

⁶¹ Вж. по-долу приложения списък Лексикографски и справочни издания.

⁶² *Колоїз Ж.* Тлумачно-словотвірний словник оказиналізмів. Кривий Ріг, 2003.

⁶³ *Котелова Н.З.* Предисловие // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1984.

⁶⁴ По този въпрос Н.З. Котелова отбелязва: „Не всегда легко было сочетать научный и нормативный

В съвременния етап съставянето на изцяло нормативни неологични речници е трудно постижимо и едва ли е целесъобразно. От една страна, изключването от лексикографското описание на лексикалните иновации с нулева или ниска степен на узуализация неизбежно би обеднило и стеснило представяната картина на актуалните лексикални промени (неузуалната лексика също е показателна за някои характерни развойни тенденции). От друга страна, при лексикографското отразяване на неологизмите от значение е оперативността, а подготовката на нормативен неологичен речник по правило изисква значителна хронологична дистанция, за да може да се подберат само лексикалните нововъведения, които, образно казано, са издържали проверката на времето⁶⁵.

Това, разбира се, не означава, че при лексикографското описание на новата лексика нормативността трябва да бъде пренебрегвана. Уместно е съставянето на неологични речници с частично нормативен характер, в които да се прилагат такива аспекти на нормативна дейност като преценка на функционалната целесъобразност на заемките, определяне на основен (препоръчителен) вариант в случаите на фонетично, графично или морфологично вариране и пр.

* * *

Представената класификация на неологичните речници на славянските езици очертава твърде разнообразна картина в използваните подходи при лексикографското описание на новата лексика, в принципите за подбор на словника, в хронологичния обхват на изданията. Налице са и определени концептуални специфики, произтичащи от традициите в съответните национални лексикографии. Открояват се също така някои положения (например въпросът за нормативността в неографската дейност), по отношение на които вижданията претърпяват еволюция с течение на времето.

За краткото време от края на миналия век насам славянската неография отбелязва съществени постижения. Показателен е стремежът на славянските неографи за пълно и системно описание на лексикалните иновации, за тяхното оперативно проследяване и регистриране чрез създаването на поредици или серии от речници и справочници, покриващи последователни хронологични отрязъци.

Прави впечатление, че традиционната книжна форма на съществуване на речника все още е предпочитана в славянската неография. Въпреки убеждението, че бъдещето принадлежи на електронните речници, очевидно на този етап съществуват технологични трудности за преминаване към електронна форма на представяне на речниково-то съдържание.

аспекты словаря: объективное отражение того, что есть в материалах прессы и литературы (необходимое для научного осмысления фактически действующих тенденций и процессов), и рекомендации «правильного», нормативного, тем более что это «правильное» подчас еще не выкристаллизовалось, не стало эксплицитным» (вж.: *Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов. С. 11).

⁶⁵ Известно е, че неологичната лексика е подчертано динамичен и неустойчив пласт и единиците в него са твърде разнородни по степен на утвърденост. Освен това узуалността понякога може да се окаже само временно явление. Такъв е случаят например с думата *мобифон* в българския език, която още с навлизането си през 90-те години на миналия век се утвърди и придоби узуален характер (включена е и в том 9 на многотомния академичен *Речник на българския език*). Днес обаче, със смяната на технологиите, тя вече е почти забравена (може би същата съдба очаква след известно време и дошлата на нейно място заемка *джиесем*).

3. Лексикографска параметризация на съвременните тълковни речници на неологизмите в славянските езици

Тук ще направим сравнителен преглед на три съвременни тълковни неологични речника: българския *Речник на новите думи в българския език (от края на XX и първото десетилетие на XXI в.)*⁶⁶ (по-нататък за този речник използваме съкращението РНД), полския *Słowa, słowa... Czy je znasz?*⁶⁷ (по-нататък – SS) и руския *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг.*⁶⁸ (по-нататък – НСЗ). Хронологичният обхват на тези речници, макар и да не съвпада напълно, се припокрива – и трите речника отразяват нова лексика от 90-те години на XX в. Българският и полският речник, за разлика от НСЗ, включват и лексикални иновации от първото десетилетие на XXI в., но за целите на нашето изследване това различие не е съществено.

Изборът на посочените речници е мотивиран от обстоятелството, че те представят съответно южнославянската, западнославянската и източнославянската академична неографска практика, издадени са през последните няколко години и отразяват актуалното състояние на славянската неография.

Цел на изследването е да се опишат в сравнителен план типът на включената лексикографска информация и начините за нейното представяне. Като основа (*tertium comparationis*) за анализа приемаме корпус от лексикографски параметри⁶⁹. Не се цели провеждане на цялостна лексикографска параметризация на разглежданите трудове (това е задача за отделно по-обхватно проучване), затова вниманието ще бъде насочено към някои основни вътрешни лексикографски параметри, които са показателни за следваната лексикографска концепция. Несъществени за целите на изследването са например такива параметри като *автори на речника*, *обем на речника*, *обем на словника* и пр., поради което те няма да бъдат вземани предвид. Освен това особености, които са коментирани по-горе при класифицирането на неографските трудове в раздел 2. (например въпросът за типа на включената лексика), няма да бъдат засягани.

3.1. Същност на понятието лексикографски параметър

Идеята за лексикографските параметри възниква в общата лексикография във връзка с опитите за създаване на типология на речниците. Различни същностни характеристики на речниците (невинаги означавани с термина параметри), които може да бъдат използвани за типологизирането на лексикографските трудове, формулират по различно време автори като Л.В. Щерба, Л. Згуста, Ж. Ре-Дебов и др.⁷⁰

⁶⁶ Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С. Речник на новите думи в българския език (от края на XX и първото десетилетие на XXI в.). София, 2010.

⁶⁷ Słowa, słowa... Czy je znasz? / Pod red. Teresy Smółkowej. Kraków, 2013.

⁶⁸ Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. / Под ред. Т.Н. Буцевой (отв. редактор), Е.А. Левашова, Ю.Ф. Денисенко. Т. 1–3. СПб., 2009–2014.

⁶⁹ За лексикографските параметри като *tertium comparationis* за сравнителното описание на речниците (в частност – двуезичните) вж. Литовска А. Русско-болгарская лексикография: Традиции и тенденции. София, 2009. С. 46.

⁷⁰ Вж.: Гринева-Гринева С.В. Введение в терминоведение. М., 2009. С. 219, както и цитираната там литература.

Според теорията на руския учен Ю.Н. Караулов лексикографският параметър отразява минималната единица езикова информация (или параметър на езиковата структура), която намира отражение в речниците и чрез която може да се извърши класификация на лексикографската информация⁷¹. Авторът дава следната дефиниция за това понятие: „под параметром понимается некоторый квант информации о языковой структуре, который в экстремальном случае может представлять для пользователя самостоятельный интерес, но, как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами) и находит специфическое выражение в словарях; иными словами – это особое словарное представление структурных черт языка“⁷². Според Ю.Н. Караулов типът на речника представлява съчетание на определени параметри, т.е. изчисляване на лексикографските възможности⁷³.

Може да се каже, че в съвременната лексикография понятието лексикографски параметър има по-широк смисъл и обема не само квантовете представена в речника информация за езиковата структура, за които говори Ю.Н. Караулов, но и определени същностни характеристики на речника като специфичен лингвистичен продукт (например тип на речника, обем на словника и пр.), както и допълнителни данни, идентифициращи конкретното речниково произведение (например автори, година на издаване, брой страници, приложения към словника и пр.). Според С.В. Гринев-Гриневич: „Создание типологии словарей предполагает выделение определенных лексикографических характеристик, **параметров**, служащих основаниями для классификации, описания и оценки словарей, а также их проектирования. Выделение таких параметров дает возможность и формализации, и некоторого упрощения технологии создания словарей и унификации их композиционных средств. Такая унификация облегчает пользователям переход от одного словаря к другому, является одним из условий автоматизации процесса подготовки и издания словарей, позволяет автору – ученому, специалисту – облегчить процесс подготовки словаря и повысить его качество“⁷⁴.

В научната литература има различни виждания относно типовете лексикографски параметри. Б.Ю. Городецки обособява вътрешни параметри (например единици на описанието, основни свойства на метаязика, обем, структура, видове речникова информация) и външни параметри (например предназначение на речника, кръг от потребителите, начини на използване, информационна област)⁷⁵. А. Липовска разглежда три типа лексикографски параметри: собствено лингвистични (правопис, принадлежност към част на речта и пр.), екстралингвистични (енциклопедична информация, небуквена информация и пр.), служебни (допълнителни бележки и др.)⁷⁶. Предложената от С.В. Гринев-Гриневич (за целите на терминографията) типология включва: параметри, свързани с авторските цели (предметна ориентация на речника, сфера на приложение, читателски адрес, дескрипционна ориентация, функция, обем, принципи за подбор на лексиката и др.), параметри на макрокомпозицията (принцип за представяне на лекси-

⁷¹ Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981. С. 44.

⁷² Пак там. С. 51.

⁷³ Пак там. С. 45.

⁷⁴ Гринев-Гриневич С.В. Введение в терминоведение. С. 218.

⁷⁵ Городецкий Б.Ю. Проблемы и методы лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1983. С. 11.

⁷⁶ Липовска А. Русско-болгарская лексикография: Традиции и тенденции. София, 2009. С. 46.

ката, състав на основните части на речника, представяне на терминологичните съчетания и многозначната лексика), параметри на микрокомпозицията (регистрационни, формални, етимологични, атрибутивни, интерпретационни, асоциативни, прагматични, илюстративни, микроструктурни). Изхождайки от типологията на С.В. Гринев-Гриневич и някои други учени, българската изследователка М. Попова дефинира три типа лексикографски параметри, приложими в терминографията: параметри на макроструктурата, параметри на микроструктурата, параметри едновременно и на макроструктурата, и на микроструктурата, като представя детайлна класификация на параметрите от отделните типове⁷⁷.

Различни са вижданията и за броя на параметрите. Ю.Н. Караулов обособява 67 параметъра, предназначени за анализ на тълковните речници за целите на лингвистичното конструиране⁷⁸. А. Липовска обособява корпус от 60 параметъра, който прилага за описание на съществуващите българско-руски и руско-български двуезични речници⁷⁹. М. Попова формулира 23 терминографски параметъра⁸⁰.

Днес лексикографската параметризация се превръща в основен метод за речниково описание, при това не само по отношение на тълковните речници, но и на терминологичните, двуезичните и др. Тя е приложима и за неологичните речници⁸¹.

3.2. Сравнителен анализ

3.2.1. Дефиниране на корпуса от лексикографски параметри. За целите на представяното изследване ще използваме специално дефиниран от нас работен корпус от лексикографски параметри, който далеч не изчерпва всички възможни същностни характеристики на неологичните речници, но дава възможност да се открият спецификите им по отношение на типа включена информация и начините за нейното организиране и представяне. Тъй като не се цели пълна параметризация на разглежданите неологични трудове, не представяме пълен списък на възможните лексикографски параметри. За съставянето на корпуса са използвани и някои от постановките на С.В. Гринев-Гриневич и М. Попова. Освен с термина лексикографски параметър (в изяснения по-горе смисъл) ще си служим и с термина подпараметър, предложен във вече цитираното изследване на М. Попова.

Използваният корпус включва четири типа параметри:

- 1) **параметри на макроструктурата:** специални знаци и съкращения; източници на илюстративен материал; източници на сведения за лексикографска регистрация;
- 2) **параметри на медиоструктурата:** начин за организация на материала; тип на речниковата единица (заглавката);
- 3) **параметри на микроструктурата:** състав на речниковата единица (заглавката) (с подпараметри: проста заглавка, съставна заглавка); формалноезиков (с подпараме-

⁷⁷ Попова М. Терминографски параметри // За словото – нови търсения и подходи. Юбилеен сборник в чест на чл.-кор. проф. д.ф.н. Е. Пернишка. София, 2016. С. 213–221.

⁷⁸ Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981. С. 44.

⁷⁹ Липовска А. Русско-болгарская лексикография: Традиции и тенденции. С. 45–46.

⁸⁰ Попова М. Терминографски параметри.

⁸¹ Вж. например за украинските речници: Максимчук В.В. Лексикографическая параметризация украинских толковых словарей неологизмов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. 4 (25). С. 208–213.

три: графичен, произносителен, формална вариантност); граматичен (с подпараметри: принадлежност към част на речта, формоизменение, транспозиция); функционално-стилистичен; нормативен; интерпретационен (с подпараметри: тип на лексикографската дефиниция, вариране на значението); идиоматичен; илюстративен; словообразователен; етимологичен; регистрационен; хронологичен; честотен; енциклопедичен; библиографски);

4) **параметри едновременно на медиоструктурата и на микроструктурата:** система за препратки.

3.2.2. Анализ по параметри на макроструктурата

Параметър специални знаци и съкращения. Представен е и в трите разглеждани речника.

РНД съдържа списък със съкращения на лексикографски бележки и някои думи, използвани в статиите; списък с условни знаци (например * за посочване на позната от предходен период дума с ново значение, // за посочване на отсянка в значението, Δ за посочване на терминологично съчетание).

В SS е представен списък на символи и съкращения, използвани в речниковите статии (например * neosemantyzm, ** zmiana zakresu, • homonym, ◇ frazeologizm, Δ zestawienie wyrazowe, / wariant słowotwórczy, // wariant ortograficzny, ~ wyraz bliskoznaczny, = dokładne tłumaczenie z języka obcego).

НСЗ включва списък със съкращения на лексикографски бележки и на някои думи, използвани в статиите.

Параметър източници на илюстративен материал. И трите речника съдържат списък с източниците, от които е извлечен илюстративния материал, и техните съкращения.

Параметър източници на сведения за лексикографска регистрация. Присъства в SS и НСЗ: включени са списъци с речници, в които са открити регистрации на думи от словника на неологичния речник. За РНД параметърът не е релевантен, тъй като регистрационен параметър не е приложен (вж. по-долу).

3.2.3. Анализ по параметри на медиоструктурата

Параметър начин за организация на материала. И в трите речника речниковата информация е структурирана в речникови статии, подредени по азбучен ред на речниковата единица (заглавката).

В РНД и НСЗ е избран традиционният начин за организация на материала, като всяка речникова единица е представена в отделна речникова статия (която може да включва една или повече подзаглавки).

За разлика от това в SS е приложен гнездови принцип на организация по формално-семантични признаци. Там, където е релевантно, в една речникова статия се представят (като елементи от съставна заглавка, вж. по-долу) различни единици, които са свързани помежду си по словообразователен, семантичен, формален или друг признак като: словообразователна вариантност⁸² (deskorolkarz / deskorolkowicz / deskorolkowiec;

⁸² Според концепцията на авторите проява на словообразователно вариране е не само употребата на различни префиксални и афиксални форманти и други словообразователни средства (impreza ... / imprezka ... / impreza; lanserstwo ... / lans ... / lanserka), но и промяната в състава и формата на устойчиви

digitalny ... / digitalowy), синонимия и близкочастотност (cyberterroryzm ~ cyberprzestępcstwo; lewar ... ~ Δ dźwignia finansowa), графична вариантност (flyers // flayers // flajers), семантично равенство между домашна дума и заемка вследствие на калкиране на чуждоезиковия прототип (bookcrossing = książkokrażenie). При съставна заглавка за основна се приема една от единиците в нея (която е с най-широка употреба), като тя се поставя на първо място в зоната на заглавката и според нея се определя азбучният ред на речниковата статия в структурата на речника.

Параметър тип на речниковата единица. Обща особеност за трите речника е, че в словника им се включват речникови единици (заглавки) от следните типове:

– нови лексеми (словообразователни неологизми или заемки) (РНД: блог, валентинка, винетка, мрежовик, спот; SS: charyzma, ciastolina, drajwer, ekologista; НСЗ: кроссовер, кутюрност, работохолик, радиийщик, сериализация)⁸³;

– думи от съществуващия речников състав, при които са се развили нови значения (РНД: *българизирам, *демонтаж, *лекувам; SS: drenować *, fala *, jastrząb *; НСЗ: пятизвездный*, радио*, самиздат*)⁸⁴;

– съставни части на сложни думи (РНД: денс-, етно-, -мания; SS: łże-, mega-; НСЗ: клип..., промо..., нью..., спид..., фан...);

– съставни части на сложни думи от съществуващия речников състав, при които са се развили нови значения (РНД: еко-, био-; SS: bio- *; НСЗ: секс*...);

– думи от съществуващия речников състав, които участват като компоненти в нови устойчиви съчетания с нефразеологичен характер (РНД: глобален Δ Глобалната мрежа, мръсен Δ Мръсна бомба, оазис Δ Данъчен оазис; SS: lekarz Δ lekarz pierwszego kontaktu, nośnik Δ nośnik cyfrowy, ręcznik Δ papierowy ręcznik; НСЗ: отпуск* ... Принудительный неоплачиваемый отпуск, паркетный* ... Паркетный внедорожник, парфюмированный* ... Парфюмированная вода);

– думи от съществуващия речников състав, които участват като компоненти в нови фразеологизми (РНД: палачинка ◇ Обръщам / обърна палачинката, чадър ◇ Издигам / издигна <някакъв> чадър; SS: jeść ◇ z czym to się je, kreska ◇ gruba kreska, łowca ◇ łowca skór; НСЗ: нога* ... (Лево́й) ногой (ногами) открывать дверь (двери); пике* ... Войти (сорваться) в пике, раздача* ... Попасть (попадать) под раздачу).

Само в полския и руския речник се включват като речникови единици също абривиатури и акроними (SS: CBA, CBS, IRC, ISDN, REGON; НСЗ: ОПТ, НФЛ, ПВН, РУ-БОП, СБ).

Само в РНД присъстват като заглавки отделни представки (например *ко-*, *ре-*, *про-*), които са познати в езика, но в съвременния период показват активност при производството на серии нови думи или пък разширяват дистрибуцията си.

съчетания (Δ podatek Belki / belkowe; biznespark / Δ park biznesowy / Δ park biznesu; audiotele / Δ konkurs audiotele; książka audio / audioksiążka). (Вж.: Słowa, słowa... Czy je znasz? С. 6).

⁸³ Тук и по-долу в привежданите примери за улеснение не се предават ударенията на думите, както и шрифтовото отделяне на елементи от речниковата статия.

⁸⁴ Както се вижда, и в трите речника такива заглавки се маркират с графичен знак *, но в различна позиция.

3.2.4. Анализ по параметри на микроструктурата

Параметър *състав на речниковата единица*

а) Подпараметър проста заглавка. Като прости определяме заглавки, които включват една отделна дума, абривиатура или съставна част на дума. Параметърът е представен и в трите речника (вж. по-горе примерите, илюстриращи приложението на параметъра *тип на речниковата единица*).

б) Подпараметър *съставна заглавка*. Като съставни разглеждаме заглавките, състоящи се от две или повече единици (лексеми, неосемантизми, устойчиви съчетания, фразеологизми, абривиатури), които се съотнасят помежду си по определени формални или семантични признаци. Съставни заглавки съдържат полският и руският речник, в РНД подпараметърът не е приложен.

Подпараметърът *съставна заглавка* е застъпен особено широко в SS, което е свързано с възприетия там гнездови принцип на организация на речниковия материал по формално-семантични признаци. Отношенията между отделните компоненти на съставната заглавка (синонимия, графична вариантност, словообразователна вариантност и пр.) се сигнализират с помощта на съответни условни графични знаци (вж. по-горе параметъра *специални знаци и съкращения*). Следните примери илюстрират само малка част от изключително голямото разнообразие от варианти на съставни заглавки в този речник:

aeroboxing / aeroboks ~ boksaerobik ~ tae-bo

ekotorba / Δ ekologiczna torba ~ Δ torba biodegradowalna / biotorba ~ green-bag // greenbag = ◇ zielona torba

emotikon ~ bużka ... ~ śmieszek ... ~ smiley

cracking ~ Δ cybernetyczny terroryzm / cyberterrorizm ~ cyberprzestępstwo ~ Δ przestępstwo komputerowe

czad * ... ~ odjazd * 2. ... ~ odlot * 2.

public relations / PR / piar // pijar

В НСЗ съставните заглавки включват само съществуващи графични варианти, срв: аквапарк и аква-парк, медиабайинг, медиа-байинг, медиабаинг, медиа- байинг, перформанс, перформенс, перфоманс и перфоменс, саундтрек, саунд-трек, саундтрэк, саунд-трэк, хетчбэк, хетчбек, хэтчбек и хэтчбэк.

Формалноезиков параметър

а) Графичен подпараметър. Този параметър, както посочва М. Попова (която го означава като 'написание'), е общ, задължителен за всички речници⁸⁵ и е приложим и за разглежданите тук лексикографски трудове. Заглавките в тях са графично оформени, естествено, чрез средствата на характерната за съответния език графична система. В НСЗ при отразяването на варваризми (графично неусвоени чужди думи) се прилага и изписване с латиница на думи, части от думи и абривиатури, срв.: online-магазин,

⁸⁵ „Повече от ясно е, че признакът 'написание', било то чрез естествен или изкуствен (чрез символи) език, е общ, задължителен за всички речници. Не може да съществува нито речникова статия, без да е написано нейното заглавие, нито речник, без да са написани неговите речникови единици. Същевременно трябва да отбележа, че в случая не става въпрос за правопис, т.е. дали с оглед на книжвоноезиковите норми е написана формата“ (вж.: *Попова М.* Терминографски параметри. С. 215).

web-страница, CD-диск, PR. В РНД не се включват варваризми и такава практика не е застъпена.

б) Произносителен подпараметър. Този подпараметър, за разлика от графичния, не е задължителен⁸⁶. В полския речник той не е приложен, а в останалите два е застъпен частично. В РНД и НСЗ подпараметърът се реализира чрез отбелязване на ударението на заглавните думи (там, където е релевантно), а в НСЗ – също така и чрез посочване (в квадратни скоби след заглавката) на някои произносителни особености (главно при озвучаването на буквени абревиатури), срв.: СМР [эс-эм-эр], СНГ [эс-эн-ге], CD-диск [си-ди].

Отказът от прилагане на произносителния подпараметър в SS е до голяма степен обоснован, тъй като, както е известно, ударението в полския език е фиксирано и (поне по отношение на домашната лексика) отбелязването му би било излишно. Не така стои въпросът обаче с фонетичния облик на графично неадаптираните или ненапълно адаптираните думи от чужд произход (които, както личи от състава на речниковия словник, изобщо не са малко). Произносителните особености на тези думи, както и на техните производни, биха могли да създадат затруднения, срв. *ageizm* // *ageism*, произнасяно като [ejdzyzm], *macchiato*, *au pair*, *newsowiec*. Затова би било полезно в речника да се включва (поне частично) и фонетична информация.

в) Подпараметър формална вариантност. Варирането на заглавната дума по форма е отразено и в трите речника, но начините за представянето му са различни. Както беше посочено по-горе, в SS и НСЗ графичните варианти се включват като компоненти на съставна заглавка, като – само в полския речник – вариантността се маркира със специален графичен знак. Срв. в SS: *rollercoaster* // *roller coaster* // *rollerkoster*. В РНД като заглавка се представя вариант, приет за основен (и препоръчителен), а останалите се привеждат като други форми в специалната зона за допълнителна информация (справочен отдел) в края на речниковата статия, срв.: *антируткит* ... – Друга форма: *антирууткит*; *драйвер* ... – Друга форма: *драйвър*.

Грамматичен параметър

а) Подпараметър принадлежност към част на речта. В SS този подпараметър не се прилага. В РНД той е застъпен само при заглавки, които са лексикални неологизми. Заглавки, които са познати думи, при които е възникнало ново значение, или които се включват в състава на нови устойчиви съчетания или нови фразеологизми, не съдържат информация за принадлежност към част на речта, тъй като такава може да се намери в общите тълковни речници и се предполага, че е известна на потребителя. В съответствие с българската лексикографска традиция при прилагателните имена, наречията и междуметията принадлежността към част на речта се сигнализира пряко чрез специален граматичен квалификатор (съответно *прил.*, *нареч.*, *междум.*), а при глаголите и съществителните – непряко чрез квалификатори за граматични категории, специфични за съответния лексикално-граматичен клас (съответно *прех.*, *непрех.*, *безл.* и *м.*, *ж.*, *ср.*, само *мн.*). В НСЗ практиката е сходна, с тази разлика, че прилагателните имена не се снабдяват с граматичен квалификатор, а принадлежността им към съответната част на речта се сигнализира чрез формоизменението (вж. по-долу).

⁸⁶ Попова М. Терминографски параметри. С. 215.

б) Подпараметър *формоизменение*. В SS този подпараметър не се прилага. Сигнализируют се само някои ограничения при образуването на множествени форми при съществителните имена, срв.: *tumony tylko w lm*.

В РНД подпараметърът е застъпен частично – само при заглавки, които са лексикални неологизми, като за прилагателните имена се привеждат окончанието на формите за ж.р., ср.р. и мн.ч.; при многосричните съществителни имена от мъжки род – членуваните форми и окончанието за мн.ч. само в случаите, когато има някакви особености (например звукови редувания); при едносричните съществителни имена от м.р. – членуваните и множествените форми; при съществителните от ср.р. – окончанието за мн.ч.; при глаголите – окончанието за 1 л. ед.ч. сег.вр., а при тези от 1 и 2 спрежение – и окончанието за мин.св.вр. 1 л. ед.ч., в специфични случаи – също и окончанието на формата за м.р. на миналото страдателно причастие. Съществуващи ограничения при формообразуването се сигнализират чрез граматични бележки от рода на „*мн. няма*“.

В НСЗ се посочват форми за всички изменяеми думи. При прилагателните се отбелязват окончанието за ж.р. и ср.р., при необходимост – също кратките форми за трите рода; при съществителните – окончанието за род.пад. ед.ч., както и за някои падежи в мн.ч., ако има особености; при глаголите – окончанието за 1 и 2 л.ед.ч. сег.вр. Ограничения при формообразуването се сигнализират чрез граматични бележки като „*только ед.*“. Примери:

РНД: ноутбук, мн. -ци, м.; микс, миксът, микса, мн. миксове, м.; дебалканизация, мн. няма, ж.; даунлоудвам, -аш, ... даунлоудна, -еш, мин. св. -ах, прич. мин. страд. -ат.

НСЗ: слот, а, м; переподписка, и, мн. род. сок, дат. скам; перпендикулярный*, ая, ое; рен, рна, о; перерастянуть, ну, неш.

в) Подпараметър *транспозиция*. От подпараметрите на граматичния параметър само този се прилага в SS, срв.: *czamny* w użyciu rzecz.*; *spoko w użyciu przym*. В РНД граматичната транспозиция на заглавката се маркира чрез бележки като „*като прил.*“, „*като същ.*“ и под., срв.: метро неизм., прил. ... 2. Като същ., мн. няма, м. ↑Метросексуалист; ↑метросексуал. В НСЗ не установихме приложение на подпараметъра *транспозиция*.

Функционално-стилистичен параметър. Представен е и в трите речника, но с известни различия. В РНД и НСЗ се прилага широк инвентар от функционални и стилистични квалификатори, характеризиращи сферата на употреба на неологизмите, стиловата им принадлежност и експресивната им обогатеност. В SS функционално-стилистичният параметър се реализира чрез ограничен брой квалификатори: *spec.* – *specjalistyczny* (за единиците от терминологичната област), *pot.* – *potoczny* и *środ.* – *środowiskowy* (при стилово ограничената лексика), както и *pogard.* – *pogardliwie*, *iron.* – *ironicznie* и *żart.* – *żartobliwie* (при експресивната лексика).

Интерпретационен параметър. В тълковните речници това е задължителен и най-важен параметър. Чрез него се изяснява семантиката на речниковите единици.

Подпараметър *тип на лексикографската дефиниция*. Използваните в трите речника типове дефиниции не се различават от тези, прилагани в общите тълковни речници. Най-широко е приложението на описателните дефиниции. Този тип тълкува-

ния позволяват най-пълно да се разкрият семантичните особености на неологизмите. Ако е релевантно, описателната дефиниция се допълва със синоним (или синоними), приведени в края на тълкуванието след точка и запетая. В SS по този начин се посочват синонимни връзки само с думи извън неологичната лексика, в РНД и НСЗ такова ограничение няма. Дефиницията може да бъде допълнена и чрез посочване на антоним или антоними (не е приложено в SS). В НСЗ това става в края на тълкуванието след точка и запетая и съкращението *противоп.*, а в РНД – след съкращението *ант.*, отделно от тълкуванието. Примери:

РНД: мобинг ... Психически тормоз, обикн. осъществяван на работното място от страна на по-високопоставено лице спрямо подчинен; бордаджия¹ ... Член на ↑борд на директорите; ↑бордовак, ↑бордовик; дебюрократизирам ... Извършвам, осъществявам ↑дебюрократизация. Ант. бюрократизирам.

SS: demoskopia ‘badanie poglądów i nastrojów społecznych, podejmowane w celach diagnostycznych i prognostycznych’; antyoksydant ... ‘substancja hamująca procesy utleniania się pierwiastków; przeciwutleniacz’.

НСЗ: ультрамарафон ... Соревнование по бегу на дистанцию, значительно превышающую марафонскую; синефил ... Тот, кто любит смотреть кинофильмы; кинолюб; район-реципиент ... Район области (края, республики), получающий дотации из регионального бюджета; противоп. район-донор.

В SS не се прилагат други типове дефиниции освен описателните. В РНД и НСЗ е приложен също типът синонимна дефиниция. Примери:

РНД: деетнизация ... ↑Деетнизирание; мобилка ... ↑Мобилен телефон.

НСЗ: рыночник-радикал ... То же, что радикал-рыночник; хип-хоп-музыка ... То же, что хип-хоп (см. 1-е знач.).

Само за РНД е характерен и типът структурна дефиниция: адхократично. Нареч. от ↑адхократичен.

Специфика на SS е, че в случаи, когато значението на неологизма е обяснено в илюстративен пример, дефиниция не се привежда: alimenciarz ... : Osobną i najliczniejszą grupę (2046 osób) stanowili tzw. alimenciarze, czyli osoby skazane na kary więzienia za uchylanie się od płacenia alimentów. Polit. 51–52/1991. Тук не може да се говори за нереализиране на интерпретационния параметър, тъй като в речниковата статия все пак присъства (макар и представена по опосредстван начин) информация за семантиката на неологизма.

Подпараметър *вариране на значението*. Случаите, при които се наблюдава семантично модифициране на значението без развитие на нова семема, се сигнализират и в трите речника, но начините за това са различни.

В РНД се прилага традиционното за българската тълковна лексикография обособяване на семантичен нюанс (или нюанси) към изходното значение (графично обозначавани чрез знак //), срв.: видеокамера ... Портативно устройство за снимане чрез запис на движещи се визуални образи и звук върху видеокасета или ↑оптичен диск; ↑камкодер, ↑камера. ... // Такова устройство, ↑вградено в ↑мобилен телефон; ↑камера. ... // Портативно устройство за ↑видеонаблюдение чрез предаване на видеосигнал (визуални образи, придружени от звук) към монитора на компютър, с който е свързано; ↑камера.

В SS и НСЗ се прилага двукомпонентна дефиниция, в която тълкуванието на варианта следва основното тълкувание, като се отделя от него с точка и запетая (в SS се включва и уточнението *także*):, срв.:

SS: *amstaff* ‘*amerykaska rasa psów z grupy terierów, charakteryzujących się odwagą i bojowością; także: pies tej rasy*’

НСЗ: проспонсорировать ... Оказать спонсорскую поддержку кому-л.; профинансировать чего-л. в качестве спонсора; полубомж ... Опустившийся человек, похожий на бомжа; тот, кто ведет себя, живет подобно бомжу.

В SS се прилага и представяне на вариантите в две отделни дефиниции една след друга, означени съответно като *a/* и *b/*, срв.: *alimenciarz* ... *a/* ‘*osoba płacąca alimenty; alimentator*’ ... *b/* ...

Идиоматичен параметър. Застъпен е и в трите речника. Дава се подробна информация за устойчивите съчетания и фразеологизмите, в които участва заглавната дума. Начинът за представяне на тази информация е различен. В РНД това се прави в специален фразеологичен блок в края на речниковата статия (с два подблока, включващия съответно устойчиви съчетания и фразеологизми). В НСЗ тези единици се посочват към всяко от значенията на думата, а в SS – устойчивите съчетания и фразеологизмите се включват като компоненти от съответната заглавка (или подзаглавка) или като самостоятелни подзаглавки.

Илюстративен параметър. Прилага се и в трите речника. Като илюстративни примери се привеждат откъси от реални текстове, извлечени от печатни източници (основно периодични издания). В РНД в някои случаи за краткост се използват и съчетания, конструирани от авторите (въз основа на реални писмени текстове). В НСЗ за допълнителни справки освен пълни илюстративни примери се привеждат в съкратен вид и множество други контексти с употреби на тълкувания неологизъм, също извлечени от печатни издания⁸⁷.

Словообразователен параметър. Прилага се последователно в НСЗ. Начинът на образуване и словообразователният строеж или производните думи се описват в края на речниковата статия, срв.: *русскокультурный* .... – От «*русская культура*»: *русская* + *о* + *культура* + *н*(ый); *платье-сюртук* ... – Сложение слов.

В SS деривати се привеждат и тълкуват в подзаглавната част на речниковата статия (като отделни подзаглавки), но производността и словообразователният строеж не се поясняват, срв.:

euroentuzjizm ‘*entuzjastyczny stosunek do zjednoczenia Europy, do Unii Europejskiej i przynależności do niej*’ ... [заглавка]

euroentuzjasta ‘*zwolennik, entuzjasta powstania zjednoczonej Europy*’ ... [подзаглавка 1]

euroentuzjastyczny ... [подзаглавка 2]

В РНД параметърът не се прилага.

⁸⁷ Прави впечатление изобилието (понякога дори излишеството) от илюстративен материал в този речник. В статията за думата *сканер* например освен пълните илюстративни примери са включени и над 70 други съкратени извадки от контексти. (Вж.: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. Т. 3. С. 818–823).

Етимологичен параметър. Не е застъпен в SS. В РНД и НСЗ информация за езика източник на заемане и за етимона се привежда в края на речниковата статия (в РНД в специалната зона за допълнителна информация – справочния отдел). Примери:

РНД: графит ... – Ит. graffiti, мн. от graffito ‘надраскан; драскулка’; петанка ... – От фр. pétanque.

НСЗ: рейвер и рэйвер ... – Англ. raver; скин ... – Англ. skin.

Регистрационен параметър. Не се прилага в РНД. В SS и НСЗ при установена речникова регистрация на неологизма в друг лексикографски труд, тази информация се посочва в края на речниковата статия. В НСЗ при дума с развито ново значение за справка се привеждат и останалите значения на думата, които са регистрирани в съществуващи тълковни речници.

Хронологичен параметър. Не е застъпен в нито един от речниците. Времето на появата на неологизмите не се определя. Отчасти за него може да се съди по датировката на илюстративните примери⁸⁸, но това е много относително и далеч не важи за всички случаи.

Честотен параметър. Не присъства в нито един от речниците. Информация за честотата на употреба на неологизмите не се дава.

Енциклопедичен параметър. Присъства и в трите речника. Енциклопедична информация се включва като част от дефиницията на думата или (приложено само в РНД и НСЗ) се привежда в края на речниковата статия в специална зона. Примери:

РНД: адхокрация ... – Терминът е създаден от американския писател и футурист А. Тофлър.

НСЗ: СДС ... – Партия създадена в 1989 г. как антикоммунистическая, затем сменила свою идеологию на христианско-демократическую.

SS: borelioza ‘choroba wywołana przez bakterię Borrelię, przenoszona przez kleszcze, objawiająca się w pierwszym okresie zmianami skórnymi, a następnie – nieleczone – chorobą układu nerwowego, układu krążenia i stawów’.

Библиографски параметър. Прилага се и в трите речника. Към илюстративните примери се посочва сигнатура на източника на ексерпция (при периодичните издания се сочи година и брой).

3.2.5. Анализ на параметри едновременно на медиоструктурата и на микроструктурата

Параметър система за препратки. Добре разработена система за препратки съществува и в трите речника.

В РНД в речниковите дефиниции препращането към дума или съчетание от словника на речника се извършва с помощта на специален графичен знак (↑), срв.: аквафитнес ... Специални ↑фитнес упражнения, които се изпълняват в басейн.

⁸⁸ Буцева Т.Н. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: Из опыта составления и редактирования // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. СПб., 2012. Т. VIII. № 3. С. 259.

В SS и НСЗ препращането в дефинициите се извършва съответно чрез съкращени-
ята *p.* и *см.*, поставени в скоби след думата от словника на речника, към която се пре-
праща. Примери:

SS: biojogurt ‘jogurt z dodatkiem probiotyków (p.)’.

НСЗ: рейвист ... То же, что рейвер (рэйвер) (см.).

В SS препращане към тематично свързана речникова статия се извършва чрез съ-
кращението *zob. też*, поставено след съответната статия, срв.: *melanž ... zob. też balanga*.

Други типове препращания се извършват традиционния начин – съответно чрез
съкращенията *вж.*, *p.*, *см.*

* * *

Направеното описание на РНД, SS и НСЗ по дефинираните лексикографски пара-
метри показва, че за съвременната българска, полска и руска неография е характерен
стремеж към пълнота и детайлност в изясняването на семантиката на неологизмите, в
отразяването на техните стилистични характеристики, както и на съчетаемостта и
функционалните им особености. И в трите речника лексикографското описание осигу-
рява достатъчно представителна картина на иновационните явления в съвременната
лексика. Открояват се както общи черти, така и различия в прилаганите методи при
речниковото описание на новата лексика.

Различията по отношение на реализацията на един или друг лексикографски пара-
метър в отделните речници се обуславят от спецификите (морфологични, синтактич-
ни, фонетични, графични и пр.) на съответния език (срв. липсата на акцентуационна
информация в SS), нерядко също така от особеностите на съответните национални
лексикографски традиции (срв. например двусъставните дефиниции в SS; обособява-
нето на нюанси на значенията в РНД). Определяща роля има възприетата лексикограф-
ска концепция (срв. липсата на словообразователен и регистрационен параметър в
РНД; неприлагането на подпараметрите *принадлежност към част на речта* и *формо-
изменение*, както и на етимологичния параметър в SS; твърде широкото приложение на
илюстративния параметър в РНД). Целесъобразността на конкретните лексикограф-
ски решения следва да бъде преценявана най-вече от гледище на постигането на пъл-
нота и адекватност на лексикографското описание.

Така например и за трите анализирани речника се установява отсъствие на хроно-
логичен и честотен параметър. Традиционно тези два параметъра са пренебрегвани
в славянската неография най-вече поради липса на достатъчно сигурни източници
за информация и свързаните с това опасения от грешки. Същевременно обаче тези
параметри биха осигурили ценни сведения за развитието и функционирането на нео-
логизмите, което е важно за езиковото прогнозиране, както и за теоретичните из-
следвания.

Най-същественото различие между трите речника се наблюдава в реализацията на
медиоструктурния параметър *начин за организация на материала*. В SS е приложен
гнездови принцип за представяне на речниковата информация, докато авторите на
РНД и НСЗ се придържат към по-традиционни форми. При гнездовия принцип групи-
рането в една речникова статия на синонимни единици (лексеми, лексикални значения,
фразеологизми, устойчиви съчетания с нефразеологичен характер и др.); на графични
и словообразователни варианти на тези единици; на деривати от отделните единици и

от техните варианти; на съчетания и фраземи с участието на единиците и пр., осигурява цялостен поглед върху съответния фрагмент от неологичното пространство на езика с всички семантични, парадигматични, деривационни и пр. връзки в него. Може да се каже, че речникът е насочен към интегрално описание на лексикалните иновации с приложение както на семасиологичен, така и на ономасиологичен подход⁸⁹. Комплексността в описанието е безспорно предимство пред по-традиционните форми за речникова организация. Същевременно обаче твърде усложнената понякога структура на гнездата и неизбежно претрупаната система за препратки⁹⁰ може да създадат затруднения при откриването на нужната информация. В това отношение електронната форма на представяне на речниковото съдържание би била значително по-функционална.

Сравнителният лексикографски анализ с приложение на лексикографска параметризация създава подходяща основа за наблюдения и изводи, насочени към усъвършенстване на работата по планирането, проектирането и съставянето на неологичните речници.

4. Заключение

В своето вече над половинвековно съществуване неографията се утвърждава като динамично развиващо се направление в славянската лексикография, в което успешно се съчетават традиции и новаторство. Сред актуалните задачи, стоящите за решение пред неографите днес, може да открием следните:

- По-нататъшно осмисляне и обобщаване на натрупания значителен практически опит с цел да се поставят основите на цялостна съвременна теория на неографията.
- Разработване и приложение на съвременни методи и подходи, които да осигурят интегрално лексикографско описание на лексикалните иновации.
- Създаване на концепция за нов, по-функционален тип неологичен речник в електронна форма, който да съответства на актуалното състояние на компютърните и информационните технологии и да отговаря на изискванията и потребностите на днешните ползватели на лексикографски ресурси.

ЛЕКСИКОГРАФСКИ И СПРАВОЧНИ ИЗДАНИЯ

Антонов Н. Речник нови и най-нови думи. София, 1994. 188 с.

Балог В.О., Лозова Н.Э., Тименко Л.О., Тищенко О.М. Нови й актуализовани слова та значення: словникові матеріали (2002–2010). Київ, 2010. 280 с.

Бонджолова В. Неологичен речник (за периода 1998–2003). В. Търново, 2003. 242 с.

Бонджолова В., Петкова А. Речник на новите думи в съвременния български език. В. Търново, 1999. 140 с.

Васић В., Прћић Т., Најгебауер Г. Du yu speak anglosrpski? Rečnik novijih anglicizama. Нови сад, 2001. 275 с.

Віняр Г.М., Шпачук Л.Р. Словник новотворів української мови початку ХХІ століття. Кривий Ріг, 2005. 200 с.

Віняр Г.М., Шпачук Л.Р. Словник новотворів української мови кінця ХХ століття. Вип. 2. Кривий Ріг, 2002. 180 с.

Віняр Г.М., Шпачук Л.Р. Словник новотворів української мови кінця 80-х – початку 90-х рр. ХХ ст. Кривий Ріг, 2000. 91 с.

Карп'юк М.Д. Словник дієслівних інновацій. Т. 1. Переяслав-Хмельницький, 1996. 207 с.

⁸⁹ За тези подходи в неографията вж. *Карпіловська Є.* Сучасна українська словотворчість та її відображення в неологічних словниках. С. 9.

⁹⁰ Например заглавката *elektroniczny* * съдържа 24 препратки към други речникови статии.

- Клајн И.* Речник нових речи. Нови Сад, 1992. 378 с.
- Колоїз Ж.* Тлумачно-словотвірний словник okazionalizmів. Кривий Ріг, 2003. 154 с.
- Комлев Н.Г.* Словарь новых иностранных слов. М., 1995. 144 с.
- Лексико-словотвірні інновації (2007). Словник / За ред. А. Нелюби. Харків, 2009. 172 с.
- Мазурик Д.* Нове в українській лексичі. Львів, 2002. 130 с.
- Нелюба А., Нелюба С.* Лексико-словотвірні інновації (2004–2006). Словник. Харків, 2007. 144 с.
- Нелюба А.М.* Лексико-словотвірні інновації (1983–2003). Словник. Харків, 2004. 136 с.
- Нелюба А.М.* Лексико-словотвірні інновації (2008–2009). Словник. Харків, 2010. 116 с.
- Нелюба А.М.* Лексико-словотвірні інновації (2010–2011). Словник. Харків, 2012. 100 с.
- Нелюба А.М.* Словотворчість незалежної України (1991–2011). Словник. Харків, 2012. 606 с.
- Нелюба А.М., Редько Э.* Лексико-словотвірні інновації (2012–2013). Словник. Харків, 2014. 172 с.
- Новичков Н.Н.* Словарь современных русских сокращений и аббревиатур. М., 1995. 297 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1977 / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1980. 175 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1978 / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1981. 261 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1979 / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1982. 320 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1981 / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1986. 288 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1982 / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1986. 253 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1983 / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1987. 190 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1984 / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1989. 426 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1985 / Под ред. Н.З. Котеловой, Ю.Ф. Денисенко. СПб., 1996. 420 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1986 / Под ред. Н.З. Котеловой, С.И. Алаторцевой, Т.Н. Буцевой. СПб., 1996. 380 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1987 / Под ред. Н.З. Котеловой, Ю.Ф. Денисенко. СПб., 1996. 350 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1988 / Под ред. Е.А. Левашова. СПб., 1996. 420 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1989 / Под ред. Н.В. Соловьева. СПб., 2001. 369 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1990 / Под ред. Т.Н. Буцевой. СПб., 2004. 694 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1991 / Под ред. Ю.Ф. Денисенко. СПб., 2005. 605 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1992 / Под ред. Е.А. Левашова. СПб., 2004. 214 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1993 / Под ред. Т.Н. Буцевой. СПб., 2008. 447 с.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1994 / Под ред. Ю.Ф. Денисенко. СПб., 2006. 397 с.
- Новое в русской лексике: Словарные материалы – 1980 / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984. 284 с.
- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. М., 1970. 543 с.
- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984. 808 с.
- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг. / Под ред. Е.А. Левашова. СПб., 1997. 900 с.
- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. / Под ред. Т.Н. Буцевой (отв. редактор), Е.А. Левашова, Ю.Ф. Денисенко. Т. 1. СПб., 2009. 813 с.; Т. 2. СПб., 2014. 813 с.; Т. 3. СПб., 2014. 1358 с.
- Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С.* Речник на новите думи в българския език (от края на ХХ и първото десетилетие на ХХІ в.). София, 2010. 515 с.
- Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С.* Речник на новите думи и значения в българския език. София, 2001. 310 с.
- Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995. 866 с.
- Туровська Л.В., Василькова Л.М.* Нові слова та значення. Словник. Київ, 2009. 271 с.
- Ђурилов Ј.* Нови речник нових речи. Речи, изрази и значења преузети из других језика или настали у српскохрватском језику после Другог светског рата. Београд, 1991. 268 с.
- Уласевич В.І., Даўгулевич Н.М.* Слоўнік новых слоў беларускай мовы. Мінск, 2009. 448 с.
- Martinová O. a kol.* Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 2. Praha, 2003. 568 s.
- Martinová O. a kol.* Nová slova v češtině. Slovník neologizmů. Praha, 1998. 356 s.

- Nowakowska B.* Nowe połączenia wyrazowe we współczesnej polszczyźnie. Cz. 1–4. Kraków, 2010–2013.
- Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1972–1981. Cz. 1, A–O. Cz. 2, P–Ż / pod red. D. Tekiel. Wrocław, 1988–1989.
- Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1985–1992. Cz. 1, A–O, Cz. 2, P–Ż / pod red. T. Smółkowej. Kraków, 1998.
- Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1993–2000. Cz. 1, A–H, Cz. 2, I–O, Cz. 3, P–Ś, Cz. 4, T–Ż / pod red. T. Smółkowej. Kraków, 2004–2006.
- Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 2001–2005. Cz. 1, A–D, Cz. 2, E–J, Cz. 3, K–M, Cz. 4, N–R / pod red. T. Smółkowej. Kraków: 2010.
- Słowa, słowa... Czy je znasz? / Pod red. Teresy Smółkowej. Kraków, 2013. 606 s.

I. С. ГНАТЮК

Київ, Україна

Українська авторська фразеографія в східнослов'янському контексті

Важливим аспектом сучасної лінгвоукраїністики є опрацювання теоретичних і практичних засад лексикографічного опису фразеологічного складу української мови. В численних наукових студіях, статтях, монографіях дослідники розглядають питання інтерпретації фразеологізмів у лінгвістичних словниках, формують рекомендації щодо лексикографічного опрацювання фразеологічного фонду української мови.

Якщо в 40-х роках ХХ ст. визначний російський мовознавець В.В. Виноградов заклав основи нової галузі східнослов'янського мовознавства – фразеології¹, то в 70-х роках ХХ ст. дослідниця української фразеології Л.Г. Скрипник мала всі підстави стверджувати, що з'явилася нова галузь українського мовознавства – фразеографія, тобто теорія і практика укладання фразеологічних словників. Переконливими підставами для такого висновку стало те, що «нагромаджений у збірках, словниках і в писемній літературі багатий фразеологічний матеріал став об'єктом інтерпретації у спеціальних лексикографічних працях»². Із середини ХХ ст. відомі українські фразеологи А.П. Коваль, Ф.П. Медведєв, Л.Г. Скрипник, Г.М. Удовиченко, В.Д. Ужченко, Л.А. Юрчук, В.М. Білоноженко, Ю.Ф. Прадід та ін. разом із різноаспектним лінгвістичним аналізом фразеологізмів порушували питання їх лексикографічного опису. Українські вчені створили праці, пов'язані із розробленням спеціальних методів і прийомів укладання фразеологічних словників, принципів добору й розташування в них мовного матеріалу, висвітленням функціональної та семантичної специфіки фразеологічних одиниць тощо³.

¹ *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та: Секция филол. наук. Л., 1946. С. 45–69; *id.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В.В. Виноградов. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.

² *Скрипник Л.Г.* Фразеологія української мови. Київ, 1973. С. 233.

³ Див., наприклад: *Медведєв Ф.П.* Українська фразеологія. Чому ми так говоримо. Харків, 1977; *Юрчук Л.А.* Теоретичні засади реєстру фразеологічного словника української мови // Мовознавство. 1983. № 5.

За останні десятиліття з'явилися десятки фразеологічних словників різного типу й призначення, ґрунтовні видання з теоретичних проблем фразеографії, яка нині перебуває на етапі інтенсивного розвитку. Здобутки української фразеографії узагальнено в ряді дисертаційних досліджень, у яких здійснено спробу періодизації історії української фразеографії, виявлено ієрархію словникових праць шляхом систематизованого опису фразеологічних лексиконів⁴.

Як слушно зауважив теоретик і практик сучасної української фразеології В.Д. Ужченко, «фразеографія жорстко залежить від ступеня розробки загальної фразеологічної теорії, від конкретних досліджень запасу літературної, ареальної, субстандартної ідіоматики, зіставно-типологічних студій»⁵.

Велика кількість фразеологічних словників, що з'явилася в Україні впродовж другої половини ХХ – початку ХХІ ст., викликала потребу в здійсненні систематизованого опису найвідоміших фразеографічних праць⁶. Найбільш прийнятну класифікацію типів фразеологічних словників запропонували Ж. Краснобаєва-Чорна та А. Боровик⁷, виокремивши тлумачні, перекладні, ареальні, семантико-парадигматичні фразеологічні словники, а також паремійні й афористичні словники та збірки. Запропоновано як окремий тип фразеологічні словники мови перекладача, до якого віднесено словник-довідник «Фразеологія перекладів Миколи Лукаша» (2003). На нашу думку, цей тип словників, який з часу публікації згаданого довідника збагатився новими працями, можна означити ширше, як *фразеологічні словники авторського типу*.

За підрахунками професора Ю.Ф. Прадіда, в Україні створено більше десятка тлумачних та півтора десятка перекладних фразеологічних словників⁸. Дослідниця сучасної української фразеографії Л.М. Корнієнко, систематизувавши фразеологічні словники перекладного типу, подає опис близько 20-ти подібних видань⁹, оскільки в Україні, крім перекладних фразеологічних словників близькоспоріднених мов, зокрема російсько-українських та українсько-російських, широко відомі такі фундаментальні праці, як «Англо-український фразеологічний словник» К.Т. Баранцева (1969, перевидання 2005), «Німецько-український фразеологічний словник»: у 2 т. В.І. Гаврися, О.П. Пророченко (1981), а також «Німецько-український фразеологічний словник (усталені порівняння)» К.І. Мізіна (2005), «Українсько-французький і французько-український фразеологічний словник» М.А. Венгринівської, Г.Ф. Венгріновської та Т.Б. Оратовського (2000), «Латинська фразеологія. Словник-довідник: навчальний посібник» П.І. Осипова (2009) та ін.

С. 23–32; Білоноженко В.М., Гнатюк І.С. Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів. Київ, 1989; Прадід Ю.Ф. Засади укладання фразеологічного словника ідеографічного типу // Мовознавство. 1995. № 4–5. С. 35–38.

⁴ *Самойлович Л.В.* Українська фразеографія ХІХ – поч. ХХ ст. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2000; *Серебряк М.В.* Українська діалектна фразеографія. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Луганськ, 2014; *Корнієнко Л.М.* Українська фразеографія другої половини ХХ – початку ХХІ століть: тлумачні та перекладні словники. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2017.

⁵ *Ужченко В.Д., Ужченко Д.В.* Фразеологія сучасної української мови. Київ, 2007. С. 429.

⁶ *Зубець Н.О.* Типологія сучасних фразеологічних словників // Учені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». Т. 20 (59). № 6. 2007. С. 26–30.

⁷ *Краснобаєва-Чорна Ж.В., Боровик А.* Сучасна українська фразеографія: Довідник. Донецьк, 2011. 93 с.

⁸ *Прадід Ю.Ф.* Історія української фразеографії // Мовознавство. 2012. № 1. С. 39.

⁹ *Корнієнко Л.М.* Українська фразеографія другої половини ХХ – початку ХХІ століть: тлумачні та перекладні словники. Київ, 2017. 19 с.

Поряд із тлумачними, перекладними, діалектними фразеологічними словниками, довідниками фразеологічних синонімів і фразеологічних антонімів, з'являються фразеографічні праці, в яких здійснено науковий аналіз індивідуально-авторського фразеовживання окремого письменника. Першою спробою в історії вітчизняної лексикографії якнайповніше описати фразеологію в найширшому розумінні слова, уживану в мові перекладів видатного українського перекладача, літературознавця, лексикографа другої половини ХХ століття Миколи Лукаша, став словник-довідник «Фразеологія перекладів Миколи Лукаша» (2002), укладений О.І. Скопненком і Т.В. Цимбалюк. Саме за його зразком українські науковці створюють нові словники, присвячені описові фразеологічних багатств мови творів провідних постатей в історії вітчизняної культури.

Українська лексикографія має напрацювання в галузі дослідження фразеології окремих письменників. Велика кількість спеціальних досліджень, зокрема дисертаційних робіт, присвячених вивченню особливостей фразеовживань у творчості майстрів слова, як правило супроводжувалась додатками з коментарями й без коментарів, в яких було зафіксовано фразеологізми (і в широкому, і у вузькому розумінні слова), яких не подавали в своїх реєстрах фразеологічні словники.

Українські вчені створили один із перших у східнослов'янській лексикографії фразеологічний словник авторського типу. Йдеться про «Словарь фразеопотреблений в поэтической речи В.В. Маяковского (на материале поэм)» Н.М. Нічик та В.М. Ронгінського (Сімферополь, 1991), який подає опис семантичної структури і стилістичного використання 563 загальнономовних ФО, ужитих В.В. Маяковським як у традиційній формі й значенні, так і в трансформованому вигляді.

Лексикографічну працю Н.М. Нічик та В.М. Ронгінського можна розглядати як своєрідне практичне втілення теоретичних настанов, випрацьованих під час відомої у фразеологічних колах наради, проведеної 1961 року в Ленінграді (нині – Санкт-Петербург) академічним Інститутом російської мови, що була присвячена проблемам фразеології і завданням створення великого фразеологічного словника російської мови. Матеріали цієї наради опубліковано свого часу в спеціальному збірнику «Проблемы фразеологии». Однією із проблем, порушених учасниками наради, було відображення в загальнономовному фразеологічному словнику індивідуально-авторських фразеологізмів¹⁰. Як зауважує автор цитованої статті І.М. Абрамович, «академический словарь фразеологизмов русского языка тогда будет соответствовать своему назначению, если исследователи языка писателя и исследователи фразеологической системы русского языка смогут найти в нём богатый, по возможности исчерпывающий материал для своей работы. .. Желательно, чтобы в справочной части словарной статьи содержались ссылки на тексты со случаями характерных и ярких индивидуальных преобразований фразеологизмов, не введенных в состав самой словарной статьи»¹¹. Проте порушена І.М. Абрамович проблема виявилась не такою простою для її втілення. «Фразеологический словарь русского языка» за ред. О.І. Молоткова не подає ні індивідуально-авторських перетворень, ні оказіональних уживань фразеологізмів, ні різновидів різноманітних їх контамінацій як основних відхилень від норми у використанні фразеологізмів у мовлен-

¹⁰ *Абрамович И.М.* Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношении к ним фразеологического словаря // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / Под. ред. А.М. Бабкина. М.; Л., 1964. С. 213–218.

¹¹ Там само. С. 218.

ні¹². Укладачі академічного «Словника фразеологізмів української мови», хоч і намагалися відобразити досить активний у мові процес фразеотворчої видозмінюваності одиниць, усе ж відмовилися від подання в Словнику індивідуально-авторських трансформацій, розцінюючи їх як відхилення від норми в мовленнєвому вживанні¹³. Отже, великий і безцінний для дослідників мови письменників матеріал залишився поза межами великих фразеологічних словників академічного типу. Цю прогалину зможуть заповнити лише авторські фразеологічні словники.

Дуже важливо, що автори «Словаря фразеопотреблений в поэтической речи В.В. Маяковского» в основу своєї концепції поклали зіставний аспект, маючи на меті простежити характер змін загальномовної фразеології в індивідуально-авторському відбитті. Тому реєстрове (заголовне) слово у Словнику є двочленом: у лівій частині заголовка укладачі подають загальномовний фразеологізм у формі та зі значенням, яке подають словники, а в правій частині – фразеологічний індивідуально-авторський варіант. Графічно вони пов'язані стрілкою (>), що вказує на відношення похідності:

Пасть. Пасть к ногам. Просить кого-л. о чем-л. > **К ногам лечь.** Делать кого-л. предметом поклонения, обожания. *Но мне не до розовой мякоти, // которую столетия выжуют. // Сегодня к новым ногам лягте! // Тебя пою, // покрашенную, // рыжую.* Фл-п, I, 203. **Лечь у ног.** Ластиться, ласкаться. | Перен. анимализ. / А – моря. / *И не только люди // радость личью // расцветили, // звери франтовато взвили руно, // вчера бушевавшие моря, // мурлыча, // легли у ног.* ВИМ, I, 240¹⁴.

Важливою настановою, якої дотримуються автори концепцій авторських фразеологічних словників, є вимога максимально вичерпної повноти картотеки, добирання всієї наявної в текстах фразеології як нормативної, так само й індивідуально-авторської, уживаної видатними письменниками. Адже через неповноту словників часто важко буває з'ясувати, чи маємо справу з індивідуально-авторським варіантом стійкої сполуки слів, чи з маловідомим загальномовним фразеологізмом. Для характеристики фразеотворчості письменника має значення не тільки те, як він видозмінює, трансформує традиційні фразеологізми, а й те, якими одиницями загальномовного фразеологічного фонду він послуговується. Тому авторські фразеологічні кодекси тільки тоді можна вважати повними, якщо їхні реєстри містять і традиційну, й індивідуально-авторську фразеологію.

Саме до таких праць належить словник-довідник «Фразеологія перекладів Миколи Лукаша» О.І. Скопненка і Т.В. Цимбалюк, опублікований у 2002 році, який став справді визначною подією в культурному житті України. Ця фундаментальна праця – не тільки перша в історії української лексикографії спроба систематизувати та описати фразеологічні скарби української мови, що їх зібрав і вжив у своїх перекладах Микола Лукаш, це взагалі перше українське видання такого типу, присвячене окремій постаті в українському художньому перекладі. Як зазначають рецензенти, «значення словника «Фразеологія перекладів Миколи Лукаша» виходить далеко за межі вузько лексикогра-

¹² Див.: Молотков А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1968. С. 20.

¹³ Див.: Словник фразеологізмів української мови / Уклад. В.М. Білоноженко та ін. Київ, 2003. С. 7–8.

¹⁴ Словарь фразеопотреблений в поэтической речи В.В. Маяковского (на материале поэм) / Сост. Н.Н. Ничик, В.М. Ронгинский. Симферополь, 1991. С. 94.

фічних завдань. Він є не тільки ґрунтовною мовознавчою, літературознавчою, перекладознавчою працею, унікальним посібником з українського художнього мовлення, а свідченням самовідданої й титанічної праці подвижників перекладу задля збереження й розширення стилістичних можливостей української мови»¹⁵.

Фразеологічне багатство мови перекладів Миколи Лукаша відтворене в 6 тис. одиниць реєстру. Картотека Словника нараховує 15 тис. ілюстративних прикладів. Такий обсяг реєстру наближається до загальномовних фразеологічних словників академічного типу. І причина, мабуть, не стільки в тому, що, на відміну від загальномовних словників, фразеологію узято в широкому розумінні, а й у ґрунтовності й докладності опрацювання Лукашевих текстів. Словник охоплює українську ідіоматику, пареміологію, перифрази, тавтологічні словосполучення, усталені порівняння, а також традиційні формули припрошення, побажання, клятв, божби, прокльонів, каламбурні словосполучення, вирази розмовних кліше тощо, уживані в мові М. Лукаша. Такий підхід до добору матеріалу спертій на широке розуміння фразеології, яке має досить таки тривалу традицію у вітчизняній фразеологічній науці, і цілком виправданий для праць авторського типу, коли першочергове завдання полягає у всеохопності матеріалу, а не в його однорідності.

Поряд із відомими стійкими словесними комплексами, як-от: *нехай йому (тобі) абищо, апетит розбирає, спати як бабак; як одна біда йде, то й другу за собою веде; підняти бунт, поміж двох вогнів, застукати на гарячому* тощо, подано велику кількість оригінальних висловів, побудованих за моделями українських фразеологізмів: *для святого Петра кращого місця за Рим не тра [не треба], струсити купідонову пов'язку (з чоґо)* “забути про кохання до кого-небудь”, *від пучок на ногах до останньої волосини на голові, до останнього реала* “абсолютно все, повністю”, *жити Робінзонами (де)* “усамітнюватися”. Як слушно зауважує В.Д. Ужченко, «подібні фразеологічні вирази вводять нас у світ інших етнокультур, зберігають колорит оригіналу, передають специфічні конотації іншомовних висловів»¹⁶. Автори вдало продумали спосіб розміщення в Словнику великого за обсягом матеріалу – під опорними словами. Перше місце серед них посідає іменник; якщо його немає, то опорні слова обираються в такому порядку: прикметник, прислівник, дієслово або слово з логічним наголосом. Звороти в середині кожного гнізда розташовуються за алфавітним порядком перших компонентів. Гніздовий спосіб подання наочно засвідчує фразеотворчий діапазон опорних лексем. Десять ремарок (*вульг., груб., жарт., зневажл., ірон., книжн., лайл., несхв., уроч., фам.*) розподіляють фразеологічний матеріал перекладів за їх функційно-стилістичним уживанням. Алфавітний покажчик, який подано в кінці словника, значно полегшує користування досить великою за обсягом працею.

Зразок словникових статей:

МУР

ставити мур (*між чим*). *Чинити перешкоди.*

... я ж бо завжди **ставлю мур** між жаданнями моїми і моєю лестивістю і не зламаю цього звичаю навіть заради великодушності, що ваша достойність мені виказує. *Сервантес, с. 535.*

¹⁵ Савчин В. Лексикографічні студії перекладацької спадщини Миколи Лукаша // Лексикографічний бюлетень. 2007. Вип. 16. С. 14.

¹⁶ Ужченко В.Д., Ужченко Д.В. Фразеологія сучасної української мови. Київ, 2007. С. 428.

МУРАШВА

аж мурашва полізла поза спиною. *Хто-небудь тремтить, здригається від хвилювання, переживання.*

У Яна Бібіяна **аж мурашва полізла поза спиною**; він упізнав своє власне обличчя. *Єлин Пелин, с. 86*¹⁷.

Дві праці з авторської фразеографії створено педагогами-науковцями Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Під керівництвом професора С.Є. Панцьо укладено словники «Фразеологізми у творах Богдана Лепкого» (Тернопіль, 2010) та «Фразеологія творів Бориса Харчука» (бл. 5 тис. реєстрових одиниць; Тернопіль, 2012). Уперше здійснено лексикографічний опис фразеологічного складу творів Богдана Лепкого та Бориса Харчука, які є знаковими постатями в українському красному письменстві, їхня мовотворчість є маловивченою, фраземіка – не дослідженою.

Літературна Тернопільщина ХХ століття асоціюється в уяві кожного читача з іменем талановитого українського письменника Богдана Лепкого. Це автор, який приніс в українське письменство колорит галицької землі, збагатив літературу специфікою та унікальністю мовного викладу. У колі дослідницьких зацікавлень завжди перебувала мова творів письменника, оскільки її барвистість, колорит, неповторна манера залишаються невичерпним джерелом для написання численних наукових праць, демонструють багаті виражальні потенції української мови. Саме фразеологія висвітлює глибинні шари українського національного мислення, є складовою народної культури, в ній відображено матеріальний світ, людські стосунки, емоції. Зміст фраземи – це знання, досвід людини, вкладений у короткий вислів з емоційно-експресивною та образно-метафоричною оцінкою.

Укладачі словника поставили перед собою завдання виявити фразеологічні одиниці у всій творчій спадщині майстра художнього слова Богдана Лепкого, проаналізувати їх семантику та виявити граматичні параметри. Багатство авторського слова, оригінальність та вишуканість образотворення Богдана Лепкого демонструють уміле застосування усталеного фразеологічного корпусу української мови та створення трансформованих фразеологічних одиниць, що виконують важливу естетичну роль у його творах. Автори словника подають значення виявлених фразеологічних одиниць, спираючись на фразеологічні словники української мови, а саме на «Фразеологічний словник української мови» в 2-х кн. (К.: Наукова думка, 1993; перевидання 1999) та «Словник фразеологізмів української мови» (К.: Наукова думка, 2003; перевидання 2008).

Систематизація в окремому словнику фразеологічних ресурсів письменника увиразнює національну специфіку усїєї мови. Укладачі опираються на широке розуміння фразеології, подаючи всі фразеологічні одиниці, прислів'я, приказки, ужиті в творах Богдана Лепкого.

Структура словникової статті охоплює: заголовний компонент (опорне слово); реєстровий фразеологізм із його варіантами; тлумачення; цитати-ілюстрації; паспортизацію фразеологізму із зазначенням назви твору та сторінки, на якій виявлено фразему. У словниковій статті першим наводять заголовне слово: іменник, прикметник,

¹⁷ Фразеологія перекладів Миколи Лукаша: Словник-довідник / Укл. О.І. Скопненко, Т.В. Цимбалюк. Київ, 2002. С. 257.

дієслово, дієприкметник; у поодиноких випадках опорними стають інші частини мови. Опорне слово подається у вихідній (початковій) формі: для іменника – називний відмінок, однаина; для прикметника – називний відмінок, чоловічий рід, однаина; для дієслова – інфінітив. Після заголовного компонента у словниковій статті подають реєстровий фразеологізм із його варіантами, наприклад: *кращий горобець у жмені, як синиця на стрісі* = *краще синиця в руках, ніж журавель у небі; як горобці на плоті* = *як ластівки під стріхою; натиснути голосом* = *підняти голос; воду опихати в ступні* = *товкти воду в ступні* та ін. Далі йде тлумачення фразеологічного значення (за фразеологічними словниками). Якщо мовний зворот не зафіксований у фразеологічних словниках, автори подають власні дефініції, наприклад:

ДУХ

дух загаїти

Принишкнуту, завмерти (внаслідок сильного переляку, потрясіння) [ФСУМ, 1: 318].

Король дивився на Орлика, але не відповідав. Козаки *дух загаїли* в собі. *З-під Полтави до Бендер*, с. 126.

ДУША

мов без душі ходити

Переживати, сумувати.

Гарний козак. А як учора бився, щоб ви знали! Жаль лиш, що влюбився, і тепер *мов без душі ходить*. *Крутіж*, с. 753.

У словнику зафіксовано велику кількість усталених, добре відомих фразеологічних одиниць на зразок: *поставити на своїм* (с. 148), *добру школу пройти* (с. 151), *піти до голови по розум* (с. 159), *подати собі руки* (с. 163), *виривати з серця* (с. 171), *добрі часи* (с. 203), *ангел понад хатою перелетів* (с. 10), *як риба у воді* (с. 155). Однак значно більшу увагу привертають фразеологізми-новотвори Богдана Лепкого, як от: *хрінові троянда запахла* (с. 201), *чесати чортові хвіст* (с. 205), *балакати макарони* (с. 12), *пізні Івани* (с. 82)¹⁸.

Словник «Фразеологія творів Бориса Харчука», укладений творчим колективом у складі С.Є. Панцьо (автор проекту, головний редактор), Т.П. Вільчинської, І.М. Бабій, Н.О. Свистун, Н.Д. Парасін, Н.І. Лісняк, Т.М. Миколенко, М.Я. Наливайко, дає можливість по-новому осмислити творчу спадщину відомого українського письменника Бориса Харчука. Українське авторське словникарство збагатилося ще однією самобутньою лексикографічною працею. На основі 7 романів, 29 повістей, 11 оповідань Б. Харчука укладено словник-довідник обсягом близько 5 тис. фразеологічних одиниць та їх варіантів. Виявлено широкий спектр фразеологізмів, які, з одного боку, належать до загальнонаціонального фразеологічного фонду української мови, а з іншого – представляють волинську діалектну фразеологію, зокрема й індивідуально-авторську. Укладачі знайшли оптимальний спосіб розрізнення обох груп фразеологізмів: дефініції одиниць загальнонаціонального фонду подано з посиланням на академічні словники, а тлумачення до тих, які не зафіксовані словниками, сформульовані самостійно, на основі контекстів, напр.:

¹⁸ Цит. за: Фразеологізми у творах Богдана Лепкого. Словник / Гол. ред. С.Є. Панцьо. Тернопіль, 2010.

БДЖОЛА**наче бджола на квітку**

Охоче поспішати кудись з метою отримати насолоду, задоволення.

Заремба трохи спізнився у гостину, аби Юзефський не думав, що він летів, *наче бджола на квітку*. *Волинь 2*, с. 375 (с. 23);

КІЛ**кола і двора не треба кому**

Хтось дуже невибагливий.

Йому аби десь прихилити голову – *кола і двора не треба*. *Кревняки*, с.250.

ні кола, ні двора у кого

Хто-небудь дуже бідний, злиденний [СФУМ 2003:303].

– У нього що було. *Ні кола, ні двора*. *Кревняки*, с.311 (с. 240);

СИРОВАТКА**сироватка з квашею**

Погана погода, мокрий сніг з дощем і вітром.

Обернувся [Данилко] лицем до вітру. Ліпив мокрий сніг.

– *Сироватка з квашею*, – сказав сам собі. *Невловиме літо*, с. 243 (с.552);

СКІК**на заячий скік = на скік заячий**

Дуже мало [СФУМ 2003:656].

– Добре, що став під боком, *на заячий скік* від хати... *Довга гора*, с. 272.

Свого поля *на скік заячий*, а далі чуже. *Волинь 2*, с. 370 (с. 556)¹⁹.

Започатковані тернопільськими лінгвістами авторські фразеологічні словники – це добрий приклад для україністичних кафедр інших навчальних закладів України, бо фразеотворчість талановитих письменників різних регіонів давно чекає словникового формату опрацювання. Якщо літературна Тернопільщина ХХ ст. асоціюється з іменем Богдана Лепкого, то літературну Волинь яскраво презентує сьогодні Володимир Лис та Іван Корсак, Ігор Павлюк і Віктор Вербич, Прикарпаття – це Степан Пушик і Юрій Винничук, Юрій Андрухович і Василь Герасим'юк. Закарпаття збагатило б фразеологічний фонд сучасної української мови словниками фразеології Івана Чендея та Мирослава Дочинця. На початку 2000-х ужгородська дослідниця В.А. Папіш захистила кандидатську дисертацію, присвячену вивченню семантико-функціональної природи фразеологізмів у художній прозі закарпатоукраїнських письменників, де в окремому розділі розглянуто фразеологізми, не зафіксовані 2-томним «Фразеологічним словником української мови». Вони могли б скласти основу спеціального словника. Подібні роботи не є винятком. Одним із розділів дисертаційного дослідження М.В. Цуркан є розділ, присвячений питанням функційного призначення фразем у мові художніх творів Марії Матіос. Загальномовна та індивідуально-авторська фразеологія відомої буковинської письменниці також може бути вдячним матеріалом для словника.

Українська авторська фразеографія має певні напрацювання в створенні концепцій словників фразеології письменників-класиків. Так, Б.О. Коваленко обґрунтував потребу в створенні словника фразем мови творів письменника-етнографа Анатолія Свидни-

¹⁹ Цит. за: Фразеологія творів Бориса Харчука. Словник / Гол. ред. С.С. Панцьо. Тернопіль, 2012.

цького, автора першого в історії української літератури соціально-психологічного роману «Люборацькі»²⁰.

Дослідниця фразеології творів Олеся Гончара Л.Ф. Щербачук опрацювала теоретичні основи укладання словника індивідуально-авторського фразеовживання, завданням якого є повна інвентаризація індивідуально-авторських фразеовживань як в українській мові взагалі, так і в мові окремих майстрів художнього слова²¹.

Лексикографи Інституту української мови НАН України приступили до формування нової лексичної бази даних як основи майбутніх словників. Розпочати цю роботу науковці планують започаткуванням серії словників мови творів письменників і публіцистів ХХІ ст., а також видатних особистостей минулих століть, творчість яких була під забороною, а тому оригінальна, самобутня манера їхніх творів не була досі об'єктом лексикографічного опису. Саме з авторської лексикографії слід починати формування нової лексичної бази, бо студіювання мови окремого письменника, публіциста, мемуариста виводить нас на проблему слова поза словником. «Кожна лексема, не зафіксована словниками, залишається і поза лінгвістичним інформаційним простором. Лінгвальні особливості таких лексем (формальна структура, семантика, сполучваність, часова глибина і часова маркованість) не можуть бути використані в дослідницьких процедурах української мови чи в ширших славістичних студіях через їхню невідомість, недоступність дослідникам»²².

У найближчі п'ять років розгортатиметься робота зі створення Словників мови творів Олеся Гончара, Григора Тютюнника, Романа Іванчука, Анатолія Дімарова, Євгена Сверстюка, Івана Дзюби, Михайла Слабошпицького, Євгена Пашковського, Оксани Забужко, Юрія Андруховича, перекладів Миколи Лукаша, Григорія Кочура, Анатолія Перепаді, Андрія Содомори та ін.

До словників увійдуть усі без винятку неологізми в широкому розумінні, не засвідчені досі в тлумачних лексикографічних працях, а також актуальна, але досі не фіксована з певних причин лексика. Підготування цих словникових праць за допомогою новітніх методик лексикографування має дати реальну картину сучасного стану української літературної мови.

Лексична база даних сучасної української літературної мови – це не лише окремі, хоч і знакові постаті. Це мова в усьому її стильовому розмаїтті (конфесійний стиль, фольклор, переклади). Це живильні джерела мовотворчості українського Півдня й Полісся, Буковини й Прикарпаття, Слобожанщини й Наддніпрянської України.

Створення джерельної бази, яка б уміщувала тексти різних стилів та підстилів сучасної української мови, а також тих, що вносять у сучасну літературну мову місцевий колорит, відображають побут, реалії, духовне життя різних регіонів України, дасть можливість оновити сучасні словники, розширити текстову базу лексичної картотеки – основу нових словників.

²⁰ Коваленко Б.О. Засади укладання словника фразем мови творів Анатолія Свидницького // Українська лексикографія в загальнослов'янському контексті: теорія, практика, типологія / Відп. ред. І.С. Гнатюк. Київ, 2011. С. 194–201.

²¹ Щербачук Л.Ф. До проблеми укладання словника індивідуально-авторського вживання фразеологічних одиниць // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. Т. 2. 2006. С. 316.

²² Гриценко П.Ю. «Слово поза словником»: реєстр словника як проблема сучасної тлумачної лексикографії // Українська лексикографія в загальнослов'янському контексті: теорія, практика, типологія / Відп. ред. І.С. Гнатюк. Київ, 2011. С. 248.

Досягнення в теорії і практиці фразеології останніх десятиліть створюють сприятливі умови для підготовки словників індивідуально-авторського вживання фразеологізмів у мові окремих письменників. Словники такого типу подадуть систематизовані матеріали, які допоможуть виявити складну взаємодію у сфері фразеології узуального й оказіонального, зафіксувати різноманітні прийоми індивідуально-авторського перетворення ФО щодо мовної норми. Такі словники, з одного боку, служитимуть посібником для вивчення літературної мови тієї епохи, в яку жив і творив письменник. З іншого – словник фразеології мови письменника стане ключем до розуміння тексту автора, своєрідним посібником для вивчення стилю письменника.

ФРАЗЕОЛОГІЧНІ СЛОВНИКИ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

1. Тлумачні фразеологічні словники

- Батюк Н.О.* Фразеологічний словник. На допомогу вчителів. Київ, 1966. 234 с.
- Удовиченко Г.М.* Словник українських ідіом. Київ, 1968. 463 с.
- Удовиченко Г.М.* Фразеологічний словник української мови: В 2 т. Київ, 1984.
- Фразеологічний словник української мови: У 2 кн. / Укладачі: В.М. Білоноженко, В.О. Винник, І.С. Гнатюк, В.Й.Горобець, В.В. Дятчук, В.П. Забеліна, Н.М. Неровня, Н.І.Пашковська, О.П. Петровська, Н.П. Романюк, Т.О. Федоренко, Л.А. Юрчук. Київ, 1993. Кн. 1: А – Н. 528 с.; Кн. 2: Н – Я. С. 529–980; 2-е вид. Київ, 1999.
- Ужченко В.Д., Ужченко Д.В.* Фразеологічний словник української мови. Київ, 1998. 224 с.
- Словник фразеологізмів української мови / Укладачі: В.М. Білоноженко, І.С. Гнатюк, В.В. Дятчук, Н.М. Неровня, Т.О.Федоренко. Київ, 2003. 1104 с.; 2-е вид. Київ, 2008.
- Сучасний фразеологічний словник української мови / Укладачі: А.П. Ярещенко, В.І. Бездітко, О.В. Козир, Н.Г. Немировська. Харків, 2009. 640 с.

2. Перекладні фразеологічні словники

- Фразеологія ділової мови. Російсько-український словник / Уложили: В. Підмогильний, С. Плужник. Київ, 1927. 296 с.; перевидання: Київ, 1992.
- Англо-український фразеологічний словник / Уклад. К.Т. Баранцев. Київ, 1969. 1052 с.
- Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / Уклад. І.С. Олійник, М.М. Сидоренко. Київ, 1971. 351 с.
- Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / Уклад. І.С. Олійник, М.М. Сидоренко. 2-е вид., доп. та перероб. Київ, 1978. 447 с.
- Німецько-український фразеологічний словник: У 2 т. / Уклад. В.І. Гаврись, О.П. Пророченко. Київ, 1981. Т. 1: А – К. 384 с.; Т. 2: L – Z. 416 с.
- Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь / Сост. В.И. Лавер, И.В. Зикань; Научн. ред. М.М. Пешак. К.; Ужгород, 1985. 371 с.
- Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник / Уклад. І.С. Олійник, М.М. Сидоренко. Київ, 1991. 400 с.
- Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь : Эмоции человека / Сост. Ю.Ф. Прадид. Симферополь, 1994. 242 с.
- Українсько-французький і французько-український фразеологічний словник / Уклад. М.А. Венгрєнівська, Г.Ф. Венгрєнівська, Т.Б. Оратовський. Київ, 2000. 276 с.
- Вирган І.О., Пилинська М.М.* Російсько-український словник сталих виразів. Харків, 2000. 864 с.; перевидання: Харків, 2009.
- Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / За заг. ред. Л. Г. Савченко. Харків, 2004. 462 с.
- Німецько-український фразеологічний словник (усталені порівняння) / Уклад. К.І. Мізін. Вінниця, 2005. 304 с.

- Англо-український фразеологічний словник / Уклад. К.Т. Баранцев. 2-е вид., випр. Київ, 2005. 1056 с. 3-те вид. стер. Київ, 2006.
- Українсько-англо-російський ілюстрований фразеологічний словник / Уклад. І.С. Намакштанська, О.В. Романова, О.Ф. Курочкіна та ін. Донецьк, 2007. 268 с.
- Великий сучасний російсько-український українсько-російський словник фразеологізмів та сталих виразів / Уклад. І.Г. Данилюк. Донецьк, 2009. 640 с.
- Латинська фразеологія. Словник-довідник : навчальний посібник / Автор-укладач: П.І. Осипов. Київ, 2009.
- Англо-український словник компаративної фразеології / Уклад. К.І. Мізін. Кременчук, 2010. 120 с.
- Віднайдений скарб української фразеології: українсько-російський фразеологічний словник / Упоряд. Юрій Завгородній. Луцьк, 2011. 104 с.
- Потаненко-Калоянова К.К.* Українсько-болгарський фразеологічний словник. К.; Одеса, 2011. 374 с.
- Англо-український тематичний словник нової лексики та фразеології / Уклад. Ю.А. Зацний, О.Л. Клименко. Запоріжжя, 2013. 322 с.

3. Семантико-парадигматичні фразеологічні словники

- Словник фразеологічних синонімів / Укладачі: М.П. Коломієць, Є.С.Регушевський; за ред. В. О. Винника. Київ, 1988. 200 с.
- Словник фразеологічних антонімів української мови / Укладачі: В.С. Калашник, Ж.В. Колоїз. 4-е вид. Київ, 2008. 349 с.
- Практичний англо-український словник фразеологічних синонімів / Авт.-уклад.: Т.А. Береза, Л.М. Коцюк, О.С. Кулинський. Львів, 2011. 400 с.

4. Ареальні фразеологічні словники

- Вархол Н., Івченко А.* Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. Братислава, 1990. 259 с.
- Ужченко В.* Матеріали до фразеологічного словника східнословобожанських і степових говірок Донбасу. Луганськ, 1993. 112 с.
- Ужченко В.* Фразеологічний словник східнословобожанських і степових говірок Донбасу. 2-е вид. Луганськ, 1997. 143 с.
- Ужченко В., Ужченко Д.* Фразеологічний словник східнословобожанських і степових говірок Донбасу. 3-тє вид. Луганськ, 2000. 198 с.; 4-е вид. Луганськ, 2002. 263 с.; 5-е вид. Луганськ, 2005. 348 с.
- Чабаненко В.А.* Фразеологічний словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 2001. 201 с.
- Доброльозжа Г.М.* Красне слово – як золотий ключ : Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій. Житомир, 2003. 160 с.
- Мацюк З.* Із народу не викинеш : Діалектний словник фразеологізмів. Луцьк, 2006. 136 с.
- Доброльозжа Г.М.* Фразеологічний словник говірок Житомирщини. Житомир, 2010. 404 с.
- Кірілкова Н.В.* Словник волинських фразеологізмів. Острог – Рівне, 2013. 192 с.
- Мацюк З.* Що сільце, то нове слівце : Словник фразеологізмів Західного Полісся. Луцьк, 2013. 476 с.
- Ступінська Г., Битківська Я.* Фразеологічний словник лемківських говірок. Тернопіль, 2013. 464 с.

5. Фразеологічні словники авторського типу

- Фразеологія перекладів Миколи Лукаша: Словник-довідник / Уклад. О.І. Скопненко, Т. В. Цимбалюк. Київ, 2003. 735 с.
- Фразеологізми у творах Богдана Лепкого. Словник / Гол. ред. С.Є. Панцьо. Тернопіль, 2010. 224 с.
- Фразеологія творів Бориса Харчука. Словник / Гол. ред. С. Є. Панцьо. Тернопіль, 2012. 748 с.

В. В. ДУБИЧИНСКИЙ

Варшава, Польша

Контрастивная лексикография: словарь «ложных друзей переводчика» versus словарь лексических параллелей

Национально-культурная специфика значения слова

Под **национальной культурой** обычно понимают совокупность общественных отношений и ценностей определенной нации. Каждый национальный язык выражает то, что не может иногда выразить другой, каждая национальная культура говорит то и так, что и как не может высказать другая.

Однако никакая культура сегодня не может замкнуться в сугубо региональных рамках (таковых попросту не существует). Социокультурный обмен взаимосвязан и взаимозависим. Знакомясь с той или иной национальной культурой, мы обнаруживаем в ней не только специфические черты, но и общие свойства, позволяющие судить о многонациональной культуре как сложившейся системе, части которой взаимообусловлены и взаимосвязаны.

Чтобы показать себя миру, национальная культура обязана иметь такой языковой материал, который позволяет ей передать и опыт своего народа, и опыт человечества в целом. Для этого язык, с одной стороны, должен отобразить самопознание народа, с другой стороны, – восприятие этим народом мировых научных знаний, производственных отношений, культурных достижений, взглядов, мнений и т. п.

Никакой язык не может существовать без культуры как «социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни»¹. Образным выражением взаимосвязи языка и национальной культуры «Язык – зеркало культуры»² можно подтвердить идею о том, что в языке отображается жизнь и деятельность человека во всех проявлениях.

Особую актуальность проблема взаимоотношения языка и национальной культуры приобретает в наше время, когда в число первоочередных задач выдвигается гармоничное развитие и мирное сотрудничество народов мира. Не стоит к национальному относиться как к чему-то отдельному. Самобытное, народное нельзя оторвать от общечеловеческого, и это касается как культуры, так и языка.

«Именно когда не погружаются в глубокое изучение национальной специфики, а топчутся в преддверии, бесконечно повторяя-заклиная про “единство национального и интернационального”, ребячество национализма может втемяшиться от малого знания некоей лестной для себя особенности. Но глубокое спокойное исследование только раскрывает каждому народу глаза на бездну красоты, силы и незаменимую ценность культуры каждого другого народа, пестует трепетное уважение к ее уникальности. Возлюбленная непохожесть открывается уму. В то же время каждый постигает свои несовершенства и чем восполняет их национальная культура соседа, благодаря

¹ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 185.

² Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

чему они и нужны друг другу в “разделении труда” между инструментами в индустрии или оркестре человечества»³.

Совокупности совпадающих и расходящихся единиц для каждой пары сопоставляемых культур или языков будут различными, поэтому, когда речь идет об их выявлении, всегда имеется в виду относительность и зависимость их от конкретного сравнения.

«Нет одинаковых национальных культур, более того, нет одинаковых образов сознания, отображающих одинаковые или даже один и тот же культурный предмет»⁴. Даже при наличии одних и тех же денотатов, а также при наличии сходных сигнификатов сравниваемых лексических единиц в сопоставляемых языках, национально-культурные интерпретации и коннотации слов непременно несут свою семантическую специфику.

Итак, язык может рассматриваться в двух аспектах: общечеловеческом и национально-специфическом. Для современной лингвистики в настоящее время является, несомненно, актуальным и то, что в любом языке выражает единство всего человечества и то, что восходит к неповторимой судьбе данного народа, хранит его опыт, запечатлевает достижения и представляет собой, по словам В.В. Виноградова, отражение национального творчества.

«Понятие может стать свободным, номинативным значением слова, но и в этом случае семантика слова в целом, рассматриваемого в аспекте системы языка, не исчерпывается и не ограничивается только выражением этого понятия. Что же касается других видов лексических значений слов, то эти значения настолько сливаются со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обрастает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа»⁵.

Как отмечают авторы методики межкультурного образования, «нужное значение слова в иностранном языке может быть выбрано из множества значений только при знании культурно-исторического контекста употребления данного слова носителями данного языка»⁶.

При организации процесса освоения лексики в системе межкультурного образования разрабатывается так называемый «**культурный минимум**» русского языка – список культурно-маркированных лексических единиц, ключевых понятий русской культуры, который состоит из:

1) **безэквивалентной лексики** – ключевых слов культуры, лексических единиц, не имеющих лексических соответствий в родном языке учащихся в силу различных причин (отсутствие реалий в данной стране и т. п.), например: *маршрутка, дача, квас, сутки, удаль*;

2) **фоновой лексики** – слов, отличающихся в родном и изучаемом языках лексическими (культурными) фонами – совокупностью понятийных семантических долей,

³ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1988. С. 4.

⁴ Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 2000. С. 19.

⁵ Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 189.

⁶ Бердичевский А.Л., Гиниатуллин И.А., Лысакова И.П., Пассов Е.И. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного / Под ред. А.Л.Бердичевского. М., 2011. С. 22.

обозначающих внеязыковые сведения, относящиеся к слову, например: *лето* у англичан состоит из четырёх месяцев (май, июнь, июль, август)⁷.

Принимая во внимание вышесказанное, следует коснуться давно обсуждающейся проблемы **национально-культурного компонента значения** слова, олицетворяющего взаимозависимость языка и культуры. Само понятие «национально-культурный» предусматривает сопоставление с семантической системой другого языка, что имеет непосредственный практический выход в лингводидактику и лексикографию.

Американский ученый Р. Ладо представляет себе культурное значение в виде части культуры народа и части лингвистического значения⁸.

Г.В. Елизарова подчеркивает, что понятие «культурного значения» носит комплексный характер. «Его основной чертой является индексальная природа. Это означает, что в событиях, фактах, тенденциях зачастую невозможно вычленить такие компоненты, которые отражают в качестве «означаемого» некоторую культурную ценность. В большинстве случаев события, явления, институты общества, человеческое поведение отсылают к культурным ценностям, связывают посредством единой системы таких ценностей всех носителей конкретной культуры в единое целое – культурную общность.

Единство системы ценностей, имплицитно присутствующее в жизнедеятельности культурной общности, обеспечивает общее культурное значение конкретных проявлений культуры на различных уровнях, благодаря которому индивиды и коллективы могут эффективно общаться в рамках одной культуры. При общении представителей различных культур на едином языке (либо родном для одной из сторон, либо иностранном для всех участников общения) культурный компонент значения определяется родной культурой, находится в области бессознательного и при его игнорировании может стать причиной разногласий в трактовках явлений и событий и привести к нарушению общения. Подлинное общение базируется на выработке, создании общего для участников общения культурного компонента значения»⁹.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров культурным компонентом значения называют экстралингвистическое содержание слова, которое прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру. Определяя признаки и критерии, по которым предмет включается или не включается в объем лексического понятия (т. е. означаемого) как семантические доли (СД), ученые подчеркивают, что вокруг каждого слова, особенно центрального, ключевого, складывается целый ореол всевозможных непонятных семантических долей – лексический фон¹⁰.

Данное положение подвергает, на наш взгляд, справедливой, критике М.В. Крюков: «Фоновые знания, формирующие смысловой уровень сознания, действительно, существуют в неязыковой (и здесь мы полностью принимаем аргументацию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова) форме, но не в форме СД слов и словосочетаний, а в форме многочисленных логических импликаций и пресуппозиций... Это знание не языковое, а пресуппозициональное, это – принадлежность глубинного уровня сознания, это – вну-

⁷ Там же. С. 23–25.

⁸ Lado R. *Linguistics across cultures*. Ann Arbor, 1958. P. 6.

⁹ Елизарова Г.В. *Культурологическая лингвистика*. СПб., 2000. С. 36–37.

¹⁰ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура*. М., 1983. С. 55–58.

тренняя, идеальная модель внешнего материального мира или его фрагмента, актуальное осознание и вербализация которой требует известных усилий»¹¹.

Н.Г. Комлев подтверждает, что «лексическому понятию сопутствует некий культурный компонент»¹². По его мнению, культурная коннотация каждого слова-знака складывается в процессе общения людей, на протяжении всей истории слова и обозначаемого им денотата. Комплекс компонентов значения иностранного слова, усвоенного на базе отечественных реалий, не соответствует комплексу, известному среднему носителю иностранного языка. Поэтому большая часть лексики не может быть переведена «слово в слово» с одного языка на другой. Значительная часть слов понимается иностранцем не через перевод, а через описание¹³.

И.А. Стернин в структуре значения слова выделяет два мегакомпонента (лексическое значение и структурно-языковое значение). Лексическое значение подразделяется на два макрокомпонента: денотативный, указывающий на свойства, признаки предмета номинации и передающий основную, коммуникативно-значимую информацию, и коннотативный, выражающий эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова.

Макрокомпоненты значения вычленяют в своем составе микрокомпоненты – *семы*. Сема – компонент значения, отражающий отличительный признак денотата слова (предмета, явления, процесса) и способный различать значения слов.

Национальная специфика семантики какой-либо лексической единицы, по мнению И.А. Стернина, представляет собой отличие ее по составу семантических компонентов от значений близких по семантике слов другого языка, включая случаи полной безэквивалентности значения.

Национально-языковая специфика проявляется, например, в следующем:

– не совпадают лексико-грамматические признаки слов: *обувь* – собирательное, *Schuhe* – не собирательное, *часы* – только мн. ч., *Uhr* – ед. и мн. ч.;

– не совпадает сочетаемость единиц: *магазин* – свободная сочетаемость, *Handlung* – чаще с названиями книг, антикварных и зоологических товаров; *обувь* – свободная сочетаемость, *Schuhwerk* – только со словами, обозначающими качество; *человек* – свободная сочетаемость, *Mensch* – преимущественно с неопределенными числительными, *Mann* – преимущественно при обозначении определенного количества людей как совокупности;

– не совпадают функциональные семы: функционально-стилистические семы (*лицо* – межстиль., *Antliz* – высок.), функционально-социальные семы (*центрифуза* – спец., *Schleuder* м общепотр.), функционально-территориальные семы (*проспект* м общераспр., *Prospekt* – в России), функционально-частотные семы (*бокал* – употр., *Pokal* – малоупотр.), функционально-темпоральные семы (*Schwagerin* – общепотр., *свояченица* – устарев.; *адвокат* – совр., *Advokat* – устарев.)¹⁴.

Согласно представленным точкам зрения, национально-культурная специфика слова отдельно в словарях, как правило, не отражается и присутствует в них имплицитно.

¹¹ Крюков А.Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихоллингвистика. М., 1988. С. 26.

¹² Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969. С. 116.

¹³ Комлев Н.Г. О культурном компоненте лексического значения // Вестник Моск. ун-та. 1966. № 5. С. 48.

¹⁴ Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. М., 2007. С. 66–106.

Все приведенные мнения, по нашему мнению, заслуживают внимания. Нельзя не согласиться с тем, что национально-культурная специфика пронизывает все компоненты значения слова, отражается экстралингвистически, высвечивается в стилистических, сочетаемостных и других разновидностях словоупотребления.

Однако, на наш взгляд, национально-культурные особенности выявляются также и в лексикографическом аспекте, а именно в семантической структуре слова, в тех специфических лексико-семантических вариантах (семемах), присущих только слову данного языка, культуры, народа. Это мы постараемся проиллюстрировать в дальнейшем изложении.

Лексико-семантические лакуны в процессе межкультурного и межъязыкового общения

Обычно в лингвистике под **лексико-семантическими лакунами** понимается отсутствие в каком-либо языке лексической единицы на определенном месте в структуре лексической парадигмы. Лакуны являются ярким примером «дырчатости» языка (термин Ю.Г. Милославского). Это своего рода пустоты в картине мира определенного языка.

Воспринимая иностранный текст, читатель (слушатель) использует набор правил, присущих только его языку и культуре. Предложенные ему правила иного языка, реализованные в некотором тексте, относятся к другому, неродному языку, к другой, не собственной культуре и опознаются как непонятные.

Всё интерпретируемое читателем иностранного текста как непонятное или странное является специфическим сигналом присутствия в тексте языковых явлений, соотнесенных с понятийной структурой и этнолингвистическим (этнопсихолингвистическим) типом, не идентичными соответствующим характеристикам иностранца.

Под этнопсихолингвистическим типом носителя какого-либо языка обычно понимается «интеллектуально-эмоциональный тип личности со специфической структурой речевого (и неречевого) коммуникативного поведения, определяемой культурными особенностями того общества, к которому данная личность принадлежит»¹⁵.

То, что в одних языках и культурах обозначается как «отдельности», а в других «не сигнализируется, то есть не находит общественно закрепленного выражения»¹⁶, называется лексико-семантическими лакунами.

Наличие лексико-семантических лакун в различных языках вызвано невозможностью вполне адекватного перевода одной языковой системы в другую. Это не означает, что взаимопонимание исключено, однако для достижения его необходимо глубокое знание национальной культуры данного народа.

Следует напомнить, что факт возможности межъязыкового и межкультурного общения свидетельствует о преувеличении тех или иных различий и что основой для него является «универсальность категорий человеческого мышления, наличие семантических универсалий и известная общность человеческого опыта»¹⁷.

¹⁵ Сорокин Ю.А. Роль этнопсихологических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 166.

¹⁶ Дорошевский В.П. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973. С. 73.

¹⁷ Швейцер А.Д. К проблеме лингвистического изучения процесса перевода // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 39.

Глубинной основой эквивалентности можно считать установление сходств и различий языковых систем («То, что отличает одни языки от других и есть всё то, что их составляет»¹⁸ с точки зрения нейтральной системы общего **когнитивно-семантического континуума** (термин В.Н. Манакина), который может служить невидимым языком-эталоном и критерием степени и характера лексико-семантической эквивалентности в разных языках. Таким образом, в обществе язык выступает в двух ипостасях: в форме живых существующих национальных языков и в форме ментального всеобщего человеческого языка.

Под всеобщим человеческим языком обычно понимают единый когнитивно-семантический континуум, который выступает в роли организующей силы содержательной стороны всех языков и человеческого знания о мире, существующих в невербальной сфере.

Общечеловеческий когнитивно-семантический континуум, как и единое информационное поле Вселенной (В.И. Вернадский), не представлен в «непосредственных ощущениях», т.е. материально. Это с философской точки зрения – категории объективно-идеальные. Но идеальная форма существования объекта вовсе не означает его отсутствия¹⁹.

Лексико-семантические лакуны позволяют выявить те языковые явления, которые воспринимаются как непонятные или странные, причиной чего служит существование всевозможных различий в языке и культуре тех или иных народов.

Лексико-семантические лакуны больше, чем какое-либо другое явление, характеризуют национально-культурные особенности того или иного языка в сравнении с другими.

По наблюдениям исследователей, лакуны могут быть абсолютными и относительными²⁰. Иногда абсолютные и относительные вместе с ассоциативными и стилистическими объединяются в этнографические и лингвистические лакуны²¹. Мотивированные лакуны связывают с отсутствием самой реалии у того или иного народа – сфера так называемой **безэквивалентной лексики**. «Слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями, называются безэквивалентными. Такие слова в строгом смысле непередаваемы»²².

Если в одном языке при переводе или сравнении с другим языком мы выделяем безэквивалентные лексические единицы, то в другом языке на соответствующих местах языковой картины мира можно наблюдать «дыры», пустоты – это и есть лексико-семантические лакуны.

По словам И.А. Стернина, лакуна представляет собой отсутствие межязыкового соответствия в одном языке относительно другого. В русском языке при сопоставлении с немецким языком обнаруживаются лакуны «совокупность детей одних родителей» (ср. *Geschwister*), «утолщенная часть бутылки» (ср. *Bauch der Flasche*), «вечер пятницы, суббота и воскресенье» (ср. *Wochenende*), «одноразовая супружеская измена» (ср.

¹⁸ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1977. С. 154.

¹⁹ Манакин В.Н. Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки. Киев; Кировоград, 1994. С. 26.

²⁰ Дорошевский В.П. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973. С. 178.

²¹ Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических лакун. Владимир, 1980. С. 87.

²² Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1983. С. 56.

Seitensprung), названные немецкие слова выступают как немецкие безэквивалентные единицы относительно русского. Лакуны могут быть выявлены только в *иностранном языке*, поскольку в родном языке анализируются лишь зафиксированные в словарях единицы, которые при отсутствии соответствия в иностранном языке квалифицируются как безэквивалентные²³.

Для решения проблемы эквивалентности как объектов культуры, так и лексических единиц, немаловажную роль играет понятие «идиокультурная адаптация» – приспособление к конкретно определенным условиям среды, что является по своей сути приближением к интернациональности, к всеобщности.

Процесс адаптации каких-либо фрагментов одной лингвистической и культурной общности при восприятии его носителями некоторой другой культуры, по существу, сводится к процессу **элиминирования лакун**, которое осуществляется, по мнению Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной, двумя основными способами: заполнением и компенсацией.

Заполнение лакун представляет собой процесс раскрытия смысла некоторого понятия-слова, принадлежащего незнакомой реципиенту культуре. Заполнение (и языковое, и относящееся к сфере культуры в целом) может быть различной глубины: поверхностное или более глубокое, подробное, полное, что зависит от характера лакуны, от типа текста, в котором она существует, а также от особенностей человека, которому адресован текст.

Суть процесса компенсации лакун в ходе межкультурного общения состоит в следующем: для снятия национально-специфических барьеров в ситуации контакта культур, т. е. для облегчения понимания того или иного фрагмента чужой культуры в текст вводится специфический элемент (например, слово) культуры реципиента. Таким образом, в тексте некоторой культуры появляются элементы другой культуры или языка. При этом, как правило, облегчается понимание текста инокультурным реципиентом, но в определенной степени утрачивается национально-культурная специфика исходной культуры²⁴.

Итак, в процессе межкультурного, а следовательно, и межъязыкового, общения наличие лексико-семантических лакун, по нашему мнению, олицетворяет национально-культурное своеобразие той или иной языковой системы. Это, естественно, имеет первостепенное значение для переводческой деятельности и напрямую связано с таким лексическим явлением, как «ложные друзья переводчика».

Понятие «ложные друзья переводчика»

Как уже было отмечено выше, при переводе происходит не только взаимодействие языковых систем, но и соприкосновение культур. Не раз отмечалось, что при переводе всегда следует добираться до непереводаемого; только тогда можно по-настоящему познать чужой народ, чужую культуру (слова И.В. Гёте). Это подтверждает важность национально-культурной специфики слова, ее огромную значимость в переводческой

²³ Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. М., 2007.

²⁴ Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М., 1988. С. 11.

деятельности. Переводчик представляется нам посредником не только между языками, но и культурами.

«Перевод предполагает одновременную актуализацию обоих языков. Поэтому обычную ситуацию билингвизма можно определить как билингвизм статический, а перевод – как билингвизм динамический. При динамическом билингвизме в контакт вступают не только два языка, но и две культуры, а переводчик соответственно является местом контакта не только языков, но и двух культур»²⁵.

Для переводчика необходимо владение всем лексическим материалом языка, всем набором фоновых знаний, и количество этих фоновых знаний тем больше, чем больше расхождений между культурами.

Сфера деятельности переводчика – своего рода неделимое целое: *язык-культура-человек*. Используя язык как средство коммуникации, переводчик призван осуществлять коммуникацию между отдельными лицами на основе знания и понимания языков и культур. Без знания культурной среды никакая коммуникация через переводчика практически невозможна. Изучением языка через культуру страны и страны через язык занимается лингвострановедение (лингвокультурология).

Лингвострановедением обычно называют дисциплину, «в пределах которой... производится упорядоченное ознакомление ... с наиболее существенными аспектами материальной и духовной культуры, мироощущением, поведенческими стереотипами и т. д. определенного народа, ... говорящего на изучаемом [иностранном. – В. Д.] языке»²⁶. Лингвострановедение – это не только наука о человеке и его культурной среде, но и о языковом отражении этой среды.

Другими словами, переводчик – это в определенной степени лингвострановед (лингвокультуролог), так как, являясь носителем одной культуры, он в равной мере обладает знаниями о другой культуре, культуре переводного языка²⁷.

Знание языка, конечно, необходимо для любого специалиста, особенно для специалиста, занимающегося вопросами культуры другой страны. Однако для лингвострановеда язык и культура выступают как единое целое. Исторические, экономические, политические, литературоведческие и другие знания для него не цель, а средство для понимания культурной среды и человека этой культуры, который использует тот или иной язык.

Огромное значение имеет лингвострановедение и в преподавании иностранных языков, и в частности русского языка как иностранного.

С целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных гуманистических задач на занятиях по иностранному языку проводится так называемая **аккультурация** учащихся, т. е. ознакомление их с типичными явлениями изучаемой культуры (культуры изучаемого языка). Методика преподавания предполагает ознакомление со страной, культурой ее народа через посредство изучаемого иностранного языка в процессе обучения.

²⁵ Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. 2-е изд. М.: МГУ, 2007. С. 319.

²⁶ Морковкин В.В. О лингвострановедении и некоторых смежных вопросах // Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного. Воронеж. 1984. С. 60.

²⁷ О сущности перевода, о едином человеческом языке как условии межпереводимости более подробно: Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2009. С. 97–99.

Ориентация при обучении на страноведческую действительность высвечивает немаловажную роль национально-культурных особенностей словарного состава языка.

Недавно выдвинутая теория межкультурного образования подчёркивает, что в основе процесса овладения словарным составом языка лежат два взаимосвязанных положения:

- представление о лексике как способе отражения этнокультурной картины мира;
- представление о лексике как инструменте культуры, влияющем на мировосприятие человека²⁸.

Исходя из принципиальной «ассиметрии языкового знака» (термин С.О. Карцевского), при сопоставлении языков или переводе национальная картина мира в одном языке не может зеркально отражаться в когнитивной системе другого. Национально-культурные особенности лексических единиц не позволяют переводчикам в полной мере пользоваться даже интернациональными лексемами как семантическими эквивалентами. Оживая в иностранном языке, интернациональная единица приобретает национально-культурную окраску, собственные смысловые оттенки.

При изучении и использовании иностранного (или русского языка как иностранного) в деятельности переводчика, в межъязыковых контактах и лексикографической практике мы часто склонны переносить наши языковые привычки на чужую языковую систему. Родной язык, прочно укоренившийся в нас, толкает на ложные аналоги.

Влияние родного языка и культуры особенно ощущается в явлении, которое получило в переводческой деятельности название **«ложных друзей переводчика»** – семантически различных, но совпадающих по внешней (устной/письменной) форме лексических единиц сравниваемых языков.

Возникновение «ложных друзей переводчика» обусловлено, на наш взгляд, национально-культурным своеобразием значений внешне сходной лексики того или иного языка. «Влияние языков друг на друга не столько зависит от неких больших своеобразий, сколько основывается на соразмерном качестве элементов, отдельные следы которых едва различимы», – писал Вильгельм фон Гумбольдт²⁹, подчеркивая иногда еле уловимую специфику какой-либо лексемы нескольких сравниваемых лексических единиц различных языков.

Исторически «ложные друзья переводчика» являются результатом взаимовлияний языков (независимо от родства), изредка возникают в результате случайных внешних совпадений, «а в родственных, особенно близкородственных, языках нередко основываются на когнатах, восходящих к общим прототипам в языке-основе»³⁰.

Р.А. Будагов заметил: «Взаимное влияние языков в области лексики – факт общеизвестный. В какой, однако, степени подобное влияние не сталкивалось бы здесь с контртенденцией – самостоятельностью каждого языка, тогда перестала бы существовать, в частности, и сама проблема «ложных друзей переводчика». Но она существует.

²⁸ Бердичевский А.Л., Гиниятуллин И.А., Лысакова И.П., Пассов Е.И. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. С. 21–25.

²⁹ Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях / Под ред. В.А. Звегинцева. М., 1964. С. 73.

³⁰ Акуленко В.В. О «ложных друзьях переводчика» // Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М., 1969. С. 379.

И она обусловлена самой самостоятельностью и известной неповторимостью каждого развитого языка, имеющего свою письменность и свои традиции»³¹.

Интересную типологию «ложных друзей переводчика» в сфере лексики предложил Н.К. Гарбовский. Не существующие в языке перевода слова, которые возникают иногда в речи переводчиков, ученый называет межъязыковыми псевдоаналогизмами. **Псевдоаналогизмы** – это слова, существующие только в одном из сопоставляемых языков, но по своей фонетической форме и словообразовательной модели **кажущиеся** возможными в языке перевода.

Изобретение псевдоаналогизмов – довольно часто встречающаяся переводческая операция. Так, в англо-французском словаре «ложных друзей переводчика»³² для пары английского и французского языков приводится целый список глаголов, не существующих во французском языке, но создаваемых торопливыми переводчиками на основе английских глаголов по словообразовательным моделям французского языка: *bilanter* вместо *faire un bilan* (*подводить итог*), *dimensionner* вместо *déterminer les dimensions* (*определять размеры*), *flexibiliser* вместо *rendre souple* (*делать более гибким*) и т. п.

По мнению Н.К. Гарбовского, следует выделить основные четыре типа отношений между сходными по форме лексемами разных языков: внеположенность; равнообъемность (или равнозначность); подчинение; перекрещивание.

Внеположенность характеризует такие отношения между понятиями, когда их объемы полностью исключают друг друга, т. е. объемы внеположенных понятий не содержат ни одного общего объекта. Внеположенностью характеризуются прежде всего межъязыковые омонимы. Например, англ. *the billion*, франц. *le billion* и рус. *биллион*. Все три слова называют значительные числа – некоторое множество миллионов. Англ. *the billion* обозначает *тысячу миллионов*, т. е. *миллиард*. Рус. *биллион* обычно употребляется в том же значении. Франц. *billion* означает совсем иное число, в тысячу раз больше – *тысячу миллиардов*, т. е. число, которое в английском языке обозначается словом *the trillion*, а в русском – *триллион*. Франц. *le trillion* обозначает число *миллиард миллиардов*.

Сходные по внешней форме слова заключают в себе **равнообъемные понятия**, если каждый объект, входящий в объем понятия слова языка *A*, входит также в объем понятия, заключенного в слове языка *B*. Равнообъемностью понятий характеризуются прежде всего такие лексемы, которые оказываются полностью эквивалентными в рассматриваемой паре языков, т. е. симметричные диалексемы, или межъязыковые тождества. Так, в английском слове *cousin*, во французском *cousin* и в русском *кузен* объемы понятий полностью совпадают.

Понятия, заключенные в асимметричных диалексемах, находятся в отношениях **перекрещивания**, если в их объемы входят как общие для обоих понятий объекты, так и различные. Иначе говоря, при перекрещивании понятий возникает три класса объектов: объекты, входящие только в объем понятия, выраженного лексемой языка *A*; объекты, входящие только в объем понятия, выраженного лексемой языка *B*; объекты, входящие в объем понятий как лексемы языка *A*, так и лексемы языка *B*. Данный тип логических отношений представляет особый интерес именно в силу того,

³¹ Будагов Р.А. Как мы говорим и пишем. М., 1988. С. 52–53.

³² Allinne F. Les faux amis de l'anglais. Paris, 1999.

что при пересечении возникают три семантические области: область пересечения, в которой понятия, заключенные в диалексемах, совпадают, т.е. область, в которой диалексемы могут использоваться в переводе как эквиваленты, и две области несовпадающих значений, благодаря которым лексемы, составляющие диалексему, оказываются омонимами.

Подчинение характеризует такие логические отношения, когда объем одного понятия полностью поглощается объемом другого. В лексике это проявляется при сравнении слов, заключающих в себе родовые понятия (гиперонимы), со словами, обозначающими видовые понятия или имена собственные (гипонимы). Отношения подчинения просматриваются в словах *detective* (англ.), *détective* (франц.) и *детектив* (рус.). И в русский, и во французский языки это слово пришло из английского. Это в известной степени и обусловило характер и направление межъязыковой асимметрии. В английском слово *detective* обозначает *инспектора полиции, сыщика, сыскного агента, переродетого полицейского, агента безопасности, следователя*. Во французском языке аналогичное по форме слово обозначает только *частного сыщика*. В русском языке слово обозначает *агента сыскной полиции*. Таким образом, объем понятия английского слова покрывает объемы понятий как французского, так и русского слов³³.

Немного забегаая вперед, отметим, что в теории лексических параллелей отношения внеположенности описывают ложные лексические параллели, равнообъемности (равнозначности) – полные лексические параллели, а отношения подчинения и перекрещивания лексикографически описываются неполными лексическими параллелями. Таким образом, можно избежать понятийной путаницы в определении межъязыковой омонимии, межъязыковой синонимии, псевдоаналогизмов и т. п. (подробнее см. ниже).

Среди лингвистов в настоящее время нет единого мнения по поводу наименования исследуемого нами феномена. А.Е. Михневич в белорусском и русском языках выделяет *паралексы* (от греч. *para* – при, *lexis* – слово), С.А. Горская – *парасеманты* (от греч. *para* – при, возле, *semantikos* – значение). Предлагаются также такие термины: межъязыковые омонимы (Кусаль, Кочерган, Муравьев, Ровдо и др.) *ложные эквиваленты* (Андреев, Федоров), *«ложные друзья переводчика»* (Шахрай, Гальперин, Будагов, Карпиньски и др.), *псевдоинтернационализмы* (Акуленко, Борисова, Марчук, Попова и др.), *обманчивые языковые сходства* (Гросбарт), *слова-аналоги* (Вилломан), *ап-проксиматы* (Симеонова, Карпачева, Чангарова), *гетеронимы* (Конецкая, Селиванов), *лексические западни* (Токаж), *тавтонимы* (Липчук, Котны, Шатте).

Часто исследователи относят «ложных друзей переводчика» к **псевдоинтернационализмам** (В.В. Акуленко, Л.И. Борисова, Ю.Н. Марчук, З.Д. Попова и др.). В отдельных случаях (например, случаях полисемии, контекстуальных употреблений и т. п.) «ложные друзья» могут выступать как бы «подлинными друзьями» переводчика. В связи с тем, что важнейшим условием интернациональности лексических единиц является существенная общность их значений, а для «ложных друзей переводчика», наоборот, – отсутствие сходства в семантике, мы считаем, что не следует смешивать эти понятия.

Совершенно иное к тому же понимание мы вкладываем в термин «псевдоинтернационализм». Псевдоинтернациональной лексикой называются слова, которые были

³³ Гарбовский Н.К. Теория перевода. С. 336–349.

образованы из международных морфем только в данном языке и не вышли за его пределы (не были заимствованы другими языками). К ним можно отнести, прежде всего, многочисленные слова, образованные с помощью суффикса *-ист*: *аквалангист*, *регбист*, *скандалист* и др. Некоторые могут встречаться в заимствующих языках при отсутствии в языке-источнике заимствования. Например, рус. *нацист*, польск. *nazista*, укр. *нацист*, чешск. *nacista* при нем. *Nazi*, англ. *Nazi*, франц. *nazi* и т. п. Это же касается многих сложных и сложносокращенных слов. Например, *кермет* (керамика + металл), *магнитола* (магнитофон + радиола), *медперсонал*, *мопед* (мотоцикл + велосипед), *космопилот*, *космостанция*, *мелан* (малоэластичный лавсан) и т. п.

По нашему мнению, неприемлемо также для обозначения «ложных друзей переводчика» употребление терминов «междязычные/межъязыковые омонимы» (С.М. Грабчиков, Н.В. Заславская, В.В. Коптилов, И.В. Кононенко, Н.В. Федотова, Т.В. Проспирова, М.П. Кочерган, К. Кусаль и др.) и «междязычные/межъязыковые паронимы» (З.П. Макеева, А.Е. Михневич и др.).

Под **межъязыковой (интернациональной) омонимией** мы подразумеваем внешне (устно/письменно) и семантически сходные/несходные параллельные оппозиции двух и более синхронически сравниваемых языков, т. е. минимум (при сопоставлении двух языков) четырехчленную структуру, когда сходство пар (трех, четырех и более) омонимов наблюдается с парами (тремя, четырьмя и более) омонимов в различных языках.

К числу **межъязыковых (интернациональных) паронимов** относятся только такие паронимичные пары (тройки и более) сопоставляемых языков, которые в каждом из двух (как минимум) рассматриваемых языках могут вызывать ложные ассоциации, отождествляться одна с другой при фактическом расхождении их значений. (Подробнее о межъязыковых омонимах и паронимах см. ниже.)

Нежелателен также **термин «междязычные/межъязыковые синонимы»**³⁴ для обозначения интернациональной лексики, так как синонимия имеет в виду внешне не сходные лексемы, что противоречит сущности интерлексем, совпадающих, прежде всего, по значениям.

Собственно лексикографическому описанию национально-культурных особенностей языков посвящены **словари «ложных друзей переводчика»**.

Первый, известный нам, опыт лексикографического описания «ложных друзей переводчика» относится к работе Э. Мовильона 1747 года. В 1788 г. в Зальцбурге вышел лексикографический очерк А. Портитора, касающийся «ложных друзей переводчика» французского и немецкого языков. С различной степенью полноты и ограниченным охватом языков данная категория исследовалась и в XIX веке такими европейскими учеными, как Ш. Биго (1845), Л. Гранжье (1864), Г. Дюбрэ (1894) и другими.

По-настоящему систематическое и широкое изучение «ложных друзей переводчика» началось с 1928 г., с **работы М. Кесслера и Ж. Дерокиньи о французско-английских и англо-французских соответствиях**³⁵. Ими же был введен термин «*faux amis*» («ложные друзья»). М. Кесслер и Ж. Дерокиньи выделили два типа «ложных друзей

³⁴ См., например: *Акуленко В.В.* Лексические интернационализмы: итоги, перспективы, методы исследования // *Интернациональные элементы в лексике и терминологии.* Харьков, 1980. С. 10–42.

³⁵ *Koessler M., Deroquigny J.* Les faux amis ou les pièges du vocabulaire anglais. Conseils aux traducteurs. Paris, 1928. 387 p.

переводчика): «полностью ложные» со сходной орфографией и расходящейся семантикой и «частично ложные» со сходной орфографией и в основном общей семантикой.

В настоящее время славистика испытывает насущную необходимость в подобных словарях. Этот вид лексикографических произведений представлен в лексикографии европейских и славянских языков такими известными словарями «ложных друзей переводчика» (приведем примеры по хронологии):

1. Акуленко В.В., Комиссарчик С.Ю., Погорелова Р.В., Юхт В.Л. Англо-русский и русско-английский словарь “ложных друзей переводчика” / Под ред. В.В. Акуленко. М., 1969. 384 с. В словаре рассматриваются 900 английских слов в сравнении со сходными по звучанию русскими словами, дается анализ полного и частичного несоответствия сходных и отождествляемых английских и русских слов. Например:

DECADE – ДЕКАДА

decade [ˈdekeɪd] *n* *исч.* **1*** десятилетие; the last ~ of the 19th century последнее десятилетие XIX века. *He has been in his time a slender man; but now, in his sixth decade, his waistcoat has filled out somewhat (B.Show).* В свое время у него была стройная фигура; но сейчас, на шестом десятке, он несколько располнел. | *Science has made bewildering strides in many directions during recent decades... (H.Munro).* За последние десятилетия наука сделала ошеломляющие успехи в различных направлениях... **2*** десяток; **3*** часть собрания сочинений, состоящая из десяти книг; десятитомник.

декада ж 1* промежуток времени в десять дней a ten-day period, ten days. *В первой декаде января ожидаются сильные морозы. Severe frosts are expected in the first ten days of January.* **2*** десять дней, посвященные чему-л. ten-day (campaign); ~ узбекской литературы и искусства Uzbek Ten-Day Literature and Art Festival.

В.В. Акуленко считает, что ведущие к ошибкам расхождения в ассоциируемых словах бывают связаны с различиями реалий, лексических значений, лексической сочетаемости и экспрессивно-стилистического согласования слов.

2. Готтлиб К.Г.М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». М., 1972. 448 с. Словарь создан на тех же принципах, что и предыдущий. Однако К.Г.М. Готтлиб предлагает свою классификацию «ложных друзей переводчика» (он использует термин «междуязычные аналогизмы»): 1) окказиональные междуязычные аналогизмы; 2) деривативные междуязычные аналогизмы, которые в свою очередь подразделяются на асемантические, частичные и оттеночные. Например:

PENSIONAT-ПАНСИОНАТ

Pensionat *n*, -e (*частное учебное заведение с общежитием, б. ч. для девочек; тж. Pension*), *Er gab seinen Jungen in ein Pensionat nach Wien und verfügte, dass sein Sohn niemals aktiver Soldat werden dürfe (J, Rolh).* Он отдал своего мальчика в пансион в Вене и распорядился о том, чтобы его сын ни в коем случае не становился кадровым военным. **пансионат** *м 1-* (полное содержание жильца; тж. пансион) *Pension f '1.* (род гостиницы для отдыхающих на курорте) *ср. Pension* Помимо обычных домов отдыха, здесь следовало бы завести пансионаты, где люди могли бы отдыхать со своими семьями в обстановке тишины и покоя (К. Паустовский). *Ausser den ublichen Erholungsheimen sollten hier Pensionen eingerichtet werden, wo die Leute sich mit ihren Familien in alter Rune erhoten könnnten.*

3. Вопреки утверждениям о том, что «ложные друзья переводчика» являются исключительно диалексемами, т. е. лексемами, встречающимися лишь в двух сравнивае-

мых языках, М.М. Маковский предложил **англо-французско-немецко-русский словарь «ложных друзей»** (1971).

4. Сулова И.П. Выбирайте правильное слово! М., 1976. 63 с. В словарь вошло более 200 пар аналогов. Включены слова, часто встречающиеся в общественно-политической и художественной литературе. Предлагаются также упражнения, закрепляющие правильное понимание и употребление слов, сходных по своему внешнему облику, но имеющих разные значения в русском и немецком языках. Правильность выполнения большинства упражнений можно проверить по ключу. Например:

Billet, das – 1. см. билет (I) (*устар.*); 2. записка, небольшое письмо (*устар.*): Er antwortete mit einem hoflichen Billett – Он написал в ответ небольшое вежливое письмо.

билет – 1. документ, удостоверяющий право пользоваться чем-либо за плату (Karte, die); билет в театр – Theaterkarte; железнодорожный билет – Fahrkarte; 2. документ, удостоверяющий принадлежность к какой-либо организации (Mitgliedsbuch, das; Mitgliedskarte, die; Dokument, das – ГДР).

Bombe, die – 1. см. бомба; 2. предметы, по форме напоминающие шар: Eisbombe (*морозильное*); 3. (*спорт.*) сильный удар мячом: Dieser Spieler gibt oft Bomben auf das Tor – Этот игрок часто дает сильные удары по воротам.

бомба – разрывной снаряд, начиненный взрывчатым веществом.

5. Муравьев В.Л. «Ложные друзья переводчика». Пособие для учителя французского языка. М., 1985. 48 с. Цель пособия – помочь учителю в работе по предупреждению ошибок учащихся, возникающих по ложной аналогии с существующими русскими словами при изучении французского. Пособие состоит из русско-французского словаря «ложных друзей переводчика», русско-французского словаря морфологических и фразеологических лакун и упражнений.

6. Szalek M., Nečas J. Czesko-polska homonimia. Poznań, 1993. 302 s. Словарь включает 1600 параллельных пар чешско-польских межъязыковых омонимов. Например:

POZOR

1. uwaga

Dávej pozor, abyś nie neupadł.

Uważaj, abyś nie upadł.

2. wojsk. bacność!

Postavit se do pozoru.

Stańać na bacność.

POZÓR

1. Zdáni

Pozory często mylą.

Zdáni je často mylné.

2. záminka

Pod pozorem bólu głowy opuściła towarzystwo.

Se záminkou, že ji bolí hlava, opustila společnost.

7. Karpaczewa M., Symeonowa Ch., Tokarz E. Pułapki leksykalne. Słownik aproksymatów polsko-bułgarskich. Katowice, 1994.

8. Lipczuk R., Kątny A., Schatte Ch. Niemiecko-polski słownik tautonimów. Warszawa, 1995.

9. Кочерган М.П. «Словарь русско-украинских межъязыковых омонимов». Киев, 1997. 400 с. Это первый, изданный в Украине, лексикографический труд, в котором дается сопоставительная характеристика семантики совпадающих по форме, но различающихся содержанием слов русского и украинского языков. По сути, в словаре рассматриваются «ложные друзья переводчика», а не межъязыковые омонимы, как это заявлено в названии словаря.

Как мы уже отмечали, под **межъязыковой омонимией** нами понимаются отношения между интернациональными омонимичными парами (или омонимичными рядами); другими словами, данное явление возможно лишь при наличии омонимии как внутриязыковой категории в обоих (нескольких) сопоставляемых языках. Межъязыковая омонимия представляет собой минимум (при сопоставлении двух языков) четырехчленную структуру, когда наблюдается сходство интернациональных омонимов двух (и более) сопоставляемых языков. (Подробнее о межъязыковых омонимах и иллюстративные примеры – см. ниже).

Каждая словарная статья словаря М.П. Кочергана состоит из русской и украинской частей, в которых дается толкование и перевод лексемы, грамматические и стилистические пометы, иллюстративный материал, позволяющие точно определить семантическое различие и семантическую общность созвучных слов. Например:

ЛУНА` – ЛУНА`

**Луна`**, -ы`, ж. 1. Небесное тело, ближайший спутник земли, светящийся отраженным солнечным светом; *укр. місяць. Взошла луна и осветила залив* (И. Гончаров).

◁ **Под луно`й** – на земле. **С луны` свали`ться** – о человеке, проявляющем незнание всем известного; *укр. З не`ба впа`сти.*

2. *Спец.* Спутник какой-либо планеты. *Десять лун Сатурна.*

**Луна`**, -и`, ж. 1. Отражение звука от удаленных препятствий, а также сам отдаленный звук; эхо, отзвук. *Защелкает соловейко – Пішла луна гаєм* (Т. Шевченко).

2. *Перен., разг.* Слава, почетная известность. *Робила як могла, щоб таки добра луна дійшла до того, кого мені треба* (Ганна Барвінок).

НАГЛЫЙ – НАГЛИЙ

**На`глый**, -ая, -ое; нагл, нагла`, на`гло. Крайне нахальный, дерзкий, бесстыдный; *укр. наха`бний, зухва`лий. Вы говорили со мной..., как непоправимый, наглый развратник* (А. Островский). *Наглый взгляд. Наглый взор. Наглый вид. Наглое лицо. Наглое выражение. Наглый поступок. Наглая выходка. Наглое поведение.*

◁ **На`глая смерть**. *Устар.* Неожиданная, скоропостижная смерть; *укр. на`гла смерть. Пантелей только вздыхал, жаловался на ноги и то и дело заводил речь о наглой смерти* (А. Чехов).

На`глий, -а, -е. 1. Внезапный, неожиданный, непредвиденный. *Наглий вітер збив з чола назад їх непокірне, вихрене волосся* (М. Бажан).

2. *Разг.* Быстрый, стремительный. *На двохсотому кілометрі чимале з'єднання подільських і бессарабських партизанів у взаємодії з місцевими повстанцями .. наглим ударом захопили станцію Вапнярку* (Ю. Смолич).

3. *Обл.* Неотложный, спешный, требующий быстрого исполнения. *Я не вечеряю, А ще до того роботу наглу мою* (Л. Українка).

На`гла потре`ба – Настоя`тельная необходи`мость.

10. Tokarz E. *Pułapki leksykalne. Słownik aproksymatów polsko-chorwackich. Katowice, 1998.*

11. Borgwardt U., Walter H. *Fehler ABC Deutsch-Russisch. Stuttgart, 1999. 133 S.*

12. Šipka D. *Rečnik srpsko-poljskih homonima i paronima. Poznań, 1999.*

13. Канонич С.И. **300 ложных друзей переводчика. Испанско-русский словарь-справочник. М., 2000. 112 с.** В словаре представлены пары слов, обладающие сходным звучанием, но имеющие смысловые различия в испанском и русском языках. Словарь дает как общее значение пары, так и все другие значения слова, не имеющие соответствия в другом языке. Например:

Carton, *m*Картон, *м*

- 1) Толстая твердая бумага.
 • carton piedra – папье-маше.
 2) Картонная коробка, кар тонка. 2) Первоначальные наброски картины; этюды.
 3) Блок сигарет.

14. Кусаль К. Русско-польский словарь межъязыковых омонимов. Вроцлав, 2002. 190 с. Словарь включает около 1350 пар русско-польских омонимов/паронимов.

ЗАПЛАТА – ZAPŁATA

запла'та *ж* lata: Пальто всё в заплатках. Palto całe w latach (pełne lat). 0 Заплата на заплате. Caly (cala, cale) w latach.

zapłata *ж*. плата, оплата; вознаграждение: Zapłata za pracę. Плата за труд; оплата труда. Termin, warunki zapłaty. Срок, условия платежа.

ОПУШКА – OPUSZKA

опу'шка I *ж* skraj lasu: Домик на опушке. Domek na skraju lasu.

опу'шка II *ж* obszycie futrem; futrzane obszycie: Колпак с меховой опушкой. Kołpak z białym futrzanym obszyciem.

opuszka *ж*. подушечка (*пальца*): Pobrać krew z opuszki palca. Взять кровь из подушечки.

15. Szalek M. Słownik homonimów rosyjsko-polskich. Poznań, 2004.

16. Czesko-polski słownik zdrowliwych wyrazów i pułapek frazeologicznych / Pod red. T.Z.Orłoś. Wyd. II. Kraków, 2006. 389 s. Словарь включает более 1840 чешско-польских пар. Приведем пример на слово «rozoz» для более наглядного сравнения со словарем чешско-польских межъязыковых омонимов 1993 года (см. словарь 6, авторы: M. Szalek, J. Nečas):

pozor (m.)

1. **uwaga**: *dávat pozor – skupiac uwagę, uważać*

2. **baczność**: *stát v pozoru – stać na baczność*

pozór (m.)

1. **pretekst** – *záminka: pod pozorem – pod záminkou*

2. **powierzchowne wrazenie, zwłaszcza ludzace** – *zdání, dojem: pozory mylą - zdání klame*

17. Кононенко І., Співак О. Українсько-польський словник міжмовних омонімів і паронімів / За ред. І.Кононенко. Київ: Вища шк., 2008. 343 с. В словаре приводятся как лексические, так и грамматические характеристики слов и фразеологизмов, которые обладают в двух языках одинаковым или похожим звучанием, но разным значением. Например:

ГРИВНЯ – GRZYWNA, HRYWNA

ГРИВНЯ, -і, *ж*. 1. У Київській Русі – срібний злиток, який слугував грошовою одиницею. Археологи знайшли скарб стародавніх гривень. 2. Основна грошова одиниця України. *Купюри в одну, дві, п'ять, десять гривень.*

GRZYWNA, -у, *ж*. Грошовий штраф, що присуджений судовим або адміністративним органом. *Kolegium do spraw wykroczeń skazało ją na grzywnę w wysokości 200 zł.*

HRYWNA, *ж*. = **гривня**. *We Lwowie wymienili złote na hrywny.*

ЛЕДВЕ-LEDWIE^{1,2,3}

ЛЕДВЕ. 1. *присл.* З великими зусиллями; насилу. *Він так стомився, що ледве дійшов додо-му.* 2. *присл.* Майже непомітно або нечутно; слабо. *Місяць ледве видно за хмарами.* 3. *присл.*

Зовсім недавно, щойно. *Їй ледве сімнадцять виповнилося, а вона вже заміжня.* 4. у знач. спол. Уживається для приєднання підрядних речень часу; близький за значенням до **як тільки, тільки-но, лише тільки**. *Ледве вона приготувала обід, як діти прийшли зі школи.* 5. у знач. част. Навряд; ледве не, трохи не; мало не, майже. *Ледве чи зміг би хтось зробити це краще. Він ледве не впав.*

LEDWIE¹. 1. = **ледве 2**. *Z pokoju dobiegał ledwie słyszalny szept.* 2. = **ледве 1**. *Ze zmęczenia ledwie powlókzył nogami.* 3. = **ледве 3**. *Ledwie to od ziemi odrosło, a już krytykuje.* 4. = **ледве 5**. *Ze strachu serce ledwie nie wyskoczyło mu z piersi.*

LEDWIE² = **ледве 4**. *Ledwie przyłożył głowę do poduszki, już zasnął.*

LEDWIE³. 1. *присл.* Ледь, трошки, не надто. *Przez ledwie uchylone drzwi usłyszał fragment rozmowy. Dopil ledwie ciepłą resztkę kawy z ekspresu.* 2. *част.* Всього, не більше, лише, тільки. *Lekarz dawali mu ledwie miesiąc życia. Ta genialna pisarka dla znajomych była ledwie zwykłą urzędniczką.*

Приведенные примеры словарных статей показывают различные виды микро-структуры словарей «ложных друзей переводчика» (межъязыковых омонимов), что, как нам кажется, может быть предметом рассмотрения отдельного исследования.

Хотя, как мы видим, в области научного описания данных лексических единиц сделано уже немало, от традиционного для лингвистики последних лет термина «ложные друзья переводчика» нам кажется целесообразным отказаться (в пользу предлагаемого нами термина «лексические параллели» см. далее) из-за его графической громоздкости и несомненной метафоричности, что, как правило, не желательно для терминологической лексики.

Украинский термин «фальшиві друзі перекладача»³⁶ и польский термин «zdraliwe wugazy» (см. в нашем списке словарь под номером 16: Czesko-polski słownik zdrowliwych wugazów i pułapek frazeologicznych / Pod red. T.Z. Orłós) нам представляются также некорректными, т. к. данные лексические явления всё-таки подлинные, реально существующие, не фальшивые и никому не изменяющие. Хотя справедливости ради следует заметить, что укр. «фальшивий друг перекладача», вероятно, неточный перевод *польск.* fałszywy przyjaciel tłumacza – ложный друг переводчика³⁷.

Кроме того, что для нас принципиально, термин «ложные друзья переводчика» не учитывает разницы между «ложными друзьями»-словами и «ложными друзьями»-значениями, которые мы называем соответственно ложными лексическими параллелями и идиосемемами (см. следующую главу).

Полнее, на наш взгляд, данный переводоведческий материал может быть проанализирован в **двухязычных словарях лексических параллелей**, являющихся лексикографическими произведениями, которые описывают сходные по внешней форме лексические единицы нескольких языков с полным/частичным совпадением или несовпадением значений. Впервые в лексикографической практике на уровне отдельных значений семантической структуры слова (лексико-семантических вариантов) следует рассмотреть национально-культурное своеобразие лексических единиц русского языка в сравнении с их иноязычными коррелятами.

³⁶ Паламарчук О.Л. «Фальшиві друзі» перекладача як особливий різновид чесько-української інтерференції // Розвиток духовної культури слов'янських народів. Київ, 1991. С. 153–130.

³⁷ См., например: *Karpiński Ł. Zarys leksykografii terminologicznej.* Warszawa, 2008. 300 s.

Понятие лексических параллелей

Как известно, **лексема** – двусторонняя единица, которая имеет план выражения (фоно-графическая сторона) и план содержания (семантическая сторона). Слово может иметь несколько значений, которые реализуются в определенном контексте, а в словаре представляются в виде семантической структуры.

«Основное, ядерное значение и порядок расположения периферийных, производных значений в семанте определяется логическим анализом, историческим анализом, субъективно определяемой частотностью значений, а также лексикографической традицией»³⁸. На основе анализа многочисленных контекстов употребления формулируется **лексикографическое значение** слова.

Отдельное значение слова традиционно называется **семемой**³⁹. Более мелкие компоненты значения, выделяемые в структуре семемы и отражающие какой-либо отличительный признак предмета, явления, процесса, именуют **семами**. Отдельное значение слова теоретически можно представить себе в виде набора сем. Например, *брат* – набор сем «мужской пол» (по сравнению с сестрой), «близкий родственник» (по сравнению с дядей), «непрямой родственник» (по сравнению с отцом), «одного поколения» (по сравнению с дедом) и т.д.

Семантической структурой слова мы называем синхронически «закрытое» системное множество семем (или ЛСВ – лексико-семантических вариантов) лексической единицы.

Мы уже отмечали, что с точки зрения лексикографии национально-культурная специфика слова может быть выявлена в его семантической структуре.

В связи с описанными в предыдущих главах проблемами отображения понятий «интернациональная лексика», «ложные друзья переводчика», «межъязыковые омонимы», «межъязыковые паронимы» и др. было принято следующее решение:

- объединить известные термины в одну терминологическую систему;
- во избежание разночтений и неточностей предложить лингвистам и переводчикам единый терминологический аппарат, описывающий лексические единицы сравниваемых языков.

Слова двух или нескольких синхронически сравниваемых языков, совпадающие в плане выражения и сходные/несходные в плане содержания нам кажется целесообразным назвать обобщающим **термином «лексические параллели»**. По нашему мнению, предлагаемый термин органично входит в лингвистическую парадигму и не противоречит языковедческим традициям.

Ни в коем случае не стоит смешивать лексические параллели с известным в лингвистике термином «языковые параллели». Очевидно, что данный термин шире: он включает как лексические, так и фонетические, синтаксические и т.п. параллели сравниваемых (контактирующих) языков.

В связи с важностью и широтой поставленных проблем представляется целесообразным ввести в контрастивную лексикологию как науку специальный раздел **«Меж-**

³⁸ Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007. С. 166.

³⁹ Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. М., 2007; Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания: Учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010.

языковая лексикология», которая непосредственно на уровне синхронии изучала бы такие лексические явления, как межъязыковые лексические омонимы, межъязыковые паронимы, «ложные друзья переводчика», лексические параллели, интернациональные лексемы двух и более сравниваемых языков и т. п.

В дальнейшем возможно выделение из контрастивного языкознания целой науки – **межъязыковой лингвистики**, предметом которой явилось бы изучение всех межъязыковых явлений, как на уровне лексики, так и на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса и т. п.

В данной работе мы сознательно не будем детально вдаваться в различия сопоставительной, сравнительно-исторической и контрастивной лингвистики⁴⁰.

Под **внешним совпадением** мы понимаем закономерные соответствия литер и звуков в разных языках до степени их отождествления. Например, латинская буква *t* закономерно соответствует русской букве *т*, *s* – *с*, *e* – *э* и т. п. К внешним аналогам мы относим также случаи полных совпадений звуко-буквенных сочетаний типа англ. *-tion* и рус. *-ция* (например, в словах *revolution* и *революция*).

Описывая процесс усвоения иноязычной лексики, еще в 50-е годы Р. Ладо обосновал идею о том, что при презентации слов происходит знакомство с новой формой, в то время как «значение уже привычным образом схвачено в родном языке». «Но при том, что некоторые значения слова в одном языке могут иногда быть соотнесены со значениями соответствующего слова в другом, существует весьма ограниченное количество слов в любых двух языках, которые будут одинаковыми во всех своих значениях. Подобно тому, как в речи иностранца звуки всегда искажаются под влиянием артикуляции родного языка и даже самого устройства артикуляционного аппарата, в его речи происходит искажение значений в ходе замещения моделей иностранного языка и культуры моделями родного как при говорении, так и при восприятии речи... Опасность в том, что в отличие от произношения, это происходит в большинстве случаев незамеченным»⁴¹.

Анализируя лексические параллели **в семантическом плане**, мы исходим из положения о том, что предметно-логическое значение слова объединяет денотативное и сигнификативное значения. Под денотативным аспектом слова обычно понимают соотнесенность языковых единиц с различного рода экстралингвистическими сущностями (денотатами), служащими номинации; под сигнификативным – заключающуюся в слове информацию, которая различным образом характеризует обозначаемые объекты.

Если внешне (устно/письменно) сходные слова синхронически сравниваемых языков семантически полностью совпадают (имеют совпадающие семантические структуры), то такая лексическая параллель называется **полной**. Например (этот и все далее приводимые примеры русско-немецких соответствий взяты из РНСЛП)⁴².

⁴⁰ Обобщающий анализ по этому вопросу см., например: *Комарова З.И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург, 2012. 818 с.

⁴¹ Цит. по: *Елизарова Г.В.* Культурологическая лингвистика. СПб., 2000. С. 48–49.

⁴² *Дубичинский В.В., Ройтер Т.* Русско-немецкий словарь лексических параллелей. М.: ЭЛПИС, 2011. 304 с.

РЕПРОДУКЦИ/Я, -и, ж:

1. воспроизведённый посредством печати рисунок, картина или фотографический снимок: *репродукция картины Дюрера*;

2. *мед.* воспроизведение чего-л. сохранившегося в памяти: *репродукция сна, репродукция детских воспоминаний*;

3. *биол.* воспроизведение организмами себе подобных: *репродукция племенных собак*.

Reproduktion, *f* (=, -en):

1. = репродукция 1;

2. = репродукция 2;

3. = репродукция 3.

Рус. **репродукция** и *нем.* **Reproduktion** семантически идентичны в трех значениях: «1. воспроизведённый посредством печати рисунок, картина или фотографический снимок: *репродукция картины Дюрера*; 2. *мед.* воспроизведение чего-л. сохранившегося в памяти: *репродукция сна, репродукция детских воспоминаний*; 3. *биол.* воспроизведение организмами себе подобных: *репродукция племенных собак*».

В случае совпадения одних и несовпадения других значений в семантических структурах внешне сходных слов разных языков речь идет о **неполной лексической параллели**.

Совпадающее значение неполной лексической параллели назовём **интерсеммой** – интернациональным лексико-семантическим вариантом.

Среди интерсемем следует различать:

– интерсемеме с различными смысловыми оттенками (или семами), обычно с расширением/сужением значений; например, только французский коньяк можно по-английски назвать *cognac*, а франц. *autobus* – это автобус, используемый лишь в черте города; междугородний автобус по-французски называется *(auto)car*;

– интерсемеме с различной стилистической окраской; например, для номинации метрополитена (русск. *метро*) в испанском языке семема *metro* употребляется лишь в разговорной речи.

Подобные значения мы относим к интерсемемам потому, что, подчеркивая смысловое своеобразие, они вместе с тем не мешают ни формальному, ни семантическому отождествлению слов сопоставляемых языков.

Специфическое значение, отражающий национально-культурное своеобразие лексических единиц двух или более синхронически сравниваемых языков, назовём **идиосеммой**. Идиосеммы различаются с точки зрения их происхождения. Как правило, на первом этапе заимствования интерсемемами становится лишь часть (обычно одно) значений какой-либо лексической единицы. Все другие значения семантической структуры слова языка-источника заимствования являются исконными идиосемемами. В процессе функционирования слов в языке-заимствователе появляются новые, приобретенные идиосемемы.

Например, лексическая параллель рус. *митинг*, англ. *meeting*, франц. *meeting*, исп. *mitin* обладают интерсемемой «массовое собрание для обсуждения политических вопросов», а в языке-источнике заимствования (в данном случае – английском) существует еще исконная идиосемема «любая встреча». Лексическая параллель рус. *материя*, англ. *matter*, франц. *matière*, исп. *materia* объединяются двумя интерсемемами «объективная реальность, существующая вне и независимо от человеческого сознания...» и «вещество, из которого состоят физические тела», но в русском языке в се-

мантической структуре данной лексической единицы развилась приобретенная идиосема «ткань».

Интерсемемы в РНСЛП обозначены знаком равенства =, а идиосемемы - знаком * («звездочка»). Например:

СОУС, -а, м:

1. жидкая приправа, подливка к кушанью: *говядина под соусом, томатный соус*;

2*. разг. придуманная, искажённая форма подачи какого-л. предложения или нововведения: *подать по соусом научной теории*

– Vorwand, Anschein.

Soße, f (=, -n):

1. = соус 1;

2*. разг. неприятность, неприятное положение: *in der Soße sitzen*.

Рус. **соус** и нем. **Soße** сходны в значении «жидкая приправа, подливка к кушанью: *говядина под соусом, томатный соус*», т.е. соус 1 = **Soße 1**. Но русское слово **соус** имеет еще одно значение, отсутствующее у его немецкого коррелята: «2*. разг. придуманная, искажённая форма подачи какого-л. предложения или нововведения: *подать по соусом научной теории* (по-немецки – Vorwand, Anschein; немецкое слово **Soße**, в свою очередь, тоже обладает несоответствующим значением: «2*. разг. неприятность, неприятное положение: *in der Soße sitzen*». Таким образом, в немецком и русском языках налицо одна интерсемема и две идиосемемы.

Кроме того, даже в совпадающих значениях (интерсемемах) можно выделить мельчайшие смысловые различия. В словаре они обозначены знаками > – сужение значения, или < – расширение значения.

Например,

ФЛАГ, -а, м:

прикреплённое к древку или шнуру полотнище определённого цвета, часто с эмблемой, используемое в качестве символа чего-л.: *вывесить флаг*

- а такж Fahne (государственный).

Flagge, f (=, -n):

= флаг > б.ч. маленьких размеров.

ДОК, -а, м:

портовое сооружение для ремонта судов: *стоять в доке*.

Dock, n (-(e)s, -e u -s):

= док < для ремонта судов и самолетов.

Рус. **флаг** и нем. **Flagge** связаны интерсемемой «прикреплённое к древку или шнуру полотнище определённого цвета, часто с эмблемой, используемое в качестве символа чего-л.: *вывесить флаг*», но немецкое слово употребляется в суженном значении «= флаг > б.ч. маленьких размеров».

Соответственно, в случаях сужения и уточнения значения для русской коррелята под пометой *а такж* (а также) подается дополнительный уточняющий переводной эквивалент: *- а такж Fahne (государственный)*.

Или: рус. док и нем. **Dock** сходны в значении «портовое сооружение для ремонта судов: *стоять в доке*», но немецкое значение несколько шире русского «= док < для ремонта судов и самолетов».

От традиционного для лингвистики термина «ложные друзья переводчика» мы отказались из-за его метафоричности, а также из-за того, что традиционно не проводится различие между «ложными друзьями»-словами и «ложными друзьями»-значениями (в

предлагаемой нами терминологии они соответственно называются ложными ЛП и идиосемемами).

И полные, и неполные лексические параллели мы относим к интернациональным словам – интерлексемам. Заметим также, что интернациональным считается слово, в семантической структуре которого (при сравнения с лексическими соответствиями других языков) имеется хотя бы одна интерсемама.

В связи со всем упомянутым нам представляется возможным точнее определить **интерлексемы** таким образом: внешне сходные до степени отождествления заимствованные и исконные лексические единицы двух и более синхронически сравниваемых, как близкородственных, так и неблизкородственных, языков с полным или частичным совпадением семантических структур (или единственным совпадающим значением).

Различная по значениям лексическая параллель называется **ложной**. Ложные ЛП в РНСЛП обозначены знаком $\triangle$. Например:

$\triangle$ **ДЕПУТАТ**, -а, м:

1. выборный представитель, член выборного государственного учреждения: *депутат парламента* - Abgeordnete(r);
2. человек, избранный кем-л. и уполномоченный для выполнения каких-л. поручений, заданий и т.п.: *депутат переговоров* - Vertreter(in), Deputierte(r).

$\triangle$ **Deputat**, n (-(e)s, -e):

1. натуроплата (часть заработной платы, получаемая натурой): *ein ausreichendes Deputat erhalten*;
2. причитающаяся доля: *die Deputate verteilen*.

Таким образом, коррелятами данной лексической параллели являются: *рус.* $\triangle$ **депутат** «1. выборный представитель, член выборного государственного учреждения: *депутат парламента*, что по-немецки - Abgeordnete(r); 2. человек, избранный кем-л. и уполномоченный для выполнения каких-л. поручений, заданий и т.п.: *депутат переговоров*, что по-немецки - Vertreter(in), Deputierte(r)», и *нем.* $\triangle$ **Deputat** «1. натуроплата (часть заработной платы, получаемая натурой): *ein ausreichendes Deputat erhalten*; 2. причитающаяся доля: *die Deputate verteilen*».

Ложная лексическая параллель может быть:

1. Этимологически связанной – основанной на общих этимонах, например, один этимологический источник (из английского) имеют англ. *box*: «1. ящик, коробка; 2. ложка; 3. скамья в суде; 4. будка (часового, сигнальщика); 5. стойло; 6. козлы» и русск. *бокс*: «1. вид спорта; кулачный бой; 2. отгороженная часть помещения в лечебных учреждениях для изолирования больных; 3. короткая мужская стрижка»; из одного источника (из латинского языка) заимствованы как русск. *профессор*: «ученое звание преподавателя...», так и исп. *profesor*,-ra: «преподаватель, преподавательница».

2. Этимологически не связанной – основанной на случайных совпадениях внешних (устных/письменных) форм и восходящей к прототипам различных языков, например, русск. *салат*: «1. травянистое огородное растение...; 2. холодное блюдо...» (из итальянского) и франц. *salat*: «мусульманская молитва, читаемая пять раз в день» (из арабского).

Случайные звуковые и/или графические соответствия, которые, по словам В.В. Акуленко, «в лексике языков со сходной фонематикой могут достигать 4%»⁴³, нам

⁴³ Акуленко В.В. Лексические интернационализмы: итоги, перспективы, методы исследования. С. 27.

кажутся, в такой же мере заслуживают внимания, как и слова, ставшие лексическими параллелями благодаря единому этимологическому источнику. В связи с тем, что лексическими параллелями могут быть семантемы и родственных, и неродственных языков, а также с тем, что данная категория выделяется лишь при синхроническом срезе, случайные соответствия в различных языках мы в полной мере считаем лексическими параллелями.

Типологию лексических параллелей в языках можно изобразить следующей схемой:

Понятие межъязыковой омонимии

Как мы уже отмечали, несколько иное понимание мы вкладываем в термин «межъязыковые омонимы».

Исходя из принципиального положения, что омонимия – внутриязыковая категория (омонимы выделяются лишь в рамках одного языка)⁴⁴, под **межъязыковой (интернациональной) омонимией** мы подразумеваем внешне (устно/письменно) и семантически сходные параллельные омонимичные оппозиции двух и более синхронически сравниваемых языков, т.е. минимум (при сопоставлении двух языков) четырехчленную структуру, когда сходство омонимов (по два в каждом языке) наблюдается в различных языках. Например, в русском и немецком языках:

Рус.

РОК I

РОК II

△ **РОК I**, -а, м:

судьба, обычно злая, грозящая бедами, несчастьями и т.п.: *его преследует рок*
- Schicksal, Los.

РОК II, -а, м:

вид высоко ритмичной музыки: *слушать джаз и рок*.

Нем.

ROCK I

ROCK II

△ **Rock I**, m (-(-e)s, Röcke):

1. юбка: *einen Minirock tragen*;
2. пиджак (мужской): *den Rock an den Haken hängen*;
3. китель, мундир: *den Rock anlegen*.

Rock II, m (-s):

= рок II.

Межъязыковая омонимия предполагает сравнение омонимичных (в каждом из сопоставляемых языков) полных, неполных и ложных лексических параллелей (ЛПП).

⁴⁴ См., например: Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии. Л., 1990. 240 с.

Как можно увидеть из примера, межъязыковыми омонимами являются: пара омонимов русского языка **рокI/рокII** и пара омонимов немецкого языка **RockI/RockII**. При этом лексическими параллелями двух языков являются четыре пары ЛП (четырёхчленная омонимичная структура):

- рус.* **рок I** и *нем.* **Rock I** (ложная ЛП),
- рус.* **рок I** и *нем.* **Rock II** (ложная ЛП),
- рус.* **рок II** и *нем.* **Rock I** (ложная ЛП),
- рус.* **рок II** и *нем.* **Rock II** (полная ЛП).

В связи с некоторыми нюансами сходств и различий как в плане содержания, так и в плане выражения предлагаем **две классификации межъязыковых лексических омонимов**: I. семантическую и II. формальную. Обе классификации взаимодействуют, дополняют друг друга и могут рассматриваться в комплексе.

I. Семантическая классификация межъязыковых омонимов предполагает выделение:

- 1) соотносительных;
- 2) частично соотносительных;
- 3) несоотносительных межъязыковых омонимов.

1) В условиях синхронического сопоставления нередко встречаются случаи «зеркального» формально-семантического отражения омонимичных оппозиций в разных языках. Такой вид назовем **соотносительной межъязыковой лексической омонимией**. Например, в русском и английском языках:

Рус.

АГЕНТ I:

1. человек, действующий в чьих-л. интересах, уполномоченный, представитель, доверенное лицо, посредник;
2. шпион.

АГЕНТ II:

действующая сила; фактор; вещество; причина, вызывающая те или иные явления.

ЛАМА I:

южноамериканское выючное животное семейства верблюдовых с ценной шерстью.

ЛАМА II:

буддийский монах в Тибете и Монголии.

Англ.

AGENT I:

1. = агент I,1;
2. = агент I,2.

AGENT II:

= агент II.

LAMA I:

= лама I.

LAMA II:

= лама II.

Соотносительные межъязыковые омонимы по сути представляют собой сходство омонимичных полных лексических параллелей.

2) Если формально-семантически совпадают не все (чаще один) члены омонимичного ряда с омонимами в других языках, такой случай мы называем **частично соотносительной межъязыковой лексической омонимией**. Например,

Рус.

ЛЕГЕНДА I:

1. поэтическое предание о каком-л. историческом событии;

2*. вымысел, невероятная история

- incredible story;

3*. вымышленные сведения о себе у того, кто выполняет секретное задание

- cover-up, camouflage

ЛЕГЕНДА II:

поясняющий текст, а также свод условных знаков при карте, плане, схеме; надпись на монете.

△ ПОСТ I:

у верующих: воздержание от скоромной пищи и др. ограничения по предписанию церкви, а также период такого воздержания

- fast, lent.

ПОСТ II:

1. место, пункт, откуда ведется наблюдение, где находится охранение;

2. часовой или группа бойцов, ведущая наблюдение или охраняющая военный объект, а также самый этот объект;

3. ответственная должность.

В структуре частично соотносительных межъязыковых омонимов можно наблюдать как полные, неполные, так и ложные лексические параллели, как, например, в пятичленной структуре

пост I   post I
пост II   post II
post III,

можно выделить такие лексические параллели:

пост I   –   post I (ложная ЛП);
пост I   –   post II (ложная ЛП);
пост I   –   post III (ложная ЛП);
пост II   –   post I (неполная ЛП);
пост II   –   post II (ложная ЛП);
пост II   –   post III (ложная ЛП).

3) В случае полного семантического несовпадения внешне сходных омонимов в различных языках, мы имеем дело с **несоотносительной межъязыковой лексической омонимией**. Другими словами, несоотносительные межъязыковые омонимы

Англ.

LEGEND I:

= легенда I,1.

LEGEND II:

= легенда II.

POST I:

1. = пост II, 1;

2. = пост II, 2;

3*. пограничное укрепление, застава;

4. = пост II, 3.

△ POST II:

1. *брит.* почта (организация);

2. почта (корреспонденция).

△ POST III:

столб; мачта; подпорка.

представляют собой оппозиции омонимичных ложных лексических параллелей (часто генетически не связанных). Например,

Рус.

⚠ **КОК I:**

зачесанный кверху вихор
- quiff.

⚠ **КОК II:** повар на судне
- (ship's) cook.

⚠ **ПАР I:**

1. вещество в газообразном состоянии, образующееся из жидкости при ее нагревании, испарении
- steam;
2. сильно нагретый влажный воздух
- exhalation;

⚠ **ПАР II:**

поле, оставленное на одно лето незасаженным для очищения от сорняков и удобрения почвы
- fallow.

Англ.

⚠ **СОСК I:**

1. петух; самец (птицы);
2. кран;
3. флюгер;
4. курок;
5. вожак; коновод.

⚠ **СОСК II:**
стог.

⚠ **ПАР I:**

1. равенство;
2. номинал, номинальная цена;
3. нормальное состояние.

⚠ **ПАР II:**

разг. газетная заметка.

⚠ **ПАР III:**

молодой лосось.

II. Формальная классификация межъязыковых омонимов предполагает выделение:

- 1) фонетических;
- 2) графических;
- 3) фоно-графических межъязыковых омонимов.

1) **Фонетические межъязыковые лексические омонимы** – совпадает произношение омонимов русского и английского языков при наличии некоторых закономерных различий в написании. Например,

Рус.

⚠ **ВИД I:**

1. внешность, видимый облик; местность, видимая взором; состояние
- air; appearance, aspect, condition;
2. пейзаж, изображение природы
- view;
3. нахождение в поле зрения, возможность быть видимым
- sight;
4. *перен. мн.* предложение, расчет, намерение
- views, prospects, intention.

Англ.

⚠ **WEED I** [wi:d]:

1. сорная трава; сорняк;
2. табак;
3. *разг.* сигара;
4. *разг.* тощий, долговязый человек;
5. *разг.* кляча.

△ **ВИД II:**

1. подразделение в систематике, входящее в состав высшего раздела – рода
- species;
2. разновидность, тип, сорт
- kind, sort;
3. *грамм*, категория глагола
- aspect.

△ **ЛАЙКА I:**

- общее название ездовых, охотничьих и сторожевых собак
- husky, Eskimo dog.

△ **ЛАЙКА II:**

- сорт мягкой кожи из шкур овец и коз
- kid(-skin).

△ **WEED II** [wi:d]:

траурная повязка, креп.

△ **LIKE I** [laik]:

нечто подобное, равное, одинаковое.

△ **LIKE II** [laik]:

мн. склонности, влечения.

Согласно семантической классификации данные примеры межъязыковых омонимов можно квалифицировать как несоотносительные.

2) **Графические межъязыковые лексические омонимы** – совпадение написания (конечно, имея ввиду регулярные соответствия кириллицы и латиницы) при некоторых закономерных различиях в произношении. Например,

Рус.

КЛУБ I:

общественная организация культурно-просветительского, политического, спортивного или иного характера, а тж здание, помещение такой организации.

△ **КЛУБ II:**

шарообразная летучая дымчатая масса
- cloud, puff.

МАНДАРИН I:

в феодальном Китае: крупный чиновник.

МАНДАРИН II:

1. южное вечнозеленое цитрусовое дерево
- tangerine-tree;
2. плод такого дерева.

Англ.

CLUB I:

= клуб I.

△ **CLUB II:**

1. дубинка;
2. *спорт*, клюшка, бита;
3. приклад ружья.

△ **CLUB III:**

трефы, трэфовая масть (в картах).

MANDARIN I:

1. = мандарин I;
2*. *ирон.* косный, отсталый руководитель.

MANDARIN II:

1. = мандарин II, 2;
2*. оранжевый цвет.

Согласно семантической классификации данные примеры межъязыковых омонимов можно квалифицировать как частично соотносительные.

3) **Фоно-графические межъязыковые лексические омонимы** – исходя из закономерных соответствий азбук кириллицы и латиницы совпадают и произношение, и написание омонимов (омонимичных пар или рядов) в сопоставляемых языках. Например:

△ **ТИК I:**

непроизвольное нервное подергивание мышц
лица, головы, шеи
- tic.

ТИК II:

1. плотная хлопчатобумажная или
льняная ткань, обычно полоса, употребляемая для
обивки чехлов, тентов.

△ **ЛАСТ I:**

похожая на плавник конечность нек-рых водных
животных
- flipper, fin.

ЛАСТ II:

единица измерения веса корабельного груза.

TICK I [tik]:

1*. чехол (матраца, подушки);

2. = тик II.

△ **TICK II** [tik]:

1. тиканье;
2. отметка, птичка, галочка;
3. *разг.* мгновение.

△ **TICK III** [tik]:

1. *разг.* кредит;
2. счёт.

TICK IV [tik]:

зоол. клещ.

△ **LAST I** [la:st]:

1. что-л. последнее по времени;
2. конец.

△ **LAST II** [la:st]:

выдержка, выносливость.

△ **LAST III** [la:st]:

колодка (сапожная).

LAST IV [la:st]:

= ласт II.

Согласно семантической классификации данные примеры межъязыковых омонимов можно квалифицировать как частично соотносительные.

Понятие межъязыковой паронимии

К числу **межъязыковых (интернациональных) паронимов** относятся только такие лексические параллели сопоставляемых языков, которые в каждом из двух (как минимум) рассматриваемых языках могут вызывать ложные ассоциации, отождествляться одна с другой при фактическом расхождении их значений. Исходя из того, что паронимия – внутриязыковая лексико-семантическая категория, межъязыковая паронимия может наблюдаться лишь при сравнении пар (трех, четырех и более) паронимов одного языка с парой (тремя, четырьмя и более) паронимов другого языка.

Например, русск. *экономика*//*экономия* – англ. *economics*//*economy*. Межъязыковая паронимия возникает при сравнении пары омонимов русского языка *экономика*//*эконо-*

мия с парой паронимов английского языка *economics//economy*. При этом соответствующие в двух языках пары *экономика – economics*, *экономика – economy*, *economics – экономика*, *economy – экономия* являются лексическими параллелями.

Приведем еще пример русско-немецкой межъязыковой паронимии:

КОМПЛИМЕНТ
КОМПЛЕМЕНТ

КОМПЛИМЕНТ, -а, м:

лестное для кого-л. замечание, любезный отзыв:
высказать комплимент.

КОМПЛЕМЕНТ, -а, м:

матем. множество $B \setminus A$.

KOMPLIMENT
KOMPLEMENT

Kompliment, *n* (-(e)s, -e):

1. = комплимент;
2*. *уст.* форма приветствия, поклон: *Kompliment!*

Komplement, *n* (-(e)s, -e):

1*. *лингв.* дополнение: *direktes (erstes) Komplement*;
2. = комлемент.

Как видим из приведенного лексикографического примера, межъязыковая паронимия возникает при сопоставлении двух паронимов русского языка *комплимент//комплемент* с двумя паронимами немецкого языка *Kompliment//Komplement* (четырёхчленная структура межъязыковых паронимов).

При этом лексическими параллелями являются соответствующие в двух языках пары:

комплимент – **Kompliment** (неполная ЛП);
комплимент – **Komplement** (ложная ЛП);
комплемент – **Kompliment** (ложная ЛП),
комплемент – **Komplement** (неполная ЛП).

Думается, можно спроецировать две классификации межъязыковых омонимов (семантическую и формальную) и на межъязыковую паронимию.

Межъязыковые омонимо-паронимы

В лексикографической практике при сопоставлении лексических параллелей наблюдаются также случаи смешения омонимов и паронимов (параллельные оппозиции омонимов и паронимов в двух языках) – **межъязыковая омонимо-паронимия**. На пример:

Рус. Нем.

ГРАФ I
ГРАФ II
ГРАФА

ГРАФ I, -а, м:

дворянский титул в Западной Европе и дореволюционной России; человек, носящий такой титул: *граф Толстой*, *имение графа*.

ГРАФ II, -а, м:

матем. система точек и линий: *построить граф*.

GRAF I
GRAF II
GRAPH

Graf I, *m* (-en, -en):

= граф I.

Graf II, *m* (-en, -en):

= граф II.

⚠ **ГРАФ/А**, -ы, ж:

1. полоса или столбец между двумя вертикальными линиями в таблицах, рубрика: *заполнить графу расходов*
- Spalte, Rubrik;
2. пункт текста, анкеты: *графа «национальность», графа в паспорте*
- Punkt.

Graph, *m* (-en, -en):
= граф II.

Вероятно, межъязыковой омонимо-паронимией можно назвать и случаи, когда омонимы одного языка сопоставляются как лексические параллели с паронимами другого языка или наоборот. Например:

Рус.

БОКС I
БОКС II
БОКС III
(омонимы)

БОКС I, -а, м:

вид спортивного кулачного боя: *бокс на ринге*.

⚠ **БОКС II**, -а, м:

короткая мужская стрижка: *подстричься под бокс*
- Kurzhaarschnitt, Boxerhaarschnitt.

⚠ **БОКС III**, -а, м:

отгороженная часть помещения в лечебных учреждениях для изолирования больных: *изолировать больного в боксе, поместить недоношенного ребёнка в бокс*
- Quarantänezone, Isolierzzone.

Или, например:

Рус.

ДИВИЗИОН
ДИВИЗИЯ
(паронимы)

ДИВИЗИОН, -а, м:

1. *воен.* войсковое подразделение в ракетных и артиллерийских частях: *артиллерийский дивизион*;
2. *воен.* содинение военных кораблей одного класса: *дивизион миноносцев*.

Нем.

BOXEN
BOX
(паронимы)

Boxen, *n* (-s):

= бокс I.

⚠ **Box**, *f* (=, -en):

1. отгороженная площадка или навес для лошади, автомобиля и т.п.: *in einer Box einstellen*;
2. отделенная монтажная (сборочная) площадка для гоночных автомобилей на дистанции гонок: *an der Box stoppen*;
3. отсек (в баре); ложа (в театре): *eine gemütliche kleine Box*;
4. ящик, коробка: *in eine Box verpacken*;
5. громкоговоритель; динамик: *die Boxen laut aufdrehen*.

Нем.

DIVISION I
DIVISION II
DIVISION III
(омонимы)

Division I, *f* (=, -en):

1. = дивизион I;
2. = дивизион II;
3. = дивизия.

⚠ **Division II**, *f* (=, -en):

матем. деление: *durch Division berechnen*.

ДИВИЗИЯ, -и, ж:

крупное войсковое соединение из нескольких полков или бригад: *мотострелковая дивизия*.

⚠ **Division III**, *f*(=, -en):

спорт. (во Франции, Великобритании и некоторых других странах) лига; класс игры: *in der ersten Division spielen*.

Таким образом, понятие «лексические параллели» диалектически объединяет в единую терминологическую систему традиционные лингвистические понятия «интернационализмы», «псевдоинтернационализмы», «ложные друзья переводчика», «межъязыковые омонимы», «межъязыковые паронимы», «межъязыковые синонимы», «междуязычные аналогизмы» и т. п.

Именно теория лексических параллелей⁴⁵ позволяет по-новому взглянуть на такие лингвокультурные явления как «межъязыковые омонимы» и «межъязыковые паронимы», которые в традиционной лингвистике зачастую путают с лексическими параллелями.

В славянских странах сегодня наблюдается определенный интерес к словарям подобного рода. Харьковским лексикографическим обществом (Украина) по предложенной нами лексикографической процедуре ведется полномасштабная работа над двуязычными (русско-украинским, русско-английским, украинско-немецким) словарями лексическим параллелей. В Варшавском университете создается «Русско-польский словарь лексических параллелей», в Кракове продолжается работа над «Украинско-польским словарем лексических параллелей», в Софийском университете начинается проект лексикографического описания русско-болгарских лексических параллелей.

Мировая традиция создания словарей «ложных друзей переводчика», по нашему мнению, должна продолжиться в виде комплексного лексикографического описания лексических параллелей как лингвокультурного феномена, который представляет «ложные друзья переводчика» в системно оформленном множестве подобных и взаимодополняющих друг друга явлениях.

ИВЕТА КРЕЙЧИРЖОВА

Прага, Чешская республика

Чешско-русские и русско-чешские словари: история и современность

Двуязычные словари являются, несомненно, одним из главных средств, способствующих знакомству с литературой, культурой, наукой и техникой, а также повседневной жизнью двух народов и, кроме того, они в определенной мере отражают их взаимоотношения.

В данной статье попытаемся дать краткий обзор русско-чешских и чешско-русских словарей начиная с XIX века вплоть до наших дней. За несколькими исключениями не

⁴⁵ Дубичинский В.В., Ройтер Т. Теория и лексикографическое описание лексических параллелей. Харьков: Підручник «НТУ «ХП», 2015. 148 с.

будем обращать внимание на специальные словари. В период после Второй мировой войны и, особенно, в связи с общественно-политическим развитием Чехословакии после 1948 г. интерес к Советскому Союзу и к русскому языку резко повысился, следовательно, стало печататься довольно большое количество словарей разного типа, в том числе и специальных, содержащих терминологию самых различных отраслей. Поэтому сосредоточимся лишь на словарях созданных, начиная с 1950-х гг., под редакцией Л.В. Копецкого, самого выдающегося представителя русско-чешской лексикографии, и на словарях, возникших в Академии наук или в сотрудничестве с ней.

1. Словари XIX – начала XX вв.

В связи с подъемом национального сознания в чешских землях, находившихся в составе Габсбургской монархии, в конце XVIII – первой половине XIX в. взоры представителей чешской интеллигенции все чаще обращались на восток, возрастал интерес ко всему славянскому, в том числе – к русской литературе и к русскому языку. Одним из таких представителей чешского национального возрождения был Ярослав Пухмир – Антонин Ярослав Пухмайер (Jaroslav Puchmír, Antonín Jaroslav Puchmajer, 1769–1820), писатель, переводчик и филолог, издавший в 1805 г. русско-чешскую грамматику под названием «Русско-чешское правописание» («Prawopis Rusko-Český»). Именно ее часть, посвященную различиям между русским и чешским языками, можно, наверное, считать первым примером русско-чешского словаря.

В 1874 г. вышел в свет «Русско-чешский словарь» («Rusko-český slovník») Йозефа Ранка (1833–1912). Его автор, архивариус и лексикограф, владеющий несколькими языками, был знаком с представителями чешского национального возрождения, чешскими патриотами из области науки и культуры. С конца 1860-х гг. он поддерживал активные связи также с русскими славистами. В 1889 г. царь Александр III подарил ему бриллиантовое кольцо, оценив таким образом его вклад в развитие чешско-русских отношений¹. Ранк осознавал значение русского языка и свои идеи выразил в предисловии к словарю: «Знакомство с русским языком сейчас необходимо для любого образованного славянина. Русский язык призван стать дипломатическим языком славянских ученых на общих собраниях и совещаниях». Словарь интересен тем, что содержит большое количество терминов. Названия растений и животных приводятся с латинскими названиями, для уточнения значения некоторых терминов дается также их перевод на другие языки:

выпук-лина *f* *vy puklina*; *-ловогнутый* *vy puklý a vehnutý (convex-concav)*
выкупной *vykupný*; *в. билетъ* *vykupný n. výměnný list, výměnka (Einlösungschein)*

Несколько лет спустя, в 1902 г., Й. Ранк издал «Чешско-русский словарь» («Česko-ruský slovník»). Так же, как и в русско-чешском словаре, слова приводятся в гнездах. Этот словарь дополнен списком личных имен, кратким словарем географических названий и кратким обзором чешской грамматики и орфографии.

Ян Ваня (1848–1915), преподаватель русского и английского языков, филолог, переводчик, писатель, составил «Русский словарь» («Ruský slovník») в двух томах – первый том, «Чешско-русский словарь», издан в 1895 г., второй, «Русско-чешский, в

¹ <http://www.ahmp.cz/page/docs/AP-526-rank.pdf>

1897 г. В обоих словарях слова расположены в алфавитном порядке, за несколькими исключениями отсутствует расчленение словарной статьи на значения, что несколько осложняет выбор правильного эквивалента:

chování хранение, воспитание, поведение
žehnati 1) благословить; 2) *ž. se s někým* прощаться

Иногда встречаются неточности и ошибки:

bobek лаврь; *sedět na bobku* сидеть на спинг (правильно *сидеть на корточках*)
bochník хлеб (правильно буханка)
smrk сосна (правильно ель, ёлка)
borovice сосна

Борживой Прусик (1872–1928), дипломат, писатель, переводчик, издал в 1905 г. небольшой, но интересный «Русско-чешский словарь слов, совпадающих по звучанию, но разных по значению» («*Rusko-český slovník stejnozvůčných ale různovýznamových slov*»). Словарь содержит около 250 межъязыковых омонимов.

В 1915 г. выходит в серии «Малые словари» издательства Отто первый том, а в 1927 г. второй том «Настольного русско-чешского словаря» («*Příruční rusko-český slovník*») К. Штепанека (1863–1932), маленький словарь, без предисловия, с гнездовым расположением слов.

В 1915 г. издан также «Чешско-русский словарь» («*Česko-ruský slovník*»), первый том «Нового карманного чешско-русского и русско-чешского словаря» («*Nový kapesní slovník česko-ruský a rusko-český*»). По словам его автора Йосефа Форејта, почтового служащего, словарь создан «на фонетической основе для использования в торговле и во время путешествий». Эквиваленты приводятся на латинице в чешской транслитерации, ударение обозначено курсивом, к сожалению, не всегда правильно.

ano да; *konječno* [čti: kanjěčno]
neboť ибо; *potomu čto* [čti: patamičto]
nej-prvé зрґва

2. Первая мировая война и межвоенный период

Этот период характеризуют два важных момента соприкосновения чехов с русским языком и с русской культурой. Во время Первой мировой войны многие чехи попали на территорию России, воевали на стороне Красной армии или в чехословацких легионах. И, с другой стороны, в Чехословакию пришли тысячи русских эмигрантов, которые при поддержке президента Масарика в межвоенный период нашли в Чехословакии новую родину и деятельность которых оставила свой след в развитии чехословацкой науки и культуры.

«Чешско-русский словарь» («*Česko-ruský slovník*») Зденека Белчицкого вышел на его собственные средства в Киеве в 1916 г. в двух изданиях. Первое, содержащее также обзор грамматики, в сентябре моментально разошлось, второе появилось в ноябре того же года. По просьбам пользователей были добавлены грамматические упражнения с отсылками к обзору грамматики. Автор ставил своей целью «облегчить пребывание тысячам земляков, которых война занесла с родины в Россию». Он выразил надежду, что они воспользуются возможностью учить русский язык при помощи живого

слова, а также его словаря. Это маленький словарь, слова расположены несколько необычным, хотя для первых словарей довольно частым, образом – в гнездах, но не по общему корню, а по начальному сочетанию букв:

odp-írati; ...-lata; -očinek; -oledne; ...-ověd'; -ůrce

В 1920 г. издан в серии «Словари иностранных языков за одну крону» («Kronové slovníky cizích řečí») доктора Бачковского еще один маленький словарь – «Чешско-русский словарь» («Slovníček česko-ruský»), автор которого укрыт под сокращением Prof. Dr. J. F. По разным источникам², за этими инициалами скрывается или Йосеф Фолпрехт, или, скорее всего, Йосеф Феликс, которые сотрудничали с издательством. Словарик содержит около 7000 слов. Чтобы уложиться в формат данной серии, в нем, как говорится в предисловии, «опущены все слова, схожие в чешском и русском языках, производные слова, которые можно легко образовать при помощи суффиксов, а также слова, не важные для повседневного использования. По техническим причинам не обозначено ударение». Слова расположены в гнездах, однако их отнесенность к гнездам не всегда представлена последовательно:

slu-ha слуга; -ch слухъ; -nce солнце; -nečník зонтикъ; -šeti слѣдовать, быть пристойнымъ...

НО

síla сила, крѣпость

síliti укрѣплять

sil-nice большая дорога; -nú крѣпкій

Крупнейшим по своему объему словарем межвоенного периода является изданный в 1920 г. «Русско-чешский словарь» («Ruskočeský slovník»), составленный Владиславом Шкорпиллом (1853–1918), классическим филологом, славистом, преподавателем классических языков, археологом, и Яном Гавелкой (1843–1926), в сотрудничестве с Вилемом Веверкой. Авторы реагировали на общественный интерес и на потребность в произведении, которое способствовало бы общению чехов с самым многочисленным славянским народом. В основу двухтомного словаря легли «Словарь Академии Российской», «Словарь живого великорусского языка» В. Даля, несколько двуязычных словарей, а также специальные словари из разных областей. Словарь был предназначен как для читателей русской литературы, так и для желающих научиться говорить по-русски, поэтому авторы намеревались включить в него весь словарный запас произведений русской литературы, начиная с Ломоносова, общеизвестную терминологию, те слова из «древнеболгарского» и древнерусского языков и из диалектов, которые нашли свое место в литературном языке и в разговорной речи. Из заимствованных слов греческого, латинского, французского и немецкого происхождения первоначально планировалось приводить только те, которые приобрели в русском языке новое значение, или, наоборот, которые сохранили одно из своих прежних значений, но, в конце концов, заимствованные слова (например: *аккуратный, анфилада, галстук* и др.) были тоже включены в словник. Этот словарь является одним из первых, где слова не расположены по гнездовому принципу. Каждое слово имеет здесь свою словарную

² См. Souborný katalog Národní knihovny ČR.

статью, в словаре нет ссылок, чтобы «читатель зря не терял времени». Для более точного толкования значения приводятся краткие фразы из повседневной жизни, фразеологизмы, пословицы и поговорки. Ударение обозначено во всех словах, не только в заглавии, но и в словарной статье.

Во время работы над словарем один из авторов, Владислав Шкорпил, был преподавателем классических языков в гимназиях в Санкт-Петербурге и в Ялте, а с 1901 г. директором исторического музея в Керчи³. Текст словаря и корректуры сотрудники пересылали друг другу, пока война не прервала все связи между Россией и Австро-Венгрией. В 1918 г. Шкорпил умер от последствий ранения, словарь завершили Гавелка с Веверкой.

Наиболее подробно разработанным является «Новый фразеологический русско-чешский словарь» («Nový frázologický ruský-český slovník») с указанием грамматических форм и перехода ударений у всех изменяемых слов, изданный в 1921 г. Борисом Морковиным. Большое внимание в этом словаре уделяется сочетаемости слов, указываются контексты их употребления. При всех изменяемых словах приводится индекс, отсылающий к грамматическим таблицам с образцами склонения и спряжения, а также индекс, демонстрирующий переход ударения.

В 20-х гг. появились еще два маленьких словаря: «Настольный чешско-русский словарь» («Příruční česko-ruský slovník») Вилема Веверки в 1922 г. и «Чешско-русский словарь» («Česko-ruský slovník») Белы Морковиной в 1924 г.

Как было сказано, после Первой мировой войны стали развиваться и укрепляться чешско-русские связи, и вновь ощущалась необходимость в создании чешско-русского словаря. Все существующие словари были слишком маленькими, содержали много ошибок или к тому времени уже устарели, поэтому чех Йосеф Ржига (Josef Říha) и русский по происхождению А. Кульчицкий решили объединить свои силы, чтобы сблизить оба народа, и издали в 1924 г. «Карманный чешско-русский словарь» («Kapesní slovník česko-ruský»). За основу они взяли материал имеющихся словарей, однако не использовали его слепо. Они вместе обсуждали разные значения и возможности использования слов, чтобы достичь наиболее точного перевода, исходя из системы Туссэна и Лангеншейдта. В чешской части словарь содержал, кроме слов литературного языка, также разговорные и просторечные слова, наиболее употребительные заимствования и даже неправильные выражения и обороты с соответствующей пометой; в качестве русских эквивалентов приводились только самые употребительные слова. Была сохранена так называемая старая орфография; в конце находилось приложение с правилами нового русского правописания, а также список слов, сходных по звуку (или корню), но различных по значению. Словарь включал обзор чешской и русской грамматики.

В этот период начинает осознаваться также отсутствие технического словаря, поэтому Виктор Ефанов, выпускник Пражского политехнического института (ČVUT), после его окончания взялся за составление «Чешско-русского технического словаря» («Technický slovník česko-ruský»). С 1922 г. он начал собирать материал из области машиностроения, электротехники, химии, механической технологии, горного дела, металлургии, текстильной промышленности и ремесел. В основу изданного в 1926 г.

³ <http://www.archeologienadosah.cz/o-archeologii/dejiny-oboru/osobnosti-ceske-archeologie/bratri-skorpilove>

словаря легли разные специальные технические словари и лекции чешских преподавателей. Автор обещал в будущем исправить и дополнить словарь, готовился написать также русско-чешский словарь большего объема. В словаре нет ни ударений, ни произношения, но он написан уже по новой орфографии.

В 1937 г. в журнале «Слово и словесность» («Slovo a slovesnost») было опубликовано воззвание ведущих чешских славистов, преподавателей Философского факультета Масарикова университета в Брно, Б. Гавранека, А. Новака, Ф. Травничека и Ф. Воллмана с требованием ввести обучение русскому языку в программу средних школ в Чехословакии, так как, по их мнению, русский язык по своему значению в области художественной литературы, науки, техники и культуры стал сравнимым с английским языком. Они писали, что по своим масштабам книжная продукция на русском языке занимает одно из первых, если не первое место в мире, в Советском Союзе развиваются новые отрасли науки, достижения которых публикуются только на русском языке. Знание русского языка открывает путь также в области промышленности и торговых связей⁴. В том же журнале несколько позже появилось сообщение о том, что с лексикографической точки зрения требования уже удовлетворены, так как в 1937 вышел в свет «Русско-чешский словарь» («Rusko-český slovník») под редакцией Л.В. Копецкого⁵. Он отразил актуальный словарный состав русского языка, претерпевшего за последние 20 лет столь значительные изменения, что чтение газет и литературы, не только художественной, но и научной, стало весьма затруднительным. Кроме того, он был первым словарем общезыковой лексики, написанным по новой орфографии. При составлении словаря, содержащего около 65 000 слов, использовались выписки из газет и журналов, художественной и специальной литературы, а также материал из учебников русского языка Копецкого. В конце находился обзор русской грамматики и словарь личных имен и географических названий⁶.

Не только русско-чешские, но и чешско-русские словари к тому времени устарели или давно разошлись, поэтому Вилем Веверка в 1941 г. издает «Чешско-русский карманный словарь» («Kapesní slovník česko-ruský»). Он учитывает разные чешско-иноязычные словари, обогащая словник материалом, основанным на выписках из современной чешской и русской специальной литературы, который связан с повседневной жизнью, развитием науки и техники (автомобилизм, транспорт, военное дело, авиация, кинематография, спорт и т. п.). В начале словаря даются правила русского произношения. Слова, совпадающие по звучанию или имеющие похожий корень, но разные по значению, приводятся в русской части разрядкой (*kamzík – с е р н а, kamarád – т о в а р и щ ь*).

3. Сороковые годы XX в.

Непосредственно после освобождения Чехословакии выходит несколько небольших словарей. Одним из первых является «Чешско-русский словарь наиболее употребительных и наиболее важных значений» («Česko-ruský slovník nejběžnějších a nejdů-

⁴ Vyučování ruštině do středních škol! Slovo a slovesnost, ročník 3 (1937), číslo 1. str. 1–2.

⁵ Rusko-český slovník. Slovo a slovesnost, ročník 3 (1937), číslo 3, str. 192.

⁶ По договоренности между Чехословацкой графической унией и Славянским институтом, словарная комиссия которого готовила собрание словарей славянских языков, данный словарь (под ред. проф. Б. Гавранека) был включен в это собрание.

ležitějších významů») И. Ганцова. Словарь содержит слова, необходимые для того, чтобы договориться. «Мы должны ближе познакомиться с братьями, которые воевали и за нас. Лучшим средством является разговор». В 1945 г. появились еще два небольших словаря – имеющий гнездовое расположение слов «Чешско-русский словарь» («Slovník česko-ruský»), составленный В.Т. Гонтаром при сотрудничестве с Т.В. Витторфовой, и «Чешско-русский словарь» («Česko-ruský slovník»), фонетически обработанный Анастасиусом Яновским и Адольфом Полом (A. Pohl), где эквиваленты даются латиницей в чешской транслитерации:

autorita avtarifét

alarm trivóga

autodrožka lichkavój avtamabil

В конце этого словаря приводится образец азбуки, печатные и рукописные буквы. «Новый карманный чешско-русский словарь» («Nový kapesní slovník česko-ruský»), изданный в 1946 г., составила Александра Широ́ва (Schierová). Во введении дается краткий обзор русской грамматики (склонение, спряжение), информация о произношении, правописании и ударении. Приводятся также некоторые примечания, касающиеся этимологии (*hrad – город, břeh – берег*), фразеологии, стилистики и синтаксиса. Слова расположены по гнездовому принципу, обозначено ударение. В конце словаря находится небольшой разговорник, представляющий основные темы, такие как: встреча, приветствия, поздравления и пожелания, знакомство, обращения и т. п.

В связи с расширением обучения русскому языку начинают появляться словари, предназначенные для обучения в школе. Одним из первых является «Русско-чешский и чешско-русский словарь для школ II ступени» («Rusko-český a česko-ruský slovník pro školy II. stupně»), созданный Яном Кубиштой. Слова в нем даются в алфавитном порядке, обозначено ударение. В конце приводится список личных имен и географических названий.

После Второй мировой войны происходит сближение с СССР в политической, культурной, экономической, технической областях. Начинается сотрудничество специалистов, заключаются договоры, развивается товарообмен, и все это требует знания терминологии. В 1946 г. выходят два технических словаря – «Технический русско-чешский и чешско-русский словарь по автомобилизму и авиации» («Technický slovník rusko-český a česko-ruský automobilismu a letectví»), составленный Ю. Алешем и М. Говорковой-Алешовой, и «Русско-чешский и чешско-русский технический словарь с особым вниманием к машиностроению» («Rusko-český a česko-ruský technický slovník se zvláštním zřetelem ke strojíctví») под редакцией А. Шевчика.

4. Л.В. Копецкий – основоположник научной русско-чешской лексикографии

Леонтий Васильевич Копецкий (1894–1976), выпускник Харьковского университета, приехал в Чехословакию одним из тысяч русских иммигрантов 1 сентября 1923 г., побывав до этого в Галлиполи, в Болгарии, в Берлине. В 1924 г. он окончил философский факультет Карлова университета, в 1926 г. защитил докторскую диссертацию, был доцентом и заведующим кафедрой русистики. С 1930 г. Л.В. Копецкий преподавал

русский язык в Высшем коммерческом училище (ныне *Vysoká škola ekonomická*) в Праге. После 1945 г. был преподавателем философского и педагогического факультетов Карлова университета и Пражского политехнического института (*ČVUT*). За годы своей преподавательской деятельности написал несколько учебников русского языка для чехов⁷.

Прежде всего, Л.В. Копецкий – основоположник и легенда современной русско-чешской лексикографии. Именно он разработал методологию создания двуязычных словарей славянских языков и выдвинул основные принципы лексикографической работы. Он считал, что словарь должен представить слово в определенном синтагматическом контексте, семантическая структура словарной статьи должна отражать сферу употребления данного слова, а правильному выбору эквивалента помогает дополнительная информация, приводимая в скобках. Большое внимание должно уделяться узуальным словосочетаниям и фразеологии, а также омонимии⁸. При отсутствии подробного описания лексической системы определенных языков такой словарь может способствовать сопоставительному изучению двух лексических систем. «Конечно, назначение двуязычного словаря предполагает, кроме более или менее полной информации о слове и его синтагматических возможностях, также раскрытие семантической структуры слова с точным и предельно исчерпывающим выражением ее в эквивалентах другого языка, в нашем случае славянского. Значит, по существу речь идет об эквивалентно-семантическом сопоставлении лексики двух славянских языков. Это и будет составлять специфику двуязычного славянского словаря»⁹.

«Большой русско-чешский словарь» («*Velký rusko-český slovník*») был издан при содействии Славянского института и его Словарной комиссии под руководством Б. Гавранека в сотрудничестве с Чехословацко-советским институтом и Славянским семинаром Карлова университета. Этот фундаментальный коллективный труд, созданный под редакцией Л.В. Копецкого, воплощал его теоретические разработки. Подготовительные работы начались в январе 1947 г., создавались указания по работе, начался сбор материала, в котором приняли участие студенты-русисты Карлова университета, а позже – также студенты пражского педагогического факультета, философского факультета Университета Палацкого в Оломоуце и философского и педагогического факультетов Масарикова университета в Брно. Вокруг Л.В. Копецкого постепенно сформировался лексикографический коллектив, члены которого в 1948 г. начали разрабатывать словарные статьи, а в 1949 г. Л.В. Копецкий, Б. Гавранек и К. Горалек приступили к их редактированию. В основу словаря легли толковые словари русского языка, прежде всего, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова и уже вышедшие два первых тома нового большого академического словаря. Там, где они не полностью отражали обогащение словарного запаса после 1945 г., словесный материал восполнялся выписками из политической и художественной литературы, из газет и журналов, а также из специальной литературы. Таким образом, некоторые слова и выражения, имеющиеся в словаре, не появлялись ни в одном из толковых словарей рус-

⁷ См. *Personální databáze ruské emigrace v meziválečném Československu*, Slovanský ústav AV ČR.

⁸ *Kopeckij L.V. Zásady zpracování dvoujazyčných diferenčních slovníků slovanských jazyků* (čs. přednášky pro IV. mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě). Praha, 1958. S. 181–195.

⁹ *Копецкий Л.В. Двуязычный словарь славянских языков* (На материалах русско-чешского и чешско-русского словарей) // Вопросы языкознания. 1958. № 3. С. 76–89.

ского языка, например *кроссворд*, *бульдозер* и др. Во многих словарных статьях собственная эксцерпция привела к более подробному разграничению отдельных значений¹⁰. Словарь в шести томах издавался в 1952–1964 гг., а лексический материал выписывался на протяжении всего времени, поэтому шестой том Словаря, Дополнения, считают иногда почти словарем неологизмов. По своему объему и качеству этот словарь выходил далеко за рамки своего времени и до сих пор высоко ценится не только в Чехии, но и в России.

К тому времени уже опытный коллектив продолжал свою лексикографическую деятельность. В 60–70-х годах создавались: двухтомный «Чешско-русский словарь» (1973) под руководством Л.В. Копецкого, Й. Филипца и О. Лешки и двухтомный «Русско-чешский словарь» (1978) под редакцией Л.В. Копецкого и О. Лешки. Оба эти словаря, предназначенные как для чешских, так и для русских пользователей, были изданы совместно с советским издательством «Русский язык». Они также содержали подробное грамматическое приложение, разработанное О. Лешкой.

5. Большой чешско-русский словарь

Одновременно с работой над этими словарями воплощалась в жизнь идея создания параллели «Большому русско-чешскому словарю». Л.В. Копецкий и И. Когоут (Kohout) разрабатывали теорию разных типов словарей. Новый чешско-русский словарь задумывался как активный словарь для чехов, словарь, который смог бы предоставить пользователю по возможности полную информацию о способах образовании разного рода выражений в целевом языке, т. е. дать чехам возможность при помощи «направляющего аппарата» составлять предложения на русском языке. Была разработана подробная концепция такого словаря, началась работа. Однако в начале 70-х гг. стало проявляться несогласие с первоначальной концепцией. Словарь задумывался трехтомным, однако обстоятельство обработки материала предвещало более объемное произведение. Н. Савицкому, ставшему к тому времени главным редактором, пришлось добиваться в Президиуме Академии наук согласия на расширение предполагаемого объема словаря. В конце концов, он стал разрабатываться пятитомным как «Большой чешско-русский словарь». Он основан на материале четырехтомного «Словаря чешского литературного языка» («Slovník spisovného jazyka českého»), дополненном, как и предыдущие словари, собственными выписками. Над словарем работал довольно большой лексикографический коллектив, обученный еще Копецким, который стремился соблюдать выдвинутые им принципы и методологию. По возможности давался синонимический ряд эквивалентов, правильному выбору которых способствовали представленные в скобках самые частые и легко переводимые обобщенные контексты, сочетания, перевод которых был затруднительным или чем-то интересным, выписывались и переводились полностью. Довольно широко была представлена фразеология и терминология. Имелись также статьи энциклопедического типа – фамилии известных людей, географические названия и т. п.

Newton [njútn], -a *m*: Isaac [ajzek] N. Исаак Ньютон *английский физик и математик (1643–1727)* ■ *fyz.* N-ovy zákony законы Ньютона; - **newton**, -u *m fyz.* ньютон

¹⁰ Popela J. Nové významné dílo české lexikografie. Slovo a slovesnost, ročník 15 (1954). Číslo 4. S. 168–173.

Работа велась в несколько этапов: при предварительной обработке отдельные статьи толкового словаря чешского языка расписывались по частям на карточки и подыскивались возможные эквиваленты. Редакторы-русисты, носители языка, отвечали за правильность эквивалентов, редакторы-богемисты рассматривали надобность данных выражений для построения словарной статьи и их правильность с точки зрения чешского языка, терминология проверялась редактором-терминологом. На последнем этапе главные редакторы объединяли все предыдущие и вырабатывали окончательную версию. Напечатанный текст потом отправлялся в Москву, в Институт русского языка, для проверки. Работы велись в течение 70-х и 80-х гг., первых два тома были подготовлены к печати осенью 1989 г. и сданы в издательство Academia. Однако, в связи с политическими событиями, в начале 1990 г. издательство вернуло рукопись. Дальнейшие работы приостановились, четвертый и пятый том остались незаконченными, 21 834 страницы машинописной рукописи до сих пор лежат в шкафу в Славянском институте АН ЧР. В последнее время все-таки появилась надежда на опубликование словаря хотя бы в законсервированном, незаконченном виде. Всю рукопись удалось отсканировать, перевести в MS Word. В настоящее время текст проходит техническую обработку для ввода его в электронную базу данных, доступ в которую предполагается открыть на сайте Славянского института АН ЧР.

6. Словари после 1989 г.

Период общественно-политических перемен, происходивших как в Чехословакии, так и в Советском Союзе, и связанные с ним изменения в обоих языках дали лексикографическому коллективу, к тому времени значительно сократившему свой штат, новые перспективы – занятие неологией и неографией. Огромное количество нового словесного материала необходимо было лексикографически обработать, и именно в этом направлении велись работы по грантовому проекту «Описание нового словарного запаса при использовании компьютерной техники»¹¹. На основе собранного материала был создан «Русско-чешский и чешско-русский словарь неологизмов» («*Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů*»), вышедший в 1999 г., содержащий около 2000 слов. В отличие от предыдущих словарей с тщательно разработанными словарными статьями словарь пытается показать язык в движении, его состояние в данный момент, поэтому его словник может, на первый взгляд, показаться неоднородным. Он содержит собственно неологизмы, в том числе и окказиональные, общеупотребительные термины из разных областей, особенно таких, как экономика, финансы, вычислительная техника и т. п., но также слова, до сих пор в словарях по разным причинам незафиксированные, экспрессивные, иногда даже грубые, или слова раньше табуизированные. Авторы ставили перед собой цель помочь пользователю понять язык современной печати, художественной литературы и кино. При работе использовались новейшие печатные источники, а также собственные выписки, особенно из газет и журналов. Словарь был весьма положительно принят, и издание очень быстро разошлось. Работы по сбору материала продолжались, в 2004 г. вышло в свет второе, значительно расширенное издание этого словаря, содержащее уже около 4000 слов.

¹¹ Popis nové slovní zásoby s využitím počítačové techniky, грант GA ČR č. 405/94/0552.

В середине 90-х гг. издательство LEDA, преемник издательских прав Государственного педагогического издательства (Státní pedagogické nakladatelství), обратилось к Славянскому институту в связи с намерением переиздать двухтомный «Чешско-русский словарь» Л.В. Копецкого, Й. Филиппа и О. Лешки. На основе заключенного договора текст Словаря был исправлен по новым правилам чешской орфографии, словник значительно расширен. Были введены новые выражения, прежде всего из области экономики (*dealer, leasing*), техники и вычислительной техники (*mobilní telefon, notebook*), политической и общественной жизни (*euromer, disant, narkomafie*), из области музыки, спорта, кино и др. Наряду со словами литературного языка приводились также выражения разговорного и разговорно-обиходного языка. Первоначально планировалось исключить устаревшие слова и слова, связанные с прошедшей эпохой, потом, однако, было принято решение большинство из них оставить, так как они встречаются в литературе, изображающей события недавнего прошлого. Было добавлено около 3000 новых слов и словосочетаний. Издательство LEDA в то время задумывало проект объединения энциклопедического словаря и нескольких чешско-иноязычных словарей в электронном виде с общей поисковой системой и издало в 2002 г. этот словарь под названием «Большой чешско-русский словарь» («Velký česko-ruský slovník») на CD-ROM. Он стал первым чешско-русским словарем в электронном виде. Этот словарь, в значительно расширенном (примерно на 5000–7000 слов и словосочетаний) виде, вышел из печати в 2005 г. В конце находится словарь географических названий и словарь сокращений. В 2006 г. этот труд занял 2-е место среди двуязычных словарей в конкурсе на лучший словарь года, ежегодно устраиваемом Объединением переводчиков (Jednota tlumočnicků a překladatelů).

7. Русско-чешская электронная словарная база данных – шаг в будущее

После осуществления нескольких чешско-русских словарей встал вопрос о создании нового русско-чешского словаря. В соответствии с современной ситуацией в лексикографии такой словарь уже с самого начала задумывался не как печатное издание. Было решено создать словарь в форме базы данных, предоставляющий авторам возможность в течение работы постоянно модифицировать, актуализировать и редактировать материал, а пользователю, в свою очередь, кроме поиска конкретных словарных статей, использовать полученные при помощи фильтрации данные, например, для разного рода лингвистических исследований.

После получения гранта в 2007 г. началась работа по грантовому проекту «Комплексное сопоставительное описание лексики русского и чешского языков с учетом ее динамики»¹², целью которого было создать базу данных как источник для описания актуального состояния лексики русского языка в сравнении с чешским. В основу словника легли «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1999), «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н.Ю. Шведовой (2008), а также «Толковый словарь русского языка начала XXI века» под редакцией Г.Н. Складневской. Кроме того, принимался во внимание материал двухтомного «Русско-чешского словаря» под ре-

¹² Komplexní konfrontační popis slovní zásoby ruštiny a češtiny s přihlédnutím k její dynamice, грант GA AV ČR č. IAA900920703.

дакцией Л.В. Копецкого и О. Лешки и «Русско-чешского словаря» под редакцией М. Венцовской. На первом этапе работы был на основе этих словарей создан словник, к нему добавлен отредактированный и доработанный неологический материал «Русско-чешского и чешско-русского словаря неологизмов» и собственных выписок из русской печати и художественной литературы. Были использованы также электронные источники, такие как gramota.ru, Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>), национальный корпус чешского языка (Český národní korpus <http://ucnk.ff.cuni.cz/>), Wikipedia и разного рода тексты, свободно доступные в Интернете. Была разработана концепция словаря и методика работы, основанная на методологии Копецкого, но, в то же время, как можно эффективнее сочетающая классическую лексикографическую работу с новыми возможностями компьютерной обработки материала. На основе предоставленного материала и авторских требований была создана соответствующая программа. Все данные помещены в базе данных PostgreSQL. В то же время началась разработка словарных статей, унификация заранее подготовленного материала и подбор эквивалентов.

Расширение словника шло в нескольких направлениях. Прежде всего, это расширение основного словарного состава за счет новой лексики из разных слоев современного языка – общеизвестных и общеупотребительных терминов из стремительно развивающихся областей окружающей жизни, таких как экономика, финансы (*рефинансировать, спонсоринг*), политика, техника, вычислительная техника (*сохранить файл, вирус, хакер*), интернет (*провайдер*), медицина (*магнитотерапия*), психология, а также спорт (*сноуборд, хаф-пайп, кайт, кайтсёрфинг*), музыка, телевидение (*прайм-тайм*), кино (*сиквел, блокбастер*), косметика (*антицеллюлитный, биолифтинг*) и мн. др. С целью дать чешскому пользователю общее представление о современном состоянии русского языка и о российской действительности приводятся также разговорные и сленговые выражения (*тусовка, тусоваться, мент*) и ранее табуизированные и, следовательно, отсутствовавшие в словарях слова, с которым он может столкнуться, например, в современной художественной литературе и кино или во время поездок в Россию. Уже сложившиеся словарные статьи расширяются за счет новых значений (*смертник, салон*) и новых словосочетаний. Здесь есть, однако, определенные ограничения. В словарь решено не включать окказионализмы, названия членов партий и разного рода движений (*путинцы, антиельцинец, явлинцы, яблочник, гимнюк, антигимнюк*), а также фанатов спортивных клубов (*спартачи, красно-желтые*). Вульгаризмы приводятся лишь в исключительных случаях, если они всеобщезвестны. В словарь включены также сложные слова с сокращением (*СВЧ-печь, СМС-сообщение, ВИЧ-инфицированный*), в том числе и с латиницей (*CD-плеер, DVD-проигрыватель, SMS-сообщение, WAP-услуги, WWW-страница*).

Особой группой слов, ранее в словарях почти не встречавшихся, являются выражения из церковной сферы. В данном словаре они приводятся, но лишь в ограниченном количестве.

То, что в электронной базе данных нет ограничений в объеме, дает возможность разрабатывать в отдельной словарной статье все слова, включая отглагольные существительные, образованные от прилагательных наречия на -о и отвлеченные существительные, существительные женского рода, образованные от существительных мужского рода, возвратные глаголы, видовые пары, которые часто даются в гнездах. Варианты

ударения (*тутовник – тутовник, водоочистный – водоочистной*), варианты е – ё (*маневр – манёвр*), варианты написания слитно – через дефис (*фастфуд – фаст-фуд*) – они приводятся в одной заглавии. Субстантивированные существительные даются отдельным значением:

больн||ой^{ADJ1}, болен, больна

1. (*ребёнок, сердце*) nemocný, churavý ...

3. **больн||ой**^{M114}, -ого *m* nemocný, pacient; приём ~ых ordinace, ordináční hodiny *mn.*;

больн||ая^{F47}, -ой *ž* nemocná, pacientka

Наречия с приставкой по- (*по-русски, по-человечески*) помещены в статье данного прилагательного.

Словарная статья построена по классической модели и соответствует принципам, выдвинутым Л.В. Копецким, а именно, дать пользователю возможность самому построить предложение на иностранном языке. В заглавии приводится основная грамматическая информация: у существительных – окончание родительного падежа и род, у прилагательных – окончание краткой формы, если она имеется, у глаголов – окончание первого и второго или же третьего лица единственного числа, у остальных слов обозначена принадлежность к данной части речи. В заглавии склоняемых частей речи помещен индекс, автоматически отсылающий к подробно разработанным грамматическим таблицам, предоставляющим модели склонения, у тех прилагательных и наречий, где они возможны, также модели образования степеней сравнения. Далее следует стилевая характеристика; у глаголов обозначено управление. В скобках дается в обобщенном виде самый типичный, легко переводимый контекст, а также, для более точного разграничения отдельных значений, синонимы за символом =, или антонимы за символом х. Те словосочетания или фразы, при переводе которых могут возникнуть трудности или которые чем-то интересны с точки зрения перевода, приводятся и переводятся полностью.

Электронная обработка данных открывает перед авторами новые возможности. При помощи сокращения *srov.* (сравни) отглагольные существительные отсылают к соответствующим глаголам, уменьшительные – к исходному слову. При помощи этой отсылки взаимосвязаны видовые пары и некоторые приставочные глаголы с бесприставочными.

Кроме сказанного выше, электронная база данных дает также возможность нескольких способов поиска в словаре. На данном этапе, кроме простого «прокручивания», предлагается еще несколько вариантов, как например, поиск по ключевым (заглавным) словам, при котором можно искать целое слово (вводится как возможность «начинается на»), группу слов с тем же началом, с тем же сочетанием букв внутри слова, с тем же окончанием слова. Возможен также поиск по индексу на основе предлагаемого списка индексов и поиск в тексте – можно искать группы слов по общему признаку, например, предлоги, уменьшительные слова, термины из какой-либо области и т. п. Критерии можно частично комбинировать. Все возможности поисковой системы описаны во введении на главной странице.

Электронная обработка, однако, приносит также некоторые осложнения, с которыми авторы раньше не сталкивались. Пришлось, например, ввести, наряду с заглавным словом, еще понятие «ключевое слово», так как компьютерная программа не способна

в системе поиска различить омографы (например, для заглавных слов *zamók – záмок, átlas – atlás* используются ключевые слова *замок* и *замок *2, атлас* и *атлас *2* и т. п.). Появилась также необходимость обозначать как омонимы слова разных частей речи, которые в печатных изданиях отличаются окончанием и в обозначении не нуждаются.

В январе 2014 г. был открыт пробный доступ в Русско-чешскую электронную словарную базу данных через сайт Славянского института АН ЧР (Slovanský ústav AV ČR). К концу 2017 г. была закончена разработка словарных статей, с января 2018 г. словарь, содержащий около 74 600 ключевых слов в более чем 74 100 словарных статьях, доступен полностью. В настоящее время проводится индексирование глаголов, предполагается усовершенствование системы поиска, условий для мобильного доступа и т. д.

8. Заключение

Обзор словарей в данной статье не является исчерпывающим, однако, здесь сделана попытка представить результаты кропотливой лексикографической работы и, особенно, то, как она постепенно обретала научную основу. Русско-чешская и чешско-русская лексикография развивается уже в течение третьего столетия и отражает исторические события разных времен и отношения между двумя народами. Остается лишь выразить надежду, что и в дальнейшем будут появляться желающие познакомиться с культурой и жизнью другого народа и что, благодаря продолжительной традиции создания словарей двух славянских языков, найдутся специалисты, способные с готовностью подать им руку помощи в виде двуязычного словаря.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Aleš J., Hovorková-Alšová M.* Technický slovník rusko-český a česko-ruský automobilismu a letectví. Praha, 1946. 381 s.
- Bělčický Z.* Česko-ruský slovník. Kyjev, 1916. 96 s.
- Česko-ruský slovník: 2 sv. / Pod red. L. V. Kopeckého, J. Filipce a O. Lešky. Praha, 1973.
- Efanov V.* Technický slovník česko-ruský. Praha, 1926. 416 s.
- Forejt J.* Nový kapesní slovník česko-ruský a rusko-český, I. díl Česko-ruský. Třebíč, 1915. 364 s.
- Āncov I.* Česko-ruský slovník nejběžnějších a nejdůležitějších významů. Praha, 1945. 115 s.
- Gontar V.T., Vitorfová T.V.* Slovník česko-ruský. Praha, 1945. 453 s.
- Havelka J., Škorpil V., Veverka V.* Ruskočeský slovník. Díl I. Praha, 1920. 1514 s. Díl II. Praha, 1933. 2139 s.
- Janovský A., Pohl A.* Česko-ruský slovník. Moravská Ostrava, 1945.
- Kopeckij L.V.* Rusko-český slovník. Praha, 1937. 1369 s.
- Kubišta J.* Rusko-český a česko-ruský slovník pro školy II. stupně. Praha, 1947. 178 s.
- Kulčickij A., Říha J.* Kapesní slovník česko-ruský se stručným přehledem tvarosloví čes. i rus. a s označením změn ruského přízvuku. Praha, 1924. 1068 s.
- Morkovin B.* Nový fraseologický rusko-český slovník. Praha, 1921. 773 s.
- Morkovinová B.* Česko-ruský slovník. Praha, 1924. 358 s.
- Prusik, B.* Rusko-český slovník stejnozvukných ale různovýznamových slov. Praha, 1905. 8 c.
- Puchmír J.* Prawopis Rusko-Český. Praha, 1805. 68 s.
- Rank J.* Rusko-český slovník. Praha, 1874. 907 s.
- Rank J.* Česko-ruský slovník. Praha, 1902. 874, 30 s.
- Rusko-český a česko-ruský technický slovník se zvláštním zřetelem ke strojnictví / Pod red. A. Ševčíka. Praha, 1946. 135 s.
- Rusko-český slovník: 2 sv. / Pod red. L. V. Kopeckého, O. Lešky. Praha, 1978.

- Rusko-český slovník / Pod red. M. Vencovské. Praha, 2002. 1335 s.
- Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů / Sest. N. Savický, R. Šišková, E. Šlaufová. Praha, 1999. 133 s.
- Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů / Sest. I. Krejčířová, M. Sádliková, N. Savický, R. Šišková, E. Šlaufová). Praha, 2004. 285 s.
- Schierová A.* Nový kapesní slovník česko-ruský. Třebíč, 1946. 358 s.
- Slovníček česko-ruský / Sest. prof. dr. J. F. Praha, 1920.
- Štěpánek K.* Příruční rusko-český slovník. Díl I. Praha, 1915. 940 c. Díl II. Praha, 1927. 1192 s.
- Váňa J.* Ruský slovník. Díl I. Slovník česko-ruský. Praha, 1895, 293 c. Díl II. Slovník rusko-český. Praha, 1897. 290 s.
- Velký česko-ruský slovník / Pod red. M. Sádlikové, I. Krejčířové. LEDA ve spolupráci s SLÚ AV ČR, Voznice, 2005. 1407 s.
- Velký česko-ruský slovník / Pod red. M. Sádlikové, I. Krejčířové. Praha, 2002. CD-ROM.
- Velký česko-ruský slovník / Pod red. N. Savického. Ручкопись.
- Velký rusko-český slovník: 6 sv. / Pod red. L. V. Kopeckého, B. Havránka, K. Horálka. Praha, 1952–1964.
- Veverka V.* Kapesní slovník česko-ruský. Praha 1941. 331 s.
- Veverka V.* Příruční česko-ruský slovník. Praha, 1922. 320 s.
- Русский орфографический словарь / Под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. М., 2012. 880 с.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, 4-е изд., доп. М., 1999. 939 с.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2006. 1132 с.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2008. 1164 с.

TADEUSZ PIOTROWSKI

Wrocław, Polska

Porównawcza leksykografia języków słowiańskich. Słowniki z językiem polskim

Uwagi ogólne

Artykuł składa się z trzech głównych części, poprzedzonych uwagami ogólnymi. W pierwszej części omawiam słowniki niespecjalistyczne dwujęzyczne, w drugiej dzieła Lindego, w trzeciej zaś słowniki dla językoznawców. Ponieważ brak historii słowników omawianych w pierwszym dziale, jest ona bardziej szczegółowa, oparta na moich własnych badaniach, natomiast zarówno przedsięwzięcia Lindego jak i słowniki naukowe są bardzo dobrze opisane, stąd w gruncie rzeczy przedstawiam zwięzłe sprawozdanie z opisów dzieł leksykograficznych. Ze względu na trudności reprodukcji starej i nietypowej typografii w odpowiedniej jakości nie podaję przykładów, ograniczam się do wskazania znanych mi zdigitalizowanych słowników w bibliotekach cyfrowych i na stronach internetowych. Bardzo bogatym źródłem przykładów jest strona *Słowniki dawne i współczesne*¹.

¹ Występuje niebagatelny problem transliteracji cyrylicy w tekstach polskich. Występuje wiele typów transliteracji. W opisach bibliotecznych obecnie zapisuje się dane według transliteracji ISO 9:1995, przed rokiem 1995 norma była inna, natomiast tradycyjny sposób zapisu, oparty na alfabecie i wymowie polskiej, był i jest szeroko

Zacząć wypada od sprecyzowania pojęć w tytule. Przyjmuję, że termin leksykografia odnosi się do słowników językowych, nie do encyklopedycznych, np. terminów, w których często podaje się innojęzyczne odpowiedniki. Pewnym problemem natomiast jest określenie *język słowiański*, jak wiadomo bowiem, nadanie jakiemuś dialektowi statusu języka następuje w wyniku przede wszystkim decyzji politycznych². Najbardziej wyrazisty jest tu przykład Bałkanów i pojawienie się tam odrębnych języków: serbskiego, chorwackiego, bośniackiego, czarnogórskiego. Z językoznawstwa polskiego przypomnę tu dyskusje na temat statusu języka kaszubskiego: z małymi wyjątkami (np. Majewicz 1989) traktowany był on jako dialekt. W wyniku decyzji politycznych kaszubski jest obecnie w Polsce uważany za język regionalny (Breza 2001). Z tego punktu widzenia słowniki, w których polski jest zestawiany z kaszubskim, a jest ich sporo, powinny być ujęte w niniejszym szkicu. Jednak rdzenni mieszkańcy innych regionów Polski, na przykład Śląska i Podhala, także pragną, by ich mowę traktować jako język³; tego im się teraz odmawia, jednak bardzo prawdopodobne, że tak się stanie w przyszłości (por. Hentschel 2002; Wyderka 2012). Najbezpieczniejszym wobec tego rozwiązaniem by było omówienie słowników wszystkich dialektów słowiańskich, w których zestawia się je ze standardowym dialektem języka polskiego. Niestety, takie ambitne przedsięwzięcie nie mogło być zrealizowane w ramach tego artykułu, ale w moim szkicu znajdzie się także bardzo syntetyczna informacja o słownikach gwar i dialektów. Będę więc traktować pojęcie „język słowiański” niespójnie historycznie, tak, jak je pojmowali leksykografowie pracujący w danej epoce⁴.

Tak jak w innych podobnych krajach Europy, w Rzeczypospolitej⁵ długo nie interesowano się językami innymi niż klasyczne, czyli łaciną i greką, ze względów na dobrze znane uwarunkowania kulturowe. Do XVIII wieku głównym środkiem porozumiewania się warstw oświeconych – inne raczej słowników nie potrzebowały – była łacina, której rolę przejmując w XVIII wieku francuski. Łacina jednak w Polsce miała szczególne znaczenie. Sądząc z najnowszych badań, wykształcone elity nie posługiwały się nią w celach ornamentacyjnych, stosując makaronizmy, ale traktowały ją najprawdopodobniej jako język codzienny, o czym świadczą np. zachowane zapiski po łacinie przeznaczone dla użytku własnego (Axer 2004); stąd też jej szczególna rola. Innym językiem o wyjątkowym znaczeniu był niemiecki. W Polsce transmisja kulturowa z cywilizacji zachodnioeuropejskiej bowiem odbywała się

---

stosowany. Nazwisko np. Кондратович wg obecnej normy bibliotecznej zapisywane jest Kondratovič, ale w tradycyjnym zapisie to Kondratowicz (np. w bibliografii Grzegorzcyka 1967). Grzegorzcyk nazywa osobę Свенціцький nazwiskiem Święcicki, dodając jednak transliterację Svjencic'kyj, we współczesnej transliteracji bibliotecznej to Svēncic'kij. W publikacjach autorstwa Święcickiego występują różne warianty zapisu nazwiska. W tekście artykułu stosuję zapis łacinką, używam formy, jaka pojawia się w danej publikacji, lub formy, jaka jest używana najczęściej w literaturze polskiej, lub stosuję współczesną transliterację. Zapis łacinką jest wprowadzony do bibliografii, po znaku równości (=) następuje wersja oryginalna cyrylicą.

² Ciekawym kryterium, o którym dowiedziałem się od prof. Piotra Gąsiorowskiego (komunikacja ustna), jest traktowanie jako język dialektu, w jakim napisana jest odpowiednia Wikipedia. To kryterium opiera się na samoświadomości użytkowników danego języka, ale także na stopniu standardyzacji języka.

³ Jest Wikipedia w języku kaszubskim (csb.wikipedia.org) i śląskim (szl.wikipedia.org), brak natomiast Wikipedii w dialekcie podhalańskim, z argumentu o samoświadomości użytkowników danego języka można wysunąć wniosek, że istnieje język kaszubski i śląski, ale nie podhalański.

⁴ Mam wrażenie, że problem określenia języka jest rzadko poruszany przy porównaniach leksykograficznych.

⁵ Dla wyjaśnienia: od XIV wieku Królestwo Polskie i Wielkie Księstwo Litewskie tworzyły jeden organizm państwowy, powiązany osobą władcy; w 1569 utworzono formalną unię dwóch państw, powstały organizm nazwany był Rzeczypospolitą lub też Rzeczypospolitą Obojga Narodów.

przede wszystkim za pośrednictwem krajów niemieckich, ogromna była także rola niemieckich osadników, mieszczaństwa i rzemieślników, stąd też znaczenie języka niemieckiego było ogromne, nie tylko w Polsce, ale i ogólnie w krajach słowiańskich; nazywany był też czasami *lingua franca* słowiańszczyzny (Piotrowski 2008).

W tej sytuacji długo nie było potrzeby opracowywania słowników, w których pojawiałyby się język polski z innymi językami słowiańskimi, w najwcześniejszych słownikach dwujęzycznych pojawiają się łacina i niemiecki, a języki inne zjawiają się późno; szczegóły przedstawię poniżej. Oczywiście, także sytuacja socjologiczno-historyczna przyczyniała się do tego, że przed wiekiem XIX słowniki nie były szczególnie potrzebne. Literacki rosyjski wykształcił się dopiero pod koniec XVIII, literacki słowacki pojawił się w XIX wieku, w tym też stuleciu odradzał się literacki czeski, którym elity od czasów bitwy pod Białą Górą (1629) przestawały się posługiwać. Nawet jednak w czasach, gdy czeski był ważnym źródłem zapożyczeń dla polskiego, w średniowieczu i renesansie, nie powstawały słowniki z oboma językami, zapewne też dlatego, że w tym okresie czeski i polski były znacznie bardziej zbliżone do siebie, dlatego występowały mniejsze problemy komunikacyjne. Z kolei choć w Wielkim Księstwie Litewskim do 1699 roku⁶ urzędowym językiem był język wschodniosłowiański⁷, w Rzeczypospolitej języki wschodniosłowiańskie, jak białoruski czy ukraiński, nie były traktowane priorytetowo, znów ze względów socjologiczno-kulturowych.

Co ciekawe, języki słowiańskie nie spotykają się ze sobą nawet w słynnym słowniku Calepina (Calepinus 1585, 1590) w którym w wydaniu dziesięciojęzycznym z roku 1585 (i późniejszych) do stałego zestawu języków dołączone zostało także słownictwo polskie, węgierskie i angielskie; pojawiają się w tej kolejności w haśle, co ma odzwierciedlać jak ich znaczenie postrzegał leksykograf (Hüllen 1999; Podhajecka 2014a, 2014b). Tak więc to dopiero okres nacjonalizmów, czyli stulecia XIX i XX, przyniósł w kulturze polskiej, i innych słowiańskich, zainteresowanie innymi kulturami i językami słowiańskimi (por. Gellner 1983/1991). Słowniki, jak obecnie się sądzi, odgrywają ważną rolę w procesie kształtowania się narodowości, szczególnie w pierwszej z trzech faz, w której budzenie się świadomości narodowej zachodzi przede wszystkim podczas procesów kulturowych i literackich (Hroch 1985; Hobsbawm 1992; Anderson 1991/2007).

Słowniki dwujęzyczne dla niespecjalistów

Nie ma niestety ogólnej historii polskich słowników dwujęzycznych, choć niektóre typy zostały w miarę dobrze opisane, przede wszystkim dzieje słowników z polskim i niemieckim (Frączek 1999; Frączek & Lipczuk 2004), a także z językiem angielskim (Piotrowski 2001, Podhajecka 2016). Brak syntetycznych historii słowników języka polskiego z innymi językami słowiańskimi. Jako podstawę do publikowanych zarysów historycznych służą bibliografie słowników polskich, przede wszystkim autorstwa Piotra Grzegorzcyka (1967), który opisuje słowniki od ich początków do 1962 roku. Grzegorzcyk z kolei dla publikacji do 1900 roku wykorzystuje, nie zawsze krytycznie, przede wszystkim materiał z ogólnych bibliografii publikacji polskich rodziny Estreicherów (<http://www.estreicher.uj.edu.pl/>). Mimo swoich braków (np. osobliwej klasyfikacji) dzieło Grzegorzcyka nadal jest szeroko wykorzystywane, choć pojawiły się nowsze uzupełnienia (np. Wojan 2006, 2013a; Piotrowski 2002; Podha-

⁶ Od tego roku zaś język zachodniosłowiański – polski.

⁷ Różnie zwany w literaturze - starobiałoruski, staroukraiński, kancelaryjny ruski.

jecka 2016). Wartościową, adnotowaną bibliografię ułożył Edward Stankiewicz (1984). Najnowszy syntetyczny opis dziejów wczesnych słowników w Polsce można znaleźć w publikacji Gruszczyńskiego i Saloniego (2014).

Aby zaprezentować sytuację słowników z językiem polskim i innymi słowiańskimi na szerszym porównawczym tle przedstawię na początku dane ogólne dotyczące słowników z językiem polskim i innymi językami nie klasycznymi. Dane zostaną ujęte skrótowo w dwóch tabelach, które omówię ogólnie, a następnie szczegółowo w odniesieniu do języków słowiańskich. Pierwsza tabela została zestawiona przez Tadeusza Piotrowskiego (2001) na podstawie bibliografii Grzegorzcyka (1967); w miarę możliwości w tabeli ujęte są słowniki, które są odrębnymi publikacjami leksykograficznymi, są jednak odstępstwa od tej reguły (np. słownik turecko-polski).

Tabela 1. Pierwsze wydania słowników z językiem polskim i innymi językami wg Grzegorzcyka (wytłuszczone zostały języki słowiańskie)

Słowniki dwujęzyczne z językiem polskim i innymi językami	Data wydania
turecki	1548
niemiecki	1574
litewski	1629
francuski	1701
szwedzki	1705
rosyjski	1775
angielski	1828
białoruski	1876
czeski	1851
włoski	1856
serbski i chorwacki	1901
jidysz	1916
ukraiński	1920 ⁸
hiszpański	1922
węgierski	1936
bułgarski	1944

Ogólny obraz niewiele się zmienia, kiedy uwzględni się także słowniki wielojęzyczne, jak np. Calepina (1585, 1590), Megisera (1603) czy Henischa (1616), w których wyrazy jakiegoś języka zostały umieszczone nie tyle ze względu na potrzeby komunikacyjne, co z uwagi na znaczenie danego języka. Pojawienie się działu ze słownictwem polskim w takich wielojęzycznych słownikach wskazuje na prestiż jakim cieszył się dany język, czy, ściślej, jego użytkownicy, w danym okresie. Można natomiast sądzić, że często pojawienie się słow-

⁸ U Grzegorzcyka podana błędna data 1921.

nika przywołanego w Tabeli 1 spowodowane było prawdziwymi potrzebami komunikacyjnymi. Słowniki wielojęzyczne uwzględniane są w drugiej tabeli, sporządzonej przez Włodzimierza Gruszczyńskiego (2011).

Tabela 2. Pierwsze wydania słowników z językiem polskim i innymi językami (wytłuszczone zostały języki słowiańskie)

Słowniki z językiem polskim i innymi językami, wśród nich następujący (-e)	Rok wydania
niemiecki	1526
węgierski (?)	1531
włoski	1532
turecki	1548
francuski	1566
grecki, hiszpański, hebrajski, angielski	1585
czeski, chorwacki, portugalski (Megiser)	1603
litewski	1629
cerkiewnosłowiański	1722
rosyjski	1775

Mimo wszystkich różnic podobieństwa między oboma zestawieniami są uderzające. Otóż na pierwszych pozycjach występują te same języki, choć w różnej kolejności: niemiecki, turecki, francuski i litewski. Grupa tych czterech języków wyraźnie rozpada się na dwie podgrupy, choć nie są one rozłączne. Jedna z nich obejmuje języki prestiżowe, bądź o cechach uniwersalnych, czy to w Europie w ogóle, jak francuski, czy to w Europie Środkowej i Wschodniej, jak niemiecki. Druga grupa obejmuje języki sąsiadów, jak Turcja i, znów, Niemcy⁹, ważnych czy to ze względów strategiczno-politycznych, to Turcja, czy kulturowo-polityczno-strategicznych¹⁰, to Niemcy. Do tej grupy należy także zaliczyć język litewski, jeżeli traktować Wielkie Księstwo Litewskie jako zupełnie odrębne od Królestwa Polskiego; dla Polski Księstwo miało zupełnie wyjątkowe znaczenie, bo zespolone z nią było licznymi więzami politycznymi, gospodarczymi i kulturowymi. W obu grupach brak języków słowiańskich.

Ogólnie rzecz biorąc, dane leksykograficzne w zasadzie potwierdzają dane historyczno-kulturowe na temat wzajemnego kontaktu kultur. Należy pamiętać, że chociaż słowniki często odzwierciedlają pewne postawy światopoglądowe swoich twórców, jak np. panslawizm (o czym niżej), do XX wieku były przede wszystkim produktami komercyjnymi; opłacało się je układać i wydawać przede wszystkim wtedy, gdy istniała odpowiednio liczna grupa potencjalnych nabywców, wspomnijmy choćby, że ważną rolę w leksykografii polskiej odegrali niemieccy wydawcy, jak Korn z Wrocławia czy Behr z Berlina (B. Behr's Verlag).

⁹ Wyraz *Niemcy* oczywiście ma umowne znaczenie, określa tereny, na których dialekt niemiecki służył jako język pierwszy, a sam teren miał różne nazwy, od Świętego Cesarstwa Rzymskiego, przez różnie zwane księstwa, do Republiki Federalnej Niemiec i NRD.

¹⁰ Warto przypomnieć, że granica zachodnia Polski była najspokojniejszą w jej dziejach.

Dwujęzyczne słowniki komercyjne mogą być traktowane jako dobry miernik zainteresowania drugą kulturą. Zapewne bardzo pouczające byłoby prześledzić jaki był odbiór społeczny słowników w czasach, gdy je wydawano. Sądząc jednak z publikacji Mirosławy Podhajeckiej (2016), która starała się zbadać historię słowników angielsko-polskich wraz z ich recepcją, dysponujemy bardzo małą ilością publikacji na ten temat. Słowniki dwujęzyczne po prostu uważano za publikacje czysto użytkowe, których nie trzeba recenzować.

Przejdźmy do skrótowego omówienia wybranych pierwszych dzieł leksykograficznych z językiem polskim i innymi językami słowiańskimi, właśnie po to, by pokazać jak osadzone były w swoim czasie, według kolejności mniej więcej chronologicznej.

Czeski

Jeśli chodzi o język czeski, Gruszczyński (cf. Tabela 2) wymienia jako pierwszy słownik, w którym znaleźć można polski i czeski, wielojęzyczne dzieło Hieronimusa Megisera z roku 1603; obejmuje on ok. 450 języków. Nie został jednak ukończony, tak więc pierwszym kompletnym zestawieniem, w którym polski spotyka się z czeskim (a także z chorwackim) jest wielojęzyczny słownik Lodreckera z 1605 roku. Pierwszym natomiast osobnym słownikiem uwzględniającym polski i czeski było dziełko Josefa Boleslava Podstranskiego (Josef Boleslav Podstranský, 1815–1893¹¹) z roku 1852. Z zapowiadanych dwóch tomów w obie strony drukiem ukazał się jeden, polsko-czeski, *Kapesní slovník polsko-český*. Według przedmowy ma 28 000 haseł, autor najwyraźniej traktuje języki słowiańskie jako jeden język, wyraża także opinię, że najwyższy czas, aby Słowianie mogli się porozumiewać między sobą bez korzystania ze słowników innych języków, zapewne chodziło mu o niemiecki.

Starocerkiewnosłowiański

Słownik języka starocerkiewnosłowiańsko-polski (Лексиконъ сирѣчь словесникъ славенскій) ukazał się w Supraślu w roku 1722, był najwyraźniej bardzo potrzebny, bowiem przedruki nastąpiły w latach 1751, 1756, 1804 w drukarni w Poczajowie (opublikowany z aparatem krytycznym w Citko 2012a; por. też Citko 2012b). Opracowany został na bazie znacznie wcześniejszych słowników, przede wszystkim Pamby Beryndy (*Лексикон словенороський*), w których, jak pisze Citko, metajęzykiem była „prosta mowa”. W omawianym słowniku natomiast wyjątkowo była to polszczyzna. Opracowano go w klasztorze Bazylianów na potrzeby duchowieństwa unickiego, miał służyć im w nauce języka cerkiewnosłowiańskiego. Choć ma jedynie 31 kart, zawiera około czterech tysięcy haseł cerkiewnosłowiańskich, zaczerpniętych z *Leksykonu* Beryndy. Anonimowy autor wykorzystał większość wyrazów hasłowych tego słownika, ale zamiast odpowiedników drukowanych cyrylicą wprowadził ekwiwalenty drukowane łacinką, których jest ok. 5000.

Rosyjski

Pierwszy słownik polsko-rosyjski pojawia się w 1775 roku, choć wcześniej, w XVII wieku, opracowano w Rosji trzy słowniki, które, choć nie wydane drukiem (Obrębska-Jabłońska 1958), niewątpliwie świadczą o zainteresowaniu kulturą polską w Rosji. Jednak w XVIII

¹¹ Przy nazwiskach leksykografów słowników, o jakich traktuje artykuł, będę podawał w razie możliwości daty urodzin i śmierci leksykografów. Takich danych nie będzie dla żyjących leksykografów.

wieku drukiem ukazał się jeden słownik z polskim (Birżakova & Małyševa & Kuznecova 2013: 511; por. Birżakova 2010), w 1755, którego autorem był Kiriak¹² Kondratowicz (Кирияк Андреевич Кондратович, 1703–1788). Autor urodził się w Kijowie, był poetą, tłumaczem i leksykografem; miał ambicję ułożyć także i słownik rosyjski, nie wydany drukiem¹³, który wywarł wpływ na *Słownik Akademii Rosyjskiej* (1789–1794). Do słownika pt. *Польский общий словарь и библейный, с польскою, латинскою и российскою новоисправленною библиями смечиван* zapewne wykorzystał materiał ze słownika polsko-łacińskiego Grzegorza Knapiusza¹⁴ (1621), lub któregoś z jego skrótów, choć występują różnice między materiałem Knapiusza a Kondratowicza (Obrębska-Jabłońska 1958). Słownik, adresowany do tłumaczy z polskiego na rosyjski, ma 292 strony. Został on, jak pisze Obrębska-Jabłońska, szybko zapomniany, prawdopodobnie dlatego, że opierał się m.in. na przestarzałym słowniku Knapiusza. Można też sądzić, że jeżeli autor liczył na sukces komercyjny lub prestiżowy, nie osiągnął go. Polski przestawał w tym okresie być w Rosji językiem prestiżowym, co widać choćby z historii zapożyczeń w języku rosyjskim.

Ukraiński i białoruski

Bardzo małe było zainteresowanie w Polsce innymi językami słowiańskimi, czy to ze względu na ich niski status w kulturze polskiej (białoruski i ukraiński), czy też ze względu na ich oddalenie (języki południowosłowiańskie). Wspomnijmy więc tylko słowniki polskiego z białoruskim i ukraińskim, ze względu na rolę użytkowników tych języków w historii i kulturze polskiej. Różne opracowania (np. Dzendzelivs'kyi 2000a) notują słowniki nie wydane drukiem, np. pięciotomowy słownik ukraińsko-polski J. Skomorowskiego (Й. Скоморовський, 1815–1891; por. Sus 2011: 81; Êdlin'ska 2000), czy Teodora Witwickiego (1783–1861), który opublikowano ponad sto lat od daty jego opracowania (Witwicki, Dzendzelivs'kyi i Rieger, 1997). Ten ostatni, *Słownik polsko-cerkiewnosłowiańsko-ukraiński*, to duże dzieło, ma ok. 600 stron. Nie opublikowany ze względu na negatywną recenzję, wydany został z rękopisu dopiero w 1997 roku w Warszawie. Zawiera ok. 20 000 haseł polskich, nie odróżnia się w nim wyrazów starocerkiewnosłowiańskich od ukraińskich, haseł obu języków jest ok. 32 000. Autor odnotowywał potoczne ekwiwalenty ukraińskie.

Pierwszy odrębny słownik ukraińsko-polski i polsko-ukraiński ukazał się dopiero drukiem w roku 1921¹⁵, autorem był Hilarion Świącicki (1876–1956; Лларіон Семенович Свенціцький), filozof, historyk, historyk sztuki, językoznawca, literaturoznawca, ogromnie zasłużony dla kultury ukraińskiej i polskiej we Lwowie, założyciel i długoletni dyrektor Narodowego Muzeum we Lwowie (por. Paniv 1996). To niewielki słowniczek, w obie strony, które mają nierówną wielkość: część ukraińsko-polska ma ok. 4000 haseł, część polsko-ukraińska ok. 2000; taki układ sugeruje, że przeznaczony był być może dla osoby mówiącej po ukraińsku, która chciałaby się komunikować po polsku. Zamieszczono w nim w zasadzie jedynie czasowniki, rzeczowniki i przymiotniki, które autor w krótkim wprowadzeniu nazywa wyrazami zasadniczymi, wyjaśniając, że zrobił tak „ze względu na obecną drożyznę pa-

¹² Grzegorzczyk zapisuje imię Cyriak, Estreicher Cyryak.

¹³ „*Целяриев дикционер русский с латинским*»... рукопись не сохранилась: во время подготовки Словаря Рос. Академии она была разделена на части и роздана составителям” (Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1–3; <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1153>).

¹⁴ Znanego także jako Knapski bądź Cnapius.

¹⁵ Grzegorzczyk podaje błędną datę 1920.

pieru i druku”. Piszę także, że tworząc słownik oparł się na czterotomowym słowniku „języka ukraińskiego B. Hrinczenki, Kijów 1907–1909 i polski[m] Rykaczewskiego”. Słownik Hrinczenki (1907–1908; por. Dzendzelivs’kyi 2000b) to duży słownik ukraińsko-rosyjski w czterech tomach (68 000 haseł), słownik Rykaczewskiego zaś wydano w 1866 roku, to mały słownik, w zasadzie kieszonkowy, choć ma ok. 50 000 haseł (por. Bańko 2002).

Z kolei pierwszy odrębny słownik polskiego i białoruskiego wyszedł w 1929 w Wilnie, autorem był B. Drucki-Podbereski (1894–1940?), potomek książęcego rodu Druckich¹⁶. Z tytułów jego dzieł w katalogach bibliotecznych wynika, że to dziennikarz piszący po polsku i białorusku. Jako redaktor słownika podany jest W. Hryszkiewicz, (znany także jako Żuk-Hryszkiewicz, Вінцэнт Антонавіч Жук-Грышкевіч; 1903–1989), polityk białoruski, w 1929 roku uczył w Gimnazjum Białoruskim w Wilnie. Słownik, wg karty tytułowej, zawiera 15 000 haseł, przy czym wyrazy białoruskie notowane są zarówno cyrylicą jak i łacinką, w wersji z lat dwudziestych XX wieku, w której używa się č zamiast ч, ale np. ũ zamiast ŷ. Natomiast „Tabela porównawcza abecadła polskiego i białoruskiego” nieprawidłowo łączy białoruski znak „e” jako „je”, a w tytule jej samej użyte jest „ie”. Widać, że autor niezbyt pewnie posługiwał się łacinką. W przedmowie autorzy podkreślają, że „Nasz wysiłek skierowany był na to, by dać słownik żywego białoruskiego języka... Większa część słów wzięta jest już bezpośrednio z żywego języka i literatury”, wyjaśniając, że nie dysponowali odpowiednio wcześniej odpowiednimi słownikami. Odnotowują, że z czasem mogli korzystać z dwóch słowników białorusko-rosyjskich: M. Hareckiego (1893–1938¹⁷) i Wacława Łastowskiego (1883–1938; pisownia obu nazwisk zgodna z używaną w słowniku). Zasób słownictwa dziełka Druckiego-Podbaraskiego był zapewne cenny, ponieważ podany jest w bibliografii wielu słowników języka białoruskiego.

Oba omówione słowniczkę, jak i rękopiśmienny słownik Witwickiego, mają bardzo ubogi poziom opracowania, najbardziej przypominają słowniki renesansowe; nie osiągają jakości dwujęzycznych słowników choćby z XIX wieku, np. zestawiających język polski z niemieckim czy też rosyjskim. Jednak jest bardzo prawdopodobne, że służyły potrzebom egalitarnym. Anderson pisze, że słowniki dwujęzyczne były swego rodzaju wskaźnikiem zrównania języków, na kartach słownika czesko-niemieckiego (czy, w naszym przypadku, np. ukraińsko- czy białorusko-polskiego) oba języki miały równy status (Anderson 1991/2006: 71¹⁸). Należy także odnotować charakterystyczny fakt, który da się zauważyć także w przypadku historii innych słowników dwujęzycznych z polskim. Otóż najwyraźniej pierwsze słowniki bilingwalne układali przedstawiciele kultury, dla których ta druga kultura – i jej język – była bardzo istotna.

Aby zakończyć wątek słowników dwujęzycznych nie przeznaczonych dla specjalistów -językoznawców, należy odnotować, że słowniki wszystkich par językowych, tzn. z polskim i innymi językami słowiańskimi, reprezentowane są obecnie przez bardzo wiele słowników, najwięcej oczywiście wydano ich z językiem rosyjskim (dokładniejsze dane podam niżej),

¹⁶ Trudno nie wspomnieć, wskazując tym samym na rolę polskich wydawców pochodzenia żydowskiego, że słownik wydał Borys Kleckin (1875–1937), działacz socjalistyczny, wydawca literatury w jidysz (*Polski Słownik Judaistyczny*; http://www.jhi.pl/psj/Kleckin_Borys).

¹⁷ Katalogi biblioteczne, np. Narodowej Biblioteki Białorusi, notują wiele słowników z nazwiskiem Hareckiego, wydawanych od 1918 do 1925 roku w Smoleńsku, Wilnie, Mińsku; prawdopodobnym się wydaje, że względu na miejsce wydania, Wilno, że był to słownik (Harecki 1921).

¹⁸ Luźne tłumaczenie – Tadeusz Piotrowski.

najmniej z językami południowosłowiańskimi. Najwięcej słowników omawianego typu wydano od 1945 roku do 1989 roku, jednak trzeba podkreślić, że wydawanie słowników, jak i innych publikacji, służyło wtedy celom ideologicznym, stąd nie mogą one służyć jako miernik zainteresowania użytkowników danym językiem, ale raczej jako wskaźnik ideologicznej istotności danej tematyki dla grupy władzy. W Polskiej Republice Ludowej do 1989 roku wydawanie słowników objęte było planowaniem, dzieła dwujęzyczne ogólnie publikowało wydawnictwo Wiedza Powszechna, które realizowało systematyczny plan wydawania słowników dwujęzycznych dla najważniejszych języków, co obejmowało i słowniki słowiańskie; przewidywano kompendia trzech typów: wielkie (ok. 100 000 haseł), średnie (ok. 50 000 haseł) i małe (ok. 20 000 haseł). Nie sposób wszystkich tych słowników analizować, dostępna jest dokładna bibliografia (Kucharska 1987, 1995). Należy także zauważyć, że nie dla wszystkich języków słowiańskich zdołano opracować wszystkie trzy typy słowników.

Jeśli chodzi o słowniki z polskim i rosyjskim, których wśród innosłowiańsko-polskich wydano najwięcej, choć nie istnieje ich historia, pewną informację można zaczerpnąć z bibliografii Katarzyny Wojan (2006), która zebrała w niej 213 słowników przekładowych¹⁹, od 1795 do 2005²⁰. Ze względu na osobliwość układu te dane trzeba traktować dość ostrożnie, ale wynika z nich, że we wskazanych latach opracowywano jeden słownik na rok. Z kolei w okresie 2005–2011 wydano 92 słowniki (Wojan 2013b), czyli ok. 15 słowników na rok; wiele z nich to pozycje o bardzo wąskim zakresie, publikowane przez wydawnictwa uniwersyteckie, praktycznie są niedostępne na rynku. Autorka podkreśla jednak, że w tym okresie „rzekoma mnogość tytułów wynika w znacznej mierze z cyklicznego powielania jednej pracy przez różnych wydawców” (Wojan 2013b: 155). Z kolei Grzegorzczuk w swojej bibliografii – ułożonej na nieco innych zasadach, więc nie całkowicie porównywalnej – notuje 53 pozycje od roku 1775 do 1962, średnio więc 3,5 pozycje na rok. Dla porównania, słowniki o najdłuższej historii, czyli z polskim i niemieckim, reprezentowane są w bibliografii Grzegorzczuka przez 81 pozycje (od 1574 do 1962), tak więc pojawiało się 4,8 słowników na rok. Dynamika rozwoju leksykografii rosyjsko-polskiej była więc bardzo duża. Pozostaje żywić nadzieję, że opracuje się w końcu historię słowników z językiem polskim i rosyjskim (i innych języków słowiańskich), taką, na przykład, jaką mamy dla polskiego i niemieckiego (np. Lipczuk i Frączek 2004).

Słowniki Samuela Gottlieba Lindego

Obecnie cofniemy się do początków wieku XIX, kiedy to wyszedł największy słownik, w którym systematycznie zestawia się słownictwo polskie z wyrazami innych języków słowiańskich – a także innych. To niewątpliwie najciekawszy słownik języka polskiego, opracowany i wydany przez Samuela Bogumiła Lindego²¹ (1771–1847) w latach 1807–1814²²,

¹⁹ Należy mieć na względzie, że bibliografia jest niestandardowa, włącza też słowniki encyklopedyczne i encyklopedie.

²⁰ Autorka wbrew informacji w tytule opisuje także słowniki, które pojawiły się wcześniej niż w 1795 roku, jednak te, które wydano poza szeroko rozumianymi ziemiami polskimi, czyli np. słownik Kondratowicza z 1775 roku, umieszcza w innym dziale. Stąd słowniki tego samego autora, jak Petra Pavloviča Dubrowskiego (Петр Павлович Дубровский 1812–1882), wydane w Warszawie, są w innym dziale niż te wydane w Moskwie.

²¹ We wcześniejszych okresach życia nazywał się Samuel Gottlieb Linde.

²² Wyszło także II wydanie, zmienione, we Lwowie w latach 1854–1860. II wydanie przedrukowano dwa razy po 1945 roku. Dostępne są wersje cyfrowe obu wydań, I wydanie -<http://kpbk.umk.pl/publication/8173>; II wydanie - https://openlibrary.org/works/OL13799695W/Sownik_jzyka_polskiego_przez_M._Samuela_Bogumia_Linde.

stąd też poświęcam mu osobny podrozdział. Frapujący jest już fakt, że dla Lindego nie język polski był językiem pierwszym, ale niemiecki; sądzi się dlatego, że Lindego wspomagały osoby, dla których polski był językiem rodzimym (Matuszczyk 2006). Równie interesujące jest to, że pierwszy jednojęzyczny słownik języka polskiego, za jaki się uważa dzieło Lindego, jest w zasadzie kompendium wielojęzycznym. Przede wszystkim może służyć jako słownik polsko-niemiecki, ponieważ mało które hasła nie zawierają odpowiedników niemieckich, są nawet hasła, w których brak definicji, a podany jest ekwiwalent niemiecki. Po drugie, Linde włączył do niego ogromny materiał słowiański, który nas tu szczególnie interesuje. Omówmy jednak najpierw dzieło Lindego ogólnie.

Słownik ma sześć tomów, zawiera ok. 60 000 wyrazów polskich w hasłach i podhasłach, których jest bardzo wiele, ponieważ zastosowano układ alfabetyczno-gniazdowy. Znalazło się w nim ok. 2 000 nazw własnych, inne słowniki polskie nazw własnych nie włączają. Polskie wyrazy są objaśniane przy pomocy definicji bądź ekwiwalentów niemieckich, i poświadczane cytataми, których zamieszczono ok. 200 000; wybrane zostały z ok. 850 tekstów 400 autorów, w cytatach wskazano na ich źródło. W cytatach Linde (lub jego pomocnicy) najczęściej modernizował pisownię i fleksję, poddawał je skrótom tak, by cały cytat nie zależał od szerszego kontekstu, by był łatwiej zrozumiały. Mimo swych braków słownik Lindego zdobył olbrzymie uznanie. Był to pierwszy słownik porównawczy języków słowiańskich i jeden z pierwszych w miarę naukowych słowników jednego języka słowiańskiego. Wielki był też jego wpływ na inne słowniki polskie i innych języków.

Materiał słowiański w dziele Lindego jest bardzo dobrze zbadany, przede wszystkim przez Lewaszkiewicza (1980). Ów materiał pojawił się w słowniku z dwóch powodów. Pierwszy to naukowy: głównym zamiarem Lindego było stworzenie słownika porównawczego języków słowiańskich dla celów filologicznych. Drugi powód jest ideologiczny: Linde miał poglądy bliskie słowianofilom, sądził, że ludy słowiańskie powinny się posługiwać jednym językiem; zresztą dla niego, jak i dla wcześniejszych autorów, tak naprawdę jest jeden język słowiański, a polski, rosyjski, etc., to jego dialekty. Jak i w innych słowiańskich krajach, taka idea nie pojawiła się w Polsce po raz pierwszy w XIX wieku, ale znacznie wcześniej. Duličenko np. podaje 21 koncepcji międzynarodowego słowiańskiego języka (Duličenko 2014: 219–220), wśród nich i Lindego. Lewaszkiewicz w kilku pracach omawia antecedencje Lindego (1980, 1994, 2012), których nie ma możliwości tutaj szczegółowo omówić. W skrócie, według Lindego język ogólnosłowiański miał się opierać na polszczyźnie, która jest najbardziej wyrobiona literacko, po wzbogaceniu jej wyrazami słowiańskimi lub wzorowanymi na słowiańskich. Ponieważ język polski wtedy byłby zbliżony do pozostałych języków słowiańskich, mógłby zostać łatwiej zaakceptowany przez innych Słowian (Lewaszkiewicz 1980: 25). W swoim słowniku dlatego jako hasła umieścił ok. 5 000 jednostek leksykalnych, które są najprawdopodobniej neologizmami (Lewaszkiewicz 1980 zbiera je wszystkie i omawia). Te neologizmy, jak np. *broniciel* ‘łzyciel’, *nawaliciel* ‘napastnik’, *zatorzałość* ‘zatwardziałość’, nie zostały zaakceptowane, choćby dlatego, że określały pojęcia dość rzadkie. „Są to zapożyczenia właściwe (różniące się od wzorów słowiańskich tylko fonetyką), modyfikacje morfologiczne i odpowiedniki etymologiczne, różnego typu kalki, odpowiedniki semantyczne haseł słowiańskich, bez uwzględniania wzorów słowiańskich. Leksykograf nie narzucał tych wyrazów, lecz jedynie proponował jako możliwe do zastosowania, choć często były to słowa właściwie zbędne z punktu widzenia komunikacji językowej” (Lewaszkiewicz 2014: 79–80).

Materiał słowiański miał służyć do zobrazowania bogactwa leksyki słowiańskiej i umożliwić studia nad nią. Lewaszkiwicz (1980) dokonał zestawienia liczbowego ujętego słownictwa, które podaję niżej. Zastrzegam się przy tym, że nie jest to zestawienie kompletne.

Tabela 3. Liczbowa charakterystyka słownictwa słowiańskiego w słowniku Lindego²³ (Lewaszkiwicz 1980)

Nazwa języka	Liczba wyrazów i połączeń wyrazowych (oprócz przysłów)	Udział w %
serbsko-chorwacki	61 650	24,28
słoweński	61 200	24,10
rosyjski	56 600	22,29
czeski	25 830	10,17
cerkiewnosłowiański w ruskiej redakcji	20 650	8,13
górn- i dolnołużycki	19 050	7,50
słowacki	8 950	3,52
bułgarski	1	
połabski	1	
R a z e m	253 932	100

Lewaszkiwicz jednocześnie twierdzi, że tak naprawdę najwięcej jest słownictwa rosyjskiego, ponieważ Linde nadmiernie rozdrobnił języki południowosłowiańskie na dialekty (Lewaszkiwicz 1980: 27), a także powtarzał te same ekwiwalenty w różnych hasłach. Bardzo dokładnego zestawienia włączonego słownictwa słowiańskiego dokonała Joanna Bilińska dla potrzeb przygotowywanej wersji cyfrowej słownika (II wydania), odnotowując skróty nazw języków z całego słownika. Występuje 251 skrótów nazw 92 języków i dialektów, najwięcej jest skrótów *Ross* (rosyjski): 25 141. W tabeli 4 zebrano wyniki jej analizy (Bilińska 2013).

Tabela 4. Określenia nazw języków i ich skrótów w słowniku Lindego (Bilińska 2013)

Języki zachodniosłowiańskie	Języki wschodniosłowiańskie	Języki południowosłowiańskie
<ul style="list-style-type: none"> ▪ czeski: <i>Bh., Boh., Cz., Czesk., czesk.,</i> ▪ staroczeski: <i>staroczesk.,</i> ▪ słowacki: <i>Sio., Slov., Slovac, Slow.,</i> ▪ morawski: <i>Morav.,</i> ▪ łużycki: <i>Sor.,</i> ▪ górnolużycki: <i>Sor. 1, Sorab. sup., Surab. sup, Surab. 1, Sr. 1,</i> ▪ dolnołużycki: <i>Sor. 2, Sorab. inf., Sr. 2,</i> ▪ polski: <i>Polon., Pol,</i> ▪ staropolski: <i>starop., staropolsk.,</i> ▪ połabski: <i>Polab.</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ rosyjski: <i>Rs., Ross.,</i> ▪ ruski: <i>rusk., Rusk.,</i> ▪ rusiński: <i>Rusn.,</i> ▪ syberyjski: <i>Siber:</i> ▪ huculski: <i>huc,</i> ▪ karpacki: <i>karp., Karpack.</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ cerkiewnosłowiański: <i>Cerk., Eccl, Ec, Eccles., Kość, Kość.,</i> ▪ chorwacki: <i>Cro., Croa., Croat., Kro., Kroa., Kroat.,</i> ▪ windyjski: <i>Vind., Vd., Wind.,</i> ▪ kraiński: <i>Cm., Carn., Kam.,</i> ▪ bułgarski: <i>Bulg.,</i> ▪ starobułgarski: <i>starobólg.</i> ▪ iliryjski: <i>Illyr., illir., ilir.,</i> ▪ sławoński: <i>Sla., Slav., Slavon., Sław.,</i> ▪ bośniacki: <i>Bs., Bosn., Bošn., Boss., Boś.</i>

²³ Wartości liczbowe dotyczące odsetek z oryginalnej tabelki zostały skorygowane, w oryginale zostały w niej niepoprawnie zaokrąglone.

Oprócz jednostek leksykalnych *Słownik języka polskiego* Lindego zawiera także jednostki paremiologiczne, przysłowia. Ich opis liczbowy został ujęty w tabeli nr 5 poniżej (wg Lewaszkiewicz 1980: 35)

Tabela 5. Przysłowia słowiańskie w słowniku Lindego (Lewaszkiewicz 1980)

Nazwa języka	Liczba przysłów	Udział, %
serbsko-chorwacki	128	10,60
słoweński	91	7,50
rosyjski	35	2,80
czeski	26	2,20
cerkiewnosłowiański w ruskiej redakcji	8	0,60
górnio- i dolnołużycki	67	5,60
słowacki	851	70,70
R a z e m	1206	100,00

Po zakończeniu słownika języka polskiego Linde zabrał się do pracy nad słownikiem porównawczym języków słowiańskich, ale szybko zrezygnował z tak ambitnego planu i ograniczył się do pracy nad słownikiem rosyjsko-polskim, a właściwie również polsko-rosyjskim, nad którym pracował do października 1837 roku. Rękopis dzieła, przechowywany we Lwowie²⁴, składa się z czterech tomów (por. Lewaszkiewicz 1980; Strekalova 1970). W tomach I–III po hasle rosyjskim i polskim następuje charakterystyka gramatyczna i semantyczna, dosyć często cytaty z tekstów oraz nierzadko różnego typu rozważania etymologiczne, semantyczne i historyczne; tom IV zawiera tylko zestawienie haseł rosyjskich i polskich. Linde zestawiał równolegle w dwu kolumnach jednakowo brzmiące (z uwzględnieniem odpowiedniości głoskowych) lub bardzo podobne wyrazy rosyjskie i polskie. Ostatnie dzieło Lindego nie odegrało znaczenia.

Słowniki dla specjalistów językoznawców

W tym dziale odnotowuję najważniejsze słowniki, nie tylko ukończone, w których zestawia się, na różnych zasadach, słownictwo słowiańskie wraz z polskim. Opis opiera się na materiale ze strony *Słowniki dawne i współczesne*, na której znajduje się obszerna bibliografia dla każdego słownika, dlatego jej nie podaję w tym dziale. Inne wykorzystane źródła będą za każdym razem oznaczał w tekście.

Omówione zostaną poniżej przede wszystkim słowniki etymologiczne, dialektalne oraz, w zamierzeniu najdokładniejszy, słownik słownictwa prasłowiańskiego, od którego zacznę. Wydano także inne dzieła leksykograficzne, które trudno ująć w którymś z wymienionych podrozdziałów, np. *Słownik etymologiczno motywacyjny słowiańskiej zoonimi* Stefana Warchoła (2007–2016). Słownictwo polskie, lub jego wybrane grupy, na tle leksyki słowiańskiej, czy języków słowiańskich, zebrane lub omówione zostały w wielu publikacjach, nie tylko słownikowych (np. Falińska 1990-1984), wiele z nich ma dołączone słowniczkę, a choćby indeksy (np. Waniakowa 2012), nie sposób ich tu wszystkich opisać czy nawet wymienić.

²⁴ Ze skanami słownika można się zapoznać na stronach biblioteki im. Ossolińskich we Wrocławiu: http://ossolineum.pl/szukaj/kzc/wyniki_proste_op.php?OP-000263. Są one niezbyt czytelne.

Słownik prasłowiański (Sławski 1974–2001)

Słownik został stworzony przez zespół uczonych pod redakcją Franciszka Sławskiego (1916–2001), choć pomysł opracowania pochodzi od Tadeusza Lehra-Splawińskiego (1891–1965). Prace przygotowawcze zaczęły się w 1954 roku, w roku 1961 ukazał się zeszyt próbny, który obejmował ok. 100 haseł. Pierwszy tom ukazał się w roku 1974, do roku 2001 ukazało się ich osiem, od A do GYŽA. Po śmierci głównego redaktora w roku 2001 bardzo niepewna jest przyszłość przedsięwzięcia, nie wiadomo czy zostanie ukończony. Słownik miał obejmować prawdopodobnie ok. 10 000 haseł (w pierwszym tomie, obejmującym hasła na litery A–B, jest ich 900). Jest zapisem rekonstrukcji prasłowiańskiego słownictwa z okresu poprzedzającego najstarsze dane historyczne, czyli z VII–VIII wieku n.e. Obejmuje trzy warstwy chronologiczne słownictwa: indoeuropejskie, bałtosłowiańskie oraz prasłowiańskie, przy czym nie ogranicza się do materiału o potwierdzonej genezie prasłowiańskiej, ale włącza także słownictwo, którego pochodzenie prasłowiańskie nie jest pewne. Nazwą hasła jest rekonstruowany wyraz prasłowiański, co może powodować trudności w znalezieniu hasła zgodnie z układem alfabetycznym. Hasła mają następującą strukturę: 1. Zrekonstruowana praforma, 2. Znaczenie, 3. Materiał dowodowy, 4. Etymologia; analiza morfologiczna formy, 5. Literatura. Leksyka prasłowiańska jest rekonstruowana na podstawie słownictwa języków słowiańskich z tekstów historycznych oraz języków współczesnych, szczególnie dialektów. Słownik zawiera także materiał onomastyczny. Z punktu widzenia komparatystyki języków słowiańskich szczególnie interesujący jest punkt 3, materiał dowodowy, w słowniku ta część na początku i końcu oznaczona jest tyldą (~). Zestawia się w niej systematycznie wyrazy, które wykształciły się w językach słowiańskich z prasłowiańskiej formy, uporządkowane według grup języków, od zachodnich, przez południowe, do wschodnich, w układzie historyczno-semantycznym. Podaje się precyzyjnie źródła danych. Interesująca jest także następna część, etymologia, w której podaje się nie tylko etymologię (zestawiając różne hipotezy z literatury), ale także historię znaczenia formy. Ze względu na to, że wiele uwagi poświęcono pochodzeniu wyrazów, słownik jest także swoistym słownikiem etymologicznym.

Słowniki etymologiczne języka polskiego

Wszystkie słowniki mają w zasadzie ten sam tytuł, stąd odnoszę się do nich przede wszystkim przy użyciu nazwiska autora. Słowniki omawiane są w układzie chronologicznym.

Słownik Brücknera. *Słownik etymologiczny języka polskiego* autorstwa Aleksandra Brücknera (1856–1939), został wydany w 1927 roku (Brückner 1927, wielokrotnie przedrukowywany). To pierwszy wyspecjalizowany słownik polski poświęcony etymologii, choć oczywiście wcześniejsze słowniki ogólne zawierały objaśnienia pochodzenia wyrazów. Jest to także pierwszy ukończony słownik etymologiczny dla jednego języka słowiańskiego, choć poprzedzały go słowniki wielojęzyczne. Zawiera ok. 5850 haseł, zawierających objaśnienia ok. 26 260 jednostek leksykalnych; są w nim także nazwy własne (ok. 1000). Większość haseł jest zbudowana na zasadzie gniazdowej. Nazwami wyrazów hasłowych są nie tylko samodzielne wyrazy, o formie współczesnej, ale także formy hipotetyczne, morfemy słowotwórcze i litery oznaczające dźwięki; pojawiają się także hasła encyklopedyczne (w liczbie 27), poświęcone tzw. archeologii językowej, czyli objaśnieniu obyczajowości słowiańskiej z punktu widzenia historii słownictwa. Hasła opisują nie tylko słownictwo współ-

czesne Brücknerowi, ale także archaizmy i, w mniejszym stopniu, leksykę gwarową. Słownik zawiera obfity materiał dowodowy z innych języków. Co prawda Brückner zamierzał stworzyć słownik popularny, jednak opis jest bardzo skrótowy, a zatem trudny w odbiorze, a naprawdę czytelnik ma sam zrozumieć ciągłość opisu.

Słownik Sławskiego. Słownik (Sławski 1952–1982) nie został ukończony, ukazało się pięć tomów, od hasel na A do Łż. Zawiera prawie 7500 hasel, ze względu na zmianę koncepcji redakcyjnej najwięcej jest ich w tomie pierwszym, najmniej w ostatnim. Pierwotnym zamiarem autora było opracować słownik popularny, o zwięzłych hasłach, tak też jest prezentowany materiał w I tomie (do litery G). Następne tomy zawierają już znacznie bardziej rozbudowane opisy. Sławski stawiał sobie za cel stworzenie dzieła syntetycznego, w którym opisane zostaną wyrazy o zasięgu ogólnosłowiańskim, które pojawiają się w standardowej polszczyźnie jego czasów, ich derywaty, a także najstarsze zapożyczenia. Z czasem, w kolejnych tomach, znacznie rozszerzając zasięg słownika, uzupełnił opisywany materiał słownictwem dawnym oraz gwarowym, opisywał także historię znaczenia danej formy językowej. Według Sławskiego podstawowym zadaniem etymologa jest uzasadnienie morfologicznie i semantycznie dany wyraz, z ukazaniem jego pierwotnej motywacji. Ambicją autora było ukazanie danego wyrazu w systemie języka, a także odnotowywanie odpowiedników w językach słowiańskich, przede wszystkim najbliższych geograficznie polskiemu. Był to więc w założeniu słownik porównawczy; te cechy odnajdujemy także w późniejszym *Słowniku prasłowiańskim*. Choć słownik ma wiele hasel w pierwszym tomie, odnotowuje jedynie 60% wyrazów spomiędzy A-Czar, które opisał Brückner w swoim słowniku.

Etymologiczny słownik języka polskiego Bańkowskiego. To kolejny nieukończony słownik – wyszły dwa tomy (od litery A do P; Bańkowski 2000) znalazło się w nich ok. 18 700 hasel (wraz z odsyłaczami), zapowiadał się więc na największy słownik etymologiczny. Andrzej Bańkowski (1931–2014) napisał także części dla wyrazów na R i S, ale nie zostały one opublikowane. Słownik obejmuje słownictwo dawne i współczesne, w tym wyrazy potoczne i zapożyczenia, terminy specjalistyczne - Bańkowski był autorem objaśnień etymologicznych do słowników wyrazów obcych. Celem Bańkowskiego było opisać pierwotną formę danego wyrazu, jego rdzeń, a także zarejestrować od kiedy wyraz występuje w źródłach. Poświęcał wiele uwagi wyjaśnianiu etymologii na tle indoeuropejskim.

Słownik Borysia. To drugi, po słowniku Brücknera, zakończony naukowy etymologiczny słownik języka polskiego (Boryś 2005). Zawiera ok. 4 600 hasel, w układzie alfabetycznym. Ma układ półgniazdowy, na końcu słownika zamieszczono indeks wszystkich wyrazów. Jako nazwy hasła pojawiają się wyrazy samodzielne oraz derywaty o mniej czytelnej motywacji, zaś derywaty o jasnej motywacji wymienia się na końcu hasła, gdzie pojawiają się także odnośniki do pokrewnych wyrazów. Objasniane są przede wszystkim wyrazy pochodzenia prasłowiańskiego, a także zapożyczenia z innych języków tak dawne, że nie odczuwa się ich obcości (przede wszystkim z niemieckiego). Autor opisuje etymologię przede wszystkim na tle słowiańskim. W hasłach dla wyrazów pochodzących z języka prasłowiańskiego rekonstruuje się formę wyjściową, zaś w hasłach dla wyrazów odziedziczonych podawany jest zasięg wyrazu wśród języków słowiańskich i odpowiedniki z tych języków

Wielki słownik etymologiczno-historyczny języka polskiego Długosz-Kurczabowej. Od roku 1998 autorka wydawała popularne słowniki etymologiczne, opisywany słownik (Długosz-Kurczabowa 2008) to wersja rozmiarami największa. Jego popularnonaukowy

charakter odzwierciedla dobór haseł, w którym znajdujemy hasła użyteczne w dydaktyce, ilustrujące historię języka i jego procesy rozwojowe, a także hasła, których pochodzenie interesowało użytkowników-niespecjalistów. Ma układ gniazdowy, zawiera ok. 500 artykułów hasłowych, w których znajdują się objaśnienia ponad 13 000 wyrazów. W zasadzie każde hasło to swego rodzaju esej na temat pochodzenia, rozwoju znaczeniowego, form pochodnych danego wyrazu; z tego też względu jest to niewątpliwie słownik najłatwiejszy w odbiorze przez użytkowników niespecjalistów. Zawiera dużą liczbę ekwiwalentów z innych języków, przede wszystkim innych języków słowiańskich.

Polskie słowniki gwarowe

Słowniki gwarowe uwzględniam z tego względu, że, jak piszę na początku artykułu, niektóre dialekty, uważane tradycyjnie za gwary, mogą uzyskać status odrębnego języka, jak to się stało w przypadku języka kaszubskiego. Wczesne słowniki gwarowe zresztą często układano tak, jak słowniki dwujęzyczne, tj. po odnotowanym wyrazie gwarowym następowało wyjaśnienie (ekwiwalent) w polszczyźnie standardowej. Po bardzo krótkim opisie słowników gwarowych, przede wszystkim na podstawie pracy Haliny Karaś (2011), opiszę najważniejsze słowniki języka kaszubskiego.

Halina Karaś (2011) w swojej monografii podaje dla lat od 1804 do 2010 ok. 200 tytułów słowników gwarowych, przy czym, być może ze względu także na samostanowienie się użytkowników, ich liczba, zwłaszcza słowników popularnych, dynamicznie wzrasta – w dekadzie 1991–2000 wydano 19 tytułów, w dekadzie 2001–2010 zaś już 57. Do tej pory wydano jeden słownik, który w zamierzeniu obejmuje słownictwo wszystkich gwar polskich, autorstwa Jana Karłowicza (1836–1903; Karłowicz 1900–1911). Zawiera on 50 000 haseł (łącznie z odsyłaczowymi), przejął słownictwo znane z literatury. Drugi całościowy słownik jest w trakcie opracowania, oparty nie tylko na literaturze, ale i na badaniach terenowych. To *Słownik gwar polskich* PAN, będzie zawierał 240 000–300 000 haseł. Najnowszy tom ma numer 9 z. 2, dochodzi do hasła *Grzebliwy*.

Wydano, lub wydaje się, dwa słowniki, które obejmują cały dialekt, czyli wszystkie gwary danego terytorium: kaszubski i - niezakończony - śląski. Co ciekawe, kaszubski obecnie ma status języka regionalnego, użytkownicy gwar śląskich chcieliby uzyskać taki status dla swojego języka. Ostatni wspomniany słownik, pod redakcją B. Wyderki (2000–2012), doszedł do hasła *jużyneczki*.

Słowniki kaszubskie

Język kaszubski to dialekt peryferyjny, na granicy zasięgu języków słowiańskich, izolowany geograficznie. Z tego powodu jest on zarówno archaiczny jak i innowacyjny, te szczególne cechy sprawiały, że budził wielkie zainteresowanie wśród uczonych niemieckich, rosyjskich²⁵ czy polskich, stąd też opracowano wiele dzieł leksykograficznych, których tu nie sposób wymienić. Ich przegląd można znaleźć w obu słownikach opisywanych niżej, a także w pracach Popowskiej-Taborskiej (Popowska-Taborska & Boryś 1996: 11–66; Popowska

²⁵ Dział kaszubski pojawia się w słynnym słowniku wielojęzycznym *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa* pod red. Pallas (1786–1789); słownictwo, zebrane na podstawie kwestionariusza, zostało pozyskane przy pomocy, jak pisze Popowska-Taborska (1996: 12–14), posłów i gubernatorów rosyjskich. To pierwszy kaszubski słownik drukowany. Zawiera 183 wyrazy kaszubskie, zapisane cyrylicą.

-Taborska 2001). Wydano dwa słowniki gwarowe - nie należy ich traktować jako kodyfikacji kaszubskiego dialektu standardowego (por. Popowska-Taborska 2010). Niewątpliwie najważniejszym słownikiem kaszubszczyzny jest *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej* w sześciu tomach z suplementem, opracowany przez Kaszubę, duchownego katolickiego, z wykształcenia etnografa, Bernarda Sychtę (1907–1982). Słownik opublikowano w latach 1967–1978. Zawiera on ponad 61 000 jednostek, autor twierdził, że wszystkie jednostki zostały zaświadczone w badaniach terenowych, które sam przeprowadzał, wszystkie formy są autentyczne. Hasła zapisywane są według konwencji opracowanej przez autora we współpracy z wybitnymi językoznawcami, Kazimierzem Nitschem i Tadeuszem Lehrem Splawin-skim; jest to notacja półfonetyczna, częściowo etymologiczna. Metajęzykiem słownika jest standardowy język polski, którego używa się także w definicjach leksyki kaszubskiej.

Słownikiem, w którym ukazuje się szersze związki języka kaszubskiego z językami słowiańskimi, jest sześciotomowy *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*, pierwszy słownik etymologii dialektu w Polsce, autorstwa Władysława Borysia i Hanny Popowskiej-Taborskiej (1994–2010). Z kolei studia nad słownictwem kaszubskim na tle słowiańskim zostały zebrane w książce tych samych autorów (Popowska-Taborska & Boryś 1996). Słownik wydrukowano w tomach I-V, znajduje się w nim ponad 4 000 haseł; w ostatnim tomie znalazły się indeksy: wyrazów kaszubskich i polskich, indeksy pozostałych języków słowiańskich, indeksy języków indoeuropejskich oraz indeksy języków nieindoeuropejskich. Autorzy starali się ukazać wyrazy kaszubskie na szerokim tle porównawczym, co ma pozwolić na wyraziste ukazanie ich archaicznego lub innowacyjnego charakteru.

LITERATURA

- Anderson B. R. O. G.* Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso, 1991 (Wydanie drugie 2006).
- Axer J.*, red. Łacina jako język elit. Warszawa: OBTA, 2004.
- Bańko M.* Słownik języka polskiego Erazma Rykaczewskiego – pierwszy popularny słownik polszczyzny // *Prace Filologiczne*. 2002. XLVII. S. 7–26 (<http://www2.polon.uw.edu.pl/banko/pliki/inne/Rykaczewski.rtf.pdf>).
- Bankowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 1–2. Wydawnictwo Naukowe PWN. Warszawa, 2000.
- Берлех Памва.* Лексикон словенороский. Киев, 1627 (<http://litopys.org.ua/berlex/be.htm>).
- Bilińska J.* Analiza i leksykograficzny opis słownika Lindego na potrzeby dygitalizacji. Niepublikowana praca doktorska. Uniwersytet Warszawski, 2013 (<http://bc.klf.uw.edu.pl/347/>).
- Birżakowa = Биржакова Е.Э.* Отражение функционально-стилистической дифференциации русской лексики в двуязычных словарях XVIII в. (Польско-русский словарь К. Кондраговича) // Е.Э. Биржакова. Русская лексикография XVIII века. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 100–113 (http://www.academia.edu/9338776/ЕЛЕНА_Э_БИРЖАКОВА_РУССКАЯ_ЛЕКСИКОГРАФИЯ_XVIII_ВЕКА).
- Birżakowa, Małyševa, Кузнцова = Биржакова Е. Э., Малышева И. А., Кузнцова И. Е.* Русская лексикография – XVIII век / Отв. ред. М.И. Чернышева. Славянская лексикография. Москва: Азбуковник, 2013. С. 497–519.
- Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- Boryś W., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1994–2010 (<http://rcin.org.pl/dlibra/docmetadata?id=6050&from=publication>).
- Breza E.* Kaszubszczyzna = Kaszëbizna. Opole : Uniwersytet Opolski, 2001. Instytut Filologii Polskiej (Najnowsze Dzieje Języków Słowiańskich / Red. S. Gajda).
- Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927.
- Calepinus A.* [*Calepino, Ambrogio*]. Dictionarium decem linguarum... Lugduni [Lyon], 1585 (następne wydania 1586, 1587, 1588, 1594 [Geneva], 1598).
- Calepinus A.* [*Calepino, Ambrogio*]. Dictionarium undecim linguarum ... Basileae [Basel]: [Sebastian Henricp-etri], 1590 (następne wydania 1598, 1605, 1616, 1627).

- Citko L.* (a) Słownik cerkiewnosłowiańsko-polski. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu, 2012
- Citko L.* (b) U źródeł leksykografii zachodnioruskiej // *Studia Wschodniosłowiańskie*. 2012.12. S. 190–210.
- Długosz-Kurczabowa K.* Wielki słownik etymologiczno-historyczny języka polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008
- Drucki-Podbereski B.* Podręczny białorusko-polski słownik (15000 białoruskich słów cyrylicą i łacińskimi literami) / Pod red. W. Hryszkiewicza. Wilno: V. Kleckin. Баляслаў Друцкі-Падбярэскі Падручны беларуска-польскі слоўнік. Вільня Выд-ва Б. А. Клецкіна, 1929 (<https://app.box.com/s/s7bljc71yvla5grzv4yvb>).
- Duličenko = Дуличенко А.Д.* Введение в славянскую филологию. 2-е изд. Москва: Флинта, 2014.
- Dzendzelivs'kyi = Дзэндзелівський Й.О.* (a) Українська лексикографія кінця 18 ст. – 1917 // *Енциклопедія «Українська Мова»*. Київ: Укр. Енцикл., 2000.
- Dzendzelivs'kyi = Дзэндзелівський Й.О.* (b) Словарь української мови // *Енциклопедія «Українська Мова»*. Київ: Укр. Енцикл., 2000.
- Ėdlin'ska = Єдлінська В.* Из найновіших сторінок українсько-польської лексикографії // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. 2000. Т. ССХХХІХ. Праці Філологічної секції. S. 575–582 (<http://www.anthropos.org.ua/jspui/handle/123456789/1886>).
- Falińska B.* Polskie słownictwo tkackie na tle słowiańskim. Tom I–IV. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977–1984.
- Frączek A.* Zur Geschichte der deutsch-polnischen und polnisch-deutschen Lexikographie (1772–1868). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999.
- Frączek A., Lipczuk R.* Słowniki polsko-niemieckie i niemiecko-polskie: Historia i terażniejszość. Wołczkowo: Oficyna In Plus, 2004.
- Gellner E.* Nations and nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983/1991. (Polskie tłumaczenie 1991. Narody i nacjonalizm. Warszawa: PIW).
- Gruszczyński W.* Nie tylko łacina, czyli o językach zestawianych z polszczyzną w słownikach z XVI, XVII i XVIII wieku / Red. Gruszczyński W., Polkowska L. Problemy leksykografii. Historia – metodologia – praktyka. Warszawa: Lexis, 2011. S. 53–72.
- Gruszczyński W., Saloni Z.* From multilingual to monolingual dictionaries: A historical overview of Polish lexicography // *Studies in Polish Linguistics*. 2014. 8. S. 205–227 (<http://www.ejournals.eu/SPL/>).
- Grzegorzczak P.* Index lexicorum Poloniae. Bibliografia słowników polskich. Warszawa: PWN, 1967.
- Harecki = Гарэцкі Максім.* Невялічкі беларуска-маскоўскаго слоўнік / Рэдакцыя Я. Станкеўчыка. Вільня: Друкарня Віленскага выдавецтва. 1921.
- Henisch G.* Teutsche Sprach und Weissheit. Thesaurus linguae et sapientiae Germanicae (...). Augustae Vindelicorum, 1616.
- Hentschel G.* Schlesisch // *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. 2002. S. 437–442.
- Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780, Programme, Myth, Reality. Cambridge: Canto, 1992.
- Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge: Cambridge UP, 1985.
- Hüllen W.* English dictionaries 800–1700. The topical tradition. Oxford; New York, 1999.
- Karaś H.* Polska leksykografia gwarowa. Warszawa: Wydział Polonistyczny Uniwersytetu Warszawskiego, 2011.
- Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków: Akademia Umiejętności, 1900–1911 (<http://zbc.uz.zgora.pl/dlibra/doccontent?id=8866>).
- Knapisz G.* Thesaurus polono-latino-graecus seu promptuarium lingua Latinae et Graecae [...], F. Caesario, Cracoviae, 1621 (http://www.mimuw.edu.pl/polszczyzna/Knapski/Knapski_DjVu/).
- Kondratowicz = Кондратович, Кирьяк Андреевич.* Польский общий словарь и библейный, с польскою, латинскою и российскою новоисправленною библиями смечиван. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1755. (http://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/docmetadata?id=374034&from=&dirids=1&ver_id=&lp=3&QI=)
- Kucharska B.* Katalog Wiedzy Powszechnej ,47-'85. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1987.
- Kucharska B.* Katalog Wiedzy Powszechnej ,86-'95. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1995.
- Łastowski = Ластоўскі В.* Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна: Друкарня А. Бака, 1924.
- Lewaskiewicz T.* Panslawistyczne osobliwości leksykalne S.B. Lindego i jego projekt stworzenia wspólnego języka słowiańskiego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980.
- Lewaskiewicz T.* Słowianofilstwo a idea wspólnego języka słowiańskiego / S. Bonazza i G. Brogi Bercoff red. L'idea dell'unità e della reciprocità slava e il suo ruolo nello sviluppo della slavistica: Atti del Convegno

- della Commissione per la Storia della Slavistica. Urbino, 28. IX – 1. X. 1992. Roma: La Fenice Ed., 1994. S. 53–65.
- Lewaszkiwicz T.* Między ideą wspólnego języka słowiańskiego i słowiańskimi mikrojęzykami literackimi // Pozańskie spotkania językoznawcze. 2014. Nr 27. S. 73–84 (<http://pressto.amu.edu.pl/index.php/psj/article/view/624/545>).
- Linde S.B.* Słownik języka polskiego. 6 tomów. Warszawa: u Autora, 1807–1814 (Wyd. II, Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1854–1860).
- Linguarum totius orbis vocabularia comparativa: augustissimae cura collecta. Sectionis primae, linguas Europae et Asiae complexae.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы. Petropoli: Typis I.C. Schnoor, 1787–1789.
- Loderecker P.* Dictionarium septem diversarum linguarum, videlicet Latine, Italice, Dalmatice, Bohemice, Polonice, Germanice, et Ungarice... Pragae, e typographaeo Ottmariano, impensis auctori, 1605.
- Majewicz A.F.* Języki świata i ich klasyfikowanie. Warszawa: Państwowe Wydawn. Nauk, 1989.
- Matuszczyk B.* Słownik języka polskiego S. B. Lindego – warsztat leksykografa, Lublin: Wydawnictwo KUL, 2006.
- Megiser = Megiserus H.* Thesaurus polyglottus: vel, dictionarium multilingue ... Francofurti ad Moenum [Frankfurt am Main]: Sumptibus Auctoris, 1603.
- Обрѣска-Яблоńska = *Обрембская-Яблоньская А.А.* Об источниках польско-русского словаря Кирияка Кондратовича // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Академия Наук СССР. 1958. Т. 14. С. 597–604.
- Paniw = Paniw J.M.* Ларіон Семенович Свенціцький. Львів: ЛДУ, 1996 (http://library.lnu.edu.ua/bibl/images/Vudanna_WEB_pdf/2Biobibliografija_vchenuch/Svencick.pdf).
- Piotrowski T.* Zrozumieć leksykografię. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001.
- Piotrowski T.* Bibliografia słowników z angielskim i polskim. Niepublikowane drukiem, 2002.
- Piotrowski T.* Zapożyczenia leksykalne w języku polskim jako ślady relacji kulturowych // Język polski w europejskiej przestrzeni kulturowo-językowej / Red. St. Gajda. Opole: Uniwersytet Opolski, 2008. S. 375–399.
- Podhajecka M.* (a) Researching the beginnings of bilingual Polish-English / English-Polish lexicography: Polyglot dictionaries (part 1) // Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis. 2014. 131. S. 67–90 (www.ejournals.eu/Studia-Linguistica).
- Podhajecka M.* (b) Researching the beginnings of bilingual Polish-English / English-Polish lexicography (part 2) // Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis. 2014. 131. S. 193–212 (www.ejournals.eu/Studia-Linguistica).
- Podhajecka M.* A history of Polish-English / English-Polish bilingual lexicography (1788–1947). Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2016.
- Podstránský J.B.* Kapesní slovník polsko-český i česko-polský (Słownik kieszonkowy polsko-czeski i czesko-polski). Praha: Hess., 1852 (<http://kramerius.nkp.cz/kramerius/MShowUnit.do?id=4258>).
- Popowska-Taborska H. & Borys W.* Leksyka kaszubska na tle słowiańskim. Polska Akademia Nauk. Instytut Sławistyki. Warszawa : Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1996.
- Popowska-Taborska H.* Leksykografia kaszubska, w: Breza, 2001. S. 243–255.
- Popowska-Taborska H.* Blaski i cienie etymologa // Poradnik językowy. 2010. 7. S. 5–13.
- Rydzewski E.* Słownik języka polskiego. Według Lindego i innych nowszych źródeł wypracowany przez E. Rydzewskiego. I. Berlin, Poznań: B. Behr, 1866.
- Stawski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1–5. Kraków: Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego, 1952–1982.
- Stawski F.*, red. Słownik prasłowiański. T. 1–8. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974–2001.
- Słownik akademii rosyjskiej: Словарь Академии Российской. Издательство: Императорская Академия Наук. Санкт-Петербург, 1789–1794.
- Słownik gwar polskich. T. I–IX (A–Grzebliwy). Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979–2015 (<http://rcin.org.pl/dlibra/doccontent?id=24670>).
- Słownik języka starocerkiewnosłowiańsko-polski: Лексиконъ сирѣчь словесникъ славенскій. Supraśl, 1722.
- Słowniki dawne i współczesne. Internetowy przewodnik edukacyjny / Red. M. Bańko, M. Majdak, M. Czeszewski (<http://www.leksykografia.uw.edu.pl/>).
- Stankiewicz E.* Grammars and Dictionaries of the Slavic languages from the Middle Ages up to 1850: An annotated bibliography. Berlin: Mouton, 1984.
- Strekalova = Стрекалова З.Н.* Заметки о рукописном «Сравнительном русско-польском словаре» С.Б. Линде // Вопросы языкознания. 1970. № 6. С. 95–104.

- Sus = *Cyc I*. Рукописний українсько-польський словник “матеріялы до словаря русскаго” Й. Скоморовського як джерело до вивчення українських говорів // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. 2011. Випуск 25. С. 81–85.
- Święcicki = *Свенціцький І.С.* Словник українсько-польський і польсько-український // Słownik ukraińsko-polski i polsko-ukraiński. Львів: Друкарня Ставропігійського ін-та, 1920.
- Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. I–VII. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967–1976.
- Waniakowa J. Polskie gwarowe nazwy dziko rosnących roślin zielnych na tle słowiańskim. Zagadnienia ogólne. Kraków: Wyd. UJ, 2012.
- Warchol S. Słownik etymologiczno-motywacyjny słowiańskiej zoonimii ludowej. T. I–V. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2016.
- Witwicki T., *Dzendzelivs'kyi I.O.*, *Rieger J.* Słownik polsko-cerkiewnosłowiańsko-ukraiński Teodora Witwickiego. Z połowy XIX wieku. Warszawa: Wydawn. Nauk. Semper, 1997.
- Wojan K. Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej: Bibliografia słowników za lata 1795–2005. Gdańsk: Wydawn. Uniwersytetu Gdańskiego, 2006.
- Wojan K. (a) Język angielski w polskiej leksykografii: Słowniki przekładowe, lingwistyczne i encyklopedyczne, wydane w latach 1782. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013.
- Wojan K. (b) Z polskiej leksykografii przekładowej: Bibliografia słowników z językiem rosyjskim za lata 2005–2011 w układzie chronologicznym // Przegląd Rusycystyczny. 2013. 1 (141). S. 133–159.
- Wyderka B., red. Słownik gwar śląskich. Tom I–XII (A–jużyneczki). Opole: Instytut Śląski, 2000–2012.
- Wyderka B. Na progu samodzielności. O początkach języka śląskiego // Studia Slavica. 2012. XVI. S. 203–209.

СТАНА РИСТИЋ, НЕНАД ИВАНОВИЋ

Београд, Србија

Српска савремена дескриптивна лексикографија у поређењу са лексикографијом других словенских језика*

Предмет рада и циљеви

Предмет рада је савремена тезаурусна лексикографија словенских народа представљена у поређењу српске лексикографије са лексикографијама других словенских језика: руском, бугарском, македонском, пољском и чешком. Као извори за поређење узети су следећи тезаурусни, академијски речници: *Речник савременог српског књижевног и народног језика* (Речник САНУ), још у изради; затим, *Словарь современного русского литературного языка* (Велики академијски речник руског језика), у 17 томова; *Речник на българския език* (Речник бугарског језика), још у изради; *Толковен речник на македонскиот јазик* (Дескриптивни речник македонског језика), у 6 томова; *Průruční slovník jazyka českého* (Приручни речник чешког језика), у 8 томова и *Słownik języka polskiego* (Речник пољског језика), у 11 томова.

Циљ истраживања је да се на основу савременог стања у тезаурусној лексикографији шест словенских језика скрене пажња научне јавности на њене најважније пози-

* Рад је израђен у оквиру пројекта 178009 *Лингвистичка истраживања савременог српског књижевног језика и израда Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ*, који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

тивне резултате, видљиве како у савременој и најновијој лексикографској пракси, тако и у савременим и најновијим лексикографско-лексиколошким и лингвистичким теоријама. Сагледани заједно, ови резултати указују на постојање области „словенске тезаурусне лексикографије” као поља примењене лингвистике које има властити скуп теоријско-методолошких карактеристика. Истовремено очекујемо да на основу упоређивања концепцијских и методолошких одлика одабраних тезаурусних речника може доћи и до отворених питања, која би требало даље разматрати и истраживати у овој области.

У истраживању сличности и разлика на различитим плановима изабраних речника узимаће се у обзир релевантни фактори који су утицали на њихово формирање и развој, и то како оних лингвистичких, у смислу утицаја различитих лингвистичких школа и типолошких особености појединих словенских језика, тако и оних ванлингвистичких, у смислу утицаја историјских и друштвено-политичких фактора на лексикографски рад.

Садржај рада изложен је у два дела. У првом делу представљене су главне одлике речника који се пореде, и то: хронологија припреме и израде, број томова, број одредница, циљеви речника и главни принципи обраде лексичког материјала. У другом делу изложено је нешто више о могућностима упоређивања ових речника у одређеним аспектима, као и о резултатима поређења.

Основни подаци о речницима

Речник руског језика. *Словарь современного русского литературного языка* (Речник савременог руског књижевног језика) представља тезаурусни речник са богатом традицијом. Припреме на овом речнику започете су пре Другог светског рата, а обновљене 1945. године. Његова израда започета је 1948. године. До сада се појавио у три издања: прво, у 17 томова, рађено од 1949. до 1965. године; друго, у шест томова (рађено од 1991. до 1994. године, израда је прекинута код слова **З**); и треће, незавршено (од 2004. до 2014. изашла су 23 тома, до слова **Р**). Сва три издања представљају нормативне речнике руског књижевног језика, који обрађују лексику 19. и 20. века, затим архизме, историзме и дијалекатску лексику која се употребљава у писаним изворима од Пушкина до данас. За наше истраживање највећи значај има прво издање овог речника, будући да се ради о завршеном делу.

Речник савременог руског књижевног језика у 17 томова броји преко 120.000 одредница са дефиницијама и примерима употребе. Распоред одредница у прва три тома је гнездовни, а у осталим томовима азбучни. Речнички чланци садрже обиман илустративни материјал са библиографским подацима; уз сваку реч или значење дати су граматички и стилски маркери, а код одређених речи у напоменама дати су етимолошки подаци, као и податак када је реч први пут употребљена у неком ранијем речнику руског језика.

Иако је данас ово издање у доброј мери застарело, оно и даље представља концепцијско-методолошку основу новијих тезаурусних речника руског језика у разним доменама: избора лексичке грађе, граматичке, семантичке и стилске обраде, односа према дијалекатском материјалу, односа према творби, обраде фразеолошких јединица и

др. Стога се поменути речник може сматрати зачетником традиције новије руске академијске лексикографије.

Речник српског језика. *Речник српскохрватског књижевног и народног језика САНУ* представља речник великог обима (планира се да ће, кад буде завршен, обухватити преко пола милиона речи). Припрема овог речника започета је 1893. године, у оквиру Лексикографског одсека Српске академије наука, а његова израда 1953. године. Први том изашао је из штампе 1959. године, а до сада је израђено 19 томова (слова А–П).

У Речнику САНУ обрађује се савремени српски (српскохрватски) језик од времена непосредно пре језичке реформе Вука Стеф. Караџића (крај 18. и почетак 19. века) па до времена када је завршена кодификација тога језика на свим нивоима: правописном, граматичком и лексичком (друга половина 20. века). Истовремено, у овом речнику описују се и језичке појаве у најновијем времену. У његовој основи налазе се два идиома који чине основ савременог језичког израза: „књижевни“ (писани) и „народни“ (говорни) језик, који се нормирају према заједничком стандарду.

Речник је заснован са циљем да опише употребу речи у свим важнијим гранама књижевног, културног и стручног живота. То се чини кроз опис састава лексикона српског (или српскохрватског) језика, опис значења речи, указивање на творбено-семантичке потенцијале лексике, њене територијалне, временске, стилске и др. распрострањености, кроз употребу појединих речи у саставу идиома, фраза, пословица и сл. Информације у речнику дају се у складу са овим циљевима, у виду одређене структуре речничког чланка: одредница, акценатско-морфолошка парадигма, функционално-граматичка парадигма, квалификатори територијалне, стилске и др. природе, значења и подзначења, цитати (бирани са становишта лексичко-граматичке спојивости, стила, језичке епохе у којој се реч употребљава и сл.). У засебном делу речничког чланка дају се информације о идиомима, фразама и пословицама у чијем се саставу реч налази.

Речник пољског језика. *Słownik języka polskiego* (Речник пољског језика) Пољске академије наука представља лексикографско дело чија је припрема започета 1927. године, скупљањем лексичке грађе из књижевних дела писаца који су стварали у прве три деценије 20. века. Први том је изашао 1958., а последњи, једанаести, 1969. године. Обухвата око 125.000 одредница.

Језички материјал у Речнику хронолошки је заокружен на период од друге половине 18. до прве половине 20. века. Циљ му је да послужи као приручник говорницима и писцима пољског језика у разумевању језика којим се служе, а преко тога и разумевању властитог идентитета.

Речник је израђен на богатом лексичком материјалу, од око 6.500.000 картица (фиша) из 3.200 извора. Ексерцирани су најбољи примери књижевнојезичког израза уз строги одабир лексике која ће бити актуелна и у будућности. Дефиниције су засноване на интерпретацији научног, енциклопедијског садржаја речи, а не на њиховом семантичком садржају, тако да нису сагласне са цитатима употребе, тим пре што је критеријум за одабир примера био „сугестивни контекст“, односно избор из дела оних аутора који владају семантичким и стилским потенцијалом речи. Посебна пажња у овом речнику посвећена је појму „нормативности“ као скупу критеријума селекције

правилног језичког израза. Из тог разлога речнички чланак је устројен према нормативним принципима. У њему се полази од значења које је најраспрострањеније у савременом језику, и креће се према специјалним, ређим и стилски маркираним значењима.

Речник чешког језика. *Průruční slovník jazyka českého* (Приручни речник чешког језика) представља дело чија је припрема започета 1911. године, са оснивањем одсека Чешке академије наука и уметности. Први том је изашао из штампе 1935. године, а последњи, осми, 1957. Речник је израђен на основу картотеке од око 5 милиона картица, и броји преко 250.000 речи.

Језички материјал овог речника чине примери из књижевности, научне литературе, часописа и дневне штампе. У односу на друге тезаурусне речнике, његова доња граница знатно је померена према савременом језичком стању, што ће рећи према крају 19. века. У складу са овим, за речник су ексцерпирани савремени извори, а за слој старије лексике класични писци: Њемцова, Хавличка, Тил, Колар, Палацки, Шафарик и др. Циљ речника је да пружи слику развоја структуре и значења речи чешког књижевног језика у једном периоду његовог развитка.

Приручни речник чешког језика обрађује махом књижевну лексику, док је лексика из некњижевних идиома (из наречја, сленгова и аргоа) уведена само ако се употребљава као стилско средство у књижевном језику. Изостављани су хапакси (речи које се употребљавају само код једног аутора). Указујући на јасну границу између речи књижевног и некњижевног језика, овај речник представља и први значајни покушај нормативне и стилистичке класификације лексичких јединица. Сагласно томе, речнички чланак је устројен према информацијама о правописној и граматичкој правилности обрађених речи по редоследу: избор одредница, објашњење значења, посебна упутства о правилности и неправилности; даване су информације о пореклу позајмљене лексике, о глаголској рекцији, а системска повезаност лексике показивана је навођењем синонима и хомонима. Редослед одредница је алфабетни, а у делу цитата као примери употребе узимани су минимални типични контексти на основу потврде и избора самих лексикографа. У овом делу речничког чланка наведена је и богата фразеологија чешког језика. У току израде мењала се концепција, као и код других тезаурусних речника, тако да су први томови имали изразитији пуристички карактер и ограниченији инвентар терминолошке лексике у односу на последње толове.

Речник бугарског језика. *Речник на българския език* (Речник бугарског језика) Бугарске академије наука представља тезаурусни речник великог обима. Његова припрема започета је 1968. године, у оквиру Секције бугарске лексикологије и лексикографије Института за бугарски језик. Први том публикован је 1977. године, а до сада је објављено 14 томова са преко 100.000 одредница. Планирана је израда 19 или 20 томова овог речника, као и његово електронско издање.

Речник бугарског језика израђује се на основу грађе од око 7 милиона картица (фиша). Језички материјал овог речника чине примери из савремених књижевних дела, из књижевних дела 19. века, затим примери из објављених дела народног стваралаштва, разни термини и спискови синонима. Хронолошки, овај речник обухвата период од прве четвртине 19. века (1824) до данас.

У Речнику бугарског језика забележене су речи, њихови облици и значења, примери употребе, устаљене везе, фраземе. У њему је представљена књижевна, разговорна, народна, дијалекатска, жаргонска и др. лексика. Уз општеупотребну лексику обрађене су и застареле речи, архаизми, као и други слојеви лексике из пасивног лексичког фонда: неологизми, црквенославенизми, речи страног порекла, термини из разних области науке, из народног фолклора и из постојећих речника. Речник има историјско-дескриптивни и нормативни карактер.

Циљ речника је да представи опис лексике кроз различите типове информација: граматичке, семантичке, функционалностилске, историјске, фреквенцијске и др. Сви подаци у опису илуструју се примерима из различитих функционалних стилова или редакторским примерима. На крају речничког чланка у три блока дају се: устаљене везе речи, сложени називи и термини, као и фразеологизми и сложене лексичко-граматичке јединице.

Речник македонског језика. *Толковен речник на македонскиот јазик* (Речник македонског језика) Македонске академије наука представља лексикографско дело чија је припрема започела 1951. године. Грађа за речник прикупљана је из фолклорних извора, књижевних текстова, дијалекатских текстова и разговорног језика. Речник је првобитно планиран у обиму од око 40.000 речи, да би се у изради тај обим повећавао. 1955. године започета је обрада лексичке грађе, а у периоду од 1961. до 1966. године израђен је речник под називом *Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања* у три тома, који обухвата 64.522 речи.

На основу овог речника 2000. године је започета израда допуњеног издања, под називом *Толковен речник на македонскиот јазик*. У ту сврху у Институту за македонски језик формирано је посебно Лексикографско одељење. Први том овог речника је публикован 2003. године, а последњи, шести том 2015. године. Овај речник садржи око 100.000 речи.

Речник Македонске академије наука је израђен са циљем да буде нормативан. Његова грађа обухвата оригиналну и преводну литературу, научне изворе, уџбенике, публицистику и периодику. Обухвата најшире употребљену лексику савременог језика, пре свега неутралну, у мањем обиму разговорну, затим књишку, специјалну и експресивну. Пошто је планирано да овај Речник буде и стилистички нормативан, у њему се доследно употребљавају и квалификатори функционалностилске, експресивне и историјске употребе речи.

Одреднице у речнику су дате алфабетним редом, у комбинацији са гнездовном обрадом. У гнезду су дате изведене речи, које нови смисао добијају само на основу граматичке категорије којој припадају. Речничке дефиниције имају лингвистички и енциклопедијски карактер. Дата је исцрпна обрада полисемних речи; значења су одвојена арапским бројевима, а подзначења малим словима азбуке. Бројевима су издвојена и пренесена значења. Фразеологизми су обрађени на крају чланка. Илустрације се наводе у форми синтагми или целих реченица, без ознаке извора у примерима.

Могућности и аспекти упоређивања словенских тезаурусних речника

Оно што је заједничко за све разматране речнике јесте чињеница да организацију послова око израде тезаурусних речника преузимају на себе националне академије наука, у којима се за такве послове заснивају посебна лексикографска одељења и формирају лексикографски тимови, што потврђује значај оваквих дела за национални језик, науку и културу. До почетка припреме и организације послова на академијским речницима, у свакој од словенских средина лексикографија је већ пролазила више развојних фаза, тако да се овакви пројекти заснивају углавном у високој фази развоја како лексикографске праксе тако и актуелних филолошких и лингвистичких теорија.

За словенску тезаурусну лексикографију карактеристична је заснованост на лингвистичким теоријама епохе структурализма (од двадесетих до седамдесетих година 20. века). Ова чињеница ће се нарочито одразити на сличности теоријско-методолошких и концепцијских основа анализираних речника, на које би се у даљем истраживању могло таксативно указивати (нпр. творба и семантика у српском, пољском и руском речнику, терминологија у пољском и чешком, проблеми успостављања одреднице сл.). При томе је важно имати у виду да фактор завршене/незавршене израде речника неће битно умањивати истакнуте сличности – тим пре што су по правилу тезаурусни речници засновани на грађи која хронолошки обухвата развој језика у периоду од једног или два века.

Упоређивање одабраних тезаурусних речника могуће је са више аспеката. Овом приликом указаће се на следеће аспекте: временска граница језика у речницима, однос речника према нормативним питањима, модели речничког описа и методолошки аспекти дефинисања.

ВРЕМЕНСКА ГРАНИЦА ЈЕЗИКА У РЕЧНИЦИМА. Један од главних аспеката упоређивања академијских речника јесте питање доње и горње границе језика који се у њима обрађује. Наиме, тезаурусни речници по својој природи репрезентују целину савременог књижевног језика кога описују: самим тим, избор временске границе лексичког материјала у речнику говори о томе који се хронолошки периоди у језичком развоју сматрају делом савременог језика.

Доња граница језика у многим речницима представљала је предмет научног промишљања. Тако је нпр. у руском, српском и бугарском речнику за доњу границу узет језик с почетка 19. века; док је у чешком и македонском речнику, сагласно њиховој нормативној улози, за доњу границу узет језик с краја 19. века (чешки) односно с почетка 20. века (македонски). За разлику од њих, за доњу границу пољског речника узима се половина 18. века, којом се указује на континуитет употребе пољског књижевног језика од средине 18. до средине 20. века. Доња граница језика одређивана је и према неком догађају или појави, који имају филолошко-историјски значај, па тако нпр. најстарије изворе руског речника чине дела пушкиновске епохе, а најстарије изворе српског речника дела која антиципирају језичку реформу Вука Караџића.

Горња граница језика код посматраних речника такође је занимљива са становишта научног промишљања. У једним случајевима, она је лимитирана на прву половину 20. века (као нпр. код руског, пољског и чешког речника). Лимитирање горње границе те-

заурусних речника уводи дистанцу према савременом и најновијем језичком стању, што речнике који примењују ову праксу по много чему сврстава међу историјске. Са друге стране, незавршени речници без лимитиране горње границе имају задатак да прикажу динамику језичког развоја у дијахроној, историјској перспективи, уз истовремено представљање његовог савременог и најновијег стања (бугарски и српски речник). Посебан случај представља речник македонског језика, чија се израда и горња граница поклапа са савременим и најновијим језичким стањем.

Однос речника према нормативним питањима. Од значаја за ову тему је и однос речника према нормативним питањима, односно њихово опредељење за један систем језичке/лексичке норме. Однос речника према норми указује на то шта се у одређеној научној заједници сматра стандардом, као и на то шта академска заједница очекује од оваквих лексикографских подухвата.

У односу на појам стандарда академијски речници се могу поделити у две групе: дескриптивно-нормативни (пољски, бугарски и српски) и прескриптивно-нормативни (руски, чешки и македонски). У првом случају, речници инсистирају на постулатима нормативности који не представљају „механизме рестрикције језика” већ скуп критеријума селекције правилног језичког израза. У овом случају, реализација језика корисника речника усмерава се према критеријумима назначеним у лексикографским поступцима: селекцији грађе и типовима информација у речничком чланку. Стога поминути речници инсистирају на историјској генези значења, као и на наглашавању његове контекстуалне условљености у оквиру језика који се описује. У другом случају, прескриптивно-нормативни речници инсистирају на лексикографским поступцима који за циљ имају кодификацију речи на свим плановима: граматичком, ортографско-ортоепском, стилском и др. Карактеристично за ову другу групу речника је и коришћење у обради граматичких уџбеника, језичких саветника, приручника и друге сродне литературе. Показатељи правилности из литературе комбинују се са резултатима које лексикограф добија из грађе, чиме се речнички чланак, у овим аспектима, повезује са стручним текстовима нормативног карактера.

Модел речничког описа. Један од најважнијих аспеката при поређењу дескриптивних речника у словенском свету чине модели речничког описа. На односу између строге, прописане структурираности речничког чланка са једне стране, и његове отворености према разним методолошким утицајима са друге стране, могао би се изградити велики део теорије словенске лексикографије као крајњег циља нашег истраживања.

Полазну тачку за поређење у овом домену представљају типови дефиниције, а као еталон за поређење узет је Речник пољског језика, будући да је у њему евидентан прилично ригидан приступ у начину дефинисања, подређен представљању синтагматских и парадигматских односа. У пракси, овај приступ се огледа у формулисању шест типова дефиниција, чији избор у речнику зависи од форме и функције речи која се дефинише. Тако се нпр. у овом речнику разликује *дефиниција без ослањања на творбу*, која се користи код дефинисања простих, неизведених речи, и *дефиниција базирана на творбеној структури и значењу*, која се користи код дефинисања изведених речи, а чија формулација је заснована на семантичким законитостима творбе. У првом случају, даје

се описна дефиниција значења, а у другом случају граматичка дефиниција која представља однос између деривата и његове творбене основе.

У другим речницима типови дефиниција прописани су према другим критеријумима, па оне могу бити описне, синонимске, комбиноване – описне и синонимске, граматичке, упућивачке и др., али је строго прописана употреба појединих типова дефиниција, осим у Речнику пољског језика, карактеристична још за речнике чешког и македонског језика. У речницима руског, српског и бугарског језика употреба појединих типова дефиниција није строго регулисана. У првом случају опис значења речи је унапред одређен њеном припадношћу одређеној творбеној или семантичкој парадигми, док је у другом случају, речнички опис подређен функционисању конкретне лексичке јединице у контексту употребе. Разлика у ова два приступа има бројне импликације на саму структуру описних речника, почев од избора одредница, преко организације речника (гнездовна, алфabetна), па све до њиховог обима и начина на који презентују лексички материјал.

Методолошки аспекти дефинисања. На методолошком плану израду академских речника карактеришу бројна стручна питања и проблеми који чине саставни део обраде лексике. До њиховог решења у конкретним случајевима долази се захваљујући пракси у раду са речничким материјалом, као и размени мишљења и искуства међу обрађивачима. Речничка израда по правилу подразумева и то да се важнија лексикографска решења овог типа формулишу у виду засебних упутстава за обраду речничке грађе. Упутства су обавезујућа за све учеснике у изради речника, а лексикографима служе за унификацију методологије и као помоћ у обради.

Поређењем упутстава за израду речника у различитим словенским језицима може се стећи увид у читав низ питања која карактеришу њихову израду. Тако нпр. у одељку о избору одредница можемо упоређивати којим се елементима у различитим речницима даје статус одреднице: двочланим лексемама, (полу)сложеницама, суплетивним облицима речи, префиксима, суфиксима и др. Са друге стране, одељак упутстава који је посвећен фразеологији пружа материјал за упоређивање примера који се у појединим речницима издвајају као устаљене везе речи или фразеологизми, као и за упоређивање критеријума за такво издвајање. Тако се нпр. може догодити да се фраземе еквивалентне у више словенских језика у неким речницима представљају на различите начине: као фразеологизми, као уобичајене колокације, устаљене везе речи и сл.

Поређење методолошких аспеката обраде могло би се даље ширити на разне нивое описа лексике у речнику, као нпр. на број и типове информација (граматичких, семантичких, културолошких, прагматичких, етнолингвистичких и др.), на начине представљања лексичко-семантичке и граматичке спојивости, на организацију полисемне структуре лексеме, на начин лексикографске обраде граматичких, функционалних речи, на опис улоге граматичких категорија у полисемији, на проблем издвајања и дефинисања фигуративних значења и др. Уопште, упоређивање лексикографских поступака и инвентара јединица лексикографског метајезика у тезаурусним речницима савремених словенских језика, осим истицања сличности и разлика, значајно је и са аспекта утицаја лексикографске праксе на заснивање и развој актуелних лингвистичких теорија различитих усмерења, што се савременој и најновијој лексикографији враћа у различитим видовима унапређења лексикографског рада и описа лексике у

словенским језицима. Када је у питању савремена и најновија руска лексикографија и лингвистика, имамо у виду пре свега заснивање теорије интегралног описа језика и на њој изграђену методологију системске лексикографије.

Закључак

На примеру изабраних речника показали смо да тезаурусна лексикографија пружа солидну основу за упоређивање словенске лексикографије у њеном фундаменталном делу и да представља значајан потенцијал за даља истраживања. Неки од аспеката упоређивања, изнетих у нашем раду указују на значајну област упоредне словенске лексикографије, која као засебна тема заслужује укључивање већег броја истраживача из словенске научне заједнице.

ИЗВОРИ

- Вовед*, Толковен речник на македонскиот јазик. Т. I. А–Ж. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2003. С. IX–XVIII.
- Введение*, Словарь современного русского литературного языка. Т. I. А–Б. Академия Наук СССР, Институт русского языка. Москва; Ленинград, 1950.
- Предговор*, Речник на българския език. Т. I. А–Б. БАН. Институт за български език. София, 1977. С. 5–10.
- Увод*, Речник српскохрватског књижевног и народног језика САНУ. Књ. I. Београд: САНУ, 1959. С. VII–XXVI.
- Увод*, Речник на българския език. Т. I. А–Б. БАН. Институт за български език. София, 1977. С. 11–43.
- Předmluva*, Příruční slovník jazyka českého. Vydává třetí třída České akademie vědaumění (od 7. sv. Československé akademie věd), v Praze, (1935–1957). С. VII–XI. <http://bara.ujc.cas.cz/psjc/PDF/PSJC/VYDANI.pdf>
- Uwagi i wyjaśnienie niawstępne*, Słownik języka polskiego. Prvi tom, Polska akademie nauk. Varšava, 1958. С. VII–XLVIII.

ЛИТЕРАТУРА

- Верижникова Е.В.* Македонская лексикография // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М.И. Чернышева. М., 2013. С. 61–120 (даље: Славянская лексикография).
- Гладка З., Мартинцова О.* Традиция и современность в чешской лексикографии // Славянская лексикография. С. 727–757.
- Копорская Е.С.* Принципы описания лексики в «Новом толковом словаре современного русского литературного языка с расширенными сведениями о слове (в книжной и углубленной электронной версиях) // Славянская лексикография. С. 536–542.
- Крысин Л.П.* Словари современного русского языка // Славянская лексикография. С. 542–563.
- Пиотровский Т.* Польская лексикография // Славянская лексикография. С. 817–814.
- Скляревская Г. Н.* Современная русская лексикография: достижения и лакуны // Славянская лексикография. С. 579–615.
- Чоролеева М.* История и современное состояние болгарской лексикографии // Славянская лексикография. С. 61–90.

МАРИЯ ЧОРОЛЕЕВА, ЦВЕТЕЛИНА ГЕОРГИЕВА

София, България

Славянски сравнителни речници с участието на българския език

Тъй като настоящото изследване е част от обобщаващата монография за сравнителната славянска лексикография, преди всичко би трябвало да се спрем на въпроса какво е виждането ни за обекта на *сравнителната лексикография*, с какво се занимава, какви са нейните особености и принципи. Като равностоен би могъл да се използва и терминът *съпоставителна лексикография*. Неговата същност би могла да се разглежда в два плана: 1. Анализирание и установяване на особеностите на лексикографски трудове, речници, в които се сравняват лексикалните единици на два или повече езика – двуезични или многоезични речници, наричани още преводни речници; 2. Сравняване на теорията на лексикографията от различни страни, на принципите за изграждане на типовете речници, на основни теоретични положения и практики на изработване на речници, създадени от различни национални лексикографски школи.

Първият план, в който може да се разглежда сравнителната лексикография, също така може да има два аспекта – от една страна, анализирание на създаването и развитието на двуезични и многоезични сравнителни речници в дадена лексикография, в отделна страна, а от друга – сравняване на съответните лексикографски концепции за изработване на този тип речници в различните страни и съответно – в различните национални лексикографски школи. Напълно естествено е да се насочим към изследване на съпоставителната славянска лексикография в посочения първи аспект като първи етап, който може да бъде основа за по-нататъшно изследване на тази област на лексикографията. Ще направим опит да проследим създаването и развитието на сравнителната славянска лексикография с участието на българския език, доколкото е възможно да установим особеностите на този вид речници и да посочим постиженията на сравнителната лексикография с участието на българския език.

В лингвистичната лексикографска литература досега за този тип речници се използва терминът *двуезични (триезични, ..., многоезични) речници*, като по този начин ударението се поставя върху броя на езиците, чиито лексикални единици се сравняват. Използва се също и названието *преводни речници*, като така се изтъква на първо място функцията им да служат като помощници при превод от един език на друг. Тези термини обаче не посочват основното, най-характерното, същността за този тип речници. По-подходящ термин, с оглед на по-голяма точност при назоваването, е *сравнителни (съпоставителни) речници*. При тях се сравнява лексиката, езиковите единици на един език с лексиката, езиковите единици на друг език. Сравнението може да се прави и между лексикалните единици на повече от два езика. Като резултат от това сравняване става възможен и се подпомага преводът от един език на друг или на други езици. Така, като предпочитаме термина сравнителни (съпоставителни) речници, ще използваме и традиционно установените названия двуезични (многоезични) речници и преводни речници.

Ще се опитаме най-напред да направим стандартен портрет на този тип речници. Основна част на сравнителния речник е *първият член на сравнението* – лексикалните единици на изходния език, които ще се сравняват с единиците от втория член на сравнението – избраният за сравнение втори език. Така трябва да се има предвид, че изходен е първият език и за всяко значение на неговите единици се представя съответствие в другия език. При това положение на първо място най-отговорното действие при изработване на речник от този тип е създаването на словника, определянето на думите и съчетанията, които трябва да се включат, да съставят първия член, лявата страна на сравнението. Именно лявата страна на сравнителния речник определя до голяма степен неговите особености и неговите качества. Ако словникът е определен правилно според поставените цели на речника, това осигурява до голяма степен качеството на речника. Във връзка с поставената цел може да се определя обемът на словника – за малък (джобен), среден, голям речник или сравнителен речник – тезаурус. Тук са важни принципите, според които се определя словникът на малък речник, който би трябвало да включва основния речников фонд на един език и съответно степените за разширяване на словника за среден или по-голям речник, както и за словник с най-голяма възможна пълнота – за речник тезаурус. Важен е и въпросът за представяне на семантичната структура на думите в различна степен на пълнота – по-опростена или по-детайлизирана разработка, съобразно също с поставените цели.

Втората основна част на този тип речник, *вторият член на сравнението* – единиците, с които се прави сравнението, са еквиваленти по значение със сравняваните единици от първия член – език на сравнението. Определянето на тези еквиваленти е също така не по-малко отговорно и трудно, тъй като при недостатъчна точност и ясно и стриктно представяне на еквивалентността на значенията се поставя под въпрос качеството и успешното използване на речника.

Освен двете основни зони на речник от този вид конкретно при всеки от тях може да се отделят и други зони, например в лявата част – зона на граматичната характеристика, където се отразяват различни граматични особености на думите от словника и особено се привеждат изключенията от стандартното образуване на граматическите форми на думите – в множествено число, род, особености на глаголната парадигма и т. н. Съответно и при думите еквиваленти от втория език също съществува такава зона. Важна е зоната за стилистична и функционална характеристика, следваща обикновено граматическата зона. В различна степен се отразява и синтактичната обусловеност на думите, условията за съчетаемост. Привеждането на илюстративен материал и в каква степен е също въпрос, решаван от авторите въз основа на концепцията им. В една или друга степен могат да се отразяват и фразеологичните единици, в които участват думите от сравнявания език, като съответно се привеждат и фразеологичните им еквиваленти от втория език. Това в общи линии е стандартният вид на сравнителните речници.

Както беше подчертано, водеща роля в тези речници играе сравняваният език, изграждащ словника от лявата част на речника. Очевидно е, че при пристъпване към изработване на такъв речник най-напред трябва да се изработи лявата му част, а след това да се представят съответствията, еквивалентите на другия език, с който се прави сравнението.

Специално трябва да се обърне внимание на това на какви изисквания трябва да отговаря словникът на един сравнителен речник. Те са точно такива, каквито са из-

искванията за създаване на едноречния тълковен речник. Малкият речник трябва да отразява основния речников фонд, основната лексика на един език. И сега преобладава практиката словникът да се определя интуитивно или използвайки честотните характеристики на думите от създадените бази данни, например от Българския национален корпус. Първият подход определено не е научен, а вторият – не винаги отразява обективното състояние, тъй като е зависим от вида на включените в архива материали, от актуализирането и преобладаването на една или друга лексика в определени периоди от време, от това, че няма правопрпорционална зависимост между значимостта на даден вид лексика и честотата на употребата ѝ.

Към характеристиката на сравнителния речник непременно трябва да се прибави и признакът, че той стои много близо до тълковния речник. При него единиците на един език също се обясняват, но не с описателни дефиниции или със синоними от същия език, а със средства, единици от друг език, които са еднакви по значение с тях, техни еквиваленти, т.е. особен вид „пълни синоними“. Все пак трудно е да се определят като техни синоними от другия език, тъй като обикновено синонимите се различават помежду си по различни нюанси, отсенки в значението, пълните синоними са рядко, докато при сравнителните речници става въпрос за думи еквиваленти, които могат напълно равностойно при превод да се заместят.

Сравнителните речници приличат на тълковните и по това, че могат да бъдат почти същите видове. Различаваме *общи* и *специализирани* сравнителни речници. Общите могат да имат словниците на общите тълковни речници, а специализираните също могат да съответстват на голяма част от специализираните тълковни речници.

След тази обща характеристика на сравнителните речници, която беше необходима като основа, ще разгледаме историята и развитието на славянската сравнителна лексикография с участието на българския език, като вниманието ще бъде насочено към самостоятелно отпечатаните речници. Информацията за тях е събрана основно от Националната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“. Такова специално изследване досега не е правено, въпреки че някои автори се спират на някои двуезични славянски речници, публикувани в България в определени периоди от развитието на лексикографията¹.

Началото на българската лексикография се поставя с два типа речници – сравнителни речници и речници на чуждите думи². За това съществуват причини, произтичащи от положението на българския народ през Възраждането (XIX в.) и е продиктувано от необходимостта за развитието на българския език – освобождаването от чужди думи – турски и гръцки, заплашващи неговата идентичност, и обогатяването на тяхно място с думи от руски и западноевропейските езици, както и необходимостта от изучаване на чужди езици – руски, френски, с оглед установяване на връзки с тези народи.

При прегледа на сравнителните славянски речници с участието на българския език се установява, че особено в ранните периоди се създават предимно сравнителни речници с руски език, а почти отсъстват сравнителни речници с останалите славянски езици. Причината за това е, че връзките, стремежите на българите преди, а и веднага

¹ Павлова С. Българската двуезична лексикография от Освобождението до края на XX век. София, 2010. 234 с.

² Чоролеева М. Класификация на речниците (въз основа на българските лексикографски трудове) // Българската и словашката лексикография в обединена Европа. София, 2009. С. 12–17.

след Освобождението (1878), са насочени от славянските страни преди всичко към Русия, а от западните държави – към Австрия, Германия, Франция, където българските младежи са отивали да следват. Българската интелигенция е черпела от културата на тези страни, четяла е тяхната литература, за което е било необходимо да изучава и техните езици. Ето защо създаването на такива сравнителни речници е било активизирано, обусловено от обективните условия.

1. Сравнителни речници с руски и български език

1.1. Руско-български речници

Първият самостоятелно публикуван руско-български речник³ е дело на Т. Коджов⁴ и е от малък тип. Издаден е в България и, както е посочено в предговора, е предназначен за ползване от българи, които искат да научат руския език или да четат руска литература (поради което и чуждите думи са изписани с ударение), а също и за преводачите от руски на български език.

Като отчита близостта на двата славянски езика, Т. Коджов не включва в азбучно организирания словник онази част от т.нар. „общи“ думи, които съвпадат по графика и значение⁵.

Структурата на речниковата статия е изградена от: заглавка, граматична характеристика, стилистична и функционална характеристика, тълкувание (еднословен синоним, словосъчетание или описателна дефиниция), авторски примери на изходния език и съответния им превод.

Заглавките са предимно еднословни, но се срещат и съставени от две или повече единици, напр.: фонетични или словообразователни варианти; еднокоренни близки по значение думи, глаголи от несвършен вид на първо място, следвани от свършен вид; устойчиви съчетания – повечето са посочени като илюстративни примери, но има и такива, които са изписани в края на речниковата статия с превод, без да е обособена специална зона. Тази непоследователност е обяснима, тъй като тогава все още няма теоретична изясненост за същността на устойчивите единици. Илюстративният материал е слабо застъпен.

Отделните значения са разграничени с [;], а за да се снее многозначността, в някои случаи се прибегва до поставена в скоби бележка.

През следващите 30 год. се появяват само два речника, всеки един от които оставя сериозна дияра в двуезичната лексикография⁶ – *Пълен руско-български речник* на Г. Кърджиев⁷, в който за първи път се съчетават азбучният и гнездовият принцип, посочва се преносното значение на думите (след знак *), а възвратните глаголи са вклю-

³ Публикуваните преди това лексикографски справочници са съставна част от книги – вж. руско-българския речник в *Карманная книга для русских воинов, находящихся в походах против турок по болгарским землям* (1854) на С. Филаретов, както и *Словарь русско-болгарский в Болгарского собеседника* (1876) на Р. Жинзифов и П. Каравелов (по предположение на К. Бабов: *Бабов К.* Руският език в българските училища 1846–1976. София, 1976. 176 с.).

⁴ *Коджов Т.* Кратък руско-български речник. Пловдив, 1885. 275 с.

⁵ Тази практика при руско-българските речници продължава почти до средата на ХХ в.

⁶ Появява се и *Руско-български речник* като съставна част от: *Исаев Арк.* Руска христоматия с руско-български речник: За средните училища, гимназиите и педагогическите училища. Пловдив, 1886. 465 с.

⁷ *Кърджиев Г.* Пълен руско-български речник. София, 1893. 468 с.

чени в статията на невъзвратния глагол, поместени са и приложения – за географските обекти и жители на населени места, както и за мъжките и женските руски имена, и *Пълният руско-български речник* на П. Гъбов⁸, който представлява нов етап в развитието на руско-българската лексикография поради следните факти: граматичната характеристика се среща редовно, следхождана от произхода на думата и самата чужда дума, значенията са маркирани с цифри, за първи път се отразява безличността при глаголите (с маркер *безл.*), редовно се използва илюстративен материал, вече се прави разлика между омонимия и многозначност.

В навечерието на Първата световна война в България излизат речниците на Д. Благоев – Дядото и Г. Миндов⁹, на Д. Тодоров¹⁰ и съставеният върху конкретно художествено произведение речник на Г. Цветинов и И. Щван¹¹.

Преди Втората световна война в една и съща година (1938) се появяват четири значими руско-български речници – *Пълен руско-български речник* (1938) на Г. Бакалов, чиято за чието изготвянето са използвани различни лексикографски трудове, а основната цел е била да включи по-голямо количество лексикален материал, което учещият трябва да усвои; *Руско-българският речник* (1938) на Цв. Минков, който има елементи на лингвистичен енциклопедичен речник¹²; *Новият руско-български речник с руско-българска граматика* (1938) на М. Марчевски – първият речник, в който се излагат принципите, които са залегнали при неговото изготвяне; и *Пълният руско-български речник* на С. Чукалов¹³. Речникът на С. Чукалов е един от най-известните руско-български речници, многократно преиздаван до края на ХХ в. Той е предназначен за носителите на българския език и е от среден тип. След заглавната единица, изписана с ударение, е посочена нейната характеристика – част на речта, падежни форми при съществителните и част от парадигмата при глаголите. И в този речник видовата двойка е представена в една речникова статия. Наред с еднословните заглавки, има и двусловни, а българските съответствия на многозначната руска дума са разделени с [;]. В единични случаи (главно при някои глаголи) е отбелязано наличието на омонимия. В края на речника е поместено приложение „Нови думи и съкращения, влезли в употреба в съветската терминология“.

Речникът на българина И. Кара-Иванов *Русско-болгарский словарь*¹⁴ е първият руско-български речник, който е публикуван в Москва, и по който работят носители на двата езика (редактор е известният учен С. Бернштейн). Той съдържа 25000 думи. Една от целите му е да бъде в помощ на преводачите от руски на български. В предговора са посочени както правописните, фонетичните и морфологични особености на българския език, така и принципите на построяване на *Речника*. Особено внимание се обръща на произношението (всички думи в него са изписани с ударение). Трудът на И. Кара-Иванов ще остане в историята като първият руско-български речник, в който „общите“

⁸ Гъбов П. Пълен руско-български речник. Търново, 1900. 797 с.

⁹ Благоев – Дядото Д., Миндов Г. Пълен руско-български речник. София, 1914. 698 с. Речникът е от среден тип. В него е поместена таблица за спрежението на 87 руски неправилни глагола.

¹⁰ Тодоров Д. Руско-български речник. София, 1914. 564 с.

¹¹ Цветинов Г., Щван И. Речниче за „Скупой рицарь“ от А.С. Пушкин. София, 1913. Вж. Павлова С. Българската двуезична...

¹² Липовска А. Русско-болгарская лексикография: традиции и тенденции развития. София, 2009. С. 28.

¹³ Чукалов С. Пълен руско-български речник. София, 1938. 785 с.

¹⁴ Кара-Иванов И. Русско-болгарский словарь. Москва, 1944. 368 с.

за двата езика думи са включени в словника. Прегледът на следващите речници от общ тип показва, че повечето автори осъзнават необходимостта да не се следва т. нар. „диференциален принцип“.

След 1944 г. в Софийския университет се въвежда специалност „Славистика“ и във връзка с нея започват да се изработват двуезични речници за отделните славянски езици¹⁵. С това може да се обясни не само появата на множество двуезични речници с руски и български език, но и нови като концепция и реализация.

През 1955 г. в София под редакцията на Е.М. Главнюков излиза *Руско-български речник*¹⁶, който съдържа 14000 думи и е дело на по-голям авторски колектив. *Речникът* е не само първият сериозен труд с джобен формат, но и първият, в който след знак * са поместени фразеологични съчетания. И тук обаче съставителите следват традицията да не включват „общите“ за двата езика думи. *Речникът* съдържа богата система от бележки за сферата на употреба на думите, за тяхната темпорална и пространствена определеност, за принадлежността им към книжовната и некнижовната лексика, за емоционалната им обогатеност и преносност на значенията. При предлозите редовно се посочват бележки за падежа, в който имената трябва да се употребят.

През 1959 г. в Москва е публикуван друг труд с „джобен“ формат (8700 думи) – *Карманный русско-болгарский словарь*, чийто автор е М. Леонидова¹⁷. В словника са включени „общите“ за двата езика думи, като се прави и разграничение между омонимия и многозначност. Използва се богата система от бележки, като в специален блок (след знак ромб) се посочват и фразеологизми. До 1982 г. речникът има 10 издания, повечето от които стереотипни.

През 1960 г. в София излиза най-големият и до днес двутомен *Руско-български речник* под общата редакция на Ив. Леков (включва 75000 думи), който е дело на русисти от Софийския университет и Българската академия на науките¹⁸. *Речникът* е важно постижение на колектив от лингвисти и лексикографи. При изготвянето му е използвана богата научна и научно-приложна литература, което е предпоставка за качеството на този труд. Авторите работят с предварително изработена инструкция, по която преработват Благоевия речник, като премахват елементите на гнездовата система, допълват словника, разширяват илюстративния материал и обогатяват фразеологията. Отказът от диференциалния принцип е мотивиран от факта, че при неговото прилагане се представя само една произволна част от речниковия състав на руския език, което прави *Речника* непълноценен.

Този лексикографски труд е изграден изцяло върху преводния принцип. За първи път се наблюдава системно използване при глаголите на маркерите „Р“, „Д“, „В“, „Т“ и „П“ за обозначаване на необходимата предложно-падежна форма, а при предлозите – обозначение за нужния падеж. *Речникът* включва множество статии на първи и втори съставни части на сложни думи, както и на представки. Всеки глагол от видовата двойка е със самостоятелна речникова статия, в която има препратка към другия глагол. Прави се разграничение между омонимия и многозначност, редовно се използват множество бележки за стил, сфера на употреба и др. В края на речниковата статия след

¹⁵ Павлова С. Българската... С. 69.

¹⁶ Алинска Е. и др. Руско-български речник. София, 1955. 336 с.

¹⁷ Леонидова М. Карманный русско-болгарский словарь. Москва, 1959. 474 с.

¹⁸ Леков Ив. (ред.) Руско-български речник. София, 1960. Т. 1. А–О. 843 с.; Т. 2. П–Я. 817 с.

знак $\diamond$ се посочват фразеологизми и паремии, а след знак $\cong$ техните смислови съответствия.

През 1970 г. изтъкнатият български лексикограф и русист Сергей Влахов – един от авторите на двутомния речник от 1960 г. – самостоятелно издава *Малък руско-български речник*, включващ 20000 „най-важни и употребителни“ думи в руския език¹⁹. *Речникът* е изграден въз основа на ясна концепция. Използвани са три принципа: класическият (азбучен) принцип, гнездовият принцип и иновативният – „под черта“, който се изразява в документирането на „общите“ за двата езика думи паралелно и „под черта“ на съответната страница, като се следва азбучният принцип. Като мотив за това свое решение авторът посочва следното: „едва ли ще се намерят и десетина думи, които са наистина общи за двата езика, т.е. такива, които напълно ще се покриват по изговор, начин на писане, смислово съдържание (до най-фините нюанси), граматически особености, употреба, стил, възможности за свързване с други думи в контекста и т.н.“²⁰. По този начин макроструктурата на *Речника* се състои от две части: „над черта“ се включват руските думи, заедно с формална и семантична характеристика, съчетаемост и особености на използване в речта и превод на български език, и „под черта“ – т.нар. „общии“ думи (т.е. тези, които разбираме) без превод, но с възможност да направим справка за ударението и правописа им, за това как се скланят и как се спрягат (в случаите на многозначност, омонимия, паронимия и развита фразеология „познатите“ думи обаче са дадени над чертата).

За да може *Речникът* да отразява „сърцевината, най-вътрешния кръг на руската лексика“, С. Влахов се насочва към ползването на източници (честотни, тълковни и учебни речници), които превръщат труда му в своеобразен речник минимум.

Ето още някои достойнства на този лексикографски труд. Руските заглавки са посочени освен в основната си форма и в типичните си граматични форми чрез въведено чрез знак / разчленение на заглавката и чрез изписани завършеци. Подчертано внимание е обърнато на глаголите – посочени са видовете двойки. Като „показалци“ за глаголното и предложното управление се използват не наименованията на падежите, а традиционните падежни въпроси (при някои местоимения обаче се използват бележки за падеж, напр. „В“, „Р“, „П“ и др.). При нужда е отбелязана „посочността“ на глаголите и наречията (напр. *куда; за посока*), тъй като тази категорията е трудна за овладяване поради липсата ѝ в българския език. Ценна е информацията за възможните грешки при междуезиковите омоними. Тя е представена в скоби с частицата за отрицание НЕ и привеждане на българската дума, с която може да се сгреша съответния руски омоним. Някои от включените в словника абривиатури за първи път са придружени с транскрипция, посочена в квадратни скоби. Достойнство на *Речника* е и широкото представяне на руската фразеологична система и съответно българските съответствия.

Макар и малък по своя обем „учебният“ речник на С. Влахов бележи нов етап в развитието на руско-българската лексикография и се оценява по достойнство и от ползвателите – през следващите 9 години той е два пъти преиздаван (1971 и 1979).

70-те години на ХХ в. са интересни с факта, че авторите не създават нови руско-български речници, а се ориентират към преиздаване (включително и преработка) на

¹⁹ Влахов С. Малък руско-български речник. София, 1970. 588 с.

²⁰ Ibidem. С. 3.

най-популярните и търсени тогава справочници (речниците на С. Влахов, на С. Чукалов и на М. Леонидова – вж. по-горе).

През 80-те и 90-те години на ХХ в. продължава преиздаването на някои речници, като същевременно се допълват и разширяват. Появяват се и нови от общ тип с малък брой словникови единици.

В началото на новото хилядолетие особено внимание заслужава излезлият през 2004 г. *Нов руско-български речник* с автор Сергей Влахов и редактор Анна Липовска – изтъкнат познавач на руско-българското речниково дело²¹. По обем този речник е от среден тип (съдържа 50000 заглавки), като в основата му лежат основните принципи на съставяне на малкия речник на Влахов от 1970 г. Изработването на новия труд е мотивирано от необходимостта от съвременен руско-български речник, който да отразява както промените в лексиката, в отделните пластове на лексикалните системи, така и в семантиката на не малък брой лексикални единици в двата езика, настъпили под влияние на бързите и съществени промени след 80-те години на ХХ в. в цялостния живот на българското и руското общество. Авторът и редакторът са се справили успешно с тези задачи.

Речникът има ясна концепция както за макро-, така и за микроструктурата си, която е изложена в началото на труда. Освен това включва и 3 приложения: географски и други собствени имена (лични, бащини и фамилни). Много ценни и важни са бележките, посочващи специфичните особености в значенията и използването в речта на руските лексикални единици за разлика от съответните български, произтичащи от особеностите на руския бит и култура. С. Влахов илюстрира употребата на езиковите единици чрез типични примери. В речника е отразена и безеквивалентна лексика, като значенията на тези думи се представят с кратки дефиниции. Широко е застъпена руската фразеологична система. Въз основа на всички тези особености речникът на С. Влахов се отличава от традиционните двуезични преводни речници и има качества на научно-приложен труд с висока стойност.

Първите специализирани руско-български речници се появяват през 40-те год. на ХХ в.²², когато в резултат от по-тесните връзки между България и Русия навлиза голямо количество руска специализирана литература. Това води до истински бум в лексикографската практика през 70-те и 80-те год. на същия век, когато в резултат на нараналите потребности на българското общество излизат множество руско-български речници, които са в помощ както на учащите в различни области на знанието (техника, икономика, радиоелектроника, ветеринарна медицина, транспорт, строителство, химия, биология, лесовъдство, минното инженерство, машиностроене и др.), така и на преводачите.

Всеки един от излезлите през втората половина на миналия век и първите години на ХХІ в. речници – от *Диференциалния фразеологичен руско-български речник* на К. Панчев²³, който по своя характер е речник на междуезиковите омоними и пароними, до последният – *Руско-български речник: 1111 идиома в руския език* на Л. Любенов²⁴, за времето си е ярко доказателство за професионализма на авторите русисти. Речниците

²¹ Влахов С. Нов руско-български речник. София, 2004. 904 с.

²² Бендерев Н., Димитров Ив. Технически руско-български речник. София, 1947. 302 с.

²³ Панчев К. Диференциален фразеологичен руско-български речник. София, 1955. 151 с.

²⁴ Любенов Л. Руско-български речник: 1111 идиома в руския език. Варна, 2004. 191 с.

демонстрират в стройна речникова организация постигнатите високи резултати в теоретични разработки, свързани с междуезиковата омонимия, фразеологията, пословиците и поговорките, идиомите, предлозите, управлението на глаголите в руския език и неглаголната лексико-семантическа съчетаемост.

През новото хилядолетие се появяват и други специални речници. Например, *Руско-български бизнес речник* на Г. Гочев и С. Гочева²⁵ е първият сравнителен речник, в който е отразена основната лексика на бизнестерминологията, бизнесжаргона, езика на общуване с потребителите и езика на самите потребители. Той съдържа 15000 заглавни думи и над 30000 словосъчетания, ексцерпирани от най-новата руска и българска периодика, специализирана литература, от справочници и др.

1.2. Българско-руски речници

Количеството българско-руски речници е значително по-малко от руско-българските. Обзорът върху отпечатаните трудове отново ни препраща към епохата на българското Възраждане. След освобождението на България от османско владичество се появяват два фундаментални за своето време труда, които и днес са запазили своето значение. Това са и първите самостоятелно²⁶ отпечатани многотомни речници: *Словарь болгарскаго языка* на руския професор А.Л. Дювернуа²⁷ и *Ръчникъ на българскый языкъ* на българина Найден Геров²⁸, който и до днес е изключително ценен справочник и се цитира²⁹. Макар че в нашата лексикография тези трудове се определят преди всичко като първите големи тълковни речници, намираме основание да ги определим и като първите българско-руски речници поради наличието на преводно съответствие, характерно за двуезичен речник. Както се вижда, 1885 г. е знакова за сравнителната лексикография с руски и български език. Тогава излиза не само първият руско-български речник на Т. Коджов (вж. по-горе), но и първият том от българско-

²⁵ Гочев Г., Гочева С. Руско-български бизнес речник. София, 2009. 1160 с.

²⁶ През 1861 г. в Москва излиза книгата на Л. Каравелов „Памятники народного быта болгар“. В нея е поместен под формата на приложение и първият българско-руски речник.

²⁷ Дювернуа А.Л. Словарь болгарскаго языка. По памятникамъ народной словесности и произведенийъ новейшей печати. Москва, 1885–1889.

²⁸ Въпреки че не завършва филология, склонността му към филологически занимания и интересът му към проблемите на българския език, както и усъвършенстването на руския език в Одеса (от 1839 до 1945 г. Н. Геров довършва гимназиалното си образование, а след това завършва и висше образование по „камерални“ науки (администрация, финанси, стопанство) в известния Ришельовски лицей) са от съществено значение, когато 1846 г. той се завръща в България, за да се отдаде на активна преподавателска и обществена дейност, воден от чувството за дълг да предаде на своите съотечественици придобитите в Русия знания в областта на науката. Речникът на Н. Геров, чийто материал е събиран търпеливо в продължение на 50 год., съдържа богат материал от всички български говори и отразява словното богатство (узуално и регионално) и словообразователните възможности на българския език.

²⁹ Геров Н. Ръчникъ на българскый языкъ: Съ тълкувиние рѣчиты на българскы и на рускы. Ч. 1–6. П., 1895–1904. Всъщност първите три букви от *Речника* (А – Влека) излизат в Санкт-Петербург през 1856 г. като приложение на *Известия Императорской академии наук*, но поради убеждението си, че има още думи, които не е успял да запише, Н. Геров спира съставянето на речника и се отдава на търпелива събираческа дейност. Предвид напредналата си възраст, през 1884 г. той привлича като помощник сина на сестра си Т. Панчев. Първите 1020 печатни страници (т. I, т. II и част от т. III) излизат под редакцията на Н. Геров. Останалият материал е подготвен за печат от Т. Панчев, който съставя и издава през 1904 г. и допълнение към целия речник.

руския речник на А.Л. Дювернуа³⁰, който и до днес остава един от най-големите по обем българско-руски справочници (включва 20000 речникови статии)³¹. Словникът на *Речника* включва едно- и многосъставни заглавки, които са изтълкувани с описателни дефиниции или синонимно и са илюстрирани с богат материал от сборници с народно творчество и от художествената литература. Като самостоятелни статии са посочени и някои първи и последни части на сложни думи. Прави се разграничение между омонимия и многозначност. Присъстват и устойчиви съчетания, които понякога са изписани след знак §. Тук водещ е азбучният принцип, но на много места се прилага (непоследователно) и гнездовият. Интересен факт е, че за разлика от първите руско-български речници, в които последователно се следва т.нар. „диференциален принцип“, тук „общите“ думи са включени в словника. Този подход оказва сериозно влияние върху следващите българско-руски речници, а по този начин трудът допринася и за доусъвършенстване на словника на руско-българските речници от общ тип.

Шест години след публикуването на последния том на речника на Н. Геров (1904 г.) в Санкт Петербург като част от общо книжно тяло, наред с поместена кратка граматика на българския език (с автор П.А. Лавров), излиза друг българско-руски речник от малък тип с автор Л.А. Мичатек – *Дифференциальный болгарско-русский словарь*³². При изготвянето му са използвани няколко речника, основно този на А. Дювернуа и Н. Геров. Трудът на Л.А. Мичатек не е „диференциален“, т.е. речник на близките или еднакви по форма думи, но различни по значение (както е посочено в заглавието му), а от общ тип. В словника му са включени наред с „общите“ и различните по форма думи.

Последвалите 36 години (до 1946 г., когато излиза *Българо-руския речник* на Н. Никитюков и С. Попов³³, в който за първи път са поместени две приложения – „Неправилни глаголи“ и „Пословици и поговорки, характерни за руския език“) са белязани от липсата на нови българско-руски речници. Почти едновременно през 1947 г., но независимо един от друг, са публикувани двата сравнителни речника – *Пълният българско-руски речник* на С. Чукалов³⁴ излиза в София, а *Болгарско-русский словарь* под редакцията на Н.С. Державин³⁵ – в Москва. Тези два труда са резултат на осъзнатата необходимост от нов съвременен речник.

Един от най-популярните през миналото столетие речници е този на С. Бернштейн *Болгарско-русский словарь*³⁶. Неговият словник съдържа 45000 заглавки³⁷ и отразява съвременното състояние на българския език, като особено внимание е отделено на обществено-политическата лексика. *Речникът* следва азбучния принцип на подредба на заглавките, като за първи път (в този тип сравнителен речник) омонимите са отбелязани с римски цифри. Може да се обобщи, че за времето си трудът на С. Бернштейн де-

³⁰ Издадени съответно в България (Пловдив) и в Русия (Москва).

³¹ Единствено речникът на Н. Геров е по-голям по количество (съдържа 67 358 думи, а с допълнението на Т. Панчев – общо 78620).

³² Мичатек Л.А. Дифференциальный болгарско-русский словарь. Санкт-Петербург, 1910.

³³ Никитюков Н., Попов С. Българо-руски речник. София, 1946. 256 с.

³⁴ Чукалов С. Пълен българско-руски речник. София, 1947. 534 с.

³⁵ Державин Н.С. и др. Болгарско-русский словарь. Москва, 1947. 496 с.

³⁶ Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. Москва, 1953. 888 с.

³⁷ През 1966 г. излиза и *Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь*. (2. доп. изд.) Москва, 1966. 768 с. Речникът съдържа около 58000 думи, приложение с географски названия и граматически очерк върху българския език.

монстрира добра макро- и микроструктура и в продължение на повече от половин век той е най-авторитетното издание от този вид речници.

През втората половина на XX в. голяма популярност има и речникът на С. Чукалов. Десет години след своето първо издание през 1947 г. излиза второ допълнено и преработено издание (под редакцията на професорите Ив. Леков и Н. Дилевски), което е с променено заглавие *Българско-руски речник: 48000 думи*³⁸. Този речник коренно се отличава от предходния по обем и начин на разработка. Той има концепция за микро- и макроструктурата си, демонстрира голямата лексикографска подготовка на своя автор и получава висока оценка за времето си.

В края на 60-те год. на XX в. излиза още един речник – *Българско-руският речник* на В. Татарова, М. Леонидова, Ал. Кошелев³⁹. Трудът е „първ опит за съставяне на учебен българско-руски речник“. В него е включена „най-актуалната лексика на съвременния български език“, като в предговора се поставя важният въпрос, който чака теоретично разрешение, а именно въпросът за определянето на лексикалния минимум в българския език с оглед на изготвяне на словника, особено на малък речник като този (включва 13000 статии).

До края на XX в. на книжния пазар не се появяват нови българско-руски речници от общ тип. Речникът на В. Татарова, М. Леонидова и Ал. Кошелев има още четири издания, което говори за неговата популярност.

В началото на XXI в. излизат два речника – *Българско-руски речник А-Я: Над 90000 думи* на М. Ангелушева⁴⁰ и *Българско-руски речник* на А. Кошелев⁴¹. Заслужава да се обърне внимание на втория. Речникът на А. Кошелев е плод на дългогодишна изследователска дейност и е предназначен за български, руски и другоезични читатели. Той включва 45000 думи и отразява съвременното състояние на книжовния и разговорния български език в неговото разнообразие от стилове и жанрове. Включени са и най-новите думи, навлезли в езика през последното десетилетие. Представена е не само семантиката и граматичната характеристика на думите, но и тяхното функциониране в речта. Обхванати са различни области на знанието. Той е съставен въз основа на лексикографската теория на Л.В. Щерба. За първи път в историята на българско-руската лексикография се използват два подхода при съпоставяне на две езикови системи: от родния български език към чуждия руски език (за българи) и от чуждия български език към родния руски език (за руснаци и за владеещите руски език). Въведена е богата система от ремарки, които уточняват думите и словосъчетанията, за да се постигне точност на превода. Когато българската дума се употребява само в определено съчетание, дава се преводът на съответното съчетание.

През новото хилядолетие се появяват и множество учебни справочници от малък и среден тип (включително и т.нар. „пиратски“), всеки от които се състои от два относително самостоятелни речника от общ тип – руско-български и българско-руски. Тези справочници са с практическа насоченост, поради което техните автори се стремят към съчетаване на максимална информативност с пределна компактност и яснота на ин-

³⁸ Чукалов С. Българско-руски речник: 48000 думи. София, 1957. 992 с.

³⁹ Татарова В., Леонидова М., Кошелев Ал. Българско-руски речник. София, 1969. 475 с.

⁴⁰ Ангелушева М. Българско-руски речник А-Я: Над 90000 думи. София, 2002. 496 с.

⁴¹ Кошелев А. Българско-руски речник. София; В.Търново, 2003. 838 с.

формацията⁴². Новите речници следват принципа на актуалност при подбора на словниковия материал.

Най-големият подобен речник – *Новый болгарско-русский и русско-болгарский словарь 100 тысяч слов и словосочетаний* – излиза през 2013 г. в Москва и е дело на Е.Г. Сумская и Е.С. Хаванская⁴³. В него са включени думи и съчетания, които принадлежат както към общоупотребимия и разговорния, така и към научния и техническия пласт на двата езика. Застъпена е и диалектна лексика, както и пословици и поговорки. И двете части на справочника са построени върху азбучния принцип. Всички думи са изписани с ударение. Речниковата статия е построена стандартно с цялата необходима информация, като се основава на постиженията в предходните речници. С граматичната, стилистична и лексикална информация, с богатия илюстративен материал, както и с представените устойчиви съчетания *Речникът* е ценно помагало както за преподаватели, така и за студенти и преводачи.

В края на ХХ в. се публикуват редица специализирани речници. Много интересни са речниците на С. Влахов: *Энциклопедичен речник от Авгий до Яфет*⁴⁴ и *Съпоставителен речник на пословици: Български, руски, английски, френски, немски и латински*⁴⁵.

Българско-руски [и] руско-български сравнителен речник на Н. Тодоров⁴⁶ е речник от малък и учебен тип, който има за цел ползвателите – българи, живеещи предимно в Украйна и Молдова – да усвоят лексикалните, граматичните, правописните и правоговорни норми на съвременния български книжовен език. Той се състои от 3 части: „лексическа, акцентно-правоговорна и правописно-словообразователна“⁴⁷.

В рамките на едно десетилетие – от 2004 г. до 2013 г. – се появява един самостоятелен тематичен речник: *Българско-руски, руско-български бизнес речник А–Я* на Стефка Георгиева⁴⁸. Той е с джобен формат. Състои се от 20000 термина, които засягат различни области от бизнескомуникацията. Предназначен е за специалисти, говорещи български и руски език, които развиват делова дейност в различни сфери на бизнеса; за работа с бизнесдокументи и превод на специализирана литература, за подготовка на делови срещи. В приложението са дадени образци на делови документи – пълномощ-

⁴² Вж. например *Димитрова Л.* Руско-български и българско-руски речник. София, 2012. 1228 с. или *Некезова Й.* (ред.) Българско-руски, руско-български речник. София, 2001. 480 с., *Тотоманов Ал.* Българско-руски, руско-български речник. София, 2001. 480 с., който съдържа множество приложения: за числителните бройни, за числителните редни, за дробни, за географски имена и за най-често употребяваните изрази.

⁴³ *Сумская Е.Г., Хаванская Е.С.* Новый болгарско-русский и русско-болгарский словарь 100 тысяч слов и словосочетаний. Москва, 2013. 928 с.

⁴⁴ *Влахов С.* Энциклопедичен речник от Авгий до Яфет. София, 1996. 432 с. В Речника са представени чужди собствени имена в езиковия свят на българина, както и над 6000 думи и фразеологизми, поговорки, сентенции, заглавия на произведения от всички изкуства.

⁴⁵ *Влахов С.* Съпоставителен речник на пословици: Български, руски, английски, френски, немски и латински. София, 1998. 276 с.

⁴⁶ *Тодоров Н.* Българско-руски [и] руско-български сравнителен речник. Болгарско-русский [и] руско-болгарский сравнительный словарь. София, 1995. 40 с.

⁴⁷ *Ibidem.* С. 2.

⁴⁸ *Георгиева Ст.* Българско-руски, руско-български бизнес речник А–Я. Болгарско-русский, русско-болгарский бизнес словарь А–Я. София, 2004. 488 с. През 2008 г. излиза многоезичен речник, включващ български и руски език, посветен на устойчивите сравнения: *Холанди Р.* Устойчиви сравнения: Български, руски, английски, немски, френски. Благоевград, 2008. 472 с.

но, запитване, оферта, договор, рекламация, нареждане на акредитив, някои особености на търговски съкращения и др.

2. Сравнителни речници с полски и български език

2.1. Полско-български речници

Доста продължителна е традицията при изработването на двуезични полско-български и българско-полски речници. Първият *Полско-български речник* е изработен от проф. Иван Леков⁴⁹. Тъй като няма предходници, естествено е, че по обем и задачи той се различава от следващите по-големи речници.

През 1961 г. е издаден *Полско-български речник* под редакцията на Иван Леков и Францишек Славски⁵⁰. Той е от типа на средните двуезични речници. Освен нормативна лексика той включва и доста остарели думи, които обаче се срещат нерядко в полската класическа литература, поради което присъствието им в речника е било необходимо с оглед разбирането на техните значения при ползването и превод на произведенията на полските класици. Включени са също така и термини от различни области на техниката и науката. Думите са подредени по азбучен ред. Омонимите са в отделни заглавки с индекс. След заглавката са дадени граматически указания. Дава се изменената част на думата, формите, при които има изменения в основата на думата или на цялата дума в някакъв падеж или в множествено число. Следва българското значение. Не се поставя никакъв знак между полския и българския текст. Значенията се отделят с цифри, а синонимите – със запетая. Примери са дадени, ако българският превод не изчерпва изцяло значението на полската дума и ако при конкретна употреба в даден контекст тя придобива нови отсенки. Дадени са и фразеологизми, често срещани се в полската литература и характерни за разговорната реч, като те се обясняват чрез най-близките им български еквиваленти.

През 1961 г. е издаден *Полско-български речник* от Сабина Радева. Той претърпява второ издание през 1988 г.⁵¹, като е значително разширен с допълнение от 5000 думи, което включва най-новата полска лексика и терминология от основните области на науката и техниката. Това второ издание съдържа 40000 думи. Обхваща думите от съвременния книжовен полски език и разговорната реч. От терминологичната лексика съдържа най-известните и широко употребявани термини. Думите са подредени по азбучен ред. Омонимите са представени в отделни заглавки. След заглавната дума се дава граматическа характеристика. Означени са частите на речта. При всеки полски глагол са дадени формите за 1 и 2 лице ед.ч. Означени са видът на глагола, падежът, с който той се свързва. При съществителните се посочва родът, окончанието за родителен падеж, ед.ч. и именителен падеж в мн.ч. При предлозите са посочени падежите, които те управляват. Следва най-напред основното значение, а след това следващите.

⁴⁹ Леков Ив. Полско-български речник. София, 1944. 235 с.

⁵⁰ Леков Ив., Славски Фр. (ред.). Полско-български речник. София, 1961. 1124 с.

⁵¹ Радева С. Наръчен полско-български речник с допълнение. Т. 1–2. София, 1988. 1096 с.

2.2. Българско-полски речници

Първото издание на *Наръчен българско-полски речник*, изработен от проф. Фр. Славски, излиза през 1963 г.⁵² Това е първият опит за изработване на българско-полски речник. Съдържа около 50000 думи. Предназначен е преди всичко за полските студенти слависти и за преводачите на българска литература. В него освен думите от основния речников фонд са включени и най-употребяваните думи от разговорната и народна реч. Материалът е събиран от най-разнообразни източници – художествена и научна литература, от разговорната реч. Използвани са и основните тълковни речници на българския език. При заглавните думи са дадени и граматически форми, като неизменяемата част се замества с тире и след това се посочват изменяемите части за улеснение на използващите речника. Дадени са и съответни стилистични бележки. Думите се тълкуват със съответните полски, като малките разлики в значенията са означени със запетая, а по-големите, съществените – с [;], което не винаги може да бъде точно и обективно.

През 1987 г. проф. Фр. Славски прави второ издание на *Речника*, като значително го разширява и усъвършенства⁵³. Към това издание е прибавено Допълнение, което съдържа 6000 думи.

През 1985 г. е издаден *Джобен българско-полски речник*, чийто автор е също проф. Фр. Славски⁵⁴.

През 1965 г. е издаден и двусъставен *Джобен българско-полски и полско-български речник* с автори Фр. Славски и С. Радева⁵⁵. Както се вижда, няколко са основните автори, които създават полско-български и българско-полски речници, които са и известни слависти – българският славист проф. Иван Леков и полските слависти проф. Фр. Славски и С. Радева. Това определя и високото качество на тези речници.

Най-новият сравнителен българско-полски речник *Współczesny słownik bułgarsko-polski* се изработва в Института по славистика на Полската академия на науките от проф. Виолета Косеска-Тошева и Йоана Сатола-Стасковяк (в сътрудничество с Людмила Димитрова – от българска страна)⁵⁶. Той ще се състои от четири тома. Първият том е издаден във Варшава през 2014 г. и съдържа 8383 заглавни думи. Между издаването на *Речника* на проф. Фр. Славски и изработвания сега речник съществува период от 51 години, а от второто издание на същия речник до сега периодът на отсъствие на други речници от този вид също така е много продължителен – 27 години. Авторите пристъпват към създаването на новия българско-полски речник, създавайки колко голяма е необходимостта от съвременен речник от този тип. През този продължителен период на отсъствие на нови речници настъпват значителни промени в лексиката и на двата езика. Авторите отчитат и промените на лексикографските правила и изисквания, на

⁵² Славски Фр. *Наръчен българско-полски речник*. Варшава, 1963. 1258 с.

⁵³ Славски Фр. *Наръчен българско-полски речник*. Podręczny słownik bułgarsko-polski. Т. 1–2. София; Warszawa, 1987. 2134 с.

⁵⁴ Sławski Fr. *Kieszonkowy słownik bułgarsko-polski*. Джобен българско-полски речник. София, 1985. 366 с.

⁵⁵ Sławski Fr., Radeva S. *Kieszonkowy słownik bułgarsko-polski i polsko-bułgarski*. Джобен българско-полски и полско-български речник. Warszawa, 1965. 410 с.

⁵⁶ Koseska-Toszeva V., Satola-Staszkowiak J., Dimitrova L. *Współczesny słownik bułgarsko-polski*. Z. 1. Warszawa, 2014. 335 с.

които трябва да отговаря един съвременен лексикографски труд. Задачата, която си поставят, е създаването на речник в помощ на славистите, полонистите и българистите и на всички познавачи на двата езика, в който да бъде представена най-новата българска лексика и настъпилите лексикални изменения през последните десетилетия. Авторите отбелязват, че се опират на издадените по-рано българско-полски речници, както и на тълковни речници на българския език. Отбелязва се, че *Речникът* ще съдържа около 40000 думи. Приоритетно е представянето на най-новата лексика – българска и полска. Не е включена (или само спорадично) архаична и диалектна лексика. Включени са тези неологизми, които са утвърдени в езиковата система с граматични форми, напр. за множествено число и др. Във връзка с опеделянето на словника на речника възникват въпроси – това речник на новите думи в български и полски ли е, до каква степен се включват думите от основния речников фонд, до каква степен се допускат думи от близките кръгове около този фонд и т.н. Като се има пред вид, че *Речникът* на проф. Славски включва 50000 думи, едва ли тези 10000 думи по-малко в разглеждания речник са именно архаизми и диалектни думи.

Думите в *Речника* са подредени по азбучен ред. Дадени са с правилните ударения. Нов подход виждаме при представянето на глаголите. Двувидовите глаголи на *-iram* са представени в две заглавки, тъй като те в полски език имат две съответствия. По този начин се отразяват и омонимите. В *Речника* се използват три вида класификатори: традиционни, семантични и синтактични. Към традиционните авторите отнасят бележките за частите на речта, за род и число, стилистичните бележки и др. Те въвеждат семантични класификатори, чрез които се постига разграничаване на форми от значения и се използват преди всичко при глаголите. Според авторите този подход при представянето на глаголите е нов в съществуващата лексикографска практика. Семантичните класификатори са определени благодарение на многогодишната работа над първата, състояща се от 12 монографии „Конфронтативна граматика на българския и полския език“. Те се прилагат при определянето на семантичната категория *вид*.

Останалите квалифициращи бележки, които се използват в този речник, са наречени традиционни (или класически) класификатори. Те се разделят на два типа. Първият тип са граматическите, напр. за посочване на принадлежността към дадена част на речта, за посочване на рода, особености на формите за число и др. Вторият тип – прагматичните – се използват в две насоки. Първите – посочват стилистичната натовареност на думите – поет., ирон. и др.; по отношение на времето на използването им – арх., истор. и др. Отбелязва се, че в *Речника* не се включват термини, поради което не се използва понятието терминология, а се включват такива лексикални единици, които са преминали от терминологичния език в общия език и в такъв случай се използват класификатори, посочващи специалната област, от която тези думи произхождат. Положителна страна на *Речника* е и това, че бележките се поставят според това за кой език са характерни и при българската, и при полската част. Не става ясно обаче защо в българската част се използват пак полски изписани квалифициатори вместо българските. Този речник ще запълни съществуващата празнина в сравнителната лексикография с полски и български език.

3. Сравнителни речници с чешки и български език

3.1. Чешко-български речници

Началото на чешко-българската лексикография се поставя през далечната 1914 г. Преди повече от век в град Прага в една и съща година чехът Владислав Шак издава първия чешко-български и първия българско-чешки речник. И двата речника отразяват както нормативната, така и ненормативната лексика.

В *Чешко-българския речник*⁵⁷ се следва предимно азбучният принцип на подредба на заглавките, които биват еднословни (включително и собствени имена) и нееднословни (сложни названия). Производните лексеми обикновено са представени чрез самостоятелни речникови статии, но има и изключения (напр. жителските имена за лица мъже и лица жени са обединени в една изходна единица). Срещат се редица непоследователности (напр. начинът на представяне на омонимите), което показва, че все още редица въпроси на лексикографската теория не са изяснени. Освен преводни синонимни еквиваленти (книжовни и диалектни), авторът е използвал и описателни дефиниции.

Прави впечатление, че еднокоренните синоними не се приемат за отделни лексикални единици, а се представят в една заглавка. Илюстративният материал в *Речника* е малко.

Седем години по-късно в Моравия излиза друг труд, в който са поместени два речника – чешко-български и българско-чешки. Това е двусъставният речник *Nový kapesní slovník jazyka českého a bulharského a bulharsko a českého* на чешкия журналист и писател Владимир Сис⁵⁸. Той има също джобен формат и е предназначен, както е написано и върху корицата, „за училищна, канцеларска и домашна потреба“.

Съществен принос към чешко-българската лексикография е първият отпечатан в България чешко-български речник. Той се появява 25 години след речника на Вл. Сис. Това е *Чешко-българският речник* на д-р Цветана Вранска⁵⁹, при изготвянето на който активно участва и нейният баща – проф. Ст. Романски (главният редактор на първия тритомен академичен тълковен речник на българския език). Този речник е не само необходима добавка към изготвената от него христоматия за чешки език от 1942 г., но и ценно помагало на българските студенти, проявяващи по това време най-жив интерес към изучаването на чешкия език. В *Речника* е включена освен активна чешка лексика, още и нова и остаряла лексика, както и някои диалектни думи. Използван е азбучният принцип на подредба на заглавките (еднословни – нарицателни и собствени, и многословни), като в някои случаи в статията на произвеждащата дума са включени нейните производни, при това характеризирани граматично, семантично и функционално. *Речникът* е беден на стилистични бележки. При повечето чужди лексеми е изписан произходът им. Значенията обикновено са разграничени с [;], като най-често се използва синонимен преводен еквивалент. И в този речник омонимите не се представени в отделни статии.

⁵⁷ Sak V. Чешко-български речник. Прага, 1914.

⁵⁸ Sis V., Ivanov B. Nový kapesní slovník jazyka českého a bulharského a bulharsko a českého. Třebíč, 1922. 572 s.

⁵⁹ Вранска Цв. Чешко-български речник. София, 1947. 412 с.

От 1947 г. до 1961 г. се усеща липсата на нови чешко-български речници. През този период речникът на Цв. Романска-Вранска претърпява още две издания. При изготвяне на второто издание (1949 г.) отново активно се включва баща ѝ, докато третото (1961 г.) е изготвено под редакцията на Св. Иванчев – също изтъкнат наш езиковед и преводач. Сериозните изменения в последното издание (в което вече се посочва и точният брой на включените думи – 35000) са показател за развитието на лексикографската практика и теория, поради което заслужават специално внимание. В това издание се прави опит да се внесе системност при представянето на лексеми, които се приемат за омоними. За първи път в преводната българска част на речника всички думи са изписани с ударение, което улеснява ползвателите на речника. За разлика от предходните издания тук се избягват преводни диалектни еквиваленти. Самите тълкувания на думите са разширени, а значенията – ясно диференцирани чрез арабски цифри. Поместени са повече фразеологични единици, при това ясно обособени в края на речниковата статия след знак ◊. Новост в 3-тото издание са и включените в словника абривиатури.

През следващите 40 години се чувства огромна нужда от нов двуезичен речник, който да отговаря не само на промените, настъпили в двата езика в резултат на обществените изменения (на по-тесните културни и икономически контакти между българи и чехи след преломната за България 1989 г., присъствието на голяма чешка диаспора в страната ни и на българска диаспора в Чехия), но и да е съобразен с теоретичните постижения на лексикографията и в частност на славянската двуезична лексикография.

Двухтомният *Чешко-български речник*⁶⁰ съдържа 61500 статии и е високо постижение на сравнителната славянска лексикография. *Речникът* е резултат на дългогодишната (продължила повече от две десетилетия) работа на представители на три поколения бохемисти. Това е не само първият двухтомен чешко-български речник, публикуван в България, чийто словник и днес превъзхожда останалите, но и първият професионално изготвен чешко-български речник с ясна концепция, за която основна заслуга има известният учен и преводач проф. Светломир Иванчев. В *Речника* е включена узуална и незузална лексика. Следва се азбучният принцип на представяне на думите. Като самостоятелни заглавки вече са включени и съществителни от ж.р., производни от съществителни от м.р. и др. Авторите са се стремели да представят в пълнота семантиката на изходната единица (включително и с поставена в скоби кратка допълнителна информация – граматична или лексикална), да приведат най-подходящите илюстративни примери и представят богата фразеология, включително и остаряла.

Структурата на речниковата статия, както се посочва в указаниято за ползване на речника, следва общата схема: заглавна дума, произношение, граматична информация, стилистична квалификация, преводен еквивалент, илюстративен материал, фразеологизъм след знак ◊.

В *Речника* като омоними, разграничени с римски цифри, се приемат и думи, които принадлежат към различни части на речта. Заслужава да се отбележи, че при имената омоними се прави разграничение между одушевеност и неодушевеност, което е представено в повечето случаи чрез съответните бележки.

⁶⁰ Бъчваров Я., Караангова М., Кроужилова В., Милева Л., Минчева М., Мицева В., Младенова М., Стойчев Ст., Трифонова Й., Янев Л. Чешко-български речник / Под ред. на Св. Иванчев. София, 2002. Т. 1. А–О – 26000 думи. 824 с.; Т. 2. P–Z – 35400 думи. 1439 с.

При превода на чешките думи са използвани предимно преводни еквиваленти и то в максимален брой (избягвани са описателните дефиниции). Особено внимание е отделено на начина, по който те се структурират. Синонимите са подредени според степената на близост към значението на лексемата.

Илюстративният материал е представен в по-широк контекст, посочвани са контекстуални преносни значения. На първо място е посочено свободното (обичайно) съчетание, след него съчетанията, представляващи трудност, а след тях устойчивите или терминологичните съчетания със съответната бележка.

Новост е начинът на представяне на устойчивите съчетания, разбирали в широк смисъл според концепцията на проф. Св. Иванчев. Те са поместени не само в края на речниковата статия, но в края на съответното значение след уговорения знак (♦). Предвид сложността при представяне на фразеологизмите, в *Речника* са приети два начина за тяхното превеждане: чрез еквивалент и чрез стилистично неутрално описание при липса на еквивалент.

Специално внимание е отделено на произношението на думите. В преводната българска част на речника всички думи са изписани с ударение (включително и еднословните), което е изключително полезно предвид нефиксираното ударение в българския език (за разлика от чешкия).

Изложената концепция и нейната успешна реализация говорят за отличните езиковедски знания и лексикографските умения на авторския колектив. С основание двутомният *Чешко-български речник* може да се определи като високо постижение на чешко-българската лексикография в края на XX и началото на XXI в.

През 2014 година излиза *Česko-bulharský slovník a bulharsko-česky tematický slovník*, чийто автор е гл. ас. д-р Елена Крейчова⁶¹ – дългогодишен преподавател в Катедрата по славистика на Масариковия университет. Това е първият учебен речник, в който лексиката е организирана тематично. Материалът от двете относително самостоятелни части (чешко-българска и българско-чешка), които са почти идентични, се комбинира с трета част – практически задачи за упражнения, което е обусловено от предназначението на речника – да се ползва от студенти българисти, които да развият комуникативните си умения, а също да бъде в помощ на преподавателите на българския език за чужденци. Освен необходимият минимум думи за студенти, изучаващи чешки и български език, в него са включени и много нови думи, които вече са част от активния речников фонд и в двата езика. Справочникът е организиран в 21 тематични групи – от областта на социалния, политическия, икономическия живот, на религията, културата, изкуството и науката, като във всеки един кръг е спазен азбучният принцип на представяне на речниковите единици. Всяка една тематична група е представена от няколко подгрупи, предхождани обикновено от подгрупа с общи понятия. При съставянето му са използвани предходни чешко-български и българско-чешки речници и разговорници, а като модел за организация на лексиката е послужил *Словашко-българският тематичен речник*⁶².

⁶¹ Krejčová E. *Česko-bulharský slovník a bulharsko-česky tematický slovník s úkolyna procvičování slovní zásoby. Lexikální minimum ke závěrečné zkoušce*. Brno, 2014. 510 s. <http://digilib.phil.muni.cz/data/handle/11222.digilib/130452/monography.pdf>

⁶² Панайотов В., Иванова Д., Лиханова С. *Словашко-български тематичен речник*. София, 2012. 240 с.

Наред с еднословните единици (включително и абривиатури), макар и рядко, се срещат и съставни названия, собствени имена. Някои от заглавките се срещат в повече от един тематичен кръг.

Улеснение за изучаващите български език са поставените ударения в българската част. Преводните еквиваленти са дадени след граматичната характеристика (при заглавката) или непосредствено след илюстративния пример на изходния език. Авторката съзнателно посочва в речника си латинските наименования на растения и животни и не включва фразеологизми.

Както и в предходни чешко-български речници, и тук се наблюдава колебание при представяне на някои производни единици.

В *Речника* се използват лексикални уточнения към самата изходна единица или към преводния еквивалент. За някои думи информацията откъм част на речта е грешна. Определени заглавки биха могли да бъдат представени и като съставна (първа или втора) част от сложни думи със съответния квалификатор, а не само като лексеми, и по този начин посочените към тях примери ще бъдат коректно представени. *Речникът* не е богат на илюстративен материал.

Фактът, че двете относително самостоятелни части на речника са придружени и с разработени лексикални упражнения, прави от справочника ценно помагало както за студентите българисти и бохемисти, така и за техните преподаватели. *Речникът* е предоставен за ползване и в интернет.

Първият специализиран чешко-български речник излиза през 1978 г. в Прага и е дело на Петър Панев⁶³. Неговият словник включва заглавки от областта на икономиката. *Речникът* има учебен характер. Той е предназначен за чуждестранни студенти по икономика.

Автор на *Чешко-българския речник на съкратените наименования*⁶⁴ е В. Мицева – езиковед, преводач и един от съставителите на двутомния *Чешко-български речник*, в който активно участва в частта за съкращенията и географските названия. В *Речника* са включени две основни групи съкращения – графични и лексикални, част от които са нови (появяват се в чешкия език в периода след 1989 г.), а друга част – по-стари (на несъществуващи вече организации, партии, предприятия и др. в бившата Чехословакия). Съкращенията са подредени по азбучен ред. Речниковата статия следва следната схема: съкращение, произношение, дадено в прави скоби, разгърнато съответствие също на чешки, преводен еквивалент – разгърнат с поставени ударения и съответно българско съкращение в кръгли скоби (ако има такова), лексикално уточнение.

Речникът на В. Мицева е не само особено ценен справочник преди всичко за преводачите. Той е високо постижение на чешко-българското лексикографско дело.

Краткият чешко-български речник на некнижовната лексика, който излиза през 2011 г. в България, е колективно дело на учени и студенти бохемисти, ръководени на доц. Янко Бъчваров⁶⁵. В уводната част Я. Бъчваров посочва проблема при иденти-

⁶³ Панев П. *Česko-bulharský základní hospodářský slovník pro zahraniční studenty VŠE*. Praha, 1978. 224 s.

⁶⁴ Мицева В. *Чешко-български речник на съкратените наименования*. София, 2009. 159 с.

⁶⁵ Бъчваров Я. и др. *Кратък чешко-български речник на некнижовната лексика*. Malý česko-bulharský slovník nespisovné slovní zásoby. София, 2011. 241 с. <http://labs.juls.savba.sk/?d=csbg>; <http://labs.juls.savba.sk/csbg.pdf>. Сред авторите на този речник са близо 30 студенти, участвали в провеждания от него спецкурс „Диглосията в съвременния чешки език“.

фикциране на некнижовните лексеми. Под некнижовна авторът има предвид некодифицирана лексика. Обосновава нуждата от този речник с експанзията на некнижовния език, респ. на некнижовната лексика, която настъпва след обществено-икономически промени след 1989 г.

Словникът на *Речника* съдържа не повече от 4100 лексикални единици и то такива, „които се отличават с експресивност“ и „които не са неутрални“ (включително с пейоративно или вулгарно значение; поместени са също остарели или остаряващи некнижовни лексеми, както и историзми, термини от професионалния сленг, неологизми, интернационализми, съкратени названия, универбати).

Съставителите са се ръководили от идеята да постигнат задоволителна преводна еквивалентност, поради което са издирвали в българския език всякакви некнижовни думи (разговорни, жаргонни, диалектни, фамилиарни и др.), водени от единствената цел – думата да не е неутрална. Същевременно осъзнават, че не са малко случаите, в които те не са намерили нужния еквивалент.

Речниковата статия е структурирана по следната схема: изходната чешка лексема; информация за източника, откъдето тя е взета; кратка граматическа информация; чешко книжовно съответствие; преводен еквивалент – в азбучен ред – първо некнижовните български еквиваленти, а след това книжовните. Отделните значения на чешката дума са ясно разграничени след арабски цифри. Речниковата статия завършва с блок с устойчиви словосъчетания, в които се включва заглавката.

Поради ограничения в обема в речника не е поместен илюстративен материал. Не се привеждат стилистични квалификатори и не се посочва произходът на включените думи и изрази.

Този речник е първи по рода си труд в чешко-българската лексикография, който е предназначен да служи преди всичко като помагало в процеса на обучение по чешки език на напредналите студенти бохемисти. Същевременно той е ценен справочник в помощ на българските преводачи. Направен е и онлайн вариант.

През 2014 г. излиза първият чешко-български речник на юридическата терминология – *Česko-bulharský právnícký slovník* с автор Ел. Крейчова⁶⁶. Той съдържа 15000 термина и специализирани словосъчетания. Този речник е резултат от дългогодишната практика на Ел. Крейчова и като преводач за различни държавни институции, в частност и като съдебен преводач, като при неговото създаване авторката е използвала съществуващите до този момент български и чешки тълковни речници, както и някои по-нови двуезични (чешко-руски и чешко-украински) юридически речници. Лексемите са представени само със специализираното си за юридическия контекст значение. В *Речника* са намерили място не само тясно специализирани, но и най-често употребими думи. Словникът включва преди всичко съществителни, прилагателни, глаголи и много по-рядко наречия. Речниковата статия се състои от еднословна заглавка и преводен еквивалент, обикн. синонимно съответствие. След две точки (:) са посочени сложни названия (включително и като абривиатури) или типични словосъчетания на чешки език и техните български съответствия. *Речникът* е ценно помагало и първа успешна стъпка за развитието на специализираната чешко-българска лексикография.

⁶⁶ Krejčová El. *Česko-bulharský právnícký slovník*. Brno, 2014. 213 s.

3.2. Българско-чешки речници

Както вече беше посочено, през далечната 1914 г. в Прага Вл. Шак издава и първият българско-чешки речник – *Bulharsko-český slovník*⁶⁷. Трудът е малък по обем. Принципът на представянето на заглавните единици е азбучен. Липсват ударения в българската част. Повечето производни единици са представени самостоятелно, но жителските имена – на лице мъж и на лице жена-са обединени в една заглавка. Използват се квалификатори относно сферата на употреба на изходната единица. Предпочитат се синонимни дефиниции. Въпреки някои непоследователности предвид липсата на сериозни теоретични трудове в областта на лексикографията за времето си този пръв сравнителен българско-чешки труд е бил високо постижение на тази област на речниковото дело.

До 40-те год. на ХХ в. се появяват още няколко труда – през 1917 г. малкият по обем речник на Йозеф Фолпрехт *Slovníček bulharsko-český*⁶⁸, а през 1937 г. речникът на Г. Бакърджиев, като и за двата съществуват оскъдни данни. Междувременно през 1922 г. излиза и един двусъставен речник – *Nový kapesní slovník jazyka českého a bulharského a bulharsko a českého*⁶⁹.

Bulharsko-český slovník е първият по-голям професионално съставен българско-чешки речник, който е отпечатан през 1959 г. в Прага. Той е дело на Карел Хора, Яромир Хароус, Ружена Николаева и Б. Прошек⁷⁰. При подготовката на *Речника* са взети предвид множество български тълковни, други двуезични и специални речници. Не е без значение и фактът, че по време на петмесечния си престой в София през 1954 г. К. Хора не само извършва проверка на езиковия материал и подготвя ръкописа за отпечатване, но и осъществява контакт с много изследователи от Института за български език при БАН, сред които и професорите Ст. Стойков и Св. Иванчев. *Речникът* е от среден тип – съдържа 60000 заглавни единици (книжовни единици, разговорни, диалектни, остарели). В словника наред с нарицателните имена са включени собствени – на географски обекти, на лица, празници, съкращения – с разгърнатото им съответствие, но без произношение и др. Някои чужди думи, които се различават от чешкия правопис и изговор, са придружени и с бележка за произхода им.

Азбучният принцип на представяне на заглавките понякога се комбинира с гнездовия. За разлика от производните от ж.р., които са поместени в статията на произвеждащите от м.р., отглаголните и относителните съществителни, умалителните и гальовните имена присъстват в *Речника* като словникови единици. Причастията с утвърдена адекватна употреба са дадени също като заглавки (**заспáл**, **отвóрен**, **пéчен**). Като омоними в *Речника* се приемат и думи от различни части на речта. Употребата на субстантивирани прилагателни е отразена като самостоятелно значение в статията на съответното прилагателно с уточнение „jako *m.*“. Не само заглавките, но и българските думи в дясната страна на речниковата статия, са изписани с ударение. *Речникът* демонстрира силно развита система на препратките, напр.: при глаголи от несв. вид, при

⁶⁷ Sak V. *Bulharsko-český slovník*. Praha, 1914.

⁶⁸ Информацията е почерпана от: Krejčí P. *Nový česko-bulharský slovník v kontextu česko-jihoslovanské lexikografie uplynulého století* // *Opera Slavica*. 2004. XIV. 4. S. 29.

⁶⁹ Sis V., Ivanov B. *Nový kapesní slovník*.

⁷⁰ Hora K., Nikolaevová R., Nikolaev N., Prošek B. *Bulharsko-český slovník*. Praha, 1959. 1070 s.

причастия, диалектни названия, правописни варианти и др. Посочват се тези граматически форми, при които се наблюдават известни промени и изключения от правилата. Рефлексивните глаголи със **се** / **си** са посочени и тълкувани в края на речниковата статия на глагола от несв. вид, когато тяхното значение се различава от това на заглавката. В много случаи значенията са подкрепени с илюстративен материал. В края на речниковата статия са изброени (без да се обособява отделен блок) фразеологични единици.

Речникът е високо постижение на двуезичната лексикография. Той има ясна концепция за описанието (граматично, стилистично, семантично и функционално) на изходните единици и тяхното представяне на чешки език. Прави впечатление, че словникът на *Речника* за разлика от предходните българско-чешки и чешко-български речници съдържа само еднословни единици. Продължава традицията в макроструктурата да се включват собствени имена, както и присъствието в една речникова статия на двойката съществителни имена за мъж и за жена.

През 1964 г. е публикуван двусъставният *Bulharsko-český a česko-bulharský kapesní slovník* на Богдан Прошек⁷¹, който е с джобен формат (българско-чешката част включва 14000 единици, а чешко-българската – 3000). *Речникът* отразява актуалното състояние на български език и има широка популярност.

Bulharsko-český, česko-bulharský slovník на Кристоф Ухитил⁷² е единственият засега двусъставен речник от общ тип, който излиза през новото хилядолетие и чието качество, предвид развитието и сериозните постижения на двуезичната лексикография, не е задоволително. Той се появява в Прага 91 години след първия българско-чешки речник и се отличава с липса на концепция при представянето на лексикалния материал. Този справочник е с джобен формат и не съдържа информация за броя на словниковите единици. Не се посочват формите на думите. В *Речника* се следват азбучно-гнездовият принцип. Не се открива принцип на представяне на производните в словообразователните гнезда.

Все още липсва голям професионално изработен (академичен) българско-чешки речник от общ тип, издаден през новото хилядолетие, който да отразява актуалната езикова ситуация и постиженията на двуезичната славянска лексикография.

Прави впечатление, че до 1944 г. няма специализирани българско-чешки речници. Развитието на техниката от средата на ХХ в. поражда необходимостта от появата на съответните справочници. Първият е двусъставен и е дело на Б. Прошек. Това е *Bulharsko-český a česko-bulharský technický slovník*, издаден в Прага⁷³. *Речникът* съдържа около 23000 български и 24000 чешки заглавки. Негов недостатък е, че не отразява промяната в чешките правописни правила през 1957 г.⁷⁴ Едва трийсет години по-късно в България е публикуван нов двусъставен учебен речник *Българско-чешки и чешко-български технически речник*, който е продукт на колектив от специалисти, предимно българи и с главен редактор на Бланка Кутинова⁷⁵. Словникът му е актуализиран.

⁷¹ Prošek B. Bulharsko-český a česko-bulharský kapesní slovník. Praha, 1964. 681 s.

⁷² Uchytíl Kr. Bulharsko-český, česko-bulharský slovník. Praha, 2009. 409 s.

⁷³ Prošek B. Bulharsko-český a česko-bulharský technický slovník. Praha, 1958. 600 s.

⁷⁴ Krejčí P. Nový česko-bulharský slovník... S. 31.

⁷⁵ Кутинова Бл. Българско-чешки и чешко-български технически речник. София; Прага, 1988. 511 с.

През 1982 г. в Прага Петър Панев публикува първият българско-чешки речник, чийто словник включва заглавки от областта на икономиката⁷⁶. *Речникът* е предназначен за чуждестранни студенти по икономика.

Отличителна черта на българско-чешката лексикография от новото хилядолетие е интензивният процес на създаване на специализирани речници, като почти всички са създадени от непрофесионалисти. На фона на ускореното „производство“ на българско-чешка лексикографска литература (т.напр. впечатляваща е производителността на И. Вердал, който за 5 год. – от 2011 до 2015 г. – издава 7 специализирани справочника) заслужава да спрем вниманието си на **Ботанически речник: Българско-чешки; Чешко-български** на Милкана Калайджиева⁷⁷. Двусъставният речник се състои от две почти огледални части (с изключение на уводните думи в първата част – *За терминологията в ботаниката*) с няколко подраздела: ботанически термини и понятия (с общо 460 понятия); ботанически таксони – семейства, класове, отдели; видове (триезична част – българско-латинско-чешка и чешко-латинско-българска, в която са посочени 1431 вида растения с над 800 синонима и популярни имена); народни и популярни названия (най-обемната част), индекс на латинските имена и литература.

Съществуват и сравнителни многоезични речници с български, чешки и полски език (върху селскостопанската терминология), български, чешки и руски език (върху шевната терминология), български, чешки, полски, руски, сърбохърватски, румънски (вж. по-нататък Исаков и др. 1980), български, чешки, полски (върху техническа терминология) и др.

4. Сравнителни речници със словашки и български език

4.1. Словашко-български речници

През 1970 г. се появява второ издание на *Словашко-български речник*, изработен от колектив: Св. Иванчев, Цв. Романска, Стефан Знеполски, Карел Мара, под редакцията на Винсент Бланар и Иван Леков⁷⁸. Това издание, стереотипно в основата си, включва и едно Допълнение – „за да се отрази по-пълно богатството и на двата езика“. Същевременно в основната част на речника са отстранени някои неточности. „Цялостната подготовка на новото издание е извършена от колектив в състав: Ана Хедерова, Йозеф Хрон, Донка Вакарелска-Немова и Иван Буюклиев“. Думите са подредени по азбучен ред. Отражена е омонимията. След заглавката следва граматична и стилистична характеристика, преводен еквивалент с ударение; колокации и техния преводен еквивалент. В края на статията са посочени в специален блок фразеологизми на изходния език, в които участва заглавката, и техният преводен еквивалент. Някои статии завършват след бележка „правилно“ с коректното изписване на думата.

Много интересен е единственият издаден *Словашко-български тематичен речник* от колектив: В. Панайотов, Д. Иванова и С. Лиханова⁷⁹. Той е отпечатан през

⁷⁶ Панев П. Bulharsko-český základní hospodářský slovník pro zahraniční studenty VŠE. Praha, 1982. 200 s.

⁷⁷ Калайджиева М. Ботанически речник. Българско-чешки; Чешко-български. София, 2006. 77 с.

⁷⁸ Знеполски Ст., Иванчев Св., Романска Цв., Мара К. Словашко-български речник / Под ред. на В. Бланар и Ив. Леков. София, 1970. 1198 с.

⁷⁹ Панайотов В., Иванова Д., Лиханова С. Словашко-български тематичен речник.

2012 г. и съдържа около 10000 речникови статии. Лексикалният материал е групиран в 22 теми. Включена е лексика от ежеднения живот, широко използвани термини и разговорни изрази, както и сравнително често използвани лексикални неологизми. Тематичният принцип създава условия за по-лесното и ефективно усвояване на словашката лексика. Именният показалец на всички ключови български лексеми от речниковата част е голямо улеснение за читателя и помага и при превод от български към словашки.

Същите автори издават и един специализиран *Кратък словашко-български речник на икономическите термини*⁸⁰. В предговора се излагат принципите на изготвяне на речника и най-характерните особености при представяне на термините. Това е първият специализиран словашко-български речник. Съдържа 5000 речникови статии. Материалът е извлечен от лексикографски източници, издадени в Словакия и България след 1989 г., икономическото законодателство и преса на двете страни, корпусни и онлайн издания. При подбора на словника се отчита присъствието на термина в двутомния *Речник на съвременния словашки език* (2006 г. – т. 1, 2011 г. – т. 2). Като критерий за включването на съответната единица се приема и присъствието ѝ като термин в поне две специализирани лексикографски издания. Авторите застъпват мнението, че глаголите също може да имат пълноправен терминологичен статут и затова някои от тях са включени в словника. Азбучната подредба на думите е доминиращ принцип. Той се съчетава с понятийно-семантичното групиране по признака *род – вид*.

В речниковата статия на родовия термин се посочват най-често срещаните негови употреби, след което се дават отправки към съответните видови термини. Термините нямат граматична характеристика и ударения.

4.2. Българско-словашки речници

Първият значим принос в българско-словашката сравнителна лексикография е проектът за създаване на тритомен *Българско-словашки речник*, изработван в Института по славистика към Словашката академия на науките⁸¹. Автор на идеята за създаването на този речник и на лексикографската концепция, въз основа на която вече са изработени първите 2 тома на речника, съавтор и редактор на т. 1, издаден през 2004, и единствен автор на т. 2 на речника, обхващащ думите от **Л** до **ПО**, който излезе от печат през 2013 г., е Мария Кошкова. За качеството още на първи том говорят много добрите отзиви и рецензии, както и получените две награди: „Речник на годината – 2005“, награда, присъдена от международно жури на Асоциацията на преводачите в Прага, и награда в категорията лексикографски трудове на Литературния фонд в конкурса „Матей Бел“.

Ще посочим някои важни особености на *Речника*, които го характеризират като лексикографски труд с висока научна и приложна стойност. Преди всичко трябва да отбележим, че концепцията на *Речника* е съвременна, добре обмислена и последователно приложена. Тя представя решение на основните въпроси, засягащи изработването на такъв тип речник, като степента на отразяване на българската лексика в ней-

⁸⁰ Панайотов В., Иванова Д., Лиханова С. Кратък словашко-български речник на икономическите термини. София, 2013. 222 с.

⁸¹ Košková M. Bulharsko-slovenský slovník. Bratislava, 2004. Т. 1. А–К. 700 с.; 2013. Т. 2. Л–ПО. 692 с.

ното актуално състояние, представяне изчерпателно и точно на словашките еквиваленти на българските лексикални и фразеологични единици, граматични характеристики и др.

Словникът обхваща в пълнота думите от основния речников състав на българския език, както и редица по-нови, но вече утвърдили се думи, съчетания и фразеологизми. Включват се и диалектни, остарели или просторечни думи, които се срещат в българската художествена литература и биха могли да затруднят словашкия читател. Така той отговаря на целите на речника – да бъде използван от широк кръг ползватели: студенти, изучаващи български и съответно словашки език като чужд, преподаватели по съответния език, преводачи, изследователи в областта на славистиката и др.

Речникът предоставя необходимата лексикографска информация за граматичните особености на заглавните думи – граматичните им форми за число, род и др., принадлежност към част на речта, за съчетаемостта и особености на употребата им. Много полезно е решението на българските думи навсякъде (включително в примерите, във фразеологичните единици и др.) да се поставя ударение. Обръща се специално внимание на стилистичните и функционалните им особености, като се използва прецизна система от стилистични и функционални квалификатори. Отразяват се последователно вариантите на заглавката – словообразователни, фонетични, акцентни и пр. Особено улесняваща българските ползватели е привезданата информация за граматичните и стилистични особености на словашките съответствия, когато те са различни от тези особености на българските заглавки.

Много силна, положителна страна на *Речника* е точното и изчерпателно представяне на еквивалентите на българските лексикални и фразеологични единици в словашки. Докато в повечето други речници от този тип не се обръща особено внимание на многозначните думи, тук тяхната семантична структура е представена детайлно с оглед на словашките съответствия на значенията им. За по-голяма точност и яснота се привездат в скоби антоними или кратки пояснения на словашки. Решението по отношение на т.нар. безеквивалентна лексика също е сполучливо. Когато отсъства преводен еквивалент, след транскрипция на българската дума се дава кратко обяснение на нейното значение в скоби или приблизителен еквивалент.

За разлика от други речници от такъв тип авторката отделя специално внимание на съчетаемостта и функционирането на заглавната дума в типични контексти, за илюстрация на което се привездат много примери. В статиите към отделните значения на заглавките след специален графичен знак се дават и устойчиви съчетания, съставни названия, терминологични словосъчетания, словесни формули и др.

Богатство на *Речника* е и детайлното отразяване на фразеологията. В края на речниковата статия след специален знак се привездат различни по вид фразеологични единици, като се отразяват и техните варианти. Когато в словашкия език липсват еквиваленти на съответния фразеологизъм, се прави буквален превод или се дава приблизително съответствие на българската единица в словашки.

Като обобщение трябва да подчертаем, че *Българско-словашкият речник*, изработван от Мария Кошкова, е ценен принос в славянската сравнителна лексикография.

5. Сравнителни речници със сърбохърватски (по-късно – сръбски) и български език

5.1. Сърбохърватско-български и сръбско-български речници

Малко преди Втората световна война са издадени два сърбохърватско-български речника. Първият сърбохърватско-български речник – *Сърбохърватско-български речник с кратка сърбохърватска граматика* – е изработен от Михаил К. Хаджи и е издаден през 1936 г. от издателство „Христо Г. Данов“. Веднага след него – през 1937 г. в София – е публикуван *Сърбохърватско-български диференциален речник*, като авторът е означен с инициали Ж.Н.Г.

Специално внимание заслужава *Сърбохърватско-българският речник*, изработен от Ангел Игов, който е посрещнат като изключително необходим речник и е претърпял няколко издания⁸². Първото издание е от 1959 г. *Речникът* съдържа 40000 заглавни думи. Както отбелязва авторът в Предговора, дадени са думите от основния речников фонд и всички по-често употребявани думи. *Речникът* е нормативен, тъй като не са включени диалектни думи. Авторът не включва и неологизми, много чужди думи, както и по-специални термини. А. Игов обяснява и причината за по-късното появяване на такъв вид речник. Едва от 1946 г. във Филологическия факултет на Софийския университет се създава лекторат по сърбохърватски език, а от 1955 г. в рамките на новата специалност „Славистика“ започва по-системното изучаване на този език. *Речникът* е снабден с обстоен Увод, който представя изследване на сърбохърватския език, прави се преглед на фонетичния и морфологичния му строеж, анализира се лексикалното му богатство, като се отделят няколко пласта в речниковия му състав и се посочват неговите особености.

Всичко това е предпоставка представеният речник да бележи по-високо стъпало в сравнение с предишните лексикографски опити като сравнителен лексикографски труд. С оглед на икономии на място не са включени някои категории думи като отглаголните съществителни, причастията, наречията, тъй като авторът е смятал, че те лесно могат да се обяснят, като се свържат с основните думи, от които са образувани, а и не се различават съществено от българските им съответствия. Също с оглед на икономия на място са дадени и само най-типичните фразеологизми, като се има предвид, че голяма част също са много близки. В *Речника* са използвани много препратки освен за да се пести място, но и за да се посочат като предпочитани съвременните книжовни думи пред редица диалектизми, архаизми и чуждици. При тълкуване на многозначните думи на първо място е основното значение, а след това второстепенните и преносните. Фразеологизмите са дадени към съответното значение или в края на статията. След заглавните думи се дават граматични характеристики, като се отбелязват по-особени и неправилни форми, измененията в ударението, посочва се и интонацията и дължината на ударението, както и дългите срички без ударение.

След разпадането на Югославия излизат вече сръбско-български речници. Така например през 2004 г. е издаден *Сръбско-български речник* с автори Антон Зарков и

⁸² Игов А. Сърбохърватско-български речник. (1. изд.) София, 1959. 600 с.; *id.* Сърбохърватско-български речник А–Я. Српскохърватско-бугарски речник А–Я. (2. доп. изд.) София, 1983. 509 с.

Пламен Трифонов⁸³. Целта на авторите е била да отразят съвременния сръбски език, поради което в него не са намерили място много остарели думи, особено турцизми, а са включени думи и термини от различни области, навлезли и създадени в съвременния сръбски език. Включени са разговорни думи и изрази, както и жаргонни думи, които са характерни за ежедневно общуване. *Речникът* съдържа 50000 заглавни думи и е най-обемният от издадените досега сръбско-български речници. Авторите са имали предвид всички преди това публикувани речници, в които се сравняват двата езика, както и други лексикографски и лингвистични трудове. Използван е материал и от вестници, електронни медии, научни публикации и др.

5.2. Българско-сръбски (или сърбохърватски) речници

През 1967 г. в Белград е издаден *Бугарско-српскохрватски речник*, чийто автор е Марин Младенов. Той съдържа 35000 думи и изрази. Много години по-късно се появява ново допълнено, разширено и преработено издание на този речник – *Бугарско-српски речник*⁸⁴. *Речникът* е среден по тип и съдържа около 50000 думи и изрази. Включва основната лексика на сръбския език, както и неологизми, жаргонни думи, диалектизми, варваризми, термини от различни области, а също и фразеологизми, пословици, най-често срещани изрази. В предговора е посочено, че се следва азбучната подредба, но в словника в някои случаи се прилага азбучно-гнездовият принцип – в една статия са посочени като заглавки съществително от м.р. и съответното производно от ж.р., както и словообразователни варианти. Като заглавки са включени наред с нарицателните и собствени имена на празници, географски обекти и др. Омонимите са в отделни статии.

Думите имат граматична характеристика – посочват се форми, които са изключение от правилото за образуване на множествено число, бройната форма и др., отбелязва се част на речта, род при съществителните, вид на глаголите, следва стилистичната характеристика. В края на речниковата статия са посочени устойчиви съчетания и фразеологизми с техния преводен еквивалент. Използван е богат илюстративен материал. Възвратните форми на глаголите са описани в края на статията.

Посочените по-горе речници, в които се сравняват българския и сърбохърватския език, а по-късно – сръбския език, са от вида общи сравнителни речници. Има издадени обаче и някои специализирани речници. Единият от тях – *Дванадесетезичен строителен речник* – е терминологичен и многоезичен и включва термини от областта на строителната терминология на дванадесет езика, в които влизат български, сърбохърватски, полски и руски от славянските езици⁸⁵. *Речникът* включва около 28000 термина. Този тип речници са много полезни при общуване за специалистите, както и при преводи, научна работа и под. в съответната област.

Много интересен е специализираният речник, сравняващ омонимите в сръбски и български език с автори Ценка Иванова и Мариана Алексич – *Сръбско-български тематичен речник. Лексикон на междуезикови омоними и полисеми*⁸⁶. *Речникът* има

⁸³ Зарков А., Трифонов Пл. Сръбско-български речник. Српско-бугарски речник. София, 2004. 596 с.

⁸⁴ Младенов М. Бугарско-српски речник. Београд, 2000. 584 с.

⁸⁵ Исаков Л. и др. Дванадесетезичен строителен речник. София, 1980. 396 с.

⁸⁶ Иванова Ц., Алексич М. Сръбско-български тематичен речник. Лексикон на междуезикови омоними и полисеми. Српско-бугарски тематски речник: Лексикон на месуезичких хомонима и полисема. (1. изд.) Велико Търново, 1999. 287 с.

и второ издание в Белград – *Сръбско-български речник. Тематичен. Омонимен*⁸⁷. Второто издание съдържа около 14000 изходни лексикални единици, над 600 междуезикови омоними и полисемни двойки. Целта на *Речника* е подпомагане на чуждоезиковото обучение, като се улесни усвояването и използването на омонимната лексика на сръбския и българския език. Освен междуезиковите омоними са включени и думи, които частично съвпадат и частично се отличават по форма и по значение, които авторките наричат междуезикови полисеми. Не сме убедени, че е основателно използването на този термин, но по същество постановката на авторките е приемлива и представянето на тези двойки думи е много полезно за правилното усвояване и използване на лексиката при езиковото обучение. Напълно правилно не се приемат като омонимни двойки думи, които съвпадат по звучене, но се отнасят към различни части на речта, или съвпадат само по отделни форми от парадигмите им. При представянето на глаголите особеното е, че се приема за представителна форма (заглавна) формата за трето лице, ед.ч., сегашно време. Думите са разделени на 18 тематични групи. След като се посочват двата омонима като заглавка с бележка за род при съществителните, под тях се дава най-напред сръбската дума, а под нея – българската и съответните им значения. Поставят се ударенията. След специален знак се включват и устойчиви съчетания към съответния омоним.

6. Сравнителни речници с хърватски и български език

Изработен е един речник – *Хърватско-български речник*, който е издаден през 2008 г. в гр. Варна от Хари Стоянов⁸⁸. През 2010 г. е направен и онлайн вариант. Авторът отбелязва, че е работил речника над 15 години и тъй като това е първият такъв речник, той няма претенции за всеобхватност. Съдържа около 53000 думи, подредени по азбучен ред. Използват се редица граматични бележки, напр. за определяне на частите на речта, при глаголите – посочват се възвратните форми, преходност/непреходност. При заглавните думи се отделя непроменливата част и променливата – посочват се окончанията и редица изключения при образуване на отделните форми. Употребяват се бележки за посочване на професионалната или научна област, от която е думата (Физ., Хим., Биол. и др.), както и стилистични бележки (Разг., Вулг., Остар. и др.). При наименованията на растения и животни в много случаи се дава латинското им название. Посочва се и произходът на чуждите думи. Към някои думи се дават примери с превод. Това са фразеологизми, фрази и изрази за по-пълно изясняване на значенията.

Въз основа на направения анализ на сравнителните славянски речници с участието на българския език бихме могли да направим **периодизация** на развитието на този вид лексикография. Началният етап от това развитие се характеризира с появата на първите опити за двуезични речници, често като приложения към други трудове и комбинирани тълковни с двуезични речници (това са първите значими речници на българския език, които досега се разглеждат само като тълковни) – на А. Дювернуа и на Н.

⁸⁷ Иванова Ц., Алексич М. Српско-бугарски речник: Тематски. Хомонимни. (2. изд.) Белград, 2007. 390 с.

⁸⁸ Стоянов Х. Хърватско-български речник. Варна, 2008. 928 с. <http://softisbg.com/library/rjecnik.htm>

Геров. Това е периодът на последните десетилетия на XIX в. и началото на XX в. Вторият период, обхващащ времето от началото на XX в. до Втората световна война, не се характеризира с особено активна лексикографска дейност в интересуващата ни област – само няколко речника, но без руските. Третият период е след Втората световна война и се характеризира с голяма активизация в областта на славянската сравнителна лексикография – специално по отношение на сравнителни речници с участието на руския и българския език, но се създават и речници със съпоставяне на българския език и други славянски езици. През 70-те и 80-те години на XX в. може да се говори за период, в който се активизира дейността на БАН (Института за български език) и СУ, като се работи по проекти за създаване на сравнителни славянски речници. Периодът от последното десетилетие на XX в. и началото на XXI в. до сегашния момент отново не бележи много голяма активност в тази лексикографска дейност. Тези години – особено от началото на XXI в. се характеризират с голямо число онлайн сравнителни речници. Буквално в Интернет е наводнено с такива речници, при което се призовават ползвателите им да ги допълват, да прибавят думи и фрази. Характерното за тези онлайн речници е, че никъде не е показана концепция и изобщо каквото и да е научно виждане за построяването им. Създаването им е въз основа на преписване на изработените и издадени преди това речници, а също така и без научно изработена, научно обоснована концепция, а чрез чисто интуитивно и хаотично съставяне.

Въз основа на направения преглед на сравнителните славянски речници с участието на българския език, можем да направим и опит за **класификацията** им конкретно в сравнение с общата типология на този вид лексикографски трудове. Разграничаваме следните типове сравнителни славянски речници с участието на българския език:

1. Общи и специализирани сравнителни речници. Това деление е подобно на делението на тълковните речници. И при специализираните речници видовете се определят въз основа на различните признаци, които характеризират сравняваната лексика.

2. Въз основа на обема съществуват малък (джобен), среден, голям и пълен (тезаурус). В разглежданата сравнителна лексикография не присъства само пълен (тезаурус) речник и почти не можем да посочим голям сравнителен речник. Преобладават малките и средни речници.

3. Въз основа на броя на сравняваните езици има създадени двуезични и многоезични сравнителни славянски речници. Обикновено многоезичните речници, са и специализирани, в повечето случаи – терминологични, като обикновено имат сравнително ограничен словник – с неголям брой заглавни думи – термини.

4. Сравнителни речници само с привеждане на еквивалента синоним от езика, с който се сравнява, и речници, при които за разкриване на семантиката се използва и описателна дефиниция и след нея се дава еквивалента от езика, с който се сравнява.

5. Сравнителни славянски речници, в които думите са подредени по азбучен ред или са тематично организирани. Преобладават азбучните сравнителни речници, докато тематичните сравнителни речници са единични, само за някои езици.

6. Сравнителни славянски речници, в които някой от славянските езици се сравнява с българския език, т.е. първият член на опозицията е лексика от друг славянски език, и той се сравнява с лексика от българския език, и речници, в които българският език се сравнява с друг славянски език, т.е. първият член на опозицията е българската лексика,

тя заема лявата част на речника и се сравнява с лексиката на някой от другите славянски езици, т.е. имаме /някой/ славянско-български речник и българско-/някой/ славянски речник. Това, което прави впечатление, е преобладаването на чуждо славянско-български речници пред българско-чуждите славянски речници. Този факт е възможно да се обясни по два начина: 1. Използват се готовите словници на речници на другите славянски езици и се превеждат, докато създаване на словник за българския език за такъв речник явно е трудна задача; 2. Чуждо-българският речник служи на целите преди всичко на преводачите от чуждия език на български, помагало е при превеждане на чуждата литература и също така помагало при изучаване на чуждия език при четене на чужди текстове. Тъй като това се случва в по-големи мащаби, обяснимо е защо тези речници преобладават.

7. В лексикографската литература се използва и делението на еднопосочни и двупосочни сравнителни речници. За това би могло да има известни възражения. Когато от един автор се създава комплект от два речника, в който ролята на изходен език се изпълнява в единия речник от единия език, а в другия – ролята са сменени и изходен език е вторият от сравняваните, а словниците се различават, т.е. не са огледални, изглежда ни по-точно и подходящо да се използва терминът двусъставни сравнителни речници.

8. Може да се зададе във връзка с определяне на отделните видове речници и още един въпрос, а именно дали електронните онлайн речници трябва да се разглеждат като отделен вид. Всъщност в повечето случаи това е възможност за по-голяма достъпност до речника, отколкото е книжното тяло, и по-лесно използване. В повечето случаи обаче все още тези речници са направени от автори, които не са специалисти по лексикография, без обмислена научна концепция и на недостатъчно лексикографско научно равнище. Добре би било в бъдеще да се обединят усилията на лексикографи и компютърни специалисти за създаване на добри електронни речници.

Въз основа на прегледа и анализа на славянските сравнителни речници с участието на българския език могат да се направят някои изводи и обобщения и да се представи картината на състоянието на славянската сравнителна лексикография с участието на българския език. 1. За повечето славянски езици са изработени сравнителни речници с българския език. Но за съжаление за някои все още липсват такива речници. 2. Преобладават общите сравнителни речници, въпреки че се изработени и много специализирани речници. 3. Основно са представени общи сравнителни речници от среден тип. Издадени са и малки речници (от джобен тип). Няма пълни (от тезаурусен тип) речници. 4. С оглед на пълнотата на представяне на семантиката на лексиката в сравнение също има много още какво да се желае. Това се отнася и за представяне на съчетаемостта, на типичните контексти, в които се употребяват думите, на синтактичната и семантична обусловеност на лексикалните единици в определени значения. 5. Почти всички речници се характеризират с азбучна подредба на думите. Съвсем малко са тематичните речници, които биха били много полезни при обучението на съответния език. 6. Преобладават славянско-българските речници, тъй като се използват чужди словници и така работата се улеснява. Друга причина за това е, че повече се превежда от другите славянски езици на български, отколкото обратното. При засилване

на интереса към нашата литература и страната ни, би се активизирала и дейността по създаване на българско-чужди речници. 7. От началото на ХХІ в. се наблюдава много голямо увеличаване на броя на онлайн сравнителни речници, които ние не разглеждаме в изследването. Те обикновено не са изработени от специалисти в областта на лексикографията и в повечето случаи са компилации от издадените вече речници без научно обоснована стройна концепция и предимно чрез чисто интуитивно съставяне.

За съжаление би могло да се желае постигането на много по-високи постижения при този вид лексикографски трудове. Само в областта на сравнителните речници за българския с руския и с чешкия език се установява доста голямо разнообразие и определено добри резултати. Сравнителните речници с останалите славянски езици са недостатъчни на брой, по вид и висока степен на теоретична основа и научно обосновани и аргументирани лексикографски концепции. Докато българската лексикография в частта си за тълковните речници определено има високи постижения – специално това се отнася за многотомния академичен *Речник на българския език*, то при двуезичната сравнителна лексикография теорията е останала на заден план и повечето речници са създадени с водещата роля на интуицията на авторите, в повечето случаи без те да са лексикографи. По-голям напредък има при сравнителните речници със западноевропейските езици – немски, английски, при които може да се каже, че има по-добри постижения, но и при тях те се изразяват в изработване на по-обемни речници, също без необходимите теоретични виждания и достатъчно обосновани концепции.

На какво трябва да се обърне повече внимание при развитието на сравнителната лексикография с участието на българския и славянските езици: 1. Би трябвало да се създадат повече пълни речници – чуждо-български и българско-чужди от смесени колективи – от лексикографи от съответните страни по задълбочено обмислени проекти и концепции и много сериозна работа преди всичко върху словниците на тези речници; 2. Да се положат усилия за изработване преди всичко на българско-други (славянски) речници, тъй като те дават възможност за улесняване на превода на българската литература на другите славянски езици; 3. Да се обърне особено внимание на изработване на подходящи, основани на научно виждане български словници, въз основа на които могат да се създават сравнителни речници с всички славянски езици, т.е. на изработване на българската част на словника от специалисти лексикографи. Изработването на пълен словник на българския език, въз основа на който би могло да се създадат пълни славянски сравнителни речници с участието на българския език като първи член на сравнителната опозиция, е една от най-важните лексикографски задачи за българските лексикографи.

Л. Л. ШЕСТАКОВА

Москва, Россия

В. К. ЩЕРБИН

Минск, Белоруссия

«Словарь языка Пушкина» и «Слоўнік мовы Янкі Купалы»: опыт сравнительного анализа

Сравнение словарей, по мнению Р.Р.К. Хартманна и Г. Джеймса, является процессом контрастивного оценивания двух или большего количества словарей (или иных справочных работ) с целью их лексикографической критики или изучения словарной истории¹. Вместе с тем, наш собственный опыт проведения таких сравнительных словарных исследований² показывает, что их цели порой не ограничиваются рамками критики словарей или истории их создания. Сравнение словарей также может быть а) эффективным средством совершенствования лексикографической методологии (к примеру, стимулом к проведению лексического сравнения творчества А. Пушкина и А. Мицкевича послужил тот факт, что «общие принципы и методы такого сравнения еще не разработаны. Трудности, которые при этом возникнут, очевидны: здесь и расхождения в словаре сравниваемых языков, и различия в семантическом объеме и стилистической окраске отдельных слов, и неясность в оценке отдельных факторов выбора слов (влияние темы, жанра, национальной традиции и т.п.). Но первый шаг должен быть сделан»³); б) способом изучения общего и специфического в таких языковых и, одновременно, экстралингвистических феноменах, как национальные ментальности. О широких эвристических возможностях указанного исследовательского подхода отчасти свидетельствуют приводимые ниже результаты сравнительного анализа двух наиболее крупных авторских словарей России и Белоруссии – «Словаря языка Пушкина» (далее СП) и «Слоўніка мовы Янкі Купалы» (далее СК).

1. Из истории создания СП и СК

Литературный талант А. Пушкина раскрылся в первой трети XIX в., т. е. намного раньше по времени, чем открылось миру писательское дарование Я. Купалы (начало XX в.). Поэтому и история создания СП имеет значительно большую продолжительность, нежели история составления СК.

¹ Hartmann R.R.K., James G. Dictionary of Lexicography. London; New York, 2002. P. 24.

² См., например: *Щэрбін В.К.* Слоўнікі мовы Коласа, Купалы і Пушкіна: параўнальны аналіз // Янка Купала і Якуб Колас у кантэксте славянскіх літаратур: Матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф. (Мінск, 3–4 кастр. 2002 г.). Минск, 2002. С. 286–289; *Щэрбін В.К.* Система взаємодзейств між аўтарскімі і талкавымі слоўнікамі як частка лексикографічнага мейнстрыма // Аўтарская лексикографія і гісторыя слоў: К 50-летію выхаду в свет «Словаря языка Пушкина» / Отв. ред. Л.Л. Шестакова. М., 2013. С. 52–58; *он же.* Толковые словари лингвистической терминологии в восточнославянских языках: сравнительный анализ // Terminologija (Vilnius). 2014. № 21. P. 28–70; *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011. С. 103–105 и др.

³ *Шайкевич А.Я.* Пушкин и Мицкевич (Опыт лексического сравнения) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 3. С. 60.

Идея создания словаря языка Пушкина – одна из ранних в русской авторской лексикографии. Как считается, она высказывалась еще в середине XIX в., однако первые опыты ее реализации относятся к рубежу XIX–XX вв., т. е. к этапу становления в России нового словарного направления. Это несколько проектов и разных по жанру публикаций, связанных с лексикографированием пушкинского языка: приуроченный к 100-летию А.С. Пушкина проект князя А.И. Урусова⁴ (по-видимому, осуществивший, в небольшой степени, идею пушкинского словаря поэтов-символистов – В. Брюсова и К. Бальмонта⁵), незавершенные «Материалы для словаря пушкинского прозаического языка» В.А. Водарского (1901–1905)⁶, значимая для своего времени статья В.Ф. Саводника «К вопросу о Пушкинском словаре» (1904)⁷, публикация академика А.И. Соболевского «План словаря языка А.С. Пушкина» (1905)⁸, «Программа составления словаря поэтического языка Пушкина» проф. С.А. Венгерова (1914)⁹ и др.¹⁰

Примечательно, что Материалы Водарского – фрагмент первого частично опубликованного пушкинского словаря – представляют собой словарь языка прозы Пушкина. Из проектов, связанных с описанием его поэтического языка, несомненно, выделяется венгеровский. Детально разработанная программа словаря основывалась на твердом убеждении С.А. Венгерова в необходимости и важности такого справочника для объективности самой филологической науки. «В настоящее время все наши суждения о поэтических достоинствах Пушкина, как и всякого, вообще, поэта, – писал ученый, – более или менее висят в воздухе, не имея под собою никакой почвы, кроме интуиции. Мы постигаем красоты Пушкина, как и всякую иную красоту, врожденным эстетическим чувством. ... Но вместе с тем сколько места для самой крайней субъективности, для суждений не только совершенно произвольных, но, самое важное, случайных, подверженных разным колебаниям вне всякой связи с остающимся неизменным объектом суждения. Словарь языка поэта в значительной степени устраняет этот элемент случайности в суждениях если не о достоинствах, то во всяком случае о свойствах»¹¹.

Мысль о том, что словарь Пушкина способен дать читателю точное знание о лексиконе, особенностях творчества, мирозерцании поэта, стать ключом к пониманию его произведений, предоставить специалисту материал для изучения истории литера-

⁴ Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. Т. I–III. М., 1907. С. 29–33.

⁵ См. об этом: *Гиндин С.И.* От писательской лексикографии – к текстологии писателя: В.Я. Брюсов и супруги Бальмонты в работе над «пушкинским словарем» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 1. С. 37–50.

⁶ *Водарский В.А.* Материалы для словаря пушкинского прозаического языка // Филологические записки. Воронеж, 1901–1905.

⁷ *Саводник В.Ф.* К вопросу о Пушкинском словаре [Доклад, чит. в заседании Пушкинск. комиссии Моск. о-ва любителей российской словесности] СПб., 1904. (Отдельный отгиск из Известий Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук. 1904. Т. 9. Кн. 1. С. 143–182).

⁸ *Соболевский А.И.* План словаря языка А.С. Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. III. СПб., 1905. С. 109–110.

⁹ *Венгеров С.А.* Предисловие. Программа составления словаря поэтического языка Пушкина // Пушкинист: Историко-литературный сборник / Под ред. проф. С.А. Венгерова. СПб., 1914. С. V–XXIV, 223–232.

¹⁰ См. также: *Плотникова В.А.* Предисловие ко 2-му изданию // Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 2000. С. V–IX; *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011. С. 160–174, 449–458.

¹¹ *Венгеров С.А.* Указ. соч. С. XV–XVI.

турного языка, присутствовала во многих проектах раннего периода, высказывалась языковедами, литературоведами, деятелями культуры. Так, Е.Ф. Будде, говоря о различиях между грамматикой и словарем Пушкина, писал: «Если путем справок в Грамматике мы должны решить вопрос, как изменится то или другое слово у Пушкина, какое управление или согласование известно языку Пушкина, то Словарь его языка даст нам точный ответ на вопрос: есть ли такое-то слово в языке Пушкина, насколько это слово было у него употребительно, является ли оно теперь устарелым или нет. Ясно, что как первый ряд вопросов, так и второй – одинаково необходимы для истории нашего литературного языка»¹².

К идее создания большого пушкинского словаря русская филология вновь обратилась уже в 1930-е гг. Несколько важных событий стали своего рода стадиями его подготовки. В 1933 г. на совещании инициативной группы пушкинистов и лингвистов под председательством М.А. Цявловского предметом обсуждения были план и методы работы по составлению словаря; в совещании приняли участие В.В. Виноградов и Г.О. Винокур¹³. Вскоре после совещания Г.О. Винокур с небольшой группой своих учеников начал составление словарей к отдельным произведениям Пушкина (сам Винокур занимался составлением картотеки по «Евгению Онегину», его ученики – формированием словников по другим текстам Пушкина). Именно к 1933 г. относится начало работы Г.О. Винокура над словарем пушкинского языка.

В 1936 г. В.В. Виноградов опубликовал, в приложении к шеститомному собранию сочинений Пушкина, глоссарий, в котором объяснялись и иллюстрировались редкие, исчезнувшие, изменившие свое значение слова и словосочетания – такие как *абаз*, *агнец*, *айдесский*, *академик в чепце*, *лих*, *личность* (‘личный выпад’), *Лобное место*, *сплин*, *сполох*, *спотыкливый*, *стереотип* и т. п.¹⁴ В конце 1930-х гг. под руководством поэта проф. Г.А. Шенгели был составлен на материале первых трех томов того же шеститомного собрания сочинений Пушкина конкорданс к его стихотворным произведениям; однако эта работа осталась неизданной.

Прочную базу создание пушкинского словаря получило в 1938 г., когда работа над ним началась, под руководством Г.О. Винокура, при Музее А.С. Пушкина Института мировой литературы АН СССР им. А.М. Горького. После окончания Великой Отечественной войны эта работа была продолжена в Институте русского языка (ИРЯ), а затем – в Институте языкознания АН СССР. 8 июня 1945 г. Винокур сделал в ИРЯ доклад «О словаре языка Пушкина», изложив основные принципы составления словаря¹⁵. В начале 1947 г. на совещании в Институте русского языка была рассмотрена Инструкция по составлению словаря и обсуждены пробные словарные статьи.

После кончины Г.О. Винокура в мае 1947 г. руководителем словарной группы стал В.Н. Сидоров, а работу по созданию Словаря возглавил академик В.В. Виноградов, который выступил в качестве ответственного редактора «Проекта Словаря языка Пушкина», опубликованного в 1949 г., и Словаря в целом. О Проекте будет подробнее ска-

¹² Будде Е.Ф. Опыт грамматики языка А.С. Пушкина. Вып. 1. СПб., 1901. С. XI.

¹³ См.: Проект Словаря языка Пушкина. М.; Л., 1949. С. 9; Плотникова В.А. Указ. соч. С. VI.

¹⁴ Виноградов В.В. Глоссарий (к произведениям А.С. Пушкина) // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 6. 4-е изд. М., 1936. С. 555–747.

¹⁵ См. об этом: Ильинская И.С. Словарь языка Пушкина // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. IV. Вып. 5. М., 1945. С. 209–211.

зано ниже, в связи с концепцией СП, здесь, однако, отметим несколько моментов. Проект содержал экскурс в историю лексикографического описания языка русских писателей. Упомянув все ранние словари и попытки создания таких словарей, Г.О. Винокур коснулся и истории реализации идеи пушкинского словаря. Это было важно для того, чтобы показать, во-первых, тот опыт лексикографирования языка Пушкина, который учитывался при работе над новым словарем, и, во-вторых, научную специфику последнего, его основные цели и задачи. Изложенная в Проекте программа была направлена на то, чтобы «создать, – как писал Г.О. Винокур, – действительно исчерпывающий, надлежаще обработанный словарь языка Пушкина большого масштаба»¹⁶, словарь лингвистический, базирующийся на материалах наиболее полного, текстологически надежного академического собрания сочинений и писем Пушкина в 16 томах (1937–1949)¹⁷.

В работе над пушкинским словарем принимали участие филологи, вклад каждого из которых трудно переоценить. Это составители: С.И. Бернштейн, А.Д. Григорьева, Н.Н. Иванова, И.С. Ильинская, И.И. Ковтунова, В.Д. Левин, С.И. Ожегов, И.А. Оссовецкий, Е.Ф. Петрищева, В.А. Плотникова, В.В. Пчёлкина, В.Н. Сидоров, Е.П. Ходакова; редакторы томов: И.С. Ильинская (I том), В.Н. Сидоров (II и III тома) и А.Д. Григорьева (IV том); члены Главной редакции – выдающиеся ученые: академик АН СССР В.В. Виноградов (отв. ред.), член-корреспондент АН СССР С.Г. Бархударов, член-корреспондент АН СССР Д.Д. Благой, профессор Б.В. Томашевский, а также научный консультант профессор С.М. Бонди¹⁸.

Подготовленные тома Словаря выходили в течение пяти лет (1956–1961) в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей: Т. I: А–Ж, 4568 слов (1956); Т. II: З–Н, 5376 слов (1957); Т. III: О–Р, 6663 слова (1959); Т. IV: С–Я, 4683 слова (1961)¹⁹. Всего в Словаре содержится 21 290 слов – это лексемы, встречающиеся в художественных текстах и публицистике Пушкина, в его письмах и деловых бумагах²⁰. О том, какая мощная интеллектуальная работа стояла за каждой строкой словаря, за каждым из описанных в нем слов, писала позднее В.А. Плотникова – например, в статье, посвященной двум редакторам СП – Б.В. Томашевскому и С.М. Бонди²¹.

¹⁶ Винокур Г.О. Словарь языка Пушкина // Проект Словаря языка Пушкина. М.; Л., 1949. С. 9.

¹⁷ Делая акцент на лингвистичности словаря, Г.О. Винокур тем самым отделял его от справочников энциклопедического, комментаторского и т. п. свойства. В 1930-е гг. вышло несколько таких справочников, например: Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931; Томашевский Б. Словарь (к произведениям А.С. Пушкина) // Пушкин А. Сочинения. Л., 1935. С. 928–949; Белоруссов А.Н., Романов С.Г. Античный словарик к произведениям А.С. Пушкина: в помощь читателю. Л., 1937.

¹⁸ Как отмечает В.А. Плотникова, в процессе работы над словарем состав группы пополнялся новыми сотрудниками. В их числе М.Н. Петерсон (I т.), В.Н. Хохлачева (II т.), Н.С. Авилова (III т.), также научно-технические сотрудники Л.И. Ананова (III т.), Л.А. Капанадзе (III и IV т.) (Плотникова В.А. Предисловие ко 2-му изданию // Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000. С. VII).

¹⁹ Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. М., 1956–1961. Количество слов в томах указывается без ссылочных лексем.

²⁰ Напомним, что вскоре после выхода в свет четвертого тома СП была опубликована работа: Материалы к частотному словарю языка Пушкина (проспект). М., 1963.

²¹ Плотникова В.А. Две редакторские версии (из истории работы над «Словарем языка Пушкина») // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 113–126.

Корпус четырехтомного словаря дополняют «Новые материалы к Словарю А.С. Пушкина» (1982), подготовленные небольшой группой составителей (В.В. Пчёлкина, Е.П. Ходакова, редактор В.А. Плотникова) под общей редакцией академика В.В. Виноградова²². Они содержат лексику «других редакций и вариантов» произведений Пушкина, не вошедшую в четырехтомный словарь. По подсчетам Н.Л. Васильева, в «Новых материалах» зафиксировано 1656 новых слов²³. Таким образом, в четырех томах Словаря и в «Новых материалах» представлено в общей сложности 22 946 слов пушкинского лексикона. Как отмечает Н.Л. Васильев, из этого нельзя автоматически делать вывод о том, что именно такое количество слов использовал Пушкин в своей письменной речи: при общей установке на полноту словаря, в выборку для картотеки вошли не все произведения писателя, а некоторые лексические пласты оказались либо не представленными, либо представленными фрагментарно (подробнее об этом см. в разделе, посвященном макроструктуре СП и СК).

В 2000 г. опубликовано второе, дополненное, издание «Словаря языка Пушкина»²⁴. Важными разделами этого издания стали «Дополнения к словарю» и «Приложения», помещенные в конце каждого тома. В «Дополнениях» включены соответствующие алфавиту томов части книги «Новые материалы» – по подсчетам составителей, «всего около 1000 слов, отсутствующих в 1-м издании Словаря»²⁵. Приложения содержат восемь указателей, в том числе алфавитный указатель стихотворений Пушкина.

По справедливому мнению Н.Л. Васильева, второе издание Словаря, «являющееся механической контаминацией с «Новыми материалами...», не решило всех проблем пушкинской лексикографии, хотя и продвинуло ее вперед. В будущем предстоит работа над третьим изданием, где следует в одном ряду с ранее известными лексемами отразить слова, встретившиеся в «других редакциях и вариантах» произведений писателя; учесть новые лексические значения, словоупотребления и контексты»²⁶.

Если первые попытки составления СП имели место еще в последней трети XIX в., то практическая работа по созданию словарной картотеки для будущего СК была начата силами кафедры белорусского языка и лингвистической лаборатории Гомельского государственного университета (ГГУ) имени Ф. Скорины (руководитель словарного проекта – доктор филологических наук, профессор В.В. Аниченко) только в 1975 г. Существенным образом отличаются и даты публикации сравниваемых авторских словарей: а) первое издание СП в четырех томах вышло свет в 1956–1961 гг., второе – в 2000 г.; б) восемь томов (в девяти книгах) СК впервые публиковались на протяжении 1997–2012 гг.

Более раннее (почти на полвека!) издание СП в немалой степени способствовало тому, что составители СК, конечно же, учитывали теоретико-методологические нара-

²² Новые материалы к словарю А.С. Пушкина / Отв. ред. акад. В.В. Виноградов. М., 1982.

²³ Васильев Н.Л. «Словарь языка Пушкина»: 50 лет спустя... // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 23.

²⁴ Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 2000.

²⁵ Словарь языка Пушкина: В 4 т. 2-е изд. Т. 1. М., 2000. С. VIII. Как видно, эти данные расходятся с данными, полученными Н.Л. Васильевым.

²⁶ Васильев Н.Л. «Словарь языка Пушкина»: 50 лет спустя... // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 28.

ботки пушкинской лексикографии в процессе подготовки к печати купаловского лексикона. О влиянии СП на практику белорусской авторской лексикографии С.М. Грабчиков в свое время писал следующее: «Выход в свет “Словаря языка Пушкина” – очень значительное событие не только в истории русской лексикографии и лексикологии. ... Словарь этот ... стал хорошим образцом при составлении такого типа словарей. Он дал, помимо прочего, сильный толчок для развертывания аналогичной работы не только в Академии наук СССР, но и в республиканских академиях наук»²⁷.

Вместе с тем, на концепцию составления СК, его макро- и микроструктурные характеристики определенное влияние оказали и национальные традиции составления авторских словарей, сложившиеся в Белоруссии к моменту издания СК. В пользу вывода о творческом использовании составителями СК принципов как русской (пушкинской) лексикографии, так и собственно белорусской авторской лексикографии можно привести целый ряд выявленных «совпадений» по концепции, макро- и микроструктуре между СП, СК и другими белорусскими авторскими словарями.

Так, первоначально составители СК планировали, что данный словарь будет состоять из трех томов, в которых будет описываться только апеллятивная лексика из произведений Я. Купалы²⁸. (Здесь и далее термин «апеллятив» понимается как любое слово любой части речи, не являющееся именем собственным). Именно в таком формате ранее был опубликован двухтомный «Слоўнік мовы Скарыны» (1977–1984), содержащий апеллятивную лексику скорининских текстов от А до Я. За данный словарь его автор – профессор В.В. Аниченко (будущий инициатор создания СК) – был удостоен в 1988 г. звания лауреата Государственной премии БССР. Как справедливо отметил научный редактор данного словаря академик АН СССР и АН БССР В.И. Борковский, «Слоўнік мовы Скарыны» должен был стать «началом серии лексикографических работ, посвященных сбору и систематизации лексических сокровищ выдающихся представителей белорусской и восточнославянской культуры в целом»²⁹.

В продолжение данной серии авторских словарей в середине 1970-х гг. белорусскими исследователями была начата работа по созданию словарных картотек на материале произведений двух крупнейших народных писателей Белоруссии, основоположников современного белорусского литературного языка – Янки Купалы и Якуба Коласа. При этом первоначально тон в этой работе задавали сотрудники академического Института языкознания АН БССР, работавшие под руководством академика АН БССР Н.В. Бирилло над созданием «Слоўніка мовы Коласа». Именно они первыми опубликовали масштабную подборку словарных статей «Жывое Коласава слова», в которой описывались отдельные апеллятивы из произведений Я. Коласа³⁰. Академическими лингвистами Белоруссии была разработана оригинальная концепция комплексного словаря языка писателя, в котором описанию различных разрядов авторской лексики (апеллятивов, личных имен и топонимов, фразеологизмов) должны быть посвящены отдельные тома.

²⁷ Грабчыкаў С.М. Структура і змест «Слоўніка мовы Дуніна-Марцінкевіча» // Беларускі лінгвістычны зборнік. Мінск, 1966. С. 67.

²⁸ Матэрыялы для слоўніка мовы Янкі Купалы // Беларуская мова. Вып. 10. Мінск, 1982. С. 88.

²⁹ Баркоўскі В.І. Ад рэдактара // Слоўнік мовы Скарыны / Склад. У.В. Анічэнка. Т. 1. Мінск, 1977. С. 3.

³⁰ Жывое Коласава слова // Беларуская лінгвістыка. Вып. 18. Мінск, 1980. С. 3–13.

В 1990 г. из печати вышел первый том (под названием «Анамастычны слоўнік твораў Якуба Коласа») этого комплексного словаря языка писателя. В предисловии к первому тому его редактор (академик АН БССР Н.В. Бирилло) раскрыл общий замысел по созданию комплексного словаря языка Я. Коласа: «“Анамастычны слоўнік твораў Якуба Коласа” вместе со “Слоўнікам мовы твораў Якуба Коласа“ и “Фразеалагічным слоўнікам твораў Якуба Коласа“, которые готовятся к изданию в Институте языкознания АН БССР, входят в единый комплекс работ, посвященных лексикографическому описанию языкового богатства творчества народного поэта Белоруссии»³¹. Далее Н.В. Бирилло детально обосновал необходимость выделения различных разрядов авторской лексики (апеллятивов, личных имен и топонимов) в отдельные тома единого комплексного словаря языка писателя: «Ономастическая лексика и по объему семантической нагрузки и по функциям в лексической системе каждого языка занимает отдельное, можно сказать, периферийное положение. Апеллятивы обладают значением (многие – полисемичны), способны обозначать практически неограниченный ряд однородных понятий (предметов, действий, качеств) и благодаря этому в языке выполняют коммуникативную функцию. Ономастические названия имеют значительно меньшую семантическую нагрузку, ограниченное значение – являются знаком только одного конкретного объекта, называют его изолированно, не соотнося с рядом однородных, и в языке выполняют идентифицирующую функцию – называют объект, выделяют его из ряда однородных.

В связи со сказанным лексикографическая разработка апеллятивов и ономастической лексики требует неодинакового подхода. Так, в словарях апеллятивной лексики основное внимание отдается разработке значений слова, а в ономастических словарях эта часть словарной статьи отсутствует вовсе, зато даются сведения энциклопедического характера, которые не приводятся в обычных словарях. Поэтому было признано целесообразным ономастику выделить и разработать отдельно. В пользу такого решения говорили не только различия в семантическом объеме апеллятивов и ономастической лексики и различия в их лексикографической обработке, но и забота об удобстве словаря для читателя, который к ономастическому словарю будет обращаться не как к справочнику по вопросам языковой практики (как написать слово, что оно обозначает, как изменяется, на каком слог ударение и др.), а с целью более глубокого понимания, осознания идей писателя при чтении и изучении его произведений»³².

Показательно то, что составители иных томов комплексного словаря языка Я. Коласа – «Фразеалагічнага слоўніка твораў Якуба Коласа» (1993), «Тлумачальнага слоўніка адметнай лексікі ў творах Якуба Коласа» (2003), «Слоўніка лексічных варыянтаў у мове твораў Якуба Коласа» (2012) – в основном придерживались принципов раздельного описания апеллятивов, личных имен и топонимов, фразеологизмов, подчеркивая при этом в предисловиях к этим томам исходное положение о том, что взятые вместе эти тома составляют «единый комплекс работ, посвященных лексикографическому описанию языкового богатства творчества народного писателя»³³.

³¹ Прадмова // Анамастычны слоўнік твораў Якуба Коласа / Пад рэд. М.В. Бірылы. Мінск, 1990. С. 3.

³² Там же. С. 3–4.

³³ См., например: Прадмова // Слоўнік лексічных варыянтаў у мове твораў Якуба Коласа. Мінск, 2012. С. 4.

Скорее всего, под влиянием именно академической традиции отдельного описания различных разрядов авторской лексики из произведений Я. Коласа 10 лет спустя после издания второго, завершающего тома «Слоўніка мовы Скарыны» усилиями В.В. Аниченко был создан третий, ономастический, том (1994) данного авторского словаря. Свидетельством того, что подготовка и издание этого тома ранее не планировались, могут служить слова его составителя (В.В. Аниченко) в предисловии ко второму тому о том, что данный том «основан на тех же источниках, что и первый, и является его продолжением и окончанием»³⁴.

Заложенные академическими лингвистами принципы отдельного описания апеллятивов, личных имен и топонимов, фразеологизмов из языка писателя были учтены преподавателями и сотрудниками Гомельского университета им. Ф. Скорины также при составлении многотомного «Слоўніка мовы Янкі Купалы». Об этом свидетельствуют следующие слова из предисловия к первому тому данного словаря: «В 1975 г. началась подготовка и систематизация специальной картотеки купаловского языкотворчества. Одновременно с этим вырабатывались принципы составления словаря, которые не противоречили аналогичным принципам, выработанным для “Слоўніка мовы Коласа”, создание которого осуществлялось Институтом языкознания Национальной академии наук Белоруссии, который носит его имя»³⁵. Так же, как и академические составители «Слоўніка мовы Коласа», гомельские лексикографы начали с публикации пробной подборки словарных статей из текста будущего СК³⁶.

Однако на этом определенный параллелизм в работе двух словарных коллективов (академического и университетского), работающих над составлением словарей языка народных писателей Белоруссии, пожалуй, и заканчивается. Постепенно, шаг за шагом, инициатива в рамках белорусской авторской лексикографии перешла к слаженному коллективу гомельских университетских лексикографов, который в сжатые сроки сумел выполнить и многократно перевыполнить свой первоначальный план. Вместо трех запланированных ранее томов толкового словаря купаловской апеллятивной лексики университетскими лингвистами были изданы в течение 15 лет (1997–2012) восемь томов СК (в девяти книгах). Для сравнения: составителями академического «Слоўніка мовы Коласа» к настоящему времени изданы только отдельные аспектные словари задуманного комплексного словаря языка писателя (ономастический, фразеологический, дифференциальный, словарь лексических вариантов). Что же касается центральной части такого комплексного авторского словаря (полного толкового словаря апеллятивной лексики языка Я. Коласа, реестр которого составляет почти две трети коласовского лексикона), то из этой части опубликована пока лишь наиболее оригинальная («адметная») лексика общим объемом около 1800 реестровых слов. (Термин «реестровое слово» здесь и далее используется в качестве синонима терминов «заглавное слово», «заголовок» словарной статьи).

В основном это индивидуально-авторские неологизмы Я. Коласа, использованные им в своих произведениях диалектизмы, словообразовательные варианты, заимствова-

³⁴ Ад складальніка // Слоўнік мовы Скарыны / Склад. У.В. Анічэнка. Т. 2 / Навук. рэд. В.І. Баркоўскі. Мінск, 1984. С. 3.

³⁵ Прадмова // Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т. Т. 1 (А–Г) / Пад рэд. У.В. Анічэнка. Мінск, 1997. С. 3.

³⁶ Матэрыялы для слоўніка мовы Янкі Купалы // Беларускае мова. Вып. 10. Мінск, 1982. С. 88–109.

ния из польского и русского языков, т. е. та авторская лексика, которая не представлена в нормативных словарях белорусского литературного языка³⁷.

Тот факт, что коллектив гомельских лексикографов намного раньше своих академических коллег завершил работу над составлением полного словаря языка писателя, на наш взгляд, обусловлен тем, что с самого начала работы над созданием СК коллектив его составителей возглавлял такой опытный и высокопрофессиональный лексикограф и историк языка, как В.В. Аниченко. Принципы описания словарного состава языка писателей были сформулированы В.В. Аниченко еще до начала работы над СК, во время составления им «Слоўніка мовы Скарыны»³⁸. Более того, именно словарная обработка скорининских текстов стала тем творческим полигоном, на котором В.В. Аниченко совершенствовал свои лексикографические технологии³⁹. Рецензент первого тома СК В. Ярац считает, что именно работа В.В. Аниченко над составлением «Слоўніка мовы Скарыны» во многом «поспособствовала глубоко осмысленному, результативному подходу и к “прочитанию” купаловского литературного наследия в свете выявления его языковых ресурсов, в системном выделении необычайно щедрых на многочисленные оттенки слов и фраз неповторимого Мастера»⁴⁰.

Кроме того, за несколько десятилетий работы над составлением СК (1975–2012) в Гомеле сформировалась своя лексикографическая школа, в рамках которой получили необходимые теоретические и практические знания в области авторской лексикографии более двух десятков человек (преподаватели и лаборанты кафедры белорусского языка, сотрудники лингвистической лаборатории и даже отдельные студенты-филологи ГГУ). В их числе – В.В. Аниченко, В.А. Бобрик, М.М. Воинов, В.И. Гаркуша, С.А. Заковраш, Н.М. Иванешко, В.А. Киселева, О.А. Лещинская, С.А. Лин, А.Л. Матюшкина, Л.М. Минакова, А.П. Назаренко, А.А. Паруков, В.Н. Рак, З.А. Рудаковская, Г.В. Сериков, В.А. Скачкова, А.А. Станкевич, И.В. Шаройкина, Л.М. Юрченко, Л.Р. Яковлева, В.И. Яцухно и др. Более того, многие представители гомельской лексикографической школы (В.А. Бобрик, О.А. Лещинская, Г.В. Сериков, В.А. Скачкова и др.) защитили докторские и кандидатские диссертации, тематически связанные с изучением языка Я. Купалы⁴¹. И эта лексикографическая школа сегодня успешно развивает словарные традиции, заложенные В.В. Аниченко, о чем убедительно свидетельствуют новые типы авторских словарей, опубликованных гомельскими исследователями уже после завершения в 2002 г. издания центральной части СК (толкового словаря апеллятивной лексики языка Я. Купалы)⁴².

³⁷ Арашонкава Г.У., Чабатар Н.А. Глумачальны слоўнік адметнай лексікі ў творах Якуба Коласа / Навук. рэд. А.І. Падлужны. Мінск, 2003.

³⁸ См., например: *Анічэнка У.В.* Прынцыпы складання слоўнікаў мовы пісьменнікаў // Беларуская мова і літаратура ў ВНУ. Тэзісы дакладаў навук.-метад. канф. Брэст, 1971. С. 182–186.

³⁹ *Шчэрбін В.К.* «Слоўнік мовы Скарыны» – наватарская з’ява ў беларускай лексікаграфіі // Скарына і наш час: Матэрыялы II Міжнарод. навук. канф. У 2 ч. Ч. 2. Гомель, 2002. С. 93–102.

⁴⁰ *Ярац В.* Акцян роднага слова (Слоўнік мовы Янкі Купалы. У васьмі тамах. Т. 1. Мінск, 1997) // Польша. 1998. № 4. С. 301.

⁴¹ См., например: *Бобрык У.А.* Наватворы ў мове Янкі Купалы: Дыс. ... канд. філал. навук. Гомель, 1992. 205 с.; *Ляшчынская В.А.* Мова паэзіі Янкі Купалы: Дыс. ... д-ра філал. навук. Гомель, 2004. 227 с.; *Серыкаў Р.У.* Лексічная стылістыка Янкі Купалы (функцыянаванне сінанімічных лексем рэгулярнага і нерэгулярнага ўжытку): Дыс. ... канд. філал. навук. Гомель, 1998. 119 с.

⁴² См., например: *Ляшчынская В.А.* Матэрыялы да слоўніка метафар паэзіі Янкі Купалы // Ляшчынская В.А. Метафара ў паэзіі Янкі Купалы. Гомель, 2003. С. 81–158; *Ляшчынская В.А., Шведова З.У.* Слоўнік

Совсем иная кадровая динамика наблюдалась в деятельности академического коллектива составителей «Слоўніка мовы Коласа»: после ухода из жизни ведущих специалистов данного коллектива (крупнейшего белорусского ономаста Н.В. Бирилло, одного из ведущих фразеологов Белоруссии А.С. Аксамитова и др.), равноценной замены им не нашлось, и это самым негативным образом отразилось как на сроках завершения работы над составлением «Слоўніка мовы Коласа», так и на качестве отдельных его томов. К примеру, если в первых двух томах (ономастическом и фразеологическом) приводится обязательная для авторских словарей частотная характеристика реестровых слов, то в последующих томах («Тлумачальным слоўніку адметнай лексікі ў творах Якуба Коласа» и «Слоўніку лексічных варыянтаў у мове твораў Якуба Коласа») сведения о частоте использования реестровых единиц в произведениях Я. Коласа уже отсутствуют. Последнее не позволяет выявить столь необходимые для сравнительных исследований ключевые слова коласовского идиостиля.

Суммируя весьма позитивный многолетний опыт работы составителей СК, можно выделить следующие хронологические этапы их завершающей, издательской деятельности:

1) первый этап охватывает 1997–2002 гг., в течение которых были опубликованы первые пять томов СК. Главным результатом этого этапа стало издание толкового словаря апеллятивной лексики из семитомного «Збору твораў» Я. Купалы (1972–1976). Общий издательский объем этого пятитомного словаря составляет 1921 книжную страницу. В свою очередь общий реестр этой центральной части СК, посвященной описанию апеллятивной лексики купаловских произведений, насчитывает 20384 языковые единицы, содержательные и формальные характеристики которых раскрываются при помощи словарных статей трех типов (самостоятельного, отсылочного и сравнительного). Кстати, в пробном выпуске словарных статей коласовских апеллятивов «отличаются два типа словарных статей: самостоятельные и отсылочные»⁴³;

2) второй этап (2003–2011 гг.) объединяет следующие словарные издания: а) шестой том СК (2003), в котором содержится толково-энциклопедический словарь ономастической (антропонимической и топонимической) лексики из семитомного «Збору твораў» Я. Купалы. Издательский объем этой части СК составляет 262 страницы, а реестровый объем – 1497 единиц; б) ряд аспектных авторских словарей, которые созданы на материале словарной картотеки купаловского языкотворчества отдельными лексикографами (О.А. Лещинской, З.В. Шведовой) в инициативном порядке, а потому не включены в состав СК: «Матэрыялы да слоўніка метафар паэзіі Янкі Купалы» (2003), «Слоўнік параўнанняў у мове Янкі Купалы» (2004), «Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы» (2007) и др.;

3) к третьему этапу (с 2012 г. и по настоящее время) относятся следующие словарные издания: а) толковый словарь апеллятивной лексики от А до Я, содержание которого отражает седьмой том СК (2012), целиком первая книга и значительная часть второй книги (с. 3–412) восьмого тома СК (2012). В данном толковом словаре описывается авторская апеллятивная лексика, которая была выбрана составителями СК из

параўнанняў у мове Янкі Купалы. Гомель, 2004; *Ляшчынская В.А., Шведава З.У.* Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы. Гомель, 2007.

⁴³ Жывое Коласава слова // Беларуская лінгвістыка. Вып. 18. Мінск, 1980. С. 4.

тех купаловских литературно-художественных и публицистических произведений на белорусском языке, которые по тем или иным причинам не попали в семитомное собрание сочинений поэта. Общий издательский объем этого нового (дополнительного) толкового словаря апеллятивной лексики Я. Купалы составляет 1532 страницы, а реестровый объем – 9389 языковых единиц; б) толково-энциклопедический словарь ономастической (антропонимической и топонимической) лексики Я. Купалы от А до Я. Данная лексика выбрана составителями СК из тех купаловских литературно-художественных и публицистических произведений на белорусском языке, которые не вошли в семитомное собрание сочинений поэта и были опубликованы лишь совсем недавно. Издательский объем этой части СК насчитывает 72 страницы (с. 413–484 второй книги восьмого тома СК), а реестр этого второго (нового) ономастического словаря языка Я. Купалы включает 550 единиц. Выполнение этого, первоначально не планировавшегося, этапа подготовки СК стало жизненно необходимым по следующей причине: в постсоветский период было издано очень многое из того рукописного наследия Я. Купалы, которое ранее никогда не планировалось к опубликованию.

Таким образом, если чисто механически объединить реестровый материал всех четырех авторских словарей (двух толковых и двух ономастических), которые вошли в состав восьмитомного (в девяти книгах) СК, то его общий реестр, по нашим подсчетам, составит 31 817 языковых единиц. При этом, однако, необходимо учитывать то обстоятельство, что значительное число реестровых единиц повторяется в первом (тт. 1–5) и втором (тт. 7–8) толковых словарях апеллятивов, вошедших в состав СК. Также частично повторяется часть реестровой лексики и в двух ономастических словарях (т. 6 и окончание второй книги т. 8), вошедших в состав СК. Поэтому узнать о точном количестве реестровых единиц в купаловском лексиконе, на наш взгляд, станет возможным только в том случае, если в дополнение к существующим девяти книгам СК будет издана еще и десятая книга – сводный указатель реестровой (апеллятивной и ономастической) лексики СК, который позволит объединить в общем алфавитном порядке реестровые богатства всех четырех авторских словарей, входящих в его состав.

Пока же однозначно можно утверждать только следующее: общий реестровый объем купаловского лексикона существенно превышает цифру в 25 000 лексических единиц. Механизм вычисления этой приблизительной цифры достаточно прост: складываются а) число реестровых единиц первых пяти томов СК (20 384), б) число вокабул шестого тома СК (1497), а также в) число тех реестровых единиц, которые не повторяются и впервые появились лишь в двух дополнительных томах (седьмом и восьмом) СК. В частности, проведенная нами сверка реестров первого тома СК, включающего лексику на буквы А–Г, и седьмого тома СК (лексика на буквы А–І) позволила выявить в седьмом томе 664 новые реестровые единицы, которые отсутствовали в первом томе СК. Если умножить это число на количество основных томов СК (тт. 1–6), то потенциально в двух дополнительных томах СК предполагается выявить путем сверки реестров основных и дополнительных томов СК около четырех тысяч (если быть точным 3984) новых реестровых единиц. В итоге, суммируя цифры 20 384, 1497 и 3984, получаем приблизительную цифру реестрового объема купаловского лексикона (25 865 лексических единиц).

Создание сводного указателя реестровой лексики СК, который позволит объединить реестровые богатства всех восьми томов СК, необходимо не только для определения точного объема купаловского лексикона. Составление такого указателя будет действовать уточнению частотных характеристик тех реестровых единиц, которые повторяются в основных и дополнительных томах СК. К примеру, если судить о частоте употребления в купаловских текстах слова *вучоны* (ученый) по данным первого тома СК (оно имеет в нем индекс частотности, равный 15), то это слово не относится к числу ключевых слов поэта. (Для анализа языка писателя рекомендуется отбирать «слова особого качества. Это должны быть слова, важные для понимания творчества писателя в целом, его мировоззрения, его идеалов, для объяснения целей, которые он считал главными в жизни человека, народа, человечества»⁴⁴). Как показывает практика лингвостатистических исследований, к ключевым словам писателя обычно относятся наиболее часто используемые им слова. Определен и нижний порог частотности таких слов: «Степень достоверности анализа слов с частотой менее 35 резко падает»⁴⁵. В большинстве лексикостатистических исследований к ключевым словам автора относятся используемые им лексемы с частотой 50 и выше).

Однако, если мы заглянем в седьмой том СК, то в нем слово *вучоны* имеет совсем иной индекс частотности, равный 99. В сумме (15 + 99) уточненный на материале данных основного и дополнительного томов СК индекс частотности слова *вучоны* составит цифру 114. А это уже дает нам основания рассматривать указанное слово в качестве одного из ключевых слов поэта, причем позволяет делать это с большим запасом (114 > 50).

Аналогичные примеры можно привести и на материале двух ономастических словарей, входящих в состав СК. Так, если просуммировать индексы частотности онимов *Беларусь* (168 + 107) и *Мінск/Менск* (55 + 53), представленные в шестом томе и второй книге восьмого тома СК, то уточненные индексы частотности этих онимов (275 и 109) существенно превысят тот уровень частотности, который позволяет считать их ключевыми словами поэта. Все сказанное выше дает нам основания утверждать, что историю создания СК нельзя считать законченной до тех пор, пока не будет составлен сводный указатель реестровой лексики всех девяти книг данного словарного комплекса, объединяющего в себе четыре вполне самостоятельных словаря разных типов (двух толковых и двух ономастических). В противном случае будут сохранять свою частичную актуальность высказанные еще в 1972 г. слова поэта Н.С. Гилевича о том, что «до этого времени не составлен, к сожалению, словарь Купалы, и никто не знает, сколько в нем слов»⁴⁶.

⁴⁴ Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2003. С. 16.

⁴⁵ Мухин М.Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов: монография. Екатеринбург, 2010. С. 58.

⁴⁶ Гилевич Н.С. Валадар роднага слова (Заўвагі аб паэтычнай мове твораў Я. Купалы) // Народныя песняры. Да 90-годдзя з дня нараджэння Я. Купалы і Я. Коласа. Зборнік артыкулаў. Мінск, 1972. С. 199.

2. Концептуальные основы СП и СК

Концептуальные основы СП были изложены в «Проекте Словаря языка Пушкина»⁴⁷, опубликованном, после кончины Г.О. Винокура, под редакцией В.В. Виноградова⁴⁸. Это было, по сути, первое издание в области составления словарей русских писателей, выполненное в особом лексикографическом жанре проекта, прямым результатом которого стала публикация не материалов, фрагментов, отдельных выпусков и т. п., а полновесного многотомного словаря.

В предисловии к проекту говорилось: «Предлагаемый проект составлен совместно силами Пушкинской группы Института русского языка АН СССР: проф. Г.О. Винокура, осуществлявшего вместе с тем общее руководство, и кандидатов филологических наук А.Д. Григорьевой, И.С. Ильиной и В.Н. Сидорова, привлеченного к работе над Словарем после смерти проф. Г.О. Винокура. Вводная статья “Словарь языка Пушкина” принадлежит проф. Г.О. Винокуру»⁴⁹. Вводная статья была подготовлена на основе упоминавшегося выше доклада «О словаре языка Пушкина», сделанного Г.О. Винокуром летом 1945 г. в ИРЯ АН СССР. Эта статья Г.О. Винокура, считавшего работу над «Словарем языка Пушкина» главным делом своей жизни, представляет собой единственный образец лексикографического труда ученого по языку писателя. Она содержит характеристику общей цели словаря, его содержания и структуры, схему построения словарной статьи и образцы статей⁵⁰. В качестве приложения давался ряд инструкций: по составлению словоуказателя и его проверке, по выписке контекстов, слиянию частных картотек в общую, а также по составлению словарной статьи. В последней из названных инструкций указывалось, что «словарные статьи располагаются в алфавитном порядке»⁵¹, причем каждая статья излагает материал, относящийся к отдельному слову во всех его формах и значениях, во всех случаях его употребления в текстах Пушкина. Приложения сопровождалось условными обозначениями произведений Пушкина, жанрово-хронологическим порядком произведений поэта и списком сокращений, принятых в словарных статьях.

Принципиально важным в концепции словаря было то, что он задумывался как строго лингвистически ориентированный. «В нашем случае предметом словарной обработки, – писал Винокур, – служит не что иное, как язык Пушкина, в прямом значении этого понятия, т. е. факты русского языка, засвидетельствованные произведениями Пушкина. ... Основная цель Словаря ... – служить пособием по изучению русского языка в его истории»⁵².

Вместе с тем, подчеркивал ученый, к такому словарю будет обращаться и исследователь пушкинского стиля, его индивидуального словоупотребления, независимо от того, с какой целью оно изучается, – чтобы лучше понять художественную манеру Пушкина или решить спорный вопрос о принадлежности поэту того или иного стихотворения, внести исправления в текст, искаженный цензурой, и т. п.

⁴⁷ Проект Словаря языка Пушкина / Отв. ред. академик В.В. Виноградов. М., 1949.

⁴⁸ Напомним, что Г.О. Винокур и В.В. Виноградов были составителями «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, причем Винокур был одним из самых активных авторов этого словаря.

⁴⁹ Проект Словаря языка Пушкина. М., 1949. С. 3.

⁵⁰ Там же. С. 5–27, 28–29, 30–49.

⁵¹ Там же. С. 85.

⁵² Там же. С. 11.

Г.О. Винокур выделил несколько принципов, которые легли в основу работы над словарем. Это: включение в него всего лексического материала из текстов Пушкина («Возможные ограничения, – писал ученый, – допустимы только в отношении самого объема привлекаемых текстов, но не в отношении тех или иных категорий слов»), и в продолжение этой мысли он отмечал: «Для изучения языка Пушкина ... сведения о словах несамостоятельных (предлоги, союзы, частицы) или мало знаменательных (слова местоименные) необходимы не меньше, чем сведения об именах и глаголах, а потому и такие слова непременно должны быть взяты на учет во всех случаях своего употребления»⁵³); отказ от введения в словарь лексики из материалов к «Истории Петра», выписок о «Камчатских делах», разного рода конспектов и заметок, а также черновых редакций и вариантов (эти ограничения, писал Г.О. Винокур, «продиктованы чисто практическими соображениями и в первую очередь имеют своей целью не откладывать завершение дела до очень далеких и неясных сроков»⁵⁴); выбор в качестве источника академического издания сочинений Пушкина⁵⁵ и неукоснительное соблюдение орфографии этого издания.

Характеризуя словарь как «лингвистически препарированный справочник по языку Пушкина», ученый делал несколько важных уточнений: «Словарь регистрирует все случаи употребления каждого отдельного слова на всем протяжении сочинений и переписки Пушкина в установленном объеме их текстов, во всех формах слов, имеющих формы словоизменения, и соответственно классифицирует морфологически свой материал. Тем самым Словарь создает предпосылки для обработки полной грамматики языка Пушкина. С собственно лексической стороны Словарь ставит себе целью подвергнуть свой материал первичному семасиологическому анализу. ... Первичным предполагаемый семасиологический анализ здесь назван в двойном отношении: во-первых, это означает, что он ограничивается рамками русской языковой системы в целом и не ставит себе целью анализ индивидуального пушкинского словоупотребления во всех его стилистических подробностях; во-вторых, это предполагает такую форму семасиологических рубрик, которая не столько стремится к тому, чтобы полно и точно вать значения слов, употребляемых Пушкиным, сколько довольствуется тем, чтобы различить их»⁵⁶.

Специальное указание в проекте касалось цитации в словаре. «Идеальным словарем языка Пушкина был бы такой, в котором первичная морфологическая и семасиологическая обработка лексики сочеталась бы с исчерпывающей полнотой цитации, по типу “симфоний” и “конкорданций”. В лабораторной стадии работ по Словарю, – подчеркивал Г.О. Винокур, – непременно должна быть предусмотрена эта полнота цитации, хотя в окончательном печатном виде Словаря это было бы неосуществимо. Таким образом, необходимо различаются: 1) картотека Словаря и 2) печатное издание Словаря. В последнем предусматривается цитация избранных примеров к разным значениям каждого слова, однако при исчерпывающей полноте ссылок на места, в которых слово

⁵³ Проект Словаря языка Пушкина. М., 1949. С. 14.

⁵⁴ Там же. С. 15.

⁵⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 1–16. М., 1937–1949.

⁵⁶ Проект Словаря языка Пушкина. М., 1949. С. 17–18.

в каждом значении употреблено»⁵⁷. При расположении материала в Словаре предполагалось использовать также подходы жанровый и хронологический.

Таким образом, основные задачи лингвистического СП, по представлению Г.О. Винокура, состояли в том, чтобы служить делу изучения истории русского литературного языка и языка самого Пушкина.

Концепция, изложенная в проекте, нашла прямое отражение в первом томе СП. Корпусу словарных статей в нем предшествовали разделы: «От редакции», «Предисловие», написанное ответственным редактором словаря академиком В.В. Виноградовым, «Содержание и построение словаря», «Условные сокращения». В предисловии В.В. Виноградов заострял вопрос о предназначении СП. Отмечая, что «Словарь языка Пушкина является важным пособием по истории русского национального литературного языка, по истории такого важного структурного элемента языка, каким является лексика», он подчеркивал при этом роль пушкинского лексикона «для понимания структуры современного русского языка», так как последний отличается от пушкинского языка «главным образом лишь в некоторых частях словаря и синтаксиса»⁵⁸. Называлась и другая, не менее важная задача: Словарь должен быть «пособием для изучения словесно-художественного творчества Пушкина»⁵⁹, ключом к правильному пониманию пушкинских текстов.

Как и в рассмотренном проекте, в предисловии акцент делался на том, что Словарь не охватывает всего своеобразия пушкинского стиля. «Это словарь прежде всего языка, а затем – и то не в полной мере – индивидуального стиля Пушкина»⁶⁰. Надо сказать, что сегодня эти слова часто воспринимаются буквально – как свидетельство отсутствия стилистического компонента в Словаре, хотя сам Виноградов указывал в предисловии на «текучесть границы» в поэтическом словоупотреблении между собственно языковыми явлениями и явлениями стилистическими. Поэтому можно вслед за ним повторить (и это подтверждают словарные материалы), что, «определяя переносные значения и оттенки слов, Словарь языка Пушкина тем самым разъясняет и описывает многие стилистические особенности художественного словоупотребления, характеризующие творческий метод Пушкина, его поэтическую манеру, его стиль»⁶¹. Добавим, что стилистическую и эмоционально-экспрессивную окраску слов передают в Словаре отдельные пометы, такие как: *бранн.*, *ирон.*, *народно-поэтич.*, *поэтич.*, *церк.-слав.* и др.

Предисловие В.В. Виноградова содержало и некоторые положения, развивавшие винокуровский проект. Это касалось, например, характеристики значений и употреблений слова, разграничения и классификации их на основе всех применений слова в пушкинском языке, «а не путем наложения той или иной схемы значений этого слова (из существующих русских толковых словарей) на пушкинские примеры»⁶². Принцип пояснения слов соотносительно с современным русским языком определял дифференциальность в разработке значений – в частности, истолкование среди однозначных

⁵⁷ Там же. С. 19.

⁵⁸ Предисловие // Словарь языка Пушкина. Т. I. М., 1956. С. 6.

⁵⁹ Там же. С. 8.

⁶⁰ Там же. С. 10.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 9.

лексем только неупотребительных в современном языке или имевших в пушкинскую эпоху другое значение (например, *аматёр* ‘любитель, дилетант’, *анатомия* ‘анатомирование’). Дифференциальный подход к истолкованию слов как объяснение не всех включенных в словарь единиц определил отличие СП от общеязыковых толковых словарей⁶³ (см. об этом также в разделе, посвященном микроструктуре СП и СК).

Отдельные уточнения были внесены и в раздел, посвященный вопросам содержания и построения СП, в частности состава словника. Эти уточнения свидетельствовали об относительности принципа полноты словаря. Так, отбор и описание в нем только тех имен собственных, которые употреблены нарицательно или переносно, определяло доминирование в СП апеллятивной лексики (о словнике подробнее см. далее).

Давая СП общую типологическую характеристику, В.В. Виноградов отмечал: «Словарь языка Пушкина принадлежит к тому типу словарей, которые акад. Л.В. Щерба называл словарями-справочниками»⁶⁴. В соответствии с принятой и уточненной концепцией СП строился как лингвистический писательский словарь, относительно полный (преимущественно апеллятивный), ограниченный в стилистической характеристике слов, соотносительный с современным русским языком по семантике, а потому дифференциальный в разработке значений. Словарь основывался на единстве принципов описания языка произведений Пушкина разных родов и жанров (иными словами, поэзия и проза Пушкина описывались по общим правилам).

Как уже отмечалось выше, концепция создания СК сформировалась под влиянием двух национальных лексикографических традиций. С одной стороны, в качестве образца при составлении СК рассматривался СП, как наиболее полный лингвистически ориентированный авторский словарь, до настоящего времени являющийся высшим достижением русской писательской лексикографии. С другой стороны, учитывались методологические наработки составителей двух белорусских авторских словарей: трехтомного «Слоўніка мовы Скарыны», составленного В.В. Аниченко, и разнотипных томов «Слоўніка мовы Коласа» (ономастического, фразеологического, дифференциального, словаря лексических вариантов). Именно гармоничное сочетание русской и белорусской лексикографических традиций составления авторских словарей позволило сделать СК достаточно самобытным и неповторимым справочным изданием нового типа.

С одной стороны, при разработке семантики купаловских апеллятивов составители СК стремились максимально учесть все требования, которые предъявлялись в процессе семантизации реестровой лексики в СП. Более того, первый опыт проведения сравнительного анализа СК и СП, реализованный нами в 2013 г. на материале нескольких словарных статей, в которых описывались содержательные характеристики отдельных ключевых слов на букву А из языка Я. Купалы (*агонь, аддаць, адзін, акно, апошні, арол*) и языка А. Пушкина (*август, автор, академия, альманах, ангел, английский, аран, армия*), показал, что среднее количество значений (7,2), выделяемых в СК

⁶³ С таким подходом соглашались и соглашаются многие специалисты (и в группе СП этот подход не оспаривался), хотя до сих пор вокруг проблемы выборочного толкования слов в писательском словаре ведутся споры.

⁶⁴ Предисловие // Словарь языка Пушкина. Т. I. М., 1956. С. 10.

для указанных белорусских слов, превышает среднее количество значений (2,2) русских ключевых слов на А, описываемых в СП⁶⁵.

Ради справедливости следует сказать о том, что в целом реестр СП включает значительно более весомую долю (в процентном отношении) ключевых слов, чем реестр СК. Так, первый том СП в первом его издании имеет полиграфический объем 113 уч.-изд. листов и содержит, как указывалось, 4568 словарных статей. Из этого количества реестровых единиц 371 пушкинское слово употребляется более 50 раз в его произведениях. Таким образом, доля ключевых слов из языка А. Пушкина составляет в первом томе СП около 8% его общего реестра. По полиграфическому объему первому тому СП соответствуют два тома (первый и второй) СК, которые в сумме составляют 106,8 уч.-изд. листа и содержат 8472 словарные статьи. При этом из них только 268 реестровых единиц употребляются в произведениях Я. Купалы более 50 раз и могут получить статус ключевых слов поэта. В итоге доля ключевых слов из языка Я. Купалы в первых двух томах СК составляет около 3% их совокупного реестра.

Кроме того, и средняя частота употребления ключевых слов в языке А. Пушкина является более высокой, чем аналогичная частота использования ключевых слов в языке Я. Купалы. К примеру, если исключить из числа ключевых слов поэтов традиционно высокочастотные слова служебных частей речи, то в первом томе СП наберется более 60 слов знаменательных частей речи с индексом частотности выше, чем 200 (в их числе такие ключевые слова А. Пушкина, как *бедный, берег, благодарить, бог, большой, брат, важный, век, велеть, великий, верный, вечер, взор, взять, вид, видеть, вода, войти, время, всякий, генерал, глаз, говорить, год, голова, голос, гора, город, господин, гость, государь, дверь, двор, дева, делать, дело, день, деньги, деревня, добрый, дом, дорога, дочь, друг, другой, думать* и др.). Для сравнения, в первом и втором томах СК ключевых слов с указанным индексом частотности присутствует в совокупности только 40 единиц (в их числе такие ключевые слова Я. Купалы, как *бацька, бачыць, беларускі, бог, брат, быць, бяда, век, вецер, вёска, вока, воля, выйсці, вялікі, гара, глядзець, глянуць, год, гора, дарога, даць, дзень, дзіця, дзяўчына, добры, доля, другі, думка, душа, ёсць, жыццё, жыць, зара, знаць, зямля, ісці, казаць, кветка, край, кроў*). Между тем, именно при помощи ключевых слов знаменательных частей речи с индексом частотности выше, чем 200, скорее всего, выражаются концепты национальной ментальности.

С другой стороны, при разработке ономастической лексики (антропонимов и топонимов) из произведений Я. Купалы, составители СК опирались на собственно белорусскую традицию описания данного разряда лексем, представленную как в общих словарях онимов⁶⁶, так и в авторских словарях ономастической лексики⁶⁷. На наш взгляд, именно удачное использование возможностей двух лексикографических тради-

⁶⁵ Щербин В.К. Система взаимодействий между авторскими и толковыми словарями как часть лексикографического мейнстрима // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 56–57.

⁶⁶ Бірыла М.В. Беларускае антрапанімія: У 3 т. Мінск, 1966–1982; Рапановіч Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай, Віцебскай, Гомельскай, Гродзенскай, Магілёўскай і Мінскай абласцей: У 6 т. / Рэд. П.П. Шуба. Мінск, 1977–1986.

⁶⁷ Анамастычны слоўнік твораў Якуба Коласа / Пад рэд. М.В. Бірылы. Мінск, 1990; Слоўнік мовы Скарыны: У 3 т. / Склад. У.В. Анічэнка. Т. 3. Анамастыка і тапаніміка. Мінск, 1994.

ций (русской традиции описания апеллятивной лексики в СП и белорусской традиции описания ономастической лексики в словарях онимов общего и авторского типов) позволило составителям СК создать авторский словарь нового типа – словарный комплекс, использующий при семантизации купаловской лексики принципы и приемы как толковой, так и ономастической лексикографии.

3. Мега- и макроструктура СП и СК

Для характеристики структурных особенностей сравниваемых СП и СК целесообразно использование, наряду с понятиями *макроструктура словаря* и *микроструктура словаря*, понятия *мегаструктура словаря*. Имея в виду разницу между словарем и словарным комплексом (состоящим из разножанровых словарей), можно определить мегаструктуру СП таким образом: это единый словарь, в котором по общим принципам описаны все отобранные лексические единицы. Иной является мегаструктура СК, представляющего собой, как отмечалось, авторский словарный комплекс.

Детализация понятия *мегаструктура словаря* предполагает его рассмотрение как рамочной структуры, в которую входят вводный раздел словаря, определяющий его типологические свойства, корпус словарных статей, реализующий концепцию словаря, и приложения, дополнения разного рода⁶⁸. Первое издание СП представлено всеми этими частями. Вводная часть (о ее составе мы говорили выше) характеризует СП как лингвистический, историко-языковой авторский словарь, преимущественно апеллятивный; вся лексика, отобранная из произведений разных родов и жанров, описывается в словаре по общим правилам. Корпус словаря образуют словарные статьи всех четырех томов, в качестве дополнения выступает отдельная брошюра, содержащая указатель произведений Пушкина⁶⁹.

Мегаструктура второго издания СП более сложная. Вводную часть первого тома составляют предисловие ко второму изданию, написанное В.А. Плотниковой, список уже ушедших из жизни составителей СП, разделы, открывавшие первое издание: предисловие, содержание и построение словаря, условные сокращения, и новый раздел – условные обозначения произведений Пушкина. Как было сказано, второе издание СП обогатилось «Дополнениями к словарю» и «Приложениями», которые в каждом томе следуют за корпусом словарных статей. Так, в первом томе «Дополнения» открываются предисловием, предпосланным «Новым материалам к словарю А.С. Пушкина», за которым следуют статьи к словам на буквы А–Ж, извлеченные из «Новых материалов», и список слов, не зарегистрированных в СП. Приложения, состоящие из отдельных таблиц, «представляют собой ключ к тем условным обозначениям, которые приводятся в словаре для указания на места употребления того или иного слова в текстах Пушкина»⁷⁰. Это: условные обозначения произведений Пушкина (приложение 1, повторяющее одноименный раздел, предшествующий словарным статьям), жанрово-хронологический порядок произведений Пушкина (2), указатель стихотворений (3), указатель сцен в «Борисе Годунове» и «Русалке» (4), указатель к «Критике и публицистике»

⁶⁸ См., например: Карпова О.М. Лексикографические портреты словарей современного английского языка. Иваново, 2004.

⁶⁹ В Интернете первое издание «Словаря языка Пушкина» рекламируется как «комплект из 5 книг».

⁷⁰ Словарь языка Пушкина: В 4 т. 2-е изд., доп. Т. I. М., 2000. С. 889.

(5), указатель писем (6), указатель деловых бумаг и *Dubia* (7), а также алфавитный указатель стихотворений (8). Значимость восьмого приложения, специально составленного для второго издания СП, отмечается в предисловии к нему: это приложение содержит «алфавитный перечень всех стихотворений с указанием при каждом из них принятого в словаре шифра. Раскрытие шифра и алфавитный порядок стихотворений дают возможность читателю найти нужное ему стихотворение в любом издании сочинений Пушкина, а не только в 16-томном академическом издании»⁷¹.

Следует сказать, что дополнительные материалы каждого тома усложняют его структуру, увеличивают объем (занимают 100 и более страниц), однако их прагматическая ценность несомненна – они заметно облегчают работу пользователя с материалами словаря.

Перейдем далее к вопросам макроструктуры СП, и прежде всего к объему словника. Уже упоминалось, что при общей установке на полноту словника («Словарь языка Пушкина включает в себя все слова основного текста сочинений Пушкина по Большому академическому изданию»⁷²), авторами были приняты некоторые ограничения. В словаре не отражены слова из «Других редакций и вариантов» (за исключением помещенной в этом разделе неоконченной X главы «Евгения Онегина»), из «Истории Петра» (т. 10, с. 3–291), «Заметок при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова» (т. 10, с. 343–367), из раздела «Наброски и планы поэм» (т. 5, с. 153–159). В словнике не отражается лексический материал стихотворных текстов в письмах Пушкина, если эти тексты совпадают с помещенными в собрании стихотворений выбранного издания. Материал цитат, приводимых Пушкиным в кавычках, также не отражен в словаре.

Ограничения при формировании словника касались и отдельных классов слов. По аналогии с большими словарями общенационального языка СП был нацелен на описание апеллятивной лексики (в этом, возможно, отражалось общее представление об ономастике как лексическом классе, требующем особых приемов словарного описания). Во вводной части словаря отмечалось, что «не помещаются в словаре собственные имена реальных лиц и героев художественных произведений (личные имена, отчества и фамилии), а также географические названия, если только они не употреблены Пушкиным в нарицательном или переносном значении. Отступление в этом отношении сделано для собственных имен античной, библейской и христианской мифологии, играющих в творчестве Пушкина определенную стилистическую роль, а также для условно-поэтических имен (Лида, Лилета и др.)»⁷³. И, действительно, СП отразил всё разнообразие античных, мифологических имен пушкинского лексикона (см., например, такие единицы словника, как *Адонис*, *Алкид*, *Анакреон*, *Антигона*, *Амур*, *Апеллес*, *Аполлон*, *Арион*, *Аристипп*, *Аристогитон*, *Аристотель*, *Афродита*, *Ахилл* и т. д.). Вместе с тем, как уже отмечалось в ряде работ⁷⁴, материал, с которым работали составители СП, оказался сильнее их воли. В словаре встречаются имена отдельных лиц и пер-

⁷¹ Там же. С. VIII.

⁷² Объем словаря // Словарь языка Пушкина. В 4 т. Т. 1. М., 1956. С. 11.

⁷³ Там же.

⁷⁴ *Васильев Н.Л.* Словарь языка Полежаева. Саранск, 2001. С. 4; *Шестакова Л.Л.* Имена собственные в словарях языка писателей // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика: К 50-летию научной деятельности И.И. Ковтуновой. М., 2003. С. 125–128.

сонажей (употребленные в своем основном значении), прозвища, названия некоторых художественных произведений, исторических событий, городских объектов, названия обществ, органов печати, напитков, водных пространств и т. д. Таким образом, важно отметить, что имена собственные, занимающие существенное место в языковой картине мира Пушкина, достаточно частотные в его лексиконе, нашли более полное, чем это предполагали составители (хотя, безусловно, далекое от исчерпывающей полноты) отражение в словаре. И это необходимо помнить, говоря о преимущественно апеллятивном характере СП.

Другой класс единиц, оставшийся за пределами СП, составили слова из иноязычных текстов Пушкина, а также лексемы, приводимые поэтом в иноязычной графике. Это объяснялось тем, что словарь был призван показать отраженный у Пушкина состав русского языка. Иноязычный пласт пушкинского лексикона до сих пор остается почти не описанным лексикографически, хотя составители авторских словарей проявляют интерес к иноязычным вкраплениям в художественных текстах⁷⁵.

Говоря о словнике СП, повторим, что в него вошли все встретившиеся в привлеченных текстах слова (кроме оговоренных выше слов-онимов и слов в чужой графике), – вне зависимости от принадлежности к знаменательным или служебным единицам.

Как и предшествовавшие СП опыты авторских словарей, он строится по алфавитному принципу, причем все слова подаются с сохранением орфографии 16-томного академического собрания сочинений Пушкина. Единицы словника приводятся в исходной форме: у имен и местоимений, не изменяющихся по родам, – это именительный падеж единственного числа, у имен и местоимений, изменяющихся по родам, – именительный падеж единственного числа мужского рода, у глаголов – инфинитив. Если соответствующая исходная форма не засвидетельствована в текстах Пушкина, она восстанавливается по общим грамматическим нормам литературного языка того времени. При возможности восстановления исходной формы в двояком виде «для заголовка избирается тот ее вариант, который свойственен современному литературному употреблению. В том же случае, – подчеркивают составители, – если варианты заглавной формы засвидетельствованы самим текстом Пушкина, в заголовке помещается вариант, более употребительный у Пушкина»⁷⁶. Вариант, не помещенный в собственно заголовке словарной статьи, приводится непосредственно после него в круглых скобках – см., например: **АЛЬБИОН** (Албион), **АЛКОРАН** (алькоран), **ВООРУЖИТЬСЯ** (воружиться), **ГОЛЛАНДСКИЙ** (голандский), **КАМУШЕК** (камышек), **ЯНВАРЬ** (генварь) и т. п. Добавим к этому, что варианты (произносительные, орфографические, морфологические), приводимые после заголовков, в СП помещаются на своих алфавитных местах и образуют отсылочные статьи (об этом см. в разделе, посвященном микроструктуре СП и СК).

Что касается омонимов, то они различаются цифровыми показателями, помещенными с правой стороны вверху слов, например: **КОСА¹**, **КОСА²**; **ДОБРО¹**, **ДОБРО²**, **ДОБРО³**.

⁷⁵ См.: Шестакова Л.Л. О принципах описания иноязычных вкраплений в авторских словарях разных типов // Вопросы лексикографии. 2015. № 2 (8). С. 5–26.

⁷⁶ Словарная статья // Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. I. С. 13.

Нельзя не отметить, что в качестве отдельных единиц словника в СП выступают формы сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий⁷⁷. Это решение кажется небесспорным для некоторых современных исследователей, хотя представление о большей самостоятельности некоторых грамматических форм в художественной речи, по сравнению с общим языком, уже оформилось и реализовано во многих авторских словарях.

Как видно, вопросы, касающиеся объема и организации словника, рассмотрены в СП довольно подробно. Сравнение соответствующего раздела в первом томе словаря с его проектом показывает, что при подготовке тома к изданию некоторые положения формулировались иначе, упрощались или, напротив, детализировались. Например, об иноязычной части языка Пушкина в Проекте, акцентировавшем понятия «русского» и «иноязычного» слова, говорилось следующее: «Состав текстов Пушкина, подлежащих регистрации, определяется составом русских текстов в юбилейном академическом издании сочинений Пушкина. Иноязычные произведения Пушкина и отдельные слова на других языках в русских произведениях Пушкина из обработки исключаются. Понятия “русского” и “иноязычного слова” определяются при этом исключительно графическим признаком: все, написанное русскими буквами, – регистрируется в словоуказателе; все, написанное нерусскими буквами (латинскими, готическими), – не регистрируется»⁷⁸. В первом томе этот фрагмент изложен несколько иначе, сопровождается конкретными примерами слов в иноязычной графике, не вошедших в словарь: «Словарь охватывает отраженный в различных текстах Пушкина словарный состав русского языка. Естественно поэтому, что в него не входят слова иноязычных, например, французских текстов, принадлежащих Пушкину. Не входят в него и те иностранные, главным образом западноевропейские, слова, которые приводятся Пушкиным в иноязычных написаниях (ср. “Сперва *Madame* за ним ходила, Потом *Monsieur* ее сменил”; *EO* I 3.5,6; или: “Как *dandy* лондонской одет –” *EO* I 4.7 и др.)»⁷⁹. Это свидетельствует о глубокой проработанности каждого принятого решения в рамках концепции СП, в том числе по вопросам его макроструктуры.

Поскольку СК является словарным комплексом нового типа, для его полноценной структурной характеристики также необходимо использовать понятие *мегаструктура словаря*, или, точнее, *мегаструктура словарного комплекса*. Последняя объединяет в себе два самостоятельных толковых словаря апеллятивной лексики Я. Купалы и два полноценных словаря онимов (антропонимов и топонимов), извлеченных из произведений писателя, входящих в семитомное собрание его сочинений и в последующие, более полные собрания его произведений. Создание СК в виде словарного комплекса нового типа, с одной стороны, усложняло работу его составителей, с другой стороны – упрощало эту работу, поскольку позволяло отдельным участникам данного словарного проекта специализироваться, т. е. работать в более узких типологических рамках (будь то толковый словарь апеллятивной лексики Я. Купалы или словарь использованных им онимов).

⁷⁷ См., в частности: Там же. С. 12.

⁷⁸ Проект Словаря языка Пушкина. М., 1949. С. 54.

⁷⁹ Объем словаря // Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. I. С. 11.

Тем не менее, входящие в состав СК авторские словари двух типов (толкового и ономастического) очень похожи по своей макроструктуре. В частности, оба толковых словаря апеллятивной лексики языка Я. Купалы (тт. 1–5 и тт. 7–8 СК) имеют следующие макроструктурные характеристики: словарные статьи купаловских апеллятивов подаются в указанных томах СК строго в алфавитном порядке. В частности, распределение словарных статей апеллятивов по томам СК было следующим: в первом томе приводятся словарные статьи апеллятивов на буквы А–Г; во втором томе – апеллятивы на буквы Д–К; в третьем – на буквы Л–П; в четвертом – на буквы П–С; в пятом – на буквы С–Я; в седьмом – на буквы А–Г; в первой книге восьмого тома – на буквы К–Р; во второй книге восьмого тома (с. 3–412) – на буквы С–Я.

Более того, из раздела «Тип и структура Словаря» можно получить следующие дополнительные сведения о макроструктурных характеристиках толковых словарей апеллятивной лексики языка Я. Купалы: «По своим задачам и назначению – это лингвистический словарь особенного типа, основная цель которого – зафиксировать каждое купаловское слово, показать, как часто оно употребляется в текстах, определить по возможности кратко его семантический объем, подать характерные случаи использования лексем и раскрыть их функции в языке Купалы, поместить все формы каждой лексической единицы и проиллюстрировать сказанное типовыми примерами-цитатами из произведений поэта.

Все реестровые слова в Словаре подаются в алфавитном порядке с сохранением орфографии издания купаловских произведений. Каждое изменяемое слово, зафиксированное в реестровой части, приводится в исходной форме: существительные, местоимения именного типа – в именительном падеже единственного числа, количественные числительные – в именительном падеже, прилагательные, причастия, числительные и местоимения прилагательного склонения – в именительном падеже мужского рода, глаголы – в форме инфинитива. Если слово в языке Купалы не отражено в исходной форме, то оно реконструируется в соответствии с грамматическими нормами и орфографией белорусского литературного языка и берется в квадратные скобки.

Кроме полных слов и их вариантов, реестровыми в Словаре являются также имеющиеся в использованных источниках основные и вариантные служебные слова. ...

Не подаются отдельными словарными статьями и поэтому объединяются при основном слове грамматические, фонетические и акцентологические варианты, которые в качестве отсылочных распределяются в алфавитном порядке. Основной, реестровой, обычно считается наиболее распространенная форма слова в языке Купалы: *казаць*, а не *казаці*; *вакол*, а не *вокал*, *вокала*; *княжацкі*, а не *княжnavы*. И только в отдельных случаях заголовочным признается тот дублетный вариант, который в купаловских текстах употребляется реже, чем вариантное соответствие, но соответствует норме белорусского литературного языка: *кафтан*, а не *каптан*; *келіх*, а не *кяліх*.

Омонимы подаются самостоятельными словарными статьями и соответственно обозначаются арабскими цифрами с правой стороны вверху реестровых слов»⁸⁰.

⁸⁰ Тып і структура Слоўніка // Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т. Т. 1 / Рэд. У.В. Анічэнка. Мінск, 1997. С. 6–7.

В свою очередь, входящие в состав СК ономастические словари купаловской лексики имеют следующие макроструктурные характеристики: словарные статьи купаловских онимов подаются в томах СК строго в алфавитном порядке. В частности, распределение словарных статей онимов по томам СК было следующим: в шестом томе приводятся словарные статьи онимов на буквы А–Я; во второй книге восьмого тома (с. 413–484) – онимы на буквы А–Я. Дополнительную информацию о макроструктурных характеристиках купаловских онимов можно получить из аннотации к шестому тому СК: «В шестом томе Словаря зарегистрирована ономастическая лексика из белорусскоязычного и русскоязычного наследия Янки Купалы. Приведена частотность употребления, определены грамматические формы и вид наименования: персонаж, название произведения, историческая личность, географический объект и т. п.»⁸¹.

4. Микроструктура СП и СК

Выражением общей концепции пушкинского словаря является его оригинальная микроструктура. В отдельной словарной статье, включающей «материал, относящийся к слову со всеми его формами и во всем объеме его значений»⁸², содержатся следующие элементы: «1) заголовок, 2) указание на число случаев употребления слова, 3) указание на значение слова (кроме того, после указания на значение слова может быть дана грамматическая помета, если она помогает различить значения слова), 4) указание на число случаев употребления слова в данном значении, 5) примеры, иллюстрирующие значение слова, 6) перечень всех случаев употребления слова у Пушкина»⁸³.

Существенную часть раздела, посвященного словарной статье, составляют комментарии к отдельным ее элементам. Например, акцентируется внимание на том, что заголовок словарной статьи дается без ударения, «даже в том случае, когда стихотворные тексты позволяют установить его место»⁸⁴. При этом, заметим, в комментарии к подаче иллюстративных примеров указывается, что при цитировании стихотворного текста на иллюстрируемом слове ставится ударение, «но только в том случае, если его место может быть определено из размера стихотворения»⁸⁵.

Обратим внимание и на то, что в словарной статье пушкинского словаря не предусмотрена обязательная грамматическая характеристика заголовочного слова (например, указание на род существительного). Однако после определения значения может, при необходимости, даваться грамматическая помета⁸⁶. См., например:

«ВОЛЬНИЦА (1). *Вольнонаемное нерегулярное войско, отряд* [собр.] ...;
ВОЛЬНО¹ [*нареч. к вольный* 1] (6). *В воле кого-н. сделать что-н.* [в знач. сказ. с инф.; кому] ...»⁸⁷.

⁸¹ Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т. Т. 6. Анамастыка / Гал. рэд. В.А. Ляшчынская. Мінск, 2003. С. 264.

⁸² Словарная статья // Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. I. М., 1956. С. 12.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Словарная статья // Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. I. М., 1956. С. 16.

⁸⁶ Там же. С. 16.

⁸⁷ Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. I. М., 1956. С. 344.

Перечень элементов словарной статьи показывает, что среди них нет указания на стилистическую характеристику слова. И это соответствует концепции СП как словаря прежде всего языка автора. Стилистическая информация, как говорилось, в словаре присутствует в определенном объеме и выражена разными средствами (пометами, комментариями разного рода)⁸⁸.

Хорошо известно, что составители СП не считали его толковым «в собственном смысле этого слова»⁸⁹. Вместе с тем зона значений не случайно характеризовалась как «основной раздел словарной статьи» и подробно комментировалась в словаре (подраздел «Показ значений слова»). При основной установке различить отдельные значения, если их в слове более одного, составители выбрали вариант по возможности кратких толкований, которые могли бы, в совокупности с иллюстрациями, дать общее представление о том или ином значении. В связи с принятой установкой предусматривалось и широкое применение толкований в виде ссылок, в том числе перекрестных. Материалы словаря показывают, что сказанное относится в целом и к использованным Пушкиным однозначным словам, имеющим иное значение, специфику в употреблении по сравнению с современными аналогами (выше приводились примеры такого рода, см., например, и статью к слову *рулетка* ‘игрушка – цветной кружок, скользящий вверх и вниз по шнуру’).

Что же касается однозначных слов, совпадающих по семантике с современными, то в разделе «Словарная статья» этот вопрос специально не комментировался – достаточно было упоминания его в предисловии В.В. Виноградова: «...когда слово, зарегистрированное в тексте сочинений Пушкина только с одним, единственным и притом не переносным, а прямым значением, совпадает по своему смыслу с современным его употреблением, словарная статья ограничивается лишь подбором наиболее выразительных иллюстраций из произведений Пушкина и указанием форм этого слова, встречающихся в пушкинском языке»⁹⁰. Таким образом, дифференциальность в разработке значений слов, невозможная в толковом словаре общего языка, стала одним из принципов пушкинского словаря, вошедших в практику авторской лексикографии.

Среди обязательных элементов словарной статьи не выделена фразеологическая зона – она дается при наличии употреблений заголовочного слова в составе разного рода фразеологических сочетаний, после всех значений слова за светлым ромбом (◇). Завершается же словарная статья перечнем словоупотребления, данным в определенном порядке после черного ромба (◆).

В качестве образцов словарных статей, в которых представлены все перечисленные структурные элементы, могут быть названы статьи к словам с частотой употребления более 50, а именно такие слова, как отмечалось, значимы для оценки языка, индивидуального стиля писателя, понимания его мировоззрения, миропонимания. Это, например, статьи **АНГЕЛ** (общая частота употребления 131; выделено 3 значения), **ВЕСЕЛЫЙ** (196; 1 значение, 4 оттенка), **НЕСЧАСТНЫЙ** (166; 2 значения, 3 оттенка), **СУДЬБА** (290; 2 значения, 2 оттенка), **ТРЕПЕТАТЬ** (69; 3 значения, 2 от-

⁸⁸ О стилистической составляющей в СП см. подробнее: *Шестакова Л.Л.* Стилистические пометы в словарях языка писателей // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей. М., 2006. С. 617–627.

⁸⁹ Предисловие // Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. I. М., 1956. С. 10.

⁹⁰ Там же. С. 9.

тенка). Приведем в качестве такого примера статью небольшого объема к слову *быстро*:

«**БЫСТРО** (54). *С большой скоростью. В невинной ясности сердечной Не знал мучений я любви, Но **быстро** день за днем умчался; С₁ 53.153. Слух о самозванце **быстро** распространялся. ИП 17.10. Как **быстро** в поле, вокруг открытом, Подкован вновь, мой конь бежит! С₃ 91.1. Там издал он прокламации, которые **быстро** разлились повсюду – Пс 19.22. || В скором времени. Нам разный путь судьбой назначен строгой; Ступая в жизнь, мы **быстро** разошлись: С₂ 279.78. ♦ **быстро**: С₁ 7.39, 19.275, 53.94, 153, 92.20, 108.18, D 135.51, 61 С₂ 17.4, 51.7 bis, 61.30, 178.18, 216.4, 35, 279.78 С₃ 91.1 КП I 17, II 79 Гв 274 Ц 387 ЕО V 41.7 БГ XIX 3 АП 6.4 СС 103.15 Ро 155.12 Д 201.18, 220.24, 31 КД 292.14, 332.25, 356.1, 375.18, 380.40 Мы 424.31 ПА 453.28, 466.24, 472.35 ИП 17.10, 19.18, 37.25, 40.7, 55.15, 56.11, 57.22, 59.15, 33, 62.7, 67.9 Ж₁ 36.30, 37.31 Ж₂ 43.21, 130.10 Пс 19.22»⁹¹.*

Кроме словарных статей приведенного типа, в СП содержатся отсылочные статьи. «Слова, рассматриваемые в словаре в качестве вариантов соответствующих слов, не получают в нем отражения в виде отдельных статей [т. е. развернутых статей. – Л. Ш.]. Они приводятся на соответствующем месте общего алфавитного порядка с отсылкой к тому заглавному слову, под которым они рассматриваются»⁹². Такие статьи выделяются в корпусе статей своим графическим видом – пишутся строчными буквами, например:

«**возжи** см. **вожжи**»⁹³

«**гаэр** см. **гаер**»⁹⁴

«**гишпанский** см. **испанский**»⁹⁵

«**допущать** см. **допускать**»⁹⁶.

Промежуточное положение между типовыми развернутыми и отсылочными словарными статьями занимают статьи к иноязычным вкраплениям, передаваемым русскими буквами. С одной стороны, заголовки в таких статьях пишутся строчными буквами, с другой – содержание статей составляют толкование, иллюстрации и т. д., т. е. элементы полноценной словарной статьи. См., например:

«**дормир** (1). *Французский глагол dormir – «спать», переданный русскими буквами. – Я не могу, **дормир**, в потемках. – Дефорж не понял его восклицания и пожелал ему доброй ночи. ♦ **дормир**: Д 198.26»⁹⁷.*

С общей ориентацией СП на описание апеллятивной лексики связано то, что в разделе «Словарная статья» не комментируются правила подачи тех групп собственных имен, которые вошли в словарь. Анализ соответствующих статей показывает, что структурно они соответствуют в целом принятой схеме словарной статьи. Только, очевидно, в них дается не определение значения слова, а энциклопедическая справка об

⁹¹ Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. I. М., 1956. С. 199.

⁹² Словарная статья // Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. I. М., 1956. С. 13.

⁹³ Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. I. М., 1956. С. 326.

⁹⁴ Там же. С. 461.

⁹⁵ Там же. С. 474.

⁹⁶ Там же. С. 689.

⁹⁷ Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. I. М., 1956. С. 690.

описываемом имени, обычно дополняемая указанием на его нарицательное употребление. См., например, статью к антропониму *Аристип*:

«**АРИСТИП** (3). *Имя древнегреческого философа 4 в. до н.э., учившего, что счастье заключается в наслаждении, в нариц. употр.* а) *О П. А. Вяземском*: Сатирик и поэт любовный, Наш **Аристип** и Асмодей, Ты не племянник Анны Львовны, Покойной тетюшки моей. С₂ 274.2; б) *О А. Л. Давыдове*: Нельзя, мой толстый **Аристип**: Хоть я люблю твои беседы, Твой милый нрав, твой милый хрип, - - - Но не могу с тобою плыть К брегам полуденной Тавриды. С₂ 210.1; в) *О Никите Всеволодовиче Всеволожском*: Согласится ли **Аристип** Всеволодович? Пс 90.47. ♦ *Ед.И. Аристип*: С₂ 210.1, 274.2 Пс 90.47»⁹⁸.

Таким образом, словарная статья в СП представлена несколькими разновидностями: 1) словарная статья основного типа, примененная к апеллитивам и включенным в словарь именам собственным; 2) словарная статья отсылочного типа для вариантов слов; 3) статья для слов иноязычной речи, переданных в русской графике.

Значительно больше, чем по макроструктуре, отличаются входящие в состав СК авторские словари двух типов (толкового и ономастического) по своей микроструктуре. Так, наиболее сложной структура словарных статей является в толковых словарях апеллиативной лексики Я. Купалы: «В зависимости от оформления и содержания словарные статьи разделяются на самостоятельные, отсылочные и сравнительные.

Самостоятельная словарная статья состоит из следующих элементов: а) реестрового слова; б) указания на количество фиксаций слова в купаловских текстах; в) грамматической характеристики; г) стилевых помет; д) семантического объема слова; е) паспортизированного иллюстрационного материала; ж) названий произведений, в состав которых входит реестровое слово; з) устойчивых сочетаний; и) фразеологизмов; к) существительных-приложений, самостоятельным элементом которых является реестровое слово, и л) перечня форм с указанием количества их употребления в языке Купалы. ...

Каждое реестровое слово сопровождается лексико-грамматической характеристикой, указанием на грамматический род существительного, его собирательность, число (если слово выступает только в форме множественного числа), вид глагола. В остальных случаях после указания частоты употребления слова называется часть речи, причем после прилагательных и наречий отмечаются еще степени сравнения...»⁹⁹.

В качестве образца самостоятельной словарной статьи одного из толковых словарей апеллиативной лексики, входящих в состав СК, приведем текст словарной статьи реестрового слова *хутка* (однословным эквивалентом данного слова в СП является русское наречие *быстро*, словарная статья к которому приведена выше):

«**ХУТКА** (44) *прысл. 1. Прысл. да хуткі ў 1 знач. Ё сыру зямлю прутка Соішку закладай [араты], Каня тугай хутка Гані, паганяй. Араты II 45. Дамоў едуць [Тамаш з Аленай] хутка, Ён штоць шэпча ёй. Нікому V 25. I 61, 148, 378; V 316, 415. // Паспешліва, шпарка. ... Скрытнулі сані ... У вокны марозня Хутка, пакуль там бегчы на двор, Вочы свае Рыгорыха, слёзныя Ёставіла й бачыць: уз'ехаў Рыгор. Зімою V 16. Хутка ідзе [Паўлінка] к ложку, звязвае падушкі і коўдру ў поцілку. Паўлінка VI 233. VI 108; VII 54.*

⁹⁸ Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. I. М., 1956. С. 47.

⁹⁹ Будова слоўнікавага артыкула // Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т. Т. I / Рэд. У.В. Анічэнка. Мінск, 1997. С. 7.

2. *Прысл. да хуткі ў 2 знач. Хутка, да Пакроў, Збожжа [Янка] змалаціў, Янка Канцавы I 109. Проста дзіву даеися, як хутка новы калгасны лад не толькі моцна, назаўсёды ўнядраецца ў жыццё вёскі, але як хутка ён дае свой плён, Сам напаўняешся вялікай радасцю VII 251 (2). III 30; V 178, 191; VI 116; VII 264, 267, 273, 292, 293. // Сніце вы, гора і працы патамкі, Хутка над вамі распалім памінкаў агні! Звязваным II 73. О, край Беларускі, о, край мой прыгожы, Цябе твае выбавяць хутка сыны. Дзевяць асінавых колляў IV 392. I 232, 399; II 121; IV 45, 81, 302, 407; V 165, 234, 283, 324; VI 229; VII 18, 53, 62, 87, 115, 390, 478»¹⁰⁰.*

Относительно использования в СК отсылочных статей его составители пишут следующее: «В Словаре широко применяется система отсылочных статей. Они не являются самостоятельными словарными статьями, поскольку с основными реестровыми словами объединяются общностью значений и только отличаются в своих формах. Этим и обусловлено широкое использование в Словаре системы отсылок от вариантной к основной форме. Отсылочная словарная статья слагается из заголовочного слова, отсылки *гл.* (смотри) с указанием слова, к которому адресуется отсылка. Составители Словаря руководствовались двумя типами отсылок:

а) вариантыные формы (грамматические, фонетические и акцентологические) одного и того же слова отсылаются к основной словоформе:

КАСЦІ *гл.* **КАСЦЬ.**

ДЗЕРАВА *гл.* **ДРЭВА.**

ДЗЯЎЧЫНАЧКА *гл.* **ДЗЯЎЧЫНАНЬКА;**

б) супплетивные падежные формы местоимений единственного и множественного числа отсылаются к соответствующим исходным формам:

ІХ *гл.* **ЯНЫ.**

КАГО *гл.* **ХТО.**

ЦЯБЕ *гл.* **ТЫ.**

ЯГО *гл.* **ЁН**»¹⁰¹.

Наконец, структурные особенности сравнительных словарных статей СК его составители описывают следующим образом: «Сравнительная словарная статья отличается от самостоятельной только отсылкой *параўн.* (сравни) к дублетному варианту. Это объясняется тем, что многие вариантыные словообразовательные и лексические единицы употребляются в языке Купалы в тождественных значениях. В таких случаях реестровые слова оформляются самостоятельными словарными статьями, но в основных вариантах семантический объём раскрывается и иллюстрируется типовыми примерами по установленному образцу, а в сравнительных он не повторяется, а раскрывается отсылкой к слову с тождественным значением *Тое, што...*, после которой подаются примеры-цитаты. К примеру, после определения значения лексемы *жаваранак* и её фонетического варианта *жаўранак* ‘небольшая певчая птица’ в конце семантической разработки слова приводится отсылка *Параўн. жаваронак, жаваронка, жаўрук, значения которых комментируется ссылкой Тое, што жаваранак*»¹⁰².

¹⁰⁰ Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т. Т. 5 / Гал. рэд. В.А. Ляшчынская. Мінск, 2002. С. 269.

¹⁰¹ Адсылачныя артыкулы // Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т. Т. 1 / Рэд. У.В. Анічэнка. Мінск, 1997. С. 11.

¹⁰² Будова слоўнікавага артыкула // Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т. Т. 1 / Рэд. У.В. Анічэнка. Мінск, 1997. С. 7.

Более простую микроструктуру имеют словарные статьи в ономастических словарях, входящих в состав СК. В качестве примеров приведем самостоятельную и отсылочную словарные статьи из купаловского ономастикона, представленного в шестом томе СК. Так, реестровое слово *Алімп* описывается в самостоятельной словарной статье СК следующим образом:

«[АЛІМП] м. *Міф.* У грэкаў – свяшчэнная гара, дзе жылі багі на чале з Зеўсам. [Гермес]: *Дайшоў твой голас, о ясная Псіха, Аж да Алімна і літасцяй сэрцы Багоў напоўніў*, Эрос і Псіха VII 78. Р. *Алімна*: VII 78»¹⁰³.

Еще более простую структуру имеет отсылочная словарная статья онима *Аляксандр*:

«АЛЯКСАНДР гл. ПУШКІН»¹⁰⁴.

Показательным является тот факт, что столь же упрощенную микроструктуру имеют словарные статьи онимов и в созданном на материале творчества А.С. Пушкина словаре поэтонимов: «Энциклопедическая информация об имени размещается непосредственно после заголовка. Поскольку “Материалы [к “Словарю поэтонимов в творчестве А.С. Пушкина (Роман “Евгений Онегин”)]. – Л. Ш., В. Щ.” ... не предназначены для энциклопедии, а представляют собой особый тип словаря поэтонимов, постольку в этой части словарной статьи нет ни исчерпывающего определения, ни полной энциклопедической справки об имени, а приводятся лишь краткие сведения, предназначенные для идентификации обозначенного именем денотата и той части сведений о названном объекте, которые существенны для данного поэтонима и так или иначе актуализированы в пушкинском тексте. Чем более известен денотат, тем короче энциклопедическая справка. Чем больше трудностей для современного читателя вызывает идентификация объекта, тем более полной является справка»^{105, 106}.

5. СП и СК как предмет лексикографической критики

Издание томов СП сопровождалось публикацией рецензий – объемных, обстоятельных и коротких, содержащих преимущественно отдельные наблюдения над представленными в словаре языковыми фактами¹⁰⁷. Прежде всего рецензенты подчеркива-

¹⁰³ Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т. Т. 6. Анамастыка / Гал. рэд. В.А. Ляшчынская. Мінск, 2003. С. 9.

¹⁰⁴ Там же. С. 10.

¹⁰⁵ *Калинкин В.М.* Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А.С. Пушкина). Донецк, 1999. С. 88–89.

¹⁰⁶ Ср. и издания: *Обухова Е.С.* Ономастика лицейской лирики А.С. Пушкина: Словарь. Воронеж, 2005; *она же.* Ономастика творчества А.С. Пушкина петербургского периода (1817–1820): Словарь. Воронеж, 2009, в которых словарная статья «носит исследовательский характер, поэтому ее объем не ограничивается ни строго определенным количеством цитат, ни объемом информации при комментарии. Помимо собственно этимологических сведений в словаре даются тропы, связанные с ономастическими единицами, а также возможны обширные исторические справки» (*Обухова Е.С.* Принципы составления Словаря ономастических единиц творчества А.С. Пушкина: Дис. ... канд. филол. наук / Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2009. С. 7).

¹⁰⁷ См., к примеру: *Гельгардт Р.Р.* О словаре языка Пушкина // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. XVI. Вып. 4. М., 1957. С. 369–377; *Сорокин Ю.С.* Словарь языка Пушкина в четырех томах. Т. I // Вопросы языкознания. 1957. № 5. С. 130–136; *Аишук Н.С.* Словарь языка Пушкина. Т. II (З–Н) // Вопросы языкознания. 1958. № 4. С. 136–137.

ли несомненную культурную и общественную значимость издания СП, его важность для развития общей и писательской лексикографии. «Выход в свет первого тома “Словаря языка Пушкина”, – писал Ю.С. Сорокин, – большое событие в нашей культурной жизни. Мы до сих пор испытываем недостаток в различных словарях – толковых и исторических. Особенно остро ощущался недостаток словарей языка писателей. “Словарь языка Пушкина” – естественное начало в этой отрасли нашей лексикографии»¹⁰⁸. Отмечая специфику словаря языка писателя как словаря-справочника, дающего в первую очередь материал для дальнейшего углубленного изучения языка писателя, стиля его произведений, рецензенты отмечали разумность многих методических решений в описании пушкинского лексикона¹⁰⁹, ценность данных СП для изучения лексической системы русского литературного языка первой трети XIX в.

Важно отметить, что рецензии были лишены комплиментарности, носили конструктивный характер. Их авторы разбирали недостатки словаря – такие как непоследовательность в применении отдельных приемов описания лексики, лаконизм толкований в одних случаях и избыточность в других, излишняя регламентация понимания художественного слова, ошибочность некоторых трактовок. По мнению рецензентов, не вполне оправданы в СП ограниченность в выборе и описании собственных имен и отказ от иноязычного материала¹¹⁰.

Многие суждения теоретического и практического свойства, высказанные авторами откликов на СП, до сих пор не утратили своей актуальности: «Не нужно думать, – писал, в частности, Р.Р. Гельгардт, – что с публикацией всех четырех томов пушкинского словаря лексикографическая работа над произведениями Пушкина будет завершена. Хотелось бы надеяться на ее продолжение. В первую очередь можно было бы пожелать составление частных словарей, посвященных тем или иным средствам поэтического языка писателя, например, сравнениям, тропам и др.»¹¹¹. Выход в свет СП стал импульсом к интенсификации работы по лексикографированию языка произведений Пушкина, и к настоящему моменту именно пушкинские словари образуют самое большое семейство словарей в русской авторской лексикографии¹¹².

Необходимо отметить и другие научные следствия издания «Словаря языка Пушкина» – например, развертывание, на основе материалов словаря, дальнейшей исследовательской работы по языку Пушкина и его эпохи; выбор модели словарного описания, реализованной в СП, в качестве ориентира для разработки словарей языка других

¹⁰⁸ Сорокин Ю.С. Указ. соч. С. 130.

¹⁰⁹ Ср., например, оценку дифференциального подхода к описанию значений слов в СП: «Действительно, нет никакой нужды в таком словаре во всех случаях давать толкования многих общеизвестных слов. Словарь языка писателя неизбежно является словарем дифференциальным. ... Нам кажется, что в таком словаре нужна даже особая осторожность, чтобы путем излишних и недостаточно еще обоснованных толкований не помешать правильному пониманию словоупотребления Пушкина, чтобы не навязать читателю слишком прямолинейного и одностороннего толкования слова, употребленного Пушкиным» (Сорокин Ю.С. Указ. соч. С. 132–133).

¹¹⁰ См., например: Гельгардт Р.Р. О словаре языка Пушкина // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. XVI. Вып. 4. М., 1957. С. 372–373; Сорокин Ю.С. Словарь языка Пушкина в четырех томах. Т. I // Вопросы языкознания. 1957. № 5. С. 130.

¹¹¹ Гельгардт Р.Р. Указ. соч. С. 378.

¹¹² Подробнее см., например: Шестакова Л.Л. Семейства словарей в писательской лексикографии // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: Материалы Всерос. науч. конф. (СПб., 11–13 ноября 2009 г.). СПб., 2010. С. 309–313.

авторов¹¹³. В плане же развития русской авторской лексикографии важно подчеркнуть, что черты самостоятельного направления в словарной науке она обрела именно с выходом в свет «Словаря языка Пушкина».

Не лишним будет добавить, что работа по выявлению неточностей, противоречий в отборе и описании лексем в СП, начатая рецензентами, продолжается современными исследователями. Наблюдения, представленные, например, Н.Л. Васильевым в «Словаре языка А.И. Полежаева»¹¹⁴, не могут теперь не учитываться применительно к пушкинской лексикографии и авторской лексикографии в целом.

Столь значимое событие в жизни белорусского общества, каким является издание полного словаря языка народного поэта Янки Купалы, получило свое полноценное отражение и в сфере белорусской лексикографической критики. Своевременно были опубликованы словарные рецензии как на отдельные тома СК¹¹⁵, так и на весь многотомный словарный комплекс в целом¹¹⁶. Ради справедливости следует сказать и о том, что научные и литературно-критические статьи о лексических и иных особенностях языка Я. Купалы в целом и его отдельных произведений в частности публиковались задолго до выхода в свет первых томов СК¹¹⁷. Тем не менее, издание СК дало мощный импульс как проведению новых исследований языковых особенностей купаловских произведений¹¹⁸, так и более углубленному изучению проблем представления этих особенностей в словарях разных типов¹¹⁹. Как рецензенты СК, так и исследователи

¹¹³ См., например, такие издания разных лет, как: Словник мови Шевченка: В 2 т. / Під ред. В.С. Ващенко. Київ, 1964; *Грибоедов А.С.* Горе от ума: Комедия в четырех действиях в стихах / А.С. Грибоедов. Словарь языка комедии «Горе от ума» / Л.М. Баш, Н.С. Зацепина, Л.А. Илюшина, Р.С. Кимягрова. М., 2007.

¹¹⁴ *Васильев Н.Л.* Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск, 2001. С. 3–7.

¹¹⁵ См., например: *Ярац В.* Акіян роднага слова (Слоўнік мовы Янкі Купалы. У васьмі тамах. Т. 1. Мінск, 1997) // Польшыя. 1998. № 4. С. 300–305.

¹¹⁶ См., например: *Анічэнка У.В.* Янка Купала – наш гонар і нацыянальная слава // Роднае слова. 1999. № 7. С. 49–52; *Шчэрбін В.К.* Новая вяршыня беларускай пісьменніцкай лексікаграфіі (Рэц. на: Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т., 9 кн. Мін., Гомель, 1997–2012) // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2014. № 1. С. 213–218.

¹¹⁷ См., например: *Глебка П.* Аб мове Янкі Купалы // Літаратура і мастацтва. 1946. 10 жніўня (№ 27); *Ванковіч Л.А.* Некаторыя назіранні над слоўнікам купалаўскай “Жалейкі” // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук. 1964. № 1. С. 103–112; *Гілевіч Н.С.* Валадар роднага слова (Заўвагі аб паэтычнай мове твораў Я. Купалы) // Народныя песняры. Да 90-годдзя з дня нараджэння Я. Купалы і Я. Коласа. Зб. арт. Мінск, 1972. С. 197–209; *Бобрык У.* Індывідуальныя купалаўскія словаўтварэнні // Беларуская мова. 1981. Вып. 9. С. 38–47; Купалава і Коласава слова: Зборнік артыкулаў. Мінск, 1981; *Шахун Л.М.* Роля Янкі Купалы ў развіцці беларускай літаратурнай мовы // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук. 1982. № 3. С. 27–33; *Каўрус А.А.* Купала Янка // Беларуская мова: Энцыклапедыя. Мінск, 1994. С. 280–84 і др.

¹¹⁸ См., например: *Назаранка А.П.* Гістарызмы ў мове твораў Купалы // Беларуская мова: Міжвед. зб. Вып. 24. Гомель, 1999. С. 114–123; *Пераяслава С.І.* Лексічныя запазычаныя з рускай мовы ў моватворчасці Купалы // Беларуская мова: Міжвед. зб. Вып. 24. Гомель, 1999. С. 185–194; *Рычкова Л.* Поўнатэкставыя базы дадзеных на матэрыяле драматургічных твораў Янкі Купалы // Беларуская лінгвістыка. 2001. Вып. 51. С. 3–9; *Ляшчынская В.А.* Слова ў паэзіі Янкі Купалы. Мінск, 2004; *Ляшчынская В.А.* Фразеалагічныя адзінкі ў мове Янкі Купалы. Мінск, 2008 і др.

¹¹⁹ См., например: *Рагойша В.* Ад публіцыстыкі да тэорыі літаратуры: літаратурны словаспіс Янкі Купалы // Янка Купала – публіцыст: III Міжнар. Купалаўскія чытанні (20-21 кастрычніка 1997 г., Мінск). Мінск, 1998. С. 56–61; *Шчэрбін В.К.* Коласаўская і купалаўская лексікаграфія // Мова – літаратура – культура: Матэрыялы III Міжнар. навук. канф. (27–28 верасня 2002 г.). Т. 2. Мінск, 2002. С. 167–173; *Ляшчынская В.А.* Беларуская і руская паэтычная лексікаграфія: Здабыткі і перспектывы // Руска-беларускае літа-

проблем белорусской авторской лексикографии во многом разделяют следующие выводы: а) результатом подготовки и издания исследователями из ГГУ им. Ф. Скорины девяти книг СК стал очевидным для всех факт, что «именно гомельская лингвистическая школа определяет сегодня высший уровень белорусской писательской лексикографии»¹²⁰; б) выход в свет многотомного СК создал необходимую теоретическую и фактологическую базу для дальнейшего развития поэтической лексикографии Белоруссии: «как продолжение СК в поэтической лексикографии Купалы ведется работа над составлением словарей тропов в его творчестве – эпитетов, метафор, перифраз, сравнений»¹²¹.

6. Заключение

Проведение сравнительного анализа двух наиболее полных авторских словарей России и Белоруссии – «Словаря языка Пушкина» и «Слоўніка мовы Янкі Купалы» – позволило выявить как существенную близость русской и белорусской лексикографических традиций, в рамках которых создавались эти словари, так и отдельные формальные и содержательные отличия между непосредственными объектами сравнения (СП и СК). В частности, помимо существенных хронологических отличий (СП был опубликован почти на столетия раньше, чем СК), сравниваемые словари имеют определенные отличия на уровне своей мега-, макро- и микроструктуры.

Так, на мегауровне эти отличия обусловлены следующими установками составителей СП и СК: 1) СП является единым «унитарным» словарем авторского типа, в которой составителями сознательно не включались собственные имена реальных лиц и героев художественных произведений, а также географические названия, если они не употреблены Пушкиным в нарицательном или переносном значении; 2) СК представляет собой словарный комплекс нового типа, т. е. систему авторских словарей, включающую в свой состав два толковых и два ономастических словаря, которые отражают в совокупности всю без исключения лексику купаловских произведений¹²².

ратурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучасны стан, перспектывы: Матэрыялы Міжнар. навук. канф. (18–19 снежня 2003 г.). У 2. ч. Ч. 1. Брэст, 2004. С. 135–140; *Ляшчынская В.А.* Да праекта “Слоўніка вобразных сродкаў паэзіі Янкі Купалы” // Сучасныя праблемы беларускай лексікалогіі і лексікаграфіі: Матэрыялы міжнар. навук. канф. Мінск, 2006. С. 203–207; *Рагойша В.* Янка Купала – лексікограф // Роднае слова. 2012. № 6. С. 21–25 і др.

¹²⁰ *Шчэрбін В.К.* Новая вяршыня беларускай пісьменніцкай лексікаграфіі (Рэц. на: Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т., 9 кн. Мн.; Гомель, 1997–2012) // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2014. № 1. С. 218.

¹²¹ *Ляшчынская В.А.* Да праблем паэтычнай лексікаграфіі (на матэрыяле паэзіі Янкі Купалы) // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium: Сборник научных трудов по лексикографии. Гродно, 2002. С. 205.

¹²² Иными словами, составители СК придерживались в своей работе принципа, сформулированного автором белорусского «Слоўніка мовы Дуніна-Марцінкевіча» С.М. Грабчиковым: «...все без исключения слова писателя получают свое отражение в словаре. Необходимо отметить, что “Словарь языка Пушкина” этого принципа не придерживается. Он не включает собственных имен, если они не употребляются в общем или переносном значении. И в то же время подает собственные имена “античной, библейской и христианской мифологии”, если они несут “определенную стилистическую роль”. Однако и здесь встречаются отступления: в словаре зафиксировано, например, слово *Автомедон* (имя возницы *Ахилла* в “Илиаде”), но пропущено слово *Гомер* (*Омир*), которое также употребляется Пушкиным не только в прямом значении» (*Грабчыкаў С.М.* Структура і змест «Слоўніка мовы Дуніна-Марцінкевіча» // Беларускі лінгвістычны зборнік. Мінск, 1966. С. 69).

На макроуровне, соотносимом со всем корпусом словарных статей как реализующим концепцию конкретного словаря, отличия между СП и СК носят типологический характер. Мы отмечали, что составители квалифицировали СП как лингвистически ориентированный, но при этом не рассматривали его «как толковый словарь в собственном смысле этого слова» (словарь «включает в себя элементы и признаки дифференциального, т. е. сопоставительного, словаря»¹²³). На наш взгляд, данной установкой обусловлено то, что такой показатель, как среднее количество значений, выявляемых составителями СП для ключевых слов в языке А. Пушкина, не превышает величину в 2,2 значения. Тем не менее, «в толковых словарях русского языка средние значения этого показателя намного ниже: СД (1,2 знач.), ТСУ (1,8 знач.), МАС (2 знач.) и БАС (2,1 знач.). Очевидным является также влияние “Словаря языка Пушкина” на улучшение средних значений обоих показателей (объем словарной статьи и количество выделяемых значений) у толковых словарей русского языка, опубликованных после издания “Словаря языка Пушкина” (МАС и БАС)»¹²⁴.

Принципиально иной видели типологическую характеристику полного словаря языка писателя составители СК: «Купаловский словарь – это справочник широкого филологического профиля, предназначенный для осмысления не только творческих достижений Купалы, но и вообще белорусской культуры. В нем зафиксирован ценный лингвистический и литературоведческий материал, дана исчерпывающая характеристика слов из литературно-художественных произведений на белорусском языке. Изучение языка Купалы имеет исключительно важное значение для осознания его роли в истории развития белорусского литературного языка, поскольку помогает определить, какие лексико-семантические и структурные компоненты купаловского слова стали приобретением современного белорусского литературного языка и что изменилось в его словаре за минувший период»¹²⁵. Именно благодаря указанному выше типологическому видению составителей СК данный авторский словарь является более «толковым», чем пятитомный (в 6 кн.) «Глумачальны слоўнік беларускай мовы» (далее ТСБМ): «Так, в СК средний объем словарной статьи для таких ключевых слов из произведений Янки Купалы, как *Агонь*, *Алдаць*, *Адзін*, *Акно*, *Апошні*, *Арол*, составляет 102 строки, а в академическом ТСБМ аналогичный показатель этих же реестровых единиц равен 81 строке. В свою очередь, среднее количество значений в обследованных словарных статьях СК составляет цифру в 7,2, а в академическом ТСБМ этот показатель равен 5,8»¹²⁶.

Наконец, на уровне микроструктуры отличия между СП и СК являются незначительными. Поскольку составители СК использовали СП в качестве образца при работе над своим словарем, структура стандартной словарной статьи СК содержит набор па-

¹²³ Предисловие // Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. 1. М., 1956. С. 10.

¹²⁴ Щербин В.К. Система взаимодействий между авторскими и толковыми словарями как часть лексикографического мейнстрима // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 56 (В цитате СД – Словарь Даля, ТСУ – Толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова).

¹²⁵ Прадмова // Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т. Т. 1 (А–Г) / Пад рэд. У.В. Анічэнкі. Мінск, 1997. С. 3–4.

¹²⁶ Щербин В.К. Система взаимодействий между авторскими и толковыми словарями как часть лексикографического мейнстрима // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 56.

раметров, во многом аналогичный набору параметров, представленному в стандартной словарной статье СП (см. выше). Некоторые различия сводятся, в частности, к тому, что в СК дается только общее число употреблений слова, а в СП также число употреблений слова в конкретном значении; в СК после заголовочного слова дается его грамматическая характеристика, в СП как обязательный элемент она не предусмотрена; расхождения наблюдаются и в подаче стилистической информации о слове.

Однако есть и одно принципиальное отличие: в структуре словарных статей многих купаловских существительных представлен дополнительный раздел, который отделяется от идущего перед ним основного текста светлым треугольником (Δ). В данном разделе приводятся и иллюстрируются примерами из купаловских текстов «существительные-приложения, самостоятельным элементом которых является реестровое слово»¹²⁷. Приведем пример такого раздела из словарной статьи заголовочного слова *дзяўчынка*:

«Δ *Дзяўчынка-галубка*: Будзь шчасліва, дзяўчынка-галубка!.. Не крыўдую на горадасць тваю, – На адвітанне I 203. *Дзяўчынка-душа*: Звалася Аленай Дзяўчынка-душа, Ну... і пакахала Шчыра Тамаша. Нікому V 22. *Дзяўчынка-нябожа*: Прыстройся, дзяўчынка-нябожа, Так, як у дзянёчак святы, Галоўку ўчаішы ты прыгожа, – Сягоння прыедуць сваты. Сватаная I 345. *Дзяўчынка-сонца*: I кроў маладая Ў жыслах закіпіць, I дзяўчынку-сонца Хацеў бы туліць. З гора ды з бяды II 285. *Ненаглядачка-дзяўчынка* гл. ненаглядачка»¹²⁸.

Введение в структуру многих словарных статей СК данного нового (по сравнению с СП) раздела обусловлено наличием в идиостиле Я. Купалы одной яркой отличительной особенности (частое использование в качестве эпитетов существительных-приложений), на которую указывали в своих работах многие исследователи творчества белорусского поэта (И.Э. Богданович, Н.В. Гаврош, Н.И. Гилевич, А.А. Каврус, Н.Г. Пригодич и др.). К примеру, Н.В. Гаврош считает, что «отличительная особенность поэзии Купалы – частое употребление эпитетов-приложений. В поэзии художника они – образец точности, уместности, ёмкости образного слова. Вот они: *вяселле-разгул, гуслі-баі, песня-дума, гусляр-старына, пацеха-забава, гуслі-самаграі, зоры-сведкі, маладосць-краса, хорам-астрог, сцены-цэгля, княжа-ўладар* и др.»¹²⁹. По мнению Н.Г. Пригодича, эта отличительная особенность идиостиля Я. Купалы имеет народно-песенную основу: «Отличие поэтического стиля Я. Купалы – умелое использование народно-песенных композитов и образование новых слов в соответствии с законами и нормами белорусской грамматики: ... *месяц-лежабока, на жалейцы-дабрадзейцы, пояс-саматкан, музыка-дубаграй, гуслі-самагуды*»^{130, 131}.

¹²⁷ Будова слоўнікавага артыкула // Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т. Т. 1 (А–Г) / Пад рэд. У.В. Анічэнкі. Мінск, 1997. С. 7.

¹²⁸ Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т. Т. 2 (Д–К) / Рэд. У.В. Анічэнка. Мінск, 1999. С. 55.

¹²⁹ *Гаўрош Н.* Эпітэт у Купалавым радку // Купалава і Коласава слова: Зб. арт. / Пад рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1981. С. 59.

¹³⁰ *Прыгодзіч М.Р.* Складаныя словы як элемент паэтыкі Я. Купалы // Творчая спадчына Я. Купалы і Я. Коласа і развіццё славянскіх моў і літаратур. Рэсп. навуц. канф.: Тэз. дакл. Мінск, 1982. С. 177.

¹³¹ Весь спектр поэтических функций, которые выполняют в стихотворениях Я. Купалы эпитеты-приложения, описывает литературовед И.Э. Богданович (см.: *Багдановіч І.Э.* Янка Купала і рамантызм. Мінск, 1989. С. 141).

И все же главные отличия между СП и СК, на наш взгляд, заложены не в мега-, макро- и микроструктурных характеристиках данных словарей, а скрыты в особенностях языковой картины мира, которая весьма по-разному отражалась в произведениях А. Пушкина и Я. Купалы. В частности, если языковой сверхзадачей А. Пушкина было гармоническое соединение церковнославянской стихии со стихией народной русской речи, переплавка этих двух стихий в своих произведениях в единый литературный язык, то языковой сверхзадачей Я. Купалы было совсем иное: формирование на базе народнодиалектного языка нового литературного языка, в том числе и путем заполнения имеющихся лексических лакун (особенно в области абстрактной, книжно-отвлеченной лексики) своими индивидуально-авторскими неологизмами¹³². Именно особенностями используемых А. Пушкиным и Я. Купалой подходов к отражению современной им языковой картины мира в своих произведениях, на наш взгляд, объясняется количественное различие в общих реестрах СП и СК, которые насчитывают, соответственно, 21 290 реестровых единиц в первом издании СП (вместе с «Новыми материалами» 22 946) и около 26 000 заголовочных слов в СК. При том, что общий издательский объем первого издания СП (539,45 уч.-изд. л.) почти на 20% больше аналогичного объема СК (412,83 уч.-изд. л.).

В частности, о своем основополагающем принципе языкотворчества А. Пушкин сказал прямо: «...разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона»¹³³. На практике это означало многократное и многоцелевое использование А. Пушкиным достаточно стабильного базового набора слов со всеми их смысловыми оттенками и коннотациями. Об аналогичном принципе купаловского языкотворчества можно судить по статистическим подсчетам исследователей его творчества. К примеру, по наблюдениям Л.А. Ванковича, словарь купаловского сборника «Жалейка» «состоит из 5000 полнозначных слов (40 000 словоупотреблений). Подавляющее большинство из них песнярь использовал по одному разу, а 80% – не свыше трех раз (или по разу в год)»¹³⁴.

О более стабильном характере пушкинского лексикона и широкой вариативности купаловского словаря косвенно свидетельствуют и отмечавшиеся выше отличия в частоте использования поэтами ключевых слов своего языка. В первом томе СП удельный вес таких ключевых слов составляет около 8%, а в первых двух томах СК – только около 3%. Сравнение приводившихся выше весьма неполных списков ключевых слов А. Пушкина и Я. Купалы показывает как наличие общих лексем-понятий в этих списках (*бог, брат, век, год, глаз/вока, день/дзень, деревня/вёска, душа* и др.), так и наличие существенных отличий между ними (это такие ключевые слова этикетного характера в лексиконе А. Пушкина, как *генерал, господин, государь* и т. п., и по-настоящему народные слова *бацька, беларускі, бяда, гора, доля, зямля, кроў* в языке Я. Купалы). Именно более концептуальным характером пушкинского лексикона (большим количе-

¹³² Неологизмов, по подсчетам Н.С. Гилевича, в произведениях Я. Купалы многие сотни (*Гілевіч Н.С. Валадар роднага слова (Заўвагі аб паэтычнай мове твораў Я. Купалы) // Народныя песняры. Да 90-годдзя з дня нараджэння Я. Купалы і Я. Коласа. Зб. арт. Мінск, 1972. С. 207.*)

¹³³ Высказывания А.С. Пушкина // Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.). Л., 1954. С. 74.

¹³⁴ *Ванковіч Л.А. Некаторыя назіранні над слоўнікам купалаўскай «Жалейкі» // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук. 1964. № 1. С. 103.*

ством ключевых слов в его составе и более частым их использованием) объясняется, на наш взгляд, больший издательский объем четырех томов первого издания СП (по сравнению с общим издательским объемом СК), поскольку словарная статья ключевого слова по своему объему, как правило, на порядок превышает объем словарной статьи обычного реестрового слова в СП и СК.

А. ЯРОШОВА

Братислава, Словакия

Словацкая двуязычная лексикография в методологическом контексте: на примере словацко- русских и русско-словацких словарей*

Смысловую асимметрию двух эквивалентных разноязычных слов можно визуализировать, если мы сравним их словарные статьи в однотомных толковых словарях¹ (для большей наглядности мы показываем только первые значения лексем, причем без устойчивых словосочетаний):

záhrada obrábaný, obyč. ohradený pozemok vysadený úžitkovými či okrasnými rastlinami: kvetinová, zeleninová záhrada; ovocná záhrada sad; záhrada pred domom;

ОГОРОД 1. Участок земли, обычно вблизи дома, для выращивания овощей.

САД 1. Участок земли для выращивания садовых растений (цветов, фруктовых деревьев и кустарников)... Выделить землю под сады и огороды. Купить домик с садом. Посадить сад. Сады цветут. Фруктовый сад. Вишнёвый сад.

Расчленение семантического пространства двух разных языков не идентично. Главной задачей любой модели эквивалентности – справиться с этим явлением, которое Л. Згуста называет анизоморфизмом (разноструктурностью) языков². Полная эквивалентность на уровне отдельного значения (изосемия) редкое явление. Таким случаем можно считать словацкое слово *mydlo* и его русский эквивалент *мыло*, или русское слово *карп* и словацкое слово *kapor*. Очень часто сравниваемые лексические единицы находятся в отношении частичной эквивалентности, напр. словацкий дистрибутивный глагол *ponastrihovať* и русский глагол *надрезать*, так как *ponastrihovať* означает «надрезать постепенно многое или в нескольких местах».

Самый распространенный образ эквивалентности на уровне значения слова это 1: 2, 1: 3, 1: 4. **záhrada:** *огород, сад; záhradníctvo:* *овощеводство, садоводство, цветоч-*

* Статья выполнена в рамках проекта VEGA № 2/0015/14 *Slovník súčasného slovenského jazyka – 5. etapa (Koncipovanie a redigovanie slovníkových hesiel a s tým spojený lexikologicko-lexikografický výskum)*.

¹ Kačala J., Pisárčiková M. (Red). *Krátky slovník slovenského jazyka*. Bratislava, 1987; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

² Zgusta L. et al. *Manual of Lexicography*. Praha, 1971. P. 26, 295.

водство. Мы говорим о полиэквивалентности. Это значит, что для передачи однозначного (моносемичного) слова или одного из значений полисемичного слова исходного языка нужно привести ряд когипонимов целевого языка (несколько семантически соотносимых эквивалентов с более узким, более специфическим значением; для этих эквивалентов слово исходного языка является гиперонимом). Например, упоминаемое словацкое слово *záhrada* не имеет русского эквивалента, который был бы на том же уровне обобщения. Зато русский язык располагает двумя более специализированными названиями: *огород* и *сад*. Словацкое слово *záhradníctvo* покрывает своим общим значением три более специализированных значения русских слов *овощеводство*, *садоводство* и *цветоводство* взятых в совокупности. И наоборот: русское слово *вязать* имеет два более специфических словацких эквивалента *háčkovat'* «вязать крючком» и *pliest'* «вязать спицами». Разница между этими двумя деятельностью выявляется в русском языке благодаря контексту. Все это известные проблемы, и они решаются с помощью обоснованной лексиколого-лексикографической теории.

Основной проблемой этой теории является определение типов эквивалентов. Теоретики в области лексикографии обычно работают с **логической типологией эквивалентов**, которую выражает триада **полный – частичный – нулевой эквивалент**. Эта концепция отражает определенный аспект эквивалентности, она работает на самом поверхностном слое проблематики взаимных отношений лексических единиц двух языков.

Братиславская лексикографическая группа, которая сформировалась в конце 40-х годов под руководством А.С. Исаченко, исходила из концепции, разработанной Л.В. Щербой для «Русско-французского словаря» (1950). Сформулировав разницу между активным (от родного к иностранному языку) и пассивным (от иностранного языка к родному) типом словаря³, для активного словаря Л.В. Щерба определил принцип, согласно которому эквивалент **не** должен быть **объяснением** значения исходного слова, но **«реальным переводом**, который в соответственной грамматической форме годился бы в правильную французскую фразу, являющуюся переводом конкретной русской фразы (мы всегда исходили из фраз, а не из слов)»⁴. При заглавном слове не надо приводить ряд эквивалентов-синонимов, а по возможности наиболее общий эквивалент, подходящий для как можно большего количества контекстов. Если все-таки необходимо привести несколько эквивалентов, то надо показать способ их применения, их контекстуальные и ситуативные ограничения. Для пассивного словаря Л.В. Щерба сформулировал принцип, согласно которому передача значения исходного слова должна иметь описательный характер – перевод толкования, как оно дается в одноязычном словаре данного иностранного языка. А.С. Исаченко с помощью студентов-русистов выпустил в 1950 г. первый том «Словацко-русского переводного словаря» – «Slovensko-ruský prekladový slovník».

В 1951 г. тот же коллектив начал работу над пятитомным «Большим русско-словацким словарем» – «Veľký rusko-slovenský slovník» (1960–1970) – под редакцией Л. Дюровича и Д. Коллара. Хотя, по типологии Л.В. Щербы, мы имеем тут дело с **пассив-**

³ Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. С. 79–117.

⁴ Щерба Л.В. Предисловие ко второму изданию // Л.В. Щерба, М.И. Матусевич. Русско-французский словарь. 3-е изд. М., 1950. С. 7.

НЫМ ТИПОМ словаря для словаков, коллектив авторов решил использовать в этом пассивном словаре модифицированный вариант концепции **активного словаря**, т.е. переводной эквивалент и членение словарной статьи на смысловые абзацы в соответствии с тем, сколько исходное слово имеет несинонимичных эквивалентов. Этот смысловой абзац Л. Дюрович назвал⁵ на Братиславской лексикографической конференции в 1952 году **переводным значением**, вполне осознавая тот факт, что членение на переводные значения зачастую не отражает структуру значений исходной единицы. Участники упомянутой конференции оживленно обсуждали принцип членения словарной статьи на значения и проблему **описательного и переводного эквивалента**. Братиславская группа тогда сформулировала свою позицию посредством доклада О. Маликовой⁶ и выступления Л. Дюровича, которые четко заявили, что словарную статью надо членить в зависимости от количества эквивалентов, а не в зависимости от структуры значений исходного слова. Слово *rog* будет иметь **два переводных значения** в соответствии с двумя словацкими переводными эквивалентами: *oleni roga* надо переводить словацким словом *parohu* и *roga byka* – *rohu*, несмотря на то что в русском толковом словаре это слово представлено как моносемичное. Понятие переводного эквивалента братиславские лексикографы разрабатывали и уточняли в ходе работы над «Большим русско-словацким словарем». Некоторые специалисты задумывались над уровнем абстракции эквивалентов, приводимых для передачи одного исходного значения. Эту проблематику обозначил уже Л.В. Щерба, когда он говорил, что в словаре сначала приводится эквивалент, который пригоден для как можно большего количества реальных контекстов и после него помещаются с соответствующими пояснениями переводы, которые могут быть употреблены лишь в некоторых особых случаях⁷. Л. Згуста смотрел на этот вопрос с точки зрения двойного статуса слова: слово как элемент системы и слово как составная часть текста⁸. В результате типология эквивалентов может быть обогащена новой оппозицией **системный (прототипический) эквивалент** и **контекстуальный (функциональный) эквивалент**, обеспечивающий гладкий перевод исходного слова в определенных контекстах. Системным эквивалентом для словацкого *dvojnásobok* является русское сочетание *двойное количество*; контекстуальным эквивалентом может быть прилагательное *двойной*, но его нельзя приводить вне конкретных словосочетаний, как например: *dvojnásobok platu* – *двойная зарплата*. Системным и переводным эквивалентом словацкого экспрессивного слова *šniprák* является слово *нос*. Чтобы мы в процессе установления эквивалентности компенсировали отсутствие экспрессивности в слове *нос*, мы добавляем ее на уровне целого предложения или устойчивого словосочетания: слк. *rozbit' si šniprák* – рус. *расквасить нос*; слк. *dat' niekomu po šnipraku* – рус. *дать по соплям кому-либо*.

⁵ *Ďurovič L. Z diskusie // Lexikografický zborník. Materiály z I. celoštátnej konferencie československých lexikografov. Bratislava 1952 / Red. Š. Peciar. Bratislava, 1953. S. 127–128.*

⁶ *Malíková M.O. K problému ekvivalentu v dvojazyčnom slovníku. // Lexikografický zborník. Materiály z I. celoštátnej konferencie československých lexikografov. Bratislava 1952 / Red. Š. Peciar. Bratislava, 1953. S. 119–125.*

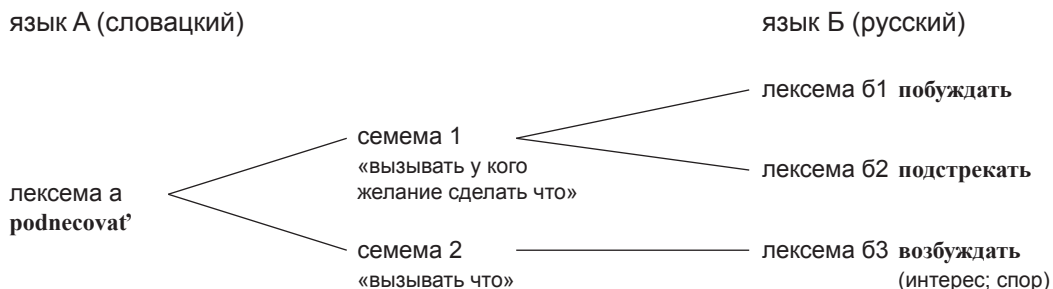
⁷ *Щерба Л.В. Предисловие ко второму изданию. С. 3.*

⁸ *Zgusta L. Translational Equivalence in a Bilingual Dictionary: Bahukosyam // Dictionaries. Journal of the Dictionary Society of North America. Vol. 9. 1987. P. 30.*

Последний, пятый, том «Большого русско-словацкого словаря» вышел в 1970 г. («Veľký rusko-slovenský slovník», 1960–1970). В 1976 г. началась подготовительная работа над шеститомным «Большим словацко-русским словарем» («Veľký slovensko-ruský slovník», 1979–1995). Естественно, что такая огромная лексикографическая работа стимулировала развитие не только теории двуязычной лексикографии, но и сопоставительной лексикологии.

Э. Секанинова на рубеже 60-х и 70-х годов сформулировала **типологию эквивалентности**⁹, как начало разработки **сопоставительной модели лексического значения**. На основе своего большого практического опыта составления двуязычных словарей она вычленила несколько типов симметрической и асимметрической эквивалентности. Так как размышления об этой модели были стимулированы работой над двуязычным словарем, **то естественно, что точкой отправления анализа была форма слова**. Многие типологии учитывали факт формальной близости сопоставляемых единиц¹⁰. Главное внимание уделялось способам передачи структуры многозначного слова. Известно, что единицы исходного и целевого языка могут совпадать полностью или частично по набору своих значений.

Формально-семантическое соотношение эквивалентных единиц можно, конечно, показать графически. Графическое изображение имеет форму топологических, пространственных схем. Мы проиллюстрируем это на примере словацкого глагола *podnecovať*, который в однотомном толковом словаре словацкого языка («Krátky slovník slovenského jazyka»; см. сноску № 1) представлен как лексема с двумя значениями (семемами)¹¹:

⁹ Секанинова Э. Лексическое значение в двуязычном плане русско-словацком // *Slavica Slovaca*. 1968. № 2. С. 69–77; Секанинова Э. Význam lexikálnej jednotky z konfrontačného aspektu // *Slovo a slovník / Red. J. Ružička, I. Poldauf*. Bratislava, 1973. S. 113–120.

¹⁰ Секанинова Э. Prekladové ekvivalenty v dvojazyčnej lexikografii // *Československá rusistika*, 1981. № 3. S. 107–111; Секанинова Э., Куčerová Э. Stavba hesla vo Veľkom slovensko-ruskom slovníku // *Veľký slovensko-ruský slovník II*. Bratislava, 1982. S. 9–20.; Роголь М. Лингводидактическая интерпретация сопоставительного описания словацкой и русской лексики // *Серия русистики 2*. Nitra, 1983; Секанинова Э., Куčerová Э. Slovensko-ruský slovník ako konfrontácia slovenskej a ruskej lexiky // *Obsah a forma v slovnej zásobe / Red. J. Kačala*. Bratislava, 1984. S. 213–226.

¹¹ **podnecovať**

1. dávať podnet, popud, vyvolať: *p. povstanie*

2. povzbudzovať, zapalovať za niečo: *p. študentov do súťaže; p. ľud do vzbury; dok. podnietiť*

Этот глагол находится – в соответствии с гнездовым принципом разработки – в статье соотносимого глагола совершенного вида **podnietiť**. Для целей настоящей статьи смысловая структура **podnecovať** представлена на основе аналогии со смысловой структурой парного глагола **podnietiť**.

Д. Коллар посвятил несколько статей **разработке понятия переводного значения**¹². Он высказал на эту тему ряд очень тонких наблюдений, которые иллюстрировал на примере разработки сложных словарных статей.

Семасиологический характер сопоставительных исследований постепенно переходил в **ономасиологический**, так как внимание русистов сосредоточивалось в области **сопоставления лексико-грамматических и лексико-семантических групп**.

Сравнение лексико-семантических групп ставило вопрос о **базе сравнения** данных подсистем словарного запаса. Исследователей интересовало, какие категориальные или более конкретные значения релевантны в русско-словацком сопоставительном плане.

В этом смысле очень интересной группой оказались **дистрибутивные глаголы**¹³. Они есть и в том и в другом языках (например, *poženiť sa* – *пережениться*, *rovuchádzať* – *новыходить*), но в словацком, в отличие от русского, можно почти от каждого (чаще всего приставочного) глагола образовать с помощью приставки *po-* дистрибутивный дериват. Стилистически они почти нейтральны, с легким оттенком разговорности, которая в случае русского дистрибутива ощутима, пожалуй, более интенсивно. Лексикографическая разработка этой большой группы глаголов показала необходимость задуматься над типовыми способами передачи дистрибутивного значения при наличии недистрибутивного русского эквивалента.

Предметом интереса были тоже очень популярные лексико-семантические группы, типа: глаголы движения¹⁴, глаголы ощущения¹⁵, глаголы зрительного восприятия¹⁶ и т. п. Тут широко использовался метод компонентного анализа лексического материала. В установленных группах и подгруппах наблюдалось густое лексическое покрытие определенного понятийного пространства в одном из языков и лексические лакуны в другом.

Например, группа глаголов, описывающих движение сверху вниз воздухом (падение с определенной высоты на «землю» или изменение вертикального положения на горизонтальное), охватывает в словацком следующие глаголы: *spadnúť*, *zletieť*, *rachnúť*, *skydnúť sa*, *tresnúť*, *plesnúť*, *pl'asnúť*, *capnúť*, *žblknúť*, *rozpl'aštiť sa*, *rozčapiť sa*, *natiahnúť*

¹² Коллар Д. К проблеме сопоставительного анализа русского и словацкого языков // Československá rusistika. 1973a. № 3. S. 98–104; Kollár D. Prekladový význam – jeho podstata a problémy // Slovo a slovník / Red. J. Ružička, I. Poldauf. Bratislava, 1973b. S. 121–130; Kollár D. Špecifikum systémového opisu lexiky v konfrontačnom pláne // Československá rusistika. 1974. № 2. S. 74–80.

¹³ Sekaninová E. Distributívnosť ako spôsob slovesného deja (štruktúrno-sémantická analýza predponových slovies v slovenčine a ruštine) // Štúdie z porovnávacej gramatiky a lexicológie / Red. Š. Peciar. Bratislava, 1974. S. 58–91; Jarošová A. Ruské ekvivalenty slovenských distributívnych slovies // Obsah a forma v slovnej zásobe. / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. S. 244–247.

¹⁴ Sekaninová E. Sémantika a intencia prefigovaných pohybových slovies // Československá rusistika. 1973b. S. 104–109; eadem. Z konfrontácie jednotiek čiastkového systému slovenskej a ruskej lexiky // Československá slavistika 1988 / Red. J. Petr. Praha, 1988. S. 89–98; Dolník J., Benkovičová J., Jarošová A. Porovnávací opis lexikálnej zásoby. Bratislava, 1993. S. 47–48.

¹⁵ Sekaninová E. Z konfrontácie sémantického poľa slovies pocitu v ruštine a slovenčine // Slavia, 1983. № 1. S. 1–6; eadem. Metóda modelovania a komponentovej analýzy v sémantike (s aplikáciou na verba sentiendi) // Jazykovedný časopis. 1984. №2. S. 134–145.

¹⁶ Grigorjanová T. Lexikálno-sémantická analýza slovies *vidieť* v slovenčine a *videt'* v ruštine (z kontextuálneho aspektu) // VARIA I. Materiály z prvého kolokvia mladých jazykovedcov / Red. M. Nábělková, M. Šimková. Bratislava, 1992. S. 48–53.

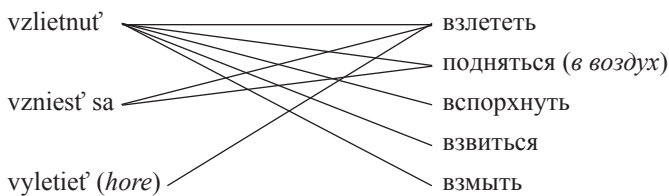
sa. Все эти глаголы, кроме первого, имеют экспрессивную окраску и принадлежат разговорной сфере. Последние три описывают исключительно движение человека. Для остальных этот семантический признак иррелевантен. Целый ряд этих лексем содержит в своем значении семантический признак определенного звука.

В русском языке система глаголов «падения» насчитывает намного больше единиц, чем в словацком. Можно вычленить подгруппу глаголов, описывающих, преимущественно, падение с большой высоты, например: *слететь, полететь, сорваться, свернуться, ухнуть, ухнутья, загреметь*. Далее можно вычленить подгруппу с семой «звук»: *бултыхнуть, бултыхнуться, бухнуть, бухнуться, грохнуть, грохнутья, трахнутья, шлепнуться, плюхнуться, грянуть(ся)*. Существует ряд единиц (как и все предшествующие, разговорных или просторечных), в значении которых содержится намек на то, что падение (зачастую сопровождаемое шумом) причиняет его носителю ушиб: *брякнуться, хлопнуться, хрястнуться, шваркнуться, шмякнуться, ляпнуться*. Некоторые лексемы характеризуют способ падения (*кувыркнуться, скувыркнуться*) или способ приземления (*растянуться, простереться*).

Количество анализируемых группировок различного рода росло и появились попытки дать **обобщающую схему этих частных систем**¹⁷. В семасиологическом направлении углублялась **разработка понятия эквивалента**¹⁸ и **межязыковой омонимии и паронимии**¹⁹.

Чтобы отграничить терминологию сравнительной лексикологии от терминологии одноязычной лексикологии, мы стали называть сопоставляемые группы слов, вычленяемые в двух языках на основе определенного понятийного признака, **межязыковой ономасиологической парадигмой**²⁰. Такая парадигма может получить разные формы графического представления.

Одной из них является двунаправленное противопоставление обеих группировок с показом соотносительности отдельных значений (в группировках выступают не многозначные лексемы в комплексе своих значений, а только отдельные релевантные семемы, вычлененные на основе одноязычного анализа):

¹⁷ Jarošová A. Čiastkové systémy slovnej zásoby z konfrontačného aspektu (2) // Slavica Slovaca. 1991. № 1. S. 12–25; Sekaninová E. Dvojazyčná lexikografia v teórii a praxi. Bratislava, 1993. 251 s.; Григорянова Т., Киселева Н. Проблемы перевода юридических и экономических текстов с лексикографической точки зрения // НГадание еквивалентности IV. / Red. J. Sipko. Prešov, 2009. S. 650–663.

¹⁸ Jarošová A. Lexikálna jednotka z konfrontačného hľadiska // Československá rusistika. 1990. № 4. S. 197–205.

¹⁹ Grigorjanová T. K otázke medzijazykových homoným a paroným v slovanských jazykoch : (na materiáli rusko-česko-slovenského počítačového slovníka) // В поисках эквивалентности III. / Red. J. Sipko. Prešov, 2007. S. 573–581; Grigorjanová T. Medzijazyková homonymia v slovanských jazykoch z pohľadu lexikografie // Българската и словашката лексикография в обединена Европа / Red. M. Košková, M. Čoroleeva. Bratislava, 2009. S. 102–106.

²⁰ Dolník J., Benkovičová J., Jarošová A. Porovnávací opis lexikálnej zásoby. Bratislava, 1993. S. 60.

Соотношение отдельных семем получает более четкий вид, когда мы в качестве исходной единицы выбираем некоторую семему одного из языков. Пример схемы, показывающей такую однонаправленную соотносительность, приводим внизу:

{*vzlietnuť* : взлететь, подняться (в воздух), вспорхнуть, взвиться, взмыть}

Ю. Долник называет подобные конструкции **межъязыковой десигнативной единицей**²¹.

Анализ соответствующих переводов контекстуально обусловленной исходной единицы, с последующим членением ее семантического пространства на переводные значения, позволяет представить картину эквивалентности в более структурированном виде:

vzlietnuť 1. (o vtákoch, mechanizmoch ap.) взлететь, подняться в воздух: *lietadlo sa odlepilo od zeme a vzlietlo* – самолет оторвался от земли и поднялся в воздух; *vrana vzlietla na konár* – ворона взлетела и села на ветку; **2.** (o vtákoch, hmyze) взлететь, вспорхнуть... **3.** (prudko) взвиться, взмыть: *jastrab prudko vzlietol k nebu* – ястреб взвился в небо.

Эти структуры указывают на факт, что модель значения и, соответственно, сопоставительная модель лексического значения зиждутся на убеждении, что значение определяется местом единицы в микросистеме. Это происходит в рамках структуралистической научной парадигмы. Такая модель игнорирует большое количество информации связанной с культурой, системами ценностей, знаниями, верованиями, коннотациями, символами и т. п.

Благодаря прагматическо-коммуникативному повороту в лингвистике семидесятых годов, становилась все более доминантной модель значения продвинутая в область теории познания и принявшая во внимание **теорию прототипа** разработанную в когнитивной психологии. Ч. Дж. Филлмор²² противопоставил списочным семантическим теориям такие теории, которые допускают построение описательного прототипа для значения слова и учитывают отклонение реальных словоупотреблений от заданного прототипа. Такая модель основана на убеждении, что в ходе становления значения нужно брать в расчет комплекс знаний о ситуации, которую данное слово именуется и обозначает. В другом ракурсе: значение слова определяется ситуацией, в которой данное слово появилось. Лучше всего можно когнитивно понимаемое значение анализировать через реальный процесс речевой деятельности. Модель позволяет брать во внимание знания о культурном фоне слов и одновременно поведение слов в коммуникативных ситуациях. Ю. Долник задал себе вопрос, может ли **прототипная семантика** быть полезной **в межъязыковом лексическом сопоставлении**²³. Специальные исследования смогут дать ответ на следующие вопросы: до какой степени прототипы сопоставляемых единиц совпадают, существуют ли универсальные прототипы, чем обусловлена прототипичность определенных экземпляров? Автор формулирует пред-

²¹ Ibid.

²² Fillmore CH. J. Topics in Lexical Semantics // Current Issues in Linguistic Theory / Ed. R. W. Cole. Bloomington, 1977. S. 76–138; id. On the Organization of Semantic Information in the Lexicon // Papers from the Parasession on the Lexicon. Chicago, 1978. P. 148–173.

²³ Dolník J., Benkovičová J., Jarošová A. Porovnávací opis lexikálnej zásoby. Bratislava, 1993. S. 65–68.

положение, что совпадение прототипных значений обусловлено сходной частотностью экземпляров определенной категории в обоих языковых коллективах. Прототипные значения могут и не совпадать, если сами прототипы отражают различные этнокультурные приоритеты, которыми наделены определенные экземпляры данной категории. Автор приводит пример словацкого слова *zmrzlina* и его русского эквивалента *мороженое*. Сравнивая определения этих слов, автор показывает, что в русском определении на первом месте фигурирует «сметана». Экземпляр сливочного мороженого имеет приоритет.

Исследования в области (устойчивой) сочетаемости словацких и русских лексем²⁴ показали, что **система лексических параметров** разработанная И.А. Мельчуком и А.К. Жолковским²⁵ является подходящей основой сравнения.

Корпусная лингвистика, как направление появившееся после когнитивной лингвистики и оказывающее с конца 80-х годов огромное влияние на лексикографию, предоставляет лексикографу относительно верный образ поведения слов в реальной речи. Этот подход реализуется последовательно в направлении снизу вверх – от больших собраний текстов, хранящихся в запоминающих устройствах компьютеров и предоставляющих по запросу статистическую или сочетаемостную информацию (до значительной степени опрошенную от фильтра моделей), к построению списка лексических единиц, к построению словника, к построению лексикона. Понятие **пустого лексикона**²⁶, которое выдвигает Дж. Синклер базируется на употреблении слова в большом массиве текстов. Словарь «пустой» потому, что нет ничего заранее данного – нет набора значений приписываемых слову. Есть только текст. Значение результирует из совместной встречаемости слов. Невозможно заранее создать список единиц, которые должны быть анализированы. Ни одна часть такого лексикона не является стабильной, так как граница между единицей и ее окружением подвижна. Единица, в которой сконцентрированы внутренние связи слов и лексикона в целом, – это **словосочетание**. Здесь проявляется понимание языка как континуума и модель значения основанная на вероятностном характере признаков, на неопределенности значения и его постижения в терминах прототипа и смыслового потенциала. Модель значения, исходящая из корпусного материала²⁷, отражает сочетаемость слова на менее абстрактном уровне, чем это было до прихода корпусов. Семантико-синтаксические рамки слов показывают лексико-семантический тип партнеров слова (слева и справа), сочетаемостные предпочтения, прагматические компоненты, импликации и пресуппозиции выведенные из окружения слов. Мы получаем не классические значения, а **коллокационные (сочетаемостные) значения**, заготовки для образования структуры отражающей в большей мере синтаксический размер слова, чем это было до сих пор. Такие заготовки являются хорошим орудием для лексикографа двуязычного словаря в

²⁴ Ярошова А. Фразеологическая периферия и ее представление в толковом словаре // *Frazeológia vo vzdelávaní vede a kultúre* / Red. E. Krošláková. Nitra, 1993. S. 186–193.

²⁵ Mel'čuk I., Zholkovski A. The Explanatory Combinatorial Dictionary // *Relational Models of Lexicon. Representing Knowledge in Semantic Networks* / Ed. M. W. Evens. Cambridge; New York, 1988. P. 41–74.

²⁶ Sinclair J. The Empty lexicon // *International Journal of Corpus Linguistics*. 1996. № 1. P. 99–119.

²⁷ Sinclair J. et al. Corpus to Corpus: A Study of Translational Equivalence. Introduction // *International Journal of Lexicography*. 1996. № 2. P. 172–178; Hanks P. Contextual Dependency and Lexical Sets // *International Journal of Corpus Linguistics*. 1996. № 1. P. 75–98; id. The Probable and the Possible: Lexicography in the Age of Internet // *AsiaLex 2001 Proceedings*. Seoul, 2001. P. 7–23.

поисках эквивалента, потому что ясно, что его надо искать не на уровне слова, а на уровне обязательно высшем, чем слово. Это прекрасно понимал уже Л.В. Щерба, когда говорил: мы всегда исходили из фраз, не из слов. И круг закрывается.

В заключение статьи мы попытаемся проиллюстрировать возможности «корпусной лексикографии» на одном небольшом примере – на уже упоминаемом раньше глаголе **podnecovať**:

1. dávať podnet, popud, vyvolávať: *p. povstanie*

2. povzbudzovať, zapalať za niečo: *p. študentov do súťaže; p. ľud do vzbury*;

Мы показали, что глагол **podnecovať** разработан в толковом словаре как лексема с двумя семемами: 1. «вызывать что» и 2. «вызывать у кого желание сделать что». Словацко-русская эквивалентная структура опирающаяся на эту одноязычную разработку создана из трех переводных значений 1. «вызывать явления и ситуации» (которые, судя по иллюстративному примеру, ощущаются скорее как отрицательные), 2. «вызывать в ком-л. желание делать что-л. положительное», 3. «вызывать в ком-л. желание делать что-л. отрицательное». Трех переводным значениям соответствуют три переводных эквивалента: 1. *возбуждать что*, 2. *побуждать кого к чему*, 3. *подстрекать кого к чему*. Анализ картотеки, содержащей языковой материал половины 20-ого столетия, показывает, что смысловая структура этого глагола намного богаче, чем это отразил толковый словарь. Не говоря уже о том, что иллюстративные примеры (*podnecovať študentov do súťaže* (побуждать студентов к участию в состязании); *podnecovať ľud do vzbury* (подстрекать народ к бунту) показывают довольно редкое управление с предложным родительным (*podnecovať koho do čoho*) в отличие от частотного и типичного управления с предложным дательным (*podnecovať koho k čomu*). В отличие от толкового словаря, представляющего довольно редуцированный образ семантической структуры глагола **podnecovať**, «Большой словацко-русский словарь», возникший на основе довольно богатой двуязычной картотеки, определяет в данном глаголе четыре значения (семемы), которые являются не только результатом расчленения семантического пространства словацкого глагола в соответствии с искусственными «переводными значениями», но и результатом «одноязычного» семантического анализа²⁸:

podnecovať -uje, -ujú, -ujú

1. čo (*vyvolávať*) вызывать, возбуждать: *podnecovať vzbury* вызывать мятежи; *podnecovať záujem, zvedavosť* вызывать *al.* возбуждать интерес, любопытств; *podnecovať* чей-л. интерес, чье-л. любопытство; *podnecovať diskusiu* вызывать спор;

2. *koho, čo proti komu, čomu (poburovať, popudzovať)* восстанавливать кого против кого. чего: *podnecovať proti vedeniu* восстанавливать против начальства;

3. *koho, čo na čo (pobádať, povzbudzovať)* *podnecovať* pracujúcich na vyššiu produktivitu práce побуждать трудящихся к повышению производительности труда;

4. *koho, čo na čo, do čoho (navádzať, dávať podnet)* подстрекать кого к чему: *podnecovať na vzbury* подстрекать к бунтам; *podnecovať deti na nezbedníctvo* подбивать детей на шалости.

Анализ корпусного материала миллиардных веб-корпусов словацкого и русского языков из семейства псевдопараллельных корпусов Aganea, создателем которых В. Бен-

²⁸ Veľký slovensko-ruský slovník, P – Q (1986. С. 184)

ко²⁹, показывает, что глагол *podnecovať* имеет большое количество «коллокационных значений», на основе которых можно построить более богатые структуры одноязычных толкований и, следовательно, большее количество переводных значений:

PODNECOVAŤ³⁰. Предлагаемые «коллокационные значения» (обозначенные арабскими цифрами) являются результатом анализа четырех валентных структур (обозначенных римскими цифрами) данного глагола:

I. čo/kto podnecuje ČO (кто/что «вызывает» ЧТО)

1. в роли объекта (ČO) выступают явления воспринимаемые как отрицательные: *perokoje, vojna, vzbury, násilie, štrajk*;

- синоним, выражающий данное «коллокационное значение»: *vuvolávat' čo*;
- русский эквивалент: вызывать что (*волнения, беспорядки, войну, бунт, мятежи, забастовку*);

2. объект (ČO) – нейтрально или положительно воспринимаемая деятельность: *výroba, tvorba, práca, aktivita, diskusia, rozvoj*;

- синоним, выражающий «коллокационное значение»: *podporovať čo*;
- русский эквивалент: поощрять что (*производство, творчество, работу, деятельность, развитие, дискуссию*);

II. čo/kto podnecuje ČO v kom (кто/что «вызывает» ЧТО в ком)

3. объект (ČO) – нейтральные психические процессы, состояния и свойства: *záujem, zvedavosť, obrazotvornosť, predstavivosť, fantázia, tvorivosť, myslenie, úvahy, túžba*

- синоним, выражающий «коллокационное значение»: *vzbudzovať čo (v kom), prebúdzat' čo (v kom)*;
- русский эквивалент: пробуждать, будоражить что (*любопытство, воображение, фантазию, мысль*) (**в ком**), вызывать что (*интерес*) у кого;

4. объект (ČO) – отрицательные эмоции, переживания: *nenávisť, nevraživosť, závisť*;

- синоним, выражающий «коллокационное значение»: *vzbudzovať čo*;
- русский эквивалент: разжигать что (*вражду, ненависть*) (**в ком**), возбуждать, вызывать что (*зависть*) **в ком**;

III. kto/čo podnecuje koho K ČOMU // реже NA ČO // реже DO ČОНО (кто/что «вызывает» у кого «желание сделать» ЧТО)

5. объект (K ČOMU // NA ČO) – нейтральная (физическая или умственная) деятельность: *práca, zábava, aktivita, tvorba, učenie, štúdium; úvahy, rozmyšľanie, hľadanie súvislostí, hodnotenie, poznanie; účasť, spolupráca, investovanie*;

²⁹ Сайт проекта Aranea: http://ucts.uniba.sk/aranea_about/; см. тоже *Benko V.* Aranea: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora // Text, Speech and Dialogue. 17th International Conference, TSD 2014, Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014. Proceedings. LNCS 8655 / Springer International Publishing Switzerland, 2014. P. 257–264.

³⁰ Самое общее значение этого глагола передает, пожалуй, глагол с латинским корнем «стимулировать» и, до определенной степени, русский глагол «вызывать».

● синонимы, выражающие «коллокационное значение»: *nabádat' niekoho k niečomu, pobádat' niekoho do niečoho, povzbudzovat' niekoho do niečoho/k niečomu*;

● русский эквивалент: побуждать кого к чему (к работе, к действиям, к поступкам, к учебе, к размышлению, к оценке, поиску, к рефлексии, к участию, к сотрудничеству);

6. объект (DO ČОНО) – деятельность, эмоции или свойства, рассматриваемые с точки зрения христианской этики: *láska, horlivosť, obrátenie, hľadanie, veľkorysosť, štúdium, poznávanie, uvažovanie, stretnutia, solidárnosť; hriech, boj, víťazstvo*³¹;

● синонимы, выражающие «коллокационное значение»: *pobádat' koho do čoho, vyzúvať koho k čomu; zvádzať niekoho na čo* (obyč. na hriech)

● русский эквивалент: побуждать, призывать кого к чему (к любви, к энтузиазму, к великодушию, к поиску, к обращению, к учебе, к победе, к бою); толкать кого на что (на грех, преступление, безумства)

7. объект (K ČОМУ // DO ČОНО) – разрушительная деятельность массового характера: *boj, výboje, vzbura, povstanie, vojna, nepokoje, provokácie, extrémizmus*;

● синоним, выражающий «коллокационное значение»: *navádzat' niekoho na niečo*;

● русский эквивалент: подстрекать кого к чему (к войне, к мятежу, к бунту, к волнениям, к восстанию, к экстремизму, к насилию)

8. объект (NA ČО) – преступная, незаконная деятельность: *trestný čin, krádež, lúpež, násilie, agresivita, vražda, násilnosti, korupcia, nenávisť*;

● синоним выражающий «коллокационное значение»: *navádzat' niekoho na niečo; nabádat' niekoho na niečo*;

● русский эквивалент: подстрекать кого к чему / реже на что (к совершению преступления, к убийству, к краже, к агрессии, к насилию, к ненависти, на тяжкое преступление, на незаконные действия)

9. объект (DO ČОНО) – отрицательно воспринимаемая деятельность отдельных лиц, нарушение правил: *fajčenie, machinácie, prechmaty*;

● синонимы, выражающие «коллокационное значение»: *navádzat' niekoho na niečo; nahovárať niekoho na niečo*;

● русский эквивалент: подбивать кого на что (на курение, на махинации, на выходки, на плохие поступки);

IV. kto podnecuje (koho) PROTI KOMU/ČОМУ (кто/что «вызывает» в ком «враждебное чувство» против кого/чего)

(*podnecovať občanov proti režimu, syna proti manželke, nenávisť proti Rómom, vzburu proti pánom*)

10. объект (PROTI KOMU/ČОМУ) – нейтрально воспринимаемое лицо или явление (в зависимости от контекста может приобретать отрицательную окраску): *manžel, manželka, Róm, páni, režim, vrchnosť, vedenie*;

● синонимы, выражающие «коллокационное значение»: *štvat', huckať, poburovať niekoho proti niekomu/niečomu*;

³¹ Соответствующие тексты отличает наличие книжной лексики.

● русский эквивалент: **настраивать, восстанавливать кого** (*сына, население, общественность*) **против кого/чего** (*против отца, другого народа, власти, бизнеса*); **возбуждать, возмущать кого** (*народ, горцев*) **против кого/чего** (*царя, правительства*).

Мы, конечно, не утверждаем, что эти словарные «заготовки» нужно считать переводными значениями, нумерованными абзацами словацко-русской словарной статьи, но на их основе можно строить дальнейшую, более редуцированную, структуру переводных значений и соответствующих переводных эквивалентов.

ЛИТЕРАТУРА

- Isačenko A.V.* Slovensko-ruský prekladový slovník. Prvý diel A – O. Bratislava, 1950. 591 s.
Isačenko A.V. Slovensko-ruský prekladový slovník. Druhý diel P – Ž. Bratislava, 1957. 822. s.
Krátky slovník slovenského jazyka. / Red. J. Kačala, M. Pisárčiková. Bratislava, 1987. 592 s.
Veľký rusko-slovenský slovník. 5 zv. / Red. E. Ďurovič, D. Kollár. Bratislava, 1960 – 1970.
Veľký slovensko-ruský slovník. 6. zv. / Red. E. Sekaninová, D. Kollár. Bratislava, 1979 – 1995.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. Москва, 1997. 944 с.
Щерба Л.В., Матусевич М.И. Русско-французский словарь. 3-е изд. Москва, 1950. 844 с.

Часть 2

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

Лексикология старославянского языка: проблемы и методы исследований

К лексике древнейших славянских рукописей было обращено внимание с самых первых шагов палеославистики. Как известно, уже «отцы-основатели» славистики Й. Добровский, А.Х. Востоков, Б. Копитар интересовались причинами наличия в рукописях лексических вариантов (дублетов) и пытались путем лексических разысканий определить народную основу старославянского языка. П.Й. Шафарик, обосновывая в своей работе 1858 г. «Über den Ursprung und die Heimat des Glagolitismus» большую древность глаголических рукописей в сравнении с кириллическими, привел в качестве дифференцирующих целый реестр слов, происхождение которых считал паннонским¹. Все же в XIX в. главный интерес исследователей при изучении древних славянских рукописей лежал в области палеографии, фонетики и морфологии. Однако в начале XX в. лексика уже занимает в палеославистике центральное место. Значительная часть трудов «классика» палеославистики В.И. Ягича посвящена именно лексике. К 1902 г. в результате обобщения предшествующих работ Амфилохия Сергиевского, Г.А. Воскресенского, М. Валявца, В. Вондрака, В. Облака, Л. Стояновича, Й. Поливки и других палеославистов, В.И. Ягичем был составлен знаменитый свод лексических дублетов². А.И. Соболевский уже в 1893 г. в своем докладе «Особенности русских переводов домонгольского периода» попытался использовать лексический критерий для выделения русских переводов из древнеславянского письменного наследия³. В течение XX в. лексика оставалась одним из основных объектов палеославистических исследований – как сугубо лингвистических, так и лингвотекстологических. Разумеется, этому немало способствовало и издание памятников письменности, снабженных, как правило, индексами, и издание современных старославянских словарей, особенно вышедшего из печати в Праге в 1956–1997 гг. «Slovník jazyka staroslověnského». В настоящее время исследование путей формирования лексического фонда старославянского языка представляет собой важнейшую проблему палеославистики.

В рамках относительно небольшого по объему очерка невозможно дать характеристику и оценку всех имеющихся работ, посвященных целиком или отчасти старославянской лексике, поэтому мы сосредоточимся на выявлении наиболее актуальных, на наш взгляд, задач, стоящих перед лексикологией старославянского языка, и рассмотрении методов исследований.

¹ Шафарик П.Й. О происхождении и родине глаголитизма / Пер. А. Шемякина. М., 1861.

² Эта работа более известна в расширенном и дополненном варианте: *Jagic V. Zum Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Berlin, 1913.

³ Соболевский А.И. Особенности русских переводов домонгольского периода // Труды девятого Археологического съезда в Вильне 1893. II. М., 1897. С. 53–61. Доклад более известен по публикации: *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. LXXXVIII. № 3. СПб., 1910. С. 162–177.

Источники языкового материала для исследований старославянской лексики

Определение круга источников для исследований старославянской лексики зависит прежде всего от трактовки понятия «старославянский язык». Дискуссия по поводу термина «старославянский язык» имеет давнюю историю⁴, разногласия среди палеославистов относительно того, что же все-таки следует называть «старославянским языком» и языковой материал каких рукописей использовать для его изучения, остаются до сих пор. В решении спора о том, что следует называть «старославянским языком», нам представляются наиболее взвешенными и приемлемыми взгляды Н.И. Толстого, называвшего старославянским языком ранний этап (IX–XI вв.) древнеславянского языка, начало которому положили свв. Кирилл и Мефодий и который бытовал на славянских землях в течение средневековья в виде разных изводов (среднеболгарского, русского, сербского), являясь общим литературным языком всех славян⁵. Сложнее вопрос о том, языковой материал каких рукописей следует использовать для изучения старославянского языка. Самого, видимо, узкого круга и на первый взгляд самого «строго научного» отбора рукописей придерживалась выдающийся лексиколог старославянского языка Р.М. Цейтлин: старославянский язык – это язык 17 древнеболгарских рукописей X–XI вв. В своей широко известной монографии 1977 г. о лексике старославянского языка она писала: «старославянским называется *письменно-литературный язык, которым владели книжники культурных центров Юго-Западной (Македонской) и Восточной Болгарии конца X–XI в.* и на котором написаны древнеболгарские рукописи этого времени» [разрядка и курсив Р.М. Цейтлин. – В. Е.], перечисляя затем в качестве непосредственных источников 17 известных рукописей, которые часто называют либо «классическими старославянскими», либо рукописями «старославянского канона»⁶. Круг рукописей, отобранных Р.М. Цейтлин, не намного отличается от круга из 20 рукописей, определенных несколько ранее в качестве источников для словника старославянского словаря Л. Садник и Р. Айцетмюллером⁷. Тот же круг рукописей, с добавлением Киевских листков в качестве 18-ой рукописи, был положен

⁴ См. статью: Цейтлин Р.М. О содержании термина «старославянский язык» // Вопросы языкознания. 1987. № 4. С. 43–58.

⁵ Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 34–52 (особенно с. 47).

⁶ Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977. С. 12. Речь идет о следующих рукописях: Зографское четвероевангелие, Мариинское четвероевангелие, Ассеманиево евангелие-апракос, Саввина книга (апракос), Охридские листки, Листки Ундольского, Зографский палимпсест, Боянское евангелие-апракос, Енинский апостол, Синайская псалтырь, Синайский евхологий, Синайский служебник, Клоцов сборник, Супрасльская рукопись, Хиландарские листки, Рьельские листки, Зографские листки. Р.Н. Кривко, отмечая в недавно изданной монографии неудачность традиционного термина «старославянский канон», предлагает вслед за Г. Кайпертом использовать для этих рукописей название «(старославянский) корпус» — см.: Кривко Р.Н. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М., 2015. С. 1–3. Однако вряд ли кто из современных палеославистов, употребляя в отношении указанных рукописей по традиции термин «старославянский канон», видит в слове «канон» значение «образец». По нашему мнению, любой термин — «классические (старославянские) рукописи», рукописи «старославянского канона», «(старославянский) корпус» — довольно условен.

⁷ Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Vorwort. Heidelberg, 1955. S. VII–VIII.

в основу словника изданного в 1994 г. «Старославянского словаря (по рукописям X–XI веков)» под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой.

Как видно из определения, данного Р.М. Цейтлин понятию «старославянский язык» (не общий для всех славян древнеславянский язык раннего периода IX–XI вв., а язык болгарских книжников конца X–XI вв.), она стремилась подвергнуть анализу возможно более древний, но доступный «синхронный срез» старославянского языка – в соответствии с господствующей в то время тенденцией предпочтительности синхронных описаний. И действительно: если задаться поисками отражения «синхронного среза» старославянского языка, следует признать, что он наиболее непротиворечиво и надежно отражен именно в этих 17 рукописях, так как еще более древний «синхронный срез» нам недоступен. Эта трактовка понятия «старославянский язык» почти совпадает с трактовкой понятия «древнеболгарский язык» («старобългарски език»), принятой болгарскими коллегами, – за исключением того, что Р.М. Цейтлин опиралась на язык рукописей (т. е. текстов, написанных на литературном языке, переведенных, главным образом, с греческих оригиналов), но не на эпиграфику, тогда как болгарские коллеги включают в понятие «старобългарски език» не только язык литературный, но и живой народный болгарский язык того времени. Характерно, что изданный на рубеже XX/XXI веков «Старобългарски речник» (1-й том вышел в 1999 г., 2-й том – в 2009 г.) базируется на материале как круга рукописей (числом 21), близкого к определенным Р.М. Цейтлин и Л. Садник и Р. Айцетмюллером, так и на эпиграфическом материале⁸.

Принципиально иной подход лежал в основе отбора источников у авторов старославянского словаря, в течение сорока лет издававшегося в Праге⁹. Из слов первого главного его редактора Й. Курца очевидно, что только технические возможности не позволили им привлечь в качестве источников еще более широкий круг более поздних рукописей, обычно называемых церковнославянскими. Все же в словник этого словаря попала, помимо лексики рукописей «классического канона», лексика ряда более поздних списков с памятников, возникших в древнейший период старославянской письменности, а также чешскоцерковнославянских текстов, включенных «по языковым и культурно-историческим соображениям» («z důvodů jazykových a kulturněhistorických»)¹⁰. Общим в позиции авторов этого словаря и Р.М. Цейтлин является то, что они опираются на рукописи, а не на эпиграфику – таким образом авторы ориентируются на представление о старославянском языке прежде всего как о языке литературном.

Мы полагаем, что границы круга рукописей, которые могут служить источниками для изучения старославянского языка, зависят от того, какие цели преследует исследователь. Орфографию, фонетику и морфологию старославянского языка не следует, видимо, изучать «комплексно» даже по самому узкому кругу из 17 «классических старославянских» рукописей, названных Р.М. Цейтлин. Несмотря на то, что эти рукописи как будто принадлежат к одному «синхронному срезу» – постольку, поскольку написаны (точнее, переписаны) книжниками Первого Болгарского царства на последнем этапе его существования и вскоре после его разрушения (т. е. в течение небольшого периода времени), все эти рукописи, как известно, отстоят либо почти на столетие, либо

⁸ Старобългарски речник. Т. I. Предговор. София, 1999. С. XVII–XXI.

⁹ Slovník jazyka staroslověnského. T. I–IV. Praha, 1966–1997. Addenda et corrigenda к этому словарю издаются в настоящее время.

¹⁰ Slovník jazyka staroslověnského. T. I. Úvod. Praha, 1966. S. IV.

более чем на столетие от своих не сохранившихся первоначальных протографов – рукописей первоначального перевода, и содержащиеся в них «букеты» инноваций в орфографии, фонетике и морфологии в каждой рукописи индивидуальны. Тем более это справедливо по отношению к еще более поздним спискам со старославянских протографов. Иначе дело обстоит, когда цели исследователя касаются изучения старославянской лексики. Лексика протографов также была подвержена изменениям, однако так называемые лексические замены представляют собой, как правило, результат осознанного редактирования текстов книжниками, и причины этих замен поддаются выявлению в ходе исследовательской работы. Уже на рубеже XIX/XX вв. А.И. Соболевский отмечал: «фонетические особенности с чрезвычайной быстротой и легкостью изменялись древними переписчиками <...> Ту же судьбу... имели и особенности морфологические. Материал, которому мы придаем значение, – словарь <...> За редкими исключениями, словарь списка совсем или почти совсем не отличается от словаря оригинала»¹¹. Подсчеты, проведенные в свое время А.А. Алексеевым, подтвердили правильность этого наблюдения: согласно данным Алексева, спонтанные изменения в лексике памятника при переписывании составляют около 5% всех изменений в тексте¹².

Начиная с первых переводов свв. Кирилла и Мефодия и включая деятельность книжников Охридской и Преславской школ, ранний древнеславянский язык, который мы условились называть старославянским языком, чрезвычайно динамично развивался. Его лексический инвентарь непрерывно обогащался как за счет словотворчества книжников, так и за счет включения народной лексики разных славянских диалектов. Тем не менее, согласно концепции Н.И. Толстого, которую мы принимаем, старославянский язык в качестве международного (т. е. общеславянского) литературного языка представлял собой единую языковую систему¹³. Как единую лексическую систему языка, реально существовавшего во второй половине IX – начале XI вв., мы рассматриваем и лексическую систему старославянского языка. Позиция Р.М. Цейтлин, согласно которой источниками изучения старославянского языка должны быть 17 древнеболгарских рукописей X–XI вв., имеет, как было сказано выше, свое оправдание, однако лексиколог старославянского языка обязан за рамки этого круга рукописей выйти: «классические старославянские» рукописи сохранились довольно случайно, в них зафиксирован лишь фрагмент старославянской лексической системы, что мы подчеркивали неоднократно¹⁴. Как известно, из текстов Св. Писания в них представлены лишь

¹¹ Соболевский А.И. Церковнославянские тексты моравского происхождения // Русский филологический вестник. Т. XLIII. 1900. С. 154.

¹² Alekseev A.A. Der Stellenwert der Textologie bei der Erforschung altkirchenslavischer Übersetzungstexte // Die Welt der Slaven. T. (Jg.) XXXI. № 2. München, 1986. S. 435.

¹³ Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 46. Концепцию Н.И. Толстого поддерживают и другие палеослависты – см., например: Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997. С. 6.

¹⁴ Ефимова В.С. О некоторых проблемах морфемного членения в старославянском языке // Славяноведение. 1999. № 2. С. 67–78; она же. Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 462–470; она же. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006. С. 24–26 и мн. др. То, что действительный объем старославянского лексикона был значительно больше, чем объем лексического инвентаря 17 древнеболгарских рукописей, не могла не признавать и Р.М. Цейтлин. «В СЯ [старославянском языке. – В. Е.] было слов во много раз больше, – писала

Евангелие и Псалтырь, Апостол – в очень небольших отрывках, остальной Ветхий завет – фактически лишь в цитатах, агиографические и гомилетические произведения – лишь некоторые. Можно сказать, что в древнеболгарских рукописях X–XI вв. сохранилась совсем небольшая часть огромного объема литературы, которая в действительности была переведена или написана самостоятельно на старославянском языке в IX – начале XI вв. Не только частотность слов, но и само их наличие или отсутствие в этих рукописях обусловлено специфичностью содержания представленных в них текстов. Например, высокая частотность в переводе Евангелия таких слов как *оучнѣлѣ* или *оученнкъ* обусловлена, конечно, его содержанием, в то время как ни слово *оучнѣлѣ*, ни слово *оученнкъ* не встречаются в тексте ветхозаветных книг Двенадцати малых пророков, пророка Иезекииля и книги Исход, обследованных нами по древнейшим спискам: для передачи их содержания они не требуются. (Вместе с тем *оучнѣлѣ* встречается дважды в толкованиях на книгу пророка Иезекииля, а *оученнкъ* – однажды в толковании на книгу пророка Ионы и однажды в Житии пророка Авдия.) Слово хоть ‘любовник’ в кругу 17 древнеболгарских рукописей X–XI вв. встречается лишь однажды, в тексте Жития Павла Препростого (Супр 169, 13), тогда как в книге пророка Иезекииля (как в самом библейском тексте, так и в толкованиях) – суммарно 12 раз, что также обусловлено специфичностью содержания текстов разных частей Св. Писания и агиографических текстов¹⁵. Отсюда очевидно, что для получения адекватного представления о составе старославянского лексического инвентаря необходимо использовать и более поздние списки со старославянских протографов. Вместе с тем очевидно также, что эти более поздние списки неизбежно содержат лексические инновации, хотя и в значительно меньшей мере, чем орфографические или морфологические. Таким образом, перед лексикологом старославянского языка стоит проблема корректного использования лексического инвентаря более поздних списков для реконструкции старославянского лексического фонда и, следовательно, разработки определенных принципов, которые при этом необходимо соблюдать.

Методику «восстановления» незафиксированной в 17 древнеболгарских рукописях лексики, которую мы могли бы назвать методикой «синхронного анализа словообразовательных пар», предложила уже и Р.М. Цейлин. По мнению Р.М. Цейтлин, если в предполагаемой старославянской словообразовательной паре («мотивирующее – мотивированное») лексема присутствует как мотивирующая в связанном виде в левом ряду, она может быть «восстановлена» в качестве старославянской лексемы, в то время как правый ряд таких пар не может дать достаточно надежных результатов¹⁶. Однако применение данной методики, основанной на анализе предполагаемых словообразовательных пар в рамках все того же лексического инвентаря, известного по 17 древнеболгарским рукописям, и отсекающая материал более поздних списков со

Р.М. Цейтлин, – чем их зафиксировано в СП [старославянских памятниках. – В. Е.] – см.: Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка... С. 31.

¹⁵ Р.М. Цейтлин только в Зографском евангелии насчитывала 44 употребления слова *оучнѣлѣ* и 203 употребления слова *оученнкъ* – см.: Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка... С. 104, 88.

¹⁶ Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка... С. 21; она же. Възстановяване на незасвидетелствувани старобългарски думи (способи и методи) // Български език. 1986. № 2. С. 110–120; она же. Сколько было слов в книжном древнеболгарском языке? (О проблеме восстановления утраченного) // Търновска книжовна школа. Велико Търново, 1999. Т. 6. С. 271–279.

старославянских протографов как «ненадежных» источников, дает возможность «восстановить» очень небольшое количество слов. Кроме того, данная методика может в некоторых случаях приводить и к ошибочным выводам (см. ниже).

Наш подход к реконструкции звеньев как лексической, так и словообразовательной систем старославянского языка определяется положением, что она принципиально может быть осуществлена только с большей или меньшей степенью вероятности, на чем мы неоднократно настаивали. Лексика церковнославянских рукописей, незафиксированная в «классических старославянских» рукописях, должна рассматриваться как потенциально старославянская и верифицироваться затем в ходе сопоставительных исследований лексического материала возможно более широкого круга списков разных изводов. Наличие слова в разных местах более поздних списков разных произведений и, особенно, списков разных изводов (русского, сербского, среднеболгарского) уменьшает возможность рассматривать его как внесенное в процессе движения текста по спискам и указывает на большую вероятность его принадлежности к старославянскому лексикону. Таким образом, чем дальше мы будем продвигаться в деле изучения огромного и пока еще очень мало исследованного рукописного древнеславянского наследия, тем с большей надежностью будет восстанавливаться старославянский лексический фонд¹⁷.

Методика синхронного анализа словообразовательных пар, предложенная Р.М. Цейтлин, «работает» тоже только с соблюдением этих принципов. Вряд ли можно согласиться с Р.М. Цейтлин, что в старославянском лексиконе можно реконструировать (восстановить) прилагательные *нравьнъ* или *цѣньнъ* на основании факта употребления в древнеболгарских рукописях X–XI вв. слов *нравъ*, *зълонравьнъ*, *подобонравьнъ* и слов *цѣна* и *многоцѣньнъ*¹⁸. На самом деле такие слова как *зълонравьнъ*, *подобонравьнъ*, *многоцѣньнъ* могли быть образованы способом не чистого сложения, а сложения с суффиксацией (и даже второе более вероятно), т. е. для образования слов *зълонравьнъ*, *подобонравьнъ*, *многоцѣньнъ* не обязательно присутствие в лексическом инвентаре языка прилагательных *нравьнъ* или *цѣньнъ*, достаточно наличия в нем существительных *нравъ* и *цѣна*. Более существенно в данном случае, что прил. *нравьнъ* встречается в древнерусском списке XI в. со старославянского протографа Слов Григория Назианзина (о чем Р.М. Цейтлин не упоминает), однако значение ‘добродетельный’ у прил. *нравьнъ* в этом тексте не вписывается в предполагаемые словообразовательные отношения мотивации: *нравьнъ *→ *зълонравьнъ* ‘дурного нрава, безнравственный’; *нравьнъ *→ *подобонравьнъ* ‘подобного образа жизни’.

¹⁷ Ефимова В.С. О некоторых проблемах морфемного членения... С. 68; она же. О некоторых тенденциях развития первого литературного языка славян в произведениях древнеболгарских писателей (на материале отадъективных наречий) // Проблемы славянской диахронической социолингвистики: динамика литературно-языковой нормы. М., 1999. С. 29–35; она же. Проблема реконструкции лексического фонда...; она же. Старославянская словообразовательная морфемика... С. 28–30. она же. Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора. М., 2011. С. 4–7 и др. О необходимости обращения к материалу более поздних списков писал в свое время и М.М. Копыленко, пытаясь сформулировать критерии отбора «раннедревнеславянской лексики» из словника словаря «Slovník jazyka staroslověnského» – см.: Копыленко М.М. Palaeoslavica. Алматы, 1995. С. 5–25.

¹⁸ Цейтлин Р.М. Възстановяване на незасвидетелствувани старобългарски думи... С. 116.

Проблемы дифференциации старославянской лексики: лексика книжная и лексика народной славянской речи

Одной из важнейших задач, стоящих перед современной лексикологией старославянского языка, является разграничение старославянского лексического инвентаря на старую лексику, почерпнутую книжниками из народной славянской речи того времени, и новую, собственно старославянскую, лексику. Такое разграничение чрезвычайно важно не только для исследований по самому старославянскому языку, но и для исторического языкознания вообще. Без выявления той части общеславянского лексического фонда, которая была создана книжниками в процессе переводов на старославянский язык с греческого и отчасти латинского языков, невозможна ни адекватная оценка границ праславянского лексического фонда, ни успешное изучение лексики в истории отдельных славянских литературных языков. Однако разграничение старославянского лексического инвентаря на старую и новую лексику и, далее, идентификация каждого конкретного нового старославянского слова как образования на чисто славянской почве или как какой-либо кальки с греческого (или латинского) связаны с немалыми проблемами, рассмотреть которые мы пытались в ряде статей¹⁹.

Слой народной лексики в старославянском инвентаре – это лексические единицы, взятые книжниками в старославянский инвентарь из народной славянской речи того времени «в готовом виде». К этому слою мы относим также и старые заимствования, проникшие в славянскую речь до эпохи кирилло-мефодиевских переводов: заимствованные устным путем грецизмы типа *сѣбота*, старые латинизмы типа *цѣсарѣ*, старые германизмы типа *мѣтарѣ*, заимствованные целиком из древнебулгарского тюркизмы типа *самъчнн*²⁰. Задача выявления старых заимствований в старославянском лексиконе привлекала внимание палеославистов с начала XX в., однако гораздо труднее – как ни кажется странным это на первый взгляд – отделить в нем от народной лексики книжную лексику, морфемная структура которой представлена славянским «строительным материалом». Эта трудность для современного исследователя обусловлена тем, что книжники, создавая новые слова, пользовались старыми славянскими словообразовательными моделями, и по большей части эти новообразования хорошо словообразовательно мотивированы на славянской почве.

Все же в распоряжении исследователей есть ряд критериев для разграничения старой и новой старославянской лексики. Достаточно надежно к слою старой лексики можно относить слова, морфемная структура которых указывает на их праславянскую древность. Это прежде всего слова с древней структурой общеименной суффиксации, используемые в старославянских текстах и в качестве прилагательных, и в роли существительных: *младъ(зн)* – и ‘молодой’, и ‘младенец’ (Супр 135,1; Супр 340,26); *зълъ(зн)* – и ‘плохой, дурной’, и ‘плохой человек’ (Мт 5,45; Супр 415,29), а в форме ср. р. ед. и мн. ч. также и *зълъ*, *зълъа* ‘зло, злое дело’ (Мт 5,39; Пс 20,12 и др.) и мн. др.

¹⁹ Ефимова В.С. К вопросу о способах номинации лица в старославянском языке // *Slavia*. Praha, 2009. Roč. 78. Seš. 4. S. 349–356; она же. О проблеме дифференциации старославянского лексического инвентаря (в поисках кирилло-мефодиевских переводов) // *Славянский альманах* 2012. М., 2013. С. 29–42; она же. К вопросу о путях формирования старославянского лексического инвентаря // *Филология и текстология*. Юбилейный сборник в честь на 70-годишната на проф. Уйлям Федер. Шумен, 2014. С. 187–196.

²⁰ *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Seš. 14. Praha, 2008. S. 859–860; Seš. 2. Praha, 1990. S. 93; Seš. 9. Praha, 1999. S. 511; Seš. 13. Praha, 2006. S. 793.

Также к этому слою лексики достаточно надежно можно относить слова, вычленяющие уникальные суффиксы (владзика, пастырь, пастоухъ, юноша, пѣстоунъ и т. п.), а также суффиксы малопродуктивные (в старославянском языке неактивные) – суффикс *-ъji-* (балнн ‘врач’, вѣтнн ‘оратор’, сѣднн ‘судья’), суффикс *-(a)taj(b)* (ратан ‘пахарь’, позоратан ‘зритель’) и т. п. Надежно можно относить к слою народной лексики и существительные архаичного для старославянского языка типа м. р. с основой на *-a* (типа оубонца ‘убийца’ с суффиксом *-ьс(a)*).

Не вызывает затруднений идентификация как старой славянской лексики ряда сложенных (композигов) архаичного типа, уже нечленимых на уровне старославянского языка, словообразовательно немотивированных: чловѣкъ, потьпѣга, господь. К старым, хотя и прозрачным с словообразовательной точки зрения композигам дописьменной эпохи, обычно относят и такие, как братоучадъ ‘племянник’, воєвода ‘правитель, владыка’ (первоначально ‘полководец’), лѣторасъ ‘погреб, отросток’, лнстопадъ ‘месяц октябрь’²¹. Однако, поскольку книжники для образования новой лексики использовали старые, в том числе и архаичные, славянские модели сложения, определение принадлежности к старой либо новой лексике прозрачных с словообразовательной точки зрения старославянских композигов в ряде случаев вызывает трудности и требует учета многих факторов. В ряде работ мы уже пытались определить принципы учета этих факторов²². Одним из критериев, говорящих в пользу принадлежности слова к слою народной лексики, можно считать характер денотата слова: старые славянские слова номинируют понятия, предметы, явления и их свойства, знакомые славянам по их быденной жизни. Однако этот критерий не абсолютен: как мы уже неоднократно старались показать, под влиянием языка греческих оригиналов славянские книжники создавали новые книжные слова и для описания бытовых ситуаций, для номинации земледельцев, жнецов, пастухов, охотников и рыболовов²³. В некоторых случаях критерием может служить анализ пути вхождения слова в старославянский лексикон. Книжное происхождение можно предполагать у слова, если оно представляет собой «избыточное» образование, созданное при наличии в старославянском лексиконе слов с тем же значением, но вошедших в него из более ранних переводов, в том числе и из народной славянской речи. Например, к таким новым словам, возможно, следует отнести композит чѣтврѣногъ ‘(четвероногое) животное’, хотя он и номинирует предмет, относящийся к быденной жизни, и образован по архаичной модели. В старославянский лексикон это слово вошло при переводе Апостола (Деян 10,12; Деян 11,6; Рим 1,23) для передачи греч. τετράπους. Для перевода τετράπους оно употребляется и в паремийном тексте (Быт 1,24). Поскольку для номинации животного в старославянском лексиконе имеются гораздо более частотные лексемы (звѣрь, жнвотъ, жнвотынъ и жнвотыноє), вошедшие в него ранее, чем появилось в нем чѣтврѣногъ, есть основания считать чѣтврѣногъ все же калькой с греч. τετράπους, а не исконно славянским словом.

²¹ Bláhová E. Kompozita v staroslověnské terminologii // Slavia. Roč. 65. Praha, 1996. S. 262.

²² Ефимова В.С. О старославянском калькировании как специфическом способе словообразования // Byzantinoslavica. Praha, 2007. Т. LXV. Fasc. 2. S. 117–128 и др.

²³ Ефимова В.С. К проблеме выявления факторов, влиявших на выбор способа номинации в древнейших славянских переводах // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012. С. 147–149; она же. К вопросу о путях формирования старославянского лексического инвентаря... С. 187–196.

При разграничении образованных по архаичным моделям композитов на старые и новые довольно трудно избежать ошибок. Так, Р.М. Цейтлин приводила перечень «старых славянских сложений» (как ей казалось), среди которых старыми славянскими сложениями являются, видимо, только *невѣгласъ*, *соухорѣкъ*, *хоудоснаъ*, *хоудоумъ* и, возможно, *простовласъ*²⁴. Остальные слова этого перечня, судя как по изоморфности их структур структурам греческих соответствий, так и по их значениям, относящимся к сфере понятий христианской веры, мы считаем кальками с греческого, образованными книжниками по архаичным славянским моделям. Ср.: *златооустъ* – калька с *χρυσόστομος*, *нноуадъ* – калька с *μονογενής*, *маловѣръ* – калька с *ὀλιγόπιστος*, *подобывзвѣръ* – калька с *ἀξιόπιστος*, *тажкосьрдъ* – калька с *βαρυκάρδιος*, *богомѣдръ* – калька с *θεόσοφος*, *вельѣпъ* – калька с *μεγαλοπρεπής*, *взторопрѣвъ* – калька с *δευτερόπρωτος*, *любоннъ* – калька с *φιλόπτωχος*, *тръсватъ* – калька с *τρισάγιος*. Композит *четврѣногъ*, который Р.М. Цейтлин включала в этот перечень, тоже есть основания, как уже было сказано выше, считать калькой. Композит же *простовласъ* имеет признаки исконнославянского слова: помимо того, что слово образовано по архаичной модели, оно использовано в Супрасльской рукописи для перевода греч. *λυσίχομος* (т. е. *простовласъ*, судя по этому тексту, не калькирует греческое слово). Однако в Хронике Иоанна Малалы *простовласъ* переводит греч. *ἀπλόθριξ*, т. е. имеется буквальное поморфемное соответствие. Поэтому трудно сказать, попало ли это слово в старославянский лексикон в качестве кальки с *ἀπλόθριξ*, или имело место параллельное образование в двух языках, независимое друг от друга²⁵.

Старыми славянскими моделями пользовались книжники и при создании новых слов с продуктивными аффиксами. Начиная с известных трудов Р.М. Цейтлин, именно лексика с продуктивными аффиксами всегда была в фокусе внимания палеославистов-лексикологов: за последние десятилетия было выполнено довольно много работ, посвященных как старославянской лексике с определенными продуктивными аффиксами, так и лексике с продуктивными аффиксами в разных произведениях (в последнем случае, главным образом, по более поздним спискам со старославянских протографов)²⁶. Однако, насколько нам известно, в них никогда не ставился вопрос о разграничении снабженной этими аффиксами старой лексики, заимствованной книжниками из народной славянской речи, и новыми словами, об-

²⁴ Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка... С. 280.

²⁵ Ефимова В.С. О проблеме дифференциации старославянского лексического инвентаря... С. 33–35.

²⁶ Укажем лишь на некоторые: Андријевска Н. Преводот на грчкото привативно алфа во старите македонски текстови. Скопје, 2003; Досева Ц. Неодушевени съществителни имена с наставка - (ъ)ница в новгородските минеи от 1095–1097 г // Преславска книжовна школа. Т. 7. Шумен, 2003. С. 81–98; Досева Ц. Имена со значением лиц в древнерусских списках миней (композицы с суффиксом -теѣ) // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012. С. 79–100; Илиева (София). Словник Книги пророка Иезекииля по списку F.I.461: глоттометрическая характеристика // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012. С. 9–42; Мострова Т. Към лексикалната характеристика на Книгата на пророк Иеремия // Кирило-Методиевски студии. Кн. 21. София, 2012. С. 125–146; Поп-Атанасова С., Костовска В. Лексиката во поетските творби на Климент Охридски. Скопје, 2005. С. 40–45; Прикрилова М. Притежателни прилагателни, завершващи на -овъ/-евъ в старобългарския език // Преславска книжовна школа. Т. 2. Шумен, 1997; Шатковски Я. Nomina loci в старобългарския език // Кирило-Методиевски студии. Кн. 4. София, 1987. С. 232–239; Přikrylová M. Staroslavěnská posesivní adjektiva na -jъ, -jъ // Cyrillo-Methodiana in honorem Aemiliae Bláhová et Venceslai Konzal. Praha, 2001 и мн. др.

разованными книжниками по тем же славянским моделям. Это не удивительно: для различения старой и новой старославянской лексики собственно словообразовательный анализ не может дать никаких доказательств, так как в большинстве случаев новые слова, образованные самими книжниками, хорошо словообразовательно мотивированы на славянской почве. Р. Вечерка вообще считал, что однозначно отделить праславянский слой от собственно старославянских неологизмов среди дериватов, образованных с продуктивными словообразовательными аффиксами, невозможно: «*Odlišit v derivátech tvořených produktivními odvozovacími afixy jednoznačně lexikální vrstvu praslovanskou od specificky staroslověnských neologismů však nelze*»²⁷. Однако разграничение старославянского инвентаря на старые слова и новые образования, как было сказано выше, чрезвычайно важно не только для исследований старославянской лексики, но и для исторического языкознания вообще. Поэтому перед старославянской лексикологией стоит задача поиска путей для осуществления такого разграничения.

Как мы уже пытались показать в ряде работ, анализ значений слов, их соотношений с греческими соответствиями, славянскими синонимами, синонимами греческих соответствий, обстоятельств вхождения слов в старославянский лексический инвентарь позволяют предполагать достаточно уверенно происхождение многих дериватов с продуктивными аффиксами в результате словотворчества книжников. Эта работа предполагает для каждого конкретного слова кропотливый сопоставительный анализ текстов по более ранним и более поздним спискам в соотнесении с греческими оригиналами, однако дает результаты. Нами были только начаты исследования старославянской лексики на этих принципах, но подобные наблюдения над лексикой древнейших списков первых славянских переводов и последующего сопоставления ее с лексикой более поздних списков и более поздних переводов уже позволяют прийти к выводу, что именно свв. Кирилл и Мефодий и их ближайшие ученики, сознательно стремясь к созданию лексического инвентаря старославянского языка как языка литературы, использовали для этого не в последнюю очередь прием создания новых слов путем деривации с помощью ряда продуктивных аффиксов. Слова в текстах на первом славянском литературном языке должны были быть понятны реципиентам, но в то же время иметь по возможно большей части книжный вид, формируя «высокий регистр» языка²⁸. Наши наблюдения показывают, что первые славянские переводчики намеренно использовали для образования новых слов определенные славянские аффиксы, которые благодаря этому стали в старославянском языке продуктивными, в то время как другие славянские аффиксы были по каким-то причинам переводчиками «забыты». Так, например, переводчики почему-то «забыли» использовать для образования наименований лиц продуктивный в праславянском языке суффикс *-ць*, не использовали и уже готовые славянские слова с этим суффиксом: из целого ряда указанных Ф. Славским праславянских наименований с суффиксом *-ць* (**pogoniць*, **rodiць*, **vodiць*,

²⁷ *Večerka R. Staroslověnština v kontextu slovanských jazyků. Olomouc; Praha, 2006. P. 236.*

²⁸ *Ефимова В.С. К вопросу о путях формирования старославянского лексического инвентаря... С. 187–196; она же. Некоторые наблюдения над номинацией лиц в старославянском евангельском тексте (на материале древнейших кодексов) // Язык Библии: лингвотекстологические исследования. М.; СПб., 2012. С. 31–43 и др.*

*běgačь, *jьgračь, *kopačь, *kovačь, *ткачь, *врачь)²⁹ в евангельском переводе встречается только *врач* (возможно даже, что ко времени кирилло-мефодиевских переводов суффикс *-čь* в этом слове уже «стерся», т. е. не воспринимался как значащая часть слова). Та же участь постигла наименования лиц с продуктивным в праславянском языке суффиксом *-(a)tajь*: в евангельском переводе их нет вообще. Наименования лиц с этими суффиксами встречаются иногда в несколько более поздних переводах и в более поздних списках со старославянских протографов, в последнем случае представляя собой явную замену книжного слова народным (ср., например, замену *внѣръ* на *копачь* в Лк 13,7 в Мстиславовом евангелии XI/XII в. на л. 88в 15).

С другой стороны, в одном только евангельском тексте употребляется 17 наименований лиц с суффиксом *-tel'(ь)*. Учитывая то, что в современных болгарских говорах наименования с суффиксом *-тел* редки и появились там под влиянием литературного языка³⁰, невозможно предположить, что довольно многочисленные в старославянских текстах наименования лиц с суффиксом *-tel'(ь)* в большей своей части были почерпнуты книжниками из народной речи. Рассмотрение обстоятельств вхождения в старославянский лексический инвентарь наименований лиц с этим суффиксом показывает, что для большинства наименований, встречающихся в евангельском тексте, можно предполагать происхождение в результате словотворчества переводчиков. Это такие слова, как *кръстнтель*, *мжунтель*, *житель* и *жительнынъ*, *свѣдѣтель*, *дѣантель*, *нскоуснтель*, *прѣдатель*, возможно, *дѣлатель* и даже, возможно, *роднтель*, не говоря уже о снабженных этим суффиксом композитах – явных кальках с греческого, которые могли быть созданы только самими переводчиками: *εὐεργέτης* – *благодѣтель* (Лк 22,25), *νομοδιδάσκαλος* – *законоучитель* (Лк 5,17), *ψευδόμαρτυς* – *лжесвѣдѣтель* (Мт 19,18)³¹. Во всем корпусе 17 «классических старославянских» рукописей Р.М. Цейтлин насчитывала уже 72 наименования с суффиксом *-tel'(ь)*, причем среди них 27 – гапаксов³². Следовательно, есть основание считать, что суффикс *-tel'(ь)*, ограниченный, видимо, в своем распространении в народной речи того времени, стал в старославянском языке продуктивным благодаря авторитету евангельского текста. Можно предполагать также, что увеличил свою продуктивность уже на самом раннем этапе становления старославянского языка и суффикс *-(ьn)ik(ь)*: согласно данным Р.М. Цейтлин, в евангельском переводе употребляется 38 слов с этим суффиксом, а в Супрасльской рукописи уже 78, причем 47 из них – гапаксы³³. Косвенным подтверждением предположениям о значительном увеличении продуктивности суффиксов *-(ьn)ik(ь)* и *-tel'(ь)* в результате деятельности свв. Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников по переводу евангельского текста может служить, как кажется, сравнение лексики старославянского перевода Евангелия с греческого языка с выполненным с латинского языка древнечешским переводом. Проведенное нами сравнение употребления наименований лиц с суффиксами *-(ьn)ik(ь)* и *-tel'(ь)* в древнейших старославянских списках Евангелия с древнечешским переводом

²⁹ *Ślawski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Ślawskiego. T. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. S. 102.*

³⁰ *Тетовска-Троева М. Отглаголни имена за лица в българските говори: Nomina agentis. София, 1988. С. 115–116.*

³¹ *Ефимова В. С. Наименования лиц в старославянском языке... С. 63–72.*

³² *Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка... С. 105.*

³³ Там же. С. 95.

по древнейшим спискам Дражданскому (конца XIV в.) и Оломоуцкому (начала XV в.) показало, что на месте многих употребленных в переводе с греческого языка старославянских наименований с этими суффиксами использованы другие слова совсем иной морфемной структуры, причем в последних часто мы видим старые славянские слова³⁴. Это говорит о том, что далеко не всегда новые слова создавались первыми славянскими переводчиками только для номинации предметов и понятий, неизвестных ранее славянскому населению, но в их распоряжении во многих случаях в народной славянской речи имелись слова с нужным значением, однако они считали необходимым создавать новые слова, имеющие книжный вид.

Авторитет евангельского текста был велик, и потому нет ничего удивительного в том, что слова, созданные самими переводчиками Евангелия и вошедшие при его переводе в старославянский лексический инвентарь, укоренились в нем и продолжали использоваться книжниками в других переводах. Однако, несмотря на это, некоторые образования с продуктивными суффиксами так и остались словами евангельского текста и практически не встречаются за его пределами. Таковы, например, образованные с помощью суффикса *-ьnik(ь)* наименования лиц со значением ‘меняла’ *трьжынкъ* и *пѣнажынкъ*. Оба этих слова редко используются за пределами евангельского текста и даже в самом евангельском тексте наблюдается тенденция к их замене по спискам и при цитации³⁵.

Особенно показательны замены по спискам предполагаемых новообразований с продуктивными суффиксами на слова, чья морфемная структура указывает на их принадлежность к старой славянской лексике. Несмотря на авторитет евангельского текста, такие замены иногда наблюдаются. Трудно сказать, по каким причинам писцы или редакторы производили иногда замену, номинируя предмет или понятие старым, более, видимо, привычным и понятным словом, но это также подтверждает наш тезис о том, что первые славянские переводчики считали необходимым создавать новые, имеющие книжный вид, слова даже если в народной славянской речи имелось слово с нужным значением. Представляется, что это несколько по-иному освещает факты варьирования в употреблении некоторых синонимичных «пар», давно уже привлекавших внимание палеославистов. Так, например, К.А. Максимович объясняет варьирование в «Законе судном людем» терминов *свъѣдѣтеѣ* – *послоухъ*, передающих греч. *μάρτυς*, стилистическими причинами³⁶. Но уже в пределах круга списков Евангелия, входящих в «старославянский канон» («старославянский корпус»), наблюдается замена *свъѣдѣтеѣ* на *послоухъ*, которая, видимо, никакого отношения к выполнению стилистических функций не имеет. В силу специфики содержания евангельского текста, слово *свъѣдѣтеѣ* в нем встречается довольно часто, однако уже в Саввиной книге – рукописи «классической старославянской», но известной своими инновациями в направлении использования выражений славянской народной речи, в стихе Мт 18,16 видим замену: *ѣна єпї стѣматос дѣо мартѣрѣу ѣ трѣѣн стаѣѣ пѣн рѣма*. – да вз оустѣхъ дзвою лн трнн свъѣдѣтеѣ станетъ всѣкъ глз . Мар – да по встомъ дѣма послоухома лн трмъ . станетъ всакъ глз . Сав. Для передачи греч. *μάρτυς* слово *послоухъ* используется на-

³⁴ Ефимова В.С. О проблеме дифференциации старославянского лексического инвентаря... С. 38–40.

³⁵ Ефимова В.С. Наименования лиц в старославянском языке... С. 177–179.

³⁶ Максимович К.А. Законъ соудынн людемъ: Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004. С. 48, 100.

ряду со *сзвѣдѣтель* и в тексте Апостола (Евр 10,28), трижды в Синайском евхологии, пять раз в Супрасльской рукописи, не говоря уже об употреблении его для передачи греч. *μάρτυς* в более поздних списках со старославянских протографов³⁷. Вместе с тем нельзя не согласиться с К.А. Максимовичем, что слово *послаухъ* не может являться преславизмом, хотя представление об этом слове как о преславизме стойко держится среди палеославистов до сих пор³⁸.

Несколькословные номинации

О существовании в старославянском лексиконе несколькословных наименований палеославистам было известно давно. Уже В.И. Ягич обратил внимание на передачу греческих композитов не только композитами старославянскими или – в некоторых случаях – простыми (однокорневыми) словами, но и словосочетаниями (например, *ѹдропѣхѹс* ~ трждъ водньни имы), имеющую место как на начальном этапе становления старославянского языка, в евангельском переводе, так и в несколько более поздних переводах³⁹. Интуитивно палеослависты также всегда осознавали, что немалая часть старославянских несколькословных наименований представляет собой лексические единицы. Поскольку все лексические единицы – как однословные, так и несколькословные – в принципе должны фиксироваться словарями, наличие в старославянском лексиконе несколькословных наименований всегда в большей или меньшей мере находило отражение в лексикографической практике, и несколькословные наименования фиксировались в словарных статьях на соответствующие опорные либо «яркие» слова, в них входящие. Однако, поскольку никаких критериев для определения среди несколькословных наименований лексических единиц не имелось, лексикографы руководствовались при этом не какими-либо теоретическими основаниями, а своим опытом, интуицией и «вкусом». Так, например, упомянутое когда-то В.И. Ягичем наименование *водьзын трждъ нмзи* ‘больной водяной’, которое, как мы считаем (и основания для этого будут показаны ниже), является лексической единицей, Словарем 1994 г. как самостоятельная единица не фиксируется, хотя входящее в него составной частью несколькословное наименование *водьзын трждъ* ‘водянка’ фиксируется и в словарной статье на *водьзын*, и в словарной статье на *трждъ*⁴⁰. В Пражском старославянском словаре в словарной статье на *водьзын* фиксируется только наименование *водьзын трждъ*, но *водьзын трждъ нмзи* как самостоятельная единица не указывается, тогда как в словарной статье на *трждъ* фиксируются как самостоятельные единицы и *водьзын трждъ*, и *водьзын трждъ нмзи*⁴¹. Очевидно, что перед лексикологией старославянского языка стоит задача выработки критерия для определения лексических единиц среди встречающихся в текстах несколькословных наименований.

³⁷ См., например: *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Т. II. М., 1989. Ст. 1238.

³⁸ См., например, в недавно опубликованной статье: *Жикова Ж.В.* Учително евангелие на Константин Преславски – предварителни лексикални наблюдения // Кирило-Методиевски четения 2015: Юбилеен сборник. София, 2015. С. 151, 152.

³⁹ *Jagić V.* Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Bd. 20. S. 538–550.

⁴⁰ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. С. 120; С. 707.

⁴¹ *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. I–IV. Praha, 1966–1997. Т. I. S. 207; Т. IV. S. 516.

До недавнего времени лексикология старославянского языка несколькословными наименованиями фактически не занималась. Хотя о необходимости изучения старославянских несколькословных номинаций мы и ранее писали неоднократно, до недавнего времени можно было назвать, кажется, только работы Н. Николова, пытавшегося изучать в старославянском (в его терминологии, «древнеболгарском») языке устойчивые словосочетания («устойчивые словесные комплексы»), представляющие собой, разумеется, несколькословные наименования⁴². Не отрицая полезности подобных исследований, мы полагаем однако, что к выработке критерия для определения лексических единиц среди старославянских несколькословных наименований они прямого отношения не имеют. И лишь в последние годы автор данного очерка начала вместе с болгарской коллегой В. Желязковой исследования старославянских несколькословных номинаций лиц, поставив себе целью среди прочих задач выработку данного критерия⁴³.

Мы попытались выработать искомый критерий на основе учета, во-первых, достижений теории номинации и, во-вторых, свойств старославянского языка как литературного языка особого – средневекового – типа, причем обращение к последнему, как кажется, в свою очередь проясняет и уточняет некоторые положения современной теории номинации.

Ш. Балли уже в начале XX в. предлагал считать некоторые несколькословные наименования лексическими единицами и, в частности, о словосочетаниях типа *mauvaise foi* в значении ‘нечестность, вероломство’ писал: «Psychologiquement, c’est un mot, une unité lexicologique (qu’on peut appeler, si l’on veut unité composée)»⁴⁴. Во многих исследованиях процедур разного рода компрессии, универбации, вербальной экономии, словосложения и т. п. в современных европейских языках несколькословные наименования рассматривались и рассматриваются в качестве альтернативы дериватам и композитам⁴⁵. В свое время в статье о разноструктурных единицах номинации Е.С. Кубрякова довольно четко сформулировала противопоставление единиц-обозначений (как однословных, так и несколькословных), которые фиксируются словарями (т. е. являются лексическими единицами), и единиц-описаний (аналитических дескрипций), хотя не все высказанные ею положения представляются бесспорными⁴⁶. В качестве

⁴² Николов Н. Именните (фразеологични) и съставните устойчиви словосъчетания в старобългарския език // Преславска книжовна школа. Шумен, 2003. Т. 7. С. 232–254.

⁴³ Ефимова В.С., Желязкова В. Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgarica*. 2014. № 3. С. 33–48; Ефимова В.С. К определению статуса несколькословных наименований лиц в старославянских текстах // Славянский альманах. 2015. № 3–4. М., 2015. С. 352–367.

⁴⁴ Bally Ch. *Traité de stylistique française*. 2-e ed. Heidelberg, 1921. P. 69.

⁴⁵ Никитевич В.М. Словообразование и деривационная грамматика. Гродно. Ч. 1. 1980; Ч. 2. 1982; он же. Основы номинативной деривации. Минск, 1985; Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986; *Kastovsky D.* The problem of productivity in word formation // *Linguistics*. Vol. 24. 1986. № 3. P. 595; *Нещименко Г.П.* Тенденция языковой экономии // *Slowotwórstwo: Nominacja*. Opole, 2003. S. 290–291; *Ohnheiser I.* Словообразование в системе словообразования и в тексте // *Slowotwórstwo słowiańskie: System i tekst*. Poznań, 2012. S. 101–111 и др.

⁴⁶ Кубрякова Е.С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // *Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice, 2000. S. 24–31. Сомнительно, однако, что конвенциональностью обладает только производное слово. Как пишет Е.С. Кубрякова, «именно своей конвенциональностью ПС [производные слова. – В. Е.] отличаются от всех прочих несколькословных номинаций и развернутых аналитических дескрипций. Разумеется, среди последних тоже встречается немало устой-

лексических единиц несколькословные наименования («multi-word lexemes», «phrasal lexemes», «phrasal names») исследовались в последние годы на материале современных европейских языков в ряде работ представителей разных школ и направлений. При этом в поле зрения лингвистов в первую очередь попадают устойчивые словосочетания («fixed expressions»), и считается, что именно конвенциональность в языковом узусе несколькословных наименований служит основанием считать их лексическими единицами⁴⁷. Как уже упоминалось выше, Н. Николов и в старославянском языке начал изучать «устойчивые словесные комплексы».

Однако обращение к материалу старославянского языка заставляет усомниться в том, что для выявления среди несколькословных наименований лексических единиц можно пользоваться критерием конвенциональности или устойчивости. Мы полагаем, что хотя свойства конвенциональности и устойчивости часто присущи несколькословным наименованиям в современных, живых языках, не они должны служить основанием для идентификации несколькословных наименований в качестве лексических единиц. Именно специфика старославянского материала «высвечивает» некоторые аспекты процесса несколькословной номинации, которые при изучении живых языков могут либо не замечаться, либо намеренно оставляться в стороне.

Как мы неоднократно повторяли вслед за Е.М. Верещагиным, основной особенностью старославянского языка как литературного языка средневекового типа является то, что этот язык, в том числе и его лексический инвентарь, создавался узким элитарным кругом книжников по мере выполнения переводов и буквально в процессе этих переводов⁴⁸. Лишь в отношении немногих старославянских несколькословных наименований мы можем предполагать о заимствовании их книжниками в виде готовых лексических единиц из народной славянской речи того времени (например, *ослабѣнъ* (з)н жнаамн для перевода *παράλυτικός* в Мт 9,2 и Мк 2,3) и, следовательно, предполагать у них свойства конвенциональности и устойчивости. Основная же масса старославянских несколькословных наименований была создана самими книжниками в процессе перевода под влиянием языка греческого оригинала или даже просто путем калькирования соответствующих греческих наименований. У палеославистов, видимо, нет сомнений, что огромное количество старославянских однословных наименований – результатов словотворчества книжников представляют собой лексические единицы старославянского лексикона, которые должны фиксироваться словарями. Точно так же несколькословные наименования – результаты словотворчества книжников могут

живых словосочетаний... По сути своей, однако, все они должны рассматриваться скорее как описания, существующие к тому же нередко как своеобразные аналоги имеющимся в словарях названиям (ср. *скорая* и *скорая помощь*...)» – Там же. С. 25. Мы полагаем, напротив, что среди несколькословных номинаций-обозначений есть как неконвенциональные, так и конвенциональные.

⁴⁷ Wray A. Formulaic language and the lexicon. Cambridge, 2002; Wray A. Formulaic language: Pushing the boundaries. Oxford, 2008; Booij G. Phrasal names: A constructionist analysis // Special issue on Words and Phrases. Word Structure. 2009. Vol. 2. № 2. P. 219–240; Masini F. Phrasal lexemes, compounds and phrases: A constructionist perspective // Special issue on Words and Phrases. Word Structure. 2009. Vol. 2. № 2. P. 254–271; Aleksiejewa M., Ostapczuk O. Многокомпонентные термины в научном дискурсе и в информационной системе славянского языкознания iSybislaw (на материале русского и польского языков) // Slavia orientalis. 2013. T. LXII. № 2. S. 275–284 и др.

⁴⁸ Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997 и др.

представлять собой лексические единицы, которые должны фиксироваться словарями. Однако очевидно, что ни о какой «конвенциональности и устойчивости в языковом узусе» в таком случае не может быть и речи – не только в отношении несколькословных наименований, но и однословных. Конвенциональность только «назначалась» переводчиком в процессе перевода и лишь впоследствии могла в языковом узусе закрепиться или не закрепиться. Что же касается устойчивости, то, напротив, в некоторых случаях рукописи сохраняют нам как бы «пробы пера» переводчиков, результаты их творческих поисков в создании лучшего варианта передачи соответствующего греческого наименования. Для иллюстрации этого явления приведем пример, дающий четыре варианта передачи греческого наименования⁴⁹: композит *οἰκοδεσπότης* в переводе Евангелия передается несколькословными наименованиями господннз храма, господннз храмннзи, господннз домоу, чловѣкз домовнтз. Ср.: ὅτι εἰ ἦδει ὁ οἰκοδεσπότης ποία φυλαχὴ ὁ κλέπτης ἔρχεται – тко аште бн вѣдѣлз ГНЗ ХРАМА вз кѣѣ стражж тать прндетз . (Мт 24,43 в Зогр, Мар, Ас); ὅτι εἰ ἦδει ὁ οἰκοδεσπότης ποία ὥρα ὁ κλέπτης ἔρχεται – тко аште бн вѣдѣлз ГНЗ . ХРАМННЗИ . вз кзи часз тать прндетз . (Л 12,39 в Зогр, Мар, Ас); Τότε ὀργισθεῖς ὁ οἰκοδεσπότης εἶπεν τῷ δούλῳ αὐτοῦ – тогда разгнѣваеъ сѧ ГНЗ ДОМОУ . рече рабоу своему . (Л 14,21 в Зогр, Мар, Ас, Сав); Ὁμοίᾳ γάρ ἐστιν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ἀνθρώπῳ οἰκοδεσπότη – подобно естз црѣствне небесное . члвкоу домовнтоу . (Мт 20,1 в Мар, Ас, Сав). И лишь когда в переводе книги Исход, выполненного, как известно, несколько позже евангельского перевода, мы находим передачу греческого несколькословного наименования ὁ κύριος τῆς οἰκίας как господннз домоу (Исх 22,7)⁵⁰, можно говорить об обретении наименованием господннз домоу некоторой устойчивости.

Подходя к явлению варьирования наименований господннз храма, господннз храмннзи, господннз домоу, чловѣкз домовнтз с точки зрения теории номинации, следует признать, что эти варианты перевода создавались первыми славянскими переводчиками специально для номинации концепта, в греческом оригинале номинированного композитом *οἰκοδεσπότης*. При всем многообразии подходов и множестве определений (лингвистического) концепта представителями разных школ, можно принять в качестве рабочего определение, что (лингвистический) концепт – это некая дискретная единица ментального лексикона носителя языка⁵¹. Когда мы имеем дело с «конкретными» концептами, более традиционно можно было бы называть их «стоящими за словами понятиями»⁵². Мы предпочитаем называть такие концепты (т. е. концепты, стоящие за словами) лингвистическими, имея в виду, что в человеческом мышлении «задействованы» не только концепты, которые могут быть вербализованы, и вербализованные концепты составляют лишь часть ментального лексикона человека.

⁴⁹ Пример нами ранее уже использовался, но повторяем его ввиду его особой наглядности. Такие примеры отнюдь не единичны, но, возможно, не столь показательны.

⁵⁰ Пример из книги Исход предоставлен нам В. Желязковой.

⁵¹ *Кубрякова Е.С. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90; *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2002. С. 23–24; *Sprenger S.A.* Fixed expressions and the production of idioms. Nijmegen, 2003. P. 4; *Залевская А.А.* Психоллингвистические исследования. Слово. Текст. М., 2005. С. 243–244; *Booij G.* Phrasal names: A constructionist analysis // Special issue on Words and Phrases. Word Structure. 2009. Vol. 2. № 2. P. 220–221; *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка. М., 2012. С. 49–50; 107–108 и мн. др.

⁵² *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005. С. 43–62.

Как известно, языковая концептуализация мира у разных народов различна, и различиям в разных языках в содержании концептов, сходных на первый взгляд, было посвящено довольно много исследований⁵³. В отношении же концептов, стоящих за старославянскими лексическими единицами, различий в их содержании в сравнении с греческим языком можно ожидать лишь для тех наименований, которые вводились славянскими книжниками в старославянский лексикон «в готовом виде» из народной славянской речи. Различий же в содержании концептов, стоящих за наименованиями (как однословными, так и несколькословными), появившимися в результате словотворчества книжников, в сравнении с концептами, стоящими за наименованиями греческими, быть не должно «по замыслу переводчика», так как наименование создается принципиально как равнозначное греческому. И композит *οἰκοδεσπότης*, и несколькословные наименования *господннз храма*, *господннз храмннз*, *господннз домоу*, *чловѣкъ домовнтъ* номинируют один и тот же, причем единственный лингвистический концепт, в качестве наименований они функционально равнозначны и в равной мере являются лексическими единицами соответствующих языков. Таким образом, мы приходим к выводу, что основанием для дифференциации несколькословных наименований на лексические единицы (единицы-обозначения) и единицы-описания (аналитические дескрипции) является не их конвенциональность или устойчивость в языковом узусе, а функция номинации одного лингвистического концепта у лексической единицы (и, соответственно, функция номинации более, чем одного лингвистического концепта у несколькословных наименований, лексическими единицами не являющихся).

Возвращаясь к примеру В.И. Ягича *водьннз трѣдъ нмзи* ‘больной водянкой’, с которого мы начали рассмотрение проблемы, следует признать это наименование лексической единицей, так как оно номинирует один лингвистический концепт. В греческом оригинале этот концепт номинирован однословным наименованием – композитом *ὕδροπικός*, в календарях Зографского (130a 20) и Мариинского (76b 31) евангелий *ὕδροπικός* передан также однословным наименованием – композитом *водьнотрѣдовнтнз* (т. е. субстантивно употребленным прилагательным). Следует отметить, что несколькословные наименования – лексические единицы, которые, как *водьннз трѣдъ нмзи*, содержат более двух слов, встречаются в текстах довольно редко. Все же можно привести такие примеры: в переводе евангельского текста и оглавлений известна вариативная передача однословного наименования *ὁ σεληνιαζόμενος* (синодальный перевод «лунатик») – *мѣсачьннзъ зълзи недѣгъи нмзи* (Мт 4,24 в Зогр), *вѣсьноуѣн сѣ на новзи мѣсаца* (Зогр 129b 14), *зълодѣѣн сѣ на новзи мѣсаца* (Мар 43b 18); в книге пророка Иезекииля находим *οἱ κατοικοῦντες ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ Χοβάρ* – *жнвѣщен на рѣць коварѣ* (Иез 3,15, 232a 10 по F.I.461), в толкованиях на книгу пророка Иезекииля находим *οἱ τῆν Ἰουδαίαν οἰκοῦντες* – *жнвѣщен на жндовьсць землн* (ТК Иез 12,23, 248б 18 по F.I.461), *ὁ ἀφωρισμένος εἰς τὴν τοῦ θεοῦ θεραπείαν ἄνθρωπος* – *нареченннз на вожннж слоужбѣ* (ТК Иез 9,6, 243a 11 по F.I.461) и др. Гораздо чаще, однако, встречаются несколькословные наименования – лексические единицы, содержащие два слова: *οἰκονόμος* ‘управляющий’ – *прнставьннкъ домоу* (Л 16,3), *οἱ υἱοὶ τοῦ νυμφῶνος* ‘гости на свадьбе’ – *сзновѣ*

⁵³ См., например: *Вежбицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // *А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание.* М., 1997. С. 231–290; *Goddard C., Wierzbicka A.* Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures. Oxford, 2014. P. 46–54; 75–101 и мн. др.

връщннн (Мт 9, 15), *οἱ περίοικοι* ‘соседи’ – окръсть жнвѣштен (Л 1,58), *ὁ ἐνοικηματικός* ‘чародей, умеющий управлять духами’ – чаромъ обрътателъ (Евх 54а 18), *ὁ δούλος τοῦ θεοῦ* ‘духовное лицо’ – рабъ вожнн (Супр 524,14), *ὁ μισῶν τὰ καλά* ‘тот, кто ненавидит доброе’ – ненавндан добраа (Мих 3,2, л. 211а 9 по F.I.461), *ὁ δουλεύων θεῷ* ‘служащий Богу’ – слоужан богоу (Мал 3,18, л. 337б 15 по F.I.461), *ὁ τὴν θεραπείαν δεόμενος* – цѣльбъ творан (ТК Иез 18,17, л. 263а 3 по F.I.461) и мн. др.⁵⁴

«Практические» трудности по выявлению старославянских лексических единиц среди несколькословных наименований заключаются, однако, в том, что определить, один или больше лингвистических концептов номинирует несколькословное наименование в древнем тексте, – не всегда простая задача для современного исследователя. Некоторую «гарантию» того, что несколькословное наименование номинирует один лингвистический концепт и, следовательно, является лексической единицей старославянского лексикона дает соответствие старославянского несколькословного наименования греческому однословному: *ψευδοπροφήτης* ‘лжепророк’ – лъжнн пророкъ (Мт 7,15), *νομομαθής* ‘знарок Закона’ – законуу възкнѣвзн (Супр 425,3–4) и т. п., хотя в ряде случаев передачи греческих однословных однокорневых наименований старославянскими несколькословными можно подозревать осознанное намерение переводчика к некоторому сдвигу в содержании концепта: *βασιλικός* ‘придворный, царедворец’ – цѣсарѣ мѣжъ (И 4,47), *αἰρετικός* ‘еретик’ – хоульннкъ вѣрзи (Супр 404,8–9). Также некоторую «гарантию» того, что наименованием номинируется только один лингвистический концепт, дают входящие в несколькословные наименования семантически недостаточные, требующие зависимых слов опорные слова с глагольной семантикой ‘делать (что-л.)’, ‘любить (что-л.)’, ‘ненавидеть (что-л.)’ ‘стремиться (к чему-л.)’, ‘жить (обитать) где-либо’ и ‘жить (существовать) каким-либо образом’ и под.: *ὁ ἐργαζόμενος τὴν ἀνομίαν* – дѣлаан неправдѣ (Пс 63,3), *ὁ ποιῶν δικαιοσύνην* – творан правдѣ (толкование на Иез 9,6, по F.I.461 л. 243а 3), *ὁ πολιτευόμενος ὑπὸ τοὺς νόμους* – жнвзн по законуу (толкование на Иез 17,17, по F.I.461 л. 261а 6) и т. п. В некоторых случаях мы можем предполагать терминологичность греческих однословных или несколькословных наименований и, следовательно, номинацию только одного лингвистического концепта как греческими наименованиями, так и старославянскими несколькословными наименованиями: *ὁ θεοῦ διάκονος* ‘духовное лицо’ – вожнн слоуга (Рим 13,4), *ἰατρῶν παῖδες* ‘врачи’ – врачевѣштнн отроцн (Супр 430,14), *ὁ μυρεψός* ‘составляющий масти, парфюмер’ – варан вонѣ (Исх 30,25; Исх 30,35)⁵⁵ и т. п. В некоторых случаях решение задачи, один или больше лингвистических концептов номинирует старославянское несколькословное наименование, зависит от интерпретации текста, причем интерпретации не только старославянского текста, но в первую очередь интерпретации текста греческого оригинала⁵⁶. Тем не менее достаточно глубокое проникновение в содержание древних текстов в принципе не должно оставлять сомнений, один

⁵⁴ Некоторые типы несколькословных наименований лиц – лексических единиц рассмотрены в нашей совместной с В. Желязковой статье: *Ефимова В.С., Желязкова В.* Несколькословные номинации лиц... С. 33–48.

⁵⁵ Пример из книги Исход предоставлен нам В. Желязковой.

⁵⁶ Подробнее о проблеме выявления в текстах старославянских лексических единиц среди несколькословных наименований см. нашу статью: *Ефимова В.С.* К определению статуса несколькословных наименований лиц... С. 352–367.

или более лингвистических концептов номинирует какое-либо несколькословное наименование.

Подытоживая сказанное в данном разделе, заключаем, что вопрос о несколькословных номинациях представляет собой одну из сложнейших проблем лексикологии старославянского языка, изучение которой, на наш взгляд, давно назрело. Первый шаг в этом направлении – выявление среди несколькословных наименований лексических единиц. Однако в дальнейшем должны быть описаны все типы несколькословных наименований, нюансы соотношений их с наименованиями греческими, рассмотрена динамика переводческих интенций в этой сфере по мере становления первого литературного языка славян.

Калькирование

Как уже отмечалось в разделе о проблемах дифференциации старославянской лексики, собственное словотворчество книжников служило одним из основных источников формирования старославянского лексического инвентаря, и у нас есть основания предполагать, что результатом словотворчества книжников было гораздо больше слов, чем обычно считается. Важнейшей составляющей словотворчества книжников являлось разного рода калькирование. Интерес к старославянским калькам у палеославистов возник еще в конце XIX в., и уже в исследовании славянских композитов В.И. Ягича 1898–1899 гг. довольно много было сказано о старославянских кальках с греческого⁵⁷. В XX в. старославянские кальки продолжали оставаться в сфере внимания палеославистов⁵⁸, при этом для изучения калек с греческого брались также и несколько более поздние древнеславянские рукописи, по большей части восходящие к старославянским протографам⁵⁹. В монографии К. Шуманна 1958 г. была дана классификация старославянских калек⁶⁰. В несколько модифицированной форме (но построенная на тех же принципах), эта классификация была повторена и в монографии Н. Молнара 1985 г.⁶¹ Классификации Шуманна и Молнара до сих пор пользуются авторитетом у

⁵⁷ *Jagić V.* Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Bd. 20. S. 516–556; Berlin, 1899. Bd. 21. S. 28–43.

⁵⁸ *Цейтлин Р.М.* Сложные слова на вель-, веле-, веань-, веанко- в языке старославянских памятников // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. М., 1975. С. 184–190; *она же.* Лексика старославянского языка...; *Минчева А.* Калки в старобългарски език // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1995. Т. 2. С. 209–212; *Верещагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка... и др.

⁵⁹ *Вялкина Л.В.* Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала (на примере Ефремовской кормчей) // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964; *она же.* Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966; *Копыленко М. М.* Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности // Византийский временник. М., 1973. Т. 34. С. 141–150; *Moszyński L.* Rzeczowniki złożone Synajskiego pateryka na tle złożenia kanonu staro-cerkiewno-słowiańskiego // Slovo. Zagreb, 1974. Т. 24; *Чернышева М.И.* Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славяно-русских переводах с греческого языка // Вопросы языкознания. 1984. № 2; *она же.* Византизмы в языке «Хроники» Иоанна Малалы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987; *она же.* Семантика словообразовательных моделей с начальными благо- и бого- (новые данные) // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 540–553 и др.

⁶⁰ *Schumann K.* Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958.

⁶¹ *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985.

палеославистов. Так, например, в недавно опубликованной работе болгарской коллеги Т. Илиевой безоговорочно, как кажется, принимаются и метод исследования К. Шуманна и Н. Молнара, и их классификации⁶². Нельзя, однако, не заметить, что применение этих классификаций к старославянскому языковому материалу устраивает далеко не всех исследователей, и разные авторы учитывают их в разной мере. Составляя свою классификацию старославянских калек с греческого, К. Шуманн опирался на теоретическую базу, разработанную предыдущими поколениями европейских лингвистов⁶³, и в основу своего подхода к старославянским калькам положил метод сопоставления в предполагаемых парах – калькируемого слова языка-источника и калькированного слова языка-реципиента. Посредством этой методики, воспринятой К. Шуманном и Н. Молнаром, исследователю предлагается определить внутри такой предполагаемой пары нюансы влияния греческого слова или выражения на слово или выражение славянского перевода. Представляется, однако, что изучение явления старославянского калькирования требует принципиального иного подхода. Как уже упоминалось выше, старославянский язык в качестве литературного языка средневекового типа создавался в особых социолингвистических условиях узким элитарным кругом книжников. Язык греческих оригиналов переводимых текстов играл при этом роль не только исходного языка в процедурах калькирования, но занимал совершенно уникальное положение в процессе создания старославянского лексического инвентаря – как и вообще создания старославянского языка. Не вызывает сомнений, что не только сами свв. Кирилл и Мефодий, но и их ученики и последователи – члены круга славянских книжников – свободно владели византийским греческим, что не могло не отражаться на характере их словотворчества. В ряде случаев мы отмечали даже непосредственную включенность слов греческих оригиналов в словообразовательные процедуры, соединяющие греческие производящие основы со славянскими аффиксами⁶⁴. Не случайно, видимо, уже в начале 90-х годов прошлого века М.И. Чернышева предлагала ввести в палеославику термин «византизм», объединяя таким образом все виды влияния византийского греческого на язык славянских переводов⁶⁵. Учитывая особую социолингвистическую ситуацию старославянского языка, старославянские кальки, по нашему мнению, нельзя исследовать в «изолированных парах», но изучение старославянского калькирования необходимо включить в контекст изучения всей старославянской лексической и всей старославянской словообразовательной систем.

По отношению к процессу формирования старославянского лексического инвентаря принципиальные различия, на наш взгляд, имеют три основных вида калькирования: семантические кальки, фразеологические кальки, поморфемные кальки.

Семантическое калькирование расширяло семантический объем слова славянской народной речи, уже существовавшего «в готовом виде». Эта процедура была возможна

⁶² Илиева Т. Поморфемният принцип на превеждане в ЕзF.I.461 // *Lettera et lingua*, пролет – лято 2013. Електронно списание за хуманитаристика. <http://slav.uni-sofia.bg/naum/lilijournal/2013/1-2/ilievat>.

⁶³ Обзор основных положений, разработанных в работах Ф. де Соссюра, А. Мейе, Ш. Балли, Б.О. Унбегауна, В. Беца и других лингвистов см. в: *Molnár N. The Calques of Greek Origin...* P. 37–63.

⁶⁴ Ефимова В.С. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006. С. 10–11, 94–96, 109–110, 217; 225 и др.

⁶⁵ Чернышева М.И. О понятии «византизм» в языке славяно-русских переводных памятников // *Византийский временник*. Т. 52. М., 1991. С. 171–181.

благодаря наличию «точек соприкосновения» в его семантической структуре и семантической структуре переводимого им греческого слова, т. е. наличию в их семантических структурах хотя бы одной общей семемы. Р. Вечерка считал эту процедуру случаем эксцессивной семантической идентификации («a case of excessive semantic identification») старославянского эквивалента греческому соответствию, отмечая при этом частую терминологизацию – в смысле теологической, научной или какой-либо другой интерпретации славянских слов⁶⁶. Е.М. Верещагин называет это явление в старославянском языке «транспозицией», рассматривая его с точки зрения терминотворчества: «в случае терминотворческой транспозиции слово, ставшее термином, <...> имеет внешне противоречивые характеристики: его семантика, конечно, модифицируется, но в то же время не порывает с исходной»⁶⁷. Мы полагаем, что в отношении старославянского семантического калькирования не целесообразно говорить об образовании новой лексической единицы старославянского лексикона, так как славянское слово употреблялось книжниками и в новом значении, и в старых значениях, сохраняя свою целостность. Это сохранение целостности слова всегда ощущалось лексикографами, и в старославянских словарях новое значение, появившееся в результате «транспозиции», дается в словарных статьях как одно из значений слова. Так, например, слово *отець* в процессе переводов приобрело целый ряд новых значений – ‘Бог-Отец’, ‘игумен’, ‘учитель церкви’, ‘монах’, ‘ветхозаветный патриарх’, но основным осталось старое значение славянского термина родства⁶⁸.

Фразеологическое калькирование имеет своим результатом новые лексические единицы – как правило, в виде несколькословных наименований. Обычно в поле зрения славистов попадают закрепившиеся в узусе буквальные переводы греческих фразеологических сочетаний, в свою очередь иногда восходящих к древнееврейским выражениям⁶⁹, из широко употребительных богослужебных текстов: *οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι* – нищн доухомь (Мт 5,3), *οἱ καθαροὶ τῆ καρδίᾳ* – чнстн срьдцьмь (Мт 5,8), *οἱ εὐθεῖς τῆ καρδίᾳ* – правн срьдцьмь (Пс 63,11) и т. п. (ср. совр. рус. *нищие духом, чистые сердцем*⁷⁰). Однако фразеологические кальки, буквалистски переводящие греческие выражения, закреплялись в узусе далеко не всегда – как и вообще результаты словотворчества книжников. Многие фразеологические кальки, встречающиеся в толкованиях на книги Св. Писания, агиографической, гомилетической литературе и т. п., остаются единожды употребленными, составляя так называемые «темные места», прочтение которых требует определенных исследовательских усилий. Так, например, «неуклюжим» и на первый взгляд непонятным кажется перевод первого же предложения «Слова на вербное воскресенье» (Супр 318,12–14): *Ἐκ θαυμάτων ἐπὶ τὰ θαύματα τοῦ*

⁶⁶ *Večerka R.* The Influence of Greek on Old Church Slavonic // *Byzantinoslavica*. Praha, 1997. T. LVIII. Fasc. 2. P. 368.

⁶⁷ *Верещагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка... С. 40.

⁶⁸ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. С. 436; *Slovník jazyka staroslověnského*. T. II. S. 624–625.

⁶⁹ См.: *Ефимова В.С., Желязкова В.* Несколькословные номинации лиц... С. 43.

⁷⁰ Недавно изданный «Фразеологический словарь старославянского языка» под ред. С.Г. Шулежковой (М., 2011) фиксирует старославянские словосочетания, получившие устойчивость в их последующей жизни в веках. Несомненно, такие издания имеют культурно-познавательную ценность для студентов и широкой общественности, однако они мало имеют отношения к исследованиям старославянского фразеологического калькирования.

κυρίου βαδίσωμεν, ἀδελφοί, καὶ φθάσωμεν, ὡς ἐκ δυνάμεως εἰς δύναμιν – ⚡тз वोудесз кз वोудесемз господьнемз коднмз братнѣ . н дондѣмз акзи отз снлзи на снлѣ, где φθάσωμεν, ὡς ἐκ δυνάμεως εἰς δύναμιν ‘преуспеем по возможности’, содержащее фразеологизм ὡς ἐκ δυνάμεως εἰς δύναμιν, буквалистски переведено как дондѣмз акзи отз снлзи на снлѣ.

М.М. Копыленко начал изучать фразеологические кальки с греческого еще в 70-х годах прошлого века на материале несколько более поздних древнерусских списков со старославянских протографов и других древнерусских рукописей. Исследователь разделил фразеологические кальки на фразеологические кальки-гнезда и индивидуальные фразеологические кальки. К первым он отнес кальки с определенными глаголами, каждый из которых образовывал целый ряд словосочетаний с заимствованной греческой сочетаемостью. Например, с глаголом **исплъзнити**: πληροῦν θυσίαν – «исплънити жрътвоу», ἀναπληροῦν τετραῳδιον – «исплънити четверопѣсна», ἀναπληροῦν τὸ μέτρον – «исплънити мѣру», ἀναπληροῦν θέλημα – «исплънити волю» и т. п. К индивидуальным фразеологическим калькам он отнес буквальные переводы греческих словосочетаний с претерпевшими семантические изменения глаголами, типа τιθέναи ὄνομα – «положить имя» ‘назвать’, βασταάζειν νόσοι – «въздвигнуоти недоугы» ‘терпеть болезни (муки) за кого-либо’ и т. п.⁷¹ Таким образом, некоторые пути изучения фразеологических калек с греческого были намечены, но это явление в старославянском языке до сих пор исследовано очень мало.

Поморфемное калькирование имеет своим результатом новые лексические единицы – как правило, в виде однословных наименований. Этот вид калькирования служил славянским книжникам одним из основных способов создания новых старославянских лексических единиц. Вместе с тем именно поморфемное калькирование особенно нуждается, как нам представляется, в пересмотре методов его изучения. Если наличие явления калькирования определять методом сопоставления слов в «изолированных парах», применявшимся К. Шуманном и Н. Молнар, то почти любое слово, являющееся результатом словотворчества книжников, придется считать калькой какого-нибудь вида. В итоге в одном только евангельском тексте К. Шуманн насчитал 176 разного типа калек, а Н. Молнар еще больше: его монография, результирующая многолетние исследования материала Евангелия, содержит 290 этюдов, посвященных таким «изолированным парам»⁷². На самом деле калек было значительно меньше, чем можно было бы «приписать» старославянскому языку, руководствуясь старыми (и общепринятыми!) принципами их изучения⁷³. В ряде работ мы старались показать, что изучение старославянского калькирования на основе метода сопоставления слов в «изолированных парах» не вполне адекватно отражают происходившие в старославянском языке процессы словотворчества, и далеко не всегда формальное соответствие морфемных структур старославянского и греческого слов должно служить нам основанием считать старославянское слово поморфемной калькой, но старославянское поморфемное калькирование необходимо изучать в рамках исследований ста-

⁷¹ Копыленко М.М. Кальки греческого происхождения... С. 147–149.

⁷² Molnár N. The Calques of Greek Origin... P. 71–293.

⁷³ Так, Н. Молнар причисляет к поморфемным калькам (в его терминологии «real structural calques») такие слова как длзжьннкз, закѡньннкз, застѣдннкз, кзннгзунн и кзннжьннкз, наставьннкз и оучнтелѣ, нждьннкз, пѣнажьннкз и др. – см.: Molnár N. The Calques of Greek Origin... P. 144–145, 163–164, 165–166, 193–195, 213–214, 229, 264–265.

рославянской словообразовательной системы, рассматривая его как специфический способ словообразования⁷⁴.

Постановка явления старославянского поморфемного калькирования в словообразовательный контекст выдвигает на первый план изучение сопровождающих его словообразовательных процедур. Первые переводчики свв. Кирилл и Мефодий и их последователи, имея в качестве опоры народную славянскую речь, имели и славянские модели деривации – суффиксальные, префиксальные, префиксально-суффиксальные, а также славянские модели сложений для передачи композитов, так характерных для византийского греческого. И прежде всего при изучении старославянского поморфемного калькирования, по нашему мнению, следует обратить внимание на то, что словообразовательные процедуры создания композита с двумя знаменательными корнями и однокорневого суффиксального деривата имели принципиальные отличия.

Как уже отмечалось в разделе о дифференциации старославянской лексики, для создания новых слов книжники использовали архаичные модели сложений. В том, что это были новые слова, значения композитов, связанные с христианской тематикой, не оставляют места для сомнений: *златоустъ[ын]* ~ *χρυσόστομος*, *прснодѣва* и *прснодѣваа* ~ *ἀειπάρθενος*, *маловѣръ* ~ *ὀλιγόπιστος* и т. п. Однако по большей части книжники пользовались моделями суффиксально-сложного способа словообразования, т. е. моделями с классифицирующими суффиксальными (а не только словоизменительными) морфемами. Таким образом, основная масса старославянских композитов оформлена продуктивными суффиксами, указывающими на их частеречную принадлежность (греческому *θεομάχος* соответствует сущ. *богоборьць*, но также и прил. *боготорьнь* и *богосварьнь*; *ἐξαπτέριυος* соответствует прил. *шестокрнлатъ*, но также и сущ. *шестокрнлатьць* ‘серафим’), при том, что подлежащие переводу греческие композиты во многих случаях (если не в большинстве случаев) таких суффиксов не имели. Это говорит, несомненно, о самостоятельности «словообразовательной стратегии» книжников. О приоритете славянских словообразовательных механизмов при переводе греческих композитов говорит и изменение в ряде случаев порядка компонентов в сравнении с их порядком в композитах греческих, а иногда и выбор компонентов другого частеречного происхождения⁷⁵. Тем не менее, при создании нового старославянского композита, наряду с использованием славянских классифицирующих (т. е. словообразовательных и словоизменительных) морфем, книжники переводили, как правило, две корневые морфемы греческого композита, т. е. переводили две греческие знаменательные морфемы, указывающие на понятия. И именно соположение двух корневых знаменательных морфем, диктуемое греческим образцом, показывает, что новое старославянское слово было создано не только с использованием правил славянского словообразовательного механизма, но в подражание греческому слову, его двукорневой морфемной структуре, с тем самым «поморфемным переводом», которое и есть *калькирование*. Этот поморфемный перевод двух соположенных греческих знамена-

⁷⁴ *Ефимова В.С.* О старославянском калькировании как специфическом способе словообразования // *Byzantinoslavica*. Praha, 2007. Т. LXV. Fasc. 2. S. 117–128; *она же*. Наименования лиц в старославянском языке... С. 17–24; С. 91–115; *она же*. К вопросу об изучении калькирования в старославянском языке // *Славяноведение*. 2015. № 2. С. 53–65 и др.

⁷⁵ Подробнее об этом см. в: *Ефимова В.С.* О старославянском калькировании как специфическом способе словообразования... С. 117–128.

тельных корневых морфем наблюдается при использовании книжниками для калькирования любых моделей сложения – как суффиксально-сложных, так и архаичных.

Старославянский лексический инвентарь содержит также массу дериватов, появившихся в результате словотворчества книжников, образованных ими по регулярным словообразовательным моделям с помощью продуктивных суффиксов (или суффиксов, ставших продуктивными в старославянском языке) и хорошо мотивированных на славянской почве. В отличие от процедуры создания нового старославянского композита, при создании однокорневого суффиксального деривата славянский корень с близкой к значению греческого слова семантикой снабжался книжниками только словообразовательным суффиксом (с присущей ему словоизменяющей морфемой), то есть морфемой классифицирующей, а не знаменательной. Использование классифицирующей суффиксальной морфемы не предполагает обязательно процедуры калькирования. Так, например, несмотря на то, что при переводе слов с греческим суффиксом *-της* книжники отдавали предпочтение созданию новых старославянских слов с суффиксом *-tel'(ь)*⁷⁶, они образовывали для перевода греческих слов с суффиксом *-της* слова и с другими суффиксами: *μαθητής* ~ *оученикъ*, *βουλευτής* ~ *свѣтъникъ*, *κερματιστής* ~ *пѣнжыникъ*, *κολληβιστής* ~ *тръжыникъ*, *ληστής* ~ *разбонникъ* и др. С другой стороны, слова с суффиксом *-tel'(ь)* образовывались книжниками и для передачи греческих слов без суффиксов или с другими суффиксами: *διδάσκαλος* ~ *оучителъ*, *γονεύς* ~ *родителъ*, *μάρτυς* ~ *свѣдѣтелъ*, *φύλαξ* ~ *хранителъ*, *ἱερεύς* ~ *чнстителъ* и др. Учет как словообразовательных мотиваций, так и обстоятельств вхождения слова в старославянский лексический инвентарь и взаимоотношений в нем с другими лексемами и греческими соответствиями имеет решающее значение для определения зависимости или независимости образования старославянского суффиксального деривата от греческого образца. Так, например, Н. Молнар считал сущ. *наставынкъ* поморфемной калькой (в его терминологии «real structural calque»), соответствующей «part for part» греч. *ἐπιστάτης*, отмечая, что для греч. *καθηγητής* *наставынкъ* является «простым переводом» («simple translation»)». Однако суффиксальный дериват *наставынкъ* ‘наставник, учитель’ нет необходимости рассматривать в качестве кальки, так как оно не только используется для передачи разных греческих слов уже в переводе Евангелия-апракоса (*ἐπιστάτης* в Лл 17,13 и *καθηγητής* в Мт 23,10), т. е. на самом начальном этапе славянских переводов, но и образовано по регулярной словообразовательной модели с продуктивным суффиксом *-ьnik(ь)* от гл. *наставити* в значении ‘наставить, научить’ и хорошо мотивировано на славянской почве. Образование слова *наставынкъ* аналогично образованию слова *прнставынкъ* ‘управляющий’, которое появляется в переводе Евангелия-апракоса для передачи *ἐπίτροπος* в Мт 20,8, а затем используется и в переводе Евангелия-тетра для передачи композита *οἰκονόμος*. Так же как и *наставынкъ*, слово *прнставынкъ* образовано по регулярной словообразовательной модели с тем же продуктивным суффиксом от гл. *прнставити* в значении ‘назначить’ и хорошо мотивировано на славянской почве. Нет необходимости считать суффиксальные дериваты типа *наставынкъ* и «кальками-неологизмами». Классификация слова как «кальки-неологизма» («псевдокальки», «калькоида») предполагает тот случай, когда в языке-реципиенте

⁷⁶ Ефимова В.С. Наименования лиц в старославянском языке... С. 56–61.

⁷⁷ Molnár N. The Calques of Greek Origin... P. 213–214.

те создается слово для передачи некоего понятия по причине отсутствия в нем соответствующего слова. Однако, как мы уже отмечали в разделе о проблемах дифференциации старославянской лексики, книжники часто создавали новые книжные слова с продуктивными аффиксами и при наличии в славянской народной речи подходящих для перевода по значению слов, руководствуясь целью создания лексического инвентаря «высокого регистра». И действительно: в старославянском лексиконе имеется подходящее по значению слово народной славянской речи ꙗѣстоуѣнъ, которое могло бы быть использовано переводчиками Евангелия и для передачи ἐπιστάτης, и для передачи καθήγητής, но оно не было ими использовано, а было создано слово наставьѣнкъ. Слово ꙗѣстоуѣнъ находим в календарях Ассеманиева и Остромирова евангелий (Ас 147b 3–4; Остр 277aß 2), и то, что в значении ‘наставник, учитель’ слова наставьѣнкъ и ꙗѣстоуѣнъ синонимичны, подтверждается вариативностью в апостольском стихе 1Кор 4,15: наставьѣнкъ в Христинопольском – ꙗѣстоуѣнъ в Охридском, Слѣпченском, Шишатовском, Струмицком, Матичином списках.

Следует отметить также, что славянские корни создаваемых книжниками суффиксальных дериватов отнюдь не всегда имели семантику, совершенно сходную с семантикой корней греческих переводимых лексем. Так, например, Т. Илиева в упомянутой выше статье, следуя методологии исследования старославянских калек К. Шуманна и Н. Молнара, причисляет слово саднтѣль, употребленное для перевода греч. φυτοуρός ‘садовник’ в толковании на книгу пророка Иезекииля (ТК Иез 31,18), к частичным поморфемным калькам с греческого⁷⁸. Однако в паре саднтѣль ~ φυτοуρός не только нет поморфемного соответствия, но эти слова, при одинаковом значении в тексте, словообразовательно мотивированы совершенно по-разному и независимо друг от друга: φυτοуρός – двукорневой композит, саднтѣль – дериват с продуктивным суффиксом *-tel'(ь)* от глагола саднтн ‘сажать (растения)’. Слово саднтѣль словообразовательно хорошо мотивировано на славянской почве, и нет никаких оснований считать его какой бы то ни было калькой⁷⁹.

Рассмотренные нами различия в словообразовательных процедурах создания композитов и однокорневых суффиксальных дериватов, имеющие принципиальное значение для идентификации в качестве калек старославянских новообразований, многие палеослависты как будто учитывали и н т у и т и в н о: в своих работах они либо на ч и н а л и с о о п и с а н и я к а л е к - к о м п о з и т о в, у д е л я я и м о с н о в н о е в н и м а н и е, л и б о о п и с а н и е м к о м п о з и т о в и о г р а н и ч и в а л и с ь. Именными композитами рассматривались в упомянутой выше работе В.И. Ягича, именно композитам посвящены работы Л.В. Вялкиной, Л. Мошинского, Р.М. Цейтлин.

При изучении возможностей калькирования в сфере деривации префиксальной, следует, видимо, учитывать, что именная префиксальная деривация в старославянском языке была по существу ближе к сложению, чем к суффиксальной деривации. В.И. Ягич префиксальные именны образования, в частности образования с префиксами *без-* и *не-*, а также с префиксом *съ-*, соответствующим греч. *συν-*, считал сложениями (*composita*)⁸⁰. А. Вайан также описывал префиксальное образование как сложение (*la com-*

⁷⁸ Илиева Т. Поморфемният принцип на превеждане...

⁷⁹ Подробнее см. в: Ефимова В.С. К вопросу об изучении калькирования... С. 60–61.

⁸⁰ Jagić V. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Bd. 20. S. S. 548–552; Berlin, 1899. Bd. 21. S. 36–37, 41.

position)⁸¹. Р.М. Цейтлин отмечала «принципиальную разницу между суффиксами и префиксами»: «Суффикс не только вводит слово в определенный лексико-грамматический класс <...>, но и в определенную семантическую категорию. Префикс таким классифицирующим свойством не обладает. Префикс уточняет значение следующего за ним корневого компонента слова, т. е. его функция та же, что и первого компонента двукорневого сложения (разрядка наша. – В.Е.) <...>. Различие между префиксом и первым компонентом сложения, представляющим собою корневую морфему, состоит лишь в степени семантической насыщенности <...>»⁸².

Если оставить в стороне отрицательный префикс не-, можно сказать, что номинационная активность префиксации в старославянском языке была значительно ниже, чем номинационная активность суффиксации. Следует еще при этом также учесть, что некоторые слова, содержащие в своей структуре префиксы, на самом деле образованы не с их помощью, а «унаследовали» их от префигированных слов (главным образом, глаголов), служивших им мотивирующими: *нсравнтель* ‘вождь’ от *нсравнтн* в значении ‘направить’, *вззнскатеель* ‘судья, посредник в споре’ от *вззнскатн* в значении ‘исследовать, установить’, *оубннство* от *оубнтн* ‘убить, умертвить’, *сздънстьнкъ* ‘помощник, сподвижник’ от *сздънство* ‘содействие, помощь’ и мн. др. Близость именной префиксальной деривации к сложению отразилась и на процедурах калькирования: в отношении калькирования именную префиксальную деривацию целесообразно, видимо, рассматривать как сложение. А. Минчева в статье о кальках в «Кирилло-Мефодиевской энциклопедии» определяет два основных типа калькирования: структурные и семантические кальки, при этом в описании структурных калек речь у нее идет главным образом о двукорневых сложениях и префиксальных образованиях с префиксами не- и без-⁸³. Согласно нашим наблюдениям, соответствие префиксов не- и без- греческому префиксу ἀ- в переводимых греческих словах еще не является свидетельством образования старославянского слова путем калькирования, однако в некоторых случаях учет обстоятельств вхождения слов с отрицательными префиксами в старославянский лексический инвентарь и взаимоотношений в нем этих слов с другими словами и греческими соответствиями указывает на калькирование. Ср.: *ἀλαλος* – *нѣмъ(зин)* (Мк 7,37) и *неглаголюан* (Евх 53а 23–24), но *ἀδικοος* – *неправдынъ(зин)* (устоявшийся перевод) и *οβνδανезин* (Мт 5,45 Сав) и т. п.⁸⁴. Возможность калькирования можно предполагать и в отношении префигированных новообразований с другими префиксами, причем процедура калькирования могла касаться только префикса, так как в остальном морфемно-семантические структуры могут демонстрировать несоответствие. Например, префикс сж- мог калькировать префикс *ἀντι-* в значении ‘ответности, взаимности’: *сж-*гласие ‘антифон’ ~ *ἀντιφωνία*, но и *сжпротнвннкъ* ‘противник, неприятель’ ~ *ἀνταγωνιστής*, *антикеименос*, *антипалос*, *сжпротнвнне* ‘сопротивление’ ~ *ἀντίθεσις* и др.; префикс сз- мог калькировать префикс *συν-* в значении ‘совместности’: *сзвоннкъ* ‘соратник’ ~ *συστρατιώτης*, *сзстоольнкъ* ‘помощник, ассессор’ ~ *σύνεδρος* и др. Интересно, что в ряде

⁸¹ Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. La formation des noms. Paris, 1974. P. 753–765.

⁸² Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка... С. 190–191.

⁸³ Минчева А. Калки в старобългарски език // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1995. Т. 2. С. 209–212.

⁸⁴ Подробнее см. в: Ефимова В.С. К вопросу о лексическом выражении отрицания в старославянском языке // Slavia. Praha, 2005. Roč. 74. Seš. 2/3. S. 251–264.

новообразований префикс *сз-* ничего не изменял в значении префигурируемого имени, являясь как бы лишним, добавленным формально в подражание греческому слову: *поспѣшыннѣ* ‘сотрудник, помощник’ ~ *συνεργός* и *сзпоспѣшыннѣ* ‘сотрудник, помощник’ ~ *συνεργός*; *прнчѣстѣннѣ* ‘соучастник’ ~ *μέτοχος* и *сзпрнчѣстѣннѣ* ‘соучастник’ ~ *συμμέτοχος*⁸⁵.

Так же, как разграничение старославянского инвентаря на старую и новую лексику, получение доказательств для классификации старославянского слова в качестве кальки представляет для современного исследователя непростую задачу и требует учета как словообразовательных процедур (в том числе учета словообразовательных мотиваций), так и обстоятельств вхождения слова в старославянский лексический инвентарь, взаимоотношений его с другими старославянскими лексемами и греческими соответствиями. Такое исследование предполагает вовлечение в сопоставительный анализ языкового материала не только «классических старославянских» рукописей, но и более поздних списков с несохранившихся старославянских протографов.

Преславизмы

Палеослависты широко используют термин «преславизм» в отношении языковых явлений, которые считают характерными для текстов, связанных с Преславской школой письменности, и относимых ими на счет переводческой или редакторской деятельности преславских книжников. Особенно часто речь идет о лексических преславизмах. При этом, как правило, термин «преславизм» употребляется в качестве общепринятого и общепонятного термина, номинация которым определенных языковых фактов (в том числе и лексических) не требует каких-либо разъяснений. В лучшем случае дается ссылка на работу (работы), в которой (в которых) какое-либо слово (или явление) зачисляется в разряд преславизмов. Между тем нет, наверное, в лексикологии старославянского языка более «запутанного» понятия, чем преславизм.

История палеославистики и, в частности, история старославянской лексикологии сложилась так, что в понятии «преславизм» переплелись два понятия – лексическая замена (или лексический эквивалент) в более поздних списках и лексический северовосточноболгарский диалектизм. «Путаница» уходит корнями в самое начало XX века. К 1902 г. В.И. Ягичем был составлен знаменитый свод лексических дублетов, который был опубликован в работе «*Zum Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*». В то же время в среде российских ученых распространилось представление о том, что в Болгарии в конце IX – начале X вв. была осуществлена «симеоновская» редакция книг Св. Писания, связанная с созданием толковой версии. Создание толковой версии считали частью целенаправленного предприятия (к которому относили также появление и Супрасльской рукописи, и Изборника 1073 г.) по переводу греческих текстов при дворе царя Симеона в Преславе приближенными к нему книжниками⁸⁶. Поскольку

⁸⁵ Подробнее см. в: *Ефимова В.С.* Старославянская словообразовательная морфемика... С. 185–186; *она же.* Наименования лиц в старославянском языке... С. 108–111; *она же.* К вопросу об изучении калькирования... С. 61–63.

⁸⁶ *Погорелов В.А.* О редакциях славянского перевода псалтыри // Библиотека Московской Синодальной Типографии. Вып. 3. Псалтыри. М., 1901; *он же.* Славянский перевод Псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского // Древности. Труды Славянской Комиссии Императорского Московского Археологического Общества. Т. 3. М., 1902.

особая лексика, характерная для этих текстов, во многом совпадала с «правым рядом» в своде дублетов Ягича, последний стал ассоциироваться с региональной лексикой, действительно вводимой преславскими книжниками в старославянский лексический инвентарь и в новых переводах, и при редактировании переводов прежних.

Между тем В.И. Ягича интересовали процессы, свидетельствующие о внутренней эволюции старославянского языка («eine gewisse Evolution innerhalb der kirchenslavischen Sprache»), и потому он рассматривал дублеты с точки зрения, во-первых, характерности их для более ранних или более поздних памятников письменности или, во-вторых, в качестве синонимов «того же времени» («gleichzeitige Synonymen»). Возникновение вариантов более позднего времени объяснялось им стремлением частично к большей точности, частично к большей понятности языка («Varianten späterer Zeit, deren Auftreten zum Theil in dem Bestreben nach grösserer Genauigkeit, zum Theil aber auch in der dadurch erzielten grösserer Verständlichkeit seinen Erklärungsgrund findet»). И в последнем случае варианты могли иметь диалектное происхождение («Wo das letztere der Fall war, dort sollte man allerdings dem secund Ausdruck einen localen Hintergrund zuschreiben») ⁸⁷. И современники, и последующие поколения палеославистов прежде всего обращали внимание на идею Ягича о диалектном происхождении дублетов – «правого ряда» его свода, однако, как видим, это была лишь «часть позиции» Ягича, и нам представляется плодотворным вернуться к цельной его позиции.

Положение, что с появлением центра письменности в Преславе старославянский язык начинает развиваться в другой диалектной среде, признается всеми палеославистами, хотя у разных исследователей это утверждение принимает или более категоричную, или более «мягкую» форму ⁸⁸. Традиционно в старославянской лексикологии «охридизмы» противопоставляются «преславизмам», при этом акцентируются именно диалектные различия. Тем не менее нельзя, видимо, упускать из виду, как это делают многие палеослависты, что в корпусе слов, обычно относимых к «преславизмам», северо-восточноболгарские диалектизмы составляют лишь часть: среди так называемых преславизмов обнаруживаются (и даже чаще, чем северо-восточноболгарские диалектизмы) и народная лексика общеславянского распространения, и слова, созданные из славянских морфем по славянским словообразовательным моделям самими книжниками. То есть при ближайшем рассмотрении «преславизм» может оказаться вовсе не «преславизмом» в смысле принадлежности к региональной лексике ⁸⁹. Радикальной точки зрения на такое положение вещей придерживается Р. Станков, считая, что «терминами «преславизм» и «охридизм» можно пользоваться лишь в текстологическом, но никак не в лексикологическом смысле, да и то по отношению к текстологии богослужбных текстов» ⁹⁰.

⁸⁷ Jagić V. Zum Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache // Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Bd. 46. Wien, 1902. S. 68.

⁸⁸ Ср., например: Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 17–18; Львов А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. С. 280–308; Иванова-Мирчева Д. Въпроси на българския книжовен език до Възраждането (IX–X до XVIII век). София, 1987. С. 185.

⁸⁹ Несколько конкретных примеров было нами разобрано в статье: Ефимова В.С. О преславизмах как тесте для определения места и времени создания древнейших славянских текстов // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 18 (в печати).

⁹⁰ Станков Р. Локализация древнеболгарских переводных текстов в свете так называемой «охридской» и «преславской» лексики (На материяле Исторической Палеу) // Palaeobulgarica. XV. 1991. № 4.

Отдавая дань научной проницательности В.И. Ягича, следует, как нам кажется, возвратиться к его мыслям об эволюции старославянского лексического инвентаря, объясняемой стремлением славянских книжников (не только преславских!) частично к большей точности, частично к большей понятности языка. И хотя вопрос о сходствах и различиях в эволюции старославянского лексического инвентаря в рамках Охридской и Преславской школ фактически не изучался, из накопленного языкового материала уже сейчас очевидно, что лексический инвентарь так или иначе эволюционировал не только в рамках Преславской школы. Книжники вводили в него новые слова «по потребности» и во вновь переводимые тексты, и в прежние переводы, и в собственные оригинальные сочинения. При этом лексические замены и в богослужебных текстах, и в других ранних славянских переводах следует, видимо, рассматривать в рамках изучения общей тенденции корректировки, обусловленной стремлением к возможно лучшему восприятию аудио- и видеокодов текстов слушателями (т. е. паствой) или читателями⁹¹. Общеизвестный факт замены грецизмов первоначальных переводов славянской лексикой (в том числе и кальками композитов) «укладывается» в эту тенденцию⁹². Использование преславскими книжниками региональной лексики также «укладывается» в эту тенденцию.

Частью проблемы изучения региональной преславской лексики является употребление преславскими книжниками тюркизмов. Очевидно, что в отличие от грецизмов, считавшихся преславскими книжниками непонятными для реципиентов (слушателей или читателей) словами, требующими замены, тюркизмы представлялись им словами народной речи. Характерно, что тюркизмы вводились преславскими книжниками в тексты при наличии в старославянском лексиконе слов с тем же значением, вошедших в него в более ранних переводах: *кѣннѣгѣнн* при наличии *кѣннѣжннѣкъ*, *самѣнн* при наличии *къмѣшь*, и т. п. Уже Р.М. Цейтлин в отношении как собственно тюркизмов, так и славянских образований с суффиксом *-ъĉij(i)/-ьĉij(i)* писала: «Есть основания полагать, что в язык старославянских памятников эти слова вошли непосредственно из живой речи и связаны с восточноболгарским ареалом»⁹³. Идентификация старославянских тюркизмов как преславской региональной лексики была начата еще В.А. Погореловым⁹⁴, продолжается она и в работах современных исследователей, особенно болгарских (Б. Велчевой, А. Делевой и др.)⁹⁵.

С. 83–91; *он же*. Лексика Исторической Палеи. Велико Търново, 1994.

⁹¹ Попытка рассмотреть корректировки гомилетических текстов с точки зрения обеспечения возможно лучшего восприятия их аудиокодов была предпринята нами в статье: *Ефимова В.С.* Риторические стратегии древнейших славянских гомилетических текстов // *Языковая вариативность и культурный контекст*. М., 2013. С. 4–30.

⁹² Согласно наблюдениям Т. Славовой над лексическим варьированием по спискам евангельского текста, наиболее последовательно заменяются грецизмы, реже заменяются славянские лексемы славянскими же лексемами, но с другим корнем, и реже всего наблюдаются по спискам словообразовательные варианты – см.: *Славова Т.* Преславска редакция на Кирило-Методиеви старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии. Кн. 6. София, 1989. С. 117.

⁹³ *Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка... С. 124.

⁹⁴ *Погорелов В.А.* Образование имен существительных с окончанием –н в древнеболгарском языке // *Варшавские университетские известия*. Варшава, 1914. Кн. IX. С. 1–16.

⁹⁵ Идентификацией ранних тюркизмов в старославянском лексиконе, как и вообще в славянских языках, довольно много занимался Й. Русек. См.: *Rusek J.* Z dziejów nazw zawodowych w języku bułgarskim // *Słownictwo słowiańskie / Pod red. J. Ruska / Zeszyty naukowe Un-tu Jagiellońskiego*. CMVIII. Prace języko-

Вместе с тем к настоящему времени накоплено уже достаточно много языкового материала, свидетельствующего, что по мере становления старославянского языка не только преславские, но и вообще славянские книжники могли отдавать предпочтение народным словам перед словами, созданными самими свв. Кириллом и Мефодием или их ближайшими учениками для первых славянских переводов. Т. е. лексические замены в более поздних списках и синонимы «кирилло-мефодиевских» слов в более поздних переводах и оригинальных сочинениях, представляющие собой слова народной славянской речи, совсем не обязательно являются преславизмами. Подобные предпочтения иногда наблюдаются даже при наличии в узусе старославянского языка устоявшихся соответствий между «кирилло-мефодиевскими» и греческими словами. Так, например, устоявшимся соответствием является передача *ἄδικος* калькированными «кирилло-мефодиевскими» лексемами *неправѣднѣин* или *неправѣднѣнкъ*, а также «преславским вариантом» с суффиксом *-iv-* *неправѣднѣвин*. При этом в переводе книги Исход находим передачу *ἄδικος* (в значении ‘несправедливый, неправедный человек’) как *крнѣвин* – при отсутствии разночтений в обследованных древнейших списках: *οὐ παραδέξῃ ἀκοὴν ματαίαν οὐ συγκαταθήσῃ μετὰ τοῦ ἀδίκου γενέσθαι μάρτυς ἄδικος* – да не прѣимете слышатн сѣнхъ да не сѣложншн сѣ сѣ *крнѣвинн* бытн, послоухъ неправѣднѣ (Исх 23,1)⁹⁶. Однако, несмотря на то, что слово *крнѣвин* встречается и в толкованиях на книги Ветхого Завета, и в произведениях Иоанна Экзарха, его нельзя считать преславизмом ни в каком смысле, так как оно употреблялось славянскими книжниками разных письменных центров⁹⁷. Уже в Синайской псалтыри, за которой следуют Болонская, Лобковская и Парижская, слово *крнѣвин* выступает в качестве инновации (видимо, в результате переосмысления текста), тогда как в Дмитриевой псалтыри, за которой следуют Погодинская и Норовская, обнаруживается точный перевод с греческого. Ср.:

Пс 5,7: *ἄνδρα αἰμάτων καὶ δόλιον βδελύσεται κύριος*

– мѣжъ *крѣвен* лѣстнѣв мрѣзнѣтѣ гѣн Дмитр бг 12⁹⁸; мѣжъ *крѣвнѣ* н лѣстнѣв мрѣзнѣтѣ гѣн. Пог; мѣжа *крѣвен* н лѣстнѣв гнѣшаѣт сѣ господѣ. Норов;

– мѣжъ *крѣвѣ* | лѣжѣв мрѣзнѣтѣ гѣн Син, Бол, Лоб, Пар.

Таким образом, постепенное накопление сведений о старославянском лексическом инвентаре привело к осознанию того, что использование широкоупотребительного термина «преславизм» требует, на наш взгляд, серьезной ревизии, контуры которой в настоящее время могут быть очерчены лишь весьма приблизительно.

znawcze. Zesz. 95. 1991. S. 77–113; *id.* Dzieje nazw zawodów w językach słowiańskich. Warszawa, 1996; *Rusek J., Raczeva M.* Starobułgarskie jarigъ (arigъ) ‘sakkos, worek’ – wczesna pożyczka turecka // Rocznik Sławistyczny. 1991. T. XLVII. Cz. 1. S. 69–76; *Русек Й., Рачева М.* К древнейшим заимствованиям тюркского происхождения в болгарском языке: тѣзпыгъ ‘мешок из целой кожи’ // Linguistique Balkanique. XXIII. 1980. I. P. 39–41 и др. Из работ последних лет о ранних тюркских заимствованиях можно указать на статьи А.В. Дыбо. Например: *Дыбо А.В.* Булгары и славяне: фонетические явления в ранних заимствованиях // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А.Ф. Журавлева. М., 2011. С. 130–144.

⁹⁶ Данные В. Желязковой, подготовившей издание книги Исход, в котором в основу будет положена рукопись № 3 собрания Е. Барсова в ГИМ, относящаяся к 80–90 гг. XV в., а в сопоставление вовлечены и другие рукописи Ветхого Завета.

⁹⁷ Подробнее см.: *Ефимова В.С.* О преславизмах как тесте... (в печати).

⁹⁸ Благодарю Штефана Пилата, любезно предоставившего мне этот текст Дмитриевой псалтыри.

Метод изучения старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах

Как было показано в предыдущих разделах нашего очерка, пути формирования лексического инвентаря старославянского языка определялись «номинационной стратегией» славянских книжников. С целью объяснения приоритетов выбора книжниками способов номинации нами был предложен метод изучения старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах. Этот метод был нами описан и уже применен на практике при изучении старославянских наименований лиц⁹⁹, но он может быть использован при исследовании и других сегментов старославянского лексикона.

В рамках синхронных исследований старославянского языка попытки изучать лексику в отдельных группах предпринимались и ранее. В работах Р.М. Цейтлин старославянская лексика рассматривается в морфемных лексико-семантических группах: известная монография 1977 г. содержит описание групп слов, имеющих общий суффикс¹⁰⁰, описание некоторых групп слов, имеющих общий корень, дается в монографии 1996 г.¹⁰¹. Тезаурусный принцип группировки при изучении старославянской лексики впервые был применен Т.И. Вендиной в монографии 2002 г. – также в рамках синхронного подхода. Т.И. Вендина сформировала группы наименований лиц по словнику Словаря 1994 г., содержащему лексику «классических старославянских» рукописей (т. е. 17 древнеболгарских рукописей X–X вв.) и Киевских листков, и целью изучения групп была характеристика мотивированной лексики (т. е. лексики, производной на уровне старославянского языка)¹⁰².

Для изучения старославянской лексики на современном этапе развития палеославистики мы считаем плодотворным тезаурусный принцип группировки, выдвинутый Т.И. Вендиной, но с условием применения его для других целей и, соответственно, с использованием совершенно других принципов исследования тезаурусных групп. Необходимым условием анализа «номинационной стратегии» славянских книжников является дифференциация старославянской лексики по ее происхождению – лексика народной славянской речи, заимствования, словотворчество самих книжников, и в предыдущих разделах очерка рассматривались наиболее сложные вопросы этой дифференциации. Народная лексика – это лексические единицы, взятые книжниками в старославянский инвентарь из народной речи того времени «в готовом виде», в том числе и старые заимствования, проникшие в славянскую речь до эпохи кирилло-мефодиевских переводов (старые латинизмы, старые германизмы, заимствованные целым словом из древнеболгарского тюркизмы, заимствованные устным путем грецизмы). Некоторое количество заимствований вводилось книжниками в старославянский лексический инвентарь в процессе перевода. Это, главным образом, грецизмы. Их относи-

⁹⁹ *Ефимова В.С.* Об изучении старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 408–422; *она же.* Наименования лиц в старославянском языке... С. 126–196.

¹⁰⁰ *Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.

¹⁰¹ *Цейтлин Р.М.* Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв.: Проблемы и методы. М., 1996.

¹⁰² *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.

тельно немного, и эти заимствования были для переводчиков почти безальтернативной необходимостью: большинство гречизмов используется для номинации тех денотатов греческих лексем, которые не были известны или были мало известны славянам того времени – стран, городов, народов, культовых предметов, персон, занимающих малознакомые славянам должности, имеющих чины, саны и т. п. Большая часть собственно старославянской лексики создавалась разными способами самими книжниками: и путем деривации по славянским словообразовательным моделям, и путем субстантивного употребления адъективов, и путем калькирования или с элементами калькирования.

Целью применения метода изучения старославянской лексики внутри тезаурусных греческо-старославянских групп является о б ъ я с н е н и е приоритетов выбора книжниками способов номинации, поэтому анализу должен подвергаться в равной мере и старославянский, и греческий материал. Тезаурусные группы формируются из синонимичных и близких по значению старославянских и греческих слов, в них включаются как греческие соответствия старославянских слов, так и старославянские соответствия греческих слов. В результате в одной тезаурусной греческо-старославянской группе оказываются синонимичные и близкие по значению старославянские и греческие слова разной формальной и семантической структуры, разного происхождения, разной частотности в текстах, вошедшие в старославянский лексический инвентарь при разных обстоятельствах.

Покажем принцип формирования тезаурусных греческо-старославянских групп на примере группы наименований «властвующих и управляющих»¹⁰³. Слово праславянского происхождения *владзика* используется для перевода целого ряда греческих слов разной морфемной структуры и разных – хотя и близких – значений: *ἡγεμών, δεσπότης, ἡγουόμενος, κρατῶν*. Так же для перевода целого ряда греческих слов – *ἄρχων, βασιλεύς, ἡγεμών, τύραννος, μεγιστῶν, κόμης* – используется старый германизм *кзньась*. Старый латинизм *цѣсарѣ* в более общем значении ‘правитель, владыка’ переводит *ἄρχων, βασιλεύς, κύριος*, а при номинации кесаря, римского императора – *καῖσαρ, βασιλεύς, αὐτοκράτωρ, δεσπότης, τύραννος*. Эти наименования употребляются и в переводе Евангелия (в том числе уже и Евангелия-апракоса), и в переводе Псалтыри. В переводе Евангелия-тетра появляется старое славянское сложение *воевода*, которое в старославянских текстах выступает чаще в своем вторичном значении ‘правитель, владыка’ – при передаче греческих *ἡγεμών, ἡγουόμενος, ἄρχων, στρατηγός*. Уже в тексте Евангелия-апракоса (Л 7,8) в старославянский лексикон входит слово *властеѣ* – в составе выражения *подъ властеѣн оучнѣнѣнъ*, при переводе греч. *ὑπὸ ἐξουσίαν τασσόμενος* ‘подвластный’. В отличие от высокочастотных *владзика, кзньась, цѣсарѣ, воевода*, слово *властеѣ* встречается редко, хотя Ф. Славский считает его относящимся к праславянскому лексическому фонду¹⁰⁴ (т. е. в таком случае *властеѣ* – одно из немногих старославянских слов с суффиксом *-tel'(b)*, почерпнутое переводчиками Евангелия из народной славянской речи).

¹⁰³ На начальном этапе применения этого метода формируем группы с опорой на лексический инвентарь «классических старославянских» рукописей как на наиболее «надежную» часть старославянского инвентаря. Название группы заимствуем из упомянутой монографии Т.И. Вендиной, хотя ее «наполнение», естественно, отличается от того, что было предложено Т.И. Вендиной.

¹⁰⁴ *Slawski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego / Słownik prasłowiański / Pod red. F. Slawskiego. T. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. S. 50–51.*

С другой стороны, греч. *ἡγεμών* переводится не только старым славянским словом *владзика*, но и другими словами разной морфемной структуры и разного происхождения: словами праславянского происхождения *воевода* и *вождь* в значении ‘правитель, владыка’, старым германизмом *кзмясь*, грецизмом *нѣмонъ*, словом с продуктивным суффиксом *-tel'(ь)* *мжунтеѡ*, созданным, видимо, самими переводчиками Евангелия. Греч. *δεσπότης* переводится не только словом *владзика*, но и другими старыми славянскими словами: архаичным сложением *господь*, которое в некоторых случаях имеет значение ‘господин, хозяин’, образованным от него словом *господннъ*, старым славянским словом *творьць*; *Gen. τοῦ δεσπότηου* переводится образованным от *властеѡ* прилагательным *властельскъ*. Переводится греч. *δεσπότης* также и словом с продуктивным суффиксом *-tel'(ь)* *знжднтеѡ* (Супр 484,27), созданным, видимо, самими книжниками. Греческое соответствие слова *владзика* *ἡγούμενος* передается не только им, но и старым сложением *воевода*, и грецизмом *нгоуменъ*. И т. д. Таким образом, при формировании тезаурусных греческо-старославянских групп применяется не только традиционный для палеославистики путь сопоставительного изучения старославянского и греческого материала «от старославянского слова к греческому соответствию», но и «обратный» путь «от греческого слова к старославянскому соответствию»¹⁰⁵.

Далее. Слова *господь* и *господннъ* переводят ряд греческих слов: *κύριος*, *δεσπότης*, *οἰκοδεσπότης* (с разными оттенками в значениях); старое славянское слово *старѣншина* используется для передачи еще большего ряда греческих слов – с разными оттенками значений и различной морфемной структуры: *ὁ πρῶτος*, *ὁ προεστῶς*, *ἄρχων*, *ἀρχηγός*, *ἀφηγούμενος*.

Гораздо менее частотными оказываются в этой тезаурусной группе наименования лиц с продуктивными суффиксами *-ьnik(ь)* и *-tel'(ь)*: *прнставьнкъ* (перевод *ἐπίτροπος*, *οἰκονόμος*), *сзвътъннкъ* ‘член Совета’ (перевод *βουλευτής*), *стронтеѡ* в значении ‘управитель’ (перевод *κηδεμών*, *οἰκονόμος*). Эти слова были созданы, видимо, самими переводчиками¹⁰⁶, однако мы не считаем их кальками, тем более, что их морфемно-семантическая структура не была аналогична структурам их греческих соответствий при вхождении их в старославянский лексикон (см. выше в разделе о калькировании). Слово *мжунтеѡ* вошло в старославянский лексикон при переводе Евангелия как словообразовательно мотивированное в значении ‘мучитель, палач’ (для передачи греч. *βασιανιστής*), но в относительно более поздних переводах могло приобретать (переносное) значение ‘владыка, властелин’ – при переводе *ἡγεμών* или *τύραννος*.

Еще менее частотны кальки с греческого – двукорневые композиты, хотя по количеству лексем они занимают в этой группе значительное место: *мнродръжнтеѡ* (*κοσμοκράτωρ*), *самовластьць* (*αὐτοκράτωρ*), *самодръжнтеѡ* (*αὐτοκράτωρ*), *самодръжьць* (*αὐτοκράτωρ*), *четвъртовластьннкъ* (*τετραάρχης*), *четвъртовластьць* (*τετραάρχης*).

Грецизмы в этой тезаурусной группе также малочастотны. Представлены они, главным образом, наименованиями имперских чиновников разных рангов: *тетрархъ/*

¹⁰⁵ Следует отметить, что применение «обратного» пути «от греческого слова к старославянскому соответствию» будет значительно облегчаться по мере издания в Праге греческо-старославянского индекса (*Řecko-staroslověnský index*. Praha, 2008–). В своих исследованиях мы пользовались собственными карточками, а также греческо-старославянской карточкой, хранящейся в Отделе палеославистики и византинологии Славянского института Академии наук Чешской Республики.

¹⁰⁶ *Ефимова В.С.* Наименования лиц в старославянском языке... С. 136–137.

тетраархъ (тетραάρχης), антнпатъ (ἀνθύπατος), комнсъ (κόμης), антнграфевсъ (ἀντιγραφεύς), доместнкъ (δομέστικος), епархъ (ἑπαρχος), магнстрннъ (μαγιστριανός), палатнн и палатннъ (Παλατῖνος). Относительно высокую частотность демонстрируют два грецизма – нгѣмонъ (ήγεμών) и нгоуменъ (ήγουμένος).

В этой тезаурусной группе наблюдается и конкуренция разных способов номинации, отраженная в конкуренции словоупотреблений. Грецизмы составляют конкуренцию – хотя и слабую – словам, почерпнутым из народной речи: *ήγεμών* переводится как владзика, воєвода, вождь, кзынь, но также и грецизмом нгѣмонъ; грецизм нгоуменъ конкурирует в передаче греч. *ήγουμένος* со старыми славянскими словами владзика и воєвода. Кальки с греческого *четвьртовластьннкъ* и *четвьртовластьць* конкурируют с грецизмом *тетрархъ/тетраархъ*. Кальки с греческого *αὐτοκράτωρ* *самовластьць*, *самодръжнтель*, *самодръжьць* конкурируют между собой (как образования с разными суффиксами на базе разных опорных компонентов) и со старым латинизмом *цѣсарѣ*. Со старыми словами конкурируют новообразования: греч. *δεσπότης* передается как старым словом *творьць*, так и новым *знжднтель*. Более позднее новообразование *стронтель* конкурирует в передаче греч. *οἰκονόμος* с новообразованием *прнставьннкъ*.

В целом эту тезаурусную группу можно охарактеризовать следующим образом: наблюдается преобладание старых, почерпнутых из народной славянской речи, слов, каждое из которых используется для перевода целого ряда греческих соответствий и демонстрирует высокую частотность. Много и новообразований, однако они по большей части малочастотны: малочастотны и деривативы, и двукорневые композиты-кальки. Достаточно много книжных грецизмов, но они также по большей части малочастотны. Таким образом, нельзя не заметить, что у книжников, наряду с тенденцией создания новой лексики, было явное стремление – там, где это было возможно, – обходиться для номинации лиц группы «властвующих и управляющих» лексикой старой.

Проведенное нами исследование старославянских наименований лиц показывает, что характер наполнения разных греческо-старославянских тезаурусных групп и взаимоотношения между словами внутри них оказываются разными. Разным оказывается в разных группах и «удельный вес» разных способов номинации. Так, в группу «трудящихся», так же как и в группу «властвующих и управляющих», в качестве высокочастотных входят старые славянские слова (*пастырь* и *пастоухъ*, *врачь* и *баанн*, *сжднн*), но «удельный вес» старой лексики в этой группе меньше, чем новой лексики (*вьртоградѣрь*, *звѣрокрзьмыннкъ*, *корабльннкъ* (ср. *корабльнн*), *цѣлнтель* и *нцѣлнтель*, *сжднтель*, *сзставьннкъ*, *поржьчннкъ*, *обаднтель*, *клеветѣрь* и *клеветьннкъ* и т. п.). В группе «молящихся» наименования отшельников, христианских подвижников, страдальцев и монахов являются словами разного образования, но славянскими (*ннокъ*, *старьць*, *постьннкъ*, *поустьзыннкъ*, *троудьннкъ*, *священомъчѣннкъ*, *страстоносць* и *страстотрьпць*, *отъходьннкъ* и т. п.), в то время как наименования священнослужителей по их духовным званиям и чинам в своем большинстве представлены грецизмами (*епнскопъ/епнскоупъ*, *архнепнскопъ/архнепнскоупъ*, *презвѣтеръ*, *днѣконъ*, *архнднѣконъ*, *днѣконнса*, *нгоуменна*). Также и в группе «властвующих и управляющих», при господстве в целом старой лексики, для номинации людей по чину, сану, занимаемой должности используются грецизмы (см. выше). Однако почти нет грецизмов в группах наименований «сражающихся», наименований лиц, принадлежащих к «средневековой интеллигенции». Группа

наименований лиц, положительно или отрицательно маркированных безотносительно к христианской морали (главным образом, отрицательно: эти наименования являют довольно широкий спектр «общечеловеческих» пороков), состоит из слов, почерпнутых книжниками из народной славянской речи. Формальные и семантические структуры подлежащих переводу греческих слов здесь не оказывали, как правило, влияния на выбор книжниками славянского слова: $\delta \muεθύων$ – пняннца и пьяннца, $\delta μαχιώτερος$ – которнчь и т. п. С другой стороны, в группе наименований, значения которых связаны с новой христианской моралью, преобладает новая лексика, образованная книжниками под влиянием языка греческих оригиналов переводимых текстов: $\alphaδίκος$ – неправьдънъз и неправьдъннкъ (но и некалькированное $\alphaνδίκων$), $\epsilonὐσεβής$ – благочъстьнъз, $\thetaεάρεστος$ – богочъдънъз и т. п. Таким образом, путем изучения старославянских наименований лиц в тезаурусных греческо-старославянских группах выявляется, что словотворчество книжников играло ведущую роль в формировании корпуса наименований лиц, принадлежащих к «средневековой интеллигенции», наименований отшельников, подвижников и монахов, наименований лиц, связанных с мореплаванием и торговлей, наименований лиц, характеризующихся с точки зрения христианской морали. В «классических старославянских» рукописях эта новая лексика представлена, как правило, малочастотными лексемами или даже гапаксами отдельных рукописей, однако она составляла важнейшую в культурном плане часть старославянского лексикона – книжную лексику, во многом благодаря которой первый письменный язык славян стал литературным¹⁰⁷.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

- Евх – старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Frček J. Euchologium Sinaiticum, texte slave avec sources grecques et traduction française*. Paris, 1933, 1939. Т. I – II.
- Мар – Мариинское евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Ягич И.В.* Мариинское четвероевангелие. Graz, 1960.
- Сав – Саввина книга, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Ч. I. / Изд. подг. О.А. Князевская, Л.А. Коробенко, Е.П. Дограмаджиева. М., 1999.
- Супр – Супрасльская рукопись, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Заимов Ї., Каналдо М.* Супрасльски или Ретков сборник. В 2 т. София, 1982–1983.
- F.I.461 – среднеболгарская рукопись конца XIV в.; изд.: Старобългарският превод на Стария завет / Под ред. С. Николовой. Т. 1. София, 1998; Т. 2. София, 2003.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- Robinson M.A., Pierpont W.G.* The New Testament in the original Greek: Byzantine Textform. Southborough, Mass., 2005.
- Septuaginta / Ed. *A. Rahlfs*. Ed. 5. Vol. I–II. London, 1952.
- Migne J.-P.* Patrologia Graeca. Т. LXXXI. Paris, 1864.

¹⁰⁷ Подробнее см.: *Ефимова В.С.* Наименования лиц в старославянском языке... С. 126–196.

ЕЛКА МИРЧЕВА

София, България

Проблеми и достижения на българската историческа лексикология*

Обект и обхват на изследване

Обект на изследване на българската историческа лексикология са промените в състава, характера и семантичната структура на лексикалния състав на българския език в многовековното му развитие, започващо със създаването и развитието на първия славянски писмен език, старобългарския, до периода на Предвъзраждането, който завършва със създаването на *История славеноболгарская* на Паисий Хилендарски. Определянето на толкова широки хронологични граници се основава на изследванията, които разглеждат етническата принадлежност на Кирило-Методиевия език, на множество от основополагащи проучвания в областта на славянската филология в течение на повече от 200-годишната история на развитието ѝ като наука, в това число и на конкретни трудове върху старобългарската лексика и нейното значение за успешната реконструкция на праславянския лексикален фонд¹. По тази причина предлаганият обзор на проблемите и достиженията на българската историческа лексикология обхваща изследвания на писмени паметници от най-ранната им фиксация през IX–X в. през продукцията на Охридското и Преславското книжовно средище, среднобългарския период и Търновската книжовна школа, българската дамаскинска книжнина от XVI–XVIII в. и достига до преработените в неузнаваем вид произведения на средновековната българска книжнина от края на XIX в. Направен е и преглед на възможните подходи в изследването на тематиката, на теоретични постановки, както и на конкретни практически резултати в едно огромно изследователско поле, в което все още има значително количество бели петна от недостатъчно проучен изворов материал, малък брой общаващи изследвания и най-вече ненаписана до този момент цялостна *Българска историческа лексикология*.

Начални проучвания

Първоначалният интерес към речниковия състав на българския език е свързан със създаването на лексикографски труд, с името на Найден Геров и неговия «Речник на

* Предлагаият очерк няма претенцията да обхване цялата съществуваща библиография, а да насочи вниманието към повече или по-малко поучвани въпроси; да набележи проблеми и предстоящи задачи пред българската историческа лексикология.

¹ *Иванова-Мирчева Д.* Лексиката на класическите старобългарски паметници – източник за определяне етническата принадлежност на Кирило-Методиевия език // Международен конгрес по българистика. 2. Доклади. Т. 21. София, 1989. С. 5–12; *eadem.* Характерни особености на лексиката на старобългарските паметници // Славянска филология. Т. 19. София, 1988. С. 29–35; *eadem.* Наблюдения върху лексиката на класическите старобългарски паметници // Български език. 1984. № 6. С. 489–499; *Куркина Л.В.* Значение данных староболгарской письменности для реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда // Старобългаристика. 1984. № 2. С. 3–13.

български език с тълкувание речите на български и на руски»². Този неоченим по значението си труд, събрал в себе си огромно словно богатство, както и проучванията на древни български писмени паметници и на българските диалекти, стават здравата основа, на която се опират първите изследвания по историческа лексикология. През 1919 г. се появява статията на Беньо Цонев «Кои новобългарски говори стоят най-близо до старобългарски в лексикално отношение»³ – първото научно съчинение на български учен за историята на българската лексика. В този програмен по същността си труд четем: «Въз основа на старобългарските паметници или по старински преписи от тях лесно можем установи какви думи са влизали в състава на българската книжна реч през първия период на българската книга. Можем да идем и по-далек и да установим кои старобългарски думи са по-стари, кои по-нови, имайки предвид как са следвали едно след друго разните книжовни произведения в старобългарско време; тогава щем кажем, че думите, що ги намираме в най-стария евангелски превод, ще бъдат и по-старински от думите, що ги срещаме например у Йоан Екзарх, макар да знаем, че Йоан Екзарх пише също в старобългарско време»⁴. Един век по-късно можем да кажем, че това става една от посоките в изследванията по българска историческа лексикология. Установяването на лексикалното богатство на старобългарския език е една от целите, които си поставят мнозина изследователи и една от темите, обсъждани на представителни научни форуми⁵. Приемствеността и връзката на новобългарския и старобългарския език са предмет на множество трудове, в това число и монографични – на Иван Добрев «Старинни народни думи»⁶ и на Мария Мъжлекова «Единството на българския език на лексикално равнище»⁷. Интересни данни за съвременни застъпници на лексиката от т. нар. класически старобългарски паметници (КСП) са приведени в специална рубрика в речниковите статии на Старобългарския речник на БАН⁸.

Задачи на изучаването на българската историческа лексикология в трудовете на нейните изследователи

Езикът е истинско огледало на културния развой на даден народ и определяща роля в това отношение играе неговото словно богатство. Изучаването на това богатство обаче е съпътствано от много трудности. Езиковият материал, с който борави историкът на езика, не е еднороден нито в жанров, нито във времеви, нито в пространствен смисъл; изследванията обхващат често голям период от няколко века. Допълнително усло-

² Геров Н. Речник на български език с тълкувание речите на български и на руски. Ч. I–V. Пловдив, 1895–1904.

³ Цонев Б. Кои новобългарски говори стоят най-близо до старобългарски в лексикално отношение // Списание на БАН. Клон Историко-филологически (= Помагало по българска историческа лексикология / Съставители Т. Славова, Т. Лекова. Под научната редакция на Ив. Добрев. София, 1986).

⁴ Цит. съч. С. 13.

⁵ Мирчев К. Словното богатство на българския език // Училищен преглед. 1943. № 2. С. 212–218; Русек Й. Лексиката на българския език като отражение на 1300-годишното развитие на историята на народа // Първи международен конгрес по българистика. Т. 2. София, 1981. С. 247–271; Давидов А. Към въпроса за установяване на лексикалното богатство на старобългарския език // Международен конгрес по българистика. 2. Доклади. Т. 21. София, 1989. С. 1–20.

⁶ Добрев Ив. Старинни народни думи. София, 1987.

⁷ Мъжлекова М. Единството на българския език на лексикално равнище. София, 1994.

⁸ Старобългарски речник. Т. 1. София, 1999; Т. 2. София, 2009.

жнение носи липсата на норма и кодификация на книжовния език в днешния смисъл на тези понятия. И още една особеност на изследванията – за разлика от проучванията на лексиката на съвременните славянски езици, разкриването историята на думите изисква комплексен подход, на практика често се преплита с откриването и въвеждането в научно обращение на нови извори, в чието цялостно проучване анализът на лексикалните особености заема почетно място. Не на последно място определящо значение имат текстологията, гръцките паралели при преводните текстове, проблемът с чуждозиковите преписите на възникнали или преведени в България съчинения, както и с лексикографското обработване на лексикален материал.

Публикациите, които експлицитно поставят проблемите на българската историческа лексикология, разискват методологически проблеми и предлагат възможни подходи са малобройни.

● През 1958 г. Кирил Мирчев обобщава направеното в областта на българската историческа лексикология до този момент в статия под заглавие «Днешното състояние на проучванията върху историята на българския език у нас»⁹ и констатира, че на общия фон на изследванията, разработването на лексикални проблеми е слабо застъпено, като посочва отделни публикации на Ст. Младенов, Й. Заимов, Ив. Леков и своите дотогавашни трудове¹⁰. Направената от Мирчев констатация и критичният преглед на постигнатото, дават силен тласък на по-нататъшните изследвания. През следващите десетилетия се появяват и други важни публикации на български учени, третиращи проблемите на българските исторически лексиколожки проучвания¹¹.

● Възстановяването в максимална степен на онзи основен корпус лексеми, които могат да се извлекат от малкото на брой ръкописи, създадени и най-вече преписани в България през старобългарския период – X–XI в., е една от многократно поставяните цели в историческите лексикални проучвания. Това е разнородната и напълно случайна като състав колекция, наричана често КСП или «старобългарски канон», за които изследователите безусловно приемат, че са извор за проучването на Кирило-Методиевия език. На практика на този корпус, съдържащ най-древните материални свидетелства за първия писмен език на славяните – старобългарския, се основават историче-

⁹ *Мирчев К.* Днешното състояние на проучванията върху историята на българския език у нас // Български език. 1958. № 4–5. С. 409–419.

¹⁰ *Младенов Ст.* Архаични думи // Родна реч. 1932. С. 239–240; 1933. С. 177–180; *id.* Потекло и състав на среднобълг. велгънз, прякор на цар Асен I // Списание на БАН. 1933. С. 49–66; *Заимов Й.* Българските народни имена на месеците // Известия на Института за български език. 1954. Кн. 3. С. 101–147; *Леков Ив.* За тръпен–трапен, крап–крупен // Език и литература. 1956. С. 444–446; *Мирчев К.* За западнобълг. глагол *сакам* // Списание на БАН. 1950. С. 69–78; За идиома „от игла до конец“ // Български език. 1957. С. 350–352; *id.* За някои лексикални особености на българския Физиолог от XVI в. // Сборник Балан. 1955. С. 319–322; *id.* Бележки върху гръцките заемки в езика на седмоградските българи // Известия на Института за български език. 1952. Кн. 1. С. 231–238; *id.* За осмислянето на един гърцизъм в среднобългарските паметници // Български език. 1957. № 6. С. 540–541; *id.* Гръцко-български разговорници и речници през XIX в. и тяхното значение за проучването на българския език // Македонски преглед. 1941. № 4. С. 34–56; *id.* Гръцко-български разговорник от 1876 г. из Южна Македония // Годишник на СУ. Историко-филологически факултет, 1942. 109 с.

¹¹ *Гълъбов Ив.* Проблеми на старобългарските лексиколожки проучвания // Ив. Гълъбов. Избрани трудове по езикознание. София, 1986. С. 399–406; *id.* Лексикални проблеми на стария български книжовен език // Ив. Гълъбов. Избрани трудове по езикознание. София, 1986. С. 382–398; *Добрев Ив., Томанова А.-М.* Българската лексика като част от общославянския речников фонд // Славянска филология. Т. 19. София, 1988. С. 256–262; *Давидов А.* Актуални задачи на старобългарската лексикология // В памет на Петър Динев. София, 2001. С. 509–511.

ските лексикални изследвания на всички славянски езици. За българския език това е началният етап от развоя на книжовния български език. Този феномен Р.М. Цейтлин формулира по следния начин: старобългарската лексикология има два аспекта: национален и общославянски¹².

• Изучаването на старобългарската лексика започва в рамките на текстологията, като при това изследването се води в ретроспективен план. В много от трудовете приоритетно място заема гръцкият оригинал, отклоненията (лексикалните различия) от който биват смятани за грешки. Редица съвременни изследователи определят този метод за погрешен¹³. Р. М. Цейтлин предлага друг метод на изследване. Според авторката изучаването на старобългарската лексика изисква систематизация и интерпретация на огромно количество текстологични дублети, но заедно с това и откъсване от някои традиционни гледни точки за старобългарската дума и старобългарския книжовен език и смята, че Кирило-Методиевият език в лексикално отношение може да бъде успешно реконструиран след синхронно и системно изучаване на езика на ръкописи от края на X и XI в. В поредица свои проучвания Цейтлин използва възможностите, които дават синхронните изследвания и към познатите сведения – фондът на КСП наброява 10 000 лексеми – добавя, че в този лексикален масив се открояват 600 сложни думи, 100 афיקса, и 850 семантични групи с общ корен¹⁴.

• Сред основните задачи на историческата лексикология е изучаването на значението на думата. Това е един от най-сложните проблеми езиковедството. В историческата семантика е известно само означаващото (думата), а означаемото (значението) трябва да се определи¹⁵. В този процес историкът на езика има два основни помощника, които обаче са в състояние сериозно да го подведат. Поради преводния характер на огромна част от старата славянска книжнина, от голямо значение е гръцкото съответствие, но богатата семантична структура на гръцката дума може да доведе до погрешен извод. Днес в голяма степен е надживян периодът, в който старобългарските преводи се изследват през призмата на гръцкия оригинал, а и не всички композита се смятат непременно за калки. Вторият фактор за дефиниране на значението е контекстът. Сериозна е опасността изследователят да «модернизира» значението на старобългарската дума и да припише днешните реалности като характерни за българския език отпреди повече от едно хилядолетие. С конкретни примери за това предупреждава Р.М. Цейтлин. Колкото по-древни са изучаваните факти, толкова по-голям кръг косвени източници трябва да бъдат взети предвид. Изследователката посочва, че за правилното интерпретиране на слово например трябва да се изучи понятието „логос” в античната философия. В други случаи на помощ идват праславянски или прабългарски – така например етимологичният анализ на представката *o-* определя значението на цяла група от думи¹⁶. Авторката насочва усилията си и към възстановяването на

¹² Цейтлин Р. М. О современных проблемах древнеболгарской лексикологии // *Palaeobulgarica*. 1980. № 2. С. 43–51.

¹³ Марти Р. Проблеми на значението на славянската лексика от Кирило-Методиево време // *Palaeobulgarica*. 1994. № 4. С. 23–39.

¹⁴ Цейтлин Р.М. О современных проблемах древнеболгарской лексикологии...; *eadem*. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. София, 1986.

¹⁵ Марти Р. Проблеми на значението...

¹⁶ Цейтлин Р. М. Об одном приеме анализа значения древнеболгарского слова // *Palaeobulgarica*. 1984. № 3. С. 33–41.

словното богатство на старобългарския книжовен език, като предлага свой метод на изследване¹⁷.

- Сериозен и многопосочен проблем пред българската лексикология представлява въпросът за чуждоезиковото влияние, т. е. въпросът за заемките в нашия език. Особено труден за разрешаване е проблемът за сложните българо-руски езикови връзки през вековете и трудностите за определяне кое в езика ни е старобългарско градиво, кое е църковнославянско и кое – руско влияние. Приносен теоретичен труд в тази насока е статията на К. Босилков «За характеристиката на възрожденската лексика»¹⁸. Макар и посветена на възрожденския период от развитието на българския език, разработката формулира важни методологически принципи, които могат да подпомогнат разплитането на сложния възел от влияния. Авторът посочва необходимостта от разграничаване на генетичния, историческия и типологично-функционалния подход при изследването на лексиката. Чрез генетичния подход се определя произходът на лексемата, а историческият и фонетико-типологичните особености посочват пътя на проникване.

- Сигурна основа за аргументирани изводи, които да имат обобщаващ характер, изисква проучването на голям обем източници и често преминава през етап на създаването на различни по тип речници (словоуказатели, конкорданси и т. н.). В последните години се появяват теоретични изследвания, които отварят място за дискусия и със сигурност представляват добра основа не само за създаването на нови типове лексикографски трудове, а и за бъдещи приносни трудове в областта на историческата лексикология¹⁹.

Българската историческа лексикология в историческите граматика на българския език и в съвременните обобщаващи изследвания по българска лексикология

- Беньо Цонев «История на българския език»²⁰.

Вторият том от «История на българския език» на Б. Цонев е първият български научен труд, в който е отделено място на историческата лексикология и това е Раздел «Българска семантика». В този том са събрани работни материали и лекционни курсове на големия учен, който не успява да довърши започнатото дело (от замисления цялостен труд приживе на изследователя от печат излиза само том първи). Съдържанието на системния курс, който са слушали студентите в Софийския университет «Св. Климент Охридски» в началото на XX в., може да ни даде представа за съдържанието, което по това време е имало понятието «лексикология» и това е: Предмет и задачи на

¹⁷ Цейтлин Р.М. Възстановяване на незасвидетелствани старобългарски думи (способи и методи) // Български език. 1986. № 2. С. 110–120.

¹⁸ Босилков К. За характеристиката на възрожденската лексика // Международен конгрес по българистика, 2. История на българския език. София, 1987. С. 285–289.

¹⁹ Тасева Л. Конкорданс на лексикалните варианти в южнославянските многократни преводи: методологически проблеми // Acta Palaeoslavica. Vol. 2 in honorem professoris Angelinae Minceva. Sofia, 2005. P. 119–127; Илиева Т. Състояние и перспективи на съвременната българска историческа лексикология – диахронен речник на думите от чужд произход в българския език // Български език. 2014. Приложение. С. 120–135.

²⁰ Цонев Б. История на българския език. А. Обща част. Б. Специални части. Т. 2. Посмъртно издание. Под редакцията на проф. д-р Ст. Младенов. София, 1934.

семантиката; Значение на семантиката; Заемки от литовски език; Заемки от немски език; Заемки от гръцки и латински език; Заемки от турски език; Влияние на руския език; Българска лексикография; Семантични принципи – А. Корени; Б. Основи; В. Суфикси; Г. Сложни думи. Определяща за разбирането за семантика е следната мисъл на автора: «Важността на семантиката се състои в това, че от нея познаваме как народът си е допълнял и допълня словното богатство, кои думи е заемал от други народи и кога и как е образувал думи .... Според историческата съдба на българския народ виждаме и разни слоеве в езика: най-стари, по-нови и най-нови»²¹.

Не може да не прави впечатление приоритетът, с който се ползва изучаването на чуждите заемки в българския език. В този ранен период науката за българския език моделира обекта на своето изследване, стреми се да систематизира чуждите влияния, за да може да отграничи собствено старобългарското градиво в историята на българския език. Едва след повече от половин век ще се появят знаковите трудове на Л. Андрейчин «Старобългарското градиво в съвременния български книжовен език» и «Ролята на черковнославянския език в изграждането на съвременния български книжовен език»²².

Изучаването на чуждите заемки в българския език в многовековното му историческо развитие е една от най-разработваните теми в българската историческа лексикология. Настоящият обзор насочва към трудове, в които е събрана и критично осмислена огромната натрупана библиография по този въпрос. Разглеждането на чуждоезиковите влияния върху нашия език би могло да стане предмет на самостоятелен обзорец анализ, но рамките на това общо изложение не позволяват анализирането на постигнатото досега.

Следващите обобщаващи трудове по история на българския език също дават предимство на проблема за чуждите заемки в българския език.

- Стефан Младенов «История на българския език»²³.

Трудът на Ст. Младенов отделя незначително място на историческата лексикология. Това са бегли бележки в глава «Към историята на старобългарския и новобългарския книжовен език»²⁴. Авторът отправя към изказваните мнения за мними моравизми от рода на брадатъ, дръжнна, жнна, златарь и под. и прави наблюдения върху семантиката на отделни думи.

- Кирил Мирчев «Историческа граматика на българския език»²⁵.

К. Мирчев разглежда въпроси на българската историческа лексикология в раздела «Исторически връзки на българския език с други езици». Самото заглавие подсказва, че във фокуса на вниманието на автора са чуждоезиковите влияния в историческия развой на българския език (морфо-синтактични и лексикални).

²¹ Пак там. С. 314.

²² Андрейчин Л. Старобългарско градиво в съвременния български книжовен език // Български език. 1963. № 3. С. 198–203; *id.* Ролята на черковнославянския език в изграждането на съвременния български книжовен език // Български език. 1958. № 4–5. С. 309–320.

²³ Младенов Ст. История на българския език. Превод и редакция на проф. д-р Иван Дуриданов от немското издание през 1925 г. София, 1979.

²⁴ Цит. съч. С. 364–370.

²⁵ Мирчев К. Историческа граматика на българския език. III изд. София, 1978.

- Иван Харалампиев «Историческа граматика на българския език»²⁶.

Макар и замислен като учебно помагало за студенти филолози, граматиката на Ив. Харалампиев е първият обобщаващ труд по история на българския език, който, наред с неизменно присъстващия проблем за чуждоезиковото влияние, отделя място и на общи теоретични въпроси. Това изследване не само търси приемствеността в разволя на българския език, но и причините за този разволя. Развитието на речниковия състав става в две посоки – количествена и качествена. И докато предходните проучвания акцентират изключително върху количествената страна (навлизане на нови и отпадане на архаични лексеми; образуване на нови думи със словообразователните средства на езика; калкиране), то в граматиката на Харалампиев се отделя място и на вътрешните (качествените) промени в семантичната структура на думите. Авторът се опира на трудовете на Дора Иванова-Мирчева²⁷ за преносимостта като основен фактор в семантичните изменения – едно историческо явление, което действа непрекъснато в историческия разволя на езика и е свързано с историята на народа. По-нататък той разглежда вътрешния разволя на думите, който протича в три направления: разширяване, стесняване и промяна на значението. *Разширяването* на структурата на думите става в резултат на преносната употреба и неин резултат е полисемията, която бива два вида – понятийна (всяко значение назовава отделно понятие) и функционална (различните значения са свързани с общо понятие, но в отделните значения обемът и съдържанието или се разширяват, или се стесняват). Разглежданите явления са подкрепени с богат конкретен старобългарски лексикален материал. *Стесняването* на структурата на думите става по езикови или извънезикови причини. Това са мащабни промени, при които «изгубеното» значение престава да съществува в семантичния обем на определена дума и започва да се назовава с друг звуков комплекс. Така в историческия разволя на българския език глаголят *хотѣтн* се развива в частица за образуване на бъдеще време «ще». В значението си на «искам» *хотѣтн* е поет от *нскатн*, на мястото на който в значение «търся» се настаняват няколко глагола – «търся *диря*, *тража* (диал.)». Харалампиев отделя място и на обвързаността и последователността в на *разширяването*, *стесняването* и *промяната на значението*. Ученият обстойно разглежда приемствеността в лексикалното развитие на езика и предлага нов поглед върху въпроса за чуждоезиковите влияния в историческия му разволя.

Радостен факт за българската лингвистика е, че най-новите обобщаващи трудове върху съвременната българска лексикология отделят място на българската историческа лексикология.

- Тодор Бояджиев «Българска лексикология»²⁸.

Трудът на Т. Бояджиев е определен като учебник за студенти филолози. Преди да се насочи към изучаването на съвременната българска лексикална система, ученият намира за необходимо да се върне назад в историята на езика. За пореден път в българското езикознание този поглед назад е съсредоточен предимно върху чуждоезиковите

²⁶ Харалампиев Ив. Историческа граматика на българския език. В. Търново, 2001.

²⁷ Иванова-Мирчева Д. Преносно значение на думата и преносимост на значението // Известия на Института за български език. Кн. 6. 1959. С. 3–37; *eadem*. Стесняване на семантичната структура като исторически процес // Известия на Института за български език. Кн. 11. 1964. С. 151–160; *eadem*. Характерни особености на лексиката на старобългарските паметници // Славянска филология. Т. 19. 1988. С. 29–35.

²⁸ Бояджиев Т. Българска лексикология. София, 2011.

заемки. Обръщането към историята на българския език хвърля светлина върху произхода, времето и начина на проникване на значително количество чуждоезикова лексика, част от която отдавна не се осъзнава като чужда и е органична част от нашия език. Авторът представя различни групи заемки – тракийски, прабългарски, гръцки, латински, турски, като прави критичен преглед на внушително количество библиография, натрупана в продължение на десетилетия.

- Колективен труд «Българска лексикология и фразеология»²⁹.

Наскоро излезе от печат тритомен труд, посветен на съвременни проблеми на българската лексикология, първият том от който е с горното заглавие. За българската историческа лексикология от съществено значение е неговият *Първи дял*, наречен «Формиране и развитие на българската лексикална система» с автор Л. Крумова-Цветкова³⁰. За първи път развитието на съвременната лексикална система е представено в динамика – от праславянски с около 2000 лексеми, продължили развоя си в старобългарски³¹, през старобългарския период и приблизително 2800 лексеми, преминали в съвременния книжовен език в същия формален вид, 800 с променена семантика и голяма част, съхранена в диалектите, заедно със статистическите данни, че общо 92–93% от лексиката на така наречените старобългарски паметници имат съвременни застъпници³². Отделено е място на калкирането на гръцки модели при превод, особено на тези с начално *θεο-*, *ευ-*, без които нямаше да имаме например прекрасното българско *благодаря*. Наред с констатацията, че старобългарският език е имал всички особености, характерни за жив език – многозначност, преносимост, образност, разширяване и стесняване на значението, е отделено сериозно място на типове и моделите на семантично словообразуване. Тези наблюдения се основават на проучването на Емилия Пернишка «Исторически устойчивото в българската лексика»³³. Авторката отделя 7 основни типа метонимични значения при съществителните имена, които илюстрира със старобългарски материал. Приемственост съществува и по отношение на семантичната деривация при прилагателните. Преди да премине към същинската си цел (съвременната българска лексикална система), колективният труд отделя място на периода на Предвъзраждането, както и на извънредно важните, но и сложни проблеми на точното определяне на църковнославянското влияние.

Първият обобщаващ български монографичен труд, посветен на старобългарската лексикология

През 1996 г. се появява първият опит за обобщаване на проблемите на българската историческа лексикология – това е трудът на Ангел Давидов «Старобългарска лексикология»³⁴. Както показва самото му заглавие, обект на изследване е началният, старо-

²⁹ Крумова-Цветкова Л., Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С., Божилова М. Българска лексикология и фразеология. Т. 1. София, 2013.

³⁰ Цит. съч. С. 33–81.

³¹ Бояджиев Т. Българска лексикология...

³² Иванова-Мирчева Д. Лексиката на класическите старобългарски паметници – източник за определяне на етническата принадлежност на Кирило-Методиевия език. // Втори международен конгрес по българистика. Т. 21, Доклади. Исторически развой на българския език. София, 1989. С. 5–6.

³³ Пернишка Ем. Исторически устойчивото в българската лексика // Първи международен конгрес по българистика. Т. 1. Доклади. Исторически развой на българския език. София, 1983. С. 434–444.

³⁴ Давидов А. Старобългарска лексикология. В. Търново, 1996.

българският период, от развоя на българския книжовен език. Успоредно с констатацията, че въпреки многобройните ценни приноси на наши и чуждестранни изследователи, цялостен труд, посветен на историята на българска лексика не само не е написан, но и вероятно няма да бъде съставен в близко бъдеще, авторът систематизира причините за това: 1. Няма единно становище за паметниците, в които е фиксирана старобългарската лексика; 2. Не всички паметници (писатели) са проучени в лексикално отношение; 3. Недостатъчен е броят на палеославистите, които се насочват към лексиколожки изследвания. Доколкото в тази област има някакво планиране, то се изразява в целенасочени усилия за изработването на лексикографски трудове в научноизследователски академични центрове (Русия, Чехия, България). За отбелязване е, че в целия си труд А. Давидов разглежда старобългарската лексикография като неделима част от лексикологията. Това се вижда както от структурата на изследването, така и от поставените във *Въведението* задачи: 1. Установяване на пълния лексикален инвентар на старобългарския език; 2. Класификация на лексиката; 3. Семасиологични изследвания; 4. Изследване на фразеологичните единици; 5. В областта на лексикографията – а) речници-индекси на отделни паметници; б) пълен старобългарски речник тезаурус; в) синонимен речник; г) антонимен речник. Въпреки че от гледна точка на съвременната лексикология, разглеждането ѝ съвместно с лексикографията да представлява своеобразен синкретизъм и липса на ясно разграничени изследователски цели, при исторически езиковедски изследвания съчетаването на тези самостоятелни научни дисциплини е напълно оправдано и необходимо. На практика лексиколожките проучвания най-често са последващи събирането и речниковата обработка на изворовия материал. Същинската част на труда на Давидов е наречена «Речников състав на старобългарския език» и включва в себе си проблеми като: произход на старобългарската лексика; лексика на старобългарски съчинения, запазени в по-късни преписи (Шестоднев, Беседа против богомилите, Симеонов сборник); старобългарската лексика в народните говори. Авторът засяга въпроси на старобългарската синонимия, а в края на изследването си представя различни типове исторически лексикографски трудове. Въпреки че не може да бъде определена като труд по българска историческа лексикология (среднобългарският и предвъзрожденският период не са предмет на изследване), монографията на А. Давидов обобщава опита в изследването на старобългарския книжовен език, върху който трябва да се опре едно бъдещо цялостно изследване.

Основни периоди. Типове изследвания.

Старобългарски период

Старобългарският период от развоя на нашия език безспорно е най-разработеният етап от неговия развой. Тук са и най-големият брой от проучвания на чуждестранни изследователи. Този факт, разбира се, има своето обяснение. Всички съвременни славянски езици поставят в основата на своя исторически развой този начален, пряко свързан с Кирило-Методиевото дело, период – периода IX–XI в., от който са най-ранните съхранени ръкописи, оформящи корпуса на така наречените КСП. Всички изследвания на по-късни извори, на лексикално-семантични, словообразователни и пр. групи проблеми, започват от тази група ръкописи. Техният словен състав става извес-

тен благодарение на лексикографски трудове – речниците на Садник-Айтцетмюлер³⁵, на Р.М. Цейтлин и колектив от Чешката академия на науките³⁶, на Старобългарския речник³⁷. Останалите известни и широко използвани и класически палеославистични речници (на Фр. Миклошич³⁸, И.И. Срезневски³⁹, Речника на Чешката академия⁴⁰) използват изворов материал, надхвърлящ периода X–XI в. и включват ръкописи, възникнали в руска, сръбска, хърватска, чешка езикова среда.

Лексикалният материал от КСП се увеличи с голямото откритие на Йоанис Тарнаидис на Синай през 1975 г. След цели тридесет години публикуваните новооткрити извори бяха лексикографски обработени като Допълнение на Т. 2 на Старобългарския речник. Конкретните лексикални изследвания на тези извори са малко – само на новата част на Синайския псалтир⁴¹. В Старобългарския речник на БАН е използван още един източник за обогатяване на лексикалния материал за периода IX–X в. – старобългарските надписи. Лексиката им също е обект на проучване в малко на брой публикации⁴².

За една съществена особеност на лексиката на ксп

На специалистите е добре известно, че най-обемният сред КСП, Супрасълският сборник, съдържа 5285 словоформи, като 3124 от тях се срещат само в този паметник⁴³. Всичко това беше разглеждано естествено като безспорен положителен факт до появата на един извороведски труд на Климентина Иванова «Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica»⁴⁴. На пръв поглед тази монография има малко общо с езиковедските, в частност лексикалните изследвания, но като си поставим въпроса за мястото на сборниците в корпуса от КСП (те са само два – Клоцовия и Супрасълския) и сравним разпространението на текстовете от Супрасълския сборник (засега са възможни изследвания само на минейния дял на кодекса), достигаме до озадачаващи резултати, които непременно трябва да бъдат вземани предвид в позовавания на корпуса от КСП. Оказва се, че четивата от минейния дял от Супрасълския сборник (това е половината от обема на кодекса) в цялата южнославянска книжнина са запазени само в този единствен препис⁴⁵, т. е. те категорично заемат маргинално положение и не са представителни

³⁵ Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den Altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

³⁶ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва, 1994.

³⁷ Старобългарски речник...

³⁸ Miklosich Fr. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.

³⁹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.

⁴⁰ Slovník jazyka staroslovenského. Praha, 1959–2007.

⁴¹ Карачорова И. Лексиката на новооткритата част на Синайския псалтир // Palaeobulgarica. 2007. № 3. С. 41–70.

⁴² Смядовски Ст. Към езиковата характеристика на българските кирилски надписи до XV в. // Palaeobulgarica. 1980. № 4. С. 93–101; Константинова В. Лексиката на старобългарските надписи от IX–XI в. // Годишник на ВПИ. Т. 11. Шумен, 1987. С. 65–79.

⁴³ Цейтлин Р. М. Сколько было слов в книжном древнеболгарском языке? (О проблеме восстановления утраченного) // Търновска книжовна школа. Т. 6. 1999. С. 271–280.

⁴⁴ Иванова Кл. Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica. София, 2008.

⁴⁵ Мирчева Е. За етапите в развитието на Преславската преводаческа и редакторска школа (Отново за Супрасълския сборник). // Palaeobulgarica. 2011. № 4. С. 3–23; CODEX SUPRASLIENSIS и BIBLIOTHECA HAGIOGRAPHICA BALCANO-SLAVICA (некоторые размышления относительно состава одного из самых

за състава на сборниците като цяло. Това се отнася и до лексиката, извлечена от тези текстове, която, приета веднъж за «класическа», става база за сравнения в многобройни лексиколожки проучвания. Конкретни по-задълбочени занимания с точно определени лексеми от Супрасълския сборник показват, че познато в палеославистиката значение, известно само от този паметник, се оказва оказионално и обвързано само с една-единствена употреба, т. е. не се е лексикализирано, а на практика в изследвания по лексикология това нелексикализирано се значение се приема за типично за старобългарския период и въз основа на него се правят заключения за промени в семантиката⁴⁶.

Старобългарското книжно наследство, съхранено в чужди преписи

Голям проблем пред изследователите на българската лексика в исторически план традиционно представлява фактът, че голяма част от старобългарското книжно наследство е съхранено в руски, сръбски, влахо-молдавски преписи. Българската лингвистика изпитва притеснение при работата с възникнали в български книжовни средища преводни паметници, както и със съчиненията на старобългарските писатели, когато те са съхранени в ръкописи, писани в чуждоезикова среда. Както видяхме по-горе, А. Давидов посочва това притеснение и съответно заключението, че обемът на понятието «старобългарска лексика» е с неустановен обем, като трудност № 1 в лексикалните проучвания. Това е и причината двутомният «Старобългарски речник» на БАН да използва извори, които са преписани за последен път (ръкописите) или създадени (надписите) на територията на историческото българско землище. Такава крайна позиция намалява изворите, върху които да се изследва българският книжовен език, в изучаването на който отсъстват съчиненията на Климент Охридски, Йоан Екзарх, Константин Преславски и пр. (Тук имам предвид цялостни изследвания, а не език на писател, който е сравнително добре разработен научен жанр). От друга страна, по силата на това, че са запазени в руски преписи «Симеоновият изборник» 1073 г., «Шестодневът» и «Богословието» на Йоан Екзарх, «Словата» на Григорий Богослов, «Учителното евангелие» на Константин Преславски и много други произведения на Преславското книжовно средище, макар и създадени или преведени от български книжовници в България, са градиво за речниците на И. И. Срезневски, на Словарь русского языка XI–XIV вв., на Словарь русского языка XI–XVII вв. Българската историческа лексикология трябва да преодолее този комплекс и след сериозно и аргументирано отсяване на чуждоезиковите наслоявания, да разшири изворовата база на своите проучвания. Първи стъпки в това отношение правят онези изследователи, които си поставят за цел да възстановят изгубеното преславско книжовно наследство⁴⁷, както и конкретни публикации, посветени на теоретически и практически проблеми в тази насока⁴⁸.

старших древнеболгарских рукописей) // Преоткриване. Супрасълски сборник, старобългарски паметник от X век. София, 2012. С. 25–34.

⁴⁶ Мирчева Е. Житието на св. Кодрат Никомидийски в славянската традиция // Сборник в чест на проф. д.ф.н. Анисава Милтенова (под печат).

⁴⁷ Сравни като например изследванията на Милтенов Я. Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. София, 2006; *id.* Златогруй: старобългарски хомилетичен свод, създаден по инициатива на българския цар Симеон. София, 2013.

⁴⁸ Станков Р. Проблемы исследования древнеболгарских переводных текстов, сохранившихся в инославянской рукописной традиции // Palaeobulgarica. 1984. № 4. С. 91–99; Темчин С. Текстологическая зна-

Старобългарският период от развоя на книжовния език е застъпен в множество изследвания, посветени на Охридското и Преславското книжовно средище, както и в проучвания на езика на отделни писатели. Отдалечеността на епохата на създаване на най-древните запазени старобългарски паметници от времето на св. св. Кирил и Методий с основание поставя въпроса за семантиката на славянската лексика от Кирило-Методиево време⁴⁹. Редица трудове възстановяват това най-старо състояние при разглеждането на текстовата традиция на даден книжовен паметник⁵⁰. Може да се каже, че голяма част от това, което може да се възстанови за лексикалния състав на Кирило-Методиевия език, се намира в изследвания върху многократните преводи на средновековни текстове, върху преводаческата техника, както и при открояването на характерните особености на преводната и оригиналната книжна продукция, създадена в Преславския книжовен център. Редки са лексикалните изследвания, посветени на конкретни автори или на преведени още в Кирило-Методиево време текстове. Разбира се тук изключваме Климент Охридски⁵¹, Господнята молитва⁵², както и проблеми на варирането в лексиката в преводите на св. Кирил и Методий⁵³ или рецепцията на литургическите книги⁵⁴.

За разлика от възстановеното по по-късни извори на Кирило-Методиево книжовно наследство и от разнородното по време, характеристика и обхват понятие «Охридско книжовно средище», просъществувало столетия, историята отрежда Преславският книжовен център да има в максимална степен точни рождена дата и година на приблизителната си гибел – от пристигането на Кирило-Методиевите ученици в Плиска през 886 г. до разгрома на българската столица 971 г. Създаденото в продължение на век книжно наследство в свързани с Преслав книжовни центрове представлява много по-ясно дефиниран обект на изследване, защото е свързано с уточнен регион (доколкото това е приложим за средновековната книжна критерий), с времето на управлението на княз Борис I и цар Петър I, с имената на конкретни старобългарски писатели. Това е и причина проучванията върху възникналите в Преслав текстове да преобладават. Наред с обобщаващи изследвания⁵⁵, много автори посвещават свои проучвания на преславски книжовници или на свързани с Преслав паметници.

чимостъ церковнославянской лексики: восточноболгарская лексика в древнерусском Мстиславовом евангелии // Славяноведение. 1996. № 1. С. 63–72.

⁴⁹ *Марти Р.* Проблеми на значението...

⁵⁰ *Карачорова Ив.* Към въпроса за Кирило-Методиевия превод на Псалтира // Кирило-Методиевски студии. Т. 6. София, 1989. С. 130–245.

⁵¹ *Христова И.* Речник на словата на Климент Охридски. София, 1994; *eadem.* Средства за номинация в словата на Климент Охридски // *Palaeobulgarica*. 1987. № 4. С. 32–40; *eadem.* Речникът на Климент Охридски в контекста на старобългарската книжовна лексика // Международен конгрес по българистика. 2. Доклади. Т. 21. София, 1989. С. 334–341.

⁵² *Христова И.* О славянских переводах Господней молитвы // *Palaeobulgarica*. 1991. № 3. С. 41–56.

⁵³ *Шьоберг А.* Некоторые замечания о лексическом варьировании в переводах первоучителей Кирилла и Мефодия // *Palaeobulgarica*. 1980. № 2. С. 37–42.

⁵⁴ *Rusek J.* Das Problem der Teilnahme an der Übersetzung liturgischer Bücher // *Selecta Slavica* 13. Hieronymus. Neuried, 1988. S. 247–253.

⁵⁵ *Баранкова Г.С.* Лексикални особености на паметниците от Преславската книжовна школа // Език и литература. 1982. № 1. С. 40–48; *Гълъбов Ив.* Преслав в историята на стария книжовен език // Преслав, I. София, 1968. С. 125–137; *Вечерка Р.* К толкованию языковых норм Преславской литературной школы // Преславска книжовна школа. Т. 1. Шумен, 1995. С. 181–185; *Дунков Д.* Супрасълският сборник и етапите в развитието на Преславската редакция на старобългарските книги // Език и литература. 1985. № 5.

Измежду най-проучваните старобългарски писатели на първо място безспорно се нарежда Йоан Екзарх Български. Наред с подобаващото внимание върху преводаческите похвати, всички тези изследвания задължително отделят внимание на лексикалните особености на произведенията му⁵⁶. Цитираните заглавия насочват и към един друг аспект в научните дирения – изследване на лексиката на Йоан Екзарх в съпоставителен план с други автори или групи книжовни паметници.

Другите преславски книжовници не привличат вниманието в същата степен върху себе си и често са свързани с името на точно определени изследователи, които посвещават научното си дело на конкретен автор. Така след изработването на Речник-индекс на «Беседа против богомилите на Презвитер Козма» А. Давидов посвещава на това произведение серия публикации⁵⁷.

Лексикалното богатство в обемното творчество на Константин Преславски все още чака своя изследовател⁵⁸. Що се отнася до едно от големите преводачески постижения

С. 11–20; *Костова Кр.* Преславските текстове и проблемите на българската историческа лексикология // *Palaeobulgarica*. 1992. № 3. С. 17–22; *Минчева А.* Актуални езикови проблеми на преславската книжнина // Преславска книжовна школа. Т. 2. Шумен, 1997. С. 15–22; *eadem*. Архаизми и нови черти в езика на преславската книжнина // Славянска филология. Т. 19. София, 1988. С. 138–146; *eadem*. Към въпроса за Кирило-Методиевите традиции в дейността на преславските книжовници // Език и литература. 1982. № 6. С. 29–39; *Иванова-Мирчева Д.* К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX–X до XIV века // *Palaeobulgarica*. 1977. № 1. С. 37–48.

⁵⁶ *Благова Э., Икономова Ж.* Лексические совпадения Бесед Григория Двоеслова и Второго Жития Вячеслава с лексикой Иоанна Экзарха // *Palaeobulgarica*. 1993. № 3. С. 113–26; *Благова Э.* Лексика Супрасълския сборник. Старобългарски паметник от X в. София, 1980. С. 117–126; *Вайер Е., Миклас Х.* Преводачески похвати в Богословието на Йоан Екзарх в сравнение с по-късни паралелни преводи // Старобългарска литература. 1986. С. 29–59; *Георгиева Т.* За лексикалния състав на анонимното слово о тварн вожнн // Преславска книжовна школа. Т. 8. Шумен, 2005. С. 207–226; *Давидов А.* Някои лексикални успоредици между Йоан Екзарх и Презвитер Козма // Преславска книжовна школа. Т. 1. Шумен, 1995. С. 290–295; *id.* Шестодневът на Йоан Екзарх и старобългарската лексика // Славянска филология. Т. 19. София, 1988. С. 90–98; *Иванова-Мирчева Д.* Йоан Екзарх Български. Слова. Т. 1. София, 1971; *Илиева Т.* Наблюдения върху лексиката на Богословието в превод на Йоан Екзарх // *Palaeobulgarica*. 2005. № 3. С. 36–60; *eadem*. Лексика на Йоан–Екзарховия превод на Богословието – количествени показатели // *Palaeobulgarica*. 2011. № 2. С. 14–36; *Колесов В.В.* Семантични промени на думите в преводите на Йоан Екзарх Български // България 1300. Статии и изследвания на ленинградски българисти. София, 1983. С. 211–239; *Русек Й.* Из наблюденията върху лексиката на Йоан-Екзарховия «Шестоднев». 1 // *Palaeobulgarica*. 1992. № 4. С. 27–33; *id.* Из наблюденията върху лексиката на Йоан-Екзарховия «Шестоднев». 2 // Преславска книжовна школа. Т. 1. Шумен, 1995; *Стефова Л.* Из лексиката на Екзарховия Шестоднев. 1: аблаъ, агаа, агнадне // Български език. 1989. № 3. С. 217–221; *eadem*. Из лексиката на Екзарховия Шестоднев. 2 // Български език. 1990. № 2. С. 136–139; *eadem*. Из лексиката на Йоан Екзарх. // Лексикографски и лексиколожки четения '98. София, 2000. С. 366–32; *eadem*. За две гръцки думи в Шестоднева на Йоан Екзарх // Кирило-Методиевски студии. Т. 14. 2001. С. 266–269; *Hansack E.* Der Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // *Palaeobulgarica*. 1977. № 3. С. 33–59; *Thomson Fr.* John the Exarch's Theological Education and Proficiency in Greek as Revealed by his Abridged Translation of John of Damascus "De Fide Orthodoxa" // *Palaeobulgarica*. 1991. № 1. С. 35–58.

⁵⁷ *Давидов А.* Някои лексикални варианти в «Беседа против богомилите» от Презвитер Козма // Изследвания върху историята и диалектите на българския език (сборник в памет на чл.-кор. Кирил Мирчев). София, 1979. С. 120–124; *id.* Към въпроса за старобългарския характер на лексиката на Презвитер Козма // Български език. 1970. № 4. С. 343–344; *id.* Речникът на «Беседа против богомилите» от Презвитер Козма и Супрасълският сборник // Проучвания върху Супрасълския сборник, старобългарски паметник от X век. София, 1980. С. 137–145.

⁵⁸ *Тихова М.* За някои езикови особености в Учителното евангелие на Константин Преславски // 1100 години Велики Преслав. 2. Шумен, 1995. С. 313–333.

на старобългарския книжовник – преводът на Четирите слова против арияните на св. Атанасий Александрийски, то палеославистиката в последно време се обогати с монографичен труд⁵⁹, посветен на Второто от тях, едно издание и изследване, което въведе текста цели 60 г. след известния труд на Андре Ваян⁶⁰.

Засега конкретните специализирани изследвания са малобройни, което има своето логично обяснение – в палеославистиката извороведската, текстологичната, издателската работа стоят в началото на едно проучване, а за да има ключ към обработения критически текст, лексикологът трябва да се опира и на някакъв тип лексикографска обработка. Това е принципен въпрос, който засяга цялото изследователско поле в областта на историческата лексикология.

На подчертан интерес от страна на учените се радват знакови паметници, преведени в Преслав като Супрасълския сборник, Лествицата⁶¹, Служебния миней⁶², Простия Пролог⁶³, Слова на Григорий Богослов, някои Старозаветни книги⁶⁴, Симеоновия сборник⁶⁵, Златоструя⁶⁶, Диалозите на Псевдо-Кесарий⁶⁷, Откровението на Псевдо-Методий Патарски⁶⁸, Хрониката на Йоан Малала⁶⁹, Хрониката на Георги Амартол⁷⁰,

⁵⁹ Пенкова П. Св. Атанасий Александрийски. Второ слово против арияните (в старобългарски превод). Първо издание. София, 2015.

⁶⁰ Vaillant A. Discours contre les Ariens de Saint Athanase. Version slave et traduction en français. Sofia, 1954.

⁶¹ Василева Н. «Лествицата» и преславската редакция на старобългарския книжовен език // Преславска книжовна школа. Т. 6. София, 2002. С. 165–174.

⁶² Давидов А. Някои лексикални особености на Минея за месец февруари от Руската национална библиотека в Санкт Петербург (Соф. 1377) // Кирило-Методиевски студии. Т. 17. 2007. С. 191–196.

⁶³ Желязкова В. Обща характеристика лексического состава Софийского пролога конца XII – начала XIII в. // Palaeobulgarica. 1998. С. 75–88.

⁶⁴ Желязкова В. Наблюдения върху лексиката на среднобългарските преписи на Книга Изход // Преславска книжовна школа. Т. 9. Шумен, 2006. С. 330–334; Илиева Т. Чуждата лексика в Книга на пророк Иезекиил по ръкопис F.I.461 от Руската държавна библиотека в Санкт Петербург // Кирило-Методиевски студии. Т. 18. 2009. С. 116–135; eadem. Сравнение на лексиката на Ез. F.I.461 с фонда редки, остарели и диалектни думи в българския език от XIX–XX в. // Български език. 2010. № 3. С. 19–30; Йовчева М., Камуля М. От лексиката до структурата на Книга на пророк Иезекиил: резултати от компютърно изследване на различни езикови равнища // Palaeobulgarica. 2000. № 3. С. 3–20; Мострова Т. Към лексикалната характеристика на Книга на пророк Иеремия // Кирило-Методиевски студии. Т. 21. 2012. С. 12–146.

⁶⁵ Мишчева А. Старобългарският книжовен език в Симеоновия сборник по преписа от 1073 г. // Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 1. Изследвания и текст. София, 1991. С. 162–181.

⁶⁶ Георгиева Т. Наблюдения над някои езикови особености на Златостуй от XII в. // Проглас. 1997. № 1–2. С. 48–58.

⁶⁷ Милтенов Я. Редки думи и парах legomena в старобългарския превод на Диалозите на Псевдо-Кесарий // Palaeobulgarica. 2005. № 4. С. 75–83.

⁶⁸ Йовчева М., Тасева Л. Преславска лексика в превода на Псевдо-Методиевото Откровение // Palaeobulgarica. 1994. № 3. С. 44–51.

⁶⁹ Пеев Д. Портретни описания на личностни характеристики в Хрониката на Йоан Малала // Преславска книжовна школа. Т. 9. Шумен, 2006. С. 270–293.

⁷⁰ Станков Р. Славянският превод Хроники Георгия Амартола в изданието В. М. Истрина // Palaeobulgarica. 1994. № 1. С. 89–95; id. Из наблюдения над лексика древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Slavia Orthoха. Език и култура. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Румяна Павлова. София, 2003. С. 380–389; id. К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Преславска книжовна школа. Т. 7. Шумен, 2004. С. 57–72.

Паренесиса на Ефрем Сирин⁷¹, Патерика⁷², Палеята⁷³, Книга Кормчая⁷⁴, както и отделни текстове, които водят началото си също от този книжовен център⁷⁵.

През 80-те години на ХХ в. серия забележителни открития на български и чуждестранни учени обогати палеославистиката с нов, безкрайно ценен изворов материал, който изведе на преден план въпроса за оригиналната, в частност старобългарската химнична поезия⁷⁶. Засега този корпус е непроучен в лексикално отношение. Единственото изключение в тази насока са няколко изследвания върху химнографския репертоар на Служебния миней⁷⁷.

В края на 70-те години на ХХ в. статиите на Иван Добрев «Гръцките думи в Супрасълския сборник и втората редакция на богослужебните книги»⁷⁸ и «Текстът на Добромировото евангелие и втората редакция на старобългарските богослужебни книги»⁷⁹ поставят началото на интереса към така наречената *Преславска редакция* на основните книги за ежедневното богослужение – Евангелието⁸⁰, Апосто-

⁷¹ Русек Й. За славянския превод на Паренесиса на Ефрем Сирин // Търновска книжовна школа. Т. 5. В. Търново, 1994. С. 335–348; *Voss Chr. Zum lexikalischen Bestand des Textes der altbulgarischen Paranesis von Ephraï dem Syrer* // *Palaeobulgarica*. 1994. № 2. P. 50–65.

⁷² Петков П. Лексикални и словообразователни варианти в текста на Синайския патерик // Преславска книжовна школа. Т. 9. Шумен, 2006. С. 120–134; *Харалампиев Ив.* По езиковите особености на Сводния патерик // *Език и литература*. 1982. № 5. С. 88–92.

⁷³ Станков Р. Обща характеристика на лексикалния състав на Историческата Палея // *Език и литература*. 1986. № 5. С. 39–56.

⁷⁴ Славова Т. За някои езически реалии в Ефремовската кормчая // *Старобългарска литература*. Кн. 33–34. 2015. С. 416–425.

⁷⁵ Караджинаова–Кузилова И. Наблюдения върху лексиката на старобългарския превод на Житието на св. Иларион Велики от Йероним Блажени. // *Преславска книжовна школа*. Т. 12. Шумен, 2012. С. 326–337.

⁷⁶ Най-пълното и системно описание на тази колекция, правено досега виж при *Станчев Кр., Наумов Ал., Попов Г., Йовчева М., Пожидаева Г.А.* *La poesia liturgica slava antica*. Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubliana, 15–21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni. Roma–Sofia, 2003.

⁷⁷ Досева Ц. Из лексиката на ранната славянска химнография (названия на облекло) // *Шенне мало Георгнию*. Сборник в чест на 65-годишнината на проф. д.ф.н. Георги Попов. София, 2010. С. 250–267; *eadem*. Из лексиката на ранната славянска химнография // *Търновска книжовна школа*, Т. 9. В. Търново, 2011. С. 417–435; *eadem*. Из лексиката на ранната славянска химнография (суфиксните имена за лица в Новгородските минеи от 1095–1097 // *Преславска книжовна школа*. Т. 14. С. 436–450.

⁷⁸ Добрев Ив. Гръцките думи в Супрасълския сборник и втората редакция на богослужебните книги // *Български език*. 1978. № 2. С. 89–98.

⁷⁹ Добрев Ив. Текстът на Добромировото евангелие и втората редакция на старобългарските богослужебни книги // *Български език*. 1979. № 1. С. 9–21.

⁸⁰ Славова Т. Преславска редакция на Кирило–Методиевия старобългарски евангелски превод // *Кирило–Методиевски студии*. Т. 6. 1989. С. 15–129; *Георгиева Т., Трендафилова П.* Лексиката на евангелските цитати в слово о тварн божнн в сборника Златоструй // *Преславски книжовна школа*. Т. 8. 2005. С. 199–206; *Дунков Д.* Преславската лексика в староруско евангелие – плен апракос от сбирката на Хлудов // *Преславска книжовна школа*. Т. 1. Шумен, 1995. С. 353–358; *Коссек Н.О.* О лексике среднеболгарских евангелий // *Palaeobulgarica*. 1984. № 3. С. 57–69; *id.* Лексико–фразеологические раритеты в языке среднеболгарских Евангелий // *Palaeobulgarica*. 1988. № 2. С. 15–24; *Львов А.С.* Особенности в лексиката на Остромировото евангелие // *Български език*. 1958. № 3. С. 209–234; *Новикова А.* Некоторые наблюдения над лексикой Воскресенского евангелия // *Palaeobulgarica*. 1988. № 3. С. 66–86; *eadem*. Евангелские цитаты в Супрасълской рукописи (лингво–текстологический анализ) // *Преоткриване: Супрасълски сборник, старобългарски паметник от X век*. София, 2012. С. 177–193; *Славова Т.* Лексиката на Тертеровото евангелие от 1322 г. // *Palaeobulgarica*. 1988. № 1. С. 67–80; *Самойлова Н.* Преславская лексика в евангелских цитатах Супрасълского сборника // *Palaeobulgarica*. 1997. № 1. С. 85–89; *Шатковска Е.* Явлението «синонимия» в Зографско-

ла⁸¹, Псалтира⁸² – серия от изследвания, в които основен обект на изследване и доказателство за направените изводи са среднобългарски ръкописи и такива, писани в чуждоезиковата среда. Тези системни проучвания допринасят за съществуващото напредък на това, което днес науката знае за Преславската книжовна школа и стават основен коректив в последващите изследвания на извънредно голямата по обем книжна продукция, свързана с нея. Може да се каже че благодарение на тези изследвания, както и на многобройни трудове, инспирирани от утвърдилите се във времето авторитетни симпозиуми Преславска книжовна школа, днес науката възстановява фрагмент по фрагмент картината на мащабната преславска книжна продукция.

В голяма степен може да се каже, че е надживян етапът на рязкото противопоставяне на Охрид на Преслав в езиково отношение, както и придаването на особена тежест, до степен на противопоставяне, на добре известните още от времето на В. Ягич⁸³, обогатени и развити от А.С. Лвов⁸⁴ лексикални двойки.

Въвеждането и изследването на все повече изворов материал постепенно доведе учените до заключението, че съществува разлика между така наречения ранен и късен Преслав, което се отразява и на използвания лексикален инвентар⁸⁵. В трудовете на съвременните изследователи лексикалният критерий се използва за локализиране на мястото, където е осъществен даден превод⁸⁶.

Среднобългарски период

Основният интерес на изследователите на славянската книжнина естествено следва историческите моменти на държавен и културен подем, с които неразривно са свързани върховете моменти в развоя на книжовния живот. Това определя привлекателността на темата за Търновската книжовна школа, за Патриарх Евтимий Търновски, неговите ученици и последователи. В историята на славистиката този интерес обаче не е изначален и това е свързано с подчертано отрицателната оценка, която дават на езика Евтимий първите му издатели и изследователи. Едва през 70-те години на ХХ в., благодарение на учредения авторитетен научен форум Търновска книжовна школа започват системни изследвания, които променят тази оценка. През 1990 г. излиза обобщаващият труд на Ив. Харалампиев «Езикът и езиковата реформа на Евтимий Търновски»⁸⁷, представящ за първи път цялостен поглед върху преводното и оригиналното творчество на последния търновски патриарх, включително и върху лексиката му. Успоредно с

то евангелие на сравнителна основа // *Palaeobulgarica*. 1989. № 1. С. 39–45; *Moszyński L.* Cytaty ewangelijne w tekście Kodexu Supraskiego // Проучвания върху Супрасълския сборник, старобългарски паметник от Х век. София, 1980. С. 43–50.

⁸¹ *Христова–Шомова И.* Преславизмите в апостолските четива в хърватските глаголически мисали и брeвиарии // Преславска книжовна школа. Т. 7. Шумен, 2004. С. 42–56.

⁸² *Карачорова И.* Лексиката на Чудовския псалтир и преславската редакция на старобългарските богослужебни книги // Български език. 1984. № 1. С. 53–61.

⁸³ *Jagić V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.

⁸⁴ *Лвов А.С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

⁸⁵ *Thomson Fr.* The Slavonic Translations of Pseudo–Methodius of Olympus Apoclipis // Търновска книжовна школа, Т. 4. В. Търново, 1985. С. 143–73; *Йовчева М., Тасева Л.* Преславска лексика в превода на Псевдо-Методиевото Откровение // *Palaeobulgarica*. 1994. № 3. С. 44–51.

⁸⁶ *Станков Р.* Локализация древнеболгарских переводных текстов в свете так называемой «охридской» и «преславской» лексики (на материале Исторической палеи) // *Palaeobulgarica*. 1991. № 4. С. 83–91.

⁸⁷ *Харалампиев Ив.* Езикът и езиковата реформа на Евтимий Търновски. София, 1990.

това се натрупват специализирани лексикални проучвания както върху Евтимий⁸⁸, така и за едно от големите имена сред неговите ученици – Григорий Цамблак⁸⁹.

Дейността на търновските книжовници е неделима от книжовните процеси на Атон. Една интересна публикация на Мария Спасова⁹⁰ поставя с основание въпроса за времето, в което със смяната на Типика и превода на Йерусалимския устав на Атон се поставя началото на обновяването на богослужебната книжнина. Аргументите на авторката, подкрепени от множество факти, изместват началото на този процес към XIII в. Направеният извод е от съществено значение за погледа на историка на лексиката върху обхвата на изворовия материал и книжовните взаимодействия, които той отразява. Особено ценни резултати дават проучвания, които показват, че атонските образци не са пренасяни механично в Търново, а са целенасочено лексикално редактирани в духа на «критичната приемственост». С голяма тежест в това отношение са търновските версии на преведени за първи път на Атон книги, като Триодния синаксар⁹¹.

Сериозно присъствие сред изследванията на старобългарската лексика заема проучването на един ясно обособен като раздел – църковноюрдическа книжнина. Тя присъства в славянската средновековна литература с множество различни типове паметници, а нормотворческият ѝ (терминологичен) и от друга страна подчертано делничен и обслужващ ежедневиия живот на средновековния човек характер, предлагат извънредно интересен лексикален материал, намерил място в мащабни сравнителни изследвания⁹².

Една от трайните насоки в изследването на лексикалното богатство, приемственост и вариране представляват проучванията на отделни среднобългарски или сродни

⁸⁸ Русек Й. Из лексикалните особености на езика на Евтимиевите ученици и последователи // Търновска книжовна школа. Т. 2. София, 1980. С. 293–300; Трендафилова П., Георгиева Т. Стилистични и лексикални особености в две жития на св. Евтимий, Патриарх Търновски // Търновска книжовна школа. Т. 7. В. Търново, 2008. С. 321–328; Давидов А. Към лексикалната характеристика на Търновската книжовна школа // Palaeobulgarica. 1990. № 4. С. 8–18; Благова Э. Значение переводных текстов для исследования лексики Търновской литературной школы // Търновска книжовна школа. Т. 6. В. Търново, 1999. С. 193–198; Василева Н. От преславската към търновската книжовна норма // Преславска книжовна школа. Т. 8. Шумен, 2005. С. 282–288; Цейтлин Р.М. Современные задачи изучения лексики болгарских рукописей XII–XIV веков // Международен конгрес по българистика. 2. Доклади, Т. 2. София, 1987. С. 95–104.

⁸⁹ Гълъбов Ив. Цамблаковото слово за Евтимий и българският книжовен език в края на XIV век. // Ив. Гълъбов. Избрани трудове по езикознание. София, 1986. С. 146–175; Давидов А. Езикът на Григорий Цамблак с оглед на неговата лексика // Търновска книжовна школа. Т. 3. София, 1984. С. 207–219; Давидов А. Григорий Цамблак и старобългарската лексикална традиция // Търновска книжовна школа. Т. 5. В. Търново, 1994. С. 235–246; *id.* Редки думи в Житие на Стефан Дечански» от Григорий Цамблак // Търновска книжовна школа. Т. 6. В. Търново, 1999. С. 175–184; *id.* За някои особености в езика на Григорий Цамблак като елементи на художествената форма // Търновска книжовна школа. Т. 8. В. Търново, 2007. С. 177–192; Сване Г. Новосъздадено и унаследено в езика на Григорий Цамблак // Български език. 1981. № 2. С. 95–115; Спасова М. Влияние на говоримия език от XIV век върху лексиката на Цамблаковите проповеди // Българистични проучвания. В. Търново, 1997. С. 161–180.

⁹⁰ Спасова М. Приписката на стареца Йоан и проблемът за Атонската редакция на старобългарските книги // Търновска книжовна школа. Т. 8. В. Търново, 2007. С. 211–229.

⁹¹ Тасева Л. Езикът на преводача Закхей: между книжовното наследство и формалистичните тенденции на епохата // Slavia. 2000. № 2. С. 189–210; *eadem.* Лексикалната вариативност в южнославянските преводи на триодните синаксар // Palaeobulgarica. 2004. № 4. С. 43–68.

⁹² Цибранска-Костова М. Формиране и развитие на старобългарските лексикални норми в църковноюрдическата книжнина. София, 2000; *eadem.* Покаяната книжнина на Българското средновековие. София, 2011.

по жанровата си принадлежност ръкописи⁹³. Те въвеждат в обръщение малко познати или напълно неизследвани паметници и допринасят за обогатяване на представата на науката за историята на българската лексика.

На повишен интерес се радват многократните преводи на един и същи текст в старобългарската книжнина – Кирило-Методиев/Преславски; Кирило-Методиев/ Преславски/новоизведен (търновски); ранен Преславски/късен Преславски. Проучванията в тази насока датират от самото начало на развитието на славянската филология и продължават да привличат вниманието на изследователите. Голям тласък напред в тази насока даде провеждането на два научни форума – Преводите през XIV столетие на Балканите (2003) и Многократните преводи в Южнославянското Средновековие (2005). Резултатите са публикувани в сборници, носещи същите заглавия⁹⁴. Те изобилстват от приносни проучвания на конкретни проблеми, много от тях засягат широк кръг въпроси в разволя на конкретни текстове, търсят влиянията на книжовни школи и центрове, правят важни заключения за развитието на книжовноезиковата норма, носят ценна информация за разволя на лексиката, при това особено ценно е, че това се прави в съпоставителен план. По този начин се получава интересна картина в динамиката на лексикалните процеси, предпочитанията на книжовници и книжовни центрове, на базата на която се очертават приемствеността и иновациите. Без претенция за изчерпателност, като пример, че често проучванията на един текст стават предмет на серия от публикации на един учен, ще посочим повторния превод на Учителното евангелие⁹⁵.

⁹³ *Русек Й.* За лексиката на Битолския триод // *Palaeobulgarica*. 1981. № 2. С. 72–78; *Schidt W.-H.* *Berlinski sbornik und възмъйтъската въра* // *Palaeobulgarica*. 1983. № 4. С. 110–115; *Rusek J.* *Ze studiów nad słownictwem Zbornika Iwana Aleksandra* // *Prace Filologiczne*. 1985. 32. Р. 283–289; *Йовчева М., Тасева Л.* Редки думи от Берлинския сборник // *Palaeobulgarica*. 1992. № 4. С. 43–49; *Хараламиев Ив.* Из езиковите особености на Берлинския сборник, среднобългарски паметник от XIII в. // *Български език*. 1997/1998. № 2. С. 4–8; *Кавеуца А.* Несколько замечаний о семантической категории «общности» в развитии болгарского языка (на материале царских грамот XIII–XIV вв. // *Palaeobulgarica*. 2010. № 2. С. 67–77; *Райкова М.* Към лексиката на Витошката грамота // *Palaeobulgarica*. 2002. № 2. С. 62–69; *eadem.* За някои лексикални особености на Житие на свети мъченик Николай Софийски и църковноюрисдикески текстове // *Български език*. 2010. С. 72–85; *Марчевски Ив.* Опит върху етимологията и семантиката на някои лексеми от Рилския панегирик (№ 61) на Владислав Граматик // *Български език*. 1990. № 1. С. 45–46; *Мирчева Е.* Из лексиката на Зайковския требник от първата половина на XIV век // *Проглас*. 1998. № 2. С. 110–128; *Тончева Хр.* Към неописаното лексикално богатство на требниците // *Лексикографски преглед*. 1999. № 1. С. 24–30; *Тотоманова А.-М.* Езикът на молдавските грамоти от XV в. // *вѣстѣ ъченкѣ надѣ ъчнтелемѣ свонмѣ*. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Иван Добрев, чл.-кор. на БАН и учител. София, 2005. С. 477–500; *Шаламанов Бл.* Из лексиката на Иван–Александровия сборник от 1348 г. (по материал от буква К) // *Търновска книжовна школа*. Т. 5. В. Търново, 1994. С. 321–334.

⁹⁴ Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция София, 26–28 юни 2003. София, 2004; Многократните преводи в Южнославянското средновековие. Сборник доклади от международната конференция в София 7–9.07.2005. София, 2006.

⁹⁵ *Спасова М.* Евангелските цитати в среднобългарското Учително евангелие и проблемът за славянския превод на Евангелието // *Slavia Orthodoxa*. Език и култура. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Румяна Павлова. София, 2003. С. 367–378; *eadem.* Лексикални особености на славянския евангелски превод в Учителното евангелие от 1343 г. // Сборник в чест на А. Давидов за 70-годишния му юбилей. В. Търново, 2004. С. 109–127; *eadem.* Редки и диалектни думи в среднобългарското Учително евангелие от 1343г. // Сборник научни изследвания в чест на проф. Боян Байчев. В. Търново, 2005. С. 173–184; *eadem.* Изповедна молитва в Учителното евангелие от 1343 г. // *Йорданка Маринова*. Изследвания по случай нейния 70-годишен юбилей. В. Търново, 2006. С. 149–161.

Новобългарски период

В българската средновековна литература през периода XVI–XVIII в. се появява един типичен единствено за нея феномен – дамаскинската книжнина. Тя привлича изследователския интерес на голям брой учени вече две столетия. Въпреки това издадени и изследвани са незначителна част от многобройните ръкописи, носещи това наименование. Възникнали на базата на преводен, при това печатан сборник, дело на новогръцкия автор Дамаскин Студит, твърде скоро те разширяват състава си неимоверно много, а произходът на голям брой от тези текстове все още е неясен. И все пак, докато науката разполага с известни познания за типовете дамаскински сборници, както и с макар и малко на брой, имена на дамаскинари, с проучвания на преводаческата, съставителската и компилаторска работа на някои от най-големите имена измежду тях (на първо място на Йосиф Брадати), то чисто лексикалните изследвания на тази извънредно богата и интересна книжнина остават твърде малко⁹⁶.

Въпреки че са твърде отдалечени назад във времето, въпреки широко отворената рамка на понятието за нормираност и нормативност, въпреки това, че в голяма степен в историята на езика критериите за определения от типа «диалектно», «народно», «разговорно» са трудни за дефиниране, някои изследователи се насочват към изясняването на тези проблеми⁹⁷. Налице са и пионерски опити за реконструкция на средновековен регионален диалект (в конкретния случай на търновския говор) по данни от значителния на брой ръкописи, свързани с Търново и Търновско⁹⁸.

Най-многобройни са изследванията, посветени на отделни думи или класове думи. Тук отнасяме и многобройни публикации на среднобългарски и новобългарски паметници, които излизат извън разгледаните по-горе Търновска книжовна школа и новобългарски дамаскини и които поради обема на този очерк не могат да бъдат споменати. Изброяването им тук за съжаление е невъзможно, а то би дало ясна представа за многогодишните усилия на голяма група наши и чуждестранни изследователи, за многообразието на поставяните теми, за огромния кръг изследвани писмени извори, преобладаващата част от които не са публикувани.

Настоящият обзор ще се ограничи със споменаването на малкото монографични изцяло лексиколожки по характера си издания на познавачите на средновековната българска книжнина – на руските изследователи А.С. Львов «Очерки по лексике паметников старославянской письменности»⁹⁹ и Р.М. Цейтлин «Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв.»¹⁰⁰, както и два труда на полския палеославист Йежи Русек, събрали в себе си малка част от неговото невероятно плодотворно научно творчество – «Studia z historii słownictwa bulgarskiego» и «Dzieje nazw zawodów w językach słowiańskich»¹⁰¹.

⁹⁶ Младенова О. Наблюдения върху лексиката на дамаскините // Български език. 2004. № 4. С. 15–21.

⁹⁷ Велчева Б. Книжовно и народно в езика на българските книги от XVI век // Сборник с доклади за българска обща и културна история през XVI век. София, 1996. С. 327–442.

⁹⁸ Велчева Б. Търновският говор през XIV в. // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 27–34; Тотоманова А.-М. Езикът на XIV век и съставът на Палаузовия сборник // Palaeobulgarica. 2012. № 1. С. 24–37.

⁹⁹ Львов А. С. Цит. съч.

¹⁰⁰ Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей ...

¹⁰¹ Rusek J. Studia z historii słownictwa bulgarskiego. Warszawa, 1984; *id.* Dzieje nazw zawodów w językach słowiańskich. Warszawa, 1996.

Към това ще добавим с единични примери примери за приемственост и научна полемика в изследванията – случаи, в които една и съща дума (*майка*¹⁰², *вече*¹⁰³, *мажжена*¹⁰⁴) десетилетия привлича вниманието на поколения изследователи.

Значителен брой приноси излизат под еднотипни или приблизително еднакви заглавия. В началото на 60-те години на XX в. К. Мирчев публикува на страниците на списание «Български език» нови данни за 13 лексеми под заглавие «Към българската историческа лексикология»¹⁰⁵. Същото заглавие носи изследване на Ангелина Даскалова¹⁰⁶. Съвсем близък по звучене наслов, «Из българската историческа лексикология», имат няколко изследвания на Иван Добрев¹⁰⁷ и една статия на Петър Илчев¹⁰⁸. Към това може да се добавят още сродни оглавления – Й. Русек «Из старобългарската лексика»¹⁰⁹ и Тадеуш Шимански «Из старата българска лексика»¹¹⁰. Това повторение на заглавията не е следствие на липса на въображение, а сочи ясно изразената воля на авторите да прибавят своя принос към необятната по обхвата си задача за изследването на българската лексика в исторически план.

Сред предпочитаните от учените теми са следните: феноменът *hарах legomena*¹¹¹, редките лексеми¹¹², а не са изключение и разработки, които оспорват съществуването

¹⁰² Мирчев К. От матн до майка // Български език. 1957. № 3. С. 263–265; Велчева Б. От матн до майка и един словообразователен модел // Кирило–Методиевски студии. 2001. Кн. 14. С. 239–242; Русек Й. Дребни приноси към историята на българския език. 1. Бълг. *майка* // Проглас. 1993. № 2/3. С. 90–93.

¹⁰³ Мирчев К. За новобългарското наречие *вече* // Български език. 1961. № 1. С. 39–41; *Тотоманова А.-М.* Още веднъж за произхода на наречието *вече* // *Palaeobulgarica*. 1992. № 1. С. 109–114; Велчева Б., Бояджиев А.. Веке/вече. Етимологична бележка // *нѣстѣзъ вѣченкѣзъ надѣзъ вѣчтелемѣзъ свонмѣзъ*. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Иван Добрев, член–кореспондент на БАН и учител. София, 2005. С. 428–431.

¹⁰⁴ Георгиев Вл. Стб. *мажжена* «съпрузи» – една старинна славянска дума // Български език. 1986. № 5. С. 424–426; Хемт Ер. *мажжена* и *мжжъ* // Български език. 1987. № 4. С. 305–307; Шаур Вл. За етимологията на старобълг. *мажжена* // Български език. 1990. № 3. С. 503–510.

¹⁰⁵ Мирчев К. Към българската историческа лексикология // Български език. 1960. № 2/3. С. 218–220; 1961. № 3. С. 247–250; 1962. № 3. С. 208–211; 1963. № 3. С. 255–257; 1965. № 1. С. 48–51.

¹⁰⁶ Даскалова А. Към българската историческа лексикология // Кирило–Методиевски студии. 2001. Кн. 14. С. 59–64.

¹⁰⁷ Добрев Ив. Из българската историческа лексикология // Български език. 1979. № 6. С. 493–496; 1983. № 2. С. 136–141; *Език и литература*. 1981. № 5. С. 60–65.

¹⁰⁸ Илчев П. Из българската историческа лексикология // *Известия на Института за български език*. 1962. Т. 8. С. 117–129.

¹⁰⁹ Русек Й. Из старобългарската лексика // *Palaeobulgarica*. 1983. № 4. С. 34–51.

¹¹⁰ Шимански Т. Из старата българска лексика // *Palaeobulgarica*. 1983. № 4. С. 55–58.

¹¹¹ Десподова В. *Нарах legomena* в Синайския палимпсест (Греч. 70) // Кирило–Методиевски студии. 2007. Т. 17. С. 204–212; Димитров К. *Нарах legomena* в среднобългарския превод на словата против аномеите на св. Йоан Златоуст // Български език. 2013. Приложение. С. 96–109; Тасева Л. *Оплаздоръдъ*: един *hарах legomenon* от Паримейника // *нѣстѣзъ вѣченкѣзъ надѣзъ вѣчтелемѣзъ свонмѣзъ*. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Иван Добрев, член–кореспондент на БАН и учител. София, 2005. С. 452–461; *Тотоманова А.-М.* За един *hарах legomenon* в славянската версия на Хрониката на Георги Синкел и за словообразователното значение на и–основата в праславянски и старобългарски // *Palaeobulgarica*. 2009. № 1. С. 26–32.

¹¹² Йовчева М, Тасева Л. Редки думи от Берлинския сборник // *Palaeobulgarica*. 1992. № 4. С. 34–49; Милтенова А. За някои редки думи в еротапокритичен паметник встроени словесъз // *Езиковедски проучвания в памет на проф. Йордан Заимов*. София, 2005. С. 196–203; Стефова Л. За една лексема в Супрасълския сборник // *Езиковедски проучвания в памет на проф. Йордан Заимов*. София, 2005. С. 234–236; *eadem*. Една рядка лексема в Житието на св. Иван Рилски от Патриарх Евтимий // *Филология, история, изкуствознание*. София, 2010. С. 112–115.

на определени думи в изследваните ръкописи¹¹³. Сравнително по-редки са проучваните на идиоми¹¹⁴, на лексикосемантични групи¹¹⁵ и словообразователни гнезда¹¹⁶.

Изследванията на отделни лексеми са разръснати в множество специализирани списания и тематични сборници. Техният брой се увеличава с всяка изминала година. Пред българската историческа лексикология стои задачата да изработи аотирана библиография на многобройните публикации, която да е интернет позиционирана и да може да бъде текущо допълвана.

Голям интерес представлява началният етап от формирането на терминологичната система на старобългарския книжовен език. Тази тема трайно привлича интереса на изследователите, посветили множество усилия в разглеждането на проблема. Наред с множество статии¹¹⁷, палеославистите разполагат и с цялостни монографични изследвания¹¹⁸.

Съществен дял в проучванията по историческа българска лексикология представляват трудовете, посветени на словообразуването. Водещо място сред публикуваните изследвания заема словообразуването на съществителните имена. Прави впечатление, че най-често тези трудове се опират на материал от конкретен паметник или на творчеството на книжовник¹¹⁹. Значително по-малко са изследвани словообразуването на

¹¹³ Минчева А. Има ли в старобългарски прилагателно *недовољнъ* // Старобългарска литература. 1994. № 28/29. С. 66–69; Мирчев К. Има ли глагол *мъчатн* в Супрасълския сборник // Български език. 1958. № 1. С. 50–51; Мирчева Е. Как не трябва да се държим с родителите си или има ли глагол *мъчатн* в Зайковския требник // Магията на думите. Езиковедски изследвания в чест на проф. д.ф.н. Лилия Крумова–Цветкова. София, 2012. С. 478–485; Keipert H. *лнснн ein abzuänderndes Lemma im altkirchenalavischen Wörterbuch* // Palaeobulgarica. 1978. № 2. P. 66–69.

¹¹⁴ Мирчев К. Към историческото разяснение на идиома *от игла до конец* // Български език. 1957. № 4. С. 350–352; Русинов Р. Още за произхода на съчетанието *през куп за грош* // Български език. 1971. № 2/3. С. 259–261.

¹¹⁵ Русек Й. Из историята на думите със значение «хубав» в българския език // Научни трудове на Пловдивския университет «Паисий Хилендарски». Филология. Т. 36. Кн. 1. Пловдив, 1998. С. 37–49; *id.* Названия за «път» в българския език // Българистични проучвания. 11. В. Търново, 2007. С. 102–113.

¹¹⁶ Тотоманова А.–М. таньма, таньннъ, таньно в Супрасълския сборник и историята на един словообразователен модел // Преславска книжовна школа. Т. 8. Шумен, 2005. С. 238–244.

¹¹⁷ Верецагин Е. К вопросу начального этапа формирования философской терминологии в древнеболгарском литературном языке // Първи международен конгрес по българистика. Т. 5. София, 1981. С. 70–72; Иванова–Мирчева Д. За думите–термини в старобългарски // Български език. 1987. № 1/2, С. 18–22; Велковска Ел. Значението на термина *тръстаѣн* в Синайския евхологий // Palaeobulgarica. 1999. № 4. С. 59–63; Минчева А. За преводните варианти на прилагателното *бѣоуѣс* «с еднаква природа» в старобългарската книжнина и църковнославянската терминологична система // *нѣстъ вченнъ надъ вчнтелемъ свонь*. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Иван Добрев, член–кореспондент на БАН и учител. София, 2005. С. 419–427; Цибранска–Костова М. Словосъчетанията като средство за номинация в първия старобългарски Номоканон // Български език. 1997/1998. № 6. С. 13–19; *eadem.* Славянски приноси в църковноправната терминология на Средновековието // Филология. история, изкуствознание. София, 2010. С. 89–99; Илиева Т. Ментализацията (осмислянето) при терминологичното в Йоан–Екзарховия превод на Богословието // В памет на Петър Динев. София, 2001. С. 578–588; *eadem.* История на терминологията – състояние и перспективи // Български език. 2007. № 3. С. 47–54; Димитров К. Промени в богословската терминология X–XIV в. // Търновска книжовна школа. Т. 9. В. Търново, 2011. С. 478–486.

¹¹⁸ Илиева Т. Терминологичната лексика в Йоан–Екзарховия превод на «De fide orthodoxa». София, 2013.

¹¹⁹ Баранкова Г.С. О словообразовании существительных в списках «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского // Памятники русского языка. Вопросы, исследования и издания. М., 1974; Борисов П. Мотивирани съществителни имена със значение на лица в първите две книги на ранния старобългарски превод

глагола¹²⁰ и прилагателното име¹²¹. Сериозно място в проучванията заемат композитата¹²². Тези проучвания отново са свързани с конкретен текст или автор. По всичко изглежда, че в областта на словообразуването палеославистиката е в период на натрупване на достатъчно емпиричен материал в аналитични публикации, които подготвят пътя за цялостно изследване на словообразователните модели в българския език в истори-

на Римския патерик // *Palaeobulgarica*. 2013. № 2. С. 79–96; *Димитров К.* *Noina loci* в Бориливия синодик // Проф. д-р Върбан Въртов. Юбилеен сборник. В. Търново, 2011. С. 233–241; *Досева Ц.* Съществителни имена с наставка -ота в Новгородските минеи от 1096–1096 г. // *Език и литература*. 1986. № 5. С. 91–96; *Желязкова В.* Съществителни имена със суфикс -(ъ)ница в Станиславовия пролог // *Slavia Orthodoxa*. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Румяна Павлова. София, 2003. С. 153–164; *Илиева Т.* Словообразователни склонности в химнографското творчество на Климент Охридски // *Преславска книжовна школа*. Т. 12. Шумен, 2012. С. 110–125; *Ковачева П.* Към лексикалната характеристика на абстрактните съществителни именни основи в произведенията на Йоан Екзарх // *Международен конгрес по българистика*. 2. Доклади. Т. 21. София, 1989. С. 138–145; *Кочев Ив., Кочева Е., Мострова Т.* Словообразуване на съществителното име в Супрасълския сборник // *Проучвания върху Супрасълския сборник, старобългарски паметник от X век*. София, 1980. С. 131–136; *Кърпачев Вл.* Словообразователни модели при *nomina agentis* в *Беседите на папа Григорий* // *Acta Palaeoslavica*. Vol. 2. in honorem professoris Angelinae Minčeva. Sofia, 2005. С. 172–177; *Мострова Т.* Към образуването на deverбативните съществителни в книжовния език от XIV в. (*Nomina instrumenti* и *Nomina loci*) // *Български език*. 2013. Приложение. С. 161–177; *Перчеклийски Л.* Словообразователната категория *nomina essendi* в Мариинското евангелие (имена от ж. р.) // *Езиков свят*. 2011. Т. 9. Кн. 1. С. 58–65; *Тасева Л.* Словообразователни тенденции в Захеевия превод на триодните синаскари и неговата търновска редакция // *Търновска книжовна школа*. Т. 8. 2007. С. 345–358; *Славова Т.* Архаични лексеми и словообразователни модели в старобългарския превод на библейската Книга Царства // *Българска реч*. 2011. № 3. С. 42–51; *Спасова М.* Производни съществителни за означаване на лица в старобългарския и среднобългарския преводи на *Oratio XXXVIII* (слово за Рождество Христово от Григорий Богослов) // *Търновска книжовна школа*. Т. 6. 1999. С. 231–254; *Цейтлин Р.М.* О древнеболгарских существительных ъдн-накъз и суффиксе -акъз со значением лица (К проблеме восстановления утраченного) // *Кирило-Методиевски студии*. Т. 14. 2001. С. 54–58; *Цибранска-Костова М.* Няколко имена на лица в лексиката на Номоканона // *Български език*. 1998. № 3/4. С. 35–37.

¹²⁰ *Димитров К.* Словообразователни модели при глаголите в среднобългарския превод на словата на авва Доротея // Състояние и проблеми на българската ономастика. Т. 10. В. Търново, 2010. С. 560–577; *Тотманова А.-М.* Към историята на словообразователните модели при глаголите с оноματοпоетичен корен в българския език // *Език и литература*. 1989. № 5. С. 51–56; *Шимански Т.* «Безсуфиксните» названия за действие в българския език като словообразователна проблема // *Български език*. 1975. № 6. С. 547–551.

¹²¹ *Илиев И.* Епитетите прилагателни с наставка -ъм в житията и похвалните слова на писателите от Търновската книжовна школа // *Търновска книжовна школа*. Т. 8. В. Търново, 2007. С. 453–464; *Селимски Л.* Прилагателните имена с наставки -ов-нн-, -(ъ)j- и -ъск- в две творения на Цамблак // *Търновска книжовна школа*. Т. 3. София, 1984. С. 267–275.

¹²² *Досева Ц.* Композита със значение на лице в ранни славянски минейни преписи някои наблюдения // *Преславска книжовна школа*. Т. 12. 2012. С. 90–109; *Ефимова В., Желязкова В.* Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgarica*. 2014. № 3. С. 33–48; *Маргос А.* Две стари български сложни думи – ерепомоанне и царевопомоанне // *Български език*. 1991. № 5. С. 449; *Билярски Ив., Цибранска-Костова М.* За един композитен тип в Палеологовия вариант на славянския Синодик в Неделята на Православието // *Palaeobulgarica*. 2012. № 1, С. 51–65; *Илиева Т.* Сложните думи в Книга на пророк Иезекиил по препис от XIV в. // *Българска филологическа медиевистика*. Сборник научни изследвания в чест на проф. д.ф.н. Иван Хараламиев (по случай 60-годишния му юбилей). В. Търново, 2006. С. 429–448; *Николов Н., Георгиева Г.* Сложните съществителни в старобългарския превод на Огласителните слова на св. Кирил Йерусалимски ГИМ, Син. 478) // *Преславска книжовна школа*, Т. 14. 2014. С. 91–121; *Карачорова И.* Сложните думи в съчиненията на Патриарх Евтимий // *Търновска книжовна школа*, Т. 9. В. Търново, 2011. С. 205–224; *Тихова М.* Сложните думи в езика на Григорий Цамблак, Константин Костенечки и Йоасаф Бдински // *Годишник на Висшия педагогически институт Шумен*. Т. 1. София, 1976. С. 11–43; *Цибранска-Костова М., Карамфилова П.* Сложните думи в Житието на Ромил Видински от Григорий Доброписец // *Търновска книжовна школа*. Т. 8. В. Търново, 2007. С. 383–396.

чески план. Традиционно сложните думи се смятат за типичен белег на книжовния език, формиран по модели, привнесени при превода на византийската книжнина, но се появиха убедителни доказателства за наличието на внушителен брой композита в българските диалекти, които сочат недвусмислено, че появата им има здрава основа в живата народна реч¹²³.

Подобно на изследванията в съвременните славянски езици палеославистите се насочват към проучване на отделни тематични групи¹²⁴.

В последно време набират скорост нов тип публикации. Интересът към така наречената «картина на света» се прехвърля към средновековната книжнина. Този метод на изследване обещава да обогати палеославистиката с комплексни проучвания, които надхвърлят рамките на чисто лингвистичния подход¹²⁵.

* * *

Така очертаната картина на проблемите и достиженията на българската историческа лексикология показва, че макар и с едновековна история това е млада научна дисциплина, на която тепърва предстои да разкрие необятния и сложен свят на огромното лексикално богатство на нашия език.

¹²³ Домусчиева Л. Старинни лексеми – компоненти на старобългарски и диалектни композита // Български език. 1993/1994. № 4. С. 366–370; Кочев Ив., Кочева Е., Домусчиева Л. За народната основа на словообразователните модели на сложните съществителни в старобългарския език // Славянска филология. Т. 19. София, 1998. С. 46–63.

¹²⁴ Верещагин Е.М. О тематических группах лексики в Псалтыри // Изследвания върху историята и диалектите на българския език (сборник в памет на чл.-кор. Кирил Мирчев). София, 1979. С. 83–87; Гешев В. н посла къ дѣлателемъ рабѣ (Названия на обществени и стопански понятия в старобългарския евангелски текст като свидетелство за устройството и самосъзнанието на т. нар. варварско общество // Palaeobulgarica. 2004. № 4. С. 88–99; Даскалова А., Велчева Б. Из историята на българската роднинска терминология // Palaeobulgarica. 1982. № 4. С. 58–68; Елкина Н. Лексико-семантическа група слов старославянского языка, обозначающая предметы, предназначенные для наказания и пыток // Slavia Orthodoxa. Език и култура. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Румяна Павлова. София, 2003. С. 137–152; Зашев Е. Бит и превод – названия на предмети от всекидневието в Синайския патерик (торби, кошове, сечива) // Преславска книжовна школа. Т. 9. Шумен, 2006. С. 108–119; Русек Й. Из историята на думите със значение «бърз» в българския език // Palaeobulgarica. 1989. № 4. С. 33–42; Цибранска-Костова М. Категорията «духовно родство» в старобългарската книжнина (IX–X в.) // Кирило-Методиевски студии. Т. 17. 2007. С. 814–826; Huntley D. Semantics of Paired verbs of Motion in Old Bulgarian // Palaeobulgarica. 1986. № 2. С. 38–55.

¹²⁵ Илшева Т. Лингвокултурният концепт *джендър* в езика на старобългарските паметници // Български език. 2012. Приложение. С. 241–261; Кирилова Й. Онтологични метафори за ума в Тихонравовия дамаскин // Български език и литература. 2013. № 5. С. 747–782; Мичева В. Лингвокултурният концепт *добро* в Житието на св. Петка от Патриарх Евтимий // Български език. 2010. № 3. С. 31–40; *eadem*. Концептът *грях* в езика на новобългарските дамаскини // Известия на Института за български език. Т. 27. 2014. С. 113–129; Мичева-Пейчева К. Семантичната опозиция *чист–нечист* в старобългарските класически произведения // Изследователски хоризонти на българската лингвистика. София, 2014. С. 231–238; Първанов К. Концептът *богатство* в старобългарския език // Български език. 2012. № 4. С. 55–62.

ЛИЛЈАНА МАКАРИЈОСКА

Скопје, Македонија

Осврт на историската лексикологија на македонскиот јазик

Историската лексикологија на македонскиот јазик, како и на останатите јазици, се занимава со развојот на конкретниот лексички систем и ги открива етапите на настанатите промени на лексичките единици во речничкиот систем и на нивниот семантички развој. Едно од основните обележја на македонската средновековна писменост претставува нејзиниот изграден однос кон традицијата. Проучувањата на јазичните особености на македонските црковнословенски текстови опфаќаат повеќе книжевни жанрови, што овозможува добивање богати сознанија за јазикот на македонската црковнословенска писменост. Лексичките особености на овие текстови, многу повеќе отколку граматичките, можат да укажуваат на поврзаност со определена редакција, а разликите во лексичките анализи можат да се земат како еден од аргументите за временската и територијалната припадност на ракописите. Сознанијата за црковнословенскиот лексички фонд во македонските текстови е прилог и кон научното документирање на македонскиот влог во развојот на средновековната словенска писменост, потврда за историскиот континуитет на нашата културна историја, за лексичката поврзаност на црковнословенскиот јазик со современиот македонски јазик, односно со македонските дијалекти и за единството на словенскиот лексички систем на историски план. Несомнено значајни се и меѓуредакциските контакти, односно меѓујазичните влијанија, на пр. како резултат на грчките влијанија врз развојот на лексички систем кој бил изложен на постојан контакт со византиската култура грцизмите претставуваат составен дел на лексиката на црковнословенските текстови и наоѓаат одраз во активирањето на изразните можности на словенскиот јазичен систем, промените во честотата на одделни средства во писмениот јазик, во семантичката структура на лексемите и во начинот на образување нови специјализирани поими, поврзани со христијанската духовна култура.

Влијанието на народниот јазик се следи преку употребата на народната лексика уште во записите од XII век, но е особено изразено од XVI–XVIII на пр. во дамаскините – поучни зборници, со што јасно се поставува односот меѓу црковнословенскиот и народниот јазик и се разграничува нивната употреба, а XIX век е период кога македонската лексика започнува да се развива и да се збогатува како резултат на тенденцијата за самостоен развој на македонскиот јазик. Писмениот јазик во XIX век во однос на лексиката е интересна синтеза на народната и на црковнословенската лексика, како и на елементи од другите словенските јазици, а според основните насоки на К. Мисирков во основата на речникот на македонскиот јазик се вградува лексика од сите дијалекти на македонскиот јазик и на тој начин тој станува побогат и поизразит.

Во овој прилог ќе се осврнеме на сознанијата презентирани во одделни трудови кои претставуваат придонес во областа на историската лексикологија на македонскиот јазик.

1. Кон лексиката во делата на Климент и Наум Охридски

Делото на големите македонски светители и книжевници, познатите Кирилометодиеви ученици, св. Климент и Наум Охридски и од лексички аспект, континуирано е предмет на лингвистичко проучување – се проследува лексичкиот состав на химнографските дела, чии автори се средновековните писатели и тоа: Климент Охридски, Наум Охридски и нивни ученици и следбеници. С. Поп-Атанасова¹ во анализата на поетските дела зачувани во ракописи од македонска, српска и руска редакција разгледува повеќе од 1900 единици и тоа од повеќе аспекти истакнувајќи го општословенскиот карактер на лексиката во овие дела, како и употребата на лексемите што се однесуваат на охридската писмена традиција: алкатн, брань, велнн, гоумьно, женнкъ, жрѣтва, кзинга, тѣкмо, на преславската: велнкъ, нспрѣва, наслѣдне, погрѣжнтн и на моравската писмена традиција (моравизми): вьсь мнрѣ, древле, жнвотѣ, знаменатн, чловѣчьскъ, недѣгѣ, отѣпоустѣ, цѣсарѣствне, напастѣ, нзбавнтель, молнтвѣннкъ, развѣ. Составен дел на лексиката на химнографските дела се и лексемите од семитските јазици, пред сè староеврејскиот, што се инфилтрира во старословенските ракописи со преводот на Библијата, чија специфична содржина овозможува навлегување на туѓата лексика: ефратѣ, адамъ, евжннѣ, аанлоунн, манна, серафнмѣ, хероувнмѣ². Грчките заемки се главно од сферата на религијата: адѣ, ангеалѣ, апостолѣ, апостоальство, демоньскъ, днѣволѣ, термини поврзани со црковната богослужба: псалѣмѣ, нкосѣ, нромосѣ, катаваснѣ, кондакѣ, стнхнра, октанкѣ, црковни титули и должности: нерен, патрнѣрхѣ, лексика од областа на материјалната култура и апстрактна лексика³. Од протобугарската лексика се документирани: врачѣ, вѣсоуе, ѣрѣтогѣ, се бележат и латинизми: поганьскъ, рака, германизми: крѣстѣ, кнѣсь, мѣннкъ, сѣлѣ. Во оригиналните поетски дела се евидентирани лексички варијанти: вѣнѣ – прнсно, вѣщанне – гласѣ, глѣбннѣ – бездѣнѣ, красота – лѣпота, лѣща – копне, матежѣ – мѣзѣ, недѣгѣ – болѣзнѣ, печалѣ – скрѣбѣ, руба – пелена, оупѣванне – надежда, обнтѣлнше – обнтѣль – жнлнше, сѣгрѣшенне – прѣгрѣшенне, коньѣ – коньѣннѣ, токѣ – потокѣ, и др., кои претставуваат карактеристична особеност уште на првите преводни текстови од св. Кирил и Методиј, а нивното присуство се толкува и како резултат на дијалектните разлики што се јавиле во говорниот јазик на словенските народи⁴.

Споредувањето на лексичкиот фонд на Климентовите творби и македонските химнографски црковнословенски текстови укажува на нивната тесна поврзаност⁵. Во Климентовите дела се изделува слојот лексеми што припаѓа на моравската варијанта на старословенскиот јазик, на пр.: вьсь мнрѣ, древле, дрѣвѣ, знаменатн, отѣпоустѣ, цѣсарѣствне итн., како и архаизмите што се поврзуваат со поширокото македонско подрачје или нивната употреба се поврзува со Охридската книжевна школа: алкатн, брань, велнн, гоумьно, женнкъ, радн итн., а присутен е и лексичкиот слој што се поврзува со Преславскиот книжевен центар: болѣзнѣ, велнкъ, нспрѣва, наслѣдне, печалѣ, погрѣжнтн.

¹ Поп-Атанасова С. Лексиката на македонската црковна поезија. Менора; Скопје, 2002.

² Истото. С. 148.

³ Истото. С. 45–49.

⁴ Истото. С. 56–61, 148.

⁵ Макаријоска Л. Климентовото творештво и лексиката на химнографските текстови од македонска редакција. Реферати на македонските слависти на XIV меѓународен славистички конгрес во Охрид. Скопје, 2008. С. 165–190.

Важна одлика на Климентовата лексика е употребата на голем број синонимни образувања и тоа истокоренски и разнокоренски, на пр. богороднѣльннца – богороднца – роднѣльннца, заренне – зарѣ, нстѣльнне – тѣльнне – тѣѣ, коньць – коньчнна, моленне – молнѣва – мољба, мракъ – мрачненне, отъпоустъ – отъпоушенне, лѣпота – красота, копне – лѣща, крннъ – цѣтѣъ, насѣдѣннкъ – настольннкъ, отъпоустъ – отъпоушенне – оставленне, прѣставленне – оупенне, рнза – пелена – роуба, чрѣво – жтроба, нстокъ – нсточьннкъ – истокъ – источьннкъ – кладеньць итн.

2. Кон лексиката на македонските средновековни текстови

Несомнен придонес за црковнословенската лексикологија е презентирањето на лексиката на одделни средновековни ракописи во прилог на лексичкото богатство на црковнословенската писменост. При анализата на лексичкиот фонд се izdelува најстариот лексички слој потврден во најголем број од текстовите, но и зборови кои се својствени за определен жанр или за одделни текстови под влијание на јазичната средина во која се употребувале, па се согледуваат специфичните особености на лексичкиот систем и местото на одделни ракописи во корпусот на средновековната писменост.

Архаичниот лексички слој ја потврдува врската на ракописите со старата словенска писмена традиција, а слојот од подновени лексички варијанти ги одразува одликите на говорот на пишувачите⁶.

Проследувајќи го лексичкиот состав на евангелските текстови од македонска јазична редакција Десподова⁷ izdelува: зборови што се единствено средство за преведување на грчкиот збор во сите текстови (со единствено, точно определено значење и нивното совпаѓање во сите текстови значи дека подолг период тие се совпаѓале во книжевниот јазик на разни словенски територии); грчки зборови на разни места од текстот кои може да бидат предадени со различни словенски зборови, блиски по значење; лексички варијанти со кои е различно предаден еден ист грчки збор. Овие зборови главно не излегуваат од рамките на општоупотребуваната лексика во словенските евангелски ракописи, но има и исклучоци што ги сочинуваат индивидуалните особености на определен ракопис и што треба да се сфатат како подоцнежни поправки на првобитниот превод. Анализата на лексиката со izdelување на архаизмите, лексичките варијанти, ретките или зборовите со ограничена употреба дава важен материјал за проучувањето на историјата на кирилometодиевскиот евангелски превод, за осветлувањето на определени појави во развојот на црковнословенскиот лексички фонд и за историјата на македонскиот јазик. Во класификацијата на етапите на старословенскиот превод одразен во Добромировото евангелие (*Дбм*) Десподова⁸ (во согласност и со класификацијата на Љвов⁹ во зависност од нивната хронолошка и територијална при-

⁶ При izdelувањето на лексичките архаизми и неологизми неопходна е примената на компаративно-историскиот, структурно-функционалниот и текстолошкиот метод. Архаизмите и неологизмите се izdelуваат врз основа на анализата на синонимите или врз основа на варијантноста во лексичкиот систем, а притоа треба да се земат предвид потеклото на зборот, степенот на употребата, структурата на зборот, мотивационите односи, продуктивноста на зборообразувачките елементи, старината и жанровската припадност на ракописот во кој е потврдена лексемата како и книжевниот центар во кој е создаден текстот.

⁷ Десподова В. Студии за македонската средновековна лексика. Скопје, 1997. С. 116.

⁸ Десподова В. Лексиката на Добромировото евангелие // Македонистика. 1. Скопје, 1977. С. 5–96.

⁹ Љвов А. С. Очерки по лексике памятників старославянској письменности. Москва, 1966.

падноста) изделува три лексички слоја: првобитен јужнословенски слој (архаизми); моравизми; втор јужнословенски слој (источнобугаризми и македонизми). Лексичките архаизми не сведочат секогаш за старината на текстот, зашто не мора да бидат првобитни, туку можеле да бидат внесени во текстот од подоцнежни препишувачи, а ракописот е поархаичен ако преовладуваат поархаични лексички варијанти¹⁰. Во текстот на Добромировото евангелие некои од архаизмите се задржуваат, но има и подновувања и тоа: поархаичниот збор се заменува со друг, понов; поархаичниот збор се заменува со збор од ист корен, но со друг афикс; текстот се словенизира и туѓите зборови се заменуваат со словенски. Се заклучува дека Добромировото во споредба со Мариинското (*Мар*) и Зографското евангелие (*Зогр*) има доста подновувања¹¹, но лексиката е поархаична во споредба со онаа на бугарското Трновско евангелие (*Трн*) или на други македонски текстови¹² во кои се оди подалеку во преведувањето на туѓите зборови. И покрај конзервативноста на македонските текстови во споредба со старословенските (канонски) може да се издели уште еден редакциски слој – оние лексички особености што потекнуваат од последните препишувачи и според кои ги определуваме текстовите како македонски¹³. Класификацијата на лексичките варијанти се врши од различни аспекти – некои варијанти се објаснуваат со разни грчки предлошки, други се објаснуваат со историјата на текстот и развитокот на словенскиот евангелски превод, со стилистичка употреба, со грешки на препишувачите и сл. На Добромировото евангелие е посветен и вториот том приреден од Угринова-Скаловска Р., Десподова В.¹⁴

Рибарова¹⁵ укажува на лексичките варијанти со кои Радомировото евангелие (*Рад*) се одликува од старословенските и од македонските евангелија, како и на односот кон најстарите српски четвороевангелија Рашкохилендарското и Мокропољското. По голем дел од документираните разлики се одраз на припадноста на Радомировото евангелие кон определена традиција на евангелскиот текст, а неговата локална припадноста е најизразена во областа на зборообразувањето. Се заклучува дека преовладуваат заедничките совпаѓања на Радомировото со двете српски четвороевангелија, што открива врски на нивниот заеднички протограф со македонската средина. Иновациите што ги содржи Радомировото евангелие, според Угринова-Скаловска, Рибарова¹⁶ доаѓаат до израз преку силно изразената тенденција за преведување на грцизмите – преводот во повеќе примери му е познат само на Радомировото во согласност со споредуваниите полни апракоси: Вукановото (*Вук*) и Мстиславо евангелие (*Мст*), па и Македонското четвороевангелие (*Мкд*), како и преку заменувањето на постарите со понови варијанти, преку промените во семантиката и преку зборообразувачките иновации. Голем број од подновувањата не се застапени во старословенските евангелија (*Зогр*,

¹⁰ Десподова В. Лексиката на Добромировото евангелие. С. 28.

¹¹ Мар7,19 афедронъ Мар Зогр – прокодъ Дбм, Мар12,41 газофнакниѣ Мар – хранльнниѣ Дбм.

¹² На пр. Лук5,21 власфниѣ Дбм Мар – коулы во Трн и во другите македонски; оупокрнтн Дбм, Мар лнеѣмѣрн Трн и во другите македонски.

¹³ Десподова В. Лексиката на Добромировото евангелие. С. 67.

¹⁴ Угринова-Скаловска Р., Десподова В. Добромирово евангелие, II, кирилски споменик од XII век. Скопје; Прилеп, 1992.

¹⁵ Рибарова З. За некои лексички специфичности на Радомировото евангелие // Зборник во чест на Радила Угринова-Скаловска по повод седумдесетгодишнината. Скопје, 1997. С. 237–245.

¹⁶ Угринова-Скаловска Р., Рибарова З. Радомирово евангелие. Стари текстови IV. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1988. С. 66–68, 78–79.

Мар) во Асемановото (*Асем*) и во Савина книга (*Сав*). Се следи и извесно потиснување на некои подновувања поврзани со преславските традиции, а потврда за тоа дека пишувачот вршел извесна адаптација на лексиката се и двојните читања на повеќе места во ракописот, па покрај поновиот израз е оставен и изразот од предлошката¹⁷.

Анализата на лексичкиот фонд на Карпинското евангелие¹⁸ (*Крп*) опфаќа izdelување на архаизмите, неологизмите, лексичките варијанти со кои се одликува овој ракопис како и лексичките варијанти кои го поврзуваат со руските полни апракоси од една, како и со другите македонски ракописи од друга страна. На тој начин се определува односот на лексичкиот систем на ова евангелие кон другите компарирани ракописи што упатува на блискоста на овој ракопис со канонските архаични четвороевангелија како и со Добромировото од почетокот на XII век. Има архаични лексички варијанти потврдени и во глаголските евангелија: *взлатн сѧ, гоумьно, шоун, отъпоущенне* итн. Покрај извесното словенизирање на текстот, се истакнуваат и други лексички подновувања и лексеми што не се потврдени не само во старословенските (канонски) туку и во другите компарирани македонски евангелија: *смокзвнна, сѧмна, сзмзисльнз* итн. Зачестената употреба на грцизмите се објаснува со стремежот за верност кон кирилometодиевската традиција.

Во врска со лексиката на Кратовското евангелие¹⁹ (*Крат*) присутноста на архаизмите укажува дека препишувачот се служел со многу архаична предлошка. Лексичката специфичност на ова евангелие во однос на другите евангелија е во тоа што бележи извесни лексички и зборообразувачки разлики и честопати има единствени решенија во однос на останатите. Еден дел од подновувањата се познати²⁰, а други не се потврдени во другите споредувани евангелија²¹: *кратнстѧ, правнтелѧ, сѧхраньно* итн.

Лексиката на Македонското четвороевангелие (*Мкд*) според Костовска²² содржи голем број лексички подновувања карактеристични за редактираните евангелски текстови. Паралелно со лексичките подновувања се задржале и низа архаични елементи својствени на глаголската препишувачка традиција, а се забележува и стремеж за преведување на грцизмите. Споредувањето со лексиката на Радомировото евангелие го потврдува фактот дека ова четвороевангелие покажува поголема блискост со полноапракосните текстови. Лексичката специфичност на ракописот се пројавува преку лексемите што не се потврдени во канонските ракописи како на пр.: *подѧкрнѧне, прѧзво-сзньмнщьновѧз, ѧродѧ, домовладѧка* и др.

¹⁷ Лук24,47 *въ всѧхъ странахъ ѿ азѧцѧхъ*; Мар10, 22 *скръба пекзѧн сѧ*; Мар12, 40 *не внож непщеваннѧмъ*.

¹⁸ *Десподова В.* (ред.) и др. Карпинско евангелие. Македонски средновековни ракописи. Кн. 4. ИСК-Прилеп, Матица Македонска. Скопје; Прилеп 1995.

¹⁹ *Макаријоска Л.* Лексичките особености на Кратовското евангелие // XXXI научна конференција на XXXVII меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2005. С. 145–157.

²⁰ На пр. *послоусѧхъ* Мар18,16 *Крат*; *свѧдѧтель Рад*; *свѧдѧтель* Мар26,65 *Крат Рад Јов Мкд*; *свѧд<ѧ>-тельства* Мар14,63 *Крат*; *свѧдѧтель Дѧм Крп*; *свѧд<ѧ>телѧн Мкд*; *послоухъ Рад*.

²¹ *кратнсте* Лук1,3 *Крат*; *славзнзи Мар Зопр*; *дрѧжѧвьнзи Дѧм Дѧј Мкд*; *правнтелѧ* Лук16,1 *Крат*; *прн-ставьннка Дѧм Дѧј Мкд Мар*; *нконома Рад*, *сѧхранно* Мар14,44 *Крат*; *тврѧдо Дѧм Рад* итн.

²² *Костовска В.* Македонско четвороевангелие. Стари текстови VIII. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2003. С. 50.

Во врска со лексичките особености на апостолскиот текст, за Вранешнички апостол²³ (*Вран*) како и за Карпинскиот²⁴ (*Карп*) се карактеристични подновувањата, како на пр.: дѣлѣ, обовѣн, коумнрѣ, трѣба, односно скопѣцъ, сѣборѣ, сѣборнѣ, замоудѣнне, ворѣахѣ сѣ, вернѣгѣ, прншѣльцѣ, но сепак текстот се надоврзува на традицијата со постарите лексеми: каженнѣкѣ, сѣнѣмѣ, сѣнѣмнѣ, закѣснѣнне, прѣахѣ сѣ, ѣжа, внтаѣ, жрѣтва, чувајќи ги трагите од старата глаголска предлошка при што има многу допирни точки со Охридскиот апостол (*Охр*). Варирањето на грчката и словенската лексика во апостолите се презентира преку лексички дублети во кои едниот збор е заемка, а другиот негов словенски еквивалент, при што во одделни случаи се преферира грцизмот: пернтомна – обрѣзанне, впопантн – сѣрѣтенне, или се прибегнува кон послободен превод, на пр.: епнстоална – боукѣвн на лнстѣ напнсанѣ / кѣннѣгѣ на лнстѣ напнсанѣ / боукѣвнѣо лнственѣ напнсано / боукѣ / кѣннѣ / посѣланне / прнѣланне / поушенне кѣннѣгѣ / поушенѣна кѣннѣ.

Според Блахова, Хауптова²⁵ Струмичкиот апостол (*Стр*) му е најблизок на Охридскиот, како во однос на лексиката, така и во однос на синтаксата, а во однос на текстолошките варијанти, спротивставени на другите апостоли, се совпаѓаат во над 60 случаи (за разлика од совпаѓањата со Слеченскиот во 20 читања, што изнесува приближно една третина). Лексичките совпаѓања на овие два апостола од една страна се архаизми пр. етерѣ, спѣтн, нѣобноватн (наспроти нѣзѣтѣѣствоватн во другите апостоли), од друга страна подновувања, на пр. мѣдрѣстѣ наспроти прѣмѣдрѣстѣ во други), добротворнтн и добросѣтварѣтн наспрема благотворнтн во другите. Струмичкиот апостол според Бицевска²⁶ без оглед на својата временска оддалеченост од првобитната предлошка најмалку е засегнат од подоцнежни текстуални поправки и најмногу ја зачувал грчката предлошка, односно пишувањето се придржувал за буквалниот превод, иако има влијание од различни редакции во редот на зборовите. *Стр* содржи некои лексички особености, коишто не ги познаваат другите апостоли: нѣднѣднѣтѣ, мннѣкѣ, опозантн сѣ, содржи и други архаизми: сѣтѣ, (о)впостасѣ, акрѣвоустнѣ, пернтомна, нѣдѣлѣослѣженне²⁷.

Во врска со лексиката на псалтирниот текст преку споредбената анализа со Синајскиот псалтир (*Син*) се предочуваат разликите во однос на употребата на грцизмите, на моравизмите, доследната или недоследната употреба на лексичките варијанти итн., односно карактеристичните особености на архаичната група псалтири – Погодиновиот (*Пог*), Болошкиот (*Бон*), Радомировиот (*Рѣм*) и Григоровичевиот псалтир (*Грѣ*), но и со Дечанскиот (*Дѣн*). Варирања се согледуваат како во рамките на еден текст така и при меѓусебната споредба на текстовите²⁸. Во однос на употребата на моравиз-

²³ Конески Б. Вранешнички апостол. Стари текстови II. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1956.

²⁴ Бицевска К. Лексичките подновувања во Карпинскиот апостол // Македонски јазик. XXXV. Скопје, 1984. С. 373–380.

²⁵ Блахова Е., Хауптова З. Струмички (Македонски) апостол. МАНУ. Скопје, 1990. С. XXXI–XXXIII.

²⁶ Бицевска К. Струмички апостол од XIII век. Акта Велјуса. Скопје, 1984. С. 167–173.

²⁷ пр.: нѣже нѣстѣ елнѣ н нѣднѣ обрѣзаннѣ н акрѣвѣстнѣ варѣварскаѣо раѣ н своѣѣ С3,11 *Карп Стр*, акрѣвѣстнѣ *Слеч*, акрѣвѣстнѣнѣ *Верк*, краѣобрѣзаннѣ *Охр*, обрѣзанне тѣѣо акрѣвоустнѣ вѣстѣ R2,25 *Слеч*, акрѣвѣственѣ *Карп*, ѣѣо вѣрѣвано мн естѣ ев<аг>г<е>лнѣ акрѣвоустнѣнѣ ѣѣѣѣ петровн пернтомн G2,7 *Слеч*, обрѣзаннѣ *Карп*, н лнхонманнѣ еѣе естѣ нѣдѣлѣослѣженне С3,5 *Охр*, нѣдѣлѣлатрнѣ *Верк Карп*.

²⁸ Пројавените разлики при употребата на грцизмите се документира преку неколку примери. Се употребува ѣрѣнѣна во Пс77,47 во *Син*, *Пог*, нѣгоднѣнѣ во *Грѣ*, наспроти употребата на грцизмот снѣкамнѣна во

мите во овие псалтири се потврдени *древле, жнвотъ, напастъ, отрокъ, проснтн, стоудень-ць, хрзбътъ, цѣсарьствне, чловѣчьскъ*, Погодиновиот се одликува со употребата на *ашоутъ, балнн, мзито*, Погодиновиот и Болоњскиот со употребата на: *знаменатн, небесъ-скъ, проптн, шоун, дро, спзгтн*. Од старословенските ракописи рѣсноста се среќава само во Синајскиот, а моравизмот *балнн* освен во него го среќаваме само во Погодиновиот, додека во другите доследно се употребува *врачъ* и во псалмите и во молитвите.

Во Григоровичевиот псалтир се чуваат некоигрцизми (*олокавѣтома, лнва*), моравизми (*сзньмъ, налѣшн, блнжньнн, царьствне*), како и лексички архаизми, а паралелно се употребуваат и подновените лексички варијанти, а исто така бележиме и единствени решенија во однос на другите псалтири од архаичната група. На пр. како и во Радомировиот бележиме ограничување на употребата на грцизмите, на моравизмите, превладуваат поновите лексички варијанти или има паралелна употреба на постари и понови варијанти, во некои случаи во изборот на лексемите се izdelуваат во однос на другите псалтири (а *Рдм* најчесто се совпаѓа со *Грг, Дчн*)²⁹. Радомировиот псалтир честопати има единствени решенија (во голем број случаи во изборот на лексемите се izdelува во однос на другите, поради употребата на ретки зборови, кои веројатно имаат дијалектно потекло) и има поголема разновидност во употребата на префиксите во споредба со другите псалтирни текстови, а приближно во една третина од сите случаи се совпаѓа со Дечанскиот, а најмалку заеднички црти има со Погодиновиот³⁰.

Покрај подновената лексика во Дечанскиот псалтир, совпаѓањата со Погодиновиот и Болоњскиот се должат и на охридската предлошка на ракописот. Митревски³¹ презентирајќи ги односите на псалтирните текстови во псалмите и кантиката истакнува дека лексиката на текстот е архаична, а укажува и дека ретките зборови се почести во кантиката и во молитвите. Врз основа на статистички преглед установил дека Дечанскиот во поглед на лексичкиот материјал е најблизок со Радомировиот псалтир. На карактеристичните разлики меѓу Дечанскиот и Болоњскиот псалтир, особено во однос на подновената лексика укажува и Рибарова³², а покарактеристичните зборообразувачки и лексички особености на македонските псалтири во споредба со Радомировиот псалтир се посочени во изданието на Радомировиот псалтир³³.

Бон и *Рдм*. Со употребата на *всесъзжегаемъ* во Пс39,7 со *Син* се совпаѓаат *Рдм* и *Грг*, а во Пс65,15 *Грг* и *Дчн*, а со грцизмот *олокавѣтома* во Пс65,13 *Грг* се совпаѓа со *Пог, Бон* и *Рдм*. *Син* се совпаѓа само со *Дчн* во употребата на *западъ* во Пс77,26, а грцизмот *лнва* се употребува во останатите. Со употребата на *крстѣль* во Пс104,40 со *Син* се совпаѓаат *Пог, Бон, Рдм, Грг*, а грцизмот *ортугомѣтра* го бележиме само во *Дчн*. Само во *Син* е употребен грцизмот *сканъдаъ* во Пс49,20, Пс68,23 во другите анализирани псалтири *Пог, Бон, Рдм, Грг, Дчн* има *сзблѣзнь*.

²⁹ *Макаријоска Л.* Григоровичевиот псалтир и архаичната редакција на псалтирниот текст // Кирило-методијевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски (по повод 1150 години од Моравската мисија и од словенската писменост). Скопје, 2014. С. 213–223.

³⁰ *Макаријоска Л.* Радомиров псалтир. Стари текстови. V. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1997.

³¹ *Митревски Љ.* Дечански псалтир. Македонски средновековни ракописи. Кн. 5. Прилеп, 2000. С. 224.

³² *Рибарова З.* Дечанскиот псалтир во споредба со Болоњскиот // Климент Охридски и улогата на Охридската книжевна школа во развитокот на словенската просвета. МАНУ. Скопје, 1989. С. 143–150.

³³ *Макаријоска Л.* Радомиров псалтир. Стари текстови. V. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1997.

Лексиката на коментарот кон псалтирниот текст³⁴ се карактеризира со повеќе лексички наслојки како резултат на писмената традиција. Основата на лексиката на коментарот е архаична, се забележува честа употреба на старите лексички варијанти карактеристични за текстовите на Охридската книжевна школа, како и богатство на грчката лексичка наслојка, а се следат и определени зборообразувачки тенденции карактеристични за македонските текстови, употреба на некои помалку познати грцизми, како што се на пр.: змврѣна, касна, стактѣ, усопѣ, аспнда, васнанскѣ, ортугомнтра, скорпна, кротафѣ, метафрена. Моравскиот лексички слој во коментарот оставил свои траги и во употребата на одредени зборообразувачки модели и во семантиката на лексемите: вартн, велѣмн, вѣсто, гобѣсоватн, гонестн, прадревале, жнвотѣ, заклепѣ, замоуднтн, ззловольнѣ, нзвѣстѣ, нсконн, неприазииннѣ, палнца, поганѣ, раунтн, собота, сзѣмѣ, оутѣшнтель. Се употребуваат и охридизми: врѣтѣпѣ, взинѣ, грѣстн, жнвотѣ, жнтне, нсконн, нстннѣ, насѣдне, насѣдованне, насѣдѣннѣ, областѣ, пѣзатн, прѣмнлостнѣ, сапогѣ, скрѣѣ, скѣдѣлннѣ, сзвѣдѣтель, сзѣмѣнше, шоун, ѣро, ѣдро, ѣдѣ итн., а поретко и преславски варијанти: багроватн са, вратарѣннца, вратѣннѣ, дѣлѣ, жнзѣ, нспрѣва, обоуца, печаль, пещера, порода, послоухѣ, послоушѣствоватн, постнтн, прнѣжстне, прнѣжстѣннѣ, раздѣратн, распатн, скоро, сзборнше, трѣботворенне и др., како и лексеми што го одразуваат влијанието на дијалектната средина.

Анализата на Миовски³⁵ на лексичкиот фонд на Хлудовиот (Лобковски) паримејник (*Лобк*) опфаќа: лексичка наслојка од семитскиот ареал во чии рамки превладуваат ономастичките единици, лексичка наслојка од грчкиот ареал во која превладуваат апелативните и лексички наслојки од другите ареали (латинскиот, франко-германскиот и зборови од протобугарско потекло). Особено внимание се посветува на лексичката наслојка од словенскиот ареал³⁶. Анализата на семантичкиот состав на зборовниот фонд на паримејникот опфаќа: лексички единици кои се поврзуваат со сферата на семејството и роднинските односи: домашѣдѣ, женнѣ, отрокѣ, ѣноша, дѣшн итн., делови на човечкото тело: ланнта, лонѣ, оудѣ, шоунца итн., разновиден инвентар (покуќина, облека): каднѣ, врѣтнше, ложе, клобоукѣ, гаѣа, грнѣна итн., лексички единици од терминолошки карактер (орудија), од сферата на исхраната: зелне, лон, квасѣ, мѣка, опрѣснѣкѣ, пнѣво итн., сферата на флората и фауната: дѣѣ, кѣпнѣ, лѣза, лѣторасѣ, плѣва, ослнца, ѣнѣцѣ, волѣ, лексички единици кои означуваат лица вршители на одредени дејности, лексички единици од обредната сфера итн. И за Хлудовиот паримејник како и за останатите црковнословенски ракописи карактеристично е присуството на лексички дублети, лексички варијанти и синоними. Овој паримејник се истакнува според бројноста на зборовниот фонд, но и со многу зборови со ретка употреба односно непотврдени во другите македонски црковнословенски ракописи³⁷.

Во врска со лексиката на Григоровичевиот паримејник (*Гриѣ*) се истакнуваат варијантите: безаконне – грѣхѣ, безгрѣшнѣ – без грѣха, благостѣнн – благостѣ, владѣка –

³⁴ Цубалева М., Макаријоска Л. Лексиката на коментарот кон Погодиновиот псалтир. Посебни издања. Кн. 76. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2013.

³⁵ Миовски М. Хлудов паримејник – лингвистичка анализа. Метаморфоза. Скопје, 1996. С. 161–199.

³⁶ Истога. С. 175–182.

³⁷ Миовски М. Лексиката на македонските паримејници наспрема старословенскиот лексички фонд // Реферати на македонските слависти на XII Меѓународен славистички конгрес. Прилози на МАНУ, 22, 1–2. Скопје, 1997. С. 123–132.

господь, всемогъин – вседръжнтель, всь мнрѣ – мнрѣ, вѣдѣти – знати, застѣпникъ – заштѣпникъ, нзвѣствовати – нзвѣстити, нзати – нзбавити, надѣяти сѧ – оупзвати, отздати – отзпоустити, пропнати – распати, сзпаситель – сзпасъ, ѡвнѣти сѧ – просвѣтѣти сѧ, просвѣтити сѧ и др., а Рибарова³⁸ посебно се осврнува на лексиката на деловите со литургиска функција, односно на лексиката на тропарите, на псалтирните стихови и на упатувањата од типикот. Лексиката на тропарите опфаќа повеќе христијански термини поврзани со новозаветната тематика, а релативно голем број лексеми употребени во тропарите не се познати во паримејниот текст: безгрѣшнъ, безмрѣтнъ, благоотраднъ, благостынн, богатно, вмѣстити сѧ, жнзподавѣць, застѣпникъ, заштѣпникъ, нзбавитель, краткъ, крѣстити, крѣстъ, мнлосрдане, мнлосрдъ, мнлогогрѣшнъ, невѣтне, невзмѣстимъ, непостоянъ, прѣпѣтъ, сзставъ, трончѣскъ, трѣсватъ, ѡлѣколюбно, голем е бројот и на лексемите со единечни преводи во споредба со преводите застапени во паримиите. Варијантите забележани во псалтирните стихови најчесто имаат паралели во архаичната група псалтири, одразувајќи стари ревизии на псалтирниот текст – тие се добро застапени во Синајско-Бичковскиот псалтир од XI век, а висок степен на совпаѓање има и со Дечанскиот, па со Радомировиот, а најмалку со Поодиновиот псалтир.

Лексичкиот систем на триодот покрај тоа што ја потврдува присутноста на заедничкиот архаичен лексички слој како дел од кирилometодиевското наследство, преку подновената лексика укажува и на специфичните особености на лексичкиот систем на македонската редакција. Триодите, воопшто, и со лексичките и стилско-изразните средства, се одликуваат во однос на библиските ракописи. Покрај архаичниот лексички слој што ги поврзува со старата словенска писмена традиција, се пројавуваат и лексички подновувања што се одраз на родниот говор на пишувачот или се потврдени во повеќето јужнословенски триоди. Присуството на грчките заемки е соодветно на состојбата во другите библиски и литургиски ракописи, а определен дел се истиснуваат од употреба од нивните словенски еквиваленти или се во паралелна употреба со нив. Црвенковска³⁹ се осврнува и на стилските особености на триодот како химнографска форма, на употребата на синонимните форми за поголема експресивност, на употребата на антонимите, зачестената употреба на фразеолошките изрази, тавтолошките изрази, епитетите и метафорите, форсирањето на определени зборообразувачки модели итн. во Загребскиот (*Заг*), Орбелскиот (*Орб*), Хлудовиот (*Хлуд*) и Шафариковиот триод (*Шаф*). Во триодите се документирани грцизмите: адъ, амннъ, ангелъ, апостолъ, архангелъ, геонъ, днаволъ, едемъ, ересь, еретнкъ, ндолъ, нкосъ, нрмосъ, канонъ, кнвотъ, кондакъ, манна, мзннкъ, муро, органъ, пасха, прокнменъ, серафнмъ, скнннн/скнннѧ, скнптръ, стнкъ, тропаръ и др., а има и паралелна употреба на грцизам со словенски еквивалент, а понекогаш и со неколку словенски еквиваленти: катапетазма – завѣса – запона – опона, ароматъ – вонѣ, кнвотъ – ковѣчегъ, лабанда – свѣща, олѣн – масло, порѣфѣра – багрѣнница. Многу честа е појавата еден од споредуваните триоди да користи

³⁸ Рибарова З. Палеословенистички студии. Посебни изданија. Кн. 63. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2009; Рибарова З. Григоровичев паримејник. II. Лексика. Index verborum. МАНУ. Скопје, 2014. С. 41–48.

³⁹ Црвенковска Е. Загребски триод. Стари текстови. Кн. VII. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1999. С. 51–60; *eadem*. Јазикот и стилот на триодот. Менора; Скопје, 2006. С. 61–94.

грчки, а другиот на истото место словенски еквивалент⁴⁰. Лексиката на триодите содржи многу архаични црти⁴¹, што укажува дека првиот словенски превод на триодот е многу стар – присуството на моравизмите ја потврдува врската со првиот превод настанат на моравски терен, а охридизмите ја потврдуваат староста. Од охридскиот лексички слој кој доаѓа до израз во најстарите преписи на канонските ракописи препишани во Охридската книжевна школа во триодите се потврдени: *вѣна, вѣлаѣтн сѣ, гѣгѣннѣвѣ, женнѣ, кѣзѣнѣ, лѣбѣзѣтн, пѣстѣрь, пѣчаѣ, сѣнѣмнѣ* и др.

Во разделот за лексиката на Битолскиот триод (*Бит*) Поп-Атанасова⁴² се осврнува на архаизмите и лексичките подновувања поврзани со преславските традиции, на грцизмите главно од црковно-религиозен карактер, но и др.: *кнѣотѣ, пороѣ, прѣдрѣмѣ, скнѣнѣ, астрономѣ, телѣнѣ*, на моравизмите: *рѣсѣнѣ, рѣчѣнтѣ, рѣченѣ, отѣпоустѣ, недѣгѣ, непрѣнаѣнѣ, дрѣвѣ* и на одделни ретки зборови: *бѣрашѣнѣскѣ, вѣчѣствѣнѣ, вѣсѣзѣвѣтѣнѣ, дѣвѣнедѣѣлѣнѣ, зѣлѣослѣвѣнѣ, крѣчѣнѣно, лѣучѣство, ошѣрѣ, поустѣоѣѣбѣнѣ, сѣнѣовѣскѣ*, а посветува внимание и на лексичките варијанти и на зборообразувачките особености, особено на сложенките. Се истакнува претпочитањето на постарите варијанти: *внѣноградѣ, вѣннѣ, рѣнѣ*, а претпочитањето на поновите варијанти се забележува во: *ѣлѣтн – постѣтн, вѣнѣ – рѣсѣно, гѣстн – нѣтн, кѣнѣчѣнѣ – кѣнѣчѣ, лѣжѣ – одѣрѣ*. Лексемите со дијалектно потекло се застапени особено во записите: *ѣнѣстѣкѣ, рѣсѣоѣ, мѣрѣзѣнѣтн, мѣчѣнѣнѣ*.

Покрај архаичниот лексички слој, во Загрепскиот триод се пројавуваат и лексички подновувања што се одраз на родниот говор на пишувачот или се потврдени во повеќето јужнословенски триоди⁴³. Во врска со лексиката на Орбелски триод, Црвенковска и Макаријоска⁴⁴ укажуваат на употребата на архаизмите што го поврзуваат овој триод со лексиката на канонските ракописи или со онаа на ракописите од Охридската книжевна школа: *вѣна, вѣлаѣтн сѣ, гѣгѣннѣвѣ, кѣзѣнѣ, лѣбѣзѣтн, пѣчаѣ, чѣрѣтогѣ*, на грцизмите *ѣрѣнѣстрѣтнѣгѣ, днѣакѣнѣ, нѣрѣн, коустѣднѣ* карактеристични и за другите црковнословенски текстови, на литургиските грцизми во деловите од уставот: *ѣнтнѣфонѣ, нѣрѣмосѣ, кѣтнѣзма, ѣнтѣоургнѣ, стнѣхѣологнѣсѣтн, трѣнодѣ* и сл., но и на паралелната употреба со словенскиот еквивалент, а понекогаш и со неколку словенски еквиваленти: *кѣтѣпѣтѣзѣма – зѣвѣса – зѣпѣна – ѣпѣна, телѣнѣ – мѣзѣтарѣ – мѣзѣтоѣѣмѣчѣ, вѣпѣстѣсѣ – ѣнѣце – сѣшѣство – ѣстѣство – вѣщѣ – вѣщѣство – свѣнѣство – сѣзѣтѣвѣ, ѣромѣтѣ – вѣнѣѣ, кнѣотѣ – кѣвѣчѣгѣгѣ, ѣлен – ѣсло. И во овој триод се среќаваат прѣтобугарските заемки: *внѣсѣрѣ, бѣлѣѣрѣ, кѣпнѣѣ, кѣвѣчѣгѣ, коуѣнѣрѣ, сѣнѣ, вѣсѣоѣ, чѣрѣтогѣ*, образувањата со суфикс *-ѣннѣ: крѣзѣмѣчѣннѣ*,*

⁴⁰ Црвенковска Е. Јазикот и стилот. С. 178. На пр. наспрема грцизмот *ѣкрѣтомѣ* во *Заг* и во *Шаф*, во *Орб* се среќава словенската форма *нѣсѣкомѣ*, *Орб* многу почесто ја користи лексемата *кѣвѣчѣгѣ* отколку грчката форма *кнѣотѣ*, иако не ја исклучува и употребата на *кнѣотѣ*, во *Орб* се употребува *ѣнѣро* и *ѣсло* наспрема *крѣзма* (*крѣзма*) во *Заг* и *ѣлѣнѣ/ѣлен* во *Шаф*. Покрај формите *мѣзѣтарѣ* во *Орб* и *мѣзѣтонѣмѣчѣ* во *Заг* и поретко во *Орб*, во *Шаф* е многу почеста употребата на *телѣнѣ*, *Орб* ја прѣпочита словенската форма *стѣкѣѣнѣнѣ* наспрема *ѣлѣвѣстѣ* во *Заг* и во *Шаф*, како и прѣведената форма *ѣмѣре* наспрема *пѣмѣтѣ* во *Заг* и во *Хлуд*. Грчката форма *пѣлѣмѣ* се чува во *Заг*, а во *Орб* се прѣведува со *пѣсѣнѣ*.

⁴¹ наспрема подновувања од типот *ѣѣдѣнтн – кѣснѣнтн, ѣлѣстнѣ – ѣлѣстнѣ, сѣнѣмнѣнѣ сѣнѣмнѣ*, што најчесто се должи на редактирања на текстовите во одделни преписи.

⁴² Поп-Атанасова С. Лингвистичка анализа на Битолскиот триод. Посебни издаѣија. Кн. 23. Институт за македонски јазик „Крѣте Мисирков“. Скопје, 1995. С. 55–76.

⁴³ Црвенковска Е. Загрепски триод. Скопје, 1999. С. 51–60.

⁴⁴ Црвенковска Е., Макаријоска Л. Орбелски триод. Стари текстови. Кн. X. Институт за македонски јазик „Крѣте Мисирков“. Скопје, 2010. С. 51–65.

кзѣнѣзѣнн, а присутен е и понов лексички слој: едннѣннѣннѣ, едннѣннѣннѣ, заѣушнѣннѣ, калз, небрѣшнѣ, прѣжнѣннѣ, сзборз, како и лексички варијанти: врачъ – нсѣѣнѣнѣнѣ, доблѣсть – добродѣѣнѣнѣ, одежда – одѣѣннѣ, двѣрь – врата. Во деловите од црковниот устав се употребува специфична лексика – покрај литургиските термини, се забележува дека во делот што не подлежи на строгите црковни канони полесно навлегува народната лексика од говорот на препишувачите: юхо, сланнѣнѣннѣ, слѣва, кроуша, варѣво.

Присутноста на архаичниот лексички слој во Шафариковиот триод⁴⁵ е документирана преку употребата на: взѣнѣ, взѣѣннѣннѣ, гѣгѣннѣннѣ, жалнѣ, женнѣннѣ, жалзѣ, кзѣннѣ, лѣзѣннѣ, пѣстѣрь, печѣлѣ, слѣтѣ, а подновувањата преку: заѣушнѣннѣ, заѣушеннѣ, калз, небрѣшнѣ, одежда, прѣжнѣннѣ, сзборз, сзборнѣннѣ, дѣлѣ итн. Грѣцизмите се присутни, пред сѣ, во сферата на црковната терминологија, а опфаќаат и голем дел од апстрактната лексика. Дел од грѣцизмите се во паралелна употреба со словенскиот еквивалент, документиран се моравизмите: блѣннѣннѣ, всѣ мѣрѣ, велѣннѣ, всѣмогѣннѣ, гѣбѣсѣвѣннѣ, дрѣвѣ, жнѣвѣтѣ, закѣлѣз, знаменѣннѣ, моуднѣннѣ, намѣстнѣ, недѣлѣннѣ, облѣстѣ, ѣтѣпоустѣ, стоудѣннѣннѣ, цѣсарѣствѣннѣ, прѣтобугарските заемки: блѣсѣрѣ, всѣсоѣ, коумѣрѣ, печѣтѣ, салѣ, ѣрѣтогѣ, крѣзмѣзѣннѣ, кзѣннѣзѣннѣ, се употребуваат низа лексички варијанти: алѣкатн – постѣннѣннѣ, болѣзѣннѣ – недѣлѣннѣ, велѣннѣ – велѣннѣннѣ, вѣннѣ – ѣрѣжѣннѣннѣ, врачъ – цѣнѣнѣннѣ, всѣсоѣ – всѣсоѣннѣ – ашоѣтѣ, взѣнѣ – прѣсно, нзѣвѣчѣвѣннѣ – ѣвѣчѣвѣннѣ – нсѣѣннѣннѣ (сл), доблѣсть – добродѣѣнѣннѣ, жнѣвѣтѣ – жнѣннѣ – жнѣннѣ, нскѣннѣ – нспрѣва, нскрѣннѣннѣ – блѣннѣннѣ, клѣдѣлѣ – нстѣчѣннѣннѣ, одежда – одѣѣннѣ, двѣрь – врата и др., ретки зборови од кои некои се потврдени во канонските ракописи: всѣмасѣлѣннѣ, добровѣннѣннѣ, добровѣннѣннѣ, добровѣннѣннѣннѣ, всѣннѣннѣ, зѣлѣкѣзѣннѣннѣ, нѣосѣлѣннѣннѣ, слѣстѣлѣннѣннѣ, ѣудѣлѣннѣннѣ и др.

Лексиката на Станиславовиот пролог Трајкова⁴⁶ првенствено ја разгледува од семантички аспект преку анализа на основните семантички групи со подетална внатрешна класификација. Се разгледува лексиката и од генетски аспект (словенската лексика, грѣцизмите, латинизмите, германизмите, семитизмите, прѣтобугаризмите), од ареален и од хронолошки аспект, се посочуваат лексичките варијанти, ретките зборови. Лексиката на овој пролог има повеќеслојна структура – покрај архаичниот слој, кој ги вклучува и моравизмите во одделни житија, се користи лексиката поврзана со лексичките норми на Охридската и на Прѣславската школа, а се откриваат и подновувања поврзани со македонската средина: коѣвѣ, тетѣка, црѣвенѣ. Кон поновиот лексички слој спаѓаат срѣбизмите, како и лексемите кои се одраз на руската фаза во историјата на прологот, како гѣлѣзѣтѣ, пѣтѣннѣннѣ и на тој начин се посочуваат допирните точки со развојот на пролошкиот текст во српската и руската писменост. Во ретките лексеми се вбројуваат и новите феминативи: хрѣстѣннѣннѣннѣ, хрѣстѣннѣннѣннѣ, фѣлѣсофѣннѣннѣ, жѣрѣннѣннѣ и низа други лексички и зборообразувачки варијанти.

И во октоисите од македонска редакција пишувани до XIV век преовладуваат постарите лексички варијанти, има голем број грѣцизми (дѣмонѣ, ерѣсѣ, мѣнѣ, ѣрѣтодоксѣ, парѣкѣнтѣ, порѣда, пѣтѣннѣннѣ, ексѣпѣсѣнѣннѣ, нрѣмосѣ, ехнѣдѣнѣ, соѣдѣрѣ, моѣсѣннѣннѣ, тѣмѣпѣннѣ, дрѣгѣзѣма), лексеми од моравско потекло (бѣлѣваннѣ, гѣгѣннѣннѣ, небѣсѣскѣ, недѣлѣннѣ, нѣпрѣнѣннѣннѣ, ѣкрѣчѣннѣ). На пр. кај варијантите блѣннѣ – рѣтѣ, взѣнѣ – шнѣ, тѣма – нѣсѣвѣдѣ,

⁴⁵ Макаријоска Л., Црѣвенѣковска Е. Шафариков триод – лингвистичка анализа. Скопје, 2012. С. 72–79.

⁴⁶ Трајкова К. Лексиката на Станиславовиот пролог. Посѣбни изданија. Кн. 34. Институт за македонски јазик „Крѣте Мисирѣв“. Скопје, 2002.

шоун – лѣвѣ, ꙗѣа – оковѣ се претпочитаат постарите: бранѣ, вѣна, тѣма, шоун, ꙗѣа, додека кај варијантите: ашоутѣ – спѣитн – безоума, непѣщеватн – мѣнѣтн, понѣвѣнца – плащанѣнца – се претпочитаат поновите: безоума, мѣнѣтн, плащанѣнца. Во октоисите се среќаваат лексеми кои не се застапени во другите македонски средновековни текстови или не се лексикографски документирани: ангелообразѣно, банстоносьць, боговѣитне, богвѣитне, глѣбостоѣанѣнѣз, закономѣрадѣтн, нскоренѣтельнѣнца, красѣнообанѣчѣне, мрѣчѣство, свѣтоземѣнѣз, сѣторнѣчѣствоватн, царѣстводавѣць⁴⁷.

Лексиката на крмчиите е специфична и мошне интересна, а голем број лексеми не се лексикографски документирани. Во однос на заемките, меѓу другите (латински, семитски), најголем е бројот на грцизмите (термините сврзани со христијанската идеологија и организација, многубројните чиновни на црковните служители), а паралелно со нив се среќаваат калки или описни називи покрај преведените и адаптирани зборови што го потсилуваат исказот, односно претставуваат свесен стилистички пристап или стремеж за варирање и разновидност⁴⁸. Во фондот словенска лексика (поврзана со семејството и роднинските односи, деловите на човечкото тело, лексиката поврзана со храната, флората и фауната итн.), голем број архаични црти наведуваат на претпоставка дека предлошката можела да биде дури и постара од онаа на најстарите преписи. Особено внимание се посветува на моравските и западно-европски елементи⁴⁹: коупѣтра, вѣсѣдѣз, сѣлаѣзѣз, раѣз боѣжнѣ, трѣба – трѣбѣзѣ творѣтн, тѣжѣ, тѣжѣтн, пѣрѣ, непѣриѣнѣзѣ, раѣнтн и мѣдлоѣсть.

Од аспект на лексичкиот систем и преведувачката постапка Лесновскиот паренезис го презентира односот кон традицијата, како и специфичните еволутивни особености, а одразени се и бројни потврди преку кои се манифестира диференцијацијата помеѓу Охридската и Преславската книжевна школа⁵⁰. Регистрирани се поголем број лексички дублети во кои едниот се поврзува со охридската, а другиот со преславската: аромѣтѣ – вонѣ, варѣз – зѣнон, катапѣтаѣзма – заѣпона, конѣчѣнна – конѣць, кѣзнѣга – пѣсанѣне, лоѣже – одрѣз, ѣубодѣнѣнца – блѣдѣнѣнца, постѣз – алѣканѣне. Зборовите со ретка или единечна употреба во црковнословенските текстови може да претставуваат лични решенија на препишувачот и да се сфаќаат како индивидуални особености на ракописот или како дијалектни особености. Тие се честа појава во небиблиските ракописи, на пр. во Лесновскиот паренезис⁵¹: соѣчѣба, сѣподовѣнѣнца, сѣдѣство, нѣзобнѣлѣство, коумнѣрѣство, непѣкорѣство, ѣрѣзварѣ, постѣтнѣтель, похѣодѣз, оудавѣленѣнна, мѣзнопопнѣтне, нѣтъщѣслаѣвѣно, новѣсаѣженѣнѣз, наѣмѣлѣостаѣдѣнѣнкѣз, ожѣстѣосрѣдѣнтн, соурѣвоѣдѣць, слаѣвоѣљѣбѣць, стоудѣоѣљѣбѣне, поѣденѣгоѣдавѣць.

Од охридскиот лексички слој кој доаѓа до израз во најстарите преписи на канонските ракописи препишани во Охридската книжевна школа во минејот се документи-

⁴⁷ Поп-Атанасов Ѓ. Октоихот во македонската книжевна традиција. Институт за македонска литература. Скопје, 2000. С. 137–155.

⁴⁸ Илиевска К. Мазуринска крмчија. Стари текстови. Кн. VI. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1999; Илиевска К. Законѣз соудѣнѣн ѣљѣбѣмѣ. МАНУ. Скопје, 2004.

⁴⁹ Истото. С. 283–302.

⁵⁰ Како што е познато за Охридската школа се карактеристични придржувањето кон моравската традиција, поголемата конзервативност и многубројните архаизми, чувањето на грцизмите, а за Преславската тенденцијата за калкирање на грчката зборообразувачка структура и преведување на грцизмите.

⁵¹ Макаријоска Л. За Лесновскиот паренезис од аспект на преведувачката постапка // Преводите през XIV столетие на Балканите. Софија, 2004. С. 413–427.

ти; возила, покуќнина; облека и обувки; пари и материјали за пишување итн. Се укажува на повеќезначноста на лексемите, на синонимијата и на зборообразувачката варијантност, а се наведуваат и вторичните или фигуративни значења. Лексиката од оваа категорија е главно од прасловенско потекло, но има и заемки како грцизми, латинизми, протобугаризми и сл., а најсилно изразено е грчкото влијание.

Трудот *Лексиката на материјалната култура во македонските црковнословенски текстови*⁵⁶, што како основна материјална база има жанровски разновидни средновековни извори, избобилува со илустративен материјал од областа на материјалната култура подреден по тематски подрачја: архитектура; населби и нивни делови (водоснабдување, наводнување, воденици); градежни материјали; живеалишта и градежни објекти со определена намена и нивни делови; сакрална архитектура (цркви, манастири и нивни делови); покуќнина, садови и други предмети за домашна употреба; црковен инвентар, садови и предмети со религиозна употреба; стопанска, трудова, дејност (земјоделство, сточарство, занаетчиство, пчеларство, лов и риболов); земјоделски орудија, алати и средства за работа; трговија и размена (мерки, монети); патишта, транспорт; храна и пијалаци; облека, ткаенини, обувки, накит; музика, уметност; писменост и просвета; обреди и обичаи; оружје, орудија за измачување.

На пр. во врска со именувањето живеалишта, објекти и нивни делови и сл. застапени се повеќе лексички слоеви и тоа покрај основниот прасловенски, односно општословенски фонд: градъ, врѣтъ, жнлнше, внтаалнше, домъ, храмъ, храмнна, кровъ, кѣща, позорнше, банѣ, стрѣха и др. и определен број грцизми: пнръгъ, темель, варнсь, пернвољ, канванъ, камара, коустодна, соулнаръ, стерна, преторъ, нподромъ, керамнда, плинъта, тоуела, поръта, скала, германизми, односно латинизми: хъжа, хъжнца, хъза, хъжнна, полата и заемки од персиско потекло: шатъръ, ѳрѣтогъ. За оваа семантичка група е карактеристично присуството на повеќе синонимни парови и низи: тръгъ – тръговнше – тръжнше, снагога – сѣборъ, – сѣборнше – сѣнъмъ – сѣнъмнше, градъ – стѣна – крѣпость, пнръгъ – коула, вьсь – село – селнше, сѣнь – шатъръ, домъ – храмъ – храмнна – кѣща, хъжа – хъжнца – хъза – хъжнна, сѣднлннца – сѣднлнше – преторъ, тьмьннца – жжнлнше – жжьннца, вѣсходьннца – вѣходьннца – горьннца, гостнлннца – гостнннца – гостнньннца, кѣпѣль – кѣпѣльннца – банѣ – нстерна, ложьннца – ложесьннца – лѣгальннца, позоръ – позорнше – позрачнше – зрѣлнше, внопродавьннца – внопродавьннън храмъ, двѣрь – врата, поръта – врата, прозорьць – окъно, лѣствнца – скала, прагъ – подъбон.

За секоја лексичка единица се дадени контекстите од изворите, грчки паралели, семантичко значење, етимологија на зборот – според постојните етимолошки речници, застапеност на лексемата во *Речникот на македонскиот јазик* и во македонските дијалекти. За документирање на одделни лексички единици се посочуваат и лексеми од старословенските (канонски) ракописи потврдени во повеќе речници на старословенскиот јазик. Се заклучува дека лексичкиот фонд што се поврзува со најстариот слој од материјалната култура е од домашно словенско потекло, при што кај одделни лексеми има јасно разграничена дистрибуција, а некои лексеми се репрезентирани со поголем број варијанти. Се спроследува синонимијата која е карактеристична за сите семантички групи, а преку бројни примери е документирана и зборообразувачката варијант-

⁵⁶ *Макаријоска Л.* Лексиката на материјалната култура во македонските црковнословенски текстови. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2003. 451 стр.

ност. Од хронолошки аспект се следи застапеноста на подновената наспроти архаичната лексика, на грцизмите особено во определени семантички области. Споредбата со македонската дијалектна лексика потврдува дека поголем дел од лексичките единици се забележани на целата македонска етничка територија и тоа во своето основно значење, наспроти други каде што се развило ново значење, или пак значењето карактеристично за црковнословенските ракописи се бележи како второстепено.

На лексичкиот фонд од областа на медицината на историски план и тоа документиран во библиски и небиблиски текстови, зборници, кодици, лекарственици, записи итн. е посветен трудот *Лексиката од областа на историјата на медицината*⁵⁷. Се проследуваат називите на деловите од човечкото тело кои му припаѓаат на основниот лексички фонд (има општословенско и прасловенско потекло): глава, тема, мозгъ, брада, уста, зъбъ, око, зѣнѣца, оуво, шна, гръло, грътанъ, гръбъ, ребро, сръдъце, ѿрѣво, слъзена, ногътъ, рамо, лакътъ, глезънь, пѣта, кожа, костъ, кръвъ, па нивната семантичка содржина и на историски и на современ план се реализира со потполна еквивалентност. Прегледот ги опфаќа на пр. документираните називи за кожните болести: сврзбъ, проказа, прокаженне, краста, лншан, маѣсълъ, прнѣ, гноевѣца, ѿнръ, заразните болести: богнѣ, кознѣца, жълѣнъ болѣзнь, жълѣнѣца, жълѣнна, болестите на очите: оѿнболъ, оѿоболъ, гоурѣль, бѣльмо на оѿню, павлака, ушните болести: оушѣна болѣсть, нежнтъ, стомачните: гръзенне въ стомахоу, вѣтръ оу стомахоу, блоуванне, теченне здола, теченне велко итн., во врска со настинките и сл.: настнѣка, стоудъ, настоудъ, кашлѣца, задоу-съ, топлота, вроукѣна, горѣнне, велкъ ѿгнъ, гръзнѣца, огнѣца, жегавѣца, трѣсавѣца, со душевните болести и сл.: бѣсъ, бѣсъ нмѣтн, велкаа болѣсть, падатн ѿ бѣса, падатн на мѣсаць, на новъ мѣсаць падатн. Покрај именувањето на болестите, значаен дел претставуваат и лексемите со кои се именува здравјето, оздравувањето: врачѣватн, нзврачѣватн, врачѣвствоватн, врачѣство подаватн, врачѣванне, врачѣвство, врачѣба, врачѣбѣнь, врачѣвѣнь, врачѣвскъ, врачѣскъ, врачѣвскы, нсѣлѣватн, нсѣлѣнтн, нсѣлѣватн, нсѣлѣнтн, нсѣлѣнне, лековите од растително потекло: анѣлѣка, воzellъ, боснлѣкъ, магданосъ, матоѿнна, мѣнта, пѣлѣнѣ итн. Може да се проследи широкиот спектар називи од областа на средновековната медицина, синонимните односи сп.: бѣльмо – павлака, жълѣнна – жълѣнѣца – жълѣнъ болѣзнь – нктеръ, проказа – прокаженне – лепра, стоудъ – настоудъ – настнѣка, топлота – вроукѣна – горѣнне, огневѣца – жегавѣца.

Во трудот *Македонската лексика низ вековите*⁵⁸ се содржани повеќе лексиколошки прилози. Обемниот материјал е групиран во неколку семантички полиња, на пр. од областа на мерната терминологија во црковнословенските текстови се издвојуваат називи за мерките за површина, за волумен и за тежина: замѣтъ, зевъгаръ, коматъ, плоугъ, погонъ, статъ, стѣпъ, вѣдро, грѣне, грънѣць, ѿаша, лоукѣно, полоукѣнѣца, боуѿоукъ, ѿбърь, коутѣлъ, шнѣкъ, осмакъ, талѣнтъ, лѣтра, драмъ, кнѣло, ока; временските мерки низ вековите до денес: ѿасъ, лѣто, вѣкъ, дѣнь, ношъ, полоуношѣне, полоуношъ, вѣѿера, некнѣ, мѣсаць, недѣлѣ, годнѣше, нѣднѣктъ, нѣднѣкто, во врска со називите за монети се посочуваат некои за монети со помала вредност: асарѣн, аспра, ѿѣта, лепѣта, кодранѣтъ, пѣнѣсь, мѣдѣнѣца, мѣдъ, мѣра, грошъ, пара, за сребрени: драгѣма, грѣвѣна, монѣсто, нѣдрагѣма,

⁵⁷ *Макаријоска Л.* Лексиката од областа на историјата на медицината. Посебни изданија. Кн. 70. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2011. 426 стр.

⁵⁸ *Макаријоска Л., Павлеска-Георгиевска Б.* Македонската лексика низ вековите. Скопје, 2013. С. 437.

дннарь, дннарнн, денарь, сьребро, сьребрьннкъ, сьребрьннца, златни: златнкъ, златнца, златьннкъ, перпнра, статнрь, талантъ, наполеонъ, меджднна и бакарни: лепта, мѣдьннца, мѣдь. Се истакнува богатата лексичка варијантност, односно синонимијата кои се однесуваат на именувањето на небеските тела и природните појави во средновековните текстови: потоппъ – упохуснсь, аеръ – вьздоухъ, лоуна – мѣсць, мракъ – тьма – прн-мракъ – сьмракъ, вѣтръ – хладъ, тѣча – дъждъ, громъ – градъ, на географската терминологија: бездъна – пропасть – глѣбнна, вьртъпъ – пещера, долъ – дѣбрь – ѡдолъ – доупнна, дразга – дѣбрава – лѣсъ – лѣгъ, доупнна – пропасть – оустне – ѡдолъ и др., воената терминологија: вернга – ѡза – ѡже, тръгоръ – ражьнъ, брань – рать – сѣчь, воннъ – ратьннкъ, соулнца – копне итн. Лексичкиот фонд е составен од словенска лексика, народна лексика, од туѓите зборови нотирани се латинизми и грцизми, а впечатлива е и употребата на зборовните состави, особено оние со преносна употреба. Во врска со лексиката на записите во ракописите покрај основниот словенски лексички слој се истакнува и застапеноста на лексеми од турско или од грчко потекло во зависност од периодот во кој е оставен записот. Во помладите записи се среќаваат и повеќе народни елементи.

3. Кон лексиката на македонскиот јазик во XIX век

Од лексички аспект предмет на интерес се текстовите од Јоаким Крчовски издадени во втората деценија на XIX век⁵⁹, коишто имаат религиозно-морализаторска содржина, а во нив се спротивставуваат два основни лексички слоја: слојот на традиционалниот писмен јазик т.е. црковнословенскиот лексички слој и слојот на народниот јазик. Црковнословенските лексеми во овие текстови се навлезени со посредство на цитати од постари црковнословенски текстови, а најбројни се во искази, проповеди и слични состави со религиозна содржина. Честопати Крчовски конструкцијата ја започнува на народен јазик, а ја завршува на црковнословенски и обратно: *деву призивајте, та да имате берекет у нивите ваши; секаде себе да се ограждаме крестним знамением*⁶⁰. Се izdelуваат црковнословенски кои се сосем непознати во народниот јазик и придонесуваат за архаизирање на текстовите: *багрјаница, волхв, јазва, јуноша, клевет, ненавист, ништета, ревност, тља, урод, ходатаица, дондеже, иногда, лих, присно, туне*, како и лексичките бугаризми: *башта, дреха, дума, крака, развален*, кои Крчовски ги објаснува на ист начин како и црковнословенските: *тјах сиреч них; идам смирено и кротко и се радовам за тјахното, нихното спасение*.

Со цел да ги толкува одделните зборови Крчовски реди синонимни зборови во непосредна близина и тоа најчесто прво доаѓа објаснуваниот, а потоа зборовите што објаснуваат⁶¹: *улучи, зема; словеса, речови; восходи, качува се; конци, крашита; егда, коги; уже, веке; сосуд, сад; да узриш, да видиш; чесо ради, зашто; благоухание, миризма*; зборовите од синонимниот пар се одделувани со определена лексема, со сврзникот и, со санки, сиреч или со изразите *то ест, што се каже/казуе*, на пр.: *отроча и дете; мрежи и сети; врач и лекар; чини и сторува; жизн и живот; приходи и приступува; пресвитери, јереи, санки попови; прошение, санки молење; козлиштата, сиреч јарците; от леност, сиреч от мрза; узкиј пунт, сиреч тесниј пат; мед што се каже манна*.

⁵⁹ Миовски М. Лексиката во текстовите на Јоаким Крчовски. НИО „Студентски збор“. Скопје, 1980.

⁶⁰ Истото. С. 28.

⁶¹ Истото. С. 95.

Во текстовите доминира народната лексика од поширокото дијалектно подрачје, за надминување на локалните дијалектни граници и за да се обезбеди достапност до поширок круг читатели. Грцимите се употребуваат главно во служба на црковни термини, а грцизмите од народниот лексички слој се поретки: *кандило, керамида, колиба, ливада, магија, синап, фурна*, турцизмите се значително побројни⁶² што е обусловено од позицијата на турската лексика во народниот јазик, па служат и за објаснување на соодветните црковнословенски еквиваленти за нивниот „простејши“ јазичен карактер да добие поизразит контекст, а оваа лексика како составен дел на народниот лексички слој да учествува во смената на основата на писмениот јазик: *на воздух, на хавата; воини, сејмени; јавно ест, ашикере; нрав, табиет; без оружие, без пусат; возраст, бој; свидетелство, шаитл'к; сотник, јусбашијата; столп, кула; ходатај, рицаџија; без шубе, несумнително*⁶³.

Јазикот на Пејчиновиќ е „понароден“ од јазикот на Крчовски во чишто текстови не наоѓаме замена на црковнословенските еквиваленти од најтесната црковна терминологија со лексеми од турско потекло. Текстовите се комбинација од разнородни текстови, преземени и оригинални, црковнословенскиот се јавува како носител на библиските цитати, при парафразирање на библиски содржини, а народниот јазик на авторскиот текст, во морално-дидактички расправи и кажувања од секојдневниот живот. Евидентен е стремежот на Пејчиновиќ да им ги доближи библиските содржини преку прераскажување и објаснување на религиозните поими и термини на народен јазик, а во случите кога не можел да најде адекватни изрази се определува и за турски лексички елементи.

Во јазикот на Крчовски турцизмите се значително побројни и поголемиот дел од нив се однесува на разговорната лексика: *курбан, кабает (кабаетлија), куртул, кеф, ексик, фодулак, измекар, лакрдија, марифет*. Прибегнувајќи кон толкувањето на определени поими Крчовски употребува низа од исти или слични зборови според значењето, синонимни парови, кои стојат едноподруго или се одделени со сврзник или друга лексема. Голем е бројот на парови од зборови на црковнословенскиот лексички слој и зборови на народниот од турско потекло: и да *се кае, да се пишмани; се раскаја* Јуда, *попишмани се*; ги туриле у еден *кораб, у гемиа; знамение, нишан* христијанство показуе; *разбојник, сиреч хајдуко, харамџата*; и у небесни *житници, хамбари* ште да се тури таја пшеница; и голема *полза, сиреч фајда*; како некој *сад, фидан* што се каже; Исаак казуе се *образ* Христов и *јорнек*. Во текстовите на Крчовски турцизмите служат за објаснување на црковнословенските лексеми, но и на грчки: *излезнал крин, што се казуе з'мбак прекрасен благомиризлив; кошевте биле от прачки финикови, от фурма*⁶⁴.

Евидентен е стремежот на Пејчиновиќ да им ги доближи библиските содржини преку прераскажување и објаснување на религиозните поими и термини на народен јазик, а се определува и за турски лексички елементи: *гараз, захмет, ниет, рахатлак, шаитлак, кадар, каил* и др. Сепак турцизмите се потврдени и во евангелски цитати и во молитви, пр. *курбан, аманет, берикет: ја што се сторих курбан за вас; ќе речет*

⁶² Истото. С. 96.

⁶³ Истото.

⁶⁴ Истото. С. 97.

што му пишете во молитвата: *Тебје аманет ти го праќаме Господи, Боже наш, овои берикет*. Мошне илустративен пример за инфилтрирањето на турцизмите се синонимите за името на Богородица – *султана* и *риџал* (употребени во врска со главните компоненти во култот кон Богородица – како царица небесна ја нарекува – *султана*, додека употребата на *риџал*, *риџаџика* се однесува на нејзината посредничка улога меѓу луѓето и Христа во изнесувањето на молитвите на луѓето пред Бога) и за Христос – *сајбија* и *куртулија*, а има и синонимни двојки со турцизмите: *емиш*, *курбан*, *шаитлак*, *сефа*, *џехнем* и др.⁶⁵

Во врска со лексичкиот подбор на Партенија Зографски Миовски⁶⁶ го истакнува карактеристичниот стремеж на Зографски да ѝ даде предност, поголем простор на словенската лексика. За разлика од Крчовски кој чувствувајќи ја оддалеченоста на црковнословенската лексика од лексиката на народниот јазик користи лексеми од народниот јазик, а пред сè турцизми при објаснување на црковнословенските, Зографски ја ограничува употребата на турцизмите и употребува: *воздати*, *жертва*, *зело*, *отроча*, *человеческиј*. И со присуството на русизмите (*коварство*, *просба*) текстовите на Зографски се разликуваат од оние на Крчовски, каде што се следи влијанието на црковнословенскиот јазик од руска редакција. Зографски употребува и бугаризми (*дира*, *којто*, *нишно*, *чрез*), а грцизмите (главно од термилошки карактер: *даскал*, *дјакон*, *идол*, *епископ*) и турцизмите претставуваат маргинални лексички наслојки. Кај Зографски се манифестира свесно дистанцирање од турцизмите и употреба на претежно словенска лексика: *догмат* – *учење*, *едностојно* – *постојано*, при што доаѓадо израз и стремежот лексичкиот фонд на „општиот јазик“ за кој се залага да опфаќа поширок дијалектен, односно јазичен ареал.

4. Кон лексиката на „За македонските работи“ од К.П. Мисирков

Јазикот на Мисирков со чија дејност започнува и процесот на конечната стандардизација на современиот македонски јазик ги одразува јазичните тенденции од почетокот на XX век. Мисирков, изјаснувајќи се за народниот карактер на идниот македонски јазик, се изјаснува и за лексиката и за зборобразувачките модели. Во книгата „За македонските работи“, покрај лексика која му припаѓа на македонскиот јазик, се среќава и ограничен лексички слој, кој припаѓа на турскиот и на грчкиот јазик, но и на соседните словенски јазици – српскиот и бугарскиот јазик. Миовски⁶⁷ ја обработува лексиката на книгата „За македонските работи“ од К. П. Мисирков од два аспекта: од лексиколошки и од лексикографски – лексиколошкиот пристап е реализиран преку етимолошката, структурната и статистичката анализа, а лексикографскиот во трите речници: азбучниот, обратниот и фреквентниот. Во структурен поглед лексиката на делото на

⁶⁵ Сп. *каков риџал имамо мие пред Бога: сама султана сиреч царица небеснаја, Матер Божија за нас чинит риџалук пред Бога; не го остаат аманет на саубиата што го создал да го чуат, Сп. и Или воќка, емиш ако сакаш да ти раѓат; а не знаете еле тија курбани идолска жртва; свидетелство ќе речат шаитлак; имаше некои чоек богат мошно, свакиј ден се веселеше, сефа чинеше; сефалијата душа негоа му га отнесоа во џехнем, во вечна мука.*

⁶⁶ *Миовски М.* Од лексиката на Партенија Зографски (по повод стогодишнината од неговата смрт) // Литературен збор. XXIII. Кн. 2. Скопје, 1976. С. 53–56. Сп. и *Петковска Б.* Јазичните погледи на Партенија Зографски и јазикот на неговите текстови. Скопје, 1996.

⁶⁷ *Миовски М.* Лексиколошки аспекти на делото „За македонските работи“. Скопје, 1988.

Мисирков ја манифестира континуираноста со претходните развојни фази на македонската лексика и со основните начини на збогатување на лексичкиот фонд преку позајмување и изведување нови лексеми и притоа одделни зборообразувачки морфемии поврзани со народниот јазик пројавуваат поголема продуктивност. Лексичките наслојки во споредба со состојбата во текстовите од претходните развојни фази на македонскиот писмен јазик упатуваат на иновации во зборовниот фонд, а посебно значење имаат бројните русизми и интернационализми, па се зголемува застапеноста на грцизмите од културната сфера, а се следи тенденција на намалување на бројноста на турцизмите. Зголемената бројност на синонимите се должи и на застапеноста на интернационализмите и русизмите, како можност за збогатување на лексичкиот фонд⁶⁸.

Според Миовски⁶⁹ уделот на црковнословенската лексика во делото на Мисирков е мал, а присуството на лексичките бугаризми навлезени од рускиот е од придружен, второстепен карактер. Мисирков свесно се стреми да ги пронајде македонските елементи што го делат нашиот јазик од бугарскиот, и нив ги преферира пред оние што го сврзуваат.

Застапеноста на црковнословенските во јазикот на Мисирков се огледува во религиозната терминологија: *молебен, крст, попои, евангелието, епархији, парохии, екзарх*, при отсуство на семантички еквиваленти во народните говори. Има низа црковнословенски лексички елементи, навлезени и со руско посредство во јазикот на Мисирков: *вход, вражда, вреда, жежда, лож, наследие, ненавист, нужда, оплот, паства, пон'атие, част, враждебни, непричастен, даже*. Во споредба со текстовите од XIX век, текстот на Мисирков покажува зголемување на употребата на грцизмите кои влегуваат во рамки на културната сфера, како и на зборови кои ѝ припаѓаат на интернационалната лексика и се резултат на специфичните општествено-историски услови во кои се забележува значителен економски и просветно-културен развој. Дел од грцизмите влегуваат во т.н. група интернационализми и тоа називите на различните научни дисциплини: *психологија, граматика, етнографија* (и прид. *етнографиџки*), *историја* (и *историџки*), *географија, економија* (и *економџки*), *экономика*, називи на професии: *теоретици, филолози, историци*, па во врска со науката за јазикот се прифатените термини: *филологиски и филологиџки, фонетични и фонетски, морфологија и морфологични, лексични, етимологиџки, дијалект, фраза*, а дел од црковно-религиозната лексика во книгата „За македонските работи“ се: *аргијепископ, фанариотџки, апостолицки, екзарх и екзархист, не екзархист, екзархија, екзархиџки, автокефални, патриархија, патриархист*.

Во Мисирковите текстови наоѓаме низа црковнословенски или руски елементи наспрема кои се употребени еквиваленти од народниот јазик или новообразувања на Мисирков: *возглед – поглед; част – дел, исход – излез, исход – произлез, различит се – се разликуват, удивит се – се чудит, считат – броит, положителен – положен, сознателен – свесен, јазиков – јазичен*. Двојноста во употребата на овие лексеми несомнено не е резултат на колебањето во неговиот јасно дефиниран став за тоа како треба да се изградува лексичкиот фонд на македонскиот литературен јазик. Иако недоследно, црковнословенските се употребуваат без особено отстапување од значењата што ги

⁶⁸ Миовски М. Лексиколошки аспекти... С. 178–179.

⁶⁹ Миовски М. Лексиколошки аспекти... С. 8.

имале во црковнословенската писменост: *произлез*, *происход* 'потекло', *образ* 'начин', *страна* 'земја', *треба* 'бара', *држава* 'голема сила', *другарство* 'друштво'.

Во споредба со грцизмите, турцизмите кај Мисирков имаат помала честота и функција во текстот. Според Миовски⁷⁰ Мисирков, лексичките турцизми ги поместил на секундарен план, а нивната употреба како определба за објаснување на црковнословенските зборови (како кај Крчовски и Пејчиновиќ), не е засведочена. Најголем дел од нив денес претставуваат дел од архаичната лексика: *амалин*, *г'аур* (*москов-г'аур*, *срб-г'аур*), *каурин*, *музавирлук*, *нофуз*, *раја* (*рајатин*, *рајатацки*), а дел се определуваат како историзми: *ага*, *аскер*, *јаничар*, *падишах*, *санџак*, *урум-милет*.

5. Кон туѓојазичната лексика во македонскиот лексичкиот фонд

Монографијата Грцизмите во македонскиот јазик⁷¹ е посветена на грцизмите или грчките заемки интегрирани во лексичкиот систем на македонскиот јазик, нивната распространетост, фонетската, морфолошката и семантичката адаптација. Во воведниот дел се проследува заемањето од грчкиот јазик во јазикот на македонските Словени од аспект на различните културно-историски услови, хронологијата на позајмувањето и се заклучува дека наспроти големиот број грцизми што исчезнале од македонскиот литературен јазик, некои се задржале во народните говори и развиле определена продуктивност. Не се запоставува посредничката улога на грчкиот јазик во пренесувањето на грцизмите од негрчко потекло, како и балканскиот карактер на некои грцизми. Се izdelуваат: балканизми (зборови со нејасно потекло), балкански латинизми (зборови од латинско потекло) и балкански грцизми (зборови од грчко потекло). При семантичката распределба на грцизмите Аргировски определува дваесет и шест семантички сфери: црковно-религиозна терминологија потврдена во црковнословенски ракописи, правно-административна, воена, земјоделска, лексика поврзана со облеката, лексика од областа на флората и фауната итн. Главно место во трудот зазема Етимолошко-семантичкиот речник на грцизмите во македонскиот современ јазик, во народните говори.

Во врска со влијанието на турскиот јазик врз балканските словенски и несловенски јазици, турските лексички елементи навлегуваат во македонскиот јазик од XV век (по завладувањето на Балканскиот Полуостров од страна на Османлиите) и тоа без оглед на нивното етимолошко потекло (арапско, персиско, грчко, латинско и др.). Голем број турцизми, најчесто оние со апстрактна содржина се заменуваат со словенизми, а непознатите словенски зборови (пр. од црковнословенскиот) се објаснуваат со попознатите турски зборови. Со цел да се проследи навлегувањето на турските елементи во текот на историскиот развиток на македонскиот јазик Јашар-Настева⁷² го обработува материјалот од стари писмени споменици и особено од македонското народно творештво. Се заклучува дека влогот на турските елементи во македонскиот лексички систем од XV до XVII век е релативно мал, но од XVIII век започнува нивно масовно инфилтрирање, што ќе ја достигне својата врвна точка во XIX век. Кон крајот на XIX век во ма-

⁷⁰ Миовски М. Лексиколошки аспекти. С. 11.

⁷¹ Аргировски М. Грцизмите во македонскиот јазик. Посебни изданија. Кн. 29. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1998. С. 313.

⁷² Јашар-Настева О. Турските лексички елементи во македонскиот јазик. Посебни изданија. Кн. 31. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2001. С. 230.

кедонскиот јазик доаѓа до ограничување на употребата на турските заемки, за сметка на домашните зборови како резултат на засиленото словенско влијание и на поголема ориентираност кон словенските јазици во периодот на Преродбата. Заемките јасно го потврдуваат турското влијание врз материјалната култура, врз развојот на трговијата итн. Влијанието било толку силно што голем број зборови од словенско потекло имале поограничена употреба и биле заменети со турски заемки на пр. обичај, жртва со *адет*, *курбан*. Голем број заемки се дел од терминологијата за означување делови на телото (*бубрег*, *џигер*, *табан*), од роднинската терминологија (*балдаза*, *баџанак*), па дури и во религиозната терминологија (*курбан*, *кабаат*, *џевнем*), а особено се среќаваат турски кулинарски термини: *чорба*, *мезе*, *куфте*, *сармасуџук*, *туршија*, *алва*, *гуробија* и др.

ALEKSANDER ZAJDA

Krakow, Polska

O słownictwie polskim poprzez wieki

Dzieje słownictwa polskiego to barwna mozaika faktów leksykalnych będących zwierciadłem mnóstwa desygnatów i wydarzeń z dziedziny szeroko rozumianej kultury; czynniki te, różnie percypowane przez mówiących i interpretowane znalazły swój wyraz w różnorodnych decyzjach nominacyjnych, a więc właśnie w słownictwie. Przejrzenie jego zasobów na przestrzeni wieków to zadanie nadzwyczaj interesujące i wręcz pasjonujące.

Język polski wyłania się z otchłani wieków w 1. połowie XII stulecia; z 1136 r. pochodzi słynna *Bulla gnieźnieńska* – najdawniejszy zabytek języka polskiego. Zawiera ona 410 nazw własnych miejscowych i osobowych, które dokumentują słowiański charakter naszego języka, odziedziczonego z epoki prapolskiej i jego cechy, por. np. *Piotr*, *Białowąs*, *Broda*, *Targosza* (Taszycki 1925).

W Bulli 1136 znajdujemy nieco nazw własnych, pochodzących z wyrazów pospolitych – nazwy osobowe *Broda*, *Gęba*, *Główka* jako wyrazy pospolite zanotowane zostaną dopiero w XIV–XV w. Wiele apelatywów tkwi w innych nazwach, np. wymieniony *Białowąs*.

Ocenia się, że każdy język słowiański posiada w swoim zasobie około 2000 wyrazów, odziedziczonych w spadku po okresie wspólnoty (Lehr-Splawiński 1947: 86). Składa się na tę warstwę słownictwo dotyczące człowieka i jego życia w środowisku społecznym i w otaczającej przyrodzie. Stąd nazwy z zakresu religii, stosunków międzyludzkich, a więc prawa, nazwy członków rodziny, części ciała, nazwy z dziedziny przyrody ożywionej i nieożywionej, a więc nazwy zwierząt, roślin i ich właściwości, nazwy skał, rzemiosł, dalej nazwy sprzętów domowych i narzędzi, odzieży, nazwy prac domowych, pożywienia, chorób itp.

Drugą, znacznie obszerniejszą warstwę stanowi słownictwo, powstające i powstałe już w okresie samodzielnego rozwoju społeczności polskiej. Wraz z kontynuacją, mnożeniem dorobku prasłowiańskiego i jednoczesnym wchodzeniem naszego kraju w różnorakie kon-

takty kulturalne z sąsiadami bliższymi i dalszymi język będzie nasiąkał obcymi wpływami leksykalnymi; stopniowo ich udział będzie się zwiększał i będą one tworzyć w języku wyraźne mniejsze lub większe warstwy genetyczne i chronologiczne. Elementy obce są już w Bulli, ale nieliczne – *Biskupicy* (2 r.), *Janowicy* (1 r.), *Krzyżan* (2 r.), *Hermanowo* (1 r.).

Wypowiadając się na temat słownictwa okresu najstarszego, staropolskiego (do 1500 r.) należy mieć na uwadze leksykę rzeczywiście będącą w obiegu oraz tę, która została zapisana w tekstach. Między tymi dwoma rodzajami słownictwa istnieje zasadnicza różnica. Język polski rozwijał się i funkcjonował długo, obywając się bez pisma. Gdy ono nastąpiło wraz z przyjęciem chrześcijaństwa, na obszarze Polski zaczęły powstawać pierwsze teksty, ale w języku obcym, łacińskim. Polski materiał językowy, jeśli w nich występuje, to w postaci nazw własnych (jak w Bulli 1136) i pojedynczych wyrazów pospolitych. Najstarszy okres w historii słownictwa polskiego, trwający mniej więcej do połowy XIV w., to okres glos i cytatów. Ze źródeł X-XIII wieku, a więc z tego okresu L. Bednarczuk wynotował 338 najstarszych wyrazów polskich (Bednarczuk 2007). Cytowano wyrazy, dla których brak było odpowiedników w łacinie, powstałej na obcym gruncie kulturalnym. Były nimi różne określenia, dotyczące polskiego życia społecznego, gospodarczego, na przykład nazwy urzędników (Zajda 1970), nazwy powinności feudalnych, danin i opłat (Zajda 1979). Należą one do najwcześniejszych przekazanych wyrazów polskich. Teksty łacińskich przywilejów i dyplomów od najdawniejszych czasów zawierają ich wiele. Przykłady: *podkomorze* (1174) 1240, *podczasze* 1288, *podstole* 1289; *targowe* (1065) XVII, *stan*, *nastawa*, *przewory* XII ex., *mostne* (1181) 1546, *kunie* 1231; *ab omni prewot*, *stroza*, *a dan*, *naraz*, *potvorove* 1251.

W tym okresie możemy zaobserwować ciekawe fakty wpływu języka polskiego na łacinę, używaną w Polsce, na przykład dla polskich nazw urzędników z przedrostkiem *pod-* (*podkomorze*, *podstole*), mającym znaczenie ‘przy, u’ tworzone łacińskie odpowiedniki z prefiksem *sub-* (np. *subcamerarius*, *subdapifer*), w których oznaczał on podrzędność (Weysenhoff 1991).

Słownictwo okresu glos i cytatów było więc bardzo ograniczone tematycznie. Sytuacja zmieniła się zasadniczo wraz z nastaniem polskich tekstów ciągłych, które pojawiły się w XIV w. Wymienimy tu najwcześniejsze *Kazania świętokrzyskie* z ok. połowy XIV w., *roty przysięg sądowych*, pojawiające się od 1386 r., *Psalterz floriański* z przełomu XIV i XV w. Zawierają one już mnóstwo słownictwa ogólnego, a także terminów z różnych dziedzin. Teksty ciągle mnożą się przez cały wiek XV. W dalszym ciągu zapisywane są rotty przysięg sądowych; z 1449 pochodzi tzw. kodeks Suleda – przekład *Statutów wiślickich*, kodeks Działyńskich z 1460 r., kodeks Dzikowski z 1501 r. Z 1455 r. pochodzi *Biblia królowej Zofii* – pierwszy znany nam przekład Pisma Świętego na język polski, z tegoż czasu pochodzą też ortyle magdeburskie, datowane na 1456 r.; z końca XV albo z początku XVI w. *Rozmyślania przemyskie* – najobszerniejszy zabytek prozy staropolskiej.

Zauważyć należy tematykę pierwszych tekstów ciągłych – otóż dotyczą one religii i prawa, a więc tych dziedzin, które dla każdej społeczności ludzkiej, nawet najmniejszej, są najważniejsze. Początki piśmiennictwa wszystkich narodów dotyczą właśnie tych dwóch dziedzin, że wymienimy tu chociażby starożytny *Kodeks Hammurabiego* z XVIII w. p. n. e. czy nieco młodszy *Pięcioksiąg* Mojżeszowy.

Teksty ciągle jak i glosy, które wciąż pojawiają się w dokumentach i źródłach łacińskich, dostarczają już mnóstwa słownictwa z różnych dziedzin. Zabytki religijne zawierają słów-

nictwo właściwe swojej tematyce, przekłady *Statutów wiślickich*, roty i ortyle przynoszą słownictwo z zakresu prawa i sądownictwa, także z różnych dziedzin praktycznego życia.

Język polski staje się twórczym artystycznym – wysoki poziom stylistyczny *Kazań świętokrzyskich* z połowy XIV w. jest tego dowodem. Oprócz tekstów prozaicznych pojawiają się teksty poetyckie – *Bogurodzica*, *Legenda o św. Aleksym*, *Rozmowa mistrza Polikarpa*, *Pieśń o Wiklefie*.

Pojawiają się pierwsze zbiory słownictwa – mamotrekt, łacińskie słowniczki do Biblii, do których dopisywano odpowiedniki polskie. Wymienić należy mamotrekt kaliski z 1471 r. i współczesny mu mamotrekt lubiński. Najstarszym słownikiem łacińsko-polskim jest tzw. *Wokabularz trydencki* z ok. 1420 r., zawierający ponad 400 wyrazów z różnych dziedzin. Z 1472 r. pochodzi łaciński słownik przyrodniczy Jana Stanki, wykładowcy medycyny na Akademii Krakowskiej, przyrodnika i lekarza; słownik zawiera w glosach około 2000 nazw polskich i 800 niemieckich, nazywających “przedmioty historii naturalnej”, w tym nazwy chorób i dotyczących aptekarstwa; rodzime nazwy chorób w XV w. i w następnych wiekach zdecydowanie przeważają (Jankowiak 2005: 311).

Wszelkie słownictwo popołite ze źródeł z okresu do 1500 r. gromadzi bezcenny *Słownik staropolski* (SSłp), opracowany w Krakowie pod redakcją prof. Stanisława Urbańczyka i wydany w jedenastu tomach w latach 1953-2002. Indeks haseł wyrazowych, zgromadzonych w SSłp zawiera 22 591 jednostek leksykalnych, nie licząc wariantów fonetycznych. Są one wynikiem wszystkich procesów i źródeł wzbogacania słownictwa – derywacji semantycznej, derywacji słowotwórczej, syntaktycznej i zapożyczeń. Tak więc słownictwo, wyniesione z okresu wspólnoty, uległo ogromnemu zwielokrotnieniu. Należy sobie w tym kontekście zdawać sprawę z tego, że wiele wyrazów, będących w użyciu, na pewno nie zostało zarejestrowanych, a to z powodu ubóstwa ilościowego źródeł.

Uzupełnieniem SSłp jest *Słownik staropolskich nazw osobowych* (SSNOs), opracowany w Krakowie pod redakcją prof. Witolda Taszyckiego i wydany w siedmiu tomach w latach 1965-1985. Badacz dawnego słownictwa polskiego musi stale sięgać także do tego słownika, ponieważ wiele apelatywów, występujących w funkcji nazw osobowych, zostało – jak wspomniano – wcześniej zapisanych. SSNOs gromadzi imiona rodzime i zapożyczone, przydomki, przydomki, zawołania, nazwy herbów; wszelkie nazwy osobowe, które później przekształciły się w nazwiska, dziedziczone przez potomków.

A propos nazw *nazwisko*, *przezwiśko* – to elementy mikropola, do którego w okresie staropolskim należało *przezwiśko*, *imię* i niewątpliwie *miano*, nie zaświadczone wprawdzie, ale niewątpliwie istniejące, skoro licznie zaświadczony jest czas. *mianować* (od XV in.); SSłp notuje tylko 3 r. *przezwiśko* (od 1455) i oczywiście licznie *imię* (od poł. XIV w.); *nazwisko* zjawi się w XVI w. i długo będzie równoznaczne z *przezwiśkiem* – zróżnicowanie semantyczne obydwu wyrazów zanotuje dopiero na początku XIX w. Linde w swoim słowniku.

Należy sobie zdawać sprawę z różnej wartości leksykologicznej zgromadzonych w SSłp wyrazów – niektóre leksemy znane są z mnóstwa przekazów z wielu zabytków z różnych stron kraju, co świadczy o ich randze ogólnopolskiej; są leksemy nieraz polisemiczne, wieloznaczne, inne zaś są znacznie rzadsze, właściwe tylko jednemu regionowi, jeszcze inne, nieraz zapewne propozycje autorów i rezultat ich poszukiwań nominacyjnych, SSłp przekazuje tylko z pojedynczych przekazów wyrazy, np. *oprza* ‘oskarżenie’ (1 r. z 1438), *sąpra*

‘ts.’ (1 r. z 1397). Najczęściej leksemy takie nie przekroczyły granic okresu staropolskiego, zakończyły swój żywot z chwilą powstania i nie przeszły do XVI w.

Naród polski długo był zróżnicowany stanowo; fakt ten zapisał się także w słownictwie, stąd nazwy *szlachta*, *chłopi* i *mieszczanie*; *szlachta* ‘stan, uprzywilejowana grupa społeczna’, ‘należący do stanu szlacheckiego’ (w SStpl dwie szpalty od 1396) to pożyczka z ǫrgniem. *slahte* ‘ród, plemię, szczep’ (BoryśSIEt 604), stąd *szlachcic* (2 szpalty od 1399), *chłop* ‘rusticus’ (1 szpalta od 1397) z prasł. *cholp ‘człowiek niewolny, poddany’ (BoryśSEt 62), *mieścic* (10 r. od 1391), *mieszczanin* ‘mieszkaniec miasta’ (2 szpalty od 1400).

W wielu dziedzinach słownictwo występuje w tym okresie w ukształtowanych nieraz polach wyrazowych z wyraźnym centrum i peryferiami, o równie wyraźnej niekiedy architekturze (poziomy hiperonimii – hiponimii; por. np. *sieć* i jej rodzaje). Trudno byłoby wymienić i omówić wszystkie pola i mikropola, ograniczę się do najważniejszych, zaczynając od podstawowych.

Kalendarz. Bieg życia i pracy wyznaczał *kalendarz* (< łac. *calendarium*); wprowadzono go po przyjęciu chrześcijaństwa. Czas obiegu Ziemi wokół Słońca nazwano *rokiem* (od 1387) – od prasł. czas. *rek-ti ‘rzec, powiedzieć’, a więc *rok* ‘to, co powiedziane, umówione, ustalone; umówiony, ustalony okres, termin’, w lmn. *lata*. Nazwy pór roku – *wiosna*, *lato*, *jesień*, *zima* czysto prasłowiańskie. SStpl rejestruje licznie dni tygodnia – *tydzień* (1404) // *niedziela* (1390); *poniedziałek* (1404), *wtorek* (1419), *środa* (1419), *czwartek* (ca 1482), *piątek* (1402), *sobota* (1404), *niedziela* (XIV ex.).

Dzisiejsze nazwy miesięcy są rezultatem długiego i prawie wyłącznie polskiego rodzimego oryginalnego rozwoju; *miesiąc* ‘mensis’ (od 1400), ale także ‘księżyc’ (od XIV ex.), bo według stanu księżycza mierzono początkowo czas – od prasł. *měšęcbь: I *styczeń* (XV in.): *prosiniec* (XV), *tyczeń* (XV), II *luty* (XIV ex.): *sieczeń* (XV), *strąpacz* (1421), III *marzec* (XV in.): *brzezień* (1455), IV *kwiecień* (XV in.): *dębień* (1455), *łykwiat* (XV med.), V *maj* (XV in.), VI *czerwiec* (ca 1455): *czyrwień* (XV in.), *ugornik* (XV p. post.), *zok* (XV p. post.), VII *lipiec* (ca 1455): *lipień* (XV in.), VIII *sierpień* (XV in.): *czyrwień* (p. post.), *stojącza* (XV p. post.), IX *wrzesień* (XV med.): *pajęcznik* (XV ex.), *październik* (XV med.), *paździe-rzeń* (1476), *stojąceń* (XV in.), X *październik* (ca 1500): *listopad* (XV in.), *listopadł* (XV med.), *paździerzeń* (XV), *wrzesień* (ca 1455), XI *listopad* (1471): *grudzień* (XV p. post.), *listopadł* (ca 1455), XII *grudzień* (XV in.): *prosień* (XV p. post.), *prosiniec* (1455).

Bardzo bogato reprezentowane jest w SStpl słownictwo z zakresu religii i prawa – z powodów już wyłożonych, ale także praktycznego życia, co oczywiste.

Wpływy obce. Rozwijające się słownictwo staropolskie wzbogacały wpływy obce – zapożyczenia czeskie, niemieckie, łacińskie. Te pierwsze związane były z terminologią kościelną. Łatwo zauważyć różnicę między dwoma ostatnimi źródłami, mianowicie pożyczki niemieckie, wcześniejsze, dotyczą rzeczy konkretnych, związanych z handlem, rzemiosłem, budownictwem, urządzeniami miejskimi, bronią, prawem magdeburskim. W związku z napływem osadników niemieckich i organizacją miast i wsi na zasadach prawa magdeburskiego do polszczyzny napłynęły zapożyczenia, na przykład: *burgrabia* (od 1423-1426), *burmistrz* (od 1399), *jarmark* (od 1408), *landwójt* (od 1266), *lonar* (od 1499), *ortyl* (od (1358) 1463), *plac* (od 1434), *rada* (od 1396), *ratusz* (od 1462), *rychtarz* (od 1475), *sołtys* (od 1387), *wilkierz* (od (1441) 1538), *wójt* (1398). Inne pożyczki: *bergmistrz* (od 1334), *barkmistrz* (od 1368), *clo* (od (1367) 1501), *giermek* (od 1500), *gwicht* (od 1495), *hamry* (od

1406), *łańcuch* (od 1389), *mincarz* (od ca 1500), *mistrz* (od XV in.), *marszałek* (od XV in.), *myto* (od 1365), *ochmistrz* (od ca 1428), *szafarz* (od XV in.), *szopa* (od 1466), *szos* ((1258) XVI in.), *waga* (od 1393), itd.

W *Ortylach magdeburskich* stwierdzamy też kalki z języka niemieckiego, dotyczące prawa: *zawiązany czas* (1455), *wiązany czas* (1455), *wiązane dni* (1455) z śrgniem. *gebundene Tage* ‘Zeit eingeschränkter Gerichtstätigkeit’ (Lexer 451-452), *sądzące dni* (1455), *otworzone dni* (1455) z śrgniem. *Gerichtstage, offene Tage* (Lexer 155, 223), *ława, ławica* ‘sąd miejski’ (od 1388-1411) z śrgniem. *Schöffenstuhl, Schöffengericht* (Lexer 180).

Zapóżyczenia łacińskie natomiast, nieco późniejsze, dotyczą przede wszystkim organizacji kościelnej i pracy kancelaryjnej, niektórych nazw urzędów, urzędników i dokumentów, szkół, na przykład *kanclerz* (15 r. od 1414), *kasztelan* (11 r. od 1449), *legat* (XV med.), *przywilej* (15 r. od 1393), *statut* (16 r. od 1449), *szkoła* (15 r. od XIV ex.), *testament* (13 r. od 1449); ich ilość gwałtownie wzrosła w XVI w. Kalki z języka łacińskiego: *uchwalca* (1 r. z 1449) z łac. *laudator*; *zakonanośca* (3 r. z XIV ex.), *zakonawydawca* (1 r. z 2. poł. XV w.) z łac. *legislator*, *żak* (11 r. od ca 1400). Wraz z wyjściem z użycia *zakonu* ‘ius, lex’ złożenia te przybrały postać *prawodawca* (13 r. w SPXVI w.), *prawostawca* (1 r.), *prawotworca* (2 r.), *prawowładzca* (1 r.). Zauważmy pożyczki *szkoła, żak*, związane z rozwojem nauki polskiej; w tym czasie pojawiają się rodzime leksemy *uczeń* (14 r. od XV in.), *nauka* (3 szpalty od XIV ex.).

Religia. W dziedzinie religii (*relija* – wyraz dopiero XVI-wieczny) częste są pola i mikropola dotyczące: sił duchowych, np. *Bóg, bóstwo, anioł, diabeł, lucyfer*; dostojników kościelnych, np. *biskup, dziekan, kanonik, kapłan, klecha, ksiądz, mnich, opat, papież, pleban, pop, pralat, proboszcz, przeor*; miejsc kultu, np. *cerkiew, kaplica, klasztor, kościół, kruchta, synagoga*; wiernych lub niewiernych, np. *chrześcijanin, kacerz, laik, poganin*; nabożeństw, np. *kazanie, msza, nieszpor, (homilia) omelija, pacierz, wigilie*; obrzędów, np. *adwent, bierzmowanie, chrzest, kolęda, ofiara, post, żegnać*; wielu innych, np. *apostoł, balwan, ewangelia, interdykt, kmotr, krzyż, ołtarz, opłatek, parochia, psalm, relikwie, żoltarz, żegnać*, itd. itd. Zauważmy monosemię tych wyrazów. W tym czasie pojawia się wyraz *nabożeństwo*, który oprócz znaczenia ‘pobożność, pobożne postępowanie’ (od 1424) i ‘pokora, skrucha’ (od XV in.) ma także znaczenie ‘ceremonia religijna, obrzęd religijny, modły’ (od 1482–1483), kontynuowane do dziś.

Edward Klich, pierwszy badacz tego słownictwa, omówił w swojej książce *Polska terminologia chrześcijańska* (1927) 70 terminów z tej dziedziny. Stwierdził, że są wśród nich 54 terminy zapożyczone z języka czeskiego, 16 nieczeskich. Jest to konsekwencja faktu, że chrześcijaństwo Polska przyjęła od Czechów. Reliktem pogaństwa jest *żyrzec*, pierwotnie ‘ofiarnik’, w okresie stpl. jednak tylko ‘starosta weselny’ (w SStpl 9 r. od XV in.), *żyrca* ‘ts.’ (2 r. od ca 1420 r.; Urbańczyk 1948).

Kontynuatorką jak gdyby pracy Klicha stała się prof. Maria Karpluk, która na 360 stronach swojej znakomitej książki *Słownik staropolskiej terminologii chrześcijańskiej* (2001) opracowała w formie wyczerpujących artykułów hasłowych imponującą ilość 2592 terminów. Autorka zgromadziła terminy z zakresu doktryny, kultu, organizacji i przeżycia religijnego; w słowniku znalazły się więc nie tylko terminy takie, jak wymienione wyżej, ale także takie, jak na przykład *cześć, doskonałość, klękać, męczennik, mędrzec, naśladować, nauczać, nawiedzenie, nawrócenie, nędza, nędznik, nędzny, ogień, oko, panna, przyczynienie* ‘ore-

downictwo (u Boga)⁴, wieczność, itd. itd. Są to – jak widać – przeważnie wyrazy słownictwa ogólnego w nowym zastosowaniu.

Odstępca od kościoła rzymskiego to *kacierz* (w SStpl 3/4 szpalty od XIV in.) z śrgniem. *katzer* (BańkowskiEtSł I 603), stąd *kacerstwo kacyrstwo* ‘herezja’ (6 r. od 1413-1414); także *odszczępieniec* (5 r. od ca 1450); w aneksie do SStpl jest jeszcze *hus* (6 r. od XV in.) od nazwy Jana Husa, spalonego na stosie w Konstancji w 1415 r.

Prawo. Bardzo rozbudowane jest słownictwo dotyczące prawa i sądownictwa (Zajda 1990). Przekazy *prawa* jako ‘systemu, zbioru obowiązujących norm stanowionych lub wyuczajowych’ SStpl. cytuje na 5 szpaltach, poczynając od (1258) XVII. Powszechne jest pojęcie sprawiedliwości. SStpl licznie rejestruje leksemy *sprawiedliwość* ‘postępowanie zgodne z ogólnie przyjętymi zasadami moralnymi’ (od ca 1420), ‘słuszny bezstronny sąd, wyrok, obiektywne osądzanie’ (od 1449), *sprawiedlność* ‘ts.’ (od XIV ex.), *sprawiedliwy* (od XV in.), *sprawiedlny* (od 1415).

W dziedzinie tej znajdujemy pola i mikropola obejmujące nazwy praw, np. *prawo, zakon*, nazwy instytucji sądowych, np. *sąd*, nazwy sporów sądowych i procesów, np. *spór*, nazwy terminów sądowych, np. *nieprzepelzły, przypozwany, rok, poroczki*, nazwy okręgów sądowych, np. *grodztwo, powiat, sąd, starostwo, ziemia*, nazwy urzędników, np. *sędzia, pod-sędek, pisarz, woźny, służebnik*, nazwy stron i osób występujących przed sądem, np. *jednacz, pierca, powód, rzecznik, sąpierz, sporca*, nazwy urzędów i godności, np. *pierctwo, podsędztwo, przysięstwo, soltystwo, wójtowstwo*, nazwy zastępców czyli pełnomocników (aż 15), np. *obronca, pierca, prokurator, rzecznik, sąpierz, zachodźca*, nazwy uchwał i dokumentów, np. *list, pismo, pozew, prawo*, nazwy kar i opłat sądowych, np. *głowa, krwawe, przysąd, wina, zagłowne*.

Z XV w. SStpl rejestruje leksem *prawnik* ‘znawca prawa’ (1 r. z XV in.) i ‘zastępca procesowy’ (1 r. z ca 1455). W tym czasie pojawia się *urząd* (20 r. od 1424) od czas. *urządzić* (od 1400), *urzędnik* (od 1427).

Na uwagę zasługuje *zakon i prawo*; *zakon* jest wyrazem prasłowiańskim i pochodzi od czas. *zacęti ‘zacząć’ – prawo było więc dla Prasłowian podstawą i początkiem wszelkiej działalności. Ale wyraz ten w tym znaczeniu w odniesieniu do spraw świeckich SStpl rejestruje dopiero z 1449 r. już w szczątkowym niemal użyciu (tylko 5 r.), np.: *Nyektorzy ..., yakoby zlomecze zakona (veluti legis transgressores), ... sasyadom ... szkody czynią* 1449 Sul 37; przede wszystkim z zabytków religijnych w znaczeniu nakazu religijnego i jako zbiór zasad obowiązujących zgromadzenia zakonne (6 szpalt), np.: *Zacon (legem) polosz mi, gospodne, na drodze twey* XIV ex. PsFl 26, 17.

W odniesieniu do spraw świeckich dominuje *prawo* – z prasł. *pravъ ‘prosty; sprawny, właściwy, odpowiedni, stosowny’ (BoryśSłEt 481); w języku stpl. „urzecznikowiona forma rodzaju nijakiego przym. *prawy*“ (ib.), w 10 znaczeniach na 21 szpaltach i to już od połowy XIII w. np.: *Adiungimus sibi ... tertium denarium iuris civitatis al. meske pravo* (1258) XVII KodWp I 308; *Yano prawo (unum ius) y moneta we wszeem krolewstwye ymyano maa bicz* 1449 Sul 19. O stopniu zadomowienia wyrazu w języku polskim świadczy rozwinięta polisemia – wyraz funkcjonował w omawianym okresie i długo potem nie tylko w znaczeniu ‘ius, lex’, ale także na przykład jako ‘sąd’ (od 1391), ‘wyrok’ (od 1388), ‘dokument’ (od 1420).

W mikropolu ‘hereditas, successio’ funkcjonuje *spadek* (14 r. od 1484, w tym 12 r. z AGZ), *dziedzictwo* (trzy i pół szpalty od 1395, ogólnopolskie), ale także *imienie przymarłe* (1 r. z 1456), *przymarłe* (4 r. od 456), *słożone* (1 r. z 1428).

Oczywistym faktem jest dziedzictwo prasłowiańskie w stpl. terminologii prawniczej – sprawia ono, że odznacza się ona wybitną rodzimością (Zajda 1999), por. na przykład takie wyrazy jak *sąd*, *sędzia*, wspomniany już *zakon*; zwracają uwagę liczne nazwy oparte na prasł. *perti ‘przec’ – nazwy sporów sądowych i procesów *rozprza* (1388), *odeprzenie* (1394), *prza* (1394), *sąprza* (1397), *spora* (1417), *spór* (1419), *wspór* (1420), *oprza* (1438), *odeprza* (1453), *odpór* (1453), *wspora* (1460), *otpór* (1471); nazwy osób występujących przed sądem: *odporca* (1460), *pierca pierzca* (1399), *porca* (1460), *sąpierca* (1460), *sąpierz* (1409), *sporca* (1449), *wsporca* (1460). Rozbudowana polileksja to wyraz zróżnicowanej percepcji i interpretacji świata i wynikających stąd nieustannych poszukiwań, aby „odpowiednie dać rzeczy słowo“.

Pokrewieństwo i powinowactwo. Pole nazw wyrażających stosunki rodzinne, a więc nazwy pokrewieństwa i powinowactwa rodzinnego w związku z pierwotną ważnością tych związków obfituje w omawianym okresie w wiele starych i ciekawych wyrazów, bądź odziedziczonych z okresu wspólnoty, bądź też powstałych w okresie staropolskim. Urzeczownikowiony przymiotnik *krewny* ‘mający w żyłach tę samą krew, pochodzący z tego samego rodu’ SStpl rejestruje licznie od 1399 r., *krewność* ‘pokrewieństwo’ (2 r. z ca 1482), *przyjaciel* ‘krewny, powinowaty’ (3 szpalty od 1400 ex.); *powinowaty* dopiero w SPXVI w. Przykłady: *czędo* ‘dziecko’, *dziad*, *pradziad*, *baba*, *niewiastka* ‘synowa’, *plemiennik*, *prababa*, *praciotka*, *wnęk*, *wnęka*, *wnukiew*, *przewnuk*, *snecha*, *sneszka* ‘synowa wobec rodziców męża’, *jątrew*, *jątrewka* ‘żona brata męża’, *świekr* ‘ojciec męża’, *świekra* ‘matka męża’, *szurza*, *szurzy* ‘brat żony’, *dziewierz* ‘brat męża’, *nieć* ‘kuzyn’, *nieściora* ‘kuzynka’. Stopniowo pole to będzie ulegać przebudowie i redukcji, niektóre znajdziemy jeszcze w tekstach XVII w., na przykład *świekie*, *świekra* w słowniku Knapskiego (1621); obydwa wyrazy po kilkanaście razy w *Biblii gdańskiej* (1632), niektóre zaś przechowały się w dialektach i w antropimii, na przykład *Dziewior* < *dziewierz*, *Nieć*, *Niećko*, *Szurza*, *Świekie*, *Wnęk* (Rymut 1991). M. Szymczak stwierdził, że z epoki prasłowiańskiej polszczyzna odziedziczyła 30 nazw, z okresu stpl. 50 – w sumie 486 nazw w okresie samodzielnego rozwoju języka polskiego (Szymczak 1966: 192). SStpl rejestruje długo żywotne w języku polskim wyrażenia przyimkowe *po mieczu* ‘krewni w linii męskiej’ (2 r. od 1441), *po kądzieli* ‘krewni w linii żeńskiej’ (3 r. od 1456); w XVI w. przybędzie wyrażenie *po wrzecienie* (1559 GrPorz k. ff).

W związku z tym należy rozpatrzeć interesujące losy prasł. leksemów *mąžь i *žena. Obydwa wyrazy są kontynuowane przez cały ciąg historii słownictwa polskiego. W SStpl *mąž* to ‘człowiek, mężczyzna’ (półtorej szpalty od XIV med.) i ‘małżonek’ (ponad dwie szpalty od 1393); Obok tego słownik rejestruje innowacje w postaci *mężczyzna* ‘vir, masculus’ (3 r. od XV med.), *mężczyzna* ‘ts.’ (1 szpalta od 1449).

Žona to zgodnie z pierwotnym znaczeniem ‘kobieta, niewiasta’ (2 szpalty od XIV ex.); także licznie już zaświadczona ‘uxor’ (8 szpalt od 1393); innowacje to *żeńszczyzna* (1 r. z XV med.), *żeńszczyzna* (5 r. od 1449); z prasł. *nevěsta wywodzi się także *niewiasta* ‘kobieta, niewiasta’ (3 szpalty od XV in.). W tym czasie pojawia się *mężatka* ‘kobieta zamężna’ (12 r. od ca 1420) i *małżonka* (14 r. od XV in.); *biała głowa*, *białogłowa* pojawi się licznie w XVI w., także *kobieta* – określenie początkowo obelżywe. Innowacje *mężczyzna*, *mężatka*, *mał-*

żonka żywotne do dziś; *niewiasta* to wyraz dostojny i książkowy, pojawia się w niektórych współczesnych przekładach Biblii.

Prasl. *otъcbъ to *ociec, ojciec* (5 i pół szpalty od 1386) bez zmian aż dotąd. Natomiast prasl. *mati to stpl. *mac* ‘matka, mulier’ (4 i pół szpalty od 1393), w bierniku *macierz*; podobnie SStpl rejestruje leksem *matka*, prasl. *matъka, zdrobniałe od *mati (3 szpalty od 1400); stpl. zdrobnienie *matuchna* (3/4 szpalty od XIV ex.), *macocha* (17 r. od 1399); *macierz* ‘matka’ w mian. l. p. zarejestrowana jest już 3 r. w kodeksie Suleda (1449) i stąd *macierz* w formie hasła; jako osobne hasło znajdujemy tę formę również w słowniku Troca (1779, s. 805) z kwalifikatorem *vulg.* ‘słowo podłe, karczemne’ (s. 5); to samo Bandtkie (1806, s. 423), Linde (t. III, s. 17); SWarsz rejestruje już *macierz* w znaczeniu przenośnym ‘rozsadnik, gniazdo, kolebka’ (t. II, 1902, s. 839).

Rolnictwo i uprawa ziemi. Obszerne jest w okresie staropolskim słownictwo związane z rolnictwem i uprawą ziemi. Polska długo była krajem rolniczym z rozrzuconymi tu i ówdzie ośrodkami miejskimi. *Wieś* to wyraz prasłowiański. Warto zauważyć na wstępie nazwy posiadłości, a więc: *dobro* ‘mienie ruchome lub nieruchome, majątek’ (półtorej szpalty od 1389), *imienie* ‘mienie, głównie ziemia i własność ziemska, posiadłość’ (7 szpalt od 1388), *mienie* ‘ts.’ (7 r. od 1391); *osiadłość* ‘posiadanie dóbr ziemskich, uzasadniająca przynależność do szlachty osiadłej’ (2 r. od 1499) rozwinie się w następnym wieku w znaczenie ‘posiadłość, własność ziemska dziedziczona lub nabyta; majątek, dobra’. Zauważmy skupienia *imienie idące* 1456, *nie stojące* 1456, *pomijające* 1466, *ruszające* 1426, *nie stojące* 1456 ‘ruchomość’; *imienie leżące* 1479, *nie idące* 1456, *nie ruszające* 1426, *stojące* 1456 ‘nieruchomość’.

Wyrazy *niwa, nowina, plosa, plug, pole, ugór, oracz, orać, radło, rola, siać, siemię, siew, socha, ziemia* mają początki prasłowiańskie; w większości to warstwa najbardziej niezmienna i żywotna do dziś, podobnie jak nazwy części ciała; leksem *rolnik* SStp rejestruje 1 r. z 1471, ale *rolnictwo* pojawia się dopiero w XVIII w. (Linde). Ziemię uprawną pozyskiwano drogą karczowania puszczy i lasów, stąd liczne nazwy dotyczące efektów tej pracy – znajdujemy w nich przykłady zróżnicowanej geograficznie percepcji i interpretacji świata. Przykłady: *koponica, kopanina, kopanka, łaz, przykopek, przyorek, przyrobek, wyrobek, zarębek*. Wiele z tych nazw pospolitych stało się nazwami miejscowości, por. np. liczne nazwy takie jak *Trzebież, Trzebinia, Trzebnica, Łaziska, Praga, Żagań, Żary* (od wypalania). *Puszcza* (prasl. *pušca < *pust-ja), podobnie jak *pustynia* (prasl. *pustyni) to pierwotnie ‘miejsce puste, nie zamieszkałe’ – późniejsze (i obecne) znaczenia to wynik specjalizacji. Inne nazwy pół to na przykład *borowina, grunt, jutrzyna, kąt, lecha, łaz, łazisko, opłosa, plosa, plużka* ‘zagon’, *półtola, półtrolek, półśladek, stajanie, wzór, zagon*. Pole po żętej *rży* czyli życie to *rżysko* (1 r. z 1474), ale także już ‘ściern’ (3 r. od 1471) – to drugie znaczenie stopniowo zwycięży, czemu sprzyjać będzie wyjście z użytku wyrazu motywującego *reż*. Bogactwo nazw użytków rolnych to nie tylko rezultat barwnej mozaiki różnorodności realiów, towarzyszących osadnictwu, ale także zróżnicowanej interpretacji konkretnych faktów.

Nieodłączne od gospodarki rolnej było rybactwo i stąd nazwy sieci: *sieć* (1 szpalta od 1397), *drzub* (1 r. z 1497), *drzubica* (1 szpalta od 1393), *kłomia* (9 r. od (1266)), *kłomica* (1 r. z (1401) XV p. pr.), *kołowrot* (1 r. z ca 1455), *niewód* (23 r. od 1246), *plachta* (2 r. od (1433)), *przywłoka* (6 r. od 1266), *sak* (12 r. od (1412) 1548), *słępnica* (10 r. od 1266), *wata* (12 r. od (1350) 1543), *więcierz* (ponad 1 szpalta od (1335), *włok* (28 r. od (1298)), *zabrodnia*

(8 r. od (1356)), *zabrodnica* (1 r. z 1497); *węda* ‘wędka’ (6 r. od (1351)), *wędka* (1 r. z 1471), *wędzica* (2 r. Rozm).

Nazwy rolników i mieszkańców wsi: *chłop* ‘rusticus’ (1 szpalta od 1397), *kmieć* (5 szpalt od 1386), *lannik* ‘użytkownik łąnu’ (1 r. z 1442 r.), *nowak* (1 r. od ca 1500), *ogrodnik* ‘użytkownik niedużego kawałka roli, zwanego ogrodem’ (4 r. od 1408), *poddany* ‘zależny od pana feudalnego’ (5 r. od 1420), *pod zadek* ‘chłop bezrolny, feudalnie zależny’ (1 szpalta od 1437), *rataj* (jedna szpalta od 1418), *rolnik* (1 r. z 1471), *wieśniianin* ‘mieszkaniec wsi’ (1 r. z 1449), *wieśnianka* (1 r. z 1449), *wieśnica* ‘rusticus’ (10 r. od 1449), *włócnik* ‘użytkownik włóki’ (od 1451), *zagrodnik* ‘chłop bezrolny, użytkujący jedynie dom z niewielką działką’ (4 r. od 1391).

Wiele z tych określeń wcześniej awansowało do roli nazw własnych, np. *Kmieć* (od 1413), *Kmiotek* (od 1388), *Nowak* (od 1335 r.) – najczęstsze nazwisko w antroponimii polskiej.

Centrum wsi stanowił *dwór* ‘ośrodek posiadłości ziemskiej, przynależne budynki mieszkalne i gospodarcze oraz mieszkańcy – rodzina właściciela i służba’ (w SSłp dwie szpalty od 1393). Wyraz żywotny przez wieki aż do dziś.

Miary pól. Ścisłe związane z rolnictwem były nazwy miar powierzchni pola, nieraz zróżnicowane geograficznie: *ćwierć* ‘czwarta część łąnu’ (4 r. od 1443), *jutrzyzna* (8 r. od 1384), *kwarta* ‘czwarta część łąnu’ (1 r. z 1391), *lan* (22 r. od 1397), *laniec* (2 r. od 1400), *mórg* (2 szpalty od 1325), *płosa* (półtorej szpalty od 1389), *plug* (5 r. od (1262) 1357), *poluśledzie* (3 r. od 1399), *półlanek* (od 1477), *półmordze* (2 r. od 1473), *półwłóczek* (8 r. od 1425), *półrzebek* (4 r. od 1407), *pręt* (16 r. od 1408), *radło* (2 r. od (1262) 1357), *socha* (2 r. od 1443), *śląd* (1 szpalta od 1388), *włoka* (1 szpalta od 1400), *źrzeb* (2 szpalty od (1270) XVIII). Nazwy te będą kontynuowane w następnych wiekach. Granice pól i dóbr wyznaczały sypane kopce albo naciosy na drzewach.

Z nazw narzędzi i sprzętów gospodarskich SSłp rejestruje tylko niektóre: *brona* (11 r. od 1411), *cep* (11 r. od XV in.), *kosa* (1 szpalta od 1394), *plug* (1 szpalta od 1401), *radło* (10 r. od 1372), *sierp* (15 r. od 1396); nazwy części pluga: *lemiesz* (10 r. od 1419), *radlica* (8 r. od 1326).

Nazwy zwierząt. Ze zwierząt szczególne znaczenie miały konie, a to ze względu na rolę, jaką pełniły w gospodarce i w wojnie. Oto ich nazwy: *bachmat* ‘koń tatarski’ (1 r. z 1500), *inochodnik* (2 r. od 1446), *klacz klacza* (2 r. od 1471), *kobyła* (2 szpalty od 1386), *walach* (22 r. od 1393), *woźnik* ‘koń pociągowy’ (1 szpalta od 1391). Liczne były maści koni, w większości utrzymujące się przez wieki: *cisawy* ‘kasztanowaty (czerwonorudy)’, (od 1443), *gniady* ‘ciemnokasztanowy’ (1421), *płowy* (od 1389), *siwy* (od 1388), *srokaty* (od 1471), *szronowaty* (od 1471), *tarant* (od 1471), *tarantowaty* (od 1471), *wilczaty* (od 1471), *wrony* (od 1425).

Z nazwami koni związane są nazwy uprzęży: *chomąto* (5 r. od 1437), *lejc lec* (2 r. od 1471), *łęk* (2 r. od 1437), *(podpierzchnik) podpirśnik* ‘pas uprzęży opasujący piersi końskie’ (1 r. z 1437), *półladrze* (3 r. od 1481), *siodło* (11 r. od 1399), *strzemię* ‘strzemię’ (6 r. od 1426), *strzemięczysko* ‘ts.’ (2 r. od 1437), *uzda* (11 r. od 1386), *uźdźnica* (11 r. od 1393), *wędzidło* (12 r. od 1394), *wodza* ‘lejce, cugle’ (4 r. od ca 1420).

W miastach (prasł. *město ‘miejsce’) rozwijało się rzemiosło, działali rzemieślnicy, korzystający z różnych narzędzi. Jak wszędzie tak i tu stwierdzamy warstwy genetyczne i chro-

nologiczne. Wyraz *rzemiosło* (w SStpl 1 szpalta od XV in.) jest prasłowiański, podobnie starym wyrazem jest *rzemieślnik* (1 szpalta od XV in.). Rodzime są nazwy materiałów do wyrobów rzemieślniczych, sięgające czasów prasłowiańskich: *drzewo* (*drewno* od 1389), *glina*, *len*, *miedź*, *nić*, *skóra*, *welna*, *włókno*, *żelazo*. Rozwój kulturalny spowodował rozwój różnych rzemioł i przyniósł nowe narzędzia, a wraz z tym nowe słownictwo, w tym liczne zapożyczenia niemieckie.

Nazwy rzemieślników. Rodzime: *bednarz* (od 1437), *cegielnik* (1392), *cieśla* (od (1261)), *garncarz* (od 1438), *kaletnik* (od 1436), *kołodziej* (od 1416), *kowal* (od 1426), *krawiec* (od ca 1400), *lutnik* (od 1456), *młynarz* (od 1399), *nożownik* (od 1471), *olejarz* (od 1449), *ostrożnik* ‘wyrabiający ostrogi’ (od 1379-1404), *paśnik* (od 1436), *piekarz* (od 1450), *piwowar* (1476), *plóciennik* (od 1394), *powroźnik* (od 1414), *samostrzelnik* ‘wyrabiający łuki albo kusze’ (1433), *siodlarz* (od 1464), *sznurnik* (2 r. od 1425), *szwiec*, *tkacz* (od 1471), *walkarz* ‘rzemieślnik folujący sukno’ (od ca 1470), *wapiennik* (od 1455), *welnarz* (od 1394), *złotnik* (od 1412); pożyczki: *barwierz* (od 1471), *folarz* (1 r. z XV ex.), *haftarz* (od 1394), *knap* (od ca 1420), *konwisarz* (1498), *kuśnierz* (od 1413), *mincarz* (od ca 1500), *murarz* (od 1455), *płatnerz* (od 1418), *rymarz* (od 1439), *stelmach* (od 1399), *stelmacher* *starmacher* (od 1388-1430), *ślósarz* *śłosarz* (od 1444).

Nazwy narzędzi. Rodzime: *cieślica* ‘siekiera ciesielska’, *dlóto*, *dlótko*, *gasidło*, *kopyto*, *młyn*, *osła*, *rzesak*, *ośnik*, *strug*, *topór*; pożyczki niemieckie: *ambus*, *folusz*, *hebel*, *kielbrat*, *kielnia*, *klubzaga*, *raszpla*, *żelazny strój*, *szrobcwinga* ‘ścisk śrubowy’, *szrobszok* ‘imadło’, *szynwaga* ‘śródwaga’, *śruba*, *warsztat* z *śrgniem*. *wercstat* (Lerx 314).

Na uwagę zasługuje poziom hiperonimii pola ‘instrumentum’ – długo stanowiło go jedno z trzech znaczeń leksemu *naczynie* (5 r. od 1444), rzadkie *naczyn* (1 r. z 1462), *narząd* (1 r. z 1466), *przyprawa* (6 r. od XV in.), *statek* (2 r. z XV in.) – *narzędzie* zjawi się dopiero w XVI w. Stopniowo frekwencja *narzędzia* będzie wzrastać aż do zupełnego zwycięstwa w rywalizacji – *naczynie* w tym znaczeniu ostało się w dialektach, poza tym w języku ogólnym jako ‘vas’.

Huty i żupy. Pojawia się słownictwo dotyczące wielkich zakładów przemysłowych, np. *hamry* ‘huta żelaza’ (5 r. od 1406), *huta* (9 r. od 1395), *hutarz* (1 r. z 1452), *hutman* ‘dozorca w żupie solnej i hucie żelaza’ (5 r. od 1395), *hutmaństwo* ‘urząd dozorczy w żupie solnej’ (1 r. 1334); *kopacz* ‘rębacz w żupie solnej’ (3 r. od 1450), *żupa* ‘kopalnia’ (2 szpalty od 1285), *żupnik* ‘zarządca żupy solnej’ (5 r. od 1394–1395).

Handel. Wymiana towarów drogą kupna-sprzedaży to jedna z prastarych form działalności ludzkiej. W okresie stpl. stwierdzamy bogate słownictwo z tego zakresu. Najliczniejsze – aż 16 – są leksemy oparte na rdzeniu *kup-*, mniej liczne od *przedać*, *targ*. Przykłady: *kup* ‘akt nabycia rzeczy, transakcja handlowa’ (3 r. od 1445), *kupać* ‘kupować’ (1 r. z 1427), *kupczyć* ‘handlować’ (od XV med.), *kupia* ‘towar będący do kupienia (sprzedania), przedmiot handlu’ (od 1412), ‘czynności kupieckie’ (od XV med.), ‘wartość wymienna rzeczy kupowanej (sprzedawanej), pieniądze za sprzedany towar’ (1 r. z 1471), *kupić* (3 szpalty od 1389), *kupidło* ‘zapłata, pieniądze za sprzedany towar’ (3 r. od 1455), *kupnina* ‘to, co nabyte, kupione’ (1 r. z 1436), *kupno* ‘transakcja handlowa, nabycie rzeczy’ (2 r. od 1469), *kupować* (od 1399), *przekupień* (5 r. od XV in.), *przekupka* (2 r. od 1462); *przedać*, *przedajać* (4 szpalty od 1391), *przedajny* ‘do sprzedania, przeznaczony na sprzedaż’ (2 r. od 1455), *przedanie* ‘sprzedanie’ (od 1397), *przedawać* ‘sprzedawać’ (od 1411), *przedawanie* ‘sprzedaż’ (2 r. od

1449), *przedawca* ‘sprzedawca’ (5 r. od 1449); *borg, na borg* ‘na kredyt’ (2 r. od 1449), *borgować* ‘pożyczać’ (3 r. od 1449), *borgowanie* ‘pożyczanie’ (1 r. z 1437); *jatka* ‘budka kupiecka, kram, stragan’ (od (1375)), *kram* ‘budka targowa’ (od 1257), *kramarka* ‘handlarka’ (2 r. od XV med.), *kramarski* ‘dotyczący kramarza’ (1 r. z 1497 r.), *kramarz* ‘kupiec, handlarz’ (od 1406), *kramnica* ‘budka targowa, kram, sklep’ (2 r. od 1441), *kramny* ‘dotyczący kramu, związany z kramem’ (od 1398); *targ* ‘akt kupna-sprzedaży, umawianie się o cenę czegoś’ (od 1401), ‘dzień targowy’ (od 1449), ‘miejsce wyznaczone do targowania, plac’ (od 1410), *targować, targować się* ‘przeprowadzać transakcję kupna-sprzedaży, handlować’ (od 1399), *targowanie* ‘targ, umowa kupna-sprzedaży’ (1 r. z XV med.), *targowe* ‘opłata od sprzedawanych na targu towarów’ (od (1065) XVII), *targowisko* ‘miejsce targów’ (3 r. od 1498), *targowla* ‘akt kupna-sprzedaży’ (1 r. z 1456), *targowy* ‘odnoszący się do targu’ (3 r. od (1282) XIV in) (Młynarczyk 1999, 2002).

Przegląd leksemów związanych z kupnem-sprzedażą pozwala na ocenę. W trakcie rozwoju wiele ich wyjdzie z użycia; dokładnie połowa zachowa jednak swą żywotność aż do dziś, dowodząc swej wartości leksykologicznej. Podobną wartość zachowały prawie wszystkie nazwy, oparte na prasł. *trǫgъ. W XVI w. zapożyczony zostanie z niemieckiego *handel* i pole wzbogaci się o nowe leksemy, oparte na tym wyrazie.

Innowacja w postaci pożyczki *jarmark* (10 r. od 1408) zaczyna rywalizować z rodzimym leksemem *targ* (3 szpalty od 1401 w trzech bliskich znaczeniach). Dalszy rozwój sprawi, że pożyczka będzie funkcjonować regionalnie, w małych miasteczkach, natomiast w języku ogólnym będzie dominować *targ*.

Miary i wagi. Ścisłe związane z różnymi dziedzinami praktycznego życia były nazwy miar i wag (prasł. *měra). Nazwy miar płynów: *achtel, antał, antalek, beczka, drelink, fasa, garniec, półachtel, półbeczka, półgarniec*; ciał sypkich, np. zboża: *beczka, ćwiertnia, kłoda, korczyk, korzec* ‘miara ciał sypkich’, *maca, małdr, małdrat, półkłodek, (półkorca) połukorca, półmiarek, wiertel*; nazwy miar długości: *cal, łokieć, mila*; wagi: *bezmian, centnar, funt, kamień, laszt, lut*.

Sprzęty domowe: *garnek* (od 1425), *garniec* (od XIV ex.), *koryto* (od (ca 1250) XV), *lichtarz* (od 1456), *ławka* (od 1447), *naczynie* (XV med.), *piec* (1 szpalta od XIV ex.), *stół* (półtorej szpalty od XIV ex.), *wiercimak* ‘tłuczek do ucierania czegoś na miałko’ (od 1450), *wiercioch* ‘ts.’ (od ca 1470), *zydel* (od 1456).

Szczególne miejsce wśród nazw sprzętów zajmowały *gierada* i *hergwet*; *gierada* ‘niewieścia wyprawa ślubna; odzież, pościel, naczynia domowego gospodarstwa kobiecego’ (13 r. od 1456) z śrgniem. *gerâde* ‘weibliches Geräte und Kleider als Erbe’ (Lexer 62): *Ku they tho gyeradzye, szlowye nyewyesczkyem rzeczam, szlusza czynyone szlotho y szrebro, czo szlusza ku panyeszkyey kraszye ..., y lyszky, ... y myednycze, ... y poduszky, ... obruszy, raczynyky, ... chuszthy, ... lychtarze, prządze y prządzywo, panwy pywne, ... y xyągy, czo kv bozey szluszbye zalyczą ..., y gyeden woszkowy koczyel, szwyeczdylo, nozycze y drugye thakye rzeczy, czo nyewyasthy pozywaya, tho moze bycz szwano gerade, szlowye nyewyesczye rzeczy podlug prawa 1456 OrtMac 69.*

Hergwet hergewet to rzeczy męskie, a więc ‘sprzęt rycerski, przekazywany w spadku męskim potomkom’ z śrgniem. *hergewate* ‘Kriegsrüstung, Rüstung’ (Lexer 86), a więc *zbroja*. SStpl rejestruje wyraz, częsty w XVI w., dopiero w aneksie (7 r. od 1476).

Odzież. Już w tym okresie wykształcił się podstawowy zasób nazw odzieży. Hiperonimy: *odzienie* (4 szpalty od 1391), *raqb* ‘odzież, szata, chusta, bielizna, płótno’ (trzy czwarte

szpalty od 1396), *rucho* (półtorej szpalty od 1389), *suknia* (półtorej szpalty od 1399), *szata* (11 r. od 1421); *strój*, *ubiór*, *ubranie* pojawiają się w następnym okresie. Hiponimy: *bindal* ‘przepaska’ (2 r. od 1484), *biret* ‘rodzaj czapki’ (2 r. od 1405), *chusta* ‘chustka na głowę’, ‘bielizna’ (1 szpalta od 1449), *czechel/czechło* ‘koszula lub suknia (szczególnie kobieca) z białego płótna’ (13 r. od 1436), *czechlik* (4 r. od XV med.), *czepek* (4 r. od 1428), *czepiec* (1 szpalta od 1431), *gacie* ‘spodnie’ (3 r. od XV p. post.), *gacnik* ‘ochronny pas na biodra’ (4 r. od 1437), *gzło* ‘koszula’ (8 r. od 1439), *koszula* (8 r. od 1399), *kożki/kózki* ‘rodzaj pelerynki podbitej futrem’ (21 r. od 1447), *kożuch* (15 r. od 1420), *nogawica* ‘okrycie nogi’ (7 r. od 1415), *(obuw) obów* (11 r. od XIV ex.), *onuca* (1 r. z XV p. post.), *plaszcz* (2 szpalty od 1399), *podwijka podwika* ‘rodzaj nakrycia głowy kobiet’ (12 r. od 1415), *rąbek* ‘cienka, biała suknia noszona przez kobiety zamężne pod czepkiem lub kołpakiem’, ‘koszula lub suknia z białego płótna, ubiór kobiecy’ (1 szpalta od 1436), *ruszyca* ‘chustka na głowę’ (3 r. od 1412), *skórnice skórnice* ‘obuwie z cholewami’ (7 r. od 1427), *toczenica* ‘ozdobny strój kobiecy na głowę, opaska, wianek’ (10 r. od 1465), *zawojek* ‘ozdobny kobiecy strój na głowę’ (1 r. z XV med.), *zawój* ‘ts.’ (2 r. od ca 1420), *zwoik zwojek zwojka* ‘ts.’ (1 szpalta od 1420).

Militaria. Znaczne miejsce w historii słownictwa polskiego zajmują nazwy broni. Poziom hiperonimii zajmuje *broń* (półtorej szpalty od 1388). Stare nazwy to *kopija* (7 r. od 1451), *kusza* (7 r. od 1456), *łuk* (3 r. od 1498), *miecz* (3 szpalty od 1397), *paweza* ‘tarcza’ (20 r. od 1466), *pawezka* (6 r. od 1471), *przelbica* (25 r. od 1393), *przyłbica* (2 r. od 1394), *strzala* (1 szpalta od XIV ex.), *strzelba* ‘strzały’ (2 r. od 1455), ‘kusza’ (1 r. z 1447); *szczyt* (1 szpalta od 1400), *szyp* ‘strzała’ (24 r. od 1390), *włócznia* (1 szpalta od 1399); nowsze to (*halabarda*) *helbart* (1 r. z 1500), *helm* (5 r. od XIV ex.), *pancerz* (1 szpalta od (1359)), *sabla* (23 r. od XV p. pr.), *zbroja* (2 szpalty od 1393), *żold* (17 r. od XV in.). *Strzelba* pierwotnie nomen actionis ‘strzelanie’, uległa konkretyzacji i SStpl rejestruje wyraz już jako ‘strzały’ (2 r. 1455) i ‘broń miotająca pociski, kusza’ (1 r. z 1447). Z chwilą rozpowszechnienia się prochu strzelniczego pojawiła się broń palna, a z nią nazwy: *działo* (2 r. od 1455), *foglar* ‘rodzaj działa’ (6 r. od 1494), *foglarek* (1 r. z 1494), *hakownica* (13 r. od 1471), *hufnica ufni-ca* ‘rodzaj działa’ (9 r. od 1446), *moździerz* (3 r. od 1478), *pólhufnica* (3 r. od 1494), *taraśnica* ‘rodzaj lekkiego działa’ (7 r. od 1478), *taraśniczka* ‘ts.’ (1 r. 1446).

Nazwy walczących to *pawężnik* ‘żołnierz walczący z pawężą’ (7 r. od 1497), *rycerz* (3 i pół szpalty od 1449), *strzelec* (pół szpalty od (1391) 1537), *szczytownik* ‘żołnierz uzbrojony w szczyt tzn. tarczę’ (1 r. z 1455), *żołnierz* (7 r. od Rozm); nie zaświadczony starożytny *woj* tkwi tylko w nazwach *wojewoda* ‘wodzący wojów’ (3 i pół szpalty od (ca 1250) XV), *wojna* (1 szpalta od (1255)), *wojsko* (1 szpalta od 1449).

Medycyna. Słownictwo medyczne ze względu na znaczenie chorób i zdrowia dla życia człowieka zaczęło się wcześniej wyodrębnić i ma początki prasłowiańskie; poza dziedziną prawa, też w interpretacji i nominacji wymagającej precyzji, to najpierwszy rezultat obserwacji i dociekań naukowych. Z 1472 r. pochodzi słownik przyrodniczy i lekarski Jana Stan-ki. Wiele z wymienionych w SStpl nazw funkcjonuje do dziś w terminologii medycznej. Przykłady: nazwy chorób: *dychawica* ‘gruźlica płuc’ (1 r. z ca 1500), *kurcz* (5 r. od 1464), *nieżyt* ‘zapalenie błony śluzowej’ (4 r. od 1437), *świrzb* (5 r. od 1455), *wrzód* (1 szpalta od XV in.), *zimnica* ‘gorączka z dreszczami’ (3 r. od 1455). *Choroba* (5 r. od 1454) i *niemoc* (6 szpalt od XIV med.) to hiperonimy tego mikropola; *niemoc* długo pozostanie w centrum poziomu hiperonimii; nazwy leków: *lek* ‘środek leczniczy’ (3 r. od ca 1470), *lekarstwo* ‘lek’ (1 szpalta

od XIV ex.); nazwy leczących: (*balwierz*) *barwierz* ‘cyrulik’ (1 r. z ca 1500); *lekarka* ‘kobieta lecząca, uzdrowicielka’ (1 r. z XV ex.), *lekarz* ‘lekarz, medicus’ (1 szpalta od XIV ex.); *leczyć* ‘uzdrawiać, przywracać do zdrowia’ (4 r. z XV w.). Osobną grupę stanowi słownictwo, związane z leczeniem czarami: *lekować* (3 r. od XV p. post.), *lekownica* ‘lecząca czarami, czarownica’ (2 r. od XV med.), *lekownik* ‘leczący czarami, czarownik’ (4 r. od XV med.). W zestawieniu *zle powietrze* 1420 (1 r.), nieraz nawiedzające całe regiony kraju, wyraz określany zyskał znaczenie ‘zarazy’ – znaczenie to SStpl dokumentuje także dwoma przekazami leksemu *zarażenie* (ca 1500).

Etykieta. W okresie stpl. powstają formy grzecznościowe, formy etykiety językowej, kontynuowane przez wieki. Forma *pan*, w stpl. początkowo ‘kasztelan’, naczelnik grodu (1 szpalta od 1393, np. *pan krakowski*), ‘wysoko postawiona osoba, dostojnik’ (półtorej szpalty od XIV ex.), ‘szlachcic posiadający dobra ziemskie i chłopów, dziedzic’ (półtorej szpalty od 1398), ‘mąż, małżonek’ (5 r. od 1386), ‘o Bogu’ (półtorej szpalty od XV in.), ‘mężczyzna, właściciel domu, gospodarstwa’ (pół szpalty od XV in.), rozwinęła się w ‘tytuł grzecznościowy, dawany wysoko postawionym osobom, szlachcie’ (3 szpalty od 1449); w SPXVI w. *pan* zarejestrowany już w 5 441 przekazach i wyparł formę *gospodzin* (3 szpalty od ca 1250). Analogicznie rozwinęła się w tytuł grzecznościowy *pani* – pierwotnie ‘kobieta, najczęściej zamężna, należąca do wyższych warstw społecznych (szlachcianka) i posiadająca majątek’ (3 szpalty od 1386), ‘żona czyjaś, zwłaszcza żona kasztelana lub innego dostojnika’ (3/4 szpalty od 1398), ‘kobieta posiadająca majątek (bez względu na stan), władzę, władczyni, właścicielka, gospodyni, chlebodawczyni’ (pół szpalty od XV in.), ‘kobieta’ (od 1399). W zabytkach religijnych od *Kazań świętokrzyskich* począwszy pospolite jest określenie *miłościwy*, odnoszone do godnych ludzi. Od początku XV w. tytułem grzecznościowym jest spersonalizowana *miłość*, stąd *twa, jego, wasza, jej miłość*, żywotna przez wieki. Określenie *Wielmożny Pan*, również trwałe przez wieki, pojawia się właśnie w tym czasie: *Magnas vyelky albo vyelmoszny pan* (ca 1500 Erz 120). Na początku XV w. pojawia się *wielebny*. *Dobrodziej*, późniejszy tytuł grzecznościowy, w okresie stpl. to jeszcze ‘beneficus, qui bonum facit’ (od XV in.), podobnie *dobrodziejca* (1471).

Niewątpliwie zawarty w SStpl materiał leksykalny na pewno nie wyczerpuje wszystkiego słownictwa, będącego już wówczas w użyciu, a to z powodu braku odpowiednich tekstów, na przykład z dziedziny budownictwa, rzemiosła, eksploatacji złóż – słownictwo to, dobrze zdomowione w polszczyźnie, uwidocznią dopiero w XVI w. obszerne teksty w postaci lustracji i inwentarzy dóbr. Podobnie niektóre późno zarejestrowane w SStpl wyrazy mają za sobą długą już niekiedy historię, na przykład taki wyraz jak *przywilej* z łac. *privilegium* SStpl notuje dopiero z 1393 r., a postać fonetyczna wyrazu świadczy o dużo wcześniejszym przejściu – łacińskie dokumenty były wszak najwcześniejszymi przejawami zastosowania pisma na obszarze naszego kraju. Podobnie *myto* z niem. *mūta*, zaświadczone dopiero w 1365 r., ale fonetyka wskazuje na zapożyczenie w okresie prasłowiańskim, por. np. scs. *myto, mytnikъ*. Wcześniej zapisane wspomniane już formy nazw powinności feudalnych, danin i opłat na -*e*, -*ne*, -*owe* – pierwotne określenia do rzecz. rodzaju nijakiego *myto* – dowodzą, że cały proces ich powstania musiał nastąpić w okresie przedhistorycznym.

Liczebniiki samotrzeć, półtrzecia. Z innych niż rzeczowniki części mowy zwracają uwagę licznie zaświadczone liczebniiki typu *samotrzeć* ‘sam z dwoma innymi’ (od 1397), a więc *samoczwart* ‘sam z trzema innymi’ (od 1393), *samopiąt* (od 1405), *samoszóst* (od 1396),

samosiódm (od 1405), *samoósm* (od 1398), *samodziewiąt* (od 1403), *samodziesiąt* (od 1417), *samotrzeńnaście* (od 1407)), *samowtór* (od 1399), *samowtórnaście* (sam z jedenastoma innymi). Podobnie oryginalne są formy *póldrugiego* ‘jeden i pół’ (1471), *póltora* ‘ts.’ (od 1390), *póltrzecia* ‘dwa i pół’ (od 1399), *pólczwarta* ‘trzy i pół’ (od 1391), *pólpięta* ‘cztery i pół’ (od 1400) itd. Obydwa typy form wyszły z użycia w języku ogólnym w ciągu okresu średniopolskiego – drugi typ przechował się w gwarach; w języku ogólnopolskim dotąd żywa jest forma *póltora*.

Geografia. Słownictwo okresu staropolskiego i następnych jest zróżnicowane nie tylko pod względem historii i wartości leksykologicznej, co jest naturalne, ale także geograficznej. Oto jeden z wielu przykładów. W kodeksie Suleda z 1449 r., będącym przekładem *Statutów wiślickich* z poł. XIV w., tytuł jednego z paragrafów brzmi: *Vstawyenyje o pyerczach a procurathorzech albo o rzecznykoch* (s. 7), ale w łacińskich przekazach Statutów tytuł tego paragrafu jest znacznie prostszy: *“De procuratione”*, *“Procuratores”*, *“De procuratoribus”*. Autorem wymienionego szeregu synonimicznego nazw pełnomocników stron był Mazowiszanin Świętosław z Wojcieszyna, tłumacz tej części kodeksu. Użyte w tytule przekładu wyrazy – składniki pola ‘vicarius’ są rezultatem świadomego wyboru spośród znanych tłumaczowi 15 elementów pola. Okazuje się, że *pieerca* (25 r. od 1399) jest wyrazem mazowieckim, *procurator* (10 r. od 1421) z kolei cytowany jest przez SSłpł 8 r. z zabytków wielkopolskich, 2 z kodeksu Suleda; *rzecznik* natomiast jest w omawianym okresie wyrazem ogólnopolskim – SSłpł cytuje go w 58 przekazach z zabytków z różnych stron Polski. Świętosław, mieszkaniec Mazowsza, użył więc na pierwszym miejscu mazowieckiego leksemu *pieerca*, następnie wielkopolskiego *procurator* i obydwaj regionalizmy objaśnił wyrazem ogólnopolskim. To pierwsze zapewne świadectwo zdawania sobie sprawy ze zróżnicowania geograficznego wyrazów. Podobnie wyraz *spadek* (14 r. od 1484) znajdujemy prawie wyłącznie w AGZ, tylko 2 r. w innych źródłach; polisemiczny *sąpierz* (57 r. od 1409) z mnóstwa źródeł z różnych części kraju, natomiast *sąpierca* (10 r.) tylko w kodeksie Działyńskich (1460).

W Instytucie Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk w Krakowie realizuje się projekt *Słownika tematycznego staropolszczyzny*. W oparciu o teorię pola wyrazowego zgromadzi on i zinterpretuje całość słownictwa i semantyki słownictwa staropolskiego. Metoda ta pozwoli odświetlić językowy obraz świata dawnych Polaków, ich interpretację rzeczywistości i przyniesie cenne materiały do zagadnienia nominacji. Hasłem w słowniku będzie każde znaczenie zebranych w SSłpł wyrazów autosemantycznych. W sumie projektowany słownik będzie liczył 180 tysięcy haseł, w SSłpł jest ich – jak wspomniano – 22 591. Słownictwo staropolskie będzie w tym słowniku zgrupowane w mniej więcej 500 polach wyrazowych wokół tematów: a) Wszechświat, b) Człowiek, c) Człowiek i wszechświat. Projektowany słownik ułatwi badania porównawcze w dziedzinie leksykologii na terenie ogólnosłowiańskim, por. np. dzisiejszy polski *zachód słońca*, w języku staropolskim również w tej postaci, ale także *zapad słońca* – por. ros. *zapad solnca*.

Podsumowując okres staropolski stwierdzimy, że nastąpiło zwielokrotnienie zasobu, wyniesionego z prasłowiańszczyzny. Trudno w krótkim opracowaniu zmieścić i omówić obfitość słownictwa z tego okresu – widzimy ją, korzystając ze *Słownika staropolskiego*. Wzrost liczebny nastąpił w oparciu o rodzime środki językowe jak i wskutek napływu zapożyczeń z języka czeskiego, niemieckiego i łacińskiego. Zapożyczenia niemieckie na długie wieki opanowały rzemiosło. Na miejscu wyrazów, które wyszły z użycia, pojawiło się w

polach i mikropolach mnóstwo nowych; polileksja to jedna z cech charakterystycznych słownictwa staropolskiego, ponieważ okres ten to nie tylko manifestacja języka polskiego w piśmie, ale także czas poszukiwań, “aby odpowiednie dać rzeczy słowo”. Innowacje wzbogaciły istniejące już pola wyrazowe, a nieraz także ich architekturę – por. np. *prawo, a prawo miejskie, prawo polskie, prawo duchowne, prawo ziemskie, pisane prawo* itd. Tak więc stwierdzamy różne warstwy genetyczne, chronologiczne i fakty, owocujące mnóstwem innowacji formalnych, w sumie warstwę niezmienną i zmienną. Już w najdawniejszym okresie rozwoju polszczyzny zauważamy wylanianie się z języka ogólnego powstawanie i funkcjonowanie terminów – specjalnych jednostek leksykalnych, mających tylko jedno znaczenie, np. *dziewierz, podkomorze, podworowe, półłanek, radło, targowe*. Paralelnie wiele wyrazów w trakcie funkcjonowania w języku i rozwijającej się percepcji i interpretacji zjawisk ulegało polisemizacji, np. *prawo, sypierz*. Wraz z dalszym rozwojem języka, nadążającego za rozwojem kultury, udział terminów będzie się zwiększać. Słownictwo okresu staropolskiego to podstawa leksyki polskiej – w dużym stopniu jest ono kontynuowane do dziś.

Przechodzimy do okresu średniopolskiego, trwającego do końca XVIII w. Rozpoczyna go wiek XVI. To złoty wiek kultury polskiej. Na określenie to złożyło się wiele czynników – rozwój gospodarczy w warunkach feudalizmu oraz przejęta do Polski ideologia renesansu, humanizmu i reformacji, rozwój drukarstwa. Wszystko to sprzyjało niezwykleму rozwojowi umysłowości i osiągnięć w tej dziedzinie. Postać Mikołaja Kopernika i jego osiągnięcia naukowe to najlepsze świadectwo tego stanu. W porównaniu z okresem poprzednim nastąpił wielki wzrost znaczenia i zastosowania języka polskiego, zwielokrotnienie twórczości pisarskiej i nieporównane wzbogacenie tematyki pisanych i wydawanych tekstów. Słownictwo początku XVI w. tkwi jeszcze mocno w poprzednim okresie, co łatwo zauważamy, czytając na przykład teksty Biernata z Lublina czy innych ówczesnych autorów; w tym też czasie wiele starych wyrazów wychodzi z użycia. W 1543 r. sejm podejmuje uchwałę, promującą język polski. Któż z nas nie pamięta pochodzących z tego czasu słów Reja: “*A niechaj narodowie wždy postronni znają, iż Polacy nie gęsi, iż swój język mają*”. Z dziedziny religii i prawa powstają ogromne teksty – kilka przekładów Biblii, że wymienimy *Biblię brzeską* z 1563 r., najwspanialsze osiągnięcie XVI-wiecznej translatoryki biblijnej, wiele traktatów i komentarzy, że wymienimy tutaj znakomitą *Postyllę* Mikołaja Reja (1566), Marcina Czechowica *Rozmowy chrystyjańskie* (1575); z dziedziny prawa miejskiego cykl siedmiu dzieł Bartłomieja Groickiego (1558-1605), dwa dzieła Pawła Szerbica (1581), wielkie kompendia w rodzaju dzieł Jana Herburta (1570), Stanisława Sarnickiego (1594) i Jana Januszowskiego (1600), dotyczące prawa polskiego. Łukasza Górnickiego “*Dworzanin*” (1566) przynosi wiele słownictwa z zakresu życia towarzyskiego. Od 1564 r. pojawiają się obszerne lustracje królewszczyzn – wydawane jednak dopiero od poł. XX w. szczegółowe opisy dóbr królewskich, wsi, miast i miasteczek, “*gór ołowu i srebra*” w Ilkusz, gór solnych w Wieliczce i Bochni. Podobny charakter mają inwentarze dóbr szlacheckich; obydwie rodzaje źródeł przynoszą obfity materiał leksykalny z życia wsi i miast, ujawniają bogate słownictwo z zakresu rolnictwa, budownictwa i wyposażenia wnętrz. Język polski w twórczości Jana Kochanowskiego stał się twórczym literatury pięknej o wysokiej wartości artystycznej – wiele wyrazów języka ogólnego zyskało walor stylistyczny; sformułowania *Gościu, siądź pod mým liściem, a odpoczni sobie i rozstrzelane cienie* z fraszki *Na lipę* Jana z Czar-

nolasu starczą za wszystko. Rozwój drukarstwa sprawiał, że teksty, wydawane w setkach egzemplarzy, stawały się dostępne dla wielu czytelników – wspomniana *Postylla* Mikołaja Reja na przestrzeni lat 1557–1594 wydana została aż pięć razy. Ocenia się, że w XVI w. wydrukowano (“wybito”) w Polsce ok. 3 500 000 egzemplarzy (Bajerowa 1980: 9). Utrwalał się więc język, a z nim słownictwo. Mikołaj Rej pisał we wstępie do *Wizerunku* (1560) słowa, które warto w tym związku przytoczyć: *A tho sie niczym inszym nie dzyeie, iedno iż nastáło niemáło ksiáżek Polskich* (k. A5).

Wpływy obce. Pożyczki stanowiły w XVI w. ważne źródło wzbogacania ówczesnego słownictwa. Kontynuowane były staropolskie pożyczki z języka niemieckiego w zakresie organizacji miast, rzemiosła i praktycznego życia. Wydane niedawno źródła ujawniły wiele słownictwa technicznego z tego języka, przytoczone wyżej, w zakresie budownictwa i eksploatacji kopalni, zapożyczone niewątpliwie w poprzednim okresie. Pożyczki z niemieckiego dotyczyły także handlu i broni. Wpływy niemieckie uległy jednak w XVI w. ograniczeniu, tym niemniej spotykamy nowe pożyczki, jak zwykle fonetycznie i morfologicznie zasymlowane, np. *auscug* ‘wypis z dokumentu’, *buksztab* ‘czcionka’, *cekauz* ‘zbrojownia’, *drukarz*, *erbgeld* ‘spadek przechodzący z powodu braku spadkobierców na własność panującego’ (1570), *frasunek*, *fracymer*, *gmina*, *handel*, *rynsztunek*, *szalbierz* ‘krętacz, oszust’, *szuflada*, *szuldbryf* ‘rewers’, *szwagier*, *winda*. Główne źródło pożyczek w XVI w. stanowiła jednak łacina. Jak poprzednio, tak i teraz pożyczki łacińskie dotyczyły pracy kancelaryjnej, prawa i sądownictwa; charakterystyczną ich cechą oprócz monosemii była często abstrakcyjność, np. *delacyja* ‘donos, oskarżenie’, *deliberacyja* ‘rozmyślanie’, *dysputacyja* ‘uczona rozprawa’, *ekscypcyja* ‘wyjątek’, *instygacyja* ‘oskarżenie’, *medytacyja* ‘rozmyślanie’, *obligacyja* ‘zobowiązanie’, *sukcesyja* ‘dziedzictwo, spadek’), itd. itd.

Paralelnie do stwierdzonego w średniowieczu wpływu polszczyzny na łacinę, używaną w Polsce, znajdujemy w XVI w. przykłady leksykalnego wpływu naszego języka na niemiecką dokumentów, powstałych w naszym kraju (Kaleta 2013).

W XVI w. po przybyciu do Krakowa księżniczki włoskiej Bony, królowej Polski od 1518 r., napływają do polszczyzny także pożyczki z języka włoskiego. Dotyczyły one różnych dziedzin, życia towarzyskiego, kultury materialnej (nazwy ubiorów), ogrodnictwa. Przykłady: *antykamera* ‘przedpokój’, *austeryja* ‘dom zajezdny’, *banda*, *bank*, *bankiet*, *bomba*, *branzoleta*, *dziardyn* ‘ogród’, *fontana*, *fraszka*, *gracyja*, *impreza*, *kalafior*, *karoca*, *katafalk*, *kolet* ‘kurtka żołnierska’, *kredyt*, *parapet*, *pompa* ‘przepych’, *poszta* ‘poczta’, *tort*, *zbir* ‘oprawca’ itd. Jak widać, wiele z ówczesnych pożyczek włoskich należy dziś do języka ogólnego.

Pożyczki francuskie zaczęły napływać do polszczyzny w XVII w., o czym niżej.

Renesansowe “odkrycie świata i człowieka” zaowocowało tekstami o tematyce z różnych dziedzin świeckiego i praktycznego życia. Już sam tytuł dzieła M. Reja, *Żywot człowieka poczciwego* (1568) świadczy o nowej epoce. Świadectwem nowego stosunku do życia i jego spraw mogą być liczne, bo aż 475 w tekstach Reja łatwo zauważalne zdrobnienia, co wyróżnia jego słownictwo, na przykład w opisie strojów kobiecych: *Bo więc ow ślężak z forbotem*, *Lisztewká*, *bryżyk ze złotem*, *Nuż káplerzyk z obojczykiem*, *Terepelle z gorgulikiem* 1543 KrRozpr 1619. Inne: *kwiateczki*, *drzeweczka*, *ptaszkwie*, *kamyczki*, *kamyk* itd. itd. Ocenia się, że teksty Reja zawierają nieco ponad 15 000 wyrazów (Kuraszkiewicz 1960: 181), w tym 6 500 haseł nieznanymi słownikowi Mączyńskiego i wiele neologizmów. Od-

zwierciedlają one codzienne, praktyczne życie polskie XVI w. z jego radościami i kłopotami, a także życie religijne (*Postylla*, przekłady psalmów).

Istniejące słownictwo zbierano w słownikach. Wymienimy tutaj wielokrotnie wydawane aż po wiek XVII słowniki trójjęzyczne łacińsko-niemiecko-polskie Murmeliusza z 1526 r., Mymera z 1528 r. – obydwie godne uwagi ze względu na tematyczny układ słownictwa, następnie słowniki łacińsko-polskie Jana Cerwusa Tucholczyka z 1531 r., Bartłomieja z Bydgoszczy z 1532. Wszystkie je przewyższa opracowany w latach 40-tych XVI w. *Lexicon Latino-Polonicum* Jana Mączyńskiego, wydany dopiero w 1564 r., liczący XXXV + 517 stron i zawierający 20 700 wyrazów polskich; najczęstsze w nim wyrazy to z rzeczowników wciąż *rzecz* (1514 r.), *człowiek* (352 r.), *ręka* (238 r.), *żywot* – 199 r. wobec *życie* tylko 12 r.; z przymiotników *dobry* 476 r., *zły* 298 r. Autor ilustrował je niekiedy krótkimi objaśnieniami, będącymi znów źródłami słownictwa polskiego. Wszystkie wyrazy polskie ze słownika wydał w dwóch tomach wraz z lokalizacją W. Kuraszkiewicz w dziele *Wyrazy polskie w Słowniku łacińsko-polskim Jana Mączyńskiego* (1962–1963). Podobny charakter ma wydany przez tegoż autora *Leksykon łacińsko-polski Jana Mączyńskiego. Wybór tekstów – opracowanie* (1996); autor zebrał i uporządkował cytaty tematycznie, np. *miary i wagi, gospodarka w polu i ogrodzie, rzemiosło i narzędzia* itd. Słownik Mączyńskiego jest świadectwem bogactwa języka polskiego, ale także wciąż istniejących jego niedostatków, o czym świadczą omawiane przez autora omówienia, gdy brak mu było odpowiedników polskich. Słownictwo omawianego okresu zbiera *Słownik polszczyzny XVI w.* (t. I–XXXVII do końca litery R; 1966–2015). Redakcja wciąż zwiększa udział tekstów nieliterackich jako źródeł materiału leksykalnego i przewiduje, że słownik obejmie ok. 70-80 tys. wyrazów. Nowością jest podawanie statystyki wyrazów i informacje o obecności czy nieobecności leksemu w SStp, Knapskiego i Lindego, co oprócz wartości informacyjnej ma duże znaczenie praktyczne.

Ale przejdźmy do konkretów.

Kalendarz. Wiek XVI to koniec kształtowania się zasobu polskich nazw miesięcy. Szcątkowo spotykamy jeszcze niektóre nazwy staropolskie, np. *czerwień* i *lipień* 3 r. w słowniku Murmeliusza (1526); innowacje to *podmajek* ‘czerwiec’ (3 r. z 1544), *winnik* ‘październik’ (20 r.). Do niektórych już ustalonych nazw jako synonimy pojawiają się nazwy łacińskie, np. *januar, aprylis, ksantyk, junijus, augustus, oktober, november, december* i tak będzie także w okresie XVII–XVIII w.: zarejestrowany w SPXVI w. 2 r. z *Biblii brzeskiej* (1563) i z *Biblii Wujka* (1599) *ksantyk* jest dla mnie wciąż zagadkowy.

Religia. Słownictwo religijne kontynuowało stan z poprzedniego okresu, wzbogacając się jednocześnie przejściowo dzięki ożywionej polemice religijnej, wywołanej pojawieniem się reformacji; rezultatem było mnóstwo nowego słownictwa. Zarejestrowaną w SStpl *ome-lia* z gr. *homilia* SPXVI w. notuje w tej postaci 2 r., ale także 93 r. jako *homilija; kazanie* 686 r., *kazalnica* 29 r. Słownictwo i frazeologia przekładu *Psalterza* (1579) Jana Kochanowskiego na wieki opanowały polski język modlitewny.

Działacze reformacji, zwracając się do Biblii jako jedynej podstawie wiary, starali się stworzyć słownictwo, odpowiadające zawartym w Piśmie Świętym i wyznawanym prawdom. Dyskusje i decyzje dotyczyły pojęć teologicznych, liturgicznych i etycznych, organizacyjnych. W rezultacie pojawiły się innowacje takie jak *brat* ‘współwyznawca’, *ponurzenie* zamiast *chrzest*, *chrystianin* (od Chrystus) zamiast *chrześcijanin* (od *chrzest*), *minister* i *śługa zboru, ofiarownik, pastor* i *pastyrz, starszy* – odpowiednik łac. *sacerdos* zamiast *kapłan*,

superintendent zamiast *biskup*, *świętość* zamiast *sakrament*, *posłaniec* zamiast *apostoł*, *pokajanie*, *upamiętanie* zam. *pokuta*, *zbór* zamiast *kościół*, *wieczera Pańska* zamiast *msza*. Wtedy też pojawiły się takie wyrazy jak *przedwieczny*, *przeistoczenie* z łac. *transsubstantiatio* (Górski 240), *rozpostarcie* – łac. *firmamentum*. Wszelkie te próby, starania, „aby odpowiednio dać rzeczy słowo“ świadczą o pasji filologicznej działaczy reformacji (Górski 268). To przykład świadomej pracy nad językiem, obecnej zawsze w historii słownictwa polskiego (por. wyżej: *Ustawienie o piercach a prokuratorzech albo o rzecznikach*), w okresie reformacji szczególnie jednak intensywnej. Kulminacja reformacyjnego słowotwórstwa to lata 1560-1570. Wraz z upadkiem reformacji „znikła ogromna większość słów stworzonych dla wyrazu nowej treści myślowej“ (Górski 269). Niektóre innowacje przechowały się do dziś w enklawach chrześcijan biblistów (np. *brat*, *starszy*, *wieczera*). Szczególną karierę zrobił stworzony przez Kromera (1553) przym. *powszechny* – odpowiednik łac. *catholicus*. Niektóre weszły do dawnych przekładów Biblii, np. *rozpostarcie* w 1 Mojż 1, 7. 8 (4 r.) w przekładzie *Biblii gdańskiej* (1632).

Do słownictwa z zakresu religii należą także powstałe wówczas deprecjonujące, poniżające określenia chrześcijan biblistów, czyli tych, dla których prawdy Biblii były jedynym fundamentem wiary; zachowały się one w polszczyźnie długo, bo niektóre aż do dziś (i to w definicjach słowników!); cała rodzina wyrazów, oparta na łac. *haereseus*, *haereticus* (Sondel 421), a więc *heretycki*, *heretyctwo*, *heretyczę*, *heretyczka*, *heretyczny*, *heretyk* (w SPXVI w. 1247 r.), *herezycja* (w SPXVI w. 46), *herezjarcha*, *heretykować*; kontynuowany był także stpl. *kacercz* z ściągnięciem. *katzer* (BańkowskiEtSł I 603) – w SPXVI w. 387 r. i *kacerczka*, *kacermistrz*, *kacerczować*, *kacerski*, *kacerczstwo* (449 r.). Liczne są derywaty od n. os. *Luter* i *Kalwin* (4 r.). Częste są leksemy *ewanjelik* ‘zwolennik reformacji’ (419 r.), *odszczepieniec* – w SPXVI w. 320 r., *odszczepieńca* 2 r., *odszczepienie* 9 r., *nowokrzeczeniec* – 144 r., *nowokrzeczeństwo* 4 r., *nowokrzeczeński* 2 r. Pojawił się także obojętny *protestant* ‘wyznawca luteranizmu’ – tylko 1 r., ale także ‘protestujący przed sądem’ też tylko 1 r. ze *Statutów Sarnickiego* (1594). Obojętne są także innowacje *nowowierca* (3 r.), *nowowierek* (1 r.), *nowowiernik* (37 r.), *nowowierny* (4 r.), powtórzone przez Lindego (t. III, s. 360-361). Wymienić tu możemy też leksemy *inkwizycyja* (SPXVI w. 1 r.), *inkwizytor* (ib. 7 r.) – niesławne instytucje kościoła rzymskiego.

Prawo. Słownictwo z dziedziny prawa ulegało dalszemu rozwojowi (Zajda 2001). *Prawo* jako ‘system, zbiór, kodeks obowiązujących norm społecznych, przepisów stanowionych lub zwyczajowych’ SPXVI w. rejestruje aż w 2251 cytatach – najwięcej z 18 wyodrębnionych znaczeń; *sprawiedliwość* w materiałach SPXVI w. globalnie 3205 r., *sprawiedliwy* 1944 r. Przelotnie – tylko 1 r. – zaświadczyła się *justycyja* z łac. *iustitia*. Obok polisemicznego *prawa* jako ‘systemu prawnego’ pojawiła się monosemiczna *jurysdykcja* (90 r.), *jurysdykcja* (33 r.), która na długo zagościła w polskiej terminologii prawnej.

Najważniejsze źródła słownictwa prawniczego w XVI w. to sześć wspomnianych dzieł Bartłomieja Groickiego, np. *Artykuły prawa majdeburskiego* (1558), *Porządek sądów i spraw miejskich* (1559), *Tytuły prawa majdeburskiego* (1567), *Obrona wdów i sierot* (1605), dalej *Ustawy prawa polskiego* Jana Palczowskiego (1561), Jana Herburt *Statuta i przywileje koronne* (1570), Pawła Szczerbica *Ius municipale* i *Speculum Saxonum* (1581), Stanisława Sarnickiego *Statuta i metryka przywilejów koronnych* (1594), Jana Januszowskiego *Statuta, prawa i przywileje* (1600).

Wiek XVI to okres doskonalenia terminologii prawniczej, wyrażającej się w jej precyzacji. Polegała ona na usuwaniu leksemów polisemicznych i redukcji polileksji niektórych pól i mikropól. Najważniejsze fakty w rozwoju terminologii prawniczej w XVI w. to właśnie redukcja polileksji i tendencja do monosemii, ale – zauważmy – *prawo* nadal dobrze funkcjonowało mimo polisemii (18 znaczeń). Wychodziły z użycia pospolite w poprzednim okresie takie stare terminy prawnicze jak *ciemnica*, *pierca*, *sąpierz*, *sąpierca*, *prza*, *rozprza*, *sąprza*, *rzecz* ‘sprawa sądowa’, nieraz rzadkie, a niektóre polisemiczne; zastępowane były przez monosemiczne wyrazy rodzime takie jak na przykład *sprawa*, *więzienie*, albo zapożyczenia z języka łacińskiego – *kauza*, *preskrypcja*; świadectwem wzrostu liczebnego pożyczek łacińskich mogą być *Statuta* Sarnickiego. Monosemiczny *prokurator*, stpl. pożyczka z łaciny, stał się od poł. XVI w. dominujący w polu ‘*vicarius*, *patronus*, *advocatus*’, liczącym w okresie staropolskim aż 15 składników. W *Porządku* B. Groickiego z 1559 r. *prokurator* występuje 58 r., synonimiczny *rzecznik* tylko 13; w *Statutach* Sarnickiego stosunek ten wynosi 54:1 na korzyść *prokuratora*. Zapożyczony *prokurator* przez swą jednoznaczność doskonale spełniał warunki, stawiane terminowi (Zajda 1990: 236). Aby zilustrować napływ łacynizmów do polskiej terminologii prawniczej w XVI w. przytoczmy dwa przekazy z dzieła Sarnickiego (1594), cytowane już przeze mnie gdzie indziej (Zajda 1990: 235):

Są y inné Tytuły y z ich Státutámi obwłasnémi, ku nábyćiu bieglóści w práwie Królewskim: Iáko iest Obligácia, Minutá, ... Pręscriptia, Contumácia, inhibicia, Mándáty, Exempty (s. 160); *wedle ich pozwów, przypożwów, controversiy, kauz, Dekrétow, Appelláciy, mociy, remissiy, rozpisow, limitáciy, y inszych punktów práwnych, żadného nie wymyjąc* (s. 885).

Nie wszystkie wymienione w przekazie pożyczki, jak widać dotyczące nazw dokumentów i pracy kancelaryjnej, co już zauważono wyżej, także inne, przyjęły się na trwałe, na przykład *kauza* tylko przelotnie zaznaczyła swój udział w terminologii prawniczej, *preskrypcja*, zastępująca *dawność*, zastąpiona została w nowszych czasach przez *przedawnienie*, podobnie *kontrowersja* usunięta została przez dawny i przejrzysty *spór*. U Sarnickiego 19 r. *spadek*, a *sukcesja* 12 r., *dziedzictwo* 329 r., *sukcesor* 15 r. Trwałe okazały się *apelacja*, *dekret*, *mandat*, *statut* i wiele innych. *Sukcesor* o wieki wyprzedził rodzimego *spadkobiercę*, który pojawia się dopiero w SWil (1861, s. 1531).

W XVI w. kontynuowany jest *prawnik* ‘znawca prawa’ (8 r.), ale także ‘zastępca procesowy’ (4 r.) i ‘prawodawca’ (5 r.); obok zjawia się pożyczka *jurysta* (13 r.) i neologizmy *prawodawca* ‘stanowiący prawo’ (13 r.), rzadsze *prawostawca* (1 r.), *prawotworca* (2 r.), *prawowadźca* (1 r.). W XVIII w. przybędzie *legislator*. Por. Knapki: *Práwnik v. Práktyk* (s. 851). W dalszym ciągu podstawowym terminem rozprawy jest *rok*, *roki*; obok pojawia się *roczek*, *roczki* – tylko 1 r. w pl. w SPXVI w.

Rozbudowane ilościowo i strukturalnie jest pole ‘winowajca’ – jedno z podstawowych w dziedzinie prawa. Jest to prawdziwe makroполе; leksem *winowajca* zajmuje poziom właściwie superhiperonimii i obejmuje wiele mikropól ze strukturą nadrzędno-podrzędną; hiperonim *przestępca* z synonimami *gwałtownik*, *przestępnik*, *występca*, *złoczyńca* mieści w sobie znowu wiele subpól (np. ‘kradzież’, ‘podpalacz’) o własnej architekturze; hiperonim ‘zabójca’ obejmuje synonimy: *głównik*, *homicyda* (1 r.), *mężobójca*, *morderca*, *morderz*, *zabijak*.

B. Groicki jest twórcą nazwy *wierzyciel* – w *Słowach prawnych w rzeczy sobie podobnych* – słowniczka dołączonego do *Rejestru* (1567) uzasadnia konieczność wprowadzenia tego wyrazu chęcią przeciwstawienia się dwoistości znaczenia *dłużnik*: *Polacy ... tym ied-*

nym słowem *Dłużnik nazywają y tego, kto winien, y tego, komu winno* (k. X4). Próbowano tę dwoistość usunąć przy pomocy łacińskich pożyczek *debitor – kredytor* (w SPXVI w. odpowiednio 2 i 52 r.). W polszczyźnie przyjęła się i utrwaliła para *dłużnik – wierzyciel*, w czym oczywista zasługa Groickiego (Zajda 2011: 138-141).

Kontynuowane jest stpl. *dziedzictwo* (w SPXVI w. 329 r.) i *spadek* (w SPXVI w. 108 r.). Ciekawe, że w *Porządku* Groickiego w rozdziale *O drzewie krewności*, gdzie mowa jest o spadkach i o uprawnionych do niego, brak jest syntetyzmów, określanych u Sarnickiego (1594) pożyczkami *sukcesor* (15 r.), *sukcesja* (12 r.) – te innowacje będą się w polszczyźnie długo utrzymywać. Wciąż żywotne są skupienia *imienie leżące* (w SPXVI w. 6 r.), *imienie nieruszające* (1 r.), *imienie ruchome* (1 r.), *imienie ruchające* (1 r.), *imienie ruszające* (2 r.), *imienie stojące* (9 r.), *rzeczy ruchome* 1582 TestEwRef 28.

Oprócz słownictwa prawniczego, funkcjonującego w języku ogólnym, znajdujemy przecież przekazy, przynoszące leksemy środowiskowe, nacechowane socjologicznie. Przykład pola ‘carcer’ z tekstu Groickiego: *Posłuszeństwo, Kábat, Zá kratq, Więzienie, Grzymká, Izdebká, Szátłáwá, Sztok, Ciemnicá, Kazń, Kłodá, Sadzáwká, Byliná* 1567 GrRej k. X4v.

Świadectwem pracy w XVI w. nad ustabilizowaniem terminologii prawniczej mogą być alternatywne szeregi: *Świádecťwá álbo wyznánié Świádków* [...] *świádecťwo álbo zeznánié* ich; 1559 GrPost k. G; *kauza abo sprawa, kościól abo zbór, strych albo wierzch, sakownicy albo wędnicy, saki albo wędy*. W XVIII w. takie zestawienia będą należały już do rzadkości.

Nazwy pokrewieństwa i powinowactwa rodzinnego miały znaczenie prawnicze, mianowicie przy ustalaniu prawa spadków, dlatego znajdujemy je, także stare, w *Porządku* Groickiego w rozdziałach *O drzewie krewności* (k. ff-ff3) i *O przyjaciolach po małżeństwie* (k. gg4-gg4v). Groicki wymienia w tytułach *krewność* i *przyjaciel*, znane nam już ze SStpl nazwy, wewnątrz rozdziałów także *krewny*, *przyjacielstwo*, *powinowactwo*. Przykłady: *wnęk, wnęcza, prawnęk, prawnęczka, praprawnęk, praprawnęczka, przestryjec, przeciotka, przedwieć* ‘starszy wuj’; *świekier, świekra, cieść* ‘syna mego żona’, *dziewierz, jątrew, świeść* ‘siostra mężowa’, *szwak* ‘siostrzyn mąż’, *pasierb, pasierbica, ojczym, macocha*. Godnym zauważenia jest przekaz Groickiego z *Porządku*: *Świekier iest żony mey Oyćiec. Ale dziś pospolicie Oyćem zowq wedle zwyczáiu, nie świekrem* (k. gg4v). Niektóre z wymienionych nazw znajdujemy także w *Statutach* Sarnickiego z 1594 r. (s. 598-599); niektóre notuje jeszcze Knapski (1621), a nawet Troc (1779); wiele ich przechowało się do dziś w dialektach (Szymczak 1966). Do staropolskich wyrażen *po mieczu, po kądzieli* dochodzi *po wrzecienie* (1559 GrPorz k. ff).

Mąż w XVI w. (globalnie 4 100 r.) kontynuuje staropolskie znaczenia; SPXVI w. rejestruje także ówczesne innowacje – szcążtkowo *mężczyzna* 1 r.; natomiast *mężczyzna* 375 r.; pojawia się *małżonek* (172 r.) i z czeskiego epizodycznie *manžel* (1 r. – z Mymera 1541, s. 40).

Żona to w XVI w. prawie wyłącznie ‘uxor’ np. w słowniku Mączyńskiego 97 r.: w pierwotnym znaczeniu ‘mulier’ występuje *niewiasta* (2 168 r.): *Uxor, Żoná, málżonká* 1564 Mącz 512a/45; *Gynaecratumenos, Który da po sobie niewieście yeździć, to yest którego żoná rzádzi* ib. 150d/18; *Matrona, Niewiásta, páni, żoná, gospodyn* ib. 211a/32; nawet *żonka* ib. 512a/46; innowacją jest *kobieta* o pejoratywnym znaczeniu – w SPXVI w. 10 r. od 1545, nawet dem. *kobietka* (1 r.), niewątpliwie rezultat kontaminacji rzecz. *kob* ‘chlew’ i częstego imienia *Elżbieta* (por. BrücknerSlEt 241); kontynuowana jest *małżonka*, także z czeskiego

epizodycznie *manželka*; innowacją jest także *biała głowa* (od 1534), funkcjonująca też w złożeniu *białogłowa* – w SPXVI w. 984 r. Kontynuowana jest *mac*, *macierz* ‘istota płci żeńskiej, która zrodziła potomstwo’ – w SPXVI w. 134 r.; *matka* globalnie już 3 167 r., *ma-cocha* 44 r.

Rolnictwo jest w dalszym ciągu dominującą dziedziną życia. Już wówczas poświęcono jej kilka wartościowych opracowań, pełnych słownictwa z praktycznej i ważnej w gospodarstwie dziedziny: P. Krescencjusz, *Księgi o gospodarstwie* (1549, 2. wyd. 1572); A. Gostomski, *Gospodarstwo* (1588); M. Cygański, *Myślistwo ptasze*, O. Strumieński *O sprawie, sypaniu, wymierzaniu i rybieniu stawów* (1573); wiele materiałów na ten temat znajdujemy w wydanych w niedawnych czasach lustracjach królewskich z 1564-1565 r. (Żurowski 1977).

Do znanych z poprzedniego okresu nazw dóbr i posiadłości *dobra*, *imienie*, *mienie* dochodzi *majętność* – w SPXVI w. już 1 193 r.; wyraz będzie powszechny także w następnym okresie; w XVI w. neologizm dominuje w mikropolu, obok *imienie* (938 r.); *dobra* 893 r., *mienie* 62 r.

Nazwy rolników i mieszkańców wsi. W ślad za geografią nazw pól szło oczywiście również geograficzne zróżnicowanie nazw mieszkańców wsi. Wiele ich przynoszą wspomniane lustracje królewskich. Do wymienionych już powyżej z okresu stpl. dodamy następujące: *chalupnik*, *czynszownik*, *ćwiertnik*, *dniak*, *inkwilin*, *kątnik*, *komornik*, *niwianin*, *nowak*, *połownik*, *powabnik*, *póllannik*, *pótrolnik*, *pólslednik*, *pótoralannik*, *pówlócznik*, *pólźrzebnik*, *pustkowianin*, *rolnik*, *siodlak*, *wieśniaczka*, *wieśniak*, *willan*, *włościanin*, *włóczanin*, *włócznik*, *wolak*, *wolnik*, *wsianin*, *wybraniec*, *zarębek*. Zgoła każda nazwa uprawianej ziemi mogła stać się podstawą nazwy mieszkańca. *Rolnik*, zaledwie zanotowany w SStpl, w SPXVI w. jest już zarejestrowany 8 r., np.: *a rolników 3, którzy mają po trosze rolej* 1564 LKra I 29; pojawia się *rolnictwo* (1 r.), a nawet *stan rolniczy* (1563). Epizodycznie pojawił się *włościanin* od *włość* (od (1434)): *zapisuję ... imienie górskie z włościanami k'niemu należącemi* 1565 TestSand 59.

Kontynuowane są stpl. nazwy miar pól; dochodzą do nich *kwarczizna*, *pólmórg*, *pótrolek*, *pólślad*, *pólśladek*, *pólstajanie*.

W lustracjach XVI – XVIII w. znajdujemy wiele nazw opłat, będących świadectwem zróżnicowanej percepcji i interpretacji świata, na przykład znaczną polileksją, zróżnicowaną także geograficznie, odznacza się mikropole, gromadzące nazwy opłat (czy danin), składanych przez chłopów za wpędzanie nierogacizny na żer do gajów dębowych lub bukowych: *gaj*, *gajne*, *gajowe*, *leśne*, *pastewne*, *paszne*, *paśne*, *wieprzowe*, *zołędne*, *żyrowe*.

W XVI w. kontynuowane są stpl. nazwy sieci, por.: *Gdy się trafi zima pogodna, ulawia się ryb wiele. I lecie zawsze robią kłonicami, przewłokami, drgubicami, saki, wędami, stabnicami* 1564 LRaw 94. Innowacją jest *stabnica*. Por. równie piękny tekst: *Sakownicy abo wędnicy, którzykolwiek łowią saki abo wędami, co zajmują rzeki, po 6 gr (sc. płacą)* 1565 LWłkpKuj I 127;

Ze zwierząt w dalszym ciągu ważne są konie; do zasobu, znanego ze SStpl, dochodzą w XVI w. nazwy: *jednochodnik*, *kniazik*, *mierzyn*, *ogier*, *parepa*, *podjezdek*, *rumak*, *stępak*, *źmud*, *źmudzin*. Godne uwagi są nazwy zwierząt młodych na -ę: *jałowię* 1675, *nazimczę* 1670, *prosię* 1680, *rocznie* 1680, *źrzebczę* 1670, *źrzebię* 1680 – wszystko kontynuanty prasł. deklinacji -ę, -ęte; podobnie nazwy dzieci *rodzenie* 1673, *wnuczę* 1673.

Miasta. Wiek XVI przynosi rozwój miast – opisy ich znajdujemy w lustracjach i inwentarzach; wymienić możemy na przykład *Lustracje i opisy miasta Poznania z XVI–XVIII wieku*.

Rzemieślnicy i narzędzia. W miastach rozwijało się rzemiosło, działali rzemieślnicy; oprócz wymienionych już ze SStpl dodać możemy: rodzime *białoskórnik, botnik, czepiennik* ‘wyrabiający czepce’, *garbarz, kamiennik, mieczerz, olejniki, papiernik, pargamiennik, skrzywnik, węglarz*; pożyczki *dreznar* ‘tokarz’, *ludwisarz*.

W poziomie hiperonimii pola ‘instrumentum’ w dalszym ciągu dominuje *naczenie* – 424 r. w SPXVI w.; na drugim miejscu lokuje się *przyprawa* (107 r.), na trzecim innowacja w postaci leksemu *instrument* – 84 r.; także jedno ze znaczeń polisemicznego wyrazu *statek*; *narzędzie* słownik ten zarejestruje jeszcze tylko 4 r. wobec 11 r. *narząd*. Jak już zauważono wyżej, stopniowo frekwencja *narzędzia* będzie wzrastać aż do zupełnego zwycięstwa w języku ogólnopolskim – *naczenie* ostanie się na mieliźnie gwar.

Bardzo liczny jest poziom hiponimii pola; oto narzędzia kowalskie w inwentarzu z 1594 r.: *goździewnica, helmezyja, kleszcze, klin, kowadło, krazyja, lina, miech, młot, spariniek* 1594 InwMPozn s. 277. Narzędzia introligatora: *bajzczag, berazek, cyrkiel, dłutko, dra-kaisen, hak, hantbus, heflada, hubel, młotek, nożyczki, osła, piłka, prasa, raszpla, rikhajzen, rikstapel, rzezak, sidło, snajdhubel, strajkhajzel, strug, sznytbrater, świderk, tygielek* 1566 InwMPozn 88; sim. 1573 ib. 136-137: *ambus, asznamer, balka, falczbajn, hebel, hebelek, kleszczek, polercak, praska, rigaisen, stempel, szruba, węgielniczka*. Liczne są narzędzia złotnika 1585 ib. 248. Zapożyczenia z języka niemieckiego, jak widać bardzo liczne, noszą na sobie dowody długiej historii, niestety nie udokumentowanej we wcześniejszych źródłach.

Równolegle z rozwojem rzemiosła rozwinęła się i wzbogaciła również frazeologia, por. np. *szewska pasja, szewski poniedziałek, pijany jak szewc* (E. Młynarczyk 2013: 128-129).

Górnictwo. Przeprowadzone na początku 2. poł. XVI w. lustracje królewsczyzn i wydane ich teksty ujawniły nieznanne dotąd słownictwo, związane z eksploatacją złóż. W lustracjach woj. krakowskiego z 1564 r. mamy obszernie teksty, opisy żup olkuskich, wielickich i bocheńskich. Po raz pierwszy pojawił się w nich licznie *górniki* – w opisie «gór» olkuskich (LKrak II 50-70) znajdujemy przekazaną tę nazwę 10 r., w relacji z żup solnych wielickiej i bocheńskiej występuje 24 r., *kopacz, górnik* tylko 3 r. (ib. 100–129). Leksem *góra* ‘kopalnia’ notuje dopiero SPXVI w. – 75 r. Słownik ten dokumentuje nazwę *górniki* pierwszym przekazem z dzieła S. Falimirza *O ziołach i mocy ich* (1534), potem jeszcze 8 r. z tekstów niefachowych (Zajda 2010: 88). Zupełnie przelotnie pojawił się *hawerz* (z niem. *Hawer, Hauer*) – SPXVI w. rejestruje wyraz 8 r. W opisach – znowu szczegółowych – pracy *górników* i *kopaczy* znajdujemy wiele wyrazów technicznych, od dawna – widać – dobrze zadomowionych w języku polskim – wszak te «góry» i żupy czynne były już w odległej przeszłości, a wraz z nimi cała technologia wydobywania i obróbki kopaliny: *bulgi, frejbelera, huta, karbaryja, kaszty, kruszec, latry, kierad, kleta, kreczwerk, orbora, orbownik, rostawka, rostacz, rostarz, rosta-wrki, rostwerk, rynna, smalcyrz, stola, stolwant, surowica, szlaka, szmitnia, szyb, szychta, terle, trakarki, tratwag, trunkować, rostowiska, trybarz, rumistrz*. Ujawniły je dopiero wydane teksty, które w archiwach przeleżały wieki. Podobnie wiele słownictwa technicznego zawierają opisy *papierni, młynów* i *hut*; «góry» czyli kopalnie, żupy, młyny, folusze, kuźnice, to pierwsze urządzenia techniczne na ziemiach polskich. Nazwy takie jak *górniki, żupnik*,

młynarz, *kuźnik*, *hutnik* to derywaty od nich (Zajda 2010: 87). A pomyśleć, że na przykład leksem *kierad* ‘urządzenie do wyciągania ciężarów’ jest elementem rozbudowanego szeregu synonimicznego, do którego SPXVI w. zalicza jeszcze leksemy *baran*, *haspel*, *kłoba*, *koło*, *kołowrot*, *wał*, *walek*, *żoraw*. SPXVI w. kontynuuje stpl. leksemy *huta* (8 r.), *hutarz* (1 r.), rejestruje nazwy *hamer* ‘huta żelaza’ (4 r.), *hamernik* ‘właściciel albo pracownik hamru’ (2 r.), podaje innowację *hutnik* (6 r.).

Cenne wykazy robotników, pracujących w hucie, znajdujemy w uniwersałach poborowych, uchwalanych przez sejmy, np.: *dymarz* ‘obsługujący miechy’, *kowal*, *kuźnik*, *papiernik*, *plókarz* ‘plókJący rudę’, *popielarz* ‘wytwarzający popiół’, *smelcarz* ‘wytapiacz’, *węglarz* ‘wytwarzający węgiel’ 1588 VoLleg II 271-272; sim. 1564 ib. 39; 1580 ib. 199.

Handel. Większość leksemów stpl. pola przeszła do XVI w.; w tym wieku pole wzbogaciło się o pożyczkę *handel* z sr̄gniem. *handel* – w SPXVI w. już globalnie 90 r.; wkrótce pojawiły się oparte na pożyczce derywaty: *handlarski* (1 r.), *handlować* (36 r.), *handlowanie* (4 r.), *handlowany* (1 r.), *handlownik* (10 r.). Efektem zapożyczenia było powstanie rywalizacji leksemu *handel* ‘obróć towarów na zasadzie ‘kupno-sprzedaż’; ‘towar’; ‘dokonywanie transakcji; działalność handlowa’ z odziedziczonymi ze stpl. wyrazami *targ*, *targować*, *targowanie*. Następstwem rozwoju gospodarczego kraju jest wzbogacenie ilościowe składników pola; liczne są nazwy czynności i transakcji handlowych, częściowo odziedziczone z poprzedniego okresu, np. *handel*, *kupia*, *kupiectwo*, *kupno*, *przedaj*, *przedaż*, *sprzedaż*; oczywiście *targ*, nazwy spotkań handlowych, np. *jarmark*, *kiermasz*, *sochaczka* ‘targi z wolną sprzedażą mięsa przez osoby spoza cechu rzeźników, np. przez chłopów’, *targ*, *wolnica* ‘targ ze sprzedażą przez osoby spoza cechów’, nazwy miejsc handlowych, np. *rynek*, *tandeta*, *targ*, *targowisko*, *tret* ‘chodnik miejski, będący miejscem drobnego handlu’, *wendeta* ‘miejsce sprzedaży rzeczy starych lub wykonanych poza cechem’, nazwy pomieszczeń i stoisk, np. *buda*, *jata*, *jatka*, *kram*, *kramik*, *kramnica*, ławka, *okno*, *piwnica*, *sklep*, *skład*, *smatruz* ‘budynek sprzedażny’, *stół*, *sukiennica*, *szragi* ‘stragan’, *tasz* ‘buda kupiecka’; nazwy uczestników wymiany handlowej, np. *handlarz*, *jatecznik*, *kramarz*, *kupiec*, *okienniczka* ‘kobieta sprzedająca w oknie’, *przedawca*, *przekupień*, *przekupka*, *smatruzianka* ‘kobieta sprzedająca w smatruzie’, *szot* ‘kupiec narodowości szkockiej, zajmujący się drobnym handlem’, itd. itd. (Młynarczyk 1999, 2006, 2010).

Uwagę zwraca *jatka*, występująca w mnóstwie derywatów syntaktycznych, podobnie *robota*, *towar*, *rzecz*; *sklep* – okazuje się – już w końcu XVI w. zaczyna występować w dzisiejszym znaczeniu ‘miejsce sprzedaży’. W rywalizacji pary *targ* – *jarmark* dominuje jak wcześniej wieloznaczny *targ* – polisemia wyrazu powstała w wyniku przesunięć metonimicznych; wskutek tego *targ* należy do kilku pól. W poszczególnych polach funkcjonują niekiedy pary, np. *handlarz* – *przekupień*, *handel* – *kupiectwo*, *wolnica* – *sochaczka*. Łatwo było zauważyć liczne zapożyczenia z języka niemieckiego.

Z handlem ściśle związany jest spław towarów rzekami i stąd rozwinięte było i funkcjonowało przez wieki środowiskowe słownictwo flisackie. Literackim świadectwem ważności tego zajęcia jest Sebastiana Klonowica *Flis to jest spuszczenie statków Wisłą i innymi rzekami do niej przypadającymi* (1598); jest to «praktyczny wierszowany przewodnik żeglugi i handlu na Wisłę» (J. Ożdżyński 1998: 203). Niektóre słownictwo z tego zakresu: *splaw* (1 r. z 1488), *frycz*, *hak* ‘piasek’, *ląd* ‘brzeg’, *łacha* ‘boczna odnoga rzeki’, *oryl*, *szkuta*, *szyper*, *wanna* ‘głębsze miejsce w rzece’, *wart* ‘główny nurt rzeki’ itd. itd.

Budownictwo dworów i zamków. Wyróżniającymi się elementami krajobrazu były zamki i dwory. Obszerne teksty lustracji z 1565 r. i inwentarzy z 1576 r. pierwsze przynoszą mnóstwo słownictwa z dziedziny ich budowy i wyposażenia. Bogate słownictwo z tego zakresu znajdujemy na przykład w LWlkpKuj I z 1565 r. Wymienimy nieco przykładów: a). budynki: *budowanie* ‘budynek’, *dworek*, *dwór*, *gmach*, *lamus*, *samborza* ‘budynek bramny z wieżą przy wjeździe do dworu’, *sambornia* ‘ts.’, *sernik*, *słodownia*, *sól*, *solek*, *spichlerz*, *spichlerzyk*, *spichrz*, *stajnia*, *taras* ‘więzienie’, *zamek*; b). części budynków: *alkierz*, *astrych*, *ganek*, *izba*, *izdebka*, *komin*, *komora*, *komórka potrzebna*, *kownata*, *kuchnia*, *młocarnia* ‘budynek do młócenia’, *pawiment*, *przewora przywora* ‘przegroda w stajni’, *przętr* ‘piętro’, *skarbnica*, *sklep*, *sklepiczek*, *sklepik*, *spiżarnia*; c). akcesoria: *antaba* ‘żelazna sztaba zabezpieczająca drzwi’, *blona szklana*, *opona*, *skobel*, *skoblica*, *strychulec*, *wrzeciądź* ‘łańcuch’.

Zdumiewa szczegółowość opisu lustrowanych obiektów. Ujawniły one bogactwo słownictwa z zakresu budownictwa i architektury, które niewątpliwie znane było wcześniej, ale w SSłpl z powodu braku tego rodzaju tekstów przeważnie nie zostało zarejestrowane.

Na uwagę zasługuje *samborza* (od 1388) – wyraz prastary o nieustalonej w dotychczasowych opracowaniach etymologii – zapewne jest to jednak kontynuacja prasł. wyrazu *sq-bor-ьja; *dwór* był niewątpliwie ogrodzony, a *samborza* była jakby zwornikiem ogrodzenia, por. *sąpierz*, *sampierz* ‘strona przeciwna w sporze’ (od 1409) < prasł. *sq-pьrbь; wariant rozwojowy *sambornia* – obydwie formy częste w 1565 LWlkpKuj I; *sklep*, *sklepik*, *sklepiczek* występują w XVI w. w dwóch znaczeniach – pierwotnym ‘sklepienie’ i wtórnym ‘piwnica’. Przykład: *Ty wszytki sklepy są krzyżowem sklepem zasklepione* 1565 LWlkpKuj I 4. *Komórka potrzebna* to nazwa toalety; inne nazwy tego mikropola to *gdańsk*, *piłat*, *prewet*, *prywatne miejsce*, *retyratka*, *sekret*, *sekretne miejsce*, *tranzyt*, *wychód*, *wychodek* (Zajda 2010: 87).

Przy opisie zamków wymienieni bywają urzędnicy i czeladź zamkowa, np.: *bednarz*, *burgrabia*, *celnik*, *drab*, *dworka*, *dwornik*, *dziewka*, *grodzanin*, *klucznik*, *kowal*, *kucharz*, *masztalerz*, *mielcarz*, *młynarz*, *młynek*, *myśliwiec*, *parobek*, *pastuch*, *pastur*, *piekarz*, *pisarz*, *piwowar*, *podpisek*, *podstarości*, *praczka*, *śluga*, *sędzia*, *ślužebnik*, *surrogator*, *urzędnik*, *woźnica*, *wrotny* (1565 LWlkpKuj I 38, 45, 102, 117–118).

Na utrzymanie ich czyli *wychowanie* składała się *pica* (7 r. od 1393), *spiża* (4 r. od ca 1428), *strawa* (1 szpalta od XV ex.), *żywność* – ten ostatni wyraz pojawia się właśnie w XVI w. Innowacja *żywność* stopniowo wyprze prasł. leksem *pica* (*pit-ja) i pożyczkę *spiża* (4 r. od ca 1428) – te dwa wyrazy utrwaliły się w znaczeniu ‘pasza dla bydła’ i ‘prowiant dla wojska’. Przykłady: *Wychodzi na wychowanie: urzędnikom, czeladzi, drabom, zamkowych i do folwarków na tydzień: żyta ćw. 4 1/2, słodu na piwo ćw. 5.* 1565 LWlkpKuj I 17; sim. ib. 17, 56, 75, 92, 104; *Pro victu castrensi personis suprascriptis. Item naprzód na mięso, ryby, śledzie i insze rzeczy wszelakie ku żywności należące wychodzi c. v. u. fl. 82.* I dalej: *żyto na chleb, pszenica na ciasta, jęczmień na krupy, groch, proso, siemię konopne na olej, siemię lniane, mak na olej, sadło, masło, sery, kapłony, kury, jajca, gęsi, jałowice, skopy* ib. 93; *Pabulum, Bydłęca picá, pástwá, kármia yáko yest trawá, śiáno, słomá, śieczká* 1564 Mącz 272a/2; *Strawa dla rzemieślników* 1565 LWlkp I 22 (2 r.); *Podle tego domu 2 spiżarnie z drzewa niemale ku schowaniu spiże* 1565 LWlkpKuj I 51. Od *pica* pochodzi *picnik* i *picownik*, w SPXVI w. 1 i 3 r., ‘ żołnierz zaopatrujący wojsko w żywność i paszę’.

Sprzęty (statki) domowe. Nieodłącznymi elementami opisów budowy i wyposażenia dworów i zamków są oczywiście sprzęty, a z nimi nazwy – synonimami *sprzętu* są hiperonimy *naczynie*, *statek*: hiponimy *almaria olmara*, *kadź*, *kocień*, *lichtarz*, *listwa*, *łańcuszek*, *lawa*, *ławka*, *łóże*, *panew*, *piec*, *przykadek*, *sąd*, *sądek*, *sądyszek*, *skrzynia*, *skrzynka*, *stółek*, *stół*, *służba* ‘zastawa stołowa lub miejsce, gdzie się ją przechowuje’, *szafa*, *szafka*, *wiadro*. W słowniku Murmeliusza (1528) jest obszerny rozdział pt. *O gracie domowym*, gromadzący liczne słownictwo z tego zakresu (s. 108–138). *Kocień* osadzony był na fundamencie, zwanym *kotliną* – wyraz będący dziś terminem z zakresu ukształtowania terenu, ciekawy przykład rozwoju semantycznego wyrazu. W dalszym ciągu kontynuowane są nazwy *gierada* i *hergewet* – Groicki poświęca im dwa pierwsze rozdziały w swoich *Tytułach prawa majdeburskiego* (1567). Bliski semantycznie leksemowi *sprzęt* jest *potrzeba* ‘rzeczy potrzebne do życia, mieszkania; przedmioty użytku osobistego, domowego, gospodarczego; przedmioty potrzebne do wykonywania czegoś, sprzęty, narzędzia; wyposażenie’ (SPXVI w. 214 r.): *Obsono*, *Skupuyę*, *potrzeby do kuchniey* 1564 Mącz 257b/50; *drzwi na zawiasiech*, *z zamkiem i ze wszystkimi potrzebami* 1565 LWlkpKuj I 113; *Ten co pływa*, *y ten co sztuk dogląda*, *ma wcześz przemyślać smolę*, *y każdą potrzebę do skut* 1584 Gost 90.

Odzież. Wraz z rozwojem kultury i wzrostem zamożności wzbogacało się słownictwo z zakresu odzieży. Stwierdzamy w tej dziedzinie wyraźne warstwy genetyczne; niektóre rodzime nazwy staropolskie są kontynuowane, ale wiele ich wychodzi z użycia; XVI-wieczny zasób nazw strojów wzbogacany jest przez liczne zapożyczenia – niemieckie, łacińskie, włoskie, francuskie. Słownictwo to, szczególnie z zakresu ubiorów kobiecych, było bardzo liczne; B. Groicki w *Tytułach* wymienił ich 60, na przykład: ... *nie dosyć mieć szatę po Polsku, ale po Niemiecku, po Węgiersku, po Hiszpańsku; także inne stroie główne, szynne, ręczne, iako są Cepliki, oswiki, tkanki, bramki, czępki Morawskie, starszowieckie, chómle, kędziorki, celpy s knáflami, toczence, łubki, wieńce rozmaite, forbóty perłowe, złote zauszki, birety ...* 1567 GrTyt k. Bv; całość podsumowuje znamienym stwierdzeniem: *A kto by ty stroie mógł wyliczyć* k. B2. Cennym źródłem nazw ubiorów bogatego XVI-wiecznego magnata jest pozostający dotąd w rękopisie a odczytany przeze mnie inwentarz rzeczy pozostałych po Sewerynie Bonerze z 1550 r. (Archiwum Państwowe na Wawelu, Castrensia Cracoviensia 67, s. 552–564).

W wykazie Groickiego występują nazwy *strój*, *szata*, *ubiór*, które aż do dziś stanowią poziom hiperonimii pola; *ubranie* pojawia się dopiero w słowniku Knapskiego (s. 1220).

Jak widzimy z tekstu Groickiego, zdawano sobie sprawę z różnych źródeł pochodzenia – liczne są w nazwach odzieży zapożyczenia.

Nazwy instrumentów muzycznych: *piszczałka*, *pomort*, *szalamaja*, *surma*, *sztort*, *krzywula*, *szrafayffen*, *flet*, *fletnia*, *piszczałka szwajcarska*, *kornet*.

Militaria. Centrum poziomu hiperonimii w dalszym ciągu i przez wszystkie wieki zajmuje *broń*; obok pojawia się *rynsztunek* – XVI-wieczna pożyczka z niem. *Rüstung*. Rozwój słownictwa związanego z bronią i prowadzeniem wojen pozostaje w XVI w. w ścisłym związku z rozpowszechnieniem się broni palnej. Również i ta dziedzina znalazła swój wyraz w twórczości pisarskiej: J. Tarnowski, *Consilium rationis bellicae* (1558); St. Łaski, *Spraw i postępów rycerskich i przewagi opisane krótkie* (1599); M. Bielski, *Sprawa rycerska* (1569). Stary wyraz *strzelba* zyskał znaczenie ‘sprzęt strzelecki’, a więc awansował do pozycji hiperonimu mikropola: *działo*, *działko*, *hakownica*, *harkabuz*, *moździerz*, *moździerzka*, *rusznica*; por. przekaz: *Strzelba i zbroja zamkowa* 1565 LWlkpKuj I 110; sim. ib. 79.

Medycyna. W XVI w. nastąpił dalszy rozwój terminologii medycznej. Rozdziały, gromadzące słownictwo z tej dziedziny znajdujemy już w słownikach Murmeliusza (1526) na s. 67–80 «*O rozmaitych niemocach*» i Mymera (1528) na k. 38-40 «*O niemocach rozlicznych*». Ujawniają one już wówczas istniejące bogactwo słownictwa polskiego z omawianego zakresu; ogromnie wzrosła frekwencja leksemu *choroba* – w SPXVI w. już 916 r., *niemoc* w SPXVI w. 1371 r. W słowniku Murmeliusza znajdujemy w dalszym ciągu znane nam już ze SStpl nazwy, kontynuowane do dziś: *dychawica* s. 74, *kurcz* s. 73, *nieżyt* s. 71, *świrzb* s. 72, *zimmica* s. 78, a także *suchoty* s. 74.

Z 1534 r. pochodzi książka Stefana Falimirza «*O ziołach i mocy ich*» (1534) – pierwsza książka medyczna w języku polskim; następne książki z tej dziedziny to Hieronima Spiczynskiego «*O ziołach*» (1542); lekarza Wojciecha Oczki «*Cieplice we skle*» (1578), «*Przymiot*» (1581); Marcina Siennika «*Lekarstwa doświadczone*» i «*Herbarz*» (1568).

Polską terminologię medyczną z okresu do 1838 opracowała w czterech tomach Felicja Wysocka (Kraków 1980-2013).

Rozwój słownictwa medycznego, jaki stwierdzamy na przestrzeni wieków, jest ściśle związany z postępem nauk medycznych. To rozwój od słownictwa ściśle związanego z językiem ogólnym do terminologii, rozwój od leksemów pojedynczych do wielowyrzowych niekiedy skupień terminologicznych. I tak w wymienionych rozdziałach słowników Murmeliusza i Mymera stwierdzamy nieliczne jeszcze monosemantyczne skupienia terminologiczne, np. *czerwona niemoc* Murm 67, *niemoc wątrobną* ib. 70, *krosta nadęta* ib. 70, *żółta niemoc* ib. 70, *piaseczny kamień* ib. 71, *śpiąca niemoc* ib. 71, *zawrócenie głowy* ib. 71, *główny strup* ib. 72, *świni wrzód* ib. 75. Ten rozwój uwidacznia się we wspomnianym dziele S. Falimirza; znajdujemy tam liczne nazwy wielowyrzowe, a więc derywaty syntaktyczne (67,9% nazw) – dwuwyrzowe, a nawet już trój- i czterowyrzowe, na przykład *dna stawowa*, *wewnętrzne zapalenie*, *zatwora spodnia macice*, *boleść boku lewego*, *kurcz suchych żył*, *czas zarażenia powietrzem morowe*, *proch korzenia większej marzanny*, *wodka z liścia włoskiego orzecha* itd. – dowód precyzacji pojęć, wyrażonych w słownictwie. Wraz z rozwojem medycyny udział derywatów syntaktycznych w terminologii medycznej będzie się nieustannie zwiększał. L. A. Jankowiak wyodrębniła w słownictwie dzieła Falimirza 38 pól, ponad 90 subpól i ponad 130 mikropól. Słownictwo rodzime stanowi w tym dziele 73,3 % całości, a więc ilość ogromną; w przypisie autorka dodaje: «Gdyby włączyć derywaty od zapożyczeń do leksyki rodzimej, jej udział wzrosłby do 90,6 %» (Jankowiak 2005: 311). Część słownictwa rodzimego w dziele Falimirza to kontynuanci tradycji prasłowiańskiej, np. *bielmo*, *cyc*, *dychawica*. Zapoczątków u Falimirza jest 9,4%.

Stpl. *złe powietrze*, XVI-wieczne *morowe powietrze* po elipsie członu wyróżniającego i uniwerbizacji stanie się neosemantykiem – może jeden z pierwszych przykładów interesującego typu neosemantyki; w tej postaci i znaczeniu SPXVI w. rejestruje wyraz w 111 przekazach w wielu związkach wyrazowych i frazeologicznych; obok tego pojawia się i rozpowszechnia neologizm *zaraza* – w materiałach SPXVI w. globalnie 61 r., by od początku doby nowopolskiej zacząć ustępować miejsca *epidemia* (< fr. *épidémie* od gr. *epidēmiā*) – tę pożyczkę cytuje Linde z wymienionego już wyżej dziewięciotomowego *Dykcjonarza medycznego*, przełożonego z języka francuskiego i wydanego w latach 1783–1793 (t. II, s. 117).

Nauka. Stopień formalnego zróżnicowania, jakie stwierdzamy w słownictwie medycznym tekstu Falimirza to kontynuacja rozwoju polskiego języka naukowego, rozpoczętego

wcześnie w terminologii prawniczej i medycznej. Rozwój ten powiększa zasób terminów – jednostek monosemantycznych w polszczyźnie XVI w. W SPXVI w. leksem *nauka* zarejestrowany jest aż 6 059 r. w bliskich sobie ośmiu znaczeniach, *nauczyciel* 822 r., nawet *nauczycielka* 7 r.

Kolejny rozdział w XVI-wiecznym słownictwie naukowym to T. Kłos, *Algoritmus to jest nauka liczby* (1538) – pierwsza polska książka matematyczna; *algorjtmus* (w SPXVI w. 2 r.) z śrlac. *algorithmus* to właśnie nauka rachunku, matematyka; synonimem jest *arytmetyka* (w SPXVI w. 5 r.) z łac. *arithmētica* (Sondel 879), *matematykę* rejestruje SPXVI w. 4 r., ale w znaczeniu ‘nauki ściśle’ i ‘geometria’, także *matematyk* ‘posiadający wiedzę w zakresie nauk ścisłych’ 9 r.; Troc i Linde także jako ‘astrolog’; w omawianym mikropolu *matematyka* jako ‘nauka o rachunkach’ pojawi się wyraźnie dopiero w połowie XIX w. (1861 SWil 638).

Słownictwo z zakresu geometrii i miernictwa mieści się we wspomnianej już książce S. Grzepskiego «*Geometria to jest miernicka nauka*» (1566) – pierwszej książce geodetów polskich.

Słownictwo z zakresu pedagogiki znajdujemy w książce Erazma Glicznera «*Książki o wychowaniu dzieci*» (1558). Wówczas *wychowanie* obejmowało rozwój fizyczny i umysłowy, oprócz wspomnianego wyżej znaczenia ‘utrzymanie’. W poł. XVII w. z wychowania, pojętego wielostronnie, wyodrębni się *edukacyja*, obejmująca rozwój umysłowy i kształcenie w szkołach. Knapski (1621) zanotuje: *Pédagog stroż dziecinny, wodz, náuczyciel prywatny* (s. 704); Bandtkie (1806) pierwszy zarejestruje leksem *pedagogika* (s. 774); Linde doda leksem *pedagogia* ‘wychowywanie dzieci’ (t. IV, s. 71); *wykształcenie* pojawi się w mowach Grzegorza Piramowicza z 1776 r. ZabPrz 136, 1788 PirPow 186 jeszcze jako nomen actionis, to samo u Lindego (t. VI, s. 515) – jeszcze nie jako hasło, lecz pod *wykształcić* (t. VI, s. 515); *kształcić* ib. 532–533.

Geografia. Zróżnicowane geograficznie najłatwiej zauważyć w nazwach pól i w nazwach powinności feudalnych, a to dzięki lustracjom, pochodzącym z różnych województw. Na przykład *wzór* ‘pole zaorane’ znane mi jest tylko ze źródeł małopolskich; zjawisko geografii nazw pól pierwszy zapewne zauważył Stanisław Grzepski w swojej *Geometrii, to jest miernickiej nauce* (1566) – pierwszym vademecum geodetów polskich, gdy pisał:

O łanie. W Polsce zasię miara insza i przezwiská sá insze. W Polsce jest lán, á w Mázowszu włóká. W Polsce pręt, á w Mázowszu mórg. W Polsce zowią pólko, á w Mázowszu pręt kopány, áczci pręt kopány tóż jest co i pólko (k. K4); sim. ib. k. 2v-I3.

To pierwsza świadoma wypowiedź na temat geografii wyrazowej.

Etykieta. W XVI w. kontynuowane są formy grzecznościowe, powstałe w okresie staropolskim, szczególnie te z podstawą *miłość*; formy *Jej Miłość, Jego Miłość, Ich Miłość* skracane są do *Jejmość, Jegomość, Ichmość* itd.; forma *Wasza Miłość* występuje często w piśmie w postaci skrótu W. M., jak to tylekroć widzimy wraz z innymi formami na przykład w *Dworzaninie* Górnickiego (1566), *waszmość* w materiałach SPXVI w. 555 r. Tytułem grzecznościowym, nadawanym osobom godnym szacunku i częstym w listach i dedykacjach stał się *dobrodziej*, w SStpl jeszcze ‘beneficus’. S. Klonowic w *Worku Judaszowym* wymienia wiele form tego rodzaju: *Azaż nie często slychamy onych jedwabnych i pozłocistych słow: moj drogi, moj złoty, moje serce, moj serdeczny, moj bráćiszeńku, moj krolu, moja hołowienko, pánie brácie, przyiacielu, ojczénku, diedu?* 1600 KlonWor k. **iii.

W zasobie słownictwa XVI w. stwierdzamy także rozwój semantyczny niektórych odziczonych leksemów, na przykład: *obrok* ‘dzienny wikt’, ‘pasza dla bydła’ > ‘pasza dla zwierząt – koni w postaci owsa’, *ojczyzna* od pierwotnego ‘spadku po ojcu’ zaczyna się rozwijać w kierunku ‘kraj, w którym się urodziliśmy i wychowaliśmy’, *sklep* od pierwotnego ‘sklepienia’ do ‘lokalu sprzedaży’, *złodziej* od pierwotnego ‘czyniący zło’ do ‘kradnący’; w ślad za rozwojem semantycznym wymienionych leksemów niemal równocześnie pojawiają się formy *ojcowizna*, *sklepienie*, *złoczyńca*. W XVI w. *ciekawyy* to jeszcze ‘szybki, ruchliwy’, ‘niespokojny’, *dziewka* to w dalszym ciągu ‘dziewczyna’, ‘córka’, ‘służebna’, *przytomny* to ‘obecny’, ‘teraźniejszy, współczesny’. Dalszy znany nam rozwój nastąpi w następnych okresach polszczyzny.

Podsumowanie wieku XVI. Przedstawiony i omówiony materiał dostatecznie ilustruje wielki rozwój słownictwa w XVI w. Wydane źródła ujawniły bogactwo leksyki z różnych dziedzin praktycznego życia, np. budownictwa, górnictwa, rzemiosła. Podstawę stanowił oczywiście dorobek staropolski, kontynuowany, różnorodnie przebudowywany i rozwijany. Charakterystyczną cechą rozwoju słownictwa polskiego w XVI w. jest poszukiwanie właściwych form wyrazu (por. *sprawa albo kauza, świadectwo albo zeznanie*), ograniczanie polisemii i tendencja do monosemii, a więc precyzacja, stąd dalszy rozwój terminologii. Za konsekwencję tego trendu należy uznać liczne pożyczki łacińskie, na przykład w prawie i sądownictwie, cenne ze względu na monosemię. Rozwój słownictwa w tym okresie to nie tylko jego wzbogacenie ilościowe i jakościowe; to także wyjście z użycia wielu starych wyrazów i zapowiedź wyjścia wielu innych, np. *leść* ‘kłamstwo, obłuda’, *prza, sąpierzca, sąpierz, sąprza, wrzeciędz, wrzemię, zachodźca*; stary prasłowiański wyraz *pica* ‘żywność’ w SPXVI w. jeszcze 13 r., ale obok niego już częsta innowacja *żywność* – w SPXVI w. już 831 r.

Zauważyć należy ograniczenie wpływów niemieckich.

Wiek XVII–XVIII to kolejny okres rozwoju słownictwa polskiego. O ile wiek XVI stanowi okres wyjścia ze staropolszczyzny i nakreślenia kierunków dalszego rozwoju, to «stulecia XVII i XVIII stanowiły podstawę tworzenia się współczesnego słownictwa polskiego z całym jego bogactwem słowotwórczym i wielką liczbą wyrazów zapożyczonych» (SJPXVII–XVIII w., t. I, z. 1, s. VIII). Materiał leksykalny z tego okresu zbiera *Słownik języka polskiego XVII i pierwszej połowy XVIII wieku*, który zaczął wychodzić od 1999 r. W.R. Rzepka, członek komitetu redakcyjnego słownika, pisze we wstępie: «...dane przytoczone we Wstępie świadczą, jak głębokie i różnorodne, ilościowe i jakościowe zmiany zaszły w zasobie leksykalnym polszczyzny XVII – i XVIII-wiecznej w stosunku do epoki poprzedniej» (ib. t. I, z. 1, s. II). Fragmentem SJPXVII – 1. poł. XVIII w. jest wydany dwutomowy *Słownik języka Jana Chryzostoma Paska* (1965–1973; SPaska). Porównanie zasobu leksykalnego *Pamiętników* Paska (1690–1695) z już opublikowanymi tomami i kartoteką SXVI przekonuje, iż około 18% leksemów (co szóste hasło w SPaska) to słownictwo nowe. Znowu ogromnie wzrosła twórczość pisarska, a więc ilość źródeł. W twórczości poetyckiej I. Krasickiego język polski osiągnął rzadki poziom finezji. O ile w XVI w. powstało ok. 1600 druków, to w XVII w. ponad 5300 (SJPXVII–XVIII w. VI); wiele tekstów przeleżało jednak w rękopisach. Do znakomitych lustracji i inwentarzy przybyły równie cenne, wydawane od

niedawna testamenty szlachty, mieszczaństwa i chłopów. Z przyjętego kanonu źródeł SJPXVII–XVIII w. wyekscerpowano ponad 86 000 haseł, ukazujących bogactwo słownictwa badanego okresu. Charakterystyczną jego cechą są zapożyczenia, «które szeroką falą wlewały się w nurt polszczyzny XVII i XVIII wieku» (SPXVII-1/XVIII w., t. I, z. 1, s. VIII), przede wszystkim z łaciny – następstwo rozwoju szkolnictwa, opanowanego przez jezuitów. Przepelniony jest nimi I tom *Słownika*, zawierający hasła *od aaron – ażust*.

Pierwszym wszakże słownikiem XVII-wiecznym, gromadzącym słownictwo polskie, był w tym okresie normatywny w gruncie rzeczy *Thesaurus Polono-Latino-Graecus* jezuita Grzegorza Knapskiego z 1621 r., wydany ponownie nieco uzupełniony w 1643 r. Z XVIII w. odnotowujemy słownik Daneta (1743) i M. A. Troca (1764; Troc), drugie wydanie z 1779 r.

Zasadnicze dziedziny słownictwa, omówione wyżej, są oczywiście kontynuowane; kontynuowane są także procesy w nim zachodzące: pojawianie się innowacji słowotwórczych i semantycznych, rywalizacja między składnikami pól i mikropól, wychodzenie z użycia wyrazów z jakichś powodów słabszych i nie wytrzymujących konkurencji, zapożyczenia.

Wpływy obce. Wieki XVII–XVIII w. to w dalszym ciągu okres wpływów łacińskich – jak dawniej, tak i teraz znajdujemy je w słownictwie urzędów, prawa, nauki, oświaty – wspominaliśmy o tym wyżej; wystarczy otworzyć na przykład rozdział *O palestrze Opisu obyczajów* Kitowicza (s. 175n) czy inne teksty, by się o tym przekonać. Ale wiek XVIII to już niemal kres ich ekspansji – zapożyczone dotąd są jednak kontynuowane, pojawiają się też nowe. W czasach stanisławowskich nasiliły się wpływy francuskie, o których niżej. Podobnie kontynuowane są wpływy niemieckie; wiele ich jest od dawna w słownictwie wojskowym. Źródłem pożyczek niemieckich był tu język dowódców, doradców Niemców, zatrudnionych w najemnym wojsku polskim. W ten sposób znalazły się w języku polskim wspomniane już wyżej i wciąż kontynuowane takie na przykład stpl. wyrazy jak *rycerz*, *żold* (17 r. od XV in.), *żołnierz*, a także XVIII-wieczny *lenung* ‘żołd’ z niem. *Löhnung*. XVIII-wiecznymi innowacjami są w tym znaczeniu *gaża* z franc. *gage* i *lafa* z tur. *ulafa* ‘żołd’ (KitOpis 287, 312, 344) – ostatni leksem to przykład mnóstwa pożyczek z języka tureckiego, zebranych i opracowanych przez prof. Stanisława Stachowskiego (Stachowski 2005, 2007, 2014).

Kalendarz. W nazwach miesięcy obok powstałych w okresie stpl. i kontynuowanych do dziś form wcale nierzadko pojawiają się synonimy łacińskie, np. *september* 1673, *oktober* 1647, *nowember* 1625, 1694, *december* 1615, 1694; liczne i wyłączone są one w tekście uchwały sejmu 1786: *januar*, *februar*, *apryl*, *oktober*, *december*; nawet przymiotniki *februrowy*, *junioowy*, *septembrowy* VolLeg IX 38.

Religia. W słownictwie religijnym, najbardziej zamkniętym, w zakresie obrządku tzw. świeckiego nastąpiły najmniejsze zmiany; natomiast liczne innowacje – pożyczki z łaciny pojawiły się w słownictwie, obsługującym zakony, a to w związku z ich wielkim rozpowszechnieniem. Wiele innowacji znajdujemy w *Opisie obyczajów* Jędrzeja Kitowicza (1779–1788) w rozdziale *O stanie duchownym* (s. 110–174). Przykłady: *cela*, *cylicyja* ‘włosienica’, *erem* ‘klasztór kamedułów’, *general*, *kapelania*, *kapituła*, *kartuzyja* ‘klasztór kartuzów’, *klauzura*, *kongregacyja*, *konsultor*, *konwent*, *konwers* ‘braciszek’, *misyja*, *misyjonarz* (obydwa leksemy notowane dopiero przez Lindego), *monaster* ‘klasztór’, *nowicyjat*, *nowicyjusz*, *opat*, *palendron* ‘rodzaj sukni księżej’, *podprzeorzy*, *provincyjał*, *provincyjonal*, *prowizor* ‘zarządca dóbr klasztornych’, *przeor*, *refektarz*, *reguła*, *rekolekcyja*, *rekolektant* ‘uczestnik rekolekcji’, *seminarium*, *senior* ‘starszy zakonnik’, *socyjusz*, (Troc 2178 tak-

że *socyjuszka*), *superior* ‘przełożony’. Ze źródeł XVIII-wiecznych Oliwia Bartyzel wynotowała 1 027 leksemów, dotyczących religii i duchowieństwa (Bartyzel 2010). W 1792 r. F. Karpiński wydał *Pieśni nabożne dla ludu*; znajdujące się w zbiorze pieśni *Kiedy ranne wstają zorze, Wszystkie nasze dzienne sprawy, Bóg się rodzi* są aż dotąd śpiewane.

W omawianym okresie wskutek zniszczenia reformacji następuje regres leksyki, wypracowanej w dobie zaciętych nieraz polemik i omówionej wyżej. Z nielicznych innowacji to *dysydent* – nowe określenie niekatolików (1779 Troc 315; 1779–1788 KitOpis 124 (2 r.), 172), tradycyjnie *ewangelik*, *kalwin*, *luter* (ib. 172); liczne derywaty od *luter*, powstałe w XVI w., rejestruje Linde II 683; innowacje to *luteranin*, *luteranństwo* (z gwiazdką), *luterszczyzna*. Tylekroć obecne w pracach historycznych aż do dziś dziwaczne *innowierca* i *różnowierca* są późniejsze – *różnowierca* po raz pierwszy w słowniku Troca (1779, s. 1970), a *innowierca* w SJAMick w tekście z 1817 r.

Prawo. Słownictwo prawnicze wzbogaca się o wiele innowacji, rodzimych i – przede wszystkim – zapożyczonych z łaciny, a pod koniec XVIII w. także nieco z francuskiego. XVI-wieczne dzieła Groickiego są wciąż w użyciu, wydawane w XVII w. i ostatni raz w 1760 r.; zawarte w nich rozstrzygnięcia są cytowane w protokołach z rozpraw. W terminologię prawniczą obfitują dzieła Pawła Kuszewicza *Prawa chełmieńskiego ... ksiąg pięciore* (1623), Jakuba Czechowicza *Praktyka kryminalna* (1769) – pierwsze w języku polskim opracowanie dotyczące prawa karnego, Andrzeja Zamoyskiego *Zbiór praw sądowych* (1778), Teodora Ostrowskiego dwutomowe *Prawo cywilne albo szczególne narodu polskiego* (1784); cenny jest cytowany już *Opis obyczajów* Jędrzeja Kitowicza, także wydane przez pijarów *Volumina legum* (od 1732), zbierające prawa polskie i uchwały sejmów począwszy od *Statutów wiślickich*; w nowszych czasach wydane liczne księgi sądowe wiejskie z XVII i XVIII w. Materiał leksykalny wymienionych źródeł pozwala wnioskować, że w porównaniu z okresem stpl. i XVI w. stwierdzamy w strukturze pól znaczny rozwój, na przykład w centrum pola ‘*crimen, delictum*’, stanowionym pierwotnie przez *występek*, od końca XVIII w. zaczyna dominować *przestępstwo* (np. w OstrPr), chociaż jeszcze w pismach Mickiewicza stosunek ilościowy obu wyrazów jest 7 (*przestępstwo*) do 8 (*występek*). Pojawiła się *wiolencja* (KitOpis 205). We wspomnianym już zespole *świadeństwo*, *wyznanie*, *zeznanie* zwycięża *zeznanie*; obok tej nazwy pojawiła się *konfesata* (KitOpis 205); *złodziejstwo* ustępuje miejsca *kradzieży*; w rywalizacji z *winą* utrwała się *kara*, ustalił się *woźny* – niegdyśjszy synonim *służebnik* wyszedł z użycia. W dalszym ciągu funkcjonuje stpl. wyraz *lice* ‘dowód przestępstwa’ (od 1388), np. 1667 KsJaz 38. Obok *prokuratora* powszechny stał się *patron*, obok *plenipotenta* i *plenipotencyi* Linde notuje *pełnomocnika* i *pełnomocnictwo*. *Prokurator* zapewne pod wpływem francuskiego Kodeksu Napoleona, przyjętego w Księstwie Warszawskim, zaczął funkcjonować w znaczeniu ‘oskarżyciel’; uczestnik sporu w XVIII w. zwał się *pacyjentem* (KitOpis 199, 180, 203). Ogół oficjalistów, działających na obszarze prawa i sądownictwa, zaczął być zwany *palestrą*, a jej członkowie *palestrantami*. Wzrósł w XVIII w. zasób nazw różnego rodzaju urzędników sądowych – *kancelarystów*, *metrykantów*, następstwo rozwoju pracy kancelaryjnej, np.: ... *takowa palestra dzieliła się na regentów, wiceregentów, susceptantów i feryjantów* 1779-1788 KitOpis 175. Sędzia zaczął być zwany *mece-nasem*. *Laska* marszałkowska, którą marszałek sejmowy stukał, zamykając sesję, zyskała metonimicznie znaczenie ‘urząd marszałka’ i w tym znaczeniu funkcjonuje do dziś. Staropolski *spadek* zaczął ustępować pożyczce *sukcesyja*. Odwieczny *rok* ‘posiedzenie sądu, roz-

prawa' zaczął ustępować na korzyść neologizmu *kadencyja, sesyja*. W omawianym okresie wzrasta frekwencja leksemu *roczki* – Knapski odsyła *roczki* do *roki* (s. 961), ale w tekstach urzędowych *roczki* to termin rozpraw sądów grodzkich, np.: *Iż Roki Ziemskie y Roczki Grodzkie oraz częstokroć przypadaiąc, czynią wielką konfuzyą w sprawach obywatelów Kiiowskich, tedy ... postanawiamy, aby gdy Roki Ziemskie przypadaią, Roczki Grodzkie do drugiej kadencyi odwołane były* 1641 VolLeg IV 16; sim. 1661 ib. 329; 1673 ib. V 81 (2 r.); 1673 ib. 81 (2 r.), 85 (3 r.); 1726 ib. VI 235 (2 r.); 1768 ib. VII 342 (4 r.), etc.

W nazwach pokrewieństwa w omawianym okresie stwierdzamy stan redukcji; Knapski (1621) notuje jeszcze niektóre leksemy: *dziwierz* (s. 163), ze słownika Tucholczyka cytuje (co znamienne) *świekier* (s. 1135), *świekra* (s. 1136), *Świeść, żołwica* (s. 1136) – jako samodzielne hasła *żołwicy* nie rejestruje; inne odsyła: *Cieść vide Synowa* (s. 82); *Iątrew v. Brátowa* (s. 240); *Sneszka v. Synowa* (s. 1080). Formy *świekier, świekra* znajdujemy jeszcze w *Biblii gdańskiej* (1632). Formy *cieść, świekier, świekra, świeść, żołwica* w słowniku Troca (s. 152, 2301, 2303, 3119) należy uznać za echo Knapskiego, z którego Troc tyle zapożyczył.

Rolnictwo. W słownictwie dotyczącym uprawy ziemi obserwujemy w dalszym ciągu stan kontynuacji. *Rolnik*, wyraz do niedawna rzadki, rozpowszechnia się w XVIII w.; jest na przykład pospolity w *Panu Podstolim* Krasickiego (1778) i żywotny aż do dziś. *Włóścianin*, epizodycznie zjawiony już w 1565 r. staje się wyrazem częstym w źródłach z 2. poł. XVIII w.; w SJAMick 19 r. Obecnie historyzm. Znakomitymi źródłami słownictwa dotyczącego rolnictwa są lustracje królewskich ziem, przeprowadzane przez cały wiek XVII i XVIII, a także dzieła Jakuba Kazimierza Haura, *Oekonomika ziemiańska generalna* (1675), *Ziemiańska ekonomika generalna* (1679), *Skład abo skarbiec znakomitych sekretów oekonomijey ziemiańskiej* (1689), wielokrotnie wydawane. Ciężkie życie chłopów pańszczyźnianych opisuje *Monitor* z 1781 r. w poemacie *Chłop polski* (s. 519–524).

Częste od czasów stpl. *imienie, dobra* i dominującą w mikropolu w XVI w. innowacją w postaci leksemu *majętność* tak też kwalifikuje Knapski: *Imienie v. Mátętność* (s. 223) – powszechna w omawianym okresie *majętność* w końcu XVIII w. zaczęła ustępować miejsca leksemowi *majątek*.

Pospolite w stpl. i w XVI w. w nazwach ruchomości i nieruchomości skupienia typu *imienie ruszające, imienie nieruszające* powoli wychodzą z użycia, ale typ jest kontynuowany; częste stają się w XVII i XVIII w. *rzeczy ruchome*, np. 1617 TestEwRef 127; 1775 TestKrF 166; *dobra ruchome*, np. 1660 ib. 10 (2 r.); od poł. XVII w. pojawiają się *mobilia*, np. 1656 TestPrus 250, prawie równocześnie *ruchomość* 1667 TestEwRef 194; 1668 ib. 201 (2 r.); z lat 1736–1754 w I–II t. UIWiej 5 r.; 1777 TestChł 336 (2 r.), *ruchomizna* 1708 UIWiej II nr 4685, z lat 1708–1756 w I–II t. tego źródła 9 r.; 1718 TestChł 153; 1747 ib. 219; 1751 ib. 229; 1777 ib. 337. Wiek XVIII jest okresem rywalizacji między tymi składnikami mikropola; najczęstsze są w XVIII w. *rzeczy ruchome, dobra ruchome*, częsta jest także *mobilia*, rzadka *ruchomość*, równie nie częsta *ruchomizna*. Z rywalizacji wymienionych składników zwycięsko wyszła *ruchomość*, żywotna do dziś – tylko tę formę rejestruje 2 r. SJAMick. SWarsz kwalifikuje leksem *mobilia* jako wyraz już mało używany (t. II, s. 1019), SJPDor jako 'dawny' (t. IV, s. 779; ciekawe, ale żaden ze słowników w ogóle nie rejestruje *ruchomizny* (Zajda 2001: 423).

Miasta. Kontynuowana była organizacja miast i życie miejskie, a wraz z tym także słownictwo. W wyniku spustoszeń, dokonanych przez Szwedów, miasta znajdowały się w stanie

upadku. Stan ten rejestrują lustracje królewszczyzn i inwentarze dóbr szlacheckich. Nie bez powodu Krasicki pisze w *Monachomachii* (1778) o wyglądzie ówczesnych miast: ... *bram cztery ulomki, Klasztorów dziewięć i gdzieniegdzie domki*.

Rzemiosło, rzemieślnicy. W dalszym ciągu utrzymuje się *rzemiosło*; obok *rzemiosła* pojawia się *rękodzieło* – Linde cytuje wyraz w dwóch przekazach z końca XVIII w., chociaż przym. *rękodzielny* rejestruje już 1 r. SPXVI w.; z początku XIX w. Linde cytuje derywaty *rękodzielnia* i *rękodzielnik*, ale dominujący jest jednak *rzemieślnik*. Mnóstwo, bo aż 35 nazw rzemieślników znajdujemy w wykazie cechów poznańskich z 1626 r. (LOpPozn 71), podobnie 38 nazw w opisie Lwowa z 1661 r. (LRus II 8). Godny uwagi jest także przekaz z 1620 VolLeg III 189n. Bezcennego materiału leksykalnego z różnych rzemiosł dostarczają trzytomowe *Inwentarze miaszczan poznańskich* z lat 1528-1793. Wychodzi z użycia *tesarz*, przejęty z czeskiego i rejestrowany w SStpl 6 r., notowany jeszcze przez Knapskiego wspólnie ze *stolarzem* (s. 116); jakże często spotykamy w źródłach *teszarską robotę*, np.: *Ławy i listwy teszarskiej roboty* 1565 LWlkpKuj I 35 (4 r.); u Troca *stolarz* i *stolarstwo* (s. 2253), także *teszarz* i *teszarstwo*, ale z gwiazdką (s. 2402). Trudno byłoby wymienić znajdujące się tam słownictwo fachowe wszystkich rzemieślników.

Narzędzia. Długo w centrum mikropola utrzymuje się triada *naczynie* – *narzędzie* – *starek*, peryferycznie także *instrument*; w środowisku rzemieślników poznańskich także *wercejg* *werkcejg* *werkcajg*, od końca XVIII w. stanowczo przeważa *narzędzie*. Narzędzia stolarskie, «*Statki do rzemiosła*»: *cyrkiel*, *dluto*, *giernajza*, *grundubel*, *hebel*, *kalubel*, *kleszcze*, *klubzaga*, *laberzażka*, *piłka*, *raismudel*, *spuntubel*, *śrubcęga*, *świderek*, *toporek*, *torkularz*, *tygielek*, *warsztat*, *winkielak*, *winkilmus*, *zysmszubel* 1626 InwMPozn 403; sim. ib. I 203; *Statki teszarskie* 1735 ib. 245–246. Narzędzia złotnika: *ambusik*, *kamień do próbowania złota i srebra*, *młot*, *młotek złotniczy*, *nożyce*, *obcęgi*, *pilnik*, *pons*, *schrubstak*, *świder* 1776 InwMPozn II 122–123. Pożyczek niemieckich nie trzeba udowadniać, znajdujemy je w słownictwie fachowym każdego rzemiosła.

Nazwy narzędzi tkackich, które znajdowały się w wielu domach, znajdujemy w dziele J. K. Haura *Ziemiańska ekonomika generalna* (1679): *Naczynia do przędziwá w zwysz pomienionego tákowe máią mieć Robotnicy y Gospodarze, to iest Miądlice, Cierlice, Szcotkę grubą i cienką, kądziel, krezel, Przędziono, Wrzędziono, Prześlęc, Motowidło, Wiiądło, Koćioł, Potok y kiiankę* (s. 57). Wymienione nazwy wciąż funkcjonują w środowiskach dialektalnych, które uprawiają tradycyjną wytwórczość.

Budownictwo. Kontynuowane jest słownictwo z zakresu budownictwa; mnóstwo materiału z tej dziedziny przynoszą lustracje królewszczyzn, inwentarze, a także książki takie jak *Krótká nauka budownicza dworów, pałaców, zamków podług nieba i zwyczajú polskiego* (1659), wydana przez A. Miłobędzkiego; Stanisława Solskiego *Architekt polski* (1690), Piotra Świtkowskiego *Budowanie wiejskie* (1782). W *Krótkiej nauce* znajdujemy specyfikację: «*Compartitionem nazywają umiejętnę i rozsądne podzielenie budynku na różne do wczesnego pomieszkania gmachy, jako są sień, izby, pokoje, alkierze, komory, sale, galerie i insze*» (s. 9). Niewiele się różni ta specyfikacja od wymienionej wyżej z LWlkpKuj I z 1565 r.; por. też 1668 KsUszwi 236–239. Ciekawego materiału do słownictwa z omawianego zakresu dostarcza nieoceniony Jędrzej Kitowicz w *Opisie obyczajów*, gdy pisze: *Palace i zamki mrowane składały się zwyczajnie z dwu piętrów, rzadko gdzie ze trzech. Wewnętrzny ich rozkład był: przysionki, ganki, izby wielkie i wysokie, po narożnikach izdebki małe, alkierzyki, apteczki, kapliczki i skarbcę* (s. 507).

Górnictwo i hutnictwo. Z dziedziny górnictwa wiele terminów z zakresu wydobywania, transportu i spławu soli przynoszą *Instrukcje górnicze dla żup krakowskich z XVI–XVIII w.* Oto znajdujące się tam nazwy pracowników z 1725 r.: *beczkowy, bednarz, burtowy, cieśla, górnik, kasztowy, kieratowy, kopacz, kruszacz, krzyżowy, majster, pakownik, piecowy, rzępiowy, szybowy, trybarz, walacz, wodny, wozak, wózkowy* (s. 85–86). Zauważmy n. os. na -owy – będą one żywotne także w czasach nam współczesnych. Inni urzędnicy żup i «gór ołownych i żelaznych», niektóre z czasów stpl.: *bachmistrz, hutman, myncarz, podwarcabny, podwrotek, podźupek, rudnik, stolnik, sygor, szafarz, szopny, warcabny, ważnik, żupnik* 1673 VolLeg V 99.

Z dziedziny hutnictwa wymienimy dzieło Walentego Roździeńskiego *Officina ferraria abo huta i warstat z kuźniami szlachetnego dzieła żelaznego* (1612). Do wymienionych wyżej nazw robotników, pracujących w hucie, dodamy z Roździeńskiego dalsze: *koszytarze* ‘obsługujący piece’, *naprawcy, węgielnicy*; wyraz *huta* występuje w tekście 17 r., *hutnik* – ani razu; *kuźnik* 51 r., *kuźnica* 108 r.

Handel. W dalszym ciągu utrzymują się różne pola i mikropola, różne warstwy chronologiczne i genetyczne, wymienione i omówione w poprzednim okresie. W dalszym ciągu liczne są leksemy, oparte na rdzeniu *kup-*. *Sklep*, niegdyś ‘sklepienie’ jest już powszechnie nazwą miejsca kupna-sprzedazy. Powszechny staje się leksem *sklepienie* w pierwotnym znaczeniu *sklepu*. Liczne i cenne słownictwo z zakresu handlu zawierają uniwersały poborowe i instruktarze celne, np. 1620 VolLeg III 187–198 (np. *Rostrucharze, co koźmi kupczą* s. 190). Instruktarze wymieniają szczegółowo mnóstwo towarów, sprowadzanych z zagranicy, od których wybierano cło, np. 1646 VolLeg III 42–43; 1650 162n. Przesadą jest jednak zdanie z *Monitora: Stąd Polacy równie zdatnymi i doskonałymi jak cudzoziemcy jeszcze nie bywają rzemieślnikami* 1784 Monitor 553.

T. Ostrowski w swoim *Prawie cywilnym albo szczególnym narodu polskiego* z 1784 r. zamieszcza rozdział pt. *Miary, wagi, monety* (t. II, s. 236–256).

Odzież. Podobnie jak w wieku XVI, wciąż bardzo liczne są w XVII i XVIII w. nazwy odzieży. Z testamentów XVII i XVIII w. wynotowałem aż 141 nazw, np. *delia, dołoman, ferezyja, futro, gorset, kabat, kaftan, kapota, kontusz, liberyja, opończa, płaszcz, rańtuch, salopa, szuba, westa, żupan* (Zajda 2016). Znajdujemy w nich pożyczki niemieckie, francuskie, tureckie, węgierskie, włoskie, świadectwo kontaktów z tymi obszarami. Najważniejsze hiperonimy to *strój, suknia, szata, ubiór*; Knapski rejestruje też *ubranie: Vbranie powszechnie odzież nog* (s. 1220); w *Biblii gdańskiej* (1632) *ubranie* 1 r. w dzisiejszym znaczeniu w księdze proroka Daniela (3, 21).

Nazwy pościeli są rzadsze: *bielizna, koc, koldra, naspa, pierzyna, poduszka, poszewka, poszwa, powłoka, prześcieradło, zagłówek*. Hiperonim to *pościel*.

Militaria. W omawianym okresie liczne jest słownictwo związane z wojskowością, nazwy broni białej i palnej – rozpowszechnienie tej ostatniej znacznie zwiększyło zasób słownictwa tego działu, na przykład *armata, bandolet, działło, flinta, fuzyja, hakownica, karabela, karabin, muszkiet, pałasz, pancierz, pistolet, rusznica*; wiele z nich kontynuuje stan wcześniejszy. Kontynuantem hiperonimu jest wspomniana już *broń*. Kilkaset terminów z omawianej dziedziny zawierają dzieła *O zgromadzeniu i szkole puzszkarzów* (1622 i 1623) i *Praxis ręczna działa*, napisane przez Włocha Andrzeja dell’ Aqua, inżyniera i artylerzysty; ostatnie dzieło napisane zostało w 1625 r., ale wydane dopiero w 1969. Przykład: *O drugim*

rodzaju sztuki działa, które są kanony w baterii, półkanony, kwartany, z formacją ich, i o drugich sztukach należących do niego, i które są bękartowate, także o proporcji szufle, łoża, osi i kół 1625 Praxis 212. Prace te stanowią początek literatury artyleryjskiej w Polsce. Instruktarz celny z 1646 r. wymienia: *Rynsztunki żołnierskie, iako: Zbroie, pancerze, strzelba ręczna, pistolety, muszkiety, ruśnice, bandolety, etc., które z cudzych kraio w wprowadzają do Korony* 1646 VolLeg IV 42; stopnie wojskowe 1659 ib. 274; *Akta sejmu walnego elekcyi nowego króla rok 1674* zakazują w czasie obrad noszenia broni i posługiwania się nią, których nazwy wymieniają: *czekan, koncerz, kord, łuk, miecz, pałasz, pugińał, rusznica, strzelba, szabla, szpada, «ani inszą bronią»* (VolLeg V 133). Wiele słownictwa wojskowego z mnóstwem zapożyczeń niemieckich i francuskich zawiera *Etat woyska oboysga narodów* – obszerny dokument uchwalony przez sejm czteroletni 1788–1792 (VolLeg IX 112–132); przykład: *Jedna kompania składa się: 1 kapitan, 1 porucznik, 1 podporucznik, 1 chorąży, 1 feldfebel, 1 sierżant, 1 furyer, 8 kapralów, 2 cieśłów umiętynych, 3 doboszów, 156 gemeynow, 1 wóz 4konny kompaniczny i koń furyerski* (s. 121). *Furyer* (115, 117 (2 r.), 118n., z fr. *fourrier*), *furażyjer* (z fr. *fourrageur*, Linde I 679) to dostarczający *furaż* (z fr. *fourrage*) – żywność dla koni, czyli dawny *picownik* – wyraz ten rejestruje Linde już – jak wspomniano – z gwiazdką, tak samo leksem *pica*. Dokładny opis rynsztunku zawiera *Opis obyczajów* Kitowicza (s. 300, 304–305), także nazwy uprząży (s. 280–281).

Liczny był personel dworu królewskiego: *Inszy wszystek dwor nasz z ich domownika mi y czeladzią przyobecnę będący, iako dworzanow, pokoiowych, truckaszczych, pacholąt, medyków, muzyków, trebaczow, doboszow, piwnicznych, owieśnych, podkuchmistrznych, szatnych, odźwiernych, lokaiow, myśliwcow, ptaśnikow, cyrulików, malarzow, kucharzow, stajennych, wozowych, piechotę z ich starszemi, rzemieślników y innych sług wszystkich, iakimkolwiek imieniem nazwanych, z żonami y czeladzią ich utriusque sexus ...* 1673 VolLeg V 96.

Na dworach wielkopańskich, dorównujących królewskiemu, liczna była służba, stąd równie liczne nazwy – oto cytat z *Opisu obyczajów* Kitowicza: *Słowo «dworski» ... wyrażało pokojowego chłopca, lokaja, hajduka, pacholka, pajuka, węgrzynka, huzara, strzelca, pafia, tureczynka, tureczyna, laufra czyli bieguna, strangreta, forysia, masztalerza, kuchmistrza, kucharza, kuchtę, cukiernika, szafarza, kredencera, zgoła wszystkich ludzi służących wielkiemu panu lub pankowi małemu* 1779–1788 KitOpis 397–398. Liczne nazwy służby znajdujemy w testamencie starościny zatorskiej 1794 TestKrakF 216–217. W tym czasie w języku ogólnym obok leksemu *sługa* pojawia się *służący*; w wyniku rywalizacji *sługa* stał się wyrazem książkowym – jest wciąż stosowany we współczesnych przekładach Biblii na język polski.

Przepych dworów magnackich znajdował wyraz w bogactwie wystroju wnętrz, sprzętów i mebli. Nazwy wystroju wnętrz to na przykład *dywan, firanka, kilim, kobierzec, kotara, makata, obicie, opona, parawan, pokrowiec, zasłona*. Niektóre nazwy mebli: *kanapa, kredens, krzesło, ława, łóżko, sepet, skrzynia, stół, szafa, szkatuła, zydel* (Zajda 2016). Wyraz *mebel* z franc. *meuble* ‘mebel’ (BańkowskiEtSł II 159) pojawia się w 2. poł. XVIII w. Wiele słownictwa z omawianego zakresu przynosi wspomniany już nieoceniony *Opis obyczajów* Kitowicza, przykład: *... kawaler obślonił swój tapczan kobiercem tureckim, ścianę nad (sc. nim) obił makatą, powieszał na niej rzędy, pałasze, pistolety, fuzyje, trąbki myśliwskie, ładownice; na ziemi przy tapczanie rozciągnął niedźwiednią (sc. skórę) ...* (s. 505).

Kulinaria. Kontynuowane są nazwy żywności, która na dworach wielkopańskich zyskuje rzadki przykład wyrafinowania. Leksemy *pica* i *picownik* opatruje Linde gwiazdką; powszechna jest już *żywność*. Synonim *spiża* wyspecjalizował się w znaczeniu ‘prowiant dla wojska’, po czym wyszedł z użycia; Troc 1779: *spiża woienna, pica* (s. 2194). Świadectwem wysokiego poziomu sztuki kulinarnej w Polsce, uprawianej co prawda na dworach wielkopańskich, są dwa dzieła z końca XVII w. – S. Czernieckiego *Compendium ferculorum albo zebranie potraw* (1682) i anonimowa *Moda bardzo dobra smażenia różnych konfektów i innych słodkości* z lat przypuszczalnie 1686–1688. Obydwa dzieła, pierwsze w języku polskim książki poświęcone sztuce kulinarnej, są w setkach receptur wprost przepełnione słownictwem na sformułowane w tytułach tematy; receptury zawierają nazwy mięs pochodzących z różnych zwierząt i ptactwa, nazwy owoców, jarzyn, przypraw, potraw, dań, sprzętów kuchennych. Znajdujemy w nich różne warstwy genetyczne – oprócz wyrazów rodzimych, często rzadkich, wiele pożyczek z języków obcych. *Compendium ferculorum* było wielokrotnie wydawane – musiało wywrzeć wpływ na system polskiego słownictwa kulinarnego. Przykład: *Ozdoba potraw. ... Wolno jednak wymyślić, jaką chcesz albo rozumiesz obsączkę, ale i limonie, oliwki, kapary, cytryny, pomarańcze, rożenki wielkie i drobne, kasztany, pinelle, dachtelle, pistacje, bronelle, ślimaki, ostrygi, szparagi, pieczarki, smarze, pietruszka, koper, cebula ...* 1682 CzerComDum 100 (por. też Bochnakowa 1984).

W medycynie oprócz wypracowanych przez wieki i kontynuowanych metod leczenia polspolite było ziołolecznictwo. Na plan pierwszy wysuwa się Szymona Syreńskiego (Syreniusza) *Zielnik*, zawierający «*opisanie ... skutków i mocy ziół wszelakich*» (1613); autor opisał w *Zielniku* 765 roślin i ich leczniczych właściwości. Przykład z innego tekstu, z regionu: *Pytana, co by za ziola w tej kąpeli były, respondit: Były. Naprzód była sankta, 2. segiecz, 3. przytulia, 4. nasiężrał, 5. dziewięćsiol, 6. lebiotka, 7. ruta, 8. dzwonek i insze domowe ziola* 1659 AMalVis 218.

Nauka. Stanisław Solski w dziele *Geometra polski* (1683) zamieścił słowniczek terminów geometrycznych – «jest to pierwszy polski słowniczek terminologii naukowej»; znajdujemy w nim terminy geometryczne, w większości pożyczki z łaciny: *angul, kąt* i *węgiel* ‘kąt’, *angul ostry* ‘kąt ostry’, *angul rozwarty* ‘kąt rozwarty’, *cyrkumferencyja* ‘obwód’ i *obwód*, *polus* i *biegun* ‘wierzchołek’, *cyrkuł* ‘koło’, *wertykalny* ‘pionowy’, *dyjiameter* ‘średnica’ (Walczak 1995:139). Pod koniec okresu średniopolskiego pracuje naukowo Krzysztof Kluk, zbierając i opracowując słownictwo z zakresu zoologii i botaniki, które wyda na początku następczej doby; także Onufry Kopczyński, który w latach 1778–1783 wydał trzytomową wielokrotnie wydawaną *Gramatykę dla szkół narodowych*, a w niej terminologia językoznawcza – stworzył terminy *imiesłów, przyimek, spójnik, wykrzyknik, cudzysłów, dwukropek, przecinek, iloczas, pisownia, tryb oznajmujący, rozkazujący*, dotąd używane. Jezuita Ignacy Włodek do swojego dzieła *O naukach wyzwolonych w powszechności i ogólności* (1780) – pierwszej w Polsce próbie refleksji nad pojęciem i klasyfikacją nauk dołączył *Słownik polski dawny czyli zebranie słów dawnych zaniedbanych polskich z ich tłumaczeniem*.

Ze słownictwem z dziedziny nauki blisko związana jest leksyka z zakresu oświaty i edukacji, te zaś pozostają w ścisłym związku ze stanem szkolnictwa, w którym dominującą rolę odgrywały zakony – jezuitów, pijarów. Knapski w swoim słowniku rejestruje leksemy *student* i znany od ca 1400 *żak* (s. 1126 i 1434). Od środka 2 poł. XVII w. znajdujemy w nowo wydanych źródłach edukację: *Osobliwie starszego syna mego Jana zaklinam, ażeby ponie-*

waż mimo insze dziatki na edukacją i na wyprawę jego lożyłem... 1676 TestWlkp II 338; sim. 1696 DanDług 85. Odtąd *edukacja* jest już powszechna w źródłach XVIII w. (także *edukować* ‘kształcić’), np. w pismach S. Konarskiego i Komisji Edukacji Narodowej, w *Opisie obyczajów* Kitowicza, dopóki nie pojawi się *wykształcenie* (dopiero w SWil, 1861, s. 1971); w 1776 ZabPrz 136 wyraz ten występuje jako nomen actionis: *ku wykształceniu cnotliwych a oświeconych ludzi*; sim. 1787 PirPow 186; u Lindego VI 515 pod *wykształcić*. I. Krasicki w *Zbiorze potrzebniejszych wiadomości* (1781) podaje następującą definicję *edukacji*: *ćwiczenie młodzieży w obyczajności, naukach lub sztukach* (t. I, s. 255); *ćwiczenie* to od XVI w. ‘kształcenie’ (542 r. w SPXVI w.). W tym czasie pojawia się *oświecenie*, leksem znany co prawda od XV ex., ale w znaczeniu nowej ideologii opartej na kulcie rozumu dopiero właśnie teraz, od poł. XVIII w. Wreszcie pojawia się *oświata*, wyraz też znany już w XV w., ale w nowym, przenośnym znaczeniu od początku XVII w., a jako synonim *oświecenia* szczególnie od końca XVIII w. (Zajda 2012: 401). Wiele słownictwa z omawianej dziedziny, z organizacji szkolnictwa znajdujemy w pismach S. Konarskiego i Komisji Edukacji Narodowej, założonej w 1773 r. Przykłady: *egzaminator, humanior, infima, inspektor, kolegium, konwikt, konwiktorka, parwa, prefekt, profes, profesorium, rektor, wikt, metr, stancja, studium, wakacje, wizytacja, wizytator*, itd. W *Monitorze* z 1775 r. znajdujemy artykuł o bogactwie słownictwa polskiego, w którym autor wymienił mnóstwo złożzeń (*Monitor*, s. 424–432).

Etykieta. Wiek XVII uważa się za szczytowy w rozwoju dawnych form etykiety językowej, zapoczątkowanej już w okresie stp., ważnego fragmentu kultury narodowej (Wojtak 1999: 205). Tytułatura była wciąż zróżnicowana stanowo; chłop był określany mianem *pracowity, uczciwy*, mieszczanin *ślawny, ślawetny*, szlachcic natomiast *szlachetnie urodzony* albo krócej *urodzony*; szlachta określała się wewnątrz stanu mianem *braci*. Określenia *Wasza Miłość, Wasza Miłość Pan* i *Miłościwy Pan*, którymi pierwotnie obdarzano jedynie władcę, spospolitowały się i rozwinęły stopniowo w formy *Wasze, Waszeć, Waszmość, Waść* (te formy w *Pamiętnikach* Paska), *Waćpan*. Kontynuowano formy *Jego Miłość*, skrócone do *Jegomość*, analogicznie *Jej Miłość* do *Jejmość*, *Ich Miłość* do *Ichmość*. Pospolite są formy *pan, pani*, powstałe w okresie stpl. Powszechne są też formy *dobrodziej, dobrodziejka*.

Podsumowanie XVII–XVIII w. Koniec XVIII w., lata 80-te to koniec epoki średniopolskiej. Charakterystyczną cechą rozwoju słownictwa w tym okresie był jego wielki przyrost ilościowy. “Zasób wyrazowy doby średniopolskiej szacuje się na 50 tysięcy wyrazów” (Walczak 1995: 137). W dużym stopniu przyrost ten dokonał się dzięki zapożyczeniu; u ludzi wykształconych tego okresu i piszących pospolity był bowiem stan dwujęzyczności, najpierw długo polsko-łacińskiej, od 2. połowy XVIII w. polsko-francuskiej. Na przestrzeni wieków XVI–XVIII możemy obserwować rozwój pól wyrazowych, np. *gotowe pieniądze* – *gotowe* – *gotowizna*; *wychowanie* – *ćwiczenie* – *edukacja* – *oświecenie, oświata*; *imienie* – *mienie* – *majątność* – *majątek*; *imienie ruszające* – *ruchomość*; zdumiewa awans leksemu *kobieta*, pospolitego już w XVIII w. w języku ogólnym; I. Krasicki, mistrz słowa polskiego tego okresu zdobywa się na aforyzm: *My rządźmy światem, a nami kobiety*. Wiele wyrazów wyszło w okresie średniopolskim z użycia, np. *ciemnica* ‘więzienie’, *skot* ‘bydło’, *łoński* ‘ubiegły’, *śniedny* ‘jadalny’, *żec* ‘palić’, *dotychmiast* ‘dotąd, dotychczas’ (Walczak 1995: 137); leksemy *ciemnica, śniedny, świekier, świekra* znajdujemy jeszcze w *Biblii gdańskiej* (1632); inne zmieniły znaczenie, np. *ciekawyy, dziewka, prokurator, sklep, obrok, złodziej*. Obok *występek* pojawił się konkurent w postaci *przestępstwo*. W tekście S. Konarskiego “O

sztuce dobrego myślenia...” (1767) na dwóch sąsiadujących ze sobą stronach znajdujemy po 2 r. leksemy *ojczyzna* i *ojcowizna* w nowym i żywym do dziś znaczeniu. *Wniosek* występuję w swoim etymologicznym znaczeniu: *Która to małżonka moja, że wniosła do mnie w gotowości i ruchomych rzeczach sumę zł. pol. 1000 i ten wniosek ginąć jej nie powinien* 1751 DanDług 179. *Wychowanie* i *ćwiczenie* (umysłowe) zastąpiła *edukacja*.

Wyrazy, zdeterminowane środowiskowo, dialektyzmy, tworzyły warstwę, funkcjonującą równolegle do warstwy leksyki języka ogólnego. W tym związku warto zauważyć, że w *Księdze złoćwinców sądu kryminalnego w Wiśniczu (1629–1665). Acta maleficorum Visniciae*, wydanej przez W. Uruszczaka (2003) znajdujemy liczne dialektyzmy pasterzy karpaccich, np. *baca, bryndza, gazda, koliba, żętyca*.

Godzi się zauważyć, że dawne formacje typu *podsedek*, w których prefiks *pod-* pełnił funkcję opozycjonowania stopni urzędniczych (nadrzędny – podrzędny) zastąpiony zostały przez typ *wicegierent, wiceprezydent* z przedrostkiem *wice-*, rejestrowany w dziewięciu leksemach już w słowniku Troca (1779, s. 2622).

Słownictwo doby nowopolskiej. Za dolną granicę doby nowopolskiej uznaje się lata 80-te XVIII w. – początek modernizacji pod wpływem ideologii Oświecenia różnych dziedzin życia polskiego, że wymienimy powstanie Komisji Edukacji Narodowej (1773). Przez cały ciąg nowej epoki słownictwo kształtowało się i rozwijało w złożonych warunkach historycznych, w sytuacji zmian politycznych, społeczno-gospodarczych, kulturalnych – upadek państwa polskiego w końcu XVIII w. i jego odrodzenie po I wojnie światowej, ograniczanie roli języka polskiego pod zaborami, rozwój kapitalizmu od 2. poł. XIX w., a po II wojnie światowej socjalizmu; na to nakładał się od lat 70-tych XIX w. – “wieku pary i elektryczności” gwałtowny rozwój różnych dziedzin nauki i techniki, technologii, elektryfikacja, intensyfikacja produkcji przemysłowej i form życia społecznego, polityki, prasy, radia, telewizji, sportu, turystyki, fotografii, filmu itp., nie mówiąc o kolejnictwie – linię kolejową Warszawa-Wiedeń zaczęto budować od 1845 r.; SWil (1861) pierwszy rejestruje leksem *parowóz* – kalkę z niem. *Dampfswagen* (s. 971). Rozwój słownictwa odzwierciedlał te warunki i procesy; od tego czasu przyrost słownictwa obejmuje przede wszystkim rozwój leksyki specjalistycznej czyli terminologii; dzięki powstaniu i rozpowszechnieniu różnych form masowego przekazu uczestniczyły w nim szerokie rzesze odbiorców i użytkowników języka. D. Buttler uważa schyłek XIX w. za “okres ogólnej modernizacji słownictwa” (Buttler 1978: 251). Z użycia wychodziły stare wyrazy, pojawiały się nowe. Po rozbiorach mnóstwo leksemów, związanych z dawnym życiem polskim i państwowością stało się historyzmami, zasilającymi słownictwo bierne, np. nazwy urzędników, nazwy powinności; wykorzystują je obficie autorzy powieści historycznych. Historyzmami stały się po zniesieniu pańszczyzny w 1864 r. takie leksemy jak na przykład *pańszczyzna, poddaństwo, poddany*. Niektóre dawne terminy restytuowano po odzyskaniu niepodległości. W nowszych czasach na początku rozwoju elektronicznych urządzeń przetwarzania danych nazywano je w polszczyźnie *mózgami elektronicznymi, maszynami cyfrowymi*, by wreszcie zastąpić pożyczką *komputer*; i znowu jako następstwo seria derywatów *komputerowiec, komputerowy, komputeryzacja, komputeryzować, komputerzysta, komputerzystka*, innowacji w rodzaju *komórka* ‘rodzaj telefonu’, *smartfon, tablet*. Pojawiających się innowacji z zakresu techniki i technologii nie nadążają notować słowniki.

Zbiory słownictwa. Słownictwo doby nowopolskiej dokumentują słowniki. Na samym początku XIX w. ukazały się dwa: liczący blisko 2 tys. stron *Słownik dokładny języka polskiego i niemieckiego do podręcznego używania dla Polaków i Niemców* Jerzego Samuela Bandtkiego (1806), i sześciotomowy *Słownik języka polskiego* Samuela Bogumiła Lindego (1807–1814), 2. wyd. 1854–1860. Szczególną wartością, zachowaną do dziś, odznacza się słownik Lindego – pierwszy polski słownik historyczny i wielkie osiągnięcie leksykograficzne w skali europejskiej. Słownik Lindego zawarł około 60 000 tysięcy haseł, wyjętych ze źródeł od poł. XVI w. do początku XIX w. Następnym słownikiem jest *Dokładny słownik polsko-niemiecki* Krzysztofa Celestyna Mrongowiusza (1835); przy zbieraniu słownictwa autor wykorzystał, jak sam pisze we wstępie, źródła naukowe i literackie. Słownictwo Mickiewicza, wielkiego twórcy słowa, zgromadził jedenastotomowy *Słownik języka Adama Mickiewicza*, opracowany współcześnie w latach 1962–1983. W 1861 wyszedł, opracowany przez zespół pod kierunkiem Aleksandra Zdanowicza, *Słownik języka polskiego*, zwany od miejsca wydania wileńskim; ma on charakter podręczny i zawarł w sobie około 110 000 haseł, zgromadzonych ze źródeł od pocz. XIX w. Równie podręcznym był zawierający około 50 000 haseł *Słownik języka polskiego*, opracowany przez E. Rykaczewskiego (1866). Z 1885 r. pochodzi pierwszy polski *Słownik synonimów polskich*, opracowany przez biskupa Adama Krasińskiego. Dokumentuje on stan i bogactwo synonimiki polskiej 2. poł. XIX w. Wielkim osiągnięciem leksykografii polskiej omawianego okresu jest *Słownik języka polskiego*, tzw. warszawski, wydany w ośmiu tomach w latach 1900–1927 pod red. Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego; jest to prawdziwy thesaurus słownictwa polskiego – gromadzi słownictwo z wszelkich źródeł od staropolszczyzny począwszy aż do początku XX, bez żadnej selekcji, w sumie ok. 270 000 haseł, w tym także gwarowych. W badaniach leksykalnych trudno znaleźć wyrazy, których by w SWarsz nie było, zdarzają się jednak czasem takie wypadki. Karol Stadtmüller (ojciec) i Karol Stadtmüller (syn) opracowali *Słownik techniczny*; część niemiecko-polska zawierała 120 tys. haseł (1913), część polsko-niemiecka (1936). Karol Stadtmüller (ojciec) w latach 1921–1925 wydał także *Słownictwo rzemieślnicze* – wielkie dzieło, gromadzące terminologię techniczną wszystkich rzemiosł. W latach 1958–1969 ukazał się w jedenastu tomach znakomity historyczny w gruncie rzeczy *Słownik języka polskiego* pod red. W. Doroszewskiego, gromadzący słownictwo w ilości 120 000 haseł ze źródeł od 2. poł. XVIII w. (a więc w przybliżeniu początku doby nowopolskiej) do czasów współczesnych. Wszystkie cytaty są udokumentowane i podawane w kolejności od współczesnych do najdawniejszych. Wymienić należy dwutomowy *Słownik frazeologiczny języka polskiego* Stanisława Skorupki (1967–1968). Na szczególną uwagę zasługuje seria siedmiu tomów opracowań, poświęconych różnym działom słownictwa w twórczości Stefana Żeromskiego: t. I wstępny (oprac. K. Handke), t. II Przestrzeń (oprac. K. Sobolewska), t. III Dom (oprac. E. Sękowska), t. IV Świat dźwięków (oprac. B. Bartnicka), t. V Świat barw (oprac. K. Handke), t. VI Walka, wojna, wojskowość (oprac. R. Handke), t. VII Myśl i mowa (oprac. H. Sędziak) (Kraków 2002).

E. Kwapien w książce *Kształtowanie się zasobu leksykalnego polszczyzny XIX w.* (2010: 82–85) na podstawie danych słowników stwierdziła, że w XIX i na początku XX w. polszczyznę wzbogaciło 6 706 innowacji leksykalnych (rzeczowników).

Wpływy obce. Od 2. poł. XVIII w. nasiliły się wpływy języka francuskiego, a więc języka nowożytnego, zapoczątkowane już w XVII w.; dotyczyły one różnych dziedzin życia,

np. “teatru i literatury, życia dworskiego i salonowego, stroju, wyposażenia wnętrz, ogrodów, wojskowości” (Walczak 1995: 219). Język francuski stał się modny – uczyło go wiele guwernantek i guwernerów. Wpływy te, ograniczone początkowo do środowiska arystokracji, upowszechniły się w XIX w., stąd żywe do dziś liczne pożyczki, np. w zakresie mody: *biżuteria, dekol, kostium, pasmanteria, peleryna, szal*; kuchni: *baleron, koniak, krem, szampa, omlet*; wojskowości: *armia, defilada, dywizjon, eskorta, manewry, żandarm*; sztuki i literatury: *atelier, ballada, beletrystyka, felieton, gobelin, pejzaż, plener, reportaż*; teatru: *ekran, estrada, festiwal, konferansjer, kurtyna, rewia*, itd. itd. Zapożyczenia w słownictwie administracyjnym, politycznym, dyplomacji, np. *afery, ankieta, attache, biuro, biuletyn, departament, etat, negocjacje, raport*; w życiu gospodarczym: *asortyment, bankrut, bilon, renta*; “w terminologii naukowej i technicznej – *busola, inżynier, klisza, rezerwuuar, sonda*, wreszcie w codziennej polszczyźnie potocznej (*adres, awans, awantura, bagaż, klika, krety, notes, peron, plaża, szansa, szantaż*)” (Walczak 1995: 220–221).

D. Buttler stwierdza cofanie się wpływów łacińskich w ciągu XIX w.; niektóre – niegdyś częste – zastąpione zostały przez odpowiedniki polskie, np. *gradus – stopień, ekspens – wydatek, konsolacja – pociecha* (Buttler 1978: 98).

W czasie rozbiorów język polski zmuszony był funkcjonować w sytuacji upośledzonej; mimo to wspaniale rozwinęła się przecież literatura, nośnik języka – słownictwa i stylu. Naturalną kolejną rzeczą polszczyzna przejmowała leksemy państw zaborczych, a więc niemieckie i rosyjskie. Niemieckie szczególnie w języku mówionym środowisk gwarowych i w kontaktach nieoficjalnych Polski północnej i południowo-zachodniej, np. *fest* ‘dobrze’, *furt* ‘ciągle’, *geszeft* ‘podejrzany interes’. W języku ogólnym pożyczek było niewiele; pojawiły się natomiast dosłowne tłumaczenia niektórych niemieckich złożzeń czyli kalki; uważa się za nie na przykład takie leksemy jak *czasopismo* < *Zeitschrift*, *listonosz* < *Briefträger*, *parostatek* < *Dampfschiff*, *parowóz* < *Dampfwagen*.

Wpływy rosyjskie znajdujemy w tekstach A. Mickiewicza (około 40), np. *czynownik* ‘urzędnik’, *dacza* ‘letnisko’, *knut* ‘kańczug’, *prokuror* ‘urzędnik sprawujący nadzór sądowy’, *samodzierzca* ‘monarcha absolutny’, J.I. Kraszewskiego, np. *krasawica* ‘piękna kobieta, dziewczyna’, *odstawka* ‘dymisja’, *pokupka* ‘sprawunek’, *turma* ‘więzienie’, *ukaz* ‘dekret’, B. Prusa, np. *dzieło* ‘sprawa w sądzie’, *podriad* ‘dostawa’, *prykaszczyk* ‘subiekt’, *swolocz* ‘człowiek podły, nikczemny’ itd.

Pożyczki angielskie pojawiły się w polszczyźnie najpóźniej – słownik Lindego rejestruje ich zaledwie kilka (np. *foder* ‘rodzaj beczki’ (t. I, s. 660), *foksal* ‘zabawa wieczorna ogrodna’ (t. I, s. 669), *mops*, zdrobnienie *mopsik* ‘mały piesek’ (t. III, s. 156). Liczniej zaczęły napływać pod koniec XIX w., a szczególnie po odzyskaniu przez Polskę niepodległości, czemu sprzyjał rozwój stosunków dyplomatycznych, kontaktów handlowych, emigracji, sportu i turystyki. Już SWarsz rejestruje leksemy: *finisz, kort, lider, rower, sport, strajk, trener, trening*. Dalsze przykłady z tego okresu: *bekon, bridż, bobslej, mecz, pulower, spiker, stoper, sztorm*.

Religia i prawo. W dziedzinie religii – systemie najbardziej zamkniętym i od wieków lekсыkalnie ustabilizowanym kontynuowany jest dorobek przeszłości; jest to więc system tradycyjnie bardzo ograniczony i niewiele przybyło innowacji. Powszechne od czasów staropolskich *kazanie* jest wypierane w czasach nam współczesnych przez leksem *homilia*, zarejestrowany już w SSłpl w postaci *omelija*. W XIX w. według badań Eweliny Kwapiień,

opartych na danych słowników, pole ‘człowiek i Bóg’ mieści się wśród kilku zespołów obejmujących najmniej jednostek leksykalnych (Kwapien 2010: 85). Zespół ‘człowiek a instytucja państwa’, mieszczące w sobie pola ze słownictwem z zakresu: urząd, państwo, polityka, wojsko, sąd (a więc prawo), własność znajduje się na trzecim miejscu pod względem liczebności składników. Na pierwszym miejscu znajduje się zespół ‘człowiek w społeczności’, gromadzące w różnych polach słownictwo z zakresu stosunków międzyludzkich, służbowych, ogólnospołecznych, zachowania, zwyczajów, sportu i rozrywki.

Rolnictwo tradycyjnie korzystało z dorobku przeszłości. Natomiast nowoczesne intensywne rolnictwo przyniosło nowe technologie i mnóstwo leksykalnych innowacji, szczególnie w nazwach maszyn i urządzeń technicznych, metodach uprawy, np. *glebogryzarka, kiszonka, kombajn, kosiarka, kultywator, płodozmian* – ten ostatni termin notuje jako pierwszy 1861 SWil, 1030. W słowniku Lindego *gleba* to ‘gruda ziemi, ziemia, grunt’ (t. II, s. 51), dla SJPdor *gleba* to już ‘wierzchnia warstwa skorupy ziemskiej, stanowiąca podłoże życia roślin; grunt, pole, ziemia orna, ziemia’ (t. II, s. 1137); stąd zarejestrowane przez słownik *gleby ciężkie, gleby lekkie, gleby zimne, gleby ciepłe, gleby kwaśne* itd.; w ślad za tym pojawia się seria derywatów: *glebostan, glebotwórca, gleboznawca, gleboznawstwo, profil glebowy*.

Trudno byłoby wymienić innowacje z dziedziny rzemiosła i przemysłu – przyniósł je wspomniany już rozwój techniki i technologii; 2 poł. XIX w. to rozwój górnictwa, hutnictwa, przemysłu metalowego i przetwórstwa, wykorzystującego maszyny; innowacje leksykalne w tej dziedzinie należą do słownictwa specjalistycznego. *Przemysł* w słowniku Lindego to jeszcze ścisły związek z czas. podstawowym *przemysłać*: ‘przemysłowanie czynne nad zarobkiem, handlem, gospodarstwem’ (t. IV, s. 557), ale w SWil (1861) to już ‘ogólna nazwa wszelkiego zastosowywania pracy i czynników do produkcji, w rzemiosłach, rolnictwie, handlu’ (s. 1246). W dalszym ciągu utrzymywała się tradycyjna wytwórczość rzemieślnicza, kontynuująca równie tradycyjną technologię. W terminologii rzemieślniczej liczne były długo utrzymujące się pożyczki z języka niemieckiego – były, bo po II wojnie w warunkach zorganizowanego i odgórnie zarządzanego szkolnictwa zawodowego wyeliminowano je, zastępując tworam rodzimymi, np. w terminologii rzemiosła stolarskiego, mnie osobiście rodzinnie najbardziej znanego: *abrykterka > wyrówniarka, banzega > piła taśmowa, canubel > drapień, cyrkularka > piła tarczowa, fajla > pilnik, hebel > strug, kranc > wieniec, rabanek > spust, raszpla > zdiernik, rufant > plecy* itd. itd. Niektóre pożyczki w ogóle zniknęły wskutek rozwoju technologii, np. *kalboki* ‘prasa na kliny’, *labcyngi* ‘ściski drewniane na kliny’, *ślajstrok* ‘urządzenie do ostrzenia narzędzi’ – nie notowane w słownikach.

Nauka. W dziedzinie nauki na samym początku doby nowopolskiej słownictwo przyrodnicze wzbogacił Jan Krzysztof Kluk (1739–1796), a to dzięki w sumie 13 tomów swoich dzieł z botaniki, zoologii i rolnictwa, wydanych w latach 1777–1785; uważa się, że Kluk jest twórcą nazw dla 361 roślin. Zebrane przez Kluka słownictwo wywarło wielki wpływ na rozwój polskiej leksyki przyrodniczej, jako że niektóre jego dzieła miały po kilka wydań, utrwały więc zawarty w nich stan. Podobnie Jan Śniadecki (1756–1830) był twórcą polskiej terminologii matematycznej i astronomicznej, a jego brat Jędrzej (1768–1838) stworzył polskie słownictwo chemiczne. W dziele Grzegorza Piramowicza *O powinnościach nauczyciela* (1788) znajdujemy wiele słownictwa dotyczącego nauki i kształcenia. Z nauką związane są postępy w medycynie. Nieustanne poznawanie organizmu człowieka powodowało oczywiście rozwój terminologii medycznej. Widzieliśmy to już w okresie staropolskim.

W latach 1783–1793 wydano dziewięciotomowy *Dykcjonarz powszechny medyki, chirurgii*, przełożony z języka francuskiego. W okresie nowopolskim dążono do ujednoczenia terminologii jako jednego z warunków postępu w medycynie i terapii; następuje więc dalszy rozwój. Szczególne miejsce w tej pracy zajmuje *Słownik anatomiczno-fizjologiczny* Józefa Majera i Fryderyka Skobla z 1838 r., oparty na bogatej literaturze przedmiotu. Autorzy nie tylko zgromadzili w swoim dziele ogrom terminologii medycznej, ale ją wartościowali pod względem poprawnościowym, dzięki czemu ich słownik ma charakter normatywny. Rozwój terminologii medycznej jako następstwo rozwoju medycyny, a więc rozwój poznania w tej dziedzinie prowadził od nazw jednowyrazowych do wielowyrazowych, o czym już wspominaliśmy przy Falimirzu; pewne fakty chorobowe zwano więc pierwotnie na przykład *prostata*, *sutki*, po czym stwierdzono, że wszystkie one pełnią funkcję wydzielania zewnętrznego i wewnętrznego i stąd nazwy dwuczłonowe – derywaty syntaktyczne *gruczoł krokowy*, *gruczoły sutkowe*, *gruczoły mleczne*, *gruczoł łzowy*, *gruczoł potowy*, *gruczoł ślinowy*, itd.

Militaria. W dziedzinie wojskowości w języku ogólnym w okresie zaborów funkcjonowało słownictwo odziedziczone czynne (np. *armata*, *karabin*, *piechota*, *szabla*, *wojsko*, *żołnierz*) i bierne (np. *husaria*, *miecz*, *rycerz*, *zbroja*), opatrywane w słownikach stosownymi kwalifikatorami; znajdujemy je w powieściach historycznych. Mimo braku niepodległości i własnej armii w słownictwie wojskowym następował jednak pewien rozwój, na przykład w XIX w. *husarie* zastąpiła *jazda*, *kawaleria*, *konnica*. Armie państw zaborczych miały swoje słownictwo. Sytuacja zmieniła się po odzyskaniu niepodległości w 1918 r.; ożyło słownictwo czynne, wzbogacane nowymi nabytkami.

XX wiek to okres burzliwego rozwoju słownictwa polskiego. Nastąpił on przede wszystkim w dziedzinie terminów. Powstały zupełnie nowe i nieznane przedtem dziedziny techniki i nauki, a te, które były już znane, rozpowszechniły się – fotografia, elektrotechnika, motoryzacja, lotnictwo, radio, telewizja, telefon, atomistyka, kosmonautyka; nauczanie szkolne, a więc uczestnictwo w języku ogólnym stało się powszechne i obowiązkowe. Coraz więcej ludzi zaczęło być uczestnikami tych dziedzin i korzystać z nowych wynalazków, a więc przyswajając sobie stosowne słownictwo.

Po odzyskaniu niepodległości w 1918 r. powstała pilna potrzeba terminologii w dziedzinie administracji państwowej i prawa, by scalić rozbite i zniewolone przez zaborców przez ponad wiek ziemie polskie. Sięgnięto do zasobu słownictwa dawnej Polski i ożywiono niektóre dawne terminy, np. *asesor*, *chorąży*, *komornik*, *ławnik*, *marszałek*, *pisarz*, *poseł*, *powiat*, *referendarz*, *sejm*, *sejmik*, *sekretarz*, *senator*, *sędzia*, *starosta*, *wojewoda*, *województwo*, *wójt*. Oskar Balzer postulował wznowienie także takich nazw jak *instygator*, *kanclerz*, *podśudek*, *podskarbi*, *podstarości* (Balzer 1920); typ nazw z przedrostkiem *pod-*, wyznaczającym niegdyś pozycję niższą, był już jednak od 2. poł. XVIII w. nieproduktywny i zastępowany przez typ z przedrostkiem *wice-* a więc na przykład już nie *podwojewodzi*, ale *wicewojewoda*, nie *podstarości* ale *wicestarosta* itd. (p. wyżej).

Kolejny etap rozwoju nastąpił po II wojnie światowej, kiedy to w warunkach Polski Ludowej nastąpił intensywny rozwój przemysłu, oświaty, nauki i kultury. Rzeczywistość ujawniała dotychczasowe zacofanie kraju, a słownictwo odzwierciedlało zmiany i procesy intensywnego rozwoju. Wiele leksemów, związanych z dawnymi formami życia, na przykład *dziedzic*, *ekonom*, *fabrykant*, *fornal*, *majątek ziemski*, *ochronka*, *rządca*, *włodarz*, *ziemianin* odeszły w przeszłość. W omawianym okresie w języku ogólnym powstały dziesiątki tysięcy

nowych wyrazów – znaków nowych czasów i setki tysięcy terminów naukowych, technicznych, zawodowych (T. Smółkowa 2001: 397–398). Ocenia się, że już po opublikowaniu SJPDor polszczyznę wzbogaciło ponad 30 tysięcy wyrazów. Trudno byłoby wymienić wszystkie dziedziny innowacji; wskażemy tylko niektóre i zauważymy ogólne tendencje i prawidłowości w rozwoju słownictwa omawianego okresu.

Na czoło innowacji wysuwają się nazwy osobowe – nowe specjalności zawodowe musiały powołać do życia nowe nazwy. Przykłady: *behapowiec* ‘instruktor BHP, tzn. bezpieczeństwa i higieny pracy’, *kaowiec* ‘organizator imprez kulturalno-oświatowych w zakładach pracy, na wczasach’, *lewicowiec*, *montażowiec* ‘specjalista w dziedzinie montażu’, *panowiec* ‘pracownik PAN’, *pomowiec* ‘pracownik POM czyli Państwowego Ośrodka Maszynowego’, *zaopatrzeniowiec* ‘pracownik zajmujący się zaopatrzeniem zakładu pracy w potrzebne do produkcji materiały’ itd. itd. Formy te ilustrują nowy, produktywny typ słowotwórczy na *-owiec* w nazwach osób; usunęły one w cień dawny typ na *-arz*, np. *drukarz*, *garbarz*, *kolejarz*. Inny produktywny typ słowotwórczy to formacje na *-owy*, np. *aparaturowy*, *dźwigowy*, *kruszarkowy*, *mieszarkowy* – liczne nazwy tego typu wymieniliśmy już wyżej, cytując materiał z *Instrukcji górniczych dla żup krakowskich* z 1725 r.

Formacje te, jak widać, ze względu na wąski zakres znaczeniowy, odznaczają się precyzją. Zjawiska precyzji – cechy współczesnych innowacji specjalnych dowodzą także nazwy statków: *dziesięcioletnik*, *gazowiec*, *kontenerowiec*, *masowiec*, *owocowiec*, *rudowęglowiec*, *tankowiec*, *zbożowiec* itd. Wszystkie one stanowią pole wyrazowe ‘statek’ – ta nazwa – *statek* – dawniej wystarczała, dziś już nie; stała się hiperonimem pola (Zajda 1996: 504). Podobnie nazwy budynków: *biurowiec*, *falowiec*, *galeriowiec*, *klatkowiec*, *mrówkowiec*, *punktowiec*, *szybkościowiec*, *wieżowiec* itd.; *plomba* ‘nowy budynek w sąsiedztwie istniejącej zabudowy’. Rezultatem tendencji do precyzji i systematyzacji w systemie oświaty może być też *przedszkole* w miejsce dawnej *ochronki*, stąd znowu seria derywatów *przedszkolaczek*, *przedszkolak*, *przedszkolanin*, *przedszkolanka* – wszystkie te leksemy rejestruje SJPDor dopiero z okresu po II wojnie. Każdy fakt, każdy wynalazek znajduje natychmiast swoje odzwierciedlenie w słownictwie; por. np. *wiertarka* > *wiertarka elektryczna* > *wiertarka elektryczna udarowa* > *udarówka* > *udar*.

Rezultatem tendencji do precyzji są złożenia w rodzaju *asfaltoguma*, *elanobawelna*, *pianobeton*, *piaskarkosolarka*, *smologazobeton*, *styropian*, *zlewozmywak*, *żużlogips*. Jakżeż precyzyjne są to nazwy! Ale całe dotychczas omówione słownictwo jest rezultatem precyzji, której stopień wynikał i zawsze wynika z istniejącego stanu wiedzy i praktyki. Dowodzą tego zarejestrowane już w SStpl derywaty syntaktyczne typu *prawo magdeburskie*, *prawo miejskie*, *prawo polskie*, *prawo rycerskie*, itd. Konstrukcje tego typu “zapewniają maksymalną jednoznaczność, co w terminologiach jest podstawowym postulatem” (Zajda 1996: 508).

Tendencja do precyzji w nominacji szczególnie dochodzi do głosu w czasach najnowszych, a to w sytuacji wielkiej intensywności pracy umysłowej, w której interpretacja zjawisk i ich klasyfikacja tak ważne zajmują miejsce. “Dąży się do maksymalnej adekwatności formacji wobec często złożonego, skomplikowanego współczesnego pojęcia” (Zajda 1996: 505).

“A więc geneza wzrostu ilościowego i jakościowego słownictwa tkwi albo w intensywnym poznawaniu rzeczywistości i jej interpretacji, albo w intensywnym zmienianiu tej rzeczywistości w drodze działalności praktycznej. Między tymi dwoma czynnikami istnieje

sprężenie zwrotne” (Zajda 1996: 503). “Upowszechnienie się tendencji do precyzji to przejaw intelektualizacji słownictwa. Jest to bardzo wielkie osiągnięcie w jego rozwoju w ciągu ostatnich kilku dziesiątków lat” (Zajda 1996: 511).

Odwrotnym do precyzji zjawiskiem rozwoju współczesnego słownictwa polskiego jest tendencja do skrótu, a więc do ekonomii wysiłku językowego, stąd pospolite formy zuniwerbizowane takie jak *drogówka* ‘policja drogowa’, *handlówka* ‘szkoła handlowa’, *komórka* ‘telefon komórkowy’, *motorówka* ‘łódź motorowa’, *ogólniak* ‘liceum ogólnokształcące’, *osobówka* ‘pociąg osobowy’, *pasażer* ‘pociąg, statek pasażerski’, *poprawczak* ‘dom poprawczy’, *wypoczynek* ‘komplet mebli do pokoju wypoczynkowego’; łatwo zauważyć, że proces ten prowadzi niekiedy do homonimii i polisemii. Liczne są skrótownice w nazwach firm, np. *PKP*, *PKS*, *Elwro*, *Pafawag*, *Stolbud*; osobliwą formą jest całkiem współczesna *manifa* < *manifestacja*. Zauważmy, że leksemy, będące rezultatem tendencji do skrótu są najczęściej zdeterminowane socjolingwistycznie, np. *komórka*, *osobówka*, *ogólniak*, *poprawczak*, *uda-rówka* (p. wyżej) i używane są w języku mówionym, a więc w sferze *parole*, która żyje własnym życiem.

Rezultaty dwóch omówionych tendencji znajdujemy we wszystkich dziedzinach współczesnego słownictwa polskiego.

Obserwować można przenikanie terminów technicznych do języka ogólnego: *dźwignia postępu*, *kalejdoskop wrażeń*, *kuć żelazo póki gorące*, *mechanizm zmian* itd. (Bajerowa 1980: 49–50).

Oprócz nazw osób, nazw z dziedziny techniki, nauki, polityki liczne jest we współczesnej polszczyźnie słownictwo różnych rodzajów sportu i turystyki. W dziedzinie słownictwa sportowego występują wyrazy rodzime i zapożyczone; nazywają one rodzaje sportu, sportowców, różne szczegóły ćwiczeń i zawodów. Rodzime powstały w wyniku wszystkich znanych nam form wzbogacania słownictwa; derywaty słowotwórcze odznaczają się bogactwem formalnym, np. *boisko*, *dobieg*, *koszykówka*, *łyżwiarz*, *napastnik*, *narciarz*, *oszczepnik*, *przysiad*, *rozbieg*, *rozkrok*, *saneczkarz*, *siatkówka*, *skoczek*, *skocznia*, *szczypiorniak*, *trójkrok*, *wyprost*, *zawodnik*, itd. itd. Bardzo liczne są zapożyczenia ze wszystkich niemal języków europejskich, najliczniejsze w dalszym ciągu z języka angielskiego, np.: *debel*, *doping*, *dżudo*, *futbol*, *gokart*, *golf*, *hokej*, *rajd*, *remis*, *singiel*, *sparing*, *trening*, *faul*, *walkover*, itd. itd. (J. Ożdżyński 1970).

Zauważyć możemy mnożące się seryjnie neologizmy – na przykład nazwy imprez, oparte na wzorze, jakim była i jest *olimpiada*: *blazenada*, *familiada*, *parafiada*, *wampiriada*, *żakinada*; podobnie: *pogodynka*, *wieczorynka*, *zegarynka*.

Od czasu transformacji ustrojowej i otwarcia się na zachód, czyli od 1989 r. obserwujemy prawdziwą inwazję pożyczek angielskich; por. np. *biznes*, *biznesmen*, *cathering*, *chipsy*, *design*, *fan*, *keczup*, *kemping*, *lobby*, *market*, *marketing*, *menedżer*, *mobing*, *news*, *ranking*, *serwis*, *show*, *skaner*, *sponsor*, *trend* itd. itd. Uderzające, że niektóre zastąpiły zadomowione już nazwy, najczęściej rodzime – *interes*, *wzór*, *miłośnik*, *przywódca*, *dom towarowy*, *zarządca*, *widowisko*, *usługa*, *kierunek*. Pożyczki angielskie wdzierają się do języka ogólnego, np. *hejt* ‘nienawiść’, słyszane kilka razy w TV.; do systemu języka, por. np. nierzadkie nazwy typu *biznes tydzień*, *Kredyt Bank*, *ogród system*.

Rezultatem wspomnianego otwarcia się na zachód, na Europę są też w najnowszej polszczyźnie coraz częstsze innowacje z przedrostkiem *euro-*, np. *eurobiurokracja*, *eurocen-*

tryzm, euroczek, euroentuzjasta, eurogrupa, eurokrata, euromarket, euroobligacja itd., których nie notuje SJPdor.

Po restytucji kapitalizmu w Polsce odżyły dawniej funkcjonujące wyrazy takie jak na przykład *akcja, akcjonariusz, bankructwo, bezdomny, bezrobocie, bieda, biedny, bogaty, fabryka, firma* (w PRL *zakład pracy*), *gielda, burmistrz, dywidenda, makler, upadłość, syndyk*. Podobnie *czesne, lombard, saksy, strajk* (Smólkowa 2001: 20).

Wielkiemu rozwojowi słownictwa towarzyszy równoległy proces wychodzenia z użytku wielu dawnych wyrazów i zapominania ich; SJPdor za takie wyrazy kwalifikuje na przykład *abszyt* ‘zwolnienie ze służby’, *adwersarz* ‘przeciwnik’, *aerodrom* ‘lotnisko’, *aeroplan* ‘samolot’, *halsztuk* ‘rodzaj krawata’, *pospólstwo* ‘lud’, *nikczemny* ‘mały, słaby’, *odźwierny* ‘portier’, *ordynaria* ‘wynagrodzenie w naturze wypłacane robotnikom w dawnych majątkach rolnych’, *pierwiastkowo* ‘pierwotnie, początkowo’, *suchoty, wrzeciędz* ‘urządzenie do zamykania drzwi’, *wujenka*, itd. itd.

Wychodzeniu wyrazów z użycia zawsze sprzyjały i sprzyjają zmiany w modzie (por. wyżej cytaty z Groickiego), w rodzajach wytwarzanych tkanin, obuwia, np. *barchan, bistor, kremplina; adidas, meszty, oficerki, ortalion, tenisówki, trampki*.

Odrębnym zjawiskiem jest zastępowanie dawnych pożyczek przez wyrazy rodzime, np. *buldożer* zastąpił *spychacz*, *dynamo* zastąpiła *prądnica*, *karburator* – *gaźnik*, *motor* – *silnik*, *szofer* – *kierowca*, *traktor* – *ciągnik*, *trotuar* – *chodnik*; wciąż jednak obocznie występują formy *helikopter* – *śmigłowiec* (wyraz rodzimy jednak częstszy). Zauważmy, że w miejsce *listonosza* szerzy się neologizm *doręczyciel*, ponieważ urzędnik ten przynosi nie tylko listy; podobnie w języku niemieckim *Brieftraeger* > *Zusteller*. Podobnie ograniczony został zasięg *letniska* na rzecz *wczasów* i stąd derywaty *wczasowicz, wczasowiczka, wczasowisko, wczarósowiskowy, wczasownictwo*; SJPdor rejestruje te wyrazy dopiero z okresu po II wojnie. Zauważmy, że równnocześnie wraz z modernizacją życia w Polsce po II wojnie wiele wyrazów straciły także gwary, np. *ciosek* ‘drewniany pogrzebacz do wygarniania popiołu z pieca chlebowego’ – chleb teraz kupuje się w sklepie.

Podsumowanie całości. Kolejny raz potwierdza się oczywista prawda, że ścisły i nierozwalny związek języka z życiem społeczeństwa najpełniej przejawia się w słownictwie. Spoglądając na nakreśloną panoramę rozwoju słownictwa polskiego łatwo zauważyć, że każdy następny okres tkwił korzeniami w poprzednim i kontynuował jego dorobek, ponieważ przeszłość zawsze przekazywała czasom następnym podstawowy zasób dziedzin życia, a wraz z nim słownictwa i terminów. Kontynuacja zatem to ważny czynnik rozwoju słownictwa. Jednocześnie rozwój poznania i rzeczywistości pozajęzykowej sprawiał, że język pozbywał się części słownictwa i wzbogacał w nowe leksemy, jakościowo doskonalsze, odzwierciedlające nowy stan, wskutek czego słownictwo każdego następnego okresu stawało się bogatsze ilościowo, jakościowo i strukturalnie. Rozwojowi towarzyszyła w niektórych dziedzinach redukcja zbędnej pierwotnej polileksji.

Oceniając rozwój słownictwa polskiego na przestrzeni wieków zauważamy, że po początkowym rozwoju najbardziej stabilna była leksyka z zakresu religii i prawa – dwóch podstawowych, jak już zauważyliśmy na wstępie, dziedzin życia człowieka. Wiele leksemów tych dziedzin dotrwało do naszych czasów, także wiele słownictwa z dziedziny rolnictwa, medycyny, życia miast, wojskowości. Od czasów prasłowiańskich najbardziej niezmiennie jest słownictwo dotyczące na przykład ciała człowieka. W każdym okresie natomiast najbar-

dziej rozwijało się słownictwo z różnych dziedzin gospodarki i wytwórczości, techniki, technologii i nauki, słownictwo obsługujące różne dziedziny praktycznego życia człowieka – pracy, mieszkania, odzieży, wyżywienia, rozrywki.

Rozwój i zmiany na przestrzeni wieków nastąpiły i następują nie tylko w poziomie hiponimii, ale także hiperonimii – dawne syntetyzmy zastępowane są przez nowsze, np. *sprawa* w XVI w. zastąpiła prasł. *rzcęz*; *żywność* – *picę*, *narzędzie* – *naczynie*, *palestra* zastąpiła skupienie *ludzie prawni*, *przestępstwo* – *występek*, *spadkobierca* zastąpił *sukcesora*; pojawiają się nowe, np. *legumen*, pl. *legumina* ‘rośliny uprawiane dla ich jadalnych nasion, jak groch, bób, niektóre zboża, z których otrzymuje się kasze’ (od 1573), *słownikarz*, *leksykograf* (Linde V 325); nowsze *nieprawidłowości* ‘różnego rodzaju niezgodności z przepisami; przestępstwa’, *środki czystości*, *środki produkcji*, *świadczanie* ‘pensja i różne dodatki i przywileje’.

W ten sposób urzeczywistniał się i nadal urzeczywistnia obraz polskiej “przędzy myśli”, rozwijającej się nieustannie w ciągu wieków i owocującej wyrazami, słowami, związkami wyrazowymi, nowymi znaczeniami, a wszystko po to, aby “odpowiednie dać rzeczy słowo”, że znowu zacytujemy Norwida. Bogactwo słownictwa polskiego – rezultatu różnorodności skojarzeń percepcyjnych w interpretacji świata i precyzji, wyrażonej leksykalnie, ilustruje Mrongowiusz, przytaczając we wstępie do swojego słownika (1835) przykłady: “*pokos*, *obkos*, *przekos*, *zakos*, *wykos*, *ukos*, *niekos*” (s. VIII przypis na dole). Podobnie wcześniej: *Nie praktykowaną robociznę (sc. wyciągają): zaorz-odorz, zakoś-odkoś, zażeń-odżeń* 1769 KsRefKor I 149.

“Słownictwo polskie poprzez wieki” to pasjonująca podróż przez panoramę historii polskiego widzenia i interpretacji świata. Ograniczoność miejsca nie pozwoliła w niniejszym opracowaniu omówić wszystkich pól i mikropól.

BIBLIOGRAFIA

- Bajerowa I. Podstawy rozwoju polszczyzny XX wieku // *Pol szczyzna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju* / Red. S. Dubisz, S. Gajda. Warszawa: Dom Wydawniczy Elipsa, 2001. S. 21–26.
- Bajerowa I. Polski język ogólny XIX wieku. Stan i ewolucja. T. I-III. Katowice: Uniwersytet Śląski w Katowicach, 1986–2000.
- Bajerowa I. Wpływ techniki na ewolucję języka polskiego. Kraków: Polska Akademia Nauk, 1980.
- Bajerowa I. Zarys historii języka polskiego 1939–2000. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 2003.
- Balzer O. W sprawie godeł i słownictwa państwowego teraźniejszej Polski. Lwów: Nakład Gubrynowicza i Syna, 1920.
- Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. T. I-II. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 2000.
- Bartyzel O. O słownictwie dotyczącym religii i duchowieństwa w XVIII wieku // *Język polski wczoraj, dziś, jutro* / Red. B. Czopek-Kopciuch i P. Żmigrodzki. Kraków: Polska Akademia Nauk, 2010. S. 288–293.
- Barycz H. Jan Mączyński, leksykograf polski XVI wieku // *Reformacja w Polsce*. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1925. S. 218–255.
- Baudouin de Courtenay J. O drienie-pol’skom jazykie. Lipsk 1870.
- Bąk S. O niektórych formacjach imiennych u Mikołaja Reja // *Odrodzenie w Polsce. Historia języka*. T. III. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1960. S. 361–375.
- Bednarczuk L. Najstarsze polskie słowa. Słownik chronologiczny języka polskiego do końca XIII wieku // *Amoenitates vel lepores philologiae* / Red. R. Laskowski, R. Mazurkiewicz. Kraków: Polska Akademia Nauk, 2007. S. 17–29.
- Białokórska M. Słownictwo prasy polskiej połowy XIX wieku. Zjawiska progresywne i recesywne. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 1992.

- Białoskórska M.* Zanikanie leksemów pochodzenia prasłowiańskiego w historii języka polskiego // *Leksyka słowiańska na warsztacie językoznawcy* / Red. H. Popowska – Taborska. Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie. Polska Akademia Nauk, 1997. S. 7–21.
- Biniewicz J.* Kształtowanie się polskiego języka nauk matematyczno-przyrodniczych. Opole: Uniwersytet Opolski. Opolskie T-wo Przyjaciół Nauk, 2002.
- Biniewicz J.* Polska terminologia techniczna (O. Strumieński, O sprawie, sypaniu, wymierzaniu i rybieniu stawów, 1573) // *Zeszyty Naukowe WSP im. Powstańców śląskich w Opolu. Językoznawstwo* 15. Opole: Opolskie T-wo Przyjaciół Nauk, 1994. S. 5–10.
- Biniewicz J.* Rozwój polskiej terminologii chemii nieorganicznej. Opole: Wyższa Szkoła im. Powstańców Śląskich w Opolu, 1992.
- Bochnakowa A.* Terminy kulinarne romańskiego pochodzenia w języku polskim do końca XVIII wieku. *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego DCLXXXVIII. Prace Językoznawcze. Z. 78.* Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1984.
- Boleski A.* Słownictwo Juliusza Słowackiego (1825–1849). Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Łódzkie T-wo Naukowe, 1956.
- Borawski S.* Wprowadzenie do historii języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 2000.
- Borejszo M.* Nazwy ubiorów w języku polskim do roku 1600. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1990.
- Borejszo M.* Nazwy ubiorów we współczesnej polszczyźnie. Poznań: Wydawnictwo WIS, 2001.
- Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- Brückner A.* Język Waclawa Potockiego. Przyczynek do historii języka polskiego // *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Filologiczny. Seria II. T. XVI.* Kraków: Akademia Umiejętności, 1900. S. 275–421.
- Brückner A.* Dzieje języka polskiego. Lwów: T-wo Nauczycieli Szkół wyższych, 1906.
- Brückner A.* Przyczyunki do dziejów języka polskiego // *Rozprawy Wydziału Filologicznego PAU.* Kraków: XLVII. 1910. S. 337–385. XLIX. 1911. S. 1–64. LIII. 1916. S. 59–138. LIV. 1916. S.261–351. LV, 1917. S. 157–245.
- Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927.
- Brückner A.* Z rękopisów petersburskich. II. Średniowieczne słownictwo polskie // *Prace Filologiczne V.* Warszawa: Z zapomogi Kasy im. Mianowskiego, 1899. S. 1–32.
- Buttler D.* Podłoże zaniku niektórych wyrazów rodzimych w polszczyźnie przełomu XIX i XX wieku // *Przegląd Humanistyczny. Nr 4.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. S. 51–59.
- Buttler D.* Rozwój semantyczny wyrazów polskich. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1978.
- Buttler D.* Rozwój słownictwa polskiego w drugiej połowie XIX wieku // *Slovanské spisovne jazyky v době obrozeni.* Praha: Universita Karlova, 1974. S. 97–102.
- Buttler D.* Wyrazy polskie wychodzące z obiegu w ciągu ostatnich stu lat // *Procesy rozwojowe w językach słowiańskich. Prace Slawistyczne. T. 99,* Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy Omnitech Press, 1992. S. 11–19.
- Buttler D.* Zmiany słownikowe w polszczyźnie przełomu XIX i XX w. I. Ubytki leksykalne i sposoby tworzenia neologizmów // *Poradnik Językowy.* Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1972. Z. 4. S. 196–204.
- Buttler D.* Zmienność formalna i znaczeniowa dziewiętnastowiecznych zapożyczeń niemieckich w polszczyźnie // *Przegląd Humanistyczny. Nr 1/2.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988. S. 51–67.
- Cegiela A.* Polskie słownictwo teatralne 1765–1965. Wrocław: Wiedza o Kulturze, 1992.
- Cygal-Krupa Z.* Podstawowe słownictwo tematyczne języka polskiego (na wybranych przykładach). Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1990.
- Decyk-Zięba W., Dubisz S.* Glosariusz staropolski. Dydaktyczny słownik etymologiczny. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2008.
- Długosz-Kurczabowa K.* Wielki słownik etymologiczno-historyczny języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 2008.
- Dubisz S.* Struktura tematyczna słownictwa staropolskiego // *Język w przestrzeni społecznej* / Red. S. Gajda, K. Rymut, U. Żydek-Bednarczuk. Opole: Uniwersytet Opolski, 2002. S. 281–288.
- Dubisz S.* Wpływy łaciny na język polski // *Poradnik Językowy.* Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. Z. 5. S. 3–13.
- Dunaj B.* Oboczność *piętro*// *przętr* w historii i dialektach języka polskiego // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze. Z. 21.* Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1968. S. 201–219.

- Encyklopedia wiedzy o języku polskim / Red. S. Urbańczyk. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978.
- Falowski A. W sprawie najdawniejszych zapożyczeń wschodniosłowiańskim w języku polskim // *LingVaria* R. XI (2). Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2016. S. 137–156.
- Gaertner H. Na marginesie słownika Jana Mączyńskiego // *Język Polski* XI. Kraków: Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego, 1926. S. 48–53.
- Gajda S. Rozwój polskiej terminologii górniczej / Opole: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1976.
- Górski K. Zagadnienia słownictwa reformacji polskiej // *Odrodzenie w Polsce. Historia języka* T. III. Cz. 2. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1962. S. 233–270.
- Gruszczyński W. O przyszłości Słownika języka polskiego XVII i I. połowy XVIII wieku // *Poradnik Językowy*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005. Z. 78. S. 48–61.
- Handke K. Łacińska terminologia a polskie słownictwo botaniczne // *tejeże Rozważania i analizy językoznawcze*. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 1997. S. 165–172.
- Handke K., Popowska-Taborska H., Galsterowa J. Nie dajmy zginąć słowom. Rzecz o odchodzącym słownictwie. Warszawa: T-wo Naukowe Warszawskie, 1996.
- Historia kultury materialnej w Polsce. T. I–VI / Red. W. Hensel, J. Pazdur. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978–1979.
- Horyń E. Nazwy kar w XVIII-wiecznych tarnowskich księgach sądowych // *Badania historycznojęzykowe. Stan, metodologia, perspektywy* / Red. B. Dunaj, M. Rak. Kraków, Księgarnia Akademicka, 2011. S. 227–237.
- Jaglarz K. Nazwy czeladzi i oficjalistów dworskich w XVI w. // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego* MCCLXXII. *Prace Językoznawcze*. Z. 121. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2003. S. 49–67.
- Jankowiak L.A. Nazwy chorób w polszczyźnie XVI wieku (próba ogólnej charakterystyki) // *Slavia Occidentalis* 58. Poznań: Instytut Zachodnio-Słowiański przy Uniwersytecie Poznańskim, 2001. S. 9–18.
- Jankowiak L.A. Praslawiańskie dziedzictwo leksykalne we współczesnej polszczyźnie ogólnej (Na podstawie Słownika prasłowiańskiego. T. 1–7). Warszawa: Polska Akademia Nauk. Instytut Slawistyki, 1997.
- Jankowiak L.A. Słownictwo medyczne Stefana Falimirza. T. I. Początki polskiej renesansowej terminologii medycznej. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 2005.
- Język polski i jego historia z uwzględnieniem innych języków na ziemiach polskich / Oprac. J. Łoś, J. Rozwadowski, A. Brückner, J. B. de Courtenay, T. Benni i inni. T. I-II. Kraków: Akademia Umiejętności, 1915.
- Jodłowski S. Substantywizacja przymiotników w języku polskim. Kraków: Polska Akademia Nauk, 1964.
- Kaestner W. Die deutschen Lehnwörter im Polnischen. I Teil. Einleitung und Lautlehre, Leipzig: Kommissionverlag, 1939.
- Kaleta S. Deutsch und Polnisch im Kontakt anhand Krakauer Urkunden aus dem 14.-16. Jh. // *W świecie Słowian. Szkice z dziejów leksykologii i leksykografii. Księga dedykowana Profesorowi Wiesławowi Witkowskiemu w osiemdziesiątą piątą rocznicę urodzin* / Red. H. Chodurska, A. Mazulis-Frydel, A. Radzik. Kraków: Oficyna Wydawnicza Impuls. Uniwersytet Pedagogiczny, 2013. S. 96–109.
- Karaś H. Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie ogólnej – historia i współczesność // *Poradnik Językowy*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. Z. 5. S. 25–43.
- Karpluk M. Nad staropolskim słownictwem chrześcijańskim // *Leksyka słowiańska na warsztacie językoznawcy* / Red. H. Popowska-Taborska. *Prace Slawistyczne* 105. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy Omnitech, 1997. S. 105–115.
- Karpluk M. O najwcześniejszym polskim słownictwie chrześcijańskim // *O języku religijnym. Zagadnienia wybrane* / Red. M. Karpluk, J. Sambor. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1988. S. 89–102.
- Karpluk M. Słownik staropolskiej terminologii chrześcijańskiej. Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN, 2001.
- Karszniewicz-Mazur A. Zapożyczenia leksykalne ze źródła niemieckiego we współczesnej polszczyźnie. Wrocław: Wydawnictwa Uniwersytetu Wrocławskiego, 1988.
- Kędełska E. Polska terminologia medyczna w słownikach Bartłomieja z Bydgoszczy // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej* 17. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1978. S. 95–104.
- Kleczkowski A. Wyrazy niemieckie w staropolskim i staroczeskim // *Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski*. T. II Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1928. S. 331–346.
- Klemensiewicz Z. Czynniki sprawcze w rozwoju polszczyzny doby Odrodzenia. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1961.
- Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego. T. I–III. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961–1972.
- Klemensiewicz Z. O Janie Mączyńskim w czterechsetlecie jego dzieła // *Język Polski* XLIV. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1964. S. 65–75.

- Klich E.* Polska terminologia chrześcijańska. Poznań: Poznańskie T-wo Przyjaciół Nauk, 1927.
- Kobylińska J.* Nazwy rzemieślników w Księgach gromadzkich Kasiny Wielkiej XVI–XVIII w. // *Rozmaitości językowe ofiarowane Prof. Dr. hab. Januszowi Strutyńskiemu z okazji Jego jubileuszu.* Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2002. S. 111–122.
- Kobylińska J.* Nazwy zabudowań mieszkalnych we wsi południowomłopolskiej w XVII–XVIII wieku // *Studia językoznawcze. Dar przyjaciół i uczniów dla Zofii Kurzowej.* Kraków: 2001. S. 121–131.
- Kobylińska J.* Sposoby określania przestępstw w XVII i XVIII wieku (na podstawie Ksiąg gromadzkich wsi Kasyna Wielka // *Staropolszczyzna piękna i interesująca / Red. E. Koniusz, S. Cygan. T. I.* Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2006. S. 213–222.
- Korbut G.* Wyrazy niemieckie w języku polskim pod względem językowym i cywilizacyjnym // *Prace Filologiczne IV.* Warszawa: Z zapomogi Kasy im. Mianowskiego, 1893. S. 345–560.
- Krótką nauka budownicza dworów, pałaców, zamków podług nieba i zwyczaju polskiego /* Wyd. Miłobędzki A. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1957.
- Kryński A.A.* O języku urzędowym doby dzisiejszej, zwłaszcza w sądownictwie. Warszawa: Gazeta Administracji i Policji Państwowej, 1925.
- Kubacki W.* Z mickiewiczowskiej palestry // *Pamiętnik Literacki LIII.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1962. Z. 1–2. S. 113–142.
- Kuraszkiewicz W.* Szkice o języku Mikołaja Reja // *Odrodzenie w Polsce. Historia języka. T. III.* Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960. S. 113–360.
- Kuraszkiewicz W.* Wyrazy polskie w słowniku łacińsko-polskim Jana Mączyńskiego. T. I-II. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1962–1963.
- Kwapien E.* Kształtowanie się zasobu leksykalnego polszczyzny XIX wieku. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2010.
- Kwilecka I., Popowska-Taborska H.* Bartłomiej z Bydgoszczy, leksykograf polski pierwszej połowy XVI w. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1977.
- Lehr-Splawiński T.* Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie polskim // *Studia historyczne ku czci Stanisława Kutrzeby. T II.* Kraków: Nakładem Komitetu, 1938. S. 469–481.
- Lehr-Splawiński T.* Język polski. Pochodzenie, powstanie, rozwój. Warszawa: Wydawnictwo S. Arcta, 1947.
- Leksykon łacińsko-polski Jana Mączyńskiego. Wybór tekstów – opracowanie. Wybór tekstów: W. Kuraszkiewicz; opracowanie: H. Barycz, W. Kuraszkiewicz, I. Lewandowski.* Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1996.
- Lewińska A.* Słownictwo z zakresu dawnej kultury materialnej w Inwentarzu ekonomii malborskiej z 1745 roku. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2005.
- Lindert B.* Nazwy zabudowań mieszkalnych w językach słowiańskich pochodzące z epoki prasłowiańskiej // *Z polskich studiów slawistycznych. Seria V.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1978. S. 81–94.
- Lizisowa M.T.* Podstawowe terminy prawne w statutach staropolskich na tle słowiańskim. Studium semantyczne. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1995.
- Lizisowa M.T.* Uroda staropolskiego języka prawnego. Staropolszczyzna piękna i interesująca / Red. E. Koniusz, S. Cygan. T. II. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2006. S. 67–76.
- Łoś J.* Gramatyka polska. Cz. I-III. Lwów-Warszawa-Kraków: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1922–1927.
- Łuczynski E.* Staropolskie słownictwo związane z żeglugą (XV i XVI wiek). Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1986.
- Madejska A.* Nazwy przyborów do pisania w Inwentarzach mieszczan poznańskich z lat 1528–1793 i w historii języka polskiego // *Język Polski LXXXIX.* Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 2009. S. 353–362.
- Majdak M.* Słownik warszawski: koncepcja – realizacja – recepcja. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2008.
- Malik M.* Słowotwórczo-leksykalna charakterystyka słownictwa dotyczącego ubioru kobiecego w polszczyźnie XIX i XX wieku // *Słowa w różnych kontekstach / Red. S. Dubisz.* Warszawa: Dom Wydawniczy Elipsa, 1998. S. 21–44.
- Mańczak-Wohlfeld E.* Angielsko-polskie kontakty językowe. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2006.
- Markowski A.* Leksyka wspólna różnym odmianom polszczyzny. T. 1–2. Wrocław: Wiedza o kulturze, 1992.
- Masłowski J.* Polskie słownictwo lekarskie. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977.
- Matusiak J.* Początki polskiej terminologii chemicznej // *Poradnik Językowy.* Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1988. Z. 1. S. 30–35.

- Matuszczyk B.* Słownik języka polskiego S. B. Lindego. Warsztat leksykografa. Lublin: Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2006.
- Matuszewski J.* Filologia w służbie historii // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Folia Iuridica. Seria 1. Z. 32.* Łódź: Acta Universitatis Lodzianis, 1978. S. 3–34.
- Matuszewski J.* Geneza współczesnej terminologii prawnej // *Sprawozdania Poznańskiego T-wa Przyjaciół Nauk 2 (64).* Poznań: Poznańskie T-wo Przyjaciół Nauk, 1961–1963. S. 288–290.
- Miodunka W.* Podstawy leksykologii i leksykografii. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989.
- Miodunka W.* Teoria pól językowych. Społeczne i indywidualne ich uwarunkowania, Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980.
- Młynarczyk E.* Gdzie targowano dawniej w Polsce czyli o staropolskich wyrazach nazywających place, stoiska i pomieszczenia hadlowe // *Język Polski LXXIX.* Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1999. S. 54–67.
- Młynarczyk E.* *Frymark, targ lub kupia*, czyli o staropolskich nazwach umów handlowych // *Annales Academiae Pedagogicae Cracoviensis. Folia 6. Studia Linguistica I / Red. L. Bednarczuk, M. Mączyński, T. Szymański.* Kraków: Akademia Pedagogiczna, 2002. S. 247–259.
- Młynarczyk E.* Nazwy osób handlujących w tekstach XVII-wiecznych statutów cechowych // *Annales Academiae Pedagogicae Cracoviensis. Folia 19. Studia Linguistica II / Red. E. Stachurski.* Kraków: Akademia Pedagogiczna, 2004. S. 307–321.
- Młynarczyk E.* Nazwy spotkań handlowych w XVI i XVII wieku // *Staropolszczyzna piękna i interesująca / Red. E. Koniusz, S. Cygan. T. I.* Kielce: Wydawnictwo Akademii Świetokrzyskiej, 2006. S. 247–255.
- Młynarczyk E.* Nie święci garnki lepią. Obraz rzemiosła utrwalony w polskiej frazeologii. Kraków: Uniwersytet Pedagogiczny, 2013.
- Młynarczyk E.* Polskie słownictwo handlowe XVI i XVII wieku. Kraków: Uniwersytet Pedagogiczny, 2010.
- Moszyńska D.* Rzeczowniki pochodzenia łacińskiego w “Statutach” Stanisława Sarnickiego // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu M. Kopernika w Toruniu 38. Filologia Polska VIII.* Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1970. S. 55–68.
- Moszyński L.* Geografia niektórych zapożyczeń niemieckich w staropolszczyźnie, Poznań: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1954.
- Nowowiejski B.* Wpływy języka niemieckiego na polszczyznę w zakresie słownictwa // *Poradnik Językowy.* Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. Z. 5. S. 14–24.
- Nowowiejski B.* Zapożyczenia leksykalne z języka niemieckiego w polszczyźnie XIX wieku (na materiale czasopiśm). Białystok: Dział Wydawnictw Filii Uniwersytetu Warszawskiego, 1996.
- Ostaszewska D., Sławkowa E.* Procesy nazwotwórcze a językowy obraz świata (na materiale średniowiecznej terminologii botanicznej w słowniku Jana Stanki) // *Przeszłość w językowym obrazie świata / Red. A. Pajdzińska, P. Krzyżanowski.* Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. S. 149–162.
- Otrębski J.* Życie wyrazów w języku polskim. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1948.
- Ożdżyński J.* Konteksty kulturowe słownictwa flisackiego. Kraków: Oficyna Wydawnicza Edukacja, 1998.
- Ożdżyński J.* Polskie współczesne słownictwo sportowe. Wrocław: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1970.
- Peplowski F.* Odczasownikowe nazwy wykonawców czynności w polszczyźnie XVI wieku. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1974.
- Peplowski F.* Słownictwo i frazeologia polskiej publicystyki okresu Oświecenia i Romantyzmu. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1961.
- Pihan-Kijasowa A.* Słownictwo z zakresu handlu w prozie Bolesława Prusa (na tle XIX-wiecznej leksyki handlowej). Poznań: Sorus, 2012.
- Polishzczyzna publiczna początku XXI wieku / Red. E. Wolańska. Warszawa: Rada Języka Polskiego przy Prezydium Polskiej Akademii Nauk, 2007.
- Puzynina J.* “Thesaurus” Grzegorza Knapiusza. Siedemnastowieczny warsztat pracy nad językiem polskim. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1961.
- Reczek J.* Bohemizmy leksykalne w języku polskim do końca XV wieku. Wybrane zagadnienia. Wrocław-Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968.
- Reczek S.* Na tropach słów. Eseje filologiczne. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973.
- Reczek S.* Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968.
- Ropa A.* O najnowszych zapożyczeniach w języku polskim. // *Poradnik Językowy.* Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1974. Z. 10. S. 518–526.

- Rospond S.* Język Renesansu a Średniowiecza na podstawie literatury psalterzowo-biblijnej // *Odrodzenie w Polsce. Historia języka. T. III. Cz. 2.* / Red. M. R. Mayenowa, Z. Klemensiewicz. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1962. S. 61–181.
- Rybicka H.* Losy wyrazów obcych w języku polskim. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976.
- Rybicka-Nowacka H.* Latynizmy siedemnastowieczne na tle zapożyczeń wcześniejszych // *Prace Filologiczne* 24. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1974. S. 233–238.
- Rybicka-Nowacka H.* Rzeczowniki zapożyczone z łaciny w języku polskim XVII wieku (na materiale literatury pamiętnikarskiej). Wrocław-Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973.
- Rymut K.* Nazwiska Polaków. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1991.
- Rytter G.* Wschodniosłowiańskie zapożyczenia leksykalne w polszczyźnie XVII wieku. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1992.
- Rzepka W.R., Walczak B.* Stylifikacja prasłowiańskiego dziedzictwa leksykalnego w polszczyźnie (Uwagi po lekturze Słownika prasłowiańskiego) // *Z polskich studiów slawistycznych. Seria 8.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1992. S. 217–223.
- Safarewiczowa H.* Tytuły grzecznościowe w *Panu Tadeuszu*. // *W służbie nauce i szkole. Księga pamiątkowa poświęcona Profesorowi Doktorowi Zenonowi Klemensiewiczowi.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. S. 267–275.
- Satkiewicz H.* Typy zmian w zasobie leksykalnym współczesnej polszczyzny // *Polszczyzna a/í Polacy u schyłku XX wieku.* / Red. K. Handke, H. Dalewska-Greń. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1994. S. 123–127.
- Sędzik W.* Prasłowiańska terminologia rolnicza. Rośliny uprawne. Użytki rolne. Wrocław-Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977.
- Sękowska E.* Słownictwo związane z dworem i budynkami gospodarczymi na podstawie inwentarzy dóbr ziemskich (XVII w.) // *Poradnik Językowy.* Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1996. Z. 3. S. 13–19.
- Sękowska E.* Dom. Słownictwo pism Stefana Żeromskiego. T. 3. Kraków: Ryszard Handke i Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2002.
- Sękowska E.* Domy sarmatów – słownictwo związane z urządzeniem wewnątrz // *Poradnik Językowy.* Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1997. Z. 3. S. 44–53.
- Siatkowska E.* Historia wpływów łacińskich w językach zachodniosłowiańskich // *Poradnik Językowy.* Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1989. Z. 4. S. 229–239.
- Siatkowski J.* Wpływy poszczególnych dialektów niemieckich na język polski // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej.* T. 7. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967. S. 33–46.
- Skorupka S.* Rola Samuela Bogumiła Lindego w leksykologii i leksykografii polskiej // *Prace Filologiczne* XXX. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981. S. 49–57.
- Skubalanka T.* Uwagi o rozwoju polskiego słownictwa (czyli o tak zwanym podstawowym zasobie słów) // *Skubalanka T. Ze studiów nad dawną i współczesną polszczyzną.* Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1997. S. 20–25.
- Ślawski F.* Aleksander Brückner jako badacz słownictwa polskiego // *Język Polski* LXXIX. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1999. S. 250–258.
- Ślawski F.* Kilka uwag o słownictwie pierwszych polskich zielników // *Slavia Orientalis* XVII. Warszawa: Komitet Językoznawstwa Polskiej Akademii Nauk, 1968. S. 401–406.
- Ślawski F.* *Matka, mać, macica, macierz, maciora, mama* // *Język Polski* LXXVIII. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1998. S. 6–15.
- Ślawski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I-V. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1952–1982.
- Ślawski F.* Z lat czterdziestych XVI wieku // *Język Polski* LII. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1972. S. 241–252.
- Słownictwo pism Stefana Żeromskiego. T. I-VII / Oprac. zespół pod kier. K. Handke. Kraków: Ryszard Handke i Universitas, 2002.
- Smółkowa T.* Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej. Kraków: Polska Akademia Nauk 2001.
- Smółkowa T.* Nowe słownictwo polskie // *Współczesny język polski* / Red. J. Bartmiński Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. S. 397–404.
- Spólnik A.* Nazwy polskich roślin do XVIII wieku. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1990.

- Stachowski S.* Dawne przyniotniki polskie z XVII wieku // W świecie Słowian. Szkice z dziejów leksykologii i leksykografii. Księga dedykowana Profesorowi Wiesławowi Witkowskiemu w osiemdziesiątą piątą rocznicę urodzin / Red. H. Chodurska, A. Mażulis-Frydel, A. Radzik. Kraków: Oficyna Wydawnicza Impuls. Uniwersytet Pedagogiczny, 2013. S. 129–141.
- Stachowski S.* Glosariusz turecko-polski. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2005.
- Stachowski S.* Słownik historyczno-etymologiczny turcyzmów w języku polskim. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2014.
- Stadmüller K.* Słownictwo rzemieślnicze. Kraków: Nakładem Muzeum Przemysłowego w Krakowie, 1921–1925.
- Starzec A.* Rozwój polskiej terminologii motoryzacyjnej (od początku do 1945 roku). Opole: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Powstańców Śląskich, 1984.
- Stieber Z.* Uwagi o języku Waclawa Potockiego // Prace Polonistyczne V. Warszawa: T-wo Literackie im. Adama Mickiewicza, 1947. S. 9–32.
- Strutyński J.* Polskie nazwy ptaków krajowych. Kraków: Polska Akademia Nauk, 1972.
- Studia nad słownictwem XIX wieku* // Red. W. Kupiszewski. Warszawa: Dom Wydawniczy i Handlowy Elipsa, 1993.
- Szlesiński I.* Elementy siedemnastowiecznej terminologii specjalnej z zakresu złocenia, srebrzenia, wytłaczania i wytrawiania // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego 33. Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1987. S. 143–153.
- Szober S.* Życie wyrazów. Cz. I-II. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1929–1930.
- Szymczak M.* Nazwy stopni pokrewieństwa i powinowactwa rodzinnego w historii i dialektach języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966.
- Taszycki W.* Uprawa języka polskiego w dobie Odrodzenia // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze. Z. 4 (Filologia Z. 8). Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1961. S. 7–26.
- Taszycki W.* 1925, Najdawniejsze polskie imiona osobowe // Rozprawy Wydziału Filologicznego LXII. Nr 3. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1925.
- Tokarski J.* Słownictwo (Teoria wyrazu). Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1971.
- Tokarski R.* Słownictwo jako interpretacja świata // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. T. II. Współczesny język polski / Red. J. Bartmiński. Wrocław: Wiedza o kulturze, 1993. S. 335–362.
- Tokarski R.* Struktura pola znaczeniowego (studium językoznawcze). Warszawa: Lubelskie T-wo Naukowe, 1984.
- Tokarski R.* Światy za słowami. Wykłady z semantyki leksykalnej, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014.
- Turnau I.* Słownik ubiorów. Tkaniny, wyroby pozatkackie, skóry, broń i klejnoty oraz barwy znane w Polsce od średniowiecza do początków XIX wieku. Warszawa: Semper, 1999.
- Umińska-Tytoń E.* Zapożyczenia włoskie w XVII-wiecznych diariuszach // Język Polski LXXII. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1992. S. 102–108.
- Urbańczyk S.* Charakterystyka staropolskich zapożyczeń wyrazowych z języka ukraińskiego // Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Splawiński. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. S. 437–444.
- Urbańczyk S.* Prace z dziejów języka polskiego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979.
- Urbańczyk S.* Przeżytek pogaństwa: stpol. *žyrzec* // Język Polski XXVIII. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1948. S. 68–72.
- Urbańczyk S.* Rozwój słownictwa słowiańskiego w związku z rozwojem średniowiecznych społeczeństw słowiańskich // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 3. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. S. 270–286.
- Urbańczyk S.* Słownictwo staropolskie a wyższa kultura // S. *Urbańczyk*. Prace z dziejów języka polskiego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979. S. 85–96.
- Urbańczyk S.* Słowniki, ich rodzaje i użyteczność. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1964.
- Urbańczyk S.* Szkice z dziejów języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968.
- Urbańczyk S.* W sprawie staropolskich zapożyczeń z języka niemieckiego // Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur / Hrsg. W. Krauss, Z. Stieber, J. Bělič, V. J. Borkovskij. Berlin: Akademie Verlag, 1969. S. 255–261.
- Vincenz A.* Semantyka strukturalna a historia słownictwa polskiego // Studia językoznawcze poświęcone S. Rospodowi. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1966. S. 153–160.
- Wajda-Adamczykowa L.* Polskie nazwy drzew. Wrocław-Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1989.
- Walczak B.* Wpływy obce w powojennej polszczyźnie // Przemiany współczesnej polszczyzny / Red. Z. Adamiśzyn, S. Gajda. Opole: Wyższa szkoła Pedagogiczna im. Powstańców Śląskich, 1994. S. 223–228.

- Walczak B.* Rozwój zasobu leksykalnego w XX wieku // *Polszczyzna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju* / Red. S. Dubisz, S. Gajda, Warszawa: Dom Wydawniczy Elipsa, 2001. S. 141–153.
- Walczak B.* Słownik wileński na tle dziejów polskiej leksykografii. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1991.
- Walczak B.* Zarys dziejów języka polskiego. Poznań: Kantor Wydawniczy SAWW, 1995.
- Waszakowa K.* Dynamika zmian w zasobie leksykalnym najnowszej polszczyzny // *Poradnik Językowy*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1955. Z. 3. S. 1–12.
- Waszakowa K.* Typy leksykalnych procesów innowacyjnych w dzisiejszej polszczyźnie // *Opuscula Polono-Slavica et Russica*. T. VI / Red. E. Małek, J. Wawrzyńczyk. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2001. S. 79–93.
- Wesołowska D.* Neosemantyzmy współczesnego języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1977.
- Weysenhoff K.* Wpływ polszczyzny na łacinę średniowieczną w Polsce. Kraków: Polska Akademia Nauk, 1991.
- Winiarska I.* Językowy wizerunek *heretyka* w “Konfesji sandomierskiej” // *Słowa w różnych kontekstach* / Red. S. Dubisz. Warszawa: Dom wydawniczy Elipsa. Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1998. S. 45–71.
- Winiarska I.* Słownictwo religijne polskiego kalwinizmu od XVI do XVIII wieku na tle terminologii katolickiej. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2004.
- Witaszek-Samborska M.* Studia nad słownictwem kulinarnym we współczesnej polszczyźnie. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2005.
- Witaszek-Samborska M.* Wyrazy obcego pochodzenia we współczesnej polszczyźnie, Poznań: Nakom, 1992.
- Wojtak M.* Staropolska etykieta językowa jako obraz relacji międzyludzkich (wybrane zagadnienia) // *Przeszłość w językowym obrazie świata* / Red. A. Pajdzińska, P. Krzyżanowski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. S. 205–216.
- Wysocka F.* Polska terminologia lekarska do roku 1838. T. I-IV. T. I. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1980. T. II-IV. Kraków: Polska Akademia Nauk, 1994–2013.
- Zajda A.* Altpolnische Bezeichnungen für gerichtliche Beschlüsse und Dokumente, Zeitschrift für slavische Philologie XLIX. Heft 2. Heidelberg: Universitätsverlag, 1989. S. 270–300.
- Zajda A.* Dawne testamenty jako źródła do dziejów słownictwa z dziedziny kultury materialnej // *Dialog z tradycją*. T. V. Językowe dziedzictwo kultury materialnej / Red. E. Młynarczyk, E. Horyń, Kraków: Collegium Columbinum, 2016, s. 203–227.
- Zajda A.* Deutsche Einflüsse in der altpolnischen juristischen Terminologie als Widerspiegelung der Rezeption des Magdeburger Rechts // *Rechts- und Sprachtransfer in Mittel- und Osteuropa. Sachsenspiegel und Magdeburger Recht. Internationale und interdisziplinäre Konferenz in Leipzig vom 31. Oktober bis 2. November 2003*. Hrsg. von E. Eichler und Heiner Lück. Berlin: De Gruyter Recht, 2008. S. 289–304.
- Zajda A.* Dwadzieścia dwa rzadkie wyrazy prawnicze z ksiąg sądowych wiejskich // *Studia językoznawcze. Dar przyjaciół i uczniów dla Zofii Kurzowej* / Red. Z. Cygal-Krupowa. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2001. S. 422–430.
- Zajda A.* Garść rzadkich wyrazów z protokołów sądów ziemskich i grodzkich woj. krakowskiego z 1543 r. // *Studia linguistica Danutae Wesołowska oblata* / Red. H. Kurek, J. Labocha. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2004. S. 333–340.
- Zajda A.* Główne problemy badawcze w zakresie staropolskiej terminologii administracyjnej, społeczno-gospodarczej i prawniczej // *Język Polski LXXIV*. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1994.
- Zajda A.* *Gotowe pieniądze, gotowe, gotowizna, gotówka* i ich historia w języku polskim // *W trosce o dobrą edukację. Prace dedykowane Profesorowi Jadwidze Kowalikowej z okazji 40-lecia pracy naukowej* / Red. A. Janus-Sitarz. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 2009. S. 222–232.
- Zajda A.* Historia języka polskiego dzisiaj. Możliwości, zadania i postulaty w zakresie badań nad historią słownictwa polskiego // *LingVaria. Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego*. R. V. Nr 2 (10). Kraków: Księgarnia Akademicka, 2010. S. 75–101.
- Zajda A.* Historia pola wyrazowego „accusare” ‘oskarżać’ w języku polskim // *Językoznawstwo historyczne i typologiczne. W 100-lecie urodzin Profesora Tadeusza Milewskiego* / Red. L. Bednarczuk, W. Smoczyński, M. Wojtyła-Świrzowska. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2008. S. 675–696.
- Zajda A.* Historia pola wyrazowego „accusator”, to jest ‘skarżący przed sądem, oskarżyciel’ w języku polskim od czasów staropolskich do współczesnych // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego MCLXIV. Prace Językoznawcze*. Z. 117. / Red. S. Stachowski. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1995. S. 139–150.

- Zajda A. Historia pola wyrazowego „accusatio“ ‘skarga’, oskarżenie’ w języku polskim // *LingVaria*. Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego. R. III. Nr 1 (5). Kraków: Księgarnia Akademicka, 2008. S. 109–130.
- Zajda A. Historia pola wyrazowego „instrumentum“ w języku polskim // *Dzieje Słowian w świetle leksyki*. Pamięci Profesora Franciszka Ślaskiego / Red. J. Rusek, W. Boryś, L. Bednarczuk. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2002. S. 362–373.
- Zajda A. Historia pola wyrazowego „miles, bellator“ tzn. ‘woj, wojownik, rycerz, żołnierz’ w języku polskim // *Silva rerum philologicarum. Studia ofiarowane Profesor Marii Strycharskiej-Brzezynie z okazji Jej jubileuszu* / Red. J. S. Gruchała, H. Kurek. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2010. S. 485–503.
- Zajda A. Nazwy staropolskich powinności feudalnych, danin i opłat (do 1600 roku). Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1979.
- Zajda A. Nazwy urzędników staropolskich (do roku 1600). Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1970.
- Zajda A. Nieco staropolskich terminów prawniczych i ich historia w języku polskim // *Język polski wczoraj – dziś – jutro* / Red. B. Czopek-Kopciuch, P. Żmigrodzki. Kraków: Polska Akademia Nauk, 2010. S. 256–269.
- Zajda A. Nieliterackie źródła do dziejów słownictwa polskiego (do XVIII w.) // *LingVaria*. Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2016. Cz. I. Nr XI (1). S. 123–138; Cz. II. Nr XI (2). S. 165–181.
- Zajda A. O geografii staropolskich powinności feudalnych, danin i opłat i jej uwarunkowaniach // *LingVaria*. Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego. R. II. Nr 1 (3). Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2007. S. 51–63.
- Zajda A. O kilku staropolskich nazwach rzemieślników i ich historii w języku polskim // *Symbolae grammaticae in honorem Boguslai Dunaj* / Red. R. Przybylska, J. Kaś, K. Sikora. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2010. S. 169–182.
- Zajda A. O niektórych głównych zjawiskach i tendencjach w rozwoju współczesnego słownictwa polskiego // *Non Mun Chip. Journal. Language-Literature-Humanities*. Vol. XXIX. Seoul (South Korea): Hankuk University of Foreign Studies, 1996. S. 503–513.
- Zajda A. *Słowa prawne w rzeczy sobie podobne* Bartłomieja Groickiego // *Badania historycznojęzykowe*. Stan, metodologia, perspektywy. Materiały konferencji naukowej, Kraków 21–23 września 2010 r. / Red. B. Dunaj i M. Rak. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2011. S. 133–150.
- Zajda A. O słownictwie prawniczym (i innym) protokołów polskojęzycznych w księgach sądów szlacheckich woj. krakowskiego z 1543 r. // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze MCCLXXXIII*. Z. 122. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2004. S. 243–252.
- Zajda A. O słownikach historycznych języka polskiego // *Dong Jurop Jon Ku. East European Studies*. No 5. Seoul (South Korea): Hankuk University of Foreign Studies, 1966. S. 67–89.
- Zajda A. O wyrazie *wiodro* w języku polskim i w innych językach słowiańskich // *Język Polski LXXIII*. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1993. S. 261–263.
- Zajda A. *Pańszczyzna* // Rozmaitości językowe ofiarowane Prof. dr. hab. Januszowi Strutyńskiemu z okazji jego jubileuszu / Red. M. Skarżyński, M. Szpiczakowska. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2002. S. 333–341.
- Zajda A. Rozważań nad *Słowami prawnymi w rzeczy sobie podobnymi* Bartłomieja Groickiego ciąg dalszy // *LingVaria* R. VI. Nr 2 (12). Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2011. S. 111–124.
- Zajda A. Staropolska terminologia prawnicza (do 1500 r.). Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1990.
- Zajda A. Staropolska terminologia prawnicza odznacza się wybitną rodzimością // *Język Polski LXXIX*. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1999. S. 47–53.
- Zajda A. Staropolskie nazwy osób, występujących przed sądem, oparte na prasł. **per-ti* i ich historia w języku polskim // *LingVaria*. Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego. R. I. Nr 2. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2006. S. 37–46.
- Zajda A. Staropolskie nazwy sporów sądowych i procesów, oparte na prasł. **per-ti* i ich historia w języku polskim // *LingVaria*. Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego. R. I. Nr 1. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2006. S. 117–124.
- Zajda A. *Studia z historii polskiego słownictwa prawniczego i frazeologii*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001.
- Zajda A. *Über altpolnische juristische Terminologie* // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego MCCX*. Prace Językoznawcze. Z. 118. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1997. S. 137–152.

- Zajda A.* Wörter deutscher Herkunft unter den altpolnischen Bezeichnungen für Feudalpflichten, Abgaben und Steuern / Zeitschrift für slavische Philologie XLII. Heft 2. Heidelberg: Universitätsverlag, 1981. S. 366–383.
- Zajda A.* W pustyni i w puszczy // Collectanea linguistica in honorem Casimiri Polański / Red. M. Brzezina i H. Kurek. Kraków: Księgarnia Akademicka, 1999. S. 319–329.
- Zajda A.* Wychowanie – edukacja – oświecenie. Studium z historii słownictwa polskiego // Byłe w ludziach światło było ... Księga pamiątkowa ku czci Profesora Waclawa Woźnowskiego w dziesiątą rocznicę Jego śmierci / Red. G. Zajac. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2012. S. 391–406.
- Zajda A.* Z historii polskiego słownictwa rzemieślniczego. Nazwy narzędzi stolarskich w kilku tekstach z okresu od początku XVII do początku XX wieku // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego MCCXXVI. Prace Językoznawcze. Z. 119, Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1999. S. 154–171.
- Zarebina M.* Najczęstsze wyrazy polszczyzny mówionej // Język Polski LI. Kraków 1971. T-wo Miłośników Języka Polskiego. S. 336–347.
- Zarebina M.* Przyczyny zmian w systemie leksykalnym. Wzajemny stosunek wyrazów wychodzących z użycia i nowo powstałych // Studia Linguistica Polono-Slovaca. T. 3. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1997. S. 23–29.
- Żurowski A.* Nazwy terenów uprawnych w gospodarstwie wiejskim do końca XVI w // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Filologia Polska XII. Nauki humanistyczno-społeczne. Z. 80. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1977. S. 139–159.
- Żydek-Bednarczuk U.* Słownictwo z zakresu motoryzacji we współczesnym języku polskim. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1987.

ROZWIĄZANIE SKRÓTÓW NAZW ŹRÓDEŁ

- AGZ = Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tzw. Bernardyńskiego we Lwowie. T. I–XIX. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1868n.
- AMalVis = Acta maleficorum Visniciae. Księga złoczyńców sądu kryminalnego w Wiśniczu (1629–1665) / Wyd. W. Uruszczak. Kraków: Collegium Columbinum, 2003.
- Bandtkie = *J. S. Bandtkie* Słownik dokładny języka polskiego i niemieckiego. T. I–II. Wrocław 1806.
- BańkowskiEtSl = *A. Bańkowski* Etymologiczny słownik języka polskiego. T. I–II. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.
- BoryśSlEt = *W. Boryś* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- BrücknerSlEt = *A. Brückner*, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927.
- DanDług = Dług śmiertelności wypłacić trzeba. Wybór testamentów mieszczan krakowskich z XVII–XVIII wieku / Oprac. E. Danowska. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2011.
- Danet = Nowy wielki dykcjonarz JMci X. Daneta opata francuski, łaciński i polski. T. I–II. Warszawa 1743–1745.
- Erz = B. Erzepki, Przyczynki do średniowiecznego słownictwa polskiego. Cz. I. Głosy polskie wpisane do łacińsko-niemieckiego słownika drukowanego w roku 1490. Roczniki Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego. T. XXXIV. Poznań: Nakładem T-wa Przyjaciół Nauk, 1908. S. 1–139.
- Falimirz = *S. Falimirz* O ziołach i o mocy ich. Kraków 1534.
- GrPorz = *Bartłomiej Groicki* Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburkiego. Kraków 1559.
- GrRej = *Bartłomiej Groicki* Rejestr do Porządku i do Artykułów prawa majdeburkiego i cesarskiego. Kraków 1567.
- GrPost = *Bartłomiej Groicki* Ten postępek wybran jest s praw cesarskich. Kraków 1559.
- GrTyt = *Bartłomiej Groicki* Tytuły prawa majdeburkiego. Kraków 1567.
- HaurZiemEk = *J. K. Haur* Ziemiańska generalna ekonomika, Kraków 1679.
- InwKraK = Inwentarze dóbr ziemskich województwa krakowskiego 1576–1700 / Wyd. A. Kamiński, A. Kiełbicka, S. Pańków. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956.
- InwMPozn = Inwentarze mieszczkańskie z lat 1528–1635 z ksiąg miejskich Poznania / Wyd. S. Nawrocki i J. Wiśłocki. Poznań: Polskie Towarzystwo Historyczne. Oddział w Poznaniu, 1961.
- KitOpis = *J. Kitowicz* Opis obyczajów za panowania Augusta III / Oprac. R. Pollak. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970. BN I nr 88.
- KlonWor = *S. Klonowicz* Worek Judaszów. Kraków 1600.
- Knapski = *G. Knapski* Thesaurus Polono-Latino-Graecus. Kraków 1621.

- KodWp = Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski. T. I–V. T. I–IV / Wyd. [I. Zakrzewski]. T. V / Wyd. F. Piekosiński, Poznań: Nakładem Biblioteki Kórnickiej, 1877–1908.
- KrRozpr = *M. Rej*, Krótka rozprawa między trzema osobami..., Kraków 1543.
- KsJaz = Księgi sądowe wiejskie klucza jazowskiego 1663–1808 / Oprac. i wyd. S. Grodziski. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1967.
- KsRefKor = Księgi referendarii koronnej. T. I (1768–1780). T. II (1781–1794) / Wyd. A. Keckowa, W. Pałucki. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1955–1957.
- KsUzswi = Księga sądowa Uszwi dla wsi Zawady. 1619–1788. / Wyd. A. Vetulani. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1957.
- Lexer = *M. Lexer* *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*. Stuttgart: S. Hirzel Verlag, 1983.
- Linde = *S. B. Linde* Słownik języka polskiego. T. I–VI. Wyd. 2. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1854–1860.
- LKrak = Lustracje województwa krakowskiego 1564. Cz. I–II // Wyd. J. Małecki. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1962.
- LOpPozn = Lustracje i opisy Poznania z XVI–XVIII wieku // Wyd. M. J. Mika. Poznań: Polskie Towarzystwo Historyczne, 1960.
- LRus = Lustracja województwa ruskiego 1661–1665. Cz. I–III. Cz. I wyd. K. Arłamowski i W. Kaput. Cz. II wyd. E. i K. Arłamowscy. Cz. III wyd. E. i K. Arłamowscy i W. Kaput Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970–1976.
- LWlkpKuj = Lustracja województw wielkopolskich i kujawskich 1564–1565. Cz. I–III. Cz. I / wyd. A. Tomczak, C. Ohryzko-Włodarska, J. Włodarczyk. Cz. II / wyd. A. Tomczak. Cz. III (indeksy) / Oprac. Cz. Ohryzko-Włodarska, A. Tomczak, M. Woźniakowa. Bydgoszcz: Bydgoskie T-wo Naukowe, 1961–1964.
- Mącz = *J. Mączynski* *Lexicon Latino-Polonicum*. Królewiec 1564.
- Monitor = *Monitor* (1765–1785). Wybór / Oprac. E. Aleksandrowska. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976. BN I nr 226.
- Mrongowiusz = Ch. C. Mrongowiusz, Dokładny słownik polsko-niemiecki, Królewiec 1835.
- OrtMac = Wyroki sądów miejskich czyli ortyle // W. A. Maciejowski. Historia prawodawstw słowiańskich / Wyd. 2. T. VI. Warszawa: Druk rządowy przy K. r. Sprawiedliwości, 1858.
- OstrPr = *T. Ostrowski* *Prawo cywilne albo szczególne narodu polskiego*. T. I–II. Warszawa 1784.
- PirPow = *G. Piramowicz* *Powinności nauczyciela oraz wybór mów i listów* / Oprac. K. Mrozowska. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1950. BN I nr 171.
- Praxis = *Andrzej dell' Aqua* *Praxis ręczna działa* / Wyd. T. Nowak. Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1969.
- PsFlor = Psalterz floriański łacińsko-polsko-niemiecki // Wyd. R. Ganszyniec, W. Taszycki, S. Kubica / Red. L. Bernacki. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1939.
- PT = *A. Mickiewicz* *Pan Tadeusz czyli ostatni zajazd na Litwie*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967. BN I nr 83.
- RWlkp = Wielkopolskie rotty sądowe XIV – XV wieku. T. I–V / Zebrał i oprac. H. Kowalewicz, W. Kuraszkiwicz. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1959–1981.
- Sarnicki = *S. Sarnicki*, Statuta i metryka przywilejów koronnych, Kraków 1594.
- SBBYdg = Słownik Bartłomieja z Bydgoszczy. Wersja polsko-łacińska. T. I–V / Oprac. E. Kędelska, I. Kwilecka, A. Łuczak. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1999–2012.
- SJAMick = Słownik języka Adama Mickiewicza. T. I–XI / Red. K. Górski, S. Hrabec. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1962–1983.
- SJPDor = Słownik języka polskiego. T. I–XI / Red. W. Doroszewski. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1965–1969.
- SJPKVII–I/XVIII = Słownik języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII wieku. T. I / Red. Komitet redakcyjny. Kraków: Polska Akademia Nauk, 1999.
- SPaska = Słownik Jana Chryzostoma Paska. T. I–II / Red. H. Koneczna. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1965–1973.
- SPXVI = Słownik polszczyzny XVI w. T. I–IV / Red. Komitet redakcyjny. T. V–XXXIV / Red. M. R. Mayenowa, K. Pepłowski. T. XXXV–XXXVII / Red. K. Mrowciewicz. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1966–2015.
- SStpl = Słownik staropolski. T. I–XI / Red. S. Urbańczyk. Kraków: Polska Akademia Nauk, 1953–2002.

- Sondel = *J. Sondel* Słownik łacińsko-polski dla prawników i historyków. Kraków: J. Sondel i Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 1997.
- SWil = Słownik języka polskiego / Oprac. A. Zdanowicz i inni. Wilno, 1861.
- SWarsz = Słownik języka polskiego. T. I–VIII / Red. J. Karłowicz, A. A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Warszawa: Nakładem prenumeratorów i Kasy Mianowskiego, 1900–1927.
- Sul = Kodeks Świętosławów (Suleđa) / Wyd. F. Piekosiński. Kraków: Archiwum Komisji Prawniczej Akademii Umiejętności. T. III. 1895. S. 221–334.
- TestChł = Testamenty chłopów polskich od drugiej połowy XVI do XVIII wieku / Oprac. i wyd. J. Łosowski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2015.
- TestEwRef = Testamenty ewangelików reformowanych w Wielkim Księstwie Litewskim / Wyd. U. Augustyniak. Warszawa: Urszula Augustyniak. Semper, 1992.
- TestKrakF = Testamenty szlachty krakowskiej XVII–XVIII w. / Oprac. A. Falniowska-Gradowska. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1997.
- TestPrus = Testamenty szlachty Prus Królewskich z XVII wieku / Oprac. i wyd. J. Kowalkowski, W. Nowosad. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2013.
- TestSand = Cui contingit nasci, restat mori. Wybór testamentów staropolskich z województwa sandomierskiego / Wyd. M. Lubczyński, J. Pielas, H. Suchojad. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2005.
- TestWlkp = Testamenty szlacheckie z ksiąg grodzkich wielkopolskich z lat 1631–1635 / Wyd. P. Klint. Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 2008; Testamenty szlacheckie z ksiąg grodzkich wielkopolskich z lat 1657–1680 / Wyd. P. Klint. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011.
- Troc = *M. A. Troc* Nowy dykcjonarz to jest mownik polsko-niemiecko-francuski, Lipsk 1779.
- Tucholczyk = Słownik Jana Cervusa z Tucholi / Oprac. M. Karplukówna. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1973.
- UIWiej = Księgi sądowe wiejskie. T. I–II / Wyd. B. Ulanowski. Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności, 1921.
- VolLeg = Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarów w Warszawie od roku 1732 do roku 1782 wydanego. T. I–VIII. Petersburg: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1859–1860. T. IX. Kraków: Wydawnictwo Komisji Prawniczej Akademii Umiejętności w Krakowie, 1889.
- ZabPrz = Zabawy przyjemne i pożyteczne (1770–1777). Wybór / Oprac. J. Platt. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968. BN I nr 195.

РАЈНА ДРАГИЋЕВИЋ

Белград, Србија

Развој лексичког система српског језика од прасловенске епохе до почетка XXI века*

Циљ овог рада јесте опис основних црта у развоју лексичког система српског језика онаквог какав он данас јесте. Покушаћемо да одговоримо на питање из којих се све слојева састоји лексика савременог српског језика. За читаоце је важно да имају у виду да се ова тема могла обрадити на два начина, тј. из два смера. Први смер је од најстаријег времена до данас (са свим процесима, настајањима и нестајањима лексике), а други смер је из перспективе лексике савременог српског језика ка најстаријим временима (без интересовања за процесе који нису оставили трага на слику савременог

* Овај рад је настао на основу делова из књиге *Драгићевић Р.* Српска лексика у прошлости и данас. Нови Сад: Матица српска, 2018. 450 с.

стања српске лексике). Тема је широка, а овде ће се обухватити само најважнији њени сегменти. Највише пажње посветиће се прасловенском слоју српске лексике, а најмање лексиси којом се богати српски језик у XX и у XXI веку.

И. Прасловенска епоха

За истраживање лексичког састава савременог српског језика важно је утврдити најстарији и најбогатији слој лексике који, свакако, чини базу лексичког система српског језика¹. Тај најстарији лексички слој представља прасловенска лексика. Према О.Н. Трубачову, у сваком савременом словенском језику постоји, у просеку, око 5000 лексема које представљају рефлексе прасловенских речи².

У вези са статусом прасловенског језика, Ф.П. Филин тврди да прасловенски језик (у данашњем смислу тог термина) није постојао. Он истиче да није постојао ни прасловенски народ. Постојала је етничка заједница прасловенских племена који су говорили блиским дијалектима³. А. Белић, изгледа, није тако мислио. По његовом мишљењу, „прасловенски језик је научни назив за језик којим су говорили Словени када су још чинили једно племе и живели у географској заједници“, што значи да А. Белић сматра да је првобитно постојало једно, јединствено, словенско племе које је говорило једним језиком⁴.

Време распада прасловенске епохе различито је одређивано. Заједница прасловенских племена трајала је до распада родовске заједнице и до формирања првих словенских држава. Ф.П. Филин примећује да О.Н. Трубачов не одређује хронолошку границу свог *Етимолошког речника словенских језика* (ЭССЯ)⁵, али да фонолошки и морфолошки процеси указују на то да је ова заједница постојала до VI–VII века нове ере. А. Меје, аутор монографије о прасловенском језику, сматра да је прасловенска епоха захватала чак и IX век нове ере. Тај податак послужио је А. Белићу као повод за чланак у којем он износи оштру критику оваквог хронолошког тумачења. По његовом мишљењу, „извесни процеси, који су се вршили у прасловенском језику, могли су се вршити још дуго времена, и то у различитим словенским језицима различно време, не значећи да се епоха прасловенског језика још увек није завршила.“ Према Белићу, заједничке српскохрватске и словеначке црте почеле су да се манифестују још пре VII века, тј. пре доласка на Балканско полуострво. Исто тако, Белић подржава мишљење В.Н. Шчепкина, када је претпоставио да је општебугарско јединство постојало већ у

¹ Преглед прасловенске лексике у српском језику углавном је представљен према раду *Рајне Драгићевић*. О прасловенском слоју лексике савременог српског језика // Лексика. Граматика. Дискурс. Зборник радова у част В. Васић. Уредници М. Алановић, Ј. Дражић, Г. Штасни, Ф. Штбац. Нови Сад: Филозофски факултет, 2013. С. 59–74.

² *Трубачев О.Н.* О составе праславянского словаря // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. София, 1963. С. 170.

³ *Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка. Москва: Наука, 1984. С. 30.

⁴ *Белић Александар.* Прасловенски језик // Упоредна словенска лингвистика. 1. Приређивач Р. Јовићевић, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. С. 249.

⁵ *Трубачев О.Н.* Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // *Етимология 1991–1993*. Москва: Наука, 1994. С. 4. Аутор указује на чињеницу да досадашњи покушаји историјско-лингвистичке периодизације немају, на жалост, језичку, већ друштвено-историјску хронолошку основу.

VII веку⁶. А. Белић и П. Ђорђевић сматрају да се “мора претпоставити да је током IV века после Христа несумњиво нестајало те заједнице код Словена, па ми и сматрамо да после тога времена отпочиње засебан живот основних група словенских на које се заједница разбила”⁷.

Пошто не постоје прасловенски споменици јер се прасловенска језичка заједница распала пре описмењавања Словена, тешко је прецизно реконструисати прасловенски лексички фонд. Појава ЭССЯ утицала је на неке лингвисте да смелије износе статистичке податке о лексичком саставу и структури прасловенске лексике. Те податке треба узимати условно. Навешћемо неке од њих с намером да укажемо на одређене везе и пропорције у прасловенском лексичком фонду (бар за лексику која је узета у разматрање), а не због тога што их сматрамо прецизним. Ф.П. Филин на стр. 33 своје *Историјске лексикологије руског језика* статистички је обрадио податке из завршених томова ЭССЯ⁸ и дошао до следећих закључака: лексеме које постоје у свим словенским језицима сачињавају 21% целог речника (укупно 804 лексеме)⁹. ЭССЯ садржи 964 лексеме (или 28% од укупног броја) које су заједничке за јужнословенске, западнословенске и источнословенске језике, али не за све њих заједно. Јужнословенска лексика, заједничка за све језике из ове групе и њихове дијалекте, чини 423 лексеме или 11,2%. Западнословенска лексика запрема 5,4% или 204 лексеме овог речника. Источнословенска лексика заузима 6,8% речника или 270 лексема. Посебно је занимљиво изнети податак да постоји заједничка јужнословенска и источнословенска лексика (12,4% или 468 лексема), заједничка западнословенска и источнословенска лексика (8,3% или 314 лексема) и заједничка јужнословенска и западнословенска лексика (6,9% или 260 лексема). Према речима Ф.П. Филина, ова слика свакако није прецизна, али он сматра да она не може бити значајно другачија ни када цео ЭССЯ буде био завршен.

Још једна рачуница, коју Ф.П. Филин износи на стр. 25 своје *Историјске лексикологије*, а коју он пропорционално изводи на основу 3771 лексеме обрађене од слова А до Г у ЭССЯ, показује да се прасловенски лексички фонд састојао од око 22.600 лексема. Како Филин примећује, овако велик број лексема сведочи о високом цивилизацијском нивоу говорника који су их користили (остало је забележено да се лексика Пушкинових дела састоји из 21.000 лексичких јединица). Наравно, ниједно словенско племе није користило овај целокупан фонд. Општесловенски лексички фонд сачиња-

⁶ Белић Александар. О прасловенском језику // Упоредна словенска лингвистика. 1 / Приређивач Р. Јовићевић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. С. 246–249.

⁷ Белић Александар и Ђорђевић Петар. Како би се могла епоха прасловенског језика временски одредити // Упоредна словенска лингвистика. 2 / Приређивач Р. Јовићевић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. С. 240.

⁸ Према нашој процени, Ф.П. Филин је узео у обзир првих шест свезака ЭССЯ. Прво издање књиге на коју се позивамо (*Историческая лексикология русского языка*) објављено је постхумно, а Ф. П. Филин је умро 1982. год. Осим тога, уз једну од многобројних рачуница, аутор експлицитно каже да је имао у виду лексику обрађену у ЭССЯ од А до Г. Шеста свеска ЭССЯ (е – *golva) објављена је 1979. год. Пошто лексика од А до Г не представља најмногобројнију и најрепрезентативнију лексику, мале су шансе да ће пропорционални односи остати исти и када ЭССЯ буде био завршен. Ипак, О.Н. Трубачев («Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода». С. 3–23), иако се осврће на ову књигу Ф.П. Филина, не оцењује негативно статистичке процене које су у њој изнесене.

⁹ Цифру од око 700–800 општесловенских лексема за старословенски језик (прецизније за језик Ђирила и Методија) потврђује А. С. Львов (*Львов А.С. Праславянский слой старославянской лексики // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 72*), позивајући се на С. М. Кульбакина.

вало је око 4000 лексема (21% укупног састава). Велики део фонда сваког дијалекта чинили су локализми.

Прасловенска и општесловенска лексика. Немогуће је прецизно одредити број прасловенских лексема, као и њихов идентитет. Постоји више разлога за то, а као један од важнијих може се навести порекло твореница у словенским језицима, тј. немогућност поузданог тврђења о времену њиховог настанка. Чињеница да је у већем броју словенских језика забележена нека лексема, не мора представљати доказ за то да је она прасловенског порекла, јер је могла настати и касније, у сваком језику понаособ. Творенице чине највећи део лексичког састава словенских језика, па је јасно колико неодређеност њиховог статуса утиче на стицање прецизне слике о саставу прасловенске лексике.

Разумљиво је да се велики број лексема у словенским етимолошким речницима квалификује као прасловенска и свесловенска лексика. Међутим, ова два одређења узајамно се не подразумевају. Из чињенице да постоје лексеме (посебно деривати) које су се самостално могле развити у многим словенским језицима, закључујемо да свесловенска лексика не мора по правилу бити и прасловенска. Факат да су многе лексеме у савременим словенским језицима настале као рефлекси прасловенских дијалектизама сведочи о томе да лексика прасловенског порекла у неком словенском језику не мора спадати у заједничко наслеђе свих словенских језика¹⁰.

И још нешто: очекује се да прасловенску лексику чине изворно словенске лексеме, а у ствари је и прасловенски језик позајмљивао лексеме из страних језика, па и оне спадају у прасловенски лексички фонд.¹¹

Српска лексика прасловенског порекла у ЭССЯ. Прасловенским слојем лексике српског (српскохрватског) језика најдеталније се до сада бавила И.П. Петлова¹². Она је у два рада представила српску лексику прасловенског порекла, абecedним редоследом, од слова А до слова М. Пројекат је спровела за потребе ЭССЯ, под руководством О.Н. Трубачова. У индекс су укључене осим простих и изведене лексеме. За творенице се, како каже ауторка (на стр. 115) водило рачуна о старини творбеног модела, о семантици, акценту, времену прве фиксације лексеме итд. У индекс су ушле и позајмљенице које су у прасловенски језик преузете из германских, иранских и других језика. Када је то било неопходно, наведено је и значење појединих лексема. На крају уводних напомена, ауторка констатује да је реконструкција прасловенског лексичког фонда веома сложена и у неким сегментима хипотетичка.

Овде ће се представити око 80 процената лексике које је И.П. Петлова изложила у својим радовима од слова А до слова М. Наш крајњи циљ јесте стицање прегледне слике о структури лексичког фонда савременог књижевног српског језика, па нас у том

¹⁰ Тако је, на пример, А.С. Львов на стр. 73 већ цитираног рада, анализирајући неке старословенске споменике, прорачунао да они садрже око 10% јужнословенских дијалектизама.

¹¹ Ј. Грковић-Мејур у прасловенски лексички слој старословенског језика укључује и оне лексеме које представљају позајмљенице у прасловенском: *cesarъ, kupiti, kъnensъ, bljudo* (Грковић-Мејур Ј. Старословенска лексика // Списи из историјске лингвистике. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2007. С. 378).

¹² *Петлова И.П.* Праславянский слой лексики сербохорватского языка. I // *Этимология* 1968. Москва: Наука, 1971. С. 114–156; *она же.* Праславянский слой лексики сербохорватского языка. II // *Этимология* 1971 Москва: Наука, 1973. С. 20–57. Од српских лингвиста овим питањем бавио се: *Поповић Иван.* Историја српскохрватског језика. Београд: Трeбник, Лира, Елводпринт, 2007. С. 403–427.

смыслу интересује проценат, структура и организација српске лексике прасловенског порекла. Тако смо и приступили индексу И.П. Петлове. Нисмо узели у обзир непунозначне лексеме, као ни дијалектизме. Нисмо преузели ни све деривате. Ова лексика биће распоређена по широко заснованим тематским групама, а не по абецедном реду, као у радовима Петлове. Циљ је да се осмотре *тематски слојеви лексике савременог српског језика која је прасловенског порекла*. Ово је важно нагласити због могућих погрешних интерпретација наведених тематских група. Неупућени читалац могао би да дође у искушење да на основу наведених тематских кругова почне да реконструише живот и културу Прасловена. Овакав приступ био би погрешан јер прасловенско порекло лексеме не гарантује да је она заиста постојала у прасловенској епохи (ово нарочито важи за деривате) нити да је имала исто значење које данас има. Дакле, тежиште овог лексичког груписања налази се на проучавању прасловенског слоја *лексике савременог српског језика*, а не на анализи *лексике прасловенског дијалекта* којим су говорили Срби.

Тематска класификација српске лексике прасловенског порекла

1. *Човек, његове особине, радње, стања и сл.*

1.1. Човек: човек (*čelověкъ), људи (*l'udi), чедо (*čędo), дете (*dęte), деца (*dętsa), девица (*dęvica), девојка (*dęvoјъka), друг (*drugъ), дружина (*družina), господин (*gospodinъ), госпођа (*gospodja), гост (*gostъ), маторац (*matogъsъ), момак (*momъkъ), детињи (*dętinъjъ).

1.2. Делови тела човека, израштаји на телу: бедро (bedro), бок (*bokъ), бора (*bora), брада (*borda), брадавица (*bordavica), бубуљица (*bъbulica), брк (*bъrkъ), чело (*čęlo), црево (*čęrvo), чир (*čigъ), чуперак (*čuperegъ(kъ)), десни (*dęsna), длака (*dolka), длан (*dolnъ), душник (*dušnikъ), јетра (*jętra), глежањ (*glezъnъ/b), глава (*golva), гузица (*gъzica), гуз (*gъzъ), груди (*gъrdъ), језик (*językъ), кук (*klъkъ), колено (*kolęno), краста (*korsta), коса (*kosa), костур (*kosturъ), кост (*kostъ), кожа (*koža), крв (*kry), леђа (*lędъja), лице (*lice), младеж (*madežъ), материца (*materica), модрица (modrica), мозак (*mozgъ), мудро (*mъdo); **1.2.1.излучевине:** гној (*гнојъ), говно (*говно).

1.3. Вршилац радње, носилац титуле, звања, занимања: бегунац (*bęgunъ), цар (*сęsаgъ), грнчар (*гъгъпъсaгъ), краљ (*korlъ), купац (*купъsъ), курва (*кугъva), кмет (*къметъ), кнез (*къпъсъ), кнегиња (*къпъсунi), лекар (*lękаgъ), ловац (*lovъsъ), молитель (*modlитель), **носилац особине:** мучитель (*mъčитель), мудрац (*mъdгъsъ), јунак (*junакъ).

1.4. Рођачки односи: баба (*baba), близанац (*blizъnъsъ), браћа (*bratъja), деда (*dędъ), девер (*dęvergъ), кћи (*dъkt'i), јетрва (*jętry), мама (*mama), материн (*materinъ), матерњи (*materгъnъjъ), мати (*mati), матер (*mati), маћеха (*matъjehа), муж (*mъžъ).

1.5. Особине човека: бедан (*będъnъ), блед (*blędъ), близак (*blizъkъ), богат (*bogатъ), благ (*bolгъ), бахат (*bъxъtъ), брз (*bъzъ), чаран (*čаgъnъ), чио (*čilъ), частан (*čъstъnъ), дебео (*debelъ), дивљи (*divъjъ), диван (*divъnъ), добар (*dobгъ), драг (*dorgъ), достојан (*dostojъnъ), гадан (*gadъnъ), глух (*gluhъ), глуп (*glupъ), гнусан (*gnusъnъ), грозан (*grozъnъ), груб (*grъbъ), грбав (*гъгъbавъ), грд (*гъrdъ), гибак

(*gybъкъ), храбар (*xorbъгъ), хром (*xromъ), хитар (*хутъгъ), јак (*јакъ(јъ)), једар (*јѣдгъ), кудрав (*kǫdгравъ), красан (*kрасъпъ), крепак (*krĕръкъ), кротак (*krotъкъ), крупан (*kрупъпъ), крхак (*kгъхъкъ), кржљав (*kъгъž-), килав (*kylавъ), ласкав (*laskавъ), лењ (*lĕпъ), леп (*lĕръ), лош (loшь), лукав (*lǫkавъ), луд (*ludъ); јалов (*jalовъ), красота (*kрасота), мали (*maлъ(јъ)), матор (*matorъ), милостив (*milostivъ), милост (*milostъ), милостан (*milostъпъ(јъ)), мио (*milъ(јъ)), миран (*mirъпъ(јъ)), млохав (*mloхавъ), мли-тав (*mlitавъ), моћ (*mogътъ), моћан (*mogътъпъ), младост (*moldostъ), млад (moldъ(јъ)), мучан (*mǫщъпъ(јъ)), мудар (*mǫдгъ(јъ)), мудрост (*mǫдгостъ), мушки (*mǫжьскъ(јъ)), мисаон (*mysъпъ), мусав (*mysавъ), мршав (*мыгъшавъ), мртав (*мыгътвъ).

1.6. Осећања: бес (*bĕсъ), бојати се (*boјati (se)), бојазан (*boјazпъ), ценити (cĕniti), чезнути (*čeзноти), дивити се (*diviti (se)), јед (*ĕдъ), јад (*јадъ), гнев (*gnĕвъ), кајати се (*кајати (se)), љубав (*l'uby), милити се (*militi (se)), мрзити (*мыгъзити), мрзак, мрски (*мыгъзъкъ(јъ)).

1.7. Духовни живот човека: душа (*duša), грех (*grĕхъ), истина (*istina), лаж (лъжь), мѡра (*mora), мисао (*mysъ), чудити се (*ĉuditise), досада (*dosada), досадити (*dosaditi), мислити (се) (*mysliti (se)), молба (*modлъба); **1.7.1. религија:** бог (*bogъ), богиња (*bogyni), Божић (*božitъјъ), молитва (*modlitva).

2. Животиње

2.1. Животиње и њихови делови тела: јагње (*agне), блавор (*bolвогъ), буба (*bǫба), зоља (*bъzol'a), бик (*byкъ), пчела (*bъĉela), црв (*ĉыгвъ), јелен (*elенъ), јесе-тра (*esetra), јеж (*eжь), јазавац (*ѣzвъсь), глиста (glista), гњида (*gnida), говедо (*govĕdo), гуштер (*gušĉегъ), хрчак (*хъгъĉкъ), јарац (*јагъсь), јуне (*junе), кљусе (*kl'use), кобила (*kobyла), коњ (*копъ), крава (*korва), кошута (*koшута), коза (*koza), куче, кучка (*kuĉ-), куна (*kuna), цврчак (*kvъгъĉкъ), крпелъ (*kъrpелъ), ласица (*lasica), лептир (*lep(ъ)тугъ), лисица (*lysica), лав (*лъвъ), матица (*matica), мечка (*meĉъка), медвед (*medvĕдъ), мрена (*merna), метилъ (*metуль), младунац (*moldunъсь), мољац (*molъсь), мрав (*morgъ); крдо (*kъгдъ), мужјак (*mǫж-), мува (*muxa), мушица (*mušica), мазга (*мъзъкъ), миш (*myшь), марва (*мыгъха), грива (*griva), кљун (*kl'унъ), копито (*koryto), крило (*kridlo).

2.2. Птице: јато (*јато), јастреб (*astrĕбъ), дропља (*droпу), дрозд (*drozdъ), галѣб (*galĕбъ), гавран (*ga(јъ)вогъпъ), голуб (*golǫбъ), гуска (*gǫсъка), јаребица (*јарĕbica), јастреб (*јastrĕбъ), кокош (*kokoшь), кукавица (*kukavica), ластавица (*lastavica).

2.3. Оглашавање животиња: блејати (*blĕјати), гакати (*gakati), гукати (*gukati), крекетати (*kreкĕtати), цврчати (*kvъgkati), лајати (*lajati), маукати (*m'aukati), мечати (*meĉати), мекати (*mekati), мукати (*mukati).

3. Биљке

3.1. Ситније биљке: биљка (*byлъка), боб (*bobъ), боквица (*boку), бршљан (*bršl'апъ), зова (*bъzova), буника (*bъlnika), детелина (*deĕelina), јечам (*jĕĉъмъ), гљива (*gliva), грах (*gogъхъ), грм (*grъмъ), хмељ (*hъmelъ), конопља (*kopopъja), ко-прива (*kopъriva), кукољ (*kǫkoloъ), лишај (*lišajъ), лоза (*loza), лук (*lukъ), лан (лъпъ), мак (*макъ), метвица (*meĕvica), маховина (*mъxovina), мрква (*мыгъку).

3.2. Дреће: дрво (*dгъво) јаблан (*abolпъ), јасен (*aseпъ/ъ), јасика (*asika), јавор (*avогъ), брест (*berстъ), берза (*berza), бор (*богъ), буква (*byкъ), дрен (*derпъ), јела (*edla), глог (*glogъ), леска (*lĕska), липа (*lipa).

3.3. Воће: јабука (*ablъko), јагода (*agoda), бресква (*bersky), трешња (*čeršъn'a), крушка (*kruš(ъk)a), грожђе (*grozdъje), купина (*kōpina).

3.4. Делови биљака: бобица (*bobica), бодља (*bodъль), грана (*grana), грозд (*grozdъ), клас (*kolсъ), корен (*korēнь), крошња (*krošъn'a), цвет (*květъ), клица (*kъlica), латица (*latica), лист (*listъ), љуска (*l'uska), махуна (*mъxuna).

4. Храна

4.1. Продукти животиња и биљака; храна: храна (*xogna), јагњетина (*agnētina), јаретина (*jarētina), говедина (*govēdina), јаје (*aje), брашно (boršъno), хлеб (*xlēbъ), каша (*kaša), колач (*kolačъ), лепиња (*lepina), летина (lētina), лој (*lojъ), масло (*maslo), маслац (*masлъсъ), маст (*mastъ), мед (*medъ), млеч (*melčъ), мекиње (*mēkyna), месо (*mēsо).

5. Предмети, особине предмета

5.1. Предмети: јарам (*агъмъ), бич (*bičъ), брана (*bogna), бубањ (*bōbъпъ), брвно (*bъgvъno), бритва (*britva), брод (*brodъ), бачва (*bъči), цедило (*cēdidlo), цев (*cēvъ), чаша (*čaša), цреп (*čerъpъ), чешаљ (*česъљ), чун (*čъlnъ), даска (*dъska), длето (*delbto), дубак (*dъlbъkъ), греда (*grēda), гусле (*gōsъљ), грабуље (*grabul'a), гривна (*grivъna), гвожђе (*gvozđъje), јасле (*jasli), ивер (*jъverъ), игла (*jъgъla), клада (*kolda), клешта (*klešča), клупа (*klōpъ), кључ (*kl'učъ), колевка (*kolēbъka), конач (*kōпъсъ), копље (*kōpъje), корито (*koryto), коса (*kosa), кошара (*košara), кошуља (*košul'a), кошница (*košъnica), котао (*kotъљ), кука (kuka), квака (*kvaка), кабао (*kъbъљ), књига (*kъniga), крчаг (*kъgčagъ), крпа (*kъpа), лествице (*lēztva), лонац (*loпъсъ), лопата (*lopata), лопта (*lopъta), лутка (*lōtъka), мамац (*mamъсъ), мрежа (*mežа), метла (metъla), мотка (*motъka), мотика (*motyka).

5.2. Грађевине: **5.2.1. људске:** грађа (*gordja), дом (*domъ), двор (*dvorъ), кућа (*koџa), кров (*krovъ), мост (mostъ), млин (*mъlinъ); **5.2.2. животињске:** мравињак (*mōrvin-), гнездо (*gnēzdo), јазбина (*žvina).

5.3. Особине које се примарно не односе на човека: бистар (*bystrъ), бридак (*bridъkъ), цео (*ceљъ), чест (*čestъ), чист (*čistъ), читав (*čitavъ), чврст (*čъrstvъ), црвљив (*čъgvivъ), гњио (*gnilъ), дуг (*dъљъ), једнак (*edъnakъ), гладак (*gladъkъ), горак (*gōgъkъ), готов (*gotovъ), густ (*gōstъ), исти (*istъjъ), јасан (*jasъпъ), коначан (*kōпъсъпъ), кракак (*kōrtъkъ), крив (*krivъ), крут (*krōtъ), крт (*krъtъ), крњ (*kъпъ), кисео (*kysъљ), лагодан (*lagodъпъ), леден (*ledъпъ), лак (*љgъkъ), љут (*l'utъ), мастан (mastъп(јъ)), мек (*mēk(јъ)), млак (*molъkъ), мутан (*mōtъпъ(јъ)), мрсан (*mъgъпъ(јъ)).

5.4. Боје: бео (*bēљъ), црн (*cъпъ), црвен (*čъvепъ), мрк (*mъrkъ), модар (*mōdъgъ(јъ)).

5.5. Партикуларизатори уобличивачи: бремене (*berme), честица (*čestica), грумен (*grume), грудва (*grudy), млаз (molъљ), мрва (*mъrva); **целина и делови:** целина (*cēlina), члан (*čelnъ), број (*brojъ).

5.6. Облици и линије: коцка (*kostъka), круг (*krōgъ), крак (*kōgъkъ), дуж (*dъљъљ), црта (*čъrta).

6. Географски појмови, атмосферске појаве

6.1. Место, рељеф, врста земље: место (*mēsто), брег (*berg), bezdan (*bezъdъпъ), brazda (*borzda), брдо (*bъrdo), глина (*glina), дивљина (*divina), долина (*dolina), двориште (*dvorišče), држава (*dъgžava), јаз (*jazъ), гај (*gajъ), град (*gordъ), гроб

(*grobъ), гробље (*grobъje), јама (*jama), камен (*kamy), кремен (*kremy), кланац (*kolньсь), копно (*корьно), крш (*крьшь), ледина (*lędina), луг (*lųgъ); међа (*medja), граница (*granica).

6.2. Водене, течне површине: бања (*ban'a), бара (*bara), блато (*bolto), брлог (*bъrlogъ), извор (*jъzvoгъ), језеро (*ezero), глиб (*glibъ), калуга (*kal'uga), лука (*lųka), муљ (*mulъ).

6.3. Атмосферске појаве: бура (*bur'a), дуга (*dųga), дим (*dymъ), гар (*garъ), гром (*gromъ), мраз (*mrazъ), звезда (*gvęzda), јапа (*japa), капља (*kapja), киша (*kuša), лед (*ledъ), Месец (*męšęсь), месечина (*męšęćina), магла (*mъgla), мраз (*mrazъ).

6.4. Месни релациони квалификатори и оријентири: далек (*daleкъ), десни (*desнь(јъ)), доњи (*dolньпјъ), дно (*dъbno), горњи (*gogньпјъ), леви (*lęvњјъ), југ (*jugъ).

7. Временски појмови

7.1. Време: час (*časъ), четвртак (*četvъrtкъ), дан (*dънь), давни (*davньпјъ), древни (*drevньпјъ), доба (*doba), дневни (*dъnevньпјъ (јъ)), јесен (*eseny), година (*godina), јутро (*jutro), лето (*lęto).

8. Процеси

8.1. Стања, збивања, медијални процеси: беда (*będa), бистрина (*bystrina), блистати (*blistati), блеснути (*blęsknųti), блесак (*blęськъ), бљувати (*blъvati), болест (*bolestъ), болети (*bolęti), бол (*bolъ), бос (*bosъ), бридити (*briditi), баздети (*bъ-zdęti), бдети (*bъdęti), брботати (*bъrbotati), будити се (*buditi (sę)), чинити (се) (*ćiniti (sę)), чути (*ćuti), чувати (*ćuvati), чамити (*ćьmiti), чама (*ćьма), чврснути (*ćьrstvнųti), давити (се) (*daviti (sę)), димити се (*dymiti (sę)), добити (*dobyti), догодити се (*dogoditi (sę)), дремати (*dręmati), дурити се (*duriti (sę)), језити се (*ežitи (sę)), језа (*jęza), гњити (*gniti), гнојити се (*gnojiti (sę)), гојити (*gojiti), гладовати (*goldovati), глад (*goldъ), гранути (*gornųti), грмети (*grmęti), го (*golъ), горети (*goręti), грозити се (*groziti (sę)), грозница (*grozньnica), губити (*gubiti), гинути (*gybnųti), хабаты се (*xabati (sę)), хладити (*xolditi), хркати (*xъrkati), имати (jъmati), извирати (*izvirati), ишчезнути (*jъzćenųti), јава (*авъ), клецати (*klęcati), клокотати (*klokotati), колебасти (*kolębati), куњати (*kun'ati), клијати (*кълјјати), кипети (*купјјати), киснути (*kysнųti), лебдети (*lebdęti), лећи (*legt'i), летети (*letęti), лепити се (*lępiti (sę)), лити (*liti), лучити (*lųćiti), мењати се (*męn'ati (sę)), метеж (*mętež), милина (*milina), мирити (се) (*miriti (sę)), мировати (*mirovati), мир (mirъ), млачити се (*mlaćiti (sę)), модрити се (*modritи (sę)), мокар (*mokъ(јъ)), моћи (*mogti), мрачити (се) (*morćiti (sę)), мрак (*morkъ), мучити се (*mųćitisę), мука (*mųka), маглити (се) (*mъgliti (sę)).

8.2. Радње, активни процеси: јавити (се) (*aviti (sę)), бацити (*baciti), бајати (*bajati), бавити се (*baviti (sę)), беседити (*bez (ъ)sęditi), бежати (*bęžati), бирати (*birati), блебетати (blebetati), блудити (*blųdęti), богатити (се) (*bogatiti (sę)), борити се (*bortisę), бранити (*borniti), бости (*bosti), бријати (*britи), бродити (*broditi), бројати (*brojiti), брусити (*brusiti), брисати (*brysati), бучати (*bućati), буљити (*buliti), бунити (*bunitи), бусати се (*busatisę), бушити (*bušiti), бркати (*bъrkati), брзати (*bъrzati), брати (*bъrati), цедити (*cęditi), целивати (*cęlovati), цепати (*cępati),

чарати (*čarati), чекати (*čekati), чистити (čistiti), читати (*čitati), чупати (*čupati), црпи (*črpt'i), цртати (*črtati), частити (*čstiti), даровати (*darovati), дати (*dati), делати (*dělati), делити (ce) (děliti (se)), дирати (*dirati), додати (*dodati), дојити (*dojiti), доћи (*dojiti), доказати (*dokazati), допрети (*doperti), досегнути (*dosegnoti), доспети (*dospěti), достићи (*dostigt'i), довести (*dovesti), драпати (*drapati), дражити (*dražiti), дробити (*drobiti), дружити се (*družiti (se)), дунути (*dunoti), дићи (*dvigt'i), дубити (*dьlbiti), дрмати (*dьgmati), држати (ce) (*držati (se)), јести (*ěsti), гађати (*gadјati), гајити (*gajiti), гасити (*gasiti), гатати (*gatati), газити (*gaziti), гладити (*gladiti), гледати (*ględati), глумити (*glumiti), гутати (*glьtati), гњавити (*gn'aviti), гонити (*goniti), градити (ce) (*gorditi (se)), гостити (*gostiti), говорити (*govoriti), грабити (*grabiti), гребати (*grebati), грејати (*grę(ja)ti), грешити (*gręšiti), грохотати (*groxotati), гристи (*gryzti), гулити (*guliti), звизнути (*gvizdnoti), грбити се (*гьrbiti (se)), грчити (*гьrčiti), грдити (ce) (*гьrditi (se)), хвалити се (*xvaliti (se)), хитати (*xytati), јебати (*jebati), јецати (*j)ęcati), јурити (*juriti), играти (*jьgrati), избавити (*jьzbaviti), избећи (*jьzbęžati), избити (*jьsbyti), издати (*jьzdati), какати (*kakati), каљати (*kal'ati), калити (*kaliti), карати (*karati), кашљати (*kašl'ati), казати (*kazati), клеветати (*kl'evetati), клечати (*klečati), клизати се (*klizati (se)), кљукати (*kl'ukati), куцати (*klьcати), клати (*kolti), клатити (*koltiti), копати (*kopati), користити (*koristiti), косити (*kositi), котити (ce) (*kotiti (se)), ковати (*kovati), купати се (*kopati (se)), красти (*krasti), кресати (*kresnoti), кренути (*krętnoti), крикнути (*kriknoti), кројити (*krojiti), кротити (*krotiti), кршити (*кръšiti), крити (*kryti), кудити (*kuditi), кукасти (*kukati), купити (*kupiti), кўпити (*kupiti), кварити (*kvariti), квасити (*kvasiti), крцати (*кьrcati), крчити (*кьrčiti), крзати (*кьrzati), каснити (*кьсьněti), кидати (*kydati), кинути (*kydnoti), китити (*kytiti), ласкати (*laskati), лечити (*lečiti), лизати (*lizati), ломити (*lomiti), ловити (*loviti), ложити (*ložitи), лупити (*lipiti), лўштити (*luščiti), лутати (*lutati), лагати (*lьgati), лўбити (*l'ubiti), лўљати (*l'ul'ati), махнути (*mahnoti (se)), мамити (*mamiti (se)), мастити (ce) (*mastiti (se)), мазати се (*mazati (se)), мерити (ce) (*měritи (se)), месити (*měsiti), мешати (ce) (*měšati (se)), мигнути (*mignoti), мигольити се (*migoliti (se)), миловати (*milovati), мочити (*моčiti), молити (*modliti), мокрити се (*mokritи (se)), млатити (*moltiti), мотати (ce) (*motati (se)), мудровати (*mьdrovati), мутити (ce) (*mьtiti (se)), муљати (*mul'ati), макнути (ce) (*мьknoti (se)), мрднути (ce) (*mьrdnotи (se)), множити (ce) (*мьпоžiti (se)), мрсити (ce) (*мьrsiti (se)), мрштити (ce) (*мьrščitise), мрљати (*мьrl'ati), мрвити (*мьrviti).

8.3. Активности, резултати радњи: бег (*bęgь), блуд (*blьdь), бој (*bojь), буна (*buna), игра (*jьgra), ход (*ходь), квар (*kvarь), клетва (*kļetva), лов (*lovь), беседа (*bez (ъ)šęda), крађа (*kradja).

8.4. Звукови: бука (*buka), граја (*graја), грохот (*groxоть), громор (*gromогь), громот (*gromоть), гром (*громь), хук (*хукь), клокот (*klokоть), клопот (*klopоть), крик (*krikь), лапат (*lapрьт), лом (*ломь).

9. Разно

9.1. Разно: благо (*bolgo), цена (*сєna), чудо (*čudo), дар (*darь), дело (*dělo), дах (*дъхь), глас (*golсь), искра (*iskra), име (*jьme), коло (*kolo), кора (*kora), лек (*lěкь), мера (*mєra), мешавина (*měšavina), хумка (*hьlmьka).

II. Старословенска и црквенословенска епоха

Срби су, као и други словенски народи, користили старословенски језик у функцији свог првог књижевног идиома од IX до XI/XII века. Лексика старословенских споменика садржи 9616 речи. Старословенска лексика садржи неколико слојева: а) прасловенски (општепрасловенски и дијалекатски прасловенски); б) позајмљенице грецизми и семитизми); в) књишке творбе (неологизми); г) калкови¹³. Половина старословенске лексике прасловенског је порекла (око 4500 лексема). Процент општесловенске лексике у старословенском језику изузетно је висок, словенских творбених форманата је чак 90%. Број несловенских лексема које су по пореклу грчке износи 1778, а то је 18% лексичког фонда¹⁴.

Има лингвиста који сматрају да први књижевни језик Срба није био старословенски, већ српскословенски. Од XI/XII века, на овом језику настала је цела српска средњовековна књижевност, почев од дела Светог Саве и Стефана Првовенчаног, преко Теодосија, Доментијана, Константина Филозофа, до Гаврила Стефановића Венцловића¹⁵. Редакције старословенског језика утицале су нарочито на фонолошки и помало на морфолошки ниво. Лексичких и синтаксичких разлика било је мало, па се на томе темељи јединство црквенословенског језика као језика заједничког целом ареалу *Slavia orthodoxa*. Српскословенски језик наслеђује сва лексичка средства старословенског језика. Још од самих почетака српскословенског стваралаштва постоји јака дихотомија сакрално/профано у делима српскословенске писмености. Црквенословенски језик уопште (па и српскословенски) био је, пре свега, језик којим су се писале богослужбене и црквене књиге, али је то био и језик научне литературе, космографских, географских, терапијских и других учених списа, па и лепе књижевности, а на народном језику писани су правни и трговачки списи, популарна књижевна дела световног садржаја. „Тако је“, каже П. Ивић¹⁶, „на самом почетку, код Срба створена диглосија – стање у којем се једно друштво служи двама језичким типовима, функционално диференцираним тако да се један од њих осећа као „виши“, оплемењен, отменији и ученији, а други као „нижи“, народски и једноставнији.“ Током времена „народни језик преотимао је од црквенословенског једну по једну област употребе, потискујући свог ривала ка његовој последњој тврђави, богослужбеној функцији.“¹⁷ Ивић примећује и то да се у словенским земљама у средњем веку црквенословенски није осећао као страни језик, битно различит од домаћег, већ као виши стил домаћег језика. Стога се у многим словенским текстовима мешају елементи црквенословенског и домаћег језика, док би таква мешавина латинског с тадашњим живим европским језицима била незамислива¹⁸.

¹³ *Грковић-Мејџор Јасмина*. Старословенска лексика // *Списи из историјске лингвистике*. Сремски Карловци–Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2007. С. 377.

¹⁴ *Никитовић Зорица*. Сложенице у оригиналним српскословенским дјелима сакралног карактера. Бања Лука: Филолошки факултет, 2014. С. 6.

¹⁵ *Милановић Александар*. Кратка историја српског књижевног језика. Београд: Завод за уџбенике, 2010.

¹⁶ *Ивић Павле*. Језик у Немањићкој епоси // *Историја српског народа*. Прва књига, од најстаријих времена до Маричке битке / Уредник прве књиге Сима Ћирковић. Београд: Српска књижевна задруга, 1981. С. 617.

¹⁷ *Ивић Павле*. Српски народ и његов језик. Друго издање. Београд: Српска књижевна задруга, 1986. С. 120.

¹⁸ *Ивић Павле*. Језик у Немањићкој епоси... С. 619.

Српска народна лексика у раном средњем веку. Напореда са делима на српскословенском језику, током средњег века настајала су и дела на српском народном језику, увек са јаким присуством књижевног, српскословенског. Почев од Повеље Кулина бана с краја XII века и хиљада других повеља, преко Законика Цара Душана из XIV и Закона о рудницима деспота Стефана из XV века, све до беседа Гаврила Стефановића Венцловића, пратимо и српско културно наслеђе стварано на језику блиском тадашњем говорном.¹⁹Највише података о живом језику Срба у раном средњем веку пружају писма и повеље. Сачувана средњовековна писма углавном су пословне садржине или су то међудржавне дипломатске ноте. Приватна преписка се, изгледа, није чувала толико пажљиво.

Повеље и писма послужиле су П. Ивићу и још неким лингвистима да реконструишу народну лексику која је почела да се користи у српском народном језику у раном средњем веку, али је потврђена у српскословенским текстовима. Ево неких примера према П. Ивићу²⁰:

Планинска терминологија словенског порекла: *врлет, голет, криш, пећина, пониква, урвина, челопек.*

Лексика словенског порекла у вези са феудализмом: *господар, престол, вен'ц (= круна), владаније (= држава), двор, властелин, себр, отрок, сокалник, работа, згон, градозиданије, дан'к, доход'к, намет'к, оброк, позоб.*

Право и управа: *правда, закон, заповед, послушаније, с'грешеније, убиство, најезда.*

Позајмљенице из грчког: *штиља, крин, (прази)дук, цвекла, спанаћ, шкорпија, плица, јастог, сидро.*

А ево још неколико примера за народну лексику сачувану у Душановом законнику²¹: *потећи (= притрчати), потреба, потребовати, похара (= уништење), похвалити, прав (= исправан, праведан), правда, печат, невера, наметнути, находит (= напад), лупештина (= крађа, лоповлук), исправа (= правило, пропис), закон, закљичање, духовник*²².

Црквенословенизми (књишка лексика). У црквеним и другим списима који су преведени са грчког, лексика се удаљава од народне и постаје интелектуализованија: *владич'ствовати, разнствовати (= бити различит), сужитељство (= заједнички живот), братотвореније, клетвопреступљеније, двојежен'ц.* Многе од ових речи сачињене су према грчком узору: *звездословац, земљемерије, народодржаније*²³.

Сложеницама (као карактеристичном типу српскословенске лексике) у оригиналним српскословенским делима сакралног карактера детаљно се бавила Зорица Никитовић. Ево неких примера из њене књиге: *благољубив, благообрадован, богоглагољив, боголепије (= узвишеност), многоочит, многољубовно, немилосрдије, ништитаније (= исхрана сиромашних), облакоподобан (= сличан облаку), самовољан, самодржац, самохотно, целомудрије*²⁴.

¹⁹ Милановић Александар. Кратка историја српског књижевног језика.

²⁰ Ивић Павле. Језик у Немањинској епоси.

²¹ Чавошки К. и Бубало Ђ. (уредници). Законик цара Стефана Душана. Београд: САНУ, 2015.

²² Највише примера за лексику из овог периода садрже два речника. Први је Речник из књижевних старина српских *Ђуре Даничића*, 1–3. Београд, 1863–1864. Други: *Рječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 1–23. Zagreb: JAZU, 1880–1976.

²³ Ивић Павле. Језик у Немањинској епоси. С. 632.

²⁴ Никитовић Зорица. Сложенице у оригиналним српскословенским дјелима сакралног карактера.

Црквенословенски језик наставио је да живи у књижевном језику код Срба све до XIX века и Вукове реформе. У XVIII веку, под утицајем сложених историјских прилика, Срби прихватају рускословенски језик, па се у писаним текстовима, исте словенске лексеме јављају у руском и српском фонетско-фонолошком облику. Мешавина рускословенског, српкословенског, руског и српског језика донела је тзв. славеносрпски језик, а лексику из тог језика зовемо *славенизми*. Ево неколико примера за варијанте истих лексема које су настале под утицајем свих ових језика у књижевним делима с краја XVIII и почетка XIX века: *љубов /љубав, љубезан /љубазан, темница /тамница, точан /тачан, точка /тачка, немецики /немачки, урежденије /уређење, граждански /грађански, принуђен / принуђен, восток /исток, совјет / савет, Ускрс / Васкрс / Воскрес, отачаство / отечество / отачество, путашаство / путешество /путашество*²⁵. Дешавало се да писци комбинују рускословенске и српске или српкословенске елементе и тако су настајали хибриди познати као *славеносрбизми (содржаније, несогласја, савершено, суштество, чуствовања)*²⁶.

Како наглашава К. Кончаревић, у усменом облику, црквенословенски језик и црквенословенизми и данас су живо присутни у литургијској пракси православне цркве, а у писаном облику – у богослужбеним књигама. То је црквени језик који је стандардизован у Русији, крајем XVII и почетком XVIII века, у доба патријарха Никона. Овај језик заменио је некадашњи српкословенски, па га многи називају *новоцрквенословенским језиком*. Овај језик је архаичан, али не и мртав. За разлику од руског језика, у којем је црквенословенска база учествовала у кодификовању савременог руског књижевног језика, језичка реформа Вука Караџића, која је спроведена у XIX веку, није показала толерантност према црквенословенском језику и црквенословенизмима²⁷. Књижевни српски језик заснован је на народној основици. Испоставило се, међутим, да је и сам Вук, као и његови наследници, морао да ублажи овај ригидни став, јер за многе појмове у народном језику нису постојали адекватни називи. Вук је био приморан да гради нове речи и да се повремено користи црквенословенским наслеђем.

Црквенословенизми данас. Колико се црквенословенизама из различитих епоха чува у савременом српском језику? Према истраживању Александре Јовић, од 150.000 речи које су обрађене у *Речнику српскохрватскога књижевног језика* Матице српске, само 102 лексеме су експлицитно квалификоване као црквенословенизми, а ако се анализом обухвате и деривати, који најчешће нису маркирани, број ових лексема износи 165²⁸. Ваља имати на уму да је број речи црквенословенског порекла реално већи у савременом српском књижевном језику, јер су се неке од њих толико добро уклопиле и одомаћиле у српском језику да се више не могу идентификовати као такве, нпр. *крст, младост, молитва, пост*, те их и не треба маркирати у речницима. Најјаснији су случајеви када реч у свом основном гласовном лику чува трагове црквенословенског порекла²⁹.

²⁵ *Милановић Александар*. Кратка историја српског књижевног језика.

²⁶ *Милановић Александар*. Језик Јована Суботића. Београд: Чигоја штампа, Филолошки факултет, 2014. С. 337.

²⁷ *Кончаревић Ксенија*. Социолингвистички аспекти полилингвизма сакралних језика у оквирима *Rex Slavia Orthodoxa* // Зборник Матице српске за славистику. 2008. 73. С. 213–225.

²⁸ *Јовић Александра*. О црквенословенизмима у Речнику српскохрватскога књижевног језика (у штампани).

²⁹ *Ивић Павле*. Српски народ и његов језик. С. 307.

Ево црквенословенизама који улазе у општи лексички фонд савременог српског језика према Речнику српскохрватскога књижевног језика³⁰: *аз, бесловесан, бесловесник, бесловесно, бесловесност, бесмртије, беспределан, беишчестије, беишчислен, битије, благоволети, богослужје, буки, ваистину, васељена, васељенин, васељенски, Васкрс, васкрс, Васкрсеније, васкрсење, васкрсни, васкрснути, васкрснуће, васкрсовати, васкришавати, васкришњи, васпоставити, васпостављање, васпостављати, весма, вознесење, вознести (се), времја, глагол, глаголати, глаголаиш, глаголаишки, глаголица, глаголски, глагољ, глагољав, глагољавост, глагољање, глагољати, глагољаш, глагољашки, глагољаштво, глагољив, глагољивост, глагољити, глагољица, глагољски, глагољички, двери, дверца, движење, девственик, дејствије, дејствителни, жертва, жертовеник, жертовати се, житије, збитије, ижица, изреченије, искон, искони, исполин, јастије, јери, јуност, јуноша, јус, кондак, магновен, магновеније, магновено, магновење, маштаније, моленије, мошти, наказаније, наказати, насушан, насушност, ништ, обвињен, образ, оваплотити (се), оваплоћавати (се), оваплоћење, одежда, описаније, опитежитије, опитество, освеитати, освеитавање, освеитавати, отечество, отечествен, откровење, отпојати, отпојавати, очајаније, певанија, повиновати се, повинути се, повињавати се, подвижник, подвижништво, поднебије, подобије, подозреније, познаније, позорије, попечење, посланије, превасходитељство, преданије, преласт, прелестан, преластити, преластити се, прелестан, прелест, преосвеитени, преосвеитеност, преосвеитенство, преподобије, прочитаја, прочатити, прочи, прошењније, раб, раба, распетије, рождество, рци, столетије, страданије, суштаствен, суштаствено, суштаственост, суштаство, сусштаствованање, суштаствовати, сушити, уживленије, упражњавати (се), Успеније, ухљебије, христијан, чатати, чатац, чатити, чесно, чест, честан*³¹.

Наведена лексика спада у старословенизме, и српскословенски и рускословенски варијетет. Ове речи су у ексцерпираном речнику обележене различитим квалификаторима: *цсл., рсл., стсл.*, али и *цркв., арх., заст., рлг., стар.* итд³².

Црквенословенизми се чувају и у усменој традицији, у народним говорима. С. Реметић примећује да „су именице средњег рода на *-ије* (*Ваведеније, Преображеније, бденије* и сл.) највише маха узеле у горњем току Таре, Пиве и Мораче и њихових притока, где суфикс *-ије* није необичан ни код именица изван црквеног живота (*прољевеније, нагрђевеније* и сл.). Раширеност појаве вероватно је у вези са ауторитетом и утицајем цркве на тим просторима у средњем веку. Тамо је, уосталом, главно жариште и исходиште народних умотворина о Светом Сави, одакле су оне разношене миграцијама“³³.

Црквенословенска лексика данас се доживљава као архаична и неприкладна у неформалном стилу, али Е.В. Петрухина сматра да се позајмљеницама из црквеносло-

³⁰ Подаци се наводе према резултатима истраживања *Александре Јовић*. О црквенословенизмима у Речнику српскохрватскога књижевног језика (у штампи).

³¹ Евентуалне дублете, акценте, дефиниције и примере наведених лексема исп. у *Речнику српскохрватскога књижевног језика*. I–VI. Нови Сад: Матица српска, 1967–1976.

³² *Јовић Александра*. О црквенословенизмима у Речнику српскохрватскога књижевног језика.

³³ *Реметић Слободан*. О траговима црквеног језика у народним говорима // *Јужнословенски филолог*. 1997. LIII. С. 75–85.

венског језика може изградити *високи стил* у руском и у српском језику и да их зато треба неговати оживљавати³⁴.

III. Турска освајања и оријентализми

Од краја XIV века и турског освајања српских територија, па све до XIX века, значајну улогу на развој лексике српског језика имао је и турски језик. Последице тог снажног језичког контакта и данас се осећају у савременом српском језику. Стручњаци за оријентализме запажају да су и пре XIV века неки оријентализми постојали у српском језику. Нема много тих предосманских оријентализама, али се за њих предлаже термин *туркизми*³⁵ са значењем *реч или израз преузет из турско-татарских језика у који други језик*, док се за оријенталну лексику која је у српски језик унесена преко турског језика у време освајања Турака Османлија предлажу термини *турцизми* или *османизми*. Ми ћемо се у овом раду користити терминима *оријентализми* и *турцизми* и они ће имати исто значење. Према М. Адамовићу, предосмански оријентализми могли су ући у српски језик преко старословенског (а у њега су се инфилтрирале преко протобугарског), преко староруског и преко мађарског. Као примере за предосманске оријентализме М. Адамовић наводи и етимолошки анализира следеће лексеме: *багља* (*пласт, свежањ, споп*), *белег, бубрег, чаканац (зидарски чекић), чакља, јарак, јаруга, кина (мука), комлов (хмељ)*³⁶. П. Радић наводи лексеме *чаша, књига, ковчег, крчаг, сабља, крагуј* (врста птице), *шаран, шевар* као примере утицаја туранских језика којима су говорили Авари и Хуни између III и VII века. Као последица везе између словенских и аварских племена у VI и VII веку дошло је до усвајања лексема *бан, жупан, клобук*, а преко протобугарског, Словени су усвојили и *беочуг, пашеног, тојага*, као и поменуте лексеме *белег, бубрег*³⁷. С. Петровић усваја од Баскакова периодизацију миграција турских племена на Балкан: 1. до IX века – хунска племена; 2. од X до XII века – огушка племена; 3. од XIII до XVI века – Кипчаци и Кумани; 4. од XV до XVIII века – Турци Османлије³⁸.

Најјачи утицај турског на српски језик трајао је у време турских освајања српских територија, од XV до XIX века. Преко турског, у српском су се нашле лексеме и из персијског и арапског језика, па чак и неке из грчког и латинског³⁹. Учвршћујући власт на новој територији, Османлије су утицале на лексички фонд српског језика у областима администрације, војске, а затим и из области занатства, свакодневног живота итд. Иако, према речима С. Петровић, нема довољно хронолошких истраживања о времену преузимања одређених турцизама, анализа грађе из различитих периода развоја српског језика указује на чињеницу да су се те лексеме увек везивале за исте тематске групе.

³⁴ Петрухина Е.В. Использование словообразовательных ресурсов церковнославянского языка в современном русском языке // Творба речи и њени ресурси у словенским језицима. Главни уредник Рајна Драгићевић. Београд, 2012. С. 271–289.

³⁵ Петровић Снежана. Историјат и стање проучавања турцизама у српскохрватском језику //Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. XXXVI/2. 1993. С. 71–128.

³⁶ Адамовић М. Турске позајмице неосманског порекла // Наш језикн. 1969. XVII/5. С. 284–298.

³⁷ Radić Prvoslav. On the Oriental Lexicon in the Serbian Language // The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony, and Tipology / Ed. by Lj. Popović and M. Nomachi. Sapporo: Hokkaido University, 2015.

³⁸ Петровић Снежана. Историјат и стање проучавања турцизама у српскохрватском језику. С. 72.

³⁹ Radić Prvoslav. On the Oriental Lexicon in the Serbian Language... P. 136.

Према М. Ђинђић, анализа позајмљеница из предвуковског периода (1660–1817) показује да је највећи број страних речи у српском језику стигао из турског језика и да се оне могу распоредити у следеће тематске групе: *занати, занимања, покућство, кулинарство, одећа и тканине, накит и украсни предмети, боје, аграрне културе, домаће животиње*⁴⁰.

У прегледима обраде турцизама у српском језику обично се полази од Вуковог *Рјечника* из 1818. године⁴¹ и Вукове одлуке изнесене у предговору *Рјечника* да турцизме означава звездом, „а ће ми је одмах могло пасти на ум, замјењивао сам и српским ријечима“. Вук је сматрао да се „највише од ови турскије ријечи могу без сваке муке ишћерати из нашег језика, зашто имамо српске мјесто њи; а њекоје се може бити ни у години дана не спомињу“. Ипак, показало се да многе турцизме није означио звездом и да је, по процени Елезовића, изоставио многе од оних које су се реално користиле. Од 26.270 обрађених речи у *Рјечнику* из 1818. године, око 2500 спада у турцизме, а од 47.500 речи у *Рјечнику* из 1852. године, обрађено је око 3.700 турцизама⁴².

А. Пецо је урадио тематску поделу Вукових турцизама са циљем да прикаже у којим је сегментима друштвеног живота био најјачи турски утицај. Рекло би се да највећи број турцизама спада у групу *војска, трговина, администрација*, а за њом следи *кућа и покућство*, па *врсте занимања и алатке*, а има и ових група са мањим бројем лексема: *одећа и обућа; јело и пиће; воће и поврће; породични и лични живот; религија и обичаји*⁴³.

У Шкаљићевом речнику обрађено је 8.742 турцизма. Показало се да је међу њима веома бројна група оних које се односе на *верски живот и верске обичаје муслимана* (670), затим *лична имена* (503), па *право, администрација, државно уређење и сл* (453), *занати, занатлије*⁴⁴, *занатски алат и справе* (286), *одевени предмети, обућа, накит, шминка* (271), *суђе, покућство и остале ствари домаћинства* (234), *јела, пића и зачини* (212), *цвеће, воће, поврће, биље, жито* (200) итд. Има и 848 апстрактних именица и више их је него глагола (802).

Вуков *Рјечник* настао је у XIX веку, што значи да региструје турцизме који су постојали у српском народном језику у XVIII веку (па и пре тога), Шкаљић је грађу за

⁴⁰ Ђинђић Марија. Турцизми у савременом српском књижевном језику (семантичка и деривациона анализа). Необјављена докторска дисертација одбрањена Филолошком факултету Универзитета у Београду, 2014. С. 107–108. Ментор: Р. Драгићевић.

⁴¹ Škaljić Abdulah. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Peto izdanje. Sarajevo: Svjetlost, 1985.

⁴² Пецо Асим. Турцизми у Вуковим рјечницима. Београд: Вук Караџић, 1987. С. 9–10.

⁴³ Тамо. С. 223–235.

⁴⁴ И у Елезовићевом речнику је богато потврђена лексика са значењем заната оријенталног порекла. Сања Микетић јете турцизме обрадила у раду: Називи носилаца занимања оријенталног порекла у *Речнику косовско-метошког дијалекта* Глигорија Елезовића (Зборник радова са пројекта Истраживања српског језика на Косову и Метохији. Књ. 2. Уредник Д. Маликовић. Косовска Митровица: Универзитет у Приштини, 2010. С. 243–281). Ауторка је ексцерпирала из Елезовићевог речника чак 198 оријентализама с овим значењем. Од тога је 98 речи изведено суфиксима *-чија* и *-чија*. Чак 59 речи има полисемију. Пажњу привлачи оријентално порекло назива за стара занимања *баитован* и *чобанин*. Поставља се питање како су гласили називи за ова занимања пре турских освајања, због чега су називи за фундаментална занимања замењени турцизмима и како је могуће да су ове лексеме опстале до данас. Анкета коју је у раду спровела С. Микетић показује да српски студенти пореклом са Косова углавном не препознају Елезовићеве оријентализме. Само 30 назива за занимања (15,2% од укупног броја) препознаје више од половина испитаника, а само 8 речи (4% од укупног броја) студенти и данас користе. То су: *баитован, бербер/берберин, кафеџија, џелат, чобанин, барјактар, њеваџија*.

свој речник прикупљао половином XX века, што значи да његов речник садржи лексику која се интензивно употребљавала у првој половини XX века (па и у другој половини XIX века). Следећа хронолошка тачка биће нам време објављивања *Речника српскохрватскога књижевног и народног језика* Матице српске (1967–1976). Грађа за овај речник садржи лексику од Вуковог времена до половине XX века. Овај речник садржи око 150.000 речи, а према истраживању М. Ђинђић садржи 2500 лексема са турском етимолошком ознаком. Ако се у обзир узму и оријентализми који, грешком, немају ту ознаку, као и сви њихови деривати, број оријентализма у овом речнику се увећава на 7.500. Грађа из овог речника, као и оријентализми који се и данас активно користе у српском књижевном језику, указују на чињеницу да највећи број ових лексема припада следећим тематским групама: *одећа, обућа, тканине; јело, пиће, дуван; биљке; кућа, покућство, окућница, грађевине, објекти* итд.⁴⁵

Како показује Адамовић, већина оријентализма у српском језику има дијалекатско порекло, из чега се може закључити да их је српски језик примао путем непосредних контаката говорника, а не путем књижевности и других писаних извора⁴⁶. Из тога се може закључити да су говорници српског језика примили само ону лексику која им је била неопходна за свакодневну комуникацију, као и за реалије које су са Турцима дошле на српске територије. А. Пецо констатује да је основни лексички фонд српског језика остао нетакнут, и поред великог броја турцизама. Да би то доказао, он наводи српске лексеме које чине срж лексичког фонда српског језика и указује на чињеницу да оне нису замењене турцизмима и да се оне ретко јављају чак и као синоними. Тако, на пример, најважније речи у вези са кућом и покућством остају непромењене: *кућа, праг, врата, огњиште, ватра, дим, пепео, дрво, зид, нож, млин, срп, коса, плуг, рало, постеља, сто, столица, лопата, мотика* итд. Од свих тих лексема само *двориште* има синоним међу турцизмима (*авлија*), али је он непотпун, као и *зид (дувар)*, али је застерео⁴⁷.

Шкаљић примећује изузетно благ став говорника српског (српскохрватског) језика према турцизмима, што је необично, јер је став према позајмљеницима по правилу негативан⁴⁸. О социолингвистичким и психолошким разлозима за ову појаву ваљало би размислити и детаљније их истражити.

Турцизми нестају из српског језика. Према истраживању М. Ђинђић, у савременом српском језику користи се око 3000 турцизама и сви они спадају у одомаћену лексику⁴⁹, док П. Радић наводи податак Б. Попова да се у српском књижевном језику очувало око 2000 турцизама⁵⁰. Истраживање М. Ђинђић о најфреквентнијим турцизмима на основу електронског корпуса српског језика показује да се данас најчешће користе следеће лексеме: *чак, сат, бар/барем, боја, пара, кафа, кревет, кутија, џеп, комишија, каптија, шећер, кула, дуван, хајде, башта, ракија, занат, бакар, мана, хајдук, челик*.

⁴⁵ Ђинђић Марија. Турцизми у савременом српском књижевном језику. С. 108.

⁴⁶ Адамовић М. О пореклу српскохрватских османизама // Јужнословенски филолог. 1973. XXX/1–2. С. 236.

⁴⁷ Пецо Асим. Турцизми у Вуковим рјечницима. С. 236–239.

⁴⁸ Škaljić Abdulah. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Peto izdanje. Sarajevo: Svjetlost, 1985. S. 13–14.

⁴⁹ Ђинђић Марија. Турцизми у савременом српском књижевном језику.

⁵⁰ Радић Првослав. Турски суфикси у српском језику са освртом на стање у македонском и бугарском. Нова серија. Књ. 17. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2001. С. 8.

Наведени турцизми стабилни су у књижевном српском језику, али многи од њих су потиснути. Према оцени П. Радића „најпре је потиснута богата турска терминологија из области грађанске и војне организације. Тако се уместо низа дотада уобичајених турцизама, на пример: *абација*, *думенција*, *дућанција*, *ђемција*, *кириција*, *кованција*, *кујунција*, *механција*, *симиција*, *туфегџија*, у српском (поново) устаљује *кројач* (/нем. *шнајдер*), *кормилар*, *трговац*, *лађар*, *превозник*, *пчелар*, *златар*, *крчмар* (/гостиони-*чар*), *пекар*, *пушкар* и др.“⁵¹ Губљење и потискивање оријентализама очекивано је посебно ако се њима означавају појмови који су нестали губљењем турске државне организације. Мање је очекивано губљење назива за она занимања која су наставила да постоје, а за нас је посебно занимљиво због чега се нису пробили до књижевног језика (а ни у дијалектима углавном нису задржани) називи којима се исказује нијанса неке емоције или људске особине којом би се прецизирала тематска група лексема из области духовног живота човека.

IV. Културни прогрес и страни утицаји на лексички фонд српског језика у Хабзбуршкој монархији у XVIII веку

Због тешког живота којем су Срби били изложени У Турској, године 1690. дошло је до Велике сеобе Срба под вођством патријарха Арсенија Чарнојевића на тло хабзбуршке Угарске, Славоније и Војне крајине. Те сеобе трајале су током целог XVIII века. Срби су у то време још увек користили српскословенски језик са елементима народног у писаном језику, а у усменој комуникацији – српски народни језик, у којем је било доста турцизама.

Од треће деценије XVIII века српскословенски језик уступа место рускословенском језику. Ово смењивање било је условљено ванјезичким факторима: црквеним, националним, политичким и просветим.⁵² Од половине XVIII века Србима у Лужној Угарској почеле су стизати и књиге на ондашњем руском књижевном језику. Рускословенски језик заменио је српскословенски не само у црквеној употреби и у богослужењу, већ и у световној књижевности. Рускословенски је, „као и српскословенски, имао велики престиж над народним језиком не само зато што је био језик писмености, учености и отмености, већ нарочито зато што је у сфери изражавања апстрактних појмова био далеко богатији јер је, захваљујући својој старословенској основи, имао у овој области развијену и изграђену такву лексику. Уколико се за неки појам ипак није могла наћи рускословенска лексема, она се, у то време, лако могла преузети из ондашњег руског књижевног језика, који је у овом погледу у великој мери садржавао у себи лексику оних појмова које је нудила европска цивилизација XVIII, па и прве половине XIX века.“⁵³

Од средине XVIII века, улогу књижевног језика преузео је славеносрпски – један нови тип литерарног језика који је имао мешовити састав (рускословенске, руске, српске народне и српскословенске особине). Тај језик је настао да би се отклонила неразумљивост руског и рускословенског језика. Речи из тог језика називамо, као што

⁵¹ Радић Првослав. Турски суфикси у српском језику. С. 9.

⁵² Стијовић Светозар. Славенизми у Његошевим песничким делима. Сремски Карловци–Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1992. С. 15.

⁵³ Стијовић Светозар. Славенизми у Његошевим песничким делима. С. 18–19.

је већ речено, *славенизми*⁵⁴. На овом језику настала су бројна значајна дела српске књижевности од половине XVIII до четрдесетих година XIX века, које су написали Захарије Орфелин, Доситеј Обрадовић, Милован Видаковић, Сава Мркаљ. У поглављу о црквенословенском језику изнели смо неке особине *славенизама* и хибридни речи – *славеносрбизама*, а представили смо и њихову конкуренцију која је била карактеристична за славеносрпски језик.

Доселивши се у нову средину, Срби су морали учити немачки, мађарски и латински језик, па је српски језик тог времена обогачен и лексиком из ових језика.

Сложену структуру српске лексике с краја XVIII века врло лепо презентује *Речник мали*. Тај немачко-славеносрпски речник први пут је штампан 1793. године у Бечу. Будући да се састоји из само 1500 најнеопходнијих немачких речи распоређених по тематским групама, Срби су га радо користили, па је овај речник имао још десетак издања. Славеносрпска страна тог речника веома добро приказује све слојеве лексике коју су Срби користили крајем XVIII века у Хабзбуршкој монархији.

Турски: *шафран*, *бадем*, *мушмула*, *кестен*, *шептелија* (=шефтелија), *пастрмка*, *поша* (оковратник); *долама* (врста горњег капуца); *чакишире* (панталоне), *папуче*, *жеп* (=џеп), *бурнутица* (=бурмутица), *сат*, *зобун*, *зубун* (прслук), *маказе*, *басамак* (степенник), *пенџер*, *авлија*, *фуруна*, *мермер*, *креч*, *ћерепица* (кровна цигла), *оџак*, *чекмеже* (каса, ковчег, кутија); *чаршав*, *душек*, *мумаказ* (маказе), *сандук*, *долаф* (=долап), *бакрач*, *иренда* (ренде), *аван*, *тенџера* (*тенџера*, дубока бакарна посуда), *чанак*, *ибрик*⁵⁵, *шербет*, *пешир*, *чорба*, *черек* (четвртина), *бут*, *чултар* (покровац, ћебе за коње), *кубуре*, *кајаси*, *улар*, *узенџије*, *хајџир*, *хат*, *дорат*, *бедем*, *ћуприја* (преко грч), *капија*, *сокак*, *пазар*, *лагумџија* (минер), *кумбара*, *топ*, *фитиљ*, *кундак*, *чивија* (клин), *тане*, *барут*, *фишек*, *сачма*, *сукија*, *берберин* (преко ит), *ћурчија*, *кулунџија* (кујунџија), *терџија*, *сепетар* (корпар), *сапунџија*, *саџија*, *угурсуз*, *хеспан* (роба), *пазарити*, *вересија*, *скерлет* (боја гримиз; одело од чоје те боје), *кадифа*, *чоха*, *тераџије*, *ћорав*, *ћелав*.

Очигледно је да је утицај турског језика на српски био и даље снажан након доласка Срба на територију Хабзбуршке монархије. Турцизми преовлађују у односу на све остале позајмљенице у многим тематским групама.

Немачки: *штринфе*, *штринфле* (чарапе), *пантофле*, *таџије* (манжетне); *пантљика*, *фирит* (кнез); *фириткиња*, *фиришкиња* (кнегиња); *херџог* (војвода); *херџогиња* (војвоткиња); *гроф*, *грофица*, *цигла* (преко лат), *теј* (чај), *земичка*, *штала*, *шталог*, *солдат* (преко итал), *рајтар* (коњаник)⁵⁶, *мајур* (салаш), *молер*.

Испоставило се да германизми обрађени у *Речнику малом* у потпуности потврђују тезу П. Ивића и А. Младеновића да постоје три лексичке области у којима је утицај немачког језика био нарочито снажан (што показују текстови са почетка XVIII века): 1) војска са својим устројством (*гемајнер*, *фелдмаршал*, *шанац*, *штаб*); 2) друштвени поредак (*паор*, *пурџер*, *ритер*, *гроф*); 3) материјална култура и занатство (*плек*, *штоф*,

⁵⁴ Младеновић Александар. Славеносрпски језик. Нови Сад: Књижевна заједница Новог Сада, 1989.

⁵⁵ У *Речнику малом* стоји *ибрик за кафу*, *ибрик за теј*. Конструкција се састоји из турцизма *ибрик* и германизма *теј*. Пример показује како су два језика утицала да би одређена предметност добила свој јединствени назив који се састоји из више речи.

⁵⁶ Богатство културолошких и језичких утицаја види се кроз називе за коњаника: *коњик*, *катана* (мађ), *рајтар* (нем), *драгуњ*, *драгон* (фр). Све ове лексеме су обрађене као посебне одреднице, што можда значи да међу коњаницима има разлике.

инала, флека, флаша). „Често су узимане речи за појмове који Србима у суштини нису били непознати и за које су они имали домаће или турске изразе. То се нарочито добро може пратити у терминологији занатства или у називима предмета који се купују од трговаца“⁵⁷. Аутори с правом примећују да већина немачких речи из области војне терминологије и друштвеног уређења није надживела аустријску владавину.

МАЂАРСКИ: *џипеле*, *џипка*, *немеш* (племић, властелин), *соба* (преко нем), *астал* (преко слов), *тањир*, *ардов* (велико буре, бачва), *аковче* (ведро), *хам* (коњска опрема), *вашар*, *болта* (продавница), *катана* (коњаник), *стражамештер* (заповедник страже)⁵⁸, *варош*, *гомбар* (дугметар), *хегедуш* (виолиниста), *кочијаши*, *сабов* (кројач), *риф* (*рифом мерити* – стара угарска мера за дужину, око 70 cm).

Према Ивићу и Младеновићу, хунгаризми се најчешће тичу материјалне културе, ређе друштвених односа и управног система.⁵⁹

ФРАНЦУСКИ: *камизол* (прслуче); *кавалир*, *кавалер* (коњаник; витез); *драгуњ* (*драгон*, коњаник), *тамбур* (добошар), *пасош*.

Француске позајмленице из XVIII века, како запажају Ивић и Младеновић најгушће су концентрисане у војној терминологији (*каплар*, *мајор*, *генерал*, *дезертер*, *гарнизон*), али и у другим областима (*бал*, *банкет*, *дама*, *пардон*). Ове чињенице потврђују се и у *Речнику малом*. Сумирајући досадашња истраживања о галицизмима, А. Милановић констатује да је све до XVIII века француски лексички утицај био слаб и одвијао се посредно, преко немачког, италијанског и руског језика, а да постаје директан и снажан у другој половини XVIII века, када се све више преводе дела из француске књижевности.⁶⁰

ГРЧКИ: *крин*, *моруна*, *мустаћи*, *глотати*, *ћилит* (=катанац, грч. *кључ*); *ћилит* (=катанац, грч. *кључ*); *монах*, *парох*, *игуман*, *епископ*, *комињ* (*камин*), *трапеза* (=сто), *икона*, *самар*, *кандило*, *зуграф* (живописац, фрескосликар), *типограф*, *друм*, *ћушка*.

Према речима Ивића и Младеновића, поред већ добро интегрисаних грчких речи (*друм*, *хартија*), пред крај XVIII века, у српски језик продиру речи које припадају речничком благу европске цивилизације. Ове речи долазе у српски преко немачког. Многе од њих нису постојале ни у старогрчком, ни у новогрчком, већ су сковане у западној Европи као термини.

ЛАТИНСКИ: *бресква*, *цесар*, *нотарош*, *палата*, *профуз* (тамничар), *чајка* (шајка).

Иако у *Речнику малом* нема много латинизама, било их је у административној терминологији (*датум*, *декрет*, *инвентар*, *информација*). Срби су их преузимали из немачког језика или директно из латинског, који је био званични језик у земљама под угарском круном, док је у војсци службени језик био немачки⁶¹.

⁵⁷ *Ивић Павле, Младеновић Александар*. Продирање западноевропске лексике // *Веселиновић Р., Ивић П., Младеновић А., Пантић М., Павић М., Медаковић Д., Гавриловић Н.* Историја српског народа. Четврта књига, други том. Срби у XVIII веку. Београд: Српска књижевна задруга, 1986. С. 101.

⁵⁸ Лексема *стражамештер* представља хибрид српске именице *стража* и мађарске *мештер* (која потиче из немачког).

⁵⁹ *Ивић Павле, Младеновић Александар*. Продирање западноевропске лексике. С. 103.

⁶⁰ *Милановић Александар*. Језик Јована Суботића. Београд: Чигоја штампа – Филолошки факултет, 2014. С. 339.

⁶¹ *Ивић Павле, Младеновић Александар*. Продирање западноевропске лексике... С. 102.

Италијански: *табакера*, *каштиговати*, *кујна*, *ормар*, *бокал*, *боца*, *салвета*, *пиштољ*⁶², *инфантерија* (пешадија), *баталија* (битка), *кумпанија*, *компанија* (чета), *капларија* (од *каплар*), *штампар*.

Италијанске речи долазиле су Србима из више извора: 1) из немачког; 2) директно из италијанског на јадранском приморју, а затим су се шириле кроз дијалекте преко промета, трговине и миграција.

Руски: *ненавидети*, *стена* (зид), *девица* (девојчица), *вожд* (цсл), *полк*, *војна*, *сраженије* (битка), *лес* (шума), *сапожар* (обућар), *несчастије*.

Тешко је прецизно утврдити које од наведених и многих овде ненаведених лексема потичу директно из руског, а које из црквенословенског. Ипак, руски утицај био је огроман и свакако много већи него што се може назрети из овог кратког списка. Пошто је руски језик још од времена Петра Великог био врло отворен за стране утицаје, многе лексема из европских језика српски је преузео преко руског⁶³.

V. Вукова реформа у XIX веку

Славеносрпски језик као мешавина већег броја језика и као вештачка творевина без граматике, речника и правила, притом неразумљива народу, није се дуго могао одржати. Најжешћи противник овог језика био је Вук Стефановић Караџић, који се залагао за народни језик у основици књижевног. Након дуге борбе коју је водио са многим српским интелектуалцима, успео је да оствари победу, а годином његове победе сматра се 1847. година, када су четири значајна дела српске културе објављена на народном језику: 1) Вуков превод *Новог завета*, 2) *Рат за српски језик и правопис* Ђуре Даничића, 3) *Песме* Бранка Радичевића и 4) *Горски вијенац* Петра Петровића Његоша. Објављивањем ових дела на српском народном језику започиње нова фаза у развоју српске културе и српског књижевног језика, али се и прекида и гура у заборав целокупна српска култура записана на српкословенском, рускословенском и славеносрпском језику. Најкомпетентнији Вуков критичар Јосиф Добровски, чешки слависта, који је не одобравајући да у основици књижевног српског језика буде народни језик, написао у писму Миловану Видаковићу да се њему не допада да се „Срби спусте до сељачког језика. Мора бити и отменијега језика за узвишеније предмете. Ваљало би, идући средњим путем, створити *stilus medius* (средњи слог) који би се приближавао и старом црквеном и разговорном народном језику“⁶⁴.

Народном српском језику у основици књижевног замерало се на томе што је његовим увођењем изгажена вишековна писана традиција и што овај језик карактерише недовољна лексичка истанчаност и неспособност исказивања апстрактних појмова. Лукијан Мушицки о томе каже: „Српски народ је орао и копао, много се трудио, јуна-

⁶² За некога ко се не бави наоружањем *пиштољ* (итал) и *кубуре* (тур) могле би бити синонимичне лексема. Међутим, у *Речнику малом* ове две лексема се дају као одвојене одреднице у оквиру исте тематске групе, што јасно сугерише да није сваки пиштољ био кубура, а ни обрнуто. Исто тако, *гостионица* се одваја од *крчме* и *вирцауза* (који су дати као синоними), што би требало да значи да *гостионица* није била исто што и *крчма*. И у томе је значај овог речника – јасно сугерише кориснику који су се предмети могли подвести под један, а који су третирано као одвојени.

⁶³ *Ивић Павле, Младеновић Александар*. Продирање западноевропске лексике... С. 103.

⁶⁴ *Белић Александар*. Око нашег књижевног језика. Приређивач Александар Младеновић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1998. С. 26.

чувствовао, али мало мислио, осим о насушним потребама, зато је његов језик сиромашан речима за умозрителне мисли⁶⁵.

Лексички фонд народног српског језика почео је у Вуково време да се попуњава апстрактном лексиком. Тај процес започео је већ сам Вук преведећи *Нови завет*. У предговору овог дела, Вук каже да је у текст унео 84 нове речи, којих нема ни у народу ни у његовом *Рјечнику*. Он наглашава да су то речи које би казао и најпростији Србин, само кад би му затребале; а може бити да их и говоре. Међу тим лексемама мало је сложеница. Углавном их чине изведенице: *викач, трубач, шаптач, грабљив, неиститљив, неистражљив; изабраник, осветник, преступница, зборница, незнабоштво, девојаштво, смерност, светост, гостољубивост*). Вук наводи и да је позајмио 30 турских речи од којих се скоро све могу чути у народу (*аждаха, амајлија, бадава, басамак, долама, занат* итд.). Од црквенословенских речи, задржао је 49, а од њих посрбио 47. За њих каже да се „ласно могу разумјети и са народнијем ријечима помијешати“: *пророчица, прелуба, жртва, искуство, сребрник, јединство, првородство* итд. Посрбљавање лексема обично је подразумевало промену творбеног форманта: *-ац* уместо *-ец*, *-ан* уместо *-ен*, *-ње* уместо *-није*, *-ство* уместо *-ствије* итд. На примеру превода *Новог зајета* види се да је Вук богатио лексички систем користећи се механизмима којима се и ми данас најчешће користимо у богаћењу лексичког фонда – творбом речи и позајмљивањем⁶⁶.

О структури народног лексикона на коме је утемељен српски књижевни језик онакав какав данас јесте закључујемо на основу лексике коју је Вук обрадио у првом издању *Српског рјечника* из 1818. године.

Када се читају критике на рачун Вукове реформе, закључује се да у српском народном језику уопште није било апстрактних речи. Међутим, Г. Тјапко примећује да у првом издању Вуковог *Рјечника* „наилазимо на стотине *nomina abstracta*. Зар то нису *страх, јад, бол, туга, вера, зло, благо*?“ Она запажа да су то углавном просте речи, док је фонд изведених *nomina abstracta*, посебно оних које означавају особину, својство или стање јако оскудан и сиромашан⁶⁷.

Године 1849, Јован Стејић, Вуков савременик, објавио је у *Гласнику* Друштва србске словесности списак речи које Вук није обрадио у *Рјечнику*. Чињеница је да се његов лични лексички фонд није у потпуности поклапао са списком речи објављених у *Рјечнику*, јер је његов циљ био да обради само оне речи које се користе у народу. Ево неких од тих речи: *способност, строгост, благост, подлост, скромност, успешност, уљудност, угодност, крутост, одважност, човечност, благонаклоност, наклоност, добровољност, садашњост, прошлост, раскошност, разузданост, важност, тужитељ, старатељ, управитељ, спаситељ, створитељ, спокојство, вест, доказ, круг, позив, навод, увод, опис, оглас, слух, дух, задатак, израз, молба, жалба, услов, повод, победа, биће, просвета, обмана, особа, споменик, чиновник, званичник, пуномоћник, државник, безгрешан, исправан, безуман, бесмислен, невин, порочан, савестан, успешан,*

⁶⁵ Селимовић Меша. За и против Вука. Београд: Београдски издавачко-графички завод, 1986. С. 51.

⁶⁶ Драгићевић Рајна. О лексички Вуковој и вуковској // Научни састанак слависта у Вукове дане. 44/1. 2015. С. 371–387.

⁶⁷ Тјапко Г.Г. Обрада семантике придевских изведеница са суфиксима *-ота* и *-оћа* у „Српском рјечнику“ (1818) В. С. Караџића и особине њиховог функционисања у почетној фази српског књижевног језика // Научни састанак слависта у Вукове дане. 26/2. 1997. С. 26.

важан, постепено, срдачно, казнити, одобрити, решити, руководити, запоставити. Веома је инспиративна чињеница да се у српском народу ове речи нису користиле иако их је Вук, можда, и користио. Тек је 200 година прошло од времена објављивања овог речника и из ове перспективе делује нестварно да српски народ пре 200 година није користио речи *садашњост* и *прошлост*, као ни многе друге са овог Стејићевог списка.

М. Селимовић приметио је да је Вук имао склоност да и апстрактне појмове својим дефиницијама и примерима у одређеном смислу конкретизује и своди на народно, рурално, фолклорно: *Бог* – у Срба се ниједан посао не почиње без *Помози Боже. Душа* – два без душе, трећи без главе. *Жалити* – жали ме жива, а немој мртва. *Задушнице* – најео се као сироче на задушнице. *Закључак* – у плетиће игле оно на врху. *Особина* – гдјекоја жена има краву или овцу, што јој је поклонио отац или други ко. *Недостижан* – нпр. жито је недоступно, тј. једно високо а друго ниско нарасло или једно зрело друго незрело⁶⁸.

Неке речи имале су у Вуково време другачије значење него данас. Милка Ивић наводи неколико занимљивих примера. О именици *љубавник* она пише следеће: „По Вуковој спознаји стања ствари, дакле, при обраћању непознатом лицу ради успостављања комуникативног контакта, прикладно је ословити га са *љубавниче!* Зато што се под том речју подразумева значење *пријатељ*. О речи *љубавница* – ни помена у Српском рјечнику“⁶⁹. Реч *музика*, примећује М. Ивић, Вук је користио са значењем *инструмент*: „Зна врло добро ударати у клавир и друге којекакве *музике*.“ Иако је његова ћерка Мина Карацић свирала клавир, у Вуковом *Рјечнику* ова реч није забележена. Вук је сматрао да није народна. У Вуково време, констатује М. Ивић, није се користио глагол *свирати*, већ *ударати*, *лупати*, па и *клавирати*⁷⁰.

Највећи број речи које су обрађене у *Рјечнику* важне су за народни живот. Њихов значај огледа се и у великом броју синонима. Такве речи и њихове синониме издваја М. Селимовић⁷¹.

Најести се – *напитати се, набањати се, набити се, набокати се, набубабти се, надекати се, наждерати се, назобати се, накресати се, накусати се, налупати се, наслагати се, натући се.*

Тући – *бити, вошитити, деветати, дерати, лијемати, лињати, мазати, макљати, млавити, млатити.*

Ударити – *бубнути, лупити, гарнути, генути, депити, депнути, дернути, дупити, лупити, лупнути, врезнути, одадријети, одајачати, одалачити, ћопнути.*

Јадан – *биједан, болан, дерни, жалостан, зајадњи, злосрећан, злосретњи, јадињи, јадован, јадовит, кукав, кукавни, кужан, несрећан, ојађели, тужан.*

Рука – *приступити коме руци, има лијепу руку (лепо пише), од сваке руке, не иде му од руке, није ми на руку, дошло ми испод руке.*

⁶⁸ Селимовић Меша. За и против Вука. С. 128.

⁶⁹ Ивић Милка. Језик о нама. Београд: XX век, 2006. С. 93–94.

⁷⁰ Тамо. С. 113–116.

⁷¹ Селимовић Меша. За и против Вука. С. 127–128.

VI. Лексика српског језика у XX веку

Лексика српског језика је и у XX веку била у сталном превирању. Детаљан опис стања лексике српског језика дао је и И. Клајн и у овом поглављу послужићемо се подацима из тог рада.⁷² У вези са страним речима запажамо нестајање турцизама, повлачење германизама и све наглашеније присуство англицизама. Интернационализми грчког и латинског порекла чине и данас једну од најважнијих струја позајмљеница у српском језику: *имагинација, интенције, поливалентан, минуциозан, монструозан, инкомпатибилан, манифестовати, евоцирати, дигнитет, хипокризија, официјелан, децентан, рецентан, локација, провенијенција, генеза, ентитет, модалитет, репрезентант, консензус, кредибилитет.*

Према речима И Клајна, у првој половини XX века, англицизми су се користили само у спорту, а данас се шире у речнику технике, забаве, моде и скоро свим другим областима: *тинејџер, супермен, гламур, хендикепиран, мачо-мен, детерџент, спреј, стик, еркондишин, постер, селотејп, фломастер, драгстор, супермаркет, минимаркет, дјути-фри-шоп, дисконт, дилер, смог, стрес, тест, дизајн, тренд, супер, контра-продуктиван, фрустрирати, релаксација, селектирати, контактирати, детектовати, релаксирати.*

Француски утицај на српски језик је све слабији: *рејон, глисер, ресурс, детант, бистро, бутик, воајер, рециклажа, омаж, сида.*

И утицај италијанске лексике је све слабији: *либеро, азури, кантаутор, грисини, пица, лазање, ћао.*

Клајн запажа неке тенденције и у лексички домаћег порекла: увећава се број девербала са нултим суфиксом: *доток, докуп, дотур, помак, искорак*; све је више именица на *-ство*: *издаваштво, преводилаштво, донаторство, спонзорство*, именице на *-ост*: *смисленост, ликовност, животност*, именице са значењем справа или хемијских средстава на *-ивач*: *замрзивач, усисивач, распришивач, разређивач*, именице афективног и фамилијарног значења на *-аш*: *фотељаш, ултраш, контраш*. Расте број женских облика за занимања, стања, функције: *полицајка, гледатељка, премијерка, навијачица*. Продуктивне су именице на *само-*: *самокритика, самодопринос, самоцензура*; *еко-*: *екосистем, екопројект, екофактор*; *евро-*: *еврокомунизам, евроцентричан*; *нарко-*: *наркодилер, наркомафија*; *ино-*: *инокореспондент, инопартнер, инокредит*.

У време глобализације слика неологизама у свим словенским, али и несловенским језицима све више личи једна на другу. Усвајају се исти префиксоиди, исти суфиксоиди, исти творбени модели, и то најчешће из енглеског језика или из класичних језика преко енглеског језика. Радови у зборницима Комисије за творбу речи Међународног комитета слависта обилато то потврђују. Уочене су основне тенденције у настајању нових речи у свим словенским језицима, па и у српском. Најважнији процеси су: ин-

⁷² *Клајн Иван. Лексика // Српски језик на крају века / Ред. Милорад Радовановић. Београд: Институт за српски језик САНУ, Службени гласник, 1996. С. 37–87. У српској лингвистици се под савременим српским језиком (још увек) сматра језик од Вуковог времена до данас, а то значи од краја 19. века до данашњих дана. За истраживање лексике из овог периода могу се користити следећи речници (поред многих других, мање репрезентативних): Речник српскохрватског књижевног и народног језика. 1–19. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1959–; Речник српскохрватског књижевног језика. 1–6. Нови Сад: Матица српска, 1967–1976; Речник српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2007. Од речника нових речи најактуелнији је речник Ђорђа Оташевића. Речник нових речи. Београд: Алма, 2008.*

тернационализација, терминологизација, детерминологизација, генерализација, демократизација, језичка економија. Ови процеси већ су уочени и обрађени на примерима из великог броја словенских језика, а на материјалу српског језика описали су их Ђ. Оташевић и Р. Драгићевић⁷³.

⁷³ *Оташевић Ђорђе*. Нове речи и значења у српском језику. Београд: Алма, 2008; *Драгићевић Рајна*. О неологизмима у српском језику // Семинар српског језика, књижевности и културе. Предавања 3. Београд: МСЦ, 2014. С. 123–137.

Е.И. ЯКУШКИНА

Москва, Россия

Историческая лексикология сербского языка

История сербской лексики представлена в лингвистической литературе следующим кругом тем: история заимствований (по эпохам и по источнику заимствования: германизмы, грецизмы, турцизмы, мадьяризмы, богемизмы, русизмы); лексическое своеобразие средневековых текстов, древнесербская терминология и ономастика; лексическое своеобразие текстов XVIII и первой половины XIX в., формирование абстрактной лексики и терминологии в языке XIX в., своеобразие лексики некоторых авторов, занимающих особое место в сербской культуре, преемственность современной лексики и лексики периода формирования литературного языка.

История заимствований в сербском языке освещается в широком круге работ. Общие сведения о заимствовании лексики на разных этапах развития языка содержатся в статьях, написанных для «Истории сербского народа» П. Ивичем и соавторами, которые объединены в сборнике «Обзор истории сербского языка»¹, а также в «Истории сербохорватского языка» И. Поповича². Источник пополнения словаря П. Ивич считал основным признаком, лежащим в основе периодизации истории сербской лексики, в которой он выделял средневековый, турецкий и новый периоды³. Достоинством сербской исторической лексикологии являются обстоятельные словари заимствованной лексики, носящие этимологический характер. Это тематический словарь германизмов Е. Шневайса⁴; турцизмов А. Кнежевича⁵ (о турцизмах см. также работу С. Стаховского⁶, С. Петрович⁷); грецизмов М. Фасмера⁸; мадьяризмов Л. Хадровича⁹ (этот

¹ *Ивић П.* Преглед историје српског језика / Приредио А. Младеновић // *Ивић П.* Целокупна дела. Сремски Карловци; Нови Сад, 1998. VIII. С. 75–76, 101, 150–154, 250–254.

² *Поповић И.* Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1955. С. 144–166.

³ *Ивић П.* Преглед историје српског језика. С. 63.

⁴ *Schneeweis E.* Die deutschen Lehnwörter im Serbokroatischen in kulturgeschichtlicher Sicht. Berlin, 1960.

⁵ *Knežević A.* Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim am Glan, 1962.

⁶ *Stachowski S.* Studia nad chronologią turczymów w języku serbsko-chorwackim. Kraków, 1967.

⁷ *Петровић С.* Историјат и стање проучавања турцизама у српскохрватском језику // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. XXXVI/2. 1993.

⁸ *Vasmer M.* Die griechischen Lehnwörter im Serbo-Kroatischen. Berlin, 1944.

⁹ *Hadrovics L.* Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest, 1985.

словарь помимо этимологической информации содержит и собственно историко-лексикологическую информацию о первой фиксации, примеры из литературы), русизмов Й. Айдуковича (с пространной вводной частью, посвященной формам адаптации русизмов)¹⁰. С перечнем и историей французских заимствований можно ознакомиться в работе: Н. Крстич «О французских заимствованиях в сербском литературном языке»¹¹. Для изучения русизмов и богемизмов, которые вошли в сербский язык через хорватский узус, большое значение имеет работа Т. Маретича «Русские и чешские слова в литературном хорватском языке»¹². В изучение русских заимствований в сербском языке значительный вклад внес В.П. Гудков¹³ (о его наблюдениях см. ниже).

При изучении сербской средневековой терминологии (Церкви, государственного управления, финансов, права, ремесел) актуальными для исследователя видятся следующие задачи: соотношение славянского и неславянского элемента в терминологии, преемственность в последующие эпохи, диалектное происхождение, ареальные характеристики¹⁴. П. Ивич отмечает лексическое и семантическое богатство языка средневековых сербов, который во многих словах был богаче современного¹⁵. В статье Р.Стийович дано описание географической терминологии, содержащейся в одной средневековой грамоте: составлен словарь терминов, дана их тематическая классификация и этимологическая и семантическая интерпретация¹⁶. О средневековой медицинской и военной терминологии и зоологической номенклатуре см. работы Н. Йович и В. Йовановича¹⁷.

Важное место среди лексикологических исследований Средневековья занимает историческая ономастика. Здесь следует отметить работу М. Пешикана «Зетско-хумско-рашские имена в начале турецкого периода»¹⁸, где на материале турецких кадастровых книг XV–XVI вв. проанализировано более 20 тыс. имен собственных: представлены списки имен, их частотность, ареалы употребления, преемственность по отношению к XIV в., а также работу М. Гркович «Имена в Дечанских грамотах»¹⁹ (монография написана в рамках более широкой темы «Имена в кириллических

¹⁰ *Айдуковић Ј.* Русизми у српскохрватским речницима: принципи адаптације, речник. Београд, 1997.

¹¹ *Крстић Н.* О француским позајмљеницама у српском књижевном језику // *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику.* XLVII / 1–2. Нови Сад, 2004.

¹² *Maretić T.* Ruske i češke riječi u književnom hrvatskom jeziku // *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti.* Knj. 108. Zagreb, 1892.

¹³ *Гудков В.П.* Сербская лексикография XVIII в. М., 1993.

¹⁴ *Грковић М.* Правна и економска терминологија ћирилских повеља и писама XII и XIII в. // *Лексикографија и лексикологија.* Нови Сад; Београд, 1984; *Грковић М.* Основне карактеристике правне и економске терминологије у „Бањској хрисовуљи“ // *Јужнословенски филолог.* Књ. 66. Београд, 2010.

¹⁵ *Ивић П.* Преглед историје српског језика. С. 44–52. См. также: *Грковић М.* Правна и економска терминологија ћирилских повеља и писама XII и XIII в.; *Ивић П.* Развој терминологије у језику средњовековних Срба // *Глас САНУ.* CCCXXV. Београд, 1980.

¹⁶ *Стијовић Р.* Географска терминологија у равничкој повељи кнеза Лазара // *Средњи век у српској науци, историји, књижевности и уметности.* V. Деспотовац, 2014.

¹⁷ *Јовић Н.* Неке лексичке појединости из Хиландарског медицинског кодекса № 517 // *Славистика.* 7. Београд, 2003; *id.* Називи животиња и инсеката у Хиландарском медицинском кодексу // *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику.* 49/ 2. Нови Сад, 2006; *Јовановић В.* Поглед на главне етапе развоја српске војне терминологије // *Средњи век у српској науци, историји, књижевности и уметности.* V. Деспотовац, 2014.

¹⁸ *Пешикан М.* Зетско-хумско-рашка имена на почетку турскога доба. Београд, 1984.

¹⁹ *Грковић М.* Имена у Дечанским хрисовуљама. Нови Сад, 1983.

грамотах и письмах XII и XIII вв.)). На основе грамот краля Стефана Дечанского первой половины XIV в. выявлено 13 тыс. имен, антропонимов и топонимов, представлен их список, описано происхождение антропонимов (славянские и заимствованные – романского, албанского и германского происхождения), в славянских именах выявлена семантическая мотивация и словообразовательная структура.

В целом, однако, в изучении словарного состава древнесербских памятников письменности большее внимание лингвистов-медиевистов привлекали церковнославянские тексты²⁰, что, возможно, связано с работой над словарем церковнославянского языка сербской редакции, которая ведется в Институте сербского языка Сербской Академии с 1969 г. Лексикология сербской редакции церковнославянского языка представлена трудами М. Пешикана, Г. Йованович, В. Йеркович, А. Пешикана по лексическим особенностям сербских евангелий²¹, Д. Стефановича по текстам Апостола²², Н. Родича, Й. Райнхарта, Дж. Трифуновича, В. Савича по текстам разных жанров²³. Сопоставлению лексики Вуканова евангелия со старославянскими памятниками посвящена статья Р.М. Цейтлин²⁴. В монографии З. Никитович исследована словообразовательная структура и семантика сложных слов в памятниках церковнославянского языка сербской редакции²⁵. Морфологической и семантико-синтаксической структуре сложных слов в хиландарской рукописи 14 века «Повести о Варлааме и Иосафе» посвящена статья Я. Гркович-Мейджор²⁶, вошедшая в сборник работ автора по истории языка²⁷.

²⁰ В меньшей степени исследователи занимались лексикой средневековых памятников светского содержания. Ср.: *Јовановић Г.* О лексици у повељама деспота Стефана Лазаревића // Научни састанак слависта у Вукове дане. 30/1. Београд; Нови Сад, 2002; *Павловић С.* Просторни прилози у старосрпским повељама и писмима // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. XLVII / 1–2. Нови Сад, 2004.

²¹ *Пешикан М., Јовановић Г.* Текстолошки састав српских четворојеванђеља // Јужнословенски филолог. Књ. 31. Београд, 1974–1975; *Јовановић Г.* Синонимика заменице *јетеръ* у јеванђељима српске редакције // Јужнословенски филолог. Књ. 33. Београд, 1977; *id.* Да ли је јеванђељска лексика редакцијски обележена // Научни састанак слависта у Вукове дане. 14. Београд, 1985; *id.* О лексици старосрпских четворојеванђеља // Научни састанак слависта у Вукове дане. 22/2. Београд, 1992; *Јерковић В.* Лексичке разлике између Чајничког и Манојловичког јеванђеља // Прилози проучавању језика. 3. Нови Сад, 1967; *id.* Несловенске речи у јеванђељу из Мркшине цркве // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. 16/1. Нови Сад, 1973; *Пешикан А.* Лексичке одлике «Четворојеванђеља» краља Душана // Јужнословенски филолог. Књ. 43. Београд, 1987.

²² *Стефановић Д.* О словенским еквивалентима грчких везничких израза $\epsilon\iota$ ($\kappa\alpha\iota$), $\epsilon\iota$ ($\pi\omega\varsigma$) и $\epsilon\iota\tau\epsilon$ у црквенословенским апостолским текстовима // Јужнословенски филолог. Књ. 38. Београд, 1982; *id.* О упоредном испитивању црквенословенских апостолских текстова // Научни састанак слависта у Вукове дане. 14/1. Београд, 1985.

²³ *Родић Н.* Крмчија као извор нове лексике // Научни састанак слависта у Вукове дане. 14/1. Београд, 1985; *Reinhart J.* Лексички слојеви у светосавској Крмчији // Научни састанак слависта у Вукове дане. 14/1. Београд, 1985; *Трифуновић Ђ.* Речник уз српске преписе лествице // Јужнословенски филолог. Књ. 38. Београд, 1982; *Савић В.* Свемогући и(ли) сведржител у српскословенском језику // Зборник Матице српске за књижевност и језик. LVIII/1. Београд, 2010; *id.* Грчке речи у типуку архиепископа Никодима из 1318–1319 г. // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. LXXIV / 1–4. Београд, 2009.

²⁴ *Цейтлин Р.М.* Из набљудених над лексиком Вуканова евангелија (сравнително со старославянскими памятниками) // Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

²⁵ *Никитовић З.* Сложенице у оригиналним српскословенским дјелима сакралног карактера. Бања Лука, 2014.

²⁶ *Грковић-Мејџор Ј.* Сложенице у роману *Варлаам и Јосаф* // Списи из историјске лингвистике. Нови Сад, 2007. С. 397–414.

²⁷ В данный сборник вошел также целый ряд работ исследовательницы по истории лексики старославянского и праславянского языка.

В статье «К вопросу об истории лексико-семантической группы грѣх-» Я. Гркович-Мейджор рассматривает две линии развития семантики корня грѣх- ('грех' и 'ошибка') в средневековой сербской письменности, анализируя употребление дериватов корня и их значения в текстах на церковнославянском и народном языке²⁸.

Основной корпус исследований в области сербской исторической лексикологии посвящен лексике XVIII–XIX в., а именно проблемам развития книжно-письменного славяно-сербского языка и литературного языка «вуковского» типа. Общую характеристику лексического своеобразия славяно-сербского языка (литературного языка кон. XVIII – середины XIX в., своеобразии которого заключалось в смешении элементов сербского, русского и церковно-славянского языков) см. в работе И. Грицкат²⁹. Большая часть исследований этого периода выполнена на философском факультете университета г. Нови-Сад.

В 1980-е гг. в городе Нови-Сад в Матице Сербской начал разрабатываться проект создания общего словаря славяно-сербского языка, включающего славянскую и заимствованную лексику³⁰. Изучение лексического своеобразия текстов славяно-сербских авторов рассматривается как «важная, фундаментальная и неотложная задача отечественной науки»³¹. Опубликовано много частных исследований лексических особенностей языка писателей славяно-сербского периода. В этих работах³² даются списки русизмов и церковнославянизмов, употреблявшихся авторами XVIII–XIX вв., и предлагается их фонетический, словообразовательный и морфологический анализ, а также описание способов сербизации этих слов автором. Среди крупных исследований этого направления следует отметить монографию С. Стийовича «Славянизмы в поэтических произведениях Негоша»³³, имеющую большое значение для истории литературного языка. В монографии проанализированы 1500 лексем, выделенных автором в текстах П.П. Негоша, с точки зрения их происхождения (заимствования из русского церковнославянского, сербского церковнославянского, русского, новообразования, а также лексика, общая для трех языков, происхождение которой установить невозможно), словообразовательной структуры, семантики, в частности, жанровой специфики. Большую часть монографии составляет «ценнейший», по словам П. Ивича, словарь церковнославянских слов в произведениях Негоша, содержащий указание на источник заимствования и комментарий к употреблению или значению³⁴.

²⁸ *Грковић-Мејџор Ј.* Прилог проучавању лексико-семантичке групе – грѣх- // Теолингвистичка проучавања словенских језика. Београд, 2013.

²⁹ *Грицкат И.* У чему је значај и какве су специфичности славеносрпског периода у развоју српскохрватског језика // Зборник за филологију и лингвистику. 9. Нови Сад, 1966.

³⁰ *Младеновић А.* Речник текстава славеносрпског периода и нека питања његове израде // Лексикографија и лексикологија. Нови Сад; Београд, 1984; *Кашић Ј.* Извори и грађа за речник славеносрпског језика // Лексикографија и лексикологија. Нови Сад; Београд, 1984.

³¹ *Младеновић А.* Славеносрпски језик. Нови Сад, 1989. С. 114.

³² *Младеновић А.* Славеносрпске особине у језику Јована Стерије Поповића // Славеносрпски језик. Нови Сад, 1989; *id.* Славеносрпске особине у језику Димитрија Исајловића // Славеносрпски језик. Нови Сад, 1989; *Дабвић Б.Л.* Русизми и славјанизми у лексиси «Луче микроkozма» // Лексикографија и лексикологија. Нови Сад; Београд, 1984; *Стијовић С.* Његошева лексика у односу на Вукову норму // Међународни састанак слависта у Вукове Дане, 17/1. Београд, 1987.

³³ *Стијовић С.* Славенизми у Његошевим песничким делима. Сремски Карловци; Нови Сад, 1992.

³⁴ *Стијовић С.* Славенизми у Његошевим песничким делима. С. 137–228.

Отдельные сведения по лексическому своеобразию писателей XVIII – XIX вв. содержатся в работах А. Албьянич³⁵, Й. Йерковича³⁶, Х. Куны³⁷, А. Младеновича³⁸, Л. Суботич³⁹, Б. Терзича⁴⁰, О. Трофимкиной⁴¹, Г. Тяпко⁴², П. Херрити⁴³. Достаточно большое место уделяет лексике А. Миланович в монографии, посвященной языку Й. Суботича, рассматривая славянизмы и другие заимствования, а также синонимические пары⁴⁴. Этому же автору принадлежат исследования лексики сербских газет конца XVIII и 20-ых гг. XIX в.⁴⁵. В этих исследованиях описаны способы заполнения лексических лакун в сербском языке, конкуренция неологизмов и калек, с одной стороны, и заимствований с другой, явление пуризма, изменение редакторской политики в отношении этого вопроса на протяжении времени, особое отношение к ориентализмам. А. Миланович также занимался проблемой использования сербскими авторами начала XIX в. хорватских лексем, отмечая, что сужение ареала использования некоторых ранее общих лексем является следствием позднейшего развития сербского литературного языка⁴⁶. В области описания лексики отдельных авторов значительное место занимает монография Н. Вулович «Лексика рассказов Лазе К. Лазаревича»⁴⁷. Основную часть работы составляет словарь редких слов (архаизмов, диалектизм, терминов) и значений, а также слов с иной, по сравнению с современным литературным языком, фонетической и словообразовательной структурой. Словарю предпослан анализ лек-

³⁵ Албјанић А. Неке језичке ообине у «Житију» Герасима Зелића // Јужнословенски филолог. Књ. 41. Београд, 1985.

³⁶ Јерковић Ј. Језик Јакова Игњатовића. Нови Сад, 1972. С. 283–287; *id.* Језик Богобоја Атанацковића. Нови Сад, 1976. С. 133–137; *id.* Језик писама Јована Јовановића Змаја // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. XV / 2. Нови Сад, 1972; *id.* Лексика писама Богобоја Атанацковића // Годишњак филозофског факултета у Новом Саду. XVIII / 1. Нови Сад, 1974; *id.* О језику писама Љ. Ненадовића // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику, XXI / 2. Нови Сад, 1978; *id.* Дијалектизми у Стеријиној прози // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. XXV / 1. Нови Сад, 1982.

³⁷ Куна Х. Доситејев однос према лексичком фонду књижевног рускославенског и народног српскохрватског језика // Научни састанак слависта у Вукове дане. 19/2. Београд, 1990.

³⁸ Младеновић А. Језик владике Данила. Нови Сад, 1973; *id.* О неким славенизмима у песмама Доситеја Обрадовића, Гаврила Ковачевића и Георгија Михалевића, посвећеним првом српском устанку // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. XLVII / 1–2. Нови Сад, 2004.

³⁹ Суботић Љ. Партиципи у функцији термина у књижевном језику Јована Стерији Поповића // Научни састанак слависта у Вукове дане. 11/1. Београд, 1982.

⁴⁰ Терзич Б. Русизми и славенизми у језику *Житија* Герасима Зелића // Руско-српске језичке паралеле. Београд, 1999.

⁴¹ Трофимкина О. О страним речима у језику С.М. Љубиши // Научни састанак слависта у Вукове дане. 13/2. Београд, 1984.

⁴² Тяпко Г.Г. Доситејева апстрактна лексика из данашње перспективе // Научни састанак слависта у Вукове дане. 19/2. Београд, 1990.

⁴³ Herrity P. Језик у Стеријиним комедијама // Научни састанак слависта у Вукове дане. 11/1. Београд, 1982.

⁴⁴ Милановић А. Језик Јована Суботића. Београд, 2014. С. 321–354.

⁴⁵ Милановић А. Језик весма полезан. Београд, 2013. С. 195–203; 211–234. Названия разделов: Неке лексичке карактеристике новинарског подстила у предвуковском периоду; Настанак српске новинске фразеологије, Однос према лексички страног порекла у новинама Стефана Новаковића *Славенно-српски Ведомости*; Контактни синоними (посрбица – оријентализам) у језику бечких *Новина Сербских*; Семантичка и творбена конкуренција у посрбицама предвуковског периода.

⁴⁶ Милановић А. Језик весма полезан. С. 127–137: Граматичке и лексичке паралеле између српских писаца из Војводине и хрватских писаца у 19. веку.

⁴⁷ Вуловић Н. Лексика у приповеткама Лазе К. Лазаревича. Београд, 2010.

сических слоев в языке писателя: экспрессивные слова, историзмы и архаизмы, диалектизмы, заимствования, термины.

Роли русского и церковнославянского языка в формировании сербской лексики и вопросам преемственности лексики славяно-сербского и современного языка уделено внимание в монографии В.П. Гудкова «Сербская лексикография XVIII в.»⁴⁸. Как отмечает автор, важной задачей является выявление судьбы книжной лексики, а именно определение «напластования русских и церковнославянских лексических элементов, сохраняющихся в литературном языке с довуковской поры»⁴⁹. В работе представлен словарь русизмов и церковнославянизмов (70 лексем), составленный на основе словариков и изданий Г. Терлаича. Эти лексеммы отсутствуют в словарях Караджича, а иногда и в его трудах, но употребляются в современном сербском языке, то есть вошли в современный язык из довуковского книжного языка. Как отмечает автор, много частотных слов современного языка восходят к книжному языку XVIII в., например: *вест*, *васпитати*, *известан*, *казнити*, *нежан*, *опасан*, *позориште*, *право*, *предмет*, *природа*, *успех*, *скроман*. Также в работе В.П. Гудкова содержатся сведения по истории слов *читати* и *речник*⁵⁰. Об истории заимствований из русского и церковнославянского см. также другие работы⁵¹.

Важной областью сербской исторической лексикологии является изучение лексического состава «Сербского словаря» В. Караджича и его соотношения с лексикой литературного языка XVIII в. и современного языка. Значимость состава этого словаря для истории сербской лексики заключается в том, что он стал основой лексического фонда литературного языка нового, «народного» типа, пришедшего на смену церковнославянской и русской книжной лексике XVIII в., и в период формирования литературного языка служил эталоном лексики для многих писателей и создателей языкового стандарта. Лексический состав словаря подробно рассматривается в работе П. Ивича «О Сербском словаре 1818-го г.»⁵² и трудах Й.Кашича, объединенных в сборнике «По следам слова Вука». В статье «Фонологические, морфологические и семантические дублиеты в “Словаре Вука”» рассматриваются изменения, произошедшие к концу XX в. в соотношении лексем, обозначенных в словаре как синонимы и дублиеты: утрата лексеммы, изменения значений, приобретение стилистической окраски, территориальной маркированности. «Многие из слов, которые в словаре Вука описаны как синонимы – идет ли речь о словах, производных от одной основы или этимологически не связанных – сегодня отличаются по значению, вследствие изменений семантического поля одного или обоих членов вуковской синонимической пары (например, *исход* – *проход*, *облог* – *опклада*...), некоторые слова приобретают стилистическую окраску (*дојка*, *луча*, *мома*), а другие присутствуют только на части языковой территории и, в основ-

⁴⁸ Гудков В.П. Сербская лексикография XVIII в. С. 143–162.

⁴⁹ Там же. С. 146.

⁵⁰ См. также: Гудков В.П. О појави термина речник и његовој афирмацији у српској лексикографији // Наш језик. 24/ 1–2. Београд, 1979.

⁵¹ *Кашич Ј.* Лексика рускословенског порекла и лексички фонд српскохрватског језика (именице на -ије и њихови еквиваленти у српскохрватском језику) // Књижевност и језик. XIX/ 2–3. Београд, 1972; *Младеновић А.* О неким славенизмима у песамама Доситеја Обрадовића, Гаврила Ковачевића и Георгија Михаљевића, посвећеним првом српском устанку; *Тяпко Г.Г.* Доситејева апстрактна лексика из данашње перспективе.

⁵² *Ивић П.* О Вуковом Српском рјечнику из 1818. године. Београд, 1966.

ном, вариантно поляризованы (например, *nanap/ бибер, туча/град, цура/ девојка*)⁵³. В специальных статьях⁵⁴ Й. Кашич дает тематический обзор лексики из неродных для Вука Караджича идиомов (городские, воеводинские, черногорские говоры), которая была им записана в поездках и в результате контакта с воеводинской средой, и характеризует место этих слов в системе современного литературного языка и роль названных говоров в формировании литературной лексики. В статье «Лексика “Словаря Вука” и современного литературного языка»⁵⁵ обобщаются результаты предшествующих статей и описываются основные типы соответствий лексики словаря Вука и современного сербского литературного языка (утрата лексем, известных Караджичу, изменение их значения, возникновение новых слов). В работе «О лексике Вука и по ее поводу»⁵⁶ М. Ивич останавливается на несоответствии словника «Сербского словаря» В. Караджича и лексики его текстов. Отмечается употребление разных лексем (в словаре присутствует слово *ватрењача* ‘пароход’, редкий диалектизм, а в своих текстах Караджич употреблял *пароплов*), поскольку в словарь намеренно включалась народная лексика, а сам Караджич принадлежал к среде образованных сербов, язык которых был иным и, обращаясь к ним, он использовала лексику, близкую адресату. Автор размышляет, чем объясняется лексикографическая позиция Караджича и почему он свел сербский язык к его самой примитивной форме: по мысли М. Ивич, Караджич руководствовался идеей борьбы «за возвышение и общественный престиж сельской сербской среды», ориентировался на языковую компетенцию необразованного крестьянина и относился к простонародной лексике как к «исключительной драгоценности»⁵⁷. Отдельная работа о лексической эволюции у В. Караджича принадлежит В.П. Гудкову⁵⁸.

Источники пополнения словаря литературного языка на протяжении XIX в. рассматривает Й. Кашич. Исследователь описывает средства пополнения словаря в языке начала XIX в. на материале писем Миловану Видаковичу (расширение семантического поля слов и возникновение новой сочетаемости, словообразовательные средства, заимствования интернационального характера или из славянских языков) и выделяет области, в которых появляются неологизмы (названия лиц, письменная коммуникация)⁵⁹. В статье⁶⁰ прослеживаются две традиции в отношении заимствований и пополнения лексического фонда в языке писателей XIX в.: первая, идущая от П. Соларича и связанная с образованием новых слов, которую развивали Сарайлия и Стерия, а позд-

⁵³ *Кашић Ј.* Фонолошки, морфолошки и семантички дублети у Вуковом *Рјечнику* // Трагом Вукове речи. Нови Сад, 1987. С. 64–65.

⁵⁴ *Кашић Ј.* Градске речи у Вуковом *Рјечнику*; Војвођанска лексика у Вуковом *Рјечнику*; Речи из Црне Горе у Вуковом *Рјечнику* и књижевном језику // Трагом Вукове речи. Нови Сад, 1987.

⁵⁵ *Кашић Ј.* Лексика Вуковог *Рјечника* и савременог књижевног језика // Трагом Вукове речи. Нови Сад, 1987.

⁵⁶ *Ivić М.* О vukovoj leksici i povodom nje // М. Ivić. О vukovom i vukovskom jeziku. Beograd, 1997.

⁵⁷ Там же. С. 63.

⁵⁸ *Гудков В.П.* Бележки за еволюцията на езика на Вук Караджич // В памет на профессор Стойко Стойков (1912–1969): Езиковедски изследованија. София, 1974.

⁵⁹ *Кашић Ј.* Прилог познавању разговорне лексике (на материјалу из прве половине XIX века) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. XV/1. Нови Сад, 1972.

⁶⁰ *Кашић Ј.* Стварање лексичке норме током прве половине XIX века // Научни састанак слависта у Вукове дане. 10/1. Београд, 1981.

нее Змай и Костиц; и вторая, идущая от митрополита С. Стратимировича, которая отражает толерантность по отношению к заимствованиям.

В ряде исследований рассматривается создание терминологии в XIX веке, в период формирования современного литературного языка. Одна из попыток разработки терминологии, предпринятая Обществом сербской словесности, представлена в работе И. Грицкат, где дается оценка места в истории языка списка терминов, опубликованного Обществом в 1847 г. (описывается их словообразовательная структура, роль церковнославянских элементов, сохранность терминологии в современном языке)⁶¹. Юридической терминологии начала XIX в. посвящена работа Г. Йованович, в которой анализируется лексика правовых актов периода первого сербского восстания «Карађорђево законик» и «Начертаније устројства полицајне власти», испытывавшая немецкое, русское и церковнославянское влияние⁶². В работе⁶³ описывается пополнение фонда абстрактной лексики и терминологии в сербском издании Шафарика с помощью заимствований. В. Йованович рассматривает историю военной терминологии от Средневековья до современного состояния⁶⁴. В перечисленных ниже работах рассмотрены другие вопросы истории терминологии⁶⁵.

В 1997 г. М. Ивић начала работать над проектом «Исследование различий между языком Вука Караджича и современным литературным языком», задачей которого является описание развития сербской лексики со времен Караджича до наших дней. Ей принадлежит серия работ по сопоставлению вуковских и современных употреблений. В работе «О лексическом выражении понятия ‘заменить/заменять кого-то кем-то’ в сербском языке нашего и вуковского времени» М. Ивић высказывает наблюдения над сменой префиксов у глаголов на протяжении истории литературного языка (вуковское и совр. диал. *изменити* – совр. лит. *заменити*, *сменити*). «Стоит особо подчеркнуть, – пишет М. Ивић, – что систематическое сравнение современного употребления префиксальных глаголов в (стандартном) сербском с отношением Вука к этим лексическим образованиям, выявило бы еще много других ранее незамеченных, но чрезвычайно интересных проблемных деталей»⁶⁶, ср. пары *изјести* ‘съесть’ (вуковский перевод Нового Завета) – современное *појести*, *јавити* (*некога*) ‘сообщить о ком-то, донести’ –

⁶¹ Грицкат И. Покушаји стварања српске научне терминологије средином прошлог века // Наш језик, XIV/ 2–3. Београд, 1964. См. также об этом: *Ивић П.* Преглед историје српског језика. С. 207–210.

⁶² Јовановић Г. Правна терминологија у Карађорђевој законик у // Научни састанак слависта у Вукове дане, 39/1. Београд, 2010.

⁶³ Keipert H. Strane reči u jednom tekstu P. J. Šafarika kao problem prevodenja u «Srpskom letopisu» (1825) i «Danici horvatskoj, slavonskoj i dalmatinskoj» (1835) // Srpski jezik – studije srpske i slovenske, 2010. Vol. 15. Bg. 1–2.

⁶⁴ Јовановић В. Поглед на главне етапе развоја српске војне терминологије.

⁶⁵ Јерковић Ј. Прилог проучавању терминологије у првој половини XIX века (Прокопије Болић, «Словар виноделца», 1818) // Научни састанак слависта у Вукове дане, 14/3. Београд, 1985; Недельков Љ. Пчеларска терминологија Аврама Максимовића (1810. година) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику, XXXVII. Нови Сад, 1994; Суботић Љ. (1984). Јован Хаџић и граматичка терминологија Вуковске епохе // Научни састанак слависта у Вукове дане. 14. Београд, 1984; Невекловски Г. Цивилизациона лексика у српском и хрватском језику у XIX в.: на примеру неких економских и банкарских термина // Јужнословенски филолог, књ. 64. Београд, 2008; Штасни Г. Историјски аспект стандартизације медицинске терминологије // Књижевност и језик. 3–4. XLVIII. Београд, 2001.

⁶⁶ Ivić M. O leksičkom obelodanjivanju pojma ‘zameniti /zamenjivati nekoga nekim’ u srpskom jeziku našeg i vukovog vremena // M. Ivić. O rečima. Београд, 2005. С. 60.

пријавити. Истории лексем *управо* ‘как раз, именно’ (у Вука ‘точно’), *разговетно* ‘разборчиво’, *књига* (в словарях Вука – это ‘письмо, книга, грамотность, бумага’), *плата* (у Вука не только ‘зарплата’, но и ‘плата за обучение и плата при продаже’), *доброта* (у Караджича – особенность не только доброго человека, но и хорошего предмета), *љубавник* (у Караджича ‘приятель’), обозначениям художника и рисования посвящен целый ряд работ автора⁶⁷.

* * *

Каждый период развития сербского языка имеет широкие перспективы для историко-лексикологического изучения. Недостаток изученности лексики отмечают исследователи древнесербского периода, завершение словаря славяно-сербского языка является одной из главных задач в области изучения «предвуковского» периода, и конечно, неизменно актуальной представляется задача описания формирования современного лексического состава и его соотношения с лексикой середины – конца XIX в.

⁶⁷ Ivić M. O vukovoj leksici i povodom nje // M. Ivić. O vukovom i vukovskom jeziku. Beograd, 1997; *id.* O odredbi razgoветno i povodom nje // O rečima. Beograd, 2005; *id.* O vukovom *upravo* // O rečima. Beograd, 2005; *id.* I knjige su se nekada «odlikovale dobrotom» // Jezik o nama. Beograd, 2006; *id.* Leksikologu u čast: o jednoj leksičkoj temi // Jezik o nama. Beograd, 2006; *id.* M. Kad su «moleri» viđenim ljudima «molovali i preslikavali obraz» // O rečima. Beograd, 2005.

I. VALENTOVÁ

Bratislava, Slovensko

Lexikografické spracovanie slovnej zásoby predspisovnej slovenčiny

Slovenský jazyk od rozpadu Veľkomoravskej ríše až do prvej kodifikácie Antonom Bernolákom v roku 1787 nemal jednotnú a spoločensky záväznú podobu. Slováci na rozdiel napríklad od Čechov nemali svoje kultúrne a politické centrum, kde by bolo možné rozvíjať jazykovú kultúru, hoci v ústnych prejavoch slovenského meštianstva, zemiánstva a vzdelancov existovala okrem nárečí aj kultivovaná podoba jazyka. Toto obdobie bolo charakteristické rozličnými formami kultivovania slovenčiny, vznik rozmanitých štýlov, žánrov, rozličných umeleckých i ľudových slovesných útvarov, s čím úzko súvisí ustáľovanie prostriedkov vo všetkých jazykových rovinách s tendenciou uplatniť sa na širšom území. Slovenský jazyk sa vyznačoval množstvom podôb, ktoré odrážali územnú, štýlovú aj žánrovú diferencovanosť, plnili verejnú funkciu a vyznačovali sa nadnárečovými prvkami. Na tieto podoby jazyka mala výrazný vplyv konfesijná orientácia používateľov jazyka, hospodárske, administratívne a kultúrne kontakty s inojazyčným prostredím, s geneticky a areálovo blízkymi aj vzdialenými jazykmi. Funkciu jazyka verejnej komunikácie často suplovali iné jazyky, ako napríklad latinčina, nemčina, čeština a maďarčina. Ako vyzerala písomná podoba slovenčiny a do akej miery sa v písomnostiach využívali jazykové, predovšetkým lexikálne prvky týchto a iných geneticky príbuzných a nepríbuzných jazykov, záviselo od ich charak-

teru a od autorov textov – ich zámeru, pôvodu a vzdelania. Medzi mimojazykové činitele, ktoré vplývali na slovenský jazyk a na prenikanie cudzích jazykových prvkov do predpisovnej slovenčiny, patrili aj hospodárske, politické, obchodné, kultúrne a osobné kontakty s inými etnikami a takisto ľudia žijúci v etnických a národnostne zmiešaných oblastiach¹.

Lexika predpisovného obdobia slovenčiny sa skúmala prostredníctvom štúdia a analýzy historických písomných prameňov. Bádatelia sa zväčša orientovali na tematický či žánrový rozbor jednotlivých pamiatok alebo charakteristiku určitých hláskoslovných, gramatických alebo lexikálnosémantických javov. Ich vedecké výstupy formou monografií, štúdií a článkov sú cenným prínosom pre slovenskú jazykovedu. K významným monografickým prácam patrí napríklad kniha V. Blanára *Zo slovenskej historickej lexikológie*², ktorá ponúka slovníkový rozbor početných kníh zemianskeho banského súdu v Boci zo 16. storočia. Autor sa zamerával na lexikografické otázky, metodologické problémy a na osvetlenie pomeru medzi vtedajšou českou spisovnou normou a slovenským nárečovým základom. Táto práca priniesla zaujímavý materiál z oblasti baníckej terminológie. V monografii *Lexikálno-sémantická rekonštrukcia*³ sa V. Blanár venoval jednej z centrálnych otázok historickej i synchronickej lexikológie a lexikografie – problematike významovej stránky najmenších a malých lexikálno-sémantických systémov. Táto práca je zhrnutím výskumov v oblasti lexikálnej sémantiky z hľadiska synchronného, diachrónneho a porovnávacieho aspektu.

Ján Doruľa v monografii *Z histórie slovenskej slovnej zásoby*⁴ analyzoval slovenskú historickú lexiku v širokých jazykových kontextoch a mimojazykových súvislostiach, čo mu umožnilo postihnúť významovú stavbu slov z rozličných vrstiev slovenskej lexiky. V ďalšej knihe *Slováci v dejinách jazykových vzťahov*⁵ sa sústredil na historickú slovenskú lexiku v kontexte iných jazykov a s tým súvisiacich spoločensko-historických pomerov. Práca vyvolala ohlas nielen v jazykovednej, ale aj v historickej literatúre a v slavistike. V publikácii *Tri kapitoly zo života slov*⁶ sa zamerával na kľúčové slová, ktoré sú dôležité pre pochopenie historického vývinu slovenčiny a spisovného jazyka na území Slovenska. Rozoberá postoje slovenských vzdelancov k jazyku a poukazuje na rozdiely v týchto postojoch u slovenských katolíkov a evanjelikov. Osvetlil zákonitosti vzniku a vývinu viacerých typov slovenských priezvisk, aj vývinu ženských pomenovaní a rodinných mien.

Monografia Rudofa Kuchara *Právo a slovenčina v dejinách*⁷ priniesla pohľad na niekoľkostoročné jazykové formovanie a stváranie právnej terminologickej zložky lexiky staršej slovenčiny a jej začlenenie do európskeho kontextu. R. Kuchar sprístupnil vedeckej, odbornej i širšej verejnosti v transliterovanej podobe prvú najväčšiu a súčasne súvislú jazykovú pamiatku, ktorá pochádza zo slovenského prostredia – *Žilinskú právnu knihu* (14.–15. stor.). Vychádzala postupne v dvoch vydaniach: *Žilinská právna kniha* (magdeburské právo)⁸, *Žilinská právna kniha* (zápisy právnych úkonov žilinských mešťanov)⁹, *Žilinská*

¹ Bližšie k charakteristike jednotlivých etáp predpisovnej slovenčiny pozri: *Krajčovič R., Žigo P.* Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 2002. S. 11–129.

² *Blanár V.* Zo slovenskej historickej lexikológie. Bratislava, 1961. 340 s.

³ *Blanár V.* Lexikálno-sémantická rekonštrukcia. Bratislava, 1984. 216 s.

⁴ *Doruľa J.* Z histórie slovenskej slovnej zásoby. Bratislava, 1972. 62 s.

⁵ *Doruľa J.* Slováci v dejinách jazykových vzťahov. Bratislava, 1977. 136 s.

⁶ *Doruľa J.* Tri kapitoly zo života slov. Bratislava, 1993. 151 s.

⁷ *Kuchar R.* Právo a slovenčina v dejinách. Budmerice, 1998. 176 s.

⁸ *Kuchar R.* Žilinská právna kniha (magdeburské právo). Bratislava, 1993. 133 s.

⁹ *Kuchar R.* Žilinská právna kniha (zápisy právnych úkonov žilinských mešťanov). Žilina, 2001. 100 s.

právna kniha. Preklad magdeburského práva – Zápisy právných úkonov žilinských mešťanov¹⁰. Podľa autora obidve časti knihy sú zapísané jazykom, ktorý predstavuje slovenský ústny kultúrny jazyk slovenských vzdelancov, utvorený na báze západoslovenských nárečí, s niektorými stredoslovenskými a s početnými českými prvkami. Súčasťou posledného vydania je charakteristika lexikálnej, tvaroslovnej, syntaktickej, hláskoslovnej a grafickej stránky jazyka tejto významnej pamiatky.

Jana Skladaná v monografii *Frazeologický fond slovenčiny v predpisovnom období*¹¹ ukázala bohatstvo historickej frazeológie, ktorú analyzovala z hľadiska vývinu jazyka a porovnávala s frazémami v súčasnom jazyku. Podala štruktúrnú klasifikáciu frazém skúmaného obdobia, pričom sa zamerala na zachytenie jednotlivých štruktúrno-sémantických modelov na základe vybraného materiálu a ich význam pre výskum diachrónej i synchronnej frazeológie. Knižky *Slová z hlbín dávnych vekov*¹² a *Ukryté v slovách*¹³ sú určené širšej verejnosti. Autorka v nich vysvetľuje na pozadí histórie, mytológie, Biblie, povestí či iných prameňov pôvod ustálených spojení a frazeologizmov.

Slovenskí jazykovedci publikovali výsledky svojich výskumov slovnej zásoby slovenčiny predpisovného obdobia napríklad aj v edícii *Jazykovedné štúdie*, najmä v číslach 6, 16, 17, 18, 29¹⁴, v konferenčných zborníkoch a vedeckých, odborných i popularizačných časopisoch. Materiály z konferencie o výskume a opise slovnej zásoby slovenčiny v Smoleniciach v marci 1983 boli publikované v zborníku *Obsah a forma v slovnej zásobe*¹⁵. Pri príležitosti životného jubilea Jána Doruľu vyšiel zborník *Z vývinu slovenskej lexiky*¹⁶, v ktorom možno nájsť štúdie z oblasti staršej slovenskej lexiky a onomastiky. Publikácia *Z histórie lexiky staršej slovenčiny*¹⁷ obsahuje väčšinou staršie materiállové štúdie kolektívu autorov historického slovníka. Príspevky ukazujú, že bádanie v oblasti lexikológie a následné vypracúvanie vedeckých štúdií či odborných článkov a spracúvanie lexikálnej i významovej stránky jednotlivých slov, slovných čŕadií alebo vecných okruhov v slovníkových heslách veľmi úzko súvisia, sú potrebné a porovnateľné.

Uvedené vybrané a ďalšie monografie, štúdie a články do veľkej miery prispeli k poznaniu historickej slovenskej lexiky a priniesli veľa cenných poznatkov aj z oblasti historickej lexikografie, pretože autori pripravovaného historického slovníka okrem iného v nich konfrontovali výsledky vlastných bádání slovnej zásoby staršej slovenčiny predpisovného obdobia s lexikografickou prácou. Nemohli však nahradiť komplexný vedecký opis lexiky tohto obdobia (historický slovník), ktorý by ukázal jazyk slovenskej národnosti v jej osemsto-

¹⁰ Kuchar R. *Žilinská právna kniha. Preklad magdeburského práva – Zápisy právných úkonov žilinských mešťanov*. Bratislava, 2009. 208 s. + obrazová dokumentácia: prílohy k častiam A. (obr. 214–302) a B. (obr. 1–80).

¹¹ Skladaná J. *Frazeologický fond slovenčiny v predpisovnom období*. Bratislava, 1993. 176 s.

¹² Skladaná J. *Slová z hlbín dávnych vekov*. Bratislava, 1999. 208 s.

¹³ Skladaná J. *Ukryté v slovách*. Bratislava, 2012. 238 s.

¹⁴ *Jazykovedné štúdie* č. 6. *Štúdie a pramene k dejinám jazyka slovenskej národnosti* / Red. E. Pauliny. Bratislava, 1961. 271 s., *Jazykovedné štúdie* č. 16. *Materiály z vedeckej konferencie o sémantike* / Red. J. Ružička. Bratislava, 1981. 290 s., *Jazykovedné štúdie* č. 17. *Z dejín slovenskej lexiky* / Red. J. Doruľa. Bratislava, 1982. 125 s., *Jazykovedné štúdie* č. 18. *Z dejín slovenského jazyka* / Red. Š. Peciar. Bratislava, 1983. 113 s., *Jazykovedné štúdie* č. 29. *Život medzi apelatívami a propriami* / Ed. I. Valentová. Bratislava, 2011. 259 s.

¹⁵ *Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovenskej zásoby slovenčiny (Smolenice 1. – 4. marca 1983)* / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. 399 s.

¹⁶ *Z vývinu slovenskej lexiky* / Zost. R. Kuchar. Bratislava, 1993. 221 s.

¹⁷ *Z histórie lexiky staršej slovenčiny* / Zost. M. Majtán, T. Laliková. Bratislava, 2008. 232 s.

ročnom vývine na základe zachovaných jazykových pamiatok a stal by sa podkladom na utvorenie hlbšieho syntetizujúceho obrazu domácej a prevzatej lexiky.

Už v roku 1951 sa sformovalo v rámci Jazykovedného ústavu Slovenskej akadémie vied a umení (od r. 1966 Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied) v Bratislave pod vedením Eugena Jónu oddelenie dejín slovenčiny (tzv. historické oddelenie, dnes oddelenie dejín slovenského jazyka, onomastiky a etymológie). Hlavným cieľom oddelenia bolo zostaviť koncepciu dokladového a výkladového slovníka slovenčiny z predpisovného obdobia tak, aby slovník poskytoval dobrý a spoľahlivý základ nielen pre správne chápanie a výklad slovenských historických textov, ale aj pre ďalší výskum vývinu slovenskej slovnej zásoby, dejín slovenského jazyka, slovistiky a slovenskej historicko-porovnávacej jazykovedy. Predmetom lexikografického spracovania sa stala slovná zásoba utvárajúcej sa písomnej podoby kultúrnej slovenčiny, predstavujúcej vo vývine slovenského jazyka predpisovný, nekodifikovaný, ale kultivovaný jazykový útvar, ktorého variabilnosť ešte odrážala areálovú diferenciaciu jazyka a nerovnakú mieru využívania prevzatých neslovenských, najmä českých jazykových prvkov, vyplývajúcich z nerovnakého vzdelania autora textu, no i z jeho zámeru, ako aj z charakteru písomnosti.

Členovia oddelenia sa hneď od jeho vzniku sústredili na intenzívny archívny výskum starších slovenských jazykových pamiatok zo slovenských a zahraničných archívov, ale systematickejšie začalo pracovať až od roku 1961. Na základe skúseností z prípravy iných slovanských slovníkov, najmä Staročeského slovníka¹⁸, a s prihliadnutím na špecifické domáce podmienky kolektív autorov v zložení Ján Doruľa, Vladimír Gregor, Eugen Jóna, Elena Krasnovská, Rudolf Kuchar, Milan Majtán, Marie Majtánová a Jana Skladaná, ktorý viedol Vincent Blanár, a členov internej redakcie Kataríny Habovštiakovej a Izidora Kotuliča, vypracoval koncepciu historického slovníka tezaurovského typu, ktorú publikoval v roku 1973 v ukázkovom zväzku pod názvom Slovenský historický slovník z predpisovného obdobia¹⁹. Takýto projektový zámer obsahoval teoretické východiská a lexikografické postupy, ktoré boli primerané poslaniu slovníka a vtedajším materiálovým, personálnym a technickým možnostiam.

Lexikologická problematika lexikografického opisu slovnej zásoby staršej slovenčiny i samotná lexikografická problematika historického slovníka sa v období prípravy i v čase vychádzania prvých zväzkov slovníka publikovala najmä v monografických štúdiách V. Blanára *Lexikálno-sémantická problematika historického slovníka slovenského jazyka*²⁰, *Vývin slovnej zásoby v predkodifikačnom období*²¹, *Lexikológia lexikografie*²² a v už spomenutej monografii *Lexikálno-sémantická rekonštrukcia*. Spoločný referát autorského kolektívu s názvom *Historický slovník slovenského jazyka* na konferencii o výskume a opise slovnej zásoby slovenčiny v Smoleniciach v roku 1983, ktorý predniesol V. Blanár, obsahoval

¹⁸ Staročeský slovník. Úvodní stati, soupis paměnů a zkratek / Red. B. Havránek. Praha, 1968, zoš. 1–4 (-neošedlý).

¹⁹ Blanár V., Habovštiaková K., Kotulič I. a kol. Slovenský historický slovník z predpisovného obdobia. Ukázkový zošit. Bratislava, 1973. 356 s.

²⁰ Blanár V. Lexikálno-sémantická problematika historického slovníka slovenského jazyka // Jazykovedné štúdie č. 17. Z dejín slovenskej lexiky / Red. Š. Peciar. Bratislava, 1982. S. 25–38.

²¹ Blanár V. Vývin slovnej zásoby v predkodifikačnom období // Slovenská reč. Roč. 48. Č. 6. S. 321–330.

²² Blanár V. Lexikologija lexikografii // Meždunarodnyj simpozium po problemam etimologii, istoričeskoj lexikologii i lexikografii. Tezisy dokladov. Moskva, 1984. S. 107–108.

val náčrt koncepcie a problematiky historického slovníka²³. V. Blanár v ňom zdôraznil základnú úlohu lexikografického spracovania, ktorá spočíva v postihnúti, segmentácii a exemplifikácii významovej stavby lexikálnej jednotky. „Heslová lexéma historického slovníka predstavuje vlastne sémanticky nešpecifikovanú jednotku, jej sémantika sa vymedzí na základe osobitnej rekonštrukcie, ktorá je výsledkom komplexnej sémantickej analýzy. Objektívna ťažkosť významovej segmentácie spočíva v tom, že vydelenie sémantických príznakov ako konštitutívnych prvkov semémy sa nemôže vždy opierať o formálne ukazovatele. Najmä v historickom slovníku vystupuje do popredia protirečenie medzi kontinuálnym rázom lexikálno-sémantického vývinu a jeho lexikografickým spracovaním, v ktorom sa podávajú lexikálno-sémantické prvky a vzťahy v podstate ako diskkrétne.“²⁴

Niektorí ďalší spoluautori slovníka prispeli na tejto konferencii koreferátmi. Genézu prác na príprave slovníka ukázal V. Blanár na prednáške *Historický slovník slovenského jazyka*²⁵ v rámci kurzu *Studia Academica Slovaca* v roku 1984. Po vydaní všetkých zväzkov HSSJ vývin koncepcie a prác na slovníku charakterizoval aj M. Majtán v príspevkoch *Ako vznikala súčasná podoba Historického slovníka slovenského jazyka*, *Genéza historického slovníka slovenského jazyka z pohľadu jeho tvorcov*²⁶.

Z 11.–14. storočia sa síce nezachovali slovenské písomné pamiatky, ale prameňom na poznávanie najstaršej lexiky z tohto obdobia sa stali doložené slovenské slová, slovné spojenia, najmä propriá slovenských reálií, ktoré boli zaznamenané v latinských textoch. Z obdobia 11.–15. storočia sa preto vyexcerpovali zväčša z latinských listín pomenovania geografických objektov a osôb zo slovenského jazykového územia, ktoré sú najstaršími priamymi dokladmi slovenského jazyka. Využitím zápisov proprií v týchto listinách sa posúvajú najstaršie doklady mnohých slov ďalej do minulosti a pozitívne sa dokazuje kontinuálny vývin slovenského jazyka už od 11. storočia.²⁷ Z tohto obdobia sa v historickom slovníku spracovali najmä propriálne jednotky apelatívneho pôvodu. Za dve desaťročia sa zozbieralo pomerne veľké množstvo doteraz nepublikovaných písomností zo 16.–18. storočia, ktoré predstavujú dobrú základňu pre všestrannú jazykovú analýzu slovenčiny predpisovného obdobia. Spolu s textami publikovanými v osobitných edíciách, monografiách a monografických štúdiách a s historickými tlačami z tohto obdobia sa vytvorila materiálová základňa historického slovníka i východisko na ďalšie všestrannejšie jazykovedné analýzy predpisovnej slovenčiny. Úplnou aj výberovou excerpciou sa budovala klasická papierová kartotéka slovníka, ktorá už po niekoľkých rokoch obsahovala okolo milióna lístkov, archív fotokópií a mikrofilmov, archív transliterovaných textov, ako i súpis slovenských jazykových pamiatok

²³ Referát bol publikovaný v konferenčnom zborníku *Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovenskej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983)* / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. S. 333–340.

²⁴ *Blanár V. Historický slovník slovenského jazyka // Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovenskej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983)* / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. S. 335–336.

²⁵ *Blanár V. Historický slovník slovenského jazyka // Studia Academica Slovaca. 13. Prednášky XX. Letného seminára slovenského jazyka a kultúry* / Red. J. Mistrík. Bratislava 1984. S. 95–114.

²⁶ *Majtán M. Ako vznikala súčasná podoba Historického slovníka slovenského jazyka // Slovenská reč. 2008. Roč. 73. Č. 4. S. 221–225, id. Genéza historického slovníka slovenského jazyka z pohľadu jeho tvorcov // Jazykovedný časopis. 2008. Roč. 59. Č. 1–2. S. 51–54.*

²⁷ Lexikografické alebo monografické spracovanie klasických lístkových kartoték historickej toponymie a antroponymie, ktoré boli vybudované pre historický slovník, patrí k ďalším úlohám slovenskej onomastiky.

tvoriacich pramennú základňu slovníka (uvedené sú v 1. a 7. zväzku Historického slovníka slovenského jazyka).

Medzi pramene historického slovníka patrili aj staršie rukopisné a tlačené slovníky, ktoré boli určené hlavne pre latinské školy, a preto ich východiskovým jazykom bola zväčša latinčina. V mnohonárodnostnom Uhorsku sa latinský jazyk používal od 10. do 14. storočia nielen ako sakreálny jazyk rímskokatolíckej cirkvi, ale predovšetkým ako jazyk kráľovskej kancelárie, rozličných vyšších a nižších administratívno-právnych ustanovizní, škôl, neskôr bol aj jazykom stredovekej vedy a beletrie²⁸. Diplomatickým (oficiálnym) jazykom bol až do 19. storočia. Niektoré učebnice a slovníky boli štvorjazyčné, pretože popri maďarčine a nemčine sa uznával ako tretí domáci jazyk slovenčina alebo čeština²⁹. Najstaršie slovníky podávajú synchronne prierezy slovnou zásobou príslušnej doby, čím sú pomôckou na postihnutie systémovosti v nej. Často sú to jediné písomné pramene, v ktorých je určité slovo doložené. Z týchto slovníkov sa v pramennej základni Historického slovníka slovenského jazyka nachádza tzv. Kamaldulský slovník³⁰ alebo Slovník latinsko-slovenský Pavla Adamiša³¹ a mnohé iné³².

Od samého začiatku prípravy slovníka prebiehali v autorskom kolektíve i v publikovaných štúdiách dlhé odborné diskusie o celkovom charaktere slovníka, o problematike genetického a funkčného hodnotenia slovnej zásoby staršej slovenčiny, najmä pri hodnotení geneticky neslovenských prvkov a ich adaptácie v slovenských jazykových pamiatkach pramennej základne slovníka. Zaradovanie nedomácej lexiky do Historického slovníka slovenského jazyka (ďalej HSSJ) pri formovaní koncepcie slovníka nebolo zo začiatku jednoznačné. Otázne bolo, či sa pri uvádzaní a koncipovaní jednotlivých lexikálnych jednotiek uplatní genetické hľadisko, a potom by bol HSSJ slovníkom slovakizmov, alebo funkčné hľadisko a do HSSJ budú zaradované všetky slovenské lexémy i lexémy neslovenského pôvodu, ktoré sa vo vtedajších písomných štýloch funkčne používali a vyplňali medzery v domácej slovnej zásobe. Aj keď sa táto dilema týkala všetkých cudzích lexém, problematikké boli predovšetkým javy príznačné pre česko-slovenské medzijazykové vzťahy a otázka hodnotenia a zaradovania bohemizmov. Čeština celé stáročia suplovala na slovenskom území funkciu jazyka verejnej komunikácie, pretože bola slovenským používateľom na základe blízkosti oboch jazykov v značnej miere zrozumiteľná. V dôsledku dlhého obdobia jej používania nebolo možné zabrániť prenikaniu bohemizmov do nášho jazyka podobne ako prenikaniu lexém z iných jazykov, s ktorými sa slovenčina dostávala a dostáva do kontaktu.

Názory na posudzovanie a zaradovanie bohemizmov do HSSJ neboli vždy jednotné. Hlavnou otázkou bolo, či brať do úvahy genetické alebo skôr funkčné hľadisko. Ján Doruľa vychádzal z genetického chápania bohemizmov: „Funkcia češtiny na Slovensku a preberanie slov českého pôvodu do slovenčiny sú dve veci, ktoré nemožno stotožňovať, nech by sme už

²⁸ *Krajčovič R.* Pôvod a vývin slovenského jazyka. Bratislava, 1981. S. 25.

²⁹ *Jóna E.* Staršie slovníky ako pramene HSSJ // Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovenskej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983) / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. S. 387–338.

³⁰ (Kamaldulský slovník). Syllabus dictionarij Latino-Slavonicus... cum brevi quoque methodo parvulorum, rite videlicet: scribendi, formandi et pronuciandi nonnullas voces in Orthographo Slavonico Idiomatico, quod exemplis deducitur. 1763. 948 s. Rkp. v UK v Budapešti, sign. H 64.

³¹ *Adamiš P.* (Slovník latinsko-slovenský.) 1740. 117 s. Rkp. v LAMS v Martine, sign. MJ 711.

³² Uvedené sú v 1. a 7. zväzku HSSJ. Bližšie o dejinách najstarších slovníkov písala aj Matilda Hayeková v práci *Dejiny slovenských slovníkov do roku 1945*. Bratislava, 1979. 254 s.

vychádzali z akéhokoľvek smeru alebo odtieňa funkčnej lingvistiky. Zaraďovať slovnú zásobu češtiny z textov napísaných v 15. – 18. storočí na Slovensku do vtedajšej slovenskej slovnice s týmto zdôvodnením, že čeština plnila vtedy u Slovákov funkciu spisovného, respektíve „kultúrneho“ jazyka (dodajme, že principiálne by takáto argumentácia musela potom platiť i vo vzťahu slovenčiny a poľštiny), z čoho vraj vyplýva, že si túto slovnú zásobu nemožno odmyslieť ani z vtedajšej slovenskej slovnice, znamená neprimerané chápanie funkčnosti v jazyku. Nezdôvodnené české slová z textov na Slovensku nie sú synonymami príslušných slovenských slov používaných v tých istých významoch a v tej istej štylistickej platnosti, ale sú to rovnoznačné ekvivalenty z dvoch jazykov³³.

Na margo chápania češtiny ako osobitého jazyka na Slovensku hovoria aj slová Sama Czambela: „Veď sme už od r. 1440 stáli pod vlivom princípu dvojrečovosti. Inteligencia sa usilovala písať po česky, a ľud, nakoľko písal, písal po československy. Práve z tohoto princípu dvojrečovosti sa vyvinul princíp samostatnej spisovnej reči slovenskej. Prečo? Lebo reč Slovákov a reč Čechov nestoja k sebe v pomere nárečí, ale v pomere samostatných rečí, a preto Slováci na základe ústrojnosti vlastného jazyka nikdy sa nevedeli naučiť po česky tak, aby to zodpovedalo ústrojnosti jazyka českého“³⁴.

Ludovít Štúr mal pozitívny postoj k začleňovaniu cudzích slov do slovnice slovenčiny. Napríklad ešte pred uzákonením spisovnej slovenčiny v článku O rozboře mena prídavného napísal: „... prijímame veci cudzincov, ale zavrhuje ich slová a to, čo nám dosiaľ na veci chýba, usilujeme sa doplniť vlastnou formou. Nie, nemyslím, aby sme s cudzími myšlienkami aj všetky cudzie slová prijímali, nie, ale prijať tie, ktoré už nie sú iba majetkom jedného národa, ale majetkom všetkých vzdelaných národov, ktoré teda takrečeno sú už s vecou zrastnuté a žijú v predstavách všetkých vzdelancov, tie prijať veru aj my máme, lebo neprijať ich znamená od života vzdelaných národov chcieť sa odtrhnúť, čo nikdy nedokážeme, dokázať nesmieme, nemôžeme“³⁵.

Hlavným kritériom pri koncipovaní slovníka sa napokon stalo funkčné hľadisko, teda zachytiť prostredníctvom historických prameňov predovšetkým takú lexiku, ktorá sa v tomto období medzi inteligenciou skutočne používala, nevynímajúc prevzaté lexémy. Ignorovať v slovníku tohto typu českú lexiku, pramene, v ktorých sa viac či menej uplatňovala čeština, ktorá u nás v tomto období plnila funkciu spisovného jazyka a používala sa cez štyri storočia, by nebolo správne. Milan Majtán, vedecký redaktor HSSJ, k tejto problematike zaujal jednoznačné stanovisko: „Prirodzene, najcitlivejšie boli javy príznačné pre česko-slovenské medzijazykové vzťahy, lebo čeština celé stáročia suplovala na Slovensku funkciu slovenského spisovného jazyka. Napokon prevládla mienka o funkčnom hodnotení bohemizmov, podobne, ako sa aj dnes pristupuje k prevzatiam z iných jazykov“³⁶. Takýto názor mali autori slovníka už pri výbere a hodnotení jazyka písomných pamiatok, ktoré mali tvoriť pramennú základňu, a pri príprave koncepcie HSSJ (publikovanú v ukázkovom zväzku v roku 1973³⁷).

³³ Doruľa J. Slováci v dejinách jazykových vzťahov. Bratislava, 1977. S. 41.

³⁴ Czambel S. Slováci a ich reč. Budapešť, 1903. S. 205.

³⁵ Štúr L. Slovenčina naša. 5. zv. Bratislava, 1957. S. 261 – 262. Pozri aj Skladaná J. Vzťah Ľudovíta Štúra k preberaniu cudzích slov v slovenčine // Slovenská reč. 1993. Roč. 58. Č. 5. S. 258.

³⁶ Majtán M. Ako vznikala súčasná podoba Historického slovníka slovenského jazyka // Slovenská reč. 2008. Roč. 73. Č. 4. S. 222.

³⁷ Blanár V., Habovštiaková K., Kotulič I. a kol. Slovenský historický slovník z predpisovného obdobia. Ukázkový zošit. Bratislava, 1973. 356 s.

Prioritou bolo ukázať písomnú podobu slovenčiny predpisovného obdobia ako živého organizmu, v ktorej širšie uplatnenie mali aj prvky prevzaté z iných jazykov, či už hláskové, gramatické alebo lexikálnosémantické, aby sa HSSJ mohol stať spoľahlivým materiálovým zdrojom pri komplexnej analýze prevzatej lexiky predpisovného obdobia slovenčiny. Predovšetkým išlo o tie, ktoré mali paralelu v západoslovenských nárečiach.

České lexikálne prvky sa využívali hlavne v administratívnom štýle (napr. úvodné a záverečné formuly listov). Príznačnú vrstvu bohemizmov tvorili výrazové prostriedky, ktoré boli potrebné pre rozvíjajúci sa kultúrny jazyk, napr. spojky, druhotné predložky, participiálne väzby. Rozšírili sa aj české slová, ktoré mali slovenské ekvivalenty (*anebo – alebo, když – keď*). Autori koncepcie nepredpokladali, že zachytia všetky české podoby i české a vôbec cudzie lexikálne prvky vyskytujúce sa vo vyexcerpovaných textoch, ale ako predpokladali, spracovali tie, ktoré sa aspoň čiastočne, prípadne na určitý čas začlenili do slovenského lexikálneho systému. Do slovníka sa nezačleňovali lexikálne bohemizmy, ktoré sa ojedinele vyskytli v slovenských textoch, respektíve iba v starších slovníkoch pod vplyvom používanej českej literatúry (a nie preto, že niektoré z nich sú známe okrajovo aj v západoslovenských nárečiach), napr. *ať, kachna, kvapit'* – takého slová sa používali len ako individuálne nespisovné výpožičky, v neskoršom vývinovom období slovenského jazyka sa hodnotili ako české alebo sa ani nevyskytovali. Ďalej sa nespracovali české znenia slov, ktoré majú v slovenčine a v češtine rovnaký lexikálny základ a odlišujú sa od príslušného slovenského slova typickými českými hláskoslovnými znakmi, ak sú doložené iba ojedinele alebo sporadicky, napr. *auřad, řečený, proč* ap. Spracovali sa však niektoré vrstvy nezdôvodnených slov, ako boli bohatšie doložené lexikálne bohemizmy, ktoré boli obvyklé v slovenských kontextoch aspoň niektorého žánru kultúrnej slovenčiny, ba často presahovali jej časový rámec a zvyčajne sa začleňovali do derivačného radu, napr. *zde – zdejší, zed' – zed'ka – zedník – zednícky*, a slová, ktorých základy sú spoločné slovenčine i češtine. Za slovenským variantom sa uviedli príslušné české slová (s kvalifikátorom *čes*), ak boli príznačné pre písomnú podobu kultúrnej slovenčiny a ak používanie českého znenia zvyčajne presahovalo časový rámec predpisovného obdobia, napr. *který, anebo, slib*³⁸.

Niektoré lexémy, ktoré majú charakteristické prvky českého hláskoslovnia (*ř/r, ú/au*) a nemali paralelu v slovenských nárečiach, sa vyskytovali v textoch z predpisovného obdobia len nepatrne. Naopak niektoré hláskové znenia slov, ktoré sú známe nielen v češtine, ale aj v slovenčine (najmä v západoslovenských nárečiach) sa nehodnotili ako české, ale ako domáce, napr. *víra*, minulý čas slovesa *byť* mal najčastejšie tvary od základu *byl*, tvar *bratr*, kontrahované tvary *mého, mému*, dokonca tvary minulého času infinitívu *mat' – mel, miel* nie sú ani úpravou českých znení *jměl, měl*, ale vznikli domácim vývinom³⁹. Podľa K. Habovštiakovej znenia *viera, hriech, hriešny* s dvojhláskou ani nie sú doložené⁴⁰, s čím nemožno súhlasiť, pretože v kartotéke historického slovníka i v HSSJ sa nachádza veľa dokladov na existenciu diftongov v týchto slovách⁴¹. Ako bohemizmy sa v slovníku nehodnotili ani zmeny *ie > í* (napr. *zdraví, požeňnaní, richtárství*), predpona *pro-* (*prodat'*) a *i*.

³⁸ Blanár V., Habovštiaková K., Kotulič I. a kol. Slovenský historický slovník... S. 40.

³⁹ Habovštiaková K. O vzťahu slovenčiny a češtiny v slovenských písomnostiach zo XVI.–XVIII. Storočia // Slávia. 1968. Roč. 37. S. 237.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Kopecká M., Laliková T., Ondrejková R., Skladaná J., Valentová I. Staršia slovenská lexika v medzijazykových vzťahoch. Bratislava, 2011. S. 26.

V oblasti slovnej zásoby boli kontakty s češtinou výraznejšie, keďže ide o otvorenejší systém ako hláskoslovie alebo gramatická stavba jazyka. V mnohých písomnostiach z 15.–18. storočia sú lexémy českého pôvodu, pre ktoré slovenčina v tomto období ešte nemala vypracovaný osobitný pojem alebo jej pre ten-ktorý pojem chýbalo osobitné domáce pomenovanie, domáci ekvivalent. Z češtiny sa preberali ale aj také lexémy, pre ktoré už slovenský jazyk mal vypracovaný osobitný pojem alebo príslušnú domácu lexému. Mnohé české lexémy sa viac či menej presadili na úkor slovenského synonyma, napr. *nyní – teraz, pokoj – izba, zde – tu, zdejší - tunajší* a i. Často sa preberala len formálna stránka príslušného slova.

Autorský kolektív sa snažil zachytiť v HSSJ proces zdomácnovania a adaptácie českých jazykových prvkov v kultúrnej slovenčine predpisovného obdobia aj vďaka určitým zásadám, ktoré Štefan Peciar zhrnul do niekoľkých bodov:

1. Zdomácnené výrazové prostriedky prevzaté z češtiny alebo prostredníctvom češtiny do slovenčiny sa hodnotia ako domáce výrazy a v HSSJ sa nejako neoznačovali (napr. *cítiť, citlivý, hluk, hlučný*).

2. Nezdomácnené slová a výrazy českého pôvodu, ktoré sa síce v súčasnej slovenčine nepoužívajú, ale sú v prameňoch HSSJ dostatočne doložené, uvádzajú sa v HSSJ v hláskovej a pravopisnej podobe súčasnej spisovnej slovenčiny a označujú sa skratkou *čes* za gramatickou charakteristikou. Vykladajú sa slovenským ekvivalentom, napr. *delník* m čes robotník, *choť* m čes manžel. Rovnako sa spracovali aj prípady, kde sa české a slovenské znenie historicky totožnej lexémy v dôsledku odlišného vývoja príliš od seba nevzdialilo (*cpať* ndk čes pchať), a prevzaté slová českého znenia, ktoré sa v súčasnej spisovnej slovenčine vyskytujú v nespisovných prejavoch (napr. *barva* ž nem/čes farba).

3. Slová, ktoré sa používajú nielen v češtine, ale aj v západoslovenských, príp. aj v iných nárečiach a nie sú súčasťou slovnej zásoby spisovnej slovenčiny, sa neoznačujú alebo sa označujú skratkou oblasti, v ktorej sa používajú (zsl, vsl).

4. Lexémy, ktoré sú spoločné obidvom jazykom, ale v prameňoch HSSJ sa popri slovenskom znení a jeho variantoch vyskytujú aj české hláskoslovné prvky a niektoré celkom pravidelne, tieto hláskoslovné varianty (slovenské i české) sa uvádzajú v záhlaví hesla, ale bez označenia *čes*, napr. *hl'adať* [h'la-, hla-, hle-]. V záhlaví hesla sa nezaznamenávali pravidelné hláskoslovné varianty, napr. koncové morfémy *-ť, -t, -ti, -ci* v infinitíve (uvádzala sa len podoba s *-ť*). V záhlaví hesla sa však zachytávali varianty slovotvorných prípon *-stvo, -stvi; -tvo, -tvi; -ie, -í*. Pravopisné varianty s grafémami *au, ř, ě*, ktoré však nereprezentovali osobitné hlásky a v písanej podobe kultúrnej slovenčiny sa udržiavali dlho len písárskou tradíciou, sa ako varianty neuvádzali v záhlaví. V exemplifikáciách sa však všetky varianty zachytávali podľa dokladov v prameňoch, ale neplatilo to vždy pri spomínaných grafémach *au, ř, ě*⁴².

Ak vychádzame z lexikálnej digitálnej databázy Historického slovníka slovenského jazyka, bohemizmov, slov označených kvalifikátorom *čes* je 932, pričom ide len o základné, nie prihniezdované heslá⁴³. Tento počet predstavuje 12,47 % z množstva prevzatých slov z

⁴² Peciar Š. Spracovanie slov českého pôvodu a českých jazykových prvkov v HSSJ // Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovenskej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983) / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. S. 368.

⁴³ V HSSJ sa z úsporných dôvodov k základnému heslu hniezdovali niektoré typy odvodených slov, vidových dvojíc a zvratných slovies (bližšie HSSJ, 1, s. 36).

iných jazykov v HSSJ. Po latinizmoch (2747 lexém⁴⁴, čo je 36,78 % zo všetkých prevzatých slov z iných jazykov v HSSJ) a germanizmoch (2236 lexém, čo je 29,94 % zo všetkých prevzatých slov z iných jazykov v HSSJ) ide teda o tretiu najpočetnejšiu skupinu prevzatých slov tohto obdobia. Podľa Izidora Kotuliča, jedného z autorov a redaktorov HSSJ, lexikálna kartotéka HSSJ obsahuje 6500 prevzatých slov, z toho 2000 slov českého pôvodu, čo je 30,76 % zo všetkých prevzatých lexikálnych jednotiek a 4 % zo všetkých lexikálnych jednotiek doložených v kartotéke⁴⁵. Z uvedeného vyplýva, že do HSSJ nakoniec neboli spracované všetky české slová z kartotéky alebo skôr niektoré slová, ktoré boli pôvodne označované ako české, sa nakoniec prehodnotili a neoznačili ako bohemizmy. Hlavný dôvod mohol byť ten, že výskyt niektorých slov sa areálovo prekrýval, takže nemuselo vždy ísť o lexémy prevzaté z češtiny, ale vzhľadom na to, že sa používali aj na určitej časti slovenského územia v určitých nárečiach, a k tomu sa ešte vyskytovali aj v iných slovanských, resp. západoslovanských jazykoch, mohli v slovenčine jednoducho ostať z praslovančiny, a preto sa v HSSJ neoznačovali kvalifikátorom *čes*. Takisto sa ako české neoznačovali zdomácnené výrazové prostriedky prevzaté z češtiny. Napriek všetkému bohemizmy tvoria tretiu najpočetnejšiu skupinu prevzatých slov v HSSJ, boli a sú súčasťou nášho jazyka tak, ako aj slová prevzaté z iných jazykov či už v minulosti alebo dnes. Mienka o funkčnom hodnotení bohemizmov a ostatných prevzatých slov sa ukázala ako správna⁴⁶ a podobne sa pristupuje k prevzatiam z iných jazykov aj pri koncipovaní iných slovenských lexikografických diel, napríklad i Slovníka súčasného slovenského jazyka⁴⁷.

Hodnotenie prevzatých slov nepredstavovalo jediný problém, s ktorým sa musel autorový kolektív popasovať. Dokumentácia staršej slovenskej lexiky mala v historicko-stratigrafickej perspektíve ukázať chronologické, územné i žánrové doloženie slova v sérii reprezentatívnych dokladov s naznačením jeho slovotvorného začlenenia a historickej perspektívy vo vývine slovnej zásoby slovenčiny s poukazom na synonymné a antonymné vzťahy. Autorový kolektív mal predstavu, že takýto slovník by mal rozsah asi 10 zväzkov. No už jeden z mnohých recenzentov, prof. Vladimír Šmilauer podľa ukázkového zväzku vyrátal, že pri takom spracúvaní by slovník musel mať aspoň 24 zväzkov. Ukázalo sa, že vypracovanie a vydanie takéhoto veľkého slovníka vysoko presahovalo vtedajšie (a presahovalo by aj súčasné) personálne, materiálne i edičné možnosti Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra a vydávanie by sa predĺžilo na niekoľko generácií⁴⁸. Po dlhých diskusiách sa preto v roku 1979 prijala nová upravená koncepcia slovníka stredného typu. Neobmedzil sa však rozsah sprac-

⁴⁴ Počet lexém pri latinizmoch a germanizmoch označuje podobne ako pri bohemizmoch počet základných hesiel, nie prihniedzovaných. Uvádzané číselné údaje sú len orientačné, pretože vychádzajú z počtu slov, ktoré boli vyxercované z vybraných historických písomných prameňov a skoncipované do historického slovníka.

⁴⁵ *Kotulič I.* Ešte raz o práci J. Doruľu Slováci v dejinách jazykových vzťahov // *Jazykovedný časopis*. 1981, roč. 32, č. 2. S. 167. Bohemizmy tvoria druhú najväčšiu skupinu po latinizmoch, ktorých je 2500 (38,46 % zo všetkých prevzatých lexikálnych jednotiek a 5% z celkového počtu v kartotéke doložených lexikálnych jednotiek).

⁴⁶ K hodnoteniu bohemizmov v HSSJ pozri novšie aj *Valentová I.* Bohemizmy v Historickom slovníku slovenského jazyka // *Jazyk – historický fenomén*. Zborník referátov z konferencie konanej 22. októbra 2009 na Filozofickej fakulte Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre pri príležitosti životného jubilea doc. PhDr. Kataríny Habovštiakovej, CSc. / Red. E. Kralčák. Nitra, 2010. S. 25–31; *Kopecká M., Laliková T., Ondrejková R., Skladaná J., Valentová I.* Staršia slovenská lexika... S. 22–36.

⁴⁷ *Jarošová A., Buzássyová K., Bosák J.* Východiská a zásady spracovania slovníka // *Slovník súčasného slovenského jazyka A – G*. Red. K. Buzássyová, A. Jarošová. Bratislava, 2006. S. 13–47.

⁴⁸ Porov. *Majtán M.* Ako vznikala súčasná podoba Historického slovníka slovenského jazyka // *Slovenská reč*. 2008. Roč. 73. Č. 4. S. 222.

cúvanej slovnej zásoby, koncipovali sa heslá zo všetkých zachytených lexikálnych jednotiek, ktoré boli vyexcerpované v papierovej kartotéke slovníka. Úspornejšie sa mali spracúvať výklady významov slov a obmedzil sa najmä rozsah použitého dokladového materiálu. Podstatne sa znížil počet dokladov a dĺžka kontextov sa skracovala niekedy až na najmenšiu možnú mieru, zaviedlo sa mierne hniezdovanie niektorých odvodených slov, vidových dvojíc a pod. Ustúpilo sa od uvádzania synonymných slov a slovotvorných vzťahov a súvislostí. Obmedzenie rozsahu dokladovej časti hesiel potom neumožňovalo vyčerpávajúco a dostatočne dokumentovať všetky hláskové, grafické a gramatické varianty heslových slov, ani všetky doložené typické frazeologické a sčasti i niektoré lexikalizované spojenia. Slovník stredného typu, ktorého predpokladaný rozsah bol v tom čase tri objemné zväzky, však lepšie zodpovedal daným možnostiam a mohol by podstatne skôr plniť svoje vedecké, spoločenské, kultúrohistorické a kultúrnopolitické poslanie.

Z uvedenej materiállovej bázy na základe prijatej koncepcie slovníka stredného typu sa pod vedením Štefana Peciaru začali systematicky koncipovať heslá⁴⁹. Úsporné postupy sa dôslednejšie uplatňovali najmä pri koncipovaní prvých dvoch zväzkov slovníka, ktoré sa v tomto ohľade líšia od ostatných zväzkov, pretože potom autorský kolektív začal viac prizeráť na kultúrohistorický význam slovníka i jednotlivých dokladov, čo sa prejavilo na počte dokladov a aj na dĺžke uvádzaných kontextov. Doložené lexikalizované a frazeologické spojenia sa autori usilovali spracúvať vyčerpávajúco (samozrejme s obmedzením počtu exemplifikácií). Niekedy robilo ťažkosti jednoznačne určiť, čo predstavuje dostačujúci kontext na objasnenie významu v hesle spracúvaného slova alebo slovného spojenia, lebo lexikologicko-lexikografické kritériá neboli vždy zhodné s kultúrohistorickou hodnotou textu. V heslovej stati uvedený kontext na spoločenské a kultúrne hodnoty aspoň upozorňuje. Tieto užitočné úpravy však spôsobili, že rozsah slovníka sa zdvojnásobil z troch na šesť zväzkov a napokon dokončený slovník (spolu s dodatkami) obsahuje sedem objemných zväzkov. Väčší rozsah slovníka však zvýšil nielen jeho dokumentačnú, ale aj spoločenskú a kultúrohistorickú hodnotu.

V rokoch 1981–1983 autorský kolektív viedol Izidor Kotulič a od roku 1984 Milan Majtán. 1. zväzok Historického slovníka slovenského jazyka (A–J) vyšiel v roku 1991, 2. (K–N) v roku 1992, 3. (O–P pochytká) v roku 1994, 4. (P poihrať sa – pytlovať) v roku 1995, 5. (R–Š) v roku 2000, 6. (T–V) v roku 2005 a posledný 7. zväzok (Z–Ž, dodatky) v roku 2008.⁵⁰ Počítačové spracovanie rukopisu sa realizovalo až od štvrtého zväzku, ale v súčasnosti sú už digitalizované všetky zväzky a piaty zväzok je prístupný aj na internetovej strán-

⁴⁹ Podrobne genézu prác na príprave historického slovníka a zmeny v koncepcii opisuje M. Majtán v spomínaných príspevkoch: *Majtán M.* Ako vznikala súčasná podoba Historického slovníka slovenského jazyka // Slovenská reč, 2008, roč. 73, č. 4. S. 221–225; *id.* Genéza historického slovníka slovenského jazyka z pohľadu jeho tvorcov // Jazykovedný časopis, 2008, roč. 59, č. 1–2. S. 51–54, z ktorých sme čerпали.

⁵⁰ Autorský kolektív tvorili V. Blanár (1.–3. zv.), M. Gigerová, rod. Sitárová (5.–7. zv.), A. Hríbiková (6. zv.), E. Jóna (1. zv.), I. Kotulič (1.–3. zv.), M. Kováčová (3.–7. zv.), E. Krasnovská (1.–7. zv.), R. Kuchar (1.–3., 5., 7. zv.), T. Laliková (3.–7. zv.), M. Majtán (1.–7. zv.), M. Majtánová (1.–4. zv.), R. Ondrejková (5.–7. zv.), D. Ondrejковиčová (3.–4. zv.), Š. Peciar (1. zv.), B. Ricziová (1.–2., 4. zv.), J. Skladaná (1.–2., 4.–7. zv.), A. Szabová, rod. Osadská (6.–7. zv.), I. Valentová (6.–7. zv.). V internej redakcii slovníka boli v 1.–2. zv. M. Majtán, V. Blanár, I. Kotulič a Š. Peciar, v 3.–4. zv. M. Majtán, V. Blanár, I. Kotulič a M. Majtánová, od 5. zv. M. Majtán, R. Kuchar a J. Skladaná. Recenzentami slovníka boli v prvých štyroch zväzkoch I. Němec a R. Krajčovič, v ďalších troch R. Krajčovič a P. Žigo. Vedeckým redaktorom celého lexikografického diela bol M. Majtán.

ke Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV⁵¹. Pripravuje sa sprístupnenie aj ostatných zväzkov. Sedem zväzkov HSSJ má spolu 4 322 strán, spracúva sa v ňom v 47 330 heslových statiach viac ako 70 000 lexikálnych jednotiek, vykladajú sa ich významy, gramatické charakteristiky, genetické, zemepisné a štylistické začlenenie do slovnej zásoby slovenčiny, lexikalizované slovné spojenia a frazémy doložené niekoľkými stovkami tisícov dokladov z rukopisných aj tlačенých slovenských jazykových pamiatok spočiatku v minimálnych (spomínané prvé dva zväzky), neskôr v pomerne primeraných kontextoch.

Historický slovník slovenského jazyka je dielom, v ktorom sa domácej a zahraničnej odbornej i laickej verejnosti dostáva do rúk komplexný vedecký opis slovnej zásoby od utvárajúcej sa písomnej podoby kultúrnej (kultivovanej) slovenčiny po Bernolákovu kodifikáciu⁵² (11. – 18. stor.). Po prvý raz sa v dejinách slovenčiny podáva pomerne podrobný obraz o rozsahu a členení slovnej zásoby jazyka slovenskej národnosti v predpisovnom období. HSSJ je významným a dôležitým príspevkom k poznaniu vývinu slovenčiny a jej slovnej zásoby a prispeje k ďalšiemu riešeniu zložitých otázok formovania a rozvoja slovenského národa a k osvetľovaniu spoločenských a kultúrnych súvislostí. Pre súčasnú slovenskú spoločnosť i pre výchovu budúcich generácií bude mať preto nielen čisto filologický, ale aj kultúrohistorický a kultúrnopolitický význam. Z metodologického hľadiska tento výkladový a dokladový historický slovník prispieva k rozvíjaniu lexikografickej teórie a praxe na materiáli z vývinu slovenského jazyka.

O tom, že HSSJ je naozaj jedným z najvýznamnejších diel slovenskej jazykovedy, svedčia aj ocenenia autorského kolektívu prémiou Literárneho fondu za dielo *Historický slovník slovenského jazyka* 4 (1996), Cenou Slovenskej akadémie vied za vedeckovýskumnú prácu na 7. zväzku *Historického slovníka slovenského jazyka* (2009) a celého diela *Cenou poroty za slovník vydaný ve Slovenské republice* (2010), ktorú mu v rámci súťaže *Slovník roku* udelila Jednota tlumočníkov a prekladateľov (Praha).

Autorský kolektív HSSJ súbežne s koncipovaním a redigovaním hesiel HSSJ sprístupňoval v transliterovanej podobe dovedy nepublikované a neprístupné jazykové pamiatky z písomnej pramennej základne HSSJ v zatiaľ troch zväzkoch edície *Pramene k dejinám slovenčiny*⁵³. Všetky zväzky sú sprístupnené aj na internetovej stránke Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV⁵⁴. Najväčšiu časť tvorí výber pamiatok administratívno-právneho charakteru a súkromnej korešpondencie, ukážky z liečiteľských návodov a receptov, zo zbierok praktických rád pre poľnohospodárov a domácnosť, kalendár, súbor spisov predstavujúcich začiatky chémie, ukážky z diel náboženského charakteru, slovníkov a časti prekladov diel svetovej literatúry z latinčiny do kultúrnej slovenčiny predpisovného obdobia. Druhý zväzok obsahuje aj slovenský preklad celého diela J. A. Komenského *Janua linguae latinae reserata* od Františka Buřovského z r. 1666. Na pramenných textoch možno demonštrovať, ako sa formovali jednotlivé štýlové nárečové vrstvy slovenčiny v predpisovnom období, ako sa upla-

⁵¹ Historický slovník slovenského jazyka. 5. zv. (R – rab. Š – švrkotaf) je na internetovej stránke Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV dostupný v rámci publikácií s vyhľadávacím rozhraním z <http://www.juls.savba.sk/hssj.html>, resp. <http://slovniky.juls.savba.sk/?d=hssjV>, cit. 16.3.2016.

⁵² Kodifikácia spisovnej slovenčiny A. Bernoláka bola v r. 1787, ale do pramennej základne HSSJ sa dostali písomné jazykové pamiatky do konca 18. storočia okrem rukopisných a tlačných diel bernolákovcov.

⁵³ *Pramene k dejinám slovenčiny*. 1. / Zost. M. Majtán, J. Sladaná. Bratislava, 1992. 400 s. + 24 s. obr. príloha. *Pramene k dejinám slovenčiny*. 2. / Zost. T. Laliková, M. Majtán. Bratislava, 2002. 250 s. + 26 s. obr. príloha. *Pramene k dejinám slovenčiny*. 3. / Zost. R. Kuchar, I. Valentová. Bratislava, 2008. 264 s. + 32 s. obr. príloha.

⁵⁴ Dostupné z <http://www.juls.savba.sk/ediela/pramene/>, cit. 17.3.2016.

tňovala v písomnostiach slovenčina bez ohľadu na žáner, štýlové zaradenie a konfesiónalnu príslušnosť autora alebo prekladateľa. Spolu s doterajšími knižnými edíciami starších slovenských jazykových pamiatok a edíciami publikovanými v odborných časopisoch a tematických zborníkoch všetky zväzky predstavujú dobré východisko pri štúdiu vývinu a dejín slovenského jazyka, historickej gramatiky a historickej lexikológie pre domácich i zahraničných slovakistov a slavistov, ako aj pre širší okruh bádateľov z radov historikov, etnológov a záujemcov o staršiu slovenčinu. Vysokoškolským pedagógom a študentom môžu poslúžiť pri cvičeniach a seminároch z dejín slovenčiny. Historické texty, ktoré sú uvedené vo všetkých troch zväzkoch edície *Pramene k dejinám slovenčiny*, sú aj súčasťou pripravovaného digitálneho historického korpusu slovenčiny Slovenského národného korpusu Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra SAV⁵⁵, ktorý by v budúcnosti mohol poslúžiť ako zdroj napríklad pre historický slovník tezaurovského typu podobne, ako sa využíva databáza Slovenského národného korpusu ako moderného digitálneho zdroja pri koncipovaní hesiel Slovníka súčasného slovenského jazyka.

Rozsiahle slovníkové dielo – *Historický slovník slovenského jazyka*, ktorého vydaním sa v roku 2008 ukončila jedna z etáp lexikografického výskumu slovenského jazyka v jeho staršom vývinovom období, poskytuje množstvo podnetov na ďalšie výskumy prirodzeného vývinu jazyka. Jednou z možností, ktorá obohacuje poznanie o prirodzenom vývine slovenského národného jazyka, je aj hľadanie jeho identity v multikultúrnom prostredí a poukázanie na viaceré diferenciacné aj integračné tendencie, príznačné pre oficiálnu sféru používania jazyka v rôznych spoločenských situáciách, štýloch a ich žánroch. Okrem využitia tohto slovníka pre slovakistov, spoločenských a kultúrnych pracovníkov môže poslúžiť aj zahraničným slavistom pri porovnávaní, historickom a etymologickom výskume slovanských jazykov.

Mieru vplyvu cudzích jazykov na slovenský jazyk v jeho predpisovnom období nemožno identifikovať v úplnosti a celkom spoľahlivo, pretože takáto analýza by si vyžadovala komplexné spracovanie všetkých dostupných prameňov, ale už poznatky zo spracúvania archívnych písomných pamiatok boli svedectvom veľkého vplyvu medzijazykových kontaktov a poukázali na koexistenciu slovenčiny s inými jazykmi od najstarších čias a konštatovali vonkajšie vplyvy a preberanie slov z iných jazykov. HSSJ sa následne stal okrem iného aj spoľahlivým materiálovým zdrojom pri komplexnej analýze prevzatej lexiky predpisovného obdobia. Po vyjdení HSSJ sa vytvoril na pozadí materiálu v ňom základný digitálny korpus predpisovnej lexiky z medzijazykového hľadiska a osobitné súbory tematických celkov s orientáciou na jednotlivé jazyky, ktoré ovplyvnili predpisovnú lexiku z hľadiska významu (latinizmy, germanizmy, bohemizmy, hungarizmy, polonizmy...).

Na základe analýzy jednotlivých súborov, ktorá bola zameraná na sémantickú charakteristiku, tematickú a štýlovú príslušnosť sledovaných lexikálnych jednotiek, formálnu, grafickú či pravopisnú adaptáciu prevzatých slov do slovenčiny, vznikla rozsiahla štúdia, ktorá je súčasťou kolektívnej monografie *Staršia slovenská lexika v medzijazykových vzťahoch*⁵⁶. Štúdia obsahuje chronologizáciu vplyvov jednotlivých cudzích jazykov na slovenčinu v jej predpisovnom období, opis jednotlivých časových vrstiev a vln ich pôsobenia, podmienených určitými spoločenskými a historickými udalosťami, ako aj žánrovú a štýlovú diferen-

⁵⁵ K Historickému korpusu slovenčiny pozri bližšie <http://korpus.juls.savba.sk/hks.html>, cit. 17. 3. 2016.

⁵⁶ *Kopecká M., Laliková T., Ondrejková R., Skladaná J., Valentová I.* Staršia slovenská lexika... S. 9–67.

ciáciu prevzatých lexém a ich adaptáciu. Analýza vplyvu jednotlivých jazykov na slovenský jazyk v predpisovnom období poskytla možnosť určiť mieru externého vplyvu na vývin lexiky v oblasti rozširovania a zužovania významu slov, stabilizovania administratívnej, právnickej, remeselníckej a inej odbornej terminológie a významným spôsobom pomohla charakterizovať kontinuitu vývinu slovotvorných postupov a slovotvorných prostriedkov v kontakte s geneticky príbuznými i nepříbuznými jazykmi, prispela k postihnutiu integračných tendencií v terminologickej oblasti, ale aj k postihnutiu stimulačných funkcií cudzích jazykov na rozširovanie a širšie využívanie domácich slovotvorných prostriedkov a postupov, na adekvátne využívanie existujúcich domácich výrazových prostriedkov v žánroch verejného styku.

Osobitnú časť monografie tvorí slovník prevzatých slov v predpisovnom období slovenčiny⁵⁷ usporiadaný podľa východiskových jazykov a množstva prevzatí, ktoré sa nachádzali v pramennej základni HSSJ. Konceptne je spracovaný podľa HSSJ s určitými úpravami, ktoré umožnili kvantitatívny prehľad o prevzatých lexémach a ich tvaroch ovplyvnených slovenským jazykovým systémom. Vytvorenie digitálnej databázy hesiel HSSJ umožnilo vyselektovať osobitné súbory lexikálnych jednotiek podľa tematických celkov s orientáciou na jednotlivé jazyky, ktoré ovplyvnili predpisovnú lexiku z hľadiska významu. Úpravou jednotlivých hesiel autorky vytvorili výkladový slovník prevzatých slov z jednotlivých jazykov zoradených podľa množstva prevzatí, ktoré sa nachádzali v pramennej základni HSSJ. Niektoré znaky pôvodnej koncepcie sa zachovali, napr. heslové a prihniedzované slová sa uvádzajú v hláskovej a pravopisnej podobe zodpovedajúcej súčasnej slovenčine podobne ako výklad. Urobili sa však určité úpravy:

Neurčitok sloviess je v heslových slovách HSSJ uvádzaný v pravopisnej podobe súčasnej slovenčiny s koncovkou *-t'*, napr. *naleznúť*, *nalézt'*⁵⁸, ale pri bohemizmoch aj so staršími a českými koncovkami *-t*, *-ti*, napr. *napsat'*⁵⁹, *odjít'*⁶⁰. Prihniedzované slová sú na rozdiel od HSSJ rozpísané. Neuvádza sa dokladový materiál. Ponechali sa hláskoslovné varianty, slovnodruhovú, gramatickú, štýlovú a žánrovú charakteristiku. Vynechala sa jazykovozemepisná charakteristika, ktorej sa autorky okrajovo venovali v štúdiách. Neoznačoval sa etymologický pôvod prevzatých slov, keďže kritériom hodnotenia lexémy bol sprostredkujúci jazyk, pomocou ktorého sa lexéma dostala do našej slovnej zásoby, takže napr. slovo *barikáda* je hodnotené ako hungarizmus, hoci má turecký pôvod, slovo *kšaft* je označené ako bohemizmus, aj keď do češtiny bolo prevzaté z nemčiny, ale do slovenčiny sa dostalo prostredníctvom českého jazyka.

Častým javom v predpisovnom období slovenčiny bola polylexia a synonymia a to aj vďaka preberaniu slov z iných jazykov. Dôkazom toho sú aj typy hesiel, ktoré obsahujú dve, príp. i viac heslových slov. V takýchto prípadoch sa uviedlo len prevzaté slovo. Hviezdička pred prevzatým heslovým slovom naznačuje, že sa používal aj slovenský ekvivalent, ktorý možno nájsť v HSSJ. Napríklad heslové slovo pri bohemizmoch je **pelynek*; ostatné slovenské varianty (*polynek*, *polynka*, *pelynka*) možno už nájsť iba v HSSJ⁶¹. Významovo rovnaké heslové slová, ktoré boli prevzaté z rozličných jazykov, a preto sú tvarovo pozmenené, ale sú

⁵⁷ Kopecká M., Laliková T., Ondrejková R., Skladaná J., Valentová I. Staršia slovenská lexika... S. 71–202.

⁵⁸ Historický slovník slovenského jazyka. 2. / Red. M. Majtán. Bratislava, 1992. S. 415.

⁵⁹ Ibid. S. 434.

⁶⁰ Ibid. 3. / Red. M. Majtán. Bratislava, 1994. S. 143.

⁶¹ Ibid. 4. / Red. M. Majtán. Bratislava, 1995. S. 64.

v HSSJ súčasťou jednej heslovej stati, boli rozdelené podľa jednotlivých jazykov, z ktorých sa prevzali. Napríklad pri latinizmoch sú uvedené heslové slová *kancelár*, *kancelárius*, ale pri hungarizmoch tvar **kanceláriuš* a pri germanizmoch **kanclier* [-c(e)ler, -ír], pričom výklady sú rovnaké pri každom z nich.

Hviezdičkou je označená aj prihniezdovaná prevzatá lexéma v prípade, ak základné heslo nie je prevzaté, s odkazom vo výklade na základné heslo, napr. **ľadvička* [led-]⁶² (základné heslo *ľadvie* v HSSJ nie je označené ako prevzaté, ale prihniezdované heslo *ľadvička* je už bohemizmus, pričom ako heslové slovo je upravené do spisovnej podoby). Pri sémantických prevzatých slovách sa uvádzal len ten význam, v ktorom bola daná lexéma prevzatá, napr. ako sémantický bohemizmus je uvedené heslo *zástava* vo význame „záloh“⁶³.

Stylistické kvalifikátory sú uvedené rovnako ako v HSSJ, ale pridali sa ďalšie, a to *kuch*, ktorým sú označené jedlá, nápoje, kuchynské náčinie a všetko, čo sa týka kuchárskeho a kulinárskeho umenia. Kvalifikátor *nám* označuje námornícke výrazy a druhy rozličných lodí. Druhy tkanín a textílií, časti odevov (príp. druhy obuvi) sa označili kvalifikátorom *text*⁶⁴.

Štúdia i slovník prevzatých slov vytvorili odrazový mostík pre ďalší výskum staršej slovenskej i neslovenskej lexiky a podklad na hodnotenie neskorších tendencií vo vývine nášho jazyka i jeho kodifikácií. Umožnili objektívne zhodnotiť a zaujať postoj aj k súčasným tendenciám a vonkajším vplyvom na náš národný jazyk a názorom na ne. Táto publikácia je ukážkou možnosti využitia HSSJ aj k ďalšiemu lexikografickému spracovaniu a je inšpiračným zdrojom a prameňom nielen pre odborníkov zaoberajúcich sa historickou lexikológiou, lexikografiou, etymológiou, onomastikou, dejinami slovenčiny a pre historikov, ale aj pre lingvistov, ktorí sa zaoberajú jazykom tak z diachrónneho, ako aj synchronného hľadiska, i pre širšiu verejnosť.

Štúrovská slovenčina predstavuje osobitný medzník v dejinách slovenského jazyka, pretože na jej základe bola vybudovaná novodobá spisovná slovenčina. Štúrovské obdobie spisovnej slovenčiny sa vo všeobecnosti datuje od kodifikácie Ľudovítom Štúrom v roku 1843 po reformu štúrovskej slovenčiny v roku 1852, aj keď na určenie najmä hornej hranice sú aj iné názory⁶⁵. Keďže toto obdobie v dejinách spisovného slovenského jazyka je lexikograficky najskromnejšie spracované, výskum lexiky štúrovskej slovenčiny sa začal realizovať na Katedre slovenského jazyka Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre. Po zhromaždení jazykového materiálu a lexikografickej analýzy textov sa vytvára digitálna lexikálna báza dát. Projekt pripravovaného slovníka štúrovskej slovenčiny predstavil Lubomír Kralčák v štúdiách Štúrovská lexika vo vývine spisovnej slovenčiny, Projekt slovníka štúrovskej slovenčiny a jeho počítačová podpora, K slovníku štúrovskej slovenčiny⁶⁶ a Tomáš Bánik

⁶² Kopecká M., Laliková T., Ondrejková R., Skladaná J., Valentová I. Staršia slovenská lexika... S. 162.

⁶³ Ibid. S. 174.

⁶⁴ Ibid. S. 69–70.

⁶⁵ Porov. Kralčák L. Projekt slovníka štúrovskej slovenčiny a jeho počítačová podpora // Slovenčina a čeština v počítačovom spracovaní. Zborník referátov zo seminára. Bratislava 26. – 27. októbra 2001 / Ed. A. Jarošová. Bratislava, 2001. S. 151–152.

⁶⁶ Kralčák L. Štúrovská lexika vo vývine spisovnej slovenčiny // Slovenčina v historickom kontexte. Materiály z konferencie konanej v Nitre 16.–17. mája 1996 / Ed. L. Kralčák. Nitra, 1996. S. 45–49; *id.* Projekt slovníka štúrovskej slovenčiny a jeho počítačová podpora // Slovenčina a čeština v počítačovom spracovaní. Zborník referátov zo seminára. Bratislava 26.–27. októbra 2001 / Ed. A. Jarošová. Bratislava, 2001, s. 150–154; *id.* K slovníku štúrovskej slovenčiny // Jazyk – historický fenomén. Zborník referátov z konferencie konanej 22. októbra 2009 na

v príspevku Onomaziologický aspekt pri spracovaní hesiel v pripravovanom slovníku štúrovskej slovenčiny⁶⁷.

K slovníkom, ktoré analyzujú históriu slovnej zásoby, možno zaradiť aj etymologické slovníky. Výsledky etymologického výskumu aj slovenskej lexiky sú uvedené okrem početných štúdií slovenských lingvistov napríklad v Etymologickom slovníku jazyka českého a slovenského Václava Machka⁶⁸. Potrebu etymologického výskumu a vydania slovenského etymologického slovníka zdôraňoval už Šimon Ondruš v štúdiu Slovenský etymologický slovník⁶⁹. Výsledkom etymologického výskumu Ľubora Králik v Jazykovednom ústave Ľudovíta Štúra SAV v Bratislave je Stručný etymologický slovník slovenčiny⁷⁰, ktorý má za cieľ odstrániť existujúcu medzeru v slovenskej lexikografii, pričom by zároveň mohol slúžiť aj ako určité východisko pre ďalší etymologický výskum slovenskej lexiky v širšom slovanstvom aj európskom kontexte. Prináša informácie o pôvode viac ako 10-tisíc slov patriacich do slovnej zásoby súčasného slovenského spisovného jazyka (výrazy zachované ešte z praslávanského obdobia, slová vzniknuté počas vývinu slovenčiny ako samostatného slovanstvého jazyka, výrazy prevzaté v rôznych historických obdobiach z rôznych cudzích jazykov). Tento slovník je koncipovaný ako príručka populárno-vedeckého charakteru, zohľadňuje aj informačné potreby širšej kultúrnej verejnosti majúcej záujem o etymologickú problematiku národného jazyka⁷¹.

Slovenskí jazykovedci odvedli na poli diachrónej lexikografie významný kus práce. Výsledkom tejto snahy je výkladový a dokladový sedemzväzkový Historický slovník slovenského jazyka, Stručný etymologický slovník slovenčiny, výkladový Slovník prevzatých slov v predpisovnom období slovenčiny, ktorý je súčasťou kolektívnej monografie Staršia slovenská lexika v medzijazykových vzťahoch, a rozbehnutý je projekt lexikografického spracovania štúrovskej slovnej zásoby. Historická lexikografia však má pred sebou aj ďalšie úlohy. Uvedené slovníky, archív fotokópií a mikrofilmov, archív transliterovaných textov, digitálna databáza hesiel HSSJ, základný digitálny korpus predpisovnej lexiky z medzijazykového hľadiska a osobitné súbory tematických celkov s orientáciou na jednotlivé jazyky, ktoré ovplyvnili predpisovnú lexiku z hľadiska významu, budujúci sa digitálny historický podkorpus Slovenského národného korpusu Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra SAV, vypracovaná lexikografická koncepcia historického slovníka veľkého a stredného typu, skúsenosti z koncipovania hesiel HSSJ a doterajšie poznatky z vedeckých výstupov výskumu staršej slovnej zásoby slovenčiny tvoria dostatočnú základňu na vytvorenie historického slovníka predpisovného obdobia slovenského jazyka tezaurovského typu.

Filozofickej fakulte Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre pri príležitosti životného jubilea doc. PhDr. Kataríny Habovštiakovej, CSc. / Red. L. Kralčák. Nitra, 2010. S. 79–86.

⁶⁷ *Báňik T.* Onomaziologický aspekt pri spracovaní hesiel v pripravovanom slovníku štúrovskej slovenčiny // Slovenská reč. 2010. Roč. 75, č. 4–5. S. 248–260.

⁶⁸ *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. 627 s. Ďalšie vydania: Etymologický slovník jazyka českého. 1968, 2010.

⁶⁹ *Ondruš Š.* Slovenský etymologický výskum // Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovenskej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983) / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. S. 321.

⁷⁰ *Králik Ľ.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015. 704 s.

⁷¹ *Valentová I., Králik Ľ.* Vedecká činnosť a výstupy oddelenia dejín slovenčiny, onomastiky a etymológie JÚLEŠ SAV // Slovenská reč. 2013. Roč. 78. Č. 6. S. 380.

Bernolákovské obdobie (vymedzuje sa rokmi 1787–1846), ktoré predchádzalo štúrovskému, je takisto významný úsek v dejinách spisovnej slovenčiny, pretože v tomto období uzrel svetlo sveta prvý kodifikovaný útvar spisovného slovenského jazyka, ktorý sa podľa hlavného tvorca kodifikácie Antona Bernoláka nazýva bernolákovčina⁷². Lexika bernolákovčiny je síce spracovaná ako súčasť súdobej sústavy kodifikačných spisov A. Bernoláka v jeho prácach *Etymologia vocum Slavicarum*⁷³ a v 5-zväzkovom slovníku *Slowár Slowenski, Česko-Lat'insko-Nemecko-Uherski*⁷⁴, ale lexikografické spracovanie materiálu z bernolákovského obdobia slovenského jazyka, ktorý sa nachádza v oddelení dejín slovenčiny, etymológie a onomastiky Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra SAV, možno zaradiť k ďalším výzvam pre slovenskú historickú lexikografiu.

⁷² *Krajčovič R., Žigo P.* Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 2002. S. 132. Bližšie k charakteristike tohto obdobia pozri aj s. 133–160.

⁷³ *Bernolák A.* *Etymologia vocum Slavicarum, sistens modum multiplicandi vocabula per derivationem et compositionem ab Antonio Bernolák concinnata.* Tyrnavie, 1791. 160 s. V tomto diele autor nepodáva etymologický výklad slov v dnešnom zmysle slova, ale spôsoby tvorenia slov predponami, prípona a skladaním.

⁷⁴ *Bernolák A.* *Slowár Slowenski, Česko-Lat'insko-Nemecko-Uherski.* Budae, 1825–1827.

MAJDA MERŠE

Ljubljana, Slovenija

Slovenska zgodovinska leksikologija – dosežki in problematika

0. Uvod

0.1. Obravnava, ki ima namen strnjeno prikazati rezultate novejših raziskav besedja, uporabljanega v zgodovini slovenskega (knjižnega) jezika od prvih zapisov v *Brižinskih spomenikih*¹ do konca 19. stoletja², se je iz različnih vzrokov pokazala kot težko uresničljiva naloga. K njeni zapletenosti je v prvi vrsti prispevala težavnost izbora sicer zelo številnih, vendar problemsko različno naravnanih ter metodološko neenakih novejših obravnáv besedja. Tej se je nenehno pridruževala tudi težavnost izbire opisov in spoznanj, ki sodijo v ožje vsebinsko jedro slovenske zgodovinske leksikologije³, obojemu pa težavnost dovolj razvidne in povedne sistematizacije njihovega prikaza.

¹ Nastali so v obdobju med letoma 972 in 1039, verjetno pa že pred letom 1000.

² Konec 19. stoletja je tudi v številnih razvojno zasnovanih pregledih upoštevan kot časovna meja. Med posebej opazne mejnike spada izid Pleteršnikovega slovensko-nemškega slovarja (1894–1895).

³ Razprava zajema problematiko, ki sodi po leksikonskih in slovníčnih opredelitvah v jedrno območje leksikologije (kot področja jezikoslovja, ki se ukvarja z raziskovanjem in opisom besedja posameznega jezika, hkrati pa z raziskovanjem poimenovanj glede na njihovo pomensko strukturo in glede razmerja do drugih poimenovanj (prim. Toporišič 2000, 105–141)). Čeprav je predmet prispevka predstavitev besedja, uporabljenega v preteklih razvojnih obdobjih slovenskega (knjižnega) jezika, ni namenjen prikazu slovenskega slovaropisja glede metodologije in dosežkov, saj je bilo slednje predstavljeno v posebni razpravi (Merše 2013a). Zunaj njenih okvirov je prav tako ostala dialektološka problematika. Zaradi svojejske problematike so nepopolno predstavljeni tudi dosežki

0.2 V prikaz razvojnih obdobij, ki so časovno opredeljena s stoletji, hkrati pa poimenošana z ustaljenimi nazivi, so bile zajete novejšje obravnave, ki so se zvrstile od srede 20. stoletja dalje. Slednje praviloma povzemajo dotedanje ugotovitve o obravnavani tematiki, hkrati pa opozarjajo tudi na metodološke pristope in namembnost starejših obravnav. Ker predhodne prikaze običajno dopolnjujejo in nadgrajujejo na osnovi novega gradiva in ob upoštevanju novih teoretičnih pristopov, so le-ti v pregled le izjemoma zajeti.

1. Leksikološka obravnava posameznih razvojnih obdobij slovenskega (knjižnega) jezika

1.1. Srednjeveško rokopisno obdobje: od *Brižinskih spomenikov* (972–1039) do izida prve slovenske knjige leta 1550

1.1.1. Besedoslovne raziskave so bile namenjene že prvemu zapisu slovenskega jezika v *Brižinskih spomenikih* (dalje *BS*) s konca 10. oz. začetka 11. stoletja.

1.1.1.1. Osnovno zadrego je ob Kopitarjevih interpretativnih začetkih⁴ predstavljala težka ločljivost besednih mej, razumevanje težjih mest, neznanih besed ter pomensko prepoznavanje besed. Kopitar se je analize spomenikov lotil na osnovi poznavanja slovnične in besediščne zgradbe stare cerkvene slovanščine ter njenih kasnejših redakcij, hkrati pa na osnovi poznavanja sodobnih slovanskih jezikov (Orožen 1996b, 11).

1.1.1.2. Že v 19. stoletju mu je sledila vrsta domačih (npr. Miklošič) in tujih raziskovalcev. Njihove raziskave so bile problemsko različno naravnane⁵. Miklošič je npr. *BS* vključil v raziskavo slovanske obredne terminologije (1876). Ugotovitev, ki zadeva tudi slovenski jezik in *BS*, je, da so slovanska ljudstva krščanske pojme prevzela. Zanje so uporabila tuje in domače besede, vendar zadnje pomensko prilagojeno.

1.1.1.3. V novejšem času se je analize krščansko-verskega besedja iz *BS* monografsko (1974) lotila tudi nemška raziskovalka Irene Wiehl⁶. Besedje terminološkega značaja je raziskala glede na prevzetost ali izvornost. Obravnava vključuje tudi (frekvenčno ovrednoteni) prikaz območij jezikovne rabe, ki jim je beseda pripadala, preden je bila prevzeta med krščansko-religiozno izrazje. Med temeljnimi viri se pojavlja splošna jezikovna raba (vsakdanji jezik), sledita pa pravno izrazje in izrazje pogansko-religioznega izvora, ki je dobilo krščansko vsebino.

1.1.1.3.1. V osemdesetih in v začetku devetdesetih let 20. stoletja je M. Orožen objavila več razprav (zbrane so v 1996b, 11–79)⁷, v katerih opozarja na zgodovinske razloge za nastanek slovenske krščanske obredne terminologije, na načine njenega oblikovanja in na njeno razvojno spreminjanje. Raziskave zadevajo tudi jezikovno razmerje *BS* do stare cerkvene slovanščine, hkrati pa vrednotijo njihovo vlogo v razvoju slovenskega (knjižnega) jezika. »Panonizme« iz *BS* pojasnjuje s pomočjo vzhodnoslovenskih knjižnih besedil (Orožen 1996b, 72, 88).

imenoslovja. Oblikoslovni in besedotvorni podatki so upoštevani le kot pomožna sredstva za sistemski oris besedja, uporabljenega v različnih tipih besedil v preteklih obdobjih.

⁴ Z najdbo *Brižinskih spomenikov* ga je v pismu 22.7.1811 seznanil Dobrovski.

⁵ Prim. Orožen 1996b, zlasti 20–23.

⁶ Za del besedja (82 enot) je pred tem natančneje pomenske razlage, ki upoštevajo predhodne ugotovitve, prispeval tudi Kolarič (1968, 79–105).

⁷ V pričujoči obravnavi so pri navajanju bibliografskih enot iz praktičnih razlogov upoštewane novejšje monografske izdaje, v katerih je ponatisnjenih več predhodno objavljenih razprav posameznega avtorja.

1.1.1.3.2. Obsežen sklop raziskav iz druge polovice 20. stoletja je zbranih v *Zborniku Brižinski spomeniki*, ki je leta 1996 sledil izidu novega kritičnega in fonetičnega prepisa spomenikov, dopolnjenega s slovarjem. Leksiki iz *BS* je bilo v primerjalno zasnovanih raziskavah z dodano razvojno dimenzijo določeno mesto v slovanskem in slovenskem prostoru. Moszynski (1966, 245–252) jo npr. ocenjuje kot prvi poskus oblikovanja krščanske terminologije pri Slovanih. Pri analizi verskega izrazja (podobno kot Wiehl 1974) ugotavlja prisotnost izrazov iz verskega besednjaka predkrščanske dobe, semantične kalke in neologizme, besedotvorne kalke ter latinske in germanske izposojenke. Opravljena je bila tudi analiza leksikalne strukture prvega in tretjega *BS* kot obrazcev splošne spovedi, uokvirjene z govornim dejanjem (Suprun 1996, 267–288). Raziskan je bil obseg ohranjenosti besedja iz *BS* v delih slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja (Merše, Novak 1996, 289–301). Posebna pozornost je bila namenjena nadaljnjemu sopomenskemu širjenju leksike ter procesom pomenskega prestrukturiranja.

1.1.1.4. Besedotvorna analiza besedja iz *BS* (Vidovič Muha 1989b, 51–62) je opozorila na tipološko izoblikovanost besedotvornih vrst in besedotvornih pomenov. Odkriti tipi so ponazorjeni z vzorčnimi zgledi.

1.1.1.5. Na ugotovitve Wiehlove in na pojavitve izbranih besed kot »relevantnega pravnega izrazja« v *BS* se navezuje monografija K. Škrubej (2002, zlasti 75–87 in 105–206; tudi 2007, 247–261). Avtorica v njej rekonstruira pravna razmerja na podlagi najstarejšega jezikovnega gradiva (npr. zapisov besed *zakonik*, *oblast*, *soditi*, *gospod* itd.). Med glavne slovenske vire zanj poleg *BS* spadajo še rokopisna besedila iz časa od 14. do srede 16. stoletja, Dalmatinova *Biblija*, slovenski prevod *Gorskih bukev* in nekaj starejših slovarjev. Izbrano izrazje presoja z jezikoslovnega vidika (glede na starost, besedno družino, prvotni pomen in nadaljnji pomenski razvoj), hkrati pa tudi pravnozgodovinsko. Pomensko stabilnost pravnih izrazov diahrono preverja tudi ob členih besedne družine *soditi* (Škrubej 2007, 247–261).

1.1.2. V obsežni monografiji ruskega jezikoslovca Mikhailova, ki je leta 1998 izšla v nemščini (skrajšano leta 2001 tudi v slovenščini), so z različnih vidikov predstavljeni slovenski rokopisni spomeniki iz predknjižnega obdobja (od 14. stoletja do leta 1550). Osnovni namen dela je zgodovinsko-lingvistična analiza rokopisnih spomenikov. Uvodnemu natančnemu prikazu važnejših obravnava osrednjih spomenikov v strokovni literaturi, ki vključujejo tudi ugotovitve glede zajetega besedja, sledijo spomeniki v diplomatičnem in črkovno posodobljenem prepisu, tem pa večravninska jezikoslovna analiza, ki se končuje s spoznanji o izvoru zajete leksike. Iz različnih jezikov prevzete besede (večinoma iz nemščine, redkeje iz latinščine, v *Černjejskem rokopisu* tudi iz furlanščine in italijanščine) so posebej omenjene. Uporabljeno besedje je zbrano v posebnih razdelkih. Opremljeno je s podatki o izvoru in pregibanju, z dodanimi sodobnimi slovenskimi (in praviloma tudi nemškimi) ustrezniciami pa tudi pomensko pojasnjeno.

1.1.2.1. M. Orožen (1996b, 89) opaža, da se od 10. stoletja dalje krepi nemški jezikovni vpliv, ki se v osrednjem slovenskem prostoru, v ustni obredni praksi stopnjuje do protestantizma. Vpliv dokazujejo tudi nekatere neustrezne slovenske tvorbe izrazov. Ugotavlja tudi (Orožen 2010, 32), da se je v času od izida *BS* do začetkov knjižnega jezika v 16. stoletju že na novo izoblikovala obredna, pravna, vojaška, zdravilska, obrtniška in kuharska terminologija. Zanj so posebej značilne izpeljanke domačega in tujega izvora ter opisne zveze.

1.1.3. Nekaj razprav je bilo namenjenih tudi imenski problematiki srednjeveškega obdobja. Slovenska zemljepisna imena slovanskega izvora, zajeta z gradivom iz srednjeveških virov do leta 1500, preko prikaza besedotvornih vrst uzavešča A. Šivic-Dular (1989, 229–244). Posebno skupino predstavljajo poimenjena občna imena, ki jih je možno uvrščati v več pomenskih skupin: npr. zemljepisni izrazi (*Jama*), rastlinska imena (*Topol*), živalska imena (*Medved*) itd.

1.2. Obdobje protestantizma: slovenski knjižni jezik 16. stoletja (1550–1603)

1.2.0. Petdesetletno obdobje (1550–1603) nastanka slovenskega knjižnega jezika ter njegovega hitrega nadaljnega razvoja, ki ga zamejujeta letnici izida prvih dveh Trubarjevih knjig v slovenščini ter izid Megiserjevega večjezičnega slovarja, v katerega je vključena tudi slovenščina, je zaradi njegovega velikega pomena dobro raziskano tudi z leksikološkega vidika. Možnosti za natančnejše in celovitejše raziskave v protestantskih delih zajete leksike, njenega spreminjanja v petih desetletjih ter za ugotavljanje razlik glede individualne in na posamezne besedilne vrste vezane rabe so se zelo povečale z obstojem popolnega izpisa del, izdelanega v slovarske namene.

1.2.1. Obseg leksikološke raziskanosti slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja je bil že dvakrat predstavljen: okvirno in tipološko⁸ za obdobje od srede 20. stoletja dalje v razpravi Novak, Jakopin, Merše 1996, 293–307, natančneje, hkrati pa tudi časovno in vsebinsko širše⁹ v razpravi Narat 2008–2009, 105–138. V drugem, novejšem pregledu so v štirih obširnejših razdelkih¹⁰ predstavljene sinhrone, sinhrono-diahrone in diahrone raziskave.

1.2.1.1. Pri opredeljevanju značilnosti besedja, ki so ga uporabljali slovenski protestantski pisci 16. stoletja, so bila upoštevana sociolingvistična dejstva. Pokazalo se je, da je bil izbor odvisen od poimenovalnih potreb na najpogosteje obravnavanih področjih (Novak, Jakopin, Merše 1996, 293–307). Protestantski pisci so jemali besedje iz različnih virov. Ubesedovalnim potrebam so skušali zadostiti tudi s pomenskim širjenjem že znanih besed, z opisi, z novimi tvorbami na osnovi domačega besedotvornega sistema, z jemanjem besed iz narečij, s prevzemanjem, zlasti iz nemščine, redkeje iz drugih jezikov, npr. iz latinščine, hebrejščine.

1.2.2. Raziskave besedja, uporabljenega v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja, so glede namembnosti in uporabljenih metodologije različne¹¹.

1.2.2.1. Več raziskav je namenjenih besedju, uporabljenemu pri posameznem piscu – bodisi v okviru enega ali v več delih, hkrati tudi vezano na določeno besedilno vrsto. Večinoma so del večravninskih opisov jezika, redkeje pa samostojne.

⁸ Izpostavljeni so štirje tipi raziskovanja protestantskega besednega zaklada: za prvi tip je značilno zbiranje in razlaga glavnih jezikovnih potez besedišča, za drugega pritegnitev novih metod, zlasti upoštevanje sistema, za tretjega slovarskost, za četrtega pa pritegnitev vsega gradiva in še novih metod (Novak, Jakopin, Merše 1996, 293–294).

⁹ V pregled so bile zajete besedoslovne raziskave slovenskega knjižnega jezika od druge polovice 19. stoletja dalje, vključeni so bili tudi glosarji in slovarji iz 16. stoletja ter njihove preobrnitve.

¹⁰ Namenjene so: (1) obravnavi posameznih besed in skupin besed, (2) besedoslovnim raziskavam posameznih del, (3) vplivu prevodnih predlog na besedni izbor ter (4) glosarjem in slovarjem iz 16. stoletja skupaj z njihovimi preobrnitvami.

¹¹ Čeprav so raziskave vsebinsko specialirane, je njihova sistemska umestitev v pričujoči pregled lahko le okvirna, saj vključujejo raznovrstno problematiko.

1.2.2.1.1. M. Orožen (1996b, 108) kratko protestantsko obdobje opredeljuje kot drzen in uspel poskus oblikovanja slovenskega knjižnega jezika. K njegovi uresničitvi in izpopolnitvi sta poleg Trubarja kot začetnika prispevala predvsem še Krelj in Dalmatin. Orožen (1996b, 113–288) njihov jezik znotraj zgodovinskega in sociolingvističnega konteksta predstavlja večravninsko. Ugotovitve, ki zadevajo leksiko, so običajno tudi besedilnovrstno pogojene¹². Uzaveščajo strukturiranost besednega zaklada posameznega pisca in izpostavljajo primerjano ugotovljene razlike. Pri Trubarju (Orožen 1996b, 114–120) omenja arhaično terminologijo (izvirno in prevzeto), romanizme, pri samostojnejših besedilih odkriva tudi ekspresivno besedje. Pri Krelju (Orožen 1996b, 161–187) ob germanskih in romanskih izposojenkah¹³ posebej opozarja na glagolizme in latinizme, pri Dalmatinu (Orožen 1996b, 188–288) pa, da opušča arhaično besedje, hkrati pa bogati in razvija sočasno besedje knjižnega jezika.

1.2.2.1.2. Z raziskovanjem besedja, ki so ga uporabljali posamezni pisci, so se z različnih vidikov ukvarjali tudi drugi jezikoslovci.

1.2.2.1.2.1. Besedje, uporabljeno v Trubarjevem izvirnem delu *Katehizem z dvejma izlagama* (1575), ki ga označuje tudi polemičnost, je bilo analizirano glede na tematiko, izvor, stilnost in pomenskost (Novak 1998, 233–249). Avtor besedno izbiro presoja tudi z vidika oblikovanja individualnega izraza, h kateremu med drugim prispeva uporabljeno nagovorno in pozdravljajno izrazje.

1.2.2.1.2.2. Tipološko, vzročno in količinsko so bile predstavljene besedne zamenjave kot osrednji tip jezikovnih sprememb v Trubarjevih prevodih nove zaveze (Merše 2013b, 11–32)¹⁴, pa tudi zamenjave, odkrite s primerjavo Dalmatinovih zgodnejših prevodov biblijskih knjig s celotno *Biblijo* (Merše 2013b, 89–110). Na zamenjevalno smer je pogosto vplivala širša uveljavljenost (prevzete ali domače) sopomenke, občasno pa jo je spodbudila tudi vse večja razlikovalnost med prvotnimi sopomenkami. Analiza Trubarjevih postopno izoblikovanih sopomenskih samostalniških parov (Merše 2013b, 11–32; 89–110) je hkrati pokazala, da je na izbiro v veliki meri vplivala tudi uveljavljenost besedotvornih modelov in tipov.

1.2.2.1.2.3. Na besedno izbiro protestantskih piscev 16. stoletja osredinjene raziskave so uzaveščale tudi leksikalno prepoznavnost in razlikovalnost del posameznega pisca (npr. Trubarja, Dalmatina, Krelja in Juričiča), hkrati pa tudi odvisnost od besedilne vrste.

1.2.2.1.2.4. V Trubarjevih in Dalmatinovih biblijskih prevodih so v primerjavi s prevodnimi predlogami zaznavne številne sopomenske razširitve. Vzroki razširitev so standardni: – manj znanim prevzetim besedam je pripisana bolj znana sopomenka, ki je lahko domačega ali tujega izvora (npr. *regiment ali regiranje*); – pomensko manj uveljavljenim besedam domačega ali tujega izvora je praviloma pripisana bolj znana in pomensko razvidna sopomenka; – manj rabljenim domačim besedam so pripisane bolj znane sopomenke, večkrat pa je vzrok pripisa sopomenke prepoznavno stilni (Merše 2013b, 79). Podobno velja tudi za Trubarjevo *Hišno postilo* iz leta 1595 (Merše 2013b, 43–88), ki je prevod Lutrove.

¹² Trubarjevo in Dalmatinovo besedno izbiro analizira znotraj njenih biblijskih prevodov, pri Trubarju tudi v posebnem okolju evangelijskih povzetkov in razlagalnih besedil (Orožen 2010, 42–61), pri Krelju pa je predmet analize ubeseditve postile ter *Otročje biblije* (1566) kot učnega pripomočka za branje.

¹³ O besednih romanizmih pri Trubarju in Krelju prim. Godini 1987, 33–45.

¹⁴ Na (besednovrstno urejene) leksikalne razlike med izdajama Matevževega evangelija iz let 1555 in 1582 – tudi v odnosu do Lutra in *Vulgate* kot prevodnih predlog – je znotraj večvrstne primerjave opozoril Rothe (2006, 67–96, zlasti 86–90).

1.2.2.1.2.4.1. Na osnovi razmerja med nemško prevodno predlogo in slovenskim prevodom je bila prikazana in vzročno pojasnjena tudi (tvorbena) različnost prevodnih ustreznih za nemške samostalniške zloženke (Orožen 1996b, 121–122) ter glagolske in pridevniške tvorjenke (Merše 2013b, 54, 74–75, 118–120)¹⁵. Kot posebej zahtevna naloga se je kazalo prevajanje nemških frazemov in stalnih besednih zvez. Več prevodnega razhajanja kažejo ubeseditve modalno obarvanih mest (Merše 2013b, 63–64, 121–123, 127).

1.2.2.1.2.5. Ubeseđovalne razlike med Kreljem in Juričičem (Merše 2013b, 129–145, 154–160) je mogoče ugotavljati s primerjavo njenih prevodov (1567 in 1578) prvega, zimskega dela Spangenbergove izdaje razlag pisem in evangelijev. Juričič je delo skušal približati najširšemu krogu bralcev z izborom splošno znanih, pogosto rabljenih, pomensko nedvoumnihi izrazov, večinoma ne glede na prevzetost. Med izločane izraze se uvrščajo mednarodni, večinoma strokovni izrazi latinskega in grškega izvora, iz nemščine prevzete besede, Kreljevi romanizmi, narečno besedje, pa tudi manjšalnice ter ekspresivni in slabšalni izrazi.

1.2.2.1.2.6. Že Kopitar (1808/1809, XXXIV–XXXVI) navaja, da je Trubar v primerjavi s Kreljem in Juričičem precej nemčeval. Kot odliko izpostavlja njun pokrajinsko širši izbor besedja v primerjavi s Trubarjevim. Trubarjev in Juričičev besedni izbor je bil dodatno preverjen s primerjavo novozaveznih odlomkov, vključenih v obe izdaji postile (1567 in 1578). Primerjava (Merše 2013b, 147–156) je potrdila povečano število raznovrstnih (tudi leksikalnih) hrvatizmov pri Juričiču v primerjavi s Trubarjem, pa tudi nadomeščanje iz nemščine prevzetih besed z domačimi enobesednimi ali opisnimi sopomenkami (npr. *cajhni* (Trubar) → *znamenja* (Juričič)).

1.2.2.1.2.7. Poleg biblijskih prevodov so bile glede pričakovane ubeseditvene razlikovalnosti analizirane tudi tri postile: Kreljeva (1567), Juričičeva (1578) in obsežna Trubarjeva (1595) (Merše 2013b, 161–178). Vse tri se opirajo na nemške prevodne predloge. Med na novo zapisanim besedjem so številna poimenovanja predmetov, dejavnosti in pojmov iz vsakdanjega življenja. Znak povečane ekspresivnosti besedil je tudi veliko število besed, ki so pozitivno ali negativno čustveno zaznamovane, na kar kaže sobesedilo (npr. *pankrt*, *crkniti*, *natepsti se* (*štrukljov*) itd.).

1.2.2.1.2.8. Z več vidikov je bilo ovrednoteno in raziskano tudi besedje, ki je bilo v slovenskih razdelkih vključeno v oba Megiserjeva slovarja (1592 in 1603). Predstavljeno je bilo tako glede celotnega obsega zajetega besedja kot glede njune medsebojne razlikovalnosti (Orel 2007, 179; Merše 2014, 46–64), količinsko in tipološko pa prikazan tudi njun besedni prispevek v knjižnojezikovno zakladnico 16. stoletja (Merše 2009, 260; 2013b, 179–184).

1.2.2.1.2.9. V več raziskavah je z različnih vidikov analizirano besedje, zajeto v Bohoričevi latinsko pisani slovnici (1584) (npr. Gjurin 1989, 365–383, Premk 2002, 80–82, Ahačič 2007).

1.2.2.1.2.10. Leksikološke raziskave slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja so od opisa besedja in ubeseđovalnih postopkov posameznega pisca ter ubeseditvene prepoznavnosti in specifičnosti osrednjih (prevedenih) besedil, segle tudi k ugotavljanju poimenovalnih značilnosti izbranih besedotvorno-pomenskih skupin, kakršne predstavljajo vsebinsko zelo raznoliki ženski pari moških poimenovanj (Merše 2013b, 187–205) ter tvorbeno specializirani.

¹⁵ Več obravnav je pokazalo, da je prevodno razhajanje, ki ga ustvarja neuskklajena izbira tvorjenke ali sopomenskega opisa, značilnost vseh vrst prevodov iz 16. stoletja (npr. Merše 2009, 167–186).

rane in pomensko raznolike manjšalnice vseh treh spolov (Merše 2013b, 207–224), od teh pa še k tematski skupini poklicnih poimenovanj, ki jih prav tako označuje vsebinska, izvorna, tvorbeno in pogostnostna raznolikost. Prav zadnja skupina je zelo informativna tudi glede načina življenja v slovensko govorečih deželah v drugi polovici 16. stoletja (Merše 2013b, 225–246).

1.2.2.2. Obravnave posameznih besed ali besednih skupin iz del slovenskih protestantskih prispev 16. stoletja izkazujejo različno motiviranost.

1.2.2.2.1. Raziskovalno zanimanje za besede ali skupine besed je pogosto spodbudila njihova manjša poznanost ali težja razumljivost (Narat 2008–2009, 106–108). Ramovš je npr. že na začetku 20. stoletja (1913 in 1916) objavil seznam 44 manj znanih besed (vmes je tudi zveza *ločitvi list*) iz Trubarjevega jezika. Te in druge je pomensko razložil (Ramovš 1971, 9–16, tudi 30–45).

1.2.2.2.2. Tudi v zadnjih treh desetletjih je bilo objavljenih več razprav, namenjenih pomenski analizi posameznih besed, besednih zvez in členov besednih družin. V prikazu besedoslovnih rezultatov raziskovanja slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja jih vsebinsko predstavlja Narat (2008–2009, 106–108), ki seznam dosežkov razširja z omembo slovarskih sestavkov z besednovrstno različnimi iztočnicami iz *Poskusnega snopiča Slovarja jezika slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja* (Merše, Novak, Premk 2001)¹⁶. Med še neomenjenimi, novejšimi prispevki je tudi etimološka razlaga za samostalnik *pèrla* (Snoj 2013, 227–235).

1.2.2.3. Med raziskavami, ki zadevajo pomenskost besed ter medbesedna pomenska razmerja, je za slovenski knjižni jezik 16. stoletja zaradi celovitosti prikaza in kot hkratni teoretični prispevek posebnega pomena monografija *Samostalniška večpomenskost v jeziku slovenskih protestantskih piscev* (Novak 2004).

Delo navaja in predstavlja pomenske pojave, prepoznavne iz slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja. Opređeljene so pomenske skupine, pri katerih gre za skupine pomenov z isto glavno pomensko sestavino (tudi Novak 1982, 163–169 in 1986, 99–110). Predstavljeni so tudi postopki oz. procesi, s pomočjo katerih se beseda na različne načine premakne z izhodiščnega pomena na mesto poimenovanja za drug pojav: npr. metaforizacija, metonimizacija, terminologizacija, preobrnitev, ki je postavljena na protipomenskost, frazeologizacija, simbolizacija, primerjava itd. Med poimenovalne vrste, ki prispevajo k bogatjenju besednega zaklada, poleg večpomenskosti prišteva še besedotvorje, opise in prevzemanje (Novak 2004, 65). Poleg poti in načinov, ki so jih slovenski pisci iz 16. stoletja uporabljali pri poimenovanju novih pojmov oz. pri ubesedovanju še ne izraženega, skuša ugotoviti tudi značilne situacije, ki terjajo iskanje novih izrazov (Novak 2001, 106 in 2002, 103–120).

Prikaz samostalniške večpomenskosti je bil dopolnjen tudi z osvetlitvijo odvisnosti od prevodnih zgledov (Novak 1998, 83–94). Največ pozornosti je bilo namenjene drugotnim pomenom pri važnejših biblijskih verskih izrazih (npr. *jagnje*, *pastir*), ki so bili prevzeti hkrati z osnovnimi pomeni, zatem skupini drugotnih pomenov, ki so se razvijali iz domačih osnov zaradi novih ubesedovalnih potreb, ter semantičnim kalkom, zlasti po nemščini (*del* ‘delež’).

¹⁶ Po številu izstopajo razprave F. Premk iz obdobja 1988–2006, v katerih je med drugim npr. pomensko analizirala hebraizem *sela*, biblicizem *mana*, germanizem *ofer* s terminološkimi zvezami ter številne druge besede in besedne zveze.

1.2.2.3.1. S t. i. konceptualno metaforo *beseda je ...* (npr. posoda, premikanje, živo bitje), ki sodi v teoretično območje razvoja večpomenskosti, in z jezikovnimi izrazi zanjo (npr. *beseda je posoda – prazne marnje*), se je pri slovenskih protestantskih piscih 16. stoletja raziskovalno ukvarjala E. Kržišnik (2008–2009, 253–267). Pogled je vzvraten, saj avtorica izhaja iz strukture metafore, abstrahirane na osnovi analize frazeološkega gradiva sodobnega jezika, njene pojavne oblike pa preverja v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja.

1.2.2.4. Več del je nastalo z namenom, da bi natančneje prikazala medbesedna pomen-ska razmerja: sopomenskost in protipomenskost.

1.2.2.4.1. Veliko število raziskav je namenjenih analizi sopomenk, ki so jih uporabljali posamezni pisci, navadno vezano na določeno besedilno vrsto, del pa tudi slovarski sopomenskosti.

1.2.2.4.1.1. S primerjavo Trubarjevih in Dalmatinovih biblijskih prevodov je bila ugotovljena njuna ubesedovalna različnost, ki jo zrcalijo sopomenske izmenjave (Orožen 1996b, 137–147). Sopomenskost pri Dalmatinu je z različnih vidikov (npr. glede na izvor, načine izražanja, pomenske in stilne funkcije) raziskovala J. Narat (1989, 1991, 63–72, 1992, 161–163). Vzroke za sopomenskost je hkrati z njenim obsegom ugotavljala tudi ob veččlenski skupini, ki jo sestavljajo poimenovanja za 'učenec' pri slovenskih protestantskih piscih 16. stoletja (prim. Narat 1996, 263–272).

Na Dalmatinovo *Biblijo* je vezana tudi raziskava glagolske sopomenskosti. Ugotovljena so bila obstoječa (tvorbena različna) glagolska konkurenčna razmerja ter tendence njihovega sočasnega in nadaljnjega razreševanja (Merše 1995, 229–237). Podrobneje je bilo raziskano tudi sopomensko razmerje med izsamostalniškimi (Merše 2009, 167–176) in izpridevniškimi (Merše 2009, 177–186) glagoli ter nadomestnimi (sopomenskimi) besednimi zvezami v Dalmatinovi *Bibliji*.

1.2.2.4.1.2. Zgodovino rabe sopomenk *folk*, *ljudstvo* in *narod*, ki sega od *Brižinskih spomenikov* do sodobnosti, je popisal Müller (1999, 33–61). Prikaz vključuje pomensko analizo poimenovanja *folk* pri Trubarju in kaže na razvojno nakazane zamenjevalne smeri.

1.2.2.4.1.3. Poseben raziskovalni izziv je predstavljalo besedje, zajeto v narečno oz. pokrajinsko opredeljene stolpce *Registra* iz Dalmatinove *Biblije* (1584), ter prav tako v Dalmatinovi *Bibliji* na robu pripisana pojasnila.

1.2.2.4.1.3.1. O *Registru* na več mestih govori M. Orožen (Orožen 1996b, 206–233, 2003, 186–193). Opredeljuje ga kot prvi razlikovalni sinonimni slovarček slovenskega knjižnega jezika, saj razširja knjižni besedni sestav protestantskih piscev v smeri sosednjih narečnih skupin, hkrati pa tudi v smeri hrvaške kajkavščine in istrske čakavščine (Orožen 1996b, 108). M. Orožen govori o t. i. kontaktnih sinonimih, ki so se najprej pojavili v pojasnjevalni vlogi, kasneje tudi v stilistični (Orožen 1996b, 202).

Analiza zajetega besedja je pokazala na večjo ujemanost besedja iz prvih dveh slovarskih razdelkov (kranjskega in koroškega) (Orožen 1996b, 188–199), hkrati pa tudi na razlike med središčnim in vzhodnim tipom besedja (Orožen 2003, 186–193). M. Orožen je analizirala tudi zajetost besedja iz *Registra* v biblijskem sobesedilu.

1.2.2.4.1.3.2. Na osnovi sopomenskih nizov, sestavljivih iz sopomenk, navedenih v *Registru*, Orožen sklepa tudi na zajete, izvorno različne plasti besedja (Orožen 1996b, 206–218; 222–230). Besedje, navedeno v obeh Dalmatinovih *Registrih* (1578 in 1584) je bilo ovrednoteno tudi kot zametek raznovrstnih terminologij (Bokal 2008–2009, 279–290), nekatere

besede pa so bile kot strokovna poimenovanja zajete v diahrono prikaze, kakršne omogočajo slovarji.

1.2.2.4.2. Vezano na Trubarjeva dela, zlasti na *Katehizem z dvejma izlagama* (1575) (Orel 2008, 15–29), ter na analizo krajših besednih seznamov slovarskega značaja (Humar 2008–2009, 269–278) je bila podrobneje raziskana in z izpričanimi vrstami (glede na načine izražanja, tvorbo, zgodovinsko in besedilno pogojenost, ob zadnji tudi glede stopnje ekspresivnosti) predstavljena protipomenskost. Na protipomenske pare v postilah, med katerimi zaradi aktualnosti izstopa nasprotje *evangeljš – papistiš*, opozarja tudi Toporišič (1995, 358–361).

1.2.2.4.2.1. Večje število ustaljenih besednih povezav iz del slovenskih protestantskih piscev, ki so v sopomenskem (*Nuz oli pryd*), protipomenskem (*mlad oli star*), dopolnjevalnem (*dar inu muzh*) ali pomensko neodvisnem (npr. *misliti inu vprashati*) razmerju sta pri obravnavi dvojne formule kot ene izmed najbolj priljubljenih stilnih figur za B. Pogorelec (2011, 243–255) našela tudi E. Seitz (1995) in Ahačič (2007, 302–303).

1.2.2.5. Na del imenoslovne problematike, razvidne iz del slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja, je opozoril Jakopin (1986, 69–75). Na osnovi pisne, glasovne in tvorbene variantnosti sklepa na različne faze prevzetosti posameznega imena ter na večjo ali manjšo vplivnost govornega jezika.

1.2.2.6. Med boljše raziskane plasti besedja slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja spada strokovno izrazje. V številnih obravnavah je predstavljeno glede na različna področja rabe in tvorbene načine, pa tudi glede razmerja do nestrokovnega, splošno rabljenega besedja itd. Pomen dela slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja za oblikovanje slovenskega strokovnega izrazja in stilistike strokovnih besedil je ocenil Novak (2007, 263–282). Predstavil je besedila, ki so posebej primerna za rabo strokovnega izrazja, področja, ki vsebujejo znake strokovnega izrazja in uporabljeno izrazje, procese njegovega ustaljevanja in nadaljnje razvojne smeri.

1.2.2.6.1. Trubarjevo teološko terminologijo obravnava Rajhman (1977, 104–125), oblikovanje obredne terminologije kot dela krščanske terminologije v 16. stoletju pa Legan Ravnikar (2008, 15–33). Rajhman razlikuje med Trubarjevimi teološkimi izrazi iz izročila (npr. *gnada – milost*) in novimi teološkimi izrazi. Dodaja pa še skupino izrazov, ki niso strogo teološki (npr. *Slovenec* in *slovenski*).

A. Legan Ravnikar (2008a, 16) na osnovi analize samostalnikov in samostalniških besednih zvez ugotavlja, da se je v obdobju protestantizma obseg slovenske obredne terminologije močno povečal. V monografiji išče odgovore na naslednja vprašanja: od kod so protestanti črpali terminološko izrazje, koliko so se opirali na krščansko tradicijo, kako so tvorili nove termine. Prav tako skuša odgovoriti tudi na vprašanja, katere besedne zveze je mogoče pojmovati kot terminološke, katere niso več niti terminološke niti stalne in katere so postale stilno zaznamovane (npr. *prava vera* ‘protestantska veroizpoved’) (Legan Ravnikar 2010, 385–399).

1.2.2.6.2. Ahačič (2007, 242–246) predstavlja (in pomensko razlaga) jezikoslovno terminologijo iz del slovenskih protestantskih piscev. Kot posebni skupini obravnava slovenske izraze za prevajanje in prevod ter retorično terminologijo.

1.2.2.6.3. Na Dalmatinovo *Biblijo* (1584), na njej dodani *Register* in na Megiserjev večjezični slovar iz leta 1603 je vezano osnovno gradivo za prikaz skupine poimenovanj dreves

(Premk 2007, 325–342). Zajetih je bilo 48 poimenovalnih enot (za 28 različnih dreves). Pri posameznih enotah je opozorjeno na večpomenskost, na primere medsebojne sopomenskosti, pa tudi na poimenovalne zadrege, povezane z znano težavo, ki jo predstavlja nezanesljiva nanašalnost poimenovanja v biblijskem izvorniku (Premk 2007, 331). S problemom nanašalnosti oz. predmetne vsebine rastlinskega poimenovanja *buča*, uporabljenega v Dalmatinovi *Bibliji*, se sooča tudi S. Sirk (2001, 185–196).

1.2.2.7. Med skupinami besedja, ki so jih uporabljali slovenski protestantski pisci 16. stoletja, je bilo zelo veliko pozornosti namenjene prevzetim besedam, zlasti tistim iz nemščine.

1.2.2.7.1. Z besedami nemškega izvora v Trubarjevem *Catehismusu* iz leta 1550 se ukvarjata dve razpravi: Janko 1986b, 427–434 in Toporišič 2006, 84–93. Janko izbrane germanizme pojasnjuje tudi pomensko, Toporišič pa izpostavlja besede s splošnocivilizacijskega in versko-nravnega področja. Opozarja tudi na Trubarjeve sopomenske pare, sestavljene iz prevzete besede in domače sopomenke tipa *nuz oli pryd*, hkrati pa na puristično dejavnost škofa Hrena v obdobju protireformacije. Slednja se kaže v *Evangelijih in listuvih* z izločanjem pri Trubarju uporabljanih, iz nemščine prevzetih besed¹⁷.

Janko (1986a, 77–89) je glede zajetosti besed nemškega izvora preveril tudi Trubarjevo *Cerkovno ordningo* (1564). Po tematskem kriteriju izbrane prevzete besede pojasnjuje glede na izhodiščni pomen, glede na čas prevzema ter glede na načine glasovnega in oblikoslovnega prilagajanja slovenščini. Podobno raziskovalno metodo je pri predstavitvi nemških izposojenk, uporabljenih v zgodnejšem, krajšem Trubarjevem besedilu *Ena dolga predgovor* (1557), uporabila tudi H. Jazbec (2007).

1.2.2.7.2. Glede odvisnosti od nemščine so bili raziskani in tipološko predstavljeni tudi (glagolski) kalki, uporabljeni v delih slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja (Merše 2009, 129–146).

1.2.2.7.3. A. Legan Ravnikar je v več razpravah (Legan Ravnikar 2012, 2013 in 2014) obravnavala iz različnih jezikov prevzeto besedje, ki je bilo sestavni del slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja¹⁸. Avtorica je prikaz germanizmov dopolnila s primeri pomenskih struktur, ki se bolj ali manj ujemajo z izhodiščnimi (Legan Ravnikar 2014, 70–84).

1.2.2.7.4. K. Ahačič je iz latinščine prevzete besede, ki so jih uporabljali slovenski protestantski pisci – zlasti tiste, ki se pojavljajo v Trubarjevi *Cerkovni ordningi* (1564) –, analiziral glede na postopke njihovega prevzemanja v slovenski knjižni jezik. Opozoril je tudi na njihovo vlogo pri vzpostavljanju slovenščine kot evropskega jezika (Ahačič 2011, 109–122).

1.2.2.8. V številnih raziskavah leksike slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja so bili omenjeni tudi uporabljeni frazemi, najpogosteje kot značilnost besedila, kot primerjalno odkrita značilnost posameznega pisca, večkrat pa tudi kot prevodno ohranjana, opuščena ali zamenjana sestavina itd. Posebna razprava je bila namenjena problematiki odkrivanja stalnih besednih zvez ter poskusu njihove tipološke razvrstitve – oboje vezano na gradivo iz Trubarjeve *Cerkovne ordninge* (Kržišnik-Kolšek 1986, 435–445).

1.2.2.9. Z izhodiščno osredinjenostjo na petdesetletno obdobje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja, hkrati pa s preverjanjem obstoja in razvoja v nadaljnjih stoletjih, so se

¹⁷ Na dejstvo, da je bila glavna značilnost *Evangelijev in listov* sistematično odpravljanje leksikalnih germanizmov, je z dodanim seznamom opravljenih sprememb opozoril že Rigler 1968, 213–215.

¹⁸ Poleg besed, prevzetih iz nemščine, obravnava še besede, prevzete iz latinščine, hebrejščine, armejščine, grščine, italijanščine, hrvaščine in iz stare cerkvene slovanščine (Legan Ravnikar 2013).

zvrstile obravnave posameznih besednih vrst ter oblikoslovnih in besedotvornih kategorij, ki hkrati izpostavljajo z njimi zaobseženi besedni sestav (npr. obravnava glagolskega vida in vrstnosti (Merše 1995))¹⁹.

1.3. Sedemnajsto in prva polovica 18. stoletja – obdobje protireformacije in baroka

1.3.0. Tudi leksikološke obravnave del iz 17. in prve polovice 18. stoletja (zlasti slovarjev, ter del obeh osrednjih baročnih piscev – Janeza Svetokriškega in Rogerija Ljubljanskega) so najpogosteje sestavina večravninskih jezikoslovnih obravnav.

1.3.1. Glede sestava in tvorbene tipologije sopomenskih nizov so bili preverjeni številni tiskani in rokopisni slovarji z vključenim slovenskim jezikom od 16. stoletja dalje.

1.3.1.1. Prvi, ki je časovno neposredno sledil obema večjezičnima Megiserjevima slovarjema (1592 in 1603) iz obdobja protestantizma, je bil veliko manjši italijansko-slovenski slovar Alasia da Sommaripe (1607). Vanj zajete slovenske ustreznice so bile predstavljene glede na število, tipologijo, izvor in medsebojno pomensko razmerje. Preverjeno je bilo tudi pomensko razmerje med italijansko iztočnico in slovensko ustreznico oz. ustreznici (Orel 2007, 169–189). Primerjava s starejšimi in mlajšimi slovarji je potrdila vplivnost obeh Megiserjevih slovarjev, hkrati pa izpostavila Alasijeve nevezorovane romanizme, narečne izraze²⁰ in nove tvorjenke (Orel 2007, 173–186). Veččlenskost in leksikalna variantnost ustreznih nizov je bila analizirana tudi z vidika vzročnosti (Furlan 2008, 146–164).

1.3.1.2. I. Orel (2006, 501–507) je predstavila *Krajsko besedišče pisano* kot prvi ohranjeni obrnjeni (rokopisni) slovar iz 17. stoletja. Na osnovi analize sopomenskih nizov v slovarju in na osnovi primerjave z obema Megiserjevima slovarjema posebej izpostavlja njegov besedni prispevek. Opazno je načrtno uvajanje slovanskega besedja in opuščanje germanizmov.

1.3.1.3. Razvojno (od 16. do 18. stoletja) in primerjalno je bila v besednih seznamih in slovarjih natančneje raziskana sopomenskost samostalnikov (Orel Pogačnik 1991, 145–163). Sopomenke so predstavljene glede na izvor in glede na socialnozvrstno zaznamovanost. Razvrščene so po različnih kriterijih, tudi glede na stopnjo pomenskega ujemanja.

1.3.1.4. Z vidika vzdrževanja protestantske tradicije in odstopanja od nje je bila posebej analizirana glagolska leksika, zajeta v štirih slovarjih iz 18. stoletja (Merše 2013b, 281–295). Analiza je pokazala na precej spremenjeni glagolski besedni sestav. Med novostmi izstopajo poimenovanja za številne družbeno aktualne zadeve (dejanja) ter več ekspresivnih poimenovanj (npr. onomatopejski glagoli).

1.3.2. Vsi vidnejši pisci 17. in prve polovice 18. stoletja so bili (večinoma v sklopu jezikoslovno širših obravnav) ocenjeni tudi glede besedne izbire v njihovih delih in glede njihovega prispevka k širitvi besednega zaklada: Matija Kastelec (Orožen 1996b, 290–302 in 2010, 64–142), Adam Skalar, pridigarja Svetokriški (Toporišič 2006, 94–101, Merše 2013b, 249–263) in Rogerij (Orel 2001a, 29–76) ter Paglovec (Orožen 2010, 153–165). Besedje je analizirano glede na izvor in delež prevzetih besed ter glede na tvorjenost, besedilo pa glede na prisotnost in način uporabe sopomenk. Izpostavljeni so načini izražanja večpomenskosti, opozorjeno je na delež stalnih besednih zvez, na uporabo frazemov itd. (npr. Orel 2001a, 29–76). Pri Svetokriškem je dodana tudi analiza rabe besedja glede na tvarinska področja

¹⁹ Iz preteklosti bi bilo nanj zaradi zgodovinskega gradiva mogoče uvrstiti večdelno (1950, 1952 in 1959) Bajčevo *Besedotvorje slovenskega jezika*; prim. Toporišič 2006, 115–130.

²⁰ Na tipično kraške izraze v Alasijevem slovarčku opozarja tudi Orožen 1996b, 291–292.

(Toporišič 2006, 94–101). Posebej je omenjena skupina, ki jo oblikujejo prevzeta lastna imena. M. Orožen poudarja jezikovne značilnosti Paglovčevih prevodov, med katere spada opuščanje Dalmatinovih arhaizmov in knjižnih tvorjenk ter raba govorno uveljavljenih prevzetih besed (Orožen 2010, 153–165).

1.3.2.1. Več razprav je vključevalo tudi primerjavo s predhodnimi obdobji, zlasti s protestantizmom (npr. Orožen 1996b, 290–302; Merše 2013b, 249–263), in na njeni osnovi ugotavljalo razvojne spremembe pri izbiri besedja. Spremenjen in deloma pomnožen je sestav stilno (bodisi čustveno ali socialno) označenega besedja (npr. *butiti*, *šeškati*), ki je predstavljeno kot odraz besedilne vrste.

1.3.3. Tudi v rokopisnih besedilih, nastalih v 17. (npr. *Kalobski rokopis*, Stapletonov in Skalarjev rokopis) in 18. stoletju, med katerimi prevladujejo nabožna, je ugotovljiv podoben besedni sestav kot v tiskanih (Orožen 2010, 64–108; 144–152; Orel 2011, 389–405).

1.3.4. Kot eno izmed poglavij monografskega prikaza liturgične oz. obredne katoliške terminologije, ki zaobsega obdobje od 10. do konca 19. stoletja, je tudi njen prikaz v obdobju protireformacije in baroka (1595–1768) (Legan Ravnikar 2008a, 35–48). Avtorica razvojno fazo predstavlja kot neposredno nadaljevanje predknjižne tradicije. Terminologija je bila katoliška, vendar je angažirano poudarjala razlike do protestantskega obrednega jezika: *prava vera* 'katoliška'.

1.3.4.1. Z raziskavo jezika Kolehjerjevega rokopisa (1750), to je prevoda in priredbe Matthiolijeve knjige o rastlinskih zdravilih (Novak 1984, 263–267), je bilo zajeto tudi medicinsko in botanično poimenovalno področje, razširjeno s poimenovanji za dele telesa ter utežne mere. Med uporabljenimi besedami so poleg prevzetih tudi domače, ki kažejo znake narečne rabe, kalkirana poimenovanja ter opisi kot nadomestila za tuja poimenovanja. Zadostno pomensko prepoznavnost terminov je večkrat zagotavljal pripis nemških, pogosto čeških, redkeje pa latinskih imen.

1.4. Druga polovica 18. in začetek 19. stoletja – razsvetljsko obdobje, pokrajinske jezikovne različice (osrednji slovenski prostor, Koroška, Štajerska in Prekmurje)

1.4.1. Drugo polovico 18. stoletja je na Kranjskem s svojo raznoliko slovstveno dejavnostjo zaznamoval oče Marko Pohlin (Orožen 2010, 166–195). Slednja zaobsega: 1. raznovrstna verska besedila, 2. jezikovno-normativna dela (slovnica, slovar), 3. dela vzgojno-izobraževalnega značaja (*Kmetam za potrebo inu pomoč*, 1789), za katera je posebej značilno njegovo terminološko prizadevanje. Pohlin je želel premostiti razkorak med tradicionalno knjižno (pisno) in sočasno govorno podobo kranjskega-slovenskega jezika, kar se kaže tudi na besedni ravni. Opazni so germanizmi, posebej moteči pa so bili neologizmi. M. Orožen v okviru jezikoslovne obravnave njegovih molitvenikov in pridig omenja tudi pojasnjevalno zasnovane sopomenske nize, ekspresivne pogovorne frazeme, metonimične pomenske prenose in metafore iz vsakdanjega življenja (Orožen 2010, 173–195).

1.4.1.1. Pohlinovemu prizadevanju na področju strokovnega izrazja je bilo namenjenih več razprav. Obsegu, tipologiji in načinu oblikovanja strokovnega oz. računskega izrazja v njegovi knjižici *Bukvze fa rajtengo* (1781) je namenil posebno analizo F. Novak (Novak 1986a, 89–100).

Legan Ravnikar (2013, 275–293) v Pohlinovem prevodu oz. priredbi Beckerjevega ljudno izobraževalnega dela enciklopedičnega značaja, ki je izšel pod naslovom *Kmetam za*

potrebo inu pomoč (1789), ugotavlja poimenovalne zametke različnih strok. Analizira jih glede na prevzem, prevajanje, kalkiranje in tvorbo po različnih besedotvornih modelih.

1.4.1.2. Pohlinov trijezični slovar s slovenskim izhodiščem (1781) je bil posebej preverjen glede prikaza večpomenskosti (Novak 2013, 208–226). Opozorjeno je tudi na zajetost in vlogo stalnih besednih zvez in frazemov.

Analiza Pohlinovega slovarsko zajetega besedja (Merše 2013b, 265–279) je upoštevala vsebinsko različne plasti besedja. Pokazalo se je, da je bil pri vključevanju v slovar upoštevan predvsem praktični vidik: vanj so zajeta številna poimenovanja sočasno aktualnega materialnega in nematerialnega sveta, zunaj slovarja pa so ostale številne sistemsko predvidljive tvorjenke ter ožje strokovna in ekspresivna poimenovanja. Tipizirano je predstavljena tudi razlikovalna leksika, ugotovljena s primerjavo del slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja in Pohlinovega slovarja.

1.4.2. Okvirni oris pospešenega razvoja uradovalne slovenščine v drugi polovici 18. stoletja je prispevala M. Orožen (1996b, 326–343). Poslovno-uradovalni jezik se je kot nova zvrst slovenskega knjižnega jezika, za katero je značilna nova terminološka plast, začel hitro razvijati v povezavi z uradovavno novostjo, ki so jo v času vladanja Marije Terezije predstavljali patenti in oznanila. Močnejši vpliv predloge se kaže pri besedju. Manjkajoča poimenovanja za tvarne pojave in abstraktne pojme so bila pogosto opisno ali kalkirano prevedena, občasno tudi neustrezno.

1.4.2.1. Na zvrstno različnost konec 18. stoletja kaže tudi izid pesniškega zbornika *Pisanice* (1779–1781). Leksikološka analiza jezika (Legiša 1977, 412–417) ob splošno znanem besedju in redkih starinskih besedah izpostavlja plast novega besedja, potrebnega za ubeseditiv dotlej še ne obravnavane tematike, ter izbiro ekspresivnih besed, značilnih za pesniški jezik.

1.5. Knjižnojezikovne različice

1.5.0. V drugi polovici 18. stoletja so se na majhnem, vendar narečno zelo razčlenjenem slovenskem jezikovnem ozemlju izoblikovale štiri (s slovničnimi in slovarskimi opisi normirane) pokrajinsko-narečne različice: osrednjeslovenska, vzhodnoštajerska, prekmurska in koroška. Sociolingvistične in zgodovinske razloge za njihov nastanek je predstavila M. Orožen (Orožen 1996b, 103; 313–318; 356–372)²¹.

1.5.1. Koroška knjižnojezikovna različica

1.5.1.1. V 18. stoletju so v koroškem deželnem prostoru zaznavne tri naddialektalne plasti: 1. Bukovništvo²²; 2. deželna različica Megiserjevega slovarja (1744), ki jo je oskrbel Miklavc; 3. z Gutsmanovo slovnico in slovarjem, kasneje tudi z Jarnikovim besedotvornim prispevkom normirani knjižni jezik (Orožen 1996b, 313–318).

1.5.1.2. M. Orožen v posebni obravnavi (Orožen 1996b, 344–355) na osnovi analize koroškega besednega gradiva predstavlja obseg postopne širitve pokrajinskega besedja in pojasnjuje vzroke njegove uveljavitve, hkrati pa prikazuje tudi pokrajinsko uzaveščenost razlik. Tudi z besedoslovnega vidika je analizirala več del, ki pripadajo različnim besedilnim zvrstem: npr. razširjeno in s koroškim besedjem pomnoženo izdajo Megiserjevega slovarja

²¹ O nastanku in razvoju prekmurskega jezika prim. Jesenšek 2005, 26–38.

²² Gre za literarno dejavnost nešolanih, ljudskih piscev. Za njihov jezik je značilnih več prevzetih besed in narečnih prvin na različnih jezikovnih ravninah (Orožen 1996b, 349–350).

iz leta 1744 (Orožen 2003, 194–208)²³, gradivo iz Gutsmanovega slovarja (1789) in iz nabožnega besedila *Christianske Resnice* (1770), pa tudi rokopisno pesmarico cerkvenih pesmi *Tinjski rokopis* (pesniška besedila so bila zapisana, morda prepisana, leta 1839) (Orožen 2010, 400–413)²⁴. V vseh tipih besedil opazuje stilno in pomensko izkoriščenost besedja koroškega deželnega prostora. Na več mestih poudarja Gutsmanove zasluge za uveljavitev izvirne leksike. Uporabljal je naslednji model utrjevanja domačega besedja: izvirni izraz + prevzeta beseda, dodana v oklepaju, npr. *zrak (luft)* (Orožen 2003, 227–228).

1.5.1.2.1. Posebna obravnava je bila namenjena kratki zbirki stalnih besednih zvez iz Gutsmanove slovnice in slovarja (Kržišnik 1997, 27–37). Avtorica jo presoja (skupaj z Gutsmanovim razumevanjem stalnih besednih zvez) na osnovi načel, predstavljenih v okviru širšega teoretičnega razmisleka o razlikovanju med frazeološkimi in nefrazeološkimi stalnimi besednimi zvezami ter o skladenjskih in pomenskih značilnostih frazemov. V zbirki navedene frazeme razvršča glede na skladenjsko zgradbo in glede na razmerje med slovenskimi iztočnicami in nemškimi prevodnimi ustrezniciami.

1.5.1.2.2. Leksikološke narave je tudi analiza pomenskosestavinske in izrazne strukturanosti slovenskih ustreznice v Gutsmanovem slovarju za nemške zloženke v vlogi iztočnic (Vidovič Muha 1989a, 39–54). Izpostavljeni so trije ustrezniciški tipi: slovenske ustreznice (1) so morfemsko prevedene (*Dreyeck – trivogel*); (2) imajo lastno pomenskosestavinsko zgradbo (*Gotteshaus – cirkou*); (3) so delno kalkirane (*Brautbett – zakonska postel*).

1.5.2. Vzhodnoslovenski knjižni jezik z vzhodnoštajersko in prekmursko različico

1.5.2.0. Vzhodnoslovenskemu knjižnemu jeziku z obema različicama je namenjenih več razprav M. Orožen (npr. 1996a, 121–133; 1996b, 70–112, 356–380), obe različici pa (strnjevalno, povzermalno, dopolnjevalno in nadgrajevalno) predstavljata monografiji Marka Jesenška (2013 in 2015). Za vzhodnoslovenski knjižni jezik 18. stoletja je značilna uporaba izvirnega slovenskega izrazja, prisotnost nemčizmov in majhnega števila madžarizmov, hkrati pa ujemanje s kajkavskimi izrazi (Orožen 1996b, 84–85).

1.5.2.1. Vzhodnoštajerska (knjižno)jezikovna različica

1.5.2.1.1. Jesenšek (2015) vzhodnoštajerski knjižni jezik osvetljuje z njegovo rabo v raznovrstnih delih: v slovarjih²⁵, katekizmih²⁶, (Slomškovih) pridigah²⁷, (Slomškovih) basnih²⁸, (Volkmerjevih) pesmih, v biblijskih prevodih (primerjalno v Japljevem in Dajnkovem prevodu), v (Kremplovem) zgodovinskem delu *Dogodivšine štajerske zemle* (1845)²⁹, pa

²³ Težišče Megiserjevega slovarja iz leta 1744 je v postopkih oblikovanja sopomenskosti. V nizih sopomenk je na prvem mestu koroška, v nadaljevanju pa sledijo tudi osrednjeloslovske, prevzete besede in kalki.

²⁴ Pregled posebej opaznih (skladijskih) tipov besednih in stavčnih zvez, uporabljenih v *Tinjskem rokopisu*, je prispeval Jesenšek (2007, 241–244).

²⁵ Jesenšek (2015, 52–84) npr. predstavlja slovensko besedje v rokopisnem nemško-slovenskem slovarju (1760), ki ga je izdelal Ivan Anton Apostel. Prikaz poleg tvorjenosti, zvrstnosti in sopomenskosti upošteva tudi tematski vidik.

²⁶ Na preplet vzhodnoštajerskega in kajkavskega besedja kaže tudi jezikovna analiza slovenskega prevoda Parhamerjevega katekizma iz druge polovice 18. stoletja (Jesenšek 2007, 220–229; 2015, 75–84).

²⁷ Slomškov govorniški talent se kaže tudi v pridigah, tako v izbiri besedja kot v slogu. Uporabljal je arhaične besede, narečne izraze, nekaj prevzetih besed, tako iz nemščine kot iz madžarščine, zanimiva ljudska rekla in številne stileme, tudi dvojne formule (Jesenšek 2015, 171–175).

²⁸ Jesenšek (2007, 200–201) navaja nekaj značilnih frazemov in pregovorov, uporabljenih v Slomškovih basnih (1896).

²⁹ Predstavljene so skupine lastnih imen: osebna, zemljepisna in stvarna lastna imena.

tudi z zajetostjo v slovarskih zbirkah oz. v namensko zbranem (slovarjem dodanem) gradivu (Jesenšek 2015, 156–164, 231–254), upoštevanem v Pleteršnikovem slovarju.

1.5.2.1.2. Raznoliki besedilno-slovstveni ustvarjalnosti Antona Martina Slomška kot enega izmed osrednjih piscev prve polovice 19. stoletja se v več razpravah posveča tudi M. Orožen (1996a, 103–119; 2010, 257–323). Slomškovo knjižno besedje je v osnovi središčno slovensko, uporablja pa tudi besedje koroškega, štajerskega in panonskega območja. Njegovo prizadevanje za izvirno ubeseditvev je namnožilo sopomenske pare. Opazne so knjižne tvorjenke in celo prevzete besede. M. Orožen pri analizi jezika pridig omenja pomenske prenose, metafore, prisodobne, nizanje simbolov itd. (Orožen 2010, 257–323). Ob priročniku *Blaže in Nežica* navaja, da vpeljuje raznovrstno strokovno besedje.

1.5.2.1.3. Večje število razprav se ukvarja z Dajnkovim delom in njegovim jezikom. Z različnih vidikov je obravnavano tudi besedje.

Dve številnejši (besednovrstno ter funkcijsko in pomensko osamosvojeni) skupini besedja (prislovi in glagoli rekanja) je znotraj oblikoslovno in skladijsko zasnovane analize Dajnkovega dela *Kmet Izidor* izpostavila Z. Zorko (1998, 111–128, zlasti 118–119 in 125–126). Dajnkova raba glagolskega vida (Merše 1998, 143–158) in raba predlogov (Orel 1998, 129–141) sta predstavljeni v primerjavi z osrednjeslovensko.

Liturgično terminologijo, uporabljeno v Dajnkovih katekizmih, je primerjalno z osrednjeslovensko in Slomškom analizirala A. Legan Ravnikar (1998, 171–181), čebelarstvo, uporabljeno v knjigi *Čelarstvo* (1831), pa Novak (1998, 199–206)³⁰. Izpostavljene so naslednje njune tipološke lastnosti: Dajnkovo vzhodnoštajersko obredno izrazje se od osrednjega razlikuje po izvorni terminologiji in po tipičnih besedotvornih morfemih. Tudi pri čebelarstvu izrazju se na različnih ravniinah kažejo pokrajinske značilnosti. Opazne so nove tvorjenke, vidno je prizadevanje za podomačevanje terminologije. Sestavni del njegove terminologije so tudi številni opisi (npr. *kotel na vrenje*) ter sopomenske dvojice in nizi, ki jih Dajnko pogosto navaja z informativnim namenom. Nekateri termini izkazujejo metonimične pomene.

Predstavljeni so bili tudi sezname pregovorov iz Dajnkove (1824) in Murkove slovnice (1832). Njihovega raziskovanja se je zaradi zanimivosti za etnologijo lotila M. Stanonik (Stanonik 1998, 317–330 in 1999, 49–63).

1.5.2.1.4. Na nekaj leksikoloških značilnosti je bilo opozorjeno tudi pri drugih piscih (npr. pri Volkmerju).

1.5.2.2. Prekmurska knjižnojezikovna različica

1.5.2.2.0. Osnovno karakteristiko besednega sestava prekmurskega knjižnega jezika je podal Vilko Novak (Novak 1976, 15): Zajema večino narečnega besedja ne glede na izvor. Manjkajo predvsem šaljivi, ironični, zabavljivi in zasramovalni izrazi, ker so vezani na posebne položaje. Prekmursko narečje je ohranilo veliko starih, iz prvotne slovanščine podedovanih besed, veliko besed je ustvarilo na novo, del pa prevzelo iz sorodnih slovanskih narečij (iz kajkavščine). Tako pisci rokopisnih del kot kasneje prekmurski pisatelji so zajemali besedje tudi iz osrednjeslovenskih pisateljev od Trubarja dalje, v 19. stoletju tudi iz štajerskih. Opazno je prizadevanje, da bi prevzete besede (iz nemščine ali madžarščine) nadomestili z domačimi.

³⁰ Novak ob prikazu strukturnih lastnosti terminoloških poimenovanj načenna tudi metodološko vprašanje glede najprimernejšega načina ugotavljanja in predstavitve terminologije (Novak 1998, 201).

1.5.2.2.1. Jezikoslovne obravnave, ki vključujejo tudi besedoslovne analize, so bile namenjene jeziku osrednjih prekmurskih piscev (Štefana in Mikloša Küzmiča, Kardoša³¹, Košiča, Agustiča, Terplana, Sijarta). Z jezikovnimi analizami posameznih del je bilo postopno zaobseženih tudi več besedilnih vrst (npr. biblijski prevodi, pridige, katekizmi, abecedniki, pesmarice, učbeniki, časopis itd.).

1.5.2.2.1.1. Velike pozornosti je bil deležen jezik Štefana Küzmiča kot začetnika prekmurskega knjižnega jezika. Primerjavo z osrednjeslovenskimi biblijskimi prevodi omogoča njegov biblijski prevod *Nouvi Zákon* (1771). M. Orožen (1996b, 110) opaza večjo stopnjo ujemalnosti na besedotvorno-besedilni ravni, manjšo pa na skladenjski, kar razlaga z odvisnostjo od različnih prevodnih predlog. Primerjalno ugotovljene jezikovne razlike (tudi leksikalne) med Trubarjevim in Küzmičevim ter Küzmičevim in Japljevim novozaveznim prevodom navaja tudi Jesenšek (2013, 62–71; 2015, 32–33)³². M. Orožen je opravila tudi analizo besedilne in jezikovne zgradbe dela Š. Küzmiča *Vöre krsztsánszke krátki návuk* (1754) kot vzorčnega protestantskega katekizma (Orožen 2010, 450–458).

1.5.2.2.1.2. Po primerjalni poti (s Slomškom in Kremplom, hkrati pa z osrednjeslovenskim in vzhodno-štajerskim knjižnim jezikom) je bil natančneje določen tudi prispevek Jožefa Košiča k zvrstnemu oblikovanju knjižne prekmurščine (Orožen 1996, 135–151). Na podoben način so bile odkrite tudi jezikovne razlike med tremi prevodi *Zgodb Svetega Pisma* (Orožen 2010, 469–486).

1.5.2.2.2. Več spoznanj o uporabljeni leksiki sta prinesli tudi obravnavi (protestantskih in krščanskih) pridig in cerkvenih pesmi v knjižni prekmurščini (Orožen 2010, 459–468 in 405–413). Obe sta izpostavili rabo sopomenk in prisotnost novotvorb. Analiza pridig je opozorila tudi na rabo protestantskih terminoloških zvez in na prisotnost prispodob, analiza pesmi pa na rabo osrednje uveljavljenih knjižnih besed, redkih arhaičnih kajkavskih prvin, pri katoliških tudi na zajetost stare panonske obredne terminologije in na značilne stilne postopke.

1.5.2.2.3. Jesenšek (2013, 218–234) je prispeval jezikoslovno analizo prekmurskih posvetnih besedil 19. stoletja – abecednikov in učbenikov. Njihov nastanek osvetljuje z zgodovinskimi dejstvi.

Podrobnejšo predstavitev besedoslovnih lastnosti prekmurskega knjižnega jezika opira na abecednik Mikloša Küzmiča iz leta 1790 (Jesenšek 2013, 208–217). V manjšem slovensko-madžarskem slovarčku abecednika (185 besed) so nanizani pari slovenskih (oz. prekmurskih) in madžarskih dvojic, ki so urejene po tematskem zaporedju. V zbirki prevladujejo besede slovanskega izvora. Opazen je vpliv madžarščine, vendar je Küzmič madžarske besede prilagajal slovenskemu jeziku³³. Po tematsko povezovalnih skupinah urejeno in naštetu Küzmičevu besedje je bilo primerjano tudi z besedjem iz drugih slovarjev (Jesenšek 2007, 210–220).

1.5.2.2.4. Nekaj spoznanj o uporabljeni leksiki je prinesla tudi primerjava Agustičevega (1878) in Erjavčevega (1868–1871) strokovnega (poljudnoznanstvenega) jezika (Jesenšek

³¹ Najvažnejši prekmurski protestantski pisec za Števanom Küzmičem je bil Kardoš, ki se jezikovni tradiciji svojega predhodnika ni hotel odpovedati. Uvedel je precej besednih novosti, hkrati pa je vztrajal pri starem slovenskem jeziku (Jesenšek 2013, 285–286).

³² Na izbor tipološko različne glagolske leksike v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja, v Japljevem jeziku in v stari knjižni prekmurščini je posredno opozorila tudi primerjalno zasnovana raziskava glagolskega vida (Merše 2005, 140–157).

³³ Na madžarske izposojenke v Küzmičevem prevodu *Novega zakona* je opozorila M. Bajzek Lukač (2005, 436–448). Zbrani primeri so tematsko razporejeni in dopolnjeni s podatki o času prevzema.

2013, 224–228). Pregled učbenikov je pokazal na oblikovanje slovenskega strokovnega slovniškega izrazja, hkrati pa opozoril na dejstvo, da se je prekmurski strokovni jezik želel približati enotnemu slovenskemu knjižnemu jeziku (Jesenšek 2013, 226–232). Jesenšek (2013, 254–291) analizira tudi prekmurski časopisni jezik, ki časovno sega v 20. stoletje³⁴. Za značilnosti časopisnega jezika v prvem prekmurskem časopisu *Prijatelj* navaja tudi sociolingvistična pojasnila (Jesenšek 2007, 188–191). Pri kasnejši (Jesenšek 2013, 261–274) večravninski analizi jezika časopisa pa navaja več leksikalno vplivnih dejstev (npr. namenjenost vsem slojem, prisotnost več besedilnih vrst (npr. vestičkarske, poročevalske itd.)) ter odkrite leksikalne značilnosti: V časopisu se pojavlja značilno panonsko besedje, zaznavnih je tudi več frazemov in pregovorov. Opazno je oblikovanje političnega izrazja (npr. *orszacscko szpraviscse* ‘državni zbor’). Besedotvorna analiza besedja kaže, da je slednje večinoma tvorjeno po načelih panonskega besedotvorja. Posebej so predstavljena zemljepisna imena (Jesenšek 2013, 275–283). Vključevanje madžarskega javnega, političnega in vojaškega izrazja med slovensko publicistično besedje je bilo premišljeno. Madžarski besedi je Agustič običajno skušal poiskati prekmursko pomensko ustreznico, največkrat neologizem (Jesenšek 2013, 284–291).

Jezikovna analiza rokopisa *Sztarisinsztvo i zvacinsztvo* (1807)³⁵ Štefana Sijarta (Koletnik 2005, 158–167), ki je bila namenjena odkrivanju raznovrstnih dialektizmov, je izpostavila tudi nekaj besednih posebnosti, med katere poleg panonizmov spadajo tudi madžarizmi in germanizmi (Koletnik 2005, 165–166).

1.5.2.2.5. Posebne obravnave so bile deležne tudi nekatere besedne skupine, npr. svetniška imena, ki se pojavljajo v Küzmičevi *Knigi molitveni* (1846, 1904, 1914, 1931) (Orožen 2003, 279–299), ter imena mesecev v slovenskem panonskem prostoru (Jesenšek 2015, 301–308)³⁶.

1.5.2.2.6. M. Jesenšek je prispeval obsežen, razvojno in primerjalno (z osrednjeslovenskim) zasnovan pregled panonskega besedja (Jesenšek 2007, 9–284). Ilustriran je tudi s slovarsko predstavljenim besedjem, zbranim z izpisom iz časovno zaporednih, besedilnovrstno različnih del (npr. iz Roganovega rokopisnega besedila iz 17. stoletja). Razvidno je, da je osnovno panonsko besedje podedovano iz praslovanščine in da se ne razlikuje od osrednjeslovenskega, razlikovalno slovensko panonsko besedje pa izvira iz cirilmetodijskega obdobja. Roganov rokopis iz 17. stoletja kaže, da je prekmurščina imela kljub odvisnosti od kajkavščine že razvito razlikovalno prekmursko nabožno besedje.

1.5.2.2.7. Primerjalno z osrednjim prostorom je bilo zasnovanih tudi nekaj obravnav besednovrstno zamejenih skupin besedja, izpričanih v knjižnojezikovnih različicah, zlasti na prehodu iz 18. v 19. stoletje: npr. izzaimenskih okoliščinskih prislovov (Orel 2001b, 33–55). Poleg ozemeljske razširjenosti rabe je analitično upoštevana tudi oblikovna, besedotvorna in pomenska plat. Na osnovi primerjave prevodov evangelijskih odlomkov je bila predstavljena

³⁴ Podrobneje o začetkih prekmurskega časopisja, ki jih predstavlja prvi prekmurski časopis *Prijatelj*, prim. Ulčnik 2009. Sestavni del monografije je slovar, ki ima namen celoviteje predstaviti Agustičevo besedje, hkrati pa jezikovno-stilne posebnosti časopisnega jezika. Njegovemu prikazu služi tudi časopisni razdelek, ki se hkrati uvršča med slovaropisne novosti. V njem so prikazane besede, besedne zveze in pomeni, značilni za novo funkcijsko zvrst knjižne prekmurščine.

³⁵ Delo predstavlja vlogo starešine in vabljenje na svatbo.

³⁶ Zapisana so v časopisih in koledarjih. Analizirana so glede na pokrajinsko izenačenost oz. razlikovalnost ter glede na (zgodovinsko pogojeno) razvojno spremenljivost.

tudi razlikovalnost predložnega sestava osrednjeslovenske, koroške, štajerske in prekmurske knjižne različice od srede 18. do srede 19. stoletja (Orel 1999, 124–136).

1.6. Prva polovica 19. stoletja – puristično obdobje

1.6.0. O Kopitarju kot pobudniku prizadevanj za čistejši slovenski knjižni jezik je v več razpravah pisala M. Orožen (Orožen 1996a, 51–62, 77–90). Njegova slovnica (1808/1809) prinaša ostro kritiko takratnega »mestnega« kranjskega jezika. Preobrazba knjižnega jezika, ki naj bi v veliki meri zadevala tudi skladijsko in leksikalno ravnino, naj bi potekala ob naslonitvi na jezik večinskega slovenskega kmečkega sloja.

1.6.1. Upoštevanje Kopitarjeve zahteve po doslednji vpeljavi izvirnih sistemskih prvin v območju skladje, besedotvorja, besedišča je imelo vidne posledice (M. Orožen 2010, 212–219).

1.6.1.1. Prvi se je s predlogi za oblikovanje knjižnega jezika, oprtega na ljudsko govorno osnovo in ob upoštevanju besedja vseh v slovnici omenjenih narečnih skupin, v berilu *Nemško-slovenske Branja* (1812) oglasil Primic³⁷. V svojih delih je uporabljal narečno razlikovalno besedje, prevzete besede pa se umikajo v oklepaje (Orožen 1996a, 71; tudi 91–102; 2003, 248).

1.6.1.2. M. Orožen predstavlja dejavnost generacije duhovnikov-slovniciarjev in jezikovnih praktikov skupnega slovenskega knjižnega jezika (Orožen 1996a, 11–26). Slednji so od izida Kopitarjeve slovnice do uvedbe novih oblik (1850) nosili breme preoblikovanja stare kalkirane kranjske skladijske in besediščne zgradbe v novo, za vse Slovence sprejemljivo izvorno slovensko skladijsko in besediščno zgradbo. Stare, iz nemščine prevzete besede so bile v veliki meri nadomeščene z vzhodnoslovenskimi (*trošt* → *upanje, nada*). Na novo knjižno tvorbo izrazov so vplivali tudi besedotvorni vzorci vzhodnoslovenskega knjižnega jezika (Orožen 1996, 96).

1.6.1.2.1. Glede uresničevanja Kopitarjevih načel in glede vloge pri nadaljnjem oblikovanju in izraznem izpopolnjevanju slovenskega jezika so bile ovrednotene tudi Bleiweisove *Kmetijske in rokodelske Novice*, ki so začele izhajati leta 1843 (Orožen 1996a, 75, 153–182). Bleiweis se je glede na potrebe in izobrazbeno raven slovenskega ljudstva opredelil za poljudnovzgojni izobraževalni program. Besedje je vrednotil z vidika funkcionalnosti, govorne ustaljenosti, pomenske jasnosti, kar je veljalo tudi za terminologijo. Opazni so tudi primeri estetskega vrednotenja besed (v leposlovnih prispevkih). V dopisih iz domačih krajev je bilo uporabljeno tudi (strokovno) narečno besedje.

1.6.2. Podrobneje predstavljen je bil tudi Japljev pomen za razvoj slovenskega knjižnega jezika (Orožen 1996, 382–386). V času, ko je zgodovinska knjižna norma razpadala, je skupaj s sodelavci prevedel celotno *Biblijo*. Primerjava z Dalmatinovo *Biblijo* (1584) je pri izbiri besedja odkrila več značilnih zamenjevalnih smeri (zlasti Orožen 1996b, 251–288 in 2003, 226–227): npr. zamenjavo nekaterih Dalmatinovih izvirnih izrazov, občutenih kot arhaizmov, s prevzetimi besedami, rabljenimi v gorenjskem okolju³⁸, nadomeščanje prevzetih besed z novimi, izvornoslovenskimi izrazi ter opuščanje kalkov, uvajanje novih narečnih in pogovornih besed. Opazne so tudi razlike besedotvornega značaja. Analiza Japljevih cerkvenih in posvetnih pesmi (Orožen 2010, 196–210) je odkrila vplive pogovornega jezika.

³⁷ Prikaz elementov slovaropisja v dveh Primčevih delih – *Bukvarju* in *Branjih* – je izpostavil tudi vrsto sopomenk in pokazal na večpomenskost besedja (Narat 2005, 417–435).

³⁸ Na Japljevo uvajanje prevzetih besed opozarja tudi Jesenšek 2015, 15.

1.6.2.1. Več novejših razprav na osnovi še ne analiziranih besedilnih vzorcev³⁹ in z novih vidikov strnjuje pogled na Japljev jezik z leksiko kot njegovo značilno sestavino⁴⁰.

Prispevek o frazemih (Jakop 2011, 347–353), uporabljenih v Japljevih pridigah (1794), je tudi teoretičnodopolnjevalne narave, saj poleg njihove členitve zadeva oblikovanje meril za identifikacijo frazemov v starejših besedilih. Stramljič Breznik (2011, 337–346) je skladenjsko in pomensko analizirala zveze s *kakor*, ki vpeljujejo primere. Ugotavlja, da so Japljeve primere dveh tipov: individualne ali nestalne in frazeološke ali stalne. Analizirane so tudi s kognitivnega vidika.

1.6.3. S primerjavo treh jezikovno posodobljenih ponovnih izdaj Linhartove komedije *Ta veseli dan ali Matiček se ženi* (1790), ki so se zvrstile v letih 1810, 1811 in 1840, je bilo pri izbiri besed odkritih nekaj tipov sprememb: na spremenjene družbene razmere kaže zamenjava iz nemščine prevzetih besed (npr. *kranzelz* – *venec*), nekaj besednih zamenjav pa je imelo za posledico (hoteno) spremembo stilistične vrednosti (Orel 2006, 572–584)⁴¹.

1.6.3.1. Nadaljnje besedno spreminjanje jezika, ki ga odkriva primerjava treh izdaj prevoda *Biblije* v 19. stoletju, kaže veliko odvisnost od sočasnega pojmovanja knjižne norme: sprva od purističnih tendenc, kasneje pa od novih normativnih nazorov, ki so vplivali na preoblikovanje stare obredne terminologije (Orožen 1996b, 387–409).

1.6.4. Številnih in večvrstnih jezikoslovnih obravnav, ki so vključevale tudi besedoslovlje, je bila deležna bogata literarna zapuščina Valentina Vodnika kot Kopitarjevega in Japljevega sodobnika.

1.6.4.1. Predstavljen in primerjalno ovrednoten je bil njegov delež pri oblikovanju raznovrstnega strokovnega izrazja (njegovo tovrstno dejavnost je usmerjalo prepričanje, da je za vsak pojem treba poiskati slovensko poimenovanje):

- jezikoslovne terminologije v slovnici (1811) (Orožen 2003, 228; Legan Ravnikar 2015, 20–30); izhodišče zanj je bilo v veliki meri cerkvenoslovansko in rusko (Legan Ravnikar 2015, 22–23);

- kuharske v *Kuharskih Bukvah* (1799) (Orožen 2003, 228; Legan Ravnikar 2011, 319–338);

- anatomske terminologije v prevodu Matoškovega *Babištva* (1818) (Pirnat 1984, 137–149); avtorica prikazuje nastanek in ustaljevanje slovenskega anatomskega izrazja na osnovi Vodnikovega prevoda, hkrati pa primerjalno z dotedanjo tradicijo (Makovčevi priročniki)⁴² in kasnejšimi učbeniki porodništva;

- računske terminologije (Lausegger 1989, 7–26);

- upravno-politične in vojaške terminologije (Legan Ravnikar 1997, 25–40; 1997, 477–488; 2011, 319–338); Vodnikova upravno-politična in vojaška terminologija iz *Lublanskih Novic* je predstavljena tudi glede izkazanih pomenskih lastnosti in razmerij: enopomenskosti, večpomenskosti, sopomenskosti in homonimije (Legan Ravnikar 1997, 477–488).

³⁹ Analizirani so bili tudi zgodnji rokopisi, šolski katekizmi (Orel 2011, 282–286) in Japljeve *Pridige* (1794) (Jakop 2011, 347–353).

⁴⁰ Problemski pregled predhodnih obravnav Japljevega jezika in njihovih ugotovitev je pripravila M. Humar (2011, 117–133).

⁴¹ O besednih zamenjavah v ponovni izdaji (1840) prim. tudi Suhadolnik 1981, 475–489.

⁴² Analizo terminologije, zajete v Makovčevem priročniku za babice, ki je bil napisan v sedemdesetih letih 18. stoletja, je prispeval M. Jesenšek (2005, 153–166).

1.6.4.2. Na področje besedoslovja sega tudi nekaj besedotvorno naravnanih obravnav Vodnikovega jezika (npr. prikaz glagolskih kalkov, tvorbene tipologije slovenskih ustreznih nemških iztočnicam v njegovem nemško-slovenskem rokopisnem slovarju). V njih je opozorjeno na načine reševanja poimenovalnih zadreg in terminološkega primanjkljaja na različnih strokovnih področjih (Legan Ravnikar 1997, 477–488; 2011, 79–93; 2011, 184–196).

1.6.4.3. Eden od rezultatov načrtnega raziskovanja razvoja slovenskega strokovnega izrazja je tudi primerjalni prikaz stopnje njegovega razvoja pri treh piscih (Pohlinu, Vodniku in Jarniku) s konca 18. in začetka 19. stoletja (Legan Ravnikar 2011, 319–338). Razprava je ob značilnostih Pohlinovega in Vodnikovega strokovnega izrazja opozorila tudi na posebnosti, opažene pri Jarniku (npr. na uporabo pokrajinskih terminoloških dvojnic).

1.6.5. Murkovi jezikoslovni priročniki – slovnica in slovarja – so bili prav tako predmet raziskav. Slednje izpostavljajo določene skupine besed: npr. v slovar zajeto strokovno izrazje (Humar 1999, 277–291), prekmursko (označeno in neoznačeno) besedje (Narat 1999, 348–367), lastna imena⁴³ (Hajnsšek Holz, 1999, 292–303), frazeme⁴⁴ (Kržišnik, 1999, 312–347)). Opozorjeno je tudi na stilno-zvrstne lastnosti besed (zlasti sopomenk), na katere kažejo raznovrstna vrednotenja, zlasti normativna (Orel 1999, 225–248).

1.6.6. K razvoju poljudnostrokovne jezikovne zvrsti (Orožen 2010, 244–245) je veliko pripomogel tudi Matija Vertovec z izdajo *Vinoreje za Slovence* (1844) in *Kmetijske kemije* (1847). Natančneje, slovarsko ilustrirano predstavitev vinogradniške terminologije, zajete v *Vinoreji*, je prispeval M. Jesenšek (2007, 81–187). Na osnovi analize zajetih terminov ugotavlja, da si je tudi Vertovec prizadeval za oblikovanje izvirne slovenske terminologije, da je v sopomenske nize poleg novotvorb vključeval tudi narečne izraze (iz zahodnoslovenskega, vipavskega prostora) in prevzete besede. Še ne uveljavljene slovenske novotvorbe je pogosto pojasnjeval s tujimi ustreznici, dodanimi v oklepaju (npr. *tershafski terán* (*Stadtwein*)).

1.6.7. Časopisje, ki je izhajalo od konca 18. do srede 19. stoletja (Vodnikove *Lublanske novize* (1797), Bleiweisove *Kmetijske in rokodelske novice* oz. *Novice kmetijskih, rokodelnih in narodskih reči* (1843/4–1850) ter Cigaletova *Slovenija* (1848–1850)), je bilo raziskano tudi glede navajanja zemljepisnih imen (Orel 2004, 35–49). V razpravi so navedene primerjalno ugotovljene tipološke razlike in posebnosti navajanja zemljepisnih imen, ki so se zaradi posredovanja aktualnih novic iz domačih in tujih dežel znašala v časopisju (npr. *Dunaj – Beč*).

1.6.8. Na svojsko besedno izbiro kot posledico odvisnosti od besedilne vrste, hkrati pa tudi na tip pogovornega jezika slovenskih izobražencev na začetku 19. stoletja, je pokazala analiza Kopitarjeve dopisovalne slovenščine (Suhadolnik 1981, 171–186), ki je v nemško in/ali latinsko pisanih pismih v prvi vrsti opravljala ilustrativno vlogo. Čeprav je Kopitar z odklonilnim odnosom do vseh vrst germanizmov sprožil puristično gibanje, je v pismih uporabljal številne izposojenke iz nemščine in iz drugih jezikov, pa tudi kalke in evropeizme tipa *grammatica* itd. Za njegovo korespondenčno slovenščino je značilna tudi uporaba domače frazeologije (tudi rekov in pregovorov) ter raznovrstnih ekspresivnih izrazov (Suhadolnik 1981, 179–185).

⁴³ Pri osebnih imenih je opozorjeno na variantnost domačih, pri zemljepisnih pa na podomačevanje tujih (Hajnsšek Holz 1999, 292–303).

⁴⁴ V slovarju iz leta 1833 zajeta frazeologija je zbrana in (komentirano) predstavljena v posebnem pregledu, hkrati pa tudi v razmerju do Gutsmanovega slovarja, ki ga po številu frazeoloških enot (in njihovih različic) močno presega.

1.7. Druga polovica 19. stoletja – realizem, zaton pokrajinskih različic

1.7.1. Sredi 19. stoletja je bilo treba jezik usposobiti za nove naloge, kakršne je predstavljal uradovanje in poučevanje vseh strok (prirodoslovnih in humanističnih) v slovenskem jeziku (Orožen 2003, 259–278). Od leta 1849 dalje se je s prevajanjem državnega zakonika oblikoval slovenski pravniški jezik. Do izida Cigaletove *Znanstvene terminologije* (1880) je pri ustvarjanju slovenske pravne in politične terminologije zaznavnih veliko prizadevanj slovenskih izobražencev. M. Orožen izpostavlja Miklošičev prispevek k oblikovanju uradovalega in pravnega izrazja, uresničen z njegovim prevodom *Občedržavljanskega zakonika* (Orožen 1996a, 229–246).

1.7.1.1. V slovarju *Deutsch-slowenisches Wörterbuch* iz leta 1860 predstavljena Cigaletova slovenska terminologija je zavestno nastajala ob poznavanju tvorbenih možnosti slovenskega, nemškega in klasičnih jezikov. Cigale je v vsakem geslu nemški termin opremil z več slovenskimi sopomenskimi možnostmi (bodisi slovenskimi narečnimi ali slovanskimi). Klasični in iz drugih jezikov prevzeti termini so glasoslovno-oblikoslovno, občasno tudi besedotvorno prilagojeni (Orožen 2003, 266–278).

Cigaletov nemško-slovenski slovar je bil glede zajetosti slovanskega besedja podrobneje analiziran (Orel 1996, 37–51). Slovanske izposojenke (s pripisano oznako jezika) opravljajo pojasnjevalno in hkrati informativno vlogo, kot predlog pa služijo zlasti ob neustreznih domačih poimenovanjih. I. Orel je prispevala tudi obravnavo strokovnega izrazja in zastopnosti znanstvenih področij v Cigaletovi *Znanstveni terminologiji* (1880), čeprav v prvi vrsti v odnosu do hrvaškega in češkega vira (Orel 2007, 343–364).

1.7.2. Breznik (1982, 133–216) je v več razpravah, ki se ukvarjajo s časnikarsko slovenščino (npr. Bleiweisovo, Levstikovo, Jurčičevo, Tavčarjevo) in z jezikom slovenskih pripovednikov v drugi polovici 19. stoletja⁴⁵, predstavil spremembe, ki zadevajo besedni izbor. Obžaluje vpliv časnikarskega jezika, ki je zaradi uvajanja shrbohrvaških ter ruskih in čeških besed, kasneje pa tudi romanskih izposojenk, povzročil opustitev dela domačega besednega zaklada. Odmik časnikarskega jezika od slovenščine je vplival tudi na druge jezikovne zvrsti (npr. na znanstveni jezik), še najmanj na umetnostni jezik, saj so najboljši slovenski pripovedniki tedanjega časa v literarnih delih uspeli zadržati povezanost z domačim okoljem tudi pri izbiri besedja (npr. Jurčič).

1.7.2.1. Dopolnilo Breznikove obravnave jezika časnikarjev predstavlja prispevek M. Orožen (1996a, 277–293) o Krekovem časopisnem jeziku. Analiza njegovih interdisciplinarnih objav v desetletju 1891–1903 je pokazala na upoštevanje sodobne knjižne norme, v veliki meri osvobodene tako arhaizacije kot slavizacije. Opozorila je tudi na njegovo sistemsko tvorbo terminov ter na prilagajanje mednarodnih terminov različnih strok slovenskemu jeziku (npr. *materijalistično modroslovje*).

1.7.2.2. Breznik je analiziral tudi jezik pripovednikov, ki so pisali v drugi polovici 19. in na začetku 20. stoletja (Breznik 1982, 163–216), zlasti Jurčiča, Stritarja, Tavčarja, Kersnika, Cankarja in Finžgarja. Na osnovi analiz ugotavlja, da pisatelji izbirajo besedni zaklad, rečenice, skladske posebnosti in drugo v skladu s svojimi darovi in nameni (Breznik 1982, 163). V literarnih delih so upoštevali jezik kmetskega in mestnega okolja. Jezik izobražencev je označen tudi z nekaterimi tujkami.

⁴⁵ Objavljene so bile v *Domu in svetu* v letih 1933 in 1934, ponatisjene pa so v Breznik 1982.

1.7.2.2.1. Breznikovo obravnavo Kersnikovega jezika je v novejšem času dopolnil F. Novak z analizo uporabljenega besedja. Slednje je bilo po vsebinskih področjih predstavljeno z vidika odvisnosti od umetnostne smeri, zajete tematike ter zvrstnosti, pa tudi od izobrazbe ter življenjskega in družbenega okolja (Novak 1998b, 84–91). Kot novost izstopa predvsem meščansko-izobražensko izrazje, pa tudi raznovrstno strokovno izrazje (npr. kolegarsko, navezano na kolo kot novo tehnično pridobitev). Z novimi tvorjenkami je skušal zadostiti potrebi po stilno obarvanih izrazih in po ubeseditvi humoristično-ironičnih položajev⁴⁶ (Novak 1998b, 87). Spoznanja o Tavčarjevem upoštevanju knjižne norme pri izbiri besedja je dodala M. Orožen (1996a, 295–311).

1.7.3. Breznikovemu prikazu jezika slovenskih časnikarjev⁴⁷ in pripovednikov v drugi polovici 19. stoletja so sledile tudi obravnave jezikovnih sredstev, s katerimi so bili v literarnih delih doseženi posebni učinki: npr. sredstev za izražanje humorja in satire (pri Trdini, Juričiču, Mencingerju, v Levstikovem humorističnem časopisu *Pavliha* (1870) in drugod) (Orožen 1996a, 328–350). Mednje spadajo: prenos pomena, primere, besedotvorni stilemi, žargonizmi, ekspresivno besedje (npr. poimenovanja kot *Cmokavzar*, zmerjavke itd.). Gjurin (1982, 401–417, zlasti 409–413) pri analizi jezikovnih sredstev za izražanje socialnozvrstne pripadnosti omenja tudi pogovorno uveljavljene besede in frazeme, ki povečujejo vtis »ljudskosti«.

1.7.4. Zgodovinska tematika, ki jo obravnava Jurčič v romanu *Slovenski svetec in učitelj* (1886) in v drami *Tugomer* (1876), je terjala ustrezno jezikovno prilagoditev. Analiza jezikovnih sredstev, ki so ustvarjala arhaični vtis, je poleg glasoslovnih in oblikoslovnih izpostavila tudi postopke besedne arhaizacije (Orožen 2010, 382–394). Med njimi po učinkovitosti izstopajo besedotvorni načini. Podobne arhaične jezikovne prvine je odkrila tudi analiza Levstikove priredbe Jurčičeve drame *Tugomer* (Orožen 1996a, 313–328). Levstik je sodobni Jurčičev prozni govor preoblikoval v vznesenega, pomnožil pa tudi izbor sopomenk, ki ga je terjala verzificiranost besedila.

1.7.5. Raziskana je bila tudi frazeologija, uporabljena v kratki pripovedni prozi (Tavčarjevi in Kersnikovi) druge polovice 19. stoletja (Kržišnik 1994, 53–67). Predstavljena je glede na pogostnost pojavljanja frazemov, glede na govor(je)nost oz. ljudskost, glede na kategorialne pomene (npr. prevladujoči pomen dejavnosti) oz. pomenska polja, ki jih pokrivajo, pa tudi glede ekspresivnosti oz. opaznosti frazemov, ki narašča s pogostnostjo, omogoča pa tudi prenovitve. Slednje so predstavljene tipološko kot sestavinske, skladske ali sobesedilne.

1.7.6. Posamezna dela iz 19. stoletja so bila za leksikologe zanimiva tudi zaradi uporabe sopomenk kot značilnega stilema. Njihovo navajanje razkriva različno namembnost (iz Cafovega prevoda *Robinsona Mlajšega* (1849) je npr. razvidna Cafova ilirska usmerjenost, saj je slovenskim bralcem želel približati slovansko besedje (zlasti češko), v prevod pa je vpletal tudi domače narečno besedje. Sopomenskost bogatijo tudi frazeološke zveze (npr. Orožen 2003, 251–253; Jesenšek 2015, 255–264).

⁴⁶ Jezikovna sredstva humorja, ironije in satire, ki so posebej opazna v Kersnikovem časopisnem jeziku oz. v njegovem podlistku, je predstavil Jesenšek 1998b, 73–83.

⁴⁷ Breznikovo oceno glede Levstikove pretirane rabe besedja iz slovanskih jezikov z novimi izsledki dopolnjuje in korigira Korošec 1981, ki meni, da je Levstik uporabljal tovrstno besedje (zlasti strokovno) zaradi besednega primanjkljaja. Vrednotenjsko vlogo opravljajo sopomenski pari, pri katerih eden od členov opravlja vlogo odsvetovanega, drugi pa priporočanega.

1.7.7. M. Humar (2005, 319–333) je na osnovi gradiva iz Cigaletovega nemško-slovenskega slovarja (1860) in iz njegove *Znanstvene terminologije* (1880) tipološko razvrstila različno označene ali le zaporedno našete (npr. *oseka in plima*) protipomenske pare.

1.7.8. Nekaj pomembnejših jezikoslovnih del (npr. Miklošičeva *Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen* (1868–1874)) je bilo raziskanih in predstavljenih tudi z vidika zajetega slovenskega besedja, ki opravlja vlogo raznovrstnih ponazoril (npr. besednih vrst, besednih oblik in slovničnih značilnosti) (Jesenšek 2015, 265–285).

1.7.9. Besedju, ki so ga uporabljali slovenski pisci iz preteklih obdobij, so se skušali raziskovalci približati tudi preko ocene in analize njegovega zajetja v obsežnem Pleteršnikovem slovensko-nemškem iz leta 1894–1895: Kreljevega in Juričičevega (Merše 2008, 307–325), Pohlinovega (Orel 2008, 110–121), Vodnikovega (Legan Ravnikar 2008c, 132–142), besedja Japlja, Škrinjara in Travnja, ki so bili glavni prevajalci t. i. Japljevega biblijskega prevoda s konca 18. in začetka 19. stoletja (Narat 2008, 122–131), Košiča (Ulčnik 2008, 168–181), Slomška (npr. Jesenšek 2007, 195–199), Cafovega prekmurskega besedja (Narat 2005, 99–129)⁴⁸.

1.7.9.1. Slovarsko zajeto besedje, sprejeto iz enega ali več (zvrstno različnih) del različnih piscev iz preteklosti, je bilo običajno preverjeno z različnih vidikov: glede na besednovrstnost, pripadnost pojmovnim poljem, izvor, razširjenost rabe, zvrstno in stilno označenost, pri glasoslovnih in besedotvornih različicah tudi glede pripadnosti sopomenskemu nizu itd.

1.7.9.2. Na slovarske opise od Megiserja do Pleteršnika je oprt razvojni prikaz besedja, ki po tej poti ugotavlja spremembe, nastale v treh stoletjih (Orel Pogačnik 1994, 245–258). Pleteršnikov slovar služi kot pokazatelj živosti v predhodnih slovarjih obravnavanega besedja.

1.7.9.3. Več prispevkov je namenjenih obravnavi frazeologije v Pleteršnikovem slovarju.

Ocena obsega zajete frazeologije je sledila predhodni tipološki opredelitvi širše razumljenih frazemov, kamor spadajo poleg frazemov v ožjem smislu npr. tudi pregovori in reki (o tem Jesenšek V. 2007, 481–482 in 485–486). Pri izbranih frazemih iz Pleteršnikovega slovarja je bilo opravljeno tudi preverjanje nemških frazeoloških ekvivalentov, ki se razkrivajo kot sistemski ali prevodni.

1.7.9.4. A. Legan-Ravnikar se je analitično omejila na plast krščanske terminologije v Pleteršnikovem slovarju (Legan Ravnikar 2008c, 69–82). Izbor vzorčnih terminov je oprt na avtoričine predhodne raziskave.

1.7.10 Zbrana in sestavinsko analizirana je bila tudi skupina ptičjih imen iz Pleteršnikovega slovarja (Jesenšek 2015, 309–340)⁴⁹.

2. Leksikološke raziskave daljših razvojnih obdobij

2.0. Nekaj razvojno zasnovanih obravnav izbrane leksikološke tematike je s prikazom zaobseglo daljše časovno obdobje, celo več stoletij. Tudi tovrstne obravnave so vsebinsko in metodološko različne: raziskovalno se najpogosteje omejujejo na posamezne (vsebinsko in

⁴⁸ V Pleteršnikov slovar vključeno besedje iz Cafovega gradiva, ki je bilo razvidno označeno kot prekmursko, je predstavljeno (Narat 2005, 99–129) v abecednih seznamih z dodanimi komentarji. Analiza zajetega besedja je pokazala na obrazilno prepoznavnost tvorjenk v primerjavi s središčno uveljavljenimi, pa tudi na prisotnost madžarizmov in kajkavizmov.

⁴⁹ Leksikološka analiza ptičjih imen je upoštevala izvor, enobesednost ali besednozveznost, zvrstno pripadnost in motiviranost.

funkcijsko povezane) plasti besedja (npr. na strokovno izrazje, na sopomenke) ali na posamezne oblikoslovne oz. besedotvorne kategorije, neredko izraziteje vezano na določene besedilne vrste ali tipe besedil. Ugotovitve o razvojnih spremembah so pogosto osvetljene z zgodovinskimi in sociolingvističnimi podatki.

2.1. Diahrono zasnovan je prikaz (Bokal 2005, 304–318), kako se je teoretično oblikovalo in vsebinsko širilo pojmovanje nauka o besedi oz. besedoslovja (leksikologije). V njem so predstavljeni rezultati analize, ki je sledila obravnavam oz. prikazom besedoslovja v slovensko pisanih slovnicaх slovenskega jezika od Vodnikove (1811) do Toporišičeve (2000). Pokazalo se je, da se je zanimanje širilo od besed, njihove tvorjenosti in pomenskosti (vključno s pomenotvornimi postopki in medleksemskimi razmerji) k njihovemu izvoru, stilno zaznamovani rabi, rabi v besednih zvezah (frazemom, ob njih tudi rekom in pregovorom), v različnih tipih besedil (zlasti strokovnih) itd., hkrati pa se je tudi spreminjalo, saj so pri pomenskosti postajale vse bolj upošteevane pomenske sestavine. Vse bolj jasna je postajala tudi razlika med slovarskim in kontekstualnim pomenom itd.

2.2. V posebni razpravi (Orožen 2010, 240–256) je predstavljen razvoj besedilnih vrst od desetega do konca 19. stoletja, hkrati pa z vzorčnimi primeri opozorjeno tudi na odvisnost jezikovnih prvin od besedilne vrste.

2.3. Razvoj slovenskega obrednega izrazja je raziskovala M. Orožen. Preverjanje molitvenih obrazcev (zlasti očenaša) starejšega rokopisnega obdobja (od 10. do 15. stoletja) in tiskanih obrednih besedil do srede 19. stoletja je pokazalo na razvojno spremenjeno in delno različno obredno izrazje (Orožen 1996b, 80–102). Razlikovalnost je pojasnjena z jezikovnimi razlogi, hkrati pa osvetljena zgodovinsko in sociolingvistično (Orožen 2010, 31–32).

Med osrednje diahrono raziskave slovenskega (knjižnega) jezika spada obravnava obredne terminologije v tisočletnem razvoju (od *Brižinskih spomenikov* do konca 19. stoletja) (Legan Ravnikar 2001 in 2008a). S podrobnejšim prikazom obredne terminologije v posameznih razvojnih obdobjih je bil razvojni prikaz njenega oblikovanja in rabe še izpopolnjen. V posebnih razpravah so razvojno predstavljeni podstavno različni samostalniški krščanski termini (od srede 16. do druge polovice 19. stoletja) (Legan Ravnikar 2007b, 251–265), hkrati pa tudi najbolj produktivni besedotvorni postopki ter besedotvorne pomenske skupine z enakofunkcionalnimi obrazili (Legan Ravnikar 2007, 283–300). Tvorba je pojasnjena tudi glede na izvor: opozorjeno je na odvisnost od besedotvornih narečnih sestavov in na vpliv nemških jezikovnih podlag (Legan Ravnikar 2008a, 49–59), pa tudi na razlike med prevzetim obrednim terminom pri osrednjih piscih in avtohtonim izrazom na severovzhodnem robu etničnega ozemlja (Legan Ravnikar 2008a, 61–68). Zgodovinski pregled tvorbe in rabe krščanske terminologije zaključuje analiza njene zajetosti v Pleteršnikovem slovarju (Legan Ravnikar 2008a, 70–82).

2.3.1. Jesenšek (2005, 142–152) se pri zaporednem pregledu katekizmov iz zahodnega slovenskega jezikovnega prostora zaustavlja ob katekizmiх iz druge polovice 19. stoletja, saj se šele v tem obdobju kažejo (zlasti glasoslovno-oblikoslovni) znaki oddaljevanja od osrednjeslovenskega knjižnega jezika, na besedni ravni pa s povečanim številom romanizmov.

2.4. Povečini vezano na določeno vrsto besedil je bila razvojno raziskovana tudi drugovrstna (neverska) terminologija.

2.4.1. M. Pirnat (1989, 187–195) analizira jezik slovenskih prevodov in priredb *Gorskih bukev*, ki so se zvrstili od 16. do 19. stoletja. Ob pravnem izrazju, ki je njihov sestavni del, ugotavlja, da se je v preteklosti poimenovalni primanjkljaj razreševal na že znane načine:

zlasti z na novo tvorjenimi poimenovanji, ki so pogosto tudi morfemski prevodi, in prevzemanjem.

2.4.2. Tudi rokopisna prisežna besedila v slovenskem jeziku, ki so (povečini z neposrednim prevajanjem iz nemščine) nastajala od 16. do 19. stoletja (Golec 2009, 2011), v besedju in besednih zvezah kažejo sledove nemščine, hkrati pa tudi sledove okolja, kjer so nastala. Pri besedilih z vzhodnega območja so opazni kajkavski in madžarski vplivi. Poimenovanja oblastnih, upravnih, poklicnih in sodnih pojmov, ki se pojavljajo v trških in poklicnih prisegah, so zbrana v posebnih seznamih, kjer je z njihovo razvrstitvijo hkrati prikazana družbena hierarhija.

2.4.3. Vse faze razvoja slovenskega strokovnega jezika z omembo pomembnejših prispevkov na različnih področjih so prikazane v pregledni razpravi A. Legan Ravnika (2009, 49–73). Opozorjeno je na metodološko različnost prispevkov, na razvojno uveljavljene tvorbene tipe, pomenskosestavinsko zgradbo terminov, na odvisnost od tujih zgledov itd.

2.5. Nekaj obravnav predstavlja besedoslovno zgodovinskorazvojno problematiko manjših skupin poimenovanj, ki jih povezuje tematska sorodnost.

2.5.1. Na osnovi slovarskih prikazov od 16. do 19. stoletja je npr. predstavljena pot nastajanja, sprejemanja, uveljavljanja in ustaljevanja domačih izrazov za živali (Orel 1997, 189–198). I. Orel (2009, 11–29) je (v neumetnostnih besedilih iz obdobja od *Brižinskih spomenikov* do Levstikove telovadne terminologije, ki je nastala pod vplivom češke, in do Pletéršnikovega slovarja) analitično ugotavljala tudi razvojne spremembe (izrazne, slogovne, pomenske in sopomenske), ki zadevajo termine in frazeme, vezane na telo in njegove dele pri ljudeh in živalih.

2.5.2. Predmet analize (Orel 1998, 37–51) je bilo tudi slovensko besedje, zajeto v delih starejših deželopiscev (npr. Valvazorja, Linharta in drugih) od 16. do srede 19. stoletja. Vmes so npr. tudi poimenovanja ptičjih in rastlinskih vrst. Za razlikovalna besedna poimenovanja, vezana na deželno rabo, avtorica odkriva več motivacij: opazovanje predmetnosti, pomenski premiki, ekspresivna naravnost, čustvenost, pa tudi različen izvor korenov.

2.5.3. Besedotovorno in pomensko povezano skupino besed, ki jo sestavljajo samostalni *tobak* s pripadajočimi tvorjenkami ter kadilski glagoli v značilnih zvezah – sestavljeno na osnovi pojavitev v besedilih 18. in 19. stoletja ter v starejših in novejših slovenskih slovarjih –, je pomensko analizirala J. Narat (2002, 319–335). Pri analizi je upoštevala različno poimenovalno motiviranost.

2.6. Znotraj daljšega časovnega razdobja je bila (povečini vezano na slovarsko okolje) preverjana tudi raba sopomenskih parov in nizov.

2.6.1. Analiza rabe vzorčnih sopomenskih parov v osmih dvojezičnih slovarjih 19. stoletja je pokazala na smer izbire sopomenk in na proces postopnega ustaljevanje besedja (Orel 2005, 391–416).

2.6.2. Prikaz pomenskega razvoja prvotno (v praslovanščini) sopomenske skupine glagolov *uměti*, *věděti* in *znati* v slovenskem knjižnem jeziku od 16. do 19. stoletja je prispevala poljska jezikoslovka H. Orzechowska (1974, 129–148). Ob upoštevanju sprememb v zvezi je pokazala na postopno delitev pomenskega polja glagolov.

2.6.3. Müller (2000, 117–139) je s pregledom 33 slovenskih biblijskih prevodov, ki so se zvrstili od leta 1555 do leta 1997, ugotovil vse prevedke za to, kar *Vulgata* prevaja kot *tetrarcha* ‘vladar četrte dežele’. Tudi preverjanje rabe slovenskih poimenovanj za strani neba je potekalo vezano na biblijske prevode od 16. stoletja do danes (Narat 2006, 536–546).

Postopne zamenjave starih besed in besednih zvez z novejšimi so bile v skladu s spreminjanjem pomenske motivacije.

2.6.4. Znotraj širšega časovnega okvira (od 16. stoletja do danes) so z vidika folklornih žanrov predstavljeni primeri postopne terminologizacije poimenovanj *priprava*, *basen* in *historija* (Stanonik 2007, 301–323).

2.7. Besedje, uporabljeno v delih iz obdobja od srede 18. do konca 19. stoletja, je bilo analizirano in ovrednoteno tudi z estetskega vidika (Orožen 1996a, 27–36). Posebej so izpostavljeni naslednji pojavi: izumetničenost poezije Koseskega, ki je učinek dosegal z novo tvorbo besed, pogovorno-žargonske besede ter »ilirski«, starinski, vseljudski izraz (npr. pri Valjavcu), vdor »ilirskega« in slovanskega v časopisni jezik, ter pretirani historizem, ki ga je sprožila Miklošičeva teorija o staroslovenščini in novoslovenščini.

2.8. Pregled glagolskih in neglagolskih tvorjenk, uporabljenih od 10. do konca 18. stoletja, je z analizo tvorjenk iz vzorčnih besedil (npr. *Brižinskih spomenikov* (Vidovič Muha 1989b), Trubarjeve *Cerkovne ordninge* (1564) (Vidovič Muha 1984 in 1986), Vorenčevega slovarja (Vidovič Muha 1989, 275–289 in 1989, 171–188) in Gutsmanovega slovarja (Vidovič Muha 1989a, 39–54)) sestavila A. Vidovič Muha. Izpostavila je najpogosteje izpričana obrazila in osrednje besedotvorne pomene. S konkretnim gradivom je ponazorjen razvoj iterativov od 16. do 19. stoletja, znotraj katerega so zaznavne tudi rabe dovršnikov na iterativnih mestih ter pojavitve nestandardno tvorjenih glagolov (Orožen 2003, 86–101).

2.8.1. Tudi prikaz zgodovine obravnave zloženek (Šekli 2013, 236–263) v slovenščini, ki ga časovno uokvirjata Bohoričeva (1584) in Toporišičeva (2000) slovnica, je prispeval seznam razvojno oblikovanih, tvorbeno in pomensko različnih tvorjenk.

2.9. Na daljša obdobja je bilo vezano tudi raziskovanje nekaterih besednih vrst in slovnčnih kategorij.

2.9.1. Tak prikaz je za kategorijo deležniških in deležijskih skladov na *-č* in *-ši* v slovenskem jeziku izdelal Jesenšek (1998a, 2005, 39–114; 2007, 251–259; 2013, 102–121; 2015, 190–201). Upoštevana so bila besedila vseh jezikovnofunkcijskih zvrsti vzhodnega in osrednjega knjižnega jezika. Predstavljena je tvorba in raba deležnikov in deležij na *-č* in *-ši* v vseh skladenjskih okoljih. Prikazane in vzročno pojasnjene so tudi razvojne spremembe, ki zadevajo rabo oblik.

2.9.2. Opisan je bil tudi razvoj predložnih zvez in opozorjeno na razlike med starejšim in novejšim sistemom predložne rabe, ki se kaže v različni pogostnostni razvrstitvi nekaterih predlogov (Orožen 2003, 71–85). S prikazi rabe prislovov v različnih delih iz 19. stoletja (npr. v Murkovi slovnici in nemško-slovenskem slovarju, pri Škrabcu, v Pleteršnikovem slovarju) je bil zarisana tudi daljši razvojni lok njihovih tvorbenih in pomenskih značilnosti (Orožen 2003, 319–346). Rezultat opravljenih analiz so tudi nizi izbranih primerov, ki so praviloma vzorčni za raznovrstno problematiko (npr. izrazno, tvorbeno, slovnčno, pomensko, stilno, uporabnostno itd.).

3. Zaključek

3.1. Leksikološke raziskave zgodovine slovenskega (knjižnega) jezika iz druge polovice 20. in z začetka 21. stoletja se ukvarjajo z ugotavljanjem sestava, izvora in funkcije besednega zaklada v preteklih obdobjih slovenskega jezikovnega razvoja. Raziskave, ki so večinoma sestavni del večravninskih jezikoslovnih obravnav, so vsebinsko in problemsko različno na-

ravnane, hkrati pa so tudi metodološko različne. Raziskave zadnjih desetletij praviloma presojujejo leksiko znotraj sistemskih uvrstitev in raznovrstnih razmerij. Ugotavljanje razlik glede besedne izbire in razvojnih sprememb besednega zaklada je običajno potekalo po primerjalni poti. Med dopolnilne presojevalne vidike se uvrščata besedilnozvrstna pogojenost ter upoštevaje zgodovinskih in sociolingvističnih okoliščin.

3.2. Pregled dosežkov slovenske zgodovinske leksikologije je pokazal, da so raziskave, ki so večinoma potekale medsebojno nepovezano⁵⁰, kljub problemski omejenosti in metodološki raznolikosti vendarle uspele zagotoviti pregled nad postopnim oblikovanjem besednega zaklada slovenskega (knjižnega) jezika v minulem tisočletju. Izpostavile so načine njegovega oblikovanja in pokazale na vzroke za njegovo razvojno širitev, spreminjanje in raznolikost.

Temeljiteje je raziskano besedje, uporabljano v rokopisnih spomenikih in v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja. Veliko pozornosti je bilo namenjenene tudi vzhodnoslovenskima knjižnima različicama. Poleg številnih razprav so k raziskanosti obdobja pripomogli tudi monografski prikazi (prim. Orožen 1996a in 1996b, Merše 2013, Jesenšek 2013 in 2015 itd.). Leksikološko raziskovanje slovenskega knjižnega jezika v drugi polovici 16. stoletja je dopolnjeno tudi s teoretičnim prikazom večpomenskosti (Novak 2004). Z leksikološkimi raziskavami so bila zaobsežena različna področja in različne skupine pomensko, funkcijsko, zvrstno ali kako drugače povezanih besed, med njimi tudi redkeje zastopanih: npr. plasti zvrstno in stilno obarvanega besedja, sopomenke⁵¹, stalne besedne zveze s frazemi itd. Med raziskavalno celovitejše obravnave se uvršča prikaz krščanske oz. obredne terminologije v tisočletnem razvoju (prim. razprave in monografijo A. Legan Ravnika (2008)).

3.2.1. Med dosežke slovenske zgodovinske leksikologije je mogoče šteti tudi že obstoječe strnjene preglede leksikoloških raziskav, bodisi posameznih obdobja (npr. Narat 2008–2009) ali besedilnih vrst (npr. raziskav strokovnega jezika, Legan Ravnika 2013). V isti niz se uvršča tudi pregled obsega in načinov prikaza leksikološke problematike v slovenskih slovnicaх zadnjih dveh stoletij (Bokal 2005).

LITERATURA

- Ahačič Kozma.* Zgodovina misli o jeziku in književnosti na Slovenskem: protestantizem // *Linguistica et philologica* 28 / Uredila V. Cvetko Orešnik. Lj., 2007. 416 str.
- Ahačič Kozma.* Nekaj vidikov umeščanja slovenščine v evropski jezikovni prostor 16. stoletja: od uporabnosti slovenskega jezika do latinskih tujk // *Jeziki, identitete, pripadnosti med središči in obrobji* / Uredila K. Ahačič in P. Testen. Lj., 2011. S. 109–122.
- Bajzek Lukač Marija.* Madžarske izposojenke v Kümičevem prevodu Novega zakona // *Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika. Zora* 32 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2005. S. 436–448.
- Bokal Ljudmila.* Besedoslovje v slovensko pisanih slovenskih slovnicaх // *Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika. Zora* 32 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2005. S. 304–318.
- Bokal Ljudmila.* Zаметki terminologije v Registru Dalmatinovega prevoda Biblije // *Slavistična revija* 56/2008, št. 4, 57/2009, št. 1. Trubarjeva številka / Uredila M. Merše. S. 279–291.
- Breznik Anton.* Jezikoslovne razprave / Izbral in uredil J. Toporišč. Lj., 1982. 460 str.
- Furlan Metka.* Variantnost v Alasijevem italijansko-slovenskem slovarju (1607) // *Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja. Zora* 56 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2008. S. 143–167.
- Gjurin Velemir.* Socialnozvrstna zaznamovanost besedil v Levstikovem Pavlihi // *Obdobje realizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja* 3 / Uredil B. Paternu s sodelovanjem F. Jakopina in J. Koruze. Lj., 1982. S. 401–417.

⁵⁰ Načrtno vsebinsko in problemsko širitev je mogoče zaznavati pri individualnem raziskovalnem delu.

⁵¹ Daljši niz razprav, namenjen slovarski sopomenskosti v zgodovini slovenskega jezika, je prispevala I. Orel.

- Gjurin Velemir.* Podgesla v slovarčkih Bohoričevih Zimskih uric // Slavistična revija 37/1989, št. 1–3. S. 365–383.
- Godini Neva.* Il punto su Sebastiano Krelj // Linguistica XXVII/1987. S. 33–45.
- Golec Boris.* Mestna prisežna besedila v slovenskem jeziku do začetka 19. stoletja // Elektronske znanstvenokritične izdaje slovenskega slovstva / Uredil M. Ogrin. Lj., 2009.
- Golec Boris.* Slovenska prisežna besedila trških skupnosti in neagrarnih poklicnih skupin do konca predmarčne dobe // Elektronske znanstvenokritične izdaje slovenskega slovstva / Uredil M. Ogrin. Lj., 2011.
- Hajnshek Holz Milena.* Lastna imena v Murkovem slovarju // Murkov zbornik. Zora 9 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 1999. S. 292–303.
- Humar Marjeta.* Strokovno izrazje v Murkovih slovarjih // Murkov zbornik. Zora 9 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 1999. S. 277–291.
- Humar Marjeta.* Protipomenskost v slovenski jezikoslovni literaturi // Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika. Zora 32 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2005. S. 319–333.
- Humar Marjeta.* Protipomenskost v jezikoslovnih delih slovenskih protestantov // Slavistična revija 56/2008, št. 4, 57/2009, št. 1. Trubarjeva številka / Uredila M. Merše. S. 269–278.
- Humar Marjeta.* Jezikoslovje o Juriju Japlju // Japljev zbornik / Uredila M. Humar. Kamnik, 2011. S. 117–133.
- Jakop Nataša.* Frazeologija v Japljevih pridigah // Japljev zbornik / Uredila M. Humar. Kamnik, 2011. S. 347–353.
- Jakopin Franc.* Jezikovna in pisna adaptacija imen v besedilih 16. stoletja // Družbena in kulturna podoba slovenske reformacije / Uredili M. Dolgan, D. Dolinar, F. Jakopin, D. Pokorn. Lj., 1986. S. 69–75.
- Janko Anton.* Deutsche Lehnwörter zur Bezeichnung des Begriffskomplexes “Christliche ethische Werte und menschliche Sünden” in Trubars Cerkovna Ordninga // Slovenci v evropski reformaciji / Uredil A. Janko. Lj., 1986. S. 77–89.
- Janko Anton.* Raba in pogostost iz nemščine prevzetih besed v Trubarjevem Katekizmu (1550) // 16. stoletje v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 6 / Uredila B. Pogorelec in J. Koruza. Lj., 1986. S. 427–434.
- Jazbec Helena.* Nemške izposojenke pri Trubarju // Linguistica et philologica 17 / Uredila V. Cvetko Orešnik. Lj., 2007. 114 str.
- Jesenšek Marko.* Deležniki in deležja na -č in -ši // Zora 5. Maribor, 1998. 339 str.
- Jesenšek Marko.* Jezikovne značilnosti humorja in satire v Kersnikovem podlistku. Janko Kersnik in njegov čas // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 8 / Uredil Z. Jan. Lj., 1998. S. 73–83.
- Jesenšek Marko.* Jezik v prvem prekmurskem časopisu Prijatelj // Logarjev zbornik. Zora 8 / Uredili Z. Zorko in M. Koletnik. Maribor, 1999. S. 327–343.
- Jesenšek Marko.* Spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor // Zora 33. Maribor, 2005. 235 str.
- Jesenšek Marko.* Slovensko panonsko besedje in razvoj slovenskega jezika // Besedoslovne spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor. Zora 49 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2007. S. 9–284.
- Jesenšek Marko.* Poglavlja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika // Zora 90. Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Maribor; Praha, 2013. 390 str.
- Jesenšek Marko.* Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika // Zora 110. Maribor; Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Praha, 2015. 389 str.
- Jesenšek Vida.* Kontrastive, lexicographische und fremdsprachendidaktische Dimensionen der Phraseologie // Besedoslovne spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor. Zora 49 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2007. S. 475–542.
- Kolarič Rudolf.* Spachliche Analyse // Freisinger Denkmäler / Uredil J. Pogačnik. München, 1968. S. 18–120.
- Koletnik Mihaela.* Dialektizmi v Starišinstvu i zvačinstvu Števana Sijarta // Prekmurska narečna slovstvena ustvarjalnost / Uredil J. Vugrinec. Murska Sobota, 2005. S. 158–167.
- Kopitar Jernej.* Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. Laibach, 1808 (1809). XLVIII + 464 str.
- Korošec Tomo.* O Levstikovem publicističnem jeziku // Slavistična revija 29/1981, št. 4. S. 351–371.
- Kržišnik Erika.* Frazeologija v kratki pripovedni prozi druge polovice 19. stoletja // XXX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture / Uredila M. Orožen. Lj., 1994. S. 53–67.
- Kržišnik Erika.* Gutsmanovo razumevanje stalnih besednih zvez // Jezikoslovne in literarnovedne raziskave / Uredila B. Pogorelec s sodelavci. Celovec; Lj., 1997. S. 27–37.
- Kržišnik Erika.* Frazeologija v Murkovem slovarju // Murkov zbornik. Zora 9 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 1999. S. 312–347.

- Kržišnik Erika*. Jezikovno izražanje konceptualne metafore BESEDA JE X ... v besedilih 16. stoletja // Slavistična revija 56/2008, št. 4, 57/2009, št. 1. Trubarjeva številka / Uredila M. Merše. S. 253–267.
- Kržišnik-Kolšek Erika*. Poskus razvrstitve stalnih besednih zvez v Trubarjevi Cerkovni ordnini // 16. stoletje v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 6 / Uredila B. Pogorelec in J. Koruza. Lj., 1986. S. 435–445.
- Lausegger Herta*. Valentin Vodnik – sooblikovalec slovenskega računskega izrazja // Jezikoslovne in literarnovedne raziskave / Uredila B. Pogorelec s sodelavci. Celovec – Lj., 1997. S. 7–26.
- Legan Ravnikar Andreja*. Pomenske lastnosti upravno-politične in vojaške terminologije v Vodnikovih Lublanskih novicah (1797) // Slavistična revija 45/1997, št. 3/4. S. 477–488.
- Legan Ravnikar Andreja*. Tvorbeni načini upravno-političnih in vojaških terminov v Vodnikovih Lublanskih novicah (1797) // Jezikoslovni zapiski 3/1997 / Uredil J. Keber. Lj. S. 25–40.
- Legan Ravnikar Andreja*. Liturgična terminologija v Dajnkovih katekizmah // Dajnkov zbornik. Zora 3 / Uredila M. Jesenšek in B. Rajh. Maribor, 1998. S. 171–181.
- Legan Ravnikar Andreja*. Obredna terminologija v razvoju slovenskega knjižnega jezika (od Brižinskih spomenikov do ustalitve enotne knjižne norme sredi 19. stoletja). Doktorska disertacija. Lj., 2001. 342 str.
- Legan Ravnikar Andreja*. Izglagolske krščanske terminološke tvorjenke v slovenskih nabožnih priročnikih do srede 19. stoletja. Razvoj slovenskega strokovnega jezika // Obdobja 24 / Uredila I. Orel. Lj., 2007. S. 283–300.
- Legan Ravnikar Andreja*. Izpridevniški krščanski termini v knjižni normi do srede 19. stoletja. Merkujev zbornik // Jezikoslovni zapiski 13/2007, št. 1–2 / Uredil S. Torkar s sodelavci. Lj. S. 251–265.
- Legan Ravnikar Andreja*. Privedniške tvorjenke na -ski, -ški, -čki in -cki v Trubarjevih in Dalmatinovih prevodih biblijskih besedil // Slavia Centralis 1/2008, št. 2 / Uredila B. Bošnjak. Maribor. S. 53–66.
- Legan Ravnikar Andreja*. Slovenska krščanska terminologija // Lingua Slovenica 4 / Uredila H. Dobrovoljc. Lj., 2008. 229 str.
- Legan Ravnikar Andreja*. “Vodnikovo” besedje v Pleteršnikovem Slovensko-nemškem slovarju // Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja. Zora 56 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2008. S. 132–142.
- Legan Ravnikar Andreja*. Razvoj slovenskega strokovnega izrazja // Terminologija in sodobna terminografija / Uredile N. Ledinek, M. Žagar Karer, M. Humar. Lj., 2009. S. 49–73.
- Legan Ravnikar Andreja*. Terminološki in stilistični vidik poimenovanja verskih pojmov v protestantizmu in obdobju katoliške prenovne // Reformacija na Slovenskem. Obdobja 27 / Uredil A. Bjelčevič. Lj., 2010. S. 385–399.
- Legan Ravnikar Andreja*. Characteristics of the technical terminology in Vodnik’s German-Slovene dictionary (1804–1806) // Slovenski jezik – Slovene linguistic studies 8/2011. Lj. S. 79–83.
- Legan Ravnikar Andreja*. Glagolski kalki med Vodnikovim rokopisnim slovarjem in njegovimi neverskimi tiskanimi besedili // Globinska moč besede: red. prof. dr. Martini Orožen ob 80-letnici. Zora 80 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2011. S. 184–196.
- Legan Ravnikar Andreja*. Slovenski strokovni jezik in izrazje pri Vodniku v primerjavi s starejšim Pohlinom in mlajšim Jarnikom // Neznano in pozabljeno iz 18. stoletja na Slovenskem / Uredil M. Preinfalk. Lj., 2011. S. 319–338.
- Legan Ravnikar Andreja*. Značilnosti sprejemanja besed iz nemščine v knjižno slovenščino 16. stoletja // Jezikoslovni zapiski 18/2012, št. 2 / Uredil P. Weiss. Lj. S. 131–148.
- Legan Ravnikar Andreja*. Prevzete besede neslovenskega in slovanskega izvora v knjižni slovenščini 16. stoletja. Slovensko in slovansko // Jezikoslovni zapiski 19/2013, št. 1 / Uredil P. Weiss. Lj. S. 129–142.
- Legan Ravnikar Andreja*. Slovensko strokovno izrazje in jezik v Pohlinovem delu Kmetam za potrebo inu pomoč (1789) // Novi pogledi na filološko delo o. Marka Pohlina in njegov čas / Uredila I. Orel. Lj., 2013. S. 275–293.
- Legan Ravnikar Andreja*. Problematika germanizmov v zgodovinskem slovarju knjižne slovenščine 16. stoletja // Slovenski jezik na stičišču več kultur. Zora 102 / Uredil M. Jesenšek. Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Maribor; Praha, 2014. S. 70–84.
- Legan Ravnikar Andreja*. Iz slovaropisne delavnice: ugotavljanje in strukturiranje pomenov pri večpomenskih leksemih v zgodovinskem slovarju // Slovica in slovar – aktualni jezikovni opis. Obdobja 34, II. del / Uredila M. Smolej. Lj., 2015. S. 449–456.
- Legan Ravnikar Andreja*. Vodnikova Pismenost (1811) v zahodnem slovenskem narodnostnem prostoru // Škrabčevi dnevi 8 / Uredili D. Zuljan Kumar in H. Dobrovoljc. Nova Gorica, 2015. S. 20–30.

- Legiša Lino*. Pisanice 1779–1782. Die Gedichtsammlungen Pisanice 1779–1782 / Uredil A. Ocvirk. Lj., 1977. 510 str.
- Merše Majda*. Vid in vrstnost glagola v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja. Aspect and aktionsart in the 16th century slovene // *Dela – Opera* 44 / Uredil F. Jakopin. Lj., 1995. 420 str.
- Merše Majda*. Dajnkov prikaz in raba glagolskega vida v primerjavi z osrednjim slovenskim knjižnojezikovnim prostorom // *Dajnkov zbornik. Zora 3* / Uredila M. Jesenšek in B. Rajh. Maribor, 1998. S. 143–158.
- Merše Majda*. Glagolski vid v stari knjižni prekmurščini in v osrednjem knjižnem jeziku. Prekmurska narečna slovstvena ustvarjalnost / Uredil J. Vugrinec. Murska Sobota, 2005. S. 140–157.
- Merše Majda*. Gradivska problematika zgodovinskega slovaropisja (ob Kreljevem in Juričičevem besedju v Pleteršnikovem slovarju) // *Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja. Zora 56* / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2008. S. 307–325.
- Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o oblikoslovlju, besedotvorju, glasoslovlju in pravopisu // *Linguistica et philologica* 23 / Uredila V. Cvetko Orešnik. Lj., 2009. 393 str.
- Merše Majda*. Slovenska leksikografija in leksikologija v zgodovinski perspektivi // *Славянская лексикография* / Отв. ред. М. Чернышева. Москва, 2013. С. 217–251.
- Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki / Uredila V. Cvetko Orešnik // *Linguistica et philologica* 29. Lj., 2013. 436 str.
- Merše Majda*. Megiserjeva slovarja 1592 in 1603 v slovenski jezikoslovni zavesti ter prekrivnost slovenskega besedja v njih // *Stati inu obstati 19–20/2014* / Uredil D. Voglar. Lj. S. 42–66.
- Merše Majda, Novak France*. Besedišče Brižinskih spomenikov v luči protestantskega besedišča 16. stoletja // *Zbornik Brižinski spomeniki*. Uredili J. Kos, F. Jakopin, J. Faganel. Lj., 1996. S. 289–301.
- Merše Majda, Novak France, Premk Francka*. Slovar jezika slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja. Poskusni snopič. Lj., 2001. 131 str.
- Mikhailov Nikolai*. Frühslowenische Sprachdenkmäler. Die handschriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. bis 1550). Amsterdam; Atlanta, 1998. 445 S.
- Moszyński Leszek*. Terminologia religijna Zabytków Fryzyskich – najstarsza znana terminologia religijna Słowian // *Zbornik Brižinski spomeniki* / Uredili J. Kos, F. Jakopin, J. Faganel. Lj., 1996. S. 245–252.
- Müller Jakob*. Zgodba o ljudstvu // *Jezikoslovni zapiski 5/1999* / Uredil J. Keber. Lj., 33–61.
- Müller Jakob*. Slovenska poimenovanja za svetopisemskega tetraha // *Jezikoslovni zapiski 6/2000*. Uredil J. Keber. Lj. S. 117–139.
- Narat Jožica*. Izrazi za 'učenec' pri slovenskih protestantskih piscih // III. Trubarjev zbornik / Uredili F. Jakopin, M. Kerševan, J. Pogačnik. Lj., 1996. S. 263–272.
- Narat Jožica*. Mesto prekmurščine v Murkovih slovarjih // *Murkov zbornik. Zora 9* / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 1999. S. 348–367.
- Narat Jožica*. Lisica, lisjak sta pila tobak // *Med dialektologijo in zgodovino slovenskega jezika. Zora 18* / Uredili M. Jesenšek, B. Rajh, Z. Zorko. Maribor, 2002. S. 319–335.
- Narat Jožica*. Cafove prekmurske besede v Pleteršniku // *Prekmurska narečna slovstvena ustvarjalnost* / Uredil J. Vugrinec. Murska Sobota, 2005. S. 99–129.
- Narat Jožica*. Elementi slovaropisja v Primčevih delih // *Knjižno in narečno besedoslovlje slovenskega jezika. Zora 32* / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2005. S. 417–435.
- Narat Jožica*. Slovenske strani neba // *Diahronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah. Zora 41* / Uredili M. Koletnik in V. Smole. Maribor, 2006. S. 536–546.
- Narat Jožica*. Japelj, Škrinjar in Traven kot viri za Pleteršnikov slovar // *Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja. Zora 56* / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2008. S. 122–131.
- Narat Jožica*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja v luči besedoslovnih raziskav // *Slavistična revija 56/2008*, št. 4, 57/2009, št. 1. Trubarjeva številka / Uredila M. Merše. S. 105–138.
- Narat Šrekl Jožica*. Sinonimi v jeziku Jurija Dalmatina (izvor, pomenske in stilistične funkcije). Magistrska naloga. Lj., 1989. 251 str.
- Narat Šrekl Jožica*. Samostalniške besednozvezne sopomenke v Dalmatinovi Bibliji // *Jezikoslovni zapiski 1/1991* / Uredil J. Müller. Lj. S. 63–72.
- Narat Šrekl Jožica*. Sinonimi v jeziku Jurija Dalmatina (izvor, pomenske in stilistične funkcije) // *Jezik in slovstvo 37/1992*, št. 6. Lj. S. 161–163.
- Novak France*. Vprašanja pomenske analize leksike starejših obdobji // *Leksikografija i leksikologija*. Beograd; Novi Sad, 1982. S. 163–169.
- Novak France*. Jezik Koliherjevega rokopisa // *Medicinski razgledi 23/1984*, št. 8. S. 261–268.

- Novak France*. Iz zgodovine slovenskega znanstvenega jezika: Pohlinova računica // Simpozij Slovenski jezik v znanosti 1 / Uredila A. Vidovič Muha. Lj., 1986. S. 89–100.
- Novak France*. Vprašanja pomenske skupine v besedišču pri slovenskih protestantih // Družbena in kulturna podoba slovenske reformacije / Uredili M. Dolgan, D. Dolinar, F. Jakopin, D. Pokorn. Lj., 1986. S. 99–109.
- Novak France*. Besedje Trubarjevega dela Catechismus z dveima izlagama iz l. 1575 // Vatroslav Oblak. Obdobja 17 / Uredila A. Šivic Dular. Lj., 1998. S. 233–249.
- Novak France*. Dajnkovo čebelarstvo izrazje // Dajnkov zbornik. Zora 3 / Uredila M. Jesenšek in B. Rajh. Maribor, 1998. S. 199–207.
- Novak France*. Samostalniška večpomenskost v knjižni slovenščini 16. stoletja glede na prevodne zglede // Slavistična revija 46/1998, št. 1/2. S. 83–94.
- Novak France*. Značilnosti besedja v Kersnikovih delih // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 8 / Uredil Z. Jan. Lj., 1998. S. 84–91.
- Novak France*. Kako so protestantski pisci 16. stoletja poimenovali nove pojme // 450-letnica slovenske knjige in slovenski protestantizem / Uredil M. Kerševan. Lj., 2001. S. 103–120.
- Novak France*. Pomen raziskovanja besedja knjižnega jezika 16. stoletja za jezikoslovje // Historizem v raziskovanju slovenskega jezika, literature in kulture. Obdobja 18 / Uredila A. Derganc. Lj., 2002. S. 190–196.
- Novak France*. Samostalniška večpomenskost v jeziku slovenskih protestantskih piscev // Linguistica et philologica 10 / Uredila V. Cvetko Orešnik. Lj., 2004. 302 str.
- Novak France*. Pomen dela slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja za oblikovanje slovenskega strokovnega izrazja in stilistike strokovnih besedil // Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Obdobja 24 / Uredila I. Orel. Lj., 2007. S. 263–282.
- Novak France*. Večpomenskost v Pohlinovem slovarju Tu malu besediše treh jezikov iz leta 1781 // Novi pogledi na filološko delo o. Marka Pohlina in njegov čas / Uredila I. Orel. Lj., 2013. S. 208–226.
- Novak France, Jakopin Franc, Merše Majda*. Karakteristika besedišča slovenskih protestantov // III. Trubarjev zbornik / Uredili F. Jakopin, M. Kerševan, J. Pogačnik. Lj., 1996. S. 293–307.
- Novak Vilko*. Izbor prekmurskega slovstva. Lj., 1976. 193 str.
- Orel Irena*. Dajnkova raba predlogov v primerjavi z osrednjeslovensko // Dajnkov zbornik. Zora 3 / Uredila M. Jesenšek in B. Rajh. Maribor, 1998. S. 129–141.
- Orel Irena*. Dežele v besedi – besede v deželah // XXXIV. seminar slovenskega jezika, literature in kulture / Uredile E. Kržišnik, M. Lokar, H. Podobnik. Lj., 1998. S. 35–52.
- Orel Irena*. Slovansko besedje v nemško-slovenskem slovarju iz l. 1860 // XXXIV. seminar slovenskega jezika, literature in kulture / Uredila E. Kržišnik. Lj., 1998. S. 35–52.
- Orel Irena*. Živalsko izrazje v starejšem slovenskem slovaropisju // Slovensko naravoslovno-tehnično izrazje / Uredila M. Humar. Lj., 1998. S. 189–198.
- Orel Irena*. Predložni sestav osrednjeslovenske, koroške, štajerske in prekmurske knjižne različice od srede 18. do srede 19. stoletja // Logarjev zbornik. Zora 8 / Uredili Z. Zorko in M. Koletnik. Maribor, 1999. S. 124–136.
- Orel Irena*. Vrednotenje besedja v Murkovem slovensko-nemškem in nemško-slovenskem slovarju // Murkov zbornik. Zora 9 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 1999. S. 225–248.
- Orel Irena*. Jezik pridig O. Rogerija Ljubljanskega // Palmarium empyreum. Spremne študije. Dela – Opera 55/III / Uredil J. Pogačnik. Lj., 2001. S. 29–76.
- Orel Irena*. Osrednje in obrobno v zgodovini slovenskega jezika (na primeru izzaimenskih okoliščinskih prislovov v knjižnih različicah na prehodu iz 18. v 19. stoletje) // 37. seminar slovenskega jezika, literature in kulture / Uredila I. Orel. Lj., 2001. S. 33–55.
- Orel Irena*. Zemljepisna imena v slovenskem časopisju do srede 19. stoletja // Besedoslovne lastnosti slovenskega jezika. Slovenska zemljepisna imena / Uredil M. Jesenšek. Lj., Pišce, 2004. S. 35–49.
- Orel Irena*. Izmenjava in ustaljevanje besedja v slovenskem dvojezičnem slovaropisju 19. stoletja // Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika. Zora 32 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2005. S. 391–416.
- Orel Irena*. Jezikovne posodobitve Linhartove komedije Ta veseli dan ali Matiček se ženi skozi čas // Jezikovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišiču ob 80-letnici / Uredila M. Jesenšek, Z. Zorko. Maribor, 2006. S. 572–584.
- Orel Irena*. Krajnsko besediše pisano – prvi ohranjeni obrnjeni slovar iz 17. stoletja // Diahronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah. Zora 41 / Uredili M. Koletnik in V. Smole. Maribor, 2006. S. 501–507.
- Orel Irena*. Prvi slovenski terminološki slovar ter hrvaški in češki vir // Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Obdobja 24 / Uredila I. Orel. Lj., 2007. S. 343–364.

- Orel Irena.* Slovensko besedje iz prvega italijansko-slovenskega slovarja (1607) v luči slovarskega izročila in kontinuitete // *Razprave – Dissertationes XX* / Uredil J. Toporišič. Lj., 2007. S. 169–189.
- Orel Irena.* Pohlino slovarsko besedje v Pleteršnikovem slovarju // *Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja. Zora 56* / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2008. S. 110–121.
- Orel Irena.* Protipomenskost v Trubarjevem Katehizmu z dvejma izlagama iz leta 1575 // *Slavia Centralis* 1/2008, št. 2 / Uredila B. Bošnjak. Maribor. S. 15–29.
- Orel Irena.* Trubarjevo besedje v Pleteršnikovem slovarju // *Slavistična revija* 56/2008, št. 4, 57/2009, št. 1. Trubarjeva številka / Uredila M. Merše. S. 243–252.
- Orel Irena.* Telo v slovenskih besedilih skozi tisočletje: od solznega telesa v Brižinskih spomenikih do Levstikove telovadbe // *Telo v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi* / Uredila M. Pezdirc-Bartol. Lj., 2009. S. 11–29.
- Orel Irena.* Izrazna raznolikost v Japljevih besedilih med izreko in normo // *Japljev zbornik* / Uredila M. Humar. Kamnik, 2011. S. 275–288.
- Orel Irena.* Od znanega k manj znanemu v 18. stoletju: od Škofjeloškega do Osapskega pasijona, od Stržinarjeve do Kadunčeve pesmarice, od pridig Janeza Svetokriškega do rokopisnih pridig s Koroškega // *Neznano in pozabljeno iz 18. stoletja na Slovenskem* / Uredil M. Preinfalk. Lj., 2011. S. 389–405.
- Orel Pogačnik Irena.* Sopomenskost samostalnikov v starejših slovenskih slovarjih // *Slavistična revija* 39/1991, št. 2. S. 145–163.
- Orel Pogačnik Irena.* Razvoj slovenskega besedišča od Megiserja do Pleteršnika // *XXX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture* / Uredila M. Orožen. Lj., 1994. S. 245–258.
- Orožen Martina.* Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. Lj., 1996. 405 str.
- Orožen Martina.* Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). Lj., 1996. 448 str.
- Orožen Martina.* Razvoj slovenske jezikoslovne misli // *Zora 26* / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2003. 542 str.
- Orožen Martina.* Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Od sistema k besedilu. Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Maribor; Praha, 2010. 529 str.
- Orzechowska Hanna.* Vezava glagolov *věděti, *znati, *uměti v Dalmatinski Bibliji in današnji slovenščini // *Slavistična revija* 22/1974, št. 2. S. 129–148.
- Pirnat Marta.* Anatomske izraze v prvih slovenskih babiških priročnikih. Slovenska medicinska beseda // *Medicinski razgledi* 23/1984, št. 8. Lj. S. 137–149.
- Pirnat Marta.* Jezik slovenskih prevodov in priredb gorskih bukev // *Slovenski jezik v znanosti 2* / Uredila A. Vidovič Muha in N. Šumi. Lj., 1989. S. 187–195.
- Pogorelec Breda.* Zgodovina slovenskega knjižnega jezika. Jezikoslovni spisi I / Uredil K. Ahačič. Lj., 2011. 499 str.
- Premk Francka.* Problematični hebraizem sela pri slovenskih protestantskih piscih // *Leksikografija i leksikologija* / Uredil A. Peco. Sarajevo, 1988. S. 115–124.
- Premk Francka.* Mana, ta kruh tiga lebna // *Jezikoslovni zapiski* 2/1998 / Uredil J. Keber. Lj. S. 195–218.
- Premk Francka.* Besedišče Bohoričeve slovnice v gradivu slovenskih protestantskih piscev // *Riječ* 8/2002, št. 1. Rijeka. S. 78–102.
- Premk Francka.* Leksem ofer // *Riječ* 9/2003, št. 1. Rijeka. S. 67–81.
- Premk Ana, Premk Francka.* Primerjava slovenskega, francoskega in latinskega poimenovanja dreves. Pogled na 16. stoletje pri Slovencih // *Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Obdobja 24* / Uredila I. Orel. Lj., 2007. S. 325–342.
- Rajhman Jože.* Prva slovenska knjiga v luči teoloških, literarno-zgodovinskih, jezikovnih in zgodovinskih raziskav. Lj., 1977. 176 str.
- Ramovš Fran.* Zbrano delo. Prva knjiga. Lj., 1971 / Uredila T. Logar in J. Rigler. 372 str.
- Rigler Jakob.* Začetki slovenskega knjižnega jezika // *Dela – Opera 22* / Uredil F. Bezljaj. Lj., 1968. 276 str.
- Rothe Hans.* Das Matthäus-Evangelium. Biblia Slavica. Slovenische Übersetzungen 1555–1582. Kommentare // *Biblia Slavica, Ser. 4. Südslavische Bibeln. Bd. 3,2* / Uredili J. Krašovec, M. Merše, H. Rothe. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2006. S. 67–96.
- Seitz Elisabeth.* Govorniško stilno sredstvo ali pomoč pri prevajanju? Dvojnično vezniško priredbe v izbranih besedilih Primoža Trubarja, Martina Lutra in njihovih sodobnikov // *Slavistična revija* 43/1995, št. 4. S. 469–489.
- Sirk Stanislava.* Referenca besede *buča* v Dalmatinski Bibliji // *Slavistična revija* 48/2001, št. 3. S. 185–196.
- Snoj Marko.* Pèrla. Novi pogledi na filološko delo o. Marka Pohlina in njegov čas / Uredila I. Orel. Lj., 2013. S. 227–235.

- Stanonik Marija*. Peter Dajnko in slovstvena folklorja // Dajnkov zbornik. Zora 3 / Uredila M. Jesenšek in B. Rajh. Maribor, 1998. S. 317–330.
- Stanonik Marija*. Pregovori pri Antonu Murku // Murkov zbornik. Zora 9 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 1999. S. 49–63.
- Stanonik Marija*. Začetki in spremembe slovenske terminologije pri posameznih folklornih žanrih // Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Obdobja 24 / Uredila I. Orel. Lj., 2007, 301–321.
- Stramljič Breznik Irena*. Zveze s kakor v prvem delu Japljevih pridig 1794 // Japljev zbornik / Uredila M. Humar. Kamnik, 2011, 337–346.
- Suhadolnik Stane*. Kopitarjeva (dopisovalna) slovenščina. Kopitarjev zbornik // Slavistična revija 29/1981, št. 2. S. 171–186.
- Suhadolnik Stane*. Linhartov Matiček v izdaji 1840 // Obdobje romantike v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 2 / Uredili B. Paternu, F. Jakopin, J. Koruza. Lj., 1981, 475–489.
- Suprun E. Adam*. K leksičejki strukturi Freizingskih listkov // Zbornik Brižinski spomeniki / Uredili J. Kos, F. Jakopin, J. Faganel. Lj., 1996. S. 267–288.
- Šekli Matej*. Zgodovina obravnave zloženek v slovenščini // Novi pogledi na filološko delo o. Marka Pohlina in njegov čas / Uredila I. Orel. Lj., 2013. S. 236–263.
- Šivic Dular Alenka*. Besedotvorne vrste slovenskih zemljepisnih imen. Na gradivu do leta 1550 // Srednji vek v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 10 / Uredil J. Toporišič. Lj., 1989. S. 229–244.
- Škrubej Katja*. “Ritus gentis” Slovanov v vzhodnih Alpah. Model rekonstrukcije pravnih razmerij na podlagi najstarejšega jezikovnega gradiva. Lj., 2002. 248 str.
- Škrubej Katja*. Diahrona pomenska stabilnost nekaterih najstarejših slovenskih pravnih izrazov in performativ // Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Obdobja 24 / Uredila I. Orel. Lj., 2007. S. 247–261.
- Toporišič Jože*. Slovenska slovnica. Četrta, prenovljena in razširjena izdaja. Maribor, 2000. 923 str.
- Toporišič Jože*. Besedjeslovne razprave // Linguistica et philologica 13. Lj., 2006. 557 str.
- Ulčnik Natalija*. Košičevo besedje v Slovarju stare knjižne prekmurščine // Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja. Zora 56 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2008. S. 168–181.
- Ulčnik Natalija*. Začetki prekmurskega časopisja. Besedje Agustičevega časopisa Prijatelj // Zora 67. Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Maribor; Praha, 2009. 410 str.
- Vidovič Muha Ada*. Struktura glagolskih tvorjenk v Trubarjevi Cerkovni ordningi // Slavistična revija 32/1984, št. 3. S. 245–256.
- Vidovič Muha Ada*. Neglagolske tvorjenke v Trubarjevi Cerkovni ordningi. 16. stoletje v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi // 16. stoletje v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 6 / Uredila B. Pogorelec in J. Koruza. Lj., 1986. S. 349–374.
- Vidovič Muha Ada*. Zgradba glagolskih tvorjenk v Vorenčevem slovarju // Obdobje baroka v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 9 / Uredila A. Skaza in A. Vidovič-Muha s sodelovanjem J. Severja. Lj., 1989. S. 275–289.
- Vidovič Muha Ada*. Zgradba neglagolskih tvorjenk v Vorenčevem slovarju // Slavistična revija 37/1989, št. 1–3. Uredila J. Toporišič in V. Gjurin. S. 171–188.
- Vidovič Muha Ada*. Zgradba tvorjenk v Brižinskih spomenikih // Srednji vek v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 10 / Uredil J. Toporišič. Lj., 1989. S. 51–62.
- Vidovič Muha Ada*. Tipologija slovenskih ustreznih nemških zloženkam v Gutsmanovem slovarju // Jezikoslovne in literarnovedne raziskave / Uredila B. Pogorelec s sodelavci. Celovec; Lj., 1997. S. 39–54.
- Wiehl Irene*. Untersuchungen zum Wortschatz der Freisinger Denkmäler – Christliche Terminologie. München, 1974. 169 str.
- Zbornik Brižinski spomeniki / Uredili J. Kos, F. Jakopin, J. Faganel. Lj., 1996. 498 str.
- Zorko Zinka*. Oblikoslovna in skladijska analiza Dajnkovega dela Kmet Izidor s svojimi otroki ino lydmi // Dajnkov zbornik. Zora 3 / Uredila M. Jesenšek in B. Rajh. Maribor, 1998. S. 111–128.

OKRAJŠAVI

BS = Brižinski spomeniki

Lj. = Ljubljana

О. В. ПРИСКОКА

Київ, Україна

Огляд праць зі східнослов'янської та староукраїнської лексикології

1. Історико-лексикологічні ідеї в доробку книжників і вчених XI–XVIII століть

В науковій літературі прийнято писати про історичну лексикологію української мови як окрему галузь мовознавчої науки, що сформувалася у середині ХХ століття. Зрозуміло всім, що ідеї, прийоми і методи її досліджень не могли виникнути зненацька, на пустому місці, проте належної уваги науковців ці питання не привертали. Так, у довідкових виданнях зустрічаємо дуже стислі відомості про зв'язки української історичної лексикології з етимологією, а щодо становлення лексикології як окремого розділу мовознавства досить лаконічні пояснення, наприклад: «Розвиток укр. Л., як і Л. інших мов, спочатку здійснювався в заг. рамках лексикографії з практ. потреб пояснення окр. слів та перекладу (з 11 ст. це було пояснення іншомов. слів, а з 17 і особливо з кінця 18 ст. – також специф. укр. лексики)»¹. З іншого боку, С.П. Бевзенко, коментуючи це питання, пов'язував початки української історичної лексикології з працями М.О. Максимовича, І.І. Срезневського та О.О. Потебні². І частково він мав рацію, проте початки лексикології набагато давніші, сягають в глибокі віки, а згадані ним вчені не вичерпують здобутків науки в напрямі формування історичної лексикології у ХІХ столітті.

Наша мета – спираючись на зібраний і представлений у даній праці фактичний матеріал – змалювати реальний шлях, який пройшла історична лексикологія української мови від витоків до сучасного стану, висвітлити основні етапи цього процесу.

За дослідженнями В.В. Німчука, вітчизняне мовознавство – ровесник або майже ровесник східнослов'янської писемності, оскільки інтерес до слова існував і за дописемних часів³. Одним із виявів мовознавчих дій у пам'ятках давньої писемності, на його думку, були *глоси*, які використовували для пояснення малозрозумілих чи незрозумілих слів переважно іншомовного походження. В цьому явищі вчений вбачає «зародження лексикографії»⁴, він пише зокрема – «така праця давньоруських книжників підготувала ґрунт для оформлення перших лексикографічних робіт, адже коли *глоси* з того чи іншого тексту виписати окремо, виникає словник-гларій»⁵.

Вивчаючи староукраїнську лексикографію, В.В.Німчук розглядав *глоси* як будівельний матеріал для створення стародавніх словників. Якщо ж подивитися на них з

¹ Українська мова: Енциклопедія / Відп. ред. В.М. Русанівський та ін. 2-ге вид. Київ, 2004. С. 304.

² Бевзенко С.П. Історія українського мовознавства: Історія вивчення української мови: Навчальний посібник. Київ, 1991. С. 77, 78.

³ Німчук В.В. Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською. Київ, 1980. С. 8, 10.

⁴ Там само. С. 13.

⁵ Там само. С. 20.

іншої точки зору, то можна побачити, що дослідницькі дії, за допомогою яких давні автори створювали *глоси*, містять в собі ознаки й інших лінгвістичних наук, зокрема близької до лексикографії – лексикології, до того ж з історичним ухилом.

Користуючись розробленою В.В. Німчуком класифікацією *глос*, можна говорити про їх змістовну характеристику: перекладні, пояснювальні (тлумачні), етимологічні (розкривають значення слова через з'ясування його етимології), порівняльно-зіставні, або текстологічні, в яких подаються лексичні відповідники різних мов до одного й того ж місця перекладу⁶.

Розвиток лексикографічної справи у східнослов'янській писемності XIII–XVII століть, детально описаний у працях Л.С. Ковтун та В.В. Німчука, свідчить про те, що обидва наукові напрями (лексикографія і лексикологія) тісно пов'язані між собою у практичній діяльності середньовічних книжників, та їх функції неоднакові. Лексикографія виробляє і накопичує знання про створення власне виробу, зокрема словника, тобто книги, яка містить певні відомості про слово (такі, які цікавлять суспільство на даному етапі розвитку). Лексикологія (в тому числі й історична) – є інструментом здобуття тих знань про слова, які вміщені у словнику.

Мета створення словника, а згодом і прізвища авторів, як правило, зазначені на титульному листі, наприклад, «Лексикон» Памва Беринди («Лексиконъ словеноросскій и именъ тлъкованіе». Київ, 1627 р., 7000 статей), тобто лексикографічна складова декларована. На відміну від неї лексикологічна складова не декларована, проте присутня у поясненні кожного слова. Навіть тоді, коли слово прийшло у словник з інших давніших словників з уже готовим поясненням, воно на момент першого потрапляння у лексикографічну працю зазнало осмислення і лексикологічної інтерпретації вченим, ім'я якого здебільшого не збережене часом. Мало того, укладач, який бере у свій словник слово з іншого словника, буває змушений з'ясувати ряд додаткових питань щодо даної лексичної одиниці, нерідко – історико-лексикологічного характеру. До тих пір, доки знання про слово, вміщені у словниках, задовольняють суспільство, лексикологія перебуває непомітною в тіні лексикографії.

Проте в XVI – XVII століттях цього не сталося. За спостереженням В.В. Німчука, «успіхи української лексикографії першої половини і середини XVII ст. не призвели до відмирання традиційних *глос*. Дальший розвиток письменства, друкарства, освіти спонукали різних авторів до активного вживання цього стародавнього засобу, адже словники, як і раніше, не були доступні більшості читачів, кількість яких зросла. У “Лексиконі” П. Беринди користувач не знаходив дуже багатьох церковнослов'янських слів. До того ж не відпала потреба в поясненні різноманітних іншомовних запозичень у староукраїнській мові. Усвідомлення діалектного членування української мови заохочувало різних авторів давати пояснення тих українських слів, які не мали загального поширення»⁷. Такий висновок автором зроблено на підставі аналізу *глос* у пам'ятках XVI–XVII ст., писаних не лише церковнослов'янською, а й староукраїнською мовою. Характеризуючи словники Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського як такі, що є попередниками нового типу перекладних словників XVIII ст., В.В. Німчук зазначає: «...у них немає ні стилістичних ремарок, ні *цитат*, ні фразеологізмів, ні *етимоло-*

⁶ Там само. С. 13.

⁷ Там само. С. 271.

гічних розвідок, ні зіставлень з іншими мовами; граматичні ремарки – рідкісні ..., посилення на джерела – одиничні. Цим лексикони Є. Славинецького загалом наближаються до нових перекладних словників і відходять від попередньої традиції філологічних словників, представлених працями Л. Зизанія і П. Беринди»⁸. Як бачимо, за визнанням автора дослідження, філологічність лексикографії XVI – XVII ст. базується на таких критеріях, як наявність цитат з писемних пам'яток, етимологічних розвідок, зіставлення з іншими мовами, посилення на джерела, що є необхідним атрибутом будь-якої історико-лексикологічної студії.

У XVIII ст. Україна поступово втрачає державні інституції, здобуті у визвольній війні 1648–1656 рр., і під кінець опиняється поділеною між Російською та Австро-Угорською імперіями. В Російській державі, до якої відійшла більшість української території (за винятком Галичини, Закарпаття та Буковини), українську мову визнають не мовою, а діалектом російської, тоді про існування української нації ще не говорять. Дослідники історії староукраїнської літературної мови позначають XVIII ст. (принаймні від двадцятих років) періодом її занепаду⁹, а дослідники історії розвитку українського мовознавства й зокрема лексикографії спостерігають значно скромніші здобутки в цій галузі у порівнянні з попередніми роками¹⁰.

Головна мета створення словників українськими лексикографами зазначеного періоду полягає у прагненні пояснити російськомовному читачеві семантику українських слів, відмінних від російських, у творах українських письменників, надрукованих українською мовою, і таким чином донести зміст творів до широкого російського загалу. До найвизначніших з них відносять «Изыяснение Малороссійскихъ реченій въ предшедшихъ листахъ» Ф. Туманського (1793 р.), «Собрание Малороссійскихъ словъ содержащихся въ Энеидѣ, и сверхъ того еще весьма многихъ иныхъ, издревле вошедшихъ в Малороссійское нарѣчіе съ другихъ языковъ, или коренныхъ Россійскихъ, но не употребительныхъ» І.П. Котляревського (1795 р.), «Краткій Малороссійській словарь» Ол. Павловського (1805 р.), «Словарь Малороссійской старины» В. Ломиковського (1808 р.). За змістом і способом пояснення слів до попередніх можна приєднати створене невдовзі після словника Ол. Павловського і видане у 1823 році «Собрание словъ Малороссійскаго нарѣчія» Ів. Войцеховича – «перший словник української мови, який не становив додатку до якогось твору»¹¹. Незважаючи на відхід від традиції «філологічних словників» у зв'язку з іншою метою їх створення, у цих словниках, хоча й значно меншою мірою, також можна простежити певні риси опрацювань слів, притаманних історико-лексикологічним дослідженням.

Так, у **словнику Ф. Туманського** з приблизно 350 вміщених слів знаходимо 4 з поясненнями їх походження з латинської мови¹², на думку автора, *гетмань*, *вота*, *нобилитовать*, *офира*¹³. Тут важливий сам факт коментування. Також є спостереже-

⁸ Німчук В.В. Староукраїнська лексикографія. С. 280 [курсив наш. – О. П.].

⁹ Русанівський В.М. Історія української літературної мови. Підручник. Київ, 2002. С. 129–148.

¹⁰ Павлюк М.В. Основні етапи розвитку українського мовознавства дожовтневого періоду. Київ; Одеса, 1978. С. 38–43; Горещкий П.Й. Історія української лексикографії. Київ, 1963. С. 31, 32; 36–38.; Москаленко А.А. Нарис історії української лексикографії. Київ, 1961. С. 45.

¹¹ Павлюк М.В. Зазначена праця. С.63.

¹² Тут і далі не обговорюється зіставлення запропонованих в той час етимологій з сучасними [від. ред.].

¹³ Изъяснение Малороссійскихъ реченій въ предшедшихъ листахъ Ф. Туманского // Русский магазин. 1793. Ч. II. С. 97–108, 289–290. Ч. III. С. 75–76, 155–156.

ння за уживанням слова у переносному значенні: *въ плѣнь загорнуть*; метафора: *плѣнить*¹⁴.

В словнику І.П. Котляревського знаходимо коментарі щодо походження деяких слів, на думку автора: *оковыта* – з латинської мови, *кебабъ* – з грецької¹⁵.

Багато цінних напрацювань для майбутньої історичної лексикології містить словник «Малорусской старины» В.Я. Ломиковського. З огляду на заголовок, який був у рукописі – «О Малороссии. О древнихъ обычаяхъ малороссійскихъ, о службѣ воинской и гражданской, о чинахъ и должностяхъ чиновниковъ. По алфавиту. Писано 1808 года»¹⁶, видно, що автор створював працю енциклопедичного, а не лінгвістичного характеру. Проте свідомо, чи підсвідомо він скористався рядом прийомів, які пізніше стануть необхідною складовою частиною досліджень з історичної лексикології.

По-перше, з передмови до словника, написаної Ол. Лазаревським, дізнаємося, що в якості джерел використані «...выписки преимущественно из рукописных малорусских летописей, печатных книг и разного рода актов»¹⁷. Їх списку і посилань на них загалом немає, хоча трапляються і винятки. Так, у словниковій статті до слова *козакъ* при розгляді походження слова В.Я. Ломиковський посилається на Костянтина Порфірогенета¹⁸, повідомлення Синописа¹⁹, свідчення «важного писателя»²⁰.

По-друге, у тій же словниковій статті до слова *козакъ* є спроба позначити першу писемну фіксацію цієї лексичної одиниці, зокрема у таких фрагментах: «Почти современный Предиславу Ланцкоронскому писатель говорит, что въ 1615 году нѣсколько малороссіянъ собравшись поѣхали противъ турокъ подъ Бѣлгородъ (Аккермень) для козаету и прибавляетъ: а съ того времени и нынѣ стало извѣстно званіе козаковъ»²¹ і далі «Прежде 1615 года ни одинъ писатель о Малороссіи сего имени не употреблялъ»²².

По-третє, значно ширше у порівнянні з попередніми словниками здійснено коментування походження слів – 17 випадків на 71 слово-гніздо. Зокрема, на думку автора, *атаманъ* – з персидської; *бурса*, *казусь*, *компромиссъ*, *контроверсія*, *конфедерація*, *корона* – з латинської; *войтъ* – з німецької; *козакъ*, *кошъ*, *курултай* – з татарської або турецької; *возный*, *компутъ* – з польської; також *лука* – з давнього *лонка* (!), *хорунжій* – від *хоругвъ*.

По-четверте, терміни подані у словнику з урахуванням родо-видових стосунків, а видові одиниці представлені у вигляді термінованих словосполучень іменник + прикметник. Таким чином автор, не декларуючи лінгвістичну кваліфікацію розглянутих лексем, фактично висвітлює системні відносини у лексиці. Так, в окремих словникових статтях розглянута родова лексема *атаманъ* та видові *атаманъ кошевый*, *атаманъ сотенный*, *атаманъ сельскій*, *атаманъ куринный*; родова – *козакъ* та видові – *ко-*

¹⁴ Там само. С. 101.

¹⁵ *Котляревский И.П.* *Виргилиева Энеида на украинскую мову перелицована с приложением малорусских слов с русским переводом, составленным С.П. Катрановым.* Изд. 3. Киев; Одесса, 1890. С. 309, 318.

¹⁶ *Словарь Малорусской старины, составленный в 1808 г. В.Я. Ломиковским.* Киев, 1894. С. 1.

¹⁷ Там само.

¹⁸ Там само. С. 17.

¹⁹ Там само.

²⁰ Там само. С. 18.

²¹ Там само.

²² Там само.

закъ украинскій, козакъ запорожскій или низовый, козакъ выборный или реестровый, козакъ подпомощникъ, козакъ наемникъ, козакъ абишитованный, козакъ аттестованный. В межах однієї статті розглянуто родову лексему *есауль* или *асауль* і видові *есауль генеральный*, *есауль полковой*, *есауль артилерійській*, *есауль сотенный*; родову лексему *коммисарь* і видові *коммисарь временный*, *коммисарь неизмѣняемый*, остання є родовою для *коммисарь повѣтовый*, *коммисарь пограничный*; родову *листь* і видові *листь железный*, *листь заручный*. Трапляються родові назви, виражені як і видові бінарними словосполученнями – *генеральная старшина* (родова) і *генеральный писарь*, *генеральный есауль*, *генеральный бунчучный*, *генеральный судья* и *генеральный обозный* (видові); *канцелярія войсковая* (родова) і *канцелярія скарбовая*, *канцелярія военная* и *войсковая*, *канцелярія министерская*, *канцелярія артиллерійская*, *канцелярія полковая*, *канцелярія сотенная*, *канцелярія экономическая ясневельможнаго* (видові). Слід підкреслити, що виокремлення термінованих словосполучень з пам'яток писемності і зведення у певну систему розгляду є обов'язковою складовою частиною дослідження з історичної лексикології.

І нарешті, словникова стаття до слова *козакъ* містить значну частину фрагментів історико-лексикологічного етюдю, які складають сучасне дослідження з історичної лексикології – розгляд семантики, системні відношення (див. вище), концепції щодо походження (наводить сім точок зору), перша писемна фіксація, історичне тло та деякі наляки на подальшу долю в українській мові.

За висновком П.Й. Горецького, « «Словарь малороссійской старины» В. Ломиковського цікавий тим, що в ньому виявився інтерес певних верств суспільства до минулого, зокрема до часу Гетьманщини на Україні»²³. Ми ж звертаємо увагу на те, що цей інтерес задовольнявся у словнику також шляхом спроб інтуїтивного проведення лінгвістичних досліджень щодо історії окремих термінів, уживаних у писемності попередніх історичних періодів.

З інших зазначених нами словників на певну увагу заслуговує словник І. Войцеховича. В ньому автор торкається питання етимології окремих слів, показуючи (не завжди якісно), з яких мов вони запозичені або як вони утворилися в українській мові. Пояснено походження слів з таких мов – французької: *барыло*, *кадукъ*; німецької: *броварня*, *лугъ*, *лыхтаръ*, *смакъ*, *фварба*, *фвартукъ*; латинської: *каламаръ*, *манька*, *оковитка*, *турбовать*, *олѣя*; татарської: *кошъ*; польської: *праця*. У трьох випадках автор намагається оперувати матеріалом старослов'янської мови: *борошно* – «не происходит ли слово сие от славянского *брашно*»; *живот* – «*брюхо* (слово славянское)»; *стежка* – «тропинка (от славянского слова *стезя*)». Визначено твірні основи деяких українських слів, наприклад: *бабинець* (притвор у церкві, місце для жінок) – от слова *баба*; *блисковица* – от слова *блескъ* та ін. Такі коментарі пізніше стануть приналежністю спеціалізованих словників, а також досліджень з історичної лексикології.

Проте у XVIII ст. не лише у творчості лексикографів можна натрапити на фрагменти історико-лексикологічних етюдів. В працях деяких тогочасних вчених теж мають місце розвідки, присвячені історії слів. Так, наприклад, дослідниця мови Г.С. Сковорода Л.П. Гнатюк відзначає: «Вдавався до тлумачення слів і Григорій Сковорода. Усі лексеми, які він пояснював, можна поділити на такі групи: нові для його епохи слова,

²³ Горецький П.Й. Цитована праця. С. 47.

зокрема наукові терміни; окремі церковно-слов'янські лексеми; деякі апелюючи грецького, латинського, німецького, гебрайського тощо походження; власні назви зі Святого Письма, рідше – античної міфології; слова, які набувають символічного трактування в дусі барокових традицій; лексеми, у внутрішній формі яких мислитель побачив глибинний, прихований зміст і витлумачив їх своєрідно відповідно до своєї філософської концепції»²⁴.

2. Внесок вчених XIX – першої половини XX століття у формування історичної лексикології української мови

Поступово у науковій та публіцистичній періодиці починають з'являтися етюди з походження й історії окремих слів. З-поміж багатьох причин, які спонукали це явище, зазначимо основні.

Російська імперія у XVIII – на початку XIX ст. посилюється, у суспільстві поживається інтерес до науки, освіти, мистецтва тощо. Внаслідок чого відкривають Академію наук (1724 р.), університети, зокрема на Україні Харківський (1804 р.) та Київський (1834 р.), утворюють наукові товариства: Общество истории и древностей российских (1804 р.), Общество любителей российской словесности (1811 р.), археографічні комісії, серед яких Киевская археографическая комиссия по разбору древних актов (1843 р.), випускають періодичні видання «Вестник Европы» (з 1802 р.), «Чтения в обществе истории и древностей российских» (з 1846 р.), «Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов» (т. 1–4. – 1845–1859), «Известия ОРЯС ИАН» (з 1852 р.).

Задовольняючи потреби суспільства, починаючи з 70-х років XVIII ст. ціла плеяда вчених (В.М. Татищев, М.М. Щербатов, Штріттер Йоган-Готтільф, М.М. Бантиш-Каменський, М.М. Карамзин та ін.), спираючись на відомості з давніх пам'яток писемності, намагаються висвітлити історію імперії, яку ведуть від Київської Русі.

Так, чи не найперший етюд з історії слова (1809 р.), надрукований у Російській імперії, є заперечення Івана Мартоса на інтерпретацію літописного терміну *банное строение* у значенні «народні лазні»²⁵. Таке розуміння цього виразу висловили Татищев, Щербатов, Штріттер, митрополит Платон, як «хрестильну купель» пояснював його І.М. Болтін²⁶.

Відомо також про історико-лексикологічні нариси у науковій спадщині видатного українського лексикографа першої половини XIX ст. П.П. Білецького-Носенка. На жаль, «За життя автора були надруковані тільки деякі твори, більшість їх залишилася в рукописах»²⁷. За твердженням науковців, «В 1817 р. він послав

²⁴ Гнатюк Л.П. Мовний феномен Григорія Сковороди в контексті староукраїнської книжної традиції. Київ, 2010. С. 165.

²⁵ Исследование банного строения, о котором повествуется летописецъ Несторъ. СПб., 1809. 8 д. 35 с. Без імені автора. У зв'язку з недоступністю для нас цього видання зміст праці І.Р. Мартоса і цитати з неї наводимо за статтею Лазаревский Ал. Иван Романович Мартос: Биографический очерк // Киевская старина. 1895. Т. LI. № 10. С. 48–71, у якій вміщено розлогі цитати з даної праці І.Р. Мартоса і детально переказано її зміст.

²⁶ Зазначена праця. С. 51.

²⁷ Білецький-Носенко П.П. Словник української мови / Підгот. до видання та вступна стаття В.В. Німчука. Київ, 1966. С. 8.

у Харківський університет реферат, у якому коментував історію слів *кіл*, *вовкулака*, *леміш ...*»²⁸.

Нам не вдалося відшукати цього послання до Харкова, проте є інші відомості про його праці лексикологічного характеру і опис змісту окремих етюдів. Так, в Інституті рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського зберігається рукопис (рукописні тексти подаємо в орфографії оригіналу) «Матеріали для біографії Павла Павловича Бълецкаго-Носенко, какъ украинскаго літератора и педагога съ его *faximilae*, составленные однимъ изъ его воспитанниковъ, 1861 года»²⁹. Він містить «Перечень статей съ 1813 по 1847-й по разнымъ ученымъ предметамъ, которыя отправлены Пав: П-чемъ Бълецкимъ-Носенко въ Общество наукъ при Имп: Харь: Университетъ, въ С. Петербургское Вольное Экономическое Общество и въ Имп: Московское Общество испытателей природы:»³⁰, у якому знаходимо «... II По части Лингвистики. Статьи: 1) *Коль, колокъ*, во множеств: колкй, правильнѣе *Коль-Ивань* (нынѣ городъ Ревель). 2) *Волкулака*, правильнѣе *Вуркулака* или *Вруколакасъ* (слово употребляемое простолюдинами, которое служитъ памятникомъ историческимъ, что не только истинная вѣра но и суевѣрія перешли къ намъ отъ Грековъ. 3) *Лемешъ* испорченное слово отъ *Ломезъ* (изъ устава Вел: Князя Ярослава Владим: о церковныхъ судахъ и земскихъ делахъ. 4) *Разсужденіе о нѣкоторыхъ малороссійскихъ словахъ, которыя служатъ памятниками историческими*: а) *Цуръ*. в) *Дидько*. с) *Колядовать*. д) *Купало*. 5) *Лингвистическія замѣчанія* и толкованіе нѣкоторыхъ старинныхъ словъ въ лѣтописяхъ, упоминаемыхъ въ примечаніяхъ къ исторіи Росс: Государства, соч: Н.М. Карамзина ... [слова, виділені нами курсивом і жирним шрифтом або лише курсивом, у тексті рукопису підкреслені. – О. П.]»³¹.

Як формувався новий підхід до опису історії слів, видно з наукової спадщини іншого класика українського мовознавства М.О. Максимовича. В його працях знаходимо коментарі до лексики творів різних жанрів.

Так, у збірнику «Малоросійських пісень» (1827 р.) він вміщує словник та примітки до нього, у якому пояснює семантику та походження окремих українських слів, наприклад: *гай* (слав., польск., сербск., богем.; по-немец. *Найн* – роца. В устном языке сим словом выражают крик галок)³², або *конвалія* – ландыш (с польского, а в польск. с латинск. старинного *Lilium Convallium*)³³ тощо.

У лекціях з руської словесності (1835 р.) під назвою «Песнь о полку Игореве» М. Максимович досліджує текст «Слова» на предмет його зв'язку з українською мовою. Ідентифікуючи лексеми пам'ятки з фактами української мови, дослідник використовує прийом, який пізніше набуває поширення серед істориків-мовознавців – зіставлення символічного значення досліджуваної лексичної одиниці з її символікою в українському фольклорі. Наприклад, у розділі «Народно-поэтическая символика птиц и зверей» читаємо: «*Зегзице*, т.е. кукушке (по-украински *зозуля*) уподоблена Ярославна, тоскующая одиноко по своему Игорю. Птица сия ... есть верный символ сиротства и род-

²⁸ Москаленко А.А. Нарис історії української лексикографії. Київ, 1961. С. 39.

²⁹ Інститут рукопису НБУВ. Ф. І, спр. 294. 148 аркушів.

³⁰ Значений рукопис. Арк. 41.

³¹ Значений рукопис. Арк. 42.

³² Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. Москва, 1827. С. 188.

³³ Там само. С.196.

ственной печали. И в украинских песнях ... всегда зозуля прилетает тужить над неоплаканным трупом; это живая печаль матери или сестры ... [Далі наведений уривок української пісні про плач матері над сином. – О. П.]... В великорусских песнях этот плачь матери над сыном изображается не *кукушкою*, но *ласточкою*»³⁴.

Зацікавили М.О.Максимовича словосполучення тексту «Слова» з іменем Троян: вѣкъ *Трояновъ*, тропа *Трояня*, земля *Троянова*³⁵. Пізніше він присвятить данному питанню окремих етюд і цим розпочне у нашому мовознавстві дослідження темних місць пам'ятки.

У 1845 році написаний ним, а у 1846 опублікований нарис «Объ имени челоуѣкъ»³⁶, у якому автор з'ясовує походження слова *челоуѣкъ*. У дослідженні наведені дані різних слов'янських мов та їх окремих діалектів, тричі згадана українська мова: двічі як «южно-русская» і один раз як мова малоросіян.

Аналізує також М.О. Максимович літописні топоніми, зокрема річка *Угла*, *Инжирь-бродъ*, брід *Татинець*, *городъ Дерновый* та інші³⁷, їх походження, семантику, словотвірну мотивацію та сучасні форми.

Етюди з історії окремих слів залишив у своїй науковій спадщині Ю.І. Венелін (справжнє ім'я Георгій Гуца). Поштовхом до написання нарису «О слове *бояринъ*» знову ж таки як і у випадку з Іваном Мартосом стала потреба заперечити хибні думки про походження слова відомих вчених В.М.Татищева, М.М. Карамзина, І.М. Болтіна, Г. Булигіна та ін.³⁸ Свою концепцію утворення форм *бояринъ/боляринъ* він виводить від давньоболгарської форми порівняльного ступеня «великий», тобто *болѣ* или *большии*. Доведення здійснене на широкому слов'янському та індоєвропейському мовному тлі. В одному з важливих аргументів щодо способу номінації на перше місце поставлено приклад з української мови: «Итак, всякий народ выбирает прилагательное простейшее и ближайшее к понятию своему о силе и власти; таким образом, Южно-Росс, челоуека богатога и сильного называет *великоможным*, Поляк – *вельможным*, Велико-Росс *вельможею*, все три по латыни *magnificus, magnas, magnat*, как говорится.»³⁹.

Интерес до поглибленого вивчення семантики українського слова простежуємо у працях К.В. Шейковського. Так, в етнографічному нарисі «Быт подолян»⁴⁰ він досліджує символічне значення у фольклорі та народному побуті українських слів *роман-зілля*, *огірочки*, *горошок*, *мак*, *яворик*, *дїбровонька*, *заїньок*, *горобчик*, *кострубонько*, *володар*, *жона та муж*, *жельман та ін.*; детально описує семантичну структуру слова *гаївка*, щоб «при помощи историко-сравнительной лингвистики проследить формацию понятий и воззрений народа в эту отдаленную эпоху, к которой ничто другое не может привести»⁴¹.

³⁴ Максимович М.А. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. Київ, 2008. С. 549, 550.

³⁵ Там само. С. 523, 524.

³⁶ Там само. С. 156–164.

³⁷ Максимович М.А. Собрание починений: в 3 т. Т. II. Київ, 2007. С. 349–352.

³⁸ Венелін Ю. О слове *бояринъ* // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Заседание 31 мая, 1847. Год третий. № 1. Отд. 1. М., 1847. С. 1–29.

³⁹ Там само. С. 4.

⁴⁰ Шейковский К. Быт подолян. Т. 1. Вып. 1. Киев, 1859. 71 с. Т. 1. Вып. 2. Киев, 1860. 74 с.

⁴¹ Там само. С. 12, 13, 14, 15, 15–18, 19–21, 23–27, 31–33, 34–39, 40–46.

У науковому доробку історика М.М. Левченка є спроба пояснити етноніми *русин, гетманець, степовик, польщак, поліщук, пінчук, гуцул, бойко* та ін.⁴², а також невеличка розвідка про історію слова *басань* «опоясання церкви дерев'яними галерейками»⁴³.

Етимології сімейних назв у русинів [йдеться про українців. – О.П.] досліджував О. Партицький⁴⁴. Спираючись на праці відомих славістів та індоевропеїстів Боппа, Міклошича, Шлейхера, Курца та Гильфердінга, він описав походження лексем *отець, батько, тато, мати, муж, чоловік, свекор, зять, невістка, жінка, донька, дитя, чадо, отрок, брат, сестра, дівир, зовиця, ятрівка, свість, сноха, унук, стрий, шватер, шурин, дід, пращур, баба, хлоп, дівка*.

Основоположник української діалектології К.П. Михальчук у першій частині своєї основної праці «Наречия, поднаречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины» (1877), вивчав етноніми *Русь, Україна, поляни, хорвати, Червонная Русь* та інші.

Український історик, етнограф і правознавець О.І. Левицький зробив спробу пояснення юридичних термінів, відбитих пам'ятками української ділової писемності XVI – XVII століть (назви пам'яток зазначені у тексті), – *малженство, малженок, посаг, вѣновная запись, рукодайный, розлука, шкода, дизгонор* та інші⁴⁵.

На якісно новий рівень вивчення історії слів різних слов'янських мов і зокрема української підніс своїми лексикологічними студіями українське мовознавство один з найбільших вчених XIX століття О.О. Потебня. Свої дослідження він будував на широкому загальнослов'янському тлі з урахуванням індоевропейських паралелей, прискіпливо з'ясовуючи словотвірні мотивації, залучаючи до міркувань відомості про асоціативні зв'язки різних понять, символічні значення слів у фольклорі та народно-розмовному мовленні, використовуючи прийом, який у наш час називатимуть методом групової реконструкції. Дослідницькі дії О.О.Потебні були зосереджені на тій частині історії слова, яку називають етимологією, проте свідченням давніх пам'яток писемності, що потрапляли у його поле зору, теж приділено достатньо уваги.

У циклі розвідок «К истории звуков русского языка. Части II, III, IV. Этимологические и другие заметки», опублікованому в «Русском филологическом вестнике» за 1879, 1880, 1883 рр., ним розглянуто походження багатьох українських слів, зокрема: *личман* «старший чабан; сортувальник», *чемчиковати, ченчиковати* (так в оригіналі) «іти швидко», *вершляг* «великий молот для кування металу», *химорода* «дивацтво», *чаклувати*⁴⁶, *корж, казати, казка, казити, гарний, гиля, аргат* (в оригіналі *аркгат* «робітник, найманець»), *бешиха* «рожа», *бігме* (вигук), *градина, паланка, душман* «ворог», *гудити, галушка, хмиз, кидати, прокинутися, облуда, куняти, потуга, вежа, зась*

⁴² Левченко М.М. Места жительства и местные названия русинов в настоящее время // Основа. 1861. № 1. С. 264, 265.

⁴³ Левченко М. Об уничтожении памятников старины в Южной России // Труды III археологического съезда. Т. 1. Киев, 1878. С. 311.

⁴⁴ Партицький О. О назвах сімейних у русинів // Правда: Письмо наукове і літературне: Рочник третій. Ч. 1 – 2. Львів, 1869. С. 7–17.

⁴⁵ Левицький О. О семейных отношениях в Юго-Западной Руси в XVI–XVII веках // Русская старина. 1880. Т. 29, ноябрь. С. 549–574.

⁴⁶ Потебня А.А. К истории звуков русского языка. II. Этимологические и другие заметки (из Русского филологического вестника [РФВ] 1879). Варшава, 1880. С. 27, 30, 31.

(вигук заборони), *пек* (вигук), *потороча* «привид», *мавка*, *потерчата*, *шугать*, *буженина*, *гринджоли*, *хуртовина*, *сум*, *хмара*, *брость* «листові або квіткові бруньки», *бориць*⁴⁷, *село*, *борозна* (в оригіналі *бороздна*), *борозенка*, *борозенці*, *стінка* «кордон між землями», *корчма*, *потєбня*, *тебенек*, *хахуля* «ковпак», *прихахулити* «причепурити», *курбет* «бідняк», *розмай-зілля* «розмарин», *Щави-дуб* «ім'я казкового багатиря, одного з товаришів Котигорошка», *зчавити*, *гостець* (назва хвороби), *тло*, *постол*⁴⁸.

Попри те, що за часів О.О. Потєбні у XIX столітті наукова база історико-лексикологічних досліджень української мови (розробка археографічних джерел, історична лексикографія тощо) не була такою розвиненою як у наш час, спостереження за походженням та розвитком семантичної структури частини із зазначених вище лексем вражають повнотою зібраного матеріалу, в якому однаково докладно представлені писемні фіксації лексичних одиниць і мовний матеріал порівняльно-історичного аналізу, виконаного з належною глибиною і точністю.

Менш розлогі, проте насичені мовними фактами, є нариси з історії українських слів *багач*, *багаття* (в оригіналі *багатьтя*), *підоприсвіт*, *ярчук*, опублікованими в журналі «Живая старина» (передрук з французького періодичного видання)⁴⁹. Крім того, О.О. Потєбня висловив думку про запозичення окремих українських слів з німецької мови через польську: *бавовна*, *бікус*, *бляха*, *бровар*, *ваги*, *галун*, *гауптвахта*, *геть*, *голдувати*, *груба*, *гунство*, *танок*, *тніпець*, *тніт*, *драбина*, *дякувати*, *дзиглик*, *жартувати*, *крам*, *кухоль*, *кушнір*, *купервас*, *ляда*, *льох*, *ліхтар*, *любисток*, *мамовати*, *мандрувати*, *міркувати*, *можджір-муцір*, *мордувати*, *мурувати*, *мусити*, *обценьки*, *орчик*, *паля*, *панчоха*, *пюндрувати*, *пляшка*, *прас*, *рятувати*, *рахувати*, *римар*, *ринва*, *риштування*, *смак*, *смалець*, *спиж*, *стельмах*, *стусан*, *ухналь*, *шинок*, *шкода*, *шлях*, *шмарувати*, *шорувати*, *шпарувати*, *шпикувати*, *цямрина*, – а також без польського посередництва: *барма*, *бендюги*, *рундук*, *линтвар*, *чмир*, *бешикет*⁵⁰.

Слід сказати, що на початку наукової діяльності О.О. Потєбню цікавило перш за все походження і розвиток семантики лексики на позначення міфічних істот у слов'янському фольклорі, народні уявлення про них, відбиті у піснях, легендах, казках, повір'ях, тощо⁵¹. Не всі зближення і гіпотетичні паралелі аналізованих слів були вдалі і визнані науковцями, внаслідок чого з'явилася критична рецензія П.О. Лавровського у 1865 році, а пізніше захисні аргументи на користь О.О. Потєбні І.І. Срезневського у записці 1876 року до Академії наук. Та нам важливо, що і в цьому циклі праць вчений разом зі словами інших слов'янських мов розглянув лексеми української мови.

⁴⁷ Потєбня А.А. К истории звуков русского языка. III. Этимологические и другие заметки: Отдельный оттиск из РФВ. Варшава, 1881. С. 5, 12–15, 25–29, 32, 34, 40–42, 55–60, 97, 99, 103, 105, 116, 117, 122.

⁴⁸ Потєбня А.А. К истории звуков русского языка. IV. Этимологические и другие заметки: Отдельный оттиск из РФВ. Варшава, 1883. С. 1–3, 30, 31, 34, 35, 39–42, 49, 50, 64, 77, 79, 81, 82.

⁴⁹ Потєбня А.А. Этимологические заметки // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 117, 123, 128.

⁵⁰ Потєбня А.А. К истории звуков русского языка. IV. С. 28, 29.

⁵¹ Див.: Потєбня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865. 310 с., VII с.; Потєбня А.А. О доле и сродных с нею существах. М., 1867. 44 с. Отд. оттиск из журн. Древности: Тр. Моск. археол. об-ва. 1867. Т. 1. Вып. 2. С. 153–196; *він же*. Переправа через воду, как представление брака // Древности. Археологический вестник, издаваемый Московским археологическим обществом / Под ред. А.А. Котляревского. Т. 1. 1867–1868. М., 1868. С. 242–285; *він же*. О купальских огнях и сродных с ними представлениях // Древности. Археологический вестник, издаваемый Московским археологическим обществом / Под ред. А.А. Котляревского. 1867–1868. Т. 1 (май – июнь). М., 1868. С. 97–106.

Підводячи підсумок наукового доробку О.О. Потебні у дослідженнях історії слів української мови, можна, на нашу думку, зробити висновок, що здобутками студій у цьому напрямі вчений повністю підготував українське мовознавство до утворення у ньому нової наукової галузі – історичної лексикології. На жаль, з різних причин це сталося майже на понад півстоліття пізніше.

Завершують історико-лексикологічний цикл у ХІХ столітті дослідження **В.М. Мочульського** «К истории малорусского наречия. Житие Савы Освященного» (1894)⁵² та **М. Дикарєва** «Малорусское слово “палыныця” и греческое “πέλανος”» (1899)⁵³.

В.М. Мочульський зробив фонетичний, морфологічний, синтаксичний аналіз тексту пам'ятки та звернув увагу на особливості перекладу. Стосовно лексики обмежився наведенням переліку, мабуть, на його думку, найважливіших для розуміння тексту слів та їх грецьких оригіналів.

М. Дикарєв доводить головним чином на фольклорному та етнографічному матеріалі тотожність обрядової *палыныці* з грецьким *πέλανος*.

* * *

У наступному ХХ столітті, його першій половині, активність досліджень з історичної лексикології української мови разом з іншими галузями мовознавства і науками взагалі, як видно з наукової періодики, припадає на двадцять – першу половину тридцятих років. Це стало можливим у зв'язку з виникненням 1917 року і короткочасним існуванням незалежної Української держави, утворенням у 1918 році Української академії наук та збільшенням кількості наукових видань.

Основний напрям – з'ясування етимології українських слів, окремих топонімів та етнонімів тощо.

Найпомітнішими є численні публікації Г.А. Ільїнського про походження ряду лексем⁵⁴.

Невелику розвідку щодо походження етнонімів Русь і Україна вміщено у книзі І.С. Свенцицького «Нариси з історії української мови» (1920)⁵⁵. До цієї теми вчений

⁵² Мочульський В.Н. К истории малорусского наречия. Житие Св. Савы Освященного. Одесса, 1894. 24 с.

⁵³ Дикарєв М. Малорусское слово «палыныця» и греческое «πέλανος». Оттиск из ж. «Киевская старина». Киев, 1899. 21 с.

⁵⁴ Ільїнський Г. Слов'янські етимології. (Присвячується акад. В.М. Перетцові) // Записки історично-філологічного відділу. Кн. ХХІ – ХХІІ (1928) / Гол. ред. А. Кримський. Київ, 1929. С. 1–5; *він же*. Замітка про український прислівник «гала» // Збірник Комісії для дослідження історії української мови. Т. 1 / За ред. А. Кримського та М. Драй-Хмари. Київ, 1931. С. 77; *він же*. Походження українських слів: 1. *Оглядний* // Рідна мова: Науково-популярний місячник, присвячений вивченню української мови / Гол. ред. І. Огієнко. Варшава, 1933. № 2, лютий. С. 41–44; *він же*. Походження українських слів: 2. *«Осоружний»* // Рідна мова: Науково-популярний місячник, присвячений вивченню української мови / Гол. ред. І. Огієнко. Варшава, 1933. № 3, березень. С. 81, 82, 82–84; *він же*. Походження українських слів: 4. Ще раз про «заміж» // Рідна мова: Науково-популярний місячник, присвячений вивченню української мови / Гол. ред. І. Огієнко. Варшава, 1933. № 4, березень. С. 117–120; *він же*. Походження українських слів: 5. *Кодло* «рід, покоління» // Рідна мова: Науково-популярний місячник, присвячений вивченню української мови / Гол. ред. І. Огієнко. Варшава, 1933. № 5, травень. С. 169–172; *він же*. Походження українських слів: 13. *Узавати* «заспокоюватися» // Рідна мова: Науково-популярний місячник, присвячений вивченню української мови / Гол. ред. І. Огієнко. Варшава, 1934. № 1, січень. С. 7, 8.

⁵⁵ Свенцицький І. Нариси з історії української мови. Львів, 1920. С. 47.

повернувся у 1936 році у монографічній статті «Назва «Русь» в історичному розвитку до XIII віку».

«Звідки взялися споконвічні українські слова»: *стигнути, збагнути, щабель, щерба, щелепа, хата, бридъ, бридъкъ, брудъ* (так у тексті), *шукати, цькувати, перезати, жорстокий, шкварчати, луштина, лушпиння, жевріти, гилити, кряж* – дослідив і опублікував у 1926 році **Петро Бузук**⁵⁶.

Заперечуючи думки вчених XIX століття з приводу фактичного існування фольклорних виразів *Волосова борода, заплітати бороду*, **А. Кримський** публікує у 1927 році етюд про походження форм *волот, волот(д)ка*, простежуючи розвиток семантики за давніми пам'ятками писемності – Хронікою Іоана Малали, Єфремівською кормчою (XII ст.), Київським літописом, Лютневою Четією-Мінесю XV століття тощо⁵⁷.

Дослідницький прийом з історичної лексикології використав в якості аргументу **Олекса Байкар** у критичній статті на «Російсько-український словник правничої термінології», працю Правничо-термінологічної комісії при соціально-економічному відділі Академії наук (1926 рік)⁵⁸.

Походження та історію рідкісних українських прізвищ на *-но* (три групи: 1 – з прикметників: *Душно*; 2 – з іменників: *Опушно*; 3 – з дієслівних коренів: *Чахно*) з наведеним фіксаціям в діловій староукраїнській писемності XIV–XVII ст. на загальнослов'янському мовному тлі дослідив **Василь Сімович**⁵⁹.

З полеміки з Н. Шаровольським про німецькі запозичення в українській мові (публікація в «Записках Інституту народної освіти», Київ, 1926 р.) починається стаття **Дмитра Шелудька**, у якій він доводить, що безпосередній німецький вплив на українську мову перебільшують, на той час, як важливіше дослідити польське посередництво⁶⁰. На підставі фіксацій германізмів в українській писемності XIV – XVII століть (у списку скорочень назв пам'яток – 21 одиниця), він відсуває початок запозичень на сто років давніше⁶¹. У розділі «Дещо з історії культури» автор детально, з посиланнями на документи, змальовує історичне тло, на якому відбувався процес польсько-німецького впливу, починаючи з 1340 року, коли Польща звоювала Галичину⁶². Він також поділив запозичену лексику фактично на тематичні групи слів, хоча кваліфікує її ще лексикою певних галузей виробництва, наприклад (тематичні групи та їх лексичний склад наводимо вибірково – Прискока О.В.) – ковальство й оброблення заліза: *бляха, букуша, гак, мосяж, ухналь, цвяк* тощо; будівництво, столярство, оброблення дерева: *балка, бантина, шпара, хершебок, дах* тощо; ткацтво: *брайцари, верстат, цуга, шпуля, шліхта*;

⁵⁶ Бузук Петро. Українські етимології // Записки історично-філологічного відділу. Книга VII–VIII (1926) / Гол. ред. А. Кримський. Київ, 1926. С. 67–73.

⁵⁷ Кримський А.Е. «Волосова борода» з учено-кабінетної мітології XIX віку // Ювілейний збірник на пошану Д.І. Багалія. Збірник історично-філологічного відділу УАН. № 51. Київ, 1927. С. 74–91.

⁵⁸ Байкар Олекса. Кримсько-українська правнична мова: критико-історичний етюд // Червоний шлях. 1930. № 1. С. 134–156.

⁵⁹ Сімович Василь. Українські чоловічі ймення осіб на «-но» (в історичнім висвітленні) // Збірник Комісії для дослідження історії української мови. Т. 1 / За ред. А. Кримського та М. Драй-Хмари. Київ, 1931. С. 87–112.

⁶⁰ Шелудько Дмитро. Німецькі елементи в українській мові // Збірник Комісії для дослідження історії української мови. Т. 1 / За ред. А. Кримського та М. Драй-Хмари. Київ, 1931. С. 2–3.

⁶¹ Там само. С. 9–12.

⁶² Там само. С. 12–19.

фарбівництво: *блатат, фарба, пензель, блакитний* тощо. Всього наведено у статті 29 тематичних груп слів⁶³.

Нариси про походження різдвяної (*коляда, щедрівка, вертеп, шопка, зізда, Йордань, Різдво, Василя, Водохрещі, Меланки, новолітувати*)⁶⁴ та великодньої (*Великдень, Вербна, гаївки, Паска, пасхалія, яйце, плащаниця*)⁶⁵ лексики опублікував **І.І. Огієнко**. Вони написані у науково-популярному стилі з розрахунку на широкий загал. Разом з тим, автор наводить внутрішню форму лексем з використанням гебрійської, арамейської, давньогрецької, латинської та інших мов, висвітлює історичні та біблійні відомості, а також українські і слов'янські звичаї, пов'язані з цими термінами, тобто дотримується усіх необхідних вимог до опису історії слова.

Після відомих складних історичних подій вже наприкінці 40-х років з'являються публікації, які завершують так званий період несформованості історичної лексикології в окрему галузь мовознавчої науки.

У 1948 році **І.І. Ковалик** публікує етюд про слово *треба* в говірках і літературній мові, написаний на великому фактичному матеріалі уживань форм слова українськими письменниками (Федькович, Хоткевич, Черемшина, Стефаник, Франко, Коцюбинський); автор наводить його фіксації в українській літературній та діалектній лексикографії, висловлює свою концепцію його походження з урахуванням думок з цього приводу відомих фахівців Ф. Міклошича, М.В. Горяєва, Г. Шумана, А. Вальде, Р. Мерінгера, Я. Ватхлувної, Р. Гуера⁶⁶. Розвідка за формою і змістом виконана на сучасному рівні досліджень одної лексеми і може слугувати зразком наукових праць подібного жанру.

В тому ж збірнику **Л.А. Булаховський** публікує семасіологічні етюди про слов'янські назви птахів⁶⁷. Автор розглядає їх з точки зору етимології, внутрішньої форми та розвитку семантики на загальнослов'янському рівні. Серед слов'янських паралелей використан матеріал української мови. В цій праці розглянуті запозичення з польської мови в українську таких назв: *шудлак, шудлачок, крокуй, крогулець, крук, кобуз, кебуз, качка, качор, качур, квич, квичаль, квичала, чиграва тощо*⁶⁸.

Завершують цей період розвитку історичної лексикології української мови три **праці І.С. Свенціцкого**, присвячені вивченню мови пам'ятників писемності давньоруського періоду. В кожній з них, аналізуючи мову пам'ятника на всіх мовних рівнях, вчений приділив певної уваги дослідженню лексики.

⁶³ Там само. 15–17.

⁶⁴ *Огієнко І.І.* Походження різдвяних виразів // Рідна мова: Науково-популярний місячник, присвячений вивченню української мови / Гол. ред. І. Огієнко. Варшава, 1934. № 1, січень. С. 7–12.

⁶⁵ *Огієнко І.І.* Походження великодніх виразів // Рідна мова: Науково-популярний місячник, присвячений вивченню української мови / Гол. ред. І. Огієнко. Варшава, 1934. № 4, березень. С. 147–150.

⁶⁶ *Ковалик І.І.* Слово *треба* в українських говірках і літературній мові // Ученые записки Львовского государственного университета им. Ив. Франко. Т. VII. Вопросы славянского языкознания. Книга первая. Львов, 1948. С. 198–204.

⁶⁷ *Булаховский Л.А.* Семасиологические этюды. Славянские названия птиц // Ученые записки Львовского государственного университета им. Ив. Франко. Т. VII. Вопросы славянского языкознания. Книга первая. Львов, 1948. С. 153–197.

⁶⁸ Там само. С. 187, 188.

У «Нарисах про мову пам'яток староруського письменства XI віку» (1948 р.)⁶⁹, 5-му розділі «Хоженіє Данила Русьскія землі игумена» висвітлено лексичні особливості тексту. Дослідник інтерпретує лексеми із затемненою семантикою. Лексикологічні спостереження поєднані із зауваженнями щодо стилістики тексту, разом з тим, історико-лексикологічні характеристики лексем неповні.

У дослідженні автентичності договорів Русі з греками⁷⁰ І.С.Свенціцький теж звертається до аналізу лексики, проте розглядає лексичні одиниці «у нових синтаксичних сполученнях, з якими не зустрічаємося в старослов'янському»⁷¹. У ще одній роботі, присвяченій аналізу мови Галицько-Волинського літопису⁷², також здійснено дослідження лексики пам'ятника. Автор поставив собі завдання «простежити те, що досі залишалось поза увагою попередніх дослідників мови цієї пам'ятки»⁷³. На його думку, це «наростання живомовної лексики», яке спостерігається у літописних записах через кожні декілька наступних років (від 1202 по 1290 рр.)⁷⁴.

* * *

Таким чином, за час, що передував виокремленню історичної лексикології української мови у окрему галузь мовознавчої науки, українські вчені здійснили великі напрацювання різних аспектів дослідження історії слів: етимології, писемної історії слова, співвіднесення його з народно-розмовною основою, спостережень за розвитком семантичної та словотвірної структури, символічної фольклорної семантики, основ системного аналізу, уживання у пам'ятках писемності різних жанрів.

3. Українська історична лексикологія як окрема галузь мовознавчої науки (від Ф.П. Філіна до академічної монографії 1983 р.)

Якісно новий етап розвитку науки про історію словникового складу слов'янських мов, в тому числі й української, розпочався наприкінці 40-х років XX століття. Його вихідним пунктом вважають докторську дисертацію Ф.П. Філіна «Лексика руського літературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей)» (1946)⁷⁵ та однойменну монографію, випущену у 1949 році⁷⁶. Ця праця привернула увагу вчених до назрілої потреби вивчення лексики слов'янських мов в діахронічному аспекті. Вона довела можливість і необхідність вивчення історії великої кількості лексичних одиниць за пам'ятниками писемності відповідного періоду з використанням

⁶⁹ Свенціцький І.С. Нариси про мову пам'яток староруського письменства XI віку // Ученые записки Львовского государственного университета им. Ив. Франко. Т. VII. Вопросы славянского языкознания. Книга первая. Львов, 1948. С. 123–139.

⁷⁰ Свенціцький І.С. Питання про автентичність договорів Русі з греками в X віці // Вопросы славянского языкознания. Книга вторая. Львов, 1949. С. 103–122.

⁷¹ Там само. С. 116.

⁷² Свенціцький І.С. Мова Галицько-Волинського літопису // Вопросы славянского языкознания. Книга вторая. Львов, 1949. С. 123–135.

⁷³ Там само. С. 124.

⁷⁴ Там само. С. 124–127.

⁷⁵ Філин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей): В двух частях: Дис. ... докт. филол. наук. Москва, 1946. 805 с.

⁷⁶ Філин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Ленинград, 1949. 288 с.

системного підходу до групування лексики – тематичних та лексико-семантичних груп слів. Доведено також можливість виконання у галузі лексики завершеного дослідження і отримання ймовірних результатів.

Поступово ідею відсутності історичної лексикології окремих слов'янських мов і необхідності її створення починають декларувати у вступних частинах до монографій (Черних П.Я.⁷⁷, Безпалько О.П.⁷⁸, Худаш М.Л.⁷⁹, Брицин М.Я.⁸⁰ та ін.). Таким чином формується думка про потребу створення нової окремої галузі мовознавства – історичної лексикології і робляться перші кроки її створення. Важливу роль щодо підтримки нового напрямку зіграв виступ на сторінках журналу «Вопросы языкознания» провідних мовознавців В.В. Виноградова, О.С. Ахманової, В.В. Іванова, у якому зокрема зазначено: «Необходимо указать на то, что исторических лексикологий отдельных языков у нас нет, и материалы для их построения ещё далеко не собраны. Методика же историко-лексикологических исследований, к сожалению, ещё очень мало привлекает внимание советских языковедов»⁸¹. Статтю сприйняли як заклик до діяльності і визнання нового напрямку. Слід зазначити, що всю подальшу історію історичної лексикології української мови як окрему галузь мовознавчої науки доцільно поділити на два етапи: перший – праці до 1983 року, тобто до виходу академічної монографії «Історія української мови: Лексика і фразеологія»⁸² і другий, сучасний – після виходу цієї монографії.

Українське мовознавство пішло такими шляхами: **перший – дослідження мови (лексика або лексика і фразеології) певної пам'ятки або групи однорідних пам'яток одного періоду; другий – дослідження історії певної тематичної групи слів в українській мові.** У другому відбулося поступове відгалуження праць, присвячених дослідженню історії термінів. Пізніше утворився напрям вивчення тематичної групи слів у певний період за пам'ятниками писемності на східнослов'янському археографічному матеріалі деколи з використанням порівняльної методики. Форма, у якій представлені ці праці, – дисертаційні дослідження та монографії. Дослідників перед усім цікавить ділова писемність, оскільки вона зазнала мінімального впливу старослов'янської мови і значною мірою відбиває народно-розмовне мовлення.

Відкриває перший напрям кандидатська дисертація Ф.Є. Ткача «Язык деловых документов канцелярии Богдана Хмельницкого (лексика и фразеология)» (1954)⁸³. У ній досліджені такі тематичні групи: лексика і фразеологія, пов'язана з безпосереднім світосприйняттям людини та її побутом; суспільно-політична лексика і фразеологія; лексика і фразеологія на позначення соціально-юридичної термінології та канцеляризмів; військова лексика і фразеологія; церковна лексика і фразеологія; слова,

⁷⁷ Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Москва, 1956. С. 3.

⁷⁸ Безпалько О.П., Бойчук М.К., Жовтобрюх М.А., Самійленко С.П., Тараненко І.Й. Історична грамати́ка української мови. Київ, 1957. С. 7.

⁷⁹ Худаш М.Л. Лексика українських ділових документів кінця XVI – початку XVII ст. (на матеріалах Львівського Ставропігійського братства). Київ, 1961. С. 7.

⁸⁰ Брицын М.А. Из истории восточнославянской лексики. Киев, 1965. С. 3.

⁸¹ Ахманова О.С., Виноградов В.В., Иванов В.В. О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии // Вопросы языкознания. 1956. № 3. С. 16.

⁸² Історія української мови: Лексика і фразеологія / Колект. авторів. Відп. ред. В.М. Русанівський. Київ, 1983. 743 с.

⁸³ Ткач Ф.Е. Язык деловых документов канцелярии Богдана Хмельницкого (лексика и фразеология). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1954. 16 с.

що позначають якість та ознаки предметів і дій; слова, що означають кількість і порядок у лічбі та деякі інші⁸⁴. На думку автора, «виділені лексико-семантичні групи надають певної уяви не лише про словниковий склад лексики ділових документів, але й проливають деяке світло на склад лексики української мови I половини XVII ст. в цілому»⁸⁵.

Продовжує цей напрям досліджень кандидатська дисертація М.Л. Худаша⁸⁶, матеріал якої викладено в монографії «Лексика українських ділових документів кінця XVI – початку XVII ст. (на матеріалах Львівського Ставропігійського братства)» (1961)⁸⁷. У якості археографічних джерел використано десять пам'ятників ділової писемності Львівського Ставропігійського братства, зокрема «Договір між ЛСБ і мулярським майстром Павлом Римлянином про будівництво Успенської церкви (від 2 березня 1591 р.)», «Список видатків ЛСБ на ремонт церкви за 1592 – 1612 рр.» та інші⁸⁸. Крім тематичних груп слів, розглянутих у попередній праці Ф.Є Ткача, автор виявив і дослідив такі групи лексики: виробничо-професійна (*горчарь, швецъ, стрѣльникъ, муляръ, фарбѣрь, интреликгаторъ, рурмистръ* тощо); суспільно-економічна (*приходъ, выдатокъ, скарбъ, легкация* тощо); метрологічні та нумізматичні терміни (*локоть, поллоктя, мусъ, маця, таляръ, гривна, шелюгъ* тощо)⁸⁹. У висновках відзначено, що в основі лексичного складу досліджуваних документів лежить яскраво виражена загальнонародна українська лексика, яка в абсолютній своїй більшості без помітних змін у семантиці збереглася в сучасній українській загальнонародній мові та частково в її територіальних діалектах, зокрема південно-західних⁹⁰.

Наступною працею була кандидатська дисертація Л.І. Батюка «Язык летописи Самовидца (лексика, фразеология, морфология)» (1961)⁹¹. Звернення до літературно-історичних творів в якості археографічних джерел зумовлене потребою з'ясування шляхів розвитку української літературної мови XVII століття, початкового періоду формування української нації, оскільки в цьому жанрі відбиті ознаки народного мовлення та його літературного опрацювання. Дослідження лексики у відповідному розділі поділене на дві частини: походження і опис лексико-семантичних груп. У першій частині виявлена велика група спільнослов'янських слів, а також слова, що виникли на українському мовному ґрунті: *паницина, панята, гетманенко, позачинятися, хтось, нѣколи тощо*. Також проаналізовані запозичення – з російської: *дворецкий, думный дякъ, приказъ*; церковнослов'янської: *допущение, сошествіе, благословеніе*; польської (велика кількість): *залога, потреба, литость, вшечность, окрентъ*; латинської: *фортеція, трактатъ, фортуна*; німецької: *бурмистръ, ротмистръ, офѣцерь, штурмъ*; тюркських: *орда, паша, чаусъ*. У другій частині виконано систем-

⁸⁴ Там само. С. 4.

⁸⁵ Там само.

⁸⁶ Худаш М.Л. Лексика украинских деловых документов конца XVI – начала XVII вв. (на материалах Львовского Ставропигиального братства). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1961. 15 с.

⁸⁷ Худаш М.Л. Лексика українських ділових документів кінця XVI – початку XVII ст. (на матеріалах Львівського Ставропігійського братства). Київ, 1961. 164 с.

⁸⁸ Зазначена праця. С. 9.

⁸⁹ Худаш М.Л. Автореф. С. 6–14.

⁹⁰ Там само. С. 13–14.

⁹¹ Батюк Л.І. Язык летописи Самовидца (лексика, фразеология, морфология). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1961. 17 с.

ний аналіз і виявлено ЛСГ – суспільно-політична лексика, назви професій, військова термінологія, лексика сфери побуту, слова християнської богослужбової тематики⁹². Загальний висновок – у Літопису переважає природна українська мова.

До цього ж напрямку відноситься дисертаційне дослідження В.Й. Горобця⁹³ і пізніше – монографія «Лексика історично-мемуарної прози першої половини XVIII ст. (на матеріалі українських діаріушів)» (1979)⁹⁴. Автор підкреслив значення обраних ним джерел, оскільки «кожне слововживання отримало в них чітку хронологізацію (іноді протягом тривалого періоду)»⁹⁵. У роботі виконано опис семантики та походження основних тематичних груп лексики. Спираючись на зібраний у діаріушах матеріал, автор за допомогою історичної лексикографії, праць з історичної лексикології та діалектології виявляє особливості розвитку лексичного складу української літературної мови першої половини XVIII ст. В результаті встановлено, що лексика діаріушів досить повно відбиває предмети, процеси та явища, пов'язані з погодою, побутом, сільським господарством, будівництвом, а також спеціальні поняття у цих сферах людського пізнання. Багато загальноуживаних та книжних слів отримують спеціальні значення і проникають у нову сферу уживання. Розвиток багатьох слів характеризується тенденцією до диференціації, яка супроводжується спеціалізацією та смисловим перерозподілом лексичного складу мови⁹⁶.

Велику увагу наукового світу привернула монографія А.І. Генсьорського «Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості)» (1961)⁹⁷. Праця присвячена дослідженню лексики, фразеології та стилю Галицько-Волинського літопису – пам'ятки, написаної на грані двох епох в період, коли вже виразно виявилось наростання особливостей мови української народності. На думку автора, дані аналізу Галицько-Волинського літопису свідчать, що особливості української мови вже починають складатися. Дослідник зіставив історію найбільш поширених тематичних груп лексики у галицькій та волинській редакціях літопису. Він вважає, що «мова частини до 1261 року (галицька редакція) відбиває мову суспільного середовища, в якому церковнослов'янськи були ще в органічному зв'язку з руською мовою, поступаючись поволі перед лексикою руського народного середовища. Мова частини після 1261 року (волинська редакція) свідчить про мову середовища, в поточному вжитку якого панувала тільки руська лексика, тоді як церковнослов'янськи сприймалися здебільшого як чужі і застосовувалися тільки для стилістичних потреб»⁹⁸.

У роботі розглянуті такі групи лексики (виділені за різними ознаками – тематичної приналежності, походження та ін.); наведемо приклади з галицької редакції – воєнна: *подвигнути оружје, всаживати на конь, бостися, тяти, острожитися, воишь, оружъникъ, мечь, шоломъ* тощо; буденна: *братучадъ, сыновець, окольняя, внѣшня,*

⁹² Зазначена праця . С. 5–12.

⁹³ Горобець В.И. Лексика историко-мемуарной прозы первой половины XVIII в. (на материале украинских диариушей). Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Киев, 1973. 25 с.

⁹⁴ Горобець В.И. Лексика історично-мемуарної прози першої половини XVIII ст. (на матеріалі українських діаріушів). Київ, 1979. 127 с.

⁹⁵ Горобець В.И. Автореф. С.4, 5.

⁹⁶ Зазначена праця. С. 23.

⁹⁷ Генсьорський А.И. Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ, 1961. 283 с.

⁹⁸ Зазначена праця. С. 50.

окрестная, зажещи, запалити, окрестъ, округъ тощо; слов'яно-руського або народно-руського походження: *выгоньци, в'ѣче, жалость, кланяние, кровопитие, пристанокъ* тощо; технічні терміни: *возводный мостъ, самострѣль* тощо; половецькі слова: *актазь, євшанъ*; ятвязькі слова: *б'ѣжъ, дѣряждѣе, жака*; чеські запозичення: *околняя*; германізми: *г'ѣрцикъ, лонокрабовичъ*; мадяризми: *рикс, вицький*; полонізми: *керльѣшь, королѣвство, крижевникъ, пробоц*; з монгольської й татарської: *тотары, богатир, ханъ, кояръ*; простонародні лексеми: *днина, д'ѣвка, кликъ* «глас»; рідкісні, уживані лише у першій частині: *блистатися, верб'ѣе, днина, инуда, клекътати, кожуюхъ, попустити, скрипание, страшливый* та ін.⁹⁹

* * *

Інший підхід до вивчення лексики української мови в діахронічному аспекті, шляхом вивчення історії окремих тематичних груп лексики, демонструють праці Є.І. Чернова, А.А. Бурячка, В.О. Винника, М.П. Кочергана, Д.П. Кирик, А.М. Крейтора, Л.О. Симоненко, П.П. Чучки (молодшого).

У кандидатській дисертації Є.І. Чернова «История названий денег и денежных единиц в украинском языке» (1960)¹⁰⁰ досліджується історія розвитку значень та форм грошових найменувань в українській мові, розглядає їх етимологію, елементи словотвору та фразеологічні одиниці з компонентами назв грошей. У першому розділі розглянуті назви грошових одиниць періоду Київської Русі – *скот, куна, гривна, векша, ногата* тощо, та пізніші (XIV – XV ст.) – *полтина, деньга*, а також назви іноземних грошей – *пенязь, диргем, цята, шеляг* та ін.. Другий розділ присвячено назвам грошей і грошових одиниць в українській мові: *грош / гріш, копійка, злотий, злотківець, лев, чех, полторац, дукац, срібняк, карбованець* тощо. У висновках автор зазначає, що історія становлення грошових назв в українській мові пов'язана з різними ступенями розвитку товарно-грошових відносин.

У монографії А.А. Бурячка «Назвы спорідненості і сваяцтва в українській мові» (1961)¹⁰¹ розглядається лексика, що вживається для позначення родинних стосунків як у літературній мові, так і в діалектах, наприклад: *батько, отець, тато; дядько, стрийко, вуйко; племінник, небіж; шурин, швагер, дівер, сваяк; зовиця* та ін. Вперше була докладно простежена історія виникнення і розвитку кожної назви на ґрунті української мови (починаючи з давньоруського періоду), а також на підставі порівняння українських назв з відповідними назвами інших індоєвропейських мов. Багато уваги приділено розкриттю стилістичного використання цих назв, дослідженню їх семантики, словотворчих можливостей, а також вагомості в загальному словниковому складі української мови.

У монографії В.О. Винника «Назвы одиниць виміру і ваги в українській мові» (1966)¹⁰² вперше розглянуто історію однієї з найдавніших тематичних груп лексики української мови. У зіставленні з іншими (слов'янськими і неслов'янськими) мовами докладно висвітлено процес становлення метрологічної лексики, з'ясоване походжен-

⁹⁹ Зазначена праця. С. 50–110.

¹⁰⁰ Чернов Е.И. История названий денег и денежных единиц в украинском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1960. 15 с.

¹⁰¹ Бурячок А.А. Назвы спорідненості і сваяцтва в українській мові. Київ, 1961. 149 с.

¹⁰² Винник В.О. Назвы одиниць виміру і ваги в українській мові. Київ, 1966. 149 с.

ня, хронологічні рамки і сфера функціонування окремих назв, визначено їх місце в лексико-семантичній системі української мови в різні періоди її історії. Багато уваги приділено розкриттю значення окремих метрологічних одиниць.

Автор висвітлює історію таких тематичних груп і лексем – назви лінійних мір: антропометричного походження: *на ніготь, ... палець, ... долоню; п'ядь, лакоть, крок* тощо; від предметів, що служать мірилом: *ратища, штих, стінка, коцюба* тощо; назви шляхових мір: *перестрѣль, стрѣлице, поприще, два рази палицею кинути, день, дьнище*; назви поземельних мір: з первісним значенням знярядь праці, часових понять і трудових процесів: *плуг землі, день, дообідкова земля, морг, копа, кадь* та інші; назви мір об'єму і місткості: антропометричного походження: *пригорща, жменя, пучка, щупта, дрібок*; назви з первісним значенням різних видів посуду: *лукно, колода, корець, белець, кадь, кадуб, бочка, барило* та інші.

До цього напрямку належить кандидатська дисертація М.П. Кочергана «Лексика понять времени в украинском языке» (1967)¹⁰³, в якій автор розкриває генезу темпоральних назв, простежує історію розвитку їх значень, визначає хронологічні межі функціонування та територіальне поширення цих лексем, досліджує стилістичні функції, дериваційну потенційність та здатність часових назв входити у фразеологічні сполучення. Дослідженню піддані такі групи лексики – назви понять у межах доби: *день, ніч, ранок, вечір*; назви, пов'язані з астрономічними поняттями: *до сходу сонця, зі сходом сонця, коли сонце стояло над головою, до зорі, проти зорі* тощо; назви, пов'язані з прийняттям їжі: *до обіду, після обіду, ранні обіди, пізні обіди, сніданок, вечеря*; назви, пов'язані з трудовими процесами: *косовиця, сінокіс, возовиця, сапане, копаня, упруги* «час запрягання коней» тощо; назви на позначення абстрактних понять: *досвіт, досвіток, світанок, смеркання, сумерки* тощо. Також автор розглядає українські назви днів тижня, місяців, пори року, загальних часових понять. Показовим є висновки про те, що в лексиці часових понять майже відсутні іншомовні запозичення. З термінів іноземного походження, уживаних у сучасній українській мові, відомі лише *ера, епоха, період, секунда* і семантично змінене під слов'янським впливом назва дня – *субота*.

* * *

Далі вказуються праці з історичної термінології, які поступово починають формувати основну тематику досліджень цього напрямку.

Кандидатська дисертація Д.П. Кирик присвячена дослідженню філософської термінології в українській літературній мові дожовтневого періоду (1968)¹⁰⁴. У першому розділі «Філософська термінологія в старій українській мові» автор наводить відомості про викладання філософії в українських навчальних закладах XIV–XVIII ст., філософські терміни у працях українських вчених і письменників Івана Вишенського, Христофора Філалета, К.Т.Ставровцевського, Михайла Козачинського, Петра Лодія, Григорія Сковороди, лексикографів Лаврентія Зизанія та Памва Беринди. Дослідження показало, що філософська термінологія в старій українській мові почала формуватися

¹⁰³ Кочерган М.П. Лексика понять времени в украинском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1967. 16 с.

¹⁰⁴ Кирик Д.П. Философская терминология в украинском литературном языке дооктябрьского периода. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1968. 16 с.

з середини XVI ст., а у XVIII ст. – була вже досить розвиненою. Більшість термінів – старослов'янського походження (*бытіє, вина, естѣство, суцѣство* тощо), користувалися й запозиченнями з грецької і латинської мов (*діалектіка, ентимема, логос, матерія* тощо), у словотворі – продуктивне калькування (*любомудріє* – гр. *філософія, заключеніє* – лат. *conclusio* та інші).

Мовний матеріал другого розділу «Філософська термінологія в новій українській мові дожовтневого періоду» узято з праць західноукраїнських вчених, письменників, публіцистів Климентія Ганкевича (1880), Владислава Федоровича (1872), Івана Франка (1887), Василя Ідницького (1880), Тадея Мандибуря (1902). У висновках автор зазначає, що на відміну від староукраїнської філософської термінології, основу якої склали церковнослов'янські, нова базується на підґрунті народної мови. Її розвиток ішов кількома шляхами: використанням староукраїнських термінів; запозиченням з російської, польської, грецької, латинської мов; калькуванням іноземних (особливо німецьких) термінів; перекладом іноземних термінів відповідними українськими словами; утворенням оригінальних термінів за словотвірними моделями української мови (*витвір, доцільність, нелад*). Процес розвитку в цей період не був завершеним, оскільки існувало ще багато термінів-дублетів.

У дисертаційному дослідженні А.М. Крейтора описано формування і розвиток української термінологіки елементарної математики¹⁰⁵. Автор ставить завдання дослідити історію розвитку системи української математичної термінологіки від часу появи найдавнішого відомого на той час українського підручника з елементарної математики «Руководство ко рахункам для дітей, починаючих вчитися в тривіальній школі во школі раховати» Йосипа Левицького (1845) до видання «Русско-украинского математического словаря» 1960 року. Найбільш історичним є розділ «Структурно-словотвірні особливості українських математичних термінів», який містить результати діахронічного дослідження способів утворення українських ТЕМ. Тут наведена періодизація української термінологіки елементарної математики: 1) 1845–1863 рр., 2) 1863–1900 рр., 3) 1900–1917 рр., 4) 1917–1937 рр., 5) 1937–1960 рр. Критеріями періодизації були такі чинники: обсяг математичних понять в залежності від стану математики у даний період, мовна основа розвитку української математичної термінологіки, вплив іншомовних математичних терміносистем.

У кандидатській дисертації Л.О. Симоненко досліджується мікологічна лексика української мови (1973)¹⁰⁶. Хоча мета і завдання її роботи передбачають дослідження лексики на синхронічному зрізі, відсутні діахронічні спостереження і в описі розділів¹⁰⁷, проте, у зв'язку з тим, що в роботі використані матеріали словників давньоруської мови, Картотеки історичного словника української мови проф. Є.К. Тимченка, ми згадуємо про неї у нашому нарисі.

Нарешті, до розділу по історичній термінології відноситься дисертація П.П. Чучки (молодшого) «История становления украинской географической номенкла-

¹⁰⁵ Крейтор А.М. Формирование и развитие украинской терминологии элементарной математики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1971. 24 с.

¹⁰⁶ Симоненко Л.А. Микологическая лексика украинского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1973. 21 с.

¹⁰⁷ Зазначена праця. С. 3, 4.

туры» (1981)¹⁰⁸. В роботі досліджені народні географічні номени та наукові географічні терміни української мови, яких вживали різного часу для позначення натурогенних об'єктів географічної оболонки Землі. Автором зібрані і проаналізовані засвідчені письмовими джерелами давньоруської, староукраїнської та сучасної української мови номени, уживані у функції назв натурогенних географічних об'єктів. Наприклад: *байрак, балка, березник, бір, видолинок, вир, водорія, гай, гало, гора, заплава, кобур, лагуна, луг, лука, мис, нурт, оазис, осовня, пік, плесо, полонина, провалля, протока, сідловин, скеля, тераса, узмень, холм* та інші. Більшість засвідчених староукраїнських номенів належать до загальнонародних, тобто складають ядро староукраїнської географічної лексики. Вони функціонують на більшій частині української мовної території: *баюра, берег, бистрина, біг, болото, бор, брод, вал, вертеп, верховина, взгорє, вир, гай, глибина, гребінь, дєбря, долина, дол, дуброва, затока, затон, калюжа, корито, криниця, ліс, мілина, могила, море, низина, озеро, окно, остров, отнога, пагорок, подол, поле, поточина, пристань, пустиня, ріка* та інші. Автором також встановлено, що найбільш продуктивними шляхами збагачення географічної номенклатури і староукраїнської, і сучасної української мови були морфологічний та лексико-семантичний способи словотвору. Запозичення обмежені: у народно-розмовній мові вони походять від сусідніх мов, а до літературної проникають в результаті контактів літературних мов (наукові терміни-інтернаціоналізми).

* * *

Важливими для української історичної лексикології були праці, присвячені дослідженню лексики давньоруської мови з подальшим простеженням її впливу на мови східнослов'янських народів, а також вивченню історії лексики східнослов'янських мов у зіставному плані.

Першою з них була докторська дисертація М.Я. Брицина «Юридическая терминология в восточнославянской письменности до XV века» – 1966 р.¹⁰⁹ та його ж монографія «Из истории восточнославянской лексики» – 1963 р.¹¹⁰ В цих працях досліджується юридична номенклатура східних слов'ян епохи Київської Русі та формування трьох східнослов'янських народностей і їх мов. Автор простежує її у становленні, розвитку та співвіднесеності з конкретними історичними фактами, які відбивають процес розвитку судочинства у східних слов'ян. У монографії висвітлена номенклатура судових посадових осіб у східних слов'ян до XV ст.: *судия, намѣстьникъ, вирьникъ, ємьць, мєчьникъ, дєтьський, отрокъ, ябетъникъ, сокъ*; термінологія процесуального права: *судъ, правда, право, судєбья* та інші. В роботі отримали пояснення й лексичні одиниці староукраїнської мови, зокрема *войтъ, бурмистръ, урядникъ, рєчникъ, возный, вижъ* та інші.

Відносно наукової діяльності професора М.Я. Брицина слід зазначити, що він створив в Україні школу історичної лексикології російської мови, яка налічує понад чотири десятки представників і наукових праць, і з огляду на останнє не вписується в межі нашого нарису, вимагаючи окремого дослідження.

¹⁰⁸ Чучка П.П. История становления украинской географической номенклатуры. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981. 24 с.

¹⁰⁹ Брицын М.А. Юридическая терминология в восточнославянской письменности до XV века. Дис. ... докт. филол. наук. Т. 1, 2. 1966. Т. 1. 412 с. Т. 2. 414 с.

¹¹⁰ Брицын М.А. Из истории восточнославянской лексики. Киев, 1963. 158 с.

До цієї ж групи досліджень належить кандидатська дисертація Г.М. Миронової «Названия одежды в древнерусском языке» – 1978 р.¹¹¹ Автором розглянуті такі групи слів – загальні назви одягу: *пърть (пърты), одежда (одѣжда, одѣнье, одѣние, одило, одѣвало), обольченье, риза*; конкретні назви видів одягу: *кожюхъ, свита, японьча, вотола, омета, мять, остегъ, сугубица, луда, яригъ, сагъ, къдманъ, скуть, котюга, хитонъ, окровьница*; назви спеціальних видів одягу: *багряница, чърленица, порфира, хламида, прапруда, корзно, коч, епитрахиль, мантия, стихар, орарь, омофоръ* та інші. Відзначені лексеми, які закріпилися в українській мові: *свита, свитка, свитина, сорочька, гачі, ноговиці, кожюхъ, кацавейка, коця, коцянка, коцайка, коцівка* та інші.

У монографії А.А. Бурячка «Формування спільного фонду соціально-політичної лексики східнослов'янських мов. Назви відносин між державами, народами» – 1983 р.¹¹² розглянуті такі тематичні групи: лексика на позначення мирних і немирних відносин між державами, народами: *миръ, мирень, мирьнии, покои, тишина*; лексеми, пов'язані з поняттями загострення політичних відносин та замирення: *розратитися, розмиритися, розмирие, розратие, рѣздрушити миръ, розверещи миръ, розверещи крестное цѣлование, розверещи крестную грамоту*; найменування сторін у міжнародних відносинах: *полкъ, рать, вои, воиско, сила, дружина* тощо; назви відносин між державами і народами в мирний період: *любов, приязнь, přátельство, дружба* тощо.

Продовжила ці дослідження Т.В. Олещук – «Медицинская лексика в древнерусском книжно-письменном языке: (Наименование болезней и болезненных состояний)» – 1983 р.¹¹³ Робота присвячена аналізу найменувань хвороб як функціонуючої системи у словниковому складі давньоруської книжно-письмової мови (на матеріалі письмових пам'ятників XI – XIV ст.), визначенню спільних та специфічних особливостей зміни їх семантичних структур.

Автор виявив системні відносини у досліджуваній лексиці і розподілив її за такими лексико-семантичними групами – родові найменування хвороб і хворобливих станів: *болѣзь, болѣсть, боль, болѣние, страсть, озъление, кручина, печаль, скорбь, туга, трудъ, немочь, немошь, неможение, недугъ, недужие, недужьство*; видові найменування: *рюма, рума, румъ, зима, огонь, тряса, железа, съмърть, нежитовица, смърьтоносие*; складені словосполучення: *огняная болѣзь, зимная болѣзь, оспный недугъ, смъртоносная язва, грыжьья болѣзь, черьмная нежитовица* та інші. В роботі багато уваги приділено встановленню моделей розвитку семантичної структури лексичних одиниць у досліджуваній період, проте, на жаль, недостатньо – подальшому функціонуванню їх у східнослов'янських мовах.

До цього напрямку прилягає також кандидатська дисертація О.В. Прискоки «Глаголы со значением «трудовой процесс» в русской письменности XIV–XVI вв. (в сопоставлении с украинскими)» – 1984 р.¹¹⁴ В українській частині дослідження

¹¹¹ Миронова Г.М. Названия одежды в древнерусском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1978. 22 с.

¹¹² Бурячок А.А. Формування спільного фонду соціально-політичної лексики східнослов'янських мов: Назви відносин між державами, народами. Київ, 1983. 247 с.

¹¹³ Олещук Т.В. Медицинская лексика в древнерусском книжно-письменном языке. (Наименование болезней и болезненных состояний). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1983. 24 с.

¹¹⁴ Прискока О.В. Глаголы со значением «трудовой процесс» в русской письменности XIV–XVI вв. (в сопоставлении с украинскими). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. 26 с.

автором розглянуті такі лексико-семантичні групи слів – дієслова на позначення родового поняття «займатися трудом»: *робити, уробити, вробити, врибети, проробити, розробити, тружитися, труждатися, дѣлати*; дієслівна номінація трудових процесів будівництва (складається з трьох ЛСГ та одної тематичної групи): дієслова на позначення поняття «будувати»: *дѣлати, нарядити, устроитися, состроити, створити, чыныты, учыныты, доспѣти, рубити, зрубити, създати, созиждати, основати, довершити, забивати, засипати, сипати, будовати, городити, гороживати, тинити, мостити, замостити, воздвигнути, виводити, вивести, ставити*; дієслова на позначення поняття «укріпляти, будувати укріплення»: *крытити, твердити, утвердити, остѣнити, осадити*; дієслова на позначення поняття «ремонтувати»: *поновити, заділувати, замостити, поправити, переправити, направовати*; дієслова на позначення поняття «демонтувати об'єкт»: *збити, порозбирати, знести, позносити, розм'ятати*; конкретні назви трудових процесів будівництва споруд: *класти, викласти, мурувати, вимурувати, крити, покрити, покривати, побити, оббити, умишити, мазати, білити*; дієслівна лексика трудових процесів у галузі ремесла (присвячена аналізу дієслів на позначення трудових процесів обробки дерева, металургії, опорядження та прикрас предметів побуту, вишивання): лексика деревообробки: *рубати, зарубати, порубати, зрубити, утяти, одтинати, утнути, тесати, витесати, отесати, пиловати*; лексика металургії: *лити, с'ляяти, жьжєный, кованый*; назви процесів опорядження та прикраси предметів побуту: *оправляти, різати, ваяти, волочити, обложоны, позлацєнь, злотити, позлотити, ковати, брамовати, шити, вышити, гафтовати*.

Завершуючи опис досягнень у працях з історичної лексикології української мови на етапі кінця сорокових років – 1983 рік, слід зазначити важливість **двох монографій М.А. Жовтобрюха** – «**Мова української преси (до середини дев'яностих років XIX ст.)**» (1963 р.)¹¹⁵ та «**Мова української періодичної преси (кінець XIX – початок XX ст.)**» (1970 р.)¹¹⁶. Обидві монографії присвячені з'ясуванню ролі періодичної преси в історії української літературної мови, в становленні її сучасних орфографічних, фонетичних, морфологічних, синтаксичних і лексичних норм.

Автор виявив велику кількість слів, які через пресу з'явилися або актуалізувалися в українській літературній мові XIX – початку XX століть, адже «практика періодичної преси набагато випереджала тоді сучасну їй лексикографію у виявленні словникового багатства української мови»¹¹⁷. Особливу увагу звернено на поповнення складу суспільно-політичного словника: *агітатор, агітувати, пропаганда, автономія, протекторат, централізм, децентралізація, зцентралізований, федерація, федеративний, федераліст, сепаратизм, сепаратистичний, демократичний, виборчий, опозиція, адміністрація, установа, інституція* та багато інших¹¹⁸. Значної уваги приділено також формуванню у XIX столітті термінологічної лексики під впливом західноукраїнської періодичної преси, яка засвідчує вживання багатьох нових термінів в різних галузях людських знань, наприклад – мовознавстві: *фонетика, фонетичний, етимологічний, граматичні форми, філологічний, словарний запас* та ін.; літературознавстві: *оповідан-*

¹¹⁵ Жовтобрюх М.А. Мова української преси (до середини дев'яностих років XIX ст.). Київ, 1963. 413 с.

¹¹⁶ Жовтобрюх М.А. Мова української періодичної преси (кінець XIX – початок XX ст.). Київ, 1970. 304 с.

¹¹⁷ Жовтобрюх М.А. Мова української преси... С. 313.

¹¹⁸ Там само. С. 311–313.

ня, історичне оповідання, історична драма, новела, ода, епічний, фейлетоніст, рецензія та ін., книжно-видавничій і друкарській справі: друкувати, друк, цензура, цензор, популярна книжка, наукова книжка та ін.; в галузі театрального мистецтва: актор, декорація, трупа, афіша, анонс, завеса, куртина тощо; в галузі природничих, географічних і астрономічних наук; техніки, сільського господарства, медицини, філософії, юридичної спеціальності, ділової мови, а також у фінансовій сфері тощо¹¹⁹.

Зміни у лексичному складі української мови наприкінці ХІХ – початку ХХ ст. докладно описані автором у другій монографії 1970 р. За його спостереженнями, зміст тогочасної періодики відбиває події, пов'язані із зростанням революційного руху, загостренням політичної ситуації, що спричинило до уживання нових лексичних засобів. Багато уваги приділено лексиці, пов'язаній з партійною діяльністю: *партія, програма, з'їзд, політичний, агітаційний, міжнародний, класовий, ідейний, легальний, нелегальний, большевицький, меньшевицький* та ін.; з'являється термінологія на позначення найменувань суспільного ладу, різних державних систем, взаємостосунків між державами та їх внутрішньої і зовнішньої політики: *монархія, самодержавство, державний лад, правительство, уряд, деспотія, імперія, теократія, мілітарна диктатура, класова політика, агресивні заходи, колоніальне питання, міжнародні зносини, міжнаціональні відносини* та ін.; назви людей за їх приналежністю до партії, за участю в партійній роботі, в партійному житті, за політичними переконаннями: *соціаліст, інтернаціоналіст, соціал-демократ, марксист, большевик, меньшевик, есдек, есер, кадет, трудовик, конституціоналіст, анархіст, чорносопонець, антисеміт, клерикал, ліберал* тощо. Розглянуті також тематичні групи найменувань політичних вчень, найменувань населення відповідно до його класового розшарування, назв різних суспільних процесів, економічної та фінансової лексики¹²⁰.

Розвиток історичної лексикології української мови призвів до появи праць науково-методичного характеру професора А.А. Москаленка – «Українська лексика першої половини ХІХ ст. (конспект лекцій із спецкурсу)» – 1969 р.¹²¹ та «Українська історична лексикологія (тексти лекцій із спецкурсу)» – 1972 р.¹²²

У посібнику 1969 року автор характеризує нову лексику української літературної мови кінця ХVІІІ – середини ХІХ ст.: від І.П. Котляревського до Т.Г. Шевченка включно і суспільно-політичну лексику ІІ половини ХІХ ст. В роботі прокоментовано понад 300 слів, нових чи старих, вжитих у новому значенні, з виробничої, суспільно-політичної й побутової лексики.

Посібник 1972 року складається з двох частин – «Лексика мови української народності (ХІV – перша половина ХVІІІ ст.)»¹²³ та «Побутова лексика ІІ половини ХІХ – ХХ ст.»¹²⁴. Важливо наголосити, що попри дидактичну спрямованість наведеного мовного матеріалу ця праця є першою спробою узагальненого висвітлення історії лексичного складу української мови.

¹¹⁹ Там само. С. 319–331.

¹²⁰ Жовтобрюх М.А. Мова української періодичної преси... С. 143–279.

¹²¹ Москаленко А.А. Українська лексика першої половини ХІХ ст. (конспект лекцій із спецкурсу). Одеса, 1969. 92 с.

¹²² Москаленко А.А. Українська історична лексикологія (тексти лекцій із спецкурсу). Одеса, 1972. 64 с.

¹²³ Зазначена праця. С. 4–50.

¹²⁴ Зазначена праця. С. 50–62.

У першому розділі розглянуті лексичні одиниці виробничої тематики – організація великого землеволодіння: *мастокъ, маетность, фольварокъ, вотчина, отчизна, материзна, дідизна, дятковщина, держава, ключъ*; назви земельних ділянок: *кгрунтъ, ланъ, дільниця, царина, волока, сіножатъ, лука, вигонъ, пастовникъ, пастовщина, дубнякъ, березнякъ, урочище*; назви сільськогосподарських культур: *рижъ, тютюнъ, огурокъ, цибуля, озимина, ярица, збоже*; назви форм і способів складання скошеного хліба: *стирта, оборогъ, оденокъ, стодола, клуня*; назви, пов'язані із скотарством: *бидло, табунъ, воловня, возовня, загорода, обора, стайня, сажъ* та інші, а також тематичні групи ремісничої лексики. Окремо виділено підрозділ суспільно-політичної лексики, у якому висвітлено авторські погляди на походження етнічних назв українського народу: *Русь, русини, Малая Русь, Україна, український, українець*; назви різних шарів і прошарків українського суспільства: *богачъ, шляхта, шляхтич, шляхтянка, магнатъ, панъ, дворникъ, дворничка, економъ, лихваръ, урядникъ, сіпачъ, катъ, наймитъ, мужикъ* та інші.

У другому розділі висвітлено побутову лексику – назви житлових приміщень: *флігель, павільйон, шалаш, готель, їдальня, вітальня*; назви речей хатнього вжитку: *буфет, комод, гардероб, софа, крісло абажур, шпалера, гардина*; назви одягу: *пальто, куфайка, бушлат, реглан, пелерина, макінтош, костюм, роздیمانчик, муфта*; назви взуття: *штиблети, боти, гамаші, дуб'яні, калаверці* тощо; назви страв: *солянка, капуста, бурачинка, пілав, пельмені, десерт* та інші. На жаль, орієнтація праці на суто студентську аудиторію спричинила до дещо спрощеного трактування автором складних питань історії окремих лексичних одиниць.

Визначною подією в житті українського мовознавства став вихід у світ у 1983 році академічної монографії, підготовленої колективом авторів, «Історія української мови: Лексика і фразеологія»¹²⁵, яка є узагальнюючою працею з історичної лексикології української мови. У монографії висвітлюється історія формування лексики і фразеології української мови з найдавнішого часу до сьогоднішніх днів. Побудоване дослідження за прийнятою на той час періодизацією розвитку української мови. Отже у ній приділено увагу спільній основі лексичної системи східнослов'янських мов – словниковому складові давньоруської мови. Власне українська лексика розглядається за періодами: XIV–XV ст., XVI–XVIII ст., XIX – поч. XX ст., радянський час. Крім апелятивної лексики досліджуються основні типи антропонімів і назв населених пунктів на території функціонування української мови. Джерельну базу дослідження складають 514 археографічних одиниць.

Результати дослідження описані у таких розділах: «Проблеми вивчення словникового складу мови»; «Праслов'янська лексика»; «Лексика давньоруської мови»; «Лексика і фразеологія XIV – XV ст.», поділена на підрозділи: «Лексика, пов'язана з загальною характеристикою людини», «Лексика, вживана на позначення навколишнього середовища», «Лексика, пов'язана з трудовою діяльністю людини»; «Лексика і фразеологія XVI–XVIII ст.» з підрозділами: «Зміни в лексичній пов'язані з загальною характеристикою людини», «Розширення назв реалій навколишнього середовища», «Зміни у сфері побуту і їх відображення у словнику», «Розширення виробничої лексики», «Тор-

¹²⁵ Історія української мови: Лексика і фразеологія / Колект. авторів. Відп. ред. В.М. Русанівський. Київ, 1983. 743 с.

гівля, гроші, метеорологія», «Суспільне життя»; «Розвиток тематичних груп лексики в українській мові XIX – початку XX ст.»; «Розвиток лексики української мови в радянську епоху»; «Історія власних назв»; «Семантичні процеси розвитку української лексики» та підрозділи: «Внутрішні процеси семантичного розвитку», «Семантичні процеси, зумовлені іномовним впливом».

У написанні книги взяли участь: В.О. Винник, В.Й. Горобець, В.Л. Карпова, Л.І. Коломієць, В.В. Німчук, Л.С. Паламарчук, В.А. Передрієнко, В.М. Русанівський, І.П. Чепіга, П.П. Чучка, Пв.Пв. Чучка¹²⁶.

Монографія не вирішила всіх питань історії лексичного складу української мови, проте вона врахувала все важливе, що було з'ясовано попередніми науковцями, узагальнила різноманітний мовний матеріал, виявила основні тенденції змін у лексиці найпоширеніших тематичних груп в діахронічному аспекті, встановила на той час найповніший реєстр археографічних джерел для історико-лексикологічних досліджень. За наявності такої праці в українському мовознавстві всі подальші спроби історичного вивчення лексики повинні були бути надійно обґрунтовані. Як дедалі побачимо, інтерес науковців до досліджень в галузі історичної лексикології української мови після 1983 року не знизився, а навпаки зріс, а якість спостережень помітно покращилася.

Історична лексикологія української мови на сучасному етапі (1983–2015 рр.)

На цьому етапі у вирішенні дослідниками проблем історії лексичного складу вразно проглядається узагальнююча тенденція. Збільшилася кількість праць, у яких вирішуються питання розвитку усєї лексики української мови у певних хронологічних межах, формування окремих тематичних груп в українській мові, триває також вивчення історії певних тематичних груп лексики у пам'ятках певного періоду. З'явилися і нові праці з історії лексики.

Першими в новому ряді досліджень були докторська дисертація¹²⁷ і монографія О.Г. Муромцевої «Розвиток лексики української літературної мови в другій половині XIX – на початку XX ст.» (1985)¹²⁸. У монографії розглядаються процеси розвитку лексичного складу української мови на матеріалі різноманітних джерел: художньої літератури, публіцистики, критики, наукових праць, словників різних періодів. Досліджуються словотворчі процеси, запозичення слів і семантичні зміни, що сприяли збагаченню лексичного складу української літературної мови другої половини XIX – початку XX ст. Таким чином, у даній праці зосереджена увага на тих аспектах розвитку лексичного складу української літературної мови, які не охоплені відповідним розділом академічної монографії, оскільки він є лише частиною обширного курсу історії української лексики.

¹²⁶ Зазначена праця. С. 13 – 14.

¹²⁷ Муромцева О.Г. Развитие лексики украинского литературного языка во второй половине XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1986. 50 с.

¹²⁸ Муромцева О.Г. Развитие лексики украинской литературной мови в другій половині XIX – на початку XX ст. Харків, 1985. 152 с.

У першому розділі «Лексичні новотвори в українській літературній мові» автор наводить матеріал про новотвори в системі іменника, прикметника, дієслова та в колі складних слів, наприклад, в іменниках: суфіксальні іменники із значенням абстрактної ознаки: з суфіксом **-ість**: *строгість, фальшивість, правдоподібність*; з суфіксом **-ство (-цтво)**: *учительство, шкільництво, жоржсандство*; з суфіксами **-щина, -чина**: *парафіянина, достоевщина, французчина*; з суфіксами **-ізм, -изм**: *радикалізм, общерусизм, дилетантизм*; новотвори на позначення опредметненої дії: з суфіксами **-ння, -ення, -іння, -ття**: *тяжіння, думання, переведення, бродіння, надужиття*; новотвори з нульовим суфіксом: *розвід, провід, розпуск, витвір*; **-ка, -ок**: *рухавка, вкладка, здобуток, наслідок*; **-ація, -ція, -енція**: *реабілітація, централізація, конкуренція*; новотвори на позначення особи: з суфіксами **-ік, -ник**: *авантюрник, передовик, державник*; **-ець**: *видавець, мазепинець, себелюбець*; **тель**: *любитель, слідитель, купуватель*; **-іст, -ист**: *машиніст, капіталіст, есперантист, пейзажист*; префіксальні іменники: *антимілітарист, архітвір, контратака* тощо.

Другий розділ присвячено розгляду лексичних запозичень, зокрема – запозичення 60–70-х років XIX ст.: а) суспільно-політична та економічна лексика: *автономія* (фр. *autonomie*), *інкримінація* (польськ. *inkryminacja*), *комфортабельний* (*comfortable*), *космополіт* (нім. *Kosmopolit*, фр. *cosmopolite*); б) філософська лексика: *абстракція* (лат. *abstractio*), *ідеалізм* (фр. *idéalisme*), *суб'єктивний* (нім. *subjektiv*); в) лексика літератури і мистецтва: *арлекінада* (фр. *arlequinade*), *публіцистика* (нім. *Publizistik*), *романтизм* (фр. *romantisme*); г) загальнонаукова лексика та загальноновживана лексика книжного характеру: *авторитет* (нім. *Autorität*), *ерудиція* (фр. *érudition*), *конфлікт* (нім. *Konflikt*); запозичення 80-х – 90-х років XIX – початку XX ст. – а) суспільно-політична та економічна лексика: *антисеміт* (фр. *antisémit*), *експропріація* (фр. *expropriation*), *культуртрегер* (нім. *Kulturträger*), *страйк* (англ. *strike*); б) філософська лексика: *абсолют* (нім. *Absolut*), *політеїзм* (фр. *polythéisme*, нім. *Polytheismus*), *утопія* (англ. *Utopia*); в) лексика літератури і мистецтва: *декадент* (фр. *décadent*), *мініатюра* (фр. *miniature*, нім. *Miniatur* < іт. *miniatura*), *натуралізм* (фр. *naturalisme*), *фабрикат* (нім. *Fabrikat*); г) загальнонаукова лексика та загальноновживана лексика книжного характеру: *агресивний* (фр. *agressif*), *дегенерація* (фр. *degeneration*, польськ. *degeneracja*), *імпульс* (нім. *Impuls*, фр. *impulsion*).

У третьому розділі «Семантичні процеси в лексичній системі української літературної мови» розглянуті питання термінологізації, детермінологізації та розвитку переносних значень у загальноновживаній лексиці.

Велику наукову працю з вивчення процесу формування ботанічної номенклатури в українській мові здійснив у другій половині XX – на початку XXI ст. І.В. Сабадош. Результати його дослідження викладені у докторській дисертації (1986)¹²⁹, одноіменній монографії (1996)¹³⁰ та монографії «Історія української ботанічної лексики (XIX – початок XX ст.)» (2014)¹³¹.

¹²⁹ Сабадош І. В. Формирование украинской ботанической номенклатуры. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ужгород, 1986. 48 с.

¹³⁰ Сабадош І.В. Формування української ботанічної номенклатури / Відп. ред. В.В. Німчук. Ужгород, 1996. 192 с.

¹³¹ Сабадош І.В. Історія української ботанічної лексики (XIX – початок XX ст.) / Відп. ред. Л.О. Белей. Ужгород, 2014. 600 с.

У дисертаційній роботі на лексичному матеріалі, виявленому в писемних пам'ятках і говорах української мови, досліджується формування української ботанічної номенклатури на загальнослов'янському тлі від найдавніших часів до початку ХХ ст. Характеризуються склад і шляхи поповнення назв рослин окремо в праслов'янській мові і в різні періоди розвитку української мови. Як відомо, ботанічна лексика у пам'ятках писемності XI – XIII ст. відбита дуже бідно. Тому важливим є вирішення проблеми реконструкції праслов'янської ботанічної лексики, яку українська мова успадкувала через давньоруську. Діючи в даному напрямі, автору вдалося скласти список праслов'янських ботанічних номенів, який налічує близько трьох з половиною сотень лексем.

Значний інтерес для науки становить розділ «Формування української ботанічної номенклатури XIV – XVIII ст.»¹³², у якому надана лексико-семантична характеристика ботанічних номенів.

У монографії 2014 року автор продовжує дослідження.

Дослідженням з'ясовано, що у період XIX – поч. ХХ ст. джерела української мови продовжують документувати переважну більшість назв рослин, зафіксованих у текстах староукраїнського періоду. Новотвори в українській ботанічній лексиці становлять величезну кількість, що майже в десять разів перевищує інновації, виявлені в джерелах староукраїнської мови. Порівняно з попереднім періодом різко знизилась концентрація інновацій-дендронімів та назв культурних трав'янистих рослин і значно зросла питома вага нових найменувань дикорослих трав і грибів. Збагачення номенклатури відбувалося тими ж шляхами, як і раніше – словотворення, переосмислення слів, запозичення готових назв флори від інших мов, лексикалізація та метафоризація синтаксичних словосполучень.

Близьким за тематикою до праць І.В. Сабодоша є дослідження процесу формування української біологічної термінології Л.О. Симоненко (1991)¹³³. У монографії висвітлюються семантичні, граматичні і структурні особливості досліджуваної лексики. Джерельною базою є дані термінологічних словників та найновіших робіт у галузі біології. З історичної точки зору цікавим є розділ «Генетична характеристика»¹³⁴. У ньому автор відзначає, що ядром розглянутої лексики є народна термінологія – розуміється як спільнослов'янська: *вид, волокно, волосок, гриб, жилка, жито*; східнослов'янська: *крилатка, пазуха, шийка, клубочок*; українська: *волоть, китиця, маточка, приймочка* та ін.. Проте у XVIII столітті мав місце вплив російської науки на формування української біологічної термінології завдяки російським перекладам праць європейських вчених Жилібера, Турнефорта, Ліннея та створенню власних І. Двигубського, Ф. Полікарпова, І. Мартинова, А. Болотова, М. Максимовича: *борідка, волос, голівка, дудка, коліно, коробочка, кошик, пазуха, човник* тощо. Також автор наводить запозичення у біологічній термінології з грецької, латинської, арабської, англійської, німецької, французької, тюркських та інших мов. У висновку зазначено, що сучасна українська біологічна термінологія пройшла досить широкий і складний шлях розвитку – від термінологізації спільнослов'янських і давньоруських загальноживаних слів, прямого запозичення лексичних одиниць з латинської, грецької та західноєв-

¹³² Сабодош І.В. Формування української ботанічної номенклатури. С. 61–142.

¹³³ Симоненко Л.О. Формування української біологічної термінології. Київ, 1991. 150 с.

¹³⁴ Зазначена праця. С. 19–23.

ропейських мов до вироблення власних найновіших словотворчих моделей з використанням як національних, так і інтернаціональних терміноелементів.

До праць з історії української термінології прилягає і кандидатська дисертація В.В. Марченка, у якій розглянуто будівельну терміносистему¹³⁵. Робота присвячена розгляду таких питань, як процеси формування й принципи систематизації будівельної термінології, способи утворення будівельної термінології, будівельна термінологія як об'єкт лінгвістичного нормування. До історичної лексикології вона дотична тим, що в ній розглянуто початковий період формування сучасної української будівельної термінології у XIX столітті.

Наступна робота в цьому ж руслі з української хімічної термінології належить Г.В. Наконечній (1994)¹³⁶. Мета дослідження – виявлення особливостей розвитку української хімічної термінології (УХТ) в діахронічному плані та встановлення специфічних рис сучасної УХТ як підсистеми літературної мови. Історичний матеріал зосереджено у розділі «Соціолінгвістичні умови формування, розбудови і розвитку української хімічної термінології». У ньому автор простежує розвиток УХТ в діахронії (1861–1990 рр.), визначає особливості формування досліджуваної терміносистеми під впливом гетерогенних соціолінгвістичних факторів на окремих синхронних зрізах.

Продовжилося дослідження історії терміносистем української мови у дисертаційній роботі М.С. Разумейко, присвяченій розгляду педагогічної лексики (1995 р.)¹³⁷. У ній досліджено в порівняльно-історичному й лексико-семантичному аспектах педагогічна лексика української мови з врахуванням розвитку педагогічної науки в Україні. Встановлено, що основою формування педагогічної лексики сучасної української мови були праслов'янська і давньоруська мови. Лексика педагогіки постійно поповнюється за рахунок дериватів та запозичень з багатьох європейських мов.

Власне історичний матеріал наведено у першому розділі «Розвиток педагогічної лексики української мови в історичному висвітленні». Тут висвітлене питання зародження освіти і педагогічної думки в Київській Русі, характеризується її стан у період утворення української нації. Проаналізовані лексичні одиниці *учитися, ученьє, ученьє книжньос, учитель, ученикъ, невѣжа, невѣлоось, азѣбуки* та інші. Розглянуті також лексеми різних періодів уживання у староукраїнській мові: *дидаскалия, даскаль, грамота, граматика, философъ, школа* (XIV–XV ст.), *лексисъ, глосарій, пѣстунство, педагогія, дѣтководитель, педагогъ, вихованіє, догма, устава, наука* (XVI–XVIII ст.), *гімназія, повітова школа, духовне училище, ліцей, інститут шляхетних дівчат, земська школа, учительська семінарія, колегія, комерційне училище* тощо (XIX – поч. XX ст.).

Наступне дослідження Е.І. Огар присвячене українській друкарській термінології (1996)¹³⁸. В роботі здійснено аналіз історії розвитку української термінології

¹³⁵ Марченко В.В. Украинская строительная терминология: систематизация, образование, нормирование (На материале микросистемы «Терминология жилищно-гражданского строительства»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1992. 17 с.

¹³⁶ Наконечна Г.В. Формування і розвиток української хімічної термінології. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Київ, 1994. 17 с.

¹³⁷ Разумейко М.С. Педагогічна лексика української мови. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Київ, 1995. 25 с.

¹³⁸ Огар Е.І. Українська друкарська термінологія: формування та функціонування. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Київ, 1996. 22 с.

книгодрукування кінця XV – початку XIX ст. – серцевини сучасних поліграфічної та видавничої термінологій (УТК). Розглянута специфіка терміносистеми, що розвивається шляхом мовного саморегулювання. Схарактеризовані позамовні чинники розвитку УТК, на підґрунті ономазіологічного підходу описані макро- та мікротерміногрупи УТК, проаналізовані основні термінодериваційні (переважно семантичні) моделі та лексичні джерела УТК.

З точки зору історичного дослідження лексики привертає увагу другий розділ «Термінополе “книжка як матеріальний продукт книгодрукування”», у якому подано аналіз реконструйованого в ході дослідження лексичного матеріалу, що об’єднаний в макротематичну групу термінів на позначення матеріального продукту книговиробництва XVI–XVIII віків. Автор описує окремі мікротематичні групи: різновиди друкованої книги – *книга, книжечка, апостол, буквар, кграматака, діксіонар, метафраст, мінея, октоїх* тощо; терміни на позначення функціональних елементів книжки – *азбука, писма, писмена, літера, версали, строка, стороница, главізна, поглавіє, червоне писмо, визерунок* та ін.; терміни на позначення одиниць вимірювання форматів та обсягів друкованої книжки – *ін фоліо, фолійова книжка, ін кварто, в положенію чет-вертковом, лист, лібри, табор* тощо.

Наступну проблему щодо формування української психологічної термінології вирішувала у кандидатській дисертації Л.М. Веклинець (1997)¹³⁹. В роботі досліджується психологічна термінологія української мови в генетичному, лексико-граматичному та лексико-семантичному аспектах з урахуванням розвитку психологічної науки в Україні. Встановлено, що основними джерелами СУПТ є спільнослов’янська, давньоруська, українська лексика, а також інтернаціоналізми і запозичення з європейських мов.

Власне історичний огляд поданий у другому розділі «Склад СУПТ з погляду її походження». Зокрема, до спільнослов’янського та давньоруського походження належать такі ЛСГ: позначення назв відчуттів, здатності відчувати – *чувство, почутьє, зьракъ, слухъ*; позначення внутрішніх почуттів людини та пов’язані з ними стани – *радость, съчастьє, гнѣвъ, соромъ*; позначення рис характеру, вдачі та нахилів людини – *добръ, золь, гърдость*; позначення процесу мислення людини – *умъ, розумъ, мысль, мыслити, память*. З-поміж запозичень у староукраїнську мову автор подає: зі старослов’янської (ті, що прижилися) – *духъ, істота, істина*; з польської – *наметность, встид*; з німецької – *вундеркінд, траур*; з французької – *престиж, транс*; з англійської: *тест, стрес*; з латинської та грецької – *темперамент, фантазія, індивідуум* тощо.

Українську військову лексику в її історичному розвитку розглянула у кандидатській дисертації Л.В. Мурашко (1997)¹⁴⁰. Автор здійснив комплексний лінгвістичний та лінгвоісторичний аналіз військової термінології як частини словникового складу української мови; простежив провідні тенденції і чинники, які виявили себе в даному процесі і зумовили вибір тих чи інших термінів, їх використання у писемності і літературі.

¹³⁹ Веклинець Л.М. Структура і походження сучасної української психологічної термінології. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1997. 24 с.

¹⁴⁰ Мурашко Л.В. Українська військова лексика в її історичному розвитку (військові звання та посади). Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1997. 21 с.

В результаті проведеного дослідження зазначений процес виглядає таким чином: від княжої доби успадковані назви найзагальніших понять військової справи – *лукъ, стріла, вои, воиско, воєвода, дружина, темникъ, тысяцкій* тощо; у XV – XVI ст. з'являються полонізми – *залога, в'язень, жовніръ*; тюркські терміни – *джура, осавула, отаманъ*; у XVI – XVII ст. на території України латина входить як обов'язковий компонент освіти, що сприяє прониканню латинізмів – *канцелярія, комісаръ, каштелянъ, рсєнтъ*; у XVII – XVIII ст. російська мова стає одним із каналів проникання іншомовних запозичень, зокрема таких слів – *солдат, драгун, гусар, єфрейтор, сержант* тощо; з розвитком судноплавства у XVIII – XIX ст. в Україні разом з новими реаліями вливаються в мову й іншомовні слова *лоцман, шкіпер, штурман, юнга, матрос* тощо.

З метою подальшого компактного представлення кількох праць з історії релігійної термінології, ми відступаємо від прийнятого нами хронологічного порядку і, забігаючи на два роки наперед, подаємо відомості про кандидатську дисертацію **Л.Д. Малевич «Становлення і розвиток української гідромеліоративної термінології», захищену у 2000-му році**¹⁴¹. На основі системно-функціонального підходу в синхронно-діахронному аспекті в дисертації схарактеризовано склад і структуру української гідромеліоративної термінології (УГМТ) у зв'язку з її функціями та середовищем формування, окреслено основні тенденції розвитку терміносистеми з давніх часів до XX ст. У роботі визначено шляхи та способи творення гідромеліоративних найменувань на різних етапах становлення термінології, проаналізовано лексико-семантичні процеси, що супроводжують її функціонування. Вироблено практичні рекомендації щодо впорядкування й удосконалення сучасної термінології гідромеліорації (усунення надлишкової варіантності, омонімії тощо).

Виходячи з характеру зібраного матеріалу, автор поділяє історію УГМТ на 5 основних періодів: 1) донауковий етап – до середини XIX ст.; 2) II половина XIX – початок XX ст.; 3) 20-ті – початок 30-х років XX ст.; 4) середина 30-х – кінець 80-х років XX ст.; 5) 90-ті роки XX ст. Автор відзначив синкретизм та поліфункціональність більшості термінів на першому донауковому етапі (*труба, ставъ, тама, язъ, гать*), кількісне зростання за рахунок запозичень – на другому (*відставна нитка, нівеляційний знаряд, вогкість земна*), націоналізація (домінувала) та інтернаціоналізація термінології – на третьому (*берма – відступка, буна – пригата*), також деяке орієнтування на російську терміносистему (*сточище – басейн, несний – несучий; батометр, глибиномір – батометр* тощо), калькування російських термінів – на четвертому (*водопідйом, водозберігаючі способи поливу*), кілька протилежно спрямованих тенденцій – на п'ятому (продовження традицій радянського періоду: *самовідмостка, промивка ґрунтів*; спроби коригування термінів відповідно до норм української мови: *водоприймаюча – водоприймальна свердловина*; орієнтація на міжнародну термінологію: *меліоративний моніторинг, інжиніринг* тощо).

У 90-і роки минулого століття в українському мовознавстві посилюється інтерес до церковної термінології, який за радянського часу виявляти не рекомендували. У зв'язку з цим з'являється декілька досліджень на цю тему. Наводимо їх усі поспіль з невеликим порушенням хронології.

¹⁴¹ Малевич Л.Д. Становлення і розвиток української гідромеліоративної термінології. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1999. 20 с.

Назви церковних чинів та посад розглянуті у кандидатській дисертації С.В. Біблї (1997)¹⁴². В її роботі досліджено лексико-тематичну групу слів на позначення церковних і монастирських чинів та адміністративних посад української церковної термінології (УЦТ). Розглянуто системні відношення всередині української церковної термінології, з'ясовано склад і структуру окремої тематичної групи, проаналізовано походження, історію і функціонування термінів церковного адміністративного устрою. Виявлено екстра- та інтралінгвальні чинники, що впливали на формування української церковної термінології.

Автор (умовно) виділив шість періодів розвитку УЦТ, різних за інтенсивністю її функціонування та поповнення. 1) Початок організованого формування церковної термінології (кінець X – початок XI ст.), пов'язаний з прийняттям християнства в Київській Русі, коли в зв'язку із здійсненням переказів візантійських книг старослов'янською мовою, з'явилися грецькі запозичення, і були переосмислені дохристиянські культові терміни (*жрцьь, жертва, отцьь*). 2) З XIV до середини XVII ст. Входження власне латинських та сполонізованих латинських елементів, а також збагачення національними власно мовними за вербальним оформленням термінами. 3) Кінець XVII – перша половина XIX ст. Гальмування становлення розгляданої терміносистеми у зв'язку зі зміною політичної ситуації в Україні – жорсткою централізацією православної церковної влади в Москві та заборонаю на будь-яку автокефалію в Україні. 4) Доба культурно-національного відродження другої половини XIX ст. – 20-х років XX ст. Друкуються українською мовою різні «Проповіді», «Катехізи», активізується робота над перекладами Святого Письма українською мовою. 5) Початок 30-х – початок 80-х років XX ст. Проходить під знаком утисків і заборони церкви взагалі. 6) Від 90-х років XX ст. до теперішнього часу. Характеризується науковим підходом до вивчення УЦТ та усвідомлення її як окремої ланки української лексичної системи.

Автор окремо розглянув історію термінів на позначення церковних чинів та церковно-адміністративних посад священнослужителів з білого і чорного духовенства. Наприклад, з назв діяльності білого духовенства проаналізовані такі тематичні групи лексики: назви збірного поняття «служителі культу взагалі» – *духовенство, духівництво, церковенство, клирсьь, клирь, причетьь*; назви осіб, що не належать до кліру, не мають духовного звання – *миряни, парафія, паства, приходьь*; номінація культових служителів – а) церковнослужителів: *клірикь, паламарь, читці, співці, дзвонарі, ризничі, свічконосці, проскурниці, вратарі*; б) священнослужителів: *дияконь, архидияконь, протодияконь, іподияконь, диякониса, священикь, ієрей, пресвітерь, батько, отець, панотець* тощо.

Формування номенклатури назв релігійних споруд в українській мові дослідила в кандидатській дисертації Н.В. Піддубна – 2000 р.¹⁴³ Вона визначила склад і характер формування сучасної номенклатури назв релігійних споруд і їх частин на різних етапах розвитку української мови.

В результаті з'ясовано, що найдавнішими словами на позначення релігійних споруд були праслов'янізми *святиня, божниця, контина*, які позначали священні місця

¹⁴² *Бібла С.В.* Склад, джерела і шляхи формування української церковної термінології (назви церковних чинів та посад). Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1997. 20 с.

¹⁴³ *Піддубна Н.В.* Формування номенклатури назв релігійних споруд в українській мові. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2000. 19 с.

язичників, із запровадженням християнства вони переосмислилися. Основна частина назв релігійних споруд з'явилася в давньоруській мові через посередництво церковнослов'янської у X–XIII ст. У староукраїнській мові (XIV–XVIII ст.) до складу ЛСГ увійшов ряд власне українських найменувань – *бабинець, казальниця, дзвіниця* та ін.. Для цього етапу характерне також засвоєння лексичною системою української мови через польське посередництво значної кількості латинізмів, переважно католицьких – *каплиця, кляштор, плебанія, катедра, фара* тощо. У 30-х роках XIX ст. – 20-х роках XX ст. досліджувана ЛСГ збагатилася словом *собор*, яке розширило свою семантику, набувши нового значення «головна чи велика церква міста; головна церква в монастирі», а також назвами релігійних споруд ранньохристиянської доби – *крипта, базиліка*, – й східних релігій – *теке, нагода, мінарет*. У XX ст. функціонування було досить обмеженим, і тому репрезентативними лексикографічними джерелами ця лексика представлена неповно. В останні десятиліття XX ст. в українській мові, переважно у релігійній науково-популярній літературі, з'являються деякі нові назви релігійних споруд та їх частин екзотичних для українців релігій – буддизму, індуїзму тощо – *кенса, гурдвар, кондо, девагріха* та ін.¹⁴⁴

Формування української церковно-обрядової термінології розглянула у кандидатській дисертації Н.В. Пуряєва (2001)¹⁴⁵. Автор встановив, що церковно-обрядова термінологія зародилася разом із церковним обрядом у греко-візантійській культурі і була перенесена на східнослов'янський мовний ґрунт через перекладені старослов'янською мовою священні й богослужбові книги. Модифікована в лінгвальних умовах України старослов'янська – церковнослов'янська мова забезпечувала церковно-комунікативну сферу аж до кінця XIX ст. Отже формування термінології східно-християнського обряду відбувалося у надрах церковнослов'янської мови і на основі грецької прототерміносистеми, у відчутній залежності від останньої.

Українська церковно-обрядова термінологія в процесі свого розвитку зазнавала закономірних змін: кількісного поповнення і редуції, варіювання. Важливим фактором цього розвитку виступала *норма* спеціального спілкування, а зокрема терміновикористання у богослужбовій сфері. Зазначену норму протягом XI–XIX ст. визначала послідовна орієнтація на виражальні засоби церковнослов'янської мови як сакральної й культової і на грецьку церковно-термінологічну протосистему. Це зумовлювало, з одного боку, ретельне оберігання церковнослов'янських форм від суттєвих впливів української літературної мови, а з другого – постійний приплив грецизмів у термінологію церковного обряду.

Впровадження української мови в церковно-релігійну комунікацію (XX ст.) спричинило формування *нової норми* спеціального спілкування в ній, яку визначала орієнтація на ресурси української мови. Це викликало «українізацію» церковно-обрядової термінології на всіх рівнях: фонетичному, словотвірному, лексичному. Під впливом цієї нормативної тенденції на периферію терміновикористання, у так званій пасивній термінофонді, закономірно стали витіснятися лексеми грецького й старослов'янського походження. Крайнім проявом зазначеного процесу став продемонстрований деякими

¹⁴⁴ Там само. С. 15–16.

¹⁴⁵ Пуряєва Н.В. Формування української церковно-обрядової термінології (назви богослужбових предметів). Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2001. 20 с.

користувачами мови радикальний мовний пуризм (*звіздиця – зірка, хоругва – прапор, рипіда – опахало*) тощо.

Близька до попередньої проблематика вирішується у кандидатській дисертації Т.В. Мороз, присвяченій дослідженню лексики перекладів книг Святого Письма на українську мову (2007)¹⁴⁶. Роботу присвячено дослідженню семантико-стилістичної характеристики лексики перекладів книг Святого Письма, виконаних П. Кулішем та І. Пулюєм у контексті формування й розвитку української літературної мови в другій половині XIX – на початку XX ст., у зв'язку з нормотворчими настановами перекладачів та їх орієнтацією на дві форми історичного існування української мови – народно-розмовну та писемно-книжну, а також у зіставленні з нормами сучасної української літературної мови. Особливої уваги приділено лексиці з історичними конотаціями, яка сходить до староукраїнського періоду, коли переважно вплив на розвиток української культури і літературної мови чинили представники кількох станів – православного духовенства, військового стану, міських ремісників, а сама українська мова розвивалася в умовах активного контактування з церковнослов'янською, польською, німецькою та ін..

В ході дослідження проведено відбір та систематизацію таких слів, які належать до різних шарів пасивного фонду лексики сучасної української мови (історизмів, лексичних і семантичних архаїзмів, діалектизмів, аторських лексичних інновацій) і за своїм використанням в тексті високого книжного стилю, яким є Святе Письмо, перебувають у певному дисонансі з актуальними уявленнями відносно їх функціональних можливостей. Особливо це стосується церковнослов'янізмів, а також запозичених в період XV – XVII ст. західнослов'янізмів, германізмів, тюркізмів, угаризмів, зафіксованих у писемних джерелах, що охоплюють всю етнічну територію у межах того часу. Більшість цих слів збереглася до наших днів в говорах південно-західного наріччя української мови, а в кінці XIX – на початку XX ст. їх активно використовували в західноукраїнському варіанті літературної мови.

Близька до попередніх і тема дисертаційного дослідження лексики української мови у почаївських виданнях Р.Є. Кисельова (2005)¹⁴⁷. У дисертації у порівняльно-історичному та типологічному аспектах проаналізовано розвиток лексичного складу української мови за друкованими виданнями Почаївського Успенського монастиря XVIII – першої третини XIX ст.. Шляхом контекстного аналізу простежено умови і способи закріплення живого народного мовлення, визначено репертуар видань (усього 39), текст яких повністю або частково є українським: богослужбові книги, видання катехітичного змісту, ораторсько-проповідницькі твори, підручник з богослів'я, духовні пісні, поетичні твори, світські видання науково-практичного жанру та ін. Детально проаналізовано лексику, пов'язану зі світом живої та неживої природи, часом, простором та іншими характеристиками буття, лексику, що характеризує інтелект людини, її професійну діяльність, побут, суспільне становище. Звернуто увагу на взаємозв'язок між тематичною організацією лексики та інтенсивністю впливу народно-розмовного мовлення і книжних джерел, а також впливів систем інших мов на літературну мову.

¹⁴⁶ Мороз Т.В. Лексика перекладів книг Святого Письма у контексті розвитку української літературної мови в другій половині XIX – на початку XX ст. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Чернівці, 2007. 20 с.

¹⁴⁷ Кисельов Р.Є. Лексика української мови в почаївських виданнях XVIII – першої третини XIX ст. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2005. 18 с.

Можна констатувати, що проаналізовані видання відіграли важливу роль у розвитку української мови, оскільки ними утверджувалася й апробувалася лексика, покладена згодом в основу нової літературної мови.

Останнім на сьогодні з серії досліджень клерикальної термінології є кандидатська дисертація¹⁴⁸ та монографія¹⁴⁹ Ю.В.Осінчука (2008, 2009) про історію української богослужбово-обрядової лексики. У них досліджено українську богослужбово-обрядову лексику в діахронічному аспекті. Розглянуто системні відношення в українській богослужбово-обрядовій лексиці, з'ясовано її склад, структуру, проаналізовано походження, історію функціонування назв богослужінь, обрядів і священнодій. Визначено джерела формування й поповнення досліджуваних назв. Виявлено екстра- та інтралінгвальні чинники, що впливали на формування української богослужбово-обрядової лексики.

Зокрема в розділі «Історія назв богослужінь» автор розглядає терміни кількох тематичних груп – «загальні назви богослужінь»: *служба, служіння, набожество, служити, литурґісати, відправляти, правити, звершити*; «назви добових богослужінь»: *вечірня, повечер'я, час, всенічна, утренняя, літурґія – обідня, обідниця – зображальна, меса*; «назви приватних богослужінь»: *молебень – параклис, панахида, парастас, похорон, третини, дев'ятини, сороковини – сорокоуст – сорочини – чотиридесятини, роковини, литія*; «назви церковних таїнств»: *хрещення, миропомазання, евхаристія, елеопомазання, священство*; «назви складників богослужінь і таїнств»: *проскомидія – предложення – приношення. Літурґія оголошених – літурґія слова, літурґія вірних – літурґія евхаристії – літурґія жертви, анафора, поліелей, освячення святих (чесних) дарів – евхаристійне освячення святих дарів, оголошення – оглашення.*

У розділі «Формування найменувань церковних обрядів і священнодій» висвітлено такі тематичні групи і терміни – «назви богослужбових обрядів»: *облачання, возведення – ставлення, роздроблення артоса, благословення хліба, поцілунок миру, поклоніння хресту – поклоніння чесному хресту, цілування хресне, винесення плащаниці – спорудження Божого гробу, спільна чаша, виведення молодої – введення – вивід, вводина – уцерковлення, освячення – освячувати – святити, вмивання рук – обмивання рук, умивання ніг, обряд теплоти, заручини – заручення, обручення, причащення – причастя, цілування останнє – останнє прощання*; «назви церковних священнодій»: *вінчання, обітниця – обіт – подружжя присяга, відречення сатани, кадіння – садження, святе піднесення – піднесення святих дарів, піднесення святого Аґнця – піднесення святого Хліба, ламання святого Аґнця – роздроблення святого Аґнця, вихід – вхід, відпущення гріхів відпущення – розрішення*; «назви літурґійних жестів»: *благословення, поклін – метанія, головопреклоніння – преклоніння голови, колінопреклоніння, знамення хресне – знак хреста, осіняти, биття в груди*; «назви молитов, молитовних формул літурґійних виголосів»: *молитва, виголос – виголошення, відпуст, ектенія, мирствування – мирний виголос – літурґійне привітання, слова встановлення – слова освячення – освячувальні Христові слова, славослів'я – славословіє.*

¹⁴⁸ Осінчук Ю.В. Історія богослужбово-обрядової лексики української мови. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2008. 20 с.

¹⁴⁹ Осінчук Ю.В. Історія української богослужбово-обрядової лексики. Київ, 2009. 176 с.

Важливим є висновок автора про те, що перехід у богослужінні на українську мову (XX ст.) спричинив до засвоєння нею всієї сформованої в надрах церковнослов'янської мови богослужбово-обрядової лексики і разом з цим до появи нових українських відповідників до грецизмів чи церковнослов'янізмів, а також до адаптації іншомовних запозичень на інших рівнях – фонетичному, морфологічному, синтаксичному. Варіантність, яка з'явилася внаслідок зазначених процесів, свідчить, що формування й творення української богослужбово-обрядової термінології ще не завершено.

Першою працею в українському мовознавстві, присвяченою дослідженню формування риторичної термінології в українській мові та її сучасного стану, стала монографія З. Куньч (2006)¹⁵⁰. У ній вперше досліджено історію розвитку системи української риторичної термінології у зв'язку з розвитком ораторського мистецтва в Україні, проаналізовано джерела і шляхи формування і поповнення риторичної термінології та виявлено причини різного ступеня інтенсивності розвитку цієї терміносистеми в різні історичні періоди. На матеріалі підручників, навчальних посібників, трактатів, статей з теорії ораторського мистецтва, багато з яких вперше віднайдено та введено до наукового обігу, розглянуто характер взаємодії та співвідношення національного та інтернаціонального напрямів у процесі формування риторичної термінології.

У власне історичному плані увагу привертає розділ «Основні етапи становлення термінології ораторського мистецтва». У ньому розглянуте питання періодизації розвитку риторичної термінології, а також досліджується термінологічна лексика риторики, пов'язана з ораторським мистецтвом кожного періоду. Так, для термінології риторики в Київській Русі, яку містить переклад трактату Херобоска, характерне калькування як спосіб утворення нових слів за зразком грецької мови. Наприклад, *инословие* – гр. ἀλληγορία ‘алегорія’; *прѣводъ* – гр. μεταφορά ‘метафора’; *прилогъ* – гр. παράδειγμα ‘приклад’ тощо. Більшість термінів латинського походження, вжитих у латинськомовних риториках XVII–XVIII ст., знайшли в процесі свого подальшого розвитку українські відповідники, які закріпилися за цими поняттями, хоча латинізми можуть виступати як синоніми: *invention* – *віднаходження* – *інтенція*; *argumentum* – *доказ* – *аргумент*; *dubitatio* – *вагання* – *дубитація* та інші. Розглядаючи риторичну термінологію в українськомовних працях, автор підкреслює велике значення риторичного твору «Наука короткая албо способ зложеня казаня» Йоаникія Галятовського. Автор «Науки» надає перевагу термінам латинського походження: *ампліфікація*, *ексординум*, *наррація*, *пропозиція*, *конклюдія*, *сентенція*, *фігура* тощо. Майже всі іншомовні терміни Й. Галятовський прагне пояснити українськими лексичними відповідниками: *ампліфікація* – *розширення*, *наррація* – *повість*, *конклюдія* – *кінець*. Отже відсутність у XVII–XVIII ст. екстралінгвальних впливів сприяла гармонійному розвитку терміносистеми. Відповідно до власного мовного чуття та спираючись на наявні тенденції мовного розвитку, автори трактатів намагались удосконалювати риторичну термінологію, наближаючи її до лексичних норм української мови того періоду.

¹⁵⁰ Куньч З. Українська риторична термінологія: історія і сучасність. Львів, 2006. 216 с.

* * *

Другий напрям історико-лексикологічних досліджень після 1983 року, в проблематиці якого конкретизовані періоди і тематичні групи досліджуваної лексики, розпочався з кандидатської дисертації Л.П. Гнатюк «Наукова термінологія у творах Г.С. Сковороди» (1989)¹⁵¹. Автор ставить за мету на підставі вивчення наукової термінології, уживаної Г.С. Сковородою, і зіставлення її з термінами попередніх періодів, а також з термінами, зафіксованими в творах інших авторів XVIII ст., визначити місце мислителя в історії розвитку наукової термінології в Україні.

У першому розділі розглянуто термінологію гуманітарних наук – філософії, філології, історії, психології, правництва. Найповніше у творах Г.С. Сковороди представлена філософська термінологія. Крім традиційних (*бытіє, время, философъ, философія*), поширені терміни, що передають поняття трьох світів (макросвіту, мікросвіту, Біблії) та двох натур (видимої і невидимої). Поняття макрокосмосу відбивають терміни *мыръ великій, мыръ всеобщій, мыръ обительный, вселенная, вовсевселенная, всевселенная, все-на-все, пампанъ*. Поняття двох інших світів – людини і Біблії – передають терміни *мыръ малый, мыръ частный, мырикъ, мырокъ, микрокозмъ; Библиа, маленький богообразный мыръ, мырикъ, мыръ бібличный, мыръ символічний (символическій), мыръ фігуральный* тощо.

У другому розділі розглянуто термінологію природничих наук – астрономії, географії, фізики, хімії і математики. Зокрема український мислитель вживав такі терміни астрономії – *обсерваторія, обсерваторіумъ, обсерваторъ, зрительна трубка, труба звѣздозорная, телескопъ, планета, планета земля, земный клубъ, кругъ земный, луна, звѣзда, Коперниканскіи миры, Коперниканскіи системы, Коперниковски сферы, Коперниковы мыры, системы мыровъ* та інші.

У висновках автор відзначає, що найповніше представлена філософська термінологія, яка значною мірою створена самим Г.С. Сковородою як віддзеркалення його власного світогляду. Термінологія решти гуманітарних наук, а також природознавства і математики представлена традиційними термінами, які мислитель вживав для позначення вже існуючих наукових понять. Характерним для стилю письменника є взаємопроникання наукового, логічного мислення і мислення образного, художнього. Цим зумовлено те, що наукові терміни у Г.С. Сковороди часто уживані у складі тропів – метафор, порівнянь, гіпербол, персоніфікацій, а в окремих випадках слугують засобом вираження іронії та сарказму.

Дослідженню української абстрактної лексики XIV–першої половини XVII ст. присвячені докторська дисертація¹⁵² і монографія¹⁵³ Л.М. Полюги (1991, 1992). У них вперше в українському мовознавстві на великому фактичному матеріалі пам'яток писемності XIV–XVII ст. характеризуються шляхи формування і становлення української абстрактної лексики, аналізуються основні семантичні групи слів, їх стилістичні функції, зокрема багаті синоніміка і антоніміка, роль в утворенні термінології. Простежуються словотворчі типи і моделі абстрактних іменників, їх варіант-

¹⁵¹ Гнатюк Л.П. Научная терминология в произведениях Г.С. Сковороды. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1989. 20 с.

¹⁵² Полюга Л.М. Украинская абстрактная лексика XIV – первой половины XVII вв. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1990. 30 с.

¹⁵³ Полюга Л.М. Українська абстрактна лексика XIV – першої половини XVII ст. Київ, 1991. 237 с.

ність. Робиться спроба пояснити причини виникнення абстрактних слів. Автором досліджені такі питання – абстрактність слів, формування абстрактних іменників української мови та способи їх поповнення, словотворення абстрактних іменників – найактивніший спосіб їх поповнення, лексико-семантична класифікація абстрактних слів, функціонування та стилістичне використання абстрактних іменників.

Розглядаючи лексико-семантичну класифікацію абстрактних слів, автор демонструє лексичне багатство абстрактних іменників у писемних пам'ятках української мови XIV – першої половини XVII ст.

Далі слідує кандидатське дисертаційне дослідження наукової лексики у творах Кирила Транквіліона-Ставровецького Г.М. Наєнко (1994)¹⁵⁴. Автор аналізує зазначену лексику з погляду семантики, етимології, джерел живлення, меж поширення та особливостей функціонування у творах різних жанрів.

Великої уваги приділено вивченню філософської термінології, зокрема таких тематичних груп – загальні назви науки: *богословіа, теологіа, філософіа, наука філософскаа, метафизеонъ, физелозицы*; вчення про чотириєдиний світ: *миръ, свѣтъ, невидимый муръ, долній муръ, малый муръ (свѣтъ), четвертый злосливый миръ*; першо-елементи: *плоть, вода, зємля, теплота, слухъ, злость, а також диханіє, зрѣніє, обонаніє, слышаніє, оубійство, лакомство*; проблема буття: *бытіє, суцество, твар, бытность, створенѧ, истность, пресуцественное суцество* тощо; загальні філософські категорії: *вѣчность, времѧ, единосущіє, качество, непрѣмѣнность, пржедвѣчній, присносуцній, вѣчность, предвѣчность, единосущіє, непрѣмѣнность, начальство*; проблема пізнання: *умъ, разумъ, умное зрѣніє, познати самого себе*; природа, матерія, речовина: *матеріа, натура, физисъ, вѣцество, прироженѧ*.

Розглянуті також тематичні групи термінології інших наук – термінологія сферичної астрономії, метеорологічна номенклатура, термінологія географії, термінологія аристотелівської фізики. В результаті автор дійшла висновку, що наукова лексика творів К.Транквіліона-Ставровецького відображає як особливості тогочасної науки (синкретизм, початковий етап диференціації філософії і теології та філософії і природничих наук), так і оригінальні світоглядні позиції автора. В цілому наукова лексика ґрунтується на засобах рідної мови: 30,5% термінів філософії та 58,5% природничої лексики питомі.

Назвам кольорів у пам'ятках української мови XIV – XVIII ст. присвячена кандидатська дисертація М.І. Чікало (1994 р.)¹⁵⁵. Вибір теми спричинений тим, що історична лексика на позначення кольорів належала до маловивчених. Щоб отримати цілісну картину розвитку мовного вираження української колористики, простежує функціонування назв кольорів протягом усієї писемної історії: детально зупиняючись на пам'ятках XIV – XVIII ст., залучає і дані попередньої писемності, і сучасної літературної і народно-розмовної мови. Значну увагу в роботі приділено питанню про колір, поліхромне бачення та його відображення в мовній дійсності, у якому досліджено позамовні аспекти колористики, що спричинили появу у мові слів на означення барв. За виробленим на цій основі критерієм усі назви кольорів поділено на дві групи – назви

¹⁵⁴ Наєнко Г.М. Наукова лексика у творах Кирила Транквіліона-Ставровецького. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1994. 23 с.

¹⁵⁵ Чікало М.І. Назви кольорів у пам'ятках української мови XIV – XVIII ст. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Львів, 1994. 23 с.

ахроматичних кольорів (мікросистеми білого, сірого та чорного кольорів, більшість одиниць яких несуть в українській писемності XIV – XVIII ст. значне навантаження) і назви хроматичних кольорів, тобто таких, які містяться у сонячному спектрі (червоний, жовтогарячий, зелений, жовтий, синій і блакитний, фіолетовий і так званий мішаний колір – коричневий). До найбагатших в українській мові належить макросистема червоного кольору, до якої в XIV – XVIII ст. входили такі назви – *багрянний, борщовий, бураковий, вишневий, кармазиновий, коралний, маковий, пурпуровий, рожевий, рудий, рум'яний, червоний, шарлатний*.

В цілому автор робить висновок, що лексика на позначення кольорів, засвідчена в українських писемних джерелах XIV – XVIII ст., являє собою в основному сформовану ЛСГ відкритого типу, що легко піддається вичленуванню, здатну чітко і точно диференціювати переважно більшість кольорів та відтінків.

Далі слід назвати комплексне дослідження з історичної лексикології та історичного словотвору, у якому висвітлені семантична та словотвірна характеристики назв осіб у пам'ятках української мови XVI – XVIII ст., здійснила О.В. Кровицька (1995 р.)¹⁵⁶. Воно присвячене актуальній проблемі вивчення історичного словотвору та історичної лексикології. На широкому матеріалі писемних джерел української мови XVI – XVIII ст. в роботі аналізується одна з найбагатших в семантичному відношенні мовних категорій – *nomina personalia*. Категорія представлена 5 лексико-семантичними групами, різними за своїм складом. Серед назв осіб домінують іменники, утворені за допомогою суфіксів праслов'янського походження. В кожній з груп засвідчені іншомовні слова.

З семантичної точки зору виявлені назви осіб складають такі лексико-семантичні групи: назви осіб за родом діяльності та професією, за соціальним та майновим станом, суспільно-політичним становищем, територіальною та національною ознаками, за сімейними та родинними стосунками, свояцтвом, за зовнішніми ознаками та внутрішніми властивостями. Зазначені групи поділяються на підгрупи, кожна з яких включає певну кількість лексичних рядів, зокрема підгрупа «назви осіб, що займають певне соціально-економічне становище» об'єднує такі лексичні ряди: а) назви осіб, пов'язаних з торгівлею: *барышникъ, гандлювникъ, корчмарь, крамарь, крамникъ, купець, купчикъ, откупщикъ, перекупщикъ, торговець* та ін.; б) назви осіб, пов'язаних з фінансовою діяльністю, грошообігом: *должмить, должникъ, дебиторъ, депозиторъ, кредиторъ* тощо; в) назви осіб, що займаються господарською діяльністю: *господарь, найматель, хазяинь* та інші.

Також автор описує словотвірну класифікацію назв осіб і простежує основні тенденції розвитку категорії особи в пам'ятках української писемності XVI – XVIII ст.

Наступним стало дослідження назв одягу в пам'ятках української мови XIV – XVIII ст. Г.В. Войтів (1995 р.)¹⁵⁷. В дисертації досліджено лексичний склад, семантичну структуру, походження, специфіку та напрям еволюційних процесів у тематичній макрогрупі, яка включає назви одягу, прикрас та головних уборів в пам'ятниках української мови XIV – XVIII ст.. Простежується подальша доля аналізованих найме-

¹⁵⁶ Кровицька О.В. Семантична та словотвірна характеристика назв осіб у пам'ятках української мови XVI – XVIII ст. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1995. 22 с.

¹⁵⁷ Войтів Г.В. Назви одягу в пам'ятках української мови XIV – XVIII ст. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Львів, 1995. 24 с.

нувань і окремих мікрогруп, їх роль в розвитку української літературної мови і функціонування в сучасних говорах.

У розділі «Назви одягу» розглянуті такі тематичні групи і лексичні одиниці – поняття «одяг взагалі»: *одежда, платье, риза, строй, сукня, убирь, шата*; назви натільного одягу (кількісно обмежена): *кошуля, рубашка/рубаша, сорочка, чехликъ*; назви чоловічого поясного одягу: *гачі/гаці, ногавиці, плюри, портки, речи сподніє, убранє, шаровары, штаны*; назви жіночого поясного одягу: *запaska, индеракъ, плахта, сподниця, фартухъ*; назви зимового довгого одягу: *кожухъ, газука, дел'я, фerezия, шуба, футро/хутро*; назви довгополого верхнього одягу з домотканого сукна: *кирея, гуня, свита, сердяга, сукманъ, с'фрякъ*; назви плащовидного одягу: *бурка, бурнусъ, доломанъ, кобенякъ, опанча, плащъ*; назви інших різновидів довгополого верхнього одягу: *бекеша, ермакъ, жупанъ, каптанъ, кунтушь, л'фтникъ, однорядок, саянъ, чамара, чуга*.

Також розглянуті і проаналізовані назви прикрас, зокрема назви особистих прикрас людини: прикраси шиї та грудей, прикраси вух, прикраси зап'ястя, прикраси пальців, прикраси оздоб одягу тощо та назви головних уборів (чоловічих і жіночих, спеціальних видів головних уборів).

На сам кінець автор робить висновок, що особливістю досліджуваної лексики є її тісний зв'язок з одним із найрухливіших елементів матеріальної культури, що робить її динамічною і нестійкою. Тому активний процес розвитку, збагачення групи назв одягу не припиняється і досі. Однак основу цього розряду лексики становлять засвідчені в писемних пам'ятках XIV – XVIII ст. назви, які збереглися і функціонують у сучасній літературній мові та діалектах.

Наступне дослідження у галузі історичної лексикології належить Л.П. Бойко (1997). В її дисертації в лексико-семантичному аспекті досліджена торговельна лексика запорозького козацького вжитку¹⁵⁸. Проаналізовані походження і функціонування, встановлені склад і структура термінів, пов'язаних з торгівлею, розглянуті системні стосунки всередині досліджуваної групи. Обґрунтовуючи актуальність теми, автор стверджує, що вся торгівля Польщі, Литви, України і південної Росії XVI – XVIII ст. була в руках запорозьких козаків і велася через їх посередництво.

В роботі проаналізовано такі тематичні групи лексики – назви процесів і дій, пов'язаних із купівлею-продажем: *торговати, сторгувати, приторгувати, торгованьє, торговля, міняти, проміняти, мена, купити, скупити, купля, купецтво, продати, розпродати продаваньє, распродажа* та інші; лексика на позначення торгових приміщень та місць торгівлі: *базаръ, рынок, ярмарок, рядъ (крамний, хлібний, шинковий, р'фницький), крамъ, лавка, складъ, комора (шинкова, крамна, торгова)* тощо; лексика на позначення осіб, пов'язаних з торгівлею: *купецъ, купецкіє люди, базарні люди, торговецъ, торгові люди, ярмонкові люди, гостъ, продавецъ, шинкаръ, шинкарка, крамаръ* тощо; лексика на позначення митних зборів: *мито, пошлина, повинность, оплатка, даток, індукта, евекта, екзакція, мито торговое, ярмарковое, мостовое, гребельне, перевізне, баитовое* та інші.

Підсумовуючи отримані результати, автор відзначає: дослідження торговельної лексики запорозького козацького вжитку дає підстави твердити про її системний ха-

¹⁵⁸ Бойко Л.П. Торговельна лексика запорозького козацького вжитку. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 1997. 18 с.

ракти, що проявляється в тематичному групуванні. У цій лексиці відобразилися внутрішньомовні зміни, загальні тенденції історичного розвитку української мови, а також соціальні чинники, що впливали на її становлення і розвиток.

Розвиток семантики побутової лексики українських літописів кінця XVII – початку XVIII ст. (назви їжі, напоїв, продуктів харчування) дослідила в кандидатській дисертації¹⁵⁹ і висвітлила в однойменній монографії¹⁶⁰ О.А. Крижко (1997, 1998). У монографії подано комплексний лексико-семантичний аналіз побутової лексики на означення їжі, напоїв, продуктів харчування, зафіксованих у літописах Самовидця, С.Величка, Г.Граб'янки, та вивчено шляхи семантичного розвитку цих слів в українській мові.

В результаті проведеного дослідження автор дійшов висновку, що лексика на означення їжі, напоїв, продуктів харчування у кінці XVII – на початку XVIII ст. представлена як взаємопов'язана система елементів. Основними видами системних зв'язків, які охоплюють усі групи найменувань, є відношення полісемії, синонімії, варіативності. Синонімічні відношення встановлюються між однокореновими і різнокореновими словами (*запас, припаси; корм, пища, потрава*) та атрибутивно-іменними словосполученнями (*запаси ядомие, припаси кормніє, с'єстніє припаси, харчевіє запаси*). Досліджувані номінації характеризуються лексичною (*водка – гор'їлка*) та фонетичною варіативністю (*провіанть – провіантъ – провянтъ*). До багатозначних відносяться такі слова, як *кормъ, медь, м'ясо, пища, риба*.

В українській мові XIX – XX ст. розширення семантики досліджуваної лексичної групи проходить переважно за рахунок конотативних значень у складі різних видів метафори, тоді як у російській мові вказаного періоду відбувається утворення денотативних семем, зокрема – термінологічних.

З'ясуванню системних відносин у тематичній групі «військова лексика козацтва» в українській мові XVII–XVIII ст. присвячена кандидатська дисертація Я.І. Рибалки (1998 р.)¹⁶¹.

У дисертаційному дослідженні розглядаються структурні і семантичні особливості військової лексики козацтва XVII – XVIII століття. Висвітлюється питання про основні типи системних зв'язків у досліджуваній лексиці, зокрема класифікуються лексико-семантичні угруповання і словесні опозиції, в яких перебувають досліджувані нomeni, встановлюється місце синонімії в описаному матеріалі. Також аналізується генетичний аспект структури козацьких військових назв: розглянуто способи номінації, описані словотвірні моделі та з'ясовано ступінь їх продуктивності; автор характеризує роль іншомовних запозичень у тематичній групі військової лексики козацтва.

Велика тематична група ділиться за принципом родо-видової ієрархії на декілька менших груп, для яких характерне: а) наявність спільної категоріально-лексичної семи, яка складає семантичну основу групи; б) однотипність і повторюваність диференційних сем, які уточнюють категоріальну сему; в) польовий характер структури

¹⁵⁹ Крижко О.А. Розвиток семантики побутової лексики українських літописів кінця XVII – початку XVIII століття (назви їжі, напоїв, продуктів харчування). Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1997. 17 с.

¹⁶⁰ Крижко О.А. Розвиток семантики побутової лексики українських літописів кінця XVII – початку XVIII століття (назви їжі, напоїв, продуктів харчування). Київ, 1998. 169 с.

¹⁶¹ Рибалка Я.І. Структура тематичної групи «військова лексика козацтва» в українській мові XVII – XVIII століття. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 1998. 20 с.

кожної ЛСГ. Наявність у словах однотипних повторюваних сем пов'язує ці слова у межах групи в певні словесні опозиції. Широко представлений тип семантичних опозицій. В залежності від характеру співвіднесеності компонентів наявні опозиції розпадаються на три види: опозиції тотожності, приватні та еквіполентні опозиції.

У висновках відзначено, що аналізований словниковий склад являє собою складну систему перехрещених між собою лексичних одиниць, пов'язаних парадигматичними відношеннями.

Юридичну лексику кримінально-процесуального права Гетьманщини дослідив у кандидатській дисертації Б.Р. Стецюк (1999)¹⁶². В роботі у межах виявлених тематичних груп з'ясовано семантику, джерела походження, умови та шляхи формування юридичних лексем. Проаналізовано словотвірну структуру лексичних одиниць. Простежено розвиток юридичної лексики кримінально-процесуального права в наступні періоди її функціонування та визначено її роль у становленні терміносистеми права сучасної української мови.

Автор дійшов висновку, що юридична лексика кримінально-процесуального права Козацько-Гетманської держави є невід'ємною складовою частиною загальнонародної мови, в основі якої лежить словник живого народного мовлення. Ця лексика являє собою добре структуровану і системно організовану групу слів і словосполучень, у якій відобразилися загальні тенденції історичного розвитку української мови, а також внутрішньомовні зміни, спричинені соціально-політичними умовами життя нашого народу в період Гетьманщини.

Юридична лексика кримінально-процесуального права періоду Гетьманщини справила значний вплив на формування правничої термінології сучасної української мови. З проаналізованих понад 300 лексем більше 70 без істотних змін у значенні функціонують у сучасній українській мові, становлячи основу цієї групи лексики. Частина слів стала історизмами й відійшла до пасивної лексики української мови (*куна* «штраф», *четвертування*, *підкоморський судъ*, *урядъ* «місцевий суд, місцеве управління», *лавиця*, *війть*, *лавники*, *райця*, *возний*, *законникъ*) і вживається в сучасній українській мові переважно як архаїчний елемент. Окремі з них (наприклад, *гетьман*, *отаман*), що використовувалися як історизми, зараз знову повертаються до активного вжитку.

Більшість лексем кримінально-процесуального права згаданого періоду становлять слова загальнонародної української мови, які були успадковані з давніх часів: *безчестя*, *вина*, *вирокъ*, *даток*, *жалоба*, *жалобникъ*, *забити*, *зłodій*, *злочинець*, *кийова*, *карність*, *колодникъ*, *красти*, *кривда*, *куна*, *лице*, *межовицикъ*, *нав'язка*, *наказъ*, *писар*, *підписок*, *позовъ*, *поранити*, *право*, *проситель*, *розбійникъ*, *свавільникъ*, *свідок*, *скарга*, *сторона*, *судъ*, *убивство*, *шибеницею карати* тощо. Значна їх частина зберігає й давню семантику.

Наступна праця з історії медичної номенклатури в пам'ятках української мови XVI – XVIII ст. належить Г.М. Дидик-Меуш (2003)¹⁶³. Дисертацію присвячено дослідженню українських медичних найменувань у діахронічному аспекті. На основі

¹⁶² Стецюк Б.Р. Юридична лексика кримінально-процесуального права Гетьманщини. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Запоріжжя, 1999. 16 с.

¹⁶³ Дидик-Меуш Г.М. Медична номенклатура в пам'ятках української мови XVI–XVIII ст. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2003. 21 с.

пам'яток XVI – XVIII ст. проаналізовано семантичну структуру, основні словотвірні моделі, походження, еволюційні процеси, системну організацію конститuentів тематичної групи «назви хвороб людей», у межах якої функціонують лексико-семантичні групи «загальні назви хвороби» і «назви конкретних захворювань». Простежено подальшу долю аналізованих найменувань, їх роль у розвитку української літературної мови загалом і мови медичної науки зокрема, функціонування в сучасних говорах. Встановлено, що особливістю лексики цієї тематичної групи є її тісний зв'язок із природничими науками, удосконаленням знань про специфіку людського організму, що робить досліджувану медичну номенклатуру динамічною та нестійкою.

В лексичному відношенні автор досліджує дві ЛСГ «загальні назви хвороби» та «назви конкретних захворювань». У першій групі проаналізовані лексеми, що означають умовно-узагальнене поняття «фізичне нездужання, слабкість»: *боль, буль, болезнь, болѣзнь, болесть, болѣсть, болясть, бодем, болость, недуга, недугъ, немочь, немощь, фороба, хороба, хворота, хорота, слабость, бетегъ, бетюгъ, гумори*. Фактичний матеріал дозволив зробити висновки про те, що загальні назви хвороби є родовими щодо назв конкретних захворювань, які виступають їх видовими корелятами. Гіперо-гіпонімічні відношення охоплюють усі загальні найменування хвороби.

У розділі «Назви конкретних захворювань» розглянуті ЛСГ на позначення недуг різноманітних за етіологією та проявом. Наприклад, найменування дерматозів: *бородавка, бубонесъ, дименица, карбункуль, короста, свербъ, сверблячка, рожа, лишай, пархи – парши, шолудѣ, проказа, трудъ, облива*; назви венеричних хвороб: *дворска хороба, хороба блудних, хороба храницкая, франца, френчюга, гонорея, червеница*; назви інфекційних хвороб: загальні: *моръ, морове повѣтре, повѣтре*; назви інфекційних кишкових хвороб: *бігунка, дизентерія, поносъ, проносъ, різачка, жолтяница, холера*; назви інфекційних хвороб дихальних шляхів: *вусна, оспа*; назви кров'яних інфекційних хвороб: *горачка, зимница, зыма, лихорадка, огневица, огневая немоч, трасца, трясовица, фебра, квартана, квотидіяна, полтредячка, п'ятидневная терціана, третячка, четверодневная, щоденна, дзжума, пестилентія, пестис*; назви інфекційних хвороб зовнішніх покривів: *гидропгобія, сказъ, списмусъ, тетинусъ, шаленство*; назви внутрішніх хвороб: назви захворювань сполучної тканини: *артетика, артетична болезнь, ломота, гирагра, хирагра, педогра, подагра, сцѣтатика*; назви захворювань органів кровообігу: *гостецъ, колтонъ, колтонова хвороба*; назви захворювань органів дихання: *дихавиця, удуше, сухая болезнь, сухота, сухоти, сухотная болезнь*; назви захворювання нирок і вивідних шляхів: *водоточивный недугъ, запираніє водноє, заперте водного проходу, возбранє мочю, дисурія, ісхурія, странгурія, незадержанє урини, камень, пѣсокъ* тощо.

Основу сучасних українських найменувань хвороб людей становлять лексеми, засвідчені у пам'ятках XVI – XVIII ст.: вони активно використовуються на всіх функціональних рівнях – у літературній мові, у сфері медичного користування та діалектах.

Далі з'являється дослідження педагогічної лексики української мови XVI – XVIII ст., виконане О.Ю. Зелінською (2003 р.)¹⁶⁴. Робота виконана на матеріалі писемних пам'яток зазначеного періоду. У ній проаналізовано три тематичні групи – наз-

¹⁶⁴ Зелінська О.Ю. Педагогічна лексика української мови XVI – XVIII ст. Автореф. дис. канд. філол. наук. Київ, 2003. 21 с.

ви закладів освіти: *училище, школа, академія, гімназія, колегіумъ, семінарія, бурса, училищный монастир, духовная семінарія, школа братская* та окремі підрозділи освітньої установи, клас: *инфима, аналогія, граматика, синтаксема, поетика, риторика, філософія, богословіє, теологія*; назви осіб за видом діяльності у педагогічному процесі: *дидаскаль, протодидаскаль, дякъ, учитель, колегіатъ, гімнастесъ, педагогъ, дѣто-учитель, дѣтоводитель, пестунъ, грамотникъ, грамотикій, риторикій, професоръ, магістръ, майстер, ученикъ, учень, бурсакъ, богословъ, поетикъ, студей, студентъ, школяръ, жакъ* та інші; лексика на позначення понять, пов'язаних із навчально-виховним процесом: *наука, обученіє, наученіє, изученіє, выкладати, выкладання, преподавати, выкнути, навикнути, тшчатися, воспитати, воспитаніє, воскормити, воскормленіє, доховати, доховувати, вихованіє, виховати, выховывати* тощо. Вивчається динаміка розвитку їх семантики, визначається історична перспектива, аналізуються семантичні процеси, що супроводжують розвиток педагогічної лексики у XVI–XVIII ст.

Автор дійшов висновку, що становлення педагогічної лексики в українській мові XVI – XVIII ст. відбувалося головним чином шляхом семантичного розвитку вже існуючих слів, запозичення, афіксального словотвору, а також за рахунок утворення складних найменувань на базі однослівних. Значна частина розглянутих лексем збереглася в новій українській мові в якості педагогічних термінів. Можна стверджувати, що між педагогічною лексикою української мови XVI – XVIII ст. і новою українською мовою аж до сучасного періоду існує безперервний зв'язок.

Дослідженню проблеми розвитку синонімії в українській мові II половини XVII – I половини XVIII століття (на матеріалі староукраїнської поезії, прози та драматургії) присвячена кандидатська дисертація Н.І. Заболотної (2005)¹⁶⁵.

У дисертації сформульовано теоретичну базу системно-історичного аналізу синонімії. Вперше здійснено комплексний аналіз синонімії на матеріалі текстів різножанрових пам'яток літератури II половини XVII – I половини XVIII століття. Реконструйовано синонімічні ряди, з'ясовано специфіку відношень між синонімічними одиницями, функціональні характеристики, генетичні та семантичні джерела синонімії. Обґрунтовано наявність міжмовної синонімії як продуктивного явища епохи у зв'язку зі впливом барокової естетики на поповнення резервів виражальних можливостей словникового запасу української мови. Приділено увагу авторським інноваціям у лексичній синонімії в загальному руслі поширення синонімічних рядів.

Один з різновидів юридично-економічної лексики української мови XV – XVIII ст. дослідила Т.І. Крехно (2005 р.)¹⁶⁶. Дисертація присвячена комплексному дослідженню номінацій плат, податків, повинностей в українській мові XV – XVIII століть. У роботі з'ясовано склад та джерела поповнення словника, проаналізовано закономірності внутрішньої організації, досліджено системні відношення, виявлено специфіку еволюції й функціонування макросистеми як лінгвістичної одиниці. Запропоновано лексико-тематичну та структурно-граматичну класифікацію лексичного ма-

¹⁶⁵ *Заболотна Н.І.* Розвиток синонімії в українській мові II половини XVII – I половини XVIII століття (на матеріалі староукраїнської поезії, прози та драматургії). Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2005. 20 с.

¹⁶⁶ *Крехно Т.І.* Історія лексико-семантичної групи «плати – податки – повинності» в українській мові XV–XVIII століть (на матеріалах українських пам'яток). Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2005. 20 с.

теріалу. У досліджуваному фрагменті словника виявлено тенденцію до уніфікації семантичних трансформацій, чіткої регламентації дериваційних процесів. Водночас акцентовано на специфічній властивості номенів лексико-семантичної групи виражати те саме номенклатурне значення різними структурно-граматичними моделями. Певна частина номінативних одиниць уперше введена у наукову сферу, семантичну структуру ряду слів уточнено. З'ясовано окремі об'єктивні критерії адекватності семантичного реконструювання.

Аналізуючи семантичну характеристику лексичних одиниць, автор реконструював семантичну структуру слів: *поляховщина, огуричина, езовщина, змирская куніца, куничное, згонщина, сеничное, сеножатное, кликовщина, мазепщина; уточнив значення слів: ралець, впоминок, виход, ординщина, куніца, викидицина, дубацына, сено* тощо.

Наступним було дисертаційне дослідження С.А. Яценка одного з різновидів побутової лексики української мови XIV – XVII ст., зокрема назв продуктів харчування, страв і напоїв (2009)¹⁶⁷. В ньому на основі широкого фактичного матеріалу досліджено зазначену тематичну групу лексики та здійснено лексико-етимологічний аналіз виявлених номенів, визначено основні способи й засоби їх номінації та розкрито структурно-морфологічні особливості. Досліджено співвідношення власне українських і запозичених назв, простежено долю досліджуваних лексем у сучасній українській літературній мові та діалектах.

Зазначено, що одним із джерел вивчення словникового складу тематичної групи слів на позначення продуктів харчування, страв та напоїв є власні назви (*Луковица* «назва села в молдавському князівстві», *Корній Крупа, Гришко Крупник, Крупъченко, Тимошъ Масло, Масличенко, Масловский* тощо). З'ясовано, що досліджувана тематична група лексики є багатоплановою системою, яка об'єднує лексико-семантичні групи назв продуктів харчування, страв та напоїв різних типів, узагальнююча модель яких відображає диференціацію лексики за певними ознаками. Зокрема у роботі розглянуті гіперномени «те, що їдять»: *пища, трава, истрава, потрава, кърмъ, кормля, ѣдь, ѣдло, ѣдѣне, обѣдь. иства, вариво, варъ, вара, живность, годовля, лекгумина, вети, снѣданя, вечеря* тощо. На широкому фактичному матеріалі описана історія броматонимів рослинного походження. В роботі також розглянуті назви тваринного походження (м'ясних та рибних продуктів), а також майже невивченої в українському мовознавстві групи помономів.

Для порівняння використано матеріали досліджень інших слов'янських мов, що дало змогу встановити взаємовпливи й одночасно яскравіше висвітлити особливості становлення та розвитку української лексичної системи в зазначений період. Визначено, що на кінець XVII ст. номенклатура продуктів харчування, страв і напоїв української національної кухні в загальних рисах уже була сформована.

Дослідженню семантико-стилістичних параметрів функціонування абстрактної лексики у творах Петра Могили присвячене дисертаційне дослідження Н.М. Томи (2012)¹⁶⁸. У роботі проведено дослідження абстрактної лексики української мови першої половини XVII ст. Вона виконана на матеріалі творчості відомого українського

¹⁶⁷ Яценко С.А. Назви продуктів харчування, страв і напоїв в українській мові XIV–XVII століть. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2009. 20 с.

¹⁶⁸ Тома Н.М. Семантико-стилістичні параметри функціонування абстрактної лексики у творах Петра Могили. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2012. 19 с.

релігійного і культурного діяча, богослова, мислителя, проповідника, письменника Петра Могили.

Розглянуто системні відношення всередині української абстрактної лексики першої половини XVII ст., з'ясовано її склад і структуру, проаналізовано походження, історію функціонування абстрактних лексем. Досліджено найважливіші лексико-семантичні мікрополя: «Почуття та емоції» (*боязнь, бояться, гнѣв, жалость, жаль, злоба, злость, кохати, любовь, лютъ, наслажденіе, озлобленіе, радость, скорбь, счастье* та інші), «Духовність» (*благовѣріе, вѣра, Духъ Святыи, душа, невѣріе*), «Мораль» (*благодать, безчестіе, грѣхъ, нечистый, совѣсть, сумнѣня, цнота*), «Розум» (*безмльвіе, безумніе, вѣдать, глупство, зрозуменя, мова, мовити, мудроразсудный, разумь, размышлять*), «Риси характеру» (*вдячный, гордыня, зацность, зычливыст, пыха, щедрота*), «Фізичний стан» (*животъ, житіе, могти, возможность, моць, нароженя, сила, слабый, смерть*), «Суспільне життя» (*багатство, велможный, влада, звѣтязство, неволя, покора, праця, свобода, трудъ*).

Вивчається динаміка розвитку абстрактних лексем, визначається історична перспектива, аналізуються семантичні процеси, що супроводжують розвиток абстрактної лексики в XVII ст.

Останньою на поточний момент у цьому напрямі є кандидатське дисертаційне дослідження М.М. Паночка (2013) розвитку юридичної термінології в Західній Україні (1772 – 1918 рр.)¹⁶⁹. У дисертації комплексно проаналізовано закономірності становлення і розвитку української юридичної термінології в західноукраїнській мовній практиці 1772 – 1918 років у контексті формування загальнонаціональної правничої термінології. Окреслено теоретико-методологічні засади дослідження процесу розвитку західноукраїнської юридичної термінології австрійського періоду, визначено основні джерела формування і розбудови досліджуваної правничої термінології.

З'ясовано специфіку словотвору західноукраїнських юридичних термінів, висвітлено лексико-граматичні особливості аналізованих слів. На основі дослідження юридичного термінотворення на західноукраїнських землях у взаємозв'язку з аналогічним процесом на території Наддніпрянщини окреслено внесок Галичини в становлення і розвиток загальнонаціональної системи юридичних термінів. Так, автором встановлено, що саме на сучасному етапі розвитку помітна тенденція до помітна тенденція до відродження тих історичних термінів, які були витіснені з української юридичної лексики: *винувальник, оголошення, карний, мешканець, нотар, показ, почин, правник, речник, чин* тощо; орієнтацію на західноєвропейську традицію в оформленні чужих слів, наближенні їх до мови-джерела; відмови від штучно створених або невдало калькованих росіянізмів та інших запозичень і їх заміна автохтонними назвами, які фіксують західноукраїнські джерела: *відвод – відстава (відставлення), відсторонення з посади – усунення з посади, відчуження – вивласнення, довіритель – довіренник, достроковий – позачерговий, поновний, зговір – змова, показання свідка – свідчення, поручитель – запоручник, правомочний – правосильний, прострочення – задавнення, реєстр – рес-стр, состав – склад, ущемляти – утискати, обмежувати, явка – зголошення* тощо.

¹⁶⁹ Паночко М.М. Розвиток української юридичної термінології в Західній Україні (1772–1918 рр.). Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Івано-Франківськ, 2013. 20 с.

На початку 90-х років минулого століття почали з'являтися праці з історії іншомовних запозичень в українській мові, зокрема дисертації і монографії Г.І. Халимоненка, В.В. Піддубної, С.П. Гриценко. Це ще одне відгалуження в історичній лексикології української мови.

Починається воно з кандидатської дисертації Г.І. Халимоненка «Тюркська військова лексика у мовленні українського козацтва» (1993)¹⁷⁰. У ній автор розглядає історію та методологію вивчення тюркізмів у слов'янських мовах, історико-філологічний аспект генези українського козацтва та характеристику тюрксько-східнослов'янсько-українських контактів Х – XVII ст., а також природу та місце тюркської військової лексики у мовленні українського козацтва.

Основний виклад лексикологічного матеріалу автор подає у вигляді хронологічно-етимологічного словника тюркської військової лексики у мовленні козацтва. У словникових статтях наводяться основні варіанти українських термінів, форми цих слів, засвідчені у слов'янських мовах, пам'ятках давньотюркської писемності та тих тюркських мовах, носії котрих вступали з українцями в контакт.

Автор бачить сенс у тому, щоб розглянути всю військову лексику тюркського походження, розподіливши її на кілька груп – терміни, що відображають організацію війська: *кош, курінь, майдан, табір*; рангова термінологія Війська Запорізького: *джура, осавула, отаман, товариш*; лексика на позначення атрибутів влади, військових регалій та символіки: *барабан, буздиган, китайка, кобза, сурма, тулумбас*; терміни на позначення понять стратегії і тактики: *алла-алла, безбаш, сакма, бамбул, яса*; назви козацької зброї та бойових знарядь: *аркан, булат, ранджар, канчук, карбач, келеп, кістень, кобур, сагайдак*; терміни судноплавства: *байдак, катарга, каюк, сала, чардак*; назви реалій, пов'язаних з кіннотою: *аргомак, арчак, огир, табун, чапрак* тощо.

Наступне дослідження Г.І. Халимоненка у вигляді монографії у двох частинах (ч. 1 – 1994 р.¹⁷¹ та ч. 2 – 1995 р.¹⁷²) та докторської дисертації висвітлює історію тюркізмів у професійно-виробничій лексиці української мови, зокрема у лексиці тваринництва¹⁷³. В ході дослідження автор з'ясовує питання етнолінгвістичної ситуації в XI – XVIII ст. та процес запозичення тюркізмів в українську мову, вивчає природу та місце тюркізмів у лексичній системі української мови і виконує історико-етимологічний аналіз еволюції тюркізмів в українській лексиці тваринництва.

В роботі проаналізовано великий обсяг фактичного матеріалу, згрупованого у тематичні групи лексики. У тематичній групі «Лексика скотарства» досліджені підгрупи, зокрема назви великої рогатої худоби: *бугай, бузівок, огуд*; назви гуртів великої рогатої худоби: *аргиш, товар*; назви осіб, пов'язаних з робочими процесами у скотарстві: *гайдар, товарчий*; назви приміщень, реалій, явищ та робочих процесів, пов'язаних зі скотарством: *ариш, баз, байлова, байлувати, байдик, бармаки, кизяк, сарай*. У тематичній групі «Лексика конярства» розглянуті такі підгрупи – назви коней та їх гуртів: *бада-*

¹⁷⁰ Халимоненко Г.І. Тюркська військова лексика у мовленні українського козацтва. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1993. 23 с.

¹⁷¹ Халимоненко Г.І. Тюркізми у професійно-виробничій лексиці української мови. Ч. 1. Лексика рибальства. Київ, 1994. 83 с.

¹⁷² Халимоненко Г.І. Тюркізми у професійно-виробничій лексиці української мови. Ч. 2. Лексика вівчарства. Київ, 1995. 75 с.

¹⁷³ Халимоненко Г.І. Тюркізми у професійно-виробничій лексиці української мови (лексика тваринництва). Автореф. дис. ... докт. філол. наук. Київ, 1996. 49 с.

вей, бахмат, громак, лоша, мастак, мерин, тарпан, буланій, бурій, чалий. У тематичній групі «Лексика вівчарства» виділені лексико-семантичні ряди – назви овець та їх гуртів: *авряк, ватага, джулий, конар, кисир, кочкар, одая, отара*; назви приміщень скотарів та загонів для овець: *агел, кишло, курінь, салаш, салган, урма*; терміни на позначення осіб, пов'язаних з вівчарством: *ахтагел, ватаг, гайдар, отагас, отаман, салмаш, чабан*; назви реалій, знярядь, понять та процесів, пов'язаних з вівчарською працею: *башлування, шайтан, гарба, далак, дарак, гайтан, кочувати, сайгак*; назви харчових продуктів: *бурек, джигиря, казарма, катлама, качковал, курдюк, махан, чурек*; назви речей щоденного вжитку, пов'язаних з побутом вівчарів, та реалій довкілля: *казан, капкач, кирпик, кізлик, комиш, курай, таган*. У тематичній групі «Назви виробів з хутра, шкіри і вовни» виділені такі лексико-семантичні підгрупи – назви різновидів шкіри та хутра: *качаванка, курпек, мешина, сап'ян, суранна, тулуб*; назви різновидів одягу: *байбарак, бурка, габа, доломан, каптан, кирея, кобеняк, кунтуш, чекмень, ярмак*; назви головних уборів та взуття: *караймка, кутас, мешти, очкур, постолі, чоботи, шаровари, шлик*. Велику увагу приділено також дослідженню історії значної кількості лексичних одиниць лексики рибальства, запозичених українською мовою з тюркських мов.

У висновках автор зокрема зазначає, що інтенсивне входження тюркізмів у лексику тваринництва української мови – це результат активного процесу особливого типу багатосторонніх мовних контактів з конвергенцією та білінгвізмом, що характерні для мовних союзів. Розвиток цього процесу відбувався нерівномірно – виділяється кілька основних періодів в історії тюрксько-давньорусько-українських контактів: а) княжа доба; б) монгольська окупація; в) епоха мирних зносин та воєнних змагань з Кримським ханством, ногайськими ордами та Туреччиною.

Дослідженню полонізмів в українській лексикографії 20–40-х рр. ХХ ст. присвячена кандидатська дисертація В.В. Піддубної (2009 р.)¹⁷⁴. В дисертаційному дослідженні розглядаються польські запозичення в українській мові з точки зору походження, семантичної класифікації, фонетичних і морфологічних особливостей. Новизна роботи полягає у тому, що вперше на матеріалі словників 20–40-х років ХХ ст., на засадах розроблених критеріїв були виділені й описані запозичення з польської мови, отримали розвиток питання класифікації та способів адаптації запозиченої лексики.

В першому розділі проаналізовані лексикографічні джерела міжвоєнного двадцятиліття з метою виявити наявність запозичень з польської мови і розроблені критерії ідентифікації полонізмів в українській мові. У другому розділі з точки зору етимології запозичення були розділені на граматичні класи, на основі структурно-семантичного методу проведено лексико-семантичний аналіз власне полонізмів та одиниць, запозичених через польське посередництво з інших мов, а також досліджена регіональна приналежність полонізмів. В третьому розділі розглянуті особливості графічної, фонетичної, поморфемної та семантичної адаптації запозичень з польської мови на українському ґрунті.

Автор простежує подальшу долю запозичень досліджуваного періоду в українській мові. Він стверджує, що на сучасному етапі розвитку української літературної

¹⁷⁴ Піддубна В.В. Полонізми в українській лексикографії 20–40-х рр. ХХ ст. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2009. 19 с.

мови полонізми можна поділити на: а) полонізми, що перебувають за межами української літературної мови (ті, що вийшли з ужитку): *абсенція, абсолювент, атрест, адопція, акведукт, бандерія, кашіца, люструвати, маркотний, оглада, позістати, фрасуватися* тощо; б) полонізми, що перебувають на периферії літературної мови (запозичення, які залишилися діалектними, розмовними одиницями): *блуд, виповісти, вчасний, жовнір, заряд, змора, кибель, коритар, лаба, окап, подивляти, пуцувати, склеп, таний, тор, урльоп, цокатися, ярина* та інші; в) полонізми, що ввійшли в систему української літературної мови і належать до загальноновживаної лексики: *автономія, авторитет, аркуш, будинок, вирок, візерунок, вїт, влада, гонор, кавалок, намордуватися, придибати, розказ, сальцесон, тека, тістечко* тощо.

Дослідженню латинізмів в українськомовних текстах кінця XVI–XVII століття присвячена монографія С.П. Гриценко (2011 р.)¹⁷⁵. У ній досліджено соціомовний статус латинської мови в мовно-культурному житті України кінця XVI – XVII століття; виявлено склад, формальну структуру і семантику латинських запозичень у мові українських пам'яток зазначеного періоду, на основі понятійно-денотативних відношень здійснено семантичну диференціацію значного за обсягом запозиченого матеріалу; простежено шляхи й уточнено час переймання латинських елементів, їх типи і напрям адаптації в українськомовних текстах; окреслено залежність характеру переймання латинських елементів від жанрової специфіки пам'яток, показано основні типи змін української мови під впливом латинської.

Привертає увагу класифікація запозичень, обрана автором. Він вважає, що найбільш універсальною є класифікація Халліга-Вартбурга, в основі якої лежить «Таблиця ідентифікуючих слів» Баллі, тобто класифікувати слід саме логічні поняття, які є інваріантним ядром в усіх випадках вживання слова. Тому в роботі запропонована класифікація, яка охоплює три яруси: перший – універсум – засвідчує недиференційованість усього понятійного поля; другий – макродиференціація на три основні комплекси: *всесвіт* (поза людиною), *людина* (поза всесвітом), *людина і всесвіт* (як певна єдність); третій – диференціація на відповідні ідеографічні сфери. Так, до ярусу 1. **Всесвіт** входять групи – 1.1. Небесні тіла. 1.1.1. Небо і небесні тіла. 1.1.2. Погода і вітри. 1.2. Земля. 1.2.1. Рельєф. 1.2.2. Корисні копалини. 1.3. Рослинний світ. 1.3.1. Древа і їх плоди. 1.3.2. Трави і квіти. 1.4. Тваринний світ. За темами розподілена лексика, наприклад, до теми «1.4. Тваринний світ» входять лексеми: *баленя (балъна)* ‘кит’ (*balaena*), *буцефаль* ‘сильний кінь, якого приборкав Олександр Македонський’ (*bucefalus*), *дельфинь* ‘дельфін’ (гр. δελφίς < *delphinus*), *гнафаль* ‘назва птаха’ (*gnafalus*), *касторь* ‘бобер’ (*castor*) тощо.

* * *

Не було вичерпане в академічній монографії 1983 року і питання історії лексичного складу писемності періоду Київської Русі. Лексику так званого домонгольського періоду продовжували вивчати В.І. Невойт та В.В. Німчук.

Невдовзі після виходу академічної монографії 1983 року була захищена кандидатська дисертація В.І. Невойт, присвячена дослідженню назв їжі і продуктів хар-

¹⁷⁵ *Гриценко С.П.* Лексичні латинізми в українськомовних текстах кінця XVI–XVII століття. Київ, 2011. 367 с.

чування в писемності Київської Русі (1986)¹⁷⁶. Автор досліджує походження, семантику, стилістичну диференціацію та структурно-семантичні зв'язки назв їжі та продуктів харчування, які функціонували у давньоруській мові. Фактичний матеріал розглянуто у таких тематичних групах – «Загальні та узагальнені назви їжі», «Назви їжі і продуктів харчування рослинного походження», «Назви продуктів харчування і їжі тваринного походження».

У загальних назвах розглянуті лексеми *ѣдъ*, *пища*, *кѣрмъ* та назви рідких варених страв, які посідають проміжне місце між загальними та конкретними назвами, *уха*, *вариво*, *волога*. До назв рослинного походження віднесені назви хлібних виробів: родова *хлѣбъ* та видові *пирогъ*, *колачъ*, *коровай*, *укрухъ*, *млинъ*, *коврига*, *пита*, *посмагъ*, а також церковні обрядові назви *просфора*, *просфура*, *проскура*, *дора*, *артось*, *оплаткъ*, *опрѣснѣкъ*; назви блюд з крупи й муки: родова *каша* і видові *кысель*, *цѣжь*, *кутъя*, *коливо*; назви власне продуктів харчування: *крупа*, *пшєно*, *мука*, *тісто*; назви зерен в якості назв продуктів харчування: *жито*, *рѣжь*, *пшєница*, *овєсь*, *ячмы*; назви продуктів із зерен рослин: *горохъ*, *сочиво*, *сочєвица*; назви овочів та фруктів: *капуста*, *рѣпа*, *мерк*, *яблуко*, *груша*, *слива* та інші; назви приправ та спецій: *кропъ*, *чабрѣ*, *макъ*, *горьчица*, *соль*, *кюминъ*, *оцѣтъ*, *кинамонъ* тощо. У назвах продуктів харчування та їжі тваринного походження розглянуті лексичні одиниці – *кормъ* (родове), *масо* (видове до попереднього і родове для наступних): *говядина*, *свинина*, *звірина*, *дичина*, *бобровина*, *заячина*, *медвѣдина*, *давлєнина*, *звѣровадина*; назва виробу з м'яса: *кѣлбаса* тощо.

У висновках автор зазначає, що характерною семантичною рисою дослідженої лексики, зокрема конкретних назв продуктів та виробів є можливість суміщення в межах одного слова таких значень, як 'рослина', 'плід рослини', 'продукт харчування', 'блюдо'.

На початку 90-х років побачила світ монографія В.В. Німчука «Давньоруська спадщина в лексиці української мови»¹⁷⁷. В ній проведено комплексний історико-лексикологічний аналіз окремих тематичних груп лексики давньоруської мови, які не отримали достатньої інтерпретації в академічній монографії 1983 року.

Автор розглядає досліджувані лексичні одиниці системно, у складі тематичних макрогруп з поділом їх на відповідні підгрупи. Так, зокрема в макрогрупі «всєсвіт, простір, час» лексика проаналізована у підгрупах – буття, матерія, дух; назви, пов'язані із Всєсвітом, небесними об'єктами та явищами; лексика, пов'язана з простором, орієнтацією в ньому, поверхнею, параметрикою тощо; в макрогрупі «земля: нежива природа» відповідно – географічна термінологія; назви складників земної кори, надр землі, хімічних речовин; метеорологічна лексика; в макрогрупі «земля: жива природа» – зоологічна лексика, ботанічна термінологія; і макрогрупа без поділу на підгрупи – «людина як частина живої природи». Для прикладу наводимо аналізовані лексеми останньої макрогрупи: *чєловѣкъ*, *людинъ*, *муж*, *люди*, *людіє*, *народъ*, *людина*, *жєна*, *старъ*, *стара*, *старѣць*, *старица*, *баба*, *дѣдъ*, *старикъ*, *молодъ*, *молодѣць*, *молодъ*, *уноша*, *уношь*, *отрокъ*, *отроча*, *дѣва*, *дѣвица*, *дѣвѣка*, *дѣтъ*, *дѣтиць*, *дѣтичь*, *дитина*, *отроковица*, *поль*, *станъ*, *стать* тощо.

¹⁷⁶ *Невойт В.И.* Названия пищи и продуктов питания в древнерусском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Київ, 1986. 23 с.

¹⁷⁷ *Німчук В.В.* Давньоруська спадщина в лексиці української мови. Київ, 1992. 413 с.

Автор дійшов висновку, що давньоруська мова володіла розвиненою лексико-семантичною системою, що склалася на ґрунті багатой праслов'янської спадщини. Українська етнічна мова як сукупність територіальних відгалужень та писемно-літературної норми і в старожитню добу і нині майже повністю (іноді з незначними афіксальними модифікаціями) утримувала і зберігає свою давньоруську спадщину – праслов'янську лексику й східнослов'янські неологізми. Проте континуанти багатьох давньоруських елементів нині функціонують тільки в українських говірках, утворюючи більші або менші континентальні, острівні, окраїнні, окраїнно-острівні ареали (напр., *почка*, *жолудок* і т.д.). Про ізоглови таких одиниць у староукраїнську епоху говорити рано, оскільки силу-силенну українських памяток ще не опубліковано й не обстежено.

Лексика, що позначає навколишній світ і процеси, котрі в ньому відбуваються, та людину як частину природи, не тільки в своїй базовій (ядровій частині), але й великою мірою у периферійній виявляє разючу тривалість, постійність. Разом з тим вона відкрита й динамічна. Твердження про те, ніби чим більший проміжок часу минув, тим більше ймовірності, що дане слово вийде з ужитку – гіпербола. Живучість лексеми не залежить від її віку.

Тривіальною істиною є те, що доля певної лексеми з її значенням тісно пов'язана з долею денотата, з його властивостями. Та життя слова залежить не тільки від долі денотата, але й місця лексеми в системі, особливо від парадигматичної співвіднесеності з іншими спільнокореневими елементами.

Лексема може піти в небуття тільки тоді, коли жива мова або діалекти не мають писемної традиції (особливо безперервної). Слова, що перестають функціонувати, зберігаються, будучи зафіксованими у пам'ятках. Вони входять в інертний фонд мови.

Отже, словниковий запас живої мови, що нагромадився протягом її історичного усного та писемного функціонування, складається з трьох шарів: активного (широко уживаний), пасивного (архаїзми) та інертного (пор. д.-р. географічний номен *шесломя*), який у даний момент життя мови не використовується: елементи його існують як фіксації в неопрацьованих або лексикографічно впорядкованих текстах. Протягом історії відбувається рух лексики з одного шару в інший. Звичайно, цей процес найбільш жвавий у напрямку від активного фонду через пасивний в інертний.

Розвиток семантики давньої лексики загалом ішов, з одного боку, в напрямку збагачення її новими елементами, розширення її, а з другого – звуження її, увиразнення домінантного значення, прагнення до того, щоб слово співвідносилось з одною домінантною семантикою, уникнення омонімії. Мабуть, у давнину абсолютних синонімів узагалі не було і слова чітко диференціювалися за домінантними значеннями. В міру віддалення людини від природи частина зовсім різних за значенням номінів (напр. лексем на позначення рельєфів) стала семантично зближуватися, але з поглибленням знання про зовнішній світ виникали нові слова. Це діалектичні процеси.

У досліджуваному словниковому масиві не виявлено випадків іманентного розвитку лексико-фонетичної і лексико-семантичної структур у зворотному напрямку. Очевидно, розвиток мовної системи загалом такої властивості не має на жодному з структурних рівнів.

Успадковані з давньоруської мови слова були і є мотивуючими основами безлічі нових українських лексем, а давньоруські значення – джерелом нової семантики. Давньоруська спадщина – основа лексико-семантичної системи української мови. Вона

майже до деталей збереглася, становлячи величезний словниковий масив у діалектному мовленні і в літературній мові.

Оце і є основний корпус праць з історичної лексикології української мови. До його опису слід додати деякі зауваження,

Над історичною лексикологією української мови працювали і закордонні науковці. Можна згадати, наприклад, дві монографії: *Ковалів Пантелеймон*. Лексичний фонд літературної мови Київського періоду X–XV ст. Т. II. Запозичення. Нью-Йорк, 1964. 322 с. Передмова V–VI, VII–XXXVII.; та *Ласло Дэжэ*. Украинская лексика сер. XVI века. Няговские поучения (словарь и анализ). Дебрецен, 1985. 525 с. Українську лексику плідно вивчає польський дослідник А. Фаловські і багато інших вчених (див., наприклад: *Słowo u słowian. Wpływ języków sąsiadujących na rozwój języka ukraińskiego* / Red. A. Budziak, W. Hojsar. Seria: STUDIA RUTHENIKA CRACOVENSIA 11. Kraków. Wydawnictwo «Scriptum», 2016).

Не занепала в українському мовознавстві і традиція творення історико-лексикологічних етюдів про одне слово або декілька слів. Оприлюднюються вони у вигляді статей в солідних періодичних виданнях. З-поміж найпомітніших останнім часом зазначимо такі: *Німчук В.* Походження та історія назви «Січ» // Запорізька спадщина. Випуск 10. Запоріжжя, 1999. 84 с.; *Німчук В.В.* Лексеми *раб* і *слуга* в українських перекладах Нового Завіту // Українська мова. 2011. № 1. С. 3–27; *Прискока О.В.* З історії лексеми *іподром* в українській мові // Мовознавство. 1995. № 4–5. С. 46–56; *Прискока О.В.* Про походження й історію слова *скудельниця* у східнослов'янських мовах // Мовознавство. 2001. № 5. С. 64–74; *Прискока О.* Деякі спостереження за лексикою «Граматики» Мелетія Смотрицького // Українська мова. 2005. № 2. С. 64–70; *Пиц Т.* З історії поширення ремісничої назви *маляр* та її варіантів у польській і східнослов'янських мовах // Українська мова. 2009. № 1. С. 104–108; *Халимоненко Г.* Походження слова *чумак* // Українська мова. 2010. № 4. С. 85–88.

Близькими до історичної лексикології української мови є наукові дослідження з української ономастики. Найпомітнішими з них є: докторська дисертація П.П. Чучки (старшого) «Антропонімія Закарпаття»¹⁷⁸ (1970 р.), кандидатська дисертація Р.Й. Керсти «Українська антропонімія XVI ст. (чоловічі найменування)» (1978 р.)¹⁷⁹, колективна монографія «Ономастика України першого тисячоліття нашої ери» (1992 р.)¹⁸⁰, монографії В.В. Лучика про походження автохтонних гідронімів Середнього Дніпро-Бузького межиріччя¹⁸¹ та іншомовних гідронімів Середнього Дніпро-Бузького межиріччя¹⁸² та стаття А.П. Непокупного «Назви ятвязьких сіл на -іца у Галицькій частині Іпатіївського літопису» (1980)¹⁸³ тощо.

Як вже йшлося вище, у висвітленні наукової спадщини М.О. Максимовича та О.О. Потєбні, з дослідженнями з історичної лексикології пов'язані праці, основна

¹⁷⁸ Чучка П.П. Антропонимия Закарпатья. Автореф. ... докт. филол. наук. Киев, 1970. 42 с.

¹⁷⁹ Керста Р.И. Украинская антропонимия XVI в. (мужские наименования). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ужгород, 1978. 17 с.

¹⁸⁰ Ономастика України першого тисячоліття нашої ери / Колект. авторів. Відп. ред. І.М. Желєзняк. Київ, 1992. 274 с.

¹⁸¹ Лучик В.В. Автохтонні гідроніми Середнього Дніпро-Бузького межиріччя. Кіровоград, 1996. 235 с.

¹⁸² Лучик В.В. Іншомовні гідроніми Середнього Дніпро-Бузького межиріччя. Кіровоград, 1999. 104 с.

¹⁸³ Непокупный А.П. Названия ятвяжских сел на -ица в Галицкой части Ипатьевской летописи // Балто-славянские языковые контакты: Отдельные оттиски. Москва, 1980. С. 169–180.

мета яких – з'ясування так званих темних місць в пам'ятках давньої української писемності. В сучасному українському мовознавстві активно працює у цьому напрямі В.Г. Складенко, досліджуючи «темні місця» в «Слові о полку Ігоревім», що вилилося в монографію¹⁸⁴ і серію статей в журналі «Мовознавство»¹⁸⁵.

Досягненнями історичної лексикології української мови користуються представники інших галузей мовознавчої науки, зокрема загального мовознавства, когнітивної лінгвістики, деяких різновидів етимології, історії літературної мови тощо.

Так, у монографії Т.А. Харитонової «Джерела філософської термінології» (1992 р., відповідальний редактор О.С. Мельничук)¹⁸⁶ автор, використовуючи етимологічний аналіз лексики з філософсько-категоріальним значенням в індоєвропейських мовах, критично розглядає погляди філософів неопозитивістського та екзистенціалістського напрямів, що використовували лінгвістичні дані для висвітлення філософських проблем. На жаль, автор не взяв до уваги філософську спадщину Григорія Сковороди, погляди якого значною мірою перегукуються з критикованими нею західними авторами.

В монографії Г.В. Межжеріної «Людина в мовній картині світу часів Київської Русі» (2006 р.)¹⁸⁷, присвяченій реконструкції ментального універсуму людини Київської Русі, аргументація побудована на фактичному матеріалі, частково здобутому дослідниками історичної лексикології української мови.

Своєрідний напрям етимологічних досліджень, у яких поєднані методики етимології, когнітивної лінгвістики, історичної лексикології, фольклористики тощо репрезентують праці Ю.Л. Мосенкіса – Жовтий О.О., Мосенкіс Ю.Л. Міфологічні слова-символи в українській мовній картині світу: Проблеми виявлення неявних міфологічних елементів української лексики. К., 2010. 64 с.; Мосенкіс Ю.Л. Теоретичні аспекти поглибленого діахронічного дослідження основної лексики. До проблеми гіпотетичного первісного мовного стану як найдавнішого етапу доісторії української мови. Київ, 1997. 207 с.

Цінний матеріал для дослідження з історичної лексикології української літературної мови XVIII століття, з одного боку, та використання здобутків досліджень історичної лексикології української мови – з іншого, містить вже згадувана монографія – Гнатюк Л.П. Мовний феномен Григорія Сковороди в контексті староукраїнської книжної традиції. К., 2010. 446 с.

Отже історична лексикологія української мови у першій чверті XXI століття є розвиненою галуззю мовознавчої науки. Вона охопила основні аспекти дослідження історії лексики української мови, зокрема історії лексики писемних пам'яток різних періодів, багатьох тематичних груп, формування української термінології, історії української літературної мови у творах давніх письменників, історії лексичного складу на ставших вже історичними синхронних зрізах XIX, XX та навіть початку XXI століть і тим самим готова до створення нової узагальнюючої праці у цьому напрямі.

¹⁸⁴ Складенко В.Г. «Темні місця» в «Слові о полку Ігоревім». Київ, 2003. 147 с.

¹⁸⁵ Складенко В.Г. «Темні місця» в «Слові о полку Ігоревім» // Мовознавство. 2007. № 2–3. С. 3–12; 2009. № 3–4. С. 43–53; 2010. № 2–3. С. 30–40; 2012. № 1. С. 3–12.

¹⁸⁶ Харитоновна Т.А. Джерела філософської термінології. Київ, 1992. 111 с.

¹⁸⁷ Межжеріна Г.В. Людина в мовній картині світу часів Київської Русі. Київ, 2006. 448 с.

B. Z. TAFRA

Zagreb, Hrvatska

Leksičko-semantički odnosi u hrvatskom jeziku iz dijakronijske perspektive

1. Uvod

Razvoj leksika u slavenskim jezicima ima dosta sličnosti jer je većina leksika naslijedena iz praslavenskoga doba, a dalje se leksik popunjavao posuđivanjem iz drugih jezika, tvorbom i kalkiranjem, ali i semantičkim procesima kao što su onimizacija, deonimizacija, depolise-mizacija (Tafra i Košutar 2009). Razlike su pak u pojedinim jezicima vidljive u svakom od tih načina nastanka novih riječi. Tako su za razvoj hrvatskoga leksika važni jezični dodiri i utjecaji nekoliko kulturnih krugova, ponajprije mediteranskoga, srednjoeuropskoga i zapadnoeuropskoga, ali i balkanskoga te slavenskoga kruga ćirilometodske pismenosti. Rana trojezičnost hrvatske pismenosti na latinskom, crkvenoslavenskom i narodnom jeziku ostavila je velik trag u leksiku. Hrvatski se književni jezik na štokavskoj osnovi, na temelju kojega se razvio današnji hrvatski standardni jezik, razvijao od renesanse pa je zbog toga dosta riječi nastajalo, osim uobičajenoga kalkiranja i posuđivanja, tvorbom prema tvorbenim zakonitostima štokavskoga sustava. Većina starijih djela sadrži leksik koji se mora promatrati kao sjecište povijesnih kulturnih veza i književnojezičnih konvergentnih silnica koje su objedinjavale književne izričaje na različitim dijalektnim osnovama, i to povijesni put hrvatskoga leksika čini drugačijim u odnosu na druge jezike, što se odrazilo i na leksičko-semantičke odnose u leksiku, koji, iako univerzalni, pokazuju neka specifična obilježja, kao što je, primjerice bogata leksička i gramatička sinonimija nastala na dodiru nekoliko književnih hrvatskih mikrojezika. Sinonimija je rezultat povijesnoga razvoja jezika, u hrvatskom slučaju rezultat ponajprije tronarječnoga prožimanja i kulturnoga doticaja s drugim jezicima, ali i razvoja leksika semantičkim i tvorbenim putem te njegova funkcionalnoga raslojavanja.

U ovom će se radu istražiti međuleksemski semantički odnosi u hrvatskom jeziku prateći razvoj hrvatskoga leksika na primjerima uglavnom iz starijih hrvatskih dvojezičnih i višejezičnih rječnika, ali i iz književnih djela. U kroatistici su često navođeni primjeri sinonimnih nizova čiji članovi pripadaju ili raznim dijalektima ili raznim vremenskim odsječcima, ali nije bilo postavljano teorijsko pitanje je li u svim slučajevima zaista riječ o sinonimima, ili su u pitanju druge vrste leksičko-semantičkih odnosa ili pak uopće nema nikakvih semantičkih veza među leksemima. Diakronijska leksikologija zahtijeva mnogo mukotrpnoga istraživanja kad je u pitanju samo jedna jedina riječ¹. Ovim radom želimo otvoriti nekoliko teorijskih pitanja kao preduvjet sustavnijim povijesnim leksikološkim istraživanjima. Najviše ćemo se zadržati na sinonimiji kao glavnom obilježju povijesti hrvatskoga književnoga jezika, odnosno na primjerima leksičkih nizova koji referiraju na isti referent. Budući da se o paronimiji nije pisalo ni sa sinkronijskoga, a kamoli s dijakronijskoga stajališta, ilustrirat

¹ Keipert je istraživao leksik u *Danici ilirskoj*, časopisu koji je odigrao ključnu ulogu u standardizaciji hrvatskoga jezika u 19. stoljeću, pa je, da bi došao do valjanih zaključaka, morao poredbeno istraživati njemačke, srpske, češke ... izvore. Jedino je tako nakon opsežnoga istraživanja mogao ispravno odgovoriti, na primjer, kojim je putem u hrvatski ušla riječ *gledište* (Keipert 2014 [2008]).

ćemo na jednom primjeru desinonimizacije razvoj paronimijskih odnosa. Zanimaju nas i kako su stariji leksikografi obrađivali sinonimiju, homonimiju i polisemiju i mogu li njihova gledišta o tim leksičko-semantičkim odnosima zadovoljiti današnja teorijska i metodološka stajališta. Posebno nas zanima jesu li kriteriji, kad se i složimo koji su, univerzalni i jesu li svevremenski, odnosno vrijede li podjednako i za sinkroniju i za dijakroniju.

2. Teorijska polazišta

Teorijska je jezikoslovna literatura o leksičko-semantičkim odnosima pregolema² pa je razumljivo što u njoj postoje vrlo različita stajališta o pojedinoj vrsti leksičko-semantičkih odnosa, pa i neka sporna. Stoga je potrebno na početku odrediti barem glavna teorijska polazišta kojih se držimo u ovom istraživanju, ali odmah i o dvojbama koje se javljaju pri njihovu određivanju. O leksičko-semantičkim odnosima može se govoriti samo ako su zadovoljena ova tri preduvjeta:

- a) isti leksičko-gramatički razred
- b) isti idiom
- c) isti vremenski presjek leksičkoga razvoja.

Ta su tri kriterija temeljna da bi leksemi uopće mogli biti kandidati da s drugima stupe u sinonimijske, homonimijske, paronimijske ili antonimijske odnose. Tek ako zadovolje te kriterije, provjeravaju se kriteriji za pojedinu vrstu leksičko-semantičkoga odnosa. Za sinonimiju to su različiti izrazi i isti sadržaj, za homonimiju jednaki izrazi (u hrvatskom to su homofonski homografi) i različiti sadržaji bez ijednoga zajedničkoga semantičkoga obilježja (nemaju nijedan integralni sem), za antonimiju su različiti izrazi i različiti sadržaji koji imaju barem jedno zajedničko semantičko obilježje po kojem se njihova značenja nalaze na suprotnim stranama, a za paronimiju slični izrazi i slični sadržaji zbog pripadnosti istoj tvorbenoj porodici zbog čega imaju jak potencijal zamjenjivosti pa njihova zamjena narušava jezičnu normu.

Kriteriji su jasni, ali unatoč tomu mnogi se slučajevi nalaze na granici te se mogu različito tumačiti. Čak i jedan tako čvrst kriterij kao što je isti leksičko-gramatički razred (ista vrsta riječi) ponekad je sporan jer granice među riječima u nekim slučajevima nisu jasne, pogotovo kad je riječ o konverziji, o prijelazu riječi iz jedne vrste u drugu, dakle o nultoj derivaciji (Tafra 1998). Najspornije su granice vrsta riječi u razgraničavanju brojeva od drugih vrsta jer im se čak osporava status samostalnoga leksičko-gramatičkoga razreda. Međutim, upravo leksičko-semantički odnosi mogu pomoći da se riješi gramatički status neke riječi. S obzirom na to da su brojevi, osobito u slavenskim jezicima, veoma zanimljiva vrsta riječi i na morfološkom i na sintaktičkom planu, nekako je po strani ostala činjenica da oni ne stupaju u leksičko-semantičke odnose (Tafra 1989) pa da to može biti pomoćni kriterij za njihovu identifikaciju kao vrstu riječi. Primjerice, okamenjeni akuzativ *stotinu*, *tisuću* itd. u hrvatskom se jeziku upotrebljava kao glavni broj pa se kaže: *tisuću sto druge godine*, *s tisuću kuna ne možeš kupiti računalo*, *bez tisuću kuna ne idi u veliku kupovinu*, što je dokaz da su te riječi glavni brojevi i da više nije posrijedi padežni oblik nego nova vrsta riječi. Semantički je proces od oblika riječi do nove riječi i do prijelaza u novu vrstu³ tekao ovako:

² Ta se literatura stalno umnožava velikom brzinom. Još je Apresjan (1995: 216) rekao da su leksičkoj sinonimiji posvećene tisuće teorijskih članaka.

³ Analogno tvorbi riječi morfemima, nova se riječ može smatrati dvostupanjskom semantičkom izvedenicom.

degramatikalizacija → leksikalizacija → konverzija.

Taj je proces davno započeo jer se u staroslavenskim tekstovima znaju naći primjeri upravo okamenjenoga akuzativa u nominativnoj funkciji: *tri desęti* i *četyridesęti* (Damjanović 2005: 116). Kao glavni broj *tisuću* je (naravno, i *stotinu*, *milijun*, *milijardu*, *bilijun* ...) monosemična riječ, nema sinonima, antonima, homonima pa se njezine sadržajne i sadržajno-izrazne veze mogu označiti nultima.

Nemogućnost sinonimijskoga vezanja glavnih brojeva *stotinu*, *tisuću* i sl. kad označuju točno izbrojenu količinu otvara pitanje kojoj vrsti riječi pripadaju riječi *stotinu*, *tisuću* iz primjera *stotinu sam ti puta rekao*, *glava ju boli od tisuću problema*. U tim je primjerima moguća sinonimna zamjena priložima *mnogo*, *bezbroj*, *puno*. Mogućnost supstitucije jedan je od glavnih kriterija za identificiranje sinonimije te sinonimna zamjena može biti kriterij da te riječi uvrstimo u priloge. Naime, za kvantificiranje manje ili veće količine koja se ne može točno odrediti služe količinski prilozi, ali su se vrlo rano počeli upotrebljavati i "okrugli" veći brojevi za označivanje veće količine pa je tako postojao za broj 10 000 (grč. *μυριάς*) poseban naziv *тъма* koji je označivao jako veliku količinu, 'nepregledno mnoštvo, velika množina'. Skok (s. v. *tma*) pronalazi paralelu u toharskom B *tumane* i u turskom *tuman*. U hrvatskom se riječ *тъма* upotrebljavala još u 14. stoljeću (Hamm 1963: 151), npr. u Brevijaru Vida Omišljanina (BrVO): *тъма грѣховъ* i *тмѣ ч(lovѣ)къ* na mjestu grčkoga (*δωδεκα μυριάδες*) i latinskoga broja (*centum viginti millia hominum*) (Jona 4,11). Taj primjer potvrđuje da je oduvijek postojala nemogućnost prebrojavanja velikoga broja entiteta i da se ta količina označivala ili velikim brojevima ili imenicama, a danas i priložima. Granice vrsta riječi u dijakronijskom presjeku nisu stabilne jer se povećao broj riječi nastalih konverzijom, u nekim slavenskim jezicima (npr. u hrvatskom i ruskom) više, a u nekim (npr. poljskom) manje. Prateći razvoj brojeva kao vrste riječi u hrvatskom, uočava se velika dinamičnost u razvoju leksika, što pokazuje iduća slika.

dijakronija	morfologija imenice —————> brojevi, prilozi (promjenjivost) (nepromjenjivost)
sinkronija	semantika brojevi —————> imenice, prilozi (određena količina) (neodređena količina)

Tako su od staroslavenske promjenjive vrste riječi (imenice) povijesnim razvojem nastale dvije vrste nepromjenjivih riječi: brojevi i prilozi, dok su od brojeva, gledajući sinkronijski, konverzijom tvorene imenice i prilozi, iako je i taj proces zapravo povijesni. Takve riječi ne smatramo homonimima jer one imaju zajednička semantička obilježja s obzirom na to da pripadaju istoj tvorbenoj porodici, jer ih ne vežu paradigmatički odnosi te zato ne mogu biti ni zamjenjive ni nezamjenjive u istom kontekstu, iako mnogi jezikoslovci konverziju smatraju glavnim načinom nastanka homonimije (Ahmanova 1957, Kotelnik 1982, Lakova 1995, u: Tafra 1998). Tomu se mišljenju može ozbiljno prigovoriti jer riječ koja nastaje konverzijom ima s osnovnom riječju najmanje jedan integralni sem, koji je uvjet za konverziju, ali je osnovna prepreka za uspostavu homonimijskih odnosa, koji se zasnivaju na semantič-

koj nedodirljivosti. I kod konverzije i kod homonimije riječ je o homografima⁴ i o nezamjenjivosti u istom kontekstu, samo u prvom slučaju one pripadaju dvjema vrstama riječi i značenjski se preklapaju, a u drugom one pripadaju istoj vrsti riječi i značenjski se ne diruju.

Što se tiče drugoga kriterija – pripadnost istomu idiomu – odgovor na pitanje što je isti idiom može biti višeznačan. Hrvatski je jezik u odnosu, na primjer, na češki drugi idiom, dijalekt je u odnosu na književni jezik također drugi idiom, jezik Miroslava Krležu može se smatrati posebnim idiomom u odnosu na jezik Tina Ujevića iako su obojica pisala hrvatskim jezikom. Određujući granice sinonimije, nameće se još jedno teorijsko pitanje. Naime, ako smatramo da su sinonimi samo riječi unutar jednoga idioma, je li svako prenošenje teksta iz jednoga u drugi idiom prijevod, odnosno je li u tom slučaju riječ o semantičkim ekvivalentima, a ne o sinonimima kako literatura sugerira? Hrvatska je riječ *glagol* u odnosu na češku *sloveso* semantički ekvivalent, jednako kao i hrvatska riječ *rod* za češku riječ *rod*. *Glagol* i *sloveso* nisu sinonimi iako označuju isti pojam, ali ni hrvatska riječ *rod* i češka *rod* nisu jedna, ista riječ, pa se u oba slučaja češke riječi prevode na hrvatski. Prema postavljenim kriterijima u hrvatskom standardnom jeziku *pomidor* i *rajčica*, *vanjkuš* i *jastuk* te *avlija* i *dvorište* nisu sinonimi jer samo drugi član tih parova pripada standardnomu jeziku, dok prvi pripada dijalektima (*pomidor* čakavskim, *vanjkuš* kajkavskim, a *avlija* štokavskim), dakle drugim idiomima. Također u standardnom jeziku nisu sinonimi ni *glava*, *bulja*, *čelenka*, *tikva*, *tintara*; *kosa*, *flora*, *griva*, *skalp*, *zurka*; *jedinica*, *kolac*, *kulja*, *kec* (Samardžija 1995: 20) jer samo *glava*, *kosa*, *jedinica* pripadaju standardnomu, a ostale riječi pripadaju žargonu. Dakle, sa sinkronijskoga stajališta teritorijalna (*magarac*, *tovar*) i vremenska (*smrdiš*, *bromid*) raslojenost leksika sužava prostor sinonimiji, dok stilaska raslojenost (*urin*, *mokraća*) unutar standardnoga jezika ne bi trebala biti preprekom za sinonimne odnose. S dijakronijskoga stajališta te granice izgledaju drugačije.

Ako se tako gleda na semantičke odnose u leksiku, onda bi prenošenje teksta iz jednoga u drugi idiom bilo *prevođenje*. Ne ulazeći uopće u jezikoslovni problem određivanja statusa hrvatskoga i srpskoga jezika i njihova odnosa u 19. i u 21. stoljeću, Kovačić je (2015) na osnovi analize jezika dvaju izdanja *Novoga zavjeta*, jednoga koji je preveo Vuk Stefanović Karadžić, i drugoga, hrvatskoga izdanja, koji je na zahtjev Britanskoga i inozemnoga biblijskoga društva na osnovi toga prijevoda priredio Bogoslav Šulek, utvrdio da je riječ o prijevodu iz Karadžićeva književnoga idiolektu u Šulekov. Jednako je tako štokavska pjesma na čakavštini prijevod. Bogatova (1984: 83) također smatra da je moguće prevoditi (leksički, stilistički itd.) i unutar istoga jezika. Taj je kriterij lakše primijeniti na suvremene idiome jer je i svijest o njima mnogo jasnija nego u prošlosti i jer postoji kodifikacijska norma prema kojoj bi u hrvatskom standardnom jeziku isti status s normativnoga gledišta trebale imati riječi *arija* (posuđenica u čakavskom), *vazduh* (srpski), *air* (engleski), *luft* (*Luft*, njemački), jer nijedna od tih riječi, iako se upotrebljavaju u hrvatskom jeziku, ne ulazi u standardni jezik, npr. *Hòdi vãn na âriju* (Ivančić Dusper i Bašić 2013: 49, s. v. ârija); *Ona širi ruke, i, mjesto krvi i mesa, grli vazduh i mrak* (Matoš)⁵; *Šta se bojite pa to je zrak, luft je to!* (Šovagović)⁶; *Blizu deset tisuća ljubitelja glazbe poznatog kantautora Đorđa Balaševića istinski i do kraja*

⁴ Odstupanje u primjerima kao što je *sljedeći* i *sljedeći* može se zanemariti jer je grafem za stari jat mogao biti i drugi, npr. *ě*, pa se homografija ne bi narušila.

⁵ <http://riznica.ihj.hr/philocgi-bin/getobject.pl?c4.12954.Cijelibr.16.6.1.0> (Pristupljeno 18. 10. 2015.)

⁶ <http://riznica.ihj.hr/philocgi-bin/getobject.pl?c4.13146.Cijelibr.1.6.1.0> (Pristupljeno 18. 10. 2015.)

*bilo je zadovoljno Open air koncertom u subotu navečer u međimurskom selu Domašincu*⁷. Prateći sinonimiju s dijakronijskoga aspekta, provjerit ćemo taj kriterij i vidjeti hoće li ga biti moguće primijeniti, a ako hoće, koliko ćemo pritom moći biti dosljedni.

Treći kriterij – isti vremenski presjek jezičnoga razvoja – dolazi do izražaja najviše pri izradi rječnikâ sinonima jer “сининхронность представляет один из существенных пределов для квалификации лексики с точки зрения синонимических отношений” (Vogotova 1984: 83). Rječnik sinonima popisuje i opisuje sinonime iz vremena u kojem on nastaje, ali može i iz nekoga prošloga vremena, npr. mogao bi se napraviti rječnik sinonima u hrvatskom književnom jeziku u 18. stoljeću.

Kad se sinonimija ili neki drugi leksičko-semantički odnos gleda iz dijakronijske perspektive, vidi se da u svakom vremenskom presjeku postoji prelijevanje jezičnih elemenata iz prošloga i suvremenoga razdoblja, kao što je to i u drugim područjima ljudskoga stvaralaštva, na primjer vremenski se preklapaju obilježja raznih stilskih formacija u književnosti, pa je osim “čistih” razdoblja mnogo prijelaznih razdoblja ili međurazdoblja. U upotrebi jedno vrijeme supostoje starije i novije riječi za isti pojam jednako kao što supostoje stariji i noviji oblici pa se među njima razvija sinonimijski odnos. Razumljivo je što se u povijesnim rječnicima nalazi leksik iz različitih razdoblja, dakle i riječi koje su već otišle u pasivni sloj ili su se razvile i poprimile drugi fonološki lik, kao što je u hrvatskoj leksikografiji *Dizionario italiano, latino, illirico...* (1728, 1785) Ardelija della Belle, u kojem se s razlogom nalaze kao natuknice riječi i iz prošlih stoljeća jer je autor taj rječnik pisao na temelju dubrovačkoga onovremenoga leksika te leksika iz četrdeset štokavskih i čakavskih djela iz 16. i 17. stoljeća. No, sličnu ćemo praksu naći i u drugim rječnicima za koje nemamo dokaze o tome odakle su autori prikupljali leksičku građu za svoje rječnike te ih zato ne možemo smatrati povijesnicima. No, ako se danas u rječniku suvremenoga jezika natuknica *abak* tumači mjesto definicijom sinonimom *računalo*, a *lug* sinonimom *pepeo*, onda se treba zapitati jesu li to zaista sinonimni parovi jer današnji govornici, osim u rijetkim mjesnim govorima, ne upotrebljavaju riječ *lug*, a pogotovone *abak*, s tim da je *računalo* hrvatska riječ za *kompjuter*, što *abak* sigurno nije. Te su dvije riječi u današnje vrijeme arhaizmi i ne stupaju u sinonimne odnose, ali su u nekom drugom razdoblju mogle biti sinonimi, npr. *pepel*, *lug* u hrvatsko-latinskom rječniku *Gazophylacium* (1740) Ivana Belostenca. To je samo dokaz da je nastanak, ali i raspad sinonimije dijakronijski proces, odnosno da svako vrijeme ima svoje sinonimne nizove.

Ovdje se neće ulaziti dublje u tu problematiku i neće se analizirati različita stajališta⁸ o leksičkim odnosima pa su za temu rada dovoljna samo okvirna teorijska polazišta koja će se dopuniti u idućim poglavljima. Nužno je naglasiti da teorijski okvir koji smo ovdje zacrtali vrijedi uglavnom za jezik *in potentia*, ali ne nužno i za jezik *in actu*.

3. Sinonimni nizovi

Sinonimija je proučavana s teorijskoga stajališta kao vrsta paradigmatskih međuleksemskih odnosa ili s praktičnoga kao izbor među leksemima istoga značenja u danom kontekstu te mogućnost njihove zamjene i vezanja uz druge lekseme. Pod sinonimnim nizovima razumijevamo dva ili više leksema koji isto znače, koji imaju, dakle, istu denotaciju, koji pripadaju istomu idiomu i istomu vremenskomu odsječku. Razumijeva se da pripadaju i istoj vrsti

⁷ <http://riznica.ihj.hr/philocgi-bin/getobject.pl?c4.13065.Cijelibr.128.6.1.0> (Pristupljeno 18. 10. 2015.)

⁸ O tome više u Tafta 1989, 2005.

riječi jer u suprotnome ne mogu isto značiti. Polisemni leksemi najčešće stupaju u sinonimij-ski odnos samo s nekim od svojih značenja, a ne u ukupnosti svoje semantičke strukture. Budući da se u kontekstu uvijek ostvaruje samo jedan semem polisemne strukture, istoznačnost se na kontekstualnoj razini može imenovati kao sinonimičnost za razliku od sinonimnosti u jeziku kao sustavu.

U hrvatskom jeziku sinonimni bi nizovi bili, primjerice: *đavao, vrag; učenik, đak; brzo, hitro, žurno, časkom*. Hrvatski se govornici slažu da ti leksemi i izvan konteksta imaju isto značenje pa je to potvrda njihove sinonimnosti. Prema postavljenim kriterijima *tovar, magarac, osel i kenjac* nisu sinonimi, iako referiraju na isti referent (lat. *equus asinus asinus*), jer pripadaju različitim idiomima; samo *magarac* pripada standardnomu jeziku, a ostali pripadaju dijalektima. Jednako tako sinonimi nisu *vrač i liječnik, mudroslovlje i filozofija* jer su *vrač* i *mudroslovlje* arhaizmi. U leksikološkoj se literaturi (usp. Samardžija 1995: 19) takvi primjeri, zato što referiraju na isti referent, proglašavaju sinonimima, odnosno vrstom sinonimije – bliskoznačnicama. To je shvaćanje sinonimije i naziv bliskoznačnost preuzeto od Zguste (1991: 88) koji smatra da se “identičnost značenja koja je potrebna za sinonime može... shvatiti na dva načina: ili kao apsolutna identičnost ili kao velika sličnost”. Njemu sinonimija pokriva oba slučaja, iako naziv sinonimija rezervira za apsolutnu identičnost, dok se za veliku sličnost “smislova” koristi nazivom “bliskosinonimija” (bliskoznačnost; engl. *near-synonyms*), tj. sinonimija u širem značenju riječi. Naime, vrlo je teško utvrditi potpunu istost značenja dviju ili više riječi pa zato neki jezikoslovci smatraju da “sinonimija u užem smislu ne postoji, budući da uvijek postoji (ili se može pretpostaviti) neka stilistička, emotivna, društvena itd. vrijednost koja, pa makar i malo, razlikuje riječi prividno istoga značenja” (Berruto 1994: 85). Zbog toga Berruto smatra da postoji sinonimija samo u širem smislu, dok drugi jezikoslovci razlikuju različite vrste sinonima, na primjer Cruse (2004: 154) razlikuje tri vrste sinonima: “the absolute synonyms, the propositional synonyms and the near-synonyms”. Bliže nam je stajalište o određivanju kontekstualnih (semantičkih, sintaktičkih, morfoloških, kolokacijskih), pragmatičkih i drugih uvjeta za neutralizaciju razlika među sinonimima (Apresjan 2013: 445).

Mišljenja o sinonimiji toliko su sukobljena da čak neki jezikoslovci osporavaju postojanje sinonima jer se koplja lome još od antike u utvrđivanju identičnosti te je logičan zaključak da je nemoguće odrediti kriterije što je blisko značenje ako je vrlo teško složiti se što je isto značenje. Hrvatski je naziv za sinonimiju *istoznačnost* pa je prema tomu potrebno utvrditi kriterije što je isto značenje. Ili nešto jest isto, ili nije, ne postoji nešto između pa bliskoznačnost ne može biti podvrsta sinonimije (Tafr 2005). Ako je *I* isto, a *R* različito, nemoguće je utvrditi koliko *B* treba biti blizu *I* da bi bilo blisko:

$$I \xrightarrow{\hspace{10em}} R$$

$$\begin{array}{c} \leftrightarrow \\ B \end{array}$$

U modelu u kojem su bliskoznačnice vrsta sinonima jedini je kriterij mogućnost ili nemogućnost supstitucije u istom kontekstu. Zbog toga je za potrebe izrade hrvatskoga WordNeta, računalnoga leksikona, temeljna ustrojbeno jedinica “sinonimski skup” (tj. sinonimni niz) definiran kao skup sinonima “ustrojen prema načelu njihove zamjenjivosti u barem jednom kontekstu” (Raffaelli i Katunar 2012: 70). Članovi skupa načelno leksikaliziraju određeni zajednički, manje ili više općenit koncept pa se njihova značenja mogu svesti pod jednu definiciju.

Treba imati na umu da svaka mogućnost supstitucije nije dokaz za postojanje sinonimijsko-odnosa jer je supstitucija moguća i ako su riječi semantički ekvivalenti (riječi iz dvaju idioma), te ako pripadaju istomu semantičkomu polju ili ako su u hiponimijskom odnosu (riječi iz istoga idioma) jer se takve riječi mogu zamijeniti u istom kontekstu. U hrvatskom je jezikoslovlju, ali ne samo u njem, ovo mišljenje osamljeno⁹ jer se sinonimi najčešće dijele na potpune (istoznačnice), one koji su zamjenjivi u svim kontekstima (obično su to domaće riječi i posuđenice), i na djelomične, nepotpune (bliskoznačnice), one koji su zamjenjivi samo u nekim kontekstima, odnosno na apsolutne i relativne ili se govori o stupnjevima sinonimnosti. Pritom se zapravo miješaju razine, sinkronijska i dijakronijska, dijalekt i standard, sinonimnost (jezik, *langue*) i sinonimičnost (govor, *parole*), što metodološki nije ispravno. Apresjanov (1995: 220) kriterij po kojem su dvije riječi sinonimi ako imaju istu definiciju, odnosno ako se prevode u isti izraz semantičkoga jezika, odnosi se na jezik kao sustav (*langue*), a primjeri kao što su *anđeo*, *zlato*, *dete* (Dragičević 2007: 253) odnosi se na jezik kao ostvaraj (*parole*). U tekstu nema strogih kriterija, sve može biti sinonimično (pa i sintagme¹⁰) što referira na isti referent.

Starija hrvatska književnost obiluje primjerima leksema koji se nižu jedan do drugoga, a koji znače isto. Kroatisti ih nazivaju kontaktnim sinonimima, oni su uočljivi jer su u nizu, ali ima naravno sinonima razasutih u tekstu, što je već jezična univerzalija, a ne obilježje samo hrvatskoga jezika. Zasad ćemo te leksičke nizove nazivati sinonimima dok iz njihove analize ne vidimo jesu li oni zaista sinonimni nizovi. Nalaze se u cijeloj povijesti hrvatskoga književnoga jezika, a sreću se već u prvim prijevodima na staroslavenski jezik. “Presudna je za stvaranje sinonima bila široka geografska rasprostranjenost prvoga slavenskog književnog jezika.” Stoga su autori prvih slavenskih prijevoda “dopuštali i varijante unutar istoga tvorbenog sustava i varijante iz različitih dijalekata” pa su sinonimne parove činile najčešće tvorbene dublete: *dobrorodije*, *dobrorodъstvo*¹¹ ili domaća riječ i posuđenica: *stъklѣnica*, *alavastъrъ*; *sъbъnikъ*, *kenturionъ*. Ako su bile dvije domaće riječi, par su činile starija i novija riječ, a znale su biti jedna iz glagoljičnoga korpusa, a druga iz ćiriličnoga: *životъ*, *žiznъ*; *otokъ*, *ostrovъ*. Ponekad je sinonimni niz imao i više članova: *kъnigъ*, *bukъvi*, *pisъmę* (Damjanović 2005: 46–47). Tvorbene dublete (*slušalac*, *slušatelj*) te parovi aloglotem i idioglotem (*kompjuter*, *računalo*) i danas su najtipičniji sinonimni parovi.

U neliturgijskim glagoljičnim tekstovima, osobito u zbornicima, “tom najpopularnijem tipu glagoljaške rukopisne knjige koji je znatno nadživio srednji vijek” (Hercigonja 1994: 196), sinonimija je toliko proširena da se s pravom mora govoriti o nastojanju glagoljaša za stvaranjem *općega jezika* (*lingua communis*). “Uvođenjem sinonimskih parova u kojima jedna riječ objašnjava drugu nastojalo se stoga, na određen način, neutralizirati dijalektalne i lokalnogovorne razlike razvijene u inventaru leksičkih sredstava koji je tada – kao i u kasnijim razdobljima hrvatske književnojezične dijakronije – smatran temeljnom preprekom većoj komunikativnosti književnog djela i razumljivosti pisane riječi na prostorima sviju dijalektalnih zajednica” (Hercigonja 1994: 211). Već u tim ranim razdobljima ima bezbroj primjera sinonimnih nizova čiji su članovi iz raznih dijalekata. Premda je najčešće uloga drugoga člana sinonimnoga para bila objasnidbena, ima primjera u kojima su parovi imali

⁹ “B. Tafra zauzima jednu od ekstremnih pozicija u vezi sa sinonimijom – nasuprot većini autora koji ne priznaju istoznačnice, ona ne veruje u postojanje bliskoznačnica” (Dragičević 2007: 256).

¹⁰ *Tučnjava*, *fizički obračun*; *zemljovid*, *zemljopisna karta* (Petrović 2005: 137).

¹¹ Primjeri su iz glagoljice transliterirani, a latinični su primjeri iz stare grafije pisani današnjom grafijom, osim u primjerima s jatom označenim jednim grafemom za sve odraze ili u primjerima s nejednoznačnom grafijom.

stilsku funkciju, što pokazuje primjer iz *Petrisova zbornika* iz 1468. godine: “I reku emu anjeli vraž’i ki ga budu držali čto se žalostiš ubogi človeče i *kai* se mečeš’ i *zač*’ trepečeš” (Hercigonja 1994: 209). Riječ je o stilskom variranju crkvenoslavenske, kajkavske i čakavske zamjenice *čto*, *zač*, *kaj*. Hercigonja (1994: 211–212) navodi velik broj sličnih sinonimnih nizova: *tuče*, *gradb*; *hudi*, *zali*; *zove* i *kliče*; *oprati se*, *zmiti*; *napitati*, *prehraniti* itd., od kojih su neki imali objasnidbenu, a neki stilsku funkciju, npr. *sramb*, *stidb*; *tuge*, *žalosti*; *hipb*, *časb*.

Kontaktini se sinonimi nalaze obilno u djelima istarskih protestantskih pisaca koji imaju tronarječnu koncepciju književnoga jezika te njeguju hibridni jezik i objavljuju i na glagoljici i na ćirilici. Ideja hibridnoga jezika nastavlja se i u 17. stoljeću u krugu oko knezova Zrinskih i Frankopana, a temelji se na interdijalektnoj osnovi koja je nastala u Pokuplju (ozaljski književnojezični krug) gdje su sva tri narječja došla u dodir. Vrlo zoran primjer pruža pismo Petra Zrinskoga koje on piše 1671. godine svojoj ženi uoči smaknuća. U njem je više jezičnih elemenata iz sva tri narječja, ali i jedan štokavsko-kajkavski sinonimni par: *ja ga budem molil* i *prosil* (Vončina 1979: 197). Glagoli *moliti* i *prostiti* imaju isto denotativno značenje i u tom su pismu oni sinonimi. Ideju hibridnoga književnoga jezika s mikrosituacije iz svoga rodnoga Pokuplja, koje je susretište različitih dijalekata, Juraj Križanić preslikao je, našavši se u Rusiji u Toboljsku kamo ga je 1661. prognao car, na makrosituaciju slavenskoga svijeta kao susretištu slavenskih jezika u općeslavenskoj gramatici *Gramatično iskazanje ob ruskom jeziku*.

Premda se u hrvatskom slučaju može govoriti o čakavskoj, kajkavskoj i štokavskoj književnoj stilizaciji, dakle o trima književnim mikrojezicima¹², “čistu tročlanu podjelu narušavaju mnogi stariji hrvatski književnici” (Vončina 1979: 7). Bogatstvo raznodijalektnih leksičkih i gramatičkih sinonima u nekim slučajevima daje jeziku obilježje hibridnosti, kao što su hibridni čakavsko-kajkavski jezik glagoljaških neliturgijskih tekstova u 15. stoljeću, hibridni jezik protestantskih pisaca u 16. stoljeću ili jezik ozaljskoga književnoga kruga u 17. stoljeću, a osobito jezik svih starijih rječnika.

Upravo su nizovi upitnih zamjenica i njihovih izvedenica, po kojima se hrvatska narječja i nazivaju: čakavsko, kajkavsko i štokavsko narječje, najilustrativniji primjeri sinonimnih nizova. U mnogim su starijim hrvatskim rječnicima leksički nizovi: *ča*, *što*, *kaj*; *zač*, *zakaj*, *zašto*. Tako Ivan Belostenec u svom latinsko-hrvatskom/hrvatsko-latinskom rječniku *Gazophylacium* (1740), koji se ubraja u kajkavske rječnike iako sadrži obilje nekajkavskih riječi koje markira kao dalmatinske (čakavske) i slavonske (štokavske), ima *kaj*, *što* (s. v. quid), te *zakaj*, *zašto* (s. v. quia nam), a Andrija Jambrešić u svom četverojezičnom *Lexiconu* (1742) ima čak na prvom mjestu štokavske lekseme, iako je rječnik kajkavski: *što*, *kaj* (s. v. quid). Jambrešić ne markira porijeklo svojih kontaktnih sinonima nego ih samo niže, a ima ih iz sva tri narječja, npr. *Vuzem*, *Vazam*, *Uskrs* (s. v. Pasha). Inače je Jambrešiću jasan pojam sinonimije jer uz latinske lekseme stavlja odrednicu *synon*.

U prijevodnim je rječnicima oduvijek bilo u ciljnom jeziku dosta sinonima, samo što u hrvatskim starim rječnicima oni vrlo često pripadaju različitim narječjima. Dok su u rječnicima razumljivi kontaktni sinonimi, oni nisu toliko očekivani u književnim djelima u kojima se također sreću redovito. Tako u Stipana Margitića (1708), bosanskoga franjevca, čitamo: *šipka aliti prut*, *oštari(j)a aliti krčma*, *bilig aliti zlamenje*, *plašt aliti kabanica*, *barjak aliti-orugva*, *du(v)ar aliti zid*, *Konštantinopoli aliti Carigrad*, *šišmatik aliti odmetnik*, *trgo(v)ište*

¹² O pojmu *književni mikrojezik* usp. Duličenko 1981.

aliti pi(j)aca, figure aliti prilike, čudo aliti mirakulo, juriš aliti naskočen'je, lisica aliti lija, Tilo Gospodinovo aliti Brašančani četvrtak, skula aliti nauk, čatrnja aliti bunar, medika aliti likarija, sat aliti ura, bližnjik aliti susid. U tim je sinonimnim parovima većinom jedan parnjak posuđenica, a drugi domaća riječ (*čudo aliti mirakulo, šižmatik aliti odmetnik*) koja ima funkciju svojevrstnoga tumača posuđenice. Jedan dio primjera obuhvaća razgovornu i knjišku riječ kao što je *du(v)ar aliti zid, lisica aliti lija*. Zanimljiviji su primjeri poput para *barjak aliti orugva* u kojem se posuđenica objašnjava riječju koju je Margitić mogao naći u dalmatinskih pisaca i koja je vjerojatno već u njegovo vrijeme bila arhaizirana, iako je slavonskoga porijekla (Tafra 2015).

Kao što se svi povijesni nazivi jezika (*slovenski, ilirički, ilirski, bosanski, hrvatski, slavonski ...*) mogu svesti pod nadređeni pojam – hrvatski, tako se i svi ti književni mikrojezici mogu svesti pod hiperonim – hrvatski književni jezik.¹³ To je pojmovno i terminološko razgraničenje potrebno da se objasni status inodijalektnih jezičnih elemenata u jeziku starijih pisaca. S današnjega se stajališta oni po istoj metodologiji trebaju smatrati posuđenicama jer su došli iz drugoga jezičnoga sustava kao što su došle posuđenice iz drugih jezika. Kajkavska riječ koja se prilagodila u štokavskom književnom jeziku, o čijem leksiku ovdje raspravljamo, treba imati isti status kao i talijanska koja se prilagodila (*kukec > kukac; aria > arija*). U tom slučaju kao što je talijanizam sinonim domaćoj riječi (*napjev*), tako su i inodijalektne posuđenice sinonimi u štokavskom književnom jeziku u prošlosti, npr. *kupa, kupica, ocet, poculica, tancovanje* ili *kvasina, vrtao, lincun, skalin* u fra Marijana Lanosovića (18. stoljeće). Samo jedan primjer fra Ivana Ančića (17. stoljeće) vrlo dobro pokazuje o čem je riječ: *čardin, aliti giardin, aliti vartao illi cvitchnak*. Dvije su vrste odnosa u ta četiri primjera: jedan je odnos dvaju jezika (*đardin : vrtao i cvičnak*) i drugi je odnos dvaju idioma unutar jednoga jezika (*vrtao : cvičnak*). U Ančićevu književnom jeziku riječ je o trima sinonimima, s tim da se jedan javlja u dvjema fonološkim varijantama¹⁴ (Tafra 2012).

Za ilustraciju neka posluže još neki primjeri iz jezičnoga priručnika *Neue Einleitung zur slavonschen Sprache* (1778) Marijana Lanosovića, slavonskoga franjevca. Priručnik je bio koncipiran kao i slični europski priručnici toga vremena: gramatika, rječnik, konverzacijski primjeri, uzorci pisama. U rječniku su leksički nizovi: *stig (stjeg), zastava, barjak; ocet, kvasina, sirćet; ponjava, lincun; kupa, bukara, buklija; sapun, midlo* itd. Među tim riječima osim štokavskih, slavonskih, ima i kajkavskih (*kupa, kupica, ocet, poculica, tancovanje* itd.) i čakavskih (*kvasina, vrtao, lincun, skalin* itd.), ali i bohemizam *midlo* (češ. *mýdlo*). Slično je autor postupao i u konverzacijskim primjerima: *Ja sam šavač (krojač), Je li gospodin kod kuće (doma), Divojka je (cura je)*. U 18. stoljeću, kada djeluje Marijan Lanosović, hrvatski jezik još nije kodificiran pa to može opravdati postojanje takvih leksičkih nizova. U prvoj polovici 19. stoljeća i dalje se u hrvatskim jezičnim priručnicima nalaze slični leksički nizovi s riječima iz različitih dijalekata ili jednostavno iz književnih djela, bilo suvremenih bilo starijih. Tako Ignjat Alojzije Brlić, također rodnom iz Slavonije, u djelu *Grammatik der illyrischen Sprache* (1833) ima dosta leksičkih nizova koji nisu obilježje jednoga dijalekta, pa ni štokavskoga narječja, npr. *tydan*¹⁵, *nedylja dana, sedmica; kiša, dažd; val, talas; stolyće, vyk; novo lyto, nova godina; travanj (lažak)*¹⁶; *tanjur, piat; sirće, ocet, kvasina; purger (grada-*

¹³ O tome više Tafra i Košutar 2011.

¹⁴ Grafem *ç* mogao je označivati /č/ ili /ž/, što za ovu temu i nije bitno.

¹⁵ Grafem *y* označivao je sve reflekske jata.

¹⁶ Nazivi se mjeseci ne podudaraju u svih autora pa tako u drugih autora *lažak* znači 'ožujak'.

nin); *komšija* (*susyd*); *dućan*, *bolta*, *štacun*. U Brlićevu se konceptualnom rječniku, koji je priložen uz gramatiku po uzoru na europske dvojezične priručnike, nalaze neštokavske riječi, npr. *bolta*, *pjat*, *štacun*, *kvasina*, *ocet*, *vanjkuš*, odnosno riječi za pojmove kojih nema u Slavoniji, npr. *sardela*, *naranča*, *pomorança*, *smokva* itd. (Tafra 2012).

U književnosti je uvijek bilo i bit će sinonimije koja ima stilsku funkciju, dok su kontaktni sinonimi, porijeklom iz različitih dijalekata koji se nalaze u rječnicima, obilježje hrvatskih rječnika uglavnom do polovice 19. stoljeća kada je hrvatski jezik kodificiran, kada se osniva prva katedra za hrvatski jezik na visokoškolskoj ustanovi (1846) i kada odlukom Sabora (1847) postaje službeni jezik. Kontaktni se sinonimi nalaze u rječnicima u kojima je hrvatski jezik ciljani jezik, dok se u rječnicima s hrvatskim kao polaznim jezikom sinonimi nalaze pod svojom natuknicom, a ne kao prijevodni ekvivalenti, npr. Voltić u svom rječniku (1803) ima natuknice: *ča*, *što*, ima *zač*, a nema *zašto*. I Stulli (1806) ima natuknice *ča*, *kaj* (s podatkom da je iz Belostenca i s uputnicom na *što*), *što*, *zač* (s uputnicom na *zašto*), *zakaj zato* (Tafra 2012). Mnoštvo je i drugih takvih primjera, iako je riječ o štokavskim rječnicima, a razlog leži u činjenici što su se njihovi autori služili prethodnim rječnicima i što su pisali rječnike i za štokavce i za neštokavce.

Slično se dogodilo i u bližoj povijesti, u Jugoslaviji, kad su dvojezični rječnici, da bi se prodavali i bili upotrebljivi na cijelom štokavskom području, donosili leksičke nizove koji su samo naizgled bili sinonimi jer se članovi tih nizova nisu nikad sinonimno upotrebljavali. Oni nisu bili markirani ni kao teritorijalno ili barem varijantski¹⁷ raslojen leksik te se moglo na osnovi tih rječnika zaključiti da su sinonimi, npr. *Luft* zrak, uzduh; *Luftfahrzeug* udušno (zračno) vozilo, avion; *Bohne* grah, pasulj (Šamašalović 1971). Vrlo su ilustrativni primjeri iz *Rječnika MH – MS*, koji je 1967. počeo izlaziti u Zagrebu i Novom Sadu kao zajednički projekt Matice hrvatske i Matice srpske. U prvoj knjizi rječnički je članak ovako izgledao: “**azot** *m.* = dušik, gas, plin bez boje i mirisa, jedan od glavnih sastojaka vazduha, zraka”, a kad je Matica hrvatska nakon dviju knjiga prekinula suradnju i kad je Matica srpska završila rječnik, u njem se izgubila “sinonimija” pa je obrada izgledala ovako: “**ugljikovodik** *m.* jedinjenje ugljenika i vodonika”. Da je ostala ista koncepcija rječnika, definicija bi glasila: jedinjenje, spoj ugljenika, ugljika i vodonika, vodika. Razlog zašto smatramo da su u Belostenca *hiža* i *kuća*, *kaj* i *što* sinonimi, a da u Šamašalovića *uzduh* i *zrak*, odnosno u Matičinu rječniku *azot* i *dušik*, *gas* i *plin* nisu sinonimi leži u činjenici da kajkavske riječi *hiža* i *kaj* govornici hrvatskoga jezika koji nisu kajkavci (na primjer stanovnici Zagreba) smatraju svojim i da ih mogu upotrijebiti u nekim situacijama mjesto *kuća* i *što*. Prema tomu ni s dijakronijskoga ni sa sinkronijskoga stajališta u hrvatskom *hirurg* i *kirurg* nisu varijante, niti su *mrkva* i *šargarepa* sinonimi.

Usput, potrebno je istaknuti da se na osnovi iznesenih primjera leksičkih, ali i gramatičkih nizova u starijim rječnicima i gramatikama može zaključiti da je riječ o jezičnim priručnicima hrvatskoga jezika bez obzira na to tko je u slavistici mislio ili misli i danas drugačije zato što se jezik na koricama najčešće nazivao ilirski. Dokaz su upravo leksički nizovi koji su obilježje samo hrvatskoga jezika: *kupica*, *čaša*, *kruhar*, *pečnik*, *pekar*; *ocat*, *kvasina*, *sirće*; *kopača*, *motika*, *mašlin*; *pisak*, *pržina*, *žalo*; *tovar*, *oslac*, *magarac*; *slovnica*, *gramatika*. Najslikovitiji je niz upitnih zamjenica jer samo hrvatski jezik ima sve tri upitne zamjenice: *što*, *ča*, *kaj*. Svakako tu treba pribrojiti i gramatičke nizove, ponajprije primjere sa sva tri

¹⁷ Kao što se danas radi u engleskim rječnicima pa se označuju engleska i američka varijanta.

refleksa jata: *vtime, vrieme, vreme; snig, snijeg, sneg*, refleksa poluglasa: *osem, osam*, zatim sinonimne oblike kao što su genitiv množine: *golubov, golubâ, golubî*, instrumental množine: *golubim, golubima, golubî*, glagolski pridjev radni: *poslal, poslo, poslao* (Tafra 2012). Činjenica je da je pojam *ilirski* vrlo često imao širi opseg, ponekad je bio sinonim čak za *slavenski*, ali je bio sinonim i za *hrvatski*, kako je to Belostenec (1740) napisao: *Horvat Croata, Illyricus*, što potvrđuju i kontakti sinonimi. Stoga se može zaključiti da su leksička i gramatička sinonimija uz jezični purizam glavno obilježje povijesti hrvatskoga književnoga jezika.

Do kodifikacije hrvatskoga jezika funkcija je leksičkih i gramatičkih sinonimnih nizova raznovrsna pa ćemo izdvojiti samo one tipične.

a) Djela su bila namijenjena čitateljima koji su bili govornici različitih dijalekata te su autori uzimali riječi iz svih dijalekata koje su značile isto, ali i istoznačne gramatičke oblike te ih u nizovima navodili. Najčešće nisu navodili njihovu teritorijalnu raslojenost, ali ima primjera da i jesu. Najreprezentativniji je u tom smislu kajkavski rječnik *Gazophylacium* (1740) Ivana Belostenca. U tom se rječniku nalaze riječi iz Dalmacije obilježene odrednicom D. te riječi iz Slavonije s odrednicom S., Scl. ili Turc. Scl. kojima su se označivale nekajkavske riječi, npr. *pannus* sukno, (D.) svita, (Tur. Scl.) čoha; *civis* varašan, purgar, (D.) građanin.

b) Navođenje drugoga člana niza imalo je funkciju objašnjenja nepoznatih riječi. Pritom je riječ mogla biti porijeklom ili iz drugoga jezika ili iz drugoga dijalekta.

c) Sinonimni su nizovi, leksički i gramatički, ali i nizovi fonoloških varijanti, osobito različiti refleksi jata, imali glavnu funkciju stvaranje nadregionalnoga kulturnoga idioma unatoč velikomu književnojezičnomu pluralizmu (nekoliko književnih mikrojezika). Belostenčev je *Gazophylacium* najbolji primjer tronarječne konvergencije u razvoju hrvatskoga leksika, ali i u stvaranju zajedničkoga književnoga jezika, u čijoj je funkciji bila i grafija jer je grafem za sve reflekse jata bio *ě*, a za refleks poluglasa *ě* te se autorovo prezime *Bellosztě-něcz* moglo čitati na više načina. Takve su metode već u 17. stoljeću urodile pokušajem sinteze dijakronijske (evolucijske) i sinkronijske (dijalektne) raznolikosti u nadregionalni kulturni idiom, u jedan književni jezik ne samo na hrvatskoj razini (na primjer Ivan Belostenec, Pavao Vitezović), nego i šire, na slavenskoj razini (Juraj Križanić).

d) Nizovi su imali i stilsku funkciju. Pranjić (1998: 26) “iz repertoara stilskih postupaka ostvarenih u respektivnim tekstovima” u književnim djelima starijih razdoblja hrvatske književnosti opisuje jedanaest postupaka, među kojima su aloglotizacija i idioglotizacija, dva oblika sinonimizacije koje autor analizira kao dijakronijske stileme. U bosanskih franjevačkih pisaca 17. i 18. stoljeća to su bili vrlo česti postupci, što ćemo ilustrirati s nekoliko primjera iz Pranjićeve analize. Upotreba stranih riječi (aloglotizacija) odnosi se najčešće na romanizme ili turcizme iz dvaju razloga: bosanski su se franjevci često školovali u Italiji, a Bosna je bila pod osmanskom vlašću. Fra Stjepan Matijević prvo stavlja hrvatsku riječ, a potom stranu: *Grieh* s rođaci svojimi i ženiniemi, tja do četvrtoga koljena uklapajući jest *prikryje*, što Latin zove *incestum*. Jednak redosljed ima i fra Stipan Margitić: *Zašto*, nu, promisli svaka koju fali duh sveti i zove ju *vrtao*, aliti *đardin* zatvoreni (Pranjić 1998: 27). U bosanskih su franjevaca, međutim, vrlo često ostajali turcizmi bez domaćega ekvivalenta jer su se očito udomaćili, postali su usvojenice. U drugim je slučajevima redosljed obratan, strana se riječ tumači domaćom jer su obično idioglotemi bili poznatiji, npr. crkveno ili jezikoslovno nazivlje, a domaće su riječi bile najčešće prevedenice ili novotvorenice.

Međutim, u književnim djelima “kontaktni su sinonimi bili glomazne cjeline koje su smetale osobito u stihotvorstvu” pa su se pisci odlučivali “radije za distantnu upotrebu takvih sinonima, tj. na jednome su se mjestu poslužili riječju iz jednoga narječja, a na drugome njezinom istoznačnicom iz drugoga” (Vončina 1977: 199).

Ne ulazimo u stilsku funkciju takvih primjera kao Pranjić jer nas zanima u kojem su semantičkom odnosu ti leksemi. Analizirajući rukopisni Vitezovićeve *Lexicon* Zrnka Meštrovic i Nada Vajs shvatile su sinonimiju u vrlo širokom smislu (1994: 132): “Pojam sinonimije pokriva čitavu lepezu vrlo različitih jezičnih situacija, a ovdje je riječ o tzv. geografskim varijantama. To su primjerice *ča/kaj/što*, *koji/gdo/ki/tko* ili *ulika/maslina*, koji predstavljaju sinonime različite leksemse osnove s identičnim semantizmom, što su tzv. kontaktni sinonimi, dok izrazi poput *Osek/Osik*, *mačić/mečić*, *orih/oreh/orah* predstavljaju samo različite dijalektne likove istoga leksema (čakavsko-kajkavsko-štokavski likovi).

Izarzi (sic!) u nizu kao *privrzak*, *pribacak*, *pridavanje* itd., predstavljaju treći tip sinonima koji su sinonimi u pravom jezičnom smislu, jer ih možemo promatrati kao prave semantičke dublete i u njima razabrati isto, blisko ili slično značenje dvaju ili više oblikom različitih leksema, npr.: *nagovaravac*. *nagovornik*. *nagovoritelj*. *nanudjavac* (s.v. *adhortator* 1. 14); *privrzak*. *pribacak*. *navrzak*. *pridavanje*. *pribacjenje*. *navrženje* (s.v. *adjeetio* 1. 14); *povojac za rame*. *ranoveznica* (s.v. *anadesmus* 1. 30); *pās*. *pāsci od sablje ali oružja*, *remeni pās* (s.v. *balthesus*. *balthesum* 1. 57); *sike*. *grebeni morski*, *plovci*. *zplovci* (s.v. *Brevia* 1.63) itd.”

U našem teorijskom modelu nije dovoljno da riječi imaju isto denotativno značenje da bi bile sinonimi. One bi morale prvo zadovoljiti osnovna tri kriterija. Stoga je prvi slučaj (*ča*, *kaj*, *što* i dr.) sporan ako se sinonimija ne stavi u kontekst Vitezovićeve književnojezične koncepcije i u određeno vrijeme, u drugu polovicu 17. stoljeća i na početak 18. stoljeća; sporan je i pojam *geografske varijante*¹⁸ jer se varijante odnose na isto, one su, dakle, dva lica istoga, a ovdje se radi o dvjema ili trima riječima. U drugom se slučaju može govoriti o varijantama ako primjeri pripadaju istomu idiomu, ali varijantnost ne ulazi u sinonimiju pa, na primjer, *orih/oreh/orah* ne mogu biti sinonimi upravo zato što su fonološke varijante u odnosu na zajednički etimon. No, tvorbene dublete jesu sinonimi, pa su, na primjer, *nagovaravac*, *nagovornik*, *nagovoritelj* sinonimi. Granice sinonimije ne bi se uopće mogle odrediti ako jezikoslovci prvo ne odrede analiziraju li sinonime u jednoga pisca, u jednom književnom djelu, u jednom mjesnom govoru, u žargonu ili pak u standardnom jeziku.

Na osnovi analize primjera leksičkih i gramatičkih istoznačnih nizova iz povijesti hrvatskoga književnoga može se zaključiti da nije uvijek posrijedi sinonimija. Riječ je o trima procesima:

- a) unutarjezično variranje
- b) unutarjezično posuđivanje
- c) međujezično posuđivanje.

Unutarjezično variranje nije sinonimija, ali ima jednaku funkciju kao i sinonimi: za isti sadržaj služi više izraza, a obuhvaća fonološko variranje kao što je primjer *orih*, *oreh*, *orah* iz Vitezovića. Najčešće se sreću primjeri nizova različitih refleksa jata: *sino*, *sijeno*, *seno*; *breg*, *brig*, *brijeg*; *posle*, *posli*, *poslije*; *did*, *djed*; *vitar*, *vjetar* (Tafrā 2012). Suvremenomu standardnom jeziku pripadaju samo jekavski odrazi jata, a ostali pripadaju drugim jezičnim sustavima.

¹⁸ Berruto ih također tako naziva pa predlaže i drugi naziv: *geosinonimi* (1994: 86).

Unutarjezično posuđivanje kao izvor sinonimije može se tumačiti jednako kao i posuđivanje iz drugih jezika jer je riječ o različitim idiomima. No, s dijakronijskoga stajališta vidljivo je da su književnici, a osobito leksikografi uzimali cijeli hrvatski jezik kao jedan idiom bez obzira na dijalektnu šarolikost. Pritom treba imati na umu da postoji osim raznodijalektnoga miješanja i raznovremensko miješanje jer se zahvaća vrlo često i u dijakroniju pa pisci iskorištavaju jezične jedinice koje više nisu u upotrebi, koje su otišle u povijest. Uz jezične crte koje se prepoznaju kao sinkronijske u razvoju hrvatskoga jezika redovito se u pisaca nalaze i one koje pripadaju njegovoj povijesti, npr. u Bartola Kašića (1604) brojevi *jedanadeste*, *petsat*. Riječ je o oslonjenosti na pisanu tradiciju, koja postaje uzorom višega stila.

U suvremenom bi standardnom jeziku navedeni leksički nizovi bili:

1) sinonimi, riječi iz jednoga idioma koje imaju isto značenje i koje po porijeklu mogu biti

a) idioglotem i idioglotem

b) idioglotem i aloglotem

c) aloglotem i aloglotem

2) semantički ekvivalenti, riječi iz dvaju ili više idioma koje imaju jednaka značenja.

Dijakronijski pak gledano, leksički su odnosi nešto drugačiji. Podataka o međudijalektnom prožimanju, odnosno o raznodijalektnim i raznovremenskim obilježjima u hrvatskoj starijoj književnosti ima jako mnogo u kroatističkoj jezikoslovnoj literaturi pa se ta raznolikost ne treba posebno dokazivati. Ipak, ne možemo a ne spomenuti da je davno već Jagić uočio da je to miješanje bila uobičajena pojava. U svojoj povijesti hrvatske književnosti zaključio je, među ostalim, da je zamjenica *ča* u znanosti dobila nezasluženu važnost, nezasluženu “jerbo se vara, tko misli, da su s izgovorom *ča* namah uzko spojene i sve ostale osobine”. Tako ima tekstova koji su čakavski po drugim obilježjima, iako nemaju zamjenicu *ča*, i obratno, ima ih koji uz nju imaju nečakavskih obilježja. “Svakako je zanimivo, što se u mnogih bosanskih list. pojavljuju uprav svi pojavi čakavizma, samo rieči *ča* neima, a opet kasnije u književnosti Dalmatinskoj ima mnogo primjera, da je jezik skroz novije naravi, ali s riečju *ča*” (Jagić 1864: 346). Jagić navodi da u pisaca istodobno supostoje *ča*, *zač*, *nač* uz *ništar* ili *nišće*. Standardolozi nikako ne bi kao Jagić smatrali da je “normalno” miješanje raznodijalektnih elemenata. Više je razloga zašto se povijesna međudijalektna interferencija mora tumačiti drugačije nego današnja.

Predgovor Kašićevu *Ritualu rimskomu* (1604), u kojem taj čakavac piše štokavski, dakle *što* ili *šta*, te *poslao sam*, *učio sam*, ali ne brani Dalmatincu da kaže *ča* te *poslal sam*, *učil sam*, zapravo je osnovno povijesno književnojezično načelo po kojem su svi hrvatski organski idiomi moguć izvor jezičnoga posuđivanja u književni jezik. Pritom supostojanje starijih i novijih oblika te istoznačnih oblika i leksema postaje pravilom, a ne slučajnošću.

Da bi bilo jasnije o čem je riječ, neka posluži poredba s proglasom Ljudevita Gaja uoči 2. godišta *Danice* (1835) u kojem se izlaže program: “Naša slovnica i naš rječnik jest *čitava Ilirja*. U tom velikom vertu (bašči) imade svagđę prekrasnoga cvětja, saberimo sve što je najbolje u jedan věnac.” Proglas nosi datum “6. prosinca (grudna) 1836.” te sa sinonimima *prosinac* i *gruden*, *vrt* i *bašča* otkriva jednako shvaćanje hrvatskoga književnoga jezika koje je toliko puta viđeno u prethodnim stoljećima. Paralele su očite. Ilirci su u programu imali jedan jezik za sve južne Slavene (makrorazina), a kodificiran je hrvatski jezik (mikrorazina). Jednako su tako prije njih pisci u svoj književni jezik uzimali jezične elemente iz cijeloga hrvatskoga jezika (makrorazina), što je neke navelo na zaključak da je riječ o tronarječnoj

osnovi, a na kraju je kodificiran općenacionalni jezik na novoštokavskoj osnovi (mikrorazina), s posuđenicama iz drugih dijalekata koje su ušle u standardni jezik po istim zakonima kao i iz stranih jezika prošavši prilagodbu prema normama standardnoga jezika.

Kad se vidi to bogatstvo sinonimnih nizova u povijesti hrvatskoga književnoga jezika, na kraju se opravdano nameće pitanje može li se postojanje sinonimnih leksičkih i gramatičkih raznodijalektnih nizova proglasiti jezičnom normom kada se zna da je normiranje upravo izbor među postojećim mogućnostima. Dva su glavna argumenta za tezu da je riječ o jezičnom normiranju. Prvi je što je gramatička i leksička sinonimija obilježila cijelu povijest hrvatskoga književnoga jezika, pa je kao stalnica postala normom, a drugi je što i danas postoje, doduše drugoga porijekla, ali postoje sinonimni oblici, npr. D jd. *snagi/snazi*, G mn. *naranača, naranča, naranči*, aorist *htjedoh/htjeh/hotjeh* itd., a o leksičkoj da se i ne govori, pogotovo u kombinaciji aloglotem i idioglotem. U starijih je pisaca organska osnova književnoga jezika jednostavno bila šira nego što ju mi danas shvaćamo. Unatoč tomu u rječnicima ima dovoljno pokazatelja po kojima se vidi da su njihovi autori pokušavali tu i tamo i normirati upućujući nepravilnu riječ na pravilnu (Tafra 2012), npr.: *čmela* v. pčela, *kreč* v. vapno, *jeđup* v. cigan, *gvožđe* v. železo (Belostenec 1742); *cerussa* belilo, belnica (vulgo: plajbas), *lima* pila (turpija vox est turcica) (Patačić s. a.); *kopitec*, Hab.¹⁹, v. kopito; *lupaoc*, v. lupalac (Stulli 1806); *vura* v. ura, *sojuz* bolje svez, *aldov* v. žrtva (*Danica* 1835); *akov* v. vjedro, *škver* vulg. v. brodarnica, *štenge* vulg. v. shodići, *špilja* v. spilja (Šulek 1874–1875).

Pružajući svojim čitateljima mogućnost izbora prema vlastitomu osjećaju poznatosti i pravilnosti, kajkavski jezikoslovci normiraju književni jezik kajkavske osnove s nekajkavskim elementima, pisci ozaljskoga kruga oko Zrinskih i Frankopana čak hibridni književni jezik s tronarječnim elementima, Josip Jurin normira na štokavskoj osnovi s elementima čakavštine, kao što je uostalom otac hrvatske gramatike Bartol Kašić krenuo od svoje rodne čakavštine, a završio u štokavštini kao pravom izboru za *opći jezik* u svom *Ritualu rimskom*, koji je kao liturgijsko djelo bio sve do 20. stoljeća u upotrebi s jakim utjecajem na standardizacijske tokove. Ili drugi primjer. Pavao Vitezović počeo je pisati čakavski (*Odiljenje sigetsko*), nastavio kajkavski (*Kronika*), a završio približivši se štokavskom (*Pričnik*), ali u sva tri je slučaja riječ samo o polazišnom idiomu, s toliko unosa iz drugih idioma da je Vončina (1988) s pravom njegovu književnojezičnu koncepciju odredio hibridnom. Kada se to ima na umu, tada je razumljivo zašto Ivan Belostenec u svom *Gazophylaciumu* ima riječi iz sva tri narječja. Poslije je, kada je u narodnom preporodu književni jezik štokavske osnove postao općenacionalni, tradicija međudijalektnoga leksičkoga prožimanja ostala, ali manje izrazita nego prije. August Šenoa ovako je to objasnio: “Mi mislimo da je temelj književnog jezika štokavština, i da ga popunjavati valja rječimi iz kajkavskoga i čakavskoga narječja, ako su te rječi po svom korijenu razumljive i štokavcu i ako u štokavštini uopće za koj pojam riječi nema il’ samo tuđa rječ ima” (Vince 1978: 515–516).

Dinamičnost se sinonimijskih odnosa vidi na svakom vremenskom presjeku. Do devedesetih godina prošloga stoljeća mnogi jezikoslovni nazivi nisu imali sinonime, većinom su to bile posuđenice, ali su ih od devedesetih dobili jer je oživljeno domaće nazivlje iz prijašnjih razdoblja, pogotovo iz 19. stoljeća, pa se sada prilično ravnopravno upotrebljavaju posuđenice i domaće riječi: *gramatika, slovnica, morfologija, oblikoslovlje, palatali, nepčanici, dentali, zubnici* itd. Vojno je nazivlje zahvatio drugačiji proces. Oživljeno domaće nazivlje

¹⁹ Riječ je iz Habledičeva rječnika.

nije uopće stupilo u sinonimijske odnose sa starim jer je ono odmah otišlo u pasivni sloj pa su danas bez sinonimnoga parnjaka *časnik, satnik, vojarna, stožer, a oficir, kapetan, kasarna, štab* više se ne upotrebljavaju. Stoga se može zaključiti da svako vrijeme ima svoje sinonimne nizove i da oni nisu zadani za sva vremena jer se s vremenom neki stvaraju, a neki se drugi raspadaju.

4. Desinonimizacija

Najveća razilaženja u tumačenju leksičkih odnosa u jezikoslovnoj literaturi postoje u vezi s paronimijom. Tomu treba dodati da je od svih leksičkih odnosa paronimija najslabije obrađivana i u jezikoslovnim člancima i u knjigama koje u svom naslovu imaju riječ leksikologija. Ona se počela proučavati dosta kasno, i to najprije u vezi s učenjem jezika, a tek poslije kao sustavni leksički odnos. U leksikologiji još uvijek nema općeprihvaćene definicije paronimije niti postoji ustaljen naziv za leksički odnos tvorbene sličnosti i semantičke različitosti. Filipec i Čermák (1985) paronimima smatraju jednu ili više grafijski i zvukovno sličnih riječi, zapravo riječi povezane samo prema sličnosti izraza, kao što su češ. *etický* i *etnický*, *siný* i *sivý*. Zgusta (1991) kaže da se termin *paronimi* tradicionalno koristi za riječi koje imaju sličnu formu, a različito značenje, npr. tal. *traduttore* ‘prevoditelj’ i *traditore* ‘izdajnik’.

Pod paronimijom se razumijevaju različite pojave u jeziku, pa čak i između jezika. Naše je shvaćanje paronimije vrlo blisko shvaćanju Višnjakove (1981, 1984). Uz osnovna tri kriterija koja smo postavili u drugom poglavlju za sve leksičko-semantičke odnose paronimi moraju pripadati istoj tvorbenoj porodici, zbog čega imaju djelomičnu podudarnu fonološku i semantičku strukturu, pa upravo zbog te sličnosti imaju jak potencijal zamjenjivosti. Dakle, paronimi su riječi istoga korijena i istoga leksičko-gramatičkoga i leksičko-semantičkoga razreda, slične po izrazu i po sadržaju i međusobno isključive u istom kontekstu. U hrvatskom jeziku paronimi često nastaju desinonimizacijom istokorijenskih sinonima da bi se rasteretila njihova višeznačnost i da bi se svaki pojam imenovao. Na taj su način nastali mnogi paronimni parovi: *rodni // rodovni, lisni // listovni, vršni // vrhovni, knjižni // književni, vodni // vodeni, drvni // drveni, brojni // brojevni, stručni // strukovni, maseni // masovni, davalac // davatelj, slušač // slušatelj, čitač // čitatelj* itd. Odnosni pridjevi imaju isto značenje: ‘koji se odnosi na i’ (imenicu od koje su tvoreni), a imenice znače vršitelja radnje, ali u tim primjerima svaki je parnjak preuzeo samo dio semantičkoga sadržaja motivirajuće riječi. Imenice na *-ač* i na *-telj* uglavnom znače isto te su bogata zaliha sinonima kandidata za desinonimizaciju radi terminoloških potreba. Tako *istraživač* i *istražitelj* u odnosu na motivirajuću riječ imaju isto značenje: ‘osoba koja istražuje’, ali s obzirom na ono na što referiraju u stvarnosti, svaka je dobila novo značenje, koje se može prikazati definicijskim formulama: ‘osoba koja zna istraživati’ (*znanstveni istraživači; istraživači Sjevernoga pola; kad prohoda, dijete je pravi istraživač svoje okolice*), te ‘osoba kojoj je zanimanje da istražuje’ (*suci istražitelji*). Jednako se razgraničenje dogodilo i u paru *slušač // slušatelj*. *Slušač* nije više samo ‘osoba koja sluša’, nego je ‘osoba kojoj je zanimanje da sluša, student’. Dok je u *Rječniku JAZU* (knj. XV: 624–625, 629) šest sinonima: *slušač, slušalac, slušar, slušatelj, slušatnik* i *slušavac*, dotle su danas samo dva sinonima *slušalac* i *slušatelj*, od kojih *slušatelj* ima normativnu prednost pa je u paronimijskom odnosu sa *slušač*. Često se neki sinonimni sufiksi razjednače tako da se jedan parnjak “specijalizira” samo za jedan značenjski razred. Tako se sufiksom

-telj tvore *nomina agentis*, sufiksom se *-ač* mogu tvoriti i *nomina agentisi nomina instrumenti*, npr. *crtáč, čitač, klizač, upravljač*, pa su zato moguća zaliha za terminologizaciju kao *nomina instrumenti* te time i za paronimizaciju: *snimač // snimatelj, pretraživač // pretražitelj*.

Desinonimizacija je dijakronijski proces i ne događa se preko noći. Jedno se vrijeme parnjaci upotrebljavaju i kao sinonimi i kao paronimi dok se ne završi razjednačivanje. Razlog za desinonimizaciju često je izvanjezični, npr. s pojavom kompjuterske tehnike nastala je potreba za terminima pa je razgraničavanje sinonimnih parova išlo po liniji živo – neživo: *snimatelj // snimač, pretražitelj // pretraživač* itd.

Na jednom ćemo primjeru pokazati povijesni put razvoja paronima koji je karakterističan i za druge slavenske jezike, primjerice u ruskom su u 19. stoljeću pridjevi tipa *покорный* i *покорливый* (hrv. *pokoran* i *pokorljiv*) bili sinonimi, a u suvremenom su jeziku paronimi, prvi za označivanje pasivnoga svojstva, a drugi aktivnoga. Tako su u hrvatskom, također u 19. stoljeću, ali djelomice i u 20. stoljeću, imenice tipa *matematik* i *matematičar* bili sinonimi, s vremenom je norma dala prednost imenicama na *-ar*, a manji se dio tih sinonimnih parova desinonimizirao pa su u suvremenom jeziku te imenice paronimi.

U hrvatskom je jeziku u tvorbi *nomina agentis* donedavna među sufiksima bio i *-ik*. Najčešće su te imenice tvorene od imenica grčko-latinskoga porijekla koje se obično završavaju na *-ika*, ali i na druge sufikse: *atletika, gramatika, mehanika, tehnika, lirika, kronika, politika, fizika, kemija, magija, satira ...*

Dva su sufiksa *-ik* u hrvatskom jeziku, jedan je praslavenskoga porijekla (*brezik, zakonik*), a drugi je nastao od latinskoga *-icus*, odnosno grčkoga *-ικος* (*fizik, lirik*). Zanima nas upravo taj drugi sufiks stranoga porijekla. Potvrde za nazive osoba koje se bave pojedinim granama ljudske djelatnosti nalaze se iz vremena kada se javljaju te djelatnosti ili, vrlo često, u dvojezičnoj i višejezičnoj leksikografiji pri donošenju hrvatskih istovrijednica za strane riječi. Kako su se gramatikom bavili učeni ljudi od davnina, vrlo su stari nazivi za osobe takva zanimanja. Prema *Rječniku JAZU* (s. v. *gramatik*) već u 15. stoljeću ima potvrda za riječ *gramatik* (grč. *γραμματικός*) u značenju ‘pisar’. U značenju ‘onaj koji se bavi gramatikom’ nalazi se od 16. stoljeća. Rane su potvrde i za imenice *matematik, muzik, historik*. No, najviše je takvih učenih riječi iz 19. stoljeća, što je razumljivo s obzirom na razvoj novih znanosti i na količinu novih riječi koje tada nastaju. U 19. stoljeću u tvorbi se tih imenica javlja novi sufiks. Povijesno gledano, riječ je o dometku *-ičar* koji je nastao od spomenutoga *-ik* i *-jar* (od lat. *-arius*): *botaničar, muzičar, političar ...* Zanimljiva je sudbina tih dviju tvorbenih dubleta. Jezikoslovci su se razilazili u njihovu normiranju. Na početku 20. stoljeća jedni su davali prednost imenicama *botanik, kritik*, a drugi su ih odbacivali, smatrajući da se dometkom *-ik* tvore izvedenice od imenica koje znače drveće: *kestenik, borik, šljivik*, a da se dometkom *-ar (-jar)* oduvijek tvore imenice koje znače čovjeka koji se nečim bavi. Ti su drugi imali i jak razlog protiv sufiksa *-ik* jer je nominativ množine takvih imenica *botanici, politici* izjednačen s dativom i lokativom jednine imenica *botanika, politika*. Maretić (1924: 193), suprotno od tih jezikoslovaca, opredjeljuje se za *botanik, gramatik*, “kako su ne samo Vuk i Daničić pisali, nego kako su pisali i svi naši stari pisci ..., kako pišu i govore svi drugi Slaveni”. I dalje su se jezikoslovci razilazili pa se još uvijek 1941. godine daje prednost imenicama *botanik, lirik, kemik*, što znači da su se oba tipa tvorbenih dubleta upotrebljavala kao sinonimi, i bilo je samo pitanje vremena kad će se normirati jedna od dviju mogućnosti. Nakon Drugoga svjetskoga rata sve se manje spominju imenice na *-ik*. Zanimljivo je da su u

20. stoljeću taj problem rješavali pravopisi pa tako *Pravopis* dviju Matica iz 1960. (str. 44) ima odredbu: “Pored toga nastavka (-ičar, B. T.) upotrebljava se s istim značenjem i kraći nastavak -ik, dakle: *liričar* i *lirik*, ali katkad postoje i različna značenja: *fizičar* (onaj koji se bavi fizikom) i *fizik* pored *fizikus* (gradski liječnik).” Da je i nakon Drugoga svjetskoga rata još bilo ljudi kojima je pod utjecajem njihove klasične naobrazbe bila milija kraća tvorba, bliža jeziku izvorniku, svjedoči i Skok (s. v.-ičar): “Puristi traže da se mjesto -ičar kaže u riječima tuđeg postanja uvijek -ik: *satirik*, *lirik*, *kritik*, *empirik*.” Unatoč jezičnim puristima upotrebnja je norma prevagnula u korist likova na -ar. Razlozi leže ponajprije u samoj tvorbi. Sa suvremenoga stajališta izvedenica *botanik* izjednačena je sa svojom tvorbenom osnovom (*botanik* + *a*). U tvorbi imenica za označivanje vršitelja radnje najčešći je upravo sufixs -ar, odnosno -jar, koji mijenja završni suglasnik osnove: *kritik* + *jar* > *kritičar*. Budući da se imenica *botaničar* i njoj slične uklapaju u tvorbene uzorke hrvatske tvorbe riječi bolje od imenice *botanik*, i upotrebnja i kodifikacijska norma dala im je prednost. S njima je olakšana i tvorba ženskih mocijskih parnjaka: *botaničarka*, *gramatičarka*, *političarka*. U tvorbi oblika izbjegnute su dvostrukosti jer se zbog glasovnih promjena više oblika imenica *botanik* i *botanika* podudaraju, npr. u primjeru s *botanikom sam raščistio* nije jasno je li riječ o čovjeku ili o znanosti. Starija tvorba sufixsom -ik nije nestala. Ostala je kao ograničeno stilsko sredstvo (*naši mladi lirici*), a u nekoliko je primjera poslužila za značenjsko razgraničenje posuđenica, odnosno za paronimizaciju: *fizik* // *fizičar*, *akademik* // *akademičar*, *klasik* // *klasičar*, ali i domaćih riječi *dionik*//*dioničar*.

5. Granice homonimije

Uvodno samo napomena da uz osnovna tri kriterija, navedena u drugom poglavlju, homonimi moraju imati jednake²⁰ izraze (u hrvatskom su to homofonski homografi) i da ne smiju imati nijedan integralni sem. Premda je to jasno, često se homonimima proglašavaju riječi nastale konverzijom, iako one pripadaju različitim leksičko-gramatičkim razredima i iako se, s obzirom na to da pripadaju istoj tvorbenoj porodici, semantički preklapaju. Dakle, temeljna je pretpostavka za ostvarivanje bilo kojega leksičko-semantičkoga odnosa, pa i homonimijskoga, pripadnost istoj vrsti riječi. Stoga leksemi tipa *dobro* (imenica) i *dobro* (prilog) nisu homonimi, oni su samo homografi. Kao i kod sinonimije, nerijetko se govori o pravim i djelomičnim homonimima, potpunim i nepotpunim i slično. Smatramo da se za leksičko-semantičke odnose u jeziku trebaju odrediti kriteriji prema kojima dva leksema ili jesu ili nisu homonimi, sinonimi, antonimi itd. Iako su “поиски ‘критериев’ для распознавания различных языковых объектов ... красноречивее, чем что-либо другое” (Апрешан 1995: 184), kriteriji su nužni da bi se uopće mogle odrediti granice “jezičnih objekata” (riječi, rečenicâ, homonima, frazema itd.). Pri određivanju granica ključnu ulogu ima semantička jezgra svakoga leksema, s tim da njegova semantička periferija u aktualnoj semantičkoj realizaciji može unijeti određenu razliku s obzirom na druge lekseme s kojima je u nekom semantičkom odnosu. Kriterije za homonime jednostavnije je odrediti nego za sinonime jer su homonimi isključivi u kontekstu, dok je zamjenjivost sinonima osnova njihove razred-

²⁰ Nažalost, jezikoslovci često kažu *iste*, a treba *jednake izraze*, jer je isto samo ono što je identično samo sa sobom, a kako su dva leksema, njihovi su izrazi jednaki. Jednako tako zaboravlja se da u hrvatskom akcenti imaju distinktivnu ulogu pa *lûk* i *lûk* nisu homonimi.

be i glavni predmet sporenja jezikoslovaca. Unatoč tomu ostat će vječni problem razgraničavanje homonimije od polisemije (Tafr 1986).

Budući da u hrvatskom jeziku homonimi imaju jednake izraze samo ako su i homografi i homofoni, a budući da rječnici u prošlosti obično nisu bili akcentirani, nije lako uvijek ni prepoznati jesu li u pitanju homonimi. Ponekad se nalaze označeni akcenti, no nedosljedno, a osim toga trima su se akcenatskim znakovima (akut, cirkumfleks i gravis) sve do polovice 19. stoljeća označivali različiti akcenatski sustavi i nisu imali istu prozodijsku vrijednost kao današnji isti ti znakovi. Od rijetkih autora koji su se bavili homonimijom upravo u hrvatskim starim rječnicima bio je Šipka (1988). Međutim, on preširoko shvaća homonimiju u koju svrstava i homofone, i homografe i homoforme. U tom širokom shvaćanju homonimije pronašao je dokaze da su u svojim dvojezičnim i višejezičnim rječnicima Faust Vrančić (1595), Juraj Habelić (1670) i Ardelio della Bella (1728) razlikovali homonimiju i polisemiju. Jednako široko shvaćena je homonimija u transkripciji trojezičnoga *Blaga jezika slovinskoga* Jakova Mikalje (1651), prvoga hrvatskoga rječnika u kojem je hrvatski polazni jezik. Tako su u njem (Gabrić-Bagarić i dr. 2011) obrađene kao homonimi (obrojčane natuknice) riječi koje to nisu i koje je Mikalja razlikovao naglasno: *pàs* (*pàs* ‘domaća životinja’), *pás* (*pàs* ‘remen’); *lùk* (*lùk* ‘vrsta povrća’), *lúk* (*lúk* ‘zaobljena naprava za izbacivanje strijela’).

U starijim rječnicima uspješnim razgraničenjem homonimije i polisemije može se smatrati obrada “homonima u dvama rječničkim člancima te obrojčavanje značenja pod jednom natuknicom u obradi polisemije. Uz posebne natuknice za homonime nećemo tražiti i obrojčavanje tih natuknica kako je to uobičajeno u današnjoj leksikografiji” (Košutar 2013). Petra Košutar (2013) nakon istraživanja rječnika u 18. stoljeću zaključila je da je Della Bella dobro prepoznavao homonime jer ih je obrađivao pod dvjema natuknicama. Njemu je polazni jezik bio talijanski pa razlikovanje homonimije i polisemije može biti i utjecaj talijanskih rječnika kojima se služio. Polazni je jezik Ivanu Belostencu bio latinski, imao je dosta rječnika uzora kojima se služio, ali nije tako dobro raspoznavao homonime kao Della Bella, što zorno pokazuje samo jedan njegov rječnički članak: *ius*, *iuris*, iako je riječ o dvama homonimima: *ius*¹ ‘pravo, zakon’ i *ius*² ‘juha’. Struktura rječničkoga članka sa sedam značenja ne odaje raspoznavanje dviju riječi. No, drugi primjer (*saltus*, *us*, *m.* ‘ples’, ‘skok’ i *saltus*, *us*, *m.* ‘lug’, ‘gaj’) pokazuje uzornu obradu homonima u dvama rječničkim člancima (Košutar 2013). Nemoguće je zaključiti zašto je homonime Belostenec različito obrađivao, odnosno je li to propust u latinskom rječniku koji mu je bio izvor za lijevu, latinsku stranu rječnika, ili je to njegov propust.

U drugim je rječnicima pod jednom natuknicom obrojčavanjem razgraničavana polisemija i homonimija, što se može smatrati začetkom leksikografskoga lučenja homonimije od polisemije. Košutar (2013) navodi primjere iz četverojezičnoga *Lexicon* Andrije Jambrešića (1742) iz kojih se vidi da su homonimi obrojčani u jednom rječničkom članku, npr. *ius* 1. pravda, pravica, 2. oblast, 3. juha, čorba. Nakon analize nekoliko hrvatskih rječnika iz 18. stoljeća i europskih koji su bili leksikografski uzori i izvori, kao što su *Dizionario degli Accademici della Crusca* ili razne prerade Calepinovih rječnika, zaključila je da “djela koja pripadaju talijanskoj leksikografiji redovito bilježe homonime dvjema natuknicama, bez obzira na godinu izdanja. Dakle, i izdanja koja su objavljena u 17. stoljeću jednako obrađuju homonime pod dvjema natuknicama kao i ona koja su izišla u 18. stoljeću”. Stoga hrvatski rječnici oslonjeni na talijansku leksikografiju dobro raspoznaju što je jedna, a što dvije riječi jednaka izraza.

Ovdje dalje nećemo istraživati metaleksikografske domete starije hrvatske leksikografije, ali ćemo pokazati na dvama homonimnim parovima dijakronijski razvoj homonimije u hrvatskom jeziku te utjecaj prozodije na homonimiju. Poznato je da su *luk* ‘vrsta povrća’ i *luk* ‘zakrivljena naprava za izbacivanje strijela’ u ruskom homonimi, dok u hrvatskom jeziku *lūk* i *lûk* nisu jer akcent ima diferencijalnu ulogu. Ne smatramo ih nikakvim kvazihomonimima bez obzira na to što se u hrvatskom jeziku ne pišu akcenti. U tom su slučaju samo homografi koji zbog akcenatske razlike nemaju jednake izraze.

Danas su u hrvatskom standardnom jeziku *sûd*¹ 1. ‘sudište’, 2. ‘mišljenje’ i *sûd*² ‘posuda’, *lûg*¹ ‘šumarak’ i *lûg*² ‘pepeo’ homonimi. Ako bi se inzistiralo da i svi leksi moraju imati jednake izraze da bi dva leksema bila homonimi, onda ti parovi ne bi zadovoljili taj kriterij jer svi padežni oblici nemaju jednake akcente. Smatramo da se te male razlike mogu neutralizirati jer se u rječnicima kao natuknice pojavljuju kanonski likovi koji u tom slučaju imaju jednake izraze.

Kad Della Bella (1728: 3) bilježi te parove jednosložnih riječi s različitim naglascima u nominativu i genitivu: *sûd*, *giudizio*, *sûda*; *sûd*, *vaso*, *sûda*; *lûg*, *cenere*, *lûga*; *lûg*, *bosco*, *lûga*²¹, onda to nisu homonimi jer je riječ o starijem akcenatskom sustavu s neoakutom i s iskonskim dugosilaznim akcentom: *sûd* i *sûd* te *lûg* i *lûg*. Te je primjere preuzeo poslije Matija Antun Reljković (1767) koji je mogao u svom govoru imati posavski neoakut pa u njega to još nisu homonimi, ali jesu u Mikalje (1651), iako je rječnik stariji, jer je Mikalja pisao “bosanskim jezikom”, dakle štokavskim, pa je zabilježio dugosilazni naglasak u obje riječi *sûd* (u njega *sûd*). Homonimijski je odnos, dakle, ovisio o dijalektnoj osnovi jezika pojedinoga pisca. Della Bella i Reljković bilježe troakcenatski sustav s neoakutom, prvi pod mogućim utjecajem čakavskoga, a drugi pod utjecajem posavskih staroštokavskih govora, i to je dijalektološki razlog, ali se postavlja pitanje odakle se neoakut pojavljuje u 19. stoljeću, primjerice, u *Sbirci* na kraju prvoga godišta *Danice* (1835) ili u rječniku Josipa Drobnića (1849). Zbog toga smo osim dijalektoloških razloga pridružili i moguće leksikološko-leksikografske jer je sasvim nejasno kako to da su ti parovi prema bilježenju akcenata heterofonski u Drobničevu rječniku kad je na njem radio Antun Mažuranić, vrsni akcentolog, koji je opisao novoštokavski naglasni sustav temeljitije nego bilo tko drugi dotad i u to vrijeme.

Naime, ti se jednosložni parovi riječi, obilježeni različitim akcentima, nalaze i u rječnicima i gramatikama u 19. stoljeću, u djelima u kojima se ne očekuju nenovoštokavski akcenti. Polovicom 19. stoljeća kodificiran je novoštokavski akcenatski sustav koji je jako dobro opisao Antun Mažuranić u svojoj *Slovnici hrvatskoj* (1859), služeći se četirima znakovima. Prije njega Šime Starčević, također u gramatici (1812), opisao ga je prilično uspješno²², ali trima znakovima. Nakon toga ne bi se očekivali različiti akcenti na navedenim primjerima jer su oni u književnom jeziku izjednačeni: na tim je jednosložnim riječima dugosilazni akcent i one su homonimi. Sada bi trebao biti problem kako označiti homonime s obzirom na to da su i istozvučnice i istopisnice: *lûg* ‘pepeo’ i *lûg* ‘šumarak’. Mažuranić je (1859: 12) znao da je dugosilazni (*oštri*) dvovrstan: izvorni, primarni (u njega *dár*), koji je već i u čakavskom bio takav, i drugi, noviji, sekundarni koji je iz čakavskoga nastao (u njega *kráj*, *píšem*). Na osnovi bilježenja naglasaka može se zaključiti da su jedni autori označivali neoakut, čakavski ili posavski, ali se mora pretpostaviti da su neki preuzimali od starijih autora akcentirane

²¹ To su Della Bellini akcenatski znakovi.

²² Tako je zaključio i Trubeckoj (1960: 220).

primjere da bi označili homonime za koje nije postojao izgrađen sustav oznaka. Kao što je praksa bila sve do preporoda da se dugi slogovi obilježavaju samoglasničkim geminatama, a kratki suglasničkim, tako je mogla postojati slovopisna manira obilježavanja homonima, što bi bilo moguće objašnjenje barem za neka bilježenja različitih znakova na novoštokavskim²³ homonimima *sud*¹, *sud*² i *lug*¹, *lug*².

Budući da Mažuranić nije u Zagrebu imao nekoga tko dobro poznaje i čakavsku i štokavsku akcentuaciju, nije imao koga pitati pa je, prema priznanju (1859: V), morao vjerovati tiskanim knjigama kao što su: Della Bella, Stulli i “najvećma Karadžić”, a dosta mu je pomogao i Daničić sa svojim djelima. Da ostavi različite naglaske na natuknicama *lug* i *sud* mogao je potvrdu naći samo u Della Belle jer ostali nemaju te razlike. Stulli ima samo jedan rječnički članak s oznakom dužine: *sūd*, a Karadžić kao novoštokavac ima isti naglasak u nominativu obiju homonimnih natuknica (dugosilazni), ali različit u genitivu.

Na zaključak o utjecaju literature i o svjesnosti novoštokavske utemeljenosti zajedničkoga književnoga jezika navodi i činjenica da je u vrijeme objave Drobniceva rječnika potpuno učvršćena novoštokavska norma s izuzetkom nesinkretskih množinskih padeža te da nije vjerojatno da su Antun Mažuranić i Vjekoslav Babukić, glavni jezični kodifikatori tada, rađeći na rječniku ostavili čakavski ili možda posavski naglasak. U tom nas razmišljanju učvršćuje i Babukićeva *Ilirska slovnica* (1854: 33) u kojoj nema razlikovnih nominativnih oblika, nego samo genitivni u kojima se vidi da dugosilazni ima dvostruko porijeklo: “*sūda* (gen. sing. posuda) i *sūda* (od *sūdi*ti, *judicare*)”. Mažuranić je (1859: 24) upravo na tom primjeru protumačio pomicanje naglasaka na proklitiku u čakavskom i štokavskom narječju. Čakavski i štokavski naglasak jednak je u akuzativu kad je iskonski silazni naglasak: *nā sūd* (‘posuda’), a kad je novi, u čakavskom se ne pomiče naglasak na proklitiku: *na sūd*²⁴, dok je u štokavskom na djelu oslabljeno pomicanje naglasaka: *nā sūd*, što dokazuje različito porijeklo dugosilaznoga u novoštokavskom naglasnom sustavu. Ta je naglasna razlika nastala povijesnim prozodijskim razvojem, a nije “akcentska promjena” kojom se izbjegava “homonimski konflikt” (Šipka 1990: 146). Promjenom akcenta u jeziku je moguća depolisemizacija. Depolisemizacija je dug proces i njime nastaju homonimi. Međutim, rezultat je depolisemizacije dvovrstan:

a) depolisemizacija = homonimizacija (*park*¹ ‘perivoj’, *park*² ‘sva vozila nekoga poduzeća’)

b) depolisemizacija ≠ homonimizacija (*pečēnje* i *pečēnje*, *krāvetina* i *kravētina*).

U prvom se slučaju kidaju semantičke veze između dvaju značenja i svaka riječ ulazi u drugu tvorbenu porodicu te se stoga mogu smatrati homonimima. U drugom slučaju akcent je odigrao ulogu tvorbenoga sredstva pa su od glagolske imenice nastala dva leksema koji znače radnju i rezultat te radnje, a u drugom primjeru razjednačivanjem je augmentativa išlo po liniji neživo : živo pa *krāvetina* znači ‘kravljje meso’, a *kravētina* pejorativno ‘žena’.

Dijakronijski se homonimija može pratiti na dva načina:

a) kako su ju jezikoslovci razumjevali i opisivali

b) kako je nastajala.

Vidjeli smo da su jezikoslovci sasvim dobro razlikovali kada više značenja pripada jednoj riječi, a kad dvjema riječima, ali smo vidjeli da veliku ulogu ima i prozodija i unutar

²³ U čakavskom, u kojem su neoakut i dugosilazni, dakle različiti naglasci, nije uopće riječ o homonimima.

²⁴ Današnjim bilježenjem: *na sūd*.

istoga jezika i između jezika. Hoće li parovi poput *sud* i *sud* biti homonimi ili neće, ovisi o kojem hrvatskom idiomu govorimo i u kojem ga vremenu promatramo, a hoće li *luk* i *luk* biti homonimi, ovisi također o kojem jeziku govorimo, hrvatskom ili ruskom.

6. Zaključak

Premda svaki od leksičko-semantičkih odnosa u leksikologiji otvara beskonačnost različitih mišljenja, utvrdili smo kriterije koji su isti i za dijakroniju i za sinkroniju, ali su promjenjivi parametri. Tako pojam isti idiom ostaje, ali dijakronijski gledano, njegov se opseg mijenjao s vremenom i od pisca do pisca. U hrvatskom slučaju on je obuhvaćao cijeli hrvatski jezik, a u nekih pisaca, osobito leksikografa (npr. Joakim Stulli), čak i slavenske jezike s obzirom na to da se u pojedinim razdobljima povijesti hrvatskoga književnoga jezika smatralo da postoji jedan slavenski jezik – ilirski jezik. Sa sinkronijskoga pak stajališta budući da je riječ o više književnih mikrojezika, kontaktološki se odnosi trebaju promatrati jednako bilo da je riječ o odnosima između hrvatskoga jezika i drugih jezika ili između triju narječja i njihovih književnih stilizacija. Posljedice tih dodira odražavaju se na jednak način u književnom jeziku pa u Ančića *đardin* ili *vrtao* imaju status posuđenica koje se u nedostatku naziva uvjetno mogu zvati egzogene i endogene posuđenice²⁵. Jednako se tako i o dijalektnoj osnovi književnoga jezika treba uvjetno govoriti da bi se razgraničili književni idiomi radi lakšega opisa. Ona se određuje prema pretežitosti jezičnih obilježja, a zapravo je književni jezik bio otvoren utjecajima jednako drugih jezika kao i drugih dijalekata, ali i prethodnih književnih djela. Većina starijih djela sadrži leksik koji se mora promatrati kao sjecište povijesnih kulturnih dodira i književnojezičnih konvergentnih silnica koje su objedinjavale književne izričaje na različitim dijalektnim osnovama i koje su urodile bogatom općehrvatskom leksičkom sinonimijom, koja se treba istraživati iz vremena u kojem je nastala. Dakle, dok se prije kodifikacije hrvatskoga jezika *tovar*, *oslac*, *magarac*; *ocat*, *kvasina*, *sirće* ili *ča*, *kaj*, *što* mogu smatrati sinonimima samo u književnom jeziku toga vremena, te riječi danas u standardnom jeziku nisu sinonimi jer pripadaju različitim idiomima. Jednako tako između riječi ili oblika koji pripadaju raznim razdobljima, dakle između suvremene riječi i arhaizma, ne uspostavljaju se sinonimijski odnosi jer ne pripadaju istomu vremenskomu odsječku. Da bi se uopće moglo govoriti o leksičkoj sinonimiji, riječi, osim što isto znače, moraju pripadati istoj vrsti riječi, istomu idiomu i istomu vremenskomu presjeku. U starijih se autora ta dva zadnja uvjeta protežu na hrvatski književni jezik kao krovni pojam za sve njegove varijetete i u sinkronijskom i u dijakronijskom presjeku, dakle kao prostornu i povijesnu cjelinu. Općehrvatska sinonimija imala je u povijesti:

a) integrirajuću književnojezičnu funkciju (stvaranje naddijalektnoga kulturnoga idioma)

b) objasnidbenu (objašnjavanje čitaocima raznih dijalekata nepoznate riječi).

Kad bi se danas priznala općehrvatska sinonimija, opasno bi se poremetila javna komunikacija. Dovoljno je samo spomenuti situaciju u kojoj je hotelski gost novčano kažnjen jer je ukrao *pinjure*, *šugomane*, *pjate* te da se on žalio, a da je na drugostupanjskom sudu njegov predmet došao pred suca kajkavca. Standardnost se nekoga jezika mjeri po njegovoj kodifi-

²⁵ S obzirom na to da smo naučili da su posuđenice riječi iz drugoga jezika, zabunu bi unijeli nazivi *inojezične* i *istojezične posuđenice*, iako je zapravo riječ o njima.

kaciji koja zahvaća i leksik, a međudijalektna interferencija može, primjerice, imati stilsku funkciju u književnosti.

Mnogi su pisci u predgovorima objašnjavali zašto upotrebljavaju riječi iz širega područja nego što bi se to očekivalo. Riječ je o gotovo podudarnim stajalištima o dijalektnoj raznolikosti i teritorijalnoj proširenosti, koja ćemo ilustrirati dvama citatima.

“I ako rič ku najdeš ka polak tebe ne bi bila običajna, procini da jezik naš po vnovih državah, jest rastrkan, jer nigdi nikako, a nigdi nikako riči unašaju; zato se jednoj državi, nego i većim želim ugoditi” (Glavinić 1628, u: Vončina 1977:194). Slično i Tadijanović (1761) u predgovoru veli: “Metnio sam ja u ovoj knjižici dosta riči koje će se tebi viditi kakono nove i tuđe, ali su one prave ilirske.”

Leksički se fond hrvatskoga jezika stoljećima popunjavao na razne načine. U tom živom procesu leksičko-semantički odnosi nisu bili statični, oni su se s vremenom mijenjali. Ovim smo radom pokušali uhvatiti dio te dinamičnosti.

LITERATURA

- Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Апресян Ю.Д.* “Новый объяснительный словарь синонимов русского языка”, предисловие ко второму изданию // Славянская лексикография / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва: Азбуковник, 2013.
- Babukić Vjekoslav.* Ilirska slovnica. Zagreb, 1854.
- Богатова Г.А.* История слова как объект русской исторической лексикографии. Москва: Наука, 1984.
- Belostenec Ivan.* Gazophylacium. Zagreb. 1740. Pretisak. Zagreb: Liber – Mladost, 1972.
- Berutto Gaetano.* Semantika. Prevela Iva Grgić. Zagreb: Antibarbarus, 1994.
- Brlić Ignjat Alojzije.* Grammatik der illyrischen Sprache. Ofen, 1833.
- BrVO: Brevijar Vida Omišljanina. Beč: Österreichische Nationalbibliothek. 1396. Cod. slav. 3.
- Cruse Alan.* Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Damjanović Stjepan.* Staroslavenski jezik. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2005.
- Danica ilirska. 1835–1849. Pretisak. Zagreb: Liber, 1972.
- Della Bella Ardelio.* Dizionario italiano, latino, illirico. Venecija, 1728.
- Dragičević = Дразухевић Радна.* Лексикологија српског језика. Београд: Завод за уџбенике, 2007.
- Drobnić Josip.* Ilirsko-němačko-talianski mali řečnik. Beč: Matica ilirska, 1846–1849.
- Duličenko = Дуличенко А.Д.* Славянские литературные микроязыки. Таллин: Валгус, 1981.
- Filipec Josef, Čermák František.* Česká lexikologie. Praha: Academia. Československá akademie věd., 1985.
- Gabrić-Bagarić Darija, Horvat Marijana, Lovrić Jović Ivana, Perić Gavrančić Sanja.* Jakov Mikalja. Blago jezika slovinškoga (1649./1651.). Transkripcija i leksikografska interpretacija. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2011.
- Hamm Josip.* Staroslavenska gramatika. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, 1963.
- Hercigonja Eduard.* Tropismena i trojezična kultura hrvatskoga srednjovjekovlja. Zagreb: Matica hrvatska, 1994.
- Ivančić Dusper Đurđica, Bašić Martina.* Rječnik crikveniškoga govora. Crikvenica: Centar za kulturu, 2013.
- Jagić Vatroslav.* Iz prošlosti hrvatskoga jezika // Književnik. 1864. I. S. 332–358, 447–485.
- Jambrešić Andrija.* Lexicon latinum. Zagreb, 1742. Pretisak. Zagreb: Zavod za hrvatski jezik, 1992.
- Kašić Bartol.* Institutionum linguae illyricae libri duo – Osnove ilirskoga jezika u dvije knjige. Pretisak. Prevela Sanja Perić-Gavrančić. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2002.
- Kašić Bartol.* Rituale romanum. Rim, 1640. Pretisak. Zagreb: Zavod za hrvatski jezik, 1993.
- Keipert Helmut.* Prevođenje iz druge ruke u Gajevoj “Danici ilirskoj” // Obzori preporoda: Kroatističke rasprave. Zagreb: FFpress, 2014 [2008] .
- Košutar Petra.* Hrvatsko jezikoslovlje 18. stoljeća u suodnosu s hrvatskim. Doktorski rad. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2013.
- Kovačić Mislav.* Filološki i teološki rad Bogoslava Šuleka na hrvatskom izdanju Novoga zavjeta. Doktorski rad. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2015.

- LANOSOVIĆ Marijan.* Neue Einleitung zur slawonischen Sprache. Osijek, 1778.
- MARETIĆ Tomo.* Hrvatski ili srpski jezični savjetnik. Zagreb: JAZU, 1924.
- MAŽURANIĆ Antun.* Slovnica Hrvatska: za gimnazije i realne škole. Zagreb, 1859.
- MEŠTROVIĆ Zrnka, VAJS Nada.* Vitezovičev *Lexicon latino-illyricum*, zapostavljeno djelo hrvatske leksikografije // Senjski zbornik. 1994. 21. S. 127–134.
- Mikalja Jakov.* Blago jezika slovinskoga. Loretto, 1651. Pretisak. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2011.
- Petrović Bernardina.* Sinonimija i sinonimičnost u hrvatskome jeziku. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2005.
- Pranjić Krunoslav.* Iz-Bo-sne k Europi. Zagreb: Matica hrvatska, 1998.
- Pravopis hrvatskosrpskoga književnog jezika: Zagreb – Novi Sad: Matica hrvatska – Matica srpska, 1960.
- Raffaelli Ida, Katunar Daniela.* Leksičko-semantičke strukture u hrvatskom WordNetu // Filologija. 2012. 59. S. 69–101.
- Reljković Matija Antun.* Nova slavonska i nimačka grammatika. Zagreb, 1767.
- Rječnik JAZU: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: JAZU, 1880–1976.
- Rječnik MH – MS: Rječnik hrvatskosrpskoga književnog jezika / Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika. Zagreb – Novi Sad: Matica hrvatska – Matica srpska, 1967.
- Samardžija Marko.* Leksikologija s poviješću hrvatskoga jezika. Udžbenik za 4. razred gimnazije. Zagreb: Školska knjiga, 1995.
- Skok Petar.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 3. Zagreb: JAZU, 1973.
- Starčević Šime.* Nòvâ riscòslovica iliricska. Trst, 1812. Pretisak. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2002.
- Stulli Joakim.* Rjecsoslojxe slovinsko-italijansko-latinsko. Dubrovnik, 1806.
- Šamašalović Gustav.* Njemačko-hrvatski rječnik. Zagreb: Znanje, 1971.
- Šipka Danko.* Homonimija i polisemija u Vrančićevom, Habdelićevom i Della Bellinom rječniku // Leksikografija i leksikologija. Sarajevo: ANUBiH. Posebna izdanja knjiga, 1988. LXXXV. S. 155–164.
- Šipka Danko.* Leksička homonimija. Sarajevo: Institut za jezik, 1990.
- Šulek Bogoslav.* Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenog nazivlja, I–II. Zagreb, 1874–1875.
- Tadijanović Blaž.* Svaschta po mallo. Magdeburg, 1761. Pretisak. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2012.
- Tafra Branka.* Razgraničavanje homonimije i polisemije (leksikološki i leksikografski problem) // Filologija. 1986. 14. S. 381–393.
- Tafra Branka.* Što su brojevi (gramatički i leksikografski problem) // Rasprave Zavoda za jezik IFF. 1989. 15. S. 219–237.
- Tafra Branka.* Konverzija kao gramatički i leksikografski problem // Filologija. 1998. 30–31. S. 349–361.
- Tafra Branka.* Od riječi do rječnika. Zagreb: Školska knjiga, 2005.
- Tafra Branka, Košutar Petra.* Rječotvorni modeli u hrvatskom jeziku // Suвременa lingvistika. 2009. Vol. 35. № 67. S. 87–107.
- Tafra Branka, Košutar Petra.* Nova periodizacija hrvatskoga književnoga jezika // Filologija. 2011. 57. S. 185–204.
- Tafra Branka.* Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2012.
- Tafra Branka.* Raznolikošću do jednosti – franjevački put književnojezične ujednačke, Zbornik o fra Stipanu Margitiću. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu – Institut za latinitet BiH, 2015.
- Trubeckoj = Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. Москва: Наука, 1960.
- Vince Zlatko.* Putovima hrvatskoga književnog jezika. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1978.
- Višnjakova = Вишнякова О.В.* Паронимы современного русского языка. Москва: Русский язык, 1981.
- Višnjakova = Вишнякова О.В.* Словарь паронимов русского языка. Москва: Русский язык, 1984.
- Vončina Josip.* Analize starih hrvatskih pisaca. Split: Čakavski sabor, 1977.
- Vončina Josip.* Jezičnopovijesne rasprave. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1979.
- Vončina Josip.* Jezična baština. Split: Književni krug, 1988.
- Zgusta Ladislav.* Priručnik leksikografije. Preveo Danko Šipka. Sarajevo: Svjetlost, 1991.

Часть 3

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Лексика европейского происхождения в непереводаемых памятниках русского языка XVI–XVII вв.*

1. Общая характеристика предмета исследования

Период Московской Руси известен в истории русского языка как эпоха начального формирования национального языка. В это время во многом вырабатываются новые языковые средства, к этому периоду восходит ряд процессов, действующих и в современном русском языке. В частности, это начало активного взаимодействия русского языка с европейскими языками: до этого процесс не был таким продуктивным и последовательным (скорее спорадическим и случайным). Однако количество заимствований, усваиваемых старорусским языком из европейских языков или через посредство этих языков, существенно меньше, чем в последующий (национальный) период истории языка, кроме того, само явление заимствования в эпоху Московской Руси во многом носит иной, чем впоследствии, характер.

Предметом рассмотрения настоящего очерка является лексика европейского происхождения в русском языке XVI–XVII вв., т. е. прямые и опосредованные заимствования из распространенных на территории Европы языков германской и романской групп (в том числе, заимствования из латинского языка), а также из венгерского языка и западнославянских (польского и чешского) языков. Эта лингвистическая база выделяется по языковому, территориальному и историко-политическому критерию (наличие политических, культурных и экономических контактов с Россией XVI–XVII вв.). Не описываются заимствования из греческого языка в силу специфического характера и необходимости отдельного исследования этого материала: связи греческого и русского языков имели длительную предшествующую традицию, процесс заимствования из греческого в языке Московской Руси носил преимущественно книжный характер, был тесно связан с явлением второго южнославянского влияния. Не рассматриваются также заимствования из балтийских и финно-угорских языков, имеющие существенные тематические (преимущественно морские и рыболовные термины) и территориальные (в основном, в севернорусских диалектах) ограничения.

Языковой базой исследования послужили материалы исторических словарей русского языка¹, в том числе региональных исторических словарей, а также данные Картоотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (Санкт-Петербургский государственный университет).

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 18-012-00224А.

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–30. М.: Наука; Азбуковник; Нестор-История, 1975–2015–; Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–7. СПб.: Наука, 2004–2016–; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р.И. Аванесов, В.Б. Крысько. Т. 1–11. М.: Русский язык, Азбуковник, 1988–2016–; *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. М., 1958.

2. История изучения европейских заимствований в языке Московской Руси

Заимствования из европейских языков вызывали закономерный интерес как зарубежных, так и отечественных историков языка, этимологов, лексикологов в связи с исследованием и описанием лексики русского языка с точки зрения происхождения.

Начало систематического изучения вхождения европейской лексики в русский язык в период Московской Руси было положено монографией В. Христиани². Разносторонне вопрос заимствований в языке этого периода (с описанием пути их проникновения и процессов адаптации, датировкой первой фиксации и лексикографическим представлением) был рассмотрен в работе Г. Хюттль-Ворт³. Анализу в языке этого периода подвергались отдельно германизмы⁴, англицизмы⁵, галлицизмы⁶, лексика венгерского происхождения⁷. Особое место в исследовательской литературе о европейских заимствованиях занимает проблема полонизмов, их значимости в истории русского языка⁸. Ряд исследователей рассматривал заимствованную лексику в связи с изучением отдельных памятников (см., например, исследования азбуковников Л.С. Ковтун⁹, лексики иностранных разговорников и руководств по изучению русского языка Б.А. Ларина¹⁰ и О.С. Мжельской¹¹, исследования В.Г. Демьянова¹², И. Майер¹³ по изучению языка Вестей-Курантов и др.), выяснением этимологии конкретных слов. Итоги исследований часто представлялись в лексикографическом виде: см. словарики европейских заимствований даны в работах Г. Хюттль-Ворт¹⁴, А.К. Рейцак (описаны 421

² *Christiani W.* Über das Eindringen von Fremdwörter in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906.

³ *Huttl-Worth G.* Foreign Words in Russian. A Historical Sketch, 1550–1800. University of California Publications in Linguistics. Berkeley Los Angeles: Univ. of California press, 1963.

⁴ *Gardiner S.C.* German Loanwords in Russian 1550–1690. Oxford, 1965; *Рейцак А.К.* Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963.

⁵ *Беляева С.А.* Английские лексические заимствования в русском литературном языке XVI–XX вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973.

⁶ *Гальди Л.* Слова романского происхождения в русском языке: IV Межд. съезд славистов. Доклад, представленный венгерской делегацией. М.: МГУ, 1958.

⁷ *Hollós A.* Az orosz szókincs Magyar elemei. [Венгерские элементы в русском словарном составе]. A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadvánvai, 206. szám. Budapest, 1996. P. 1–114.

⁸ *Leeming H.* Polish and Polish-Latin Medical Terms in Pre-Petrine Russia // *The Slavonic and East European Review.* № 98. T. 42. 1963; *Sobik M.-E.* Polnisch-Russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatz der XVII. und der erste Hälfte des XVIII. Jahrhunderts. Münster, 1969; *Мулейковская Г.* Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVII веков // *Studia z filologii rosyjskiej i slowianskiej*; T. 7. Warszawa; Wyd-va Uniw. Warszawskiego, 1984; *Bielecka J.* Zapożyczenia leksykalne z języka polskiego do rosyjskiego: Rzeczowniki. Kielce, 1993; *Витковский В.* Новый словарь польских заимствований в русском языке = Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków: «Universitas», 2006.

⁹ *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI–XVII вв. Л., 1975.

¹⁰ *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков / Отв. ред. А.С. Герд. СПб., 2002.

¹¹ *Мжельская О.С.* Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб., 2003.

¹² *Демьянов В.Г.* Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века. М., 1990.

¹³ *Вести-Куранты.* 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2 / Исслед. и подгот. текстов Ингрид Майер. М.: Языки славянских культур, 2008.

¹⁴ *Huttl-Worth G.* Foreign Words in Russian. A Historical Sketch, 1550–1800. P. 55–123.

лексема германского происхождения в языке XV–XVII вв.), словарь В. Витковского¹⁵, включающий исторические заимствования из польского, словарь заимствований из венгерского в русском языке (175 слов, вошедших в русский язык в разные периоды его существования) в книге А. Холлоша и др. При описании лексического состава современного русского языка в некоторых монографиях даются списки заимствований, вошедших в русский язык из языков Европы в эпоху Московской Руси. Этимология европейских заимствований, естественно, была предметом изучения и реконструкции авторов этимологических словарей и словарей иностранных слов.

В научной литературе, наряду с приведением списков лексем, описываются и особенности процесса заимствования в старорусский период. Е.М. Иссерлин поставлены принципиально важные вопросы о жанровой приуроченности заимствований, о необходимости анализа пласта не только заимствуемых, но и не заимствуемых (а переводимых) слов, и причинах такого языкового выбора, об отличии сознательного перевода иноязычного слова от транслитерации, свидетельствующей о том, что переводчику слово было незнакомо или он не нашел адекватной замены¹⁶. Л. Гальди призывает к дифференцированному подходу в описании исконной и заимствованной лексики, а также к точному описанию «лексикологической документации», в первую очередь, к уточнению времени первой фиксации и «маршрута» слова в языке¹⁷. В.Г. Демьяновым на материале такого важнейшего лексикологического источника, как Вести-Куранты, систематизированы результаты морфологической адаптации западноевропейских заимствований¹⁸.

3. Предпосылки активизации процесса заимствования европеизмов в русском языке XVI–XVII вв.

В древнерусском языке процесс заимствований из европейских языков имел место, однако не был очень активным. К древним скандинавским (прагерманским) заимствованиям традиционно относят такие лексемы, как *берковець*, *кервь* ‘пучок льна’, *кнутъ*, *къназь*, *кодоль* ‘веревка’ *лукъ*, *пеназь*, *пудъ*, *стъкло*, *тиунъ*, *хльвь*, *художникъ*, *шейма* и др. Ф. Миклошич, составляя списки заимствований, вошедших в славянские языки, включал туда также такие слова древнегерманского происхождения, как *блюдо*, *броня*, *витазь*, *кладазь*, *котель*, *купить*, *ликъ*, *мечь*, *миса*, *плугъ*, *попъ*, *постъ*, *серьга*, *скамья*, *скотъ*, *спудъ*, *хыжа*, *хльвь*, *члдо*¹⁹.

Слов, усвоенных русским языком из европейских языков или через их посредство до XV в., обнаруживается сравнительно немного; в основном это лексемы латино-греческого происхождения, пришедшие в русский язык в ряде случаев через западное посредство, часто книжные заимствования (названия месяцев, заимствованные из латинского языка, лексемы *кардиналь*, *крестьянинъ*, *музыка* (*мусика*), *мраморъ*, *мастеръ*

¹⁵ Витковский В. Новый словарь польских заимствований в русском языке = Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków: «Universitas», 2006.

¹⁶ Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка XVII века. Материалы к курсу «История русского литературного языка». М., 1961. С. 39.

¹⁷ Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке. С. 10–12.

¹⁸ Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв. М., 2001.

¹⁹ Огиенко И.И. Иноземные элементы в русском языке: История проникновения заимствованных слов в русский язык. М, 2010. С. 40–41.

и *местерь*, *ратмань*, *скорлать* (*шкорлать*), *шахматы* и др.). Я. Белецкая отмечает, что уже XIV в. можно датировать такие заимствования, как *бискупъ*, *бурмистръ*, *грошь*, *гвалтъ*, *школа* и др.²⁰

Ситуация изменяется в XV в. Основной предпосылкой появления значительного (по сравнению с предыдущим периодом) количества европейских заимствований в русском языке с конца XV в., последовательно в XVI и особенно в XVII в. является соответствующая политическая, экономическая и культурная ситуация. В.Я. Уланов, анализируя западное влияние на Россию в период Средневековья, следующим образом определяет «проводников» этого влияния: торговля, военные и дипломатические отношения с Западом, развитие колоний иностранцев в Москве и других русских центрах, просветительская деятельность южнорусских выходцев, распространение иностранной и переводной литературы²¹.

а. Активные военные действия России на западных рубежах. С конца XV в. новое Московское государство обращает свои интересы на запад и ведет активные военные действия на западных рубежах. В 1492 г. на правом берегу реки Наровы, являвшейся в то время границей между Русским государством и Ливонским орденом, заложена Ивангородская крепость, которая становится мощным форпостом на западной границе государства. Одним из центральных событий XVI в. является Ливонская война (1558–1583), которую Иван Грозный ведет против объединившихся в Речь Посполитую Литвы и Польши за выход к Балтийскому морю, стремясь расширить рубежи молодого Московского государства. Начало XVII в. ознаменовано польско-литовской интервенцией, очень сильным вмешательством Речи Посполитой в дела России, вплоть до оккупации Москвы и угрозы потери национальной самостоятельности. После распада русско-шведского союза против Речи Посполитой в 1610–1617 гг. проходила русско-шведская война, закончившаяся Столбовским миром, закрепившим, в частности, право свободной торговли между Россией и Швецией. XVII в. ознаменован и новой русско-польской войной (1654–1667), которая завершилась Андрусовским перемирием.

б. Установление постоянных дипломатических контактов с европейскими странами. Активизация внешних контактов России с Западом в XVI–XVII вв. связана с ориентацией политики московских царей и великих князей, которая выражается в усилении не только военных, но и дипломатических и торговых контактов. При Иване Грозном в 1553 г. устанавливаются постоянные дипломатические отношения России и Англии (началом этих отношений считается 24 августа 1553 г., когда первый английский корабль «Edward Bonaventura» встал на якорь в устье Северной Двины). XVI в. – начало дипломатических отношений России и Швеции, устанавливаются мирные контакты России с Данией, вольными итальянскими городами, Германской империей. Среди дипломатических миссий Московской Руси можно назвать посольства И.М. Воронцова (1567–1569) в Швецию, Ф.А. Писемского (1582–1583) и Г.И. Микулина (1600–1601) в Англию, И.Г. Кондырева (1615–1616) в Голландию и Францию, П.И. Потемкина (1667–1668) в Испанию и Францию и др. В XVI в. в Москве был учрежден Посоль-

²⁰ Bielecka J. Zapóżyczzenia leksykalne z języka polskiego do rosyjskiego: Rzeczowniki. Kielce, 1993. S. 17.

²¹ Уланов В.Я. Западное влияние в Московском государстве // Три века. Т. 2: XVII век: вторая половина: Сб. М., 1991. С. 41.

ский приказ, и многочисленные и разнообразные подарки послов европейских стран в Оружейной палате Московского Кремля – свидетельство активных дипломатических связей России в XVI–XVII вв. Отношения России с Западной Европой крепили и личные контакты монархов (так, в личной переписке состояли Иван Грозный и английская королева Елизавета, 1533–1603) и монархические брачные союзы (например, для упрочения отношений Дании с Россией предполагалась женитьба датского королевича Вальдемара на русской царевне Ирине).

Еще более тесными становятся различные связи России с Европой в XVII в., и связи эти неуклонно крепнут на протяжении всего XVII столетия. Европейская направленность внутренней и внешней политики Алексея Михайловича – во многом основа последующих преобразований Петра I.

в. Усиление торговых контактов. На северо-западе Руси купцы еще с XIV в. торговали с купцами Ганзейского союза, контролировавшими территории, прилегающие к Балтийскому и Северному морям. В качестве морского порта для проведения торговли с Англией в XVI в. был основан Архангельск, и английские купцы начинают активную торговлю на севере России. При Иване Грозном заключается Торговый договор с Голландией.

г. Активизация в России деятельности иностранцев и выходцев из Юго-Западной Руси. В XVI–XVII вв. растет число иностранцев, посещающих Россию, приезжают в том числе и высокообразованные люди – ученые, как стремящиеся передать свои знания, так и специально изучающие Россию того времени (Максим Грек, А. Оларий, Й. Спарвенфельд, Р. Джемс и др.). После женитьбы московского великого князя на византийской принцессе Софье Палеолог в 1472 г. при московском дворе стали работать иностранные специалисты – архитекторы, врачи, инженеры, переводчики. По инициативе Ивана III начата перестройка Московского Кремля, которую осуществляют итальянские архитекторы. По имени итальянского архитектора Алевиза Фрязина («Итальянца») получает название введенный им в практику строительства на Руси *алевизовский кирпич* – маломерный кирпич (*кирпич малой руки*), с размерами около 215 (220) × 105 (115) × 51 (54) мм. Именно итальянские архитекторы, строившие московский Кремль, стали использовать на Руси характерную форму зубцов крепостных стен «ласточкин хвост» с прямоугольным основанием и остроконечным раздвоением (в Италии такие зубцы впервые появились в XII в.). Медицина складывается в России как специфическая отрасль знаний благодаря участию иностранных врачей и аптекарей: с конца XV в. при дворе московских царей работают европейские лекари (первые – из Германии и Польши, к середине XVI в. при царском дворе появились врачи-англичане, и в России сложилась такая практика, что царя и его семью лечили врачи-иностранцы). В XVI в. при Василии III в Москве появляется Немецкая слобода, на территории которой жили иностранцы, возникли первые иностранные школы (лютеранская школа), где учились и русские дети. С другой стороны, как отмечают историки, не позднее XVI в. и в России появляются люди, «по-новому оценивающие возможность получения западного образования», – ряд фактов свидетельствует о явных попытках русских людей получить образование на Западе²², первые шаги на пути к

²² Юркин Н.Г. Просвещение русских приказных управленцев XVI–XVII вв.: влияние Запада или диалог культур? // Диалог в образовании. Серия “Symposium”, выпуск 22. Сборник материалов конференции.

возможности получения русскими западного образования предпринимает еще Иван Грозный.

Интенсивные языковые контакты с Западом во многом обусловлены и присоединением Юго-Западной Руси, а также деятельностью выходцев оттуда.

д. Распространение переводной литературы. Очень большую роль в развитии русского языка, его становлении в эпоху начального формирования русского национального языка сыграла переводная литература, содержащая значительное количество лексики европейского происхождения. В XVI–XVII вв. появляется большое количество текстов, переводных с европейских языков: это различные сочинения нравоучительного и практически-назидательного характера, в том числе трактаты, уставы и др. («Назиратель», «Устав ратных, пушечных и других дел»), сочинения, описывающие жизнь других стран – путешествия, космографии и т.п., художественная литература (например, в XVII в. переводчиками Посольского приказа осуществляется перевод басен Эзопа), переводы Летописца польского, со второй половины XVII в. появляются переводы поэзии. Эпохальным событием было решение об издании Вестей-Курантов, вышедших с 1600 по 1696 г. в Посольском приказе с целью ознакомить царя с текущими политическими событиями за рубежом и представлявших собой первую русскую газету, перевод с оригинальных листков европейских государств. Многие эти сочинения переводятся с польского языка, ряд трактатов – с латинского, Вести-Куранты – с западноевропейских вестей-газет. По подсчетам А.И. Соболевского, в Московской Руси за период XV–XVII вв. было переведено 129 различных иностранных произведений²³. Н.Г. Юркин, отмечая, что это число даже несколько занижено, делает вывод о том, что, безусловно, трудно переоценить в становлении диалога русской и европейской культур роль переводов и прибывавших в Россию переводчиков²⁴.

4. Причины и ход заимствования европеизмов в русском языке XVI–XVII вв.

Влияние европейских языков на русский в период XVI–XVII вв. выражалось, прежде всего, в изменении лексического уровня. Причины процесса лексического заимствования в период Московской Руси следующие:

а) в первую очередь потребность описать входившие в жизнь незнакомые (нерусские) реалии или явления в связи с усилившимися военными, торговыми, культурными, бытовыми контактами России с европейским Западом: см. названия товаров, которые импортировались на Русь (*брюкишь, анись, романя, латунь*), новых предметов обихода (*рюмка, кастрюля, ляпка, муштукъ*), названия новых видов оружия (*бердышь, граната, фузья*), обозначения возникавших культурных явлений (*академия, библиотека*) и т.п. Однако следует констатировать, что заимствование слова вместе с реалией

СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. [Электронный ресурс. Антропология web-кафедра философской антропологии]. <http://anthropology.ru/ru/text/yurkin-ng/prosveshchenie-russkih-prikaznyh-upravlencev-xvi-xvii-vv-vliyanie-zapada-ili-dialog>.

²³ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 52–232.

²⁴ Юркин Н.Г. Просвещение русских приказных управленцев XVI–XVII вв.: влияние Запада или диалог культур?

представляет собой значительно менее активный языковой процесс, чем в последующие периоды развития русского языка (ср. языковую ситуацию XVIII и XIX веков);

б) необходимость описания жизни за рубежом, устройства иноземных армий и иностранных государств, в связи с чем в русском языке появляются новые названия титулов и должностных лиц: *арцугъ* (*герцогъ*), *курфистръ*, *секретарий* (*секретариусъ*, *цекретариусъ*), военных чинов: *майоръ*, *генераль*, *капраль*, *гетманъ* (все они использовались изначально для обозначения званий только в иноземных армиях и частях), заимствуется лексика, связанная с обозначением разных конфессий: *иезуитъ*, *люторъ*, *кальвинъ* (*кальвинецъ*), экзотических растений и животных: *гранатъ*, *салатъ*, *попугай*. Такие лексемы обнаруживаются в памятниках дипломатического характера, в хождениях и путешествиях, в повествовательных текстах, содержащих описание жизни других стран; многие представляют собой книжные заимствования. В некоторых памятниках встречаются сопоставления аналогичных реалий, называемых исконным словом и заимствованием: А честию и высочеством тѣ думные дьяки будут таковы, какъ в Полше рефендариусы. Котош., 37. 1667 г.

Безусловно, внутри периода старорусского языка прослеживается внутренняя хронологическая динамика. Памятники, датируемые XVI в., в целом содержат меньшее количество заимствований европейского происхождения, чем памятники XVII в., но процент заимствованной лексики существенно варьируется в зависимости от типа текста. Описывая германизмы в русском языке XV–XVII вв., А.К. Рейцак делает вывод, что «XVI в. представлен малочисленными заимствованиями; по количеству заимствований первая половина XVII в. немногим отстает от целого XVI в., а во второй половине XVII в. в язык вошло вдвое больше заимствований, чем в первой половине XVII в. Резкое увеличение количества заимствований наблюдается с 1695 г., т. е. уже в собственно Петровскую эпоху»²⁵. Такое соотношение справедливо и в целом для лексики европейского происхождения. Последующий период Петровского времени принципиально отличается от предыдущего и по количеству, и по принципам заимствования, однако необходимо признать, что, как подчеркивает Г. Хюттль-Ворт и другие исследователи, лексическое обогащение в этой сфере началось вовсе не с момента открытия Петром I окна в Европу²⁶. Многие работы и этимологии отдельных слов подвергаются критике (в том числе, ряд этимологий М. Фасмера в «Этимологическом словаре русского языка») именно в связи с необоснованным отнесением к петровскому времени заимствований, имеющих более раннюю фиксацию.

5. Пути проникновения заимствованных слов

Устным путем в русский язык XVI–XVII вв., очевидно, заимствовалась лексика, связанная с торговлей, а также названия новых предметов домашнего обихода, посуды, одежды, видов повозок и т.п. Об устном усвоении свидетельствует в первую очередь тематика ряда лексем; многие из них зафиксированы в разговорниках, составляемых иностранными купцами в качестве пособия для общения. Определенное количество заимствований проникало в русский язык из устной речи иностранцев, приезжавших в Московию, при том что в XVI–XVII вв. иностранцев на Руси становится существенно

²⁵ Рейцак А.К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв. С. 10.

²⁶ Huttli-Worth G. Foreign Words in Russian. A Historical Sketch, 1550–1800. P. 21–23.

больше, чем в предыдущий период. С другой стороны, заимствования могли попадать в язык из речи русских людей, побывавших и живших за границей. Так, например, заимствовались названия иностранных должностей, обнаруживаемые в статейных списках послов, являющихся важным источником по истории русско-западноевропейских языковых контактов в XVI–XVII вв.: см. лексема *женераль* употреблена в статейном списке И. Кондырева именно в таком виде, свидетельствующем об устном характере заимствования этого слова послом во Франции.

Определенная часть заимствований усваивалась книжным путем, что обусловлено появлением большого количества переводной литературы, распространением в XVI–XVII вв. алфавитов и азбуковников, представлявших собой списки толкуемых слов, содержащих большое количество иноязычного материала и являющихся фактически прообразом словарей иностранных слов. К книжным заимствованиям в русском языке XVI–XVII вв. относится абстрактная лексика, значительное количество терминов различных отраслей, что связано с переводом с латинского и польского трактатов в соответствующих областях знаний. Многие такие заимствования не вошли в русский язык, оставшись единичной фиксацией в памятнике узкоспециального содержания, при этом мог иметь место не процесс заимствования, а процесс транслитерации иноязычного слова.

6. Характеристика источников с точки зрения отражения процесса заимствования

Эпоха XVI–XVII вв. характеризуется очень сложной языковой ситуацией (на фоне разговорного существует несколько разновидностей письменного языка), и некорректным представляется говорить в целом о лексике европейского происхождения в русском языке XVI–XVII вв. Количество заимствований из европейских языков, степень их освоения и способы включения в текст обусловлены рядом факторов. Важнейшие среди них – это функциональная разновидность языка, на которой создан текст, тип и тематика текста, территориальный фактор, авторство текста.

Минимально количество заимствований европейского происхождения в текстах церковно-книжной разновидности. Максимально это количество в памятниках переводной литературы, которые в свою очередь достаточно разнообразны по жанровому составу.

Безусловно, на основании фиксации слова в одном из переводных памятников нельзя делать выводы об узуальности таких лексем: целый ряд слов европейского происхождения характерен только для текста определенного переводного памятника или круга памятников. Например, только в переводном с польского памятнике «Назиратель» зафиксированы лексемы *здобыть* ‘приобрести, получить’ (польск. *zdobyć*, ст.-укр. *здобыти*), *грона* ‘гроздь, кисть винограда’ (польск. *grono* ‘гроздь, кисть’), *емплястр* ‘пластырь’ (лат. *emplastrum* из греч. *ἐμπλάστρον*, *ἐμπλάστριον*). Целый ряд лексем, известных по тексту «Вестей-Курантов» (В-К), не обнаруживается в оригинальных памятниках русского языка: например, *графшавство* ‘административно-территориальная единица в Европе; графство’ (вероятно, из нем. *Grafschaft*) (В-К III), *асципелаг* ‘архипелаг, группа островов’ (нем. *Archipelagus* от греч. *ἀρχή* ‘главенство’ и *πέλαγος* ‘море’) (В-К III), *евангелик* ‘последователь одного из протестантских направлений в

христианстве – евангелической (лютеранской) церкви’ (лат. *evangelicus*, фр. *evangelique* ‘евангелический’) (В-К I, В-К III, В-К IV), сложения-очевидные кальки *высокоchtenный*, *высокоповеренный*, *высоколюбительный*, *доброхотение* и др. Некоторые лексемы, известные в период Московской Руси только в переводах, были реально заимствованы в русский язык в последующий период (например, *галерея*, *апелляция*, *цейхгауз*). Часто неосвоенные или мало освоенные языком заимствования обнаруживают большую ассимиляцию в тексте переводных памятников: например, в русском языке XVI–XVII вв. известна лексема *графь* (зафиксирована не только в тексте Вестей-Курантов, но также в Статейных списках послов, письмах Алексея Михайловича, вкладной книге Троице-Сергиева монастыря, Тронхеймском разговорнике), однако в тексте Вестей-Курантов обнаруживается целый ряд производных от этого слова (*графиня*, *графов*, *графовов*, *графский*). Кроме того, методологически важно, что сами принципы изучения заимствований в переводной письменности отличаются от принципов анализа лексики иноязычного происхождения в оригинальных памятниках.

Итак, в данном очерке предметом описания является лексика европейского происхождения в оригинальных (непереводных) памятниках старорусского языка. Выводы делались на основе анализа памятников, представляющих деловой, книжно-литературный, народно-литературный типы языка, т. е. исследовались те лингвистические источники, словарный состав которых рельефно отражает процесс сложения национального литературного русского языка, активное взаимодействие разных лексических пластов. В этом смысле из заимствований, усвоенных русским языком XV–XVII вв. через переводную литературу (при том что это значительный пласт европейских заимствований, требующий особого анализа), учитывались лишь зафиксированные и в оригинальных памятниках, т. е., как правило, уже в определённой степени ассимилированные.

Тексты, относимые к деловой и народно-литературной разновидностям, неодинаковы в жанровом и языковом отношении, в том числе и в области включения лексики европейского происхождения. Можно выделить:

а) памятники, с большей степенью достоверности свидетельствующие о вхождении заимствований в лексико-семантическую систему русского языка (ср. Г. Милейковская, исследуя полонизмы в старорусском языке, пишет о репрезентативных, образцовых текстах, а именно – о языке нормативных московских и севернорусских текстов²⁷);

б) памятники, с меньшей степенью достоверности свидетельствующие о вхождении заимствований в лексико-семантическую систему русского языка.

А.К. Рейцак вводит категорию «ситуативных» заимствований²⁸, т. е. заимствований, появление которых в тексте обусловлено каким-либо фактором (территорией, принадлежностью автора к определённому кругу и т. п.). В памятниках второй группы большее количество таких «ситуативных» заимствований, и их количество может возрастать в связи со следующими факторами:

²⁷ Милейковская Г. Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVII веков... С. 30.

²⁸ Рейцак А.К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв. С. 22–23.

– **место создания памятника.** Закономерно памятники, созданные в западных и южных областях, допускают больше полонизмов: например, только по смоленским памятникам известны лексемы *жарт* (польск. *żart*) ‘шутка’ (И после... того приезжалъ ко мне... Семейка, и я ему в томъ выговариваль, что онъ то делаетъ воровствомъ... и Семейка... сказалъ... что онъ то учинилъ съ жарту. Сл. Смол., 82. 1649 г., *едвабница* (польск. *jedwabnica*) ‘шелк, шелковая ткань’ (Полштуки едвабницъ. Сл. Смол., 81. 1696 г.) (однокоренные *едваба* и *едвабный* известны в одном из переводов польского сочинения Двор турецкого султана), только в Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством фиксируется лексема *завжды* (ср. польск. *zawždy* ‘всегда’) (И ты братъ нашъ завжды черезъ нашихъ и своихъ пословъ сказываль и не по одинъ разъ писалъ еси до насъ. Польск. д. III, 49. 1562 г.) и т. п. Дж. Томас, описывая заимствования из ср.-нж.-нем. в старорусском языке, пишет, что половина обнаруживаемых слов были распространены в Пскове, Новгороде, Смоленске и Полоцке: это названия монет, мер, обозначения литовских деятелей, некоторые названия вин (*клареть*, *бастръ*) и сукон (*кумскии*, *домашка*)²⁹.

– **тематика текста.** Среди оригинальных источников значительное количество европейских заимствований обнаруживается прежде всего в памятниках дипломатического характера (в статейных списках – отчетах – послон, в документах, связанных с отношениями на межгосударственном уровне), а также в путешествиях и хождениях, что закономерно объясняется предметом описания (реалии иностранного быта) и, как правило, неплохим владением авторов сочинений иностранными языками. Большое количество лексики европейского происхождения фиксируется в популярных в Московской Руси алфавитах и азбуковниках.

Источники совершенно особого рода представляют собой также богатые лексемами западноевропейского происхождения разговорники, руководства по изучению русского языка и записи, оставленные о России иностранцами. С одной стороны, такие записи – уникальный источник для изучения русской разговорной речи XVI–XVII вв., многие такие записи делались со слуха, и авторы специально подчеркивают это; с другой стороны, следует принимать во внимание разные лингвистические способности и лингвистическую компетенцию авторов-иностранцев. Например, в разговорнике М. Ридлея транслитерировано латинское название плюща *едера*, в записной книжке Р. Джемса в качестве синонимов к слову *укра* использована лексема *кавьяр* и т. п., но едва ли эти слова характерны для лексико-семантической системы русского языка XVI–XVII вв. Разрабатывающий общую типологию заимствований М. Хаспельмат, ссылаясь на Г. Росса, подчеркивает, что типичным заимствованием может считаться только сознательно привнесенная носителями языка иностранная лексема³⁰.

Большое количество заимствований фиксируется в памятниках специализированного содержания, что обусловлено иноязычным влиянием на сложение терминологии определенных областей. Количество таких заимствований может быть очень значи-

²⁹ Thomas G. Средненижнемецкие заимствования в русском языке // Russian Linguistics. 1976. 3. P. 59.

³⁰ Haspelmath M. Loanword Typology: Steps toward a systematic cross-linguistic study of lexical borrowability // Stolz, Thomas and Bakker, Dik and Salas Palomo, Rosa (eds.), Aspects of Language Contact. New Theoretical, Methodological and Empirical Findings with Special Focus on Romancisation Processes. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 43–62.

тельным в переводных научных сочинениях: см. целый ряд иноязычных медицинских терминов в переводных трактатах, неосвоенных ботанических терминов (вероятно, среди них много транслитерированных) в Травнике (лечебнике), переведенном Николаем Любчанином (1534), например: *спикъ*, *спика*, *спиконардъ* (*спиканарда*, *спиханардусъ*, *спиконардусъ*), *спиконардова трава* ‘название нескольких ароматических растений семейства валериановых’ – из ср.-в.-нем. *spicanardus* от лат. *spica*, *spicanarda*, *трифолиумъ* и *трифолия* ‘трилистник, клевер’ – лат. *trifolium*, *роза* (*рожа*) – польск. *goża*, нем. *Rose* и т. п. Однако нельзя абсолютизировать положение о доминировании заимствований среди терминологической лексики. Г. Милейковская, анализируя оригинальные памятники старорусского языка, выясняла, действительно ли терминология различных отраслей изобилует в XVII в. полонизмами, и пришла к выводу об отсутствии языковых доказательств этого положения: терминология книгопереплетного и иконописного искусства Древней Руси (по материалам, собранным П. Симони и Забелиным) достаточно стабильна, обнаруживает влияние греческого языка, в создании медицинской терминологии сильны греческий и латинский источники, почти нет следов польского влияния, ботаническая терминология складывается на основе народной терминологии с включением латинских терминов³¹.

– **авторство памятника.** В ряде случаев имеет значение учет авторства памятника: роль могут играть личные особенности биографии; по возможности должны вычлениваться окказиональные заимствования билингвальных языковых личностей. Нельзя не согласиться с Е.М. Иссерлин, что не могут учитываться как типичные данные сочинений А. Курбского³²: см. неизвестные в русских памятниках до XVIII в., но обнаруживаемые у А. Курбского, лексемы *паразитъ* ‘прихлебатель, нахлебник’, *итурмъ* и др. Ряд авторских включений-заимствований (чаще из польского) фиксируется в сочинениях Ивана Грозного: см. *голдъ* (польск. *hold* ‘поклонение, присяга’) ‘вассальная зависимость’ (И так меж себя будем в братстве и в любви, и все совокупився с тобою вместе з братом своим [Сигизмундом II] будем под голдом великого государя его царьского волного самодержьца, бо его царское величество... мощен есть обороняти тебя и нас от турок... и от цысаря. Посл. Ив. Грозного, 262. 1567 г.), местоимение *жадный* с семантикой ‘никакой’ (ср. польск. *żaden* ‘ни один, никакой’: И того тебе [Стефану Баторию] жадным словом указать нелзя, коли была Лифлянтская земля не разрушена, чтоб она была послушна к королевству Полскому. Посл. Ив. Грозного, 228. 1581 г.). Интересной чертой стиля Аввакума является использование им уникальных европейских заимствований в качестве экспрессивного стилистического средства: с помощью полонизмов протопоп борется с религиозными понятиями католичества: Богородицу сделали «панью», «приклякивают как латины», чорт «со шпагой» и «в польском кафтане» и др.³³

В целом, применительно к источникам второй группы, как и для переводных памятников, актуальна проблема узуральности лексемы при единичной фиксации или фиксации только в этом типе текстов.

³¹ Милейковская Г. Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVII веков... С. 112–119.

³² Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка XVII века. С. 45.

³³ Милейковская Г. Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVII веков... С. 11.

7. Тематическая классификация заимствованной лексики в русском языке XVI–XVII вв.

В период начального формирования национального языка заимствуется тематически достаточно ограниченный круг лексики: самой обширной является группа конкретной лексики, выделяется военная лексика и лексика, называющая данные зарубежной реальности (а именно, обозначения различных чинов, званий, должностей). Достаточно мало абстрактной лексики, преимущественно это культурная лексика, лексика, связанная с образованием.

1. Номенклатурные названия предметов. С одной стороны, активно заимствуются названия различных товаров, ввозимых в Россию иностранными купцами. В данном случае имеет место заимствование слова вместе с реалией. С другой стороны, некоторые тематические группы существенно возрастают в этот период за счет книжных заимствований.

1.1. Названия тканей. Это одна из самых пополняемых лексических групп в старорусском языке. При том что в XVI–XVII вв. на Руси социальный статус владельца одежды определялся не столько покроем одеяния, сколько ценностью ткани и богатством украшений, ткани представляли предмет активного импорта купцами Ганзейского союза, а также английских и голландских купцов, хотя импортировались не только дорогие ткани. В русский язык в этот период активно заимствуются названия английских, немецких, голландских тканей, часто образованные от названий центров производства тканей (ср. *аглинь, аглиця, англинец*): *адамашка (домашка), аделерь, байяртъ, бархатъ, бланкетень, борла, брюкишиъ, бумазея, графинъ, гульденъ, дукъ, едваба (и едвабница), ерен(о)къ/ еренгъ и еренга, карзай, каразея, колтырь, кумскии, лундышь, парпьянь, плись, расъ, саржа, сатынь (сатинь) и сатына, свиликъ (цивиликъ), стамедъ, стамбредъ (станбредъ), сукманъ, табинъ, трипъ, тузенокъ и тузенка, шида, штофъ (стовъ) и др.*

Приведем некоторые примеры.

*Адамашка (одамашка, домашка)*³⁴ ‘шелковая ткань’ (через польск. *adamaszek*, ср.-лат. *adamascus* из ит. *damasco*; первоначально «ткань из Дамаска»³⁵), для варианта *домашка* Д. Томас предполагает скорее немецкое посредство: ср.-нж.-нем. *damaschk*³⁶. Слово заимствовано уже в XVI в. В русском языке особенно распространено в устойчивом сочетании *камка адамашка* ‘дешевый сорт шелковой узорчатой ткани (камки)’, использовался для пошива будничной верхней одежды (*кафталець камка адамашка*. АИ II, 17. 1599 г.) – в этом сочетании лексема *адамашка* выполняет скорее роль прилагательного, и такая грамматическая интерпретация типична для заимствований словосочетаний³⁷, т. е. при грамматическом освоении может происходить мена частеречной принадлежности лексемы.

³⁴ К сожалению, объем настоящего очерка не позволяет привести различные версии этимологии, рассмотреть вопрос происхождения и описать историю ассимиляции каждой лексемы, такие сведения приводятся лишь выборочно для некоторых лексем. Очевидно, полноценно осуществить такое описание можно только в рамках словаря заимствованной лексики.

³⁵ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева: в 4 т. 4-е изд., стереотип. М., 2004. (Далее: *Фасмер*). Т. 1. С. 61–62.

³⁶ *Thomas G.* Средненижненемецкие заимствования в русском языке... С. 55.

³⁷ См. подробнее: *Демьянов В.Г.* Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв. С. 278–279.

Брюкишь ‘сукно, изготавливаемое в г. Брюгге’ (нем. *Brüggisch*). Лексема известна в русском языке с XVI в. по разговорникам иностранных купцов (Анонимный разговорник, Разговорник Т. Фенне), а также по Торговой книге, содержащей подробные указания о выборе этой ткани: Вь брюкишѣхъ середняя мѣра 35 аршинъ, а мѣрные приходятъ и больше; а цвѣтъ в брюкишѣхъ лучший синь, лазоревъ, аспидень и голубь... А цѣна брюкишамъ не равна: когда мало ихъ, и они дороже, кои лучше. Торг. кн. (С), 118. XVI–XVII вв. Это слово хорошо освоено русским языком XVI–XVII вв.: функционирует как изменяющееся по числам существительное мужского рода (при том что по происхождению является прилагательным), может использоваться в характерном для названий тканей и вообще материалов употреблении в именительном падеже как обозначение материала, из которого что-либо сшито: Да Якову ж на мне взяти однорядка лазорева брюкиш да трицать рублев денег. АФЗХ II, 421. 1584 г., есть и производное относительное прилагательное *брюкишный*: однорядку голубу брюкишну. Вкл. кн. ТСМ, 93. 1545 г.

Ерен(о)къ / еренъ и **еренга** ‘сукно грубой выделки разреженной фактуры’. Слово, видимо, западноевропейского происхождения: оспаривая тюркскую этимологию, Фасмер справедливо замечает, что обозначаемый товар «фигурирует как предмет ввоза с Запада»³⁸. В Торговой книге есть свидетельства существования других названий этой материи в разных западноевропейских языках: Влосская сукна, а иные зовуть ихъ итальской еренгою, по нѣмецки: итальская карза, Еренга большая по нѣмецки: шхотцус карза... Еренга меньшая по нѣмецки: ангельсь карза; а купили въ Ругодивѣ половинку по 15 ефимковъ. Торг. кн. (С), 119. 1575–1610 гг. Д. Томас подчеркивает, что сближение названий *карза* и *еренга* может происходить на основании сходства по качеству, или по месту производства (деревня Керсей в графстве Суффлокс): «Качественное сходство поддержало бы этимологию Фасмера (из ср.-нж.-нем. *haren, harenkleid*) и Гардинер (из ср.-в.-нем. *Herrengra(w)* ‘сукно для военных’); сходство же по месту производству сделало бы более вероятным предположение Шмелевой (от старого названия Ирландии, ср. ср.-нж.-нем. *yern*)»³⁹. Слово известно в русском языке XVI–XVII вв. с разным оформлением конца основы (что дает почву для выведения разного источника его происхождения). Менее частотно испытывающее грамматические колебания в роде *еренга* и *еренъ*; более распространено *ерен(о)къ* – зафиксировано в деловых памятниках разной территориальной принадлежности: Южн. тамож. кн., МДБП, Ст. печ. пр., А. Кунг., Россия и Восток (Инд.), употребляется без пояснений, как хорошо освоенное: Штаны лозоревы сукно еренок цана дватцот олтын. Пам. южн. в.-р. нар., 142. 1620 г. Иноземец города Могилева Радион Ильин явил на дву возах... шесть паловинок сукна еренка двѣ паловинки аглицы тритцать штукъ полотна колинского. Южн. тамож. кн., 215. 1646 г. Остатокъ яренку красного. МДБП, 216. 1676 г. От каждого из вариантов известны производные относительные прилагательные: *еренковъ* (Южн. тамож. кн.) и *еренговъ* (Сл. Перм.).

Лундышь (*лундышь*, *лундушь* и *люндышь*) и **лундское** (*лунское*) сукно ‘дорогой сорт английского сукна, использовался для шитья верхней одежды’: Кафтан лундышной вишневои. Якут а., карт 5, № 8. 1643 г. Ферези сукно свѣтлозеленое лундышь.

³⁸ Фасмер. Т. 2. С. 23.

³⁹ Thomas G. Средненижнемецкие заимствования в русском языке ... С. 55.

Плат. Бор. Год., 12. 1589 г. – через польск. *łyndysz*, *łyńskiesukno* от названия города Лондон. В.Г. Демьянов подчеркивает, что огласовка с *-у-*, известная и в вариантах названий английской столицы, указывает на польское посредство, а не прямое заимствование из английского⁴⁰. Прилагательное по происхождению *łyndysz* превращается в существительное в русском языке. Словосочетание *лундское сукно* появляется в русском языке с начала XVI в. раньше однословного наименования *лундышь* (впервые в 1589 г. в Описи одежды Бориса Годунова), хорошо освоено. Со значением ‘сшитый из английского сукна’ известны прилагательные *лундский* (1514 г.), *лундышный* (1643 г.).

Стамедь (*стаметь, стамить, стамидь*) ‘род шерстяной ткани’ – через нем. *Stamet* или голл. *stamet* или непосредственно от ит. *stametto*, ср. ст.фр. *estamet* ‘грубая шерстяная ткань’; первоисточником является лат. *stāmen* ‘основа (ткани)’⁴¹. Лексема употребляется в различных деловых памятниках XVII в. и в значении ‘материал, ткань’, и в значении ‘штука, отрез такой материи’: 46 стамидов оберточных. РШЭОП, 280. 1665 г. – имеет производные *стамедный* (*стаметный, стамитный*) и *стамедишко*.

Трипъ ‘шерстяная ворсистая ткань’ (не совсем ясен язык-источник, возможно, прямое заимствование из романских языков: ср. фр. *tripe*, ит. *trippa*), лексема и производные прилагательные *триповый* (самая ранняя фиксация – 1640 г.) и *трифовый, трипчатый, трипный* известны в деловых памятниках XVII в., содержащих различные описания имущества – трип использовался для шитья верхней непарадной одежды: кавтанъ трипной зеленой. АХУ III, 163. 1634 г., штаны трипчатые. Вкл. Ант., 72. 1677 г., оплечье трифовое цвѣтное. Опис. Холмог. ц., 27. 1696 г. – и покрытия, обивки чего-л.: шапка вершок триповой. Вкл. Ант., 38. 1648 г., 16 стуловъ обиты волнистымъ трипомъ. Заб. Дом. быт.1, 551. 1677 г.

Для заимствований этой тематической группы характерно усвоение устным путем. Ряд европейских прилагательных при попадании в русский язык освоен как существительные и включается в систему русского склонения (см. *брюкишь, лундышь*), в качестве синонимичных может использоваться и однословное название, и составное наименование, содержащее прилагательное (*лундышь* и *лундское сукно*), в ряде случаев известны только именованья с прилагательным, производным от иноязычной основы при отсутствии заимствованного существительного (*сукно норское* ‘голландское сукно, производившееся в г. Наарден’).

1.2. Названия специй. Специи, ввозимые западными купцами на Русь с Востока, были важным предметом импорта: в период Московской Руси язык обогащается такими лексемами, как *анись* (*анышь, ганышь*), *гвоздика, имбирь* (*инбирь, инберь, инберь*), *кардамонъ, майранъ* (*маеранъ, маюранъ*), *миндаль* (*мигдаль, мигдаль, амигдаль*), *мускать* (*мушкать*), *розмаринъ, шафранъ* и др. Д. Томас отмечает, что и общее название для пряностей *москоть, москотилие* (*москотильные товары*), возникающее на основе ср.-нж.-нм. *Muschaten* ‘мускат’, свидетельствуя о «значении пряностей ганзейского импорта»⁴². Некоторые примеры.

⁴⁰ Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв. С. 148.

⁴¹ Фасмер. Т. 3. С. 744.

⁴² Thomas G. Средненижненемецкие заимствования в русском языке ... Р. 56.

Анись (*онись, анышь, ганышь*) (нем. Anis или фр. anis из лат. anisum, которое восходит к греч. *ἀνισόν*⁴³). При том что в средней полосе России произрастает растение, являющееся сырьем для изготовления этой специи, заимствование ее названия свидетельствует о том, что на северо-западе эта специя была объектом импорта. В памятниках XVI в. лексема известна только в Разговорнике Шrove и в Торговой книге, тексты XVII в. демонстрируют хорошее освоение лексемы и ее достаточно активное использование. В юго-западных памятниках лексема зафиксирована с конечным –ш (*аныш*) и с протетическим согласным (*ганыш*).

Гвоздика (калька польск. *gwoździć*, которое в свою очередь калькировано с ср.-в.-нем., *negelkin*, ср.-нж.-нем. *Negelken*, нов.-в.-нем. *Näglein*, являющееся калькой романского; ссылаясь на Бернекера, Клюге–Гётце, Брюкнера, Фасмер пишет, что такое название объясняется тем, что пряность «напоминает по форме гвоздь старой ручной ковки»⁴⁴). Лексема хорошо известна уже в XVI в. (Дм., Аноним. разг., Ст. сп. Новосильцева), зафиксирована в большинстве известных разговорников иностранных купцов (Московит. (вариант: *гвозника*), Аноним. разг., Тронх. разг., Разг. Хеймера), в разговорниках Шrove и Т. Фенне известно в другом виде, также калькирующем оригинал: *гвоздцы*.

1.3. Названия вин. Эта лексика также активно заимствовалась в процессе торговли: *алаканта, аракъ, бастръ* (и *бастардъ*), *балсамъ, клареть, малмазья* (*мальвазья*), *мушкатель* (и *мушкательное вино*), *рейнское* (*ренское, рянское*) *вино, романья* и др. Преимущественно это заимствования XVI в., многие из них зафиксированы в разговорниках и свидетельствах иностранцев, заимствуются устным путем, большинство происходят из немецкого языка, за исключением *мушкатель* (из польск. *muszkateła*)⁴⁵ и, возможно, *бастардъ* (*бастерь, бостерь*) (ст. фр. *bastart* ‘ненастоящий’, голл. *basterd*).

Для обозначения табака как предмета импорта в Россию в этот период заимствуются лексемы *табакъ, никоцыанъ* (*никоциянь*) и *никоцыана* – название, под которым табак ввозился в Россию из Западной Европы в последние годы XVII в. (зафиксировано в 1698 г., 1699 г. в Арх. Толстого) (через нем. или фр. от лат. *herba Nicotiana*), т. е. исконное иноязычное прилагательное тоже осмыслено в русском языке как существительное, хотя и колеблющееся в роде.

1.4. Названия металлов. В старорусский язык вошли лексемы *латунь, сталь, металл*; к заимствованной лексике этого периода, связанной с добычей и обработкой металла, относятся также германизм глагол *лудить*, прилагательное *мосяровый*. См., например, *сталь* (из ср.-нж.-нем. *stâl*.), ассимилировано: зафиксировано производное прилагательное *стальной* и заимствованное с той же основой *сталевый* (Кн. расх. Ивер.м., 1664 г.) (очевидно, через польское посредство, ср. польск. *stalowy*).

1.5. Названия различных веществ и химических соединений: *поташъ, селитра, скипидаръ* (возможно, из польского, этимология спорная), *смольчуга* и *смольчугъ, сулема* (*сюлема*), *спиртъ*.

1.6. Названия одежды и деталей одежды. Все большее значение в жизни людей XVI–XVII вв. приобретает одежда, об этом свидетельствуют, в частности, сохранив-

⁴³ Фасмер. Т. 1. С. 78.

⁴⁴ Там же. Т. 1. С. 399.

⁴⁵ Thomas G. Средненижнемецкие заимствования в русском языке ... Р. 56.

шиеся подробные описания царских нарядов, объективно выросшее количество конкретной лексики, обозначающей различные предметы одежды. За счет усилившихся культурных и бытовых контактов России и Запада заимствуются слова этой подвижной группы лексики: *галунь*, *галстухъ* (*галздукъ*), *жупанъ* и *зипунъ*, *гадпликъ*, *долманъ*, *краганъ*, *камзоль*, *камилавка*, *капелюшъ*, *капотъ*, *кортель* (*кортель*), *лента*, *ментеня*, *пасаманъ*, *саянъ*, *снуръ* (*шнуръ*), *сукня*, *юпа* и *юбка*, *хустка* (*фустка*), *чехль*, *шапка*, *шляпа* (*сляпа*). См. также *смушекъ* ‘шкурка ягненка, барашка’ (Польск. д. III) (ст.польск. smuszek).

Заимствуются и **названия украшений и косметических средств**: *патерки* (*патырки*) ‘бусы’ (из ст.блр., ст.польск.), *клейноты* (слово, относительно которого Е.М. Иссерлин пишет, что в сочинении Двор турецкого султана «перевод этого польского термина (в свою очередь заимствованного из немецкого) был затруднен тем, что в русском языке не было слова для вполне точного выражения этого понятия»; «наряду со стремлением заменить слово *клейноты* названием какого-либо конкретного ювелирного изделия, хорошо известного в Московской Руси, находим и противоположную тенденцию – употребление слов, обозначавших очень широкие понятия – *вещи драгия*, *многоценные вещи* и даже просто *вещи*»⁴⁶).

1.7. Названия посуды: *кастрюля*, *ромейка*, *роморка*, *роструханъ*, *тарель* и *тарелка*, *фляга* и *фляжка*.

1.8. Названия емкостей: *скрынъ* (*скрыня* и *скриня*), *пурка*, *шкатула* (*скатула*).

1.9. Названия повозок и экипажей. При Московском дворе с конца XV в. существовал Конюшенный приказ; к концу XVII в., по архивным данным, в ведении этого приказа было более трехсот различных по виду и назначению экипажей. В старорусский язык заимствовались обозначения новых видов повозок: *берлинъ*, *коляска*, *кара*, *каре́та*, *палубъ* (*полубъ*), *рыдванъ*. Само слово *транспорт* также появляется в русском языке в конце XVII в. (из нем. Transport или фр., голл. transport⁴⁷) с семантикой, как в языке-источнике, ‘судно для перевозки грузов и людей’ (Пох. журн., 1698 г.).

1.10. Обозначения предметов конской упряжи и конского убора: *капцынъ*, *дышло*, *кутазь*, *муштукъ*, *сбруя* (*збруя*), *шоры*.

1.11. Названия новых пищевых продуктов и блюд: *бигось*, *конфеты* (*конфеты*, *комфети*), *кофе*, *марципанъ*, *ренский уксус*, *олады*, *трунокъ*, *саго* ‘мука из саговой пальмы’ (через нем. Sago, фр. sagou от малайского sâgû – привезено Марко Поло в Европу в 1295 г.⁴⁸; слово всегда использовалось с пояснениями, т. е. было явно не освоено).

1.12. Обозначения заморских растений, фруктов, плодовых деревьев и т.п. Такая лексика встречается в описаниях других стран, дворов европейских правителей (в частности, в статейных списках послов), используя фактически как экзотизмы: *гранатъ* и *помагранъ*, *дуля*, *крыжовникъ*, *лимонъ* и *цытронъ*, *морель* ‘сорт мелких абрикосов’, *аранецъ* (в другом памятнике *наранжъ*), более ранние заимствования *помаранецъ* (*поморанецъ*, *померанецъ*) и *помаранча*; обозначения деревьев: *ильм* и *ильма*, *пальма*, *пихта*. Большинство названий трав – книжные заимствования (из трактатов

⁴⁶ Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка XVII века. С. 64–65.

⁴⁷ Фасмер. Т. 4. С. 94.

⁴⁸ Там же. Т. 3. С. 543.

по медицине, травников и т.п.). Зафиксированы лексемы *борканъ*, *нигеля*, *фиялка*, *рожжа*, *романъ* (*романова трава*) ‘ромашка’, *салатъ* и *салата* (также *салатова трава*) и др.

1.13. Названия животных тоже входят в язык этого периода в незначительном количестве: *грифъ*, *мартышка* и *малпа*, *павлинъ*, *попугай* и *папагалъ*, *парекътъ* и *паракита*.

1.14. Названия драгоценных камней. Многие слова этой тематической группы заимствуются в русский язык из греческого, но в ряде случаев посредником, реже – источником прямого заимствования выступают европейские языки. В период Московской Руси в русский язык входит ряд заимствований, называющих драгоценные и полудрагоценные камни: *аспись* (*яспись*), *кораллъ*, *порфиръ*, *спертитъ* (ср. зафиксировано и прилагательное *серпентинный*, но не лексема *серпентинъ*), *туркузь*. Большинство этих лексем мало освоены, обладают небольшой частотностью. В переводных памятниках обнаруживается больше таких лексем, при этом среди них нередки окказионализмы и варваризмы: см. *охидиката* (Косм., 1670 г.) – передача итальянского названия камня «кошачий глаз» *occhidigatta*.

1.15. Обозначения новых материалов: *алебастръ* (*алавастръ*), *бумага*, *папира*, *паргаминъ* и *поргамида*, *штукатурка*.

1.16. Названия иностранных монет: *артугъ*, *дублонъ*, *дукать*, *грошъ*, *гульденъ* (*гульдентъ*), *ефимокъ*, *кронъ* (*крона*), *ортъ*, *пенсъ*, *португалъ* (*протугалъ*), *талеръ*, *шелягъ* (*шелегъ*) и *шиллингъ*, *шкиликъ* и др.; само слово *монета* приходит в русский язык в XVII в. через польск. *moneta* из лат. *monēta*⁴⁹.

2. Лексика торговли. В связи с активными торговыми контактами Московской Руси с Западом значительная часть номенклатурных названий предметов (товаров) заимствуется в процессе этих контактов: см. выше названия тканей, специй, вин, иностранных монет и др. На основе анализа разговорников иностранных купцов и записной книжки Р. Джемса, Б.А. Ларин пишет о создании в период средневековья портового койне, в который входил ряд интернационализмов торгового оборота⁵⁰.

2.1. Собственно торговые термины. Заимствуются сами торговые термины: *банкъ* и *банка*, *бракъ*, *клеймо* и *клеино*, *компания* (*кумпания*), *контрактъ*, *крамъ* ‘мелочная лавка’, *ринокъ* (*рынокъ*) и *ринка*, *фальшь*, *ярмарка*. Например, слово *компания* (*кумпания*) изначально было многозначным, в переводных источниках обозначало и воинское подразделение, один из наиболее ранних примеров использования в русском языке этого слова со значением ‘объединение, товарищество’ восходит к 1673 г. (ДАИ VI), в том же значении в последних годах XVII в. известно слово *кумпанство*.

2.2. Обозначения мер. В связи с торговлей России с западноевропейскими купцами в язык входили и обозначения иностранных мер и счетных единиц (преимущественно это меры веса, объема, названия счетных единиц (ткани)): *амъ*, *амна*, *ансырь*, *безмень*, *бекарь*, *бунтъ*, *галлонъ* (*галинъ*) и производное *галенокъ*, *гарнецъ*, *дюжжина* (*дужина*), *канна*, *кварта* (*фарта*), *квартирь*, *кипа*, *кружка*, *куфа*, *ласть*, *литра*, *лотъ*, *пара*, *стопа*, *тюкъ*, *унция*, *пунтъ* и *пундъ* (при том что лексема *фунтъ* известна в язы-

⁴⁹ Фасмер. Т. 2. С. 650.

⁵⁰ Ларин Б.А. О записях иностранцев как источнике по истории русского языка // Б.А. Ларин. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб., 2003. С. 366.

ке раньше, с конца XIV в.), *шкаль*, *штука* (*стюка* и *стюкъ*). Большинство этих лексем – германизмы.

3. Бытовая лексика. В основном устным путем заимствовалась и бытовая лексика, к которой могут быть отнесены описанные тематические подгруппы названий посуды, емкостей, предметов и деталей одежды, а также лексика, связанная с описанием жилища и т.п.: *ванна* (*ванная*), *каминъ* (*коминъ*), *кафля* (*кахля*), *картина*, *квартира*, *кухарня*, *муръ*, *пожполь*, *стуль*, *шкафъ*, обозначения хозяйственных построек: *пуня* ‘постройка для хранения зерна’, *стайня* ‘конюшня, хлев’, лексика домашнего обихода: *паперка*, *салфетка*, *конвертъ*, также прилагательные, например, *спилчастый* ‘остроконечный (о ножах)’ и др. В записной книжке английского путешественника Р. Джемса зафиксирована лексема *тузь* ‘игральная карта’ (Джемс, 146. 1619 г.).

4. Производственная лексика. В XVI–XVII вв. в России происходит бурное развитие ремесел и промышленного производства, однако участие иностранцев и использование европейских технологий в это время не так значительны, как в последующий период истории России, в связи с чем заимствование производственной лексики сравнительно невелико.

4.1. Производственные термины. Отмечаются отдельные лексемы, относящиеся к слесарной терминологии: *винтъ*, *гайка*, *напарья* ‘сверло’, *шурупъ*, терминологии книжного дела и иконописи: *охра*, *трунокъ* ‘специальная жидкость для клейки’, *полиментъ* (*пульментъ*) ‘состав под позолоту’, *полиментовати* (*полументовати*), *ражгиль* ‘желтый пигмент’, *рета* ‘красная краска из корней марены’, *спень* ‘металлический, костяной или деревянный штырь, вбиваемый в ребро верхней переплетной доски, на который накидывалась петля застежки; шпенек’, *спатца* и *шпация* ‘металлический брусочек, применявшийся при ручном наборе для заполнения промежутков между словами, увеличения промежутка между буквами’, терминологии солеварения: *противень* ‘сковорода для выварки соли’, терминологии селитряного промысла: *селитра*, *литровати* (*лютровати*) ‘подвергать очистке’, терминологии производства, связанного с обработкой металла: *гартъ*, *канитель*, строительно-архитектурной терминологии: *канавка*, *каналъ*, *капитель*, *слюзъ*, *филёнка*.

4.2. Названия профессий, видов занятий: *аптекарь* (*оптекарь*, *обтекарь*, *апотекарь*), *балберъ* (*барберъ*), *драбантъ* (*травантъ*, *тровантъ*), *инженеръ*, *кучеръ*, *кухарка*, *маляръ*, *портарий*, *слесарь*, *сныцарь*, *спекторъ* (*спехторъ*, *шпехторъ*), *столяръ* (*столяръ* и *столарь*), *фурманъ*. Ряд профессий имеет отношение к развитию торговли; это обозначения лиц, связанных с перевозкой и продажей товаров: *веркоперъ*, *дрягиль*, *маклеръ* (с 1562 г.).

4.3. Названия заведений, учреждений, производств: *аптека* (*оптека*), *буда*, *друкарня*.

5. Военная лексика. Молодое Московское государство ведет активные военные действия на западных рубежах, и военная лексика – один из основных заимствуемых пластов в это время. На службе русских царей еще со времен Василия III были иноземные полки; уже в допетровские времена русские цари охотно приглашали иноземных военачальников (например, командиром гарнизона в Смоленске был назначен извест-

ный шотландский подданный Томас Дальйелл, затем в России служил его сын). В правление Михаила Федоровича с 1630 г. впервые появляются полки нового (иноземного) строя с иноземными командирами и русским рядовым составом. Можно выделить несколько подгрупп заимствуемой военной лексики.

5.1. Названия видов оружия и вооружения: *алебарда, бердышъ, аркобузь, бомба, дротикъ, граната, громада* ‘пушка’, *карабинъ, кортеляжъ, мина, петарда, пика, пистоль, пистолеть, протазанъ (партазанъ, пропазанъ), пуля, ракета, рапиръ, списъ и списа (писа), спица* ‘копье, пика’, *фузея* и др.

5.2. Названия доспехов и военных аксессуаров: *бандлеръ, гротикъ, кирась* и *кираса, кобура, ольстръ, пансырь* и *панцырь, паска, сброя (зброя)* и *сбруя (збруя)* (исначально – ‘доспехи, вооружение’).

5.3. Названия военных сооружений и построек: *башня, валь.*

5.4. Обозначения военных званий: *вахмистръ, генераль, гетманъ, капитанъ, капраль, маршалокъ, майоръ, оберштеръ* и *оберстеръ (оберсть), офицеръ, поручикъ (порутчикъ), региментаръ (региментаръ), розмистръ, ротмейстеръ* и *ротмистръ (ротмистеръ), салдатъ (солдатъ), сержантъ (саржантъ)*. Е.М. Иссерлин отмечает, что два таких заимствования (*салдатъ* и *капитанъ*), появившиеся в связи с реорганизацией русского войска, были, несомненно, хорошо освоены уже к XVII в.⁵¹ Большинство же заимствованных лексем обозначали звания в иностранных армиях.

5.5. Обозначения родов войск (рейтара), военных специальностей и специализаций: *гусаръ, драгунъ, канонеръ, каптенармусъ* (как синонимичное известно *капитан сарнасъ* (СГГД) – слово мало освоено, используется с пояснениями), *квартирмейстеръ, комендантъ, комиссаръ, констапель, пахолокъ (похолокъ), рейтаръ (райтаръ, ройтаръ)* и *рейтаренинь.*

5.6. В связи с соответствующей системой набора армии, в качестве отдельной подгруппы выделяются **названия наемников:** *дрябъ (дрябь), гайдукъ, желдакъ, жолнеръ (желнырь, желнаръ), рекрутъ.*

5.7. Другая военная лексика: *артикуль, карабинъ, мишень, поединокъ, прищанцоватися, regimentъ, салва, стойка* ‘стража, караул’.

6. Лексика, связанная с морским делом и судоходством. Эта тематическая группа достаточно малочисленна по сравнению с последующим периодом развития русского языка. Исследователи отмечают, что в рассматриваемый период в русском языке сохранялись традиционные термины мореходства, фактически в языке этого периода не было настоящей морской терминологии, а употреблялась произвольная⁵². В деловых памятниках, реже – в летописях этого периода встречаются такие заимствования, как:

6.1. Названия судов: *барка, галера, карбась.*

6.2. Отдельные морские термины, обозначающие почти исключительно конкретные предметы: *вентеръ, ванчось, дрогъ, стырь (стырь), мурья, портъ.*

6.3. Редкие обозначения морских специальностей: *матрос, стюрманъ.*

⁵¹ Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка XVII века. С. 52.

⁵² Попова М.В. Германские заимствования в русской мореходной терминологии. Воронеж, 2000 // [Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat] [Электронный ресурс] <http://www.dissercat.com/content/germanskie-zaimstvovaniya-v-russkoi-morekhodnoi-terminologii#ixzz4CbN3xPS6>

7. Лексика, связанная с политическим и религиозным устройством общества

7.1. Политическая лексика: *арестъ, бунтъ, голдовать, голдовник, корона (коруна) 'страна', монархъ, монархия, парламентъ, посольство 'общество', ребела 'бунтовщики', пас (пазь) 'документ, дающий право прохода/провоза, паспорт', политика, привилей (привилий) и привилье, рада, ратуша и ратушь, рѣша (рѣйша) 'государство', сенаторъ (санаторъ), статьи, соймъ (сеймъ, снемъ, соемъ, соймъ, съемъ) и сойма, соймице, статьи, шевалир (шевалье) и др.*

7.2. Дипломатическая лексика: *агентъ, пунктъ 'статья договора', резидентъ, трактать 'договор', трактовати.*

7.3. Административная лексика: *канцелярия, канцеляристь, листъ, реестръ, секретъ 'канцелярия'.*

7.4. Титулы, этикетные обращения, названия иностранных должностей и т.п.: *алдерменъ, ариугъ и герцогъ, арциариугъ, баронъ, викунтъ, графъ, гофмейстеръ, донъ, дукъ, ерль, каштелянъ, контъ, коннетабль, курфистръ, маркграфъ, маркизь, охмистръ (охмистеръ), панъ, подбурмистръ, подкоморий, подкоморникъ (как синонимичное – подкоморный господин), подстолий, префектъ, принцъ, принципъ, рефендаръ и рефендариусъ, секретаръ, секретариус и цекретариус, спижирный. Заимствования этой группы известны в большом количестве вариантов.*

7.5. Обозначения принадлежности к различным конфессиональным направлениям: *евангелик, иезуитъ, люторъ (люторъ), кальвинъ (кальвинецъ), протестантъ.*

7.6. Религиозная лексика католичества: *каноникъ, кирха и кирка, кляшторъ, костель, ксендзь, крыжъ, пилигримъ, пилигримовати.*

8. Лексика, связанная с понятиями культуры

8.1. Лексика, связанная с образованием: *школа, ректоръ 'лицо, управляющее духовными учебными заведениями', студентъ, также практически неосвоенные и встречающиеся в «нерепрезентативных» памятниках академия (академия), библиотека.*

8.2. Лексика, связанная с развитием науки и сложением терминологий отдельных наук: *астрономия, алманахъ 'календарь с астрономическими таблицами и астрологическими указаниями', карта, комета, масса, метеоръ, препорция (пропорция), сумма и др.*

8.3. Лексика, связанная с развитием искусства: *бандора, комедия, концертъ, литература, майолика, мозаика, персона 'портрет, изображение'. См., в частности, развитие музыкальной терминологии: дишкантъ, нота, октава, павза (пауза), пунктъ, партесь и партесы, тактъ, тонъ и др.*

9. Абстрактная лексика: *натура 'природа, сущность' (Курб.), 'характер, душевный склад' (Котош.), манерь, мания, оказия, рацея и орация, персона 'особа, лицо, личность', пожадание, секретъ 'тайна'.*

10. Очень активно в старорусский язык заимствовались новые этнонимы и топонимы (обозначения европейских городов и стран) и производные от них. Вхождение в язык этих слов, их вариативность, процессы их морфологической адаптации подробно описаны в монографии В.Г. Демьянова «Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв.»⁵³.

⁵³ Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв.

Одним из положений общей типологии заимствований является тезис о том, что разные слова обладают дифференцированной способностью к заимствованию (традиционно не заимствуется лексика базового, устойчивого фонда). Изучение же конкретных групп заимствованной лексики в те или иные периоды позволяет делать выводы о закономерностях развития лексико-семантической системы языка, причем эти закономерности очень мало изучены общей типологией заимствования (см., например, гипотезу о том, что народы-победители обычно заимствуют в свой язык топонимы, названия экзотических растений и животных, а в языки народов, управляемых иностранными захватчиками, активно входят военные термины⁵⁴). В старорусский язык из европейских языков заимствуются прежде всего названия конкретных предметов, военная лексика, несколько в меньшей степени – политико-административная лексика (прежде всего титулы и названия иностранных должностей), напротив, не заимствуется судебно-юридическая терминология (лексика права формируется на собственно славянской основе), лексика, характеризующая внутренний мир человека (в связи с неразвитостью этих понятий до XVIII в.), лексика, называющая природные реалии; мало заимствуются слова, называющие кулинарные блюда, игры и развлечения. Обогащение языка за счет конкретной лексики в этот период, в целом, характерная черта развития старорусского языка: «количественное увеличение предметно-бытового словаря в языке Московской Руси – реальное явление истории языка, даже если делать скидку на разный объем и неодинаковые информативные качества текстов, написанных до XV в., с одной стороны, и источников XVI–XVII вв., с другой»⁵⁵. Конкретная лексика, таким образом, обогащалась, с одной стороны, за счет народного словаря, с другой стороны, за счет заимствований.

Генетическая классификация заимствованной лексики

С точки зрения происхождения, европеизмы (в широком смысле, т. е. с учетом какого-либо участия европейских языков в процессе заимствования) можно разделить на следующие группы:

а) прямые заимствования из европейских языков (зафиксированы почти из всех европейских языков): *купа* (из ср.-нж.-нем. *kip*), *галонь* (*галинь* и *галина*) (из англ. *gallon*), *дротс* (из шв. *riksdrots*), *канитель* (из фр. *canetille*), *гарнецъ* (из польск. *garnciec*) и др.;

б) заимствования из европейских языков, проникавшие в русский язык через посредство других европейских языков (преимущественно немецкого, польского, языков, распространенных на Юго-Западе Руси): *эфимокъ* (через польск. *joachimik* из лат. *Joachimicus* (от названия местности в Чехии *Joachimsthal*)), *кастрюля* (через нем. *Kasserolle* из фр. *casserolle*) и др.;

в) заимствования не из европейских (в частности, восточных) языков, проникавшие в русский язык посредством европейских языков: *кунтышь* (через польск. *kontusz*, *kuntusz* из тур. *kontoş*), *муфтий* (возможно, из нем. *Mufti* из араб. *mufti*) и др. Слова этой

⁵⁴ *Haspelmath M.* Loanword Typology: Steps toward a systematic cross-linguistic study of lexical borrowability... P. 43–62.

⁵⁵ *Судаков Г.В.* История русского слова. Вологда, 2010. С. 301.

группы не являются европейскими заимствованиями в узком смысле, т. е. по языку-источнику.

Г. Хюттль-Ворт подчеркивает, что важной особенностью выделяемого ею периода заимствования (1550–1730 гг.) (по сравнению с эпохой с 1730 г.) является то, что заимствования часто проникали в русский язык опосредованно, через другие славянские языки (польский, украинский, белорусский), в то время как в последующий период – во многих случаях напрямую из соответствующих европейских языков⁵⁶. М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка», Г. Хюттль-Ворт в приводимых списках слов⁵⁷ и другие исследователи подробно описывают пути проникновения («маршруты») заимствований в русский язык с указанием по возможности всех языков-посредников: например, «греч.-лат.-нем.-русский» (*кристалл, лабиринт, оникс*). Не все исследователи, однако, считают обоснованным выделение стольких ступеней заимствования: против сложных маршрутов выступает, например, Г. Милейковская, указывая на их бездоказательность в этимологических словарях: «можно сомневаться в достоверности таких промежуточных путей заимствования»⁵⁸. Считая, что «вопрос о языках-посредниках абсолютизирован традицией этимологических словарей», Г. Милейковская, обращаясь к материалу деловых памятников старорусского языка, развенчивает миф о европолонизмах: «группа европеизмов, вошедшая в русский через польский язык, вероятно, была меньшей, чем это ей приписывается, а роль ее в организации литературной речи Руси до XVIII в. не была значительной»⁵⁹.

Во всяком случае, важно, что в русском языке этого периода преобладает именно вторая группа заимствований – заимствований опосредованных – и языками посредниками чаще всего выступают «проста мова», распространенная на Юго-Западе Руси, польский и немецкий языки.

1. Заимствования из романских языков

Из латинского языка как из мертвого языка в русский заимствуется преимущественно лексика книжного характера. В XVII в. латынь – это язык науки, культуры, религии (католицизма), на нем создается множество научных сочинений. Большинство лексем латинского происхождения входят в старорусский язык через посредство польского или немецкого языка. Заимствуется лексика культуры и науки (*литература, литера, мистерия, масса, метеоръ, студентъ, фигура*), административная (*монархъ, канцлеръ, секретъ, референдарий*), военная (*артикуль, бомба, шпага, легионъ, майоръ, капитанъ*), в меньшей степени – бытовая лексика (*ментеня, каминъ, канделябръ, шкатула*). Через латынь в русский язык входило много грецизмов: например, *металль* (через нем. Metall или фр. metal из лат. metallum из греч. μέταλλον⁶⁰), *миндаль* (вероятно, через польск. migdał из лат. amigdalus от греч. ἀμύδαλος семитского происхождения⁶¹).

⁵⁶ Huttel-Worth G. Foreign Words in Russian. A Historical Sketch, 1550–1800. P. 9.

⁵⁷ Ibid. P. 13–19.

⁵⁸ Милейковская Г. Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVII веков. С. 144–145.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Фасмер. Т. 2. С. 609.

⁶¹ Там же. Т. 2. С. 623.

Из французского языка заимствуется бытовая (*кастрюля, лямка, капоть, капцынь*), торговая (*компания (кумпанея), литра*), реже – военная (*каптенармусь*) лексика. Французский язык является источником как прямых (*маркизь, капоть, канитель*), так и опосредованных (*кастрюля, капцынь, кавалерь*) заимствований; в свою очередь французский может выступать языком-посредником заимствований из других европейских языков (см. происхождение таких лексем, как *камзолъ, мозаика, миллионъ*).

Из итальянского языка в старорусский язык входят отдельные слова (в основном, конкретная лексика), преимущественно опосредованные заимствования: *баишня* (более старое *баишта*) (через польск. *baszta*, чеш. *bašta* из ит. *bastia*⁶²), *дукать* (из ит. *ducato*, возможно, через нов.-в.-нем. *Dukat*⁶³), *жупанъ* (возможно, из ит. *giurpone, giubbone* ‘мужской кафтан из грубой ткани’⁶⁴), *камзолъ* (через нем. *Kamisol* или фр. *camisole* из ит. *camiciuola*⁶⁵), *камериръ* (вероятно, через фр. *camérier* из ит. *cameriere*⁶⁶), *банкъ* (через нем. *Bank* из ит. *banco* ‘стол менялы’⁶⁷, правда, А.К. Рейцак настаивает на шведском происхождении этого слова – впервые зафиксировано в РШЭО в 1663 г.)⁶⁸. Прямые заимствования могут быть варваризмами: например, *трамунтанъ* ‘запад’ (ит. *tramonto*) (Проск. Арс. К., 1686 г.).

Из испанского языка заимствуются лексемы – своего рода экзотизмы: *алаканта, донъ* (исп., ит. *don*, порт. *dom* из лат. *dominus* ‘господин’), *дублонъ* (фр. *doublon* из исп. *doblon*), аналогично – из португальского: *португаль (протугаль)* ‘название монеты’ (через польск. посредство).

2. ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Германизмы. Многие заимствования европейского происхождения в старорусском языке обнаруживают германское происхождение.

Заимствования из средненижнемецкого проникали в русский язык прежде всего в результате торговли русских купцов северо-западных земель с купцами Ганзейского союза. «Немецкие купцы в течение четырех столетий привозили в Новгород в обмен на воск и мех предметы вывоза западной Европы – соль, сельдь, хлеб, металлы, пряности, вина, сукно. Эти импортные товары, меры и монеты, употреблявшиеся в этой торговле, названия немецких лиц, занимающихся договорами и другими дипломатическими проблемами, целый ряд морских терминов в Прибалтике нашли свое отражение в лексике русского языка»⁶⁹.

А.К. Рейцак оценивает количество потенциальных германизмов в старорусском языке как 1000, однако описывает в своей работе 421 лексему и предлагает следующую генетическую классификацию германизмов:

А. Германизмы в широком смысле.

а) чистые германизмы (например, *анкер, бант, дрягиль, тюк, кипа, клеймо, кружка, ласт, лен, маклер, рынок, шкаль, шкипер, штука, вексель, рейтар*);

⁶² Фасмер. Т. 1. С. 139.

⁶³ Там же. Т. 1. С. 550.

⁶⁴ Там же. Т. 2. С. 66.

⁶⁵ Там же. Т. 2. С. 174.

⁶⁶ Там же. Т. 2. С. 174.

⁶⁷ Там же. Т. 1. С. 120.

⁶⁸ Рейцак А.К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв. С. 9–10.

⁶⁹ Thomas G. Средненижнемецкие заимствования в русском языке... Р. 56.

б) морфологические новообразования на германской почве (например, *кучер* – морфологическое новообразование с агентивным суффиксом *-er* на базе нов.-в.-нем. *Kutche* из венг. *Kosci*);

в) лексемы негерманского происхождения, но развившие то значение, с которым они проникли в русский язык, на германской почве: *лот* (из нов.-в.-нем. *Lot* или голл. *lood*, ср.-в.-нем. *lôt*, возводимого к кельтскому: в германских языках из значения ‘пальный металл’ развивается значение ‘мера веса’);

Б. Исконные германизмы, проникшие через посредство польского или других языков: *дышло* (из польск. *dyszel* из ср.-в.-нем. *dihsel*), *муштук* (*мундиштук*) (польск. *muzhtuk*, *munzhtuk* из нем. *Mundstück*).

В. Огерманенные слова: слова негерманского происхождения, проникшие из германских языков, т. е. причисляются к германизмам в некоторой степени условно: см. *балдахин* (нов.-в.-нем. *Baldachin* из фр. *baldaquin*), *канцлер* (из нов.-в.-нем. *Kanzler* из лат. *cancellarius*)⁷⁰.

Количество германизмов в старорусском языке значительно и сравнимо с количеством полонизмов; в целом, это те же тематические группы: конкретная лексика (почти все названия вин (*мальмазея*, *романея*, *бастрь*, *реинское*), многие названия специй (*инбирь*, *анись*, *москоть*), тканей (*стамедь*, *брюкишь*, *байяртъ*), металлов (*латунь*, *сталь*), торговая лексика (значительная часть обозначений мер: *штука*, *кипа*, *тюк*, *стопа*), названия новых профессий (*веркоперь*, *дрягиль*, *маклерь*), лексика, связанная с военным делом (*рейтарь*, *гетмань*, *штурмъ*), в определённой степени административная лексика (*канцлерь*).

Заемствований **из шведского языка** относительно немного. Часто это экзотизмы: *ворвань* (из др.-шв. *narhval*, шв., дат. *narval*, др.-исл. *nárhvalr* ‘кит’⁷¹), *дротсь* (шв. *Drots*) в сочетании *Государственный (Свейского королевства) дротс* (шв. *riksdrots*) ‘в Швеции XVI–XVII вв. одно из высших должностных лиц государства, руководившее судебной властью’.

Лексем **из голландского языка** существенно меньше, чем в последующий период развития русского языка: см. *дрогъ* (возможно, из голл. *dregtouw* ‘якорный канат’), *матросъ* (голл. *matroos*), *поташъ* (голл. *potasch*), возможно, *тюкъ* (голл. *tuig*).

Из английского языка заимствование лексики в XVI–XVII вв. «главным образом шло через непосредственное общение носителей языков»⁷². Из английского в период Московской Руси заимствуются названия тканей (*колтырь*, *еренга*, *карзай*, *лундышь*), мер (*галонъ* (*галинь*) и *галина*), лексика для обозначения иностранных должностей, титулы (*ерль*, *алдраманъ*).

3. Заимствования из западославянских языков и языков, распространенных на Юго-Западе Руси. В эпоху Московской Руси польский язык и «проста мова» были во многом проводниками западного влияния на Русь и посредниками заимствований из европейских языков. Особенность заимствований из польского языка, а также из говоров старобелорусского и староукраинского языков, распространённых на территории

⁷⁰ Рейцак А.К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв. С. 6–7.

⁷¹ Фасмер. Т. 1. С. 351.

⁷² Беляева С.А. Английские лексические заимствования в русском литературном языке XVI–XX вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. С. 7.

Западной Руси⁷³, – взаимовлияние соседних близкородственных языков и русского, т. е. двусторонность процесса. В ряде случаев сложным является разграничение прямых заимствований и развития праславянского наследия или независимого развития в двух родственных языках: см. функционирование в старорусском языке наречий *дуже* и *дюже* (ср. польск. *dużo* ‘много’). Наличие этих заимствований в текстах во многом обусловлено типом памятника и территорией его создания (см. так называемые «полонизированные» тексты).

Полонизмы. Значительная роль польского языка в развитии русского языка XVII в. была обусловлена большим количеством как прямых, непосредственных контактов, так и переводов: «до Петра переводы с польского – обычное дело, многочисленны; при Петре их почти нет: увеличившееся знакомство с латинскими и вообще с западноевропейскими языками позволило нам усилить перевод прямо с оригиналов, минуя польское посредство»⁷⁴. Г. Милейковская подчеркивает, что именно в период развития русского языка XV–XVII вв. можно выделить понятие полонизма как исторически и стилистически обособленного фонда слов, накапливающихся разными путями в русском языке⁷⁵.

В ряде случаев, однако, достоверное выделение источника и посредника заимствования затруднительно, в связи с чем сложно определить точный объем полонизмов в русском языке. Один из первых списков полонизмов в русском языке был составлен Я. Гротом⁷⁶. Списки полонизмов составляли также Н. Смирнов, Л.А. Булаховский, В. Витковский и др. В научной литературе, посвященной полонизмам, сложились в определённом смысле полярные точки зрения: восприятие польского языка как основного посредника европейской цивилизации и сомнение в обязательном польском посредстве при заимствовании западноевропейских слов. Так, Г. Милейковская делает важный вывод о том, что в актах Московской и Ростово-Суздальской Руси почти нет лексики, которую бы можно было признать несомненно заимствованной из польского (т. е. значительная часть заимствований западноевропейского происхождения попадала в старорусский не через польский, а через «простую мову») и выделяет собственно полонизмы, европолонизмы (слова из западноевропейских языков, заимствованные через посредство польского языка), и элементы польского происхождения, перешедшие устным или письменным путём в московский русский язык из «простой мовы», при этом дифференциация лексем второй и третьей групп не всегда возможна⁷⁷.

Польский язык был источником ряда прямых заимствований: *вязень*, *баламутъ*, *жадати*, *годно*, *коруна*, *костель*, *паска*, *пиво*, *покой* ‘мирный договор’, *урядникъ*, *урядство*, *шаловать*, можно выделить и польские экзотизмы: *панъ*, *рада*, *мещанинь*, *соймъ*, *соймовый*, *шляхтичъ*, *униять*. Возможна разная оценка роли польского как языка-посредника, но предположительно через польское посредство в язык входят многие латинизмы и лексемы латино-греческого происхождения: *бандора* (через польск.

⁷³ Лингвистический статус и общее название языков (диалектов), распространенных на Юго-Западе Руси, в научной литературе дискуссионны.

⁷⁴ *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. 24. № 1. СПб., 1903. С. 51.

⁷⁵ *Милейковская Г.* Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVII веков... С. 24.

⁷⁶ *Грот Я.* Филологические разыскания. СПб., 1899. С. 464–465.

⁷⁷ *Милейковская Г.* Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVII веков... С. 24.

bandura из ит. *pandūra* от лат. *pandūra* от греч. *πανδοῦρα* ‘кифара’⁷⁸), *бердышь* (польск. *bardysz*, *berdysz* из ср.-лат. *barducium* ‘метательное копьё’⁷⁹), лексемы немецкого происхождения: *арестъ*, *бунтъ* (из нем. *Bund* ‘союз, объединение’; А.К. Рейцак подчеркивает, что это полонизм, т. к. с семантикой ‘восстание’ слово было переосмыслено именно в польском языке и с такой семантикой заимствовано⁸⁰), *бракъ*, *гвалтъ*, *ганка*, *гетманъ*, *вахмистръ*, *маршалокъ*, *малевать*, *маляръ*, *фалишь*, *фалцовить*, *шелъма*, *шкота*, *шляхта*, *шнуръ*, *штука*, *штурмъ*, *юбка*, и слова из других европейских языков: итальянского (*шпага*, *канава*, *капелюшь*, *каплунъ*), французского (*лямка*), венгерского (*драгунъ*, *гайдукъ*). Через польский как посредник приходят и лексемы из восточных языков: *кармазинъ*, *кунтышь*, *кутазь*, *куфтеръ*.

Из чешского языка заимствуются такие лексемы, как *поручикъ* (*порутчикъ*) ‘воинский чин в иноземной армии в сухопутных войсках’ (лексема имела в русском языке этого времени и другое значение – ‘поручитель, человек, удостоверяющий что-л.’, и это, очевидно, исконная семантика слова, ср. в этом значении известны и однокоренные образования *подручник*, *поручникъ*), *франтъ* (через польск. *frant* из чеш. *franta*, *frant*⁸¹). Чешское посредство (как правило, при последующей ступени польского языка) возможно и при заимствованиях из других западноевропейских языков: так, через чешский и польский из итальянского приходит слово *башня*.

Посредство восточнославянских языков, распространенных на Юго-Западе Руси, обнаруживается в истории целого ряда заимствований, однако оно не очень хорошо изучено и документировано. Очевидно, это посредство имело место при заимствовании таких лексем, как *аптека*, *каштанъ*, *кварта*, *малевать*, *монета*, *пеликан*, *планета*, *фиалка*, *фигура*, *шкода*, *штурмовать*, *ярмарка*. Несомненно, были и прямые заимствования из старобелорусского и староукраинского языков: *патерки*, *блакитный*, *мъстичъ* и др. А. Золтан, защитивший под руководством Б.А. Успенского диссертацию о западнорусских-великорусских языковых контактах, подчеркивает, что влияние староукраинского и старобелорусского языков на старорусский язык было значительным и проявлялось не только в заимствовании слов из западноевропейских языков (прежде всего в дипломатический язык), но и в заимствовании с этими словами западноевропейских культурных понятий⁸².

4. Заимствования из венгерского языка. Из венгерского языка в язык Московской Руси приходит военная лексика: *гайдукъ* (через укр. гайдук, польск. *hajduk* из венг. *hajdú*, мн. *hajdúk* ‘наемные пехотные войска, несущие пограничную службу против турок’⁸³), *гусаръ* (через польск. *husar* из венг. *huszár* от *húsz* ‘двадцать’⁸⁴), название новой профессии: *кучеръ* (нем. *Kutcher*, *Kutche* из венг. *kosci* ‘дорожный экипаж’ от названия города *Kosc* в Комаромском комитате; кучеры из этого города обслуживали

⁷⁸ Фасмер. Т. 1. С. 120.

⁷⁹ Там же. С. 152–153.

⁸⁰ Рейцак А.К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв. С. 7.

⁸¹ Фасмер. Т. 4. С. 206.

⁸² Золтан А. Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // *Studia Slavica Hungarica*. 1988. 34. 1–4. С. 767–804.

⁸³ Фасмер. Т. 1. С. 383.

⁸⁴ Там же. С. 477.

сообщение между Веной и Будой в XV–XVI вв.⁸⁵). Самое большое количество венгерских слов в русский язык этого периода принесли венгерские солдаты. Заимствования из венгерского опосредованные, венгерский же в свою очередь мог быть одним из посредников появления заимствований из тюркских и семитских языков: см. *долмань* (польск. dołoman из венг. dolmány, возможно, восходящего к тур. dolaman, dolama ‘суконная одежда янычар’⁸⁶), *палашь* (возможно, через нем. Pallasch из венг. pallos от тур. pala ‘меч, кинжал’⁸⁷). А. Холлош подчеркивает, что для заимствований из венгерского языка бывает особенно трудно установить языки-посредники заимствований: например, у слова *таборь* вариант *табары* вошел в русский язык через польский, вариант *табуры* (*табыры*) – через турецкий⁸⁸.

Иногда сложно установить язык-посредник и даже язык-источник заимствования: например, спорна этимология лексем *каналъ* (через нем. Kanal, голл. kanaal или прямо из фр. canal от лат. canālis⁸⁹), *капитанъ* (по версии этимологии, приведенной в «Этимологическом словаре» М. Фасмера, слово заимствуется через польск. kapitan от ит. capitano, которое производят также от средневековой латыни capitaneus⁹⁰, а по мнению А.К. Рейцак, в истории этого слова «географический и фонетический облик первых русских фиксаций свидетельствуют в пользу шведской диалектной и голландской форм»⁹¹), Д. Томас указывает, что форма *инбирь* является не результатом диссимиляции губных (от *имбирь*)⁹², а как раз указывает на немецкий источник заимствования названия этой пряности⁹³ и т.п. На разные источники заимствования могут указывать варианты, в которых слово известно в языке этого периода: см. *камин* (через нем. Kamin от лат. camīnus из греч. κάμινος⁹⁴) и *комин* (из польск. komin от нем. Kamin от лат. camīnus⁹⁵).

Кроме достаточно сложных путей проникновения заимствований в русский язык (например, для входящих в русский язык в этот период *алхимия* – вероятно, через нов.-в.-нем. Alchimie, ср.-в.-нем. alchimiē из ср.-лат. alchimia, араб. al-kīmīa, которое восходит к греч. χημεία⁹⁶, *альманах* – из нем. Almanach, которое через фр. almanach восходит к греч. ἀλμεινῆακόν⁹⁷, видимо, из араб.) следует отметить и такое интересное явление, как вторичность (неоднократность) заимствований, когда одно и то же слово языка-источника воспринимается языком-реципиентом в разные периоды существования языка, часто в разном облике и разными путями. Так, в языке Московской Руси известен ряд вторичных заимствований из греческого языка: например, *астрономия*. Наряду с предполагаемыми прямыми заимствованиями в древнерусском языке, в языке

⁸⁵ Там же. Т. 2. С. 438.

⁸⁶ Фасмер. Т. 1. С. 525–526.

⁸⁷ Там же. Т. 3. С. 191.

⁸⁸ Hollós A. Az orosz szókincs Magyar elemei.

⁸⁹ Там же. Т. 2. С. 177.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Рейцак А.К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв. С. 14.

⁹² Gardiner S.C. German Loanwords in Russian 1550–1690. С. 107.

⁹³ Thomas G. Средненижнемецкие заимствования в русском языке... Р. 56.

⁹⁴ Фасмер. Т. 2. С. 174.

⁹⁵ Там же. С. 302.

⁹⁶ Там же. Т. 1. С. 73.

⁹⁷ Там же. С. 74.

XVI–XVII вв. заимствования из греческого опосредованные, в подавляющем большинстве книжного характера. Заимствования одного и того же слова, относящиеся к разным периодам, часто отличаются внешним обликом, отражающим путь слова в русский язык. См., например:

тумпазь/панзонь, панзионь/пазионь, пазиось/топазь. Древнерусская форма *тумпазь* происходит из ср.-греч. *τοπάζιον*, которое восходит к более древнему *τόπαζος* (ср. упоминающееся у Плиния название острова Torazus в Красном море, который считается тем местом, где впервые нашли топаз), по-видимому, восточного происхождения⁹⁸. В языке XVI–XVII вв. слово заимствуется вторично. Зафиксированы формы *пазионь, пазиось* (однако, аналогичные – *пазнонь* и *панзионь* фиксируются и в памятниках предыдущего периода) и известная в современном русском языке форма *топазь* – вероятно, через фр. *topaze*, ср.-лат. *topazius* от того же греческого слова.

муסיкия/мустика/музыка/музыка. Наиболее древним вариантом является древнерусское *муסיкия*, достаточно точно передающее греческий оригинал – от греч. *μουσική* «музыкальное искусство, музыка». Появляющаяся в XVII в. форма *музыка* (с ударением на второй слог) – результат вторичного опосредованного заимствования: слово пришло через укр. из польск. *muzyka* от чеш. *musika*, лат. *musica* от того же греческого источника. Формы с ударением на начале слова могли быть получены через посредство австр.-нем. *Músik*⁹⁹ (впервые фиксируется в XVII в., но активно используется позже).

адамант, адамантис/диамант, деманидь. В древнерусском языке существовало несколько названий драгоценного камня алмаз, оба производные от греч. *ἀδάμας, -αντος* ‘несокрушимый’ по свойству особой прочности камня: близкое к греческому оригиналу *адамант, адамантис* и слово *алмазь*, заимствованное из тюркских языков, вероятнее всего из татарского, от арабского *almas*, восходящего к тому же греческому слову. В период Московской Руси в языке появляются вторичные заимствования *диаманть* и искаженное *деманидь*: либо от фр. *diamant* – ‘бриллиант, алмаз’, либо от нем. *Diamant* – ‘алмаз’, источником которых является то же греческое *ἀδάμας, -αντος*.

История слов **азбука/афавитъ** – пример того, как в разные периоды существования языка используются разные пути заимствования (в данном случае калькирование и собственно заимствование). Известное в древнерусских памятниках слово *азбуки* – калька греческого *ἀλφάβητον*¹⁰⁰, составленная из названий двух первых букв старославянского алфавита (*азъ + буквы*), со значением ‘совокупность букв данной письменности, расположенных в установленном порядке’. Позже фиксируются и другие формы: *азбукъ, азбуквь, азбука*. По греческому образцу создано и малораспространенное *азвъди* (*азъ + въди*). В XV в. возникает вторичное заимствование *алфавит* (с византийским произношением через /в/, в отличие от греческого классического /б/, откуда латинский *alphabetum*), первоначальное значение которого ‘словарь, собрание малоизвестных слов’.

⁹⁸ Фасмер. Т. 4. С. 78.

⁹⁹ Там же. Т. 3. С. 6.

¹⁰⁰ Там же. Т. 1. С. 63.

Типы заимствований.

Морфологическая классификация заимствованной лексики

В языке периода Московской Руси преобладают прямые заимствования. Семантические кальки в основном имеют источником родственной польский язык: см. *лист* ‘документ’, *гвоздика* (польское слово – калька германизма, которое в свою очередь – калька романской лексемы). Более типичные для переводных памятников словообразовательные кальки редки в оригинальных памятниках Московской Руси.

Целый ряд лексем европейского происхождения обладает единичной фиксацией, и можно говорить не о заимствовании, а об использовании их в качестве экзотизмов для описания реалий зарубежной действительности, а иногда и об их транслитерации и статусе варваризмов, например, *алебейда* (нем. alle beide) ‘оба’ (Джемс, 1619 г.). Это характерно, в частности, для таких текстов, как статейные списки послов. А.С. Щекин пишет, что при частом использовании послами в своих отчетах соответствующей русской общественно-политической терминологии, в статейных списках остается и целый ряд непереуведенных терминов, не имевших прямых соответствий в русском языке той эпохи: *алдраман* (англ. aldermen), ‘олдермен (член городского совета в Англии)’, *викунт* (англ. viscount) ‘виконт’, *ертох* (нем. erzog) ‘герцог’, *грав* (нем. Graf) ‘граф’, *дюк* (фр. duc) ‘герцог’, *ерль* (англ. earl) ‘граф’, *конатабль* (фр. connétable) ‘коннетабль (главнокомандующий вооруженными силами во Франции)’, *конт* (фр. omte) ‘граф’ и др. В ряде случаев в текстах статейных списков непереуведенными остаются целые терминологические сочетания: *лордкипер* (англ. lord keeper (of the great seal)) ‘лорд-хранитель (большой государственной печати)’, *лорд чиф джестес* (англ. lord chief justice) ‘главный судья’, *премирмаршал ду Франц* (фр. premier maréchal de France) ‘первый маршал Франции’¹⁰¹.

Заимствуются преимущественно существительные, в меньшем количестве – глаголы: *короновать* (зафиксировано и в форме причастия *коронованный* (Котош.)), *камфарити*, *лудить*, *муровать*, *штудировать*, *штурмовать*, *малевать*, *трактовати*, *справовати*, *справоватися* и др. При книжном характере многих заимствуемых глаголов интересно записанное Спарвенфельдом со слуха просторечное *гдакаты* ‘о курах: кудахтаты’ (Петухъ [ошибочно ?] гдачеть. Спарвенфельд, 79, к. XVII в.) (ср. польск. *gdakać*... О kurze: wydawać głośne dźwięki, towarzyszące zwłaszcza znoszeniu jaj¹⁰²).

Заимствованные прилагательные достаточно редки и малочастотны или даже известны в единичной фиксации: *воссский*, *пуклястый*, *папылевый* (в сочетании *папылевая мазь* ‘мазь, сваренная из тополиных почек и сала’ (ДАИ X, 1682 г.)), *реестровый*, *помаранчевый*, *посполитый* ‘простой, национальный’ (преимущественно в устойчивых сочетаниях *речь посполитая*, *посполитое рушение*), *сталевоый*. Наречия единичны: *посполтъи*, *посполь*, *посполито*. Характерно, что все заимствования-не существительные обнаруживают польское (возможно, в некоторых случаях западнорусское) происхождение или посредство.

¹⁰¹ Щекин А.С. Обозначения западноевропейских титулов и должностей в статейных списках русских посольств в Европу XVI–XVII веков // XLV Международная филологическая научная конференция. Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г. Тезисы докладов. СПб., 2016. С. 385.

¹⁰² Słownik języka polskiego. Warszawa, 1978. 1–3 тт. Т. 1. С. 640.

Процессы ассимиляции заимствованной лексики

В любом языке заимствования неизбежно проходят процесс ассимиляции. В памятниках XVI–XVII вв. можно выделить следующие типы контекстов, свидетельствующие о неполных заимствованиях, о неассимилированности и осознаваемой «чужеродности» заимствований:

а) указание на язык-источник заимствования и иноязычность слова: Муравское сукно по немѣцки: бемсь дуксь; а въ Ругодивѣ купили по 16 ефимковъ. Торг. кн. (С), 119. 1575–1610 гг. Дѣлають въ томъ же городѣ сукно, по нѣмецки зовуть: графинь [в другом списке: графунь]. Там же, 120. А медными шкилями и печатными плотами и бумажных денег, а по их языку банки седелы, за пошлину не емлют. РШЭО, № 180, 289. 1666 г. А приданого за обеими королевнами по 500 кронов золотых да по чепи, даров посылали – французской послал к невесте своей чепь, а называют ее каркант. Ст. сп. Кондырева, 198. 1616 г.;

б) приведение русских переводных эквивалентов: Охмистеръ а по-московски бояринь. Польск. д. III, 18. 1560 г. Капитанъ сарнась, а по руски приказной человѣкъ который ружье принимаетъ. СГД III, 324. 1631;

в) синонимичные употребления, семантизирующие заимствования: 3 человѣки саржантовъ, пятидесятниковъ. СГД 3, 324. 1631 г., А по мори пристанищ корабелных, и портов утешных... без числа много там. Сказ. о роск. житии, 73. XVIIв.) (не строго синонимичное толкование, но попытка подбора близкого по значению слова к заимствованию *портъ*, очевидно, еще мало известному);

г) пояснения-гlossы: Академии, сиречь книжные училища. Пут. Толстого, 200. 1697 г., А есть у них многие такие мѣста, якож у нас академии, то есть книжные училища. Косм., 387. 1670 г.;

д) описательные толкования: Есть де в Стекольне место, имянуетца банка, и там де несколько тысяч готовых ефимков всегда бывает, и как кто торговые люди меж собою какие товары сторгуют или кто, и из иного государства приехав, продаст какие товары, и ему де тот купец даст лист, по чему ему за те проданные товары ефимки в той банке взяти, и в том де листу сколько тысяч ефимков написано будет взять. РШЭО, № 167. 1663 г.

Фонетическое освоение заимствований. При фонетической ассимиляции лексики европейского происхождения в старорусском языке изменениям часто подвергался начальный звук, особенно, если это был звук, несвойственный русской фонологической системе.

Наблюдаются следующие замены:

h/- (утрата начального слабого придыхательного): *етмань* (через польск. *hetman* из вост.-ср.-нем. *hauptmann* ‘начальник, капитан’¹⁰³), *арцугъ* (из нем. *Herzog*¹⁰⁴),

реже g/- (утрата взрывного): *ансырь* (от нем. *ganz* ‘целый’, ‘полный фунт’); *генерал* и *енерал* (из нем. *General* от лат. *generalis* ‘общий, главный’) (вариант с начальным гласным зафиксирован в 1650-60-х гг. (Письм. Ал. Мих., Пск. писц. кн. II, А. земск. торг. д., РШЭО), производное *енараловъ* встречается в Грамотках, т. е. вариант с утра-той начального согласного был хорошо известен в обиходном языке и освоен;

¹⁰³ Фасмер. Т. 1. С. 403.

¹⁰⁴ Там же.

h, y/г (замена начального слабого придыхательного или щелевого на взрывной г): *гайдук* (через укр. гайдук, польск. hajduk из венг. hajdú, мн. hajdúk 'наемные пехотные войска, несущие пограничную службу против турок'¹⁰⁵), *гарус* (через польск. haras, harus, из нем. Arras, Haras, которые восходят к названию города Arras в Сев. Франции¹⁰⁶), *галлик* (через польск. heftlik из нем. Haftel, Heftel 'застежка, булавка'¹⁰⁷), при том что взрывному g также соответствует русский взрывной звук г: *галун* (из польск. galon от фр. galon¹⁰⁸);

появление различного рода протезы:

-/а: *ареферендарь* и *алеферендарь* (наряду с *референдарь*) (от лат. referendarius),

-/г: *ганьш* (наряду с *анис*) (из нем. Anis или фр. anis от лат. anisum из греч. ἀνισόν¹⁰⁹) (зафиксировано в памятниках Смоленского края).

Начальное gw (разного происхождения) и kv- (из qu-, kw-) могло сохраняться: *гвинтовка* (польск. gwintówka) (известно как прозвище (РД II-2, 1670 г.)), *гвардия* (через польск. gwardja из ит. guardia 'стража'¹¹⁰), *квартира* (*квартира*) (через нем. Quartier, голл. kwartier, ср.-нж.-нем. quartêr из ст.фр. от лат. quartarius)¹¹¹, но могло и заменяться: gw/в (*винтовка* более употребительно, чем *гвинтовка*), kv/ф (*фарта* наряду с *кварта*).

Наблюдаются вариации в передаче свистящих: *пансырь* (более частотно, чем *панцырь*) (польск. panserz, нем. Panzier), *сукать* и *цукать* (ит. succade от лат. sūcus 'сок'¹¹²), *канцлерь* и *канслерь* (через нем. Kanzler от лат. cancellārius¹¹³), *секретарь*, *секретариусь* и *цекретариусь*.

Исконному f обычно соответствовало ф (А.К. Рейцак подчеркивает, что «в начале и конце слова германский звук f обычно уже не субституируется другими русскими звуками... отдельные замены встречаются в середине слова»¹¹⁴). Иногда f передавалось и звуком х, в связи с чем в заимствованных лексемах возникало чередование ф/х: *фляга/хляжечка* (такой освоенный, «народный» вариант зафиксирован именно в памятнике, передающем стихию народно-разговорного языка – ИНРЯ), *кафля/кахля*, *куфа/куха*. Это чередование далее могло распространяться и на случаи с этимологическим х: *пихтовник/пифтовник* (зафиксировано у Спафария).

Зияния устранялись, как правило, или вставкой йота: ia/ия: *фиялка* (через ст.польск. fialek), или выпадением гласного звука: *рестрь* (наряду с *регестрь*). Финальное ie, ia, ee чаще передавалось как ея: *романея* (ср. фр. romanée от названия местности), *мальмазея*, *монархея*, реже ия: *салвия*.

В области передачи гласных звуков возможны значительные колебания: см. *регенть/регементь/ригаменть/ригементь* (из нем. Regiment от лат. regimentum¹¹⁵), *персона/парсиона/парсона/парсуна/персона/персуна/порсуна* (через польск. persona из

¹⁰⁵ Фасмер. Т. 1. С. 383.

¹⁰⁶ Там же. С. 385.

¹⁰⁷ Там же. С. 392.

¹⁰⁸ Там же. С. 390.

¹⁰⁹ Там же. С. 78.

¹¹⁰ Там же. С. 398.

¹¹¹ Ср. и неначальное -кв-: *марквиз* (наряду с *маркиз*) (от фр. marquis).

¹¹² Фасмер. Т. 4. С. 304.

¹¹³ Там же. Т. 2. С. 182–183.

¹¹⁴ Рейцак А.К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв. С. 15.

¹¹⁵ Фасмер. Т. 3. С. 457.

лат. *persōna*¹¹⁶), *желнеръ* (*желнерь*)/*желнырь* (*желнырь*)/*жолнеръ* (*жолнерь*)/*жолнырь*/*жалнеръ* (польск. *żołnierz* из ср.-в.-нем. *soldenære*¹¹⁷) и т. п.

Исконное о в позиции перед носовыми часто заменялось у (мена лабиализованных): *драгунъ* (вероятно, через польск. *dragon* или ст.-нем. *Dragon* из фр. *dragon* от лат. *draco* ‘дракон’¹¹⁸), *корона/коруна* (через укр. *корона*, польск. *korona* от лат. *corōna*¹¹⁹), *баронъ/барунъ* (из нем. *Baron* или фр. *baron* из др.-в.-нем. *baro* ‘воинственный человек’¹²⁰), *компания/кумпания* (польск. *kompania* из ит. *compagna* от лат. *compānia*¹²¹).

В области передачи согласных типичны следующие закономерности:

v/б и в: *алабастръ* (*алябастръ*) и *алавастръ* (*оловастръ*) (нем. *Alabaster* из лат. *alabastrum* от греч. *ἀλάβαστρος*¹²²), хотя это может быть связано с разными «маршрутами» заимствований: см. *губернаторъ* (через польск. *gubernator* от лат. *gubernator*) и *губерноръ* (возможно, из англ. *Governor*);

s/c и ш: *снуръ/шнуръ* (через польск. *sznur, sznurek* из ср.-в.-нем. *snuor*), *анисъ/анышь* (нем. *Anis*, или фр. *anis* из лат. *anisum* от греч. *ἄνισον*), ср. и известное в памятниках Смоленского края название анисовой водки – *анышевка*;

d/т и д (связано с альвеолярным, а не дентальным, как в русском, характером европейского d): *драбант/трабант* (вероятно, через польск. или чеш. *drabant* из нем. *Drabant*), *дротик/тротик*;

г/р и л (мена плавных): *марграфъ* (*маркграфъ*) и *малграфъ*, *ареферендарь* и *алеферендарь* (наряду с *референдарь*) (от лат. *referendarius*), *мальмазея* и *мармазея*.

Группы согласных часто упрощались, особенно в сочетании с носовыми согласными: *дрогъ* (из голл. *dregtouw* ‘якорный канат’), *муштукъ* (польск. *munsztuk, musztuk* из нем. *Mundstück*), *пунть* (наряду с *пункт*) (через польск. *punkt* или нем. *Punkt* от лат. *punctum*¹²³), *шелезь* (наряду с *шиллинг*).

Часты метатезы: *протугаль/португаль* (польск. *portugał*), *протазань/партазань* (нем. *Partisanne*). Интересный случай с появлением протезы и метатезы наблюдаем при освоении польск. *armata* ‘пушка’: в памятниках зафиксированы и наиболее близкий языку-источнику вариант с протезой *гармата* (СГГД, 4. 1659 г.) и более удаленные, ассимилированные *громада* (Сл. Смол., 67. 1612 г.) и *грамата* (Пов. аз. ратн. сид. XVII–XVIII вв.) («граматы, видимо, искаженное от *арматы* – одно из старейших названий артиллерийских орудий в древней Руси»¹²⁴). А.К. Рейцак отдельно останавливается на существующих для названия посуды – тарелки двух лексемах *тарель* и *тарелка* (оба варианта с 1509 г.) и видит причину укоренения слова в языке в огласовке с метатезой плавных в дифференциации с существующим в языке того времени словом *талер*¹²⁵.

¹¹⁶ Там же. С. 244.

¹¹⁷ *Фасмер*. Т. 2. С. 60.

¹¹⁸ Там же. Т. 1. С. 534.

¹¹⁹ Там же. Т. 2. С. 334.

¹²⁰ Там же. Т. 1. С. 128.

¹²¹ Там же. Т. 2. С. 305.

¹²² *Фасмер*. Т. 1. С. 70.

¹²³ Там же. Т. 3. С. 406.

¹²⁴ *Воинские повести древней Руси* / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949. С. 323.

¹²⁵ *Рейцак А.К.* Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XVI–XVII вв. С. 17.

Колебания касались передачи полумягкости западноевропейских согласных: *сныцарь/сницарь*, возможно даже смягчение заднеязычных: *гульдень/гюльдень* (нем. Gulden, голл. Gulden). Часто наблюдаются колебания в твердости/мягкости финального согласного основы: *вязен и вязень, дрябь/дрябь, желнерь (желнерь)/желнырь (желнырь)/жолнерь (жолнерь)/жолнырь/жалнерь*.

Преобразованиям подвергался и конец слова: *гульдень/гульденъ* (нем. Gulden, голл. Gulden), *ансырь* (от нем. ganz ‘целый’ ‘полный фунт’).

«Многочисленные примеры на смешение в конце слова звонких и глухих согласных свидетельствуют о том, что явление позиционного оглушения-озвончения согласных в рассматриваемый период уже вошло в силу»¹²⁶: см. *бантъ* (через польск. bant, нем. Band¹²⁷), *тюкъ* (из голл. tuig ‘изделие’¹²⁸), *грунтъ* (через польск. grunt из нем. Grund ‘почва, основа’¹²⁹).

В целом, следует отметить характерную для процесса заимствования в старорусском языке близость заимствуемого слова языку-источнику и значительную вариативность заимствований европейского происхождения, поддерживаемую и в целом широкой вариативностью лексики, типичной для ненормированной, находящейся на пике своего экстенсивного развития системы русского языка XVI–XVII вв.

Грамматическое освоение заимствований в старорусском языке предполагало включение заимствований в морфологическую систему старорусского языка и проходило достаточно последовательно: в рассмотренном материале не отмечаются несклоняемые существительные и прилагательные; к этому же выводу приходят А.К. Рейцак на основе анализа более 400 германизмов, заимствованных в XVI–XVII вв.: «ни одно из существительных германского происхождения не может быть признано грамматически неполностью освоенным; германизмы, принадлежащие к глаголам и прилагательным, также дефективными не являлись»¹³⁰, и В.Г. Демьянов в результате анализа заимствований в тексте Вестей-Курантов¹³¹.

Самый часто варьируемый признак – род заимствований-существительных: см. наличие морфологических вариантов *бастръ* и *бастра*, *дюкъ* и *дюка* (ит. dusa, греч. δούκας, фр. duc, исп. и порт. duque ‘герцог’ из лат. dux, ducis), *галеръ* и *галера* (из нем. Galeere или ит. galera¹³²), *коминъ* и *комина* (из польск. komin от нем. Kamin¹³³), *персонъ* и *персона* (через польск. persona из лат. persōna¹³⁴), *салатъ* и *салата* (через фр. salade от ит. salata¹³⁵), *спись* и *списа*. Иногда такие колебания могут быть объяснены разными языками-источниками заимствований: см. *табакъ* и *табака* (возможно, первое из нем. Tabak или фр. tabac через исп. tabaco из аравакского, второе – из польск. tabaka¹³⁶),

¹²⁶ Там же. С. 16–17.

¹²⁷ Фасмер. Т. 1. С. 121.

¹²⁸ Там же. Т. 4. С. 134.

¹²⁹ Там же. Т. 1. С. 464.

¹³⁰ Рейцак А.К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XVI–XVII вв. С. 21.

¹³¹ Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв.

¹³² Фасмер. Т. 1. С. 386.

¹³³ Там же. Т. 2. С. 302.

¹³⁴ Там же. Т. 3. С. 244.

¹³⁵ Там же. Т. 3. С. 549.

¹³⁶ Там же. Т. 4. С. 5.

баркъ (англ. bark, или голл. bark, или нж.-нем. bark¹³⁷) и *барка* (нем. Barke, или фр. barque, или ит. barca из ср.-лат. barca от греч. βάρης ‘египетское судно, лодка’¹³⁸) и др.

Интересны случаи мены грамматических характеристик заимствованного слова: так, прилагательные по происхождению, лексемы *брюкишиъ*, *лундышиъ* и др. заимствуются в русский как существительные, существительное *ребела* ‘бунтовщики’ (от нем. Rebell ‘бунтовщик’) воспринято как собирательное: А нась в вашей державѣ противъ земского двора надъ моремъ ребела лаилли(!) и каменьемъ шибали... И вы бы от тѣхъ ребелы оборонили, чтобы впередь того не чинили. Ревел. а. 1, 32. 1525 г., заимствование *ганка* (через польск. ganek из нем. Gang ‘коридор, ход’) осмыслено как лексема женского рода, множественное число существительного в языке-источнике *гайдукуъ* (через укр. гайдук, польск. hajduk из венг. hajdú, мн. hajdúk ‘наемные пехотные войска, несущие пограничную службу против турок’¹³⁹) интерпретировано в русском как единственное число и др.

Словообразовательное освоение. В отношении восприятия морфемной структуры заимствованных слов следует отметить два противоположных процесса: суффиксацию и опрощение. При суффиксации часть заимствований, их этимологический исход переоформляется в русский суффикс: например, *рисунок*, *рюмка*, *шанец*, *смальчуга*. Немецкий агентивный суффикс *-er* передается русским *-арь* (*аптекарь*), *-ирь* (*пансырь*), иногда входит без изменений (*кучерь*, *маклерь*, *канцлерь*, *желнерь*)¹⁴⁰. При опрощении (особенно характерно при восприятии заимствований из латинского языка) исконный суффикс, напротив, перестает вычленяться: см. *дрягиль/дрягиль* (возможно, из голл., нж.-нем. Drager ‘носильщик’), *универсаль*, *командорь*, *стерлингъ*.

В старорусском языке активно идет словопроизводство от заимствованных основ европейского происхождения. В целом, для периода XVI–XVII вв. значительно более характерно использование словообразовательных средств родного языка для создания новых слов, чем заимствование; при этом новые лексемы образуются с помощью русских словообразовательных средств как от исконных, так и от заимствованных основ. Большое количество словообразовательных вариантов в языке этого времени (в том числе, и дублетов) не столько связано с освоением заимствований, сколько является типичной чертой лексико-семантической системы русского языка XVI–XVII вв. Иногда производные, зафиксированные ранее производящих, позволяют дать более раннюю датировку вхождения заимствования (см. тезис Г.А. Богатовой об абсолютности факта фиксации и относительности его хронологизирования¹⁴¹): например, *пулька* (1586 г., Кн. расх. Болд. м.) раньше, чем *пуля* (1662 г., Дон. д.), *амный* (РШЭО, 1620 г.) раньше, чем *амна* (Разг. Хеймера, 3, к. XVII в.) и т.п. Большое количество производных – признак освоения заимствований: см. обширное словообразовательное гнездо лексем *грошъ* (*грошевикъ*, *грошевой*), *панъ* (*паненокъ*, *панна*, *панокъ*, *панство*, *панствовати*, *панов*, *панский*).

¹³⁷ Фасмер. Т. 1. С. 127.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 383.

¹⁴⁰ См. также Рейцак А.К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв. С. 18–19.

¹⁴¹ Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 26.

Первыми от заимствованных существительных образовывались относительные производные прилагательные, и поскольку в XVI–XVII вв. заимствуется значительное количество конкретной лексики, в русском языке в этот период существенно возрастает количество относительных (и в меньшей степени притяжательных) прилагательных: фиксируются такие лексемы, как *алебастровый, амный, аптекарский и аптековский, банковый, барочный, генеральный и генеральский, грошевый, гранатный, канальный, карабинный, каразинный, каретный, лимонный и лимоновый, люторский, манерный, мигдальный и мигдальский, монариший, москотильный (москотинный), мосяровый, мушкетный, мяндовый, нотный, оливный, павлиный, пансырный и пансырский, паргаминный, партесный, пастильный, перловый, персонный (парсунный), пистолетный, пистонный, пихтовый, помаранцевый, попугаев, радный и радский, ратушный и ратушский, рейтарный и рейтарский, розмаринный и розмариновый, рокътный и рокъточный, ротный, рыдванный, салатовъ и салатный, салдатов и салдатский, сатынный, сбруйный (сбройный), смольчажный, смущчатый, снурковый, снурный, соймовый, спиртовый (-ой), спичный, стальной, стамедный, стыровый и стырый, столярный и столярский, табачовый, табачный и табацкий, триповый, трипный и трипчатый, фузейный, шалвгъйный, шкилевый и др. В ряде случаев затруднительно однозначно установить, является прилагательное исконным, образованным на базе русского языка, или заимствованным: *сталевоый* (производно от *сталь* или заимствовано из польск. *stałowy*), *помаранчевый* (от *помаранча* или сразу из польск. *potarańczowy*).*

Достаточно активно от существительных образуются уменьшительные дериваты, и это часто не реальная уменьшительность, а разговорные синонимы или образования, имеющие пренебрежительное значение, характерные для этикетного формуляра деловых документов Московского государства: *доломынецъ, канатикъ, карабиньшико, ленточка, клеемцо, коронка, пансыришко, персонка, пулька, пунька, саянецъ, снурокъ, снурочекъ, спенекъ, спенецъ, стамедишко, хляжечка, штучка*. В редких случаях русский уменьшительный суффикс добавлен к заимствованной основе, но сама основа без него не используется, слово существует только в суффиксальном оформлении и не воспринимается как производное уменьшительное: например, *гротикъ* (ср. польск. *grot* ‘острие, наконечник’) ‘металлический наконечник древка знамени’: Знамя гусарское ветхое зъ древкомъ без гротика. Пск. писц. кн. II, 264. 1699 г.

Приставочные образования от заимствованных основ фиксируются реже: *поаспидити* (Д. Шакловит.), *повахривати* (Сим. Послов. XVII в.), *подишурупный* (Жн. описн. Кир.-Б. м. 1668 г.), *полатынитити* (Ст. сп. Елчина. 1640 г.). Зафиксировано большое количество производных от заимствованных основ (часто от названий мер и тканей) лексем с первым элементом *пол-/полу-*: *полгранатъ, полдукиты, полдужины (полдюжины), полуефимок и пол-ефимка, полкерби, полкипы, полкрыжа, полкуля, поллитры, полласта, полталера, полтакта, полубрюкишь, полукармазинъ, полуперець, полупика и полпики, полупистоля, полукарета, полукаретье, полфарты, полфартки, полфунта, полушарлатъ* и др. Семантика таких образований – указание на меньший размер (*полупика и полпики, полупистоля, полукарета*), половинное достоинство (*полдукиты, полталера, полдюжины*), худшее качество (*полгранатъ* ‘сукно, уступающее по качеству выделки или интенсивности цвета сукну гранат’), добавочность (*полкрыжа* ‘в древнерусской певческой нотации – название добавочного знака в виде небольшого

креста, указывающего на понижение высоты звука'). Эти лексемы в свою очередь могут выступать в качестве производящих основ: *полукармазинный, полукармазиновый, полуфунтовый, полукаретка, полукаретье, полупичный* и др.

От ряда конкретных существительных образуются обозначения действующих лиц (как правило, мастеров, изготавливающих соответствующие предметы или работающих с ними): *протазаниць, алебардиць, гранатчикъ, металиць, москотильщикъ, муштучникъ, стульник*, а также *пансырникъ (пансырнишникъ)* 'воин, одетый в панцирь', *табачникъ* и *табатчикъ* 'торговец табаком', *орацейщикъ* 'тот, кто произносит речи'. Образуются и обозначения неодушевленных предметов: *грошевикъ* 'то же, что грош', *персонникъ* 'книга, содержащая портреты государственных деятелей', *пихтовникъ* 'пихтовый лес', *столярня* 'мастерская', *табакерка* 'коробочка для табака', *лимонник* 'чаша для фруктов', *гусарка, салдатка* 'виды шуб' (Шуба гусарка цена сорок алтынъ. Товар. цен. роспись, 92 об. 1687 г., 10 шуб овчинных салдаток. Там. кн. II, 437. 1652 г.).

Семантическое освоение. Заимствуемая конкретная лексика в основном сохраняет семантику языка-источника, как и лексика, обозначающая должности и чины в иностранных государствах и армиях. В некоторых случаях происходило уточнение и частичное изменение значений: лексема *ганка* развивает значение 'столбик' (в языке-источнике известно со значением 'коридор, ход'), лексема *факторъ* была заимствована в старорусский язык со значением 'поверенный в делах, руководитель торговли' (Котош., ДАИ, РШЭО).

Основной результат семантического освоения заимствований – развитие полисемии (образование метафорических и метонимических значений). Более частотны метонимические переносы (общая языковая универсалия): например, у лексемы *противень*, заимствованной из немецкого с семантикой 'сковорода для выварки соли' закономерно образуется метонимическое значение 'емкость соответствующего размера', откуда далее 'пошлина с соляных варниц'; у лексемы *рецептъ* образуется метонимическое значение 'лекарства' (Досифей дал лекарю Данилы на рецепта рубль шесть алтын 4 де(нги) от своей немощи. Кн. Ивер. м., 2. 1668 г.). При метонимическом переносе может происходить мена лексико-грамматических характеристик: у лексемы *аптека* метонимическое значение образуется от невещественного ('заведение, где изготавливают и продают лекарства, оказывают врачебную помощь') к вещественному ('коробка с набором лекарств': А по моему сироты твоего осмотра въ той оптеке многие склянецы побиты. Сл. Ворон., 31. 1697 г.), а в семантической эволюции лексемы *буда* (через польск. *buda*, чеш. *bouda* из ср.-в.-нем. *buode*, нов.-в.-нем. *bude* 'шалаш, палатка') наблюдается обратное направление развития значений: 'легкая постройка, плетеный шалаш' (Буда – хижина из ветвей. Джемс, 73. 1619 г.), откуда далее значение 'поселение' (Тот Володимир [Васильев сын Небольсин]... без твоево гсдрва указу литовския дрвни и буды грабил и жог. Южн. челобитные, 18. 1622 г.) и специализированная семантика 'смолокуренное, поташное или селитряное заведение, производство' (Буды учинены въ тѣхъ же в-ыныхъ царскихъ лѣсахъ, на откупу. Котош., 120. 1667 г.), откуда и производные *будникъ, будное дело, будный станъ*.

Один из признаков семантического освоения заимствования – использование его в качестве прозвища: Генеральной есаул Матвей Гвинтовка. РД II-2, 122. 1670 г., во дв.

Гришка Ондреев сын прозвище Драгун. Сл. Каз. 2-2, 70. 1646 г., Кондрашка Дрягиль. Сл. Смол., 79. 1610 г.

Освоенные иноязычные лексемы и производные из них включаются в состав устойчивых оборотов: *в спрятть быть* ‘быть припрятанным, спрятанным’ (ср. блр. спрат ‘тайник’, польск. spręć ‘имущество’), *Аптекарский приказ* ‘управление, ведающее лечебными делами’, *будное дело* ‘смолокуренное, поташное или селитряное производство’, *Мещанская слобода* ‘слобода в Москве за Земляным валом, где жили выходцы из западнорусских и польско-литовских городов’, *на миндальное дело* ‘способ огранки пуговиц в виде удлинённых овальных выпуклостей, похожих по форме на орехи миндаля’, *нотное знамя* ‘нотная (линейная) система записи музыкальных произведений’, *пара платья* ‘костюм’, *реестровые казаки* ‘казаки, числящиеся в списке казачьего войска и получающие жалование’, *солдатские деньги*, *солдатские кормы* ‘сбор с населения на содержание солдат’. В некоторых случаях можно говорить о заимствовании устойчивого сочетания целиком (*носить на себе чью-л. персону* ‘представлять кого-л.’ (ст.польск. nosić jaką osobę nasobie), *галка мушкатная* (*мушкатовая*) ‘мускатный орех’ (польск. Gałka muszkatołowa)), хотя в целом заимствование не являлось характерным путем обогащения фразеологического фонда старорусского языка.

Отличительной чертой лексико-семантической системы старорусского языка является практически полное отсутствие экстраполяции понятий, обозначаемых заимствованными словами, на русскую действительность, в отличие, например, от ситуации языка Петровской эпохи. Так, лексема *адмираль* (*аммараль*, *амараль*) обозначала высший военно-морской чин и человека, его носящего, только в европейских государствах: Был у послов от короля Петр Баг, аммарал... да пристав Ирик Гоконов. Ст. сп. Воронцова, 40. 1586 г., слово *губернаторь* обозначало правителя города исключительно в европейских странах: И грамоты де отъ королевы во всё свѣйские города розосланы, чтобы изо всёхъ городовъ генералы и губернаторы и иные начальные люди ъхали к еѣ, королевину, корунованью в Стеколну. Россия и Швеция, 294. 1650 г., лексема *инженеръ* в XVII в. обозначала только иностранного технического специалиста, а слово *секретарь* (также *секретариусъ*, *цекретариусъ*) – только должностное лицо в дипломатическом ведомстве Речи Посполитой и т.п.

Для языка Московской Руси, напротив, характерна ситуация, когда русские названия используются для обозначения европейских реалий: см., например, *грамота* ‘об официальном документе иностранных государств’ (Пришел к Федору и к Неудаче пристав алдраман Барн и сказал: Пришла де ко мне от королевны грамота; а велено вам сказати, что вам быти у королевны на Егорьев день вешней (Ст. сп. Писемского, 130. 1583 г.), Листы или грамоты, Königl. oder sonsten andrer Hohe brieffe. Тронх. разг., 82, к. XVII в.); *голова* ‘о гражданском или военном должностном лице в других странах’ (Июня въ 11 день были у государя, въ Золотой полатѣ, нѣмцы, рейтарские головы. Выходы ц. в. к., 17. 1633 г.), *бояринь* ‘о сановнике при дворе европейских государей и восточных правителей’ (И того ж часу в столовой полате пришел к послом к Ивану к Михайловичю с товарищи королевской боярин большой Петр Брагде. Ст. сп. Воронцова, 11. 1586 г., И до моево приѣзду прислалъ къ твоимъ государевымъ воеводамъ и къ дьякомъ юрьевской болшой бояринь Яганъ Шкутъ объ томъ моемъ малцы два листа. Пск. писц. кн. II, 33. 1631 г.). Анализируя язык статейных списков послов, А.С. Щекин

подчеркивает, что чаще всего при обозначении титулов и должностей, существующих в странах Западной Европы, русские дипломаты стараются использовать соответствия, принятые в русской общественно-политической терминологии того времени: например, должностное лицо, управляющее городом или областью, обозначается словом *воевода* (Ст. сп. Кондырева) или *державец* (Ст. сп. Потемкина), по отношению к министрам и советникам европейских монархов употребляются термины *боярин* или *большой боярин* (Ст. сп. Воронцова, Ст. сп. Микулина), *ближний человек* (Ст. сп. Кондырева), *думный дьяк* (Ст. сп. Писемского), представители феодальной аристократии повсеместно именуются *удельными князьями*¹⁴². В этом смысле интересен в качестве обратного сопоставления (характерного как раз для последующих эпох) пример использования А. Курбским слова *сенат* применительно к Боярской думе: собирает [Иван Грозный] соборище, не токмо весь сенат свои мирские, но и духовных всех. Курб., 103.

Незнакомые конкретные предметы часто характеризуются описательно, заимствования не происходит. Е.М. Иссерлин приводит примеры с описанием русскими путешественниками той поры фонтанов (при отсутствии соответствующего явления в Московской Руси): «Ф.А. Котов, говоря в 1624 г. о персидском городе Испогане, славившемся своими фонтанами, пишет об этом так: промеж тех же садов зделана большая ердань каменная, стоит полна воды, а середь ердани поставлена труба медная стоячая, и ис той трубы бьет вверх ис под земли выше человека (Хожд. Кот., 99). П.И. Потемкин, возглавлявший в 1667 г. русское посольство во Францию, видел в королевском саду *воды взводные розными образцы* (Ст. сп. Потемкина, 295)». В переводах с польского книги С. Старовольского «Двор турецкого султана» слово *фонтань* используется только в двух из шести переводов и с пояснениями *фонтан сиречь колодезь*, в других переводах даются русские соответствия, причем очень приблизительные, условные (*источникъ, колодезь, вода*)¹⁴³.

Характерная семантическая операция при заимствовании – расширение или сужение значения. Так, заимствованная, очевидно, из польского лексема *сбруя* (*сброя*) (изначально ‘доспехи, вооружение’), осваиваясь русским языком, получает новые значения: с одной стороны, происходит сужение семантики – ‘предметы для седлания лошади, упряжка’, с другой, расширение – ‘предметы, необходимые для чего-либо, снаряжение’: *мельничная збруя* (А. Свир. м.). Однако при расширении значения заимствованных лексем семантика очень редко распространяется на явления, известные в русской действительности или не связанные с территориальной приуроченностью. См. немногочисленные примеры: *сенаторъ* ‘член верховного правящего совета западноевропейских стран, сената’ (И подчашье Радивиль и гетманъ и сонатори всѣ на корол шумѣли, что онъ с Московскимъ государствомъ войну всчалъ. АМГ I, 123. 1614 г.) и ‘советник правителя, приближенный, боярин’ (донесе ближним сенаторам царским. Пов. о Савве Грудц., 305. XVII в.); хорошо освоенное заимствование из польского *пань*, изначально имеющее значение ‘вельможа, дворянин, человек, принадлежащий к привилегированному сословию в Польско-Литовском государстве’, с расширительной

¹⁴² Шекин А.С. Обозначения западноевропейских титулов и должностей в статейных списках русских посольств в Европу XVI–XVII веков. С. 386.

¹⁴³ Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка XVII века. С. 60.

семантикой - 'о поляках и выходцах из Польши или западнорусских земель' и только в поговорке со значением 'барин, помещик, хозяин' (Хрестьянинъ пьянь то сам себѣ пань. Сим. Послов., 200. XVII – н. XVIII вв.).

Существенную роль в развитии семантической системы русского языка сыграли полонизмы. Г. Милейковская выдвигает тезис о том, что заимствование из близкородственных языков было очень важным в этот период, т.к. появление полонизмов семантически обогащало языки расширяло семантическую структуру слова (см. развитие значений слов *довольный, невзгода, розуметь, жадати, лист, тратити* и др.)¹⁴⁴.

Судьба европейзов XVI–XVII вв. в русском языке

Дальнейшая судьба слов, усвоенных старорусским языком из европейских языков или через их посредство, различна:

1) Некоторые слова активно осваиваются русским языком и прочно входят в словарный состав, соответственно, временем их вхождения в русский язык считается этап языка Московской Руси: *сталь, алебарда, капитан, салдат* и др.

2) Другие слова являются исключительно принадлежностью языка Московского периода, утрачиваясь языком впоследствии, и список этих слов немал. Дж. Томас пишет, что из приблизительно ста слов ср.-нж.-нем. происхождения 34 больше не употребляются, выходя из употребления в XVII веке: «здесь хорошо представлены устарелые предметы средневековой торговли (например, вина *мармазея, бастр, кларет, романея*, сукна *еренга, ипскои* и т.д.), средневековые должности, например, *местерь, скаферъ* и меры (например, *лобец, бекаръ*)»¹⁴⁵.

3) Ряд слов впоследствии заимствуется заново, часто и в другом фонетическом и морфологическом облике: *шнур, мушкат, штурман, маршал*, иногда кардинально меняется семантика слова: так, лексемы *фактор, принцип, универсал* в языке Московской Руси были одушевленными существительными, обозначая людей.

Выводы. Специфика процесса заимствования лексики европейского происхождения в старорусский язык

Период XVI–XVII вв. – начало активного взаимодействия русского языка с европейскими языками. Предпосылкой появления значительного (по сравнению с предыдущим периодом) количества европейских заимствований в русском языке была соответствующая политическая, экономическая и культурная ситуация – начало диалога с Западом. Основными причинами лексического заимствования в этот период являются потребность описать входившие в жизнь незнакомые (нерусские) реалии или явления в связи с усилившимися военными, торговыми, культурными, бытовыми контактами России с европейским Западом и необходимость описания жизни за рубежом, устройства иноземных армий и иностранных государств. Европейские заимствования проникали в русский язык устным (из речи купцов, иностранных специалистов, русских людей, побывавших за рубежом) и книжным (за счет переводной литературы и литературы на иностранных языках) путями.

¹⁴⁴ Милейковская Г. Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVII веков. С. 148.

¹⁴⁵ Thomas G. Средненижненемецкие заимствования в русском языке... Р. 58.

Памятники старорусского языка неодинаковы в отношении включения заимствований. Применительно к переводным источникам и к источникам, в отношении которых ограничительными факторами выступают тип и тематика текста, территориальный фактор, авторство текста, актуальна проблема узуальности лексемы при единичной фиксации или фиксации только в этом типе текстов.

В языке периода Московской Руси преобладают собственно лексические заимствования. Заимствуется тематически достаточно ограниченный круг лексики: в первую очередь конкретная лексика (номенклатурные названия различных предметов: тканей, специй, вин, предметов одежды, посуды и др.), также военная лексика и лексика, называющая зарубежные реалии (обозначения различных чинов, званий, должностей).

С точки зрения происхождения, европеизмы (в широком смысле) можно разделить на: а) прямые заимствования из европейских языков, б) заимствования из европейских языков, проникавшие в русский язык через посредство других европейских языков (преимущественно немецкого, польского и языков, распространённых на Юго-Западе Руси), в) заимствования не из европейских (в частности, из восточных) языков, проникавшие в русский язык посредством европейских языков. Важной особенностью этого периода истории русского языка является опосредованный характер большинства заимствований (через польский или языки Юго-Западной Руси). Заимствуются преимущественно существительные, в меньшей степени глаголы (характерный признак – суффикс *-ова*).

Заимствованная лексика закономерно подвергается процессам ассимиляции, при этом отличительная особенность фонетической ассимиляции заимствований этого периода – близость к языку-источнику. При освоении наблюдается значительное фонетическое варьирование, в области морфологии – в первую очередь, варьирование по роду, однако вариантность заимствований не является бесспорным доказательством неассимилированности слова, т.к. вариантность типична для лексико-семантической системы русского языка этого периода. Все заимствования включаются в морфологическую систему старорусского языка, от заимствованных основ активно образуются производные.

Заимствуемая конкретная лексика, в основном, сохраняет семантику языка-источника, основной результат семантического освоения заимствований – развитие полисемии. Характерная особенность лексико-семантической системы старорусского языка: заимствования, обозначающие реалии иностранной жизни, практически не применяются для обозначения русских реалий, заимствуемая лексика почти не вступает в синонимические отношения с исконной (ср. обратная ситуация в языке петровского времени). Для обозначения европейских реалий чаще используются русские соответствия или описательные объяснения, чем заимствования.

В последующий период истории русского языка некоторые европейские заимствования XVI–XVII вв. активно осваиваются русским языком и прочно входят в словарный состав, другие – остаются исключительно принадлежностью языка Московского периода, утрачиваясь языком впоследствии, третьи – заимствуются заново, часто и в другом фонетическом и морфологическом облике, с другим значением.

Таким образом, непере译ные памятники старорусского языка демонстрируют начало активного проникновения в русский язык заимствований европейского проис-

хождения, и процесс этот носит своеобразный характер, будучи осложнен сильной языковой вариативностью на всех уровнях, охватывая далеко не все тематические группы лексики и демонстрируя близость заимствований к языку-источнику, а также частый опосредованный характер заимствований и определенную семантическую замкнутость европейской заимствованной лексики. Создание словаря европейских заимствований донационального периода, безусловно, способствовало бы системному изучению этого важнейшего вопроса истории русского языка.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ

- А. земск. торг. д. – Акты о псковских земских и торговых делах, взимании питейных сборов // Дополнения к Актам историческим. Т. V. СПб., 1853.
- АИ II – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I–V. СПб., 1841–1842.
- А. Кунг. – Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.) / Изд. А.Г. Кузнецов. СПб., 1888.
- АМГ I – Акты Московского государства. Т. I / Под ред. Н.А. Попова; Т. III / Под ред. Д.Н. Самоковасова. СПб., 1890.
- Аноним. разг. – «Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert / Hrsg. von A. Falowski. Köln; Weimar; Wien. 1994.
- Арх. Толстого – Собрание актов XVII–XVIII вв. Ф.А. Толстого (Хранится в Ленинградском отделении Института истории (ЛОИИ), к. 133, № 1-217).
- А.Свир. м. – Акты Александра Свирского монастыря XVII в. (Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН). Ф. 3. Оп. 1).
- АФЗХ II – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л.В. Черепнин, А.А. Зимин. Ч. II. М., 1956.
- АХУ III – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. I. СПб., 1890; Ч. II. 1894; Ч. III. 1908 // Русская историческая библиотека. ТТ. 12, 14, 25).
- В-К I – Вести-Куранты 1600–1639 гг. / Изд. подг. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина / Под ред. С.И. Коткова. М., 1972.
- В-К III – Вести-Куранты 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подг. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов / Под ред. С.И. Коткова. М., 1980.
- В К IV – Вести-Куранты 1648–1650 гг. / Изд. подг. В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина / Под ред. С.И. Коткова. М., 1983.
- Вкл. Ант. – *Изюмов А.Ф.* Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1576-1694 (7084-7202) гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1917. Кн. 2. Отд. 1. С. 1-79.
- Вкл. кн. ТСМ – Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подготовили Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987.
- Выходы ц. в. к. – Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси самодержцев (1632–1682 гг.) / Сообщ. П.М. Строев. М., 1844.
- ДАИ II–XII – Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. 2–12. СПб., 1846-1875.
- Джемс – *Ларин Б.А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) / Перев., исслед. и коммент. Б.А. Ларина // *Ларин Б.А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.
- Дм. – Домострой / Изд. подг. В.В. Колесов и В.В. Рождественская. СПб., 1994.
- Дон. д. – Донские дела. Кн. 5. СПб., 1917.
- Д. Шакловит. II – Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках / Издание Археографической комиссии. Т. 1. 1884.
- Заб. Дом. быт. I – *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. М., 1895.
- Кн. описн. Кир.-Б. м. – *Савваитов П.И.* Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря. По описным книгам 1668 г. СПб., 1851.
- Кн. расх. Болд. м. – Книга расходная Болдин Троицкого Дорогобужского Болдина монастыря 1585–1586 гг. // Русская историческая библиотека. Т. II. СПб., 1875. С. 290-313.

- Кн. расх. Ивер.м. – Книга расходная Иверского Валдайского монастыря Новгородского подворья стряпчего Петра Маркова 1668 г. (Рукоп. Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ), ф. 181, оп. 2, л. 43).
- Косм. – Книга глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. Издание Общества любителей древней письменности. СПб., 1878–1881.
- Котош. – *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича: 2-е изд. СПб., 1859.
- Курб. – *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1913.
- МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М., 1968.
- Московит. – Парижский словарь Московитов 1586 г. / Перев., исслед. и коммент. Б.А. Ларина // *Ларин Б.А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.
- Опис. Холмог. ц. – Описание церкви св. апостола Якова, находящейся при Холмогорском архиерейском доме, 1696 г. (Рукоп. Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ), к. 1, л. 94).
- Пам. южн. в.-р. нар. – Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI – начало XVII в. / Изд. подг. С.И. Котков, Н.С. Коткова / Под ред. С.И. Коткова. М., 1990.
- Письм. Ал. Мих. – Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П.И. Бартенева. М., 1856.
- Плат. Бор. Год. – Платье царя Бориса Федоровича Годунова // Описание старинных царских утварей ... П.И. Савваитова. С. 11-21.
- Пов. о Савве Грудц. – Повесть о Савве Грудцыне. // Русская повесть XVII века. Подг. текстов В.П. Адриановой-Перетц. Сост. М.О. Скрипиль. М., 1954.
- Польск. д. III – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III // Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892.
- Посл. Ив. Грозного – Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье / Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.
- Пох. журн. – Походный журнал 1698 г. СПб., 1853.
- Пск. писц. кн. II – Псков и его пригороды. Кн. II // Сборник Московского архива министерства юстиции. Т. VI. М., 1914.
- Пут. Толстого – Путешествие стольника П.А. Толстого 1697–1699 г. // Русский архив. 1888. Кн. 1, 2.
- Проск. Арс. К. – Проскнитарий Арсения Суханова / Под. ред. Н.И. Ивановского // Православный палестинский сборник. Т. 7. Вып. 3 (21). СПб., 1889.
- Разг. Фенне – *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / Ed. by L.L. Hammerich and R. Jakobson. Vol. II: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.*
- Разг. Хеймера – *Günther E. Das niederdeutsch-russische Sprachbuch von Johannes von Heemer aus dem Jahre 1696. Frankfurt am Main, 2002.*
- РД II-2 – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. II. Ч. 2. М., 1959.
- Ревел. а. – Русские акты Ревельского городского архива / Под ред. А. Барсукова // Русская историческая библиотека. Т. 15. СПб., 1894.
- Россия и Восток (Инд.) – *Вафин Б.Д., Галиуллин К.Р.* Россия и Восток. Словарь языка документов по русско-индийским отношениям XVII века. Конкорданс. Обратный словоформоуказатель. Частотный словоформоуказатель. Казань, 2012.
- Россия и Швеция – *Якубов К.* Россия и Швеция в 1-й половине XVII в. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1898. Кн. 1. Отд. 1.
- РШЭО – Русско-шведские экономические отношения в XVII в. / Отв. ред. М.П. Вяткин, И.Н. Фирсов. М.; Л., 1960.
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813–1894.
- Сим. Посл. – Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симоны // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. 66. № 7. СПб., 1899.
- Сл. Ворон. – *Хитрова В.И.* Русская историческая и диалектная лексикология: Материалы к практическим занятиям по истории русского литературного языка и русской диалектологии. (А–Ж). М., 1987.
- Сл. Перм. – *Полякова Е.Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. Т. I: А–О. Пермь, 2010; Т. II: П–Я. Пермь, 2010.

- Сл. Смол. – Региональный исторический словарь 2-й половины XVI–XVIII в.: по памятникам письменности Смоленского края / Отв. ред. Е.Н. Борисова. Смоленск, 2000.
- Ст. печ. пр. – Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: Столпцы печатного приказа / Под ред. Л.М. Сухотина // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1915. Кн. 4. Отд. 1 и 2. Приложение.
- Ст. сп. Воронцова – Статейный список И.М. Воронцова // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 7–62.
- Ст. сп. Елчина – Статейный список Ф.Е. Елчина // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 206–226.
- Ст. сп. Кондырева – Статейный список И.Г. Кондырева и М. Неверова 1615–1616 гг. / Публ. Т.А. Лаптевой // Исторический архив. 1996. № 1. С. 172–203.
- Ст. сп. Микулина – Статейный список Г.И. Микулина // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 156–205.
- Ст. сп. Новосильцева – Статейный список И.П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 63–99.
- Ст. сп. Писемского – Статейный список Ф.А. Писемского // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 100–155.
- Ст. сп. Потемкина – Статейный список П.И. Потемкина // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 227–315.
- Там. кн. II – Таможенные книги Московского государства XVII в. Т. II. М.; Л., 1951.
- Товар. цен. роспись – *Городилова Л.М.* Список с заручной товарной ценовой росписи 1687 г. // *Palaeoslavica*. 2008. XVI. № 2. С. 129–154.
- Торг. кн. (С) – Торговая книга / Предисл. И.И. Сахарова. // Зап. Отд. рус. и слав. археологии Археолог. об-ва. Т. 1. Отд. 3. СПб., 1851.
- Тронх. разг. – The Trondheim russian-german MS vocabulary / Ed. by S.S. Lunden. Oslo; Bergen; Trömsö. 1972.
- Хожд. Кот. – Хожение купца Федота Котова в Персию в 1624 г. / Публ. Н.А. Кузнецовой. М. 1958.
- Южн. тамож. кн. – Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Изд. подг. С.И. Котков, Н.С. Коткова. М., 1982.
- Южн. челобитные – Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / Изд. подг. С.И. Котков, Н.С. Коткова, Т.Ф. Ващенко, В.Г. Демьянова. М., 1993.
- Якут. а. – Якутские акты 1638–1647 гг. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН) Ф. 160. Оп. 1. Карт. 1–7.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

австр. – австрийский	польск. – польский
араб. – арабский	порт. – португальский
англ. – английский	ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий
венг. – венгерский	ср.-лат. – среднелатинский
голл. – голландский	ср.-нж.-нем. – средненижненемецкий
греч. – греческий	ст. блр. – старобелорусский
дат. – датский	ст. нем. – старонемецкий
др.-исл. – древнеисландский	ст. польск. – старопольский
др.-шв. – древнешведский	ст. укр. – староукраинский
исп. – испанский	ст. фр. – старофранцузский
ит. – итальянский	тур. – турецкий
лат. – латинский	укр. – украинский
нем. – немецкий	чеш. – чешский
нж.-нем. – нижненемецкий	шв. – шведский
нов.-в.-нем. – нововверхненемецкий	фр. – французский

И. Г. ДОБРОДОМОВ

Москва, Россия

К изучению тюркского лексического вклада в русском языке (итоги и перспективы)

Вклад тюркских языков в лексику славянских языков остаётся недостаточно изученным, хотя выяснение этого вклада в русской лексикологии имеет солидный возраст почти в четыре века и сведения об этом содержатся уже в памятниках русской лексикографии XVII века.

Например, в Азбуковнике 20–30-х гг. XVII века «Кни́га глѣмая алфави́тъ содержа́щая в себѣ толковáние неудоб<ь> разумеваемых речеи, иже обрѣтаются во стѣх книгах словѣн'скаго язѣка, иностранными глãнии положены» (список РНБ, О.XVI.1)¹ над гнездовыми словами в некоторых случаях указывается на их татарское или турецкое происхождение пометами *та* или *тур* (в примерах эти пометы поданы в скобках между толкуемыми словами и толкованиями):

абысь (та) попь (143); *аскакъ* (та) хромецъ (147; в списке ГИМ Увар. 311 правильно: *аксакъ*); *балъ* (та) медь (160); *бесерменская*, татарская, иже в маамеѡа веруют (163); *сул'тан* (тур) *цър* (252); *дербыш* (тур) игумень (253); *сеиты* (тур) влдкы сирѣчь обладатели земли (253); *талымшаны* (тур) попы (263); *татикъ* (тур) купчина, или гость силныи (263: должно быть *тезикъ?*); *темир* (та) желѣзо (264); но *темиръ аксакъ* – желѣзныи хромецъ (263) не имеет никаких помет.

Подаются в этом Азбуковнике также сведения по исторической этнографии тюркских и других народов в рамках представлений того времени: *готѡы*, скиѡская татарове, *иж живут* во странѣ сѣвернеи, нарицаемеи внутреняя вѡрвария сирииская, а пошли готѡы *от татар*, а инде пишет(ся), яко пошли готѡы *от нѣмецъ* (272)²; *козары*, скиѡская татáрове (207); *кумани*, русъ тако нарицашеся древле (207).

Часто этимологические справки о словах тюркского происхождения содержит незаконченный «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской»³ энциклопедически образованного учёного В.Н. Татищева (1686–1750):

«**Алтын**, деньги руские, 3 копейки, деланы серебряны. А понеже алты слово татарское, значит шесть, ибо в ней 6 денег, или персичкое червонной, что его императорскому величеству Петру Великому весьма мерским явилось, понеже чрез такие татарские слова всегда делают о власти оных над Россией воспоминание, и для того запретил оное в числении употреблять и манеты <sic!> оные делать, а повелел числить копейками, гривнами и рублями и монеты оные переделаны» (161).

«**Анбар**, тат. хранилище, франц. магазейн. Строение, где кладутся весчи для хранения» (162).

¹ Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв. (Старшая разновидность). Л., 1989. С. 136–282. Цифры в скобках обозначают страницы издания.

² Эти сведения важны для выяснения вопроса о *готских девах* в «Слове о полку Игореве».

³ Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Сочинённый господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Ч. 1: А–В. СПб., 1793. 311 с.

«**Артель**, татарское, словенски лик, лат. компания, сарматское ватага» (167).

«**Аул**, татарское, деревня или поселение. Они тако имянуют владение мурз, что у калмыков зовется аймак. И всякий аул кочуют совокупно, сколько в котором кибиток есть» (272).

Эпизодические заметки по этимологии отдельных русских слов тюркского происхождения рассеяны в довольно обширной русской литературе XVIII века. Иногда такие высказывания появляются в связи с борьбой против злоупотребления иностранными словами в русской речи:

«Странны чужия слова в разговорах, в письме еще страннее, а в печати и того страннее. Что скажет потомство! предки наши несколько Татарских слов присвоили нашему языку, из которых мы уже некоторых не в силах выгнать, напр. *Казань*, *кафтан* и пр., а в гораздо прежние времена вместо *конь*, присвоено слово *лошадь*, от *алаши* и *ат*, *мерин*, и хотя *мерин* по-немецки от древняго скифского языка называется Wallach; однако мы не от древних скифов, но от новых татар приняв слово Лошадь, Коня в нее преобразили; ибо в славенских наших книгах Конь Лошадью нигде не называется»⁴.

Эти суждения обычно мало аргументированы, а иногда даже ошибочны, но в некоторых случаях они дожили до конца XX века. Изъять их из обширной литературы довольно трудно, как это имело место со словом *лошадь*, которое и сейчас относят к тюркизмам, несмотря на наличие работы, где доказано исконное русское происхождение этого слова⁵. Слово *лошадь* на самом деле образовано от диалектного сейчас прилагательного *лоший* 'плохой' по модели с суффиксом *-адь* (ср. *чернядь*, *пестрядь* и т. п.) и обозначало хозяйственную *лошадь* в отличие от боевого *коня*.

В начале XIX века русская учёная публика активно обсуждала вопрос о тюркском вкладе в русский язык, особенно обращая внимание на влияние татарского ига на Русь, что рассмотрено в связи с участием А.С. Пушкина в обсуждении этого вопроса⁶.

В имеющейся литературе по изучению тюркизмов часто содержатся противоречия, которые желательно устранить. Например, И. Могильницкий (Могилевский) высоко оценивает соображения Н.М. Карамзина, «который явственно доказал, что владычество Татаръ въ Россіи не оставило важныхъ слѣдовъ ни въ обычаяхъ народныхъ, ни въ законодательствѣ, ни въ домашнемъ быту, ни въ языкѣ» (со ссылкой на польское издание книги историка: *Исторія государства Рос. Государ.* т. V, стр. 854)⁷. А Н.Н. Поппемладший утверждает, что Н.М. Карамзина «did not even mention the impact of Turkic (Tatar) on Russian vocabulary»⁸.

Во второй половине XIX века изучение тюркского вклада в русский язык ожилилось и в 1852 г. в связи с выходом «Опыта областного великорусского словаря» ознаменовалось фронтальным анализом восточной лексики последнего, осуществлён-

⁴ *Сумароков А.П.* О истреблении чужих слов из русского языка / Полное собрание сочинений в стихах и прозе Александра Петровича Сумарокова. М., 1781. Т. IX. С. 276.

⁵ *Добродомов И.Г.* Слово *лошадь* в этимологическом аспекте // *Русский язык в школе.* 1994. № 1. С. 90–92.

⁶ *Добродомов И.Г.* А.С. Пушкин о тюркизмах и словарь тюркизмов у А.С. Пушкина // Кирилло-Мефодиевские чтения в Магадане. Магадан, 2013. С. 13–28.

⁷ О русском языке. Сочинение Иоанна Могилевского, Каноника, Кустоша Перемышльского Грекоунитатского собора... // Оттиск из Журнала Министерства народного просвещения. Т. XVII. 1838. № 1. С. 34.

⁸ *Poppe Jr. N.* *Studies of Turkic Loan Words in Russian.* Wiesbaden, 1971. P. 1.

ным ведущими русскими востоковедами на страницах «Известий по Второму отделению имп. Академии наук» (1852–1854). Эти разыскания были опубликованы в «Прибавлениях к Известиям имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности»⁹.

Именно с «Материалов для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского и других славянских наречий» начинается свой обзор Н.Н. Поппе-младший в компактной книге «Исследования тюркских заимствований в русском языке»¹⁰, но из этого источника выбраны для анализа лишь труды В.В. Григорьева (около 200 слов), А.К. Казембека (около 225 слов), П.Я. Петрова (около 150 слов) и И.Н. Березина (около 350 слов)¹¹, но оставлены в стороне словарики О.М. Ковалевского, А.М. Шёнгрена и А.А. Бобровникова.

Более подробно Н.Н. Поппе-младший останавливается на анализе работ Фр. Миклошича и Н.К. Дмитриева, а также этимологических словарей и дискуссии о восточных элементах в «Слове о полку Игореве», которая длится уже более столетия и ознаменовалась появлением двух монографических исследований «Слова о полку Игореве» с востоковедческой точки зрения¹².

Возникают региональные словари с большим вниманием к тюркизмам, привязанным к отдельным территориям и русским диалектам, а также к местным разновидностям литературного языка¹³.

В разных местах выходят словарики тюркских и других слов из местных языков народов СССР и России в переводной и местной русскоязычной литературе¹⁴.

Плодом активных исследований 60–70-х гг. XX века тюркских заимствований в русском языке явился вышедший в Москве в 1974 г. академический сборник «Тюркизмы в восточнославянских языках»¹⁵.

⁹ Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского и других славянских наречий.

¹⁰ *Poppe Jr. N. Studies of Turkic Loan Words in Russian.* Wiesbaden, 1971. X, 70 p. (Asiatische Forschungen, Bd. 34). См. отклики И.Г. Добродомова (Советская тюркология. 1974. № 5. С. 72–75), М. Адамовича (Indogermanische Forschungen. 80. 1975. S. 180–184), К.Г. Менгеса (Central Asiatic Journal. 20. 3. 1976. P. 222–223).

¹¹ Правда, в «Библиографическом указателе литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год» (Вып. II. М., 1954. С. 475, 483, 489, 473) указываются другие числа: Григорьев – ок. 200, Казембек – ок. 200, Петров – ок. 300, Березин – ок. 600 слов.

¹² *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979; *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

¹³ *Зелинский С.П.* Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1889. [2], VIII, 167 с.; *Миртов А.В.* Лексические заимствования в современном русском языке из национальных языков Средней Азии. Ташкент; Самарканд, 1941. 75 с. (на обложке: Лексические заимствования в русском языке в Средней Азии).

¹⁴ *Шеломенцева З.С.* Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе, 1971. 136 с.; *Гальченко И.Е.* Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975. 200 с.; *Аюпова Л.Л.* Лексика народов Башкортостана в русской речи. Уфа, 1994. 146 с.; *Тихонова Э.В.* Узбекская лексика в произведениях русских писателей Узбекистана. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1970; *Каташова А.Я.* Тюркизмы в языке города // Живая речь уральского города: Сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 104–110; *Исмагилова Н.В.* Тюркизмы в устной речи жителей г. Уфы // Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 88–90 и др.

¹⁵ Тюркизмы в восточнославянских языках. М.: Наука, 1974. 300 с.

В 1976 г. в Алма-Ате вышла книга Е.Н. Шиповой «Словарь тюркизмов в русском языке», где был собран известный на то время лексический материал тюркского происхождения в русском языке, его диалектах и памятниках письменности¹⁶. Чуть позже появилась библиография о тюркизмах в восточнославянских языках, в которой собрана обширная литература по изучению лексики тюркского происхождения¹⁷.

Постепенно в изучении тюркизмов русского языка возникал и закреплялся интерес к ономастическим разысканиям в области топонимики, этнонимики, антропонимики, которые до сих пор отстают от исследований нарицательной лексики и требуют более интенсивной разработки материала и его обобщения путём сведения разобшённых пока ещё сведений об отдельных словах.

Обычно многочисленные краткие замечания, касающиеся происхождения тюркских топонимов (иногда только с подозрением на их тюркский источник), рассеяны по разным публикациям и до конца не проверены на предмет их относительной достоверности.

Зачастую эти замечания не составляют системы и носят противоречивый характер, но в некоторых случаях они служат основой для дальнейших систематических обзоров.

Изучение тюркского вклада в топонимию и этнонимию России пока не ознаменовалось появлением монографий, но ведётся активно в виде отдельных статей, где тюркизмы затрагиваются попутно, вызывая порой дискуссии в разных изданиях, примером чего может служить обсуждение проблемы отношения названий населённых пунктов *Суда́к*, *Сура́ж*, *Сурож* в Восточной Европе.

В этом отношении интересна попытка установить этимологические связи названия крымского города *Судака́* (*Сурожа*), предпринятая в 1911 г. А.И. Соболевским:

«Русские князья старого времени имели обычай (хотя им пользовались относительно редко) давать городам и городкам названия чужих и своих известных городов. Летописи, говоря о событиях XII в., упоминают о городке *Корсунь* в Киевской области. Это название – название таврического Корсуна. <.>

Мы имеем три города с именем *Су́раж* (в Черниговской, Витебской и Гродненской губ.). Завещания московских великих князей XIV в. упоминают о городке *Сурожикъ*. Несомненно, это название – название таврического Сурожа, упомянутого, между прочим, в *Слове о полку Игореве*»¹⁸.

В статье «Особенности русских переводов домонгольского периода» (1910 г.) он включил топонимы *Кърчева*, *Сурожь* в число «известных по преимуществу русским, но неизвестных или малоизвестных южным славянам»¹⁹.

Вскоре А.А. Шахматов осторожно повторил эти соображения А.И. Соболевского:

«Быть может, памятью о далекой родинѣ у Азовскаго моря объясняются нѣкоторыя названія мѣстностей, данныя Восточнорусами въ новыхъ ихъ поселеніяхъ; ср. Суражъ въ

¹⁶ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. 392 с.

¹⁷ Добродомов И.Г., Романова Г.Я. Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках // Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 211–238.

¹⁸ Соболевский А.И. Несколько местных названий // А.И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2. М., 2006. С. 321.

¹⁹ Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л., 2000. С. 136–137.

совр. Витебской губернии съ крымскимъ Сурожемъ (совр. Судакъ), Корчеву въ Тверской губ. съ крымскимъ Кърчевь (какъ въ XI в. называлась совр. Керчь). Сопоставленія эти сдѣланы А.И. Соболевскимъ, предполагающимъ здѣсь прихоти мѣстныхъ жителей или княжеской власти, желавшихъ воспользоваться славными топографическими названіями, но, можетъ быть, передъ нами явленіе этнографическаго характера: перенесеніе названій, напоминающихъ о прежней родинѣ, на мѣста новаго жительства»²⁰.

Соображения А.А. Шахматова можно усилить обращением к фонетической истории топонима *Судак* на тюркско-булгарской почве, изменившей в этом названии интервокальный согласный *д* в *р* (*д* → *р*)²¹ и передавшей слово на русскую почву в форме *Суруг, от которой были образованы производные *Сурожьци*, *Сурожане*, *Сурожьскыи*, давшие основу для формы *Сурожь* в результате обратного словообразования (редеривации).

Следует учесть, что Сурожским называлось в русских источниках Азовское море²², расположенное довольно далеко от *Сурожя-Судака*. Названо это море было по народу *согдийцев* (*согдак*)²³, который играл большую роль в торговле шёлком. Именно от Азовского (Сурожского) моря (не из Крыма) были вытеснены на Северо-Запад древнерусские племена.

Весьма осторожные соображения А.А. Шахматова подверглись решительной критике В.А. Никонова, который, усиливая критику М. Фасмера, при этом предполагал заменить их морфемным анализом, но сам этого анализа не сделал, не замечая фактического отрыва названия *Сураж*, *Сурож* от идентичного *Судак*:

«**Сураж** – 1) г<ород> в Брянской обл. РСФСР; 2) пос<елок> в Витебской обл. БССР. А.А. Шахматов бесосновательно допускал перенесение назв. крымского г<орода> *Сурож* (ныне *Судак*) русскими, вытесненными в начале нашего тысячелетия из Крыма тюркоязычными народами²⁴. Инициальное Су- очень характерно для гидронимии западных областей СССР, возможно связанное с балт. языками²⁵, но проблема эта не исследована, нет работ об окончаниях *-еж*, *-ож*, без чего любой анализ назв. остается любительским домьслем»²⁶.

«**Судак** – пос. в Крымской обл. УССР. Тюрк. изменение древнего *Согдая*. Основан в 212 г. н.э. Назв. из иран. языков, возможно аланское; удовлетворительной этимологии нет; предлагали осет. *суйдяг* “святой”²⁷; связывали и со среднеазиат. *Согдианой*, приписывая основание согдийским купцам (неосновательность этого показал В. Гордлевский в ИАН-ОЛЯ, т. 6,

²⁰ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка (= Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1). Пг., 1915. С. XLIII.

²¹ Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 132–135.

²² Етимологічний словник літописних назв Південної Русі. Київ, 1985. С. 149. Ср. в Воскресенской летописи под 1319 г.: «<. > На усть рѣки Дону, идѣже течеть в морѣ Сурожское» (Полное собрание русских летописей. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 192).

²³ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 78–80, 101–103.

²⁴ Шахматов А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. С. XLIII.

²⁵ Никонов В.А. Поспелов Е.М. Рец. на кн.: В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962 // Известия АН СССР. Серия географическая. 1963. № 6. С. 124–125.

²⁶ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 399.

²⁷ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч.3. М., 1887. С. 74; *id.* Рец.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VI. Тифлис, 1888 // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Ч. XXVIX. № 10. С. 332–343.

с. 327). В древней Руси был известен как *Сурож*, очевидно, уподобление двум городам Су-рож – витебскому и черниговскому»²⁸.

Однако у В.А. Гордлевского в примечании 38 к статье «Что такое “босый волк”?» речь идёт лишь о термине *поле Половецкое*, который автор трактует как представляющее собой «буквальное соответствие средневековому географическому термину “Дешти Кипчак” (поле-степь кипчаков?). Термин, знакомый и ибн Баттуте, конечно, пущен в оборот раньше иранскими купцами-согдийцами, которые, как видно из названия города Судака, добирались до берегов Чёрного моря; он известен и Насири Хусрау (XI в.)»²⁹.

Судака в Крыму (греч. *Σουδάδα*, арабск. *Sudāq, Suydāq*) обнаруживает переход междугласного *d* в *r* (→ русск. *Сурож*) болгарским (проточувашским) посредством в соответствии с закономерностями сравнительной фонетики тюркских языков³⁰.

Известна попытка этимологии названий двух поселений *Сураж* (Гродн. и Витебск.) на родной почве, но такая попытка не выдерживает критики:

«Название, может быть, перенесено из Крыма от прежнего имени г. Судака. В современном языке слово неизвестно как нарицательное, но его следует отнести к той же группе, что с - р а ж - а т ь - с я , п о - р а з - и т ь , с а м о - р а ж (см. С а м о р а ж) и т. п., тогда с у - р а ж – то же, что и соратник, соперник»³¹.

Данная странная этимология распространения не получила.

Столь же невозможно выведение брянского топонима от северновеликорусского диалектизма:

«**Сураж**, город, р<айонный> ц<ентр>, Брянская обл. В XVII в. упоминается как деревня *Суражичи*, с 1781 г. гор. *Сураж-на-Ипути*, с 1787 г. *Сураж*. Возможна связь с русским диалектным *суришка, сурожка* “сырая, низменная, лесистая местность”³². От основы термина *сурож-* с использованием суффикса *-ичи* образована первичная форма ойконима *Суражичи*, указывающая на жителей этой заболоченной местности»³³.

Настоящим источником крымского топонима *Судака* послужило аланское слово *sugdag [> suǰdæg ‘чистый, священный’ (дигор.) / syǰdæg (ирон.)]³⁴.

Производные от географического названия *Судака*, *Судаг названия жителей *сурожане, сурожьци* и прилагательное *сурожьский* сохранились не только в памятниках русской письменности, но и в русском фольклоре, причём прилагательное изменено в форму *суроский* → *суровский*.

Исследователи «Повести о Ерше Ершовиче» (XVI в.!) отмечают употребление в ней слова *сурожанин* вместо *гость*, что говорит о древности произведения³⁵.

²⁸ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 397.

²⁹ Гордлевский А.В. Избранные сочинения, т. II. М., 1961. С. 487.

³⁰ Menges K.H. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russia Epos, the Igor' Tale “Slovo o ryuku Igoreve” (= Supplement to “Word”, Journal of the Linguistic Circle of New York), 1951; Menges K.H. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 132–135.

³¹ Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974. С. 368.

³² Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М. 1984. С. 531. Однако северное слово *су́рожка* не может быть основой для этимологизации брянского топонима, также из-за разницы в ударении.

³³ Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М., 1998. С. 401.

³⁴ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. III. Л., 1979. С. 188–189.

³⁵ Бакланова Н.А. О датировке «Повести о Ерше Ершовиче» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР. Т. XI. М.; Л., 1955. С. 443–459.

М. Фасмер к упоминанию крымского города *Корсунь* и города *Корсунь* Киевской земли добавляет топоним *Корсунь* в бывшей Симбирской губернии³⁶. Вероятно, этот топоним фигурирует у В.Н. Татищева в своеобразном черновом этимологическом словаре «Звания российских городов, урочисч, рек, озер, чинов, фамилий, денег и обстоятельств, в России употребляемых: собраны для обстоятельного описания в Статском и Историческом лексиконах, что куда принадлежит»: «Карсунь, пр[игород]. Астрахань. Карсунская черта между Дона и Волги»³⁷.

Прошедшие десятилетия обогатили тюрко-славянские исследования выходом в антропонику, где заметным явлением выделяется смелое пионерское разыскание Н.А. Баскакова³⁸, положившее начало изучению тюркского вклада в русскую антропонику.

Анализ тюркских нарицательных элементов русского языка в последнее время сосредоточился на этимологической обработке исследователями отдельных лексем, которые обращались к этому материалу лишь эпизодически, что требует их систематического учёта и оценки.

В этом отношении следует обратить особое внимание на труды О.Н. Трубочёва, которые пока собраны лишь библиографически³⁹ и ожидают дальнейшего осмысления в общей картине изучения тюркизмов русского языка.

В книге О.Н. Трубочёва «Названия рек Правобережной Украины»⁴⁰ дан анализ гидронимов тюркского происхождения по их финалям вместе с другими гидронимами, но тюркская гидронимия собрана обобщённо в особый раздел (с. 273–274) и нанесена на особую карту (с. 275) с учётом лингвистической географии.

В процессе фронтальной обработки славянской нарицательной лексики и ономастики (при переводе этимологического словаря М. Фасмера, исследовании специальной номенклатуры и терминологии, а также восточноевропейской гидронимии О.Н. Трубочёву часто приходилось иметь дело с освоенными славянскими языками элементами тюркского происхождения, на которые ему приходилось неоднократно реагировать.

О.Н. Трубочёв рассмотрел слово *баран* в своей книге и сначала пришёл к выводу о происхождении этого слова от тюркского причастия *баран*, *барган* ‘идуший’⁴¹, а в русском переводе этимологического словаря М. Фасмера⁴² сослался на эту свою книгу и на статью Н.К. Дмитриева⁴³.

³⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967. С. 338.

³⁷ Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1973. С. 339.

³⁸ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. 280 с.

³⁹ Добродомов И.Г., Романова Г.Я. Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках... С. 235.

⁴⁰ Трубочёв О.Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968. 289 с.

⁴¹ Трубочёв О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960. С. 73–76.

⁴² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1963. С. 124.

⁴³ Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. III. М., 1958. С. 3–47.

Позже О.Н. Трубочёв отводил тюркским языкам лишь роль посредника в заимствовании иранского **varan*⁴⁴. Эти материалы выглядят как небольшие монографии и как бы выпадают из общего лаконичного фона.

Неожиданно О.Н. Трубочёв обратил внимание на зафиксированное в «Толковом словаре» В.И. Даля русское диалектное слово:

«*Юра́га* ж. юж. вост. избоины, сы́воротка, сырова́тка, па́хтанье, сколо́тины, остатки оть сбитаго масла; таке же остатки мѣшанаго и топленаго русскаго масла. *Юрагу* съ кашей едятъ, и варятъ на ней кашу, это *юражная каша*» (т. IV, с. 669).

К оставшемуся для М. Фасмера неясным этимологически смоленскому слову *юра́га* ‘Bodensatz der Fastenbutter’⁴⁵, но гораздо ранее отмеченное в «Опыте областного великорусского словаря»⁴⁶ с привязкой к Курской и Тульской губерниям: *юра́га* ‘жидкость, остающаяся после сбития масла или сливок; масляные подонки’ – О.Н. Трубочёв сделал смелое дополнение: «Это слово, довольно широко распространённое в ю.-в.-р. диалектах, представляет собой несомненное заимств. из др.-булг. (др.-чув.) *uray “сыворотка, пахтанье”, откуда и венг. *író* “сыворотка, пахтанье”⁴⁷.

Отдельные специальные разыскания о тюркских заимствованиях в славянских языках в наследии О.Н. Трубочёва немногочисленны. Здесь прежде всего должно назвать «Заметки по старославянской этимологии». В одной из этих заметок южнославянский социальный термин *боляринь* (= русск. *боярин*) остроумно выводится из тюркского этнонима *bulgar-* с опереднённым вокализмом⁴⁸.

Несколько неожиданно для этимологов О.Н. Трубочёв опроверг общепринятую сейчас этимологию для русского слова *врач* ‘лекарь’ от глагола *врать*, поскольку этот глагол характерен только для русского языка, а существительное *врач* – южнославянское, проникшее в русский язык книжным путём. Да и по семантике русский глагол и южнославянское существительное не гармонируют друг с другом.

Вместо этого О.Н. Трубочёв предлагает для южнославянского *врач* и венгерского *orvos* [орвош, с тем же значением] в качестве основы тюркское название шамана в булгарско-чувашской форме *arvalčy (уйгурск. *arvaščy* или *arbay-žy* – чагат.)⁴⁹.

Эти примеры с привлечением для этимологии русских слов венгерских тюркизмов показывают важность использования тюркизмов других языков, поскольку заимствования в одних языках имеют параллели в других языках. Эти параллели зачастую могут быть источниками, важными для этимологизации материалами, которых недостаточно в двух исследуемых языках.

⁴⁴ Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1. М., 1974. С. 158.

⁴⁵ *Юра́га* – осадки постного масла: *Добровольский В.Н.* Смоленский диалектный словарь. Смоленск, 1914. С. 1016.

⁴⁶ Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. С. 272.

⁴⁷ См. подробнее: *Трубочёв О.Н.* Из истории названий каш в славянских языках // *Slavia*. 29. № 1. 1960. С. 29.

⁴⁸ *Трубочёв О.Н.* Заметки по старославянской этимологии // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV. М., 1963. С. 160–168; *он же.* Труды по этимологии: Слово. История. Культура. В 4–х тт. (Серия: Opera etymologica. Звук и смысл). М., 2004–2009.

⁴⁹ Там же. С. 163–168; *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969–1971. S. 24.

Пример глобального привлечения тюркизмов и монголизмов многих языков Евразии представлен в четырёхтомном исследовании Г. Дёрфера об этих элементах (новоперсидского языка)⁵⁰.

Впрочем, в некоторых случаях О.Н. Трубочёв, выдвигая свою этимологию, критикует имеющуюся тюркскую этимологию, как в случае с названием степной птицы *дрофа*, которую он связывает с глаголом *драть*, *дранать*, но, к сожалению, не вводит в рассмотрение недостатков тюркской этимологии сравнительно с достоинствами исконной.

В русской этимологической литературе сложилась устойчивая традиция начинать поиски этимологии на исконной почве и останавливаться на этом, даже если исконная этимология не вполне убедительна и требует доработки или этимологических поисков на иноязычной почве – обращения к заимствованию.

В отдельных более редких случаях О.Н. Трубочёв выступает с критикой предложенных ранее тюркских этимологий славянских слов, как это имело место при обсуждении славянского названия степной птицы *дрофа* и т. п.:

«Попытки объяснить слав. название заимствованием из тюрк.-булг., уже имеющее сейчас литературу (Рясянен, за ним – Добродомов)⁵¹, не кажутся вероятными». Сам О.Н. Трубочёв предпочитает выводить название этой быстро бегающей птицы от глагола *dr/dьr-* ‘драть’ > ‘быстро бегать’⁵², но и эта этимология не преодолевает фонетических трудностей.

Во всех исследованиях тюркских проникновений в славянские языки мало обращается внимания на условия проникновения тюркизмов в эти языки. В частности, не учитывается роль смешанных двуязычных жаргонов (пиджинов), возникающих в зоне контактов двух языков. В своё время Н.К. Дмитриев обратил в статье «Турецкие [т. е. тюркские – И.Д.] элементы в русских арга» (1931) внимание на важную роль «того международного жаргона, который неизбежно возникает в зоне соприкосновения русских с турецкими народностями. Особенно интересен русско-турецкий жаргон Поволжья и Туркестана, пока еще никем основательно не изученны». На этом жаргоне узбеки, осажая на станциях поезда, спрашивают приехавших русских: «Ташйшка-нада?» («носильщика надо?»); на этом жаргоне башкир или татарин встречает русского якобы близкими ему (русскому) словами *znakum* (‘знакомый’) и *mañan* (‘маханина’, ‘конское мясо’), а русский, не оставаясь в долгу, пытается передать в беседе с татаринном типичные якобы ‘особенности’ татарского синтаксиса в роде: ‘твоя куда гулял?’ (‘ты где ходил?’)⁵³. Ср. еще ‘я был в Байрамалях’ (от неизменяемого с<уществительного>. и<мени>. Байрам-Али) по аналогии: ‘я был в Жигулях’ и т.д. Роль этого жаргона в деле организации русских арга огромна, жаргон этот в значительной степени может объяснить и ту смелую метафоризацию туркизмов, кото-

⁵⁰ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I–IV. Wiesbaden, 1963–1975.

⁵¹ Räsänen M. Der Wolga-bulgarische Einfluss im Westen im Lichte der Wortgeschichte // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. XXIV. Helsinki, 1946. S. 196; Добродомов И.Г. Дрофа – дудак // Русская речь. 1968. № 4. С. 100–104 = Добродомов И.Г. Избранные труды по этимологии и лексикологии. М., 2015. С. 39–46.

⁵² Этимологический словарь славянских языков. Вып. 5. М., 1978. С. 126.

⁵³ Соответственные материалы собраны мною в районе Поволжья; см. также статью «Варваризмы в башкирской речи» (ЗКВ, т. IV) <Записки коллегии востоковедов. Л., 1929. Т. 4. С. 73–105> [Примечание Н.К. Дмитриева].

рую допускает аргю, и те аналогии, которые мы здесь встречаем. Естественно, что изучив этот жаргон, мы глубже поймем некоторые особенности турцизмов в русских аргю»⁵⁴.

В соответствии с указанными Н.К. Дмитриевым дезидератами – пожеланиями необходимости изучения контактных смешанных тюркско-русских жаргонов (пиджинов) и была предпринята одна из первых попыток собрать лексику поволжско-среднеазиатского пиджина⁵⁵, что следует продолжить.

⁵⁴ Дмитриев Н.К. Турецкие элементы в русских аргю // Язык и литература. Т. VII. Л., 1931. С. 161–162 [= Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 485–486].

⁵⁵ Добродомов И.Г. Из лексики поволжско-среднеазиатского пиджина // In Nōminum Spatio: Материалы I Международных ономастических чтений им. Е.С. Отина (16–18 октября 2015 г.) // Редколлегия: В.М. Калинин (отв. ред.) и др. Донецк, 2016. С. 118–128 (<http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2015/04/dobrod.pdf>).

В. Н. КАЛИНОВСКАЯ, С. А. ЭЗЕРИНЯ

Санкт-Петербург, Россия

Лексическая семантика в пространстве «Словаря русского языка XIX века»*

1. «Словарь русского языка XIX века» как особый тип исторического словаря

Идея создания исторического словаря особого типа принадлежит известным российским лингвистам Ю.С. Сорокину и Л.Л. Кутиной, авторам и многолетним редакторам «Словаря русского языка XVIII века»¹. К детальной разработке концепции будущего «Словаря русского языка XIX века» авторский коллектив приступил в процессе подготовки Проекта, фактически сразу после его публикации². Дифференциальный

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15–04–00032, «Лексико-семантические новации в русском языке XIX в.».

¹ Впервые концепция «Словаря...» и ее основные положения были изложены в совместном докладе ученых на Всесоюзной конференции, посвященной 100-летию Большой словарной картотеки Института русского языка АН СССР (в настоящее время – Институт лингвистических исследований РАН), состоявшейся в Ленинграде в 1986 г.; затем детализировались в ряде публичных выступлений и в статьях коллег. См.: *Кутина Л.Л., Сорокин Ю.С.* Словарь русского языка XIX века и его источники // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995. С. 78–85; *Сорокин Ю.С.* Основные принципы и источники исторического словаря русского литературного языка XIX в. // Очерки по исторической лексикологии русского языка. Памяти Ю.С. Сорокина. СПб., 1999. С. 29–39. Примерно в это же время силами сотрудников группы исторической лексикологии и лексикографии было положено начало картотеке будущего словаря, формирующейся поначалу традиционно – на карточках; в нее же влились материалы личной выборки Ю.С. Сорокина, сделанной во время работы над известной монографией автора. На данном этапе формирование картотеки продолжается параллельно с работой над дифференциальным словником словаря и непосредственно над словарем, пополняясь новыми контекстами, но уже в электронном виде.

² См.: «Словарь русского языка XIX века». Проект. СПб.: Наука, 2002.

принцип, положенный в основу формирования словника и организации структуры семантического описания слова в «Словаре русского языка XIX века», являлся на тот момент новаторским. В истории отечественной исторической лексикографии такое истолкование дифференциального подхода к анализу лексического материала предлагалось впервые. Предполагалось, что новый лексикографический проект, в отличие от «Словаря русского языка XVIII века», в котором динамический аспект представляет лишь часть системного описания словарного состава, сосредоточит свое внимание исключительно на отображении динамики лексико-семантической системы русского языка, а именно на лексической неологии, в значительной степени на изменениях в семантике, сочетаемостных возможностях и стилистической характеристике слова в пределах конкретного исторического периода. Одной из методологических установок концепции исторического словаря дифференциального типа стала идея его социокультурной и историко-культурной составляющей в объяснительной части словарной статьи, учитывающей антропоцентрический фактор языковой динамики, то есть отражение в употреблении лексики изменений «во времени, пространстве и обществе», специфическое осмысление его, свидетельствующее о формировании социальной, или «идеологической» нормы³.

Концептуальная новизна словаря предопределила те сложности практического характера, с которыми пришлось столкнуться составителям словаря. В первую очередь эти трудности проистекают из всеми признанной реальности – связи истории слов с историей культуры. На специфику взаимодействия двух пространств – языка и культуры – указывал В.В. Виноградов в своей программной статье, основные положения которой основывались на тезисе: «Историческое изучение словаря невозможно без знания истории материальной и духовной культуры, но оно не должно состоять в механическом сцеплении фактов быта и мировоззрения с формами языка»⁴. Соглашаясь с мыслью о необходимости «рассмотреть изменения словаря, установить потери, приобретения и трансформации в значении слов» с целью выявления связи «этих изменений с колебаниями в сфере ментальностей», высказанной в работах представителей французской школы исторической антропологии (Ж. Дюби)⁵, сторонники и последователи этого метода в лингвистике связывают неудачи в исследовании языковой картины мира, при достаточном внимании к лексике в целом, со статичным аспектом ее рассмотрения и объясняют «высокой трудоемкостью попытки диахронического исследования всей лексической картины мира выбранного языка или даже сопоставления ряда исторических синхронных срезов лексики языка»⁶. Тем не менее, часто именно лексикографам в своей практической деятельности приходится решать поставленные зада-

³ Словарь русского языка XIX века. Проект. С. 13, 15.

⁴ Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // История слов. М., 1999. С. 5–39.

⁵ Дюби Ж. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 20. Точка зрения французского ученого, изложенная в данной работе, состоит в том, что в истории ментальностей не обойтись без предварительного установления перечня слов, названных им «вербальными констелляциями», отражающими «главные сочленения коллективного сознания» (С. 19).

⁶ Носович Я.В. Язык как средство изучения познания и эволюции человека (к 10-летней годовщине появления антропологической лингвистики) // Осемьдесят: Сборник научных статей к 80-летию И.С. Улуханова / Отв. Ред. М.А. Малыгина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. С. 557.

чи, в том числе историко-лексикологического характера, при описании семантической структуры слова вне зависимости от типа исторического словаря. Когда лингвисты утверждают, что «для прикладной лингвистики особенно важно выяснить не просто изменения значения слов ... но в первую очередь установить изменения не универсальные, т. е. специфические для того или иного языка» [разрядка наша. – В. К., С. Э.], то они связывают путь к решению данной задачи с пониманием лексического значения варианта слова как реализации «средствами определенной языковой системы понятия, эмоции или указания на предмет»⁷. В контексте исторической лексикологии тезис об отсутствии полной изоморфности фактов языка и материальной действительности принято также трактовать в том смысле, что «слово отражает не обстоятельства бытия как таковые, а осмысление и изменение бытия людьми»⁸. Кроме того, справедливо полагая, что «чувства, эмоции, ценностные системы ... имеют свою историю»⁹, лексикограф, работающий с историческим материалом, при определении семантики слова следует принципу измерять культуру прошлого «соответствующей ей меркой»¹⁰, дабы избежать искажения исторической перспективы.

В свое время Л.Л. Кутина выделила ряд особенностей, кардинально отличающих исторические словари от словарей современных и сформулированных следующим образом: 1) «*исторический словарь – словарь текстов*»; 2) в своих описаниях он значительно «*расширяет спектр окказионального*», то есть речевой спектр; 3) моделью описания в нем является «*модель употребления*»¹¹. Эти особенности обусловлены невозможностью представить во всей полноте и объективности свидетельства функционирования слова в тот или иной временной отрезок его истории и определяются специфичностью задач исторического словаря. Высшей ступенью семантического анализа в таком словаре становится анализ на уровне употреблений, которые в полных словарях при возможности обобщаются в типы. Для исторического словаря, эмпирическая база которого формируется на основе дифференциального принципа, задача системного представления лексики сужается за счет того, что предметом описания в этом словаре является исключительно динамика лексико-семантической системы. Как уже отмечалось, «Словарь русского языка XIX века» не ставит задачи целостного описания лексико-семантической системы в ее относительной статике. Таким образом, особенность представления семантической структуры слова в историческом словаре дифференциального типа, каким является «Словарь русского языка XIX века», выразится в том, что существующая «абстрактная модель», на которую ориентируются словари традиционного типа, в каждом конкретном случае будет ориентирована не только на отражение собственно неологии, но и на фиксацию обстоятельств (причин, условий), то есть собственно движущих и обуславливающих факторов языковой динамики.

⁷ Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / Науч. редактор П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 6, 8.

⁸ Осипов Б.И. Размышления о русском слове // Мир русского слова. № 1. 2002. С. 44.

⁹ Дюби Ж. Указ. соч. С. 20.

¹⁰ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 11.

¹¹ Кутина Л.Л. Лексическая сочетаемость в историческом словаре и её роль в описании семантики и словоупотребления // Тезисы конференции. Октябрь 1975 г. Москва. Вып. 4. Теория и практика исторической лексикографии. Посвящается 50-летию Картоотеки ДРС. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1975. С. 9–13.

Включение окказионализмов в состав словника, в целом справедливое для эпох наибольшей словообразовательной активности и в ситуации множественности узусов в языке и размытости представлений о норме, становится особенно актуальным для словаря дифференциального типа: подобные речевые факты не просто свидетельствуют о поиске адекватных средств выражения в ситуационной коммуникативной ситуации, но часто в них можно увидеть начало будущих языковых изменений, подтверждение тех или иных закономерностей языкового развития, связанных с реализацией условий для семантического сдвига, который в последующем может развиваться в самостоятельное лексическое значение, с закреплением конкретных семантико-словообразовательных моделей в сознании языкового коллектива.

2. Семантическая структура «Словаря...». Основные принципы, приемы и способы показа семантической динамики

Сконцентрированность на *употреблении* как основной единице лексикографического описания предполагает максимальную репрезентативность цитатного материала в отношении динамики словоупотребления, фиксирующей как уже очевидные изменения в семантике слова, так и только еще складывающиеся условия, механизмы и предпосылки для семантического сдвига. При описании семантики той или иной лексической единицы и разработке принципов организации структуры словарной статьи авторский коллектив «Словаря русского языка XIX века» опирается во многом на результаты работы с дифференциальным словником, анализ которого позволил выделить динамические зоны в лексическом составе русского литературного языка XIX века и вести целенаправленную выборку лексического материала из источников, круг которых принципиально не ограничивается. Особое внимание уделяется изучению активности словообразовательных процессов на уровне словообразовательного гнезда, семантическим преобразованиям в области относительных прилагательных и их дериватов. Данный аспект историко-лексикологических исследований, являющийся неотъемлемой частью лексикографической работы, позволяет восполнить лакуны, все еще существующие в словарной практике, – в частности в отношении состава лексики и словоупотребления XIX века, а также устранить некоторые недочеты в определении семантики конкретных слов.

В Словаре принято выделять: (а) значение слова, (б) в его рамках – отдельные аспекты употребления, требующие обязательного семантического истолкования и функционального или грамматико-конструктивного обоснования, а также (в) потенциальные лексико-семантические варианты, которые в словаре даются за «тире Срезневского». Следуя традиции «Словаря русского языка XVIII века», составители «Словаря русского языка XIX века» используют графические символы, указывающие на динамику: < – означает заимствование XIX века или лексическое новообразование, дается в начале словарной статьи (например: < АГРОНОМ ...; ...; < АПЕЛЛЯТОРША ... и < АПЕЛЯНТКА); ↑ – означает активизацию употребления уже известного слова, в том числе в расширительном смысле, формирование различных аспектов его применения в данном значении, дается перед толкованием (например: ↑ [1. ...]); в остальных случаях неология (новое значение, актуальная сочетаемость) с учетом дифференциального принципа словаря подразумевается «по умолчанию».

В лексикографической практике работы как с историческими текстами, так и с фактами неологии в современной речи всегда уделялось повышенное внимание демонстрации различных типов лексической сочетаемости в структуре словарной статьи. В рамках петербургской (ленинградской) лексикографической школы вопросы изучения семантических и сочетаемостных свойств слова как в практическом, так и в теоретическом отношении наиболее последовательно были разработаны Л.Л. Кутиной и Н.З. Котеловой¹². В частности, лингвистами подчеркивается высокая «информативная ценность» рядов сочетаний, складывающихся из характерных для конкретного периода развития языка типов соединений слов. Признавая лексическую сочетаемость «как одну из существенных семантических характеристик и средство демонстрации языковой динамики», Л.Л. Кутина считала, что необходимость выделения типов свободных лексических сочетаний должна быть связана с отражением определенной тенденции, например к изменению характера сочетаемости, ведущей к изменениям в семантике¹³. Давно подмеченный лексикографами факт существенного различия семантики слов в рамках словосочетания лег в основу исследовательского интереса к словосочетанию как к источнику повышенного семантического напряжения, позволил на практике оценить роль и значимость словарной фиксации лексических связей, выполняющих функцию «семантических дифференциаторов»¹⁴, которые способствуют актуализации и реализации того или иного значения. В словаре объектом особенно тщательного анализа становятся ряды так называемой свободной лексической сочетаемости, максимально вычлняемые из текстов XIX века, что при современных технологиях поиска стало реально выполнимой задачей; цель этого – выявление семантических потенций слова на уровне его синтагматических связей.

Так, например, анализируя материалы картотеки «Словаря русского языка XIX века», одинаково симптоматичную картину динамического развертывания рядов свободных лексических сочетаний можно наблюдать в отношении лексем *восторг* и *экстаз*, употреблявшихся в типологически сопоставимых контекстах. Лексема *экстаз* относится к неологии конца XVIII века (одна из первых фиксаций – в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» Ф. Толля, в котором (помимо психофизиологической трактовки лексемы) отмечается, что «экстаз, в обыч.<ном> разговоре ozn.<ачает> высшую степень радости, вдохновение» Т. III, 1864); ее первая лексикографическая фиксация в толковом словаре русского языка, несмотря на активное употребление на протяжении XIX века, происходит лишь к его концу, в 3-ем изд. Словаря В. Даля. В этом же словаре обнаруживаем и близкое по семантике слово *раж*, в дальнейшем получившее в словарях функционально-стилистическую оценку *Разг.<оворного>*. Начиная с середины 1860-х годов, за счет того, что в структуре атрибутивных конструкций с существительным *экстаз* появляется социокультурная составляющая (*экстаз социальных страстей* [1866], *экстаз невежества* [1871], *экстаз учительской деятельности* [1878], *экстаз необузданного самовластия* [1889], *патриотический экстаз* [1885], *ученический экстаз* [1898]), делается возможным появление такого со-

¹² Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость. Л.: Наука, 1975. 164 с.; Кутина Л.Л. Указ. соч.

¹³ Кутина Л.Л. Указ. соч. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 9.

четания, как *агронамический экстаз* (ср. *административный восторг* у Достоевского), например¹⁵:

Всюду валялись сельско-хозяйственные альбомы, журналы и газеты; одним словом, всякий человек мог окончательно захлебнуться от этой ошеломляющей учености, от этих цифр, справок и соображений, а Гарусов, возбужденный и счастливый, бодро и сильно, как паровоз, летел вперед на всех парах своего *агронамического экстаза*. – Ну-с, Николай Павлович, – говаривал он, весело потирая руки, – пожалуйста-ка опять к нам в гости: посмотреть есть на что – не раскаетесь. Русское богатство. 1897, № 8. С. 86.

В условиях сочетаемости (по мнению Б.И. Осипова, постоянной «игры референ-тов») создаются предпосылки для семантического сдвига, смысл которого можно было бы определить как близкий к фр. *rage, fureur, extase*, имеющих в семантике точки сопряжения «неистовство, исступление; (все)общее увлечение; ярость». В новых контекстах у слова *экстаз* релевантным семантическим признаком следует признать сему «высшего возбуждения» (и даже «ярости»), которая реализуется в употреблении «состояние неукротимой энергии, выраженное в стремлении к деятельности» (ср. отмечаемое словарями значение у слова *ярость*)¹⁶:

Фейзулин после письма пришел в *положительный экстаз*: чистил, мыл, тер и два раза сбегал за восемнадцать верст на станцию. И нужно было видеть его лицо, когда он привез Олечку домой. Он нанял фэтон и ехал рядом с нею. Лука Евсеевич выскочил навстречу. В глазах светилось торжество... Ал.П. Чехов На маяке. «Новое время», 1887, 1 августа, № 4102.

Целесообразность отсылки к французским синонимам «ср. с фр.» при толковании специфического употребления заимствованной лексики обусловлена поэтапно семантической адаптацией слова в новой языковой среде и особенностями ментальных процессов, связанных с вербальным оформлением нового понятия. Отметим также, что с момента функционирования слова в русском тексте оно вступает во взаимодействие со словом *восторг*, имеющим длительную книжную традицию употребления.

Семантическое описание лексики *восторг*, не являющейся новацией для XIX века, представит парадигмы новых синтагматических возможностей, реализующихся в структуре многозначного слова. Наиболее заметную эволюцию претерпевает употребление слова в первом значении, коррелирующем с соответствующим значением слова *экстаз*:

↑ [1. *Радостное неистовое исступление себя и окружающих*. – ср. Экстаз (1).] Ученый, светский, (у Достоевского) административный, полицейский, шпион-

¹⁵ Весь иллюстративный материал, который приводится в тексте статьи, извлечен из картотеки «Словаря русского языка XIX века».

¹⁶ В этой связи интерес представляет определение понятиям «восторг» и «экстаз», данное русским ученым-физиологом И.М. Сеченовым и позволяющее оценить семантическое сопряжение двух лексем в терминологическом плане: «Мне остается упомянуть теперь о внешних проявлениях высших степеней страсти – восторга, экстаза, которые, по-видимому, уклоняются от нормы, потому что отличаются неподвижностью. Состояние это, несмотря, однако, на его внешнюю физиономию и на даваемые ему имена замирания, остолбенения и пр., не есть отсутствие движения. Напротив, последнее существует, – иначе у восторга не было бы физиономии ... Механизм задержания движений не играет здесь, следовательно, никакой роли». [1866] (Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. М., 1952. С. 193).

ский восторг. Воинственный, патриотический восторг. ... Восторг просвещения; восторг гостеприимства.

Значение, выделяемое в «Словаре русского языка XVIII века для текстов этого периода в качестве оттенка к 1-му, закономерно зафиксировать в качестве самостоятельного:

↑ 3. *Поэтическое, творческое вдохновение.* Лирический, сентиментальный восторг. ... Аллегорический восторг; иронический, шаловливый восторг.

Развитие синтагматических связей слова позволяет выделить ряды свободных лексических сочетаний и при 2-ом значении:

↑ [2. *Удовольствие, радость; восхищение кем-чем-л.*] Эстетический восторг...

Одновременно с развитием структуры уже известных смыслов можно наблюдать формирование абсолютно новых типологических рядов свободной лексической сочетаемости, отражающих тенденцию к росту контекстов, повествующих о новых реалиях личной и общественной жизни и влияющих в целом на снижение функционально-стилистической оценки лексемы. Семантика, обусловленная не только лексической валентностью, но и грамматической формой слова, позволяет поставить вопрос о выделении самостоятельного лексико-семантического варианта в структуре словарной статьи:

Перен. Хвалебные, восторженные, пафосные высказывания в публикациях прессы. Бумажные, газетные восторги. Все наши бумажные восторги и прогрессы напоминают именно этот вопрос о дипломатическом поприще, а действительность каждую минуту подпускает такую постороннюю каплю в суп нашей жизни, подслащенный красноречием и радужными надеждами. Н.А. Добролюбов. Внутреннее обозрение. [1861]. Покуда я жил в Интерлакене и находился под живым впечатлением газетных восторгов, то я ничего другого не желал, кроме наслаждения быть отданным под суд. М.Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом. [1880-1881]. Независимо от газетных восторгов, нам приходилось слышать, как старые, седые практики выражали полную уверенность в том, что петербургские думцы станут постоянными членами верховной комиссии, что в нее войдут представители других городов, земств, сословий. Листок Народной воли. Революционная хроника. № 2. 1880.

Справедливости ради отметим, что тенденция к снижению стилистического статуса слова на уровне речи начинает проследиваться уже в текстах первой трети XIX века, в произведениях русских авторов, чей авторитет в формировании норм словоупотребления был высоким. Показательно замечание П.А. Вяземского относительно «родов восторга» в контексте, создающем условия для появления у слова отрицательной коннотации:

Будь у нас гласность печати, никогда Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича. Во-первых – потому, что *этот род восторга – анахронизм*, что ничего нет поэтического в моем кучере, которого я за пьянство и воровство отдал в солдаты. П.А. Вяземский. Старая записная книжка. 15 января 1832.

Социокультурная окрашенность контекстов влияет на структуру семного состава ядра: появляется сема «неестественности, искусственности, фальшивости» при реализации значения ‘выражение радости, удовольствия; восхищение кем-л.’. Ср.:

Она <девушка> чувствовала себя неуместною среди редких порывов *светского восторга*, и то, что всех восхищало, приводило ее в неодолимое смущение. В.А. Соллогуб. Большой свет. [1840].

Тот же эффект достигается при неожиданном сближении, казалось бы, несоединимых семантических структур в составе одного словосочетания:

Но мне всегда были смешны до жалости приторные вздохатели со своими пряничными сердцами; мне были жалки до презрения записные волокиты со своим *зимним восторгом*, своими заученными изъяснениями, и попасть в число их для меня казалось страшнее всего на свете. А.А. Бестужев-Марлинский. Страшное гаданье. [1831].

В заключение наших наблюдений за семантическими трансформациями, которые испытывали слова *восторг* и *экстаз* на протяжении всего исторического периода, можно сделать вывод о том, что их семантическая дифференциация и формирование стилистического статуса, происходившие в типологически сходных условиях – об этом свидетельствует параллелизм в развертывании рядов свободных лексических сочетаний, – были результатом общей тенденции развития к большей семантической определенности слова. Семантическая история этих слов говорит о миграции понятий, стоящих за их вербальным воплощением, из сферы духовной в психологическую и, наконец, в рациональную. На этом этапе создаются условия, когда «отвлеченность» способна трансформироваться в некий культурный «продукт».

Системность как фактор языковой изменчивости, лежащий в собственно лингвистической плоскости, подразумевается а priori в случае прогнозирования конкретных моделей и типов словопроизводства, при выявлении направления семантической деривации, изменения функционально-стилистических характеристик слова. Очень показательным в этом отношении является развитие гнезда слов с корнем *ангел-* в культурном и языковом пространстве XIX века. Процесс этот сопровождался семантическими изменениями, знаменательными с точки зрения историко-культурной динамики. Содержание и вектор будущих изменений определились к концу XVIII в., о чем свидетельствует структура словарной статьи слова *ангел* в «Словаре Академии Российской» (САР¹) и «Словаре русского языка XVIII века», незначительно разнящихся в передаче смыслов и представлении иерархии значений. Дифференциальное описание лексико-семантических процессов позволяет последовательно и адекватно эпохе оценить соотношение и иерархию новых узуальных употреблений в проекции на систему языка. В составленных словарных материалах первого выпуска «Словаря русского языка XIX века» семантическую разработку получили такие новообразования, как *ангельство*, *ангельствовать* и *ангельчик*; предметом самостоятельного толкования стали *ангельски-* в качестве компонента сложных слов и сами композиты с его участием: *ангельски-добрый*, *ангельски-кроткий*, *ангельски-наивный*, *ангельски-невинный*, *ангельски-прекрасный*, *ангельски-прозрачный*, *ангельски-чистый*. Зафиксированные орфографические варианты написания – отдельно и через дефис – этих сложных прилагательных, как и в других подобных случаях, отражают закономерный процесс вербального оформления сложного по структуре понятия. В Словаре практикуется два способа семантического описания такого рода образований. Пример одного из них, унифицированного в структуре значений композита, каждое из которых сопровождается иллюстрацией употреблений соответствующих прилагательных, приводится ниже:

АНГЕЛЬСКИ-... Первая часть сложного слова в значении: а) Как ангел, подобно ангелу (2)... и т.д.

Все названные прилагательные, встретившиеся в текстах XIX века, представляют собой регулярные образования, за исключением, пожалуй, некоторых случаев, требующих иного толкования, например у прилагательного *ангельски-прозрачный*, зафиксированного у одного автора и поэтому помещенного в Словарь с пометой (у П.Д. Боборыкина). Другой способ описания предполагает разработку слова в отдельной статье — как правило, такое описание применяется в случае взаимной диффузии двух семантических структур в одну, что и происходит с авторским употреблением, с формальной точки зрения являющимся системным образованием, которое семантически описывается как ‘бесплотный, почти невидимый’:

Серафима .. положила всю себя на одну безраздельную страсть — и так гнусно брошена человеком, пошедшим в гору «на ее же деньги»! Еще добро бы на ту «хлыстовскую богородицу» он променял ее в порыве глупого раскаяния, в котором никто не нуждался. Святостью взяла Калерка, да распущенными волосами, да *ангельски-прозрачной* кожей» П.Д. Боборыкин. Василий Теркин. [1892]

Аналогичный семантический процесс наблюдаем и в употреблении прилагательного *ангельски-спокойный*, зафиксированного также в единственном примере в тексте рубежа XX века в значении ‘безмятежный’:

Напротив, она отвечала долгими и горячими поцелуями. Они казались Скворцову каким-то откровением неизведанных чар, — и он пьянел. Но Вера уж отвела губы. Лицо ее, по-прежнему ласково улыбающееся, казалось *ангельски-спокойным!* К.М. Станюкович. Тяжелый сон. [1900].

Первая часть рассматриваемых композитов генетически связана с наречием *ангельски*, которое в «Словаре Академии Российской» (САР¹) характеризуется пометой *Слав.* С позиции теории «производного слова» семантика первого компонента в отношении второй части основы в новообразованиях, каковыми являются сложные прилагательные, может рассматриваться как историко-культурная составляющая, маркирующая соответствующие свойства или качества, перенесенные (механизм сублимации) с нематериального объекта (духа) и в снятом виде приписанные человеку, его натуре. В структуре композита это конкретные референтные семы (признаки), выделенные в процессе расщепления целостного представления о денотате. Обратный процесс можем наблюдать в формировании семантики отвлеченного существительного *ангельство*, связанной со значением прилагательного, указанным Словарем русского языка XVIII века как *Перен.*<осное>, не зафиксированного толковыми словарями, однако являющегося бесспорной иллюстрацией духовных и художественно-эстетических исканий и представлений человека XIX века, а потому получающего подробное описание в «Словаре русского языка XIX века». Словарь фиксирует употребление этой новации в контекстах, позволяющих выделить два значения. По-видимому, основным, актуальным, можно считать значение ‘безгрешность, духовная чистота, святость’, которое обнаруживаем в следующих контекстах:

Без сомнения, скоро после моего письма предстанет к вам наша любезная Софья Миха<й>ловна. Душа ее кажется как будто еще небеснее прежнего и *ангельства* в ней еще больше.

Употребите всё старание, чтобы свет и общество сколько-нибудь узнали, какой прекрасный цветок поселился среди их. Н.В. Гоголь. Письмо А.О. Смирновой. 24 сентября 1844 года. А затем Непт Вибель .. принялся, не теряя минуты, за поучение: – Нам, людям, не дано *ангельства*, и наши чувственные побуждения приравнивают нас к животным; но мы не должны сим побуждениям совершенно подчиняться. А.Ф. Писемский. Масоны. [1880].

Другое употребление, характерное для регулярных образований с собирательным значением данного суффикса, является примером лексической реализации конкретно данной словообразовательной модели – ‘*Собир*. В системе христианских представлений об устройстве мира – светлые силы (в противоположность темным)’. Ср.:

В каждом часе, в каждом повороте „учитель“ отрицал меня, я отрицал учителя. Было взаимное разрушение „должности“ и „человека“. Что-то адское. Я бы (мне кажется) „схватил в охапку всех милых учеников“ и улетел с ними в эмпирии философии, сказок, вымыслов, приключений „по ночам в лесах“ – в чертовщину и *ангельство*, больше всего в фантазию. В.В. Розанов. Сумерки просвещения. [1899].

Заключает словообразовательную цепочку глагол *ангельствовать*, зафиксированный, по нашим материалам, в единственном лексикографическом источнике – Словаре В. Даля в терминологическом значении ‘монашествовать, схимничать’.

Давно замечено, что отношение к используемому языку – один из параметров, характеризующих определенный период эволюции мышления, и для описываемого словарем исторического периода эта характеристика языкового материала представляется особенно актуальной и значимой, так как в XIX веке, как ни в каком другом периоде, ему предшествующем, конкретная языковая личность начинает играть существенную роль в формировании норм словоупотребления, становится субъектом процесса словотворчества, а зачастую и его объектом (образования от имен собственных). Среди составленных словарных материалов примеры, иллюстрирующие данную реальность, имеются в описании гнезда новообразований от имени собственного *Аракчеев*. Окационализм *аракчеевофобия*, встретившийся в мемуарных записках П.А. Вяземского, является актом индивидуального словотворчества. В то же время слово возникает как системная единица, на основе регулярной словообразовательной и семантически мотивационной модели ‘страх, боязнь кого-, чего-л.’ как своеобразная ментальная реакция, противоположная причине появления неологизмов с отрицательной коннотацией под воздействием социокультурного фактора – *аракчеевщина*, *аракчеевы*:

Трудно найти в истории личность более величественную, сочувственную и во многом загадочную, чем личность Александра <Первого> ... Александр начал Лагарпом, а кончил Аракчеевым. (Спешу заявить при сем, что по моей личной системе, я не одержим безусловной *аракчеевофобией*, которой страждут многие, считаю, что и Аракчеева должно всецело исследовать и без пристрастия судить, а не то прямо начать с четвертования его. Но во всяком случае совестливость моя и оптимизм мой не доходят до того, чтобы не выдать разности между Лагарпом и Аракчеевым). П.А. Вяземский. Старая записная книжка. [1825].

Включение окказионального образования в Словарь делает возможным представление альтернативной позиции, свидетельством присутствия «идеологической нормы» в конкретном словоупотреблении.

Ярким примером лингвистического осмысления ключевого понятия, имеющего в книжно-письменной традиции варианты графического оформления, может служить

рассуждение Ивана Сергеевича Аксакова в письме к брату Константину по поводу двоякого написания слова *мир*:

Я взялся держать последнюю корректуру 4-го тома его сочинений, печатаемого у Семена. Как ты пишешь, Константин, *мір* или *мир* (народ). Я думаю, вообще правильнее писать *мир*; *мір* – это выдумка, а слово одно. И. Аксаков – К. Аксакову. Вторник. 22 января 1852 года. Москва.

В структуре словарной статьи данная цитата будет размещена в справочном разделе под рубрикой *Норм.* и станет иллюстрацией роли субъективного фактора в эволюции нормы, в данном случае ориентирующей на новую культурную парадигму, в которой слово *мир* ассоциируется с космизмом представлений человека о единстве со всем тем, что его окружает.

Если подвести итог краткому обзору рассмотренных словарных материалов и комментариев к ним, то можно сделать некоторые общие выводы, которые касаются принципов лексико-семантического анализа, предворяющего семантическую разработку словарной статьи в «Словаре русского языка XIX века». Следует прежде всего оценить важность ведущейся параллельно работы со словником Словаря и его источниками наряду с исследованиями историко-лексикологического характера, направление которых задается дифференциальным типом Словаря, нацеленным на описание лексико-семантических новаций эпохи. Семантика слова через призму словоупотребления приобретает в пространстве Словаря историко-социокультурную конкретику. Системность, несмотря на фрагментарность ее представления, как фактор языковой динамики эксплицитно проявляется в синтагматике и парадигматике новаций, позволяя рассматривать совокупность лексикографического материала Словаря как своего рода «текст», дающий целостную картину жизни общества в рассматриваемый исторический период.

СЛОВАРИ

САР¹ – Словарь Академии Российской. В 6-ти т. СПб., 1789–1793; Т. I. 1789.

Словарь В. Даля – Словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Изд. 2-е. СПб.; М., 1880–1882; Изд. 3-е. СПб.; М., 1903–1909.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. Л.; СПб., 1984–.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В качестве **Приложения** вниманию читателя предлагаются образцы пробных словарных статей, структурно описывающих лексические новации XIX века, возникшие на русской почве и получившие семантическое развитие в данный период.

< **БЕЖЕНЕЦ**, нца, м. 1. Человек, вынужденно покинувший место жительства из-за возникновения чрезвычайной ситуации (войны, стихийного бедствия, голода и т.п.). Монастырский двор <в Габрово> был наполнен семьями пришлецов с разным домашним скарбом, с лошадьми, ослами и собаками; в саду мы встретили гораздо большее число монахинь, которых прежде не видали. . . – Это все «беженцы», т.-е. бежавшие из разоренных турками городов; это те, которые успели спастись от смерти, – объяснили нам наши знакомки. *Вестник Европы* 524 [1878, №10]. Комиссия, под руководством полковника Соболева, уже действовала в Июле 1877 г. в окрестностях Тырнова и, перейдя Балканы вслед за отъездом генерала Гурко, побывала в Казанлыке, много содействовав к обеспечению там порядка. В распоряжении гражданского ведомства, в конце 1877 года, состояло достаточное

число свободных чинов, занимавшихся временно беженцами и хлебным делом. Русская старина LXXXVI 246 [1896]. Оно <письмо Смоленского воеводы гетману> дает основание предполагать, что бегство из Смоленска во второй половине июня месяца 1654 года приняло чрезвычайные размеры. В следующем письме от 23 июня 1654 г. снова упоминаются Смоленские беженцы, тогда как в более ранних ничего о них не встречаем. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси XIV XXXI [1904].

2. *Беглый каторжник. Сиб. Сл. Акад. 1891 | 315.*

– Норм., Лекс. Беженец. Слово, недавно вошедшее в употребление. Беглец с оттенком невольного, вынужденного каким-нибудь бедствием удаления. ... *пограничный австрийский город переполняется толпами несчастных беженцев из Боснии и Герцеговины (1876) (Сл. Акад. 1891).*

< **БЕЗАЛАБЕРНЫЙ** (безалаборный), ая, ое; **безалаберен**, рна, рно. *Простонарод.* → *Разг. 1. Неразумный, сумасбродный, бестолковый легкомысленный (о человеке).* Безалаберный! полнотебеписать глупости Анне Петровне, напиши мне слово путное. А.С. Пушкин – С.А. Соболевскому ноябрь 1827 г. Ноздрев какой-то *безалаберной* с первого взгляда человек, как в простонародье в иных местах честят таких господ; деловому человеку они, кажется, не совсем опасны. Однако вышло дело не так. Архимандрит Феодор. Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 г. 86 (1860). Об редакторе этом <еженедельного журнала> скажу тебе, пожалуй, несколько слов. Это был добрейший, но вместе безалабернейший и пустейший малый, который валил в свое издание всё; и лекции о паровом плуге, и рассказ пьяной бабы, и Прудона. Русское слово Отд. I 129 [1864, январь]. Б. б а ш к а , г о л о в а ; б . н а т у р а . . . ф и г у р а . [Звездов:] Нет, против этого нечего спорить; Беневольский конечно шут, ни на что не похож, безалаберная голова. А.С. Грибоедов. Студент [1817] / А.С. Грибоедов. ПСС 202 (1892). Перечитывая главу о К., невольно призадумываешься о том, что за чудак, что за оригинальные личности живут и жили на Руси! Какими капризными развитиями сочилась и просочилась история нашего образования. Где, в каких краях, под каким градусом широты, долготы, возможна угловатая, шероховатая, взбалмошная, безалаберная, добрая, недобрая, шумная, неукладистая фигура К., кроме Москвы? А.И. Герцен. Былое и думы Вторая часть Эпилог [1854] / Сборник посмертных статей А.И. Герцена 39 (1870).

2. *Бестолковый; беспорядочный, хаотичный; плохо или недостаточно организованный.* По общему отзыву экзаменующихся, нынешнее испытание довольно безалаберно, и потому – не то, чтобы строго и не то, чтобы слабо, а так – куда вывезет. Н.А. Добролюбов – В.В. Лаврскому 25 августа 1853 г. / Материалы для биографии Н.А. Добролюбова I 94 (1890). Заговорив с читателем о некоторых как бы случайных проявлениях «сущей правды» среди насыщенной всевозможною тяготою современной действительности, я возымел намерение остановиться на этих проявлениях поподробнее и с этою целью, как и всегда, обратился за материалом к единственному моему источнику – моей памятной книжке. И что же? Несмотря на то, что книжка эта представляет собою самую беспорядочную кучу разных заметок, вырезок, выписок, набранных случайно и на лету, кое-где и кое-как, записанных тоже как пришлось и чем пришлось (один раз даже шпилькой, а раза два спичкой), – несмотря на все это, то есть на беспорядочность и отрывочность всего попавшего в мою книжку, вся эта безалаберная куча в конце концов убеждает меня, что в проявлениях того, что я позволил себе назвать «сущей правдой», .. нет ничего случайного. Г.И. Успенский. Новые времена, новые заботы [1873] / Г.И. Успенский. Сочинения I 516 (1896). Письма Фотия написаны тяжелым языком, с грамматическими ошибками и поражают читателя неправильною, можно даже сказать, безалаберною построюю русской речи. Е.П. Карнович. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий 396 [1884]. Б. образ жизни, б. жизнь, б. существование; б. молодость, юность ... осень; б. время, прошлое; б. эпоха. [Лепорелло:] Вот так. Лишь дайте эту цепь поправить. И настоящий вы теперь жених! Ну, славу Богу! Мы остепенились, И жизни безалаберной конец! А.К. Толстой. Дон-Жуан [1862] / ПСС Гр. А.К. Толстого I 92 (1898). Несмотря на разъезды и безалаборный образ жизни, он <пациент М.> много читает и владеет в совершен-

стве немецким, русским и английским языками. Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии XII №1 123 [1888]. Время было такое смутное, греховное, безалаберное, что при общей суматохе, почти при поголовной беспутности, ошибки и недоразумения были неизбежны. Исторический вестник LXIX 753 [1897]. Б. журнал; б. история, книга, статья ... (сатирическая) фантазмагория; б. письмо, (*Образно*) маранье. Жму вам дружески руку и прошу прощения за безалаберное письмо нелепейшего из ваших почитателей. А.П. Бородин – Л.И. Кармалиной 15 апреля 1875 г. Исторический вестник XXVIII Письма А.П. Бородина 5 (1887). Б. язык; б. речь; б. разговоры. Несколько раз в сложных фразах высказывалось ребячество или чистое сумасбродство. Эти беседы мне удивительно напоминают т спутанные, безалаберные разговоры, которые часто ведутся во сне. Вестник Европы Хроника 865 [1875, апрель]. Б. бедность, ... роскошь, свобода. Ничего не могло быть беднее этого жилища, но это далеко не была, однакож, та безалаберная, грязная, отталкивающая бедность, какую часто встречаешь в подобных уголках. Общее с ними заключалось разве в недостатке света. Д.В. Григорович. Неудавшаяся жизнь [1850] /Д.В. Григорович. ПСС II 162 (1896). Б. администрация (управление), деятельность, поведение, постановка дела, ... система женского воспитания, система крестьянского хозяйства; б. воспитание, ... хозяйничанье. По оккупировании Боснии и Герцеговины, генерал Филиппович выработал план правильной администрации, но венское правительство встретило этот проект «холодно» и само выработало устав об организации администрации, который Филиппович резко отклонил. Из-за безалаберной администрации происходили вечные столкновения между гражданскими и военными властями. Русская мысль III Письмо из Вены (XVII) 87 [1882]. Правительство ошиблось, и в этом его вина. Оно давным-давно должно было положить конец безалаберному, халатному и хищническому хозяйничанью наших «либеральных самоуправителей. Вестник Европы. Внутреннее обозрение 860 [1892, февраль].

3. *Нестройный, негармоничный (о звуках)*. Вот грязная мостовая петербургского двора, похожего на колодезь, в котором так оглушительно раздаются безалаберные звуки жалкого инструмента <шарманки>; несколько форточек поспешно отворяются при этих раздрающих звуках. ОЗ СХII II 29 [1857, май]. Под самыми окнами раздался стук подъехавшего экипажа, безалаберный звон двух колокольчиков и оглушительное гromыхание нескольких бубенцов и глухарей. Мы подошли к окну и увидели остановившийся у крыльца тарантас, а в тарантасе тучную фигуру станového. И.А. Салов. С натуры 34-35 [1893]. К службе пришел и владыко, и прежде всего распек диакона за его неумение держать себя на церковном амвоне и невнятное произношение ектинии. Потом стал на клирос и за незнание устава церковного, невнятное чтение и безалаберное пение наказал дьячков. Саратовский сборник I 267 [1881].

– *Нелепый, невероятный*. Однажды Дельгорг, с несколькими кафрами, набрел во время охоты на рощу из макано. Охотники спешили освежить себя соком, производящим такое быстрое опьянение. Не прошло и часа, и наши кафры хохотали в-запуски, рассказывая самые безалаберные вещи. То один клялся, что видит, как два слона, наевшись макано и опьянев, ведут друг друга, перевиваясь взаимно хоботами; то другой божится, что при встрече со слоном непременно отрежет у живого хвост. Современник XVIII Иностранная литература 24 [1849].

– Стил. Сл. Акад. 1847 простореч., Толль народ., Сл. Акад. 1891 б/п.

– *Норм. Этим.* Сл. Акад. 1891 (от обл. алабор порядок). Областные слова дополняют и поясняют общеупотребительные, указывая часто их корень, состав или первоначальное значение. Вот несколько тому примеров. В общеупотребительном языке часто слышится прилагательное *безалаберный*, но нет слова, от которого можно бы произвести его; в нашем Областном Словаре находим существительное *алабор*, порядок, записанное в Тверской губернии. Я.К. Грот. Филологические разыскания I 147 [1885].

– *Лекс.* Сл. Акад. 1847 безалаберный, Д¹ I безалабе(о)рный.

И. А. МАЛЫШЕВА
Санкт-Петербург, Россия

Из истории изучения лексики русского языка XVIII века

Первые опыты описания лексики русского языка XVIII века связаны с активной лексикографической работой, проводимой на протяжении всего XVIII столетия.

При составлении «Словаря Академии Российской» (далее – САР) рассматривались такие связанные с лексикологическими проблемами вопросы, как «тождесмысленные слова» (синонимы)¹, заимствованные слова, терминологическая лексика, областные слова и др. Широкое включение в Словарь разнообразной лексики и представленная в САР система помет дают возможность установить основные разряды лексических единиц, в том числе и тех, на место которых в языковой практике XVIII века особенно обращается внимание лингвистов, – слов, связанных с церковно-книжной традицией, и слов, представляющих область живой русской речи. Принципиальный вопрос, быть ли словарю «расположенным по чину азбучному» или «по коренным словам» был связан с проблемой определения родственных (преимущественно словообразовательных) связей слов.

При работе над САР после вопроса о словнике (был составлен предварительный словник – «Аналогические таблицы», содержащие свыше 100 000 слов) вторым по сложности стал вопрос о толковании слов («Словарь не для чего иного и делается, как чтоб о всяком неизвестном или не довольно известном слове подать мог удовлетворительное вразумление»²). «Составители словаря представляли не совсем ясно значения некоторых слов, поэтому их объяснения были иногда неверными. В связи с этим кн. Е.Р. Дашкова просила ученых быть осторожными в толкованиях, так как “слово или речение излишнее дает совсем другое понятие о слове определяемом”³. Известен вклад самой Е.Р. Дашковой не только в собирание материала для готовящегося словаря (более 700 слов на буквы Ц, Ш, Щ), но и в работу по объяснению слов: «Дашкова была одним из самых деятельных членов объяснительного отдела, и преимущественно трудилась над определением смысла слов, обозначающих нравственные качества. В записках академии сохранились представленные Дашковой объяснения слов *дружба*, *добродетельный человек*, *задумчивость*, и там же замечено, что собрание приняло с признательностью “определение Дашковой на слова: *благодарность* и другие”⁴.

Основные принципы и правила семантического описания слова в «Словаре Академии Российской» исследованы Л.Л. Кутиной⁵. Как отмечает автор статьи, достижение-

¹ «Уже давно решено философами, что одних и тоже значущих слов нет на свете ... Если станем рассматривать, в чем состоит сходство синонимов, то найдем, что одно слово не объемлет никогда всего пространства и всей силы знаменования другого слова, и что сходство между ними состоит только в главной идее». См.: *Фон-Визин Д.И.* Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1866. С. 201.

² Примечания Болтина на начертание для составления Славено-Российского толкового словаря // *Державин Г.Р.* Сочинения. 2-е акад. изд. Я.К. Грота. Т. 5. Переписка (1778–1793). СПб., 1876. С. 384.

³ *Файнштейн М.Ш.* Из истории создания Словаря Академии Российской (1789–1794) // *Вестник ЛГУ.* № 8. История, язык, литература. Вып. 2. 1976. С. 148.

⁴ *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии. Вып. 1. СПб., 1874. С. 42–43.

⁵ *Кутина Л.Л.* Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) // *Словари и словарное дело в России XVIII в.* Л., 1980. С. 70–89.

ями САР в области лексической семантики является «решение вопроса о слове как совокупности значений (проблема полисемии), о связи и зависимости значений слова как результате процесса семантической производности, о границах слова и омонимии, о регулярной полисемии, об отношении слова и контекста ... Словарь впервые представил развернутое описание содержательной стороны нашего языка: слов со всей совокупностью их “знаменований”»⁶. И далее: «САР впервые представляет слово как некий семантический конгломерат, ориентированный на разные системы и подсистемы функционирующего языка»: представлены различные ступени производных значений, переносные (метафорические) значения, функционирование слова в разных функциональных сферах (обиходный язык, язык письменности, в поэзии, в книгах церковных, в языке науки, техники, искусства и др.)⁷. Одним из факторов, приведших авторов САР к ряду новаторских решений в представлении смысловой стороны слова, Л.Л. Кутина считает этимологический характер словаря: «Эта форма более, чем какая-либо другая, ставила во главу угла идею развития и взаимосвязанности вытекающих друг из друга и объясняемых друг из друга языковых явлений. Она открыла перед составителями много таких сторон слова, которые в азбучном словаре могли остаться незамеченными»⁸. Работа над «Словарем Академии Российской», необходимость описания широкого круга лексики, рассмотрение «единицы на фоне целого» привели составителей к пониманию всей глубины семантической структуры слова.

Отдельные замечания о значении или особенностях употребления слов можно найти во многих сочинениях разных авторов XVIII века⁹.

Начало планомерного научного изучения лексического состава русского языка XVIII столетия относится к середине XX века. Как известно, исходные задачи изучения русского литературного языка Нового времени и, в частности, его словарного состава изложены в трудах В.В. Виноградова. В статье «О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв.» (1946 г.), говоря об исследовании состава и строя разных лексических систем литературного языка указанного исторического периода, он подчеркивает необходимость изучения разных разрядов лексики: диалектизмов в разных стилях литературного языка, профессиональной лексики и ее отношения к общелитературному словарю, эволюции типов славянизмов и их семантики и стилистических функций, объема и состава иноязычных слов в разных лексических пластах и причин их заимствований из европейских языков и др.¹⁰ Одним из важных источников изучения лексического состава В.В. Виноградов называет материал словарных трудов, в том числе русско-иноязычных и иноязычно-русских словарей

⁶ Кутина Л.Л. Вопросы лексической семантики ... С. 70–71.

⁷ Там же. С. 75.

⁸ Там же. С. 89.

⁹ Например, у В.Н. Татищева: «Много же слов стали употреблять в другом разумении, яко жито, значит всякия семена, т.-е. рожь, овес, ячмень, пшеница и пр., и хранилище оных для того именовано житница, насенное же зовется нива, а горох, бобы, чечевица и т. под. называется сочиво, но мы все оное зовем хлеб, которым правильно токмо печеной в словенском языке именуется; ячменю же дали звание жито» См.: *Татищев В.Н.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ. М., 1887. С. 94.

¹⁰ *Виноградов В.В.* О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // В.В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 174.

XVIII века¹¹. В докладе 1960 г., посвященном уже конкретно задачам изучения русского литературного языка XVIII века, В.В. Виноградов одной из задач (в рамках системы трех стилей) называет изучение лексико-фразеологического состава («границы общей сферы слов и выражений с присущими ей лексико-семантическими системами не описаны и не изучены»¹²). Особую роль в формировании литературного языка и его лексической системы В.В. Виноградов отводит письменно-деловой речи с ее «широким включением элементов как высокого, так и особенно простого слога» и языку художественной литературы¹³.

Целенаправленная продуманная работа по изучению лексики русского языка XVIII века активно началась в связи с задачей создания нового исторического словаря – «Словаря русского языка XVIII века»¹⁴. Для выполнения этой задачи в 1960 г. была образована группа исторической лексикологии русского языка XVIII века в Ленинградском отделении (ЛО) Института языкознания, и перед научным коллективом в первую очередь встала проблема неизученности русского языка данного периода. «В языке XVIII века проходили глубокие и важные процессы семантического углубления и приспособления к новым культурным потребностям старых русских и славянских элементов; это время отмечено созданием многих русских слов и выражений, прочно вошедших в состав русского языка; среди этих новых слов и выражений значительное место занимают оригинальные переводы иностранных слов с помощью русских словообразующих элементов; русский язык этого времени впитал в себя и дал место в своей лексической системе и многим иноязычным заимствованиям, часто семантически их видоизменяя. Нужно сказать, что именно эти важнейшие стороны развития русского языка в XVIII в. изучены еще крайне недостаточно»¹⁵.

Первоочередные задачи и основные направления изучения словарного состава русского языка XVIII века были определены в двух статьях Ю.С. Сорокина – «О «Сло-

¹¹ В течение последующих лет лексический состав словарей XVIII века был исследован Е.Э. Биржаковой. См.: *Биржакова Е.Э.* Из истории русско-иноязычной лексикографии XVIII в. «Русско-голландский лексикон» Якова Брюса // Словари и словарное дело... С. 23–37; *она же.* Отражение функционально-стилистической дифференциации русской лексики в двуязычных словарях XVIII века (Польско-русский словарь К. Кондратовича) // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века. Л., 1984. С. 133–146; *она же.* К вопросу об отражении словообразовательных процессов русского языка в двуязычной лексикографии последней трети XVIII века // Развитие словарного состава русского языка XVIII в. (вопросы словообразования). Л., 1990. С. 136–153; *она же.* Лексикография XVIII века // История русской лексикографии. СПб., 1998. С. 59–80, 88–126. См. также: *Биржакова Е.Э.* Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010.

¹² *Виноградов В.В.* Некоторые вопросы и задачи изучения истории русского литературного языка XVIII в. // Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени. М., 1960. С. 6.

¹³ Там же. С. 5, 6.

¹⁴ Следует сказать, что язык XVIII в. был в поле зрения лингвистов и до начала работы над «Словарем русского языка XVIII века». См., например: *Головчинер В.Д.* Из истории становления языка русской литературной прозы 50–60-х годов XVIII в. // XVIII век. Вып. 4. М.; Л., 1959. С. 66–84; *Биржакова Е.Э.* Лексика комедий И.А. Крылова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953; *Гомон Н.М.* Лексикографическая деятельность Д.И. Фонвизина и лексика его комедий. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, б/г.

¹⁵ Из письма Ю.С. Сорокина академику В.В. Виноградову (1962 г.). Опубликовано в: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии XVII–XIX вв. К 50-летию Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» // *Acta linguistica petropolitana.* Труды Института лингвистических исследований. Т. VIII. Ч. 3. СПб., 2012. С. 34–35.

варе русского языка XVIII века»¹⁶ и «О задачах изучения лексики русского языка XVIII в.»¹⁷. К этому времени уже велась подготовка к работе над «Словарем русского языка XVIII века»: создавалась текстовая база Словаря, составлялась Картотека (к началу 1966 г. Картотека насчитывала 685 667 карточек-цитат), и началось изучение отдельных пластов лексики данного периода. В статье «О задачах изучения лексики...» была изложена развернутая программа изучения лексики русского языка XVIII века, которая была сформулирована в связи с общей характеристикой лексической системы этого времени: сильная степень изменчивости словарного состава в течение всего века, сильная тенденция к нормализации, замкнутость отдельных стилистических систем, явления недостаточности лексической системы, признаки стилистико-семантической ограниченности литературного языка, семантическая негибкость многих слов, тенденция обращения к лексической архаике, резко выраженный пуризм, резкое противостояние книжного и разговорного языка¹⁸.

Оценивая позиции В.В. Виноградова в отношении изучения русского литературного языка XVII–XVIII в., подчеркивая, что речь в большей степени идет о задачах изучения стилистической системы языка данного периода, Ю.С. Сорокин говорит о более широкой и сложной проблеме – проблеме системных отношений внутри лексического состава письменного языка этого времени: «Исследование еще недостаточно коснулось при изучении языка XVIII в. собственно лексикологических проблем, не подвергло пристальному анализу каждый из предварительно по тем или иным признакам ... выделенных пластов лексического запаса»¹⁹; «совершенно недостаточно изучено, в частности, и движение словарного состава русского языка на протяжении XVIII в., времени существенных изменений в русской лексике и фразеологии»²⁰.

Самой актуальной (и исходной) задачей, от выполнения которой будет зависеть научный результат лексикологического исследования, была определена задача «всемерного расширения круга привлекаемых источников»²¹. Как подчеркивал Ю.С. Сорокин, «исследование языка XVIII в. до сих пор было в известной степени односторонне привлечено к памятникам собственно литературным. Но и здесь оно было сосредоточено по преимуществу на произведениях нескольких писателей»²². Определяя общее направление выбора источников и исследования лексики, Ю.С. Сорокин указывал, что следует «идти не от оставшихся в наследие стилистических представлений и свидетельств, а от изучения конкретных слов, прослеживая условия их употребления в различных контекстах, собирая эти слова в определенные разряды и группы не по известным исходным аттестациям их, не по сведениям (часто сбивчивым) об их первоначальном источнике, не по данным словарей и риторик XVIII в. (хотя и они должны быть тщательно учтены и осмыслены), а на основании внимательного наблюдения фактов

¹⁶ Сорокин Ю.С. О «Словаре русского языка XVIII века» // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л., 1965. С. 5–42.

¹⁷ Сорокин Ю.С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. // Процессы формирования лексики русского литературного языка (От Кантемира до Карамзина). М.-Л., 1966. С. 7–34.

¹⁸ Там же. С. 20–22.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Сорокин Ю. С. О «Словаре русского языка XVIII века» ... С. 5.

²¹ Сорокин Ю. С. О задачах изучения лексики... С. 9.

²² Там же. С. 13.

их реального употребления в различных источниках этого времени»²³. В качестве основных источников были названы словари, памятники художественной литературы, памятники научной и научно-популярной литературы, тексты официального делового языка, литература технико-практического назначения, бытовые записки и др. Была подчеркнута важность привлечения в качестве источников переводной литературы, поскольку она занимала значительное место не только по своему количеству, но и по своему влиянию: «Именно здесь часто протекали сложные процессы семантического приспособления русско-славянских слов к выражению новых отвлеченных понятий, развитие новых форм книжной фразеологии, постепенной ассимиляции в русской лексической системе некоторого круга заимствованных слов, создание лексико-фразеологических калек и явлений семантической дедукции»²⁴.

Начальный этап исследования лексического состава русского языка XVIII века характеризуется несколькими генеральными направлениями, мотивированными основными процессами развития и формирования лексики данного периода: становление научной терминологии, вхождение и адаптация в русском языке новых заимствований, лексические новообразования, роль славянизмов и народно-разговорного языка в формировании русского литературного языка Нового времени. Выбор этих направлений был связан как с тем, какое воздействие общественно-исторических факторов испытывал язык данного времени, так и с тем, какие процессы активизировали развитие потенций, заложенных в системе русского языка. Каждое из указанных направлений получило обстоятельное и разноаспектное монографическое исследование.

В перечне вопросов, «настоятельно требующих своего освещения в будущей исторической лексикологии русского языка XVIII в.», на первое место был поставлен вопрос об изучении новых слов: «Какие новые слова, – как образованные от русско-славянских основ ..., так и заимствованные из других языков, – появились и закрепились в нашем словарном составе на протяжении XVIII в.»²⁵. Важной задачей было названо не только определение точной даты появления в языке той или иной лексической единицы, но, главное, установление причин и стимулов возникновения нового слова.

Следующей была названа задача изучения семантической истории слов. Как отмечал Ю.С. Сорокин, в развитии семантической структуры слов выявляются две основные тенденции: тенденция к дальнейшему развитию полисемии и тенденция к семантической специализации слов. В рамках первой существенным является определение «основных направлений создания вторичных, образно-переносных значений на базе основных, исходных, номинативных» и анализ семантических возможностей русских слов под воздействием близких по смыслу заимствований («семантическая индукция»). Во втором случае важны «наблюдения над условиями и границами приспособляемости или, напротив, сопротивляемости слов в отношении того или иного внешнего семантического воздействия»²⁶.

В изучении семантики существенно важен анализ смысловых отношений между словами «по признаку их совпадения, близости и смещенности», в особенности изуче-

²³ Сорокин Ю.С. О задачах изучения лексики... С. 9.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Там же. С. 24.

²⁶ Там же. С. 26, 27.

ние синонимической системы литературного языка²⁷. Ю.С. Сорокин особо подчеркивал важность изучения синонимических отношений в языке XVIII века, назвав синонимическую систему «центральным нервом при выяснении основных особенностей лексической системы литературного языка данного времени»²⁸. Для XVIII века это играет особую роль, поскольку синонимика данного периода была чрезвычайно широкой и разветвленной (лексическая избыточность), что во многом было вызвано взаимодействием в русской лексической системе этого времени разных языковых стихий²⁹. В исследовании явления синонимии Ю.С. Сорокин определяет несколько проблем: стилистическое размежевание синонимов; постепенное семантическое размежевание (смысловая дифференциация); особенности употребления синонимов, в частности, во фразеологии; действие закона синонимической аналогии (с одной стороны, сближение слов по смыслу, с другой – «сходное развертывание семантических возможностей синонимичных слов»)»³⁰.

Для исследования лексической системы русского языка XVIII в. немало значение имеет изучение «исключительной лексической вариантности»: «Одно слово представлено часто в одно и то же время (нередко у одного и того же автора и в пределах одного произведения) в различных фонетических, морфологических и словообразовательных вариантах»³¹.

Первые опыты выбора и описания лексики в связи с подготовкой «Словаря русского языка XVIII века» были представлены в двух сборниках 1965 и 1966 гг.³² Опубликованные в них статьи касались физической терминологии и терминологии изобразительного искусства, разговорной и диалектной лексики, иноязычных заимствований, фразеологии, словообразования, особенностей языка известных авторов (Кантемир, Третьяковский, Державин, Карамзин).

Одним из важнейших направлений в исследовании языка XVIII века стало изучение, систематизация терминологии формирующихся наук, и в целом анализ становления научного языка (на что указывает Ю.С. Сорокин): «Я хотел бы обратить особое внимание на важность изучения и собирания материалов по истории русской научной терминологии XVIII в.»³³. Эта задача была важна не только с позиции чисто лингвистической. Исследование процессов формирования различных терминологических систем имеет и более широкий фон: оно в результате выявляет особый пласт лексики – «лексики, связанной с выражением важнейших социально-политических, философ-

²⁷ Там же. С. 27.

²⁸ Там же.

²⁹ О необходимости создания словаря синонимов русского языка XVIII века говорил В.В. Виноградов. См.: *Виноградов В.В.* Некоторые вопросы и задачи... С. 6.

³⁰ *Сорокин Ю.С.* О задачах изучения лексики... С. 32–33. Исследованию типов синонимических отношений в языке XVIII века посвящена монография К.П. Смолиной. См.: *Смолина К.П.* Типы синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII века. М., 1977.

³¹ *Сорокин Ю.С.* О «Словаре русского языка XVIII века»... С. 39. Проблема лексической вариантности в языке этого времени не получила в дальнейшем отдельного монографического исследования, вероятно, по той причине, что в работах, посвященных другим аспектам исследования лексики, вопрос о варьировании как неотъемлемой черте языка данного периода рассматривался достаточно подробно.

³² Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л., 1965; Процессы формирования лексики русского литературного языка (От Кантемира до Карамзина). М.; Л., 1966.

³³ *Сорокин Ю.С.* О «Словаре русского языка XVIII века»... С. 20.

ских, этических и эстетических представлений эпохи» («терминологии русского просветительства»)³⁴.

Вероятно, именно с тем, что в XVIII в. «с особенной силой проявилась забота о сложении многих новых терминологических систем»³⁵, связано то, что первыми в ряду намеченных работ по исследованию лексики XVIII века стали две монографии Л.Л. Кутиной, посвященные проблемам формирования естественнонаучной терминологии в первой трети века³⁶. Как отмечает автор, вопрос о русском научном языке традиционно связывается с именем М.В. Ломоносова. Однако периодом «самого деятельного и энергичного обучения основам наук» является первая четверть века, когда возникли петровские школы, были составлены и переведены учебники по разным областям знания, появились первые научно-популярные книги, т. е. «круг научных идей и понятий, которыми оперировала научная письменность доломоносовской поры, был уже очень широк», кроме того, «центр научных интересов в начале XVIII в. решительно переместился с наук гуманитарных ... на науки естественные и математику»³⁷. Первая треть XVIII в. – «эпоха напряженного лингвистического творчества авторов научных книг и переводчиков по созданию русской научной терминологии», когда от решения этого важнейшего вопроса «зависело русское научное и техническое образование»³⁸. Отмечая, что терминология русского языка этого периода лингвистами не изучалась, Л.Л. Кутина говорит о научной важности ее исследования: «Язык научных книг первой трети века дает разнообразный материал для лингвистических наблюдений – и в плане формирования жанрово-стилистических разновидностей складывающегося национального литературного языка, и в плане формирования его лексического состава»³⁹.

В первой монографии рассматривается терминология математики (арифметики, геометрии) и терминология астрономии и географии первой трети века, поскольку именно арифметика, геометрия, астрономия и география являются теми разделами знания, «которые получили значительное развитие с самого начала века и систематическое изложение в пределах первой трети его»⁴⁰.

³⁴ Сорокин Ю.С. О задачах изучения лексики ... С. 33–34.

³⁵ Сорокин Ю.С. Предисловие // Процессы формирования лексики ... С. 3.

³⁶ Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л., 1964; Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII века. М.; Л., 1966.

³⁷ Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. С. 5.

³⁸ Там же. С. 7.

³⁹ Там же. С. 6. Ю.С. Сорокин, говоря о важности изучения Л.Л. Кутиной научного языка доломоносовского времени, писал: «Необходимость разработки этой проблематики прежде всего применительно к начальному периоду, к первой трети или половине века, не только отвечала личным склонностям исследователя. Эта необходимость диктовалась объективными потребностями. Ведь деятельность Ломоносова была уже предметом длительного внимания нескольких поколений исследователей. Многократно обращались и к определению его вклада в язык русской науки. Но совершенно не выясненной оставалась та культурно-языковая подпочва, на которой мог строить терминологические системы в ряде областей научного знания Ломоносов». См.: Сорокин Ю.С. Научный язык XVIII в. и литературный язык (Последняя работа Л.Л. Кутиной) // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII – начала XIX века. СПб., 1994. С. 197–219.

⁴⁰ Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. С. 7.

Одной из главных характеризующих черт языка естественных наук этого периода Л.Л. Кутина называет многоименность: «Первое, что обращает на себя внимание при чтении научных книг первой трети века по астрономии и географии, это то, что каждое научное понятие, которым они оперируют, имеет, как правило, несколько обозначений, терминировано несколькими способами»⁴¹. Цепочки терминов представляют собой как вариантные, так и синонимические ряды, включающие в том числе и заимствования. В качестве одного из примеров автор приводит обозначение понятия пролив: *пролив, пролива, перелив, перелев, горло, гирло, жерло, проток, проход, фрет, море, тесное, узкость, устье, зунт, челюсти моря*⁴².

Причинами подобной многоименности автор называет сосуществование старых («наука допетровская оперировала уже очень значительной суммой научных понятий») и новых терминов; употребление терминов ученой латыни и заимствований из других европейских языков, «которые уже сильно теснят латынь как исключительное средство выражения научной мысли»; активное использование лексических ресурсов собственно русского языка, с чем связано «усиление синонимичности выражения, причем, слова, входящие в синонимические ряды, очень мало дифференцированы в смысловом и стилистическом отношении»⁴³. Названные причины в неодинаковой степени проявлялись в языке разных наук. Так, если в языке математики и астрономии значителен вклад латинского языка и заметно меньше влияние западноевропейской терминологии, то географический язык начала века содержит многочисленные европеизмы (по большей части это заимствования из немецкого) и переводы западноевропейских терминов: *бухта, вулкан, зунд, междуморие, полуостров, предгорие, ураган, шторм, шхеры* и др. В то же время одним из источников пополнения географической терминологии становится местная лексика (северная, сибирская, забайкальская): *падь, пурга, сопка, тундра* и др.⁴⁴ Важной особенностью процесса формирования терминологии естественных наук Л.Л. Кутина называет «включение» в него системных связей слов: «Слово, в котором формировалось специальное значение, обычно привлекало в специальную сферу употребления и весь связанный с ним синонимический ряд выражений»⁴⁵: *вершина – верх – верховье, гладкие места – равные места – плоские места ‘равнины’, наблюдение – примечание – усмотрение, полнолуние – полномесячие, холм – пригорок – бугор* и др.

Вторая монография Л.Л. Кутиной стала продолжением первого исследования – изучение формирования терминологии естественных наук, в данном случае – языка физики.

Автор вновь говорит о сложившемся и укрепившемся мнении, что физическая терминология ведет свое начало от Ломоносова. Однако у великого ученого были предшественники, уже в первом десятилетии появляются книги о физике, статьи по естественнонаучным вопросам, и задача лингвистов проследить, «на какой исторической почве мог возникнуть блестящий естественнонаучный язык Ломоносова, какую работу проделали до него неизмеримо менее знаменитые, но весьма усердные соотече-

⁴¹ Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. С. 194.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 195.

⁴⁴ Там же. С. 200–201.

⁴⁵ Там же. С. 203.

ственники»⁴⁶. Анализу языкового материала предшествует обстоятельный обзор основных трудов по физике, относящихся к первой трети XVIII столетия (с. 6–13).

Лексический материал систематизируется по основным тематическим разделам: история обозначения самой науки о природе (*физика, философия, философия естественная, естествознание, наука естества, знание природы* и др.), методы исследования физических объектов (*наблюдение, присмотр, обсервация, эксперимент, искус, испытание, исследование, опыт, проба* и др.), основные свойства вещества (*протяжение, форма, фигура, непроницаемость, число материи, телесное количество, густость, расширяемость* и др.), частные свойства вещества (*жидкое тело, текущее тело, твердое тело, мокрость, влага, ликвор, флегма, воздух, аер, атмосфера, небесная материя, теплота, студеность, светопроходный* и др.), учение о движении и равновесии (*механика, искусство механическое, сила тяжести, отпрыгательная сила, сила дивизательница, степень движения, скорость, равновесие, равномерие, тиснение* и др.).

Итогом терминологической деятельности первой трети века стало то, что в язык физики вошли и закрепились в научном языке в дальнейшем такие термины, как *материя, вещество, пространство, фигура, непроницаемость, плотность, атомы, атмосфера, рефракция, равновесие, прямолинейное движение, барометр, термометр, опыт* и др.⁴⁷

Неотъемлемой частью процесса формирования физической терминологии (как и терминологии других наук в XVIII в.) стал отбор номинаций: характернейшей чертой терминологии физики в начальный период ее становления явилось то, что «каждое научное понятие получило целую серию, целый пучок обозначений-аналогов»: *материя – вещество – тело – вещь, скорость – беглость – прыткость – борзость – быстрота, луч – промень – радиус, движение – течение – ход – хождение – бег – шествование* и др.⁴⁸ Важную роль в формировании языка физики, как и в языке других наук, играли системные связи слов, в том числе связи синонимические, возникали и активно использовались цепочки слов-терминов, образующих синонимические ряды: *влага – влажность – сырость – волглость – мокрота, густость – дебелость – плотность, частица – атом – корпускул – пункт – монада* и др. «В терминологических цепочках этого времени отразилось действие разнообразных языковых и внеязыковых факторов: состояние научных понятий, наличие различных физических школ, воздействие терминологий смежных наук, характер передачи научных понятий в латыни и западноевропейских языках, особенности перевода, стилистические вариации в пределах русского научного языка, отношения и связи слов в языковой системе этих лет, естественная избыточность процесса первоначальной терминации и пр.»⁴⁹

Определяя основные факторы и направления формирования физической терминологии, Л.Л. Кутина акцентирует то обстоятельство, что поскольку терминология физики складывалась в процессе переводов, ее основным материалом выступал русский язык: «Значительная доля этих понятий уже имела свое выражение в языке, ... логически обработанные научные понятия физики легко накладывались на эти «языковые

⁴⁶ Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики. С. 4.

⁴⁷ Там же. С. 242.

⁴⁸ Там же. С. 244.

⁴⁹ Там же. С. 245.

понятия», а лексическое значение слова сливалось, смыкалось со значением терминологическим, ... семантическая структура таких значений усложнялась». Примерами могут служить слова-термины *луч, свет, тень, пространство, воздух, звук, скорость, тяжесть* и др.⁵⁰

Иноязычная лексика в физической терминологии в большинстве случаев представляет собой в своих истоках заимствования из латинского языка (в том числе и грецизмы ученой латыни), которые к моменту заимствования имели общеевропейскую распространенность и в русский язык могли проникать через немецкое или французское посредство: *фигура, атом, элемент, корпускул, монада, радиус, рефлексия, фокус* и др.

Среди факторов, определявших состав физической терминологии, автор монографии называет наличие двух стилистических типов научного языка, в котором при преобладающем положении славено-русского слога использовались и славянизмы. Л.Л. Кутина отмечает уникальную роль славянизмов, их нейтральность, «непривязанность» ни к одному из двух стилистических типов научного языка – собственно русского и славено-русского при преобладающем положении последнего в начале века.

Принципиальным для изучения процессов формирования научных терминологий является наблюдение о том, что на протяжении трех-четырех первых десятилетий параллельно с указанными тенденциями постепенно, но достаточно активно шел и процесс дифференциации научных понятий, свойственных разным областям знаний (в частности, физике и философии, физике и математике), а вместе с этим и процесс размежевания свойственной им терминологии (например, термины *материя, тело, форма* в физике и философии). Как отмечает автор, «физическая терминология первой трети века отражает процесс смысловых и терминологических размежеваний философии и физики и усиление контактов физики и математики»⁵¹.

Ценной частью исследования является словоуказатель, содержащий 298 лексических единиц (с. 282–286).

Монография Л.Л. Кутиной получила высокую оценку не только отечественных, но и зарубежных лингвистов. Особо подчеркивалось, что автор исследования не только с полной ясностью и обстоятельностью определил основные задачи изучения научной терминологии данного периода, но и дал в Заключении глубокое обобщающее представление о процессах формирования научных терминологий в России XVIII века⁵².

Исследованию естественнонаучной терминологии посвящено несколько статей В.В. Замковой⁵³. В первой статье дан анализ физической терминологии, употребленной М.В. Ломоносовым при переводе с латинского «Вольфианской экспериментальной физики» (1744) и получившей дальнейшее развитие в последующих трудах Ломоносова по физике. Повторяя наблюдения Л.Л. Кутиной, В.В. Замкова также отмечает, что большинство использованных терминов «не является изобретением самого Ломоносова», что, хорошо зная физическую литературу своего времени, «он производит тщательный отбор терминологии, уже имеющейся в научном обиходе начала

⁵⁰ Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики. С. 245.

⁵¹ Там же. С. 263.

⁵² Михайлова Е. Ново изследване из историята на руската научна терминология // Български език. 1970. XX. Кн. 1. С. 69–72.

⁵³ Замкова В.В. Физическая терминология в «Вольфианской экспериментальной физике» М.В. Ломоносова // Материалы и исследования по лексике... С. 87–115; она же. Терминология пробирного дела и аффинажа в русском языке XVIII века // Процессы формирования лексики ... С. 52–80.

XVIII в.»⁵⁴. К таким терминам относятся *протяжение, фигура* ‘форма’, *ареометр, барометр, манометр, микроскоп, тягость* и др. Среди терминов, впервые появившихся у Ломоносова, автор называет *воздушный насос, упругость воздуха, воздушное сопротивление, сжатый воздух* и др. Одним из несомненных достоинств ломоносовской терминологии В.В. Замкова называет однозначность (например, исключительное употребление термина *тягость*, при том что в работах других авторов выступает синонимический ряд *тягость – тяжесть – тяжелость – тяжелина*), ибо термин Ломоносова «строго прикреплен к определенному научному понятию»⁵⁵. Обобщая свои наблюдения, В.В. Замкова пишет: «Ломоносов использует уже сложившуюся терминологию в области оптики, в области физики, рассматривающей атмосферные и магнитные явления, ... употребляет уже установившиеся в науке термины в том виде, в каком они существуют в языке; он не пытается переводить на русский язык те иноязычные по происхождению термины, которые прочно вошли в язык физики его времени»⁵⁶.

Вторая статья В.В. Замковой посвящена истории химической терминологии и написана на материале нескольких трудов середины и конца XVIII в. Автор рассматривает терминологию пробирного дела (пробы драгоценных металлов) и аффинажа (очищение драгоценных металлов от примесей). Анализируются названия приборов и посуды (*скребок, пробирная доска, изложница, гиспукель, колба, реторта, острогубцы, таганчик* и др.), наименования печей (*пробирная печь, капеленная печь, дистиллирная печь, редуцирная печь*), а также лексика, связанная с процессами очищения металлов (*клер, флус, плавень, шлак, обгарины, изгарины, оплавки, кальцинировать, пожигать, пережигать, перечищение, очищение* и др.). По своему происхождению терминология пробирного дела формировалась как из исконно русской лексики, так и из заимствованной (примерно в равном соотношении). Как отмечает автор, исконно русская лексика этой тематической группы существовала в русском языке до XVIII в. и нашла полное отражение в САР, где однако не всегда отмечается ее специальное значение, в частности, это касается глаголов, обозначающих различные действия при пробирном анализе: *знать, прохладиться, простынуть, чистить, обжигать, курить* и др.⁵⁷

Терминология русского языка XVIII века является одной из активно разрабатываемых лексикологических тем и по настоящее время. Процессы формирования терминологической лексики в языке XVIII века рассматриваются на материале разных наук и сфер деятельности (причем, данной проблемой занимаются не только лингвисты): философии, естественных наук (физики, математики, химии, астрономии и др.)⁵⁸, филоло-

⁵⁴ Замкова В.В. Физическая терминология... С. 94.

⁵⁵ Там же. С. 106–107, 114.

⁵⁶ Там же. С. 114.

⁵⁷ Замкова В.В. Терминология пробирного дела... С. 70–71.

⁵⁸ Хомякова Е.Ю. Русская химическая терминология 18 века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984; Итунина А.Л. Формирование ботанической терминологии в языке русской науки XVIII – первой четверти XIX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1999; Веклич М.В. Формирование русской анатомической терминологии (XVIII век). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 1999; Соколов А.И. Новая химическая номенклатура в русских переводах конца 18 века (на материале двух переводов учебника Йозефа Франца Жакена) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII. Ч. 3. СПб., 2012. С. 132–158; он же. Из истории химической терминологии XVIII – начала XIX вв. (*земля – известь – пепел – оксид*) // От буквы к словарю. Сб. научных статей к 200-летию со дня рождения академика Я.К. Грота. СПб., 2013. С. 275–282; он же. Наименования «воздухообразных»

гии⁵⁹, искусства⁶⁰, общественно-политической жизни, дипломатии, уголовного и гражданского права⁶¹, разных сфер деятельности и областей знания и др., рассматриваются вопросы развития терминологических значений у общеупотребительных слов, роль определенных словообразовательных моделей в формировании терминологии и др.⁶²

В центре внимания при изучении русского языка XVIII века всегда были новые заимствования, поскольку они выступают одной из ярких особенностей языка данного периода⁶³. В 1972 г. в ряду запланированных монографических описаний лексики XVIII века появляется исследование Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной⁶⁴. Данная работа до настоящего времени является одним из фундаментальных трудов по изучению заимствованной лексики русского языка этого периода. Исследование написано на базе собранных за 1960–1970 гг. лексических материалов для Картотеки «Словаря русского языка XVIII века»⁶⁵ и специальных целенаправленных выборок из тек-

веществ в русской химической терминологии XVIII – начала XIX века // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. Т. XIII. Ч. I. СПб.: Наука, 2017. С. 939–990.

⁵⁹ *Берков П.Н.* Очерк развития русской литературоведческой терминологии до начала XIX в. // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1964. Т. XXIII, вып. 3. С. 238–247; *Елисеева И. Ю.* Формирование литературоведческой терминологии в русском языке XVIII века (обозначение жанров) Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984; *Федаева Т.И.* Русская лингвистическая терминология второй половины XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997; *Василенко Т.В.* Терминология русских риторик XVIII – начала XIX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999; *Карева Н.В.* Наименования глагольных категорий в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011; *Колесникова Е.А.* К проблеме становления русской лингвистической терминологии (вторая половина XVIII – первая треть XX вв.): лексикологический и лексикографический аспекты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011; *Корнейчук Ю.В.* Структурная характеристика синтаксической терминологии в российских грамматиках конца XVIII – первой половины XIX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижневартовск, 2012.

⁶⁰ *Лисицына Т.А.* Язык русской науки второй половины XVIII века: терминология искусствознания. СПб., 1994.

⁶¹ *Алексеев А.А.* Из истории общественно-политической лексики русского языка XVIII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972; *Сергеева М.Ф.* Функционирование и развитие русской дипломатической терминологии в XVIII веке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1993; *Шамишин И.В.* Административная лексика в памятниках деловой письменности XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998; *Попова Л.В.* Русская юридическая терминология XVIII века в структурно-семантическом и лингвокультурологическом аспектах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007; *Голиков Л.М.* Развитие терминологии уголовного права в русском языке XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2008; *Овчинникова М.В.* Терминология уголовного права XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008; *Смирнова Н.В.* Развитие терминологии гражданского и административного права в русском языке XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мурманск, 2009.

⁶² *Петрова З.М.* Роль прилагательных на *-арный/-ярный* в формировании специальной терминологии русского языка XVIII в. // *Функциональные и социальные разновидности...* С. 46–62; *Лисицына Т.А.* Становление языка русской науки (взаимодействие терминологических и обиходных значений) // *Функциональные и социальные разновидности...* С. 31–45; *Романова Н.Г.* Функционирование отглагольных существительных на *-ние* в научной прозе М.В. Ломоносова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002; *Купчинаус Н.Э.* Прилагательные с формантом *-ский* в языке М.В. Ломоносова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2008.

⁶³ См., например: *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // *Сборник Отделения русского языка и словесности*. Т. 88. № 2. СПб., 1910; *Huttl-Worth G.* Foreign Words in Russian. A Historical Sketch, 1550–1800. University of California Publications in Linguistics. Berkeley Los Angeles: Univ. of California press, 1963.

⁶⁴ *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

⁶⁵ К 1970 году Картотека содержала 1 366 780 карточек–цитат.

стов XVIII в. Как подчеркивали авторы, «все общие выводы исследования опираются на учет конкретных данных о вхождении в русский язык этого времени большого числа заимствованных слов»⁶⁶. Большой объем фактического материала как одно из достоинств исследования отмечали и рецензенты: «Благодаря обилию рассмотренных конкретных фактов XVIII в. картина получается полной и достоверной»⁶⁷.

Предваряя анализ собственно языкового материала, определяя цели и задачи своего исследования, авторы детально анализируют проблемы, возникающие при рассмотрении роли и судьбы заимствований в языке XVIII века, среди которых: а) проблема языковых контактов, степень влияния того или иного иностранного языка на принимающий язык (взаимопроникновение, интерференция контактирующих языков); б) проблема определения степени взаимодействия языков на разных языковых уровнях; в) проблема классификации заимствований при синхроническом и диахроническом рассмотрении, прежде всего по языку-источнику, что для русского языка XVIII века весьма важно, поскольку «возможность одновременного заимствования лексемы (или ряда лексем) из нескольких языков ... не только осложняет определение источника заимствования, но и существенно изменяет характер протекания формальной адаптации в новой среде»⁶⁸; г) проблема установления крайних точек процесса – время заимствования и время освоения заимствованного («это определение не только хронологическое, оно предполагает качественную характеристику двух состояний в истории заимствованного слова на почве заимствовавшего языка»)⁶⁹, кроме того, в лингвистике неоднозначно решается вопрос о «точке отсчета» в истории заимствования: первая фиксация в тексте или акт неоднократного заимствования; д) проблема адаптации иноязычного слова – освоение его формальной стороны и его семантики, причем, центральным в процессе адаптации иноязычного слова является его семантическое освоение: «Семантическое освоение заимствований – это вопрос о включении его в лексико-семантическую систему принимающего языка, установление разнообразных связей его с исконными элементами словаря, включение его в разнообразные ряды и цепи зависимостей, по разным направлениям пересекающие словарный состав языка»⁷⁰. Особый раздел введения посвящен обзору работ по истории изучения иноязычной лексики XVIII века (с. 14–19). Существенным вопросом для изучения новых заимствований в языке XVIII века является вопрос о социально-исторической ситуации России того времени, подробный анализ ее содержит первая глава монографии (с. 23–82).

Обширный языковой материал (более 11000 слов) получил в монографии всестороннее описание с точки зрения освоения его русским языком: фонетическая и морфологическая адаптация (*арлекин – герлекин – херлекин, дисциплина – дисциплина, привилегия – привилежия; акция – акцион, децизия – децизио, ромбос – ромбус – ромб*), семантическая адаптация и семантическое развитие иностранных слов (например, слово *ветеран* первоначально употреблялось только в отношении французских солдат,

⁶⁶ Биржакова Е.Э. и др. Очерки... С. 3.

⁶⁷ Василевская И.А. [Рец. на:] Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972 // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 140.

⁶⁸ Биржакова Е.Э. и др. Очерки... С. 10.

⁶⁹ Там же. С. 10.

⁷⁰ Там же. С. 13.

в дальнейшем стало обозначать заслуженных, бывалых или старых, отставных солдат любой армии; слово *период* первоначально употребляется как астрономический термин, обозначающий оборот, круговращение планеты; с середины века начинает обозначать отрезок времени, в течение которого что-либо происходит). Описание сопровождается большим количеством таблиц, показывающих этапы адаптации на разных хронологических срезах: первая треть века, 40–60-е гг. и 70–90-е гг. (*микроскопиум, микроскопия, микроскопий – микроскопиум, микроскоп – микроскопия, микроскоп; сал, сала, салла, зал, зала – зала, зал, зало, сала, салла, саля – зал, зало, зала; фразис, фразес – фразис, фраз, фраза – фраза, фраз, фразис*).

Особую ценность исследования составляют Словарь вхождений (идеографическая схема и образцы словарных статей) (с. 101–170) и Хронологический-этимологический словарь иноязычных заимствований (с. 334–408). Помимо самостоятельной научной ценности (даны, уточнены и исправлены этимологии целого ряда заимствованных слов) эти разделы до настоящего времени имеют важное практическое значение: их данные используются при подготовке материалов для «Словаря русского языка XVIII века».

Исследование получило высокую оценку рецензентов, подчеркивавших, что книга «является шагом вперед не только по объему обследованного материала, но и по ряду новых соображений и выводов»⁷¹. Несомненным достоинством книги называется то, что заимствование последовательно рассматривается как динамический процесс, который проявляется в значительном числе вариантов, в синонимических рядах, в семантической адаптации, явлении вторичного заимствования и др.⁷²

Рецензенты отмечали, что несмотря на преимущественную ориентацию монографии на петровскую эпоху, в чем проявляется ее некоторая односторонность, а также некоторую выборочность описываемого лексического материала («в поле зрения оказываются не все заимствования и иностранные контакты этой поры, а только западно-европейские») исследование характеризуется многоаспектностью анализа: собственно лексикологическое исследование дополняется лексикографическими материалами и статистическими выкладками⁷³. Важным аспектом исследования является рассмотрение связи изучаемых явлений с развитием литературной нормы (состояние общей нормы литературного языка в петровскую эпоху, характер орфографической и орфоэпической нормы при фонетической и морфологической адаптации, языковая смена – способы и причины и др.): «К вопросу о норме авторы обращаются всякий раз, когда речь идет о наиболее значительных языковых сдвигах»⁷⁴. Кроме того, монография стала серьезным вкладом в развитие теории и истории заимствований в русском языке: «Здесь можно найти не только убедительное свидетельство в пользу тезиса о сильной вариантности и семантической диффузности иностранного слова в начальный период его проникновения на заимствующую почву. Представляют интерес положения об исторической изменчивости наиболее активных в отношении заимствований функциональных сфер и литературных жанров, о детерминации в первую очередь основных и

⁷¹ Хютль-Ворт Г. [Рец. на:] Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования / Отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л., 1972 // Russian Linguistics. 1974. I. С. 76.

⁷² Хютль-Ворт Г. Рец.... С. 74–75.

⁷³ Василевская И.А. Рец.... С. 140.

⁷⁴ Там же.

общенаучных терминов, о непрямолинейном характере адаптации иноязычного материала, ее многослойности и национальной специфичности, ... постоянно ощущаемое стремление проецировать наблюдаемые конкретные явления на фон общей теории (будь то проблема системности лексических изменений или вопрос о соотношении языка и речи) ставит рецензируемое исследование в ряд теоретико-описательных»⁷⁵.

Займствования как наиболее яркая и заметная черта русского языка данного периода неоднократно были объектом наблюдений: в отдельных текстах (в том числе и в лексикографических трудах)⁷⁶, у отдельных авторов⁷⁷, займствования из разных языков⁷⁸ и пр.; рассматривались вопросы изучения разных способов адаптации иноязычных новаций и возникающая в связи с эти вариантность⁷⁹ и др.

С проблемой формирования русского литературного языка на национальной основе неразрывно связаны два важных аспекта исследования лексики: с одной стороны, судьба в русском языке и роль в становлении литературного языка нового типа лексики церковнославянской, с другой – проникновение в литературный язык и закрепление в нем элементов народно-разговорного языка. Проблемам русского просторечия, в том

⁷⁵ Василевская И.А. Рец... С. 140.

⁷⁶ Василевская И.А. Отражение новых иноязычных займствований в русской лексикографической практике XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969; *Пылакина О.А.* Галлицизмы сферы фортификационного дела в русской переводной письменности начала XVIII в. // Актуальные вопросы русской филологии. М., 1976. С. 66–75; *Пичугина О.А.* Процессы освоения топонимических галлицизмов в русском языке XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991; *Чиркова С.В.* Займствованная западноевропейская лексика в документах соляных промыслов Западного Урала середины XVIII – начала XIX века // Мир славянских, германских и романских культур: их взаимосвязи и взаимодействие в языке и литературе. Пермь, 2000. С. 157–166; *Геранина И.Н.* Процесс займствований и его упорядочение во второй половине XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001; *Ваши С.* Иноязычная лексика и особенности её использования в путевых записках Петровского времени. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007; *Терентьева Л.К.* Иноязычная лексика и ее адаптация в документах церковного и административного делопроизводства XVIII в. г. Тобольска. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2012.

⁷⁷ *Ковалевская Е.Г.* Иноязычная лексика в произведениях Н.М. Карамзина // Материалы и исследования по лексике... С. 226–250; *Веселитский В.В.* Иноязычные слова и их эквиваленты у Кантемира // Проблемы современной филологии: Сб. ст. к семидесятилетию академика В.В. Виноградова. М., 1965. С. 53–57; *Гайнуллина Н.И.* Займствованная лексика в письмах и бумагах императора Петра Великого. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973; *Алексеева М.П.* Семантическое освоение латинизмов в русском литературном языке XVIII века (на материале научной прозы М. В. Ломоносова). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1983; *Ясинская М.Б.* Лексические займствования в Петровскую эпоху и языковая личность: на материале историко-биографической прозы Б. И. Куракина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004; *Конончук И.Я.* Письма А.В. Суворова как источник изучения займствованной лексики и процессов ее адаптации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007.

⁷⁸ *Хютль-Ворт Г.* О западноевропейских элементах в русском литературном языке XVIII в. // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 144–153; *Летаева Л.А.* Галлицизмы в русской комедии и частной переписке второй половины XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 1997.

⁷⁹ *Василевская И.А.* К вопросу о формальной дублетности иноязычной лексики в заимствующем языке (На материале русского языка XVIII в.) // Процессы формирования лексики... С. 285–310; *Соколов А.И.* Фонетическая адаптация займствований как источник вариантности в русской химической терминологии XVIII – начала XIX веков // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб., 2015. С. 481–495. В настоящее время группа «Словаря русского языка XVIII века» работает над составлением Корпуса вариантов лексики русского языка XVIII века, в котором в отдельный раздел вынесены варианты займствований XVIII в. См.: *Мальшиева И.А.* Корпус вариантов лексики русского языка XVIII века: основные проблемы // Lex–2015. Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. СПб., 2016. С. 454–476.

числе и в языке XVIII века, посвящен ряд исследований, среди которых прежде всего следует отметить работы Ю.С. Сорокина, написанные еще до начала планомерного исследования словарного состава языка этого времени⁸⁰. Первая статья была написана на материале «Словаря Академии Российской» в рамках рассмотрения общей проблемы – формирование русского литературного языка Нового времени. Для анализа была взята лексика, «которая тесно связана с живой разговорной и народной речью и составляет в Словаре особые разряды под наименованием “просторечия” и “простонародного употребления”»⁸¹.

Основное внимание в статье сосредоточено на стилистической функции просторечной лексики и на дальнейшей судьбе в языке слов с просторечной окраской. Однако не меньший интерес статья представляет и для исторической лексикологии: многочисленные примеры просторечной лексики (*авось, барабошить, вахлак, втюривать, корнать, канючить, шушера* и др.); анализ показа просторечных слов в САР; дополнительные иллюстрации из текстов XVIII века; характеристика групп лексики, развивающейся на фоне общей и нейтральной семантики просторечные значения (*мытарь* ‘собиратель мыта’ → ‘кто через разные обманы снискивает, добывает что-нибудь’, *промышлять* ‘добывать пропитание каким-либо промыслом’ → ‘доставать что-нибудь у кого-нибудь’); выделение признаков, на основе которых авторы САР определяют значение, сопровождаемое пометой *Просторечн.* (например, с данной пометой чаще выступают «переносные, образно очерченные значения» или «формы резко-экспрессивные, стилистически ограниченные» и др.⁸²). В отдельном разделе статьи содержится развернутый анализ причин непоследовательности отнесения авторами САР тех или иных слов к просторечию (с. 145–155).

В 1974 г. была опубликована монография Г.П. Князьковой, посвященная изучению просторечия в русском языке XVIII в.⁸³ Во введении автор пишет: «Могучий, вечно живой источник литературного языка – общенародная разговорная речь ... пока что остается неизученным на одном из важнейших этапов сложения русского литературного языка»⁸⁴. Г.П. Князькова обоснованно утверждает, что абсолютизация одной из сторон развития литературного языка (роль церковнославянского источника) и в то же время предполагаемое ограничение сферы влияния разговорного языка приводит к искажению объективной картины разворачивающихся процессов формирования литературного языка нового типа. Одним из доказательств расширения сферы функционирования разговорной речи служит эпистолярное наследие представителей образованного

⁸⁰ Сорокин Ю.С. Разговорная и народная речь в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 1. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 95–160; Сорокин Ю.С. «Просторечие» как термин стилистики // Доклады и сообщения филологич. ф-та ЛГУ. Вып. 1. 1949. С. 124–137.

⁸¹ Сорокин Ю.С. Разговорная и народная речь... С. 96.

⁸² Там же. С. 118–120.

⁸³ Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974. См. также: Фонштейн В.М. Русская разговорная речь второй половины XVIII века и ее отражение в языке комедии (Лексика). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973; Тарасов М.И. Лексика комедий конца XVIII – начала XIX: К проблеме становления нормированной разговорной разновидности русского литературного языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1997; Щербакова Н.Н. Словообразование русской просторечной лексики XVIII века. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Омск, 2006.

⁸⁴ Князькова Г.П. Русское просторечие. С. 3.

общества (придворных, писателей, ученых, образованного дворянства), в котором находят широкое отражение ресурсы русской разговорной речи⁸⁵.

Г.П. Князькова определяет просторечие как «функционально-стилистическую категорию, обладающую стилистической маркированностью, проявляющейся как сниженность, опрошенность»⁸⁶, «в применении к лексике в этом случае можно говорить о специфических словах и значениях слов, присущих общенародной разговорной речи»⁸⁷.

Исследование просторечной лексики проводится на материале текстов «низких» жанров второй половины XVIII века: басня, сатирическая поэзия, сатирическая журналистика, комедия и комическая опера и под. Своего рода ориентиром в определении разговорной лексики своими пометами (*В простор.*, *В простореч.*, *В просторечии*, *простонар.*) выступает «Словарь Академии Российской».

Просторечная лексика анализируется с точки зрения ее генетических характеристик, словообразовательных особенностей, распределения по лексико-тематическим и лексико-семантическим группам. В рамках этих аспектов исследования рассматриваются вопросы семантических изменений разговорной лексики.

С точки зрения происхождения, как пишет Г.П. Князькова, просторечная лексика неоднородна: большую ее часть составляет русская лексика, в том числе и восходящая к общеславянским или восточнославянским словам или образованная на их основе (*баба, верещать, доконать, докука, каверза, канючить, кукиш, пузо, свара, тупица, тюкать, уйма, чваниться* и др.). Среди просторечной лексики немало слов, имеющих диалектное происхождение, однако автор исследования подчеркивает, что недостаточность знаний о диалектах XVIII в. не позволяет «с необходимой полнотой охарактеризовать вклад этого источника в формирование просторечия»⁸⁸. Тем не менее определяется некоторый круг просторечных слов, пришедших из говоров: *артачиться, буркалы, горлопан, ерепениться, кочевряжиться, стибрить, чекрыжить* и др. С другой стороны, в составе просторечной лексики выделяется группа слов, образованных на основе заимствований, вошедших в русский язык в разное время: *грамотей, насанда-лить, рифмач, содомный, стихач* и др.

Отдельного внимания, по мнению автора, заслуживает пласт просторечной лексики, созданной по типичным для народно-разговорного языка словообразовательным моделям. Г.П. Князькова рассматривает образования от именных основ с аффиксами *-ай/-яй, -ак/як, -аль, -ан/-ян, -ач, -арь, -уй, -ыш* и др.: *замотай, кисляй, плешак, мозгляк, враль, брюхан, зубач, гнусарь, обалдуй, гладыш* и др. Специфичность же глагольного просторечия, согласно автору, в том, что при многочисленности образований с помощью префиксов весьма немногочисленны суффиксальные. В работе приводится список глаголов на *-ничать*, обозначающих отрицательно оцениваемые действия (*алтынничать, баклушничать, вельможничать, криводушничать, нахальничать, повесничать, самовольничать, своенравничать, ябедничать* и др.), и, как подчеркивает исследователь, эта группа лексики представлена в САР в меньшем объеме, чем первоначально в «Аналогических таблицах». В целом просторечные новообразования явля-

⁸⁵ Князькова Г.П. Русское просторечие. С. 4–5.

⁸⁶ Там же. С. 9.

⁸⁷ Там же. С. 8.

⁸⁸ Там же. С. 76.

ются характерной чертой для второй половины XVIII века, однако процесс их оформления и определения как просторечных не был единым: одни словообразовательные группы (например, существительные со значением лица по какому-либо признаку) уже воспринимались носителями языка как элементы простой речи, в других же лишь намечалась подобная тенденция: «Колебания и непоследовательность в пометах к словам одной словообразовательной модели в Словаре Академии Российской при проверке их на контекстах позволяют предположить, что они в известной мере отражают зыбкость и неопределенность границ просторечной лексики с лексикой нейтральной»⁸⁹. Не был окончательно установлен состав таких групп.

В отношении исследования лексики XVIII в. наиболее значимой является глава монографии, посвященная анализу семантических особенностей просторечия. Обширность и многообразие состава просторечной лексики, неизученность ее, сложность выявления семантических характеристик слова обусловили выбранный автором способ описания по тематическим группам. Исследование семантики просторечной лексики сосредоточено на двух основных направлениях: с одной стороны, это значения моносемичных слов, количество которых во второй половине XVIII в. было внушительным, с другой – значения «слов, признаваемых просторечными только в значениях производных, образованных от производных номинативных значений»⁹⁰.

Просторечная лексика отражает преимущественно бытовую сферу, наиболее частотна в этой группе предметная лексика: названия кушаний и напитков, одежды и ее частей, названия построек и их частей, домашней утвари, названия животных, растений, явлений окружающей природы и т. п. (*жемок, овсяник, тюрка, шаньга; бахилы, гачи, зепь, повойник, сермяга, шушун; задворье, кут, надызбица, подклет, подоконье; баклага, утиральник; кочет, листвяк, можжеуха, ольшняк, савраско; гололедка, ростопель* и др.). Кроме того, «центральное положение в кругу просторечной лексики занимали слова, связанные по значению с человеком: с его физическим строением, внешностью, с положением в семье, в обществе, с особенностями характера и поведения»⁹¹ (*башка, правша, рыло, батя, братень, матка, махотка, остарок* и др.). Значительный материал представляет глагольная лексика, обозначающая различные действия, состояния, чувства и т. п. (*верещать, выдрыхнутья, калякать, колобродить, лопать, наплутовать, обожраться, опешить, остолбенеть, проглазеть, проказить, рюмить, цунять* и др.).

В монографии представлена подробная тематическая систематизация всего многообразия групп просторечной лексики, связанной преимущественно с обиходной стороной жизни человека (с. 114–150).

Одной из заметных черт просторечной лексики Г.П. Князькова называет определенную избирательность в выборе объектов номинации. Так, при наличии нескольких просторечных слов *буркалы, зенки, бельмы*, называющих глаза, в просторечии нет соответствий литературным словам *нос, уши, губы*: «Неравномерность проявляется в преимущественном отборе групп слов, характеризующих человека по его качествам, действиям, поступкам и т. д. отрицательного плана, а также слов, обозначающих отри-

⁸⁹ Там же. С. 111.

⁹⁰ Там же. С. 113.

⁹¹ Там же. С. 119. Оценочности как одной из характерных особенностей просторечной лексики посвящена глава «Характеристике оценочности просторечия» (с. 152–182).

цательные свойства, действия, поступки человека ... Избирательность состава просторечия, количественная и качественная неравномерность ... является закономерным отражением процесса приобретения стилистической сниженности»⁹².

Семантическая характеристика просторечия показывает еще одну важную черту данной группы лексики – возможность образования производных просторечных значений. По мнению Г.П. Князьковой, «причины этого лежат в характерности источника просторечия – разговорной речи, ориентированной на мгновенное понимание собеседников, и состоят в большей эффективности образа благодаря яркости называемых им представлений, в сравнительной легкости восприятия слов в значениях, основанных на образном переосмыслении»⁹³. Тексты, в которых отражена разговорная речь, показывают значительное число просторечных слов в производных (переносных) значениях. Подобную семантику развивают слова различных тематических групп, например, названия животных и частей их тела, употребленные по отношению к человеку (*байбак* ‘ленивый, неповоротливый человек’, *пьявица* ‘о жадном, ненасытном человеке’, *рыло*), названия действий животных, перенесенных на действия человека (*гоготать, реветь, нахохлиться, подлететь*) и др. Обобщая наблюдения над семантическими особенностями просторечной лексики данной сферы употребления, Г.П. Князькова пишет: «Исследование семантических особенностей просторечной лексики показывает, что в ее составе постепенно сосредоточились слова с определенными семантическими свойствами. Для них характерна конкретность значения, краткость и емкость выражения, определенного рода оценочность»⁹⁴.

В 1975 г. было издано очередное исследование в рамках изучения лексики русского языка XVIII в.⁹⁵ Монография В.В. Замковой посвящена одному из актуальнейших вопросов, связанных с историей русского языка XVIII в., – вопросу о роли славянизмов в процессе формирования литературного языка нового типа. Как отмечал Ю.С. Сорокин, «для XVIII в, вплоть до самого его конца, было живым и руководящим понятие “славено-русского языка”». Обширная категория славянизмов еще не была вполне разобрана и переплавлена в русском языковом материале; она сохранила свое особое и часто господствующее положение»⁹⁶.

В монографии В.В. Замковой рассматриваются такие вопросы, как роль теоретических представлений и языковой практики В. Тредиаковского, М. Ломоносова, А. Сумарокова, сыгравших ведущую роль в процессе осознания роли славянизмов в русском языке (прежде всего стилистическая теория М. Ломоносова), место славянизмов в системе русского литературного языка XVIII века, роль художественной литературы в процессе функционирования и трансформации славянизмов и др. В целом вопрос о славянизмах относится к проблемам исторической стилистики, однако не менее значим он и для изучения истории лексики языка данного периода (семантическое соотношение и взаимообогащение русских и славянских языковых средств, их синонимические отношения, расширение или изменение сферы употребления славянизмов и др.).

⁹² Князькова Г. П. Русское просторечие. С. 130.

⁹³ Там же. С. 131–132.

⁹⁴ Там же. С. 150.

⁹⁵ Замкова В.В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975.

⁹⁶ Сорокин Ю.С. О «Словаре русского языка XVIII века»... С. 26.

Лексикологический аспект исследования в большей степени представлен в первой главе «Славянизмы в системе русского литературного языка середины XVIII в.», в которой рассматривается проблема выделения славянизмов в лексической системе языка, в том числе и с точки зрения современников – носителей языка того времени. Для решения этой проблемы В.В. Замкова обращается к лексикографическим трудам XVIII в., и прежде всего к первым академическим словарям⁹⁷. Анализ проводится на основе пометы *Сл.*, сопровождающей словарное слово. В работе приводятся пространные списки слов (не только знаменательных, но и служебных) из обоих словарей, снабженных указанной пометой (с. 21–25, 27–30). Славянизмы, зафиксированные в этих словарях, рассматриваются автором монографии с разных позиций: признаки славянизмов; их семантическая разработка в словарях, причем, обращается внимание на толкования, показывающие полную синонимичность соотносительных слов (*благо – добро, блюсти – хранить, борзый – скорый* и др.), с другой стороны – говорящие о стилистических различиях синонимических пар (*глаголать – говорить, видеть – зреть, тать – вор* и др.); выделяется группа славянизмов, не имеющих синонимов-русизмов (*алкать, бдеть, блуд, ваяти, тризна* и др.); определяется отсутствие семантического и стилистического различия в соотносительных парах славянизм – русизм (*дубрава – дуброва, ветр – ветер, слина – слюна, студ – стыд* и др.); устанавливается семантическое развитие славянизмов (*алкать* ‘чувствовать голод’ → с середины века ‘сильно желать чего-либо’) и изменение в стилистической окраске (в синонимической паре *бдеть – бодрствовать* первый глагол в середине века не был стилистически окрашен, второй – получает торжественную окраску и употребляется только в высоком стиле).

Отдельный раздел посвящен образованиям с церковнославянскими аффиксами (*воз-, низ-, пре-, -тель*), которые «в XVIII в. уже прочно усвоены русским литературным языком и не являлись определяющим фактором для выделения славянизмов»⁹⁸ (*бдитель, вседатель, живототворитель, обаятель, предстоятель, хриstopодража-тель* и др.).

Вопросу славянизмов (церковнославянизмов) в языке XVIII в. посвящена статья Е.А. Захаровой и З.М. Петровой, написанная в связи с переизданием «Словаря Академии Российской»⁹⁹. В кратком обзоре судьбы славянизмов в XVIII в. авторы называют основные изменения, коснувшиеся церковнославянской лексики. В первую очередь это расширение контекстов (переводная, научная литература), в которые проникали славянизмы, и в связи с чем они не только развивали переносные значения, утрачивали или «затемняли» первоначальное значение, но, что более важно, теряли свою стилистическую маркированность, переходя в разряд нейтральной лексики: «стилистически не мотивированное употребление церковнославянской лексики» стало характерной чертой языковой практики этого периода¹⁰⁰. Кроме того, многие церковнославянизмы

⁹⁷ Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1806–1822.

⁹⁸ Замкова В.В. Славянизм как стилистическая категория... С. 85.

⁹⁹ Захарова Е.А., Петрова З.М. Церковнославянская лексика в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.) и в «Словаре русского языка XVIII века» // Словарь Академии Российской. М., 2002. Т. III. С. 20–28.

¹⁰⁰ Захарова Е.А., Петрова З.М. Церковнославянская лексика ... С. 21–22.

начинают развивать терминологические значения, и, как отмечают авторы статьи, «хотя этот процесс был живым в XVIII веке, он уже получил отражение в САР»¹⁰¹.

И славянизмы, и просторечная лексика сыграли важную роль в процессе формирования русского литературного языка нового типа: «книжно-славянский (т. е. поздний церковнославянский) язык находился в непрестанном взаимодействии с русским народно-литературным языком, функции которого к XVIII веку значительно усложняются, а сфера контактов с книжно-славянским языком расширяется»¹⁰². Ю.С. Сорокин, говоря о формировании нормы в истории русского литературного языка XVIII века, подчеркивал, что наиболее сложной и пестрой была картина нормализации в области лексики, выделяя в этом процессе роль славянизмов и просторечной лексики: «Говоря об изменениях в словарном составе русского литературного языка за время от Ломоносова до Карамзина и Пушкина, обычно подчеркивают ограничения книжно-архаических, “славенских” элементов и расширение прав народного просторечия. Это верно. Но не следует забывать, что в течение второй половины XVIII в. и первых десятилетий XIX в. очень сильно сменился в литературном употреблении и просторечный репертуар»¹⁰³.

Одно из важных направлений исследования лексического состава русского языка XVIII в. – изучение процессов обогащения словарного состава языка этого периода. Очевидно, что динамические процессы в словарном составе языка XVIII века не ограничивались проникновением в него заимствований, но были также вызваны появлением значительного количества неологизмов, абсолютное большинство которых возникло на базе словообразовательных средств русского языка.

В 1956 г. была опубликована монография Г. Хютль-Ворт об обогащении словарного состава русского языка XVIII в.¹⁰⁴ Работа получила обстоятельную рецензию Ю.С. Сорокина, который в первую очередь отметил, что «не все стороны этого сложного процесса ... охвачены даже применительно к литературному языку XVIII в.»¹⁰⁵. В исследовании Г. Хютль-Ворт основное внимание обращено на создание новых слов из русско-славянских словообразовательных компонентов и на семантическое преобразование слов под влиянием европейских языков. Комментируя выбор автором такого материала для исследования, Ю.С. Сорокин пишет: «Обогащение словарного состава в это время было в той или иной степени связано и с прямым заимствованием слов из других европейских языков, с их усвоением и преобразованием на русской почве, с возрождением и оживлением в литературной практике этого времени некоторых старых слов, особенно славянизмов, и с процессом усвоения литературной речью слов

¹⁰¹ Захарова Е.А., Петрова З.М. Церковнославянская лексика... С. 25.

¹⁰² Кутина Л.Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Лексико-стилистическая характеристика // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. Л., 1982. С. 7.

¹⁰³ Сорокин Ю.С. К вопросу о сложении литературной нормы в русском языке XVIII века // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976. С. 190. Вопрос о соотношении церковнославянских и просторечных элементов (в том числе и лексических) в аспекте социальной дифференциации языка с целью создания «социально престижной формы» рассматривается в одной из работ А.А. Алексеева. См.: Алексеев А.А. О социальной дифференциации русского языка в XVIII в. // А.А. Алексеев. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. С. 154–170.

¹⁰⁴ Hüttl-Worth G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956.

¹⁰⁵ Сорокин Ю.С. [Рец. на:] Hüttl-Worth G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956 // Вопросы языкознания. 1958. № 5. С. 111.

народно-разговорных и областных. Семантическое преобразование слов в свою очередь не исчерпывалось и не определялось только процессами индукции со стороны западноевропейских слов и выражений»¹⁰⁶. Основную часть книги Г. Хютль-Ворт занимает «*Neologismen und semantische Veränderungen*» («Словарь неологизмов и семантических изменений»), который содержит 594 лексические единицы (с. 80–222). Несмотря на ограниченность приводимого материала, ошибочность некоторых трактовок¹⁰⁷, на весьма спорные и разнотипные принципы классификации неологизмов, эта часть работы, по мнению рецензента, представляет наибольший интерес.

В 1975 г. вышла в свет коллективная монография «Лексические новообразования в русском языке XVIII века»¹⁰⁸. Авторы исследования подчеркивают, что «существенной причиной активизации словопроизводства явились специфические обстоятельства развития языка XVIII в. в условиях многосторонних языковых контактов и проникновения в русский язык большого количества заимствований. Значительная активизация русских словообразовательных средств и появление большого количества русских эквивалентов связаны в этот период с потребностью передать средствами русского языка значения иноязычных слов. Это знаменует собой все более усиливающуюся тенденцию противопоставить заимствованным словам собственно русские неологизмы»¹⁰⁹. С другой стороны, «значительное расширение словопроизводственной базы письменного языка происходило за счет вовлечения в словопроизводство основ слов, функционирование которых до этого ограничивалось сферой разговорной речи. В этом проявилась одна из сторон общего процесса сближения письменной и разговорной речи, характерного для развития русского языка на протяжении всего XVIII в.»¹¹⁰.

В монографии представлен материал по неологии, касающийся трех лексико-грамматических разрядов слов, наиболее важных для характеристики лексического фонда языка, – существительных (И.М. Мальцева), прилагательных (З.М. Петрова) и глаголов (А.И. Молотков). Анализируются не только слова, получившие широкое распространение и активно употребляющиеся в текстах, но и окказиональные слова, и слова «потенциальные», которые используются «по мере того, как в них возникает потребность»¹¹¹. Последние две группы, по мнению исследователей, интересны с точки зрения изучения словообразовательных возможностей языка и закономерностей развития словарного состава. «Новообразования, появившиеся в языке XVIII в., представляют собой ту базу, на основе которой особенно ярко обозначились тенденции, характерные для развития лексического состава русского языка этого периода» и показывают, «что в XVIII в. новые слова появляются на основе более широкой словопроизводственной базы, чем в предшествующий период»¹¹². Анализ активных словообразовательных средств, исследование семантики новообразований привело авторов к выводу о том,

¹⁰⁶ Сорокин Ю.С. Рец. ... С. 111.

¹⁰⁷ Например, из 55 слов на букву *Н* только 17 подтверждены в «Словаре русского языка XVIII века» как новообразования XVIII века.

¹⁰⁸ Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII века. Л., 1975.

¹⁰⁹ Там же. С. 4.

¹¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹¹ Мальцева И.М. и др. Лексические новообразования. С. 6; она же. Лексическая окказиональность в языке XVIII в. // Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977. С. 40–59.

¹¹² Мальцева И.М. и др. Лексические новообразования. С. 299.

«что лексический состав русского языка XVIII в. развивался в сторону большей абстрактности»¹¹³. Важным наблюдением является то, что новообразования одинаково активно возникали во всех слоях лексики: как общеупотребительной, так и специальной, имевшей ограниченное употребление.

Словообразовательные средства рассматриваются с позиции их активности, а возникающие новообразования с точки зрения их семантики. Важен хронологический аспект исследования: отдельные словообразовательные процессы рассматриваются относительно времени их активного действия.

В главе о новообразованиях в кругу существительных основное внимание уделено отвлеченным существительным, образуемым суффиксальным способом (*огромность, опустелость, пунктуальность, складность, деликатство, терпимость, неразумие, разнообразие, раскаяние* и др.). Приведен значительный по объему список новообразований со значением отвлеченного качества (с. 27–28). Подобие семантических характеристик слов с отвлеченным значением, но образованных с помощью разных суффиксов, приводило к появлению синонимических рядов: *забвенность – забвенство – забвение, оберегательность – оберегательство – оберегание, смиренность – смиренность – смирение* и др.¹¹⁴ В исследовании рассматривается дальнейшая судьба подобных параллелей: большее синонимическое сближение (возникновение дублетов), разрушение синонимических рядов (выход из употребления одного из членов ряда) и семантическая дифференциация сохранившихся единиц.

При анализе прилагательных также отмечаются синонимические ряды, возникающие при одновременном калькировании иноязычного слова и непосредственном заимствовании (при образовании прилагательного от заимствованного существительного): *занимательный – интересный, описывательный – дескриптивный, постановительный – конституционный, склонительный – симпатический* и др.¹¹⁵

В группе глагольной неологии рассматриваются отыменные суффиксальные глагольные образования от русских имен существительных (*барышничать, горшечничать, опекуновствовать, покровительствовать, столярничать* и др.).

Во всех главах монографии особое внимание уделяется возникновению словообразовательной дублетности (*балагурство – балагурение, безбожничанье – безбожничество, модничанье – модничество, патриотство – патриотизм, бомбардирский – бомбардирный, буянить – буяничать, грабить – грабительствовать, царствовать – царевать – царить, язычествовать – язычничать* и др.). Возникновение дублетности и последующее ее постепенное устранение (дифференциация синонимических однокоренных параллелей или утрата одного из синонимов) определяются как один из центральных процессов, характеризующих развитие словарного состава русского языка XVIII века¹¹⁶.

¹¹³ Мальцева И.М. и др. Лексические новообразования. С. 301.

¹¹⁴ Там же. С. 67.

¹¹⁵ Там же. С. 216. Истории прилагательных в русском языке XVIII в. посвящено диссертационное исследование З.М. Петровой и ряд ее статей. См.: Петрова З.М. Развитие лексического состава русского литературного языка XVIII века (имена прилагательные). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1988; она же. Прилагательные на *-ический* в Словаре Академии Российской и в Словаре русского языка XVIII в. // Словари и словарное дело... С. 143–156; она же. Прилагательные с суффиксами *-лив*, *-чив* в русском языке XVIII века // Развитие словарного состава... С. 78–97.

¹¹⁶ Мальцева И.М. и др. Лексические новообразования. С. 303.

Итогом исследования стали обобщения, существенные для понимания общих процессов развития лексической системы языка данного периода: более широкая словообразовательная база, чем в предшествующий период; активизация отдельных словообразовательных типов (например, существительных на *-ость* от страдательных причастий); возрастание фонда производящих основ за счет иноязычных заимствований; разрушение стилистической ограниченности в соединении основ и суффиксов разной стилистической принадлежности; появление большого числа однокоренных разносуффиксальных параллелей; интенсивный рост новообразований от глагольных и глагольно-именных основ и др.

Монография содержит словоуказатель (хронологический словник), включающий 4500 слов (с. 305–343). Следует подчеркнуть точность и обоснованность отнесения тех или иных слов к новообразованиям XVIII века. Проверка словоуказателя по «Словарю русского языка XI – XVII вв.» (в период написания монографии Словарь еще не начал выходить) показала, что абсолютное большинство приведенных в монографии слов не имеет фиксации в Словаре. Например, из 262 слов на букву *Б* только 10 ошибочно отнесены к неологии XVIII в. – *бадянный, баламутить, барочный, барышничать, боронить, ботеть, бредить, брусовой, бучать, бучение*; из 193 слов на букву *М* в Словаре зафиксированы 7 – *мастерить, материчный, медиаторство, мерительный, молодечество, морочить, муравление*.

Большой фактический материал, научная достоверность которого подтверждается, подробное и тщательное описание языковых данных дают полное представление о словообразовательных возможностях русского языка XVIII века и об основных средствах и направлениях словообразовательных процессов в языке данного периода, о способах пополнения лексического состава русского языка, возникновении новых производных слов как от исконно русских основ, так и от иноязычных, о способах приспособления последних к системе русского языка¹¹⁷.

В круг словообразовательной неологии XVIII века входят так называемые неославянизмы («новообразования, составленные из церковнославянских морфем в самом русском языке»¹¹⁸). Вопрос о неославянизмах (и сам термин) прежде всего связан с работами Г. Хютль-Ворт.

Изучению неославянизмов как с точки зрения словообразования, так и с точки зрения семантики посвящено несколько работ. Статья Л.Л. Кутиной касается наблюдений над глаголами с приставкой *низ-*, которые автор определяет как «интенсивно пополняющийся и активно функционирующий лексический разряд»¹¹⁹. Однако, как пишет

¹¹⁷ Вопросам словообразования в русском языке XVIII века, описанию определенных словообразовательных типов, анализу отражения словообразовательных процессов в двуязычной лексикографии был посвящен один из сборников статей коллектива «Словаря русского языка XVIII века»: Развитие словарного состава русского языка XVIII века (вопросы словообразования). Л., 1990.

¹¹⁸ Хютль-Ворт Г. Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка // American Contributions to the VI International Congress of Slavists. Prague, 1968. V. i. С. 17.

¹¹⁹ Кутина Л.Л. К вопросу о неославянизмах (глаголы с приставкой *низ-* в русском языке XVIII века) // Развитие словарного состава... С. 99. Вопросу о неославянизмах в русском языке XVIII века посвящена и статья польского исследователя С. Кохмана, в которой рассматриваются, по выражению автора, «мнимые церковнославянизмы» с неполногласными сочетаниями и начальным *ра-* (*награда – награждать, поздравить – поздравлять – поздравление, равнина*). См.: Кохман С. К вопросу о неославянизмах // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии... С. 153–161.

Л.Л. Кутина, если во второй половине XVII в. и в первой четверти XVIII в. традиционный набор слов этого типа используется в книжно-славянских текстах, то со второй половины века начинается «новый подъем словообразовательной активности приставки *низ-*», не связанный с книжно-славянским языком: подобные образования начинают создаваться и использоваться в различных функциональных стилях нового литературного языка на национальной основе и прежде всего в формирующемся научном языке¹²⁰, и на протяжении всего столетия именно научная литература стала «областью самого широкого применения глаголов с *низ-* как в общих, так и в терминологических значениях»¹²¹. Автор статьи подчеркивает, что распространение подобных образований явилось одним из проявлений пуристических тенденций: оно позволяло использовать средства родного языка, не прибегая к заимствованиям («словопроизводная активность префикса *низ-* в XVIII в. – самая высокая в истории его функционирования в книжном языке разных исторических эпох»¹²²). Кроме того, глаголы с приставкой *-низ* в научных текстах характеризовала стилистическая нейтральность в отличие от текстов художественных и публицистических. Ко времени написания статьи в Картотеке «Словаря русского языка XVIII века» было зарегистрировано 70 слов с префиксом *низ-* (глаголы, отглагольные имена, агентивные имена с *-тель*), из них 37 являются новообразованиями XVIII века: *низвергаться*, *низвеситься*, *низпадение*, *низложитель*, *низносить*, *ниспарить*, *низподать*, *ниспровергнуть*, *нисторгнуть* и др. Многие из глаголов с *низ-* в XVIII в. развили новые значения¹²³.

Наряду с работами, посвященными общим лексикологическим проблемам русского языка XVIII века¹²⁴, с работами, связанными с изучением отдельных тематических или лексико-семантических групп¹²⁵, семантическим процессам в отдельных группах лексики¹²⁶, много внимания уделено изучению лексики произведений известных авто-

¹²⁰ Кутина Л.Л. К вопросу о неославянизмах... С. 106.

¹²¹ Там же. С. 107.

¹²² Там же. С. 109.

¹²³ Ср., например, словарные статьи глагола *низвергнуть* – *низвергать* в «Словаре русского языка XVIII века» (вып. 15: 137–139) и *низвергати*, *низверзещи*, *низвергнути* в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (вып. 11: 369, 370).

¹²⁴ История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / Отв. ред. Ф.П. Филин. М., 1981.

¹²⁵ Биржакова Е.Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей... С. 96–129; Войнова Л.А. Эмоционально-психологическая и морально-этическая лексика в повествовательной прозе последней трети XVIII в. // Процессы формирования лексики... С. 205–236; Бредихина Т.В. Наименования лиц в русском языке XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1990; Фаткуллина Ф.Г. Мифологизмы в русском литературном языке XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991; Функционирование эмоционально-оценочной лексики с интегральным компонентом «прекрасный» в русском литературном языке XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2002; Гауч О.Н. Семантико-этимологическая интерпретация предметно-бытовой лексики второй половины XVIII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009; Попова Е.В. Функционирование эмотивной лексики и фразеологии в русском языке XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013.

¹²⁶ Алексеев А.А. Семантическое «снижение» как отражение социальной структуры в русском языке XVIII века // Russian Linguistics. 1978. 4. С. 3–12; Куканова Н.Н. К вопросу о типах семантических изменений (Развитие оценочных значений у прилагательных) // Лингвистические исследования. 1981. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков. М., 1981. С. 115–127; она же. Развитие значений имен прилагательных в русском литературном языке XVIII века через синонимическое употребление и аналогию // Лингвистические исследования. 1982: Языковые единицы в синхронии и диахронии. М., 1982. С. 149–160; она же. Семантические изменения качественных прилагательных в русском литературном

ров XVIII в.¹²⁷, истории отдельных слов в русском языке XVIII века. В этом ряду следует прежде всего назвать статьи Ю.С. Сорокина, посвященные истории слов *влияние*¹²⁸, *растение*¹²⁹; работы А.А. Алексеева о лексике общественно-политической сферы (*гражданин, чиновник, общество, дружество, общенародие, присутствие, сословие* и др.)¹³⁰, работы В.В. Веселитского, посвященные проблемам формирования в лексической системе русского языка XVIII века слов с отвлеченным значением¹³¹, и др.

Изучение лексического состава русского языка XVIII века по-прежнему остается одним из приоритетных направлений русской исторической лексикологии¹³².

языке XVIII века, связанные с различными основаниями оценки // Очерки по исторической лексикологии русского языка... С. 89–107; она же. Семантическая история прилагательных *святой* и *священный* в русском литературном языке XVIII века // Проблемы филологии в синхронии и диахронии. Челябинск, 2005. С. 313–320.

¹²⁷ *Веселитский В.В.* Иноязычные слова и их эквиваленты у Кантемира // Проблемы современной филологии... С. 53–58; *он же.* Ученая лексика в произведениях А.Д. Кантемира // Лексикология и лексикография. М., 1972. С. 113–126; *Алексеев А.А.* Старое и новое в языке Радищева // А.Н. Радищев и литература его времени. XVIII век. Сб. 12. Л., 1977. С. 99–112; *Пиеничкина И.И.* Культурно-значимая лексика в русском языке Нового времени (нравственная характеристика человека в произведениях А.Т. Болотова). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990; *Шейнова Т.Г.* Лексика и стилистические особенности писем Г.Р. Державина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990; *Колчева И.В.* Лексика писем и бумаг Петра Великого. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007; *Конончук И.Я.* Письма А.В. Суворова как источник изучения заимствованной лексики и процессов ее адаптации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007; *Колотова Н.И.* Лексическое своеобразие былин Кириши Данилова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2007; *Ильющенкова Л.А.* Лексико-семантические процессы в русском литературном языке второй половины XVIII века (на материале «Записок» Г.Р. Державина). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

¹²⁸ *Сорокин Ю.С.* К истории семантических изменений слов в русском языке XVIII века (*Влияние* и его синонимы) // Проблемы современной филологии... С. 248–259. О слове *влияние* см. также: *Виноградов В.В.* О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 71–73.

¹²⁹ *Сорокин Ю.С.* Из истории русской естественнонаучной терминологии и ее литературного распространения (термин *растение* и его синонимы) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXV. Вып. III. 1966. С. 218–225.

¹³⁰ *Алексеев А.А.* История слова *гражданин* в XVIII веке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXI. Вып. I. 1972. С. 67–73; *он же.* Из истории общественно-политической лексики Петровской эпохи // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 313–318; *он же.* Из истории общественно-политической лексики Петровской эпохи // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 313–318; *он же.* К вопросу о лексикографии «культурных слов» // Проблемы исторической лексикографии... С. 130–137; *он же.* О принципах семасиологии «культурных слов» (история слова *чиновник* в русском языке XVIII в.) // Системные отношения в лексике и методы их изучения. Уфа, 1977. С. 98–105; *он же.* Словообразовательная и семантическая структура слова *присутствие* // Развитие словарного состава... С. 48–57; *он же.* К истории слова *сословие* в XVIII в. // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. Ч. 2. М., 1991. С. 5–12.

¹³¹ *Веселитский В.В.* История возникновения слов *предмет, объект* // Современная русская лексикология. М., 1966. С. 99–106; *он же.* Ранняя литературная история слов. *Относительный, абсолютный* // Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 211–221; *он же.* Ранняя литературная история слов. *Характер* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 6. М., 1968. С. 22–27; *он же.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX века. М., 1972. См. также: *Круглов В.М.* Имена чувств в русском языке XVIII века. СПб., 1998; *Калакуцкая Е.Л.* Лексико-семантическая тема «уныние – меланхолия – задумчивость – забвение» в русском языке и культуре второй половины XVIII в. // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003. С. 350–357.

¹³² В последние годы появились работы, посвященные изучению лексики региональных памятников XVIII в. См.: *Майоров А.П.* Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006.

Активная планомерная работа по изучению словарного состава русского языка XVIII века, охват большого числа разножанровых источников, обобщение значительного количества языковых фактов, разработка практических приемов и теоретических принципов описания и исследования лексики языка данного периода позволили по прошествии лет сказать: «Язык XVIII века, бывший в 50-е гг. белым пятном в истории русского литературного языка, через два десятилетия стал самым изученным отрезком этой истории»¹³³.

Разноаспектные исследования лексики русского языка XVIII столетия на протяжении последних десятилетий XX в. – начала XXI в. привели к важным научным результатам: программа изучения лексической системы русского языка этого времени, намеченная в 60-е гг., в основных своих задачах была выполнена. Большая эмпирическая база (была составлена Картотека лексических материалов русского языка XVIII века¹³⁴), разработка принципов систематизации и анализа словарного состава не только активизировали изучение лексической системы русского языка в ее историческом развитии, не только предоставили значительный и аргументированный материал для исследования процессов формирования русского литературного языка Нового времени, но и во многом дополнили и расширили теоретические основы анализа лексической системы языка.

¹³³ Алексеев А.А. Словарь русского языка XVIII века // История русской лексикографии. СПб., 1998. С. 522.

¹³⁴ В настоящее время на базе Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» и новых источников создается Реестр лексики русского языка XVIII века. См.: Лексический фонд русского языка XVIII века. Инструкция по составлению Реестра лексики русского языка XVIII века / Сост. Биржакова Е.Э., Волынская А.В., Гуленкова Л.И., Захарова Е.А., Кузнецова И.Е., Малышев А.А., Малышева И.А., Осипова Э.В., Соколов А.И. / Отв. ред. И.А. Малышева. СПб., 2013; *Малышева И.А.* Реестровое представление лексики русского языка XVIII века // Язык и метод. 3. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków, 2015. С. 23–33.

С. А. МЫЗНИКОВ

Санкт-Петербург, Россия

Лексика прибалтийско-финского происхождения в памятниках письменности и в русском литературном языке

Контакты прибалтийских финнов и восточных славян насчитывают примерно 1000–1500 лет¹. Вероятно, что лексические вхождения, как результат первых контактов, не могли представить большой набор заимствованных лексических единиц. В данной работе мы ограничиваемся только двумя лексикографическими источниками по древнерусскому периоду – это «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского (Срезневский) и Словарем русского язы-

¹ Анализ проблемы первых контактов не входит в задачи данной работы.

ка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII вв.). В Словаре Срезневского отмечается примерно 40 лексем прибалтийско-финского и саамского происхождения, относящихся к разным сферам жизни человека. Большинство из них в настоящее время фиксируется в русских народных говорах (по данным лексикографических источников). Только одно слово *пърръ*, *пръ* ‘парус’, отмечаемое у Срезневского под 907, 922, 1204 гт., не встречается позднее в диалектных источниках. Его можно сопоставить с эстонско-финским *purje* ‘парус’, при вепс. сев. *pu'eh*, ливв. *purjeh*, саам инар. *puurjas*, кильд. *porjas* ‘парус’, при том что на прибалтийско-финско-саамской почве это слово рассматривается как исконное, дескриптивной природы (SKES: 652).

Имеются данные, относящиеся к сфере духовной культуры, и хотя иногда при их фиксации подчеркивается, что речь идет не о славянской народной жизни, тем не менее, такие лексические единицы, вероятно, уже являлись заимствованиями на древнерусской почве в датируемый период. Например, *арбуи* ‘жрец, идолослужитель (в Чуди)’: Скверные молбища разорити, а арбуевъ и ихъ учениковъ, идолопоклонниковъ, просвътити. Вотск. Пят. 1548 г. (Срезневский, Доп.: 6), ср. также *арбуи* ‘знахарь, колдун’ под 1534 и 1551 гт. (СлРЯ XI–XVII вв. 1: 45). Фиксируется также глагол *арбовати* ‘приносить языческие жертвы, совершать идолослужение’: Арбуи надъ кануны ихъ арбують сквернымъ бѣсомъ. Вотск. Пят., 1548 г. (Срезневский, Доп.: 6); ‘колдовать (о действиях арбуев)’ 1534 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 1: 45). Лексемы *арбуи* и *арбовати* отмечаются в Стоглаве, О.А. Черепанова полагает, что появление их в тексте связано с митрополитом Макарием, который был архиепископом новгородским, и фиксации слова *арбуи* под 1534 г. связаны с его именем². Следует отметить, что субстантив *арбуи* ‘колдун’ отмечается в псковских говорах (Гдовский район, Ивановщина) (ПОС 1: 68), причем, данное слово входит в тот круг материалов, которые фиксируются и по псковским памятникам письменности.

Я. Калима с сомнением возводит лексему *арбуи* (имея в распоряжении только данные Срезневского) к водск., фин. *arpoja* ‘прорицатель, предсказатель’ (Kalima: 79). М. Фасмер, соглашаясь с версией Я. Калимы, отмечает меньшую вероятность заимствования из мар. *arbuji* ‘жрец, колдун’ (Фасмер 1: 84). На прибалтийско-финской почве русское слово не возводится к конкретному языку, ср. ижор. *arpoja*, *arpuja* ‘колдун’, вепс. *arboi* ‘колдун, предсказатель, гадалка’, водск. *arpoja* ‘колдун’, ливск. *arbī* ‘колдун’, хотя отмечается распространение сходных данных на финно-угорской почве: удм. *urveš*, *urbetš* ‘дух, вызывающий болезнь’, ‘обряд жертвоприношения, изгоняющий злой дух’, от венг. *orvos* ‘врач’, венг. диал. *urus* ‘колдун, волшебник’ (SKES: 24–25; SSAP 1: 84). Более поздние данные значительно расширяют это гнездо, ср. ижор. *arpuli* ‘колдун, толкователь снов’ (IMS: 19–20), ливв. *arbailla* ‘гадать, строить догадки’, *arbaitus* ‘загадывание. загадка’ (СКЯМ: 21), кар. твер. *arvawtuš* ‘загадка’, *arvuaja* ‘отгадчик’ (СКЯП: 16), вепс. *arboi* ‘гадалка, ворожея’, *arboita* ‘гадать, ворожить’ (СВЯ: 32–33). Следует отметить, что авторы SKES гнездо *arpoja* считают частью более обширного объединения: фин. *arpa*, кар. *arba*, ливв. *arbu*, вепс. *arb*, эст. *arb*, водск. *arp*, ‘жребий’, при саам. норв. *vuor'be* ‘жребий’ (SKES: 24–25), при возможности его германского происхождения: др.-норв. *arfr* ‘наследство’, швед., норв. *arv* ‘наследство’,

² Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. С. 21–22.

при нем. *Erbe* ‘наследство’ (SSAP 1: 83). Таким образом, прибалтийско-финские данные вряд ли могут быть связаны со сходными тюркскими, ср. тюрк. *arba* ‘колдовать, предсказывать, заговаривать, давать советы, советовать; бранить, выразить неудовольствие на кого-л., порицать’, *arbau* ‘хитрый ответ, колдовство’ (Радлов 1: 335–336; см. также – Иллич-Свитыч: 344), *orba* ‘звуки колдовского барабана’, уйгур. *arvış* ‘волшебство’ (SKES: 25). Следует отметить, что венгерские и удмуртские данные, вероятно, тюркского происхождения, а мар. *arbij* ‘жрец, колдун’ заимствовано из древнерусского языка.

Два слова, связанные с наименованиями погребений: *коломище* ‘могила, место могил’ (Вотск. пят., 1534 г.) и *кёрста* ‘гроб’, с вариантами *кърста*, *корста*, *коръста*, *кръста* ‘гроб’, а также дериватами *керстица*, *кърстица*, *кръстыца*, *корстица*, *кърстыца* ‘ящик’ (Срезневский 2: 1206, 1411), *керста* ‘ящик; гроб, рака’ и *керстица*, *корстица*, *користица* ‘ящик, ящичек; ларец’ (СлРЯ XI–XVII вв. 7: 116, 345), – имеют фиксации и по диалектным источникам нового времени.

Значительное число лексики прибалтийско-финского происхождения представляет собой терминологию ландшафта: *кошька* ‘отмель, коса’ (Двин. уезд, 1551): На Ширьшемской кошки поль тони. Прав. гр. Корел. мон., 1571 (Срезневский 3: 145); при кар. *koški*, саам. кильд. *kūšk* ‘порог’ (SKES: 222). *Корга* ‘каменистый отлогий берег’ Купч. Кирил. мон., 1568 (Срезневский 3: 144), при кар. *korgo* ‘скала, песчаная мель, небольшой остров’ (Kalima 1915: 129). Естественно, что иноязычные лексические единицы, входя в древнерусский язык, осваивались по его законам. Так, например, прибалтийско-финское *salma* ‘пролив’ на древнерусской почве видоизменяется по полногласному типу *соломья* ‘пролив’: Поидеть мижа... в болшое соломья въ прячь на трубу, а съ Куко озера съ болшаго соломьяни на тетеревиныи мохъ. Обв. меж. зап. 1391 г. Причем, в такой огласовке данная единица фиксируется и в современных русских говорах в Медвежьегорском, Кондопожском районах Карелии, однако более частотен поздний вариант *сáлма* ‘пролив’, отмечаемый на обширной территории от Кольского полуострова до Каргополя. *Солóмья* в значении ‘проток’ фиксируется также в Торопецком уезде Псковской губернии (по данным Копаневича – 1902–1904, КСРНГ), кроме того, отмечается прилагательное *солóменный* ‘проточный’ на этой же территории.

Сáлма обл. ‘пролив, протока’: Где-то в устье Телекинки был остров, а может быть и много островов с очень узкими салмами, и в одну узкую эту протоку лебеди... удрали от нас. М. Пришвин. Отцы и дети (БАС). *Салма* ‘пролив у прибрежных жителей Белого моря’ (Бурнашев). *Сáлма* ‘пролив в море’ Арх. (Опыт), ‘залив, губа’ Олон. (Опыт). *Сáлма* ‘пролив’ Онеж., Кем. (Подвысоцкий). *Сáлма* ‘пролив’ Петрозав., Вытегор., Пудож. (Куликовский).

В литературных источниках представлено несколько десятков фиксаций этого слова, но все они связаны с писанием Русского Севера.

Как Двина располонится и на своих судах торопимся вослед за льдиной. Губой и мимо Зимний берег весело бежим, что поветерь поспособная и быстрина несет. У Орловских кошек хоть торсовато, а салма сыщется, проскочим. Что за салма? – А пролив, по-нашему – салма! – сказал Рябов. Ю.П. Герман. Россия молодая.

Тогда салмы показывают на поверхности свои серые песчаные хребты. К этим отмелям заранее пробираются рыбаки и забрасывают невода. Рыбе некуда уйти из ограниченных сал-

мами водоемов – она заключена в них, как в маленьких озерах. Такой лов здесь весьма распространен и носит название салмачного. В. Козлов. Полярная фактория.

Я. Калима, М. Фасмер считают, что это заимствование из прибалтийско-финских языков: фин. *salmi*, люд. *sal'm*, ливв. *šalmi*, вепс. *soim*. Авторы SKES старое заимствование *соломя* трактуют как заимствование из единого прибалтийско-финского языка, слово *салма*, по мнению авторов SKES, восходит к фин. *salmi* (SKES: 956).

Около половины лексем тематической группы ландшафта в некоторых случаях у Срезневского не получают толкования, однако, опираясь на данные севернорусских говоров, возможно определение их семантики. Например: *селга* ? под 1391 г. можно сопоставить с совр. диал. *сэльга* ‘продолговатая возвышенность, поросшая лесом’ (Занежье, Беломорье), при кар. *selka*; *корба*: Ялгондой рикою въ верхъ до черной корбы. Обв. меж. зап. 1391 г. (Срезневский 1: 1285), ср. русск. диал. *кóрба* ‘густой еловый лес’ (Обонежье), при вепс. *korb'* ‘частый дремучий лес’; *ламба*: Поидет мижа через селгу межъ щели на ламбу. Обв. меж. зап. 1391 г. (Срезневский 2: 7), при русск. диал. *лámба* ‘небольшое лесное зеро’ (Обонежье), при кар. *lambi* ‘небольшое лесное озеро’. Также не имеет толкования слово *кугмакъ*: На Риндозирской сторонѣ стоит еловои кугмакъ. Обв. меж. зап. 1391 г. (Срезневский 1: 1356). Оно имеет дефиницию со знаком вопроса ‘место, заросшее еловым лесом’ (СлРЯ XI–XVII вв. 8: 103). Однако, опираясь на данные прибалтийско-финских языков и русских говоров, можно уточнить значение этого слова. Так, у Куликовского отмечается лексема *кугмáч* ‘верхняя часть головы, макушка’ Повен. Олон. (Куликовский; СРНГ 15: 395), сопоставляемая с кар. *kuhma* ‘возвышенность, выпуклость, бугорок’, ливв. *kuhmi* ‘шишка, круглый холм’ (KKS 2: 402). Таким образом, сочетание *еловои кугмак* следует толковать как ‘холм, поросший елью’. Также не имеет толкования лексема *ропочагъ*: Съ ямы на... елки, да съ елок на ропочагъ. Разъезж. На земли Кириллова монастыря, 1555 г. (Срезневский 3: 165), при широком бытовании в вологодских говорах сходных данных: *ропотчá*, *рóпочь* ‘густой молодой лесок; лесная чаща’ Тотем. Волог., *ропочáжник* ‘густые непроходимые заросли мелкого кустарника – обычно ольхи’ Кадн. Волог. (СРНГ 35: 180), которые сопоставляются Калимой с эст. *rapakas* ‘густой кустарник’ (Kalima: 205). Еще одно слово, не имеющее характеристики семантики, – *мянда*: На Кондратовъ мохъ да на высокую мянду. Отводн. кн. Кемск. п. 1462 г. (Срезневский 2: 255) – широко распространено в севернорусских говорах, ср. *мянда* ‘редкослойная сосна’ (СРГК 3: 284), при кар. *mántü*, ливв. *mändö* ‘редкослойная сосна’ (SKES: 359).

Значителен также лексический пласт, связанный с рыболовством: наименованиями лодок, рыболовных ловушек, рыб. Кроме единиц, обозначающих орудия лова, которые вынесены в качестве заголовочных слов: *керевод* ‘рыболовная снасть особого устройства’ (1453), *юнда* ‘мережа’ (1551), *гарьва* ‘снасть для ловли рыбы’ (1577) – можно выделить еще одно слово, которое сопоставляется с последним, но имеет другой консонантизм – *харва*: А брати имъ та десятая рыба семга со всякого улову... со всяких ловцовъ, съ неводчиковъ, и съ харовъ, и съ рѣчных заборов. И.И. Срезневский восстанавливает заголовочную единицу *харь* с вопросом к слову, ср., однако, иллюстрацию для слова *гарьва*: И с гаровъ четвертая рыба (1577), т. е. перед нами различие консонантизма в лексемах *гарьва*, *харва*, которое связано с его дифференциацией еще на

прибалтийско-финской почве. Вепское воздействие отражается через начальный [г], карельское – через [х].

Слово *ушкóйка* фиксируется в современных русских говорах и определяется как ‘долбленная из осины лодка-однодревка с двумя прибивными досками-балансирами по бокам; с наращением бортов дощатым набоем’ (Логинов: 70). У Срезневского отмечаются следующие данные: *ушкуи* – 1320 г., *ускуи* – 1418, *оскуи* – 1473, *скуи* – 1463, *ушкуль* – 1553. Кроме того, фиксируются варианты: *ушкал*, *ушкол*. По КСРГК и КСРНГ для значения ‘челн, небольшая лодка’ представлены лексемы *ушкуйка* Медвежьегор. Карел., *ушкóй* Вытегор., *ушкúй* Вельск. Арх. (КСРНГ). В словаре Куликовского со значением ‘маленький челн, душегубка, лодка’ даются слова *ушкóй* Вытегор., Повен., Заонеж., *ушкай* Заонеж. (Куликовский). Отмечается в академических словарях русского языка: *ушкúй* ‘старин. Род водоходного судна’ (САР 2, 6: 1090); *ушкúй* ‘старинная плоскодонная лодка с парусом и веслами’ (БАС); *ушкúй* стар. ‘Род водоходного судна’ (Слов. Акад. 1847). Й. Миккола обосновывает древневепское происхождение анализируемого слова. Зафиксированное в древнешведской хронике под 1320–1321 гг. в рассказе о событиях на Ладожском озере, слово *usko* вместе с его синонимом *hapa* (ср. совр. фин. *haario* ‘челн из осины’), свидетельствует о древности бытования в исследуемом регионе. Миккола полагает, что вепская форма **uškoï* восходит к более древней **wiskoï*, поскольку в вепском языке после дифтонга с конечным *j*, *s* переходит в *š* с утратой второго компонента дифтонга (Mikkola: 163–166). Я. Калима в основном соглашается с этимологией Микколы (Kalima: 235).

Кроме того, значительный пласт лексики отмечается в другом весьма важном источнике – Словаре русского языка XI–XVII вв. Например, фиксация лексемы *торос* – с вариантом *торас* ‘нагромождение осколков льдин по берегам водоемов’ 1654, 1663 гг. (СлРЯ XI–XVII вв. 30: 66) – свидетельствует о саамском воздействии на поморские говоры уже в XVII веке. Данный материал широко представлен в диалектных лексикографических источниках.

Тóрос, *тóросы*, *тóросья*, *торосá* ‘нагроможденные одна на другую льдины на реке или на прибрежном море у припаев’ Арх. (Подвысоцкий: 173). *Становóй тóрос* ‘ровный, сплошной, как бы в виде ледяного поля, носящийся по морю на большом пространстве лед’ Онеж., Кем., Кольск. (Подвысоцкий: 173). *Тóрос-островá* ‘скалистые острова в устье Кольской губы у западного берега, получившие название от того, что около них часто задерживаются плывущие из Кольской губы тороса’ Арх. (Подвысоцкий 173). *Тороса* ‘плавающие льдины’ Олон. (Куликовский). *Торóс* ‘негладкий лед’ Заонежье (Куликовский). *Тóрас* ‘снежный наст’ Пинеж. (Колежма) (Сими́на). *Торóсы* ‘лед на берегу при ледоходе’ Пинеж. (Хаймусово) (Сими́на). *Тóрос* ‘нагромождение льда, образовавшееся от сжатия льдов’ Северомор. (Териберка); ‘промысел тюленей в период их скопления на льду’ Терск. (Варзуга, Чаваньга) (Меркурьев: 161).

Слово вошло в литературный язык: *тóрос*, *тóросы* ‘льдины, взгроможденные одна на другую’ (Слов. Акад. 1847), *тарáса* ‘льдины, весною намерзающие на отмелях Белого моря, где скопляются стадами тюленьи породы’ (Слов. Акад. 1847, 4: 271); *торóс*, *торóсы* ‘нагромождение битого льда в морях и реках, образующееся от сжатия’ (БАС). Рассматривается как заимствование из саам. нотоз. *tōras*, род. п. *torraz*, кильд. *tōras* ‘ледяной бугор на берегу моря’ (Itkonen 1932: 59), см. также (Фасмер 4: 86).

Не было ранее фиксаций для таких слов как: *репуга* ‘кошель, куль’ (Кн. пер. Водск. пят., 1500 г.) с авторскими примечаниями, ср. фин. *reppu, repukka* ‘кошель, куль, котомка’ (СлРЯ XI–XVII вв. 22: 146).

Согра, согрь ‘болотистая местность, поросшая мелколесьем и кустарником’ с первой фиксацией в 1497 г.: А понятие то мокрое место называют сахтою, а лыва и согра тож. Гр. Дв., 1648 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 26: 78).

Таким образом, лексика прибалтийско-финского происхождения, зафиксированная в памятниках письменности древнерусского периода (в основном, местного значения), не повышая свой статус до общенародного, сохранилась в севернорусских говорах.

Кроме того, около 60 слов прибалтийско-финского происхождения вошли в словарь русского литературного языка³. Довольно много наименований рыб: *кѣмбала* ‘плоская морская рыба с глазами на одной стороне’ (БАС, МАС, Ожегов, СИС, САР 1), ср. фин. *kampela, kampelo* ‘то же’ (Kalima: 102; Фасмер 2: 173), саам. *kāmbel* (Itkonen 1932: 63); *кѣлька* ‘небольшая рыбка сем. сельдевых’ (БАС, МАС, Ожегов, Слов. Акад. 1914), ср. эст. *kili* ‘то же’ (Kalima: 117; Фасмер 2: 233); *кѣрюшка* ‘небольшая промысловая рыба’, ср. кар., ливв. *kuoreh*, фин. *kuore* ‘корюшка’ (Kalima: 130; Фасмер 2: 344); *мѣйва* ‘маленькая рыбка из сем. корюшковых, с удлинненным, сжатым с боков телом; употребляется обычно как наживка; всякая мелкая рыба’ (БАС, Слов. Акад. 1847), ср. фин. *maiva* ‘мелкая рыба’ (Kalima: 166); *нѣлья, нѣлия* ‘крупная озерная рыба сем. лососевых’ (БАС, Слов. Акад. 1793, Ушаков), ср. вепс. *pal* ‘вид лосося’ (Kalima: 180; Фасмер 3: 194); *рѣпнус* ‘рыба сем. лососевых’ (БАС), ср. люд. *riäpiis* (Kalima: 211; Фасмер 3: 485); *рѣпнушка* ‘небольшая рыба сем. лососевых’ (БАС, МАС, Ожегов, Росс. Целлариус), ср. фин. *rääpys*, вепс. *räpus* (Kalima: 211); *сѣйда* ‘северная морская промысловая рыба сем. тресковых’ (БАС, МАС, Даль 3), ср. саам. *sajte*, фин. *saita* (Kalima: 212; Itkonen: 64; Фасмер 3: 546); *салака* ‘мелкая морская промысловая рыба, разновидность сельди’ (БАС, МАС, Ожегов, Ушаков), ср. фин. *salakka* (Kalima: 212); *сиг* ‘северная пресноводная промысловая рыба сем. лососевых’ (БАС, МАС, Ожегов, Нордстет), ранее отмечалось *сиговина* ‘мясо сига’ (1563) (Срезневский 2: 344), ср. вепс. *sīg*, фин. *siika* ‘то же’ (Kalima: 217).

Лох ‘лосось, самец семги в период икрометания’ (БАС), ‘название самца семги в период нереста’ (МАС; САР 1), ср. кар., ливв. *lohi* ‘лосось’ (Kalima: 155; Фасмер 2: 524). Следует отметить, что в Словаре Востокова слово прибалтийско-финского происхождения дано в одной словарной статье с гетерогенными омонимами: *лох* 1) ‘маслина дикая’; 2) *Salix Babylonica*, ‘дерево верба иерусалимская’; 3) ‘лосось, перезимовавший в озере’ (Слов. Акад 1847).

Ряд данных, отмеченных в памятниках письменности, в дальнейшем широко фиксируется в русских говорах, например: *вальчѣк* ‘семга после нереста’ Мурман. Карел. (СРГК 1: 160); ‘семга, скатывающаяся из реки в море после икрометания’ Терск. (Меркурьев: 25): «Возвращающиеся в море лохи известны у нас на севере под названием вальчаков» Сабанеев (СРНГ 4: 33). *Вѣльчак* ‘название семги в одном из ее периодических изменений’ Арх. (Подвысоцкий: 14). *Вѣльчаг* ‘семга, долго пробывшая в реке, избившаяся, исхудалая, с пятнами на боках и закорючившимся носом’ Кем. Арх. (Опыт). «Вальчаг... подвергается второму видоизменению: тянет костный крюк, при-

³ О русских заимствованиях в финском литературном языке см.: Plöger.

бывает весом в мясе, которое снова краснеет, и вообще приходит в нормальный вид; но эта перемена совершается лишь постепенно» Помор. (Подвысоцкий: 14; СРНГ 4: 33). Исторические данные свидетельствуют, что «промысел семги... был главным среди русских и карел» (Юрченко: 188), ср. также фиксацию слова *вальчюг* 'лосось': Галичанин Махаило Алексеев с товарищи продали рыбу палтусу, троски сырой, валчюгу. 1676 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 2: 15).

В отношении слова *вальчак* имеется прибалтийско-финская этимология, которая пошла от М. Веске, ср. фин. *valkea* 'белый' (Веске: 18). Я. Калима думает о карельском воздействии, хотя приводит фин. *valkkolohi* 'белый лосось' (Kalima: 82). Итконен предлагает саамскую этимологию: ср. саам. терск. *vāld'žēg*, кильд. *vāld'žēr* 'пресноводный лосось' (Itkonen 1932: 49, 50; см. также: Фасмер 1: 271). Несмотря на то что у кольских саамов промысел семги наряду с оленеводством имел большое значение, вследствие чего саамы отчасти перешли на оседлый образ жизни (см.: Чарнолуский: 89), все-таки нельзя исключать и возможность поиска этимона на русской почве. Речь идет о наименовании осеннего лосося, который сваливается из рек обратно в море, и, на наш взгляд, вполне возможно рассматривать лексему *вальчаг* как отглагольный дериват на русской почве. Однако совершенно отказываться от саамской версии, вероятно, не стоит; не исключен и тот факт, что в русских говорах лексема *вальчаг* представляет собой обратное саамское заимствование: ср. саам. *vāitse k* 'осенний лосось, темный, худой, после икрометания' (KOLTKS: 711), *vūjttšioik* 'осенний лосось, остающийся в реке' (KOLTKS: 774), *vailčer* 'озерный лосось; большой лосось 16–20 кг, поднимающийся в реку в мае' (KOLTKS: 714).

Бывают случаи, когда слово финно-угорского происхождения становится довольно частотным в русском литературном языке. Можно привести в качестве примера только одну единицу. *Аку́ла* 'крупная хищная морская рыба, отличающаяся своей прожорливостью' (БАС). *Аку́ла* 'крупная морская хищная рыба с веретенообразным телом и большим ртом, расположенным на нижней стороне головы' (БАС 2). Имеются фиксации с XVIII в.: *А'ккула*. «*Squalus sacharias*. Название от исландского или норвежского наименования *гаккол*, нашими поморянами принятое, означающее по китовом роде наибольшую морскую плотоядную рыбу, имеющую весьма плоскую спину и пасть чрезмерно обширную, вооруженную пятью рядами зубов с зазубринами... В России водится токмо в Северном океане» (САР 1). *Акку́ла* «*Squalus*, морская плотоядная рыба» (Слов. Акад. 1847). Несмотря на возражения Я. Калимы (Kalima 1935: 252), слово, скорее всего, восходит к саам.: ср. саам. кольск. *akkāla*, *akkōla*, *a'kkali*, *akkli* и др., саам. норв. *akkolaggēs* 'полярная акула' (Герд 1972: 63–69; Itkonen: 27; Мызников 2004: 320). Ср. норв. диал. *haakall*, др.-исл. *hákarl* (см.: Аникин РЭС 1: 135).

Имеется несколько наименований рыб и частей их тел, которые отмечаются в словарях литературного языка, хотя в ряде случаев первые фиксации представлены в памятниках письменности. Слово *макса* 'рыбья печень (преимущественно налимя), мошки, потроха' известно начиная с XVII в. (1667 г.) (СлРЯ XI–XVII вв. 9: 12). В середине XIX в. эта единица отмечается в первом сводном диалектном словаре: *макса* 'рыбий потрох из налима преимущественно' Великолук., Холм. Пск. (Опыт: 109), ср. также вариант *максó* 'то же' Великолук., Опоч. Пск. (Опыт: 109). Кроме того, данная единица широко представлена в русских говорах: Обдор. Тобол., Иркут., Нижняя Индигирка,

Якут., Колым., Енис., Том., Сев. Урал, Волог., Петерб., Печор., Краснояр., Бурят. АССР (СРНГ 17: 314); Кирил., Чудов. (СРГК 3: 188); Валд., Волот. (НОС 5: 67).

В дальнейшем, несмотря на фиксацию данного слова в словаре Востокова: *Мáкса* ‘обл. рыба печень’ (Слов Акад. 1847: 281), лексема преимущественно отмечается в диалектных словарях как несомненная часть диалектного лексикона: *Мáкса* ‘печень морского зверя белухи – главный поискиваемый в ней продукт, из которого вытапливают жир’ Помор. (Подвысоцкий: 87). *Мáкса* ‘печень морского зверя белухи; представляет собою главный добываемый из нее продукт, идущий на вытопку жир’. Беломор. (Дуров: 89). *Мáкса* ‘сибирское название рыбьего потроха, а наиболее из налима’ (Бурнашев). *Мáкса* ‘потроха налима’. Петрозав., Вытегор., Пудож. (Куликовский).

В БАС слово представлено с пометой, относящей слово к диалектному пласту: *Мáкса́* ‘обл. печень налима или трески; рыбы потроха’: Из молок же их [налимов] и максы пекут круглые со сборами вокруг пироги. Н. Озерецковский. Путеш. на оз. Селигер. Под председательством помора все мы едим знаменитую тресковую уху с максой (печенью). М. Пришвин. Вардэ (БАС).

Вывалив из корзины на приплесок еще живых, но уже вяло пошевеливающихся стерлядок, дежурный крепко зажимал голову крупного, пьяно бунтующего налима и через жабры вынимал крылато развернутую, медово-желтую печень, по-здешнему – максу. Большой начальник, принимая рыбу, «не замечал» тряпично просевшие, сморщенные, только что вроде бы разрешившиеся родами, пузы пятка налимов – нарушение, конечно, без максы налим никакой цены не имеет, но поперек артели не пойдешь. Астафьев В.П. Царь-рыба.

Про себя вздохнул. Ты, думаю про себя, может, и не задумался в жизни ни разу. Максы налима поел, ухи похлебал, чаю попил – и живу, как вода, дальше. Олег Куваев. Дом для бродяг.

На Севере из печени вываривается жир, что детально описывается в этнографической литературе: Реже получают жир вывариванием, какой способ исключительно применяют, между прочим, для получения миножьего жира. Разнообразнее способы добывания жира из «максы» – остатков от разделки рыбы на русских Мурманских промыслах, где имеются жиротопни трех видов: простые, водяные и паровые. В первых – жир выделяется на поверхности максы путем простого ее квашения или брожения; водяные же и паровые жиротопни (последних у нас немного) устраиваются на манер норвежских: в водяных – жир вытапливается из максы в котле с двойными стенками, между которыми наливается горячая вода; в паровых жиротопнях макса разогревается прогоняемым по трубам паром (Кузнецов 1902).

Я. Калима возводит слова *мáкса́*, *мóкса* к ливв. *maksu*, вепс. *maks*, при кар. *takša*, фин. *taksa*, эст. *taks* ‘печень’ (Kalima: 160); см. также: (Castrén: 9; Шегрен: 159; Веске: 23; Лесков: 101; Погодин: 42; Meckelein: 49; Матвеев 1959: 15; Аникин: 383–384). Исследователи, однако, указывая на прибалтийско-финский характер данного материала, не говорят о семантической дифференциации и вариантности, ни, тем более, о конкретных языках-источниках. Чаще всего употребляется в пищу печень налима на всем Севере России и в Сибири, а в поморских районах также печень трески, белуги. Поэтому слово *макса* бытует как наименование печени налима. В прибалтийско-финских языках соответствующее слово имеет общее гиперонимическое значение ‘печень, печенка’.

Действительно, широкая территория распространения лексемы *макса* (с вариантами) делает практически невозможным выделение конкретного языка-источника, однако совершенно очевиден ее докарельский характер. В современных карельских диалектах, исключая ливвиковский и людиковский, известна форма *makša* (KKS 3: 260, 261). Следует отметить, что в русских говорах, в отличие от прибалтийско-финских языков, заметна тенденция семантической дифференциации, основанной на сужении значения, нередко терминологизированного характера. Хотя в лексикографических источниках по прибалтийско-финским языкам слова *maksa*, *makša* и подоб. отмечаются с общим значением ‘печень, печенка’, цитатный материал нередко фиксирует контекстуальные значения ‘печень налима’, ‘печень коровы’, исходя из чего можно трактовать русскую диалектную семантическую дифференциацию как имеющую двойственный характер, причем ареальный анализ помогает проследить и неисконное воздействие, и русские инновации. Так, в зонах с более сильным влиянием субстрата наблюдается тенденция к сохранению более общего значения – ‘печень рыбы и животного’ в южном Прионежье, хотя здесь нельзя и исключать адстратное вепсское влияние. В зонах с сильным славянским воздействием (Заонежье, Беломорье, печорские говоры) наблюдается терминологизация – ‘печень рыбы’, распространившаяся с русскими миграционными потоками по Сибири до Якутии и Дальнего Востока. Сдвиги значения, скорее всего, происходят уже на базе русских говоров, и связаны они чаще всего с применением реалии, т. е. экстралингвистические факторы, экстраполируясь на лексику, вызывают уже собственно лингвистические изменения, на основе микроговора – сдвиг значения, на основе группы однотипных говоров – явления полисемии. Например, *ма́кса* ‘рыбий жир’, отмеченное в селе Сумский Посад Беломорского р-на, вызвано особенностями употребления реалии, хорошо это можно проследить у Шейна: *макса* ‘печенка тресковая, из которой вытапливается сало или тот благодетельный жир, который известен едва ли не каждому под именем трескового’ (Арх.). В Словаре Богораза также фиксируется едва намечившийся сдвиг: «Макса продается на Колыме пудами в сыром и мороженом виде. Жарить на максе, т. е. на жиру, который вытапливается из кусков налимыей печени» (Богораз). Бытующее в Прионежском районе значение *макса* ‘молозиво’ объясняется, по-видимому, чрезвычайно высокой жирностью первого молока коровы, которое, так же как и печень рыбы, запекают в печке.

В новгородских говорах наблюдается фиксация значения для лексемы *макса́* ‘молоки рыбы’, что, вероятно, следует рассматривать как инновацию, поскольку отсутствует соответствующий лексико-семантический вариант в прибалтийско-финских языках, хотя, возможно в данном случае трактовать его как особенность приильменского субстрата, ср. ижор. *maksa* ‘внутренности животных’ (IMS: 294), тем более, что ударение в слове *макса́* ‘молоки рыбы’ на втором слоге, зафиксированное в Батецком, Шимском, Солецком, Волотовском, Парфинском, Окуловском, Маловишерском, Боровичском районах, по-видимому, связано с водским типом, ср. водск. *mahs*, инес. *mahzà*, *mahsà* ‘печень’ (VKMS: 164); знаком [ǎ] автором словаря обозначались долгие гласные, а долгота гласного в речи могла послужить на почве русских говоров основой для переноса ударения.

При наличии в русских говорах значительного числа рыболовецкой лексики, она не получила отражения в общенародном лексиконе. Отметим лишь, что БТС представ-

ляет в качестве второго омонима лексему *мóрда* ‘рыболовная снасть в виде корзины конической формы с узким входом’ – от фин. *merta* (народно-разг.).

Фиксируются в словарях два наименования морских млекопитающих: *нерпа* ‘ластоногое млекопитающее сем. тюленей’ (БАС, МАС, Ожегов), при ранних фиксациях более близких к этимону – *нёрпа* (Слов. Акад. 1847), ср. фин. *norppa* ‘то же’ (Kalima: 172). Вариант с [e] возник, вероятно, ввиду упрощенного написания слова (без ё) с неясной внутренней формой. Слово *морж* отмечается по памятникам письменности с 1526 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 9: 264), в современных источниках – *морж* ‘крупное ластоногое млекопитающее из сем. моржовых, с короткой усатой мордой и большими клыками в виде бивней’ (БАС, МАС, Вейсманнов Лекс., Ожегов). С 1556 г. лексема *mors* ‘морж’ фиксируется во французском языке (совр. франц. *morse*), где трактуется как заимствование из фин. *mursu* или саам. *morsk* (DELFL: 486), хотя авторы SSAP, предполагая саамскую или карельскую этимологию, указывают на то, что в международную терминологию слово вошло через посредство русского языка, ср. также англ. *morse* (SSAP 2: 181–182).

Ряд лексем прибалтийско-финского происхождения представляет собой единицы различных терминологических систем: географической, метеорологической, сельскохозяйственной, – но все они немногочисленны и не составляют значительного пласта: *ла́йда* ‘заболоченный луг на низменном побережье северных морей’ (БАС, Слов. Акад. 1847), *ла́йды* ‘низменные побережья северных морей, заливаемые во время высоких приливов; покрыты лугами’ (СИС), ср. фин. *laito* ‘мелкий, неглубокий’ (Kalima; Фасмер 2: 451); *на́хта* ‘отвесная скала над водой’ обл. (БАС, Слов. Акад. 1847), ср. саам. *rahte* ‘скала, утес’ (Itkonen: 64), фин. *rahta* ‘каменная плита’ (Kalima: 182). Одно слово, несмотря на его фиксации с XVI в.: *кошька* ‘коса, отмель’ (1551 г.): На Ширьшемской кошьки поль тони 1571 г. (Срезневский, Доп.: 144), – сохранило свой областной статус: *ко́шка* ‘песчаная или каменная отмель, коса’ обл. (БАС, Слов. Акад. 1847), ср. саам. терск. *koške* ‘сухой’ (Itkonen: 53; Фасмер 2: 360); *мы́за* ‘отдельно стоящая загородная усадьба с сельскохозяйственными постройками (преимущественно в Прибалтике)’ (БАС, МАС, Ожегов, Вейсманнов Лекс., САР 1), ср. эст. *mõiz* ‘двор, имение’ (Kalima: 169); *ри́га* ‘большой крытый сарай для сушки снопов и обмолота’ (БАС, МАС, Ожегов, САР 1), ранее фиксировалось *ригачь* ‘место под ригую и ее принадлежностями’ 1568 г. (Срезневский, Доп.: 120), ср. кар., фин. *riihi* ‘гумно, овин’ (Kalima: 199; Фасмер 3: 482); *пу́рга* ‘сильная метель, вьюга’ (БАС, МАС, Ожегов, Слов. Акад. 1847), ср. кар. *purgi*, фин. *purku*, вепс. *pu'g* ‘метель’, при коми *purga* ‘метель’ (Kalima: 190).

Одно слово имеет лексикографическую историю с XVIII века: *ту́ндра* ‘пространное болотистое и безлесное место, поросшее мхами’: Берега Северного Ледовитого океана состоят из тундр (САР 1); *ту́ндра* ‘безлесное место, поросшее мхом’: Берега Северного Ледовитого океана состоят из тундр (САР 2); *ту́ндра* ‘в северных странах; зыбкое, болотистое место, поросшее мхом’: Ушел олень на тундры мшисты. Державин (Слов. Акад. 1847); *ту́ндра* ‘природная географическая зона, занимающая южную часть арктического пояса Земли, характеризующаяся суровым климатом, безлесьем, развитием мхов и лишайников’ (БАС). Сопоставляется с саам. *tũndar*, *tunder* ‘высокая безлесная гора’, фин. *tunturi* ‘то же’ (Kalima: 227; Itkonen: 65; Фасмер 4: 120).

В лексикографических источниках отмечается несколько наименований средств передвижения по воде, которые следует классифицировать как историзмы или регионализмы: *ка́рбас* ‘большая поморская высокобортная лодка для перевозки грузов’ обл. (БАС), ‘грузовое гребное или небольшое парусное судно на Белом море и реках в него впадающих’ (МАС), ‘на Севере: большая лодка для рыбного промысла, перевозки грузов’ (Ожегов), ср. вепс. *karbaz* (Kalima: 105; Фасмер 2: 195); *ла́йба* ‘большая двухмачтовая лодка с косыми парусами на Балтийском и Белом море, Днепре, Днестре’ (БАС, МАС, Слов. Акад. 1847, СИС), ср. ливв., фин. *laiva* ‘лодка, судно’ (Kalima: 147; Фасмер 2: 513).

Одно слово исторически и географически связано с Северо-Западом. *Сойма* ‘старинное русское парусное грузовое судно’ (БАС) при широких фиксациях в региональных источниках: «Основным типом судна в Заонежье была сойма онежского типа – двух-трехпарусная шести-восьмивесельная лодка с палубой или навесом вместо палубы... Для рыбной ловли применялись специализированные соймы: неводные, мережные и сетные.. Управлялись соймы навесным рулем» Заонеж. (Логинов: 69, 70). *Сойма* ‘грузовое парусное судно, используемое преимущественно во внутренних водоемах’: «Звание судов из канала на реку Неву: полубарок, водовик, сойма» (Московские ведомости. 1764. № 17). «Сойма – судно особенного рода. Ходят в Финляндии по озерам Саймо и Онежскому и по Мариинской системе с круглым дном и килем, деком (палубой) и мачтами; поднимают от 2000 до 5000 пудов... Сойма стоит от 280 до 2000 руб.» (Бурнашев). *Сойма* ‘небольшое парусное судно’: «Соймы упоминаются уже под 1677 годом» (Слов. Кеппена). *Сойма* ‘большая лодка с палубой и с мачтою, употребляемая на Ладожском и Онежском озерах’ (САР 1, V: 634); ‘судно с палубой и с мачтою, употребляемое на Ладожском и Онежском озерах’ (САР 2, IV: 373). *Сойма* ‘лодка с отверстиями в днище для хранения и перевозки живой рыбы’ Пск. (Кузнецов). *Сойма* ‘парусная рыболовецкая лодка’ Старорус., Демян., Мошен., Шимск. (НОС 10: 112). *Сойма* ‘большой грузовой плот’: Из плотов только тяжелые соймы. Ветл. Костром., 1902. Волж. (Неуструев).

М. Веске сравнивает данный материал с фин. *сайма*, *сойма* ‘большое открытое или наполовину закрытое судно’ (Веске: 24), Погодин к фин. добавляет также и вепс. этимологию, вепс. *soim* (Погодин: 59), Лесков предпочитает карельскую версию (Лесков: 6). Калима связывает слово *сайма* с карельско-вепским влиянием: ливв. *saitu* ‘небольшое судно с палубой’, люд. *soim*, вепс. *soim* (Kalima: 219). Ср. также вепс. *soim* ‘многовесельная лодка’ (СВЯ: 517), ливв. *saitu* ‘большая парусная лодка’ (СКЯМ: 324), кар. *saima* ‘судно, используемое на Ладожском озере, большая лодка’ (KKS 5: 259). Авторы SKES указывают, что первичен вариант с другим вокализмом, не нашедший отражения в севернорусских говорах: фин. *saima* ‘большая лодка без палубы или покрытая наполовину палубой, на которой в ветер ездят под парусом, а в штиль – на веслах’, на основе которого возникает вариант с [o] – *soima* ‘большая лодка или парусник’, при ливв. *soima* ‘двухпарусная лодка’, люд. *soim* ‘большая лодка’, вепс. *soim* ‘парусник, большая лодка’. Причем авторы SKES отмечают, что источником служит прибалтийско-финское *saima*, а слово *soima* ‘русское судно – садок’, возможно, связано с русским влиянием (SKES: 946). Лексема *сойма* в памятниках письменности фиксируется с 1576 г. (Шмелев: 195), и ее вокализм не имеет вариантов, как, например, *лахта*

/ *лохта*. Хакулинен соотносит *seimi* ‘ясли’ с *saima* = *soima* ‘большая лодка’ в качестве древней собственно финской лексики (Хакулинен: 25). Очевидно, что вариант с севернорусским вокализмом *сойма* представляет собой результат карельско-вепского влияния, причем некоторые значения представляют инновационную специфику, возникшую на русской почве. Следует также отметить, что прибалтийско-финский материал имеет соответствия в морд. эрз. *śuma*, *šima*, мокш. *śuma* ‘корыто, выдолбленное из дерева’, удм. *śumik* ‘небольшая деревянная кружка’ (SKES: 946).

Резюмируя, можно отметить, что большая часть лексики прибалтийско-финского происхождения, входящей в словари русского литературного языка, представляет, в основном, периферию лексической системы с невысокой степенью узуса, исключение в этой связи представляют наименования рыб.

В ряде случаев некоторые лексические единицы в XIX в. фиксировались как в диалектных, так и в нормативных словарях: *Алапэра* ‘у беломорских промышленников: перепонка, находящаяся поверх кожи моржей и морских белуг’ (Слов. Акад. 1847). *Алапэра* ‘перепонка поверх кожи моржей и морских белуг’ Арх. (Опыт). *Алапэра* ‘предварительно для дубления шкур их кладут на некоторое время одну на другую, причем алапера вместе с находящимися на ней волосиками отогревает’ Кем., Мезен., Онеж. (Подвысоцкий). «Кожа моржа или белухи бывает покрыта сетчатой перепонкой, опушенной мелкими волосками. Кожаные пласты названной рыбы, склав в кучу, зарывают в тундру, в коей держат их до тех пор, пока не отстает помянутая перепонка, или алапера. Далее, намазав салом, мнут пласты в станке до того, пока вся кожа побелеет и, оскоблив мязгу тупиком, употребляют затем кожу на изготовление шлей, уздечек и т. п.» Кем. Арх. (Ефименко 1878). Предполагается, что эти данные – саамского происхождения, ср. саам., саам. норв. *âlâ* ‘верхний’ (KOLTKS: 316–317), саам. йокан. *pielle*, саам. норв. *bælle* ‘половина; сторона’ (KOLTKS: 366–368); см. также (МСФУСЗ: 26).

Ряд единиц прибалтийско-финского происхождения связан с реалиями жизни на территории Северо-Запада, в зонах непосредственных межъязыковых контактов, причем к этой зоне относился и дореволюционный Санкт-Петербург. Например, «вейками в старом Петербурге называли кучеров, происходивших из крестьян подгородних финских деревень, преимущественно расположенных на Карельском перешейке. Они приезжали на заработки только в течение Масляной недели на своих легких санках, запряженных небольшими лошадками с особенно мохнатой гривой. Вейки катали всех желающих из публики за недорогую плату в любой район города. Катание на вейках продолжалось до так называемого Прощеного воскресения. С ударом колокола к вечерне в этот день все катания прекращались и начинался Великий пост. Поскольку Масленичное катание с 1930-х годов полностью прекратилось, постольку и слово вейка осталось как историзм, характерный для языка Петербурга» (Мещерский: 145).

Слово фиксируется в БАС: *Вейка* ‘Доревол. Извозчик-финн, промышлявший в Петербурге во время масленичных гуляний’: На финских вейках переехали мы из Швеции в Финляндию [в 1917 г.]. Н. Крупская. Воспоминания о Ленине (БАС). Представлено это слово в диалектных лексикографических источниках:

Вейка ‘финн’: «Словом этим в окрестных с Остзейскими губерниями местах русские мужики именуют маймистов» (Бурнашев; СРНГ 4: 98). ‘Извозчик финн, промыш-

лявший в Петербурге во время масленичных гуляний' Петерб. (Даль; Слов. Акад. 1951; СРНГ, 4, 98). Предлагается финская этимология, ср. фин. *veikko* 'братец' (Kalima: 84; Фасмер 1: 286). Мещерский обращает внимание на шутливо-ласкательный характер слова, употребляемого как обращение (Мещерский: 145).

Лексема *вейка* имеет многочисленные фиксации в литературных источниках, в которых описывается быт дореволюционной России.

– Садись, прокачу на вейке! – зывали кучера-финны, взмахивая кнутами. Коренастые лошадки, потряхивая заплетенными гривами, несли по укатанной дорожке смеющихся седоков. – А ну, кто хочет прокатиться на вейке? Живо, одевайтесь, поедем сейчас же! Мы все вскочили с радостными восклицаниями. А.С. Аллилуева. Воспоминания.

Потом мы увидели вейку старого Иоганеса. – Кто это? – спросил Александр Федорович. – Это старый Иоганес, – сказал я. – Он везет из Гельсингфорса коньяк и фрукты. Разве вы не знаете кучера Иоганеса? – Я знаю здесь всех, – ответил Керенский, – но я никого не вижу. Исаак Бабель. Конармейский дневник 1920 года.

Но изредка возникает новое для уха серебристое дребезжание: это приехали «вейки» – чухонцы; это звенят бубенчики, которыми увешана их сбруя. «Если будешь пай, – говорит няня, – то и тебя повезут на вейке по городу кататься, да и на балаганы». Кто помнит теперь, что такое были вейки? Между тем они, хоть и на короткий срок (всего на неделю) становились очень важным элементом петербургской улицы. Вейками назывались те финны, «чухонцы», которые, по давней поблажке полиции, стекались в Петербург из пригородных деревень в воскресенье перед Масляной и в течение недели возили жителей столицы. А. Бенуа. Жизнь художника. Воспоминания.

С утра по Невскому, по Морским, по другим улицам и в центре, и на окраинах разъезжали патрули жандармов. Этим только и отличалось масленичное воскресенье от последних дней той же кутильной недели. Те же балаганы, катанье на них, вейки-чухонцы, снованье праздного подвыпившего люда. П.Д. Боборыкин. За полвека. Воспоминания.

Вейки! Вейки приехали! – радостно кричали малыши при виде сытых, шустрых, маленьких финских лошадок, с разукрашенными цветными лоскутами дугами, запряженных в крохотные чистенькие сани. – Здравствуй, сосед! – дружелюбно улыбаясь, говорил обыватель. – Почем на Невский возьмешь? Н.Е. Врангель. Воспоминания: от крепостного права до большевиков.

А потом, еще когда-то, прокатит ее в санях с бубенцами, хоть на вейке масляничной. В.М. Глинка. Судьба дворцового гренадера.

На масляной нас возили на балаганы и катали на вейках. А.Г. Достоевская. Воспоминания.

В 1930-е гг. в русский язык вошло слово *пъёксы* 'спортивные ботинки с загнутыми носками для ходьбы на лыжах' (БАС 9: 1808). Слово имеет многочисленные фиксации в литературе начиная с 1937 года. *Пъёксы* 'специальная обувь для лыж с загнутыми кверху носками' (Ушаков).

Вскоре я записался в секцию лыжного спорта и взял под расписку лыжи и пьёксы. В то время нынешних лыжных ботинок еще не знали, лыжи крепили к пьёксам – этаким сапожкам с загнутыми носками. И крепленья тогда были другие, не такие удобные и надежные, как теперь. В. Шефнер. Дворец на троих, или признание холостяка.

Заводила, в рот которому смотрела вся орава, небрежно бросил на снег несколько очень легких, оловянного цвета монет, неторопливо зацепил свои пьексы – кожаные ботинки с крючковатыми носами вверх – за ремни на лыжах и увел всех в гору, в лес, по направлению к станции. В.А. Лебедев. Золотое руно.

Пьексы – это лыжные ботинки, финские. С высоко задранными носами. Он непременно должен купить их! М.М. Годенко. Минное поле.

Ходили на лыжах. Поскольку жестких лыжных креплений еще не было, надевали специальные ботинки с загнутыми, как крючок, носами. Этими носами ботинки и прицеплялись к лыжам. Ботинки назывались «пьяксами», стоили они семь рублей. Г.В. Андреевский. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы.

Но сейчас он топал в своих моржовых пьексах, купленных прошлой осенью в Рейкьявике, в своем популярном пальто по серой и белой московской зиме, по мягкому мутному дню, по предновогодней улице Горького, сейчас он топал, мало узнаваемый в густой толпе, приветствуемый лишь редкими криками, задумчиво-долговязый, впавший вдруг в меланхолию. В.П. Аксенов. Звездный билет.

Из-за стола навстречу Глебски поднимается миловидная женщина лет тридцати пяти в меховом жилете поверх ослепительно белой блузки, в спортивных брюках и пьексах. С. Бондаренко. Неизвестные Стругацкие. От «Отеля...» до «За миллиард лет...» Черновики, рукописи, варианты.

Данная лексема восходит к фин. *pieksu* ‘сапоги с загнутым кверху узким носком’ (SKES: 536).

Одно из наименований обуви фиксируется в украинском, белорусском и русском языках, при этом оно является прибалтийско-финским заимствованием. Ср.: укр. *Кендя, -ді*, ж. Чаше во мн. ч. *Кєнді, -дів*. 1) Валенки, валеные калоши. 2) В насмешку так называют большие сапоги (Гринченко 2: 235). Авторы ЕСУМ (при белорусск. *кєньги* ‘теплі калоші’, укр. *кєнді, кінді*, в том же значении, что и в словаре Гринченко) рассматривают слово как заимствование из русского языка – при прибалтийско-финских источниках русской единицы (ЕСУМ 2: 423). Ср. также: Надів на ноги кінді нові і рукавиці взяв шапові (Котляревский. Энеида).

Следует отметить, что в русском языке соответствующее слово в XVIII веке было представлено в общенародном лексиконе, ср.: *Кєньга*, употребительнее во множ. *Кєньги* ‘зимняя из телячьей или оленьей кожи с шерстью обувь, которая и внутри подпушена мехом или байкою, похожая на коты и надеваемая для тепла сверх башмаков и сапогов’: Купить кєньги. Надеть кєньги (САР 1, 3: 507). В XIX веке слово также еще отмечается как единица широкого распространения: *кєньга* ‘зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкою, и надеваемая сверх башмаков или сапогов’ (Слов. Акад, 1847, 2: 170). Ср. также данные В.И. Даля: *Кєнги* ‘калоши, головка с подошвами сверх сапог; теплая обувь, валеная, меховая или кожаная с теплым подбоем, но без голенищ’ (Даль 2: 105). Традиция подачи этого слова продолжается в БАС, однако в XX веке слово уже имеет диалектную помету: *Кєньги*, мн. (ед. *кєньга*, ж.). Обл. ‘Особая зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкой и надеваемая сверх башмаков или сапог’ // ‘Сапоги из оленьих шкур, сшитые шерстью наружу’ (БАС 5: 925).

Об общерусском характере распространения слова в XIX веке свидетельствует его широкая представленность в литературных источниках того времени:

Зимой путники и часовые поверх сапог или валенок надевали кеньги – высокие, выше щиколоток, кожаные, меховые или валяные галоши. В сырую непогоду в XIX в. стали носить низкие галоши, сначала кожаные, с конца XIX в – резиновые. Л.В. Беловинский История русской материальной культуры.

Как бы мне доконать этого долгохвостого хахаля и сделать из шкуры его детям тулупы и кеньги. В.А. Жуковский. Письма к А. С. Пушкину.

Тут барин подоспел домой из булеvara, Снял кеньгу мокрую, снял мокрый сапожек. А ножку? – нет, ее он поберет. И высушил, согрел водой из самовара. П.А. Вяземский. Кеньга, сапог и нога.

На ногах натянуты были белые кеньги, а на туловище мохнатый ергак с шерстью снаружи придавал Василию Ивановичу красоту гомерическую. В.А. Соллогуб. Тарантас. Путевые впечатления.

А я плюнул ему в эти кеньги и сказал: – Ну, так вот, скажи же своему королю, что я ему в калоши плюнул. Н.С. Лесков. Смех и горе.

Жид купил мне поношенный тулуп, шапку и кеньги; Рифка дала на дорогу целую связку бананок. Ф.В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин.

Вероятно, достаточно широкое распространение этого слова связано с внедрением реалии им обозначаемой в военный обиход.

Образовалось отверстие, голова в него проходила свободно. Вспомнил он, как хлопали по грязи кеньги часового, удалялся влево отблеск штыка. В.А. Гиляровский. Беглый.

Калош тогда и в помине не было, а если бы военный человек надел кеньги, или что-нибудь подобное – его осмеяли бы. В.В. Крестовский. Уланы Цесаревича Константина.

Гренадеры, подторкнув полы шинелей под патронные ремни, с чавкающим звуком вытягивали из грязи чудовищные кеньги, облепленные глиной. И. Лукаш. Пожар Москвы.

В этой связи следует отдельно рассматривать источники, относящиеся непосредственно к описанию материальной культуры Севера, которые представлены в этнографических исследованиях и путевых записках.

Для езды в гости сбрую на оленей держат унизанную бисером и ушитую маленькими лоскутками разных цветных сукон. Обувь свою или кеньги по сторонам так же унизывают бисером; ноги обвертывают сукном, которое плотно и гладко увивают шерстяными крашенными оборами или поясами. Н.Я. Озерецковский. Описание Колы и Астрахани.

Летом норвежский терский лопарь надевает юпу – та же малица, только из серого сукна, с нашитыми на ней яркими суконными лоскутками, – шерстяной колпак и кеньги. В.И. Немирович-Данченко. Лопари.

Весьма обширные фиксации слова *кеньги* имеются в русских говорах, причем все они дифференцируются этимологически.

Выделяются материалы, которые соотносятся со смежными прибалтийско-финскими языками (диалектами). Так, например, имеются данные влияния тверского диалекта карельского языка:

Кенги ‘плетеная обувь из веревок’: Кенги плели из веревок, оне наподобие лаптей. Кенги из верёвки, чуни, у кеног пряменький носочек и низ из веревок. Борович (НОС 4: 38). Ср. кар. твер. *kengä* ‘обувь, обувка (чаще об изношенной обуви)’ (СКЯП: 94).

Сугубо севернорусские данные соотносятся с прибалтийско-финскими этимонами.

Кеньги ‘сапоги’ Олон. (Куликовской). «На языке русских слово кеньги означает большие неуклюжие сапоги, сшитые из белой кожи, худо смазанные дегтем. Кореляки же называют кеньгат всякую кожаную обувь» Олон., 1892 (КСРНГ). *Кеньги* ‘сапоги с загнутыми кверху носками из грубой кожи, предназначенные для рыбной ловли’ Кандалакш. (СРГК 2: 340). ‘Зимняя обувь из меха или войлока’ Кондоп., Кандалакш. (там же). ‘Войлочные тапочки’ Подпорож. (там же). *Кеньги-упаки* ‘сапоги из оленьей шкуры мехом внутрь с загнутыми кверху носками’: Так ещё звали: – Кеньги-упаки одевай. Не знаю ф шутку или как кеньги-упаки назывались. Ребятйшкам шыли, украсят и верх такой загнутый. Беломор. (Княжая Губа) (ПЛГО).

Данные коми языка вряд ли следует трактовать как ненецкое заимствование, как это делается в КЭСНЯ, ср. коми ижем. кольск. *теньгей* ‘пимы для детей’ (ССКЗД: 367), при ненец. *t'ejkdei p'ibβa* ‘то же’ (КЭСНЯ: 279). На наш взгляд, направление заимствования может быть следующим: прибалтийско-фин. > русск. диал. > коми > ненец. При чем вариативность [к] / [т] перед гласными переднего ряда весьма характерны и для русских говоров: *Теньки* ‘легкая обувь из кожи, без каблуков и без задников; теньки привязывались к ноге шнурками или тесёмками’: На сенокос всей семье шили теньки. Любим. Яросл. (ЯОС). *Теньги* ‘теплые короткие сапоги’ Перм. (Даль 4: 408). *Тиньги* ‘зимняя обувь из войлока или меха; кожаная обувь без голенищ с меховой подкладкой’ Нижегород. (Kalima: 111).

Уральские и сибирские данные трудно трактовать однозначно, возможно, что широкое употребление ряда лексем обусловлено распространением реалии в казачьих войсках, например: *Кеньги* ‘меховые галоши, надеваемые часовыми и арестантами сверх сапог и бродней’ Сиб., 1893 (СРНГ 13: 181). *Кеньги* ‘сапоги из оленьих шкур’ Урал, 1930 (СРНГ 13: 182). *Кеньги* ‘сапоги из оленьих шкур, сшитые шерстью наружу’ Перм., 1848 (СРНГ 13: 182). *Кенги* ‘оленьи хребтовые сапоги’ Перм. (Даль 2: 105).

Донские данные совершенно очевидно фонетически соотносятся с украинскими: *Кенди* ‘род галош из валенной шерсти’ Дон. (СРНГ 13: 181). ‘Валенки с отрезанными голенищами’ Дон. (Миртов; СРНГ 13: 181), при укр. *кенді* ‘зимние чулки’, ‘большие сапоги’ (Фасмер 2: 223).

В этимологическом плане севернорусское *кеньги* имеет давнюю традицию исследования, которая относит эти материалы к карельско-вепским источникам: Kalima: 111; Веске: 89; Лесков: 99; Погодин: 29; Фасмер 2: 223; Аникин: 294. Ср. также: кар. *kengä* ‘обувь, сапоги’ (KKS 2: 127), кар. твер. *kengä* ‘обувь, обувка (чаще об изношенной обуви)’ (СКЯП: 94), ливв. *kengu* ‘сапог, обувь’ (СКЯМ: 132), при вепс. *keng'ad* ‘обувь (любая)’ (СВЯ: 194), люд. *keng* ‘сапог’, фин. *kenkä* ‘обувь’, водск. *tšentša* ‘обувь’ (SKES: 181). Из ливск. *käänga* ‘обувь’ было заимствовано в латыш. *k'eng'e* ‘вид обуви’, а из фин. в современный шведский – *käng* ‘обувь’ (SKES: 181).

Кроме того, немногочисленные единицы финно-угорского происхождения фиксируются в фольклорных источниках. Автором уже была предпринята попытка проследить наличие такой лексики в сказках и былинах. Весьма интересным, на наш взгляд,

может быть сравнение числа лексем, вошедших в различные жанры фольклора, в сказки и былины. Например, слово *мыза* ‘усадьба, хутор’, входящее в лексикон общенародного языка, широко известно в русских говорах Северо-Запада. Ср., например: *мыза* ‘выстроенная дача или загородный дом с садами, пашнею и скотским двором, близ города лежащий’ (САР 2). Лексема фиксируется в былинах Гильфердинга: Воеводы живут у нас по мызам. Пудож. уезд, Купец, волость, дер. Мелентьевская, зап. у Ивана Фёпонова (Гильфердинг 1: 562); И случилось Ильи Муромцу ехать мимо мызы Соловья Рахманова, Зятевья и смотрят с мызы этой Соловья Рахманова. Сенногуб, волость, зап. у Андрея Сарафанова (Гильфердинг 2: 238).

Отмечается слово *мыза* в литературных источниках:

И она ходила. Ходила по знакомым с детства холмикам и веретейкам, по **мызам**, по старым расчиткам, отдыхала у ручейка, у речки, всматривалась в их густую осеннюю синеву, слушала крики журавлей, собачий лай. Фёдор Абрамов. Пелагея.

Первая фиксация этой лексемы относится к самому началу XVIII века, возводится она к эст. *mõiz* ‘двор, имение’, водск. *mõiza*, ливск. *moiz*, фин. *möisiö* (Kalima: 169); латыш. *mižza* ‘то же’ заимствовано из ливского или эстонского (Фасмер 3: 23).

Таким образом, настоящее время при постоянно расширяющемся круге лексических данных в связи с выходом в свет различных лексикографических источников, появляется возможность более тщательного исследования уже известных материалов финно-угорского происхождения и детального анализа их функционирования не только в народных говорах, но и в литературном русском языке.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. 774 с.
- Аникин РЭС – Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1. А–Аяюшка. М., 2007. 368 с.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- БАС 2 – Словарь современного русского литературного языка. Издание второе, переработанное и дополненное. Т. 1–6. М., 1991–1994.
- Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000.
- Богораз В.Г. Областной словарь колымского наречия // Сборник Отделения русского языка и словесности. 1901. Т. 68. № 4.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1989.
- Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1–2. СПб., 1843–1844.
- Вейсманн Э. Вейсманнов немецкий лексикон. 2-е изд. СПб., 1782.
- Веске М.П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. VIII. Вып. 1. Казань, 1890. 303 с.
- Герасимов М.К. Словарь уездного Череповецкого говора // Сборник Отделения русского языка и словесности. 1910. Т. 87. № 3. С. 1–111.
- Герд А.С. По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1972. С. 187–192.
- Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. М.; Л., 1949–1951 (1-е изд. СПб., 1873).
- Гриченко Б.Д. Словарь української мови. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.
- Даль В.И. (2) Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. СПб.; М., 1880–1882.

- Даль В.И.* (3) Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, исправленное и дополненное / Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. СПб.; М., 1903, 1905, 1907, 1909.
- Даль В.И.* (4) Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 4-е / Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. СПб., 1912–1914.
- Дуров И.М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929. 180 с.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–2012. Т. 1–6.
- Ефименко П.С.* Словарь местных наречий // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1878. Т. XXX. Вып. 2. С. 254–276.
- Иллич-Свитыч – *Иллич-Свитыч В.М.* Материалы к сравнительному словарю нестратических языков // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским языкам. М., 1967.
- КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».
- КСРНГ – Картотека «Словаря русских народных говоров».
- Кузнецов И.Д.* Очерк русского рыболовства (промысел различных водяных животных). СПб., 1902.
- Куликовский Г.И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСЯ – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Лесков Н.Ф.* О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина. 1892. № 4. С. 97–103.
- Логинов К.М.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. 150 с.
- Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Дополнение к Краткому этимологическому словарю коми языка // Коми филология. Труды института языка, литературы и истории. № 18. Сыктывкар, 1975. С. 3–37.
- МАС – Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е изд., исправленное и дополненное. М., 1981–1984.
- Матвеев А.К.* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Ученые записки Уральского государственного университета. Вып. 32. Свердловск, 1959. 123 с.
- Матвеев А.К.* Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. Т. 14. Ф. 3–4. Budapest, 1964. С. 285–315.
- Меркурьев И.С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Мецерский Н.А.* Происхождение некоторых распространенных этнических апеллятивов в русской разговорной речи // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1989. С. 143–146.
- Миртов А.В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929. 415 с.
- МСФУСЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1 (А–И) / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2004. 142 с.
- Мызников С.А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. 492 с.
- Неуструев С.П.* Словарь волжских судовых терминов. Нижний Новгород, 1914. 320 с.
- НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
- Нордстет И.* Российский, с немецким и французским переводами, словарь. СПб., 1780 – 1782.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Изд. 22-е. М., 1990. 922 с.
- Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.
- ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование автора.
- Погодин А.Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 1–72.
- Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26-. Л.; СПб., 1967–2016-.
- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1899–1911.
- Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон, купно с прибавлением иностранных в российском языке в употребление принятых слов, також с сокращенной российской этимологией

- изд. М. Франциском Гелтергофом, нем. языка лектором в Императорском Московском университете. М., 1771.
- САР 1 – Словарь Академии Российской. Т. I–VI. СПб., 1789–1794.
- САР 2 – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Т. I–VI. СПб., 1806–1822.
- СВЯ – Словарь вепского языка. Сост. М.И. Зайцева, М.И. Муллонен. Л., 1972.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001–2011. Т. 1–5.
- Сими́на – Словарная картотека пинежских говоров, дар Г.Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ; ныне картотека СРНГ, хранящаяся в Института лингвистических исследований (ИЛИ) РАН.
- СИС – Словарь иностранных слов. М., 1989.
- СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск. 1990. 495 с.
- СКЯП – Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.
- Слов. Акад. 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. I–IV. СПб., 1847.
- Слов. Акад. 1891–1920 – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. 1–41 и в выпусках. СПб., 1891–1920.
- Слов. Кеппена – *Кеппен Ф.И.* Словарные материалы в картотеке ИЛИ РАН.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–6 / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1–2 / Под ред. Л.А. Ивашко. СПб., 2003–2005.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7 / Под. ред. А.К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.
- Срезневский, Доп. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Дополнения. СПб., 1912.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–48. М.; Л.; СПб., 1965–2015.
- ССКГК – Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Сост. В.П. Федотова, Т.П. Бойко. Петрозаводск, 2009. 350 с.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 489 с.
- Ушаков Д.Н.*, ред. Толковый словарь русского языка. В 4 т. М., 1947–1948.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч. 1, 2. М., 1953–1955.
- Чарнолуцкий В.В.* Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей Восточной части Кольского полуострова. (РГО, Карело-Мурманская Комиссия). Л., 1930.
- Шегрен А.М.* Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1852. С. 145–165.
- Шмелев Д. Н.* Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности // Вопросы славянского языкознания. 1961. № 5. С. 191–199; Избранные труды по русскому языку. М., 2002. 501–516.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Т. 1–13. Мінск, 1978–2010.
- Юрченко А.Ю.* Колонизация побережья Баренцева моря в XIX – начале XX века: два подхода к освоению региона // Скандинавские чтения 2000 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 184–190.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
- Castrén – *Castrén M.A.* Anteckningar om Sawolotschesskaja Tschud. Suomi, 1844.
- DELFL – Dictionnaire étymologique de la langue française. Dauzat A. Paris, 1938.
- IMS – Inkeröismurteiden sanakirja. Toimit. R.E. Nirvi. Helsinki, 1971.
- Ilkonen T.I.* Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen Tiedekatemia Toimituksia. B. XXVII. Helsinki, 1932. S. 45–65.

- KOLTKS – *Itkonen T.I.* Koltan ja kuolalapin sanakirja. O. 1–2 // *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*. XV. Helsinki, 1958.
- Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- Kalima J.* Neuere Forschungen über baltisch-finnische und finnisch-slavisches Beziehungen // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. XII. Leipzig, 1935. S. 135–136.
- KKS – *Karjalan kielen sanakirja*. O. 1–5 // *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*. XVI. 1–5. Helsinki, 1968–1997.
- Meckelein R.* Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. 1. Die finnisch-ugrischen Elemente im Russischen. Berlin, 1913.
- Mikkola J. J. Alfti.* Wiskoi ‚fährboot‘ // *Finnisch-ugrische Forschungen*. 1913. S. 163–166.
- Plöger A.* Die russischen Lehnwörter in der Finnischen Schriftsprache. Wiesbaden, 1973.
- SKES – *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. O. 1–7. Helsinki, 1955 – 1981.
- SSAP – *Suomen sanojen alkuperä*. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992 – 2000.
- VKMS – *Tsvetkov D.* Vatjan kielen Joenperän sanasto. Helsinki, 1995.

М. О. НОВАК

Казань, Россия

Об изучении церковнославянской лексики (вторая половина XX – начало XXI в.)

В настоящем очерке речь пойдет о том, какими путями в последние несколько десятилетий шло изучение церковнославянской лексики в древнерусской книжности. Наше изложение не претендует на исчерпывающую полноту; ниже мы постараемся обозначить основные направления работы и охарактеризовать наиболее заметные исследования.

Представляется бесспорным то, что лексический узус «древнерусского церковнославянского» неразрывно связан со словоупотреблением славянского юга, в силу решительного преобладания среди письменных источников по истории русского языка церковно-книжных памятников, «которые чаще всего восходят к южнославянским протографам и лишь в редких случаях содержат оригинальные древнерусские сочинения (либо компиляции) и переводы»¹. В силу этого весьма непросто обособить вопросы исследования южнославянской и восточнославянской лексики – также как нелегко говорить о работах отечественных палеославистов, не упоминая их зарубежных коллег. Вероятно, к такому обособлению и не следует стремиться.

В исследованиях словарного состава церковнославянских текстов реализуются разнохарактерные подходы и осуществляется движение к различным целям посредством решения ряда задач. Первым в этом ряду мы назовем построение перечней регионализмов (в том числе, а в палеорусистике – в первую очередь – восточнославяниз-

¹ *Крысько В.Б.* Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов*. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А.М. Молдован. М.: Индрик, 2003. С. 339–355.

мов), с которым непосредственно связана задача локализации того или иного памятника на основании лексических критериев. Данная методика, впервые предложенная еще И.И. Срезневским и А.И. Соболевским и усовершенствованная впоследствии, и результаты ее применения не раз становились предметом дискуссии². Исследования А.М. Молдована³ позволили прийти, в частности, к следующим важным выводам:

1) появление региональной лексики в тексте – результат не копирования, но создания книжниками новых произведений;

2) лексика, дифференцирующая тексты по региональному признаку, «относится, главным образом, к нетипичной для церковнославянской топики сфере, в которую входят названия бытовых реалий, денежных единиц, мер, животных, растений, военная и ремесленная терминология, лексика социальной сферы и др.»⁴.

Т.В. Пентковская, также обращаясь к лексическим критериям локализации, подчеркивает, что при работе с переводными памятниками следует учитывать «комплекс факторов, которые могут быть обусловлены 1) участием в работе одного или нескольких переводчиков, 2) выполнением перевода в контактной греческо-славянской зоне или же вне этой зоны, 3) редактированием перевода в разных славянских ареалах, которое могло осуществляться и с привлечением греческого текста, 4) изменением состава текста при редактировании»⁵.

Работы А.А. Пичхадзе, посвященные лексическим (в широком смысле – с учетом и словообразовательной структуры, и семантики) русизмам в переводных текстах, также внесли важный вклад в методологию работы с источниками и дали ценные конкретные результаты. Автором было предложено рассматривать в качестве диагностирующих не редкие, но частотные лексические единицы (например, послелог *радн / дѣла*), а также расширить набор параметров, существенных для характеристики переводных текстов⁶: в частности, было сказано о необходимости учитывать отсутствие в каком-либо памятнике лексем, частотных в других текстах. Усовершенствование лингвистического инструментария позволило А.А. Пичхадзе создать перечень лексических русизмов в переводах домонгольского периода, произвести группировку последних и выявить различные модели соотношения в них восточно- и южнославянизмов – как западно-, так и восточноболгарской лексики.

² См. *Алексеев А.А.* Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Ф.Д. Томсона «Made in Russia») // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). СПб., 1996. Т. 49. С. 280–299. Также: *Максимович К.А.* Текстологические и языковые критерии локализации древнеславянских переводов (в связи с новым изданием «Пандектов» Никона Черногорца) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2, С. 191–224; *Славова Т.Д.* Ответ на вызов (по поводу статьи К.А. Максимовича «Текстологические и языковые критерии локализации древнеславянских переводов») // Русский язык в научном освещении. 2003. № 6 (2), С. 260–282.

³ *Молдован А.М.* Лексическая эволюция в церковнославянском // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А.М. Молдован. М.: Индрик, 2003. С. 395–413. Библиография работ автора на с. 412.

⁴ Там же. С. 398.

⁵ *Пентковская Т.В.* Лексический критерий в изучении древнеславянских переводов: проблемы локализации и группировки // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 137.

⁶ *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011. 403 с.; *она же.* Языковые особенности переводных памятников письменности XI–XIII вв., содержащих восточнославянские лексические элементы. Автореферат дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. С. 4. Там же библиография автора (с. 44–45).

Здесь следует заметить, что во многих исследованиях отечественных и зарубежных славистов присутствует тема «охридской» и «преславской» лексики, заявленная еще И.В. Ягичем⁷, в которой территориальный параметр сходится с хронологическим: преславский (= восточноболгарский) лексический пласт справедливо считается инновационным по отношению к охридскому, сохраняющему кирилло-мефодиевский узус. Работы болгарских коллег И. Карачоровой и Т. Славовой⁸ ввели в научный оборот обширные перечни охридских и преславских коррелятов, которые в настоящее время принимаются к сведению всеми исследователями, работающими с древнеславянской (в том числе – древнерусской, учитывая широкое распространение в ней преславской лексики) книжностью и использующими лексику в качестве текстологического аргумента⁹.

Лексические критерии в текстологии последовательно используются в масштабном исследовании славянской Библии А.А. Алексева¹⁰, а также в целом ряде значимых работ, посвященных переводным памятникам различных жанров, о которых пойдет речь ниже. Проблемы усвоения южнославянской лексики оригинальными произведениями в связи с текстологией древнерусского летописания находят освещение в работах Т.Л. Вилкул¹¹. В подобных исследованиях неизбежно обращение как к вопросам лексической семантики, так и к социально-политическим аспектам истории Древней Руси.

Поскольку работа с оригинальными древнерусскими текстами предполагает описание последних в широком контексте переводной книжности, большое место в исследованиях лексики занимает анализ семантики и структуры славянского слова на фоне иноязычного первоисточника – чаще всего греческого, а также рассмотрение переводческих техник. К данной проблематике не раз обращался, в частности, автор многих теоретически значимых работ по истории церковнославянского и русского литературного языка Х. Кайперт¹². В своем недавнем обобщающем труде «Altkirchenslavisch und Kirchenslavisch» ученый формулирует ряд дефиниций церковнославянского языка («Kirchenslavisch als slavische Ursprache», «Kirchenslavisch als Korpusprache», «Kir-

⁷ Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913. S. 281–479.

⁸ Карачорова И. Редакции древнеболгарского текста Псалтыри по языковым данным // Polata knigopisnaja. № 14–15. P. 26–38; она же. Към вопроса за Кирило-Методиеви старобългарски превод на Псалтира // Кирило-методиевски студии. 1989. Кн. 6. С. 130–245; Славова Т. Преславска редакция на кирило-методиеви старобългарски евангелски превод // Кирило-методиевски студии. 1989. Кн. 6. С. 15–129.

⁹ См., например: Милтенов Я. Лексический критерий как способ атрибуции преславских текстов // Славяноведение. 2008. № 5. С. 41–49.

¹⁰ Алексева А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. 254 с.

¹¹ Вилкул Т.Л. «Радовашеса» и «радь бывъ» (путевые заметки) // Ruthenica. 2012. XI. С. 66–77; она же. Слово «вече» в древнеболгарских и древнерусских памятниках // Споры о новгородском вече, междисциплинарный диалог. СПб., 2012. С. 110–121; она же. «Старци» и «старѣишины» древнерусской летописи: свидетельства Повести временных лет и славянского Восьмикнижия // Славяноведение. 2014. № 2. С. 3–14.

¹² Keipert H. Doppelübersetzung und Figura etymologica im Methodianischen Nomokanon // Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress held on the Eleventh centenary of the Death of St. Methodius. Rome, October 8–13, 1985. Rome, 1988, 245–259. (Orientalia Christiana Analecta; 231); *id.* Die Qual der Wahl: Die griechischen Verbaladjektive auf -τέος und ihre Übersetzungsäquivalente im älteren Kirchenslavisch // Vtori Meždunaroden kongres po bälgaristika: Dokladi 21: Kirilo-Metodievistika : Simpozium (1989), 451–461; *id.* Altkirchenslavisch und Kirchenslavisch // K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg. Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung (= HSK, 32/2). Berlin; New York, 2014. S. 1211–1252.

chenslavisch als Gemeinsprache», «Kirchenslavisch als Schriftsprache», «Kirchenslavisch als Ausbausprache», «Kirchenslavisch als Konstrukt», «Kirchenslavisch als Etalonsprache»), опираясь во многом на анализ приемов перевода, предполагавших заимствование и калькирование языковых элементов для выражения нового содержания, отсутствовавшего в культуре древних славян.

Описание конкретных переводческих приемов позволило М.И. Чернышевой представить новые сведения о так называемых «двуязычных дублетах»¹³, а также существенно уточнить терминологию, связанную с техниками заимствования и калькирования. Обобщив существующие в научной литературе мнения, исследователь предложила называть феномены перевода текстов византийского периода византинизмами, различая среди них морфологические и лексические, а среди последних – заимствованные (адаптированные) единицы, заимствуемые (слабо адаптированные) слова, или экзотизмы, и иноязычные вкрапления¹⁴.

При рассмотрении техник перевода также могут использоваться различные методологические принципы. Так, в ранних монографиях Е.М. Верещагина¹⁵, после обзора научных мнений и оценок переводческих техник кирилло-мефодиевской традиции, была предложена авторская интерпретация с применением методов компонентного анализа значения и теории языковых контактов. В работах К.А. Максимовича¹⁶, посвященных древнеславянским памятникам церковного права, перевод исследовался как семиотический феномен и была представлена «системная классификация переводческих приемов, основанная на семиотических категориях синтактики (передача определенного объема текста), семантики (передача определенного объема понятия) и прагматики (адаптация к восприятию носителей языка)»¹⁷. А.М. Камчатнов, со своей стороны, выдвигает в качестве методологической основы анализа лексической семантики онтологическую теорию смысла, развивающую положения философии А.Ф. Лосева¹⁸. В рамках лингвогерменевтического анализа исследователь оперирует понятиями эйдоса, как умозрительной картины сущности / смысла, и ноэмы, как результата сравнения / отождествления эйдоса с чем-либо в инобытии. Терминология автора создает впечатление полной удаленности данного подхода от позитивистских оснований современной науки, однако в действительности он базируется на внимательном анализе данных этимологии¹⁹. Так или иначе, ме-

¹³ Чернышева М.И. К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 97–107.

¹⁴ Чернышева М.И. О понятии «византизмы» в языке славяно-русских переводных памятников // Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 171–181.

¹⁵ Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971. 255 с.; *он же*. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972. 199 с.

¹⁶ Максимович К.А. Паннонские юридические памятники в древнерусской книжности. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М. 2007. 43 с. Библиография автора – на с. 38–43.

¹⁷ Там же. С. 25.

¹⁸ Камчатнов А.М. История и герменевтика славянской Библии. М., 1998. 223 с.

¹⁹ Там же. См., например, на с. 94–96 рассмотрение нозм эйдоса истины в древнегреческом, латыни и древнеславянском.

тодология А.М. Камчатнова дает небезыңтересные результаты и имеет своих последователей²⁰.

В последние 15–20 лет появилось немало серьезных исследований лексики отдельных церковно-книжных памятников. Остановимся на их характеристике с учетом места памятников в иерархии жанров.

По-прежнему привлекает внимание лексика новозаветных текстов – прежде всего, Евангелия. В 1990-е годы начала реализовываться инициатива Объединенных Библийских Обществ по исследованию славянской рукописной традиции Нового Завета. Результатом явилось критическое издание Евангелия от Иоанна²¹ и Евангелия от Матфея²² со взятým за основу текстом Мариинского Евангелия XI в. и с разночтениями по южно- и восточнославянским источникам. Подготовлены к публикации Евангелия от Марка и от Луки. Текстологическая группировка источников была выполнена, в том числе, с помощью лексических критериев.

В 1995 г. И. Люсен (Огрен) представила научной общественности греческо-старославянский конкорданс, составленный по древнейшим старославянским (Мариинскому, Ассеманиеву, Зографскому) и Остромирову Евангелию²³, материал которого может быть использован и при работе с более поздними версиями памятника, с учетом существенных дополнений и поправок, предложенных в рецензии С.Ю. Темчина²⁴. Соотношению кирилло-мефодиевского и преславского лексических пластов в древнеславянском Евангелии посвящены написанные в разное время статьи А.А. Пичхадзе и С.Ю. Темчина²⁵.

Второе по значимости собрание книг новозаветного канона – Деяния и Послания апостолов – также исследовался и продолжает исследоваться с позиций исторической лексикологии достаточно активно. Линия, обозначенная Г.А. Воскресенским и И.В. Ягичем²⁶, была затем продолжена исследованиями З. Хауптовой²⁷. В 2004 г. вы-

²⁰ Юсова О.Б. Лексические разночтения разновременных списков славянской Псалтири XI–XVII вв. Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 194 с.

²¹ Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998. 83 с.

²² Евангелие от Матфея в славянской традиции. СПб., 2005. 181 с.

²³ Люсен И. Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий (codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri). Uppsala, 1995 (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia, 36). 300 p.

²⁴ Темчин С.Ю. [Рец. на:] Люсен И. Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий (codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri). Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia, 36. Uppsala, 1995. 300 p. // Palaeobulgarica. 1998. 22. № 1. С. 111–119; переизд. в: Темчин С.Ю. Исследования по кирилло-мефодиевистике и палеославистике. Krakowsko-wileńskie studia slawistyczne. Tom 5. Kraków, 2010. С. 109–122.

²⁵ Пичхадзе А.А. Преславский полный апракос как свидетель кирилло-мефодиевского перевода Евангелия // Slavia. 2009. 78. Seš. 3–4. С. 437–446; Темчин С.Ю. О разграничении лексических архаизмов и инноваций в церковнославянском тексте: варианты кзынжынкз и кзынжчнн в списках Евангелия XI–XVI вв. // Slavistica Vilnensis 1995. Вильнюс, 1997. С. 64–81.

²⁶ Воскресенский Г.А. Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в.: Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII–XV вв. М., 1879. 341, IV с.; Jagić V. Zum altkirchenslavischen Apostolus. II. Lexikalisches. Die Physiognomie der slavischen Uebersetzung (1); III. Lexikalisches und Slussbetrachtungen. Die Physiognomie der slavischen Uebersetzung (2). Wien, 1919–1920.

²⁷ Hauptová Z. K otázce vztahu perikopního a doplňkového textu staroslověnského apoštola. In: Palaeoslovenica. Sborník oddělení srovnávací slovanské jazykovědy Ustavu jazyků a literatur ČSAV. Praha, 1971, 29–50; она же. Vуvoj textu staroslověnského apoštola z hlediska lexikalni analýzy // Slavia. 1978. T. 47. S. 23–29.

шло масштабное исследование Искры Христовой-Шомовой, в котором лексическая история древнеславянского Апостола рассмотрена в связи с текстологией памятника на базе 25 южно- и восточнославянских рукописных источников, а также Острожской Библии²⁸. Помимо разночтений в объеме полного апракоса, в книге представлен подробный комментарий лексических вариантов, а также греко-славянский указатель слов, имеющих разные славянские соответствия в различных редакциях Апостола. Данное издание способно оказать большую помощь не только тем, кто занимает лексикой Апостола, но и всем исследователям древнеславянской книжности, поскольку лексическое варьирование и греко-славянские параллели в ней имеют, как правило, системный характер. В 2012 г. И. Христова-Шомова опубликовала еще более объемистый том, содержащий исследование синаксарей апостольских рукописей²⁹. В нем речь идет в основном о календарном репертуаре славянского богослужения, отраженном в источниках, однако лексиколог также найдет здесь немало материала для дальнейших исследований – но в связи уже не с новозаветными текстами, а с малыми жанрами гимнографии – тропарями святым.

В 2014 г. автором этих строк была опубликована монография, написанная с опорой на текст докторской диссертации³⁰, в которой немало внимания было уделено лексике древнеславянского перевода Апостола с позиций исторического словообразования и исторической стилистики. В исследовании был реализован комплексный функционально-семантический подход, позволивший выполнить обстоятельное описание переводческих техник и лексической семантики производных существительных, принадлежащих к наиболее продуктивным словообразовательным типам и формирующих номинативное ядро текста, выяснить семантические основания лексического варьирования в разновременных версиях Деяний и Посланий апостолов, определить тенденции лексического варьирования в разновременных версиях Апостола. В центре исследования были древнерусские источники – Христинопольский толковый Апостол XII в., Толстовский последовательный Апостол XIV в., Апостол из Чудовского Нового Завета XIV в. В настоящее время группа ученых Казани и Ижевска осуществляет проект по электронной публикации Христинопольского и Толстовского списков, которая должна облегчить работу как с лексическим, так и с грамматическим уровнем текста³¹.

Все большее внимание исследователей привлекает сейчас толковый тип Евангелия и Апостола³². Ведутся текстологические изыскания, в которых так же, как и в случаях с другими памятниками, применяются лексические критерии. Например, в последней

²⁸ Христова-Шомова И. Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. Том I. Изследване на библейския текст. София, 2004. 831 с.

²⁹ Христова-Шомова И. Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. Том II. Изследване на синаксарите. София, 2012. 1133 с.

³⁰ Новак М.О. Апостол в истории русского литературного языка: лингвостилистическое исследование. Казань, 2014. 316 с.

³¹ Проект «Древнерусские списки Апостола XI–XIV вв.: лингвистическое исследование и электронная публикация», № 15-04-00213 (руководитель М.О. Новак).

³² Бобрик М.А. Толковый Апостол в Великих Четвях Минеях: два списка – две редакции // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2010–2011. М., 2011. С. 52–102; она же. Терминология библейской цитаты и толкования в рукописях Толкового Апостола XII–XVI веков // Библиистика. Славистика. Русистика: К 70-летию ... Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011. С. 387–398; Пентковская Т.В., Индыченко А.А., Федорова Е.В. К изучению толковой традиции домонгольского периода: Апостол и Евангелие с толкованиями // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2010–2011. М., 2011.

содержательной работе М.А. Бобрик прослеживается связь между присутствием в списках толкового Апостола лексемы *словѣтннъ* и различными редакциями текста³³.

То же внимание к лексике в связи с текстологией памятника характеризует исследование, посвященные ветхозаветным книгам³⁴. В связи с этим стоит отдельно упомянуть важную публикацию четьего текста книги Исход, подготовленную Т.Л. Вилкул и содержащую лексикологические комментарии³⁵.

Исследование Т.А. Афанасьевой, посвященное древнеславянскому переводу Литургии (в том числе – его древнерусской редакции), также описывает лексический уровень текста и констатирует наличие пластов разного происхождения, связанное с различными этапами славянского перевода. В частности, отмечается, что тексты молитв более консервативны и дольше сохраняют старые языковые нормы, тогда как в рубриках содержится региональная лексика; так называемые восточные молитвы не содержат лексических преславизмов, в отличие от дополнительных молитв; древнерусская редакция в своих «неподвижных» частях совмещает в себе кирилло-мефодиевские и преславские лексические параллели³⁶.

Диссертационное исследование Н.В. Шальгиной, посвященное языку Службника Варлаама Хутынского (по рукописи ГИМ, Син. 604 начала XIII в.), также рассматривает чинопоследования литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста и решает задачу определения «лексических и словообразовательных вариантов литургического текста, восходящих к синонимии языка старославянских и древнерусских рукописей»³⁷.

В последнее десятилетие исключительно интенсивно ведется изучение источников, включающих богослужебные тексты – последования Миней, Октоиха, Триоди. Минейные тексты по традиции привлекают самое пристальное внимание. Среди них, прежде всего, следует назвать Ильину книгу XI в. – праздничную mineю оригинального состава, известную еще И.И. Срезневскому, но долгое время не привлекавшую должного внимания. Отдельные последования памятника стали вводиться в научный оборот в 1990-е гг.³⁸, тогда же появились предварительные его описания, а в 2005 и в

С. 30–51; *Пичхадзе А.А.* К текстологии древнейшего перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2010–2011. М., 2011. С. 5–29.

³³ *Бобрик М.А.* К проблеме происхождения славянского толкового Апостола: *Σχόλης – словѣтннъ* в Кол. 3:11 // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2014–2015. М., 2015. С. 69–87.

³⁴ *Алексеев А.А.* Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002. 237 с.; *Пичхадзе А.А.* К истории славянского Паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 147–173; *она же.* Книга Иисуса Сирахова в Изборнике 1076 г. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2002–2003. М., 2003. С. 7–26; *Miltenov Y.* The Slavonic Translation of the Minor Prophets with Commentary – Rare Words and Lexical Markers // ΤΟΞΟΤΗΣ. Studies for Stefano Parenti. [Αναλεκτα Κρυπτοφερρης, 9]. Grottaferrata, 2010. P. 289–300.

³⁵ Книга Исход: Древнеславянский полный (четий) текст по спискам XIV–XVI веков / сост. Т.Л. Вилкул. М., 2015. 368 с.

³⁶ *Афанасьева Т.И.* Древнеславянский перевод Литургии в рукописной традиции XI–XVI вв. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2012. 51 с. Библиография работ автора – на с. 49–51.

³⁷ *Шальгина Н.В.* Язык и текстология древнерусского Службника Варлаама Хутынского (по рукописи ГИМ Син. 604, нач. XIII в.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 3.

³⁸ См. Ильина книга (XI в.). Исследования. Указатели / Под ред. В.Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2015. С. 5–6.

2006 г. памятник дважды (с применением различных эдиционных принципов) был издан и всесторонне прокомментирован Е.М. Верещагиным и В.Б. Крысько³⁹. Уже в предварительных статьях⁴⁰ был приведен впечатляющий перечень из 146 лексем, до тех пор не известных историческим словарям русского языка и старославянской лексикографии, а также ряд лексем, отраженных старославянскими словарями, но отсутствовавших в русских исторических словарях. Выявленные лексические единицы были проанализированы с точки зрения словообразовательной структуры (44,5 % из них составляют композиты), была раскрыта соотношенность и внутренняя форма гапсов (в частности, *ннво* ‘поток’ < *niti ‘течь’). Обнаружение в Ильиной книге позволило существенно удревнить имеющиеся датировки появления многих лексем в славянской письменности (*благолѣпота*, *велнконменнтъ*, *достоудажно*, *жнзюдатель* и *мн. др.*)⁴¹. Кроме того, в результате сравнения с «типографскими» (изданными И.В. Ягичем) списками минеи были зафиксированы лексические приметы памятника, среди которых были названы 1) большое число непереуведенных (а порой морфологически не адаптированных) греческих слов и 2) несогласованность межсписочных паронимов Ильиной книги с греческим первоисточником⁴². Издание памятника 2005 года содержит лемматизированный славяно-греческий указатель слов и форм и обратный указатель славянских лексем. В настоящее время интерес к лексике Ильиной книги не ослабеуает, о чем свидетельствует издание в 2015 г. тома исследований и указателей, который содержит, среди прочих, статью В.Б. Крысько «Заметки о лексике Ильиной книги» и «Указатель лексем, искаженных в Ильиной книге», подготовленный тем же автором⁴³.

Постоянного обращения к лексическому уровню текста потребовала и беспрецедентная научная инициатива В.Б. Крысько по реконструкции древнеславянского и греческого текста канона Кириллу Философу, в ходе которой привлекались как южнославянские, так и восточнославянские источники⁴⁴. Автором был проведен лингвистический анализ «темных» слов канона, «осуществленный на основе сопоставления всех сохранившихся списков и реконструкции греческого оригинала», который «позволил прийти к восстановлению исходных чтений»⁴⁵. Также были произведены важные се-

³⁹ Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131: Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. М.: Индрик, 2005. 904 с.; Древнейший славянский богослужебный сборник «Ильина книга». Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинеарно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подгот. Е.М. Верещагин. М.: Индрик, 2006. 978 с.

⁴⁰ *Верещагин Е.М., Крысько В.Б.* Наблюдения над языком и текстом архаичного источника – Ильиной книги // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 3–26; *Верещагин Е.М., Крысько В.Б.* Наблюдения над языком и текстом архаичного источника – Ильиной книги // Вопросы языкознания. 1999. № 3. С. 38–59.

⁴¹ См. *Верещагин Е.М., Крысько В.Б.* Наблюдения над языком и текстом архаичного источника – Ильиной книги // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 8–12.

⁴² *Верещагин Е.М., Крысько В.Б.* Наблюдения над языком и текстом архаичного источника – Ильиной книги // Вопросы языкознания. 1999. № 3. С. 38–52; *Верещагин Е.М.* Церковнославянская книжность на Руси. М.: Индрик, 2001. С. 270–296.

⁴³ Ильина книга (XI в.). Исследования. Указатели / Под ред. В.Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2015. С. 38–48; 268–270.

⁴⁴ *Крысько В.Б.* Старославянский канон Кириллу Философу: Источники и реконструкция. М.: Азбуковник, 2014. 720 с.

⁴⁵ Там же. С. 468.

мантические отождествления, выявлены редкие лексические черты и гапаксы текста канона.

Комплексное описание текста августовской служебной минеи (на материале новгородских списков РГАДА, ф. 381, № 125 и ГИМ, Син. 168) было представлено Р.Н. Кривко⁴⁶. Анализ лексики указанных рукописей базировался на разграничении «охридских» и «преславских» синонимов (типа *насаѣдъннкъ — прнчастъннкъ, свѣдѣтель — послужъ, сьнъмъ — сьборъ*) и позволил прийти к выводу, что преобладание в лексическом узусе изучаемых источников «охридских» лексем свидетельствует об отсутствии «связи между языковыми особенностями преславской школы и первыми переводами служебных миней»⁴⁷. Кроме того, автор приводит перечень из 132 лексем (например, *въсеселю, достохвальннкъ, жвносъхранити, морешъствннкъ*), зафиксированных им в источниках, но отсутствующих «в имеющихся славянских исторических и специализированных словарях, а также в изданиях служебных миней и ирмология, снабженных словоуказателями»⁴⁸. Подробное описание семантики перечисленных лексических единиц и анализ контекстов были опубликованы Р.Н. Кривко двумя годами ранее⁴⁹. В октябре 2016 года им была защищена докторская диссертация, посвященная славянской служебной Минее, в которой, в частности, репрезентируется богослужебная поэзия как лексикографический источник, подробно комментируется семантика и ареальная приуроченность отдельных лексем, в том числе гапаксов минейных текстов⁵⁰. В монографии, вышедшей в 2015 г.⁵¹, Р.Н. Кривко значительно расширяет круг исследуемых памятников, детально комментируя этимологические начала, семантику и историко-культурный фон бытования таких лексем, как *полиелеи, върста, тагашь, трѣба*, и обогащая новыми данными как лексикологию, так и лексикографию.

Недавняя книга М. Йовчевой, посвященная древнеболгарским служебным минеям⁵², содержит обширный лексикологический раздел, в котором лексические единицы исследуются на фоне греческих коррелятов с точки зрения семантики и структуры. Об этой книге можно повторить то, что уже сказано выше о монографии И. Христовой-Шомовой: она представляет ценный материал, полезный всем исследователям древнеславянской книжности в целом.

Тому же автору принадлежит целый ряд работ по исследованию древнеславянского Октоиха, в том числе его восточнославянских представителей⁵³. В статье 2011 года

⁴⁶ Кривко Р.Н. Язык и текст древнейших славянских служебных Миней за август // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.–10. Juni 2005 / Hrsg. von H. Rothe, D. Christians (= Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 117. Patristica Slavica, Bd. 15 / Hrsg. von H. Rothe). Paderborn; München; Wien; Zürich, 2007. P. 236–270.

⁴⁷ Там же. С. 254.

⁴⁸ Там же. С. 256.

⁴⁹ Кривко Р.Н. Новые данные по древней церковнославянской лексикографии (на материале древнейших служебных миней за август) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2005. Bd. 51. S. 131–164.

⁵⁰ Кривко Р.Н. Текстология и язык славянских служебных миней. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2015. 748 с.

⁵¹ Кривко Р.Н. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М., 2015. 445 с.

⁵² Йовчева М. Старобългарският служебен миней. София, 2014. 388 с.

⁵³ Йовчева М. Гимнографическое наследие Кирилло-Методиевских учеников в русской книжности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 8. С. 100–112; она же. Древнеславянский Октоих: реконструкция его состава и структуры // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester

М. Йовчева обсуждает, в частности, лексические приметы преславской редакции Октоиха и выявляет, помимо «хрестоматийных» преславизмов, характерных и для других памятников, уникальные разночтения, а также фиксирует тенденции к более четкой передаче значения греческого слова и к аналитическому переводу греческих композит⁵⁴.

Монография О.В. Чевелы, написанная «по мотивам» докторской диссертации, представляет обстоятельное исследование лексики Цветной Триоди⁵⁵. Выполненное в русле герменевтической проблематики, оно решает, среди прочих, задачи определения «основных тенденций варьирования словообразовательных единиц в греческом и славянском тексте Триоди, их роли в структурной организации текста», анализа «лексических средств воплощения текста с точки зрения традиции и инновации»; определения «основных тенденций динамики лексической системы; рассмотрения техники и искусства переводов X–XIV вв.»⁵⁶.

Помимо литургических жанров, в лексикологическом аспекте рассматриваются догматические и дидактические произведения древнеславянской книжности. Обращает на себя внимание исследование Н.Г. Николаевой, посвященное переводам корпуса Ареопагитик и «Богословия» Иоанна Дамаскина⁵⁷. Рассматривая лексику разновременных источников, автор анализирует «лексико-семантические, словообразовательные и текстообразующие особенности первых переводов «Богословия» и Ареопагитик в контексте истории церковнославянского языка», обобщая при этом методологические принципы словообразовательного анализа; прослеживает «связь словообразования и текстообразования внутри данных памятников как отражение философской теории образа и иерархии»; описывает «картину становления и развития древнерусской богословской и философской терминологии»⁵⁸.

Лексика «Лествицы» Иоанна Синайского, одного из наиболее авторитетных руководств по христианской аскетике, рассматривалась неоднократно. В монографии Н. Василевой⁵⁹ сопоставлялось словоупотребление преславского и тырновского переводов (к сожалению, без отсылок к греческому первоисточнику, но с указанием контекста и употребления лексических единиц в других древнеславянских памятниках). В диссертационном исследовании Т.Г. Поповой⁶⁰ специальный раздел посвящен оценке лексикографической обработки русских списков памятника. Автор приходит к выводу, что лексика славяно-русской Лествицы (особенно русских списков тырновского перевода) в исторических словарях представлена «крайне недостаточно», и тем самым

Zeit. Paderborn, 2007. S. 50–73; она же. Старобългарските химнографски книги след Симеоновата епоха: преславската редакция на Октоиха // Годишник на СУ «Св. Климент Охридски». Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». Т. 96 (15). София, 2011. С. 239–251.

⁵⁴ *Йовчева М.* Старобългарските химнографски книги след Симеоновата епоха: преславската редакция на Октоиха. С. 240–243.

⁵⁵ *Чевела О.В.* Герменевтика литургической поэзии: лингвистическое исследование. Казань, 2010. 345 с.

⁵⁶ Там же. С. 9.

⁵⁷ *Николаева Н.Г.* Богословские переводные памятники в истории русского литературного языка. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2008. 50 с. Библиография автора – на с. 44–50.

⁵⁸ Там же. С. 8, 18–19.

⁵⁹ *Василева Н.* Лексиката на Лествицата: преславски и тырновски превод. Варна, 2002. 122 с.

⁶⁰ *Попова Т.Г.* Славяно-русская рукописная традиция Лествицы Иоанна Синайского. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 39 с. Библиография автора – на с. 34–39.

намечает перспективу лексикографической работы. Отдельно обсуждается лексика списка Рум. 198 (XII в.), содержащего первый перевод памятника; делается вывод о принадлежности перевода преславской школе и предлагается гипотеза об авторстве Иоанна экзарха Болгарского. Кроме того, прослеживаются приемы редактирования преславского перевода на русской почве.

Своеобразный лексический состав еще одного широко распространенного на пространстве *Slavia Orthodoxa* аскетического сочинения – Паренесиса, или поучений Ефрема Сирина, обзорно характеризовался в статьях К. Фосса⁶¹, который зафиксировал в памятнике около 30 уникальных лексем. О.Ф. Жолобов, подчеркнув важность этих слов для исторического словообразования и праславянской реконструкции, детально проанализировал структуру и внутреннюю форму прилагательного кореннтьчьскын в аспекте религиозного восприятия древних индоевропейцев⁶².

Лексика агиографических источников – древнеславянских патериков – также не остается без анализа, о чем свидетельствует, например, работа итальянского слависта Р. Кальдарелли, написанная на польском языке⁶³.

Среди экзегетических произведений внимание лингвистов привлекают Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского и Толковая Палея. Обширная библиография работ, посвященных, в том числе, лексике Шестоднева, сопровождает публикацию памятника по древнерусскому списку XV в. (РГБ, ф. 173, № 145)⁶⁴. Начала формирования славянской натурфилософской терминологии в Шестодневе и других произведениях энциклопедической направленности (в частности, Изборнике 1073 г.) специально рассматриваются Г.С. Баранковой, которая констатирует интенсивный поиск адекватного выражения, отражающийся в глоссировании и лексическом варьировании в разновременных списках Шестоднева⁶⁵.

Работа с текстом Толковой Палеи, в процессе перевода памятника на современный русский язык и подготовки его к изданию⁶⁶, привела А.М. Камчатнова к мысли об «анархической многозначности» древнерусского слова, «усугубленной влиянием греческих текстов», которую крайне затруднительно передать в словарной статье с традиционной структурой⁶⁷. В диссертационном исследовании А.Ю. Козловой, посвященном одному из наиболее известных источников по истории Толковой Палеи – Коло-

⁶¹ *Voss Ch.* Zum lexikalischen Bestand des Textes der altbulgarischen Paränesis von Ephraim dem Syrer // *Palaeobulgarica*. 1994. XVIII, 2. S. 50-65; *id.* Die altbulgarische Übersetzungstechnik in der frühen Symeonschen Epoche. Zu vier (angeblichen) Patristikübersetzungen Konstantins von Preslav // *Palaeobulgarica*. 2001. XXV, 4. S. 49–63.

⁶² *Жолобов О.Ф.* Древнерусская книжность: «Паренесис» Ефрема Сирина // Православие в поликонфессиональном обществе: история и современность. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 450-летию Казанской епархии РПЦ. Казань, 2006. С. 296–301.

⁶³ *Caldarelli R.* Kilka uwag o słownictwie *Pateryka Alfabetycznego* // *Contributi italiani al XIII Congresso Internazionale degli slavisti* (Ljubljana, 15–21 agosto 2003). Firenze, 2014. P. 59–84.

⁶⁴ *Баранкова Г.С., Мильков В.В.* Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. II. СПб., 2001. С. 10–12.

⁶⁵ *Баранкова Г.С.* Античная философия, мифология, научные знания в древнеславянских переводных памятниках и выработка научной терминологии // *Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли*. М., 2000. С. 22–48.

⁶⁶ Палея Толковая. М., 2002. 647 с.

⁶⁷ *Камчатнов А.М.* О семантическом словаре древнерусского языка // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 1, 2000. С. 61–65.

менскому списку 1406 г. – дана общая характеристика лексического состава списка, создан словоуказатель, описаны такие лексические особенности Коломенского списка, как состав неславянской лексики, соотношение книжных и разговорных элементов в тексте⁶⁸.

Из произведений сложного состава особенно интенсивно и в разных аспектах изучается в последние несколько лет Изборник 1076 г. Скрупулезное обследование лексики памятника и его прототипа – Княжьего Изборника – представлено в диссертации М.С. Мушинской⁶⁹, существенно уточнившей характер лексической правки на разных этапах бытования текстов, вошедших в состав Изборника 1076 года, и показавшей тем самым значимость текстологических факторов для исторической лексикологии и лексикографии.

Кроме работ, посвященных лексике тех или иных произведений, существуют исследования отдельных лексических групп либо отдельных лексем в книжных источниках и в истории русского языка⁷⁰. Среди них выделяются описания заимствованной лексики. Тема грецизмов будет раскрыта другим автором, мы же упомянем об исследованиях семитических заимствований. Так, в статьях С.Ю. Темчина⁷¹ рассматриваются отдельные дискуссионные сюжеты, связанные с усвоением семитизмов на славянской почве, – при этом автор указывает на посредничество греческого перевода. Недавняя серия работ А.И. Грищенко посвящена библейским и околобиблейским заимствованиям с древнееврейскими корнями – в том числе лексическим единицам, непосредственно заимствованным из древнееврейского в славянский текст⁷². Помимо проведения

⁶⁸ Козлова А.Ю. Коломенский список Толковой Палеи 1406 г. как лингвистический источник. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 4.

⁶⁹ Мушинская М.С. Текстология и язык Изборника 1076 года. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 26 с.

⁷⁰ См., например: Дидди К. К семантике священных мест загробного мира (ГЕЕННА: РОДЪ ОГНЬНЫЙ, РОДЪСТВО ОГНЬНОЕ, МАТИЦА ОГНЬНАЯ) // Старобългарска литература. 2013. Кн. 48. С. 311–327; Илиев И. Лексемата дѣга в старобългарската преводна литература // Български език. 2015. 62, 2. С. 91–99; Лавренченко М.Л. «Быти всѣм за один брат». Прагматика терминов родства в диалогах Киевской летописи (1146–1154) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. №1 (55). С. 43–57; Улукханов И.С. Презреть – презирать // Русская речь. 2014. № 6. С. 102–109; Чернышева М.И. Человек в древнерусских и византийских памятниках (лексикологический аспект) // Славянское языкознание / XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 569–591; она же. Слово и понятие глава (голова) в памятниках древнерусской письменности // Славянский филологический сборник. М., 2009. С. 151–160; она же. Историко-лексикологический анализ древнеславянского и древнерусского слова и понятия «кровь» // In honorem Gheorghe Mihăilă / Volum îngrijit de Mariana Manguiea. București, 2010. P. 124–139; Brzozowska Z. Określenia pereł w tekstach staro-cerkiewnosłowiańskich redakcji ruskiej jako przykład orientalizmów // Die Welt der Slaven. Beiträge der europäischen slavistischen Linguistik (Polyslav). 2013. Bd. 16. S. 34–38.

⁷¹ Темчин С.Ю. Греческий гебраизм «кунирони» в граффито XI в. Новгородской Софии и церковнославянская гимнография // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье: XXV Чтения памяти В.Т. Пашуто и А.П. Новосельцева, Москва, 17–19 апреля 2013 г. М., 2013. С. 254–259; она же. Сирийская фраза «парехь мари» в граффито XI в. Новгородской Софии и церковнославянский перевод Иеронимова жития Илариона Великого // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза: XXVII Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2015 г. М., 2015. С. 259–264.

⁷² Грищенко А. И. О гебраизме машлахъ (Messias) в Палее Толковой // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2012. № 1 (= Hermeneumata: Сб. научн. трудов к 60-летию д. филол. н., проф. А.М. Камчатнова). С. 15–22; она же. Славянские приключения греческого Кегата: О происхождении назва-

частных изысканий исследователь обобщает «собственно лингвистические признаки, которые с той или иной степенью очевидности свидетельствуют о непосредственном заимствовании лексических единиц из древнееврейского языка в славянский текст», а также ставит задачу построения перечня и всестороннего обследования гебраизмов, которые только в списках Пятикнижия могут исчисляться сотнями⁷³.

До сих пор в нашем обзоре шла речь об исследовании лексики древнеславянских памятников; однако нельзя обойти вниманием работы, в которых обсуждается статус и семантическая эволюция церковнославянской лексики в диахронии и синхронии русского языка⁷⁴. В книге И.С. Улуханова, опубликованной в 2012 г., выявляются новые факты и закономерности в исторической лексикологии; прослеживаются этапы семантической эволюции слова; большое внимание уделяется соотносительным славянизмам и русизмам, исследование которых способствует решению основного вопроса о роли церковнославянского языка в происхождении и развитии русского литературного языка. В исследовании Е.С. Копорской рассматривается роль славянизмов в формировании словарного состава русского языка и системных отношений в лексике, а также семантических и стилистических процессов, определивших современный статус славянизмов как ключевых слов, отражающих мировосприятие носителей русского языка.

Продолжают активно обсуждаться и вопросы исторического словообразования. И.С. Улуханов⁷⁵ исследует его в тесной связи с исторической лексикологией, выявляя функциональный и генетический статус слов изучаемого словообразовательного типа, его лексический центр и периферию, характерные для слов данного типа процессы семантической эволюции, типичные контексты употребления. В монографии Г.А. Николаева⁷⁶ проблемы исторического словообразования и исторической семасиологии рассматриваются в контексте динамики процессов и отношений в развитии словообразовательной системы русского языка. Особое внимание автор уделяет историко-стилистическому аспекту словообразования, а значит – вновь обращается к проблеме соотношения славяно-книжных и «нейтральных» единиц лексического уровня текста. Теоретические рассуждения иллюстрируются конкретным лексическим материалом, извлеченным из трактата Дионисия Ареопагита «О Божественных именах» в составе Великих Четых Миней, в совместной статье Г.А. Николаева и Н.Г. Николаевой⁷⁷.

ния древнерусской «Книги Кааф» // *Slověne*. 2012. №2. С. 95–110; *он же*. Прямые лексические заимствования из древнееврейского языка в средневековой славяно-русской книжности // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.* Екатеринбург, 2015. С. 87–90; *он же*. С листа или на слух? (Заметки о двух библеизмах-гапаксах в славяно-русской книжности) // *Palaeoslavica*. 2015. XXIII, 2. С. 303–313.

⁷³ *Грищенко А.И.* Прямые лексические заимствования из древнееврейского языка в средневековой славяно-русской книжности. С. 88, 90.

⁷⁴ *Улуханов И.С.* О языке Древней Руси. 2-е изд., исправ. и доп. М., 2002. 192 с.; *он же*. Историческое словообразование. Историческая лексикология. М., 2012. 367 с.; *Копорская Е.С.* Славянизмы в русской языковой картине мира (истоки, история, современность). М., 2011. 456 с.

⁷⁵ *Улуханов И.С.* Историческое словообразование. Историческая лексикология.

⁷⁶ *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М., 2015. 184 с.

⁷⁷ *Николаев Г.А., Николаева Н.Г.* Заметки по историческому словообразованию русского языка // *Славистика: синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И.С. Улуханова*. М.: Азбуковник, 2006. С. 512–523.

Помимо теоретических проблем в современных исследованиях предлагается рассмотрение частных (но не менее важных) сюжетов из истории русского словообразования. Так, в диссертации О.Г. Гунько⁷⁸ с позиций казанской школы словообразования, на большом материале, извлеченном из лексикографических источников, объемно показано формирование русской конфикации: ее «вырастание» из суффиксации и стимуляция со стороны славяно-книжных структур, калькированных с греческого, постепенное семантическое уравнивание элементов прерывистой морфемы, рост продуктивности конфикальных типов в языке старорусского периода. Примером детального рассмотрения семантики словообразовательной модели служат работы Х. Кайперта⁷⁹ и М.И. Чернышевой⁸⁰; элементы подобного же анализа можно также найти в упоминавшейся выше монографии М. Йовчевой. Наконец, исследование лексикографических источников старорусского периода (славяно-латинских словарей XVII века) с позиций исторического словообразования представлено в диссертации А.И. Бовсуновской⁸¹.

Наш обзор сосредоточен главным образом на лексикологии, и мы сознательно практически не анализируем, но лишь упоминаем лексикографию. Однако нельзя не сказать о том, что в лексикографических трудах самого последнего времени церковнославянские источники начали играть более значительную роль. Так, в последние выпуски «Словаря русского языка XI–XVII вв.»⁸² (особенно это касается 29-го и 30-го выпусков) введен новый источниковый материал не только восточнославянских оригинальных и переводных памятников, но и церковнославянских текстов южно- и западнославянского происхождения, сохранившихся в древнерусских рукописях⁸³. Это касается, в частности, таких источников, как Апостол и служебные Минеи.

Принципиально новой инициативой стал «Большой словарь церковнославянского языка Нового времени», первый том которого вышел в 2016 г.⁸⁴ Его источниками стали тексты, используемые в современной богослужебной практике Русской Православной Церкви, что дало словарю статус одновременно и синхронного, и исторического. В процессе написания словарных статей привлекался материал не только богослужебных книг основного круга, но и дополнительного корпуса текстов –

⁷⁸ Гунько О.Г. Формирование и развитие субстантивной конфикации в русском языке XI–XVII вв. Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 184 с.

⁷⁹ Keipert H. Die Adjektive auf -teľъъ: Studien zu einem kirchenslawischen Wortbildungstyp. I–II. Wiesbaden, 1977–1985.

⁸⁰ Чернышева М.И. Семантика словообразовательных моделей с начальными благо- и бого- (новые данные) // Славянское языкознание / XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 540–553.

⁸¹ Бовсуновская А.И. Формы субстантивного словообразования в славяно-латинских лексиконах Е. Славинецкого и А. Корецкого–Сатановского XVII века. Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 191 с.

⁸² Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Наука; Азбуковник, 1975–. Вып. 29 (*Сулезь – Тольмиже*) / Гл. ред. В.Б. Крысько. М., 2011; вып. 30 (*Томь – Уберечися*) / Гл. ред. Р. Н. Кривко. М., 2015.

⁸³ Об интенсификации работы с русско-церковнославянскими источниками см.: Крысько В.Б. Русские исторические словари в кругу церковнославянских словарей // *Čirkevněslovanská lexikografie 2006. Sestavil Václav Čermák* / Ed. E. Bláhová, E. Šlaufová, V. Čermák. Praha: Slovanský ústav AV ČR, Euroslavica, 2007. С. 45–52.

⁸⁴ Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Том I. А–Б / Под ред. А. Г. Кравецкого, А. А. Плетневой. М.: Словари XXI века, 2016. 448 с.

церковнославянской Библии, типикона, келейных молитв, акафистов, святоотеческой и житийной литературы. В словаре фиксируются также фразеологические сочетания, что позволяет продемонстрировать преемственность библейской образности и литургической поэзии.

Следует отметить также, что в новейших словарях от выпуска к выпуску углубляется исследование источников и возрастает уровень филологического комментирования – в том числе, и связей церковнославянской лексики с греческими и латинскими оригиналами⁸⁵.

В завершение обзора выскажем пожелание, чтобы все находки лексикологов – палеославистов и русистов – как можно скорее находили свое отражение в лексикографических изданиях.

⁸⁵ Развитие в указанном аспекте «Словаря русского языка XI–XVII вв.» описано в статье: *Чернышева М.И.* «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского (критический анализ) // *Українська і слов'янська тлумачна і перекладна лексикографія*. Леонідові Сидоровичу Паламарчукові. Київ, 2013. С. 309–316; *она же*. Опыт работы со славянскими переводами с греческого языка в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» // *Лексикографіята в началото на XXI в. Доклади от Седмата международна конференция по лексикографіята и лексикология* (София, 15–16 октомври 2015 г.) / Сост. Д. Благоева, С. Колковска. София: Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2016. С. 38–48.

Г. В. СУДАКОВ

Вологда, Россия

Русская историческая лексикология донационального периода (XI–XVII вв.)

Традиционно принято, характеризуя развитие исторической лексикологии, приводить библиографические данные о результатах изучения отдельных фрагментов лексико-семантической системы и их комментировать. Этот вариант мы используем тоже. Но нам представляется более важным концептуальный подход к освещению истории становления исторической лексикологии русского языка и к проблемам её современного развития. Исходя из этого, начнем с изложения начал исторической лексикологии русского языка: предмет, задачи, источники и методы; периодизация истории русского слова; языковая ситуация и её влияние на историю лексического состава (на примере языковой ситуации в Московской Руси); оценка языкового сознания древнего русича. Далее изложим современные актуальные проблемы исторической лексикологии русского языка. Будет уделено внимание также вопросам семасиологии исторического слова. Используя художественные тексты, рассмотрим жанрово-функциональный аспект в употреблении древнерусского слова. Отдельно оценим состояние и проблемы лингвогеографического изучения исторического слова, достижения в этой области проиллюстрируем справкой о диалектных объединениях в языке Московской Руси XVI–XVII вв.

Содержание исторической лексикологии русского языка – это выявление источников, путей и процессов пополнения лексической сокровищницы языка на разных этапах его истории; изучение генезиса и динамики развития отдельных лексико-семантических групп, процессов обновления и устаревания отдельных слов и целых их объединений; определение направления и закономерностей изменения лексико-семантической системы, выявление специфики этих изменений в разных сегментах словаря; анализ эволюции сфер употребления и стилистических качеств разных групп лексики в связи с развитием типов литературного языка и динамикой отношений литературного языка и «нелитературных» разновидностей общенародного языка, воздействие контекста на функциональные качества лексики; характеристика территориального распределения лексики, учет исторических изменений в соотношении общерусских и местных средств, определение вклада отдельных говоров и наречий в общерусский лексический фонд, территориальная приуроченность семантических изменений.

Теоретические и методологические основы этих явлений были разработаны В.В. Виноградовым, Б.А. Лариным, Ф.П. Филиным. Большой вклад в разработку отдельных аспектов исторической лексикологии русского языка внесли Г.А. Богатова, Е.Н. Борисова, С.С. Волков, Л.А. Глинкина, В.Г. Демьянов, В.Я. Дерягин, А.А. Зализняк, В.В. Колесов, С.И. Котков, А.П. Майоров, И.А. Малышева, З.М. Петрова, Е.Н. Полякова, Ю.С. Сорокин, Ю.И. Чайкина, М.И. Чернышева и др.¹

1. Начала исторической лексикологии русского языка

1.1. Историческая лексикология русского языка: предмет, задачи, источники и методы

Теория исторической лексикологии русского языка постоянно совершенствуется. Практика научных исследований показывает разное понимание специалистами не только предмета и объекта исторической лексикологии, но и неодинаковую трактовку задач и содержания этой дисциплины, ее источников, хронологических границ периодов истории языка, взаимоотношений исторической лексикологии с этимологией, историческим словообразованием, диалектологией, исторической стилистикой.

Первым русским лексикологом, коснувшимся одновременно и проблем истории слова, стал М.В. Ломоносов. Научный трактат М.В. Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» назван автором предисловием². *Предисловие* – редкий жанр, так называли в то время научные сочинения на наиболее важные темы. Ученый сам стремился подчеркнуть принципиальную важность этого труда среди других своих сочинений. Эта работа была помещена в начало первого тома «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михайла Ломо-

¹ Славянское языкознание. Указатель литературы, изданной в СССР с 1979 по 1981 г, с дополнениями за предыдущие годы, в 3-х частях. М.: АН СССР. ИНИОН; ИРЯ, 1988. Ч. 1. 278 с.; Ч. 2. 292 с.; Ч. 3. 286 с.; История русского языка XI–XIX вв.: опыт библиографической систематизации исследований и материалов, опубликованных в России с 1976 по 2009 г. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2010 352 с.

² *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л.: АН СССР, 1952. 996 с.

носова», изданного, если судить по объявленной дате, в 1757 г. Но фактически том вышел в свет в 1758 г.³ Это самая последняя по времени создания и, на наш взгляд, наиболее основательная филологическая работа русского гения.

Многие оценки и утверждения, изложенные здесь Ломоносовым, были сформулированы впервые в отечественной гуманитарной науке.

Первое выдающееся открытие Ломоносова, опередившее традицию времени, – это мысль о различии «славянского» (старославянского) и русского языков. Важно, по мысли Ломоносова, то, что старославянский язык выступил восприемником и передатчиком греческой культуры слова русскому языку. «Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славянском языке, коль много мы от переводу Ветхого и Нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славянском языке греческого изобилия и отсюда умножаем довольство российского слова, которое и собственным достатком велико, и к приятию греческих красот посредством словенского сродно»⁴.

В трактате охарактеризованы во взаимодействии структура русского литературного языка и три группы слов – «три рода речений» – литературной лексики. Попутно Ломоносов выделил ещё две группы, которые «выключаются» из литературного языка, поскольку их «ни в каком штиле употребить не пристойно»: 1) «неупотребительные и весьма обветшалые», 2) «презренные слова». За этим скрывается впервые отмеченное Ломоносовым различие между литературным языком и нелитературной частью общенародного языка.

Далее важны критерии, на основе которых Ломоносов описал эти пять групп лексики. Г.П. Блок и В.Н. Макеева увидели два признака: «по принадлежности слова к русскому или церковнославянскому языку и по степени употребительности слова»⁵. В.П. Вомперский учел три признака: 1) «пристойность», т.е. соответствие слов «материям», теме повествования или рассуждения; 2) степень употребительности в разных сферах общения; 3) понятность⁶.

На наш взгляд, при классификации лексики Ломоносов исходил из пяти признаков: 1) происхождение (или «представленность» в славянских языках); 2) время или продолжительность употребления («которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны»); 3) сфера употребления: «употребляются мало, а особливо в разговорах», «нет... в церковных книгах», «употребить... только в подлых комедиях»; 4) частота употребления («кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны»); 5) эмоционально-экспрессивная окраска («презренные слова, которые ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях»). Предложенные Ломоносовым пять взаимосвязанных критериев характеристики слова – это первая в отечественном, да и в европейском языкознании того времени попытка семантико-стилистического анализа слова.

Изучение истории русского слова началось фактически во второй половине XIX в., хотя специальные исследования по этим вопросам появлялись в то время очень редко,

³ *Вомперский В.П.* Риторика в России XVII – XVIII вв. М.: Наука, 1988. С. 166–167.

⁴ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 587.

⁵ *Блок Г.П., Макеева В.Н.* Приложения // М.В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 895.

⁶ *Вомперский В.П.* Риторика в России XVII – XVIII вв. С. 143.

«история слов была поглощена – вернее, еще не отдифференцирована – от этимологии»⁷. Между тем А.А. Потебня в пору общего увлечения фонетикой и морфологией писал: «В истории языка общего внимания заслуживает, конечно, исследование не звуковой наружности слов, которое при всей своей важности имеет лишь служебное значение, а мысленного содержания слов»⁸. Кроме трудов А.А. Потебни, обозначивших решительный сдвиг в историко-этимологической и семасиологической проблематике, назовем образцовую для того времени монографию А.С. Будиловича⁹ и ряд статей А.И. Соболевского, посвященных проблемам заимствований и сравнительному изучению древнерусских и старославянских слов¹⁰.

В советское время развитие исторической лексикологии стимулировалось исследованиями В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, С.П. Обнорского; выделяется также глубиной разработки фактического материала и фундаментальностью рассматриваемых проблем одна из первых книг, посвященная исключительно истории лексического состава, – монография Ф.П. Филина¹¹. В изучении истории лексики в советскую эпоху можно выделить два этапа. Первый этап приходится на пятидесятые–шестидесятые годы, когда был выполнен целый ряд работ, посвященных анализу лексики отдельных памятников или группы текстов, однородных в жанрово-стилистическом отношении. Тогда же появляется первое обобщающее исследование – книга П.Я. Черныха¹², до сих пор не утратившая своей ценности и превосходящая по глубине разработки проблем вышедшие позднее монографии зарубежных авторов¹³. Вместе с тем, в книге П.Я. Черныха не разграничены историко-лексикологический и этимологический аспекты анализа; наблюдения над функционированием слова, т. е. его историей, заменяются справками о разных версиях происхождения слова; хронология первых письменных фиксаций приближительна, а иногда – и ошибочна.

Стимулом нового оживления и началом второго этапа в развитии исторической лексикологии явились разработка принципов лингвистического источниковедения и серия осуществленных на этой основе изданий древних текстов XI–XV вв. и скорописных памятников XVI–XVIII вв. Параллельно развивались в это время историческая лексикология и историческая лексикография. Мощным активизирующим фактором стало издание «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд» – с 1974 г. (ЭССЯ), «Словаря русского языка XI–XVII вв.» – с 1975 г. (СлРЯ XI–XVII вв.), «Словаря русского языка XVIII века» – с 1984 г., «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» – с 1988 г. (Сл. XI–XIV вв.), «Словаря обиходного рус-

⁷ Ларин Б.А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару) // Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 43.

⁸ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. С. 5.

⁹ Будилович А.С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Т. 1–2, 1878–1882. 278 с.

¹⁰ Соболевский А.И. Лингвистические и археологические наблюдения. Вып. 1–3. Варшава, 1910–1914; он же. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. 297 с.

¹¹ Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 80. Л., 1949. 288 с.

¹² Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии: Древнейший период. М., 1956. 243 с.

¹³ Еленский И. Историческая лексикология русского языка. Велико Търново, 1980. 293 с.; Kiparsky V. Russische Historische Grammatik. Bd. III: Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975. 285 S.

ского языка Московской Руси XVI–XVII веков» – с 2004 г. (СОРЯ). Ни один из этих словарей пока не издан до конца¹⁴.

Было опубликовано большое количество источников, началось изучение поистине неисчерпаемых фондов рукописей делового содержания XVI–XVII вв. Обязательными моментами в научных опытах этого периода являются привлечение новых рукописных материалов, использование вариантов и редакций памятников, учет территориальной приуроченности и жанрово-содержательной характеристики текстов. Отрадно было и появление новых проспектов «Исторической лексикологии русского языка»¹⁵.

Констатируем в качестве проблем современного развития отставание в разработке методологических и методических вопросов исторической лексикологии, а также отсутствие координации и редкие попытки коллективных исследований. Сошлемся на мнение О.Н. Мораховской, высказанное около сорока лет назад: «Наиболее актуальным для настоящего времени представляется разработка такого проспекта, который освещал бы постановку проблем на основании аналитического обзора всего того, что исследовано по теме... Важно представить разработанность проблематики исторической лексикологии русского языка, как-то сгруппировать исследования по проблемам, по аспектам, по методам. Тогда будет возможно увидеть то, что наиболее разработано, и то, что требует более детальных конкретных исследований» (из ответов на анкету Института русского языка по исторической лексикологии¹⁶). Ощущается необходимость в специальном библиографическом указателе и проблемном обзоре литературы по исторической лексикологии русского языка, что важно для установления степени изученности истории лексики, выявления «белых пятен», составления списка неизученных тематических групп, неисследованных памятников, а также для оценки вклада разных ученых (отечественных и зарубежных) в изучение истории русской лексики.

Предметом русской исторической лексикологии как самостоятельной научной дисциплины на современном этапе являются лексико-семантические и фразеологические средства русского языка в их эволюции с начала письменной истории языка до современного состояния. Формирование и функционирование этих средств в силу тесной связи лексики с внеязыковой действительностью рассматривается с учетом развития духовной и материальной культуры общества: появление целых групп новых слов зачастую связано с историей хозяйства, культуры и быта данного этноса. Но конкретное содержание лексических новаций все же определяется языковыми факторами: словообразовательными возможностями данного языка, его «общежительными» потенциальными, т. е. активностью контактов с другими языками и восприимчивостью к иноязычным заимствованиям.

Словарь языка – не хаотичное собрание элементов. Разумеется, в любой момент истории не все элементы словаря включены в строгие системные отношения. Систем-

¹⁴ См. основательную, хотя и излишне задиристую, вопреки академической традиции, статью: *Крысько В.Б.* Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 103–118. См. также: *Чернышева М.И.* Русская историческая лексикография // Славянская лексикография. Международная коллективная монография. М.: Азбуковник, 2013. 886 с. С. 615–645. К сожалению, перечень проблем в исторической лексикографии только увеличился.

¹⁵ *Васильев А.Д.* Введение в историческую лексикологию русского языка. Красноярск: КГПУ, 1997. 104 с.; *Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка: Проспект. М.: Наука, 1984. 174 с.

¹⁶ Русская региональная лексика XI–XVII вв. М.: Наука, 1987. С. 12–13.

ность лексики в силу ее открытости – это тот всегда не достигаемый или тот постоянно нарушаемый предел, к которому стремится развитие языка, это система с некоторым количеством постоянных и с еще большим числом вариативных элементов. Характеризуя состояние словаря в целом, было бы, наверное, экономнее идти по линии описания системных тенденций в эволюции лексических групп. Признание системных начал в организации лексико-семантического уровня языка обусловило и выбор основного объекта исторической лексикологии: таковым является лексико-семантическая или тематическая группа в ее эволюции. Исходной единицей анализа, конечно, остается слово и набор воспроизводимых, а также связанных словосочетаний с этим словом, но уже как элемент, компонент системного целого. Семантический объем исторического слова выявляется только в сочетаемости, а системность лексики, какой бы исторический период ни иметь в виду, убедительнее всего проявляется в синонимических рядах, в однокорневых гнездах слов, во взаимоотношениях генетически и функционально разнородных элементов с тождественной или близкой семантикой. Системность обнаруживается и в структуре полисемантического слова, в иерархии его значений.

Вопрос об источниках исторической лексикологии одновременно является и вопросом о границах русского языка, вопросом о том, лексику какого языка предстоит описывать. Исходя из понимания русского языка исторической эпохи как единства обиходно-разговорной и книжно-письменной разновидностей, легче решить вопрос об источниках обиходно-разговорного характера: это оригинальные тексты, написанные русскими на русском языке и связанные преимущественно с бытовыми и хозяйственными ситуациями.

Проблема источников книжно-письменного характера – это проблема разграничения русского (вначале – древнерусского) языка и языка церковнославянского. Решение этой проблемы на сугубо функциональной основе (считать русским все, что функционировало как средство общения на русской территории¹⁷) нельзя признать удовлетворительным. По отношению к лексике и ее источникам побеждает генетико-функциональный подход: русским является русское по происхождению и по сфере функционирования одновременно, а также все, усвоенное и приспособленное русским языком для удовлетворения разнообразных потребностей этноса в общении. Промежуточное положение занимают оригинальные тексты конфессионального содержания, сочиненные русскими авторами и неоднократно переписываемые на Руси в более позднее время. При известной ориентации на старославянские образцы эти рукописи являют собою результат взаимодействия двух родственных языковых стихий – старославянской и восточнославянской – и используются как ценный материал для сравнительно-сопоставительных исследований эволюции русской лексики на общеславянском фоне.

Приведем сложившийся в отечественной лингвистике набор рассуждений о разных типах источников:

1. Любой письменный источник, написанный на русском языке, является источником исторической лексикологии русского языка, независимо от материала для записи, от содержания, жанра, предназначения, степени сохранности и т. п.

¹⁷ История русского литературного языка старшей поры. Проспект коллективного исследования / Сост.: А.А. Алексеев, А.А. Архипов, Е.М. Верещагин, В.П. Вомперский. М.: АН СССР. Ин-т русского языка, 1989. 32 с.

2. Переводные источники признаются наравне с оригинальными, хотя здесь постоянно учитывается зависимость лексики памятника от языка первоисточника¹⁸.

3. Принимается во внимание степень распространенности, употребительности (читаемости, использования в учебных целях, частоты и хронологической длительности переписывания), авторитетности источника. Также учитывается светское или конфессиональное назначение памятника, поскольку это предполагает разные культурологические и историко-генетические подходы к лексическому составу содержательно неодинаковых текстов.

4. Источники устного бытования (фольклор, обычное право и т. п.) учитываются в записях позднего времени, и показания их имеют силу для времени выполнения записи. На более ранние эпохи эти выводы распространяются с оговорками.

5. К дополнительным источникам принадлежат лексические материалы (апеллятивы и онимы), относимые к более ранним эпохам русского языка.

6. Сведения историко-этнографического, историко-культурного, археологического и пр. характера относятся к вспомогательным и требуют критической оценки в свете лингвистических данных.

Классификационный список источников учитывает три признака: 1) форма существования памятника; 2) материал для его выполнения (для письменных источников); 3) содержание.

Устная форма бытования представлена в фольклоре (сказки, былины, исторические песни, пословицы и поговорки) в записях XVII–XVIII вв.; пословицы и поговорки в описательных и художественных текстах древнерусского и более поздних периодов. Уделяется внимание текстам обычного права («Русская правда», местные правовые установления, описанные в источниках XVI–XVII вв.).

Начальные образцы письменности – это эпиграфика (граффити храмов, надписи на камнях), сфрагистика, геральдика, нумизматика, надписи на предметах быта и ремесла, на предметах культа и фресках, берестяные грамоты.

Пергамен и бумага представляют агиографию (жития, слова, чтения, похвалы, сказания), гомилетику (слова, моления, поучения, оглашения и другие ораторские сочинения); описания историко-географического содержания (хронографы, летописи, хождения, «топографии»); естественно-научные описания (астрономические, математические, биологические и медицинские); сочинения хозяйственного, строительного, земледельческого содержания; руководства по военному делу, коневодству, солеварению и отдельным ремеслам.

К письменным формам относятся также нарративная переводная повесть («История Иудейской войны») Иосифа Флавия, «Александрия» и др.); нарративная оригинальная повесть («Слово о полку Игореве», «Задонщина» и др.); юридические источники: грамоты и договоры, законоустановления, записи на книгах владельцев и переписчиков.

Богатство разговорной речи представлено в деловой письменности центральных и местных канцелярий, в эпистолярных источниках (послания, грамотки). С XIV века

¹⁸ См. опыты такого рода: *Чернышева М.И.* Проблема влияния греческого языка на язык переводных памятников в древнерусской книжности. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1994. 447 с.; *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011. 403 с.

особенно возрастает роль деловой письменности как источника истории русского слова. В 1980-е гг. вышло несколько работ по этой проблематике, часть из них позже переиздана¹⁹.

Обратим внимание ещё на несколько последних по времени трудов, разрабатывающих проблемы лингвистической содержательности памятников делового письма. Многоаспектный анализ корпуса деловых текстов в сравнении с литературными текстами выполнил О.В. Никитин²⁰. Обнаружено, что светские источники активно расширяли сферу применения, в новых типах гражданской письменности обогащался лексический фонд. Законодательные кодексы Московской Руси способствовали развитию и становлению письменного языка московского делопроизводства. Деловая письменность стала претендентом на роль главной письменной формы преднационального периода. Региональную деловую письменность XVIII века оценил в обобщающем исследовании А.П. Майоров²¹. Лексико-фразеологической содержательности записных кабальных книг XVI–XVII веков посвящена работа Е.И. Зиновьевой²². Обнаружено большое число элементов обиходно-разговорного характера, некоторая доля диалектизмов, довольно объёмные синонимические ряды, зафиксированы зачатки терминосистем и установлена значительная активность словообразовательных средств.

Содержание и задачи русской исторической лексикологии в трудах отечественных ученых постепенно обогащались и усложнялись. Оценим следующее мнение: «Главная задача русской исторической лексикологии заключается в том, чтобы выяснить, как происходило развитие лексических средств языка в целом, во всех его разновидностях – литературного языка и говоров, включая и профессиональную терминологию; в том, чтобы установить, с чего это развитие началось, как протекало, какие этапы прошло, установить хронологические рамки появления отдельных слов или целых групп и категорий слов; в том, чтобы объяснить, почему некоторые слова вовсе исчезли из живого языка, некоторые лишь выпали из ныне действующего словаря, почему одни слова сохранились без каких-либо заметных изменений их внешней формы или их обычного значения, другие изменились и в том и в другом отношении; в том, чтобы выяснить общие линии и тенденции направления в движении словарного состава русского языка, т.е., другими словами, изучить внутренние законы развития словарного состава в связи с историей языка»²³. Это высказывание подчеркивает первостепенную роль поэлементного и хронологического принципа в изучении истории лексики и

¹⁹ Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII в. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Наука, 1974. 322 с.; Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3–187; Дерягин В.Я. Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: ИРЯ АН СССР, 1980. 50 с.; Панин Л.Г. Лексика западносибирской деловой письменности XVII – первая половина XVIII в. Новосибирск: Наука, 1985. 204 с.; Кортava Т.В. Московский приказный язык XVII в как особый тип письменного языка. М., 1998. 110 с.

²⁰ Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.). М.: МОПИ, 2004. 740 с.; он же. Деловой язык и литературные тексты XV–XVIII веков. М.: Флинта, 2004. 256 с.

²¹ Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Флинта, 2006. 264 с.

²² Зиновьева Е.И. Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков: структура, лексика, фразеология. СПб.: СПбГУ, 2000. 240 с.

²³ Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии: Древнейший период. С. 3.

предпочитает вопросы: что? когда? почему? На второй план отодвигаются поиски закономерностей и генеральных направлений в эволюции словаря.

Но есть и другой подход: «Цель исторической лексикологии – выяснение таких компонентов словарной системы языка, которые в истории их развития эволюционируют единым фронтом, т. е. обнаруживают прочные, устойчивые связи... Когда такие устойчивые группы будут намечены, следующая задача исторической лексикологии – установить их взаимодействие. Намеки на это мы уже имеем в старых монографиях. Следующий этап исторической лексикологии – установление циклов, чередование медленного, эволюционного развития и переломов в развитии словарного состава, резких, глубоких изменений, протекающих в относительно ограниченное время»²⁴. Этим высказыванием Б.А. Ларин наметил принципы системного исследования истории словарного состава, что стало принципиально новым явлением в теории исторической лексикологии.

На каждом этапе развития науки выдвигаются новые проблемы. Первоначально внимание ученых было сосредоточено на вопросах развития словарного состава, выявления источников его количественного пополнения, отсюда – внимание к этимологии, появлению новообразований, иноязычных заимствований, процессам архаизации лексики. Гораздо меньше изучалась семантическая структура исторического слова, сущность лексико-семантических изменений в тот или иной период, сужение и расширение семантического объема слова, метафоризация и метонимия, воздействие контекста на динамику лексики. Остаются актуальными проблемы функционирования лексики в разных сферах, в памятниках разных типов²⁵. Работы В.В. Колесова, В.М. Мокиенко, А.Д. Васильева, М.И. Чернышевой и др.²⁶ показали важность культурологической интерпретации лексики, т. е. выявления связей между словом и этнографическими, историческими реалиями, философскими и религиозными понятиями, литературным этикетом эпохи. Сейчас полезно также сконцентрировать внимание на выявлении важнейших тенденций и закономерностей в длительном и непрерывном развитии словарного состава русского языка, в изменении системы в целом или отдельных ее звеньев на основных этапах истории языка.

Важно подчеркнуть, что историческая лексикология – наука исключительно ди-ахронная. Разумеется, непроходимой границы между исторической и описательной лексикологией нет: «Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку уловить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории»²⁷. Такими вопросами, выводящими описательную лексикологию в историю, являются, например, соотношения активной и пассивной лексики, архаичное и новое в словаре и т. д.

²⁴ Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. Л.: Просвещение, 1977. С. 12–13.

²⁵ См. образцы: Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М.: Наука, 1975. 368 с.; Смолина К.П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв. М.: Наука, 1990. 208 с.; Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Л.: Наука, 1970. 384 с.

²⁶ Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: ЛГУ, 1986. 311 с.; *он же*. Древняя Русь: наследие в слове: В 5 кн. СПб.: СПбГУ, 2000–2004; Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 462 с.; Васильев А.Д. Введение в историческую лексикологию русского языка; Чернышева М.И. Уходящие слова, ускользающие смыслы. М., 2009. 196 с.

²⁷ Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. С. 43.

Рассмотрим другое направление междисциплинарных отношений. Ономазиологический анализ невозможен без установления мотивационного признака (для исконных слов) и характерного словообразовательного средства (для производных), поэтому в историко-лексикологическом исследовании актуальна проблема взаимоотношения лексикологии и словообразования²⁸. Деривационный анализ помогает понять причины, направление и характер изменения семантики слова. Одной из примет системности является единый набор словообразовательных моделей и мотивационных признаков для всех элементов одной лексико-семантической группы.

Следующий аспект междисциплинарных связей – это отношения исторической лексикологии с историей русского литературного языка. Современные периодизации истории русского литературного языка основываются на изменениях лексико-фразеологического состава литературных текстов. Лексико-фразеологический уровень в значительной мере определяет темпы и направление изменений в литературном языке, обуславливает различия между его разновидностями (типами, стилями). С другой стороны, для полноты описания словаря эпохи важно учесть состояние лексики в разных жанрах и видах письменной речи, а опосредованно – и в устном общении, исследовать процессы стилистической нейтрализации народно-разговорных элементов в литературном языке, взаимодействие книжных и разговорных средств, специфику использования абстрактной и конкретной лексики в разных текстах.

Сложность стилистического изучения истории лексики состоит в разной наполненности понятия «стилистическая характеристика» по отношению к разным периодам истории языка. Учитывая ограниченность языкового материала, связанного с некоторыми историческими эпохами, исследователи стремились применительно к древнерусскому отрезку устанавливать лишь сферу функционирования слова; для эпохи XV–XVII вв., кроме этого, указывают степень конкретности–отвлеченности, активности–пассивности лексемы, характеризуют слова по признаку «книжное–нейтральное–разговорное»; при этом учитывается уровень разрешающей возможности языкового материала в зависимости от его полноты и доказательности. Однако не следует навязывать и приписывать прошлому то, что не было ему свойственно.

Лексика в историческом плане изучена неравномерно. Предпочтение в первую очередь отдавалось группам, наиболее важным в аспекте отражения объективной действительности: географической и земледельческой лексике, этнонимам, терминам родства и свойства, ремесленной терминологии, наименованиям частей тела, названиям животных, лексике торговли и быта, названиям орудий труда и оружия; из словарного состава более позднего времени активно изучались терминосистемы разных наук, лексика культуры, интернационализмы. Исследованы названия качеств и признаков, цветообозначения, глаголы, обозначающие действия, движения и состояния.

Устойчивой лексике уделяют больше внимания при описании древнерусского словаря, а при описании последующих этапов отмечают лишь сдвиги в ее составе. Лексика, для которой характерна большая подвижность лексико-семантических и стилистических качеств (лексика сферы сельского хозяйства и быта, названия лиц и предметов

²⁸ См. работы: *Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984. 247 с.; *Улукханов И.С.* Историческое словообразование. Историческая лексикология. М., 2012. 408 с.

по разным признакам, административно-юридические названия, слова, связанные с психическими свойствами и переживаниями человека, эмоциональная лексика, народная терминология), подробно описывается на каждом этапе исторического развития языка. В целом же полнота описания может быть достигнута не столько на пути полной инвентаризации, максимальной комплектности лексики (такая цель представляется нереальной), сколько за счет более глубокого и всестороннего описания процессов, охватывающих отдельные слова и целые лексические объединения.

Постоянно сохраняется значимость изучения истории терминов и терминосистем, см. серию работ по этой проблематике, выполненных в ряде научных центров исторической лексикологии и лексикографии русского языка, например, в Вологде (А.А. Баландина, Т.В. Винниченко, Л.М. Голиков, О.В. Дружининская, И.Н. Катаева, И.Е. Колесова, С.Н. Смольников и др.); в Екатеринбурге и Челябинске (Л.А. Глинкина, Е.И. Голованова, О.Г. Олехнович, Л.В. Попова и др.); в Томске (В.В. Палагина, Л.А. Захарова, Г.Н. Старикова, Щ.М. Чигрик, О.Г. Щитова).

Что касается частеречной принадлежности, то историческую лексикологию привлекают постоянно обновляющиеся классы слов с номинативным значением: имена существительные, связанные с ними тематически и словообразовательно имена прилагательные, наречия и глаголы, т. е. наиболее активные в процессе общения лексические средства. Чем богаче семантика слов, тем вероятнее необходимость их изучения в исторической лексикологии. История предлогов и союзов рассматривается в историческом синтаксисе. Числительные столь же детально изучаются в исторической морфологии.

В исторической лексикологии слово изучается во многих аспектах. Появление и оформление каждого нового аспектного направления имеет свою историю. Длительное время преобладал динамический аспект, т. е. регистрация количественных изменений в лексике в определенный промежуток времени и констатация наличия и отсутствия известных слов на нескольких синхронных срезах. Сейчас все решительнее утверждается ономаσιологическое и семасиологическое изучение исторической лексики, что влечет за собою закрепление системного подхода. Больше внимания уделяется внутрисловным связям значений, внутригрупповым семантическим связям слов, формальному и семантическому варьированию лексем. Укрепляющийся функциональный аспект формирует оригинальную сущность исторической лексикологии как науки, исследующей законы исторической жизни слова, особенности его бытования в языке разных эпох. По мнению В.М. Мокиенко, соотношение аспектов исследования должно определяться конкретным материалом: «Там, например, где давление экстралингвистических фактов на семантику лексики очень сильно, следует больше акцентировать ономаσιологический аспект, там же, где ее эволюция связана с системными языковыми связями – семасиологический. Во многом акцент описания будет зависеть и от периода описания. Так, варьированию следует уделить особое внимание при анализе лексики XVIII в., а функциональным “изменениям” – лексики XIX и XX вв.: это соответствует “духу времени”, которое подвергается описанию»²⁹.

Историческая лексикология, кроме традиционных: сравнительно-сопоставительного, нормативно-стилистического – использует и новые методы и приемы анализа

²⁹ Историческая лексикология и лексикография русского языка. Вологда: ВГПИ, 1988. С. 38–39.

языкового материала. Так, приемы структурно-семантического анализа (компонентный, дистрибутивный) неплохо служат при исследовании юридической, метрологической и другой подобной лексики, где между словами имеются четкие семантические противопоставления, а между понятиями, связанными с этими словами, – симметричные отношения³⁰. Перспективны методики «оппозиционного», группового рассмотрения лексического материала³¹. Эти методы помогают увязывать огромный фактический материал. В остальных случаях предпочтительнее приемы контекстуального анализа, так как историк языка всегда зависит от материала, ср.: «Объектом лексикологии, строго говоря, является не слово, а тексты, в которых мы вычленим искомое, исследуемое слово и путем широкого сопоставления большого количества текстов изучаем те изменения, которые происходят и в его знаковой, и в его смысловой стороне»³².

Рассмотрение контекста становится всесторонним и критическим. Включая в число источников переводные тексты, например, с греческого языка, обязательно выявляется значение слова в переводном памятнике. Иногда из-за ограниченного объема русского контекста слову приписывают в полной мере то значение, которое имеет его эквивалент в языке-источнике, но ведь даже и прямые заимствования (грецизмы в древнерусских текстах) подвергались семантическому и стилистическому переосмыслению. Тем более не было абсолютного подобия между кажущимися тождесловами двух разных языков, связанных с разными культурами и неодинаковым мировосприятием. Толкование смысла слов, обеспеченных немногими и к тому же неясными цитатами, может быть только предположительным.

Применение оправдавших себя традиционных и уже проверенных новейших исследовательских методов и приемов обеспечивают не только современность исследований, но и необходимую строгость, которая зависит также от сознательной установки на приоритет фактов. Прямые свидетельства и доказательные факты признаются наиболее весомым аргументом.

1.2. О периодизации истории русского слова

1 января 2001 года человечество перешагнуло историческую границу столетия и тысячелетия одновременно. От нас стремительно отдалился двадцатый век, достоянием истории стал век девятнадцатый, сблизился со средневековьем восемнадцатый век. Язык «от Пушкина до Горького», очевидно, перестал быть современным. Проблема периодизации для исторической лексикологии русского языка стала особо актуальной.

Какие единицы, явления, процессы должны стать критериями для построения периодизации? На какие группы лексики или на какие процессы ориентироваться, намечая хронологическую схему? Как увязать ее с неравными темпами изменчивости раз-

³⁰ См. образцы такого анализа в работах: *Смолина К.П.* Компонентный анализ и семантическая реконструкция в истории слов // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 97–105; *Быстрякова О.И.* Названия мер жидкостей в русском языке XVII в. // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда: ВГПИ, 1987. С. 10–21.

³¹ *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. (Этимология и опыт групповой реконструкции). М.: АН СССР, 1966. 416 с.; *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология: Семантические этюды. М.: Наука, 1969. 262 с.

³² *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание. С. 17.

ных пластов лексики? Как выбрать начальную точку отсчета с связи с неочевидностью единства и тождества русского языка на протяжении всего периода его развития, учитывая его и доисторическое (дописьменное) состояние? Целесообразно ли объединение в одно целое истории лексики двух родственных, но разных по времени функционирования языков: древнерусского (восточнославянского) X–XIII вв. и русского (с XIV в.)? Связаны ли между собою границы «лексических» периодов и акции нормативного характера, например, издание «Словаря Академии Российской» (1789–1794), «Словаря церковнославянского и русского языка, составленного Вторым отделением Академии наук» (1847)? Где конечная точка отсчета для исторической лексикологии, где заканчивается ее компетенция и начинается современная синхронная русская лексикология?

Содержательные дискуссии по этому поводу проходили в восьмидесятых-девяностых годах прошлого века³³.

Выбор начальной границы, казалось бы, предельно прост. История русских лексико-фразеологических единиц начинается со времени появления древнерусского языка, который, непрерывно развиваясь, перешел в старорусский язык и т. д. Древнерусский язык старшей поры не был зафиксирован письменностью, его фиксация начинается со второй половины X в. (письменные источники сохраняются с XI в.). Реконструкцией лексики дописьменных эпох занимается этимология, имеющая свой предмет и объект исследования, использующая свои приемы и методы. Как предлагал в свое время Ф.П. Филин, следует «начать с реконструкции словарного состава языка восточных славян дописьменной эпохи, когда устная речь в ее диалектных разновидностях была единственным средством общения»³⁴. Базой реконструкции становятся свидетельства древних авторов (на греческом, арабском, латинском языках), сравнительные данные из более поздних славянских текстов, диалектные факты.

Описать дописьменную историю древнерусской лексики невозможно без этимологии, но собственно историко-лексикологическое исследование начинается с обращения к письменным источникам прошлых эпох. Кроме того, в письменности старшего периода засвидетельствована далеко не полная картина языка, отражение реального словаря эпохи в этой письменности фрагментарно. Поэтому в историко-лексикологическом исследовании обязательны элементы реконструкции, в чем-то близкие этимологизированию по методам.

У исторической лексикологии и этимологии есть еще один общий объект: этимология слов, вошедших в русский язык в историческую, то есть письменную эпоху. Здесь данные письменных памятников, дополненные материалами исторического словообразования, играют первостепенную роль, здесь историческая лексикология помогает этимологии.

³³ См., например: Историческая лексикология и лексикография русского языка. Вологда: ВГПИ, 1988. С. 9–12; *Судаков Г.В.* Проблема периодизации в исторической лексикологии русского языка // Вопросы исторической семантики русского языка: лексика и синтаксис. Калининград, 1990. С. 5–11; Историческая лексикология русского языка: теоретический комментарий, программа курса, литература / Сост. О.А. Черепанова, К.П. Смолина // Русская историческая лексикология и лексикография. СПб.: СПбГУ, 2000. Вып. 5. С. 229–232.

³⁴ *Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка: Проспект. С. 46.

Поскольку историческая лексикология – это наука об исторических изменениях письменных источников, то этим определяется и начальная дата для исторической лексикологии русского языка (но не для истории лексики) – вторая половина X в.

Временные границы при периодизации истории языка или истории отдельных его уровней условны (не абсолютны, относительны), но они должны отражать имманентные, свойственные именно лексической системе принципиальные сдвиги. Критериев для выделения «лексических» периодов может быть несколько. Рассмотрим их в порядке, соответствующем их значимости в истории развития лексико-фразеологического состава русского языка.

Прежде всего учитываются преимущественные источники пополнения словаря: внешние заимствования или свои, исконные средства. Так, на раннем этапе письменной истории русского языка важную роль играл греко-славянский симбиоз. Для разных словарных групп источники пополнения в один и тот же период были заметно неодинаковыми: отвлеченная лексика в древнерусский период – в значительной части сколок греческой мудрости, а конкретные наименования бытового характера самобытны по происхождению и наследуются из праславянской эпохи. Важны также процессы освоения диалектной лексики, активизация отдельных типов новообразований непосредственно в литературном языке или в сфере просторечия.

Вторым критерием избираются преимущественные тенденции (направления) лексико-семантических изменений. При этом учитываются изменения в структуре литературного языка, в составе говоров и в их отношениях с литературным языком, расширение словарного состава (какие именно предметно-тематические и лексико-семантические группы пополняются, какие деривационные процессы активизируются). Учитывается ситуация с семантической диффузностью лексем и пути ее преодоления. Здесь же рассматриваются типы семантических переносов, развитие слов-символов, характер лексической системности, принимается во внимание степень развития лексической вариантности и синонимии в разных типах (формах) речи.

Третьим основанием для хронологии могут быть преимущественные направления изменений в сферах употребления разных групп лексики.

Конечно, эти критерии взаимосвязаны, подвижность одного вызывает сдвиги в содержании другого. Какие-то критерии первостепенны лишь для выделения периодов, вся же совокупность их требуется при подробной характеристике того или иного периода.

Быстрая изменчивость лексики обуславливает более дробную периодизацию ее истории по сравнению с аналогичными периодизациями для других уровней языка. При создании периодизации ориентируются как на изменение наиболее подвижных лексико-фразеологических разрядов, так и на хронологические границы лексико-семантических процессов.

Периодизация истории русской лексики в общих чертах совпадает с историей развития культуры и общественной мысли России, при этом принят взгляд на русский язык как единство книжно-письменной и народно-разговорной разновидностей, поэтому периодизация в равной мере учитывает и характер литературного словоупотребления, свойственного той или иной эпохе, и состояние словаря живой устной речи.

I. Древнерусский период (вторая половина X–XIII в.):

1. Лексика языка Киевской Руси (вторая половина X–XI вв.);
2. Лексика языка периода русских феодальных княжеств (XII–XIII вв.).

II. Старорусский период (XIV – первая половина XVI в.).

III. Новорусский период (вторая половина XVI в. – первая четверть XIX в.):

1. Лексика начального периода формирования русской нации (вторая половина XVI в. – 60-е годы XVII в.);

2. Лексика языка Петровской эпохи и начала нормализации языка (конец XVII в. – середина XVIII в.);

3. Лексика периода русского просветительства (60-е–90-е гг. XVIII в.);

4. Лексика пушкинской эпохи (первая четверть XIX в.).

IV. Национальный период (30-е гг. XIX в. – начало XX в.):

1. Лексика периода демократизации общественной жизни России (30-е–60-е гг. XIX в.);

2. Лексика периода капитализма и развития пролетарского движения (70-е гг. XIX в. – 1917 г.).

Кратко охарактеризуем выделенные периоды.

I. Праславянское лексическое наследие охарактеризовано в образцовом исследовании О.Н. Трубачева³⁵. Основу словаря древнерусского периода составили исконные элементы и новые греческие заимствования, а содержанием лексических процессов явилось формирование слоя книжно-письменных средств в связи с появлением письменности, взаимодействие церковнославянизмов и народно-разговорных элементов, что вызвало рост синонимии, стилистическую перестройку словаря, появление новых лексико-семантических парадигм. Промежуточной вехой стал XII в., когда развитие феодальной раздробленности, возрастание роли отдельных культурно-письменных центров привело к усилению вариантности и диалектной дробности в лексике, поэтому для второй половины этого периода, кроме проблемы взаимоотношения церковнославянизмов и народно-разговорных элементов, важно и взаимоотношение общерусских и местных средств³⁶.

II. В лексике старорусского периода происходят следующие процессы: реславянизация и нарочитая архаизация, экспансия церковнославянизмов и «приказных» штампов в новые речевые сферы, резкое противопоставление семантико-стилистического и культурного статуса книжных и разговорных средств, размежевание сфер употребления лексических групп по признаку «родовое» – «видовое», развитие интеграции в диалектной лексике. Начинается формирование общерусской литературной лексической нормы в городских койне и лексикографической кодификации литературно-письменного языка. Возникают новые семантические процессы в лексике: расширение многозначности и метафоризации, развитие гипонимо-гиперонимических отношений.

III. 1. Для данного этапа особенно заметна демократизация и укрепление общерусских начал. Активизируется словообразование на русской почве, увеличивается

³⁵ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М.: Наука, 2003. 495 с.

³⁶ Ср. также подробный план данного раздела в работе: Историческая лексикология русского языка: теоретический комментарий, программа курса, литература / Сост. О.А. Черепанова, К.П. Смолина // Русская историческая лексикология и лексикография. С. 235–239.

число экспрессивов, развиваются терминосистемы. В связи с началом книгопечатания усиливается внимание к правилам словоупотребления. Усвоение заимствований осуществляется в основном через польское посредство, к концу периода их приток усиливается благодаря влиянию форм западноевропейского быта и цивилизации, появлению театра и новых литературных жанров.

2. Расширяется полифункциональность литературного языка, обогащается тематика письменных текстов, что ведет к количественному пополнению словаря, в литературный язык переходят многие общенародные стилистически нейтральные средства, активизируется отбор жизнеспособных славянизмов. Происходит увеличение иноязычных заимствований и процесс калькирования. Наблюдается множественность тождественных обозначений и широкая синонимия лексических средств, проявляется конкуренция синонимичных или тождественных аффиксов. Расширяется состав отвлеченной лексики.

3. Начинается формирование просторечия как части литературного языка, расширяется сфера употребления народно-разговорной лексики, диалектизмов. Наблюдается усиленное – до избыточности – обогащение словаря с помощью разных способов номинации, развивается перифрастичность. Одновременно усиливается упорядочение лексического состава литературного языка на системной основе, возрастает влияние норм литературного словоупотребления на просторечную и диалектную лексику³⁷.

4. Завершается формирование просторечия. Ликвидируется размежевание лексических пластов по их происхождению в стилистическом плане. Снимается проблема славянизмов как особой категории книжно-литературных средств. Усиливается приток иноязычных слов и интернационализмов.

IV. Это время отличает особая интенсивность изменений словаря: появляется большое число новых лексем, в том числе быстрое усвоение иноязычных заимствований, в общее употребление быстро входят новообразования, многочисленны изменения значений слов. Создается единая и широко разветвленная (с функционально-стилевыми разрядами) лексико-семантическая и фразеологическая система. Активно развивается терминология. Усиливается процесс семантической и стилистической дифференциации слов разного происхождения с первоначально общим значением³⁸.

Замедляется развитие лексических диалектизмов. Наблюдается волнообразное развитие лексической нормы: этапы стабилизации, иногда принудительной («советский новояз»), сменяются этапами усиленного пополнения литературного словаря, решительного обновления форм и средств публичного общения.

В целом периодизация истории лексики, как видим, может и должна быть продвинута ближе к нашему времени, чем периодизация исторической грамматики, поскольку лексика – более динамичный и быстрее обновляющийся ярус языка. Так, лексико-семантические процессы и нормы словоупотребления в советский период заметно отличаются от того, что наблюдалось в русском языке второй половины XIX – начала

³⁷ При характеристике использованы некоторые выводы монографии: История лексики русского литературного языка кон. XVII – нач. XIX века. М.: Наука, 1981. С. 18–21, 31–43, 124–128.

³⁸ См. подробную характеристику периода (особенно «Введение») в книге: *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90 гг. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 566 с.

XX в.³⁹ В то же время грамматические и особенно фонетические (без учета динамики литературного произношения) нормы с середины XIX века и до наших дней не претерпели существенных изменений.

Чем объясняется похожесть всех предлагаемых периодизаций на существующие периодизации истории литературного языка? Существующие периодизации истории литературного языка строятся на этнокультурных основаниях, конкретное же различие между периодами определяется в основном сдвигами в лексико-фразеологическом наполнении всех разновидностей литературно-письменного, а позднее – и устно-разговорного языка, поэтому периодизация истории литературного языка и хронологическая схема развития словарного состава в основных чертах будут совпадать.

Внутри «хронологических» разделов обычно излагается история избранных, наиболее важных тематических групп, которые, в свою очередь, объединяются вокруг ключевых слов – хроногloss, причем изложение истории ключевых слов носит сквозной характер. При описании лексики уделяют внимание закономерностям изменения, тенденциям, особенностям функционирования лексики, используя для иллюстраций историю отдельных групп.

1.3. Языковая ситуация и история лексического состава.

Языковая ситуация в Московской Руси

Изменения в лексическом составе языка происходят на фоне определенной языковой ситуации и определяются особенностями этой ситуации.

Оценим языковую ситуацию периода Московской Руси, когда на развитие словаря решающим образом влиял целый ряд факторов административного, социально-экономического и историко-культурного характера. Во-первых, увеличивается территория Российского государства за счет окраинных земель: на западе – за счет Пскова и Смоленска, на юге появляются Воронеж, Оскол, Белгород и другие города. Во-вторых, эффективно функционирует государственный аппарат, а его делопроизводство, где тон задают московские приказы, влияет на письменную практику местных канцелярий. В-третьих, возрастает роль городов как центров экономики и культуры: умножаются их торговые связи, увеличивается число грамотных людей. В-четвертых, совершенствуются орудия и организация труда, примитивные ремесла преобразуются в более совершенные производства, интенсифицируется обмен технической и экономической информацией. В-пятых, начинают развиваться наука и просвещение, складываются крупные монастырские библиотеки, появляются словари («азбуковники») и разнообразные учебные руководства («азбуки»).

Обычно под языковой ситуацией понимают состояние только литературного языка в ту или иную эпоху, состав его разновидностей, взаимоотношение между литературным языком и общенародной речью. Подобное толкование языковой ситуации упрощает суть дела, полная картина состояния и развития языка народа в определенную эпоху складывается как минимум из оценки трех типов ситуаций:

1) литературно-языковая ситуация: состав литературного языка, его разновидности, лексико-фразеологические и грамматические средства отдельных типов языка,

³⁹ См.: Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. 187 с.

состояние литературной нормы, отношение литературного языка к средствам «нелитературного» характера и т. д. (см. работы С.П. Обнорского, В.В. Виноградова, Ф.П. Филина, Н.А. Мещерского, А.И. Горшкова, Б.А. Успенского и др.);

2) социально-языковая ситуация (социолингвистическая): речь различных социальных групп, соотношение в разных социально-речевых разновидностях литературных, просторечных и диалектных средств, степень владения литературным языком в разных социальных средах (см. работы В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, посвященные теории вопроса; конкретных разработок этой проблематики на историческом материале пока мало);

3) лингвогеографическая ситуация: диалектное состояние языка данной эпохи, отношение общерусского и местного на разных языковых уровнях, соотношение диалектных средств и литературных элементов в языке столицы и местных культурно-письменных центров (см. работы А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, Р.И. Аванесова, С.И. Коткова, Ф.П. Филина и др.).

Литературно-языковая ситуация в Московской Руси в разное время разными (а иногда одними и теми же) авторами оценивалась неодинаково. Широко известно, например, такое мнение: «...Русским литературным языком Средневековья был язык церковнославянский... стили русского делового, публицистического и повествовательного языка, несколько приспособляясь к церковнославянской системе, размещаются по периферии “книжности”»⁴⁰. Позднее сам автор – академик В.В. Виноградов – отступил от этой точки зрения, но сторонники ее находились и позже, ср.: «...престижное положение церковнославянского языка в качестве литературного языка продолжалось до второй половины XVII в.»⁴¹.

Обратим внимание на объем литературного языка в интерпретации сторонников изложенной выше идеи и соответственно – на ее фактическую базу. У В.В. Виноградова на первое место по значимости в литературно-языковом процессе поставлены неславянские тексты и произведения «еллино-славянского» стиля с чертами юго-западного происхождения⁴². Однако уже в первой редакции своей концепции литературного языка ученый смог оценить, насколько позволяли известные в ту пору источники, демократические тенденции в литературном языке. Тем не менее, современные авторы, придерживающиеся мысли о церковнославянской природе литературного языка Московской Руси, сужают жанровый диапазон литературы, ограничивая его только профессиональной книжностью, полагая, что до второй половины XVII в. «история русского литературного языка – это история церковнославянского языка русской редакции. Тексты на русском (древнерусском) языке – в частности, памятники юридической, деловой, бытовой письменности находятся вне сферы литературного языка и вне литературы»⁴³. Б.А. Успенский повторяет и старый вывод В.В. Виноградова о ведущей роли книжной традиции юго-западной Руси в литературно-языковых процессах в Рос-

⁴⁰ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Учпедгиз, 1938. С. 5.

⁴¹ Хютль-Фольтер Г. Диглоссия в Древней Руси // Wiener slavistisches Jahrbuch. 243. 1978. С. 111.

⁴² Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. С. 22.

⁴³ Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М.: МГУ, 1983. С. 85.

сии XVII в.⁴⁴ Представляется более справедливой характеристика указанного процесса как самостоятельная без внешних воздействий консервация торжественно-риторического стиля лишь в одной разновидности русской литературы XVII в. – литературе русского барокко⁴⁵. Известно, что позднее академик В.В. Виноградов пересмотрел свое мнение об объеме литературного языка: «...с XV в., а особенно в XVI и XVII вв. все усиливаются процессы литературно-языковой обработки разных форм приказно-деловой речи, и деловая речь, по крайней мере, в известной части своих жанров, уже выступает как один из важных и активных стилей литературного языка»⁴⁶. Хотелось бы привести очень уместное в данном случае мнение Ф.И. Буслаева: «Не только в образованном обществе и в современной легкой журнальной литературе, но даже и между учеными людьми господствует застарелый предрассудок о том, будто бы наша древняя литература имеет характер по преимуществу церковный. При том, это мнение доводят до того заключения, что даже и литературы, в собственном смысле этого слова, у нас не было, а были только книги богослужебного и церковного содержания с присокуплением немногих произведений, хотя и имеющих предметом интересы не исключительно церковные, но составленных в однообразном тоне монашеских воззрений и убеждений»⁴⁷.

Сторонники другой точки зрения тоже признают единый литературный язык, но с двумя разновидностями: «В XVI в. мы имеем дело с двумя разошедшимися стилистическими разновидностями одного и того же литературного языка, а не с двумя различными языками»⁴⁸. По мнению Ф.П. Филина, «единого письменного литературного языка с упорядоченной системой норм, обслуживающего все нужды общества, в XVII и первой половине XVIII века не существовало», «от наличия в Древней и Московской Руси двух близкородственных, но разных письменных языков отказаться невозможно»⁴⁹.

И снова напомним еще об одной давней, но, на наш взгляд, наиболее совершенной попытке описания разновидностей или «родов глаголения» в русской (подчеркнем: только русской) устной и письменной речи XVI–XVII вв., представленной в «Риторике» архиепископа Макария 1618 г.: русский язык XVI–XVII вв. – единство из трех разновидностей в соответствии с основными функциями языка: устная речь, художественная речь, деловая речь. Выделены «род смиренный, который не восстает над обычаем повседневного глаголения» (устная речь), «род высокий», основу которого составляют общеупотребительные средства, но есть также метафоры и архаично-книжные элементы (художественная речь), «род мерный», представленный в грамотах, посланиях (деловая речь)⁵⁰. Наличие этих сфер применения языка (добавим к ним еще культовую) реально осознавалось образованными людьми той поры, см. следующее обращение протопопа Аввакума к царю Алексею Михайловичу: «А ты ведь,

⁴⁴ Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси. С. 85.

⁴⁵ Горшков А.И. Теоретические основы русского литературного языка. М., 1983. С. 135.

⁴⁶ Виноградов В.В. Основные вопросы и задачи изучения русского языка до XVIII в. // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 25.

⁴⁷ Буслаев Ф.И. История русской литературы. Вып. 1. М., 1904. С. 251.

⁴⁸ Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л.: ЛГУ, 1981. С. 113.

⁴⁹ Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. С. 108, 111.

⁵⁰ Бабкин Д.С. Русская риторика XVII в. // ТОДРЛ. Вып. VIII. М.; Л., 1951. С. 320–354.

Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком, не унижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах»⁵¹ [выделено нами. – Г. С.]; ср. ещё оценку⁵². Таким образом, в России XVII в. «разговаривали, естественно, по-русски, но и писали главным образом по-русски, не по-славянски»⁵³.

Задача состоит в том, чтобы определить состав имевшихся в то время средств общения – языков или их разновидностей, выявить выполняемые ими функции, установить уровень их нормированности и отношение к устной разговорной речи. По мнению Ф.П. Филина, на всем протяжении исторического периода до XVIII в. сохранял свой престиж, постепенно сужая сферу действия, церковнославянский язык русской редакции, принятый главным образом в конфессиональной (литургической, канонической, гомилитической, дидактической) и конфессионально-светской (церковно-ораторской, полемической и агиографической) литературе. В одних сочинениях этот язык представлен в более «чистом» виде, в других, например, в житиях местных святых, содержал некоторое число исконно русских речевых средств.

Кроме церковнославянского языка русской редакции употреблялся русский литературный письменный язык, в котором выделялись две разновидности: а) книжно-традиционная и б) демократическая. Здесь идет активное наступление живого разговорного языка. Расширяется круг идей, представлений и понятий, обсуждаемых в письменности, но отсутствовал литературно-языковой этикет их описания, что приводило к усилению народно-разговорного элемента в целом ряде сочинений. Начиная с середины XVI в. и постепенно нарастая, осуществляется демократизация письменного языка, узальная выработка фонетико-грамматических норм и увеличение общерусского лексического фонда. Нормализация в этот период реализуется путем подражания «образцовым» произведениям.

Письменная и устная разновидности русского языка существуют как обособленные системы, вступающие в контаминацию в новых повествовательных жанрах, их былое противопоставление сменяется органическим, проникающим сближением, при этом разговорная речь выступает как определяющая и более существенная основа национального языка, чем традиции книжнославянские⁵⁴. Основное различие в области лексики между книжной и разговорной речью касалось разной употребительности и неодинаковых семантико-стилистических свойств как отвлеченной, так и конкретной лексики в этих двух типах речи⁵⁵.

Многие авторы, вслед за И.И. Срезневским, оценивают XVII в. как поворотный в истории языка: «Поворот и действительно начался в XVII веке. Еще не кончилось стремление языка книжного отдаляться все более от народного, когда уже явились попытки действовать наоборот, сблизить книжный язык с народным»⁵⁶; «Резкое изменение общеязыковой ситуации с XVII в. заключается в том, что разговорный язык полу-

⁵¹ Сочинения протопопа Аввакума. Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. Л., 1927. С. 475.

⁵² Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М.: Флинта, 2008. С. 207–218.

⁵³ Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980. С. 47.

⁵⁴ Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. С. 167.

⁵⁵ Судаков Г.В. Синонимы в литературно-художественных текстах XVII в. // Парадигматические и синтагматические отношения в лексике и фразеологии. Вологда: ВГПИ, 1983. С. 128–136.

⁵⁶ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. С. 37.

чает доступ в письменность. Возникает целый ряд новых литературных жанров, очень мало связанных со старым церковнокнижным языком и в основном отражающих язык разговорный»⁵⁷. Расширяется социальный состав пишущих за счет мирян, увеличивается объем литературной продукции («эпоха молчания сменилась эпохой русского многоглаголания»), появляются новые роды литературы: поэзия и драматургия. Складываются целые литературные школы, творческие направления и даже новые литературные жанры: лирическая поэзия, основанная на фольклоре, демократическая сатира, агитационная публицистика. Если в XVI в. проводятся мероприятия канонизирующего, обобщающего характера, как создание Никоновской летописи (20–30-е гг. XVI в.), собрание Великих Миней Четых, то XVII век не объединял старое, он творил свое.

Меняются отношения между литературой и деловой письменностью. Отдельные типы деловой речи в некоторые моменты приближались к книжно-литературному языку, а другие типы всегда ему противостояли. Правовые документы одной и той же местности в языковом отношении не были одинаковы: так, язык московского Уложения 1649 г. более архаичен, чем язык царских указов, наказов воеводам, таможенных грамот и т. п., в деловой письменности действовали свои, узуальные нормы. Несомненна зависимость между расширением функций деловой речи и усилением роли русской разговорной лексики в литературном языке. Однако отодвигать начало этих процессов до второй половины XVII в., как это предлагалось⁵⁸, было бы неправильным. Уже в XVI в. наблюдается эпизодическое использование элементов делового письма в литературе и публицистике (Стоглав, Домострой, хозяйственные и технические руководства). С двадцатых годов XVII в. процесс приобретает широкий размах (агитационная письменность Смуты, сатирические произведения и т. п.), с этого времени, а не со второй половины XVII в., как считал С.С. Волков⁵⁹, деловой язык представлял развитую полифункциональную систему.

Просторечия, понимаемого сейчас как эмоционально-сниженный пласт литературного языка и наддиалектные, не имеющие изоглоссы явления, стоящие вне литературного языка, в XVI–XVII вв. не было. Для периода Московской Руси речь горожан не была отделена от диалектной речи сельского населения. Мнение об относительном единстве уже в XVII в. общерусского городского просторечия⁶⁰ не может быть принято из-за отсутствия фактических данных. Формирование просторечия началось во второй половине XVIII в., не раньше. Как показывает анализ памятников письменности, средством повседневного общения русских в XVI–XVII вв. был русский разговорно-бытовой язык диалектного характера, в котором имелось значительное число общерусских средств (ср. мнение Б.А. Ларина: «...Исследования актов и других памятников письменности... опровергают предположение о едином и общенародном разговорном языке Московской Руси»⁶¹). Вся территория России была в равной мере диалектной; в меньшей степени это относилось к Москве и нескольким крупным ремесленным цент-

⁵⁷ История русской литературы. В 4 т. Л.: Наука, 1980. Т. 1. С. 258; *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. С. 47.

⁵⁸ История лексики русского литературного языка кон. XVII – нач. XIX века. С. 7.

⁵⁹ *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII в. Формуляр, традиционные этикетные и стилиевые средства.

⁶⁰ Там же. С. 181.

⁶¹ *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание. С. 173.

рам, как Великий Новгород, Псков, Вологда, Астрахань и др., в койне которых заметнее проступали общерусские черты, не подавляя, впрочем, местного начала. Сравнительно-сопоставительные исследования койне русского средневекового города на фоне крестьянской речи окружающего региона пока еще не выполнены. В XVI–XVII вв. отчетливо проступает противопоставление «народно-разговорное – книжное». В понятие «народно-разговорное» исследователи включают элементы общерусского употребления из речи городского и сельского населения и диалектные средства. Все эти явления как факты устной бытовой речи отражаются в частной переписке, в разговорниках и азбуковниках, где в целях ознакомления иностранных купцов с русской речью воспроизводились реальные ситуации бытового и делового общения.

К концу XVII в. общность русской народности приобретает относительную устойчивость, начинается переход ее в нацию. Процессы интеграционного характера усиливаются в диалектной среде. Обществу требуется общерусская норма в письменной речи, а также единый лексико-фразеологический фонд для обиходного и публичного общения.

1.4. О языковом сознании древнего русича

Мнение о том, что в начале национального периода в обществе формируется осознанное отношение к проблемам развития и функционирования языка, вполне справедливо. Любопытны и более ранние (до XVIII в.) примеры внимания к речевым фактам, особенно процессам номинации, у древнерусских книжников, т.е. свидетельства вполне определенной рефлексии⁶².

В период Московской Руси кодифицирующая роль московского приказного делопроизводства проявлялась в том, что, используя в имущественных росписях название какой-то хозяйственной реалии, писец, не уверенный, во-первых, в общерусском характере слова, во-вторых, в знании читателем хозяйственной полезности того или иного предмета, во избежание непонимания, двусмысленности старательно описывал функцию, предназначение предмета, помогая читателю правильно идентифицировать упоминаемую вещь. Подобная практика способствовала включению функционального компонента в семантическую структуру слова, например: «анбар рыбной с мостомъ, где рыбу солят, да анбарец неводной, где сети держат» (1618 г., Соловецкий мон.; АХУ-П, с. 276); «скотной двор, а на нем строенья: ... омшеник да овцам рубленой анбар да 2 повети коровам» (XVII в., опись; ДТП-I, с. 266); «д. Горка, а в ней дворец коровей, живут коровники» (1543–44 гг., Вологодский у., Шумаков, с. 64); «двор воловей... а на том дворе животины 35 коров» (1672 г., Опис. аптек., с. 101). Дополним этот ряд примерами из государственного делопроизводства, географической литературы: «поставил *театрум*, то есть каменное зело высокое здание со многими теремы для всяких

⁶² См. также работы, посвященные языковой личности древнего русича: *Иванова Е.Н.* Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка (первая половина XVIII века). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 18 с.; *Попова О.В.* Языковая личность Ивана Грозного: на материале деловых посланий. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 24 с.; *Ясинская М.Б.* Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность: на материале историко-биографической прозы князя Б. Куракина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 20 с.

комедий, то есть действенных потех» (1670 г.; Космография: 384); «указал учинити комедию... и для того действия устроить хоромину вновь... И по тому великаго государя указу *камидейная хоромина* построена» (1672, Дворцовые разряды; Лет. рус. литры: 28). Именно функция считалась определяющим признаком предмета, сделанного человеком для своих нужд, поэтому старорусские лексикографы, раскрывая значение слова, тоже иногда указывали на назначение предмета: «журавель: ‘очепь чем воду черпають’» (1700 г.; Номенклятор немецк.: 20).

Заметим, что указание на род занятий, на выполняемую работу часто выступало мотивирующим признаком для номинации лица по профессии: «Жил в дворе поварок Шестюнка ести варил и хлебы пекъ; розгребалщикомъ дали семь алтын розгребали в поле навоз, наимовали вожелников возити навоз в поле» (1607 г., Тотьма, кн. пр.-расх.; ГАВО, ф. 512, оп. 1, д. 6, л. 49, 142 об.); «дано рукавишнику слобожанину Федру от исподок от вязаня пят алтнь» (1622 г., кн. пр.-расх. арх.; ГАВО, ф. 883, д. 12, л. 170 об.); «наимовал бороноволокоть паренину боронити и навоз вываживат осмерым вываживалником дал 6 ал 4 де» (1663 г., пр.-расх. кн., Вологод. у.; ВОКМ, д. 2284/4131, л. 9 об.).

В других случаях, стремясь точно и ярко описать предмет, древнерусский книжник использовал тождесловы – слова той же лексико-семантической или тематической группы: родовые наименования или названия, представляющие разные стороны и качества описываемой вещи. При этом писец использовал синонимические наименования (однословные и составные) в одном и том же тексте, в том же или следующем предложении: «в Гостиной улице *изба богаделенная*, а в ней десять человек богадельных старцов... да к той же *богадельне* дано всем богадельным старцам на огород пустово порожево места» (1696–98 гг.; А. можайск.: 67); «на горе же *харчевенные избы*, которые написаны в оклад... с ызбы, что возле Родкины *харчевни*, оброку рубль» (1665–67 гг.; пр.-расх. кн. Синбирск. приказной избы: 30); «лежал в *сторожке* без памяти..., Фаддеико к нему монаху для посещения в *сторожню* приходил... Иеромонах Герман постригал ево Макария в городе Каргополе в тюремной *сторожевой избе*» (1690 г., Каргополь, допрос; Олонецк. сб.: 120).

Третья особенность характеристики предмета древнерусским писцом – подчеркивание его особого признака. Писец выбирал такие номинативные единицы, в которых легко вычленился мотивировочный признак или достаточно точно назывался характерный признак предмета: *дровяник*, *книгохранильница*, *портмоиня*, *столовая* – *горница столовая*, *изба кожевная*, *сарай кирпичной*, *камидейная полата*.

Ещё один вариант речевой рефлексии – это оценка закрепленности слова за тем или иным типом речи: «друшка и сваха едутъ с постелею, велите оуказати *сенникъ*, ... а по обычному *потклетъ*; и как приедут на дворъ и идут в *сенникъ* а по простому в *потклетъ*» (XVII в.; Дом. Свод.: 172, 183). Здесь *сенник* оценивается как слово высокое, соответствующее значимости свадебного обряда, а *потклет* – простое, разговорное.

Необходимость характеризовать предмет побуждала писца к поиску адекватных средств для описания предмета, заставляла задумываться над смыслом слов и выражений. Практика составления разного рода описей (росписей, списков) в средневековой России была повседневной: этого требовали торговля, таможенное дело и судопроиз-

водство, родственные и коммерческие отношения и т. п. Писец должен был и этнографически точно описать предмет, и по возможности точно назвать его или привести ряд тождесловов, связанных с понятием о данном предмете.

1.5. Актуальные проблемы исторической лексикологии русского языка

Историческая лексикология русского языка как обобщение истории русского слова состоит из следующих трех компонентов:

- 1) описание истории отдельных слов с их семантическими и словообразовательными связями;
- 2) изучение формирования и функционирования основных лексических групп;
- 3) исследование важнейших процессов в лексической системе языка.

Эти вопросы в общем виде были рассмотрены коллективом исследователей уже в 1988 г., позже их регулярно затрагивали в своих публикациях Л.Ю. Астахина, А.Д. Васильев, В.Г. Демьянов, В.В. Колесов, К.П. Смолина и О.А. Черепанова⁶³ и др.

Проблемы изучения общей истории русского лексикона

1. *Нечеткость периодизации истории русского слова.* С начальной границей периодизации более или менее ясно: это первые памятники письменности. С конечной вопрос ещё не решен: язык «от Пушкина до Горького» отошел в историческое прошлое, и словарь современного русского литературного языка при всем уважении к традициям начинается с 20-х гг. XX в. Важным является также определение границ между древнерусским и старорусским периодами или между старорусским (донациональным) и новорусским (национальным) периодами⁶⁴.

2. *Время и интенсивность процесса «славянизации» в русской лексике.* Здесь важно преобладание или уменьшение числа славянизмов, их влияние на словообразовательные процессы, на общую стилистическую тональность контекстов и отсюда – на «заражаемость» разговорной и просторечной лексики книжно-славянскими интонациями. По мере расширения круга источников открываются новые явления. Так, некоторые из типично церковнославянских, по мнению А.А. Шахматова, элементов (см. их критическое рассмотрение в книге Ф.П. Филина⁶⁵) оказались широко представленными в деловой письменности Москвы и провинциальных культурно-письменных центров XV–XVIII вв.: слова с неполногласием; отвлеченные имена на *-ость*, *-ство*, *-ение* и т. д.

3. *Интенсивность процесса освоения просторечно-разговорной лексики литературным языком.* Если принять во внимание разговорный элемент в агиографических

⁶³ Историческая лексикология и лексикография русского языка. Вологда: ВГПИ, 1988. 96 с.; *Астахина Л.Ю.* Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект. М., 2006. 368 с.; *Васильев А.Д.* Введение в историческую лексикологию русского языка; *Демьянов В.Г.* Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв. Проблемы морфологической адаптации. М.: Наука, 2001. 409 с.; *Колесов В.В.* Древняя Русь: Наследие в слове: в 5 кн. СПб.: СПбГУ, 2000–2004; Историческая лексикология русского языка: теоретический комментарий, программа курса, литература / Сост. О.А. Черепанова, К.П. Смолина // Русская историческая лексикология и лексикография. С. 235–239.

⁶⁴ См. наш вариант периодизации: *Судаков Г.В.* Проблема периодизации истории русского слова и языковая ситуация в XVIII веке // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сб. науч. трудов памяти З.М. Петровой. СПб., 2007. С. 331–341.

⁶⁵ *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка (особенно гл. 1 «Современный русский литературный язык, его происхождение», с. 7–86).

текстах XV–XVIII вв., обилие диалектных и просторечных лексем в деловой письменности, начиная со времени первых берестяных грамот, влияние либеральных московских канонов приказного письма, то, вероятно, следует признать старорусский литературный язык гораздо более демократичным, чем это пока декларируется сложившейся научной традицией.

4. *Временные границы и интенсивность влияния иноземных элементов на развитие русского слова по периодам:* греко-византийское воздействие, тюркоязычное влияние, финно-угорское взаимодействие, украинско-польское посредничество, западно-европейское (немецкое, французское, английское) влияние и т. д.

5. *Факторы, определяющие развитие словарного состава* в каждый конкретный исторический период, и те языковые страты, в которых в этот период происходят решающие для всего лексикона динамические или функционально-стилистические изменения. Для выявления этих факторов исследуют источники омонимии, оценивают энантиосемию, деэтимологизацию, лексикализацию как средства развития словаря. Лексикологи стремятся оценить универсальное и национальное, типичное и специфическое в путях развития полисемии и принципов номинации, внутригрупповых связей слов, в темпах динамичности словаря, в отношениях узуального и окказионального в различных лексико-семантических и предметно-тематических группах в разные периоды развития конкретного языка. В разработке этой проблематики и открывается возможность перехода от «атомарности», от истории отдельных слов к истории всего лексикона, возможность перехода от анализа к синтезу.

6. *Типология лексических групп*, динамично меняющаяся с изменением факторов развития лексико-семантической системы. По справедливому замечанию А. Мейе, «история языков создается лишь путем сравнения состояния языка в различные периоды... Изолированный язык лишен истории»⁶⁶. Имеем в виду развитие исследований по внутриязыковой типологии в интересах исторической лексикологии, т. е. описание типов лексико-семантических систем, последовательно сменяющих друг друга, анализ того, как накапливаются определенные различия, приводящие к появлению нового в способах и содержании номинации, в путях развития переносов и т. п. Минимальный объект исследования в этом случае – лексико-семантическая группа, структура и признаки которой последовательно сопоставляются по нескольким синхронным срезам, выбор которых должен быть оправдан глубиной и содержательностью исторических изменений словаря. В качестве сравниваемых признаков избираются следующие: соотношение родовых и видовых слов внутри группы, количественные соотношения мотивирующих признаков, лежащих в основе наименований, соотношение мотивированных и немотивированных лексем, уровень синонимичности, способность к номенклатурному дроблению, контекстуальная закреплённость значений, модели семантической деривации или типы полисемии, уровень диффузности семантики слов и т. п. Подобным образом далее сравниваются между собою и разные группы, сосуществующие в языке в один и тот же исторический период⁶⁷.

⁶⁶ Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1954. С. 8.

⁶⁷ См. наш опыт подобного типологического исследования лексических групп древнерусского языка: Судаков Г.В. Предметно-бытовая лексика в ономаσιологическом аспекте // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 105–112.

Важно выявить не только специфические для каждого временного периода особенности словаря, модели переноса, процессы онимизации, но и постоянные, устойчивые элементы, составляющие ядро, характерную сущность русского языка. Сравнение состояний словаря в наиболее важные для данного языка периоды его функционирования позволило бы ответить и на такие вопросы, как этапы стилистического расслоения словаря, время появления просторечия, типичные и специфические семантико-стили- стические процессы для разных эпох. Методика сравнительно-сопоставительного исследования и типологического анализа последовательно меняющихся состояний лек- сико-семантической системы одного исторически развивающегося языка только еще создается⁶⁸. Нужно определить перечень действительно значимых признаков, от изме- нения которых зависит изменение характера лексико-семантической системы.

Так, способность группы к номенклатурному дроблению, с одной стороны, стимулируется социально-культурными и иными потребностями социума в наличии разно- родных и разнохарактерных реалий предметного мира или духовных явлений, а с дру- гой стороны, ограничивается множеством ситуаций, когда точное название предмета не обязательно. Причем это в равной мере касается как наименований предметов (слов с конкретным значением), так и названий духовных процессов и действий. Обычно это называют диффузностью или синкретизмом значений⁶⁹. Но, во-первых, размытость границ денотата – нормальное явление в номинации и в повседневной речевой практи- ке (кто из нас, кроме профессионалов, разбирается хотя бы в разновидностях сосудов для питья, столовых тарелок, ножей и пр.?!). Размытость границ денотатов обуслови- вает нечеткость смысловых границ многих слов. О размытости как общем свойстве денотативных границ писал У. Лабов⁷⁰. Во-вторых, следствием вышесказанного явля- ется отсутствие жесткой закреплённости слова за реалией определенного вида. Можно говорить о существовании взаимозависимости между объединением функционально близких реалий и группой соответствующих им слов: близкие по внешним признакам реалии могут быть названы почти всеми словами соответствующей лексической груп- пы, т.е. чуть ли не каждая отдельная реалия сообщества может быть названа почти любым или во всяком случае несколькими словами из соответствующей лексической группы: *блюдо – тарелка – ставец, ларец – скриня – коробка – шкатулка*⁷¹. Ср. харак- терные признания старорусских писцов: «В прежних переписных книгах *тот сунду- чок написан скриня* с черпаками шитими. В прежних переписных книгах *написана та шкатулка скринка* подорожная небольшая с посудою оловяною столовою» (1690; РИБ-8: 965, 1039). Если это называть проявлением синонимичности лексем, то, веро- ятно, это и синонимичность особого рода.

⁶⁸ Опыты сопоставительной типологии современных славянских языков предпринимались Н.И. Тол- стым, А.К. Супруном (*Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянских языков.// Во- просы языкознания. 1963. № 1; 1966. № 5; Супрун А.К. Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983. 48 с.*), а в последние годы коллективами под руководством Е.В. Рахилиной и А.А. Кретова.

⁶⁹ *Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. С. 95; Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 168; Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М.: Наука, 1979. С. 19.*

⁷⁰ *Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Пробле- мы и методы лексикографии. М.: Прогресс. 1983. С. 133–176.*

⁷¹ См. подробнее: *Судаков Г.В. Предметно-бытовая лексика... С. 105–112.*

7. Неодинаковая значимость лексем и целых лексико-семантических и тематических групп для речевой практики социума и главное – неодинаковая роль их в развитии лексико-семантической системы языка. Составление реестра актуальных в этом отношении лексем и лексических групп – важная задача исторической лексикологии русского языка.

Проблемы, касающиеся истории отдельного слова

1. Один из наибольших грехов в работе над историей отдельного слова – это *некорректный выбор источников*. Прежде всего, мы имеем в виду случаи, когда источником (одним из источников) избираются словари. Некоторые коллеги, особенно юные, относятся к словарю, как к Библии, и без раздумий переносят в свои работы все данные словарей, включая их ошибки, огрехи и прямые недостатки. Очень плохо соотносятся совершенно темные, семантически невнятные цитаты и содержащиеся в некоторых новейших лексикографических трудах толкования значений слов, когда исследователи, не имея семантически прозрачных и ясных иллюстраций, приписывают «историческим» словам значения из словаря Даля или современных диалектных словарей⁷². По справедливому мнению Н.Ю. Шведовой, все групповые отношения, в которые вступает слово (частеречные, лексико-семантические, собственно грамматические, словообразовательные – для производных слов, деривационные, синтаксические связи, семантические связи, стилистические, функциональные – сфера употребления, хронологические и локальные, квалификационные и оценочные, орфоэпические, акцентологические, орфографические), должны быть в той или иной мере подтверждены иллюстрацией – оправдательной цитатой⁷³. Ср. по этому же поводу замечание Л.В. Щербы: «Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров»⁷⁴. Застенчивое отношение исследователя к памятникам письменности – верный признак поверхностного труда. Иерархия исторических источников (по степени их значимости для исследований по истории русского слова) обычно выстраивается следующим образом: а) исторический текст (оригинал или добросовестная публикация), б) словарь языка соответствующей эпохи, в) научные источники по истории материальной или духовной культуры соответствующей эпохи (по истории той сферы жизнедеятельности общества, к которой имеет отношение фрагмент изучаемого лексикона), г) словари языка более ранних или более поздних периодов.

В свое время профессор С.И. Котков сформулировал основные требования к лингвистическому источнику и тем самым заложил начала лингвистического источниковедения⁷⁵, проблемы источниковедения русской исторической лексикологии рассмотрела Л.Ю. Астахина⁷⁶. Разные источники неодинаково отражают историю слов и динамику лексико-семантических процессов в языке: одни фиксируют смещение родовых соответствий в тематической группе, другие запечатлели процесс движения

⁷² *Судаков Г.В.* Иллюстрация в историческом словаре // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб., 2005. С. 129–137.

⁷³ *Шведова Н.Ю.* Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988. С. 7–8.

⁷⁴ *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 285.

⁷⁵ *Котков С.И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка.

⁷⁶ *Астахина Л. Ю.* Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект.

«от конкретного к абстрактному» в пределах одного текста. Укажем еще на гапаксы и созданные воображением публикаторов и исследователей псевдогапаксы и вспомним отношение И.И. Срезневского к подобным словам-недоразумениям: когда он сомневался в подлинности существования слова, то вносил его в словарь со знаком вопроса, намечая перспективу в разрешении вопроса для будущих исследователей.

Необходимо учесть, что история русского слова XVIII–XIX вв. изучалась некоторое время главным образом на основе печатных источников (см. работы Ю.С. Сорокина, В.В. Веселитского), что, естественно, не обеспечивало всей полноты картины, особенно для XVIII в., когда преобладали столичные издания, а провинциальная печать и книгоиздания фактически отсутствовали. Между тем обращение к местной письменности существенно расширяет представления о картине происходящего в языке⁷⁷. Применительно к XIX в., когда заметно возрастает местная пресса (губернские и епархиальные ведомости, записки архивных комиссий, адреса-календари и т. д.), появляются краеведческие издания, можно сосредоточиться на этом массиве источников.

2. Второе обстоятельство, снижающее качество исследований, – это *невнимание к сочетаемости слова*, нежелание учесть разнообразные контексты употребления слова (атрибутивные, объектные и т. п.), хотя для исторического слова, когда исследователь не может опереться на собственный опыт носителя языка, эти вещи очень важны, с этим связано и выявление многообразных вариантов и модификаций изучаемого слова: фонетико-графических, словообразовательных, морфологических и пр. Абсолютной закрепленности слова за определенными типами контекстов, кажется, никогда не существовало, и это требует внимательного прочтения и тщательного расписывания многих текстов. Особый случай – произведения, являющиеся переложением Библии или созданные на основе Библии. Первооснова употребления в них многих лексем спрятана в глубине веков и в многообразии языков-посредников, и потому функционирование лексемы в таких текстах слабо объясняется особенностями русского языка. Тем более важно разобраться с генезисом таких лексем или оборотов.

3. Важный момент – *частота употребления*, о которой, например, стали сообщать читателю составители «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.». Представляется, что все случаи немногочисленного, особенно единичного употребления слова должны обязательно указываться. Индивидуально-авторские слова и окказионализмы в пору абсолютной диалектной свободы, диктата узуса над нормой были тогда более частыми, чем сейчас.

4. Остается актуальной *проблема сохранения единства и тождества слова* в последовательно сменяющиеся эпохи развития языка⁷⁸.

⁷⁷ См. работы: Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска. Челябинск: ЧГПУ, 2004. 484 с.; *Выхрыстюк М.С.* Тобольская деловая письменность второй половины XVIII века в аспекте современного лингвистического источниковедения. Тобольск, 2006–2007. Ч. 1–2; 211 с., 215 с.; *Мальшева И.А.* Проблемы источниковедческого исследования письменных памятников XVIII в. // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 24–36; *Никитин О.В.* Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.); *Полякова Е.Н.* Региональная лексикология и ономастика. Пермь: ПГУ, 2006. 256 с.; *Трофимова О.В.* Жанровообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности). Тюмень: ТГПУ, 2002. 519 с.

⁷⁸ См. посвященную этой проблеме статью В.В. Виноградова и более позднюю статью его ученика: В.Я. Дерягина: *Виноградов В.В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // В.В. Виноградов. История слов. М., 1999. С. 5–38; *Дерягин В.Я.* Проблема семантического тождества

Слово не может быть одним и тем же в разные исторические эпохи. Но какова степень его изменчивости – вот постоянный вопрос для историка языка. Приведу простой пример: ведро в древнерусский и старорусский период было предметом бондарного производства, то есть – деревянным, реже – плетеным из бересты, лыка (это был двойной цилиндр). Металлические и пластмассовые ведра – продукт нового времени. Старинные ведра входили в иной, нежели современный, ряд предметов (реалий), соответственно иным было и понятие о ведре, поскольку вслед за материалом менялась форма и функции предмета. Бритвы в допетровскую эпоху были только ручными и напоминали складной нож⁷⁹. Столовая посуда была чаще деревянной или глиняной, металлические блюда на столах простолюдинов были в редкость. Меняющийся материальный мир существенно влиял на семантическую структуру и стилистический статус слова, обозначающего изменившийся предмет. Конкретный референт и (или) его зрительный образ – основа семантики предметно-бытового слова. Особенно важно это учитывать при анализе казалось бы хорошо знакомых слов древнерусского или старорусского языка: реалья, ими обозначаемая, могла в старину иметь внешний облик, не совпадающий с современным представлением о предмете, и исследователя подстергает опасность «осовременивания» значения слова.

5. *Учет специфики древнерусского литературного текста с позиции древнего русича.* Ведь идеальным в ту далекую пору считался текст, максимально повторяющий все достоинства образца, избранного для подражания. Поэтому в текстах, которые в общественном мнении Древней Руси были особо значимы, полагалось в максимальной степени воспроизводить фразеологию и стилистику выбранного образца. Любое отступление было не только литературным грехом, но и религиозной ересью. Возможно, мы, привыкшие к индивидуально-авторской манере изложения, объявляем шедевром древнерусской литературы то, что древнему русичу казалось отступлением от литературного этикета и книжного канона, было дурным с его точки зрения.

Заметим, что по-другому ситуация складывается в XIX в. События Отечественной войны 1812 г. способствовали формированию нового для России явления – свободного публичного общения и формирования новых форм и средств публичной речи. Эти первые ростки – ростопчинские листки-афиши, прокламации Генерального штаба, устные речи Кутузова и др., вошедшие в фонд солдатской мифологии. Церковно-проповеднический стиль, судьба которого еще мало изучена⁸⁰, продолжал жить в то время своей жизнью, отчасти оказывая воздействие на некоторые формы литературного выражения. Земская и городская реформы, введение суда присяжных, оформление торгово-коммерческой и кредитно-финансовой сфер, развитие машинного производства и кооперативного движения существенно повлияли на обогащение лексики, на стилистическую перестройку лексической системы.

слова в исторической лексикологии // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. М.: Наука, 1988. С. 47–61.

⁷⁹ См. археологические показания на этот счет (Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: АН СССР, 1968 (Свод археологических источников СССР. Е–155). 183 с.) и рисунки упомянутых реалий в «Букваре» К. Истомина 1694 г.

⁸⁰ См. одну из первых работ по этой проблеме: Ипатов С.Н. Святитель Игнатий как проповедник. Лингвистическое исследование. Вологда: ВИРО, 2007. 182 с.

6. *Проблема типов текста и обусловленность этим лексико-фразеологического наполнения текста.* Пока типология древнерусских текстов основывается преимущественно на тематическом содержании текста, что явно недостаточно даже для того, чтобы предсказать лексическое наполнение текста.

Перечисленные вопросы не исчерпывают всего списка актуальных проблем исторической лексикологии. Ориентируясь на современные труды, мы обратили внимание на наиболее злободневные, от которых зависит объективность результатов исторической лексикологии и исторической лексикографии русского языка.

2. Аспекты изучения древнерусского слова

2.1. Лексика в семасиологическом аспекте

Основные лексико-семантические процессы древнерусского языка иллюстрируются преимущественно данными предметно-бытовой лексики. Термин «предметно-бытовая лексика» определяет соответствующий слой словаря с двух точек зрения: 1) по отношению к другим группам лексики материальной культуры и быта, обозначающим не предметы, а действия, процессы, качества, состояния и т. п.; 2) по отношению к определенной сфере человеческой жизни и деятельности, а именно, к быту. Данная лексика относится к этнографическим названиям, «этнографизмы – это слова, обозначающие предметы и понятия, связанные с особенностями быта, материальной и духовной культуры данного народа, народности или местности»⁸¹. Иногда бытовую лексику сближают с народной терминологией, т. е. терминами различных ремесел и отдельных видов производственной деятельности сельского населения. Основанием для такого сближения служат: однозначность части бытовых слов, связанность их с определенным ремеслом или хозяйственным процессом (винокурением, плетением корзин, портновским делом, сапожничеством, изготовлением деревянной посуды и т. п.), стилистическая нейтральность. Наблюдается в бытовой лексике и специализация значения слова, т. е. сужение его семантики, которое выражается в ограничении сочетаемости слова в определенном значении, а также в случаях переноса значения по общности признаков, когда исходное значение целиком включает в себя все признаки нового значения. Специальное значение часто становится основой для создания термина⁸². Однако можно говорить об известной терминологичности лишь отдельных групп предметно-бытовой лексики, в целом же она, в отличие от терминов, является принадлежностью речи всего коллектива, т. е. каждого человека, а не профессионально ограниченной группы лиц, относится постоянно к сфере быта, характеризуется наличием синонимов, многозначностью и диффузией семантики, жанрово-стилевым расслоением.

Семантические свойства исторической конкретной лексики предметно-бытового характера изучены еще недостаточно⁸³. Исследователи неоднократно отмечали, что в семантике конкретно-предметных существительных наблюдается самая тесная связь

⁸¹ *Этерлей Е.Н.* Об этнографизмах и их месте в диалектном словаре // Диалектная лексика. Л.: Наука, 1976. С. 16.

⁸² *Кутина Л.Л.* Формирование языка русской науки. Л.: Наука, 1964. С. 205.

⁸³ *Сороколетов Ф.П.* Лексическое значение и словарная дефиниция // Исследования по исторической семантике. Калининград: КГУ, 1980. С. 8.

лексического значения слова с конкретными свойствами реалии⁸⁴, не случайно так популярна в диалектной и исторической лексикологии идея комплексного изучения слова, предмета и связанных с ними обрядов и поверий⁸⁵. В объем лексического значения конкретно-предметных слов входят в большей или меньшей степени функция и особенности внешнего вида. По мнению Д.Н. Шмелева, «названия предметов, созданных человеком, функционально ориентированы в семантическом отношении. Функциональный элемент является, по-видимому, неотъемлемым элементом их семантической организации... Функциональное назначение предмета, действительно, часто представляет собой тот элемент в семантике слова, который наиболее устойчив исторически»⁸⁶. Мотивирующим признаком подобных слов также иногда является название содержимого (*перечница* ‘сосуд для молотого перца’, *солонка* ‘небольшой сосуд для соли, подаваемый к столу’), процесса, выполняемого с помощью предмета (*рукомойник* ‘небольшой висячий сосуд для умывания’), указание на предназначенность для использования в определенных условиях (названия одежды *летник*, *холодник*) и т. п.

У других слов в содержании лексического значения учтены одна или несколько особенностей внешнего вида реалий, это слова с комбинаторной семантикой⁸⁷, к ним относятся, например, названия предметов по особенностям внешнего вида: материалу, форме, окраске, характерным деталям и т. п. (см. старорусские названия разновидностей ковшей: *лебедь* ‘ковш в форме плывущей птицы’, *кленовик* ‘ковш из древесины клена’, *конюх* ‘ковш с ручкой в виде головы коня с изогнутой шеей’, *скобкарь* ‘ковш с двумя ручками-скобками’ и др.). Применительно к таким словам справедливо высказывание Б.А. Ларина о том, что «для некоторых идей и представлений, связанных со словами, зрительный образ вещи является их основным, бесспорным или даже единственным содержанием. Таковы, например, представления из области материальной культуры (об одежде, утвари, орудиях производства)»⁸⁸.

В предметно-бытовой лексике в силу ее преимущественно разговорного характера развита диффузность или синкретизм значений. Необходимо, видимо, различать два разных случая диффузности в семантике слова, особенно применительно к древнерусскому или диалектному материалу: а) объективную языковую диффузность, подтверждаемую регулярностью употребления слова в диффузном значении; б) контекстуальную, факультативную диффузность, обусловленную семантической неясностью или двусмысленностью контекста.

⁸⁴ Ларин Б.А. Проект древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники). М.; Л.: изд-во АН СССР, 1936. С. 53; Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. С. 16; Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973. С. 168; Сороколетов Ф.П. [Рец. на кн.:] А.С. Львов. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. // Вопросы языкознания. 1977. № 2. С. 157.

⁸⁵ См., например, предложенную Н.И. Толстым и С.М. Толстой программу развития этнолингвистики и созданного на этой основе этнолингвистического словаря славянских древностей: Толстой Н.И., Толстая С.М. Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г.: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1983. С. 213–231.

⁸⁶ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). С. 234–235.

⁸⁷ Сороколетов Ф.П. Лексическое значение и словарная дефиниция. С. 8.

⁸⁸ Ларин Б.А. Проект древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники). С. 19.

Как установлено исследователями, лексико-семантические связи древнерусских слов в составе лексико-семантической группы определялись первоначально происхождением этих слов, а затем – всё более сферой функционирования слов. Малочисленные группы имеют более тесные семантические связи и более стройные отношения между членами, примерами таких объединений являются названия футляров, названия вместилищ для денег и ценных бумаг⁸⁹.

Каждая группа предметно-бытовой лексики имеет свой семантический центр («опорные слова» – по Ф.П. Филину): это наиболее употребительные лексемы, богатые производными. Часто роль центра выполняют гнезда однокоренных слов, см. названия плетеных вместилищ (с корнем *короб-/краб-* в текстах XVI–XVII вв. выявлено около 20 слов), названия вместилищ из дерева и металла (с корнем *-голов-* обнаружено более 10 слов) и т.д. Подобные слова часто были родовыми по отношению к названиям разновидностей определенной реалии. Отмечается в группах и периферия, куда относят редкие, архаические и экзотические слова, лексемы с диффузной семантикой, слова, входящие в группу по одному из своих значений.

Большинство названий в каждой группе имело одинаковую цепочку семантической деривации, например, названия одежды: ‘материал’ → ‘одежда’ (*багряница, рубище, пониток*), названия вместилищ: ‘материал’, ‘способ изготовления’ → ‘вместилище’ → ‘мерный сосуд’ → ‘мера’ (*дубь, пошевь*). У некоторых слов все эти значения могли быть представлены одновременно, с недостаточной дифференциацией, поэтому в бытовом словаре постоянно шёл активный процесс дифференциации и спецификации семантики слов; ср.: в XVI в. *мешок* обозначало ‘большое по объему вместилище из кожи, ткани, рогожи’, *рогожа* – ‘рогожное полотно; вместилище из рогожи’; в XVII–XVIII вв. *мешок* имеет значение ‘большое вместилище из холста’; *рогожа* – ‘плетенное из мочала полотно’, *куль* – ‘вместилище из рогожи’.

Определенное влияние на степень семантической связанности лексем оказывал генетический фактор. В названиях мужской верхней одежды, где были элементы разного происхождения (*кафтан, армяк, абаб, чекмень, азым* – тюркские слова; *жупан* – арабизм, усвоенный из французского через западнославянское посредство; *кабат* – иранское, усвоенное через польское посредство; *бешмет* – татарское; *терлик, халат* – турецкое; *камзол* – из итальянского через немецкий и т. д.), отсутствуют семантические связи, охватывающие все слова этой группы. Наоборот, названия рукавиц, возникшие в основном на русской почве (*рукавица, перстница, голица, верхница, деяница, шубница, вязеница, водяница, плетеница, надолонка, дубленка, кожница, исподка*), отличаются значительной семантической организованностью, имеют одинаковую лексическую сочетаемость, проходят одинаковый путь семантической эволюции, составляют свои синонимические ряды и даже антонимические пары типа *верхница* ‘верхняя рукавица’ – *исподка* ‘нижняя рукавица’.

Обращает на себя внимание относительная недостаточность числа родовых слов, а также их слишком общая, недифференцированная семантика. Например, в древнерусский период названия головных уборов входят в одну группу с названиями одежды, поэтому родовых слов *одежда, платье* и пр. было вполне достаточно для обозначения

⁸⁹ См., например: *Судаков Г.В.* В чем носили деньги древние русичи? // Русская речь. 1984. № 2. С. 99–104.

одежды, головных уборов, передников и т. д. Выделение названий головных уборов в особое лексическое объединение намечается в старорусский период, здесь функции родового слова на некоторое время взяло на себя слово *шапка*, но уже в XVIII в. появляется составное наименование *головной убор*. По мнению Г.Н. Лукиной, развитие родовых слов в отдельных группах названий одежды могло задерживаться из-за отсутствия соответствующих глаголов, от которых они образовывались⁹⁰. Может быть, причиной наличия или отсутствия родовых слов является степень развития дифференцирующей способности лингвистического сознания у этноса, пользующегося данным языком. Например, в древнерусский период было лишь одно родовое наименование *судь*, с конца XVI в. появляется *посуда*; в древнерусский период начинают формироваться родовые названия для отдельных групп посуды по материалу: *скляница*, *плетенница* и др.; в национальный период формируются родовые названия посуды с учетом функции: *столовая*, *поваренная*, *кухонная*.

Иногда на первом этапе формирования родовое наименование функционирует как собирательное существительное, ср. *посудье* – около 1571 г. (активно в первой половине XVII в.), *посуда* – с 1599 г.: «воду новую так отведаешь, будет здоровая или нездоровая, покропи ею посудие какое оловяное или медное» (Назиратель: 179); «и посуда де всякая его Первушина была на том его дворе» (1599 г., чел.; Руск.-кавк.: 326). Лексема *посуда* до середины XVII в. употребляется редко, активизация этого наименования начинается с 50-х гг. XVII в., оно вытесняет слово *посудье* и заметно ограничивает использование древнерусской формы *суды* (от *судно*).

Наблюдается в старорусском языке избыточность лексических средств за счет одновременного употребления родового и видового слова или двух видовых одновременно: *рукавицы дубленицы*, *ковш кленовик*, *рукавицы верхницы вязаницы*. Причиной такого употребления является стремление к всестороннему и точному обозначению-характеристике реалии в целях более эффективного общения. Используемые при этом названия имеют яркую, образную форму, подчеркивающую один признак реалии и затемняющую все остальные ее свойства, поэтому появляется необходимость в дополнительных наименованиях, с других сторон характеризующих предмет.

В развитии исторической лексикологии важную роль сыграли концепции системности в организации словаря. Истоки учения о лексико-семантической группе обнаруживаются в трудах Н.В. Крушевского и М.М. Покровского⁹¹. Позже учение о лексико-семантических группах на историческом и диалектном материале разрабатывал Ф.П. Филин, см. одно из его определений: «Совокупности слов, имеющие близкие (в т. ч. противопоставленные – антонимы) и идентичные значения с разными оттенками, дифференциальными признаками (синонимами), составляют лексико-семантические группы или единства»⁹².

⁹⁰ Лукина Г.Н. О некоторых признаках лексико-семантических групп древнерусской лексики // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. М.: АН СССР, 1984. С. 76.

⁹¹ Крушевский Н. Очерк науки о языке. Казань, 1883. С. 66, 69, 149; Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М.: АН СССР, 1959. С. 733.

⁹² Филин Ф.П. Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов // Вопросы славянского языкознания. Кн. 1. Львов, 1948. С. 223; он же. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 225.

Исследование истории лексики в тематическом плане преобладает в отечественной лингвистике, оно имеет целый ряд очевидных достоинств: «... позволяет полно и всесторонне установить связь между словами и обозначаемыми ими явлениями, выяснить объем значений слов, их употребления... определить удельный вес этих групп в словарном запасе языка, их рост или сокращение в зависимости от внешних, исторических обстоятельств, процессы терминологизации слов с общими значениями, изменяющееся соотношение исконных и заимствованных слов, расширение и сужение значений слов (также в зависимости от изменений «материи» и функций обозначаемых предметов и явлений), установить в некоторой степени стилистическую дифференциацию слов в пределах тематической группы»⁹³. Тем не менее, возникает вопрос: имеет ли смысл монографическое описание всего состава тематических групп на разных этапах истории языка? На этот счет имеется определенное мнение ряда ученых: «Одной из актуальных задач исторической лексикологии наряду с описанием истории слов является сейчас уже воссоздание истории эволюции целостных микросистем. Анализ таких микросистем целесообразно проводить в плане изучения их функционирования по отдельно взятым хронологическим периодам развития языка»; «Историческую лексикологию сейчас уже нельзя строить “на глазок”, опираясь лишь на “ряд” избранных, облюбованных примеров по лексике. Нужны фронтальные обследования и совершенно конкретные подсчеты составных элементов русского словарного состава в его истории»⁹⁴.

Большой фонд данных на эту тему имеется в целом ряде исследований⁹⁵.

В свое время Ф.П. Филин заметил, что «в древнерусском письменном языке по известным причинам значительные (если не основные) слои диалектной лексики не нашли полного отражения»⁹⁶. Но в письменности не нашло отражения и большое число общерусских слов. Степень отражения различных тематических групп определялась не только общественной значимостью соответствующих предметов материальной культуры и явлений общественной жизни, но и другими причинами. Так, дороговизна тканей и одежды обусловила тщательную фиксацию предметов одежды и достаточно широкое отражение в текстах названий одежды, головных уборов, рукавиц и т.п. Иначе обстоит дело с названиями пищи, особенно готовых блюд. Царский и патриарший стол описывался довольно полно, описаний же обеда или пира посадского человека, крестьянина в памятниках нет, поэтому восстановить в полном объеме старорусский словарь народных кушаний чрезвычайно сложно. Пропуск некоторых промежуточных звеньев в лексико-семантической группе, к сожалению, сказывается в более широком толковании семантики отдельных слов: лакуны заполняются вообра-

⁹³ Филин Ф.П. О названиях обуви в русском языке // Лексикографический сборник. М., 1963. Вып. VI. С. 166.

⁹⁴ Герд А.С. Семиотические аспекты истории научной терминологии // Русская историческая лексикология и лексикография. Л.: ЛГУ, 1977. С. 166; Иванов В.В., Трубочев О.Н. Ф. П. Филин (1908–1982) // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 5.

⁹⁵ См., например: Борисова Е.Н. Проблема становления и развития словарного состава русского языка конца XVI – XVIII вв. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1979. 38 с.; Иссерлин Е.М. Конкретная и абстрактная лексика в литературном языке XVII в. // Начальный этап формирования национального языка (на материале русского языка). Л.: Наука, 1960. С. 97–111.

⁹⁶ Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). С. 277.

жением исследователя, распределяющего выявленные им лексические единицы в потенциально возможном смысловом поле.

2.2. Историческое слово в жанрово-функциональном аспекте

Динамика лексики и системные отношения в ней во многом обусловлены текстом и проявляются в тексте, т. е. в процессе функционирования. Поэтому является актуальным изучение словаря в функциональном аспекте: сфера употребления, жанрово-стилевое распределение слов, внутригрупповые и межгрупповые связи лексики и т. п.

Всестороннее описание стилистических качеств исторического слова возможно лишь на основе анализа многообразных в жанрово-стилевом отношении контекстов. Обследование большого массива текстов позволяет достаточно полно изучить историю любого слова в его фонетико-грамматических и лексико-семантических вариантах, его стилистическую и функциональную зависимость от текста. Как важен учет разнохарактерных текстов для анализа слова, показывает следующий отрывок из сугубо богословского трактата Юрия Крижанича «Смертный разряд» (XVII в.), в котором значительное место уделено спору о том, какой хлеб следует использовать при причастии: пресный или квасной, см.: «Общено адда име ест Хлеб, а уделна пак имена есут: Коврига, Бохан, Колач, Кулич, Кравайца, Сайка, витушка, обаренец, вертан. И по другому обзору уделна же имена: Пшеничник, Рженик, ячменник, овсеник, просеник. И по тритем обзору уделна же: Оприснец, кваснец, погача, парник»⁹⁷. Подобного перечня разновидностей печеного хлеба, да еще с готовой классификацией (родовые-видовые названия; названия по форме, по названию муки, по особенностям подготовки теста) нет даже в деловых текстах.

Деловая письменность позволяет быстро собрать массовый материал, но без учета литературно-художественных и религиозных текстов мы не получим полного представления о функционировании слова в русской речи соответствующей эпохи, о всех нюансах его семантики и стилистики⁹⁸. Оценим более подробно средневековые литературно-художественные тексты.

1. Расширение социального состава авторов, демократизация содержания литературных произведений привели к тому, что в текстах появились упоминания о таких конкретных деталях внешнего вида, качествах, свойствах, хозяйственных функциях бытовых предметов, которые не названы даже в деловых документах. Одно из назначений поветей, как укрытия для скота в непогоду, раскрыто в произведении Аввакума «О сотворении мира»: «и коровы болши знают вас, пред погодою визжат, да ревут, и под повети бегут» (РИБ-39: 683). Функция заднего крыльца как местонахождение нужника характеризуется в «Повести о боярыне Морозовой»: «Великой убо Феодоре изшедши на задней крылец, идеже исходят на нужную потребу» (с. 138).

2. В XVII в. происходит бурный процесс обновления лексики: вовлечение в письменное употребление новых слов и выход из обихода устаревшей лексики. Так, в «По-

⁹⁷ Гольдберг А.Л. О «Смертном разряде» Юрия Крижанича // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1974. М.: Наука, 1975. С. 100.

⁹⁸ См., например, показательные по этой проблеме монографии: *Рогожникова Т.П.* Жития «макариевского цикла»: Жанр. Стил. Язык. СПб., 2003. 348 с.; *Пименова М.В.* Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб., 2007. 415 с.

вести о купце» XVII в. употреблено слово *квартира* – *квортера*: «Купец же поклонися и поиде до квортеры своея... Купец же приидоша до квортеры своей» (Пов. XVII в.: 132). СлРЯ XI–XVII вв. иллюстрирует это слово примерами из повестей о Савве Грудцыне и Фроле Скобееве по спискам XVIII в. (СлРЯ XI–XVII вв., 7: 103).

Благодаря широкому употреблению в одном и том же тексте синонимических соответствий разной структуры может быть зафиксирован процесс трансформации составного наименования в одно слово, например, *богадельная изба* – *богадельня*, *темная полата* – *темница*: «из *богадельные избы* старица Агафья сказала, сказали у них в *богадельне* сего дни, что от государя патриарха будет к ним в *богадельне* власть з господнею ризою» (Документ. сказание: 267); «У Николы на Угреше сежю в *темной палате*, весь обран ж пояс снят со всяцем утверждением, и блюстителя пред дверьми и внутрь полаты... Писано в *темнице* лучинкою» (письмо к сыну, 1666 г.; Три соч. Авв: 262–263).

Художественные тексты, близкие к народно-разговорной речи, например, «Житие протоппа Аввакума», способствуют вовлечению в письменный обиход из разговорной речи уменьшительных образований с эмоционально-оценочным значением: *хлебец* (наряду с более частым *хлеб*), *кафтанишко* (и *кафтан*), *шубенко* (чаще *шуба*), *молочко*, *ветчинка* и др.

Именно в художественных текстах вероятнее всего употребление архаичных слов, что вполне объяснимо: «единство древнерусской литературы на всем протяжении развития с XI по XVII в. обеспечивало и единство традиции древнерусского литературно-письменного языка вплоть до середины XVII в.»⁹⁹. Во «Временнике» И. Тимофеева употреблено редкое слово *теплица* наряду с обычным для XVII в. *баня*: «Но обычай баше новобрачным ради измовения тела в *баня* входит; и по совокуплении того с своею купно з госпожею и женою вниде той предиреченный отрок в *теплицу*. Но зде страх, зде трепет! Дивно чюдо содеяся тогда, внегода отрок вниде в *баню*» (1616–1619 гг.; Вр. Тимофеева: 99).

3. Наблюдается закреплённость отдельных слов за тем или иным типом контекста. В текстах, тяготеющих к старокнижным традициям, предпочитают слова с обобщенным значением: слово *храмина* легко заменяло собою многие другие названия (*богадельня*, *дом*, *хоромы*, *хижа* и т. п.). Только в литературно-художественных текстах отмечены специальные наименования помещений для сна: *ложница* – *постельная храмина* – *постельная*: «Муж же нача в совести уבודатися и помышляя о жене, яко некто есть на ложи, и вскочи напрасно и удари *ложницы* в двери и отвори скоро» (Вел. Зерцало: 212); «царю же в *постелной* своей *храмине* сидящу, и внезапно случися ему смерть» (Пов. Катырева-Ростовского; РИБ-13: 574); «Княгиня же отиде в чюлан, иже устроен в той же *постелной*...; вниде в *постелную* дерзьско и виде ю возлежащу» (Пов. о Морозовой: 134).

Анализ употребления слов, предпочитаемых в книжно-письменной речи, показывает, что выбор их обусловлен обобщенностью семантики, способностью выступать в роли символа чего-либо. Симеон Полоцкий, например, из названий человеческого жилища предпочитает слово *дом* (*дом* – 56 употреблений, *палата* – 10, *жилище*, *чертог* –

⁹⁹ Мещерский Н.А. История русского литературного языка. С. 19.

по одному), из названий съестных припасов – *хлеб* (*хлеб* – 26, *пища* – 7, *брашно* – 4, *снедь* – 1¹⁰⁰).

4. Книжники старорусского периода пользовались разными языковыми средствами вполне сознательно, свободно меняя книжную манеру изложения на разговорную. Что же касается отдельных слов, то их выбор определялся общим лексико-семантическим и стилистическим фоном контекста. Стихийное одновременное употребление церковно-книжных фразеологизмов и разговорных синонимов встречается в изобилии у Аввакума.

В совокупности лексических значений слова можно выделить контекстуально связанное значение, то есть проявляющееся только в контекстах определенного содержания и известных стилистических качеств: «егда же зима насташе, у детей своих взимаше сребреницы, чим устроить *тепльыя ризы*, и то нищим раздаше, а сама без *тепльыя одежды* в зиму хождаше» (Пов. об Улянии: 301).

5. В XVII в. литературно-художественные тексты начинают все чаще выступать в качестве лаборатории семантико-стилистических экспериментов. Преимущественно для книжной речи были свойственны такие синонимические ряды: *чертог* – *обиталище* – *полата* – *дом* – *жилище*; *одежда* – *одеяние* – *портище* – *риза*; *брашно* – *снедь* – *ядь* – *ястие*; *ложе* (*ложа*) – *постель* – *одр* и т.п., причем все эти слова характеризовали предмет весьма обобщенно и отвлеченно. В то же время писец стремился к разнообразию языковых средств, см.: «Некий человек дом имея великий прилучен же бе стеною ко *хлевинке* убогаго некоего работнаго человека... дивяшешя убогаго житию, како в *хижице* своей и в толиком убогом жителстве непрестанно веселится..., прииде же ко убогому во убогий *домик* его» (кон. XVII в., Вел. Зерцало: 347–348).

Широкое употребление синонимов в литературно-художественных текстах – весьма важная особенность, позволяющая с опорой на восприятие носителей языка определенной эпохи устанавливать семантическое тождество слов, например, таких, как *кабак* – *корчма*: «Яко хто на *корчме* бытен пьет, всяк его хвалит в те поры, кое у него видят и пьют, а жити про собя на *кабаке* и не пити, яко в век скупому лают и хотят вси с одного ограбит» («Служба кабаку», 1666 г.; Сатира 17 в.: 45).

Книжная письменность Московской Руси XVI–XVII вв. дает богатый материал для анализа соотношения разговорных и книжно-письменных элементов в составе литературного языка, эволюции книжно-славянского типа языка, развития народно-литературного типа в повествовательной литературе, увеличения проницаемости границ между разновидностями литературного языка и между разговорной и литературной речью, а также для уяснения закономерностей семантико-стилистического развития русской лексики в начальный период становления норм национального выражения.

2.3. Состояние и проблемы лингвогеографического изучения исторического слова

Историками языка установлено, что на разных территориях функционирования русского языка количественный объем различных групп лексики не был одинаков, подвижными были семантические границы между тематическими группами и отдель-

¹⁰⁰ Подсчитано по изданию: Полоцкий Симеон. Избранные сочинения. М.; Л., 1953. 295 с.

ными словами, а количество общерусских лексических элементов в силу преобладающе диалектного характера русского языка донационального периода было сравнительно невелико¹⁰¹.

Какое же место должны занимать сведения по географии слов в исторической лексикологии? Не покушается ли историческая лексикология на то, что принадлежит исторической диалектологии? Думается, что у этих дисциплин есть вопросы общей компетенции, например, выявление общерусских и отграничение местных элементов в области лексики. Это важная задача, решение которой позволяет воссоздать лингвистический ландшафт Русской земли в разные периоды ее истории, установить вклад отдельных наречий и говоров в общерусскую лексическую сокровищницу, исследовать пути и способы вхождения диалектных слов в общее употребление, в литературный язык, проследить за их семантическими и стилистическими превращениями. Изучение диалектных элементов в лексике связано и с проблемой «исконное – заимствованное», что предполагает фиксацию и описание межъязыковых контактов. Многие слова до вхождения в общерусский фонд длительное время употреблялись лишь на ограниченной территории, не были общерусскими.

Данные письменных памятников, особенно поздних периодов, начиная с XVI в., позволяют весьма достоверно устанавливать территорию употребления слова. Диалектная лексикография, основанная на материалах XIX–XX вв., может играть в таких исследованиях лишь вспомогательную роль. Между тем ссылки на Даля стали общим местом, хотя то, что было в лексике двести–триста лет назад, может не соответствовать состоянию диалекта в XIX–XX веках.

Использование данных лексики для решения проблемы диалектного членения русского языка донационального периода имеет известную традицию. Особенно значительны успехи отечественных исследователей в описании лексического состава старорусских памятников, связанных с отдельными территориями или культурно-письменными центрами, например, с бассейном Северной Двины (Н.С. Бондарчук, А.В. Волынская, В.Я. Дерягин, Б.А. Ларин), с Великим Новгородом и Псковом (В.Л. Васильев, А.А. Зализняк, Л.Я. Костючук, В.И. Максимов, О.С. Мжельская, В.П. Строгова), с Белозерьем (Е.П. Андреева, Ю.И. Чайкина), с Москвой и Подмосковьем (Е.И. Зиновьева, О.В. Никитин, В.Н. Прохорова, Г.А. Якубайлик), с югом России (С.И. Котков, Н.К. Соколова, В.И. Хитрова), с Рязанью и Смоленском (Е.Н. Борисова), с Зауральем и Сибирью (М.С. Выхрыстюк, Л.А. Глинкина, Л.М. Городилова, Ю.Г. Захарова, Л.А. Инютина, А.П. Майоров, И.А. Малышева, Л. Г. Панин, В. В. Палагина, О.Г. Порохова, Е.Н. Полякова, О.В. Трофимова, Г.А. Христосенко, Л.И. Шелепова, О.Г. Щитова, Н.А. Цомакион).

Однако практически не было попыток воссоздать полностью диалектное состояние русского языка XVI–XVII вв., хотя, по мнению В.Г. Орловой, начальный этап национального периода (XVI–XVIII вв.) был «особенно важным для оформления диалектного членения русского языка в его современном виде»¹⁰². Диалектное членение средневековой Руси реконструируется для периода не позднее XIV–XV вв., т. е. эпохи

¹⁰¹ См. обобщенные сведения: *Судаков Г.В.* География старорусского слова. Вологда, 1988. 84 с.; *он же.* История русского слова. Вологда: ВоГУ, 2015. Изд. 2, доп. 360 с.

¹⁰² Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М.: Наука, 1970. С. 223.

формирования языка великорусской народности, причем главным образом на основе фонетико-морфологических данных современных говоров¹⁰³. Вместе с тем существует определенное мнение, что «создание русской диалектографии, основанной на показаниях памятников, – задача вполне реальная»¹⁰⁴. В.В. Колесов справедливо считал, что «доверие к диалектным материалам преувеличено настолько же, насколько преувеличено недоверие к материалам, извлеченным из письменных источников»¹⁰⁵. Богатые архивные собрания памятников письменности XVI–XVII вв. и уже выполненные лексикологические описания части из них позволяют приступить к воссозданию лингвистического ландшафта прошлого. Если для языка XI–XV вв. говорят лишь о некоторых предполагаемых диалектизмах, то для периода XVI–XVII вв. в большинстве случаев можно выявить диалектизмы очевидные. Ср. другой случай, когда большой массив новгородских берестяных грамот позволяет делать выводы о лексических и иных особенностях древнего новгородского говора¹⁰⁶.

Выявление общерусского и отграничение местного – важнейшая задача исторической лексикологии русского языка XV–XVII вв., от решения которой зависит определение словарного вклада отдельных территорий в сокровищницу общерусского национального языка, воссоздание территориальной дифференциации лексики, изучение соотношения и взаимодействия словаря центра с лексикой областных культурных центров, поэтому «обследование и разъяснение лексики XVI–XVIII вв. дают историческое освещение основному составу словаря современного русского языка»¹⁰⁷.

Выводы о географии слов и связанных с ними предметов, сделанные на ограниченном материале, нередко бывают ошибочными. Б.А. Ларин относил к южнорусизмам слова *армяк*, *кафтан* и *однорядка*¹⁰⁸, которые в XVI–XVII вв. бесспорно имели общерусский характер, правда, *армяк* – лишь с конца XVII в. Е.Н. Полякова находит среди южнорусизмов название девичьего головного убора *перевязка*¹⁰⁹, хотя оно было представлено среди южнорусских говоров лишь в смоленском, имеющем переходный характер. В.В. Виноградов считал, что слово *опашень* было в XV–XVI вв. севернорусизмом¹¹⁰, хотя в действительности оно гораздо шире было распространено в среднерусской письменности. М.Г. Рабинович полагал, что о зипунах упоминается лишь

¹⁰³ Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. 160 с.; Хабургаев Г.А. Становление русского языка. М.: Высшая школа, 1980. 191 с.

¹⁰⁴ Котков С.И. Памятники русской письменности и историческая диалектография // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 14. См. также: Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1970. 317 с.

¹⁰⁵ Общие проблемы диалектологии и истории языка. Ответы на вопросник. М.: АН СССР, 1969. С. 58. Ср. также: «Именно в лексике историко-диалектологические исследования с широким использованием локализованных и датированных текстов представляются наиболее перспективными» (Дерягин В.Я., Комягина Л.П. Из истории диалектных границ в северной России // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 118). См.: Борисова Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск: СГПУ, 1974. 160 с.

¹⁰⁶ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2 изд. М., 2004. 872 с.

¹⁰⁷ Ларин Б.А. Проект древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники). С. 9–10.

¹⁰⁸ Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII в.). М.: Высшая школа, 1975. С. 234.

¹⁰⁹ Полякова Е.Н. Названия предметов одежды в пермских памятниках XVII – начала XVIII в. // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь: ПГПИ, 1977. С. 47.

¹¹⁰ Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 280.

однажды в воронежском акте последней четверти XVII в.¹¹¹, хотя это общерусское наименование, фиксируемое в источниках с 1577 г., а его деминутив *зипунишко* – с 1568 г., см., например: «продал кафтан зенденинной вишнева да зипунишко зенденинное да телогреенцо заечинное» (Кириллов, 1568 г., кн. пр. К.-Бел. м. № 1, л. 9 об.; КДРС); «зипун тафта жолта стеган... зипун тафта празелена» (Москва, 1577 г., платье царя Ив. Вас.; Заб. Дом. быт-2: 859, 870).

Для выяснения наиболее древней картины диалектов на определенной территории в первую очередь исследуют географическую терминологию, лексику земледелия и т. п. Учитывая неодинаковые темпы изменчивости разных групп лексики, при изучении лингвогеографической ситуации конкретного периода обращаются к анализу лексики из сфер «одежда», «утварь», «пища», «постройки», обладающей большой динамикой, чутко реагирующей на изменения «вещного» мира. Обозначая жизненно важные реалии, по-разному эволюционирующие на разных территориях, эти слова меняют свой семантический объем и парадигматические связи, что обуславливает их территориальную дифференциацию, особенно развитую в кругу конкретных названий. Здесь немало и чисто этнографической лексики, называющей реалии локального распространения. В донациональный период при существовавшем тогда уровне грамотности и образования бытовой словарь для большинства русских был основным элементом устного общения.

В период Московской Руси идет интенсивное междиалектное взаимодействие, постепенно складывается общерусская норма в письменной речи и общерусский фонд средств в сфере разговорно-обиходного общения, ускоряется языковая интеграция нации. В XVII в. общность русской народности приобретает сравнительную устойчивость, начинается переход ее в нацию.

Методы и источники исследования

Идея лингвистического картографирования диалектных данных русского языка была впервые высказана И.И. Срезневским¹¹², но историческая лингвогеография еще слабо разработана. Вопросы методики в этой области обсуждались мало. Ср. мысль А.С. Герда о том, что «относительно полная история диалекта может быть воссоздана в целом только как история регионального языка во всем многообразии речевых ситуаций и типов текста»¹¹³.

Все тексты должны иметь строго фиксированную территориальную приуроченность. Значительная часть памятников местной письменности связана не с малыми населенными пунктами (впрочем, понятие о больших и малых селениях в то время сильно отличалось от современного: только самые крупные города насчитывали более 500 дворов, а деревни в 5-10 дворов были обычным явлением), а с административно-территориальными центрами, т. е. уездными городами. Это обстоятельство определяет разреженную сетку пунктов и невозможность установить точные изоглоссы. Исследователи признают, что на нынешнем этапе исследования указание на незафиксиро-

¹¹¹ Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу. М.: Наука, 1986. С. 70.

¹¹² Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник Русского географического общества. 1851. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 5. С. 6.

¹¹³ Герд А.С. Роль речевых ситуаций в формировании регионального языка // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. М.: АН СССР. ИРЯ, 1982. С. 208.

рованность слова в том или ином пункте может обозначать не отсутствие слова, а отсутствие информационно насыщенного текста, отражающего говор данной территории. В диалектологии обычно исследуются противопоставленные факты. В исторической лингвогеографии, учитывая особенности изучаемой лексики, можно привлекать и непротивопоставленные явления, особенно те, которые позднее тоже становятся в оппозиционные ряды.

Важной, но трудоемкой задачей является фиксация типичных для данной территории слов – «метод ареальной реконструкции»¹¹⁴. Частота употребления лексемы является географически варьирующимся показателем, поэтому важно учитывать употребление слова в письменности данного пункта хотя бы до условного минимума (10 употреблений), но в текстах, написанных разными авторами (не менее чем в трех разных источниках). В случаях единичной фиксации слов выводы о географии слов формулируются достаточно осторожно.

Есть опыты оформления материала вначале в таблицы, играющие роль исходных карт, а затем в сводные таблицы или карты изоглосс¹¹⁵. Предлагаемые таблицы имеют два вида: полные, включающие все слова тематической микрогруппы, и дифференциальные, отражающие только региональную лексику. Обратим внимание на трудности разграничения междиалектного, не узколокального средства и общерусского разговорного, так как и в донациональный период в языке функционировали, кроме разговорных слов общерусского употребления, междиалектные лексические средства, употребляемые в нескольких или даже многих пунктах и связанные с несколькими диалектными континуумами.

Старорусскому локализму свойственны: ограниченный ареал употребления, уславливаемый по памятникам письменности, приуроченным к определенной территории; отсутствие данного слова в текстах общерусского распространения; противопоставленность его элементам общерусского употребления; возможное сохранение словом локального характера и в последующие периоды. Основным в ряду перечисленных признаков является первый. Ф.П. Филин считал особо значимым последний признак¹¹⁶, но это вряд ли справедливо.

Хронология источников далеко не одинакова, например, южновеликорусские тексты сохранились лишь с конца XVI в. На севернорусской и среднерусской территориях представлено несколько большее число культурно-письменных центров, чем на юге и в Сибири (ср.: север – 39, средняя Россия – 38, юг – 31, Сибирь – 18), что объясняется наличием здесь крупного количества монастырей, особенно в Вологодском и Белозерском уездах. В монастырях имелись большие библиотеки: Ферапонтов монастырь имел 352 книги (опись 1665 г.; ГАВО, ф. 883, д. 40, л. 35–53), Спасо-Прилуцкий – 407 (опись 1654 г.; там же, ф. 512, д. 44, л. 53–62 об.); Спас-Каменный – 411 (опись 1670 г.; там же, ф. 883, д. 44, л. 40–46]. До двух тысяч книг насчитывали биб-

¹¹⁴ Филин Ф. П. О лексике древнерусского языка // Вопросы языкознания. 1982. № 3. С. 12.

¹¹⁵ О типах лингвистических карт в исторической лексикологии см.: Сухачев Н.Л. Лингвистические атласы и карты // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1974. С. 33–43; Чайкина Ю.И. Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси // Ю.И. Чайкина. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005. С. 17–33.

¹¹⁶ Филин Ф.П. Некоторые проблемы реконструкции древнерусских диалектов // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 387–388.

лиотеки Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Троице-Сергиева монастырей, где и писались книги¹¹⁷.

Историческая лексикология пока не располагает выверенными данными о составе общерусского словарного фонда XVI–XVII вв., поэтому публикации подобных сведений даже по отдельным тематическим группам имеют самостоятельную ценность. Обобщая данные других исследователей и собственные наблюдения, приходим к выводу, что среди названий одежды к средствам общерусского распространения относились почти все родовые наименования: *одежа – одежда, одеяние, риза, платье, порты* ‘одежда’, *портище* ‘одежда’, *портное, убор, наряд* ‘комплекс одежды определенного назначения’, *багръ – багоръ, багряница, вретнице, рубище, власяница, яригъ, гуня; обувь, обувение, обутьель, обуца*. В общерусском употреблении находились названия рабочей одежды *сермяга и балахон* (последнее – с конца XVII в.), названия меховой и кожаной одежды *кожух, кожан, шуба, шубка, тулуп* (последнее – со второй половины XVII в.); названия общей верхней одежды *охабень, опашень, однорядка, фереизи, свита, куртка* (последнее – со второй половины XVII в.); названия мужской верхней одежды *кафтан, полукафтан, зипун, армяк* (последнее – к концу XVII в.), *чекмень, доломан, мятель, епанча, емурлук*; названия женской верхней одежды *сарфан, летник, телогрея*; названия нижней одежды *белье, рубашка, рубаха, сорочка, срачица, порты, портки, штаны*; названия нашейной одежды или деталей одежды *ожерелье* ‘воротник’, *ворот, воротник*; названия поясов *пояс, опояска, кушак; запон* ‘передник’; названия головных уборов и их деталей *покров, покрывало, плат, убрус, увясло, главотяг – главотяж, фата, перевязка, кокошник* (к концу XVII в.), *подзатыльник, сорока, чепец, тафья, шапка, треух, колпак, шляпа*; названия обуви *лапоть, сапог, башмак, сандалия, онуча, ногавицы, чулок*. На всей русской территории были известны следующие названия столовой посуды и столовых приборов: *судно* (мн. *суды*), *сосуд, посуда, судки, блюдо, блюдце, тарель, ставец, солонка, солоница, лжица, ложка*; названия посуды для напитков *чаша, чашка, чара, чарка, кубок, кубец, скляница, ковш, корец, братина, кувшин, кунган, корчага, чван, оловяник, ендова, кубышка*; названия кухонной посуды *горшок, котел, сковорода, сковородка, квасник, куб, решето, уполовник* (со второй половины XVII в.); названия погребной бондарной посуды *бочка, бочонок* (с 70-х гг. XVII в.) *кадь, кадка, бадья, чан* (к концу XVII в.), *делва, галенок, ведро, водонос, шайка* (с середины XVII в.), *корыто, ночвы*; названия плетеных вместилищ *короб, коробья, коробка, кошница, лукошко, кузов, пошев*; названия вместилищ из кожи и ткани *мех, мешок, куль и кулек* (оба – со второй половины XVII в.), *сума*; названия кошельков и карманов *мошна, через, зель*; названия деревянных и металлических вместилищ для домашних вещей *ящик, сундук, подголовок* (с последней четверти XVII в.), *ларец*; слово *влагалище* в родовом значении ‘футляр’; названия мерных сосудов *мера, четвертина, четверть, осьмина, десятня*; названия гигиенической утвари *рукомойник, лохань, белильница*; названия вместилищ для посуды *постав и погребец*.

¹¹⁷ Розов Н.Н. Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л.: Книга, 1971. 123 с.; Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки русского Севера (Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв.) М.; Л.: Наука, 1977. 223 с.

В большинстве случаев эти слова употребляются в деловой письменности и частной переписке, что свидетельствует об их преимущественно разговорном характере. Закрепление ряда из них в литературном языке только еще начиналось.

Какие диалектные объединения выделены в языке Московской Руси XVI–XVII вв.?

Отчетливо проступают очертания нескольких, хорошо противопоставленных по лексическим данным диалектных зон, границы которых по ряду причин восстановлены с известной долей условности¹¹⁸. Во-первых, следует учесть, что «каких-либо общих границ диалекта (наподобие границ между княжествами, губерниями, областями и т. п.) не существует. Реальны лишь изоглоссы отдельных явлений и выделяемые на основе их пучков диалектные зоны. Границы между зонами колеблются, являются расплывчатыми»¹¹⁹. Во-вторых, примем во внимание неравномерное распределение сохранившихся и исследованных источников по территории России. В-третьих, сравнительно редкая сетка обследованных пунктов не позволяет намечать границы зон с абсолютной уверенностью, ср.: «диахронические лингвистические карты демонстрируют лишь тенденции в развитии определенных элементов, а не их абсолютные хронологические и территориальные параметры»¹²⁰. Уточнение этих границ является перспективной задачей, для ее решения требуется систематическое описание одного старорусского говора за другим на основе массового привлечения локализованных письменных источников. На наш взгляд, полное отождествление границ современных диалектных ареалов с их границами в XV–XVI вв. и даже более ранними¹²¹ и убежденность в длительной неизменности диалектных границ противоречат фактам истории языка. Кроме того, даже при тождестве ареалов взаимоотношения соседних говоров могли быть совершенно иными, нежели сейчас.

В старорусском языке XVI–XVII вв. противопоставляются по отношению друг к другу пять диалектных массивов. Север противостоит югу, они разграничены широкой и неровной полосой среднерусских говоров, внутри которой находятся такие пункты, как Торжок – Тверь – Москва – Владимир – Нижний Новгород. Внутри северной и южной территории в свою очередь противопоставлены запад и восток, но с меньшей степенью отчетливости, особенно в центральной и южной части России. Мысль о подобной схеме диалектного членения старорусского языка высказывалась и ранее, ср.: «более исконное противопоставление говоров русского языка в направлении с запада на восток постепенно перекрывалось вновь намечавшимся выделением говоров северного и южного территориальных подразделений»¹²². Граница между западной и восточной зонами проходит восточнее линии Холмогоры – Каргополь – Белозерск – Бежецк. При этом отметим, что нижнее течение Северной Двины (Архангельск, Холмогоры, Сия) является той переходной территорией, где изоглоссы северо-западной и

¹¹⁸ См. схему «Диалектное членение русского языка XVI–XVII вв. по лексическим данным» и комментарий в нашей статье: *Судаков Г.В.* Лексические диалектизмы и диалектные объединения языка Московской Руси // Вопросы языкознания. 1985. № 5. С. 83–93.

¹¹⁹ *Филин Ф.П.* Некоторые проблемы реконструкции древнерусских диалектов. С. 383.

¹²⁰ *Нимчук В.В.* К вопросу об украинской диахронической лингвогеографии // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. М.: ИРЯ АН СССР, 1984. С. 84.

¹²¹ *Хабургаев Г.А.* Становление русского языка. Гл. 5.

¹²² Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. С. 230.

северо-восточной зон набегают друг на друга. Говоры Пскова и Великого Новгорода по лексическим показателям местной деловой письменности решительно тяготеют к севернорусскому наречию, ср. характеристику современных псковских говоров: «перед нами в лексическом отношении говоры исторически северные в своей основе, сохранившие и сегодня немало севернорусского, но подвергшиеся позднее сильным влияниям извне»¹²³.

В южнорусской области малоотчетливая граница между западной и восточной зонами идет по линии Тула – Елец – Старый Оскол. Напомним, что юго-восточную зону южнорусской территории в свое время С.И. Котков ограничил пунктами Вольный – Белгород – Новый Оскол – Острогожск – Воронеж – Усмань, а также включил в нее юго-западную часть Рязанского края¹²⁴. В общем виде указанные зоны близки к диалектным объединениям древнерусского языка XI–XIV вв., намеченным Ф.П. Филиным на основании лексических данных летописей: 1) севернорусская: а) северо-западная, в том числе, новгородская, псковская и др., б) северо-восточная; 2) южнорусская; 3) восточнорусская; 4) западнорусская¹²⁵.

Постоянно уточняется список локализмов, послуживших основой для выделения указанных диалектных массивов. В их число вошли слова, устойчиво и широко употреблявшиеся на соответствующих территориях. Лексемы единичного употребления и слова с недостаточно определенной географией распространения сюда не включаются¹²⁶.

Выявленные различия между северо-западной и северо-восточной зонами подтверждают вывод, сделанный Ю.И. Чайкиной на основе анализа других лексических групп, о том, что «существовавшая на более раннем этапе развития русского языка тенденция к обособлению словарного состава западной и восточной зон в их северной части в среднерусский период получает дальнейшее развитие»¹²⁷.

Остановимся на характеристике северодвинского говора. Его включение в состав северо-западного диалектного объединения имеет известную традицию, ср., например: «Холмогорский говор сложился на основе древнего новгородского наречия под некоторым воздействием туземных языков (белозерской чуди, саамов, ненцев). С XVI в. подвергся скрещению с устюжско-вологодским, верхневолжским и московским диалектами»¹²⁸. Вместе с тем диалекты нижнего течения Северной Двины тяготеют и к северо-восточной зоне, что подкрепляется этнографическими и антропологическими связями этих мест¹²⁹. Полагаем, что говоры нижнего течения Северной Двины могут быть отнесены к промежуточным, здесь происходило взаимодействие

¹²³ Герд А.С. О севернорусской лексике в псковских говорах // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда: ВГПИ, 1984. С. 8.

¹²⁴ Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). М.: Наука, 1963. С. 15–16.

¹²⁵ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). С. 277.

¹²⁶ См. данные в книге: Судаков Г.В. История русского слова. Вологда, 2015. С. 247–263.

¹²⁷ Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья. С. 155.

¹²⁸ Ларин Б.А. Русско-английский словарь – дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: ЛГУ, 1959. С. 310.

¹²⁹ Витов М.В. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XI–XVII вв.). М., 1964. 11 с.

северо-западных и северо-восточных говоров, особенно активное в старорусский период. В.Я. Дерягин и Л.П. Комягина на основе анализа старорусских названий построек, географической терминологии и современного диалектного материала намечают границу между северо-западом и северо-востоком по водоразделу Онеги и Двины с Вагой¹³⁰. По нашим данным, эту границу нужно вести от Холмогор к Каргополю. Формирование северодвинских говоров (новгородских в своей основе) завершается лишь в XVII в. под влиянием верхнедвинских (великоустюжских) и сухонских (вологодских) говоров. Попутно заметим, что именование старорусских говоров по названиям рек было бы более правильно, поскольку население в те времена размещалось по водным путям. На XVI–XVII вв., как на завершающий период формирования некоторых говоров, указывала и К.В. Горшкова: «Распространившись на огромной территории, отдельные части которой имели своеобразную судьбу, новгородский диалект в разных местах развивался неодинаково. История формирования этих групп и диалектных различий между ними относится к эпохе после XV в., т. е. главным образом к XVI–XVIII вв.»¹³¹.

Большое число локализмов имеет старомосковский говор. Словарь московской письменности вообще поражает своим объемом. В деловой и художественной речи Москвы происходил иногда осознанный, но чаще стихийный отбор лексических средств из огромного числа общерусских лексем или элементов других диалектов, разными путями попадающих в говор Москвы, который объединял русские языковые силы. Наличие в языке Москвы большого числа подобных фактов ставит под сомнение объективность предложенной Н.С. Бондарчук методики определения старорусских диалектизмов путем сопоставления местных явлений с данными московских письменных источников¹³² и подтверждает необходимость привлечения для лингвогеографических исследований письменных источников разной территориальной приуроченности.

Интенсивным было воздействие ростово-суздальской колонизации на состав и культуру населения, сидевшего по р. Мологе, Шексне, вокруг озер Белого, Кубенского, Воже и Лаче¹³³. Здесь находят отражение древние связи Московского и Ростово-Суздальского княжеств с Белозерьем и Вологодчиной, московская и ростово-суздальская колонизация Севера, проходившая в XIII–XV вв., а также волна обратной миграции в XVI–XVII вв. Немалую роль играет и «первоначальный севернорусский характер ростово-суздальского диалекта»¹³⁴.

¹³⁰ Дерягин В.Я. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ АН СССР, 1966. 18 с.; *он же*. Из истории лингвистических изоглосс в говорах Архангельской области // *Этимология*. 1966. М., 1968. С. 167–188; Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области // *Русская речь*. 1971. № 3. С. 86–95; *она же*. Соотношение лингвистических и этнографических ареалов на территории Архангельской области // *Эволюция лексической системы севернорусских говоров*. Вологда: ВГПИ, 1984. С. 8–19.

¹³¹ Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. С. 144.

¹³² Бондарчук Н.С. К вопросу лингвогеографической интерпретации семантических структур // *Советское лингвистическое лингвистическое атласу*. Воронеж: ВГУ, 1974. С. 178.

¹³³ См. лексические показания: Судаков Г.В. Лексические диалектизмы и диалектные объединения языка Московской Руси. С. 83–93.

¹³⁴ Аванесов Р.И. К вопросам образования русского национального языка // *Вопросы языкознания*. 1953. № 2. С. 68.

Значительным единством отличались говоры, расположенные в западной части русской территории (от Тихвина до Смоленска), по этой причине смоленские говоры иногда не включают в южнорусское наречие. Но все же если Вязьма и Дорогобуж по лексическим данным местной письменности ближе к северо-западу, то Смоленск – к юго-западу; ср. мнение о том, что смоленский говор XVI–XVII вв. не входил в южнорусскую диалектную зону¹³⁵.

Как показывает анализ, лексические связи говоров северной территории и среднерусских диалектов в XVI–XVII вв. были значительнее, чем аналогичные коммуникации средней России и юга. Можно заметить, что диалектизмы севера устойчивее, значительно и их число; данное обстоятельство в некоторой степени объясняется наличием богатой деловой письменности, хорошо отражающей местные явления. Можно предполагать более существенный вклад севернорусского наречия по сравнению с южнорусским в общенародную лексическую сокровищницу: многие слова, впервые отмеченные в письменных источниках Русского Севера, позднее закрепляются в общерусском употреблении.

Наблюдения за временем появления того или иного слова на разных территориях позволяют судить о центре инновации, что важно как для выяснения вклада отдельных говоров в общерусский лексический фонд, так и – в случаях с заимствованными словами – для определения источника заимствований. Например, слова *курта*, *куртка* были первоначально западнорусскими, а со второй половины XVII в. приобрели общерусский характер. Слова *кузов* и *бумажник* распространяются по русской территории с севера, *корзина* и *сундук* – с северо-запада, *туес* и *подголовок* – с северо-востока. *Чемодан* вначале было известно в Москве и на севере России, а с середины XVII в. становится общерусским. *Шкатулка* в изучаемый период было распространено в центре и в бассейне Северной Двины, южнее Рязани это слово не отмечалось.

В отношении южнорусских лексем (имеются в виду лишь тематические группы «одежда» и «утварь») подобные случаи неизвестны. В лексике юга преобладало общерусское, местных черт здесь вообще в количественном отношении меньше. Отчасти это объясняется меньшим числом и более поздним характером сохранившихся письменных источников. Определенную роль сыграли и историко-социальные причины, определившие менее существенную роль юга России в хозяйстве страны. Южнорусские города населялись главным образом служилыми людьми и земледельцами, здесь имелся лишь один крупный город – Калуга¹³⁶. В отношении юга нужно учесть и такой фактор: наиболее интенсивно юг заселялся в XVI–XVII вв., причем заселение шло с севера на юг, в частности, из Тульского, Московского, Костромского, Владимирского, Суздальского и других среднерусских уездов¹³⁷, поэтому среднерусское и общерусское влияние на южнорусскую речь (а не наоборот) в ту пору было особенно значительным. Со второй половины XVII в., особенно в связи с таким событием, как воссоединение Украины с Россией, возрастает украинское влияние на юге, начиная с кур-

¹³⁵ Борисова Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. С. 112; Котков С.И. Южнорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). С. 16.

¹³⁶ Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V–XVII вв.). М.: Высшая школа, 1973. С. 138–139.

¹³⁷ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. М., 1937. 595 с.

ско-белгородских мест¹³⁸. Одновременно в связи со стабилизацией населения крепнут южнорусские диалектные черты. Возможно, некоторые южнорусские особенности развились, окрепли и распространились на более широкую территорию, например, в верхнеднепровские говоры (Дорогобуж, Вязьма), лишь в национальный период. На интенсивность изменений южновеликорусских говоров за последние три-четыре столетия указывал и С.И. Котков¹³⁹.

Что касается проблемы так называемой «диалектной основы национального языка», то можно сказать, что единственной диалектной основы не было и быть не могло. Фонд общерусских лексических средств, переходящих от одного языкового состояния к другому, постоянно возрастал, именно он и был ядром, основой, базой для словаря национального языка. В этом ядре родовые названия, появившиеся в древнерусский период и ранее, были первоначально чаще южнорусскими, а значительное число видовых обозначений зафиксировано лишь в XV–XVII вв. и первоначально в севернорусских источниках. Ведущая роль среднерусских говоров и особенно говора и письменности Москвы состояла в том, что благодаря историческим условиям формирования нации именно здесь происходил процесс отбора, закрепления и распространения (с помощью письменности и другими способами) общерусских лексических средств. Общерусское значение московского говора на основе данных фонетики и морфологии обосновал еще А.А. Шахматов¹⁴⁰. Историко-лексикологические наблюдения не подтверждают выдвинутой в начале 50-х годов XX в. идеи об определяющей роли южновеликорусских говоров в формировании национального языка¹⁴¹. Как заметил В.В. Виноградов, «к исходу XVI – середине XVII в. общенародный разговорный и письменно-деловой язык, оформившийся на базе средневеликорусских говоров с руководящей ролью говора Москвы, приобретает качества общерусской языковой нормы»¹⁴². В свою очередь, характер московского говора «определяла не местная диалектная база, а та диалектная доминанта, которая сложилась в процессе взаимодействия более широких диалектных образований русского юга и севера»¹⁴³. Вместе с тем лексические данные подтверждают предположение С.П. Обнорского о том, что «в XVII в. на самой московской территории севернорусских черт было более, чем сколько мы наблюдаем в московском говоре в настоящее время»¹⁴⁴, часть этих черт (*лагун, кузов, корзина, бу-мажник* и др.) позднее приобрела общерусский характер. Старорусские факты из области лексики не дают оснований для утверждения о том, что «главенствующим нача-

¹³⁸ Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. С. 200–201.

¹³⁹ Котков С.И. Памятники русской письменности и историческая диалектография // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 13.

¹⁴⁰ Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий // Русский филологический вестник. Варшава, 1894. № 3. С. 3–65; *он же*. Введение в курс русского языка. Ч. 1. Пг., 1916. 25 с.

¹⁴¹ См. её обоснование в работе: Аванесов Р.И. К вопросам образования русского национального языка // Вопросы языкознания. 1953. № 2. С. 47–70. Критический разбор был выполнен в статье: Черных П.Я. О начале и характере формирования русского национального языка // Филологические науки. 1958. № 3. С. 130–142.

¹⁴² Виноградов В.В. Основные вопросы и задачи изучения русского языка до XVIII в. С. 34.

¹⁴³ Котков С.И. Об образовании восточнославянских национальных литературных языков // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 61.

¹⁴⁴ Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. М.: Просвещение, 1960. С. 159.

лом формирования московского койне были не северновеликорусские, а южновеликорусские говоры», как считал Ф.П. Филин¹⁴⁵.

Что касается русского языка в Сибири, то он зависел от своей северновеликорусской основы и был особенно близок к говорам северо-восточной зоны, что подтверждается большим числом общих лексем: *лопоть, шушун, свитка, шабур, верхница, полукушачье, обуя, пимы, уледи; поварница, приголовок, рогоза, утка 'солонка', меденик, зобня 'корзина', косяк 'род сосуда'*. В свое время А.М. Селищев высказал мысль о том, что «в основу сибирских говоров легли говоры северной полосы Европейской России – говоры Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерний»¹⁴⁶. Уже в XVII в., когда некоторые районы Сибири были достаточно освоены русскими, а местное население ассимилировано, здесь создаются условия для формирования в ряде говоров, например, в томском, средневеликорусских черт¹⁴⁷.

В период Московской Руси, хотя основные русские говоры уже вполне сформировались, шло дальнейшее развитие диалектов, уточнение их границ, нарастание местных особенностей как на территории метрополии, так – и особенно – в пограничных районах, т. е. западной и южной зоне, Сибири. Представляется преждевременным и неточным вывод о том, что «наблюдается полное соответствие ареалов XVII в. современному диалектному членению русского языка»¹⁴⁸. В XVI–XVII вв. продолжается и процесс развития диалектных явлений в лексике, поэтому лексические факты в сочетании с фонетическими и грамматическими должны быть включены в совокупность признаков, различающих те или иные старорусские диалекты.

Коснемся некоторых частных моментов территориального функционирования старорусской лексики. Особый интерес и вместе с тем определенную трудность для выявления представляют междиалектные лексемы широкого, но не общерусского употребления, например, *ушат* – севернорус., среднерус., юго-вост.; *берестень* и *насадка* – севернорус., среднерус., юго-запад. Четкого попарного или погруппового территориального распределения лексем фактически не наблюдается, т. к. лексико-семантические процессы в говорах отличались динамичностью, соседствующие говоры активно обменивались лексикой, а также и потому, что «самый характер лексико-семантических противопоставлений отличается неравномерностью и несимметричностью»¹⁴⁹, что особенно характерно для предметно-бытовой лексики. Примеры лексических соответствий обнаруживаются лишь внутри лексических микрогрупп. Например, если в севернорусских источниках диалектными являются названия рубах и сарафанов, то в южнорусских источниках им противостоят наименования разновидностей понев, но географического противопоставления слов *сарафан* и *понева* не было, поскольку *сарафан* было общерусским словом.

¹⁴⁵ Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 101.

¹⁴⁶ Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири // А.М. Селищев. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 226.

¹⁴⁷ Палагина В.В. Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора). Новосибирск: НГУ, 1973. С. 22.

¹⁴⁸ Хабургаев Г.А. Становление русского языка. С. 81.

¹⁴⁹ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). С. 126.

Отметим далее, что диалектное разнообразие в сфере названий женской одежды – результат большего разнообразия и большей изменчивости самой женской одежды. Комплекс мужской одежды носил общерусский характер, поэтому большинство соответствующих слов представлено на всей русской территории. Указанные особенности подтверждаются и на более широком славянском материале, так, в староукраинском и старобелорусском языках по сравнению с русским языком XV–XVII вв. также наблюдается значительное сходство словаря мужской одежды и значительные расхождения в номенклатуре женской одежды. Сопоставление анализируемой номенклатуры в восточнославянских языках данного периода обнаруживает количественно неодинаковый состав групп, разную частотность общих лексем, ср. широкую употребительность в русском языке слов *рубаха*, *рубашка*, *портки*, *порты* в соответствии со столь же распространенными в украинском и белорусском *сорочка* и *шаровары*.

На степень развитости локализмов в той или иной тематической группе иногда влиял сословный характер реалий. Среди названий крестьянской рабочей одежды или обозначений простонародной грубой и поношенной одежды особенно много локальных фактов. Функционально одинаковые сосуды для винокурения получили повсеместно название *квасник*, но имелись и местные наименования: *заторник* – севернорус., московск., *спускник* – псковск., вологодск., костромск., *цепник* – белозерск., тверск., вологодск., костромск., *чоп* – южнорусское. Одинаковые сосуды для приготовления теста на значительной территории от Поморья до Рязани получили название *квашня*, лишь в воронежских актах обнаружено наименование *дежа*. Во всех этих случаях диалектные различия основаны на неодинаковом членении одного и того же семантического поля носителями разных диалектов, что выражается различием мотивирующих признаков, аффиксов. Между одними и теми же лексемами на разных территориях возникали неодинаковые семантические отношения.

Диалектный характер часто приобретали и названия, заимствованные из других языков. Центрами таких инноваций были приграничные районы, на территории которых торговые и бытовые контакты с иностранцами были наиболее интенсивными (см., например о смоленском диалекте XVI–XVII вв. как посреднике в усвоении западноевропейских заимствований в книге Е.Н. Борисовой¹⁵⁰).

В истории лексики есть не только случаи расширения ареалов слов, но и факты ограничения территории бытования лексемы, как было со словом *ночвы*, превратившимся из общерусского в локальное явление.

В XVI–XVII вв. речь горожан не была отделена от диалектной речи сельского населения, средством повседневного общения русских был русский разговорно-бытовой язык диалектного характера, в котором имелось значительное число общерусских элементов. Просторечия, понимаемого сейчас как «эмоционально-сниженный пласт литературного языка и наддиалектные, не имеющие изоглоссы явления, стоящие, вне литературного языка», в XVI–XVII вв. не было. Мнение об относительном единстве в XVII в. общерусского городского просторечия¹⁵¹ не может быть принято за его недоказанностью. Ф.П. Филин не без оснований предполагал, что «выделение просторечия

¹⁵⁰ Борисова Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности.

¹⁵¹ Хабургаев Г.А. Становление русского языка. С. 81.

началось во второй половине XVIII в.»¹⁵². В языке XVI–XVII вв. было представлено следующее противопоставление: народно-разговорное // книжное, при этом в понятие «народно-разговорное» мы включаем диалектные средства и наддиалектные элементы общерусского употребления из устной бытовой речи городского и сельского населения, которые находят отражение в деловой письменности и частной переписке, в разговорниках и азбуковниках.

Единого и общенародного разговорного языка Московской Руси не было. Вся территория России была в равной мере диалектной, в меньшей степени это относилось к Москве и нескольким крупным торгово-ремесленным центрам, как Великий Новгород, Псков, Вологда, Астрахань, в койне которых заметнее проступали общерусские черты, не подавляя, впрочем, местного начала. К сожалению, койне русских средневековых городов на фоне крестьянской речи окружающего региона пока еще не изучены.

По мнению Б.А. Ларина и других исследователей, в XVI–XVII вв. крепнут объединительные тенденции во всех сферах духовной жизни народа, закладываются основы национального бытового словаря, происходит отбор в общерусскую лексическую сокровищницу семантически емких и стилистически выразительных слов из огромного числа книжных, разговорных и общеупотребительных или локальных элементов. Увеличивается число нейтральных общеупотребительных лексем, наблюдается широкое «олитературивание» слов бытовой сферы, ранее функционировавших лишь в отдельных говорах. Решающую роль в этом процессе играют говор и письменность Москвы. В старорусском лексиконе преобладают названия исконного происхождения, они составляют основу формирующегося национального бытового словаря, церковнославянизмы и иноязычные заимствования в нем составляют лишь незначительную часть. Усиливается нормализующее воздействие языка литературно-художественных и описательных сочинений религиозного и светского содержания, они выступают в качестве лаборатории семантико-стилистических проб и экспериментов, но в основном для родовых названий. Отбор лексем из разговорного фонда конкретных названий, из новообразований и заимствований происходил в деловой речи. Деловой речи принадлежит главная роль в формировании русского бытового словаря, в складывании общерусских лексических средств.

ИСТОЧНИКИ

- А. Можайск. – Можайские акты, 1506–1775 гг. СПб., 1892. 525 с.
 АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. I–III. СПб., 1890, 1894, 1908.
 Вел. Зерцало – *Державина О.А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. 437 с.
 ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей.
 Вр. Тимофеева – Временник Ивана Тимофеева. – М.; Л. - 1951. 526 с.
 ГАВО – Государственный архив Вологодской области.
 ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археографической комиссией. Т. 1–12. СПб., 1846–1875.
 Дворц. разряды – Дворцовые разряды. Т. 1–4. СПб., 1850–1855.
 Дом. Свад. – Чины на свадьбе. Домострой по Коншинскому списку ОИДР // ЧОИДР. 1881. Кн. 2. С. 166–202.

¹⁵² История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX в. С. 7.

- Документ. сказание – *Гухман С.Н.* «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 255–270.
- ДТП – Дела Тайного приказа. СПб., 1907. Л., 1926. Кн. I–IV (РИБ. Т. 21–23, 38).
- Заб. Дом. быт – *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1–2. М., 1895–1915.
- КДРС – Картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН).
- Космография – Книга глаголемая Козмография сиречь описание сего света земель. СПб., 1878–1881.
- Лет. рус. лит.-ры – Летописи русской литературы и древности. Т. 3. М., 1861. 363 с.
- Назиратель – Назиратель. М., 1973. 752 с.
- Номенклятор немецк. – Номенклятор (лексикон на латинском, русском и немецком языках). Амстердам, 1700. 127 с.
- Олонецк. сб. – Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1895. 567 с.
- Опис. аптек. – Опись аптекарскому и иным дворам и Московского и иных городов уездов волостям и селам и заводам, которые ведомы были приказу тайных дел в 1677 г. // Зап. отд. русской и слав. археологии имп. Русского археологического об-ва. 1861. Т. 2. С. 44–125.
- Перс. д. – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1–3. СПб., 1890–1898.
- Пов. XVII в.; Рус. пов. – Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954. 480 с.
- Пов. о Морозовой – Повесть о боярыне Морозовой. Л., 1977. 160 с.
- Пов. об Улиянии – *Скрипиль М.О.* Повесть об Улиянии Осорьиной (комментарий и тексты) // ТОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948. С. 256–323.
- Пр.-расх. кн. Синбирск. приказной избы – *Зерцалов А.Н.* Материалы для истории Синбирска и его уезда. Симбирск, 1896. 280 с.
- Пролог – Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978. 288 с.
- РИБ – Русская историческая библиотека.
- Рус.-кавк. – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1 (1578–1613). 715 с.
- Сагира 17 в. – Русская демократическая сагира XVII в. М., 1977. 257 с.
- Семевский – *Семевский М.И.* Историко-юридические акты XVI–XVII вв. СПб., 1892. 73 с.
- Срезн. Опис. рук. – *Срезневский В.И.* Описание рукописей и книг, собр. для имп. АН в Олонецком крае. СПб., 1913. 688 с.
- ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- Шумаков – *Шумаков С.* Сотницы (1537–1597 гг.), грамоты и записи (1561–1696 гг.) // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1902. Кн. 2. 281 с.

СЛОВАРИ

- САР – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822. Ч. 1–6. 4046 с.
- Сл. XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–XI. М.: Русский язык; Азбуковник, 1988–2016–.
- Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем. Указатель источников. Л.: Наука, 1984. 144 с.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука; Азбуковник, 1975–2015–.
- СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–7. СПб.: Наука, 2004–2016–.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1974–2016–. Вып. 1–40–.

Приложение

ПЕРЕВОДЫ

И. ВАЛЕНТОВА
Братислава, Словакия

Лексикографическая обработка лексического состава словацкого языка долитературной поры

Словацкий язык от распада Великоморавской державы вплоть до первой кодификации словацкого литературного языка, предпринятой Антоном Бернолаком в 1787 г., не имел единого и обязательного вида. У словаков в отличие, например, от чехов, не было своего культурного и политического центра, где могла бы развиваться языковая культура, хотя в устной речи словацких горожан, мелкопоместного дворянства и образованных людей существовала, кроме диалектов, и культивированная форма словацкого языка. Этот период характеризовался различными формами культивирования словацкого языка, возникновением всевозможных стилей, жанров, различных художественных и народных словесных образований, с чем тесно связано становление средств выражения на всех языковых уровнях с тенденцией распространения на более широкой территории. Словацкий язык отличался множеством форм, отражающих территориальную, стилистическую и жанровую дифференцированность, они выполняли общественную коммуникативную функцию и характеризовались наддиалектными элементами. На эти формы языка в значительной степени оказывали влияние конфессиональная ориентация носителей языка, экономические, административные и культурные контакты с иноязычной средой, с генетически и ареально близкими и удалёнными языками. Функцию языка общественной коммуникации часто замещали другие языки, как, например, латинский, немецкий, чешский и венгерский языки. Как выглядела письменная форма словацкого языка и в какой мере в письменности использовались языковые, прежде всего, лексические элементы этих и других генетически родственных и неродственных языков, зависело от их характера и от авторов текстов – их целей, происхождения и образования. К внеязыковым факторам, влияющим на словацкий язык и на проникновение чужих языковых элементов в словацкий язык долитературной поры, следует отнести также экономические, политические, торговые, культурные и личные контакты с представителями других этносов, а также проживание людей в моноэтнических или смешанных многонациональных областях¹.

Лексика долитературного этапа словацкого языка исследовалась посредством изучения и анализа исторических письменных источников. Исследователи большей частью ориентировались на тематический или жанровый анализ отдельных памятников или характеристику определённых фонетических, грамматических или лексико-семантических явлений. Их научные изыскания в форме монографий, этюдов и статей являются ценным вкладом в словацкое языкознание. К значительным монографическим работам принадлежит, например, книга В. Бланара «Из словацкой исторической лекси-

---

¹ Подробнее о характеристике отдельных этапов развития словацкого языка долитературной поры – см.: *Krajčovič R., Žigo P. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 2002. S. 11–129.*

кологии»², предлагающая словарный анализ счётных книг дворянского горного суда в Воци XVI века. Автор сосредоточился на лексикографических вопросах, методологических проблемах, на выяснении соотношения между тогдашней чешской литературной нормой и словацкой диалектной основой. Эта работа включила в научный оборот интересный материал из области горной терминологии. Монографию «Лексико-семантическая реконструкция»³ В. Бланар посвятил проблеме лексической семантики мельчайших и малых лексико-семантических систем. Эта работа является обобщением исследований в области лексической семантики в синхронном, диахроническом и сравнительном аспектах. В монографии Яна Дорули «Из истории словацкого лексического состава»⁴ проанализирована словацкая историческая лексика в широком контексте языковых и внеязыковых связей, что позволило ему постичь смысловое построение слов из различных слоёв словацкой лексики. В следующей книге «Словаки в истории языковых отношений»⁵ он сосредоточился на исторической словацкой лексике в контексте других языков и связанных с этим общественно-исторических отношений. Работа вызвала отклик не только в языковедческой, но и в исторической литературе и в славистике. В публикации «Три главы из истории слов»⁶ автор подробно остановился на ключевых словах, важных для понимания исторического развития словацкого языка и его литературных форм на территории Словакии. Он разбирает отношение словацких образованных людей к языку и указывает на различие в этих отношениях у словацких католиков и протестантов. Автор объяснил закономерность возникновения и развития многих типов словацких фамилий, а также происхождение женских и родовых имён.

Монография Рудольфа Кухара «Право и словацкий язык в истории»⁷ позволила взглянуть на многовековое формирование и образование юридической терминологии словацкого языка старшей поры и на её место в европейском контексте. Ею (в транслитерированной форме) был открыт доступ научной, специальной и широкой общественности к первому самому большому и связанному с современностью языковому памятнику, вышедшему из словацкой среды, – Жилинской правовой книге (XIV–XV вв.). Она выходила в двух изданиях: Жилинская правовая книга (магдебургское право)⁸, Жилинская правовая книга (запись юридических сделок жилинских горожан)⁹, Жилинская правовая книга. Перевод магдебургского права – Запись юридических сделок жилинских горожан¹⁰. Автор полагает, что обе части книги написаны на языке, представляющем собой устный культивированный язык словацких образованных людей, созданный на базе западнословацких диалектов с некоторыми среднесловацкими и многочисленными чешскими элементами.

² *Blanár V.* Zo slovenskej historickej lexikológie. Bratislava, 1961. 340 s.

³ *Blanár V.* Lexikálno-sémantická rekonštrukcia. Bratislava, 1984. 216 s.

⁴ *Doruľa J.* Z histórie slovenskej slovnej zásoby. Bratislava, 1972. 62 s.

⁵ *Doruľa J.* Slováci v dejinách jazykových vzťahov. Bratislava, 1977. 136 s.

⁶ *Doruľa J.* Tri kapitoly zo života slov. Bratislava, 1993. 151 s.

⁷ *Kuchar R.* Právo a slovenčina v dejinách. Budmerice, 1998. 176 s.

⁸ *Kuchar R.* Žilinská právna kniha (magdeburské právo). Bratislava, 1993. 133 s.

⁹ *Kuchar R.* Žilinská právna kniha (zápisy právnych úkonov žilinských mešťanov). Žilina, 2001. 100 s.

¹⁰ *Kuchar R.* Žilinská právna kniha. Preklad magdeburského práva – Zápisy právnych úkonov žilinských mešťanov. Bratislava, 2009. 208 s. + obrazová dokumentácia: prílohy k častiam A. (obr. 214–302) a B. (obr. 1–80).

Яна Складана в монографии «Фразеологический фонд словацкого языка долитературной поры»¹¹ показала богатство исторической фразеологии, проанализированной с точки зрения развития языка и сравнения с фразеологизмами в современном языке. В монографии дана классификация фразеологизмов исследуемого периода с ориентацией на фиксацию структурно-семантических моделей на основе избранного для исследования материала и их значения для исследования диахронной и синхронной фразеологии. Её книги «Слово из глубины давних веков»¹² и «Скрытое в словах»¹³ предназначены для широкой общественности. В них автор объясняет происхождение устойчивых сочетаний и фразеологизмов на базе истории, мифологии, Библии, преданий или других источников.

Словацкие языковеды публиковали результаты своих исследований лексического состава словацкого языка долитературной поры, например, в серии «Лингвистические исследования», главным образом, в номерах 6, 16, 17, 18, 29¹⁴, в сборниках конференций, в научных специальных и популярных журналах. Материалы конференций об исследованиях и описании словарного состава словацкого языка в Смоленицах были опубликованы в сборнике «Содержание и форма в лексике»¹⁵. По случаю юбилея Яна Дорули вышел сборник «К вопросу о развитии словацкого языка»¹⁶, в котором можно найти очерки из области словацкой лексики и ономастики старшей поры. Публикация «Из истории словацкой лексики старшей поры»¹⁷ содержит, по большей части, основанные на фактическом материале исследования коллектива авторов исторического словаря. Эти статьи свидетельствуют о том, что разыскания в области лексикологии с последующей разработкой в научных или специальных статьях и обработка лексической и смысловой стороны отдельных слов, словесных гнёзд или тематических групп в словарных статьях очень тесно связаны, необходимы и поддаются сопоставлению.

Упомянутые здесь научные труды вместе с другими монографиями, исследованиями и статьями в большой степени способствовали изучению исторической словацкой лексики и внесли значительное число ценных сведений также и из области исторической лексикографии, потому что авторы подготавливаемого исторического словаря помимо всего прочего совмещали в них результаты собственных исследований словарного состава словацкого языка дописьменной поры с лексикографической работой. Однако всё это не могло заменить комплексного научного описания лексики этого периода (исторический словарь), которое показало бы язык словацкого народа на протяжении его восьмисотлетнего развития на основе сохранившихся памятников и яви-

¹¹ *Skladaná J.* Frazeologický fond slovenčiny v predpisovnom období. Bratislava, 1993. 176 s.

¹² *Skladaná J.* Slová z hlbín dávnych vekov. Bratislava, 1999. 208 s.

¹³ *Skladaná J.* Ukryté v slovách. Bratislava, 2012. 238 s.

¹⁴ Jazykovedné štúdie č. 6. Štúdie a pramene k dejinám jazyka slovenskej národnosti / Red. E. Pauliny. Bratislava, 1961. 271 s.; Jazykovedné štúdie č. 16. Materiály z vedeckej konferencie o sémantike / Red. J. Ružička. Bratislava, 1981. 290 s.; Jazykovedné štúdie č. 17. Z dejín slovenskej lexiky / Red. J. Doruľa. Bratislava, 1982. 125 s.; Jazykovedné štúdie č. 18. Z dejín slovenského jazyka / Red. Š. Peciar. Bratislava, 1983. 113 s.; Jazykovedné štúdie č. 29. Život medzi apelatívami a propriami / Ed. I. Valentová. Bratislava, 2011. 259 s.

¹⁵ Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovenskej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983) / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. 399 s.

¹⁶ Z vývinu slovenskej lexiky / Zost. R. Kuchar. Bratislava, 1993. 221 s.

¹⁷ Z histórie lexiky staršej slovenčiny / Zost. M. Majtán, T. Laliková. Bratislava, 2008. 232 s.

лось бы базой для создания более глубокой синтезированной картины своей и заимствованной лексики.

Уже в 1951 г. в Институте языкознания Словацкой академии наук и искусства (с 1966 г. – Институт языкознания им. Людовита Штура Словацкой академии наук) в Братиславе под руководством Еугена Йоны было образовано Отделение истории словацкого языка (так называемое Историческое отделение, сегодня – Отделение истории словацкого языка, ономастики и этимологии). Главной целью этого научного подразделения было создание концепции справочного и толкового словаря словацкого языка дописьменной поры так, чтобы словарь стал не только хорошей и надёжной основой для правильного понимания и перевода словацких исторических текстов, но и послужил бы базой для дальнейшего исследования словацкой лексики, истории словацкого языка, словакистики и словацкого сравнительно-исторического языкознания. Предметом лексикографического описания явился словарный состав создающейся письменной формы «культурного» словацкого языка, представляющей собой долитературное, некодифицированное, но культивируемое языковое образование, вариативность которого ещё отражала территориальную дифференциацию языка и неравномерную степень использования заимствованных не словацких, прежде всего чешских элементов, проистекающих как из неодинаковой степени образованности автора текста, так и от его намерений и самого характера письменности.

Сотрудники Отделения сразу же после его возникновения сосредоточились на интенсивном изучении архива словацких письменных памятников старшей поры, хранящихся в Словакии и за границей, но систематическая работа над словарём началась только в 1961 г. На основе опыта составления других славянских словарей, особенно «Старочешского словаря»¹⁸, и с учётом своих специфических условий коллектив авторов в составе Яна Дорули, Владимира Грегора, Еугена Йоны, Елены Красновской, Рудольфа Кухара, Милана Майтана, Марии Майтановой и Яны Складаной под руководством Винцента Бланара и членов редакционной коллегии Катарины Габовштяковой и Изидора Котулича выработал концепцию словаря тезаурусного типа, которую опубликовал в 1973 г. в пробном выпуске под названием «Словацкий исторический словарь долитературной поры»¹⁹. Этот проект содержал теоретические принципы и лексикографические приёмы, которые соответствовали назначению словаря и материальным, персональным и техническим возможностям того времени.

Лексикологическая проблематика лексикографического описания словарного состава словацкого языка долитературной поры и сама лексикографическая проблематика исторического словаря в период подготовки и во время выхода из печати первых выпусков освещалась прежде всего в монографических трудах В. Бланара «Лексико-семантическая проблематика исторического словаря словацкого языка»²⁰, «Развитие словацкого лексического состава в долитературный период»²¹, «Лексикология лек-

¹⁸ Staročeský slovník. Úvodní stati, soupis pamenů a zkratk / Red. B. Havránek. Praha, 1968, zoš. 1–4 (-neošedlý).

¹⁹ *Blanár V., Habovštiaková K., Kotulič I. a kol.* Slovenský historický slovník z predpisovného obdobia. Ukážkový zošit. Bratislava, 1973. 356 s.

²⁰ *Blanár V.* Lexikálno-sémantická problematika historického slovníka slovenského jazyka // Jazykovedné štúdie č. 17. Z dejín slovenskej lexiky / Red. Š. Peciar. Bratislava, 1982. S. 25–38.

²¹ *Blanár V.* Vývin slovnej zásoby v predkodifikačnom období // Slovenská reč. Roč. 48. Č. 6. S. 321–330.

сикографии»²² и в его упомянутой выше монографии «Лексико-семантическая реконструкция».

Совместный доклад авторского коллектива под названием «Исторический словарь словацкого языка» об исследовании и описании словарного состава словацкого языка в Смоленицах в 1983 г., с которым выступил В. Бланар, содержал краткий обзор концепции и проблематики исторического словаря²³. В нём В. Бланар выделил основную задачу лексикографической обработки, заключающуюся в постижении сегментации и пояснении примерами системы значений лексической единицы: «Заголовочное слово в историческом словаре представляет собой собственно семантически неспецифицированную единицу, её семантика чётко разграничивается на основе специальной реконструкции, которая является результатом комплексного семантического анализа. Объективная трудность смысловой сегментации слова состоит в том, что выделение семантических признаков как конституитивных элементов семемы не может опираться только на формальные показатели. Именно в историческом словаре на первый план выступает противоречие между преемственным характером лексико-семантического развития и его лексикографической обработкой, где лексико-семантические элементы по существу подаются как дискретные»²⁴.

Некоторые авторы словаря выступили на этой конференции с содокладами. Ход работ по подготовке словаря обрисовал В. Бланар в лекции «Исторический словарь словацкого языка»²⁵ в рамках курса «Исследования Словацкой академии» в 1984 г. После выхода всех томов «Исторического словацкого словаря» развитие концепции и работ над словарём был описан также М. Майтаном в статьях «Как возник современный вид Исторического словаря словацкого языка», «Возникновение и становление исторического словаря словацкого языка с точки зрения его создателей»²⁶.

Хотя словацкие письменные источники XI–XIV вв. не сохранились до нашего времени, источником знания о лексике старшей поры стали словацкие слова и сочетания слов, прежде всего, названия собственно словацких реалий, зафиксированные в латинских текстах. Поэтому по периоду XI–XIV вв. из латинских документов были эксцерпированы названия географических объектов и лиц на словацкой языковой территории, являющиеся наглядными свидетельствами существования словацкого языка. Использованием словацких записей в этих документах углубляется фиксация многих слов в прошлом и позитивно доказывается преемственное развитие словацкого языка

²² *Blanár V.* Lexikologija lexikografii // *Meždunarodnyj simpozium po problemam etimologii, istoričeskoj lexikologii i lexikografii. Tezisy dokladov.* Moskva, 1984. S. 107–108.

²³ Доклад был опубликован в сборнике: *Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovenskej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983) / Red. J. Kačala.* Bratislava, 1984. S. 333–340.

²⁴ *Blanár V.* Historický slovník slovenského jazyka // *Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovenskej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983) / Red. J. Kačala.* Bratislava, 1984. S. 335–336.

²⁵ *Blanár V.* Historický slovník slovenského jazyka // *Studia Academica Slovaca.* 13. Prednášky XX. letného seminára slovenského jazyka a kultúry / Red. J. Mistrík. Bratislava 1984. S. 95–114.

²⁶ *Majtán M.* Ako vznikala súčasná podoba Historického slovníka slovenského jazyka // *Slovenská reč.* 2008. Roč. 73. Č. 4. S. 221–225, *id.* Genéza historického slovníka slovenského jazyka z pohľadu jeho tvorcov // *Jazykovedný časopis.* 2008. Roč. 59. Č. 1–2. S. 51–54.

уже с XI в.²⁷ В этот период в историческом словаре была обработана, прежде всего, лексика апеллятивного характера. За два десятилетия работы над словарём было собрано сравнительно большое количество до сих пор неопубликованных памятников письменности XVI–XVIII вв., составляющих прочную основу для всестороннего анализа долитературного периода словацкого языка. На основе опубликованных текстов памятников, старопечатных книг, монографий, отдельных исследований этого периода была создана материальная база исторического словаря и дан импульс к дальнейшему всестороннему лингвистическому анализу словацкого языка дописьменной поры.

Путём сплошного и выборочного списывания текстов была создана классическая бумажная картотека для словаря, которая после нескольких лет работы насчитывала около миллиона выписок, архив фотокопий и микрофильмов, архив транслитерированных текстов, а также Указатель использованных в качестве источников словацких памятников письменности, образующих источниковую базу словаря. Список использованных источников опубликован в 1-м и 7-м томах «Исторического словаря словацкого языка» (далее – ИССЯ).

К источникам ИССЯ относятся также и старые рукописные и печатные словари, предназначенные главным образом для изучения латыни, и поэтому их исходным языком была, по большей части, латынь. В многонациональной Венгрии латинский язык использовался в X–XIV вв. не только как сакральный язык римско-католической церкви, но прежде всего как язык королевской канцелярии, различных высших и низовых административно-правовых учреждений, учебных заведений, позже он стал языком средневековой науки и художественной литературы²⁸. Дипломатическим (официальным) языком латынь оставалась вплоть до XIX столетия. Некоторые учебники и словари были четырёхязычными, так как наряду с венгерским и немецким языком признавался третьим языком словацкий или чешский²⁹. Древние словари дают синхронные срезы словарного состава соответствующего периода, свидетельствующие о его системности. Часто они являются единственными письменными источниками, в которых определённое слово было зафиксировано. Примерами использования подобных словарей в источниковой базе «Исторического словаря словацкого языка» являются так называемый Камалдульский словарь³⁰, Латинско-словацкий словарь Павла Адамиша³¹ и многие другие³².

С самого начала подготовки словаря в авторском коллективе и в публикациях проходили долгие дискуссии о характере и проблематике словаря в целом, о генетической и функциональной оценке словацкой лексики старшей поры, особенно при трактовке

²⁷ Lexikografické alebo monografické spracovanie klasických lístkových kartoték historickej toponymie a antroponymie, ktoré boli vybudované pre historický slovník, patrí k ďalším úlohám slovenskej onomastiky.

²⁸ *Krajčovič R.* Pôvod a vývin slovenského jazyka. Bratislava, 1981. S. 25.

²⁹ *Jóna E.* Staršie slovníky ako pramene HSSJ // Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovenskej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983) / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. S. 387–338.

³⁰ (Kamaldulský slovník). Syllabus dictionariorum Latino-Slavonicus... cum brevi quoque methodo parvulorum, rite videlicet: scribendi, formandi et pronunciandi nonnullas voces in Orthographo Slavonico Idiomatico, quod exemplis deducitur. 1763. 948 s. Rkp. v UK v Budapešti, sign. H 64.

³¹ *Adamiš P.* (Slovník latinsko-slovenský.) 1740. 117 s. Rkp. v LAMS v Martine, sign. MJ 711.

³² Они приведены в первом и седьмом томах ИССЯ. Более подробно об истории древних словарей писала Матильда Габеева в книге «Dejiny slovenských slovníkov do roku 1945» (Bratislava, 1979. 254 s.).

не словацких по происхождению элементов и их адаптации в словацких памятниках письменности, являющихся источниками словаря. Вопрос о включении чужой лексики в «Исторический словарь словацкого языка» при формировании концепции словаря не был с самого начала однозначным. Спорным было включение в словарь отдельных лексических единиц только на основании их происхождения, и тогда ИССЯ стал бы словарём словакизмов, или приведение в словаре всех словацких слов и лексем несловацкого происхождения, функционально используемых в тогдашних письменных стилях и заполняющих лакуны в собственно словацком словарном составе. И поскольку эта дилемма касалась всех заимствованных лексем, проблематичным, прежде всего, было включение языковых фактов, касающихся чешско-словацких межъязыковых отношений, а именно вопрос оценки и включения в словарь богемизмов. Чешский язык веками выполнял на словацкой территории функцию языка общественной коммуникации, поскольку он из-за близости языков был в значительной степени понятен словакам. В результате значительного периода бытования чешского языка на словацкой земле представляется невозможным препятствовать проникновению богемизмов в словацкий язык, точно так же, как невозможно исключить проникновение в него слов из других языков, с которыми словацкий язык был или остаётся в контакте.

Мнение об оценке и включении в ИССЯ богемизмов не всегда было единым. Главным при решении этого вопроса было признание или генетической, или функциональной точки зрения на проблему заимствований. Ян Доруля исходил из генетического понимания богемизмов: «Функционирование чешского языка в Словакии и заимствование слов чешского происхождения в словацкий язык не следует отождествлять, какого бы мы ни придерживались направления в функциональной лингвистике. Включение богемизмов из текстов XV–XVIII вв., написанных в Словакии, в словарный состав словацкого языка того времени по причине того, что чешский язык выполнял тогда у словаков функцию литературного или же “культурного” языка (добавим к этому, что такая аргументация действовала бы также и в отношении, например, словацкого и польского языков), из чего якобы следует, что эту лексику нельзя оставить в стороне даже для того периода, означает неприемлемое понимание функциональности в языке. Неосвоенные чешские слова в текстах, написанных в Словакии, не являются синонимами соответствующих словацких слов, использованных в тех же самых значениях и в той же самой стилистической функции, но это равнозначные эквиваленты из двух языков»³³.

Относительно понимания чешского языка как особого языка в Словакии свидетельствует и высказывание Сама Чамбела: «Ведь мы уже с 1440 г. оказались под влиянием двуязычия. Интеллигенция старалась писать по-чешски, а народ, если он писал, писал по-чешско-словацки. Как раз из этого состояния двуязычия возник самостоятельный литературный словацкий язык. Почему? Потому что языки словаков и чехов по отношению друг к другу является не диалектами одного языка, а самостоятельными лингвистическими образованиями, и словаки из-за органичности собственного языка никак не могли научиться чешскому языку так, чтобы это соответствовало органичности чешского языка»³⁴.

³³ Doruľa J. Slováci v dejinách jazykových vzťahov. Bratislava, 1977. S. 41.

³⁴ Czambel S. Slováci a ich reč. Budapešť, 1903. S. 205.

У Людовита Штура было позитивное отношение к включению в лексический состав словацкого языка заимствованных слов. Например, ещё перед узаконением словацкого литературного языка в статье «Об имени прилагательном» он писал: «...Мы заимствуем реалии у иноземцев, но отвергаем их названия и то, что нам в предмете недостаёт, стараемся дополнить собственной формой. Нет, я не думаю, что мы вместе с чужими идеями заимствовали все чужие слова, нет, но заимствовать те, которые уже не являются достоянием только одного народа, а достоянием всех цивилизованных народов, которые уже, так сказать, срослись с предметом и живут в представлении всех образованных людей, эти слова мы, право, заимствовать должны, ибо их неприятие означает отторжение от жизни цивилизованных народов, это мы никогда не докажем, не сможем и не посмеём доказывать»³⁵.

Главным критерием при создании концепции словаря в конце концов стал функциональный подход и неперемнная фиксация в словаре лексики, которая в тот период действительно была в употреблении у интеллигенции, не исключая и заимствованных слов. Игнорировать в словаре подобного типа лексику и источники, в которых в определенной степени отражался чешский язык, выполнявший в Словакии функцию литературного языка и использовавшийся в течение четырёх столетий, было бы неправильно. Милан Майтан, главный редактор ИССЯ, занял в этом вопросе однозначную позицию: «Естественно, наиболее чувствительными стали факты, характерные для чешско-словацких межъязыковых отношений, ибо чешский язык веками выполнял в Словакии функцию литературного языка. В конце концов, победил функциональный подход в оценке богемизмов, подобно тому, как и теперь подходят к заимствованиям из других языков»³⁶. Таковую установку авторы словаря имели уже при выборе и оценке языка письменных памятников, составляющих источниковую базу словаря, и при подготовке концепции ИССЯ (опубликована в пробном выпуске в 1973 г.³⁷). Приоритетом стал показ письменной формы словацкого языка долитературной поры как живого организма, в котором нашли широкое отражение фонетические, грамматические и лексико-семантические элементы, заимствованные из других языков с тем, чтобы ИССЯ мог стать источником надёжных фактов в комплексном анализе заимствованной лексики долитературной поры словацкого языка. Прежде всего, речь шла о тех из них, которые имели параллели в западнословацких наречиях.

Чешские лексические элементы использовались главным образом в административном стиле (например, вводные и заключительные формулы документов). Значительный слой богемизмов образовывали средства выражения, необходимые для развивающегося языка культурного слоя общества, например, союзы, вторичные предлоги и т. п. Словник увеличивался за счёт чешских слов, имеющих словацкие эквиваленты (*anebo – alebo, kdyš – keď*). Авторы концепции не думали, что они охватят все чешские формы и вообще все чужие лексические элементы, встречающиеся в экскерпированных текстах, но как они и предполагали, они обработали те, которые хотя бы частично или же

³⁵ Štúr L. Slovenčina naša. 5. zv. Bratislava, 1957. S. 261 – 262. Pozri aj *Skladaná J. Vzťah Eudovíta Štúra k preberaniu cudzích slov v slovenčine // Slovenská reč. 1993. Roč. 58. Č. 5. S. 258.*

³⁶ *Majtán M. Ako vznikala súčasná podoba Historického slovníka slovenského jazyka // Slovenská reč. 2008. Roč. 73. Č. 4. S. 222.*

³⁷ *Blanár V., Habovštiaková K., Kotulič I. a kol. Slovenský historický slovník z predpisovného obdobia. Ukážkový zošit. Bratislava, 1973. 356 s.*

на определённое время были включены в словацкую лексическую систему. В словник не помещались лексические богемизмы, зафиксированные в единичных случаях в словацких текстах, или же в старых словарях под влиянием используемой чешской литературы (а не потому, что некоторые из них известны периферийно в западнословацких наречиях), например, *at', kachna, kvapit'* – такие слова употреблялись только как индивидуальные, заимствованные на время, которые в ходе дальнейшего развития словацкого языка оценивались как чешские или не встречались вовсе. Далее не обрабатывались чешские по звучанию слова, имеющие в словацком и чешском языках одинаковую лексическую основу и отличающиеся от соответствующего словацкого слова типичными фонетическими признаками, если они представлены в единичных случаях или спорадически, например, *auřad, řečený, proč* и т. п. В словник включались также некоторые группы неосвоенных слов, таких как обильно зафиксированные лексические богемизмы, обычные в словацких контекстах лишь для некоторых жанров «культурного» словацкого языка, даже часто переступающие его временную рамку и обычно относящиеся к одному словообразовательному ряду, например, *zde – zdejší, zed' – zed'ka – zedník – zednícky*, и слова общие для словацкого и чешского языков. Вместе со словацким вариантом приводились соответствующие чешские слова (с пометой *čes*), поскольку они были характерны для письменной формы культивированного словацкого языка и поскольку использование чешского по звучанию слова обычно переходило за временные рамки словацкого языка долитературного периода, например, *který, anebo, slib*³⁸.

Некоторые лексемы, имеющие черты чешской фонетики (*ř/r, ú/au*) и не имеющие параллелей в словацких диалектах, встречаются в текстах долитературной поры словацкого языка редко. Наоборот, некоторые фонетические звучания слов, известных не только в чешском, но и в словацком языке (особенно в западнословацких диалектах), не трактовались как чешские, но считались своими, например *víra*, прошедшее время глагола *byť* имело чаще всего формы от основы *byl*, форма *bratr*, стяжённые формы *mého, mému*, даже формы прошедшего времени инфинитива *mať – mel, miel*, эти формы возникли не под влиянием чешских звучаний *jměl, měl*, но являются результатом самостоятельного развития³⁹. По мнению К. Габовштяковой, звучания *viera, hriech, hriešny* с дифтонгом даже не представлены⁴⁰ в письменности, с чем нельзя согласиться, поскольку в картотеке исторического словаря и в ИССЯ находится много примеров, подтверждающих наличие дифтонгов в этих словах⁴¹. Богемизмами не считаются в словаре даже слова с изменением *ie > í* (например, *zdraví, požehnaní, richtárství*), приставка *pro-* (*prodat*) и др.

В области лексического состава контакты с чешским языком были более заметными, поскольку речь в данном случае идёт о такой открытой системе, как фонетический или грамматический строй языка. Во многих памятниках письменности XV–XVIII вв. встречаются лексемы чешского происхождения, для которых в словацком языке в тот

³⁸ *Blanár V., Habovštiaková K., Kotulič I. a kol. Slovenský historický slovník... S. 40.*

³⁹ *Habovštiaková K. O vzťahu slovenčiny a češtiny v slovenských písomnostiach zo XVI.– XVIII. Storočia // Slávia. 1968. Roč. 37. S. 237.*

⁴⁰ *Ibid.*

⁴¹ *Kopecká M., Lalíková T., Ondrejková R., Skladaná J., Valentová I. Staršia slovenská lexika v medzijazykových vzťahoch. Bratislava, 2011. S. 26.*

период не было выработано особого понятия или ему для этого понятия не хватало своего особого наименования, своего эквивалента. Из чешского языка заимствовались и такие лексемы, для которых в словацком языке уже было выработано своё собственное понятие или своя соответствующая лексема. Многие чешские лексемы в большей или меньшей степени прижились в языке в ущерб словацкому синониму, например, *nyní- teraz, pokoj – izba, zde – tu, zdejší – tunajší* и др. Часто заимствовалась только формальная сторона соответствующего слова.

Авторский коллектив стремился охватить в ИССЯ процесс ассимиляции и адаптации чешских языковых элементов в культивируемом словацком языке долитературной поры, в том числе и благодаря определённым принципам, сформулированным Штефаном Пециаром в нескольких пунктах:

1. Освоенные средства выражения, заимствованные из чешского языка или посредством чешского языка в словацкий язык, оцениваются как свои и в ИССЯ никак не помечаются (например: *cítiť, citlilý, hluk, hlučný*).

2. Неосвоенные слова и сочетания, чешские по происхождению, не употребляющиеся в современном словацком языке, но представленные в источниках ИССЯ в достаточной степени, приводятся в ИССЯ в фонетической и орфографической форме современного словацкого языка и сопровождаются пометой *čes* после грамматической характеристики слова. Они толкуются с помощью словацкого эквивалента, например, *delník* m *čes* *robotník*, *choť* m *čes* *manžel*. Одинаково обрабатываются случаи, если чешское и словацкое звучание слова исторически тождественной лексемы в результате разного развития не слишком отдалились друг от друга (*spať* ndk *čes* *pchať*), а также заимствованные чешские по звучанию слова, не являющиеся в современном словацком языке литературными (например, *barva* z *nem* / *čes* *barba*).

3. Слова, используемые не только в чешском языке, но и в западнословацких или же в других диалектах и не являющиеся частью современного лексического состава литературного словацкого языка, не помечаются или помечаются кратким обозначением региона, в котором они используются (*zsl*, *vsl*).

4. В случае, если лексемы являются общими для двух языков, но в источниках ИССЯ наряду со словацким звучанием слова и его вариантов встречаются и чешские звуковые элементы, и некоторые из них достаточно регулярно, эти фонетические варианты (словацкие и чешские) приводятся при заголовочном слове, но без пометы *čes*, например, *hl'adat'* [h'la-, hla-, hle-]. В заголовочной строке не отмечались регулярные фонетические варианты, например, конечные морфемы *-ť, -t, -ti, ci* в инфинитиве глагола (приводилась только форма с *-ť*). В заголовочную строку однако включались варианты словообразовательных суффиксов *-stvo, -ství; -tvo, -tví; -ie, -í*. Орфографические варианты с графемами *au, ř, ě*, не представляющие особых звуков в письменной форме культивируемого словацкого языка и долго удерживающиеся только благодаря писарской традиции, как варианты в заголовочной строке не приводились. При цитации однако все варианты приводились в соответствии с цитированными документами, но это всегда не относилось к упомянутым графемам *au, ř, ě*⁴².

⁴² Peciar Š. Spracovanie slov českého pôvodu a českých jazykových prvkov v HSSJ // Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovenskej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983) / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. S. 368.

Если исходить из лексической цифровой базы данных «Исторического словаря словацкого языка», богемизмов, слов с пометой *čes*, насчитывается 932, причём, речь идёт только об основных словарных статьях, где не используется принцип гнездовой подачи слов⁴³. Они составляют 12,47 % из множества заимствованных слов из других языков в ИССЯ. После латинизмов (2747⁴⁴ лексем или 36,78 % всех заимствованных слов в ИССЯ) и германизмов (2236 лексем или 29,94 % всех заимствованных слов в ИССЯ) речь идёт о третьей по величине группе заимствований этого периода. По мнению Изидора Котулича, одного из авторов и редакторов ИССЯ, лексическая картотека словаря содержит 6500 заимствований, из них 2000 слов чешских по происхождению, что составляет 30,76 % всех заимствованных лексических единиц и 4 % от всех лексических единиц, представленных в картотеке⁴⁵. Из приведённых цифр следует, что в ИССЯ в конечном счёте не были включены все чешские слова, представленные в картотеке, или же, скорее, были включены только некоторые слова, которые первоначально трактовались как чешские, но в итоге были переоценены и не были обозначены как богемизмы. Прежде всего потому, что встречаемость некоторых слов перекрывалась в территориальном отношении, так что речь не всегда могла идти о лексемах, заимствованных из чешского языка, но с учётом того, что они использовались и на части словацкой территории в определённых диалектах, и к тому же были употребительны и в других, прежде всего, западнославянских языках, они могли быть в словацком языке и праславянским наследием, поэтому при них помета *čes* не применялась.

Подобным образом не обозначались пометой *čes* и освоенные словацким языком выразительные средства, заимствованные из чешского языка. Несмотря на то что богемизмы образуют третью по численности группу заимствованных слов в ИССЯ, они были и остаются частью нашего языка точно так же, как и заимствованные слова из других языков в прошлом или настоящем. Функциональный подход к оценке богемизмов и других заимствованных слов оказался верным⁴⁶, подобное отношение к иноязычным заимствованиям практикуется и в других крупных лексикографических начинаниях, таких, как «Словарь современного словацкого языка»⁴⁷.

⁴³ В ИССЯ в целях экономии в одной словарной статье разрабатывались некоторые типы производных слов, видовых пар и возвратных глаголов (подробнее см.: ИССЯ, 1, с. 35).

⁴⁴ В число латинизмов и германизмов точно так же, как и в число богемизмов, входят отдельные словарные статьи и не учитываются заимствования, входящие в состав словарных статей, организованных по гнездовому принципу. Приведённые компьютерные данные являются приблизительными, поскольку они исходят из общего числа слов, извлечённых из исторических письменных источников и включённых в исторический словарь.

⁴⁵ *Kotulič I.* Ešte raz o práci J. Doruľa Slováci v dejinách jazykových vzťahov // *Jazykovedný časopis*. 1981. Roč. 32. Č. 2. S. 167. Богемизмы составляют вторую по численности большую группу слов после латинизмов, их насчитывается 2500 (38,46% от всех включённых в Словарь слов и 5% от общего числа представленных в картотеке лексических единиц).

⁴⁶ По проблеме богемизмов см. также новейшие работы: *Valentová I.* Bohemizmy v Historickom slovníku slovenského jazyka // *Jazyk – historický fenomén. Zborník referátov z konferencie konanej 22. októbra 2009 na Filozofickej fakulte Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre pri príležitosti životného jubilea doc. PhDr. Kataríny Habovštiakovej, CSc. / Red. L. Kralčák.* Nitra, 2010. S. 25–31; *Kopecká M., Lalíková T., Ondrejková R., Skladaná J., Valentová I.* Staršia slovenská lexika... S. 22–36.

⁴⁷ *Jarošová A., Buzássyová K., Bosák J.* Východiská a zásady spracovania slovníka // *Slovník súčasného slovenského jazyka A – G.* Red. K. Buzássyová, A. Jarošová. Bratislava, 2006. S. 13–47.

Оценка заимствованных слов была не единственной проблемой, с которой пришлось столкнуться авторскому коллективу «Исторического словаря словацкого языка». Документирование словацкой лексики старшей поры должно было в историко-стратиграфической перспективе показать хронологическую, территориальную и жанровую характеристики слова набором репрезентативных цитат с показом его включения в словообразовательные ряды и исторической перспективы в лексическом составе словацкого языка с учётом синонимических и антонимических отношений. По представлениям авторского коллектива, такой словарь должен быть объёмом приблизительно в 10 томов. Но уже один из многих рецензентов словаря Владимир Шмилауэр на основании пробного выпуска подсчитал, что при такой обработке словарь должен был бы стать по крайней мере двадцатичетырёхтомным. Оказалось, что составление и издание такого большого словаря намного превысило бы тогдашние (да и сегодняшние) кадровые, материальные и издательские возможности Института словацкого языка им. Л. Штура и издание его растянулось бы на несколько поколений⁴⁸. Поэтому после долгих дискуссий в 1979 г. была принята исправленная концепция словаря среднего типа. Она не ограничила, однако, объём обрабатываемой лексики, составлялись словарные статьи на все представленные в бумажной картотеке словаря лексические единицы. Более экономными должны были стать толкования значений слов, и в особенности ограничивался объём используемого цитатного материала, снизилось количество цитат, а длина контекстов иногда сократилась до минимальных размеров, стал применяться умеренный принцип гнездовой подачи некоторых производных слов, видовых пар и т. п. Авторы словаря отказались от приведения в словарных статьях синонимических слов и от показа словообразовательных отношений и связей. Ограничение цитатной части словарных статей сделало невозможным исчерпывающее документирование всех фонетических, графических и грамматических вариантов слов в словарной статье, а также всех представленных типичных фразеологических, а отчасти и лексикализованных сочетаний. Словарь среднего типа, предположительный объём которого в это время составлял три объёмистых тома, лучше отвечал имеющимся возможностям и мог бы намного раньше начать выполнять своё научное, общественное, культурно-историческое и культурно-политическое назначение.

На основе вышеуказанной материальной базы и принятой концепции словаря среднего типа под руководством Штефана Пециара было начато систематическое составление словарных статей⁴⁹. Экономный подход наиболее последовательно применялся особенно при составлении первых двух томов словаря, отличающихся в этом отношении от других томов, так как впоследствии авторский коллектив начал уделять больше внимания культурно-исторической значимости словаря и отдельных цитат, что отразилось на количестве цитат и на длине цитируемых контекстов. Представленные в картотеке лексикализованные фразеологические сочетания авторы стремились использовать исчерпывающим образом (естественно, с сокращением количества цитат).

⁴⁸ Porov. *Majtán M. Ako vznikala súčasná podoba Historického slovníka slovenského jazyka // Slovenská reč. 2008. Roč. 73. Č. 4. S. 222.*

⁴⁹ Подробный ход работ по подготовке исторического словаря и изменение его концепции описывает М. Майтан в упомянутых статьях (*Majtán M. Ako vznikala súčasná podoba Historického slovníka slovenského jazyka // Slovenská reč. 2008. Roč. 73. Č. 4. S. 221–225; id. Genéza historického slovníka slovenského jazyka z pohľadu jeho tvorcov // Jazykovedný časopis. 2008. Roč. 59. Č. 1–2. S. 51–54*), которые использовались и нами.

Иногда возникали трудности с определением достаточности контекста для объяснения значения слов или сочетаний слов в словарных статьях, так как лексиколого-лексикографические критерии не всегда были согласуемы с культурно-исторической ценностью текста. Приводимый в словарной статье контекст хотя бы должен указывать на общественную и культурную значимость слова. Эти полезные изменения, однако, способствовали увеличению объёма словаря в два раза (с трёх до шести томов), и в конце концов законченный словарь (вместе с приложениями) включает семь объёмистых томов. Большой объём словаря повысил не только документальную, но и культурно-историческую ценность словаря.

В 1981–1983 гг. авторский коллектив словаря возглавлял Изидор Котулич, а с 1984 г. – Милан Майтан. Первый том Исторического словаря словацкого языка (A–J) вышел в 1991 г., второй (K–N) – в 1992 г., третий (O–Pochytka) – в 1994 г., четвёртый (P poihrat'sa– Pytlovať) – в 1995 г., пятый (R–Š) – в 2000 г., шестой (T–V) – в 2005 г. и последний седьмой том (Z–Ž, приложение) – в 2008 г.⁵⁰

Компьютерная обработка рукописи осуществлялась, начиная с 4-го тома Словаря, в настоящее время уже оцифрованы все тома, а 5-й том доступен и на сайте Института языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук⁵¹. Готовятся к компьютерному доступу и остальные тома словаря. Все семь томов содержат 4322 страницы текста, в их 47 330 словарных статьях разработано более 70 000 лексических единиц, объясняются их значения, даются грамматические характеристики, описываются этимологические, географические и стилистические особенности лексического состава, толкуются лексикализованные сочетания слов и фразеологизмы, Всё это сопровождается несколькими сотнями тысяч цитат из рукописных и изданных словацких письменных источников, поначалу минимальных (как в упомянутых первых двух томах), позже – в более или менее достаточных контекстах.

Исторический словарь словацкого языка является предприятием, вводящим в научный и повседневный оборот научное описание складывающейся письменной формы культивированного словацкого языка эпохи предшествующей кодификации А. Бернолака⁵² (XI–XVIII вв.). Впервые в истории словацкого языка даётся относительно подробная картина состава и членения языка словацкой нации в эпоху, предшествующую образованию современного литературного словацкого языка. ИССЯ является значительным и важным вкладом в изучение словацкого языка и его лексики, он способ-

⁵⁰ Авторский коллектив образовали В. Бланар (1–3 тт.), М. Гигерова, урожд. Ситарова (5–7 тт.), А. Грибикова (6 т.), Е. Йона (1 т.), И. Котулич (1–3 тт.), М. Ковачова (3–7 тт.), Е. Красновска (1–7 тт.), Р. Кухар (1–3 тт., 5, 7 тт.), Т. Лаликова (3–7 тт.), М. Майтан (1–7 тт.), М. Майтанова (1–4 тт.), Р. Ондрейкова (5–7 тт.), Д. Ондрейковичова (3–4 тт.), Ш. Пециар (1 т.), Б. Ричиова (1–2, 4 тт.), Я. Складана (1–2, 4–7 тт.), А. Сабова, урожд. Осадска (6–7 тт.), И. Валентова (6–7 тт.). В редакционную коллегию входили в 1–2 тт. М. Майтан, В. Бланар, И. Котулич и М. Майтанова, с 5-го тома – М. Майтан, Р. Кухар и Я. Складана. Рецензентами первых четырёх томов словаря были И. Немец и Р. Крайчович, следующих трёх томов – Р. Крайчович и П. Жиго. Научным редактором всего лексикографического предприятия был М. Майтан.

⁵¹ Исторический словарь словацкого языка т. 5 (R – rab, Š – švrkotat') доступен на сайте Института словацкого языка им. Л. Штура Словацкой академии наук <http://www.juls.savba.sk/hssj.html>, resp. <http://slovníky.juls.savba.sk/?d=hssjV>, cit. 16.3.2016.

⁵² Кодификация литературного словацкого языка была предпринята А. Бернолаком в 1778 г., но в базу источников ИССЯ были включены памятники до конца XVIII в., исключая рукописные и изданные труды А. Бернолака и его последователей.

ствует дальнейшему решению сложных вопросов формирования и развития словацкого народа и освещению его общественных и культурных связей. Поэтому для словацкой общественности и для воспитания будущих поколений словарь будет иметь не только чисто филологическое, но и культурно-историческое и культурно-политическое значение. С методологической точки зрения, этот толковый и справочный исторический словарь будет способствовать развитию лексикографической теории и практики на материале истории словацкого языка.

О том, что ИССЯ действительно является одним из значительных трудов словацкого языкознания, свидетельствует награждение авторского коллектива премией Литературного фонда (1996), премией Словацкой академии наук за исследовательскую работу над 7-м томом словаря (2009) и премией жюри за словарь, изданный в Словацкой республике (2010), присуждённой на конкурсе Словарь года от Объединения переводчиков (Прага).

Авторский коллектив одновременно с составлением и редактированием Словаря сделал доступными в транслитерированной форме до сих пор не опубликованные и недоступные для изучения памятники письменности, вошедшие в базу источников ИССЯ пока ещё в трёх томах серии «Источники по истории словацкого языка»⁵³. Все тома доступны и на сайте Института языкознания им. Л. Штура САН⁵⁴. По большей части это документы административно-правового характера, частная переписка, лечебники, сборники советов по ведению хозяйства, календари, сборники сочинений с зачатками знаний по химии, отрывки из произведений религиозного характера, словарики, отрывки переводов произведений мировой литературы с латинского языка на словацкий язык долитературной поры. Второй том содержит словацкий перевод Франтишка Булевского всего труда Я.А. Коменского «*Janua linguae latinae reserata*» 1666 г. Изданные тексты демонстрируют, как формировались отдельные стилистические диалектные пласты словацкой лексики в долитературный период, как проявляет себя словацкий язык независимо от жанра, стилистической приуроченности и конфессиональной принадлежности автора или переводчика. Вместе с предыдущими изданиями памятников словацкой письменности и публикациями старинных текстов в специальных журналах и тематических сборниках все три тома представляют собой хороший источник для изучения истории словацкого языка, исторической грамматики и лексикологии как для отечественных и иностранных словакистов и славистов, так и для более широкого круга исследователей из рядов историков, этнологов и всех, интересующихся словацкими древностями. Вузовским преподавателям и студентам они могут быть полезны при практических занятиях и семинарах по истории словацкого языка. Исторические тексты, содержащиеся во всех трёх томах «Источников по истории словацкого языка», являются частью подготовленного цифрового исторического корпуса словацкого языка Словацкого национального корпуса Института языкознания им. Л. Штура САН⁵⁵, который в будущем мог бы стать источником, например, для

⁵³ *Pramene k dejinám slovenčiny. 1.* / Zost. M. Majtán, J. Sladaná. Bratislava, 1992. 400 s. + 24 s. obr. príloha. *Pramene k dejinám slovenčiny. 2.* / Zost. T. Laliková, M. Majtán. Bratislava, 2002. 250 s. + 26 s. obr. príloha. *Pramene k dejinám slovenčiny. 3.* / Zost. R. Kuchar, I. Valentová. Bratislava, 2008. 264 s. + 32 s. obr. príloha.

⁵⁴ <http://www.juls.savba.sk/ediela/pramene/>, cit. 17. 3. 2016.

⁵⁵ Об историческом корпусе словацкого языка см. подробнее на: <http://korpus.juls.savba.sk/hks.html>, cit. 17.3.2016.

исторического словаря тезаурусного типа подобно тому, как он стал таким источником при составлении словарных статей «Словаря современного словацкого литературного языка».

Обширный лексикографический труд «Исторический словарь словацкого языка», изданием которого в 2008 г. завершился один из этапов лексикографического исследования словацкого языка старшей поры, даёт толчок к исследованию дальнейшего развития языка. Одной из возможностей, обогащающей познание о естественном развитии национального словацкого языка, является и поиск его идентичности в мультикультурной среде и направленность на исследование многих дифференциальных и интеграционных тенденций, важных для официальной сферы использования языка в разных общественных ситуациях, стилях и жанрах. Кроме использования словаря в среде словакистов, общественных и культурных работников, словарь может быть полезен и зарубежным лингвистам при сравнительно-историческом и этимологическом исследовании славянских языков.

Степень влияния иностранных языков на словацкий язык долитературной поры нельзя идентифицировать полностью и достаточно надёжно, поскольку такой анализ требует комплексной обработки всех доступных источников, но уже начальная обработка архивных письменных памятников свидетельствует о большом влиянии межъязыковых контактов и указывает на связи словацкого языка с другими языками с самого раннего периода самим фактом многочисленных заимствований слов из других языков. Следовательно, ИССЯ стал кроме всего прочего надёжным источником для комплексного анализа заимствованной лексики долитературной поры. После выхода в свет ИССЯ на основе его материалов был создан фундаментальный цифровой корпус заимствованной словарной лексики раннего периода с представленными в нём особыми тематическими группами слов с ориентацией на отдельные языки, оказавшими влияние на семантику словацкой лексики долитературной поры (латинизмы, германизмы, богемизмы, мадьяризмы, полонизмы...).

На основе анализа отдельных лексических групп, направленного на исследование семантики, тематической и стилистической принадлежности наблюдаемых лексических единиц, фонетической, графической или орфографической адаптации заимствованных слов к словацкому языку, возникло обширное исследование, являющееся частью коллективной монографии «Словацкая лексика старшей поры в межъязыковых отношениях»⁵⁶.

Исследование содержит хронологизацию влияний отдельных иностранных языков на словацкий язык долитературной поры, описание отдельных временных пластов лексики и волн их распространения, обусловленных как определёнными общественными и историческими событиями, так и жанровой и стилистической дифференциацией заимствованных лексем и степенью их адаптации в языке. Анализ влияния отдельных языков на словацкий язык долитературной поры позволяет определить степень внешнего влияния на развитие лексики в области расширения и сужения значения слов, процесс стабилизации административной, правовой, ремесленной и другой специальной терминологии и в значительной мере помогает установить преемственность развития словообразовательных методов и средств в условиях контакта с гене-

⁵⁶ Kopecká M., Laliková T., Ondrejková R., Skladaná J., Valentová I. *Staršia slovenská lexika...* S. 9–67.

тически родственными и неродственными языками, что приводит к пониманию интеграционных тенденций в области терминологии, а также к осознанию стимулирующей функции иностранных языков в деле расширения и более полного использования собственных словообразовательных средств и приёмов, в деле адекватного использования своих собственных средств выражения в жанрах речевого общения.

Особую часть монографии образует словарь заимствованных слов долитературного периода словацкого языка⁵⁷, упорядоченный по исходным языкам с учётом многочисленных заимствований, находящихся в источниковой базе ИССЯ. В концептуальном отношении он разработан как ИССЯ с определёнными изменениями, сделавшими возможным количественный обзор заимствованных лексем и их форм, подвергшихся влиянию словацкой языковой системы. Создание цифровой базы данных заголовочных слов ИССЯ сделало возможным выделить особые совокупности лексических единиц по тематическим группам с ориентацией на отдельные языки, повлиявшие на семантику словацкой лексики долитературной поры. Путём упорядочивания и некоторого изменения словарных статей авторы создали толковый словарь заимствованных слов из отдельных языков, составленный на базе множества заимствований, находящихся в источниковой базе ИССЯ. Некоторые черты первоначальной концепции были сохранены, например, заголовочные слова, так же как и толкования, приводятся в фонетической и орфографической форме, соответствующей современному словацкому языку.

Были внесены, однако, определённые изменения:

Инфинитив глаголов в словарных статьях ИССЯ приводится в орфографии современного словацкого языка с окончанием *-t'*, например, *naleznút'*, *nalézt'*⁵⁸, но богемизмы подаются и с более древними и чешскими окончаниями *-t*, *-ti*, например, *napsat*⁵⁹, *odjíti*⁶⁰. Гнездовой способ подачи слов в отличие от ИССЯ не применялся. Не приводится цитатный материал. Сохранены фонетические варианты, словообразовательная, стилистическая и жанровая характеристика слов. Опущена лингво-территориальная характеристика, которой авторы касаются периферийно. Не показано этимологическое происхождение заимствованных слов, поскольку критерием оценки лексемы была принадлежность к языку-посреднику, с помощью которого лексема попала в словацкий язык, так что, например, слово *barikáda* обозначено как мадьяризм, хотя оно является турецким по происхождению, слово *kšaft* обозначено как богемизм, в то время как в чешский язык оно было заимствовано из немецкого, а в словацкий язык попало через посредство чешского языка.

Частым явлением в словацком языке долитературной поры была полилексия и синонимия, благодаря прежде всего заимствованиям из других языков. Свидетельством этого являются типы словарных статей в ИССЯ, содержащие два или больше заголовочных слова. В таких случаях приводилось только заимствованное слово. Звёздочка перед заимствованным словом показывает, что в языке использовался и словацкий эквивалент, который можно найти в ИССЯ. Например, заголовочное слово при богемиз-

⁵⁷ Kopecká M., Lalíková T., Ondřejková R., Skladaná J., Valentová I. Staršia slovenská lexika... S. 71–202.

⁵⁸ Historický slovník slovenského jazyka. 2. / Red. M. Majtán. Bratislava, 1992. S. 415.

⁵⁹ Ibid. S. 434.

⁶⁰ Ibid. 3. / Red. M. Majtán. Bratislava, 1994. S. 143.

мах представлено как *pelynek, остальные словацкие варианты *polynek*, *polynka*, *pelynka* можно найти лишь в ИССЯ⁶¹. Одинаковые по значению заголовочные слова, заимствованные из разных языков и поэтому различающиеся по форме, а в ИССЯ являющиеся частью одной словарной статьи, были разнесены по различным языкам, из которых они были заимствованы. Например, среди латинизмов приведены в качестве заголовочных слов слова *kancelár*, *kanceláriuš*, а среди мадьяризов форма *kanceláriuš, при германизмах * *kanclier* [-c(e)ler, -ír], причём с одинаковым в каждом случае толкованием.

Звёздочкой помечены и заимствованные лексемы, взятые из словарной статьи, построенной гнездовым способом, в случае, если основное заголовочное слово не заимствовано, со ссылкой на него в толковании, например, * *ľadvička* [led-]⁶², (заголовочное слово *ľadvie* в ИССЯ не является заимствованием, в то время как производное от него, включённое в ту же словарную статью, *ľadvička* является богемизмом, причём как заголовочное слово оно представлено в литературной форме). При семантических заимствованиях приводится лишь то значение, в котором была заимствована данная лексема, например, как семантический богемизм приведена словарная статья *zástava* в значении ‘залог’⁶³.

Стилистические пометы такие же, как и в ИССЯ, и даже добавленные новые, например, помета *kuch*, обозначающая кушанья, напитки, кухонные принадлежности и всё, что относится к поварскому и кулинарному искусству. Пометой *nám* обозначаются морские термины и виды различных кораблей и судов. Виды тканей и текстиля, части одежды (например, виды обуви) обозначаются пометой *text*⁶⁴.

Разыскания в области заимствованных слов вместе со словарём образуют трамплин для дальнейшего исследования словацкой и несловацкой лексики старшей поры и создают базу для трактовки более поздних тенденций в развитии словацкого языка и его кодификации. Они позволили объективно оценить и выработать правильную позицию по отношению к современным тенденциям и внешним влияниям на словацкий национальный язык и мнений о нём. Эта публикация показала возможности использования ИССЯ для дальнейшей лексикографической работы и стала вдохновляющим источником и движителем не только для специалистов, занимающихся исторической лексикологией и лексикографией, этимологией, ономастикой, историей словацкого языка и историков, но и для лингвистов, исследующих язык как в синхроническом, так и диахроническом плане, а также для широкой общественности.

Словацкий язык, кодифицированный Л. Штуром, является своеобразной вехой в истории словацкого языка, так как на его основе был создан новейший словацкий литературный язык. Штуровский период литературного языка, по общему мнению, датируется от начала кодификации в 1843 г. до реформы языка в 1852 г., хотя по определению, в особенности верхней его границы, существуют другие мнения⁶⁵. Поскольку это

⁶¹ Historický slovník slovenského jazyka. 4. / Red. M. Majtán. Bratislava, 1995. S. 64.

⁶² Kopecká M., Laliková T., Ondrejková R., Skladaná J., Valentová I. Staršia slovenská lexika... S. 162.

⁶³ Ibid. S. 174.

⁶⁴ Ibid. S. 69–70.

⁶⁵ Porov. Kralčák L. Projekt slovníka štúrovej slovenčiny a jeho počítačová podpora // Slovenčina a čeština v počítačovom spracovaní. Zborník referátov zo seminára. Bratislava 26.–27. októbra 2001 / Ed. A. Jarošová. Bratislava, 2001. S. 151–152.

период в истории словацкого языка в лексикографическом отношении представлен очень скромно, исследование лексики литературного языка штуровского периода начало реализовываться на Кафедре словацкого языка Университета Константина Филозофа в Нитре. По окончании сбора языкового материала и лингвистического анализа текстов была создана цифровая лексическая база данных. Проект подготовленного словаря был представлен Любомиром Кралчаком в статьях «Значение штуровской лексики в развитии словацкого литературного языка», «Проект словаря штуровского словацкого языка и его компьютерное обеспечение», «О словаре штуровского словацкого языка»⁶⁶ и Томашем Баником в статье «Ономастический аспект при составлении словарных статей в готовящемся словаре штуровского словацкого языка»⁶⁷.

К словарям, анализирующим историю лексического состава языка, можно отнести и этимологические словари. Результаты этимологических разысканий в области словацкой лексики представлены не только в многочисленных исследованиях словацких лингвистов, но и, например, в «Этимологическом словаре чешского и словацкого языков» Вацлава Махека⁶⁸. На потребность в этимологических исследованиях и издании словацкого этимологического словаря обращал внимание уже Шимон Ондруш в работе «Словацкий этимологический словарь»⁶⁹. Результатом этимологических разысканий Любора Кралика в Институте языкознания им. Л. Штура САН в Братиславе стал «Краткий этимологический словарь словацкого языка»⁷⁰, который должен был заполнить существующую лауну в словацкой лексикографии и одновременно стать определенной отправной точкой для дальнейшего исследования словацкой лексики в широком славянском и европейском контексте. Словарь даёт информацию о происхождении более 10 тыс. слов, относящихся к лексическому запасу современного литературного словацкого языка (слова эпохи праславянского языка и возникшие в период самостоятельного развития словацкого языка, слова и выражения, заимствованные в разные исторические эпохи из различных иностранных языков). Этот словарь задумывался как пособие научно-популярного характера, он учитывает также и информационные потребности широкой культурной общественности, интересующейся проблемами этимологии в народном языке⁷¹.

⁶⁶ Kralčák L. Štúrovská lexika vo vývine spisovnej slovenčiny // Slovenčina v historickom kontexte. Materiály z konferencie konanej v Nitre 16.–17. mája 1996 / Ed. L. Kralčák. Nitra, 1996. S. 45–49; *id.* Projekt slovníka štúrovej slovenčiny a jeho počítačová podpora // Slovenčina a čeština v počítačovom spracovaní. Zborník referátov zo seminára. Bratislava 26.–27. októbra 2001 / Ed. A. Jarošová. Bratislava, 2001. S. 150–154; *id.* K slovníku štúrovej slovenčiny // Jazyk – historický fenomén. Zborník referátov z konferencie konanej 22. októbra 2009 na Filozofickej fakulte Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre pri príležitosti životného jubilea doc. PhDr. Kataríny Habovštiakovej, CSc. / Red. L. Kralčák. Nitra, 2010. S. 79–86.

⁶⁷ Bánik T. Onomaziologický aspekt pri spracovaní hesiel v pripravovanom slovníku štúrovej slovenčiny // Slovenská reč, 2010, roč. 75, č. 4–5. S. 248–260.

⁶⁸ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. 627 s. Ďalšie vydania: Etymologický slovník jazyka českého. 1968, 2010.

⁶⁹ Ondruš Š. Slovenský etymologický výskum // Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovenskej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983) / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. S. 321.

⁷⁰ Králik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015. 704 s.

⁷¹ Valentová I., Králik L. Vedecká činnosť a výstupy oddelenia dejín slovenčiny, onomastiky a etymológie JÚLEŠ SAV // Slovenská reč. 2013. Roč. 78. Č. 6. S. 380.

Словацкие лексикографы проделали в области исторической лексикографии значительную часть работы. Результатом её явился толковый и справочный семитомный «Исторический словарь словацкого языка», «Краткий этимологический словарь словацкого языка», толковый «Словарь заимствованных слов в словацком языке долитературной поры», являющийся частью коллективной монографии «Словацкая лексика старшей поры в международных отношениях» и набирающий ход проект лексикографического описания лексики литературного словацкого языка времён кодификации Л. Штура. Историческая лексикография ставит перед собой и дальнейшие задачи. Рассмотренные выше словари, архив фотокопий и микрофильмов, архив транслитерированных текстов, цифровая база данных заголовочных слов ИССЯ, цифровой корпус заимствованной словацкой лексики долитературной поры <...>, создающийся цифровой исторический подкорпус Словацкого национального корпуса Института языкознания им. Л. Штура САН, выработанная лексикографическая концепция исторического словаря большого и среднего типа, опыт составления словарных статей ИССЯ, познания, приобретённые в ходе исследования лексики долитературной поры словацкого языка, закладывают достаточный фундамент для создания исторического словаря словацкого языка долитературной поры тезаурусного типа.

Бернолаковский период в становлении словацкого литературного языка (определяемый 1787–1846 годами), предшествующий штуровскому, равным образом является значительным сегментом в истории словацкого литературного языка, так как в это время была предпринята первая попытка создания литературного словацкого языка, который стал называться по главному создателю кодификации Антону Бернолаку «бернолаковщиной»⁷². Хотя лексика «бернолаковщины» обработана как элемент системы самих кодификационных сочинений А. Бернолака в его работах *Etymologia vocum Slavicarum*⁷³ и в пятитомном словаре *Slowár Slowenský, Češko-Lat'insko-Německo-Uherský*⁷⁴, однако задачу лексикографической обработки материалов словацкого языка бернолаковского периода, находящихся в Отделении истории словацкого языка, этимологии и ономастики Института языкознания им. Л. Штура САН, можно отнести к дальнейшим вызовам для словацкой исторической лексикографии.

Перевод Г.Я. Романовой.

⁷² *Krajčovič R., Žigo P. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 2002. S. 132.* Более подробно о характеристике этого периода – см. на с. 133–160.

⁷³ *Bernolák A. Etymologia vocum Slavicarum, sistens modum multiplicandi vocabula per derivationem et compositionem ab Antonio Bernolák concinnata. Turnavie, 1791. 160 s.* В этом труде автор не даёт этимологии слов в современном понимании, но сосредотачивается на образовании слов с помощью приставок, суффиксов, сложений.

⁷⁴ *Bernolák A. Slowár Slowenský, Češko-Lat'insko-Německo-Uherský. Budae, 1825–1827.*

РАЙНА ДРАГИЧЕВИЧ

Белград, Сербия

Развитие лексической системы сербского языка от праславянской эпохи до начала XXI века

Цель данной работы – описать основные черты в развитии лексической системы сербского языка. Мы попытаемся ответить на вопрос о том, из каких слоев состоит лексика современного сербского языка. Читателям важно иметь в виду, что эта тема могла быть исследована двумя способами, т. е. в двух направлениях. Первое направление – от древнейших времен до наших дней (включая все процессы возникновения новой лексики и ее исчезновения), а второе – от лексики современного сербского языка к древнейшей эпохе (оставляя в стороне процессы, которые не оставили следа в лексике современного сербского языка). Данная тема является очень широкой, и здесь будут охвачены только самые важные ее аспекты. Наибольшее внимание будет посвящено праславянскому слою сербской лексики, а наименьшее – лексике, которой богат сербский язык в XX и XXI веке.

1. Праславянская эпоха

Для исследования лексического состава современного сербского языка важно установить самый древний и самый богатый слой лексики, который, безусловно, является базой лексической системы сербского языка¹. Этим древнейшим лексическим слоем является праславянская лексика. По мнению О.Н. Трубачева, в каждом современном славянском языке существует, в среднем, около 5000 слов, которые представляют собой рефлекс праславянских лексем².

Что касается статуса праславянского языка, то Ф.П. Филин утверждает, что этот язык (в современном понимании данного термина) не существовал. Он подчеркивает, что не существовал и праславянский народ. Существовало этническое сообщество праславянских племен, говоривших на близких диалектах³. А. Белич, вероятно, так не считал. По его мнению, «праславянский язык – научное название языка, на котором говорили славяне, когда еще представляли собой одно племя и жили в географической общности». Это значит, что, по мнению А. Белича, первоначально существовало одно, единственное, славянское племя, которое говорило на одном языке⁴.

Время завершения праславянской эпохи определяется по-разному. Сообщество праславянских племен существовало до распада родового строя и до формирования первых славянских государств. Ф.П. Филин замечает, что О.Н. Трубачев не определяет

¹ Обзор праславянской лексики в сербском языке в основном представлен в работе: *Драгичевич Райна*. О прасловенском слою лексики савременог српског језика // Лексика. Граматика. Дискурс. Зборник радова у част В. Васић. Уредници М. Алановић, Ј. Дражић, Г. Штасни, Ф. Штбац. Нови Сад: Филозофски факултет, 2013. С. 59–74.

² *Трубачев О.Н.*. О составе праславянского словаря // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. София, 1963. С. 170.

³ *Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка. Москва: Наука, 1984. С. 30.

⁴ *Белић Александар*. Прасловенски језик // Упоредна словенска лингвистика 1. Приређивач Р. Јовићевић, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. С. 249.

хронологические границы своего *Этимологического словаря славянских языков* (ЭССЯ)⁵, но что фонологические и морфологические процессы указывают на то, что это сообщество существовало до VI–VII вв. н. э. А. Мейе, автор монографии о праславянском языке, считает, что праславянская эпоха охватывала и IX век нашей эры. Эта информация послужила А. Беличу поводом для статьи, в которой он остро критикует подобные хронологические рамки. По его мнению, «некоторые процессы, которые происходили в праславянском языке, могли существовать еще долгое время, в разных славянских языках в различное время, но это не значит, что эпоха праславянского языка все еще не завершилась». По мнению А. Белича, общие сербохорватские и словенские черты начали проявляться еще до VII в., т.е. до их появления на Балканах. Также А. Белич поддерживает мнение В.Н. Щепкина, который предположил, что общеболгарское единство существовало уже в VII веке⁶. А. Белич и П. Джорджич считают, что «необходимо предположить, что в течение IV в. н. э. <единое> сообщество славян, несомненно, исчезло, поэтому мы и считаем, что с этого времени начинается обособленная жизнь основных групп славян, на которые это сообщество разделилось»⁷.

Поскольку праславянское языковое сообщество распалось еще до возникновения письменности у славян, праславянских памятников не существует, и поэтому сложно точно реконструировать праславянский лексический фонд. Появление ЭССЯ оказало влияние на некоторых лингвистов, и они стали смелее приводить статистические данные о лексическом составе и структуре праславянской лексики. Эти данные следует принимать условно. Мы приведем некоторые из них с целью указать на определенные связи и пропорции в праславянском лексическом фонде (хотя бы для той лексики, которую мы рассматриваем), а не потому, что считаем их точными. Ф.П. Филин на стр. 33 своей *Исторической лексикологии русского языка* статистически проанализировал данные из завершенных томов ЭССЯ⁸ и пришел к следующим выводам: лексемы, которые присутствуют во всех славянских языках, составляют 21% всего словаря (всего 804 лексемы)⁹. ЭССЯ содержит 964 лексемы (или 28% от общего числа), которые яв-

⁵ Трубачев О. Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // *Этимология* 1991–1993. Москва: Наука, 1994. С. 4. Здесь автор указывает на тот факт, что прежние попытки историко-лингвистической периодизации, к сожалению, имеют не языковую, а социально-историческую хронологическую основу.

⁶ Белић Александар. О прасловенском језику // Упоредна словенска лингвистика. 1. Приређивач Р. Јовићевић, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. С. 246–249.

⁷ Белић Александар, Ђорђевић Петар. Како би се могла епоха прасловенског језика временски одредити // Упоредна словенска лингвистика. 2. Приређивач Р. Јовићевић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. С. 240.

⁸ По нашей оценке, Ф.П. Филин рассмотрел первые шесть выпусков ЭССЯ. Первое издание книги, на которую мы ссылаемся (*Историческая лексикология русского языка*), было опубликовано посмертно, а Ф.П. Филин умер в 1982 г. Кроме того, в одном из многочисленных подсчетов, автор точно указывает, что имел в виду лексику, переработанную в ЭССЯ от буквы А до Г. Шестой выпуск ЭССЯ (е –*golva) опубликован в 1979 г. Так как лексика от буквы А до Г не представляет собой самую многочисленную и наглядную группу лексики, шансы, что пропорциональные отношения останутся такими же, когда ЭССЯ будет завершен, малы. Однако О.Н. Трубачев в указанной выше работе «Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода» (С. 3–23) упоминает эту книгу Ф.П. Филина и не оценивает негативно статистические подсчеты, которые в ней представлены.

⁹ Число – около 700–800 общеславянских лексем для старославянского языка (точнее для языка Кирилла и Мефодия) подтверждает А.С. Львов (*Львов А.С. Праславянский слой старославянской лексики* // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 72), ссылаясь на С.М. Кульбакина.

ляются общими для южнославянских, западнославянских и восточнославянских языков, но не для всех них вместе. Южнославянская лексика, общая для всех языков из этой группы и их диалектов, составляет 423 лексем, или 11,2 %, западнославянская лексика – 5,4 %, или 204 лексем, восточнославянская лексика – 6,8 %, или 270 лексем. Особенно интересно указать на тот факт, что существует общая южнославянская и восточнославянская лексика (12,4 %, или 468 лексем), общая западнославянская и восточнославянская лексика (8,3 %, или 314 лексем) и общая южнославянская и западнославянская лексика (6,9 %, или 260 лексем). По словам Ф.П. Филина, эта картина, безусловно, не является точной, однако он считает, что она значительно не изменится и после завершения ЭССЯ.

Еще одни данные, которые Ф.П. Филин приводит на стр. 25 своей *Исторической лексикологии* и которые он выводит на основе 3771 лексем от буквы А до Г в ЭССЯ, показывают, что праславянский лексический фонд насчитывал примерно 22 600 лексем. Как замечает Ф.П. Филин, такое большое количество лексем свидетельствует о высоком уровне культуры у говорящих, которые их использовали (замечено, что лексика произведений Пушкина состоит из 21 000 лексических единиц). Конечно, ни одно славянское племя не использовало этот фонд полностью. Общеславянский лексический фонд составлял около 4000 лексем (21 % от общего состава). Большую часть фонда каждого языка составляли локализмы.

Праславянская и общеславянская лексика. Невозможно определить количество праславянских лексем и их идентифицировать. Одной из важнейших причин этого является наличие производных слов в славянских языках, так как невозможно точно определить время их появления. Тот факт, что во многих славянских языках отмечена какая-либо лексема, не является доказательством ее праславянского происхождения, так как она могла возникнуть и позднее, в каждом языке по отдельности. Производные слова составляют большую часть лексического состава славянских языков, поэтому ясно, насколько неопределенность их статуса влияет на получение точной картины о составе праславянской лексики.

Вполне понятно, что большое количество лексем в славянских этимологических словарях квалифицируется как праславянская и общеславянская лексика. Однако эти определения не подразумевают друг друга. Так как существуют лексем (особенно дериваты), которые могли самостоятельно развиваться во многих славянских языках, мы делаем вывод, что общеславянская лексика совсем не обязательно является праславянской. Тот факт, что многие лексем в современных славянских языках возникли как рефлекс праславянских диалектизм, свидетельствует о том, что лексика праславянского происхождения в каком-либо славянском языке не обязательно должна быть отнесена к общему наследию всех славянских языков¹⁰.

Также ожидается, что праславянскую лексику составляют оригинальные славянские лексем, но в действительности и праславянский язык заимствовал лексем из других языков, которые входят в праславянский лексический фонд¹¹.

¹⁰ Так, например, А.С. Львов на стр. 73 уже процитированной работы, анализируя некоторые старославянские памятники, подсчитал, что они содержат около 10% южнославянских диалектизм.

¹¹ Й. Гркович-Мейджор к праславянскому лексическому слою старославянского языка относит и те лексем, которые представляют собой заимствования в праславянском: *cesarъ, kupiti, kьnensъ, bljudo*

Сербская лексика праславянского происхождения в ЭССЯ. Праславянским слоем лексики сербского (сербохорватского) языка до настоящего момента наиболее детально занималась И.П. Петлева¹². В двух своих работах она представила сербскую лексику праславянского происхождения в алфавитном порядке, от буквы А до М. Этот проект был осуществлен для ЭССЯ, под руководством О.Н. Трубачева. Кроме простых слов, в список были включены и дериваты. Для производных слов, как говорит автор (на стр. 115), принималось во внимание древность словообразовательной модели, семантика, ударение, время первой фиксации лексемы и т. д. В список также вошли и заимствования из германских, иранских и других языков. В случае необходимости приводилась также семантика отдельных лексем. В конце вводных замечаний автор констатирует, что реконструкция праславянского лексического фонда очень сложна и в некоторых аспектах является гипотетичной.

Здесь будет представлено около 80% лексики, которую И.П. Петлева показала в своих работах от буквы А до М. Так как нашей конечной целью является получение наглядной картины о структуре лексического фонда современного сербского литературного языка, нас интересует процент, структура и организация сербской лексики праславянского происхождения. Мы не принимали во внимание ни служебные слова, ни диалектизмы. Кроме того, нами не были охвачены все дериваты. Лексика представлена по тематическим группам, а не в алфавитном порядке, как и в работах И.П. Петлевой. Цель – рассмотреть *тематические слои лексики современного сербского языка праславянского происхождения*. Это важно подчеркнуть из-за возможных ошибочных интерпретаций приведенных тематических групп. У неосведомленного читателя может появиться желание реконструировать жизнь и культуру праславян на основе приведенных тематических групп. Подобный подход был бы ошибочным, так как праславянское происхождение лексемы не гарантирует ни того, что она действительно существовала в праславянской эпохе (это особенно касается дериватов), ни того, что она имела такое же значение, какое имеет сегодня. Следовательно, распределение лексики предпринято с целью изучения праславянского слоя *лексики современного сербского языка*, а не ради анализа *лексики праславянского диалекта*, на котором говорили сербы.

Тематическая классификация сербской лексики праславянского происхождения

1. Человек, его особенности, деятельность, состояние и т. п.

1.1. Человек: човек (*čelověkь), људи (*l'udi), чедо (*čedo), дете (*dēte), деца (*dētca), девица (*dēvica), девојка (*dēvoјka), друг (*drugь), дружина (*družina), господин (*gospodinь), госпођа (*gospodja), гост (*gostь), матóрац (*matorьсь), момак (*momькь), детињи (*dētinjь).

(Гркович-Мейджор Ђ. Старословенска лексика // Списи из историјске лингвистике. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2007. С. 378).

¹² Петлева И.П. Праславянский слой лексики сербохорватского языка. I. // Этимология 1968. Москва: Наука, 1971. С. 114–156; она же. Праславянский слой лексики сербохорватского языка. II. // Этимология 1971. Москва: Наука, 1973. С. 20–57. Из сербских лингвистов этим вопросом занимался Иван Попович: Попович Иван. Историја српскохрватског језика. Београд: Требник, Лира, Елвдпринт, 2007. С. 403–427.

1.2. Части тела человека, наросты, опухоли на теле: бедро (*bedro*), бок (**bokъ*), бора (**bora*), брада (**borda*), борода (**bordavica*), бубулица (**bubulica*), брк (**brkъ*), чело (**cĕlo*), црево (**červo*), чир (**čigъ*), чуперак (**čupergъ(къ)*), десни (**dĕsna*), длака (**dolka*), длан (**dolнь*), душник (**dušnikъ*), јетра (**(j)ętra*), глежањ (**glezънь/ь*), глава (**golva*), гузица (**gŏzica*), гуз (**gŏzъ*), груди (**grŏdъ*), језик (**jĕzykъ*), кук (**kĭkъ*), колено (**kolĕno*), краста (**korsta*), коса (**kosa*), костур (**kosturgъ*), кост (**kostъ*), кожа (**koža*), крв (**kry*), леђа (**leđja*), лице (**lice*), младеж (**madežъ*), материца (**materica*), модрица (*modrica*), мозак (**mozgъ*), мудро (**mŏdo*); **1.2.1. продукты выделения:** гној (**гнојъ*), говно (**говно*).

1.3. Исполнитель действия, носитель титула, звания, профессии: бегунац (**bĕgunъ*), цар (**cĕsarъ*), грнчар (**grъnčarъ*), краљ (**koљъ*), купац (**купрьсь*), курва (**кугъва*), кмет (**къметъ*), кнез (**кънезь*), кнегиња (**кънегунѝ*), лекар (**lĕkarъ*), ловац (**ловрьсь*), молителъ (**modlitelъ*), **носитель свойства:** мучителъ (**mŏčitelъ*), мудрац (**mŏdrъсь*), јунак (**junakъ*).

1.4. Родственные отношения: баба (**baba*), близанац (**blizъньсь*), браћа (**bratъja*), деда (**dĕdъ*), девер (**dĕverъ*), кћи (**dĕkt'и*), јетрва (**jĕtry*), мама (**mata*), материн (**materinъ*), матерњи (**materънь(јъ)*), мати (**mati*), матер (**matѝ*), маћеха (**matъjexa*), муж (**mŏžъ*).

1.5. Особенности человека: бедан (**bĕdънь*), блед (**blĕdъ*), близак (**blizъкъ*), богат (**bogatъ*), благ (**bolъ*), бахат (**бахътъ*), брз (**brъzъ*), чаран (**čarънь*), чио (**čilъ*), частан (**čъstънь*), дебео (**debelъ*), дивљи (**divъљъ*), диван (**divънь*), добар (**dobrъ*), драг (**dŏrgъ*), достојан (**dostŏjънь*), гадан (**gadънь*), глух (**gluћъ*), глуп (**glupъ*), гнусан (**gnusънь*), грозан (**grozънь*), груб (**grŏbъ*), грбав (**grъbavъ*), грд (**grъdъ*), гибак (**губъкъ*), храбар (**xŏbrъ*), хром (**xromъ*), хитар (**хитъ*), јак (**јакъ(јъ)*), једар (**jĕdrъ*), кудрав (**kŏdravъ*), красан (**krasънь*), крепак (**krĕpъкъ*), кротак (**krotъкъ*), крупан (**kрупънь*), крхак (**krъxъкъ*), кржљав (**krъžъ-*), килав (**kĭlavъ*), ласкав (**laskavъ*), лењ (**lĕнь*), леп (**lĕръ*), лош (*lošъ*), лукав (**lokavъ*), луд (**ludъ*); јалов (**jalovъ*), красота (**krasota*), мали (**malъ(јъ)*), матор (**matŏrъ*), милостив (**milostivъ*), милост (**milostъ*), милостан (**milostънь(јъ)*), мио (**miљ(јъ)*), миран (**mirънь(јъ)*), млохав (**mloxavъ*), млитав (**mlitavъ*), моћ (**mŏgtъ*), моћан (**mŏgtънь*), младост (**moldostъ*), млад (*moldъ(јъ)*), мучан (**mŏčънь(јъ)*), мудар (**mŏdrъ(јъ)*), мудрост (**mŏdrostъ*), мушки (**mŏžъськѝ*), мисаон (**mysънь*), мусав (**mysavъ*), мршав (**mrъšavъ*), мртав (**mrъtvъ*).

1.6. Чувства: бес (**bĕšъ*), бојати се (**bojati (se)*), бојазан (**bojazънь*), ценити (*cĕniti*), чезнути (**čeznŏti*), дивити се (**diviti (se)*), јед (**ĕdъ*), јад (**jadъ*), гнев (**gnĕvъ*), кајати се (**kajati (se)*), љубав (**l'uby*), милити се (**militi (se)*), мрзити (**mrъziti*), мрзак, мрски (**mrъžъкъ(јъ)*).

1.7. Духовная жизнь человека: душа (**duša*), грех (**grĕxъ*), истина (**istina*), лаж (*lъžъ*), мѝра (**mŏra*), мисао (**mysъ*), чудити се (**čuditise*), досада (**dosada*), досадити (**dosaditi*), мислити (се) (**mysliti (se)*), молба (**modlъba*); **1.7.1. религија:** бог (**bogъ*), богиња (**boguni*), Божић (**božitъ*), молитва (**modlitva*).

2. Животные

2.1. Животные и их части тела: јагње (**agъe*), блавор (**bolvorgъ*), буба (**buba*), зоља (**bъzol'a*), бик (**bukъ*), пчела (**bъčela*), црв (**čъrvъ*), јелен (**elenъ*), јесетра (**esetra*), јеж (**ežъ*), јазавац (**ežvъсь*), глиста (*glista*), гњида (**gnida*), говедо (**govĕdo*),

гуштер (*gušceгъ), хрчак (*хъгъцькъ), ярац (*јагъсь), јуне (*јунѣ), кљусе (*kl'use), кобила (*kobyла), коњ (*копъ), крава (*kova), кошута (*košuta), коза (*koza), куче, кучка (*kuč-), куна (*kuna), цврчак (*квъгъцькъ), крпелъ (*кърпелъ), ласица (*lasica), лептир (*lep(ъ)тугъ), лисица (*lyсica), лав (*лъвъ), матица (*matica), мечка (*мецька), медвед (*medvѣдъ), мрена (*merna), метиль (*metyль), младунац (*moldunьсь), мољац (*мольсь), мрав (*могвъ); крдо (*кърдъ), мужјак (*mož-), мува (*muxa), мушица (*mušica), мазга (*мъзькъ), миш (*мушь), марва (*мъгха), грива (*griva), кљун (*kl'унъ), копито (*koryто), крило (*kridlo).

2.2. Птицы: јато (*јато), јастреб (*astrѣбъ), дропља (*dropу), дрозд (*drozdъ), галѣб (*galѣбъ), гавран (*ga(jъ)voгъпъ), голуб (*golубъ), гуска (*goсъка), јаребица (*јарѣбica), јастреб (*јastrѣбъ), кокош (*кокошь), кукавица (*kukavica), ластавица (*lastavica).

2.3. Звуки животных: блејати (*blѣјати), гакати (*gakati), гукаати (*gukati), крекѣтати (*крекѣтати), цврчати (*квъгъкати), лајати (*лајати), маукати (*m'aukati), мечати (*мецати), мекати (*mekati), мукаати (*mukati).

3. Растения

3.1. Мелкие растения: билька (*byлька), боб (*bobъ), боквица (*boкy), бршљан (*bršl'анъ), зова (*bъzova), буника (*bylnika), детелина (*deгелина), јечам (*ј)ѣсьму), гљива (*gliva), грах (*гогхъ), грм (*ггъмъ), хмель (*hъмель), конопља (*konopja), коприва (*kopрiva), кукољ (*koкoљъ), лишај (*lišajъ), лоза (*loza), лук (*lukъ), лан (лъпъ), мак (*макъ), метвица (*meгъvica), маховина (*мъxovina), мрква (*мъгкy).

3.2. Деревья: дрво (*дгъво) јаблан (*abolнь), јасен (*asenъ/ь), јасика (*asika), јавор (*avoгъ), брест (*berстъ), берза (*berza), бор (*богъ), буква (*bukъ), дрен (*dernъ), јела (*edla), плог (*glogъ), леска (*lѣska), липа (*lipa).

3.3. Фрукты: јабука (*ablъко), јагода (*agoda), бресква (*bersky), трешња (*ceгъьп'а), крушка (*kruš(ъ)ka), грожђе (*grozdъje), купина (*kopina).

3.4. Части растений: бобица (*bobica), бодља (*bodль), грана (*grana), грозд (*grozdъ), клас (*kolsъ), корен (*korѣнь), крошња (*крошъп'а), цвет (*kvѣтъ), клица (*кълica), латица (*latica), лист (*listъ), луска (*l'uska), махуна (*мъxуна).

4. Пища

4.1. Продукты животного и растительного происхождения; пища: храна (*xorna), јагњетина (*agnѣтина), јаретина (*јарѣтина), говедина (*govѣдина), јаје (*aje), брашно (богъно), хлеб (*xlѣбъ), каша (*kaša), колач (*kolaчъ), лепиња (*leпина), летина (lѣтина), лој (*loјъ), масло (*maslo), маслац (*masльсь), маст (*mastъ), мед (*medъ), млеч (*meлъ), мекиње (*meкyна), месо (*meсо).

5. Предметы, особенности предмета

5.1. Предметы: јарам (*агъмъ), бич (*biчь), брана (*borna), бубањ (*boбънь), брвно (*bъгвъно), бритва (*britva), брод (*broдъ), бачва (*бъѣи), цедило (*cѣdidlo), цев (*сѣвъ), чаша (*чаša), цреп (*ceгъръ), чешаљ (*ceслъ), чун (*чьлнь), даска (*дъska), длето (*delbто), дубак (*дълбъкъ), греда (*ггѣда), гусле (*goслъ), грабуље (*grabу'а), гривна (*grивъна), гвожђе (*gvozдъje), јасле (*jasli), ивер (*јъвегъ), игла (*јъгъла), клада (*kolda), клешта (*klešča), клупа (*klоръ), кључ (*kl'уѣ), колевка (*kolѣбъка), конац (*копъсь), копље (*коръје), корито (*koryто), коса (*kosa), кошара (*košара), кошуља (*koшyл'а), кошница (*кошъница), котао (*котъль), кука (kuka), квака (*kvaка), кабао (*кълъль), књига (*кълпига), крчаг (*кългъагъ), крпа (*кългъра), лѣствице (*lѣztva), лонац

(*lɔpъсь), лопата (*lɔpata), лопта (*lɔpъта), лутка (*lɔtъка), мамац (*mamaъсь), мрежа (*meŕža), метла (metъla), мотка (*motъка), мотика (*motука).

5.2. Сооружения: **5.2.1. людей:** грађа (*gordja), дом (*domъ), двор (*dvoŕgъ), куђа (*koŕtja), кров (*krovъ), мост (mostъ), млин (*mъlinъ); **5.2.2. животных:** мравињак (*morvin-), гнездо (*gnězdo), јазбина (*ězvina).

5.3. Особенности, которые первоначально не относятся к человеку: бистар (*bystъгъ), бридак (*bridъкъ), цео (*celъ), чест (*čeŕstъ), чист (*čistъ), читав (*čitavъ), чврст (*čъrstvъ), црвлив (*čъgvivъ), гњио (*gnilъ), дуг (*dъlgъ), једнак (*edъnakъ), гладак (*gladъкъ), горак (*gogъкъ), готов (*gotovъ), густ (*gostъ), исти (*istъjъ), јасан (*jasnъ), коначан (*kopaъсьнъ), кратак (*kortъкъ), крив (*krivъ), крут (*krɔtъ), крт (*kъtъ), крњ (*kъmъ), кисео (*kysъlъ), лагодан (*lagodъnъ), леден (*ledъnъ), лак (*lъgъкъ), љут (*l'utъ), мастан (mastъn(jъ)), мек (*meк(jъ)), млак (*molъкъ), мутан (*motъnъ(jъ)), мрсан (*mъrsъnъ(jъ)).

5.4. Цвета: бео (*bělъ), црн (*сьnъ), црвен (*сьgvенъ), мрк (*mъгъкъ), модар (*modъгъ(jъ)).

5.5. Партикуларизаторы: бреме (*berme), честица (*čeŕstica), грумен (*grume), грудва (*grudy), млаз (molъзъ), мрва (*mъvа); **целое и части:** целина (*сѣlina), члан (*čelnъ), број (*brojъ).

5.6. Формы и линии: коцка (*kostъка), круг (*krɔgъ), крак (*korъкъ), дуж (*dъlъžъ), црта (*сьrta).

6. Географические понятия, атмосферные явления

6.1. Место, рельеф, тип почвы: место (*město), брег (*berg), bezdan (*bezъdъnъ), бразда (*borzda), брдо (*bъrdo), глина (*glina), дивљина (*divina), долина (*dolina), двориште (*dvoŕiŕŕe), држава (*dъržava), јаз (*jazъ), гај (*gajъ), град (*gordъ), гроб (*grobъ), гробље (*grobъje), јама (*jama), камен (*kamy), кремен (*kremy), кланац (*kolъnъсь), копно (*kopaъно), крш (*kъšъ), ледина (*ledina), луг (*lɔgъ); међа (*medja), граница (*granica).

6.2. Водные пространства: бања (*ban'a), бара (*bara), блато (*bolto), брлог (*bъrlogъ), извор (*jъzvoŕgъ), језеро (*ezero), глиб (*glibъ), каљуга (*kal'uga), лука (*lɔka), муљ (*mulъ).

6.3. Атмосферные явления: бура (*bur'a), дуга (*dɔga), дим (*dumъ), гар (*gagъ), гром (*gromъ), мраз (*morъзъ), звезда (*gvězda), јара (*jara), капља (*kapja), киша (*kuša), лед (*ledъ), Месец (*měseсъ), месечина (*měsečina), магла (*mъgla), мраз (*morъзъ).

6.4. Местные показатели маршрута и ориентиры: далек (*daleкъ), десни (*desъnъ(jъ)), доњи (*dolaъnъjъ), дно (*dъbno), горњи (*gogaъnъjъ), леви (*lěvъjъ), југ (*jugъ).

7. Время

7.1. Время: час (*časъ), четвртак (*četvrtъkъ), дан (*dъnъ), давни (*davъnъ(jъ)), древни (*drevъnъ(jъ)), доба (*doba), дневни (*dъnevъnъ(jъ)), јесен (*esенъ), година (*godina), јутро (*jutro), лето (*lěto).

8. Процессы

8.1. Условия, события, медиальные процессы: беда (*běda), бистрина (*bystrina), блистати (*blistati), блеснути (*blъsknɔti), блесак (*blěskъ), блувати (*blъvati), болест

(*bolestь), болети (*bolěti), бол (*bolъ), бос (*bosъ), бридити (*briditi), баздети (*bъzděti), бдети (*bъděti), брботати (*bъrbotati), будити се (*buditi se), чинити (се) (*činiti se), чути (*čuti), чувати (*čuvati), чамити (*čьmiti), чама (*čьма), чврснути (*čьrstvnōti), давити (се) (*daviti se), димити се (*dymiti se), добити (*dobyti), догодити се (*dogoditi se), дремати (*drěmati), дурити се (*duriti se), жежити се (*ežiti se), јежа (*j)ęza), гњити (*gniti), гнојити се (*gnojiti se), гојити (*gojiti), гладовати (*goldovati), глад (*goldъ), гранути (*gornōti), грмети (*grměti), го (*golъ), горети (*gorěti), грозити се (*groziti se), грозница (*grozъnica), губити (*gubiti), гинути (*gybnōti), хабаты се (*xabati se), хладити (*xolditi), хркати (*хъrkati), имати (jьmati), извирати (*izvirati), ишчезнути (*jъzčēnōti), јава (*авъ), клецати (*klęcati), клокотати (*klokotati), колебасти (*kolěbati), куњати (*kun'ati), клијати (*кълjјati), кипети (*купjјati), киснути (*kysnōti), лебдети (*lebděti), лећи (*legt'i), летети (*letěti), лјепити се (*lјepiti se), лити (*liti), лучити (*lōčiti), мењати се (*měj'ati se), метеж (*mežež), милина (*milina), мирити (се) (*miriti se), мировати (*mirovati), мир (mirъ), млачити се (*mlačiti se), модрити се (*modriti se), мокар (*мокгъjъ)), моћи (*mogti), мрачити (се) (*morčiti se), мрак (*моркъ), мучити се (*močitisę)), мука (*мока), маглити (се) (*мьgliti se)).

8.2. Деятельность, активные процессы: јавити (се) (*aviti se), бацити (*baciti), бајати (*bajati), бавити се (*baviti se), беседити (*bez (ъ)sěditi), бежати (*běžati), бирати (*birati), блебетати (blebetati), блудити (*blōděti), богатити (се) (*bogatiti se), борити се (*bortise), бранити (*borniti), бости (*bosti), бријати (*briti), бродити (*broditi), бројати (*brojiti), брусити (*brusiti), брисати (*brysati), бучати (*bučati), буљити (*buliti), бунити (*buniti), бусати се (*busatisę), бушити (*bušiti), бркати (*bъrkati), брзати (*bъrzati), брати (*bъrati), цедити (*čěditi), целивати (*čelovati), цепати (*сjјati), чарати (*čarati), чекасти (*čekati), чистити (čistiti), читати (*čitati), чупати (*čupati), црпсти (*čьrpt'i), цртати (*čьrtati), частити (*čьstiti), даровати (*darovati), дати (*dati), делати (*dělati), делити (се) (děliti se), дирати (*dirati), додати (*dodati), дојити (*dojiti), доћи (*dojъti), доказати (*dokazati), допрети (*doperti), досегнути (*dosegnōti), доспети (*dospjјati), достићи (*dostigt'i), довести (*dovesti), драпати (*drapati), дражити (*dražiti), дробити (*drobiti), дружити се (*družiti se), дунути (*dunōti), дићи (*dvigt'i), дубити (*dъlbiti), дрмати (*dъrmati), држати (се) (*držati se), јести (*ěsti), гајати (*gadјati), гајити (*gajiti), гасити (*gasiti), гатати (*gatati), газити (*gaziti), гладити (*gladiti), гледати (*ględati), глумити (*glumiti), гутати (*glъtati), гњавити (*gn'aviti), гонити (*goniti), градити (се) (*gorditi se), гостити (*gostiti), говорити (*govoriti), грабити (*grabiti), гребати (*grebati), грејати (*grjјati), грешити (*grěšiti), грохотати (*groxotati), гристи (*gryzti), гулити (*guliti), звизнути (*gvizdnōti), грбити се (*гъrbiti se)), грчити (*гъrčiti), грдити (се) (*гъrditi se)), хвалити се (*xvaliti se)), хитати (*хytati), јебати (*jebati), јецати (*j)ęcati), јурити (*juriti), играти (*jъgrati), избавити (*jъzbaviti), избећи (*jъzběžati), избити (*jъsbyti), издати (*jъzdati), какасти (*kakati), каљати (*kal'ati), калити (*kaliti), карати (*karati), кашљати (*kašl'ati), казати (*kazati), клеветати (*kl'evetati), клечати (*klęčati), клизати се (*klizati se)), кљукати (*kl'ukati), куцати (*кълjјati), клати (*kolti), клатити (*koltiti), копати (*kopati), користити (*koristiti), косити (*kositi), котити (се) (*kotiti se)), ковати (*kovati), купати се (*kopati se)), красти (*krasti), кресати (*kresnōti), кренути (*krętnōti), крикнути (*kriknōti), кројити (*krojiti),

кротити (*krotiti), кршити (*kǫšiti), крити (*kryti), кудити (*kuditi), кукачи (*kukati), купити (*kupiti), кўпити (*kupiti), кварити (*kvariti), квасити (*kvasiti), крцати (*kǫrcati), крчити (*kǫčiti), крзати (*kǫrzati), каснити (*kǫsǫnǫti), кидати (*kydati), кинути (*kydnǫti), китити (*kytiti), ласкати (*laskati), лечити (*lečiti), лизати (*lizati), ломити (*lomiti), ловити (*loviti), ложити (*ložit), лупити (*lipiti), луштити (*lušćiti), лутати (*lutati), лагати (*lǫgati), лубити (*l'ubiti), луљати (*l'ul'ati), махнути (*mahnǫti (sǫ)), мамити (*mamiti (sǫ)), мастити (ce) (*mastiti (sǫ)), мазати ce (*mazati (sǫ)), мерити (ce) (*mǫriti (sǫ)), месити (*mǫsiti), мешати (ce) (*mǫšati (sǫ)), мигнути (*mignǫti), мигольтити ce (*migoliti (sǫ)), миловати (*milovati), мочити (*močiti), молити (*modliti), мокрити ce (*mokriti (sǫ)), млатити (*moltiti), мотати (ce) (*motati (sǫ)), мудровати (*mǫdrovati), мутити (ce) (*mǫtiti (sǫ)), муљати (*mul'ati), макнути (ce) (*mǫknǫti (sǫ)), мрднути (ce) (*mrdnǫti (sǫ)), множити (ce) (*mǫnožit (sǫ)), мрсити (ce) (*mǫrsiti (sǫ)), мрштити (ce) (*mǫršćitise), мрљати (*mǫrl'ati), мрвити (*mǫrviti).

8.3. Мероприятия, результаты деятельности: бег (*bǫgъ), блуд (*blǫdъ), бој (*bojъ), буна (*buna), игра (*jъgra), ход (*xodъ), квар (*kvaгъ), клетва (*klǫtva), лов (*lovъ), беседа (*bez (ъ)sǫda), крађа (*kradja).

8.4. Звуки: бука (*buka), граја (*graja), грохот (*groxotъ), громор (*gromogъ), громот (*gromotъ), гром (*gromъ), хук (*xukъ), клокот (*klokotъ), клопот (*klopotъ), крик (*krikъ), лапат (*lapъtъ), лом (*lomъ).

9. Разное

9.1. Разное: благо (*bolgo), цена (*cǫna), чудо (*čudo), даг (*daгъ), дело (*dǫlo), дах (*dǫxъ), глас (*golъsъ), искра (*iskra), име (*jъmǫ), коло (*kolo), кора (*kora), лек (*lǫkъ), мера (*mǫra), мешавина (*mǫšavina), хумка (*hъlmъka).

II. Старославянская и церковнославянская эпоха

Сербы, как и другие славянские народы, использовали старославянский язык в качестве своего первого литературного идиома с IX по XI/XII века. Лексика старославянских памятников содержит 9616 слов. Старославянская лексика содержит несколько слоев: а) праславянский (общепраславянский и диалектный праславянский); б) заимствования (гречизмы и семитизмы); в) книжные формирования (неологизмы); г) кальки¹³. Половина старославянской лексики является праславянской по происхождению (около 4500 лексем). Процент общеславянской лексики в старославянском языке исключительно высок, славянских словообразовательных формантов почти 90%. Число неславянских лексем, греческих по происхождению, составляет 1778, а это 18% лексического фонда¹⁴.

Некоторые лингвисты считают, что первым литературным языком сербов был не старославянский, а сербско-славянский. С XI/XII века на этом языке появилась целая сербская средневековая литература, начиная от произведений Святого Саввы и Стефана Первовенчанного, Феодосия, Доментиана, Константина Философа, до творчества

¹³ *Грковић-Мејор Јасмина*. Старословенска лексика // Списи из историјске лингвистике. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2007. С. 377.

¹⁴ *Никитовић Зорица*. Сложенице у оригиналним српскословенским дјелима сакралног карактера. Бања Лука: Филолошки факултет, 2014. С. 6.

Гавриила Стефановича Венцловича¹⁵. Редакции старославянского языка особенно повлияли на фонологический и немного на морфологический уровень. Лексических и синтаксических различий было мало, на чем и основывается единство церковнославянского языка как языка, общего для целого ареала *Slavia orthodoxa*. Сербско-славянский язык наследовал все лексические средства старославянского языка. С самого начала творчества на сербско-славянском языке существовала сильная дихотомия «сакральное/профанное» в произведениях сербско-славянской письменности. На церковнославянском языке (да и на сербско-славянском) писали, прежде всего, богослужебные и церковные книги, но это был язык и научной литературы, космографических, географических и других ученых сочинений, а также художественной литературы. На народном языке написаны юридические и торговые документы, популярные литературные произведения светского содержания. «Так, – говорит П. Ивич¹⁶, – в самом начале у сербов существовала диглоссия – состояние, в котором общество пользуется двумя языковыми типами, функционально дифференцированными так, что один из них ощущается как “более высокий”, облагороженный, отменный и утонченный, а другой – как “более низкий”, народный и простой». С течением времени «народный язык отнимал у церковнославянского одну за другой область употребления, оттесняя своего соперника к его последнему рубежу, богослужебной функции»¹⁷. П. Ивич замечает, что в Средние века в славянских землях церковнославянский язык воспринимался не как иностранный язык, существенно отличающийся от родного, а как более высокий стиль родного языка. Поэтому во многих славянских текстах смешиваются элементы церковнославянского и местного языка, в то время как подобное смешение латинского с живыми европейскими языками было немыслимо¹⁸.

Сербская народная лексика в раннее Средневековье. Вместе с произведениями на сербско-славянском языке в Средние века появлялись и произведения на сербском народном языке, но всегда с сильным присутствием литературного, сербско-славянского. Начиная с Грамоты бана Кулина конца XII века и тысяч других грамот, «Законника царя Душана» XIV века и «Закона о рудниках» деспота Стефана XV века до Бесед Гавриила Стефановича Венцловича, мы видим сербское культурное наследие, созданное на языке, близком разговорному языку того времени¹⁹. Больше всего данных о живом языке сербов в раннее Средневековье нам предоставляют письма и грамоты. Сохранные средневековые письма представляют собой, в основном, деловую переписку или дипломатические ноты. Личная переписка, вероятно, настолько тщательно не сберегалась.

Грамоты и письма побудили П. Ивича и других лингвистов реконструировать народную лексику, которая начала использоваться в сербском народном языке в раннее

¹⁵ *Милановић Александар*. Кратка историја српског књижевног језика. Београд: Завод за уџбенике, 2010.

¹⁶ *Ивић Павле*. Језик у Немањинској епоси // Историја српског народа. Прва књига, од најстаријих времена до Маричке битке / Уредник прве књиге Сима Ћирковић. Београд: Српска књижевна задруга, 1981. С. 617.

¹⁷ *Ивић Павле*. Српски народ и његов језик. Друго издање. Београд: Српска књижевна задруга, 1986. С. 120.

¹⁸ *Ивић Павле*. Језик у Немањинској епоси. С. 619.

¹⁹ *Милановић Александар*. Кратка историја српског књижевног језика.

Средневековье и которая засвидетельствована в сербско-славянских текстах. Вот несколько примеров по П. Ивичу²⁰:

Горная терминология славянского происхождения: *врлет, голет, криш, пећина, пониква, урвина, челопек*.

Лексика славянского происхождения, связанная с феодализмом: *господар, престол, вен'ц (= круна), владаније (= држва), двор, властелин, себр, отрок, сокалник, работа, згон, градозиданије, дан'к, доход'к, намет'к, оброк, позоб*.

Управление и право: *правда, закон, заповед, послушаније, с'грешеније, убиство, најезда*.

Займствования из греческого языка: *штиља, крин, (прази)лук, цвекла, спанаћ, шкорпија, плима, јастог, сидро*.

А вот еще несколько примеров народной лексики, сохраненной в «Законнике» Душана²¹: *потећи (= притрчати), потреба, потребовати, похара (= уништење), похвалити, прав (= исправан, праведан), правда, печат, невера, наметнути, наход (= напад), лупештина (= крађа, лоповлук), исправа (= правило, пропис), закон, заклињање, духовник²²*.

Церковнославянизмы (книжная лексика). В церковных и других сочинениях, переведенных с греческого языка, лексика отделяется от народной и становится более интеллектуальной: *владич'ствовати, разнствовати (= бити различит), сужительство (= заједнички живот), братотвореније, клетвопреступљеније, двојежен'ц*. Многие из этих слов образованы по греческому образцу: *звездословац, земљемерије, народодржаније²³*.

Сложными словами (которые являлись характерным типом сербско-славянской лексики) в оригинальных сербско-славянских произведениях сакрального характера детально занималась Зорица Никитович. Вот несколько примеров из ее книги: *благолубив, благообрадован, богоглаголив, боголепије (= узвишеност), многоочит, многолубовно, немилосрдије, ништепитаније (= исхрана сиромашних), облакоподобан (= сличан облаку), самовољан, самодржац, самохотно, целомудрије²⁴*.

Церковнославянский язык продолжал жизнь в сербском литературном языке вплоть до XIX в. и реформы Вука. В XVIII в., ввиду сложных исторических обстоятельств, сербы приняли русско-славянский язык, в результате чего в письменных текстах одни и те же славянские лексемы появлялись в русской и сербской фонетико-фонологической форме. Смесь русско-славянского, сербско-славянского, русского и сербского языков привела к появлению так называемого славяно-сербского языка. Лексика этого языка получила название *славянизмы*. Вот несколько примеров вариантов лексем, которые появились под влиянием всех этих языков в литературных произведениях конца XVIII – начала XIX в.: *љубов /љубав, љубезан /љубазан, темница /там*

²⁰ *Ивић Павле*. Језик у Немањинкој епоси.

²¹ *Чавошки К., Бубало Ђ.* (редакторы). Законик цара Стефана Душана. Београд: САНУ, 2015.

²² Больше всего примеров лексики этого периода содержат два словаря. Первый – Речник из књижевних старина српских *Джуры Даничича*, 1–3. Београд, 1863–1864. Второй – *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 1–23. Zagreb: JAZU, 1880–1976.

²³ *Ивић Павле*. Језик у Немањинкој епоси. С. 632.

²⁴ *Никитовић Зорица*. Сложенице у оригиналним српскословенским дјелима сакралног карактера. Бања Лука: Филолошки факултет, 2014.

ница, точан /тачан, точка /тачка, немецки /немачки, урежденије /уређење, граждански /грађански, принужден /принуђен, восток /исток, совјет /совет, Ускрс /Васкрс /Воскрес, отачаство /отечество /отачество, путашаство /путешество /путашество²⁵. Случалось, что писатели комбинировали русско-славянские и сербские или сербско-славянские элементы, в результате чего появлялись гибриды, известные как *славяно-сербизмы* (*содржаније, несогласја, савершено, суштество, чувствованја*)²⁶.

Как подчеркивает К. Кончаревич, церковнославянский язык и церковнославянизмы в устной форме и сегодня активно используются в литургической практике православной церкви, а в письменной форме – в богослужебных книгах. Это тот церковный язык, который был стандартизирован в России в конце XVII – начале XVIII в., во времена патриарха Никона. Этот язык заменил прежний сербско-славянский, поэтому многие его называют *новоцерковнославянским языком*. Он является архаичным, но не мертвым. В отличие от русского языка, где церковнославянская база участвовала в кодификации современного русского литературного языка, языковая реформа Вука Караджича, проведенная в XIX в., не продемонстрировала толерантности по отношению к церковнославянскому языку и церковнославянизмам²⁷. Сербский литературный язык основан на народной основе. Однако, как выяснилось, самому Вуку, как и его преемникам, следовало смягчить свою позицию, так как для обозначения многих понятий в народном языке не хватало лексических средств. Вук был вынужден образовывать новые слова и одновременно пользоваться церковнославянским наследием.

Церковнославянизмы сегодня. Сколько церковнославянизмов из различных эпох сохранено в современном сербском языке? Согласно исследованию Александры Йович, из 150 000 слов в *Словаре сербохорватского литературного языка* Матицы сербской, только 120 лексем квалифицированы как церковнославянизмы, а если при анализе учесть и дериваты, которые чаще всего немаркированы, то число этих лексем составит 165²⁸. Следует помнить, что в современном сербском литературном языке количество слов церковнославянского происхождения в действительности больше, так как некоторые из них настолько хорошо освоены в сербском языке, что больше не могут быть идентифицированы как таковые. Это, например, *крст, младост, молитва, пост*, которые и не следует маркировать в словарях. Самыми очевидными являются случаи, когда слово в своем основном звуковом облике сохраняет следы церковнославянского происхождения²⁹.

Следующие церковнославянизмы, согласно Словарю сербохорватского литературного языка³⁰, входят в общий лексический фонд современного сербского языка: *аз, бесловесан, бесловесник, бесловесно, бесловесност, бесмртије, беспределан, бешче-*

²⁵ Милановић Александар. Кратка историја српског књижевног језика. Београд: Завод за уџбенике, 2010.

²⁶ Милановић Александар. Језик Јована Суботића. Београд: Чигоја штампа, Филолошки факултет, 2014. С. 337.

²⁷ Кончаревић Ксенија. Социолингвистички аспекти полилингвизма сакралних језика у оквиру *Pax Slavia Orthodoxa* // Сборник Матице српске за славистику. 2008. 73. С. 213–225.

²⁸ Јовић Александра. О црквенословенизмима у Речнику српскохрватског књижевног језика (в печати).

²⁹ Ивић Павле. Српски народ и његов језик. С. 307.

³⁰ Данные приводятся согласно результатам исследования: Јовић Александра. О црквенословенизмима у Речнику српскохрватског књижевног језика (в печати).

стије, беишчислен, битије, благовети, богослужје, буки, ваистину, васељена, васељенин, васељенски, Васкрс, васкрс, Васкрсеније, васкрсење, васкрсни, васкрснути, васкрснуће, васкрсовати, васкришавати, васкриши, васпоставити, васпостављање, васпостављати, весма, вознесење, вознести (се), времја, глагол, глаголати, глаголаш, глаголашки, глаголица, глаголски, глагољ, глагољав, глагољавост, глагољање, глагољати, глагољаши, глагољашки, глагољаштво, глагољив, глагољивост, глагољити, глагољица, глагољски, глагољички, двери, дверца, движење, девственик, дејствије, дејствителни, жертва, жертовеник, жертовати се, житије, збитије, ижица, изреченије, искон, искони, исполн, јастије, јери, јуност, јуноша, јус, кондак, магновен, магновеније, магновено, магновење, маштаније, моленије, мошти, наказаније, наказати, насушан, насушност, ништ, обвињен, образ, оваплотити (се), оваплоћавати (се), оваплоћење, одежда, описаније, општежитије, општество, освештати, освештавање, освештавати, отечество, отечествен, откровење, отпојати, отпојавати, очајаније, певанија, повиновати се, повинути се, повињавати се, подвижник, подвижништво, поднебије, подобије, подозрење, познаније, позорије, попечење, посланије, превасходитељство, преданије, преласт, преластан, преластити, преластити се, прелестан, прелест, преосвештени, преосвештеност, преосвештенство, преподобије, прочита, прочитати, прочи, прошење, раб, раба, распетије, рождество, рци, столетије, страданије, суштствен, суштствено, суштственост, суштство, суштствованање, суштствовати, сушти, уживленије, упражњавати (се), Успеније, ухљебије, христијан, чатаи, чатац, читати, чесно, чест, честан³¹.

Вышеприведенная лексика относится к старославянизмам, сербско-славянским и русско-славянским вариантам. Данные слова в указанном словаре имеют различные пометы: *цсл., рсл., стсл., цркв., арх., заст., рлг., стар.* и т.д.³²

Церковнославянизмы сохраняются и в устной традиции, и в народных говорах. С. Реметич отмечает, что «существительные среднего рода на *-ије* (*Ваведеније, Преображеније, бденије* и т.п.) получили распространение в верхнем течении Тары, Пивы и Морачи и их притоков, где суффикс *-ије* является обычным у имен существительных и вне церковной жизни (*прољевеније, нагрђевеније* и т.п.). Распространенность данного явления, возможно, связана с авторитетом и влиянием Церкви на этих территориях в Средние века. Там, впрочем, находится главный очаг и исходная точка народного творчества о Святом Савве, откуда затем оно было распространено миграциями»³³.

Церковнославянская лексика сегодня воспринимается как архаичная и неприемлемая для неформального стиля, но Е.В. Петрухина считает, что при помощи заимствований из церковнославянского языка можно создать *высокий стиль* в русском и сербском языке, и поэтому их следует беречь и возрождать³⁴.

³¹ Возможные дублеты, ударения, дефиниции и примеры приведенных лексем ср. в Словаре сербохорватского литературного языка. I–VI. Нови Сад: Матица српска, 1967–1976.

³² *Јовић Александра.* О црквенословенизмима у Речнику српскохрватскога књижевног језика (в печати).

³³ *Реметич Слободан.* О траговима црквеног језика у народним говорима // Јужнословенски филолог. 1997. LIII. С. 75–85.

³⁴ *Петрухина Е.В.* Использование словообразовательных ресурсов церковнославянского языка в современном русском языке // Творба речи и њени ресурси у словенским језицима / Главни уредник Рајна Драгићевић. Београд, 2012. С. 271–289.

III. Турецкие завоевания и ориентализмы

С конца XIV в. и начала турецких завоеваний сербских территорий и вплоть до XIX в. значительную роль в развитии лексики сербского языка играл турецкий язык. Последствия этого сильного языкового контакта ощущаются в современном сербском языке и сегодня. Специалисты замечают, что и до XIV в. в сербском языке существовали некоторые ориентализмы. Таких ориентализмов предосманского периода немного, но для их обозначения предлагается термин *тюркизмы*³⁵ со значением *слово или выражение, заимствованное из турецко-татарских языков в какой-либо другой язык*. Для ориентализмов, вошедших в сербский язык через турецкий уже во время турецких завоеваний, существует термин *турцизмы*, или *османизмы*. В данной работе мы будем пользоваться терминами *ориентализмы* и *турцизмы*, и они будут тождественны по значению. По мнению М. Адамовича, предосманские ориентализмы могли проникнуть в сербский язык через старославянский (а в него они проникли из протоболгарского языка), через старорусский и венгерский. В качестве примеров предосманских ориентализмов М. Адамович приводит и этимологически анализирует следующие лексемы: *багља* (*пласт, свежањ, снап*), *белег, бубрег, чаканац* (*зидарски чекић*), *чакља, жарак, жаруга, кина* (*мука*), *комлов* (*хмель*)³⁶. П. Радич приводит лексемы *чаша, књига, ковчег, крчаг, сабља, крагуј* (вид птицы), *шаран, шевар* как примеры влияния туранских языков, на котором говорили авары и гунны в III–VII вв. В результате контакта славянских и аварских племен в VI–VII вв. были усвоены лексемы *бан, жупан, клубук*. Через протоболгарский славяне освоили лексемы *беочуг, пашеног, тојага*, а также и упомянутые *белег, бубрег*³⁷. С. Петрович принимает от Баскакова периодизацию миграций тюркских племен на Балканах: 1) до IX в. – гуннские племена; 2) с X по XII в. – огузские племена; 3) с XIII по XVI в. – половцы; 4) с XV по XVIII в. – османы³⁸.

Наиболее сильное влияние турецкого языка на сербский продолжалось во время турецких завоеваний сербских территорий с XV по XIX в. Через турецкий в сербский язык проникли лексемы из персидского, арабского языков и даже из греческого и латинского³⁹. Укрепляя власть на новой территории, турки-османы повлияли на лексический фонд сербского языка в области администрации, армии, а затем и в сфере ремесленничества, повседневной жизни и т. д. Хотя, как утверждает С. Петрович, нет достаточного количества исследований о времени заимствования определенных турцизмов, но анализ материала из различных периодов развития сербского языка указывает на тот факт, что эти лексемы всегда принадлежали данным тематическим группам.

По словам М. Джинджич, анализ заимствований предвуковского периода (1660–1817) показывает, что наибольшее количество иностранных слов попало в сербский язык из турецкого и они могут быть распределены по следующим тематическим груп-

³⁵ *Петровић Снежана*. Историјат и стање проучавања турцизама у српскохрватском језику // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. XXXVI/2, 1993. С. 71–128.

³⁶ *Адамовић М.* Турске позајмице неосманског порекла // Наш језикн. 1969. XVII/5. С. 284–298.

³⁷ *Радић Првослав*. On the Oriental Lexicon in the Serbian Language // The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony, and Tipology / Ed. by Lj. Popović and M. Nomachi. Sapporo: Hokkaido University, 2015.

³⁸ *Петровић Снежана*. Историјат и стање проучавања турцизама у српскохрватском језику. С. 72.

³⁹ *Радић Првослав*. On the Oriental Lexicon in the Serbian Language. С. 136.

пам: *ремесла, профессии, домашняя утварь, кулинария, одежда и ткани, драгоценности и украшения, цвета, аграрные культуры, домашние животные*⁴⁰.

Обзоры турцизмов в сербском языке обычно начинают со *Словаря* В. Караджича 1818 года⁴¹, в предисловии к которому Вук указывает, что он обозначал турцизмы звездочкой, «а где сразу приходило в голову, заменял сербскими словами». Он считал, что «многие из этих турецких слов могут быть без всякого труда исключены из нашего языка, для чего вместо них у нас есть сербские, а некоторые из них в течение года и не вспоминаются». Однако оказалось, что многие турцизмы Вук не обозначил звездочкой и что, по оценке Елезовича, многие реально использовавшиеся слова он пропустил. Из 26 270 слов, представленных в *Словаре* 1818 года, около 2500 относится к турцизмам, а в *Словаре* 1852 года из 47 500 слов выявлено около 3700 турцизмов⁴².

А. Пецо создал тематическую классификацию турцизмов Вука с целью продемонстрировать, в каких сферах жизни общества турецкое влияние было наиболее сильным. Можно сказать, что больше всего турцизмов относится к тематическим группам *армия, торговля, администрация*, за ними следует – *дом и домашняя утварь*, а затем – *профессии и инструменты*. Присутствуют группы и с меньшим количеством лексем: *одежда и обувь; пища и напитки; овощи и фрукты; семейная и личная жизнь; религия и обычаи*⁴³.

В словаре Шкалича представлено 8742 турцизма. Оказалось, что среди них есть много слов, которые относятся к группе *религиозная жизнь и религиозные обычаи мусульман* (670), затем – *личные имена* (503), *право, администрация, государственное устройство* и т.п. (453), *ремесла, ремесленники*⁴⁴, *ремесленные инструменты и орудия* (286); *одежда, обувь, драгоценные украшения, косметика* (271), *посуда, домашняя утварь и другие предметы домашнего хозяйства* (234), *еда, напитки и пряности* (212), *цветы, фрукты, овощи, травы, пшеница* (200) и т.д. Указано 848 абстрактных существительных, и это больше, чем количество глаголов (802).

Словарь Вука появился в XIX в., что означает, что в нем зарегистрированы турцизмы, которые присутствовали в сербском народном языке в XVIII в. (а также и до это-

⁴⁰ Ђинђић Марија. Турцизми у савременом српском књижевном језику (семантичка и деривациона анализа). Неопубликованна докторска дисертација, заштитена на филолошког факултете Белградског универзитета, 2014. Руководител Р. Драгичевич. С. 107–108.

⁴¹ Škaljić Abdulah. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Peto izdanje. Sarajevo: Svjetlost, 1985.

⁴² Пецо Асим. Турцизми у Вуковим рјечницима. Београд: Вук Караџић, 1987. С. 9–10.

⁴³ Ibid. С. 223–235.

⁴⁴ В словаре Елезовича засвидетельствована лексика со значением ремесла восточного происхождения. Сана Микетич исследовала турцизмы в работе: Називи носилаца занимања оријенталног порекла у Речнику косовско-метохиског дијалекта Глигорија Елезовића, см.: Зборник радова са пројекта Истраживања српског језика на Косову и Метохији. Књ. 2. Уредник Д. Маликовић. Косовска Митровица: Универзитет у Приштини, 2010. С. 243–281. Автор выделила в словаре Елезовича 198 ориентализмов с этим значением. Из них 98 слов образованы при помощи суффиксов *-чија* и *-ија*. 59 слов многозначны. Привлекает внимание восточное происхождение названий старых профессий *баитован* и *чобанин*. Возникает вопрос, как звучали названия этих профессий до турецкого завоевания, почему названия фундаментальных профессий были заменены турцизмами и как произошло, что эти лексемы сохранились до наших дней. Анкетирование, которое в своей работе провела С. Микетич, показывает, что сербские студенты из Косово, в основном, не распознают ориентализмы Елезовича. Только 30 наименований профессий (15,2 % от общего числа) распознает больше половины опрошенных, и только 8 слов (4% от общего числа) студенты используют и сегодня. Это: *баитован, бербер/берберин, кафеџија, џелат, чобанин, барџактар, ћевабџија*.

го). Шкалич собирал материал для своего словаря в первой половине XX в., поэтому его словарь содержит лексику, которая интенсивно использовалась в первой половине XX в. (а также и во второй половине XIX века). Следующей хронологической точкой для нас является время публикации *Словаря сербохорватского литературного и народного языка* Матицы сербской (1967–1976). В этом словаре представлена лексика со времен Вука до середины XX в. Он содержит около 150 000 слов, и по исследованию М. Джинджич, 2500 лексем имеют помету «турецкое этимологическое». Если же принять во внимание и ориентализмы, которые по ошибке такого обозначения не имеют, и все их дериваты, то число ориентализмов в этом словаре увеличивается до 7500. Материал словаря и ориентализмы, которые сегодня активно используются в сербском литературном языке, указывают на тот факт, что большинство этих лексем принадлежит следующим тематическим группам: *одежда, обувь, ткани; еда, напитки, табак; растения; дом, домашняя утварь, хозяйство, строительство, объекты* и т.д.⁴⁵

Как показывает М. Адамович, большинство ориентализмов в сербском языке имеет диалектное происхождение. Из этого можно сделать вывод, что они попадали в сербский язык благодаря непосредственным контактам говорящих, а не через литературу и другие письменные источники⁴⁶. Из этого также следует, что носители сербского языка заимствовали только ту лексику, которая была им необходима для повседневной коммуникации и для обозначения реалий, которые возникли после появления турок на сербской территории. А. Пецо констатирует, что основной лексический фонд сербского языка, несмотря на большое количество турцизмов, остался нетронутым. В доказательство он приводит сербские лексемы, которые составляют базис лексического фонда сербского языка, и указывает на тот факт, что они не были заменены турцизмами и редко появляются даже в качестве синонимов. Так, например, наиболее важные слова, связанные с домом и домашней утварью, остаются неизменными: *кућа, праг, врата, огњиште, ватра, дим, пепео, дрво, зид, нож, млин, срд, коса, плуг, рало, постела, сто, столица, лопата, мотика* и т.д. Из всех этих лексем только *двориште* имеет синоним среди турцизмов (*авлија*), но и он является неполным, как и *зид (дугар)*, который является устаревшим⁴⁷.

А. Шкалич отмечает исключительно мягкую позицию носителей сербского (сербохорватского) языка по отношению к турцизмам, что представляется достаточно необычным, так как их отношение к заимствованиям, как правило, негативное⁴⁸. Социолингвистические и психологические причины этого явления следовало бы исследовать более детально.

Турцизмы исчезают из сербского языка. По исследованию М. Джинджич, в современном сербском языке используется около 3000 турцизмов, и все они уже освоены⁴⁹, в то время как П. Радич приводит данные Б. Попова о том, что в сербском языке сохра-

⁴⁵ *Ђинђић Марија*. Турцизми у савременом српском књижевном језику (семантичка и деривациона анализа). С. 108.

⁴⁶ *Адамовић М.* О пореклу српскохрватских османизама // *Јужнословенски филолог*. 1973. XXX/1–2. С. 236.

⁴⁷ *Пецо Асим*. Турцизми у Вуковим рјечницима. Београд: Вук Караџић., 1987. С. 236–239.

⁴⁸ *Ђкалјић Абдулах*. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Peto izdanje. Sarajevo: Svjetlost, 1985. S. 13–14.

⁴⁹ *Ђинђић Марија*. Турцизми у савременом српском књижевном језику (семантичка и деривациона анализа).

нилось около 2000 турцизмов⁵⁰. Исследование М. Джинджич о наиболее частотных турцизмах, проведенное на основе электронного корпуса сербского языка, показывает, что сегодня чаще всего используются следующие лексемы: *чак, сат, бар/барем, боја, пара, кафа, кревет, кутија, џеп, комишија, капија, шећер, кула, дуван, хајде, башта, ракија, занат, бакар, мана, хајдук, челик*.

Вышеприведенные турцизмы стабильны в литературном сербском языке, но многие из них вытеснены. По оценке П. Радича, «прежде всего вытеснена богатая турецкая терминология из области гражданской и военной организации. Так, вместо ряда прежде самых обычных турцизмов, например: *абашија, думеншија, дућаншија, ђемишија, киришија, кованшија, кујуншија, механшија, симишија, туфегшија*, в сербском (снова) приживаются *кројач* (нем. *шнајдер*), *кормилар, трговац, лаћар, превозник, пчелар, златар, крчмар* (*гостионичар*), *пекар, пушкар* и др»⁵¹. Утрата и вытеснение ориентализмов ожидаемо, особенно если они обозначают понятия, которые исчезли вместе с турецкой государственной организацией. Менее ожидаема утрата названий профессий, которые продолжили свое существование. Для нас особенно интересно, почему в литературный язык не вошли (и в диалектах, в основном, также не задержались) лексемы, которые обозначают оттенок какой-либо эмоции или особенность человека и с помощью которых стала бы точной тематическая группа лексем из области духовной жизни человека.

IV. Культурный прогресс и иностранное влияние на лексический фонд сербского языка в Габсбургской монархии в XVIII веке

Тяжелое положение сербов в Турции привело к Великому переселению сербов в 1690 году под предводительством патриарха Арсения Чарноевича на земли габсбургской Венгрии, Славонии и Военной крайны. Переселение продолжалось в течение всего XVIII века. В то время сербы все еще использовали на письме сербско-славянский язык с элементами народного, а в устной коммуникации – сербский народный язык, в котором было достаточно турцизмов.

С третьего десятилетия XVIII в. сербско-славянский язык уступает место русско-славянскому. Эта замена была обусловлена внеязыковыми факторами: церковными, национальными, политическими и просветительскими⁵². С середины XVIII в. к сербам в Южной Венгрии стали прибывать книги на русском литературном языке того времени. Русско-славянский язык заменил сербско-славянский не только в церковном употреблении и в богослужении, но и в светской литературе. Русско-славянский, «как и сербско-славянский, пользовался большим престижем, чем народный язык. Это происходило не только из-за того, что он был языком письменности, учености и изысканности, но и потому, что, благодаря своей старославянской основе, в сфере выражений абстрактных понятий он был намного богаче. Если для какого-то понятия не было

⁵⁰ *Радић Првослав*. Турски суфикси у српском језику са освртом на стање у македонском и бугарском. Нова серија. Књ. 17. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2001. С. 8.

⁵¹ *Радић Првослав*. Турски суфикси у српском језику. С. 9.

⁵² *Стијовић Светозар*. Славенизми у Његошевим песничким делима. Сремски Карловци–Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1992. С. 15.

русско-славянской лексемы, она легко могла быть заимствована из русского литературного языка того времени, где в большой мере была представлена лексика тех понятий, которые предлагала европейская цивилизация XVIII – первой половины XIX века»⁵³.

С середины XVIII в. в роли литературного языка выступает славяно-сербский – новый тип литературного языка, который имел смешанный состав (русско-славянские, русские, сербские народные и сербско-славянские черты). Этот язык был образован для того, чтобы устранить непонимание русского и русско-славянского языков. Слова из этого языка называют, как уже было сказано, *славянизмами*⁵⁴. С середины XVIII по 40-е годы XIX в. на этом языке появились многочисленные произведения сербской литературы, которые написали Захарий Орфелин, Досифей Обрадович, Милован Видакович, Савва Мркаль. В разделе о церковнославянском языке мы привели некоторые особенности *славянизмов* и гибридных слов, *славяно-сербизмов*, а также показали их конкуренцию, которая была характерна для славяно-сербского языка.

Переселившись в новую среду, сербы должны были изучать немецкий, венгерский и латинский языки, вследствие чего сербский язык того времени был обогащен лексикой этих языков.

Сложную структуру сербской лексики конца XVIII в. очень хорошо демонстрирует *Малый словарь*. Этот немецко-славяно-сербский словарь впервые напечатан в 1793 г. в Вене. Он состоит всего из 1500 самых необходимых немецких слов, распределенных по тематическим группам. Сербы охотно использовали этот словарь, и поэтому он выдержал десятки изданий. Славяно-сербская сторона этого словаря очень хорошо показывает все слои лексики, которыми пользовались сербы в конце XVIII в. в Габсбургской монархии.

Турецкий: *шафран*, *бадем*, *мушмула*, *кестен*, *шептелија* (= *шефтелија*), *пастрмка*, *поша* (оковратник); *долама* (врста горњег капута); *чакишире* (панталоне), *папуче*, *жеп* (= *цеп*), *бурнутица* (= *бурмутица*), *сат*, *зобун*, *зубун* (прслук), *маказе*, *басамак* (степеник), *пенџер*, *авлија*, *фуруна*, *мермер*, *креч*, *ћерепица* (кровна цигла), *оџак*, *чекмеже* (каса, ковчег, кутија); *чаршав*, *душек*, *мумаказ* (маказе), *сандук*, *долаф* (= *долап*), *бакрач*, *иренда* (ренде), *аван*, *тенџера* (*тењџера*, дубока бакарна посуда), *чанак*, *ибрик*⁵⁵, *шербет*, *пешикир*, *чорба*, *черек* (четвертина), *бут*, *чултар* (покровац, ћебе за коње), *кубууре*, *кајаси*, *улар*, *узенџије*, *хајџир*, *хат*, *дорат*, *бедем*, *ћуприја* (из греч.), *капија*, *сокак*, *пазар*, *лагумџија* (минер), *кумбара*, *топ*, *фитиљ*, *кундак*, *чивија* (клин), *тане*, *барут*, *фишек*, *сачма*, *сукија*, *берберин* (из ит.), *ћурчија*, *кулунџија* (*кујунџија*), *терзија*, *сепетар* (корпар), *сапунџија*, *саџија*, *угурсуз*, *хеспан* (роба), *пазарити*, *вересија*, *скерлет* (боја гримиз; одело од чоје те боје), *кадифа*, *чоха*, *теразије*, *ћорав*, *ћелав*.

Очевидно, что влияние турецкого языка на сербский продолжало быть очень сильным и после прихода сербов на территорию Габсбургской монархии. Турцизмы преобладают по отношению ко всем остальным заимствованиям во многих тематических группах.

⁵³ *Стијовић Светозар*. Славенизми у Његошевим песничким делима. С. 18–19.

⁵⁴ *Младеновић Александар*. Славеносрпски језик. Нови Сад: Књижевна заједница Новог Сада, 1989.

⁵⁵ В *Малом словаре* есть *ибрик за кафу*, *ибрик за теј*. Эта конструкция состоит из турцизма *ибрик* и германизма *теј*. Данный пример показывает, как два языка воздействовали друг на друга, чтобы определенная предметность получила свое единственное обозначение, которое представлено несколькими словами.

НЕМЕЦКИЙ: *штринфе*, *штринфле* (чарапе), *пантофле*, *тацлије* (манжетне); *пантљика*, *фиршит* (кнез); *фиршиткиња*, *фиришкиња* (кнегиња); *херцог* (војвода); *херцогинја* (војвоткиња); *гроф*, *грофица*, *цигла* (из лат.), *теј* (чај), *земичка*, *штала*, *шталог*, *солдат* (из итал.), *рајтар* (коњаник)⁵⁶, *мајур* (салаш), *молер*.

Оказалось, что германизмы, находящиеся в *Малом словаре*, полностью подтверждают тезис П. Ивича и А. Младеновича о том, что есть три лексические области, в которых влияние немецкого языка было особенно сильным (как показывают тексты начала XVIII в.): 1) армия и ее устройство (*гемайнер*, *фелдмаршал*, *шанац*, *штаб*); 2) общественный порядок (*паор*, *пургер*, *ритер*, *гроф*); 3) материальная культура и ремесленничество (*плек*, *штоф*, *инала*, *флека*, *флаша*). «Часто заимствовались слова для обозначения понятий, которые сербам были незнакомы и для которых у них были свои или турецкие выражения. Это особенно хорошо можно проследить в терминологии ремесленничества и в названиях предметов, приобретенных у купцов»⁵⁷. Авторы справедливо отмечают, что большинство немецких слов из области военной терминологии и общественного порядка не сохранилось после окончания австрийского господства.

ВЕНГЕРСКИЙ: *ципеле*, *чипка*, *немеш* (племић, властелин), *соба* (из нем.), *астал* (из слов.), *тањир*, *ардов* (велико буре, бачва), *аковче* (ведро), *хам* (коњска опрема), *вашар*, *болта* (продавница), *катана* (коњаник), *стражамештер* (заповедник страже)⁵⁸, *варош*, *гомбар* (дугметар), *хегедуш* (виолиниста), *кочијаш*, *сабов* (кројач), *риф* (*рифом мерити* – старая венгерская мера длины, около 70 см).

По мнению П. Ивича и А. Младеновича, заимствования из венгерского языка чаще всего касались материальной культуры, реже – общественных отношений и системы управления⁵⁹.

ФРАНЦУЗСКИЙ: *камизол* (прслуче); *кавалир*, *кавалер* (коњаник; витез); *драгуњ* (*драгон*, коњаник), *тамбур* (добошар), *пасош*.

Заимствования из французского языка XVIII в., как замечают П. Ивич и А. Младенович, широко представлены в области военной терминологии (*каплар*, *мајор*, *генерал*, *дезертер*, *гарнизон*), но они присутствуют и в других областях (*бал*, *банкет*, *дама*, *пардон*). Эти данные подтверждают и данные *Малого словаря*. Суммируя существующие исследования о галлицизмах, А. Миланович констатирует, что вплоть до XVIII в. влияние французского языка было слабым и развивалось косвенно, через немецкий, итальянский и русский языки, но оно становится непосредственным и сильным во второй половине XVIII в., когда все больше начинают переводить произведения французской литературы⁶⁰.

⁵⁶ Богатство культурного и языкового влияния можно увидеть в различных обозначениях слова *всадник*: *коњик*, *катана* (венг.), *рајтар* (нем.), *драгуњ*, *драгон* (фр.). Все эти лексемы рассматриваются как отдельные наименования, что, вероятно, обозначает, что между всадниками была разница.

⁵⁷ *Ивић Павле, Младеновић Александар*. Продирање западноевропске лексике // *Веселиновић Р., Ивић П., Младеновић А., Пантић М., Павић М., Медаковић Д., Гавриловић Н.* Историја српског народа. Четврта књига, други том. Срби у XVIII веку. Београд: Српска књижевна задруга, 1986. С. 101.

⁵⁸ Лексема *стражамештер* представляет собой гибрид сербского существительного *стража* и венгерского *мештер* (которое заимствовано из немецкого).

⁵⁹ *Ивић Павле, Младеновић Александар*. Продирање западноевропске лексике. С. 103.

⁶⁰ *Милановић Александар*. Језик Јована Суботић. Београд: Чигоја штампа – Филолошки факултет, 2014. С. 339.

ГРЕЧЕСКИЙ: *крин, моруна, мустаћи, глотати, ћилит* (=катанац, греч. *кључ*); *ћилит* (=катанац, греч. *кључ*); *монах, парох, игуман, епископ, коминь* (камин), *трапеза* (=сто), *икона, самар, кандило, зуграф* (живописац, фрескосликарь), *типограф, друм, ћушка*.

По словам П. Ивича и А. Младеновича, наряду с уже хорошо интегрированными греческими словами (*друм, хартија*), к концу XVIII в. в сербский язык проникают слова, принадлежащие словарному богатству европейской цивилизации. Эти слова появляются в сербском языке через немецкий. Многие из них не существовали ни в древнегреческом, ни в новогреческом, а были образованы в Западной Европе в качестве терминов.

ЛАТИНСКИЙ: *бресква, цесар, нотарош, палата, профуз* (тамничар), *чајка* (шајка).

Хотя в *Малом словаре* не так много латинизмов, они присутствовали в административной терминологии (*datum, декрет, инвентар, информација*). Сербь заимствовали их из немецкого языка или непосредственно из латинского, который был официальным языком в землях венгерской короны, в то время как официальным языком в армии был немецкий⁶¹.

ИТАЛЬЯНСКИЙ: *табакера, каштиговати, кујна, ормар, бокал, боца, салвета, пиштоль*⁶², *инфантерија* (пешадија), *баталија* (битка), *кумпанија, компанија* (чета), *капларија* (од *каплар*), *штампар*.

Итальянские слова попали к сербам из разных источников: 1) из немецкого языка; 2) непосредственно из итальянского на Адриатическом побережье, а затем распространились через диалекты посредством товарооборота, торговли и миграций.

РУССКИЙ: *ненавидети, стена* (зид), *девица* (девојчица), *вожд* (церк.-слав.), *полк, војна, сраженије* (битка), *лес* (шума), *сапожар* (обућар), *несчастије*.

Сложно утверждать, какие из вышеперечисленных и многих здесь неупомянутых лексем происходят непосредственно из русского языка, а какие – из церковнославянского. Тем не менее, русское влияние было велико и, конечно, гораздо сильнее, чем это можно увидеть из этого краткого списка. Так как русский язык еще со времен Петра Великого был очень открыт для заимствований, многие лексемы из европейских языков сербский перенял именно через русский⁶³.

V. Реформа Вука в XIX веке

Славяно-сербский язык, представляя собой смесь нескольких языков и будучи искусственным образованием без грамматики, словаря и правил, был непонятен народу и поэтому не мог надолго закрепиться. Ожесточенным противником этого языка был Вук Стефанович Караджич, который выступал за народный язык в качестве основы

⁶¹ *Ивић Павле, Младеновић Александар*. Продирање западноевропске лексике... С. 102.

⁶² Для того, кто не занимается вооружением, *пиштоль* «пистолет» (ит.) и *кубура* «пистолет» (тур.) могли бы быть синонимичными лексемами. Однако в *Малом словаре* эти две лексемы даются отдельно в рамках одной тематической группы, что ясно показывает, что не каждый *пиштоль* был *кубура* и наоборот. Точно так же *гостионица* 'гостиница' отличается от *крчма* и *виџауз* (которые даны как синонимы), что должно означать, что *гостионица* не представляла собой то же самое, что и *крчма*. В этом и состоит значение данного словаря – он ясно демонстрирует, какие значения можно свести к одному, а какие следует рассматривать по отдельности.

⁶³ *Ивић Павле, Младеновић Александар*. Продирање западноевропске лексике... С. 103.

литературного. После долгой борьбы, которую он вел со многими сербскими интеллектуалами, ему удалось одержать победу, временем которой считается 1847 год, когда четыре значимых произведения сербской литературы были опубликованы на народном языке: 1) перевод *Нового Завета* Вука Караджича, 2) *Война за сербский язык и правописание* Джуры Даничича, 3) *Стихи* Бранко Радичевича и 4) *Горный венец* Петра Петровича Негоша. С момента публикации этих произведений на сербском народном языке не только начинается новый этап в развитии сербской культуры и сербского литературного языка, но и предаются забвению культурные памятники, написанные на сербско-славянском, русско-славянском и славяно-сербском языках. Йозеф Добровский, чешский славист и самый компетентный критик Вука, не одобрял, что в основу литературного языка кладется народный язык. В письме Миловану Видаковичу он написал о том, что ему не нравится, что «сербы опустятся до сельского языка. Должен быть и более изысканный язык для возвышенных понятий. Следовало бы, выбрав средний путь, создать *stilus medius* (средний слог), который был бы близок и старому церковному, и разговорному народному языку»⁶⁴.

Относительно сербского народного языка как основы литературного высказывались опасения, что с его введением будет уничтожена многовековая письменная традиция. Кроме того, этот язык характеризует недостаточная утонченность и неспособность выражения абстрактных понятий. Лукиан Мушицкий говорил об этом: «Сербский народ пахал и копал, много трудился, геройствовал, но думал только о насущных проблемах, поэтому его язык беден словами для умозрительных мыслей»⁶⁵.

Тем не менее, лексический фонд сербского народного языка во времена Вука начал пополняться абстрактной лексикой. Этот процесс начал уже сам В. Караджич, переводя *Новый Завет*. В предисловии к этому произведению он говорил, что внес в текст 84 новых слова, которых нет ни в народном языке, ни в его *Словаре*. Вук подчеркивал, что это те самые слова, которые сказал бы обычный серб, как только они бы ему потребовались, а может быть, он их и сейчас употребляет. Среди этих лексем мало сложных слов. В основном их составляют дериваты: *викач, трубач, шапач, грабљив, неиститљив, неистражљив; изабраник, осветник, преступница, зборница, незнабоштво, девојаштво, смерност, светост, гостолубивост*. Вук отмечал, что заимствовал 30 турецких слов и почти все можно услышать в народном языке (*аждаха, амајлија, бадава, басамак, долама, занат* и т.д.). Из церковнославянских слов он сохранил 49 и сербизировал 47, о которых говорил, что их «легко можно понять и спутать с народными словами»: *пророчица, прељуба, жртва, искусство, сребрник, јединство, првородство* и т. д. Сербизация лексем обычно подразумевает изменение словообразовательного форманта: *-ац* вместо *-ец*, *-ан* вместо *-ен*, *-ње* вместо *-није*, *-ство* вместо *-ствије* и т. д. На примере перевода *Нового Завета* видно, что Вук обогащал лексическую систему, используя словообразование и заимствования⁶⁶, т. е. те способы, которыми мы и сегодня чаще всего пользуемся при расширении лексического фонда.

⁶⁴ *Белић Александар*. Око нашег књижевног језика. Приређивач Александар Младеновић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1998. С. 26.

⁶⁵ *Селимовић Меша*. За и против Вука. Београд: Београдски издавачко-графички завод, 1986. С. 51.

⁶⁶ *Драгићевић Рајна*. О лексички Вуковој и вуковској // Научни састанак слависта у Вуковке дане. 44/1. 2015. С. 371–387.

На основе лексики, которую Вук переработал в первом издании *Сербского словаря* 1818 года, мы делаем выводы о структуре народного лексикона, на котором основан современный сербский литературный язык.

Читая критику по поводу реформы Вука, можно прийти к выводу, что в сербском народном языке вообще не было абстрактных слов. Однако Г. Тяпко замечает, что в первом издании *Словаря* Вука мы «наталкиваемся на сотни *nomina abstracta*. Разве это не те самые слова: *страх, яд, бол, туга, вера, зло, благо?*» Она обращает внимание на то, что это, в основном, простые слова, в то время как фонд дериватов *nomina abstracta*, особенно тех, которые обозначают некую особенность, свойство или состояние, очень беден⁶⁷.

В 1849 г. Йован Стеич, современник Вука, опубликовал в *Вестнике* Общества сербской словесности список слов, которые Вук не представил в своем *Словаре*. Очевидно, что его личный лексический фонд не полностью совпадает со списком слов, опубликованных в *Словаре*, так как целью Вука было отразить только те слова, которые используются в народном языке. Вот несколько из этих слов: *способность, строгость, благость, подлость, скромность, успешность, убудность, угодность, крутость, одважность, човечность, благонаклонность, наклонность, добровольность, садашњост, прошлост, раскошность, разуданост, важность, тужитель, старатель, управитель, спаситель, створитель, спокојство, вест, доказ, круг, позив, навод, увод, опис, оглас, слух, дух, задатак, израз, молба, жалба, услов, повод, победа, биће, просвета, обмана, особа, споменик, чиновник, званичник, пуномоћник, државник, безгрешан, исправан, безуман, бесмислен, невин, порочан, савестан, успешан, важан, постепено, срдачно, казнити, одобрити, решити, руководити, запоставити*. Впечатляет тот факт, что народ эти слова не использовал, хотя Вук их, вероятно, употреблял. Прошло всего 200 лет со времени публикации этого словаря, и с этой точки зрения представляется невозможным, чтобы сербский народ 200 лет назад не использовал слова *садашњост* ‘настоящее’ и *прошлост* ‘прошлое’, а также и многие другие из этого списка Стеича.

М. Селимович заметил, что Вук своими дефинициями и примерами в определенном смысле конкретизировал и абстрактные понятия и сводил их к народному, сельскому, фольклорному языку: *Бог* – у сербов ни одна работа не начинается без слов *Помози Боже. Душа* – два без души, трећи без главе. *Жалити* – жали ме жива, а немој мртва. *Задушнице* – најео се као сироче на задушнице [сербские народные пословицы – *примеч. переводчика*]. *Закључак* – верхняя часть вязальной спицы. *Особина* – у какой-то женщины есть корова или овца, которую ей подарил отец или кто-то другой. *Недостижан* – например, пшеница не созрела, т.е. одна высокая, а другая – низкая, или: одна пшеница созрела, а другая – нет⁶⁸.

Во времена Вука некоторые слова имели значения, отличные от современных. Милка Ивич приводит несколько интересных примеров. О существительном *љубавник* ‘любовник, возлюбленный’ она пишет следующее: «По мнению Вука, при обращении к незнакомому человеку ради установления коммуникативного контакта допустимо обратиться со словами *љубавнице!* В данном случае под этим словом подразумевается

⁶⁷ Тяпко Г.Г. Обрада семантике придевских изведеница са суфиксима *-ота* и *-оћа* у „Српском рјечнику“ (1818) В. С. Караџића и особине њиховог функционисања у почетној фази српског књижевног језика // Научни састанак слависта у Вукове дане. 26/2. 1997. С. 26.

⁶⁸ Селимовић Меша. За и против Вука. С. 128.

значение *пријатељ* ‘друг’. О слове *љубавница* в Сербском словаре нет никакого упоминания⁶⁹. Слово *музика* ‘музыка’, как замечает М. Ивич, В. Караджич использовал в значении *инструмент*: «Умеет хорошо играть на пианино и на других каких-то *музыках*». Хотя его дочь Мина Караджич играла на пианино, в *Словаре* это слово не зафиксировано, так как Вук считал его ненародным. Во времена Вука, констатирует М. Ивич, употреблялись глаголы *ударати*, *лупати* и *клавирати* ‘играть (на музыкальном инструменте)’, но не использовался глагол *свирати*⁷⁰.

Большинство слов в *Словаре* очень важны для народной жизни. Их значение отражается и в большом количестве синонимов. Такие слова и их синонимы выделяет М. Селимович⁷¹.

Најести се ‘наестся’ – *напитати се*, *набањати се*, *набити се*, *набокати се*, *набу-бабати се*, *надекати се*, *наждерати се*, *назобати се*, *накресати се*, *накусати се*, *налупати се*, *насллагати се*, *натући се*.

Тући ‘бить’ – *бити*, *воитити*, *деветати*, *дерати*, *лијемати*, *лињати*, *мазати*, *макљати*, *млавити*, *млатити*.

Ударити ‘ударить’ – *бубнути*, *лупити*, *гарнути*, *генути*, *депити*, *депнути*, *дернути*, *дупити*, *лупити*, *лупнути*, *врезнути*, *одадријети*, *одајачати*, *одачалити*, *ћопнути*.

Јадан ‘бедный, несчастный’ – *биједан*, *болан*, *дерни*, *жалостан*, *зајадњи*, *злосрећан*, *злосретњи*, *јадињи*, *јадован*, *јадовит*, *кукав*, *кукавни*, *кужан*, *несрећан*, *ојађели*, *тужан*.

Рука ‘рука’ – *приступити коме руци*, *има лијепу руку* (*лепо пише*), *од сваке руке*, *не иде му од руке*, *није ми на руку*, *дошло ми испод руке*.

VI. Лексика сербского языка в XX веке

Лексика сербского языка и в XX в. постоянно менялась. Детальное описание лексики сербского языка дал И. Клайн. В этом разделе мы воспользуемся данными из его работы⁷². Что касается заимствований, то отмечается исчезновение турцизмов, меньшее количество германизмов и все более осязаемое присутствие англицизмов. Интернационализмы греческого и латинского происхождения и сегодня представляют собой один из наиболее важных потоков заимствований в сербском языке: *имагинација*, *интенције*, *поливалентан*, *минуциозан*, *монструозан*, *инкомпатибилан*, *манифестовати*, *евоцирати*, *дигнитет*, *хипокризија*, *официјелан*, *децентан*, *рецентан*, *локација*, *провенијенција*, *генеза*, *ентитет*, *модалитет*, *репрезентант*, *консензус*, *кредибилитет*.

⁶⁹ *Ивић Милка*. Језик о нама. Београд: XX век, 2006. С. 93–94.

⁷⁰ *Ibid.* С. 113–116.

⁷¹ *Селимовић Меша*. За и против Вука. С. 127–128.

⁷² *Клајн Иван*. Лексика // Српски језик на крају века / Ред. Милорад Радовановић. Београд: Институт за српски језик САНУ, Службени гласник, 1996. С. 37–87. В сербской лингвистике под современным сербским языком (все еще) подразумевается язык со времен Вука и до наших дней, а это значит – с конца XIX века до сегодняшних дней. Для исследования лексики этого периода могут быть использованы следующие словари (наряду со многими другими, менее репрезентативными): Речник српскохрватског књижевног и народног језика. 1–19. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1959–; Речник српскохрватског књижевног језика. 1–6. Нови Сад: Матица српска, 1967–1976; Речник српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2007. Из словарей новых слов самым актуальным является словарь Дж. Оташевича: *Оташевић Ђорђе*. Речник нових речи. Београд: Алма, 2008.

По словам И. Клайна, в первой половине XX в. англицизмы использовались только в области спорта, а сегодня они распространены в области техники, развлечений, моды и во всех других: *тинейджер, супермен, гламур, хендикепиран, мачо-мен, детергент, спреј, стик, еркондишн, постер, селотејн, фломастер, драгстор, супермаркет, мини-маркет, дјути-фри-шоп, дисконт, дилер, смог, стрес, тест, дизајн, тренд, супер, контрапродуктиван, фрустрирати, релаксација, селектирати, контактирати, детектовати, релаксирати*.

Французское влияние на сербский язык становится все более слабым: *рејон, глицер, ресурс, детант, бистро, бутик, воајер, рециклажа, омаж, сида*.

Влияние итальянской лексики также ослабевает: *либеро, азури, кантаутор, грисини, пица, лазање, ћао*.

И. Клайн отмечает некоторые внутренние тенденции в лексике: увеличивается количество отглагольных существительных с нулевой флексией: *доток, докуп, дотур, помак, искорак*; все больше существительных на *-ство*: *издаваштво, преводилаштво, донаторство, спонзорство*, существительных на *-ост*: *смисленост, ликовност, животност*, существительных, обозначающих технику или химические средства на *-ивач*: *замрзивач, усисивач, распршивач, разређивач*, существительных со значением эмоциональности и фамильярности на *-аш*: *фотелаш, ултраш, контраш*. Возрастает число форм женского рода для обозначения профессий, состояний и функций: *полицајка, гледатељка, премијерка, навијачица*. Продуктивны существительные на *само-*: *самокритика, самодопринос, самоцензура*; *еко-*: *экосистем, екопројект, екофактор*; *евро-*: *еврокомунизам, евроцентричан*; *нарко-*: *наркодилер, наркомафија*; *ино-*: *инокореспондент, инопартнер, инокредит*.

Во время глобализации картина неологизмов во всех славянских, а также и неславянских языках становится все более схожей. Усваиваются те же префиксоиды, суффиксоиды, словообразовательные модели, которые чаще всего заимствуются из английского языка или из классических языков через английский. Это подтверждают работы в сборниках Комиссии по словообразованию при Международном комитете славистов. Были обнаружены основные тенденции в появлении новых слов во всех славянских языках, в том числе и в сербском. Наиболее важными процессами являются интернационализация, терминологизация, детерминологизация, генерализация, демократизация, языковая экономия. Эти процессы уже выявлены и исследованы на большом количестве примеров из славянских языков. На материале сербского языка их описали Д. Оташевич и Р. Драгичевич⁷³.

Перевод Е.В. Куренковой

⁷³ *Оташевић Ђорђе*. Нове речи и значења у српском језику. Београд: Алма, 2008; *Драгићевић Рајна*. О неологизмима у српском језику // Семинар српског језика, књижевности и културе. Предавања 3. Београд: МСЦ, 2014. С. 123–137.

АЛЕКСАНДР ЗАЙДА

Краков, Польша

О польской лексике сквозь века

История польской лексики – это разноцветная мозаика лексических фактов, являющихся зеркалом множества понятий и событий из области широко понимаемой культуры; факторы эти, по-разному воспринимаемые и интерпретируемые говорящими, нашли свое отражение в различных номинациях, т. е. в словаре. Рассмотрение этих ресурсов на протяжении веков является задачей необыкновенно интересной и увлекательной.

Польский язык возникает из глубины веков в первой половине XII столетия; в 1136 г. появилась известная *Гнезненская булла* (*Bulla gnieźnieńska*) – древнейший памятник польского языка. Она содержит 410 имен собственных, топонимов и антропонимов, которые показывают славянские черты нашего языка, полученного в наследство от прапольской эпохи, и его особенности, ср., например: *Piotr*, *Białowąs*, *Broda*, *Targosza*¹.

В Булле 1136 г. находим некоторые имена собственные, произошедшие из нарицательных, – имена *Broda*, *Gęba*, *Glówka* в качестве имен нарицательных отмечаются впервые только в XIV–XV вв. Много апеллятивов скрыто в других именах, например, вышеприведенное слово *Białowąs*.

Считается, что каждый славянский язык содержит в своем лексическом запасе ок. 2000 слов, унаследованных от периода общности². Этот пласт включает лексику, относящуюся к человеку, его жизни в обществе и в окружающей его природе. Сюда входят названия из сферы религии, межличностных отношений, а значит, – права, названия членов семьи, частей тела, именованья из области живой и неживой природы, значит – названия животных, растений и их свойств, названия камней, ремесел, а также наименования домашней утвари и инструментов, одежды, названия работы по дому, еды, болезней и т.д.

Второй, гораздо более обширный, пласт составляют слова, появившиеся уже в период самостоятельного развития польской общности. Вместе с продолжением и увеличением результатов праславянского наследия и одновременным расширением культурных контактов нашей страны с близкими и дальними соседями, язык подвергается чужим лексическим влияниям; постепенно их доля увеличивается, и они начинают формировать в языке более или менее четкие генетические и хронологические слои. Заимствованные элементы есть уже в Булле, но они немногочисленны – *Biskupicy* (2 р.), *Janowicy* (1 р.), *Krzyżan* (2 р.), *Hermanowo* (1 р.).

Если говорить о лексике древнейшего, старопольского периода (до 1500), то важно иметь в виду лексику общеупотребительную, а также ту, которая была зафиксирована в текстах. Между этими двумя группами слов существует большая разница. Польский

¹ *Taszycki W.* Najdawniejsze polskie imiona osobowe // *Rozprawy Wydziału Filologicznego LXII.* Nr 3. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1925.

² *Lehr-Splawiński T.* Język polski. Pochodzenie, powstanie, rozwój. Warszawa: Wydawnictwo S. Arcta, 1947. S. 86.

язык долго развивался и функционировал без письма. Когда оно вместе с принятием христианства сложилось, на территории Польши стали появляться первые тексты, но на латинском – чужом языке. Польский языковой материал если и был в них, то только в форме собственных имен (как в Булле 1136 г.) и единичных – нарицательных. Древнейший период в истории польской лексики, продолжающийся примерно до сер. XIV в., – это период глосс и цитат. Из источников X–XIII вв., а значит, – лексики этого периода, Л. Беднарчук выделил 338 древнейших польских слов³. Цитируются слова, для которых не было соответствий в латыни, возникшей на другой культурной почве. Это были разнообразные определения, касающиеся польской общественной, хозяйственной жизни, например, наименования должностных лиц⁴, названия феодальных повинностей, дани и поборов⁵. Они относятся к самому раннему польскому лексическому пласту. Латинские тексты привилегий и грамот с древнейших времен содержат достаточно много таких слов. Например: *podkomorze* (1174) 1240⁶, *podczasze* 1288, *podstole* 1289; *targowe* (1065) XVII, *stan, nastawa, przewory* XII, *mostne* (1181) 1546, *kunie* 1231; *ab omni prewot, stroza, a dan, naraz, potvorove* 1251.

С этого времени можно наблюдать интересный факт влияния польского языка на латынь, которая использовалась в Польше, например, для польских названий должностных лиц с префиксом *pod-* (*podkomorze, podstole*) со значением ‘при, у’ были образованы латинские соответствия с префиксом *sub-* (например: *subcamerarius, subdapifer*), указывающим на подчиненность⁷.

Таким образом, отметим, что словарь периода глосс и цитат был очень ограниченным тематически. Ситуация кардинально меняется, когда в XIV в. появляются полностью польские тексты. Назовем здесь наиболее ранние: *Свентокишские проповеди* (*Kazania świętokrzyskie*) ок. сер. XIV в., *Судебные записи (роты присяг судовых)* 1386 г., *Флорианская псалтырь* (*Psalterz floriański*) рубежа XIV–XV вв. Они уже содержат много общей лексики, а также термины из разных областей. Тексты постоянно увеличиваются на протяжении всего XV в. По-прежнему сохраняются тексты судебных присяг; к 1449 г. относится так называемый *Кодекс Суледа* (*Kodeks Suleda*) – перевод *Вислицких статутов* (*Statutów wiślickich*), к 1460 г. – *Кодекс Дзялынских* (*kodeks Działyńskich*), к 1501 г. – *Дзиковский Кодекс* (*kodeks Dzikowski*). В 1455 г. появляется *Библия королевы Софы* – первый известный нам перевод Святого Писания на польский язык; к тому же времени относятся *Ортыли магдебургские* (*ortyle magdeburskie*) 1456 г., к к. XV или нач. XVI в. – *Пишемское размышление* (*Rozmyślania przemyskie*) – самый полный памятник старопольской прозы.

³ *Bednarczuk L. Najstarsze polskie słowa. Słownik chronologiczny języka polskiego do końca XIII wieku // Amoentates vel lepores philologiae / Red. R. Laskowski, R. Mazurkiewicz. Kraków: Polska Akademia Nauk, 2007. S. 17–29.*

⁴ *Zajda A. Nazwy urzędników staropolskich (do roku 1600). Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1970.*

⁵ *Zajda A. Nazwy staropolskich powinności feudalnych, danin i opłat (do 1600 roku). Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1979.*

⁶ Здесь и далее в своих выписках автор сохраняет оформление материала из справочников, которое воспроизводится в переводе. В круглых скобках указываются даты подлинников, вне скобок – даты списков [отв. ред.].

⁷ *Weysenhoff K. Wpływ polszczyzny na łacinę średniowieczną w Polsce. Kraków: Polska Akademia Nauk, 1991.*

Следует отметить тематику первых сплошных текстов – они касаются религии и права, т. е. таких областей, которые для каждого человеческого общества, даже самого маленького, являются наиважнейшими. Начало письменности у всех народов всегда связано именно с этой тематикой, вспомним хотя бы древний *Кодекс Хаммурапи* XVIII в. до н. э. или несколько более позднее *Пятикнижие Моисеево*.

Сплошные тексты, как и глоссы, которые ещё встречаются в латинских документах и источниках, привносят много новых слов из разных областей. Произведения религиозного содержания включают в себя лексику, соответствующую своей тематике, переводы *Вислицких статут*ов, присяги и ортылы добавляют лексемы из области права и судопроизводства, а также слова из разных сфер практической жизни.

Польский язык приобретает высокохудожественные черты – высокий стилистический уровень *Свентокшиских проповедей* (*Kazań świętokrzyskich*) сер. XIV в. тому пример. Вместе с прозаическими текстами возникают поэтические произведения – *Богородица*, *Легенды о святом Алексее*, *Разговоры магистра Поликарпа*, *Песнь о Вилклефе*.

Появляются первые лексические своды – мамотректы, латинские словарики к Библии, где приписаны польские соответствия. Здесь следует назвать *Калишский мамотрект* 1471 г. и современный ему *Любинский мамотрект*. Самым старым латинско-польским словарем является так называемый *Вокабуляр триденцкий* (*Wokabularz trydencki*) 1420 г., содержащий более 400 слов из разных областей. 1472 годом датируется латинский естественно-научный словарь Яна Станки, преподавателя медицины Краковской академии, натуралиста и врача, содержащий в глоссах около 2000 польских и 800 немецких слов, называющих «предметы натуральной истории», в том числе названия болезней и термины фармакологии; в XV в. и в последующих веках исконные названия болезней, безусловно, преобладают⁸.

Весь словарный состав источников до 1500 г. содержит бесценный «Старопольский словарь» (SStpl), составленный в Кракове под редакцией проф. Станислава Урбанчика и изданный в одиннадцати томах в 1953–2002 гг. Индекс заголовочных слов, собранных в SStpl, содержит 22 591 лексическую единицу, не считая фонетических вариантов. Таков результат всех процессов и источников обогащения лексики – деривация семантического, словообразовательного, синтаксического характера, а также заимствования. Таким образом, словарный состав, унаследованный от эпохи славянской общности, был значительно увеличен. В связи с этим следует отдавать себе отчет в том, что многие слова, находящиеся в употреблении, наверняка не были зарегистрированы (включены в словарь), чаще всего по причине численной скудости источников.

Дополнением SStpl является *Старопольский словарь личных имен* (SSNOs), составленный в Кракове под редакцией Витольда Ташицкого и изданный в семи томах в 1965–1985 гг. Исследователь старопольской лексики должен постоянно заглядывать и в этот словарь, поскольку много апеллятивов, выступающих в функции имен собственных, было – как уже упоминалось – записано раньше. SSNOs содержит имена собственные и заимствованные прозвища, псевдонимы, обращения, названия гербов; а также имена собственные, которые позднее стали фамилиями, переходящими от поколения к поколению.

⁸ Jankowiak L. A. Słownictwo medyczne Stefana Falimirza. T. I. Początki polskiej renesansowej terminologii medycznej. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 2005. S. 311.

Кстати, слова *nazwisko*, *przezwisko* – это элементы микрополя, к которому в старопольский период принадлежало *przezwisko*, *imię* и, несомненно, слово *miano*, правда, нигде не засвидетельствованное, но, несомненно, существующее, поскольку часто встречается глагол *mianować* (с нач. XV в.); SStpl отмечает только 3 р. *przezwisko* (с 1455) и, конечно, многократно *imię* (с сер. XIV); *nazwisko* появится в XVI в. и долго будет равнозначным слову *przezwisko* – семантическое разделение этих двух слов отметит только в нач. XIX в. в своем словаре Линде.

Следует отдавать себе отчет в различной лексикологической ценности отмеченных в SStpl слов – некоторые лексемы известны во множестве употреблений во многих источниках из разных регионов страны, что свидетельствует об их общепольском статусе; есть полисемичные, многозначные слова, другие же лексемы – значительно более редкие, они свойственны только одному региону, встречаются также слова, которые являются, вероятно, авторскими предложениями и результатом поиска номинации. SStpl использует только единичные употребления слов, например: *oprza* ‘обвинение’ (1 р. в 1438), *sąprza* ‘то же’ (1 р. в 1397). Чаще всего такие лексемы не вышли за границы старопольского периода, их существование завершилось в момент создания, и они не дожили до XVI века.

Польский народ долго был сословно разделен. Этот факт отразился и в лексике, откуда названия *szlachta*, *chłopi*, *mieszczenie*; *szlachta* ‘сословие, привилегированная общественная группа’, ‘принадлежащий к шляхетскому сословию’ (в SStpl две кол. с 1396) – заимствование из средненем. *slahte* ‘род, племя’ (BoryśSłEt 604), отсюда *szlachcic* (две кол. с 1399), *chłop* ‘rusticus’ (1 кол. с 1397 г.) из праслав. *cholp ‘подневольный человек, подданный’ (BoryśSEt 62), *mieścic* (10 р. с 1391), *mieszczanin* ‘житель города’ (2 кол. с 1400).

В этот период в сформировавшихся лексических полях лексика многих областей нередко выступает с ярко выраженным центром и периферией, иногда со столь же выраженной некогда структурой (уровень гиперонимии – гипонимии; ср. например, *sieć* и ее разновидности). Сложно назвать и описать все поля и микрополя, ограничусь самими важными, начиная с основных.

Календарь. Ритм жизни и труда определял календарь (*kalendarz*) (от лат. *calendarium*); он был введен после принятия христианства. Время обращения Земли вокруг Солнца названо *rokiem* (в 1387) от праслав. глагола *rek-ti ‘сказать, говорить’, значит, *rok* ‘то, что оговорено, установлено; определенный период, срок’, во множественном числе *lata*. Названия времен года – *wiosna*, *lato*, *jesień*, *zima* – чисто праславянские. SStpl отмечает дни недели – *tydzień* (1404) – *niedziela* (1390): *poniedziałek* (1404), *wtorek* (1419), *środa* (1419), *czwartek* (ок. 1482), *piątek* (1402), *sobota* (1404) *niedziela* (к. XIV).

Современные названия месяцев являются результатом длительного и исключительно польского собственного оригинального развития; *miesiąc* ‘месяц’ (с 1400), но также ‘луна’ (с к. XIV), потому что по луне изначально мерили время – от праслав. *měsęcъ: I *styczeń* (нач. XV): *prosiniec* (XV), *tyczeń* (XV), II *luty* (к. XV): *sieczeń* (XV), *strąpacz* (1421), III *marzec* (нач. XV): *brzesień* (1455), IV *kwiecień* (нач. XV): *dębień* (1455), *łżykwiat* (сер. XV), V *maj* (нач. XV), VI *czerwiec* (ок. 1455): *czyrwień* (нач. XV), *ugornik* (вт. пол. XV), *zok* (вт. пол. XV), VII *lipiec* (ок. 1455): *lipień* (нач. XV), VIII *sierpień* (нач. XV в.): *czyrwień* (вт. пол. XV), *stojączka* (вт. пол. XV), IX *wrzesień* (сер. XV): *pajęcznik* (к. XV), *październik* (сер. XV), *paździerzeń* (1476), *stojąceń* (нач. XV), X

październik (ок. 1500): *listopad* (нач. XV), *listopadł* (сер. XV), *paździerzeń* (XV), *wrzesień* (ок. 1455), XI *listopad* (1471): *grudzień* (вт. пол. XV), *listopadł* (ок. 1455), XII *grudzień* (нач. XV): *prosień* (вт. пол. XV), *prosiniec* (1455).

Богато представлена в SStpl религиозная и юридическая терминология – по вышеизложенным причинам, а также в силу значимости для практической жизни, что вполне понятно.

Иноязычное влияние. Развивающийся старопольский лексикон обогащался под иноязычным влиянием – отсюда чешские, немецкие, и латинские заимствования. Прежде всего они были связаны с церковной терминологией. Легко заметить разницу между двумя последними источниками заимствований, поскольку более ранние немецкие заимствования касаются конкретных вещей, связанных с торговлей, ремеслом, строительством, городским оборудованием, оружием, магдебургским правом. В связи с наплывом немецких поселенцев и основанной на принципах магдебургского права организацией городов и сел в польский язык вошли следующие заимствования, например: *burgrabia* (с 1423 – 1426), *burmistrz* (с 1399), *jarmark* (с 1408), *landwójt* (с 1266), *lonar* (с 1499), *orył* (с (1358) 1463), *plac* (с 1434), *rada* (с 1396), *ratusz* (с 1462), *rychtarz* (с 1475), *sołtys* (с 1387), *wilkierz* (с (1441) 1538), *wójt* (1398). Другие заимствования: *bergmeister* (с 1334), *barkmistrz* (с 1368), *clo* (с (1367) 1501), *giermek* (с 1500), *gwicht* (с 1495), *hamry* (с 1406), *łańcuch* (с 1389), *mincarz* (ок. 1500), *mistrz* (с нач. XV), *marszałek* (с нач. XV), *myto* (с 1365), *ochmistrz* (ок. 1428), *szafarz* (с нач. XV), *szopa* (с 1466), *szos* ((1258) нач. XVI), *waga* (с 1393) и т. д.

В *Ортылях магдебургских* находим также кальки с немецкого языка, касающиеся права: *zawiązany czas* (1455), *wiązany czas* (1455), *wiązane dni* (1455) от ср.-нем. *gebundene Tage* ‘Zeit eingeschränkter Gerichtstätigkeit’ (Lexer 451–452), *sądzące dni* (1455), *otworzone dni* (1455) от ср.-нем. *Gerichtstage*, *offene Tage* (Lexer 155, 223), *ława*, *ławica* ‘городской суд’ (с 1388–1411) от ср.-нем. *Schöffenstein*, *Schöffengericht* (Lexer 180).

При этом латинские заимствования, появившиеся немного раньше, относятся, прежде всего, к церковной организации и канцелярской работе, названиям учреждений, должностных лиц и документов, а также школ, например: *kanclerz* (15 р. с 1414), *kasztelan* (11 р. с 1449), *legat* (сер. XV), *przywilej* (15 р. с 1393), *statut* (16 р. с 1449), *szkoła* (15 р. с к. XIV), *testament* (13 р. с 1449); их численность резко возрастает в XVI в. Кальки латинского происхождения: *uchwalca* (1 р., в 1449) от лат. *laudator*; *zakonnośćca* (3 р., в к. XIV), *zakonawydawca* (1 р. во 2 пол. XV) из лат. *legislator*, *zak* (11 р., примерно ок. 1400). Одновременно с выходом из употребления *zakonu* ‘ius, lex’ эти композиты преобразовались в *prawodawca* (13 р. в SPXVI w.), *prawostawca* (1 р.), *prawotworca* (2 р.), *prawowładzca* (1 р.). Отметим заимствования *szkoła*, *zak*, связанные с развитием польской науки; в это время появляются свои лексемы: *uczeń* (14 р. с нач. XV), *nauka* (3 кол. с к. XIV).

Религия. В области религии (*relija* – слово, появившееся только в XVI в.) употребительны поля и микрополя, относящиеся к: духовным силам, например: *Bóg*, *bóstwo*, *anioł*, *diabeł*, *lucyfer*; церковным должностям: *biskup*, *dziekan*, *kanonik*, *kapłan*, *klecha*, *ksiądz*, *mnich*, *opat*, *papież*, *pleban*, *pop*, *prałat*, *proboszcz*, *przeor*; культовым местам: *cerkiew*, *kaplica*, *klasztor*, *kościół*, *kruchta*, *synagoga*; верным и неверным: *chrześcijanin*, *kacierz*, *laik*, *poganin*; к богослужениям, например: *kazanie*, *msza*, *nieszpor*, (*homilia*)

omelija, pacierz, wigilie; к обрядам: *adwent, bierzmowanie, chrzest, kołęda, ofiara, post, żegnać*; и ко многому другому, например: *apostół, bałwan, ewangelia, interdykt, kmotr, krzyż, ołtarz, oplatek, parochia, psalm, relikwie, żoltarz, żegnać* и т.д. Обратим внимание на однозначность этих слов. В это же время появляется слово *nabożeństwo*, которое, кроме значения ‘*pobożność, pobożne postępowanie*’ (‘благочестие, благочестивое поведение’) (с 1424) и ‘*pokora, skrucza*’ (‘смирение’) (с нач. XV в.), имеет также значение ‘религиозная церемония, религиозный обряд, молитва’ (с 1482–1483), сохранившееся до наших дней.

Эдвард Клих, первый исследователь этой лексики, отметил в своей книге «Польская христианская терминология»⁹ 70 терминов из этой области. Он заявил, что среди них 54 термина заимствованы из чешского языка, а 16 нечешского происхождения. Это является следствием того, что Польша получила христианство от чехов. Реликтом язычества является слово *żyrzec*, первоначально ‘жрец’, однако в старопольский период только ‘свадебный распорядитель, староста’ (в SStpl 9 р. с нач. XV), *żyrca* ‘то же’ (2 р. примерно с 1420 г.¹⁰).

Продолжателем работы Э. Клиха стала проф. Мария Карплюк, которая на 360 страницах своей замечательной книги «Словарь старопольской христианской терминологии»¹¹ представила в форме исчерпывающих статей внушительное количество – 2592 термина. Автор собрала лексику из области догматов, культа, организации и религиозной практики; таким образом, в словаре оказались не только указанные выше слова, но также, например, следующие: *cześć, doskonałość, klękać, męczennik, mędrzec, naśladować, nauczać, nawiedzenie, nawrócenie, nędza, nędznik, nędzny, ogień, oko, panna, przyczynienie* ‘орędownictwo (u Boga)’ (‘обращение к Богу’), *wieczność* и т.д. Таким образом, ясно, что эти общеупотребительные слова имеют новое употребление.

Отступник от римской церкви – *kacercz* (‘еретик’) (SStpl ³/₄ колонки с нач. XIV в.) от ср.-нем. *katzer* (BańkowskiEtSł I, 603), откуда *kacerczstwo kacystwo* ‘herezja’ (‘ересь’) (6 р. с 1413–1414); также *odszczępieniec* (5 р. примерно с 1450); в приложении к SStpl есть еще *hus* (6 р. с нач. XV) по имени Яна Гуса, сожженного в Констанце в 1415 г.

Право. Очень богата лексика, относящаяся к праву и судопроизводству¹². Употребления слова *prawo* как ‘системы, совокупности обязательных установленных и обычных норм’ SStpl цитирует в пяти колонках, начиная с (1258) XVII в. Понятие справедливости доминирует. SStpl многократно отмечает лексему *sprawiedliwość* в знач. ‘поведение в соответствии с общепринятыми принципами морали’ (примерно с 1420), ‘справедливый, беспристрастный суд, приговор, объективное осуждение’ (с 1449), *sprawiedlność* ‘то же’ (с к. XIV), *sprawiedliwy* (с нач. XV), *sprawiedlny* (с 1415).

В этой группе находим поля и микрополя, содержащие названия законов, например: *prawo, zakon*, названия судебных органов, например: *sąd*, названия судебных споров и разбирательств, например: *spór*, судебные термины, например: *nieprzepelzły, przypozwany, rok, poroczki*, названия судебных округов, например: *grodztwo, powiat*,

⁹ Klich E. Polska terminologia chrześcijańska. Poznań: Poznańskie T-wo Przyjaciół Nauk, 1927.

¹⁰ Urbańczyk S. Przeżytek pogaństwa: stpol. *żyrzec* // Język Polski. XXVIII. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1948. S. 68–72.

¹¹ Karpluk M. Słownik staropolskiej terminologii chrześcijańskiej. Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN, 2001.

¹² Zajda A. Staropolska terminologia prawnicza (do 1500 r.). Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1990.

sąd, starostwo, ziemia, наименования должностных лиц, например: *sędzia, podsędek, pisarz, woźny, służebnik*, названия сторон и лиц, выступающих перед судом, например: *jednacz, pierca, powód, rzecznik, sąpierz, sporca*, названия должностей и званий, например: *pierctwo, podsędztwo, przysięstwo, soltystwo, wójtowstwo*, названия заместителей или представителей (до 15), например: *obrońca, pierca, prokurator, rzecznik, sąpierz, zachodźca*, названия резолюций и документов, например: *list, pismo, pozew, prawo*, названия штрафов и судебных издержек, например: *głowa, krwawe, przysąd, wina, zagłowne*.

С XV в. SStpl отмечает лексему *prawnik* ‘знаток права’ (1 р. в нач. XV) и ‘представитель на процессе, адвокат’ (1 р. ок. 1455). В это время появился *urząd* (20 р. с 1424) от глагола *urządzić* (с 1400 г.), *urzędnik* (с 1427).

Внимания заслуживают слова *zakon i prawo*; *zakon* – это праславянское слово и произошло от глагола **začęti* ‘начать’; таким образом, для праславян право было основой и началом всякой деятельности. Однако это слово в таком значении по отношению к светским делам SStpl регистрирует только в 1449 г. и то незначительном числе употреблений (только 5 р.), например: *Nyektorzy ..., yakoby zlomcze zakona (veluti legis transgressores), ... sasyadom ... szkody czynią* 1449 Sul 37; прежде всего в религиозных памятниках в значении религиозного обета и как совокупность правил конгрегаций (6 кол.), например: *Zacon (legem) polosz mi, gospodne, na drodze twey* к. XIV PsFl 26, 17.

В отношении светских дел преобладает слово *prawo* – из праслав. **pravъ* ‘простой; исправный, правильный, подходящий, соответствующий’ (BoryśSIEt 481); в старопольском «форма существительного среднего рода от прилагательного *prawy*» (ib.), в 10 знач. в 21 кол. и то уже с сер. XIII в., например: *Adiungimus sibi ... tertium denarium iuris civitatis al. meske pravo* (1258) XVII KodWp I 308; *Yano prawo (unum ius) y moneta we wszeem krolewstwye ymyano maa bicz* 1449 Sul 19. О степени адаптации слова в польском языке свидетельствует полисемия – слово это функционировало в данный период и потом не только в знач. ‘ius, lex’ (‘право, закон’), но также, например, как ‘sąd’ (‘суд’) (с 1391), ‘wyrok’ (‘приговор’) (с 1388), ‘dokument’ (‘документ’) (с 1420).

В микрополе ‘hereditas, successio’ (‘наследство, наследование’) функционирует *spadek* (14 р. с 1484, в том числе 12 р. из AGZ), *dziedzictwo* (3,5 кол. с 1395, общепольское), а также *imienie przyumarle* (1 р. в 1456), *przyumarle* (4 раза с 1456), *słożone* (1 р. в 1428).

Очевидным фактом является праславянское наследие в старопольской юридической терминологии, благодаря чему данная лексика отличается замечательным исконным характером¹³, ср., например, такие слова, как *sąd, sędzia*, упомянутый уже *zakon*; обращают на себя внимание названия, созданные на основе праслав. **perti* ‘переть’ – названия судебных тяжб и разбирательств: *rozprza* (1388), *odeprzenie* (1394), *prza* (1394), *saprza* (1397), *spora* (1417), *spór* (1419), *wspór* (1420), *oprza* (1438), *odeprza* (1453), *odpór* (1453), *wspora* (1460), *otpór* (1471); названия лиц, выступающих перед судом: *odporca* (1460), *pierca, pierzca* (1399), *porca* (1460), *sąpierca* (1460), *sąpierz* (1409), *sporca* (1449), *wsporca* (1460). Развитая полилексия – это отражение различного восприятия и интерпретации окружающего мира и вытекающих отсюда непрерывных попыток «дать вещи соответствующее название».

¹³ Zajda A. Staropolska terminologia prawnicza odznacza się wybitną rodzimością // Język Polski. LXXIX. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1999. S. 47–53.

Родство и свойство. Поле названий, выражающих семейные отношения, т.е. названия отношений родства и свойства, в связи с первостепенной важностью этих связей, изобилует множеством старых и интересных слов, или полученных в наследство от славянской общности, или возникших в старопольский период. Субстантивированное прилагательное *krewny* ‘имеющий в жилах ту же самую кровь; происходящий из одного и того же рода’ SStpl отмечает многократно с 1399 г., *krewność* ‘родство’ (2 р. ок. 1482), *przyjaciel* ‘родной, близкий’ (3 кол. с 1400); *powinowaty* только в SPXVI. Примеры: *czędo* ‘ребенок’, *dziad, pradziad, baba, niewiastka* ‘жена сына’, *plemiennik, prababa, praciotka, wnęk, wnęka, wnukiew, przewnik, snecha, sneszka* ‘жена сына по отношению к родителям мужа’, *jątrew, jątrewka* ‘жена брата мужа’, *świekr* ‘отец мужа’, *świekra* ‘мать мужа’, *szurza, szurzy* ‘брат жены’, *dziewierz* ‘брат мужа’, *nieć* ‘кузен’, *nieściora* ‘кузина’. Постепенно это поле будет перестраиваться и сокращаться, некоторые из этих наименований еще можно найти в текстах XVII в., например: *świekier, świekra* в словаре Кнапского; несколько раз они отмечены в *Гданьской Библии* (1632), некоторые сохранились в диалектах и антропонимии, например: *Dziewior < dziewierz, Nieć, Niećko, Szurza, Świekier, Wnęk*¹⁴. М. Шимчак утверждал, что от праславянской эпохи польский язык унаследовал 30 названий, из старопольского периода – 50, в общей сложности существует 486 названий в период самостоятельного развития польского языка¹⁵. SStpl отмечает давно представленные в польском языке предложные выражения *po mieczu* ‘родственники по мужской линии’ (2 р. с 1441), *po kądzieli* ‘родственницы по женской линии’ (3 р. с 1456); в XVI в. добавится выражение *po wrzecienie* (1559 г. GrPorz k. ff).

В связи с этим следует рассмотреть интересную судьбу праславянских лексем **mąź* и **żena*. Эти слова существуют на протяжении всей истории польской лексики. В SStpl *mąź* – это ‘человек, мужчина’ (полторы колонки с сер. XIV) и ‘супруг’ (более двух кол. с 1393). Наряду с этим словарь отмечает инновацию в форме *mężczyzna* ‘vir, masculus’ (‘человек, мужчина’) (3 р. с сер. XV), *mężczyzna* ‘то же’ (1 кол. с 1449).

Żona в первом значении – ‘женщина, невеста’ (2 кол. с к. XIV); а также неоднократно отмеченные ‘ухог’ (‘жена’) (8 кол. с 1393); инновация – это *żeńszczyzna* (1 р. с сер. XV), *żeńszczyzna* (5 р. с 1449); от праслав. **nevěsta* происходит также *niewiasta* ‘женщина, невеста’ (3 кол. с нач. XV). В это время появляется *mężatka* ‘замужняя женщина’ (12 р. ок. 1420) и *małżonka* (14 р. с нач. XV); *biała głowa, białogłowa* появится в большом количестве в XVI в., также *kobieta* – определение первоначально оскорбительное. Инновации *mężczyzna, mężatka, małżonka* существуют до сих пор; *niewiasta* это слово высокого стиля и книжное, появляется в некоторых современных переводах Библии.

Праслав. **otьсь* – это *ociec, ojciec* (5,5 кол. с 1386) сохранилось без изменений до сих пор. А вот праслав. **mati* – это старопол. *mac* ‘мать’ (4,5 кол. с 1393), в винительном падеже *macierz*; также SStpl отмечает лексему *matka*, праслав. **matьka*, уменьш. от **mati* (3 кол. с 1400); старопол. уменьш. *matuchna* (3/4 колонки с к. XIV.), *macocha* (17 р. от 1399); *macierz* ‘мать’ в им.п. ед. ч. отмечено три раза в *Кодексе Суледа* (1449) и отсюда *macierz* в форме заголовочного слова; как особое заголовочное слово находим эту форму также в словаре Трота (Трос, 805) с пометой *vulg.* ‘слово низкое, вульгарное’ (ib., 5); то же у Бандтке (Bandtkie, 423), Линде (Linde III 17); Варшавский сло-

¹⁴ Rymut K. Nazwiska Polaków. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1991.

¹⁵ Szymczak M. Nazwy stopni pokrewieństwa i powinowactwa rodzinnego w historii i dialektach języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. S. 192.

варь (SWarsz) уже отмечает *macierz* в переносном значении ‘rozsadnik, gniazdo, kolebka’ (SWarsz II, 839).

Сельское хозяйство и земледелие. В старопольский период разнообразна лексика, связанная с сельским хозяйством и земледелием. Польша долгое время была аграрной страной с редкими городскими поселениями. *Wieś* – слово праславянское. Сначала нужно отметить именованья имущества, а именно: *dobro* ‘движимое или недвижимое имущество, владение’ (полторы колонки с 1389 г.), *imienie* ‘имущество, прежде всего, земля и земельная собственность, недвижимость’ (7, 5 кол. С 1388 г.), *mienie* ‘то же’ (7 р. с 1391 г.); у слова *osiadłość* ‘владение земельными угодьями, доказывающее принадлежность к поместному дворянству’ (2 р. с 1499) в следующем столетии разовьется значение ‘имущество, собственность на землю, полученная в наследство или приобретенная’. Обратим внимание на словосочетания *imienie idące* (1456), *nie stojące* (1456), *potijające* (1466), *ruszające* (1426), *nie stojące* (1456) ‘движимость’; *imienie leżące* (1479), *nie idące* (1456), *nie ruszające* (1426), *stojące* (1456) ‘недвижимость’.

Слова *niwa*, *nowina*, *płosa*, *plug*, *pole*, *ugór*, *oracz*, *orać*, *radło*, *rola*, *siać*, *siemię*, *siew*, *socha*, *ziemia* имеют праславянские истоки; в основном это наиболее стабильный и доживший до наших дней пласт, так же, как названия частей тела; лексема *rolnik* SStrp отмечает 1 р. в 1471 г., но *rolnictwo* появляется только в XVIII в. (см. у Линде). Пахотные земли были получены в результате корчевания леса, откуда и многочисленные названия, касающиеся последствий этой работы – в них мы находим примеры географически различного восприятия и интерпретации мира. Примеры: *koponica*, *koponina*, *kopanka*, *łaz*, *przykopek*, *przyorek*, *przyrobek*, *wyrobek*, *zarebek*. Многие из этих имен нарицательных стали топонимами, ср., например, множество названий таких, как *Trzebież*, *Trzebinia*, *Trzebnica*, *Łaziska*, *Praga*, *Żagań*, *Żary* (от выжигания). *Puszcza* (праслав. *pušča < *pust-ja), так же, как *pustynia* (праслав. *pustyni) первоначально это ‘пустое, необжитое место’, более позднее (и нынешнее) значение является результатом специализации. Другие названия полей это, например: *borowina*, *grunt*, *jutrzyzna*, *kąt*, *lecha*, *łaz*, *łazisko*, *opłosa*, *płosa*, *plużka* ‘полоса пахотной земли’, *półrola*, *półrolek*, *półśladek*, *stajanie*, *wzór*, *zagon*. Поле после уборки ржи или жита – это *rżysko* (1 р. в 1474), но также уже ‘стерня’ (3 р. с 1471) – это второе значение постепенно вытесняет первое, чему способствует выпадение из употребления мотивирующего слова *reż*. Богатство названий сельскохозяйственных угодий – это не только результат цветной мозаики разнородности реалий, окружающих поселения, но и разной интерпретации конкретных фактов.

Неотделимо от сельскохозяйственной деятельности было рыболовство, откуда названия сетей: *sieć* (1 колонка с 1397), *drzub* (1 р. в 1497), *drzubica* (1 кол. с 1393), *kłomica* (9 р. с 1266), *kłomica* (1 р. в (1401) XV), *kołowrot* (1 р. примерно с 1455), *niewód* (23 р. с 1246), *plachta* (2 р. с 1433), *przywłoka* (6 р. с 1266), *sak* (12 р. с (1412) 1548), *ślępnica* (10 р. с 1266), *wata* (12 р. с (1350) 1543), *więcierz* (более 1 кол. с 1335), *włok* (28 р. с 1298), *zabrodnia* (8 р. с 1356), *zabrodnica* (1 р. в 1497); *węda* ‘удочка’ (6 р. с 1351), *wędka* (1 р. в 1471), *wędzica* (2 р. в XV–XVI).

Наименования земледельцев и сельских жителей: *chłop* ‘крестьянин’ (1 кол. с 1397), *kmieć* (5 кол. с 1386), *łannik* ‘владелец феода, лена’ (1 р. с 1442), *nowak* (1 р. примерно с 1500), *ogrodnik* ‘владелец небольшого участка, называемого огородом (садом)’ (4 р. с 1408), *poddany* ‘зависимый от феодала’ (5 р. с 1420), *podśadek* ‘безземельный

холоп, зависимый от феодала' (1 кол. с 1437), *rataj* (1 кол. с 1418), *rolnik* (1 р. с 1471), *wieśniанин* 'сельский житель' (1 р. в 1449), *wieśniанка* (1 р. в 1449), *wieśniа* 'rusticus' ('крестьянин') (10 р. в 1449), *włóczyк* 'владелец бороны' (с 1451), *zagrodник* 'безземельный холоп, владеющий только домом с небольшой делянкой' (4 р. с 1391).

Многие из этих названий стали рано играть роль имен собственных, например: *Kmieć* (с 1413), *Kmiotek* (с 1388), *Nowak* (с 1335) – самые частые фамилии в польской антропонимии.

Центр села представлял *dwór* 'центр поместья, его жилые и хозяйственные постройки, а также жители – семья хозяина и прислуга' (в SStpl 2 кол. с 1393). Слово, прошедшее через века и дожившее до наших дней.

Единицы измерения земли. С сельским хозяйством тесно связаны названия единиц измерения площади полей, иногда различающиеся по географии: *ćwierć* 'четвертая часть нивы' (4 р. с 1443), *jutrzyна* (8 р. с 1384), *kwarta* 'четвертая часть нивы' (1 р. с 1391), *lan* (22 р. с 1397), *laniec* (2 р. с 1400), *mórg* (2 кол. с 1325), *płosa* (1,5 кол. с 1389), *plug* (5 р. с (1262) 1357), *połuśledzie* (3 р. с 1399), *póllanek* (с 1477), *pólmordze* (2 р. с 1473), *pólwłóczyк* (8 р. с 1425), *półżrebeк* (4 р. с 1407), *preт* (16 р. с 1408), *radło* (2 р. с (1262) 1357), *socha* (2 р. с 1443), *ślаd* (1 кол. с 1388), *włóka* (1 кол. с 1400), *żrebeк* (2 кол. с (1270) XVIII). Эти названия будут существовать и в следующих веках. Границы полей и земельного имущества обозначали насыпи или знаки на деревьях.

Из названий сельскохозяйственных инструментов и орудий SStp отмечает только некоторые: *brona* (11 р. с 1411), *cep* (11 р. с нач. XV), *kosa* (1 кол. с 1394), *plug* (1 кол. с 1401), *radło* (10 р. с 1372), *sierp* (15 р. с 1396); названия частей плуга: *lemiesz* (10 р. с 1419), *radlica* (8 р. с 1326).

Названия животных. Из животных особенно большое значение имели лошади по причине той роли, которую они имели в сельском хозяйстве и на войне. Их названия: *bachmat* 'татарский конь' (1 р. с 1500), *inochodник* (2 р. с 1446), *klacz klacza* (2 р. с 1471), *kobyła* (2 кол. с 1386), *walach* (22 р. с 1393), *woźник* 'ломовая лошадь' (1 кол. с 1391). Существовало множество пород, мастей коней, которые по большей части сохранились на протяжении многих веков: *cisawy* 'каштановый (красно-рыжий)' (с 1443), *gniaidy* 'темно-каштановый' (1421), *płowy* (с 1389), *siwy* (с 1388), *srokaty* (с 1471), *szronowaty* (с 1471), *tarant* (с 1471), *tarantowaty* (с 1471), *wilczaty* (с 1471), *wrony* (с 1425).

С названиями лошадей связаны именованья упряжи: *chomąto* (5 р. с 1437), *lejc lec* (2 р. с 1471), *łęk* (2 р. с 1437), (*podpirśnik*) *podpirśnik* 'ремень, охватывающий грудь лошади' ('подпруга') (1 р. с 1437), *pólladrze* (3 р. с 1481), *siodło* (11 р. с 1399), *strzemię* 'стремя' (6 р. с 1426), *strzemięczysko* 'то же' (2 р. с 1437), *uzda* (11 р. с 1386), *uździenica* (11 р. с 1393), *węzidło* (12 р. с 1394), *wodza* 'вожжи, поводья' (4 р. примерно с 1420).

В **городах** (праслав. *město 'место') было развито ремесло, работали ремесленники, пользовавшиеся разными инструментами. Здесь, как и везде, отмечаем генетические и хронологические пласты. Слово *rzemiosło* (в SStpl – 1 кол. с нач. XV) является праславянским, таким же старым словом является *rzemieślnik* (1 кол. с нач. XV). Исконными являются названия материалов ремесленной выделки, берущие начало в праславянские времена: *drzewo* (*drewno* с 1389), *glina*, *len*, *mieź*, *nić*, *skóra*, *welna*, *włóкno*, *żelazo*. Развитие культуры способствовало развитию различных ремесел и принесло новые инструменты, а вместе с тем и новые названия, в том числе – многочисленные немецкие заимствования.

Наименования ремесленников. Исконные: *bednarz* (с 1437), *cegielnik* (1392), *cieśla* (с 1261), *garnrcarz* (с 1438), *kaletnik* (с 1436), *kołodziej* (с 1416), *kowal* (с 1426), *krawiec* (примерно с 1400), *lutnik* (с 1456), *młynarz* (с 1399), *nożownik* (с 1471), *olejarz* (с 1449), *ostrożnik* ‘делающий шпоры (ostrogi)’ (с 1379-1404), *paśnik* (с 1436), *piekarz* (с 1450), *piwowar* (1476), *plóciennik* (с 1394), *powroźnik* (с 1414), *samostrzelnik* ‘делающий луки и арбалеты’ (1433), *siodlarz* (с 1464), *sznurnik* (2 р. с 1425), *szwiec*, *tkacz* (с 1471), *walkarz* ‘ремесленник, валяющий сукно’ (примерно с 1470), *wapiennik* (с 1455), *welnarz* (с 1394), *zlotnik* (с 1412); заимствования: *barwierz* (с 1471), *folarz* (1 р. в к. XV), *haftarz* (с 1394), *knap* (примерно с 1420), *konwisarz* (1498), *kuśnierz* (с 1413), *mincarz* (примерно с 1500), *murarz* (с 1455), *płatnerz* (с 1418), *rymarz* (с 1439), *stelmach* (с 1399), *stelmacher*, *starmacher* (с 1388–1430), *ślósarz ślosarz* (с 1444).

Названия инструментов. Исконно польские: *cieślica* ‘плотницкий топор’, *dlóto*, *dlótko*, *gasidło*, *kopyto*, *młyn*, *osła*, *rzezak*, *ośnik*, *strug*, *topór*; немецкие заимствования: *ambus*, *folusz*, *hebel*, *kielbrat*, *kielnia*, *klubzaga*, *raszpla*, *żelazny strój*, *szrobcwinga* ‘зажим’, *szrobszток* ‘тиски’, *szynwaga* ‘весы’, *śruba*, *warsztat* из средненем. *wercstat* (Lexer 314).

Заслуживает внимания уровень гиперонимии поля ‘instrumentum’ (‘инструмент’) – долго оно представляло собой одно из трех значений лексемы *naczynie* (5 р. с 1444), реже *naczyn* (1 р. в 1462), *narząd* (1 р. в 1466), *przyprawa* (6 р. с нач. XV), *statek* (2 р. с нач. XV) – *narzędzie* появится только в XVI в. Постепенно частотность *narzędzie* в источниках будет возрастать вплоть до окончательной победы в этой конкуренции – *naczynie* в этом значении осталось в диалектах, а кроме того в общем языке как ‘сосуд’.

Металлургические заводы и добыча соли. Появляются слова, называющие большие промышленные предприятия, например: *hamry* ‘металлургический завод’ (5 р. с 1406), *huta* (9 р. с 1395), *hutarz* (1 р. в 1452), *hutman* ‘надзиратель в соляной шахте и на металлургическом заводе’ (5 р. с 1395), *hutmaństwo* ‘должность надзирателя в соляной шахте’ (1 р. в 1334); *kopacz* ‘забойщик в соляной шахте’ (3 р. с 1450), *żupa* ‘шахта’ (2 кол. с 1285), *żupnik* ‘управляющий соляной шахтой’ (5 р. с 1394–1395).

Торговля. Обмен товара путем купли-продажи – это одна из самых древних форм деятельности человека. В старопольский период мы обнаруживаем богатый словарный запас в этой области. Самые многочисленные (16) – это лексемы, созданные на основе корня *kup-*, менее численные от *przedać*, *targ*. Например: *kup* ‘акт покупки вещи, торговая сделка’ (3 р. с 1445), *kupać* ‘купить’ (1 р. в 1427), *kupczyć* ‘торговать’ (с сер. XV), *kupia* ‘товар, предназначенный для купли (продажи), предмет торговли’ (с 1412), ‘действия купца’ (с сер. XV), ‘обменная стоимость купленной (проданной) вещи, деньги за проданный товар’ (1 р. в 1471), *kupić* (3 кол. с 1389), *kupidło* ‘плата, деньги за проданный товар’ (3 р. с 1455), *kupnina* ‘то, что приобретено, куплено’ (1 р. в 1436), *kupno* ‘торговая сделка, приобретение вещи’ (2 р. с 1469), *kupować* (с 1399 г.), *przekupień* (5 р. с нач. XV), *przekupka* (2 р. с 1462); *przedać*, *przedając* (4 кол. с 1391), *przedajny* ‘предназначенный для продажи’ (2 р. с 1455), *przedanie* ‘продажа’ (с 1397), *przedawać* ‘продавать’ (с 1411), *przedawanie* ‘продажа’ (2 р. с 1449), *przedawca* ‘продавец’ (5 р. с 1449); *borg*, *na borg* ‘в кредит’ (2 р. с 1449), *borgować* ‘брать в долг’ (3 р. с 1449), *borgowanie* ‘одалживание’ (1 р. в 1437); *jałka* ‘ларек продавца, лавка, прилавок’ (с 1375), *kram* ‘торговый ларек’ (с 1257), *kramarka* ‘торговка’ (2 р. с сер. XV), *kramarski* ‘относящийся к продавцу’ (1 р. в 1497), *kramarz* ‘купец, торговец’ (с 1406), *kramnica*

‘торговый ларек, лавка, магазин’ (2 р. с 1441.), *kramny* ‘относящийся к лавке’ (с 1398); *targ* ‘акт покупки-продажи, договор о цене товара’ (с 1401), ‘базарный день’ (с 1449), ‘место, где происходит торговля, площадь’ (с 1410), *targować, targować się* ‘осуществлять сделку купли-продажи, торговать’ (с 1399), *targowanie* ‘торг, договор купли-продажи’ (1 р. в сер. XV), *targowe* ‘сбор от проданных на базаре товаров (налог)’ (с (1065) XVII), *targowisko* ‘место торговли’ (3 р. с 1498), *targowla* ‘акт купли-продажи’ (1 р. в 1456), *targowy* ‘относящийся к торговле’ (3 р. с (1282) нач. XIV)¹⁶.

Обзор лексем, связанных с куплей-продажей, позволяет сделать следующие выводы. В ходе развития многие из них выйдут из употребления; однако половина сохранит свою жизнеспособность до наших дней, что говорит об их лексикологической ценности. Подобное значение сохранили почти все единицы, созданные на основе праслав. *tǫgь. В XVI в. из немецкого языка будет заимствовано *handel*, и поле обогатится новыми лексемами, созданными на основе этого слова.

Новое заимствованное слово *jarmark* (10 р. с 1408) начинает соперничать с исконным словом *targ* (3 кол. с 1401 в трех близких значениях). Дальнейшее развитие покажет, что заимствованное слово станет региональным, будет употребляться в небольших городках, а в общепольском языке будет доминировать *targ*.

Меры и вес. С практической жизнью были тесно связаны названия мер и веса (праслав. *měra). Названия мер жидкостей: *achtel, antał, antalek, beczka, drelink, fasa, garniec, półachtel, półbeczka, półgarniec*; сыпучих тел, например, злаков: *beczka, ćwiertnia, kloda, korczyk, korzec* ‘мера сыпучих тел, *maca, maldr, maldrat, półkłodek, (półkorca) połukorca, półmiarek, wiertel*; названия мер длины: *cal, lokieć, mila*; веса: *bezmian, centnar, funt, kamień, laszt, lut*.

Домашнее хозяйство: *garnek* (с 1425), *garniec* (с к. XIV), *koryto* (с (примерно 1250) XV), *lichtarz* (с 1456), *ławka* (с 1447), *naczynie* (сер. XV), *piec* (1 кол. с к. XIV), *stół* (1,5 кол. с к. XIV), *wiercimak* ‘пестик для мелкого перетиранья’ (с 1450), *wiercioch* ‘то же’ (примерно с 1470), *zydel* (с 1456).

Особое место среди названий предметов домашнего хозяйства занимали *gierada* и *hergwet*; *gierada* ‘женское приданое’; одежда, постель, кухонная утварь’ (13 р. с 1456) - от средненем. *geråde* ‘weibliches Geräte und Kleider als Erbe’ (Lexer 62): *Ku they tho gyeradzye, szlowye nyewyyszczkym rzeczam, szlusza czynyone szlotho y szrebro, czo szlusza ku panyeszkyey kraszye ..., y lyszky, ... y myednycze, ... y poduszky, ... obruszy, racznyky, ... chuszthy, ... lychtarze, prządze y prządzywo, panwye pywne, ... y xyągy, czo kv bozey szluszbye zalyczą ..., y gyeden woszkowy koczyel, szwyeczdylo, nozycze y drugye thakye rzeczy, czo nyewyasthy pozywaya, tho moze bycz szwano gerade, szlowye nyewyesczye rzeczy podług prawa 1456 OrtMac 69.*

Hergwet, hergewet – это мужские вещи, а именно ‘рыцарские доспехи получаемые в наследство мужчинами-потомками’ из средненем. *hergewæte* ‘Kriegsrüstung, Rüstung’ (Lexer 86), т.е. *zbroja*. SStpl отмечает это слово, распространенное в XVI в., только в приложении (7 р. с 1476).

¹⁶ *Młynarczyk E.* Gdzie targowano dawniej w Polsce czyli o staropolskich wyrazach nazywających place, stoiska i pomieszczenia hadlowe // *Język Polski*. LXXIX. Kraków: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1999. S. 54–67; *id.* *Frymark, targ* lub *kupia*, czyli o staropolskich nazwach umów handlowych // *Annales Academiae Pedagogicae Cracoviensis. Folia 6. Studia Linguistica I* / Red. L. Bednarczuk, M. Mączyński, T. Szymański. Kraków: Akademia Pedagogiczna, 2002. S. 247–259.

Одежда. Уже в это период сформировался основной пласт лексики, связанный с темой «Одежда». Гиперонимы: *odzienie* (4 кол. с 1391), *raqb* ‘одежда, наряд, платок, нижнее белье, полотно’ (3/4 кол. с 1396), *rucho* (1,5 кол. с 1389), *suknia* (1,5 кол. с 1399), *szata* (11 п. с 1421); *strój*, *ubiór*, *ubranie* появляются в последующий период. Гипонимы: *bindal* ‘кушак’ (2 п. с 1484), *biret* ‘разновидность шапки’ (2 п. с 1405), *chusta* ‘платок на голову’, ‘(нижнее) белье’ (1 кол. с 1449), *czechel/czechło* ‘рубашка или платье (особенно женская) из белого полотна’ (13 п. с 1436), *czechlik* (4 п. с сер. XV), *czepek* (4 п. с 1428), *czepiec* (1 кол. с 1431), *gacie* ‘брюки’ (3 п. со вт. пол. XV), *gacnik* ‘защитный пояс на бедрах’ (4 п. с 1437), *gzło* ‘рубашка’ (8 п. с 1439), *koszula* (8 п. с 1399), *kożki/kózki* ‘разновидность накидки на меху’ (21 п. с 1447), *kożuch* (15 п. с 1420), *nogawica* ‘то, что облегает ноги’ (7 п. с 1415), *(obuw) obów* (11 п. с к. XIV), *onuca* (1 п. во вт. пол. XV), *plaszcz* (2 кол. с 1399), *podwijka podwika* ‘разновидность женского головного убора’ (12 п. с 1415), *raqbek* ‘тонкий, белый платок, носимый замужней женщиной под шапочкой или колпаком’, ‘рубашка или платье из белого полотна, женская одежда’ (1 кол. с 1436), *ruszyca* ‘платок (косынка) на голову’ (3 п. с 1412), *skórnice skórznie* ‘обувь с голенищем’ (7 п. с 1427), *toczenica* ‘нарядный женский головной убор, платочек, веночек’ (10 п. с 1465), *zawojek* ‘нарядный женский головной убор’ (1 п. в сер. XV), *zawój* ‘то же’ (2 п. примерно с 1420), *zwoik zwojek zwojka* ‘то же’ (1 кол. с 1420).

Военное дело. Значительное место в истории польской лексики занимают названия оружия. Уровень гиперонимии занимает *broń* (1,5 кол. с 1388). Старые названия оружия – это *kopija* (7 п. с 1451), *kusza* (7 п. с 1456), *łuk* (3 п. с 1498), *miecz* (3 кол. с 1397), *paweza* ‘щит’ (20 п. с 1466), *pawezka* (6 п. с 1471), *przelbica* (25 п. с 1393), *przyłbica* (2 п. с 1394), *strzała* (1 кол. с к. XIV), *strzelba* ‘ружье’ (2 п. с 1455), ‘арбалет’ (1 п. с 1447); *szczyt* (1 кол. с 1400), *szyp* ‘стрела’ (24 п. с 1390), *włócznia* (1 кол. с 1399); более новые это – *(halabarda) helbart* (1 п. в 1500), *helm* (5 п. с к. XIV), *pancerz* (1 кол. с 1359), *szabla* (23 п. с перв. пол. XV), *zbroja* (2 кол. с 1393), *żold* (17 п. с нач. XV). Семантика слова *strzelba* – первоначально *nomen actionis* ‘стрельба’ – была конкретизирована, и SStpl отмечает его уже в знач. ‘стрелы’ (2 п. с 1455) и ‘оружие, стреляющее стрелами, арбалет’ (1 п. в 1447). С момента распространения пороха появляется огнестрельное оружие, а с ним и названия: *działo* (2 п. с 1455), *foglar* ‘разновидность пушки’ (6 п. с 1494), *foglarek* (1 п. в 1494), *hakownica* (13 п. с 1471), *hufnica ufnica* ‘разновидность пушки’ (9 п. с 1446), *moździerz* (3 п. с 1478), *pólhufnica* (3 п. с 1494), *taraśnica* ‘разновидность легкой пушки’ (7 п. с 1478), *taraśniczka* ‘то же’ (1 п. в 1446).

Названия борющихся сторон, соперников – это *pawężnik* ‘солдат, вооруженный щитом’ (7 п. с 1497), *rycerz* (3, 5 колонки с 1449), *strzelec* (0,5 колонки от (1391) 1537), *szczytownik* ‘солдат, вооруженный щитом’ (1 п. в 1455), *żołnierz* (7 п. с XV–XVI); нигде не отмеченное древнее слово *woj* мы видим только в названиях *wojewoda* ‘тот, кто ведет воинов’ (3,5 колонки с (ок. 1250) XV), *wojna* (1 кол. с 1255), *wojsko* (1 кол. с 1449).

Медицина. Медицинская лексика, благодаря важной роли, которую тема здоровья и болезней играет в жизни человека, рано выделилась в отдельную лексическую группу, которая имеет праславянское происхождение. Помимо области права, требующей точности в интерпретации и номинации, – это самый первый результат наблюдения и научного исследования. В 1472 г. появился естественно-научный и медицинский словарь Яна Станки. Многие из отмеченных в SStpl названий до сих пор употребляются в медицинской терминологии. Например, названия болезней: *dychawica* ‘туберкулез лег-

ких' (1 р. примерно с 1500), *kurcz* (5 р. с 1464), *nieżyt* 'воспаление слизистой оболочки' (4 р. с 1437), *świrzb* (5 р. с 1455), *wrząd* (1 кол. с нач. XV), *zimnica* 'горячка с лихорадкой' (3 р. с 1455). *Choroba* (5 р. с 1454) и *niemoc* (6 кол. с сер. XIV) – это гиперонимы этого микрополя; *niemoc* долго сохранится в центре уровня гиперонимии; названия лекарств: *lek* 'средство врачевания' (3 р. примерно с 1470), *lekarstwo* 'лекарство' (1 кол. с XIV); именованя целителей: (*balwierz*) *barwierz* 'цирюльник' (1 р. примерно в 1500); *lekarka* 'лечащая женщина, врачевательница' (1 р. в XV), *lekarz* 'врач, medicus' (1 кол. с к. XIV); *leczyć* 'исцелять, возвращать здоровье' (4 р. в XV). Особую группу слов представляют слова, связанные с лечением колдовством: *lekować* (3 р. со вт. пол. XV), *lekownica* 'лечащая колдовством, колдунья' (2 р. с сер. XV), *lekownik* 'лечащий колдовством, колдун' (4 р. с сер. XV). В словосочетании *złe powietrze* (1 р. в 1420), о болезни, неоднократно охватывавшей целые регионы страны, определяемое слово получило значение 'заразы, чумы' – такую семантику SStpl отмечает также в двух употреблении лексемы *zarażenie* (ок. 1500).

Этикет. В старопольский период появляются вежливые формы речевого этикета, сохранившиеся на протяжении столетий. Форма *pan*, в старопол. первоначально – 'кастелян, управляющий замком' (1 кол. с 1393, например, *pan krakowski*), 'высокопоставленная особа, сановник' (1,5 кол. с XIV), 'дворянин (шляхтич), владеющий земельными угодьями и крестьянами, наследник' (1,5 кол. с 1398), 'муж, супруг' (5 р. с 1386), 'о Боге' (1,5 кол. с нач. XV), 'мужчина, владелец дома, хозяйства' (0,5 колонки с нач. XV), преобразовалось в 'этикетный титул, присваиваемый высокопоставленным особам, дворянам (шляхте)' (3 кол. с 1449); в SPXVI в. слово *pan* отмечено уже 5441 употреблении, и оно вытеснило форму *gospodzin* (3 кол. примерно с 1250). Аналогичным образом в этикетный титул превратилось *pani*, первоначально – 'женщина, чаще всего замужняя, принадлежащая к высшим слоям общества (шляхтянка) и обладающая имуществом' (3 кол. с 1386), 'чья-л. жена, особенно жена кастеляна или другого сановника' (3/4 колонки с 1398), 'женщина, обладающая имением (безотносительно к статусу), властью, повелительница, хозяйка, работодательница' (0,5 кол. с нач. XV), 'женщина' (с 1399). В религиозных памятниках, начиная от *Свентокишских проповедей*, постоянно встречается определение *miłościwy* ('милостивый'), относящееся к важным персонам. С начала XV в. этикетным титулом становится персонализированная форма *Miłość*, откуда – *Twa, Jego, Wasza, Jej Miłość*, сохранившиеся до наших дней. Определение *Wielmożny Pan* также существовало на протяжении столетий, именно в это время появляется: *Magnas vyelky albo vyelmoszny pan* (ок. 1500)¹⁷. В начале XV в. появляются *wielebny, Dobrodziej*, в дальнейшем этикетный титул, в старопольский период это еще 'beneficus, qui bonum facit' (с нач. XV в.), также *dobrodziejca* (1471).

Не вызывает сомнения, что материал, содержащийся в SStpl, не отражает всего лексического богатства того времени по причине нехватки соответствующих текстов, например, из области строительства, ремесла, добычи полезных ископаемых – эту лексику, давно хорошо освоенную польским языком, только в XVI в. продемонстрируют пространные тексты, где представлены проверки и инвентаризации имений. Точно так

¹⁷ *Erzepki B.* Przyczynki do średniowiecznego słownictwa polskiego. Cz. I. Glosy polskie wpisane do łacińsko-niemieckiego słownika drukowanego w roku 1490. Roczniki Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego. T. XXXIV. Poznań: Nakładem T-wa Przyjaciół Nauk, 1908. S. 120.

же некоторые слова, отмеченные в SStpl как поздние, имеют богатую историю. Например, такое слово как *przywilej* от лат. *privilegium* SStpl отмечает только с 1393 г., однако фонетическая форма слова свидетельствует о более раннем заимствовании – ведь латинские документы были самыми ранними проявлениями применения письма на территории нашей страны. Схожая история с *myto* от нем. *mūta*, которое засвидетельствовано только в 1365 г., но фонетика указывает на заимствование в праславянский период, ср., например, церк.-слав. *myto*, *mytnikъ*. Ранее упомянутые формы названий феодальных повинностей, дани и оплат на -'e, -ne, -owe, – изначально являвшиеся определениями существительного среднего рода *myto*, – доказывают, что весь процесс их возникновения должен был происходить в дописьменное время.

Числительные *samotrzeć*, *półtrzecia*. Помимо существительных интерес вызывают числительные типа *samotrzeć* ‘сам с двумя другими’ (с 1397), *samoczwart* ‘сам с тремя другими’ (с 1393), *samopiąt* (с 1405), *samoszóst* (с 1396), *samosiódz* (с 1405), *samoósm* (с 1398), *samodziewiąt* (с 1403), *samodziesiąt* (с 1417), *samotrzećnaście* (с 1407), *samowtór* (с 1399), *samowtórnaście* (‘сам с одиннадцатью другими’). Также оригинальны формы *półdrugiego* ‘один с половиной’ (1471), *półtora* ‘то же’ (с 1390), *półtrzecia* ‘два с половиной’ (с 1399), *półczwarta* ‘три с половиной’ (с 1391), *półpięta* ‘четыре с половиной’ (с 1400) и т.д. Оба типа форм вышли из употребления в общепольском языке в среднепольский период – второй тип сохранился в диалектах; в общепольском языке до сих пор используется форма *półtora*.

География. Лексика старопольского и более поздних периодов различается не только с точки зрения истории и по своей лексикологической ценности, что естественно, но также географически. Вот один из многих примеров. В *Кодексе Суледа* 1449 г., являющимся переводом *Вислицких статутов* в середине XIV в., заглавие одного из параграфов гласит: *Vstawyenyje o pyerczach a procuratorzech albo o rzecznykoch* (с. 7), но в латинских переводах *Статута* это заглавие гораздо проще: «*De procuratione*», «*Procuratores*», «*De procuratoribus*». Автором этого синонимического ряда наименований полномочных представителей сторон был житель Мазовии Свентослав из Войцешина (Świętosław z Wojcieszyna), переводчик этой части кодекса. Употребленные в заглавии перевода слова – составные поля ‘*vicarius*’ являются результатом сознательного выбора из 15 известных переводчику элементов поля. Оказалось, что *pierca* (25 р. с 1399) является мазовецким словом, *procurator* (10 р. с 1421), в свою очередь, цитируется в SStpl по памятникам великопольским 8 р., в *Кодексе Суледа* – 2 р.; *rzecznik* является словом общепольским – SStpl цитирует его в 58 употреблениях в различных памятниках из разных регионов Польши. Свентослав, житель Мазовии, употребил на первом месте мазовецкую лексему *pierca*, а уже потом великопольское *procurator* и оба диалектизма пояснил общепольским словом. Это первое достоверное свидетельство осознания географического (диалектного) различия слов. Сходным образом слово *spadek* (14 р. с 1484) находим почти исключительно только в AGZ и всего лишь 2 р. в других источниках; многозначный *sapierz* (57 р. с 1409) – во множестве источников разных регионов страны, в то время как *sapierca* (10 р.) только в *Кодексе Дзялынских* (1460).

В Институте польского языка Польской академии наук в Кракове реализуется проект «Тематического словаря старопольского языка». Основываясь на теории словесного поля, он соберет и интерпретирует всю лексику и лексическую семантику старопольского языка. Этот метод позволит раскрыть языковую картину мира жителей ста-

рой Польши, их понимание действительности и даст ценный материал по вопросам номинации. Заголовочным словом в словаре будет каждое из значений, собранных в SStpl самостоятельных слов. Всего в сумме новый словарь будет насчитывать 180 тыс. заголовочных слов, в то время как в SStpl, как упоминалось выше, их 22591. Старопольская лексика в этом словаре будет сгруппирована примерно в 500 лексических полей по темам: а) Вселенная, б) Человек, в) Человек и Вселенная. Готовящийся к выпуску словарь поможет в сравнительных исследованиях в области лексикологии на общеславянской территории, ср., например: сегодняшний польский *zachód słońca*, в старопольском тоже существует в этой форме, а также в форме *zapad słońca* – ср. др.-русск. *zapad solnca*.

Заканчивая разговор о старопольском периоде, можно сказать, что в это время произошло значительное расширение лексического состава, почерпнутого из праславянского языка. В небольшой работе трудно показать и описать все богатство лексики этого периода – это очевидно при обращении к «Словарю старопольского языка». Количественный прирост произошел за счет исконных языковых средств, а также за счет заимствований из чешского, немецкого и латинского языков. Немецкие заимствования в течение многих столетий господствуют в сфере ремесла. На месте вышедших из употребления слов в полях и микрополях появилось множество новых; полилексия – одна из характерных черт старопольской лексики, поскольку этот период – это не только письменная фиксация польского языка, но также время поисков, чтобы «дать вещи соответствующее слово». Инновации обогатили существующие словарные поля, а иногда и их структуру, ср., например: *prawo, a prawo miejskie, prawo polskie, prawo duchowne, prawo ziemskie, pisane prawo* и т.д. Таким образом, мы видим разные генетические, хронологические пласты и факты, способствующие появлению множества формальных инноваций в пластах как изменчивых, так и стабильных. Уже в древнейший период развития польского языка заметно выделение из общего языка и функционирование терминов – специальных лексических единиц, имеющих только одно значение, например: *dziewierz, podkomorze, podworowe, półlanek, radło, targowe*. Параллельно многие слова в процессе функционирования в языке и развитии восприятия и интерпретации явлений подверглись полисемизации, например: *prawo, sapiarz*. Одновременно с дальнейшим формированием языка, отражающим развитие культуры, численность терминов будет только увеличиваться. Лексика старопольского периода представляет собой основу польского лексического состава – в значительной степени она продолжает функционировать и сегодня.

Переходим к среднепольскому периоду, продолжающемуся до конца XVIII в. Его начало – XVI столетие. Это золотой век польской культуры. На это определение оказало влияние множество факторов – экономическое развитие в условиях феодализма, а также принятая Польшей идеология Ренессанса, гуманизма и реформации, а также развитие книгопечатания. Все это благоприятствовало необычному развитию идей и достижений. Личность Николая Коперника и его научные открытия являются самым лучшим доказательством. По сравнению с предыдущим периодом значительно возросло значение польского языка и его использование, многократно активизировалась творческая деятельность писателей, и несравненно обогатилась тематика написанных и издаваемых текстов. Лексика начала XVI в. находится под сильным влиянием предыдущего периода, что легко заметить, читая, например, тексты Берната из Любли-

на или других авторов того времени. В то же время много старых слов выходит из употребления. В 1543 г. Сейм принимает Закон о поддержке польского языка. Кто из нас не помнит слов Рея того времени: «*A niechaj narodowie wždy postronni znają, iż Polacy nie gęsi, iż swój język mają*» («Пусть народы знают, что поляки не гуси, а свой язык имеют»). В области религии и права появляются объемистые тексты – несколько переводов Библии, например, *Брестская Библия* 1563 г. – величайшее достижение библейского переводческого дела в XVI в., множество трактатов и комментариев, например, замечательная *Постилла (Postyllę)* Николая Рея (1566), *Христианские беседы* Мартина Чеховича (1575); из области городского права – цикл из семи работ Бартомея Гроицкого (1558–1605), две работы Павла Щербицы (1581), большие сборники типа книг Яна Гербурга (1570), Станислава Сарницкого (1594) и Яна Янушевского (1600) по польскому праву. «*Придворный*» («*Dworzanin*») Лукаша Гурницкого (1566) привносит много лексики из сферы общественной жизни. С 1564 г. появляются подробные описи королевского имущества, – изданные, однако, только в середине XX в.: детальные описания королевских владений, сел, городов и местечек, «гор свинца и серебра» в Олькуше, солевых шахт в Величке и Бохне. Аналогичный характер имеют инвентари дворянского имущества. Эти источники дают богатый лексический материал, имеющий отношение к жизни сел и городов, они демонстрируют богатый лексикон из сферы сельского хозяйства, строительства и внутреннего убранства. Польский язык в творчестве Яна Кохановского стал образцом для литературы большой художественной ценности – много слов общепольского языка получило высокую стилистическую окраску, формулировки *Gościu, siądz pod tym liściem, a odpoczni sobie* и *rozstrzelane cienie* из эпиграммы «На липу» Яна из Чернолеса (Я. Кохановского) говорят сами за себя.

Развитие печатного дела способствовало тому, что тексты, издаваемые в сотнях экземпляров, становились доступными для многих читателей – упомянутая *Постилла* Николая Рея в 1557–1594 гг. была опубликована целых пять раз. Считается, что в XVI в. напечатано («wybito») в Польше ок. 3 500 000 экземпляров книг¹⁸. Язык закреплял свои позиции, упрочивался, а вместе с ним и лексика. Николай Рей писал во вступлении к *Изображению (Wizerunku)* (1560) слова, которые стоит привести в связи со сказанным: *A tho sie niczym inszym nie dzyeie, iedno iż nastáło niemáło ksiązek Polskich* (к. А5) («И не происходит ничего другого, только то, что стало немало польских книг»).

Иноязычное влияние. Заимствования в XVI в. являлись важным источником пополнения польской лексики. Продолжали существовать старопольские заимствования из немецкого языка в сфере организации городов, ремесла и практической жизни. Изданные источники добавили много описанной выше технической лексики из этого языка, относящейся к строительству и добыче полезных ископаемых, которая появилась, несомненно, в предыдущий период. Заимствования из немецкого языка касались также торговли и оружия. Однако в XVI в. немецкое влияние пошло на убыль. Тем не менее, мы встречаем новые заимствования, как правило, фонетически и морфологически адаптированные, например: *auscug* ‘выписка из документа’, *buksztab* ‘типографский шрифт’, *cekauz* ‘оружейная палата’, *drukarz, erbgeld* ‘наследство, переходящее – в связи с отсутствием наследников – в собственность правителя’ (1570), *frasunek, fraucymer, gmina, handel, rynsztunek, szalbierz* ‘аферист, мошенник’, *szuflada, szuldbryf*

¹⁸ Bajerowa I. Wpływ techniki na ewolucję języka polskiego. Kraków: Polska Akademia Nauk, 1980. S. 9.

‘долговая расписка’, ‘облигация’, *szwagier*, *winda*. Основным источником заимствований в XVI в. была, однако, латынь. Как раньше, так и теперь латинские заимствования касались канцелярской работы, права и судопроизводства, их характерной чертой, помимо моносемии, часто была абстрактность, например: *delacyja* ‘донос, обвинение’, *deliberacyja* ‘размышление’, *dysputacyja* ‘ученое рассуждение’, *ekscепcyja* ‘исключение’, *instygacyja* ‘обвинение’, *medytacyja* ‘размышление’, *obligacyja* ‘обязательство’, *sukcesyja* ‘наследство, наследование’ и т. д.

Вместе с тем в Средние века обнаруживается воздействие польского языка на латынь, имеющую хождение в Польше, в XVI в. обнаруживаются примеры такого лексического влияния на язык немецких документов, созданных в нашей стране¹⁹.

В XVI в. после прибытия в Краков итальянской княжны Боны, польской королевы с 1518 г., в польском языке появляются заимствования из итальянского языка. Они имели отношение к разным областям: общественной жизни, материальной культуры (названия одежды), садоводства. Например: *antykamera* ‘прихожая’, *austeryja* ‘трактир’, *banda*, *bank*, *bankiet*, *bomba*, *branzoleta*, *dziardyn* ‘сад’, *fontana*, *fraszka*, *gracyja*, *impieza*, *kalafior*, *karoca*, *katafalk*, *kolet* ‘солдатская куртка’, *kredyt*, *parapet*, *pompa* ‘ро스코шь’, *poszta* ‘почта’, *tort*, *zбир* ‘бандит’ и т. д. Как можно видеть, многие из итальянских заимствований того времени сохранились в общепольском языке до наших дней.

Французские заимствования начали входить в польский язык в XVII в., о чем – ниже.

Ренессансное «открытие мира и человека» привело к появлению текстов различной тематики, касающейся светской и практической жизни. Уже само название труда Н. Рея *Żywot człowieka poczciwego* («Жизнь честного человека») (1568) свидетельствует о новой эпохе. Показателем нового отношения к жизни могут быть многочисленные (475 случаев в текстах Рея) легко заметные уменьшительные формы, что является отличительной чертой его лексикона, например, в описании женского одевания: *Bo więc ow ślężak z forbotem*, *Lisztewká*, *bryżyk ze złotem*, *Nuż káplerzyk z obojczykiem*, *Terepelle z gorgulikiem* (1543 KrRozpr 1619). Другие примеры: *kwiateczki*, *drzeweczka*, *ptaszkiowie*, *kamyeczki*, *kamyk* и т. д. Считается, что тексты Рея содержат более 15 тыс. слов²⁰, в том числе 6 500 заголовочных слов, не известных Словарю Мончиньского, и множество неологизмов. Они отражают ежедневную, практическую польскую жизнь XVI в. с ее радостями и проблемами, а также религиозную жизнь (*Постилла*, переводы псалмов).

Существующая лексика собрана в словарях. Назовем здесь неоднократно издававшиеся до XVII века трехязычные латинско-немецко-польские словари Мурмелиуша (Murmeliusz) 1526 г., Мымера (Mumera) 1528 г. – оба достойны упоминания из-за тематического расположения лексики, затем словари латинско-польские Яна Цервуса Тухольчика (Jana Cerwusa Tucholczyka) 1531 г., Бартоломея из Быдгоща (Bartłomieja z Bydgoszczy) 1532 г. Всех их превосходит созданный в 40-х гг. XVI в. *Lexicon Latino-Polonicum* Яна Мончиньского, изданный только в 1564 г., насчитывающий XXXV +

¹⁹ *Kaleta S.* Deutsch und Polnisch im Kontakt anhand Krakauer Urkunden aus dem 14.–16. Jh. // *W świecie Słowian. Szkice z dziejów leksykologii i leksykografii. Księga dedykowana Profesorowi Wiesławowi Witkowskiemu w osiemdziesiątą piątą rocznicę urodzin* / Red. H. Chodurska, A. Mażulis-Frydel, A. Radzik. Kraków: Oficyna Wydawnicza Impuls. Uniwersytet Pedagogiczny, 2013. S. 96–109.

²⁰ *Kuraszkiewicz W.* Szkice o języku Mikołaja Reja // *Odrodzenie w Polsce. Historia języka. T. III.* Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960. S. 181.

517 страниц и содержащий 20700 польских слов; самые частотные из них – существительные: *rzecz* (1514 г.), *człowiek* (352 п.), *ręka* (238 п.), *żywot* – 199 раз, а *życie* только 12 раз; прилагательные: *dobry* 476 п., *zły* 298 п. Автор снабжал их иногда короткими объяснениями, которые также являются источниками польской лексики. Все польские слова из словаря издал в двух томах с примечаниями В. Курашкевич в труде *Wyrazy polskie w Słowniku łacińsko-polskim Jana Mączyńskiego*²¹. Подобные черты имеет, изданный тем же автором *Leksykon łacińsko-polski Jana Mączyńskiego. Wybór tekstów – opracowanie*²²; автор собрал и тематически упорядочил цитаты, например: *единицы мер и весов, сельское хозяйство, ремесло и инструменты* и т.д. Словарь Мончиньского свидетельствует о богатстве польского языка, но в то же время и о наличии в нём недостатков, о чем свидетельствуют авторские комментарии, которые он использовал тогда, когда ему не хватало польских соответствий. Лексику этого периода содержит *Słownik polszczyzny XVI w.* (Т. I–XXXVII до конца буквы «R»; 1966–2015). Редакция постоянно увеличивает количество нелитературных текстов в качестве источников лексического материала и предполагает, что словарь будет включать ок. 70–80 тыс. слов. Новинкой являются статистические данные о словах и информация о присутствии или отсутствии лексемы в SStp, в словарях Кнапского и Линде, что, помимо информативной ценности, имеет большое практическое значение.

Но перейдем к конкретному материалу.

Календарь. XVI столетие – это конец формирования всех названий месяцев. Изредка мы еще встречаем некоторые старопольские названия, например: *czerwień* и *lipień* 3 р. в словаре Мурмелиуша (1526); новые названия – *podmajek* ‘июнь’ (3 р. с 1544), *winnik* ‘октябрь’ (20 р.). К некоторым уже устоявшимся названиям в качестве синонимов появляются латинские названия, например: *januar*, *aprylis*, *ksantyk*, *junijus*, *augustus*, *oktober*, *nowember*, *december* и так будет продолжаться в XVII–XVIII вв.: отмеченное в SPXVI w. 2 р. в *Брестской Библии* (1563) и в *Библии Вуйка* (1599) слово *ksantyk* все еще остается для меня загадкой.

Религия. Религиозная лексика унаследовала свой фонд от прошлого столетия, одновременно обогащаясь благодаря оживленной религиозной полемике, вызванной Реформацией; результатом стало множество новых слов. Отмеченное в SStpl слово *omełija* от греч. *homilia* SPXVI w. фиксирует в этой форме 2 р., а также 93 р. в форме *homilija*; *kazanie* 686 р., *kazalnica* 29 р. Лексика и фразеология перевода Псалтыри (1579) Яна Кохановского на многие столетия определили лексику молитв на польском языке.

Деятели Реформации, обращаясь к Библии как единственной основе веры, старались создать словарь, соответствующий истинам, содержащимся в Святом Писании. Споры и решения касались теологических, литургических, этнических понятий и организационных моментов. В результате появились такие новации, как *brat* ‘единоведец’, *ponurzenie* вместо *chrzest*, *chrystianin* (от *Chrystus*) вместо *chrześcijanin* (от *chrzest*), *minister* и *śluga zboru*, *ofiarownik*, *pastor* и *pastyrz*, *starszy* – соответствующее латинскому *sacerdos* вместо *kapłan*, *superintendent* вместо *biskup*, *świętość* вместо

²¹ *Kuraszkiewicz W.* Wyrazy polskie w słowniku łacińsko-polskim Jana Mączyńskiego. Т. I–II. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1962–1963.

²² *Leksykon łacińsko-polski Jana Mączyńskiego. Wybór tekstów – opracowanie. Wybór tekstów / W. Kuraszkiewicz; opracowanie: H. Barycz, W. Kuraszkiewicz, I. Lewandowski.* Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1996.

sakrament, posłaniec вместо *apostoł, pokajanie, upamiętanie* вместо *pokuta, zbór* вместо *kościół, wieczerza Pańska* вместо *msza*. Вместе с тем тогда появились такие слова, как *przedwieczny, przeistoczenie* от лат. *transsubstantiatio*²³, *rozpostarcie* – лат. *firmamentum*. Все попытки «дать вещи соответствующее слово» свидетельствуют о филологической увлечённости деятелей Реформации²⁴. Это яркий пример сознательной работы над языком, которая всегда была в истории польской лексики (ср. выше: *Ustawienie o piercach a prokuratorzech albo o rzecznikoch*), а в период Реформации велась особенно интенсивно. Пик этого реформационного словообразования пришёлся на 1560–1570 гг. Упадок Реформации отразился на словаре: «znikła ogromna większość słów stworzonych dla wyrazu nowej treści myślowej» («исчезло большинство слов, созданных для названия новых мыслей») ²⁵. Некоторые из новых слов сохранились в среде христиан-библейстов (например: *brat, starszy, wieczerza*). Особую историю имело созданное Кромером (Kromer) (1553) прилагательное *powszechny* – соответствующее лат. *catholicus*. Некоторые из таких единиц вошли в старые переводы Библии, например: *rozpostarcie* в 1 Mojż 1, 7. 8 (4 р.) в переводе *Гданьской Библии* (1632).

В фонд религиозной лексики влились также слова, негативно оценивавшие и унижавшие христиан-библейстов, для которых Библия была единственным источником и основой веры; такие слова долго сохранялись в языке, а некоторые из них дошли до нашего времени (в том числе в словарных дефинициях!); имеется в виду целая группа слов, созданных от лат. *haereseus, haereticus*²⁶, т. е. *heretycki, heretyctwo, heretyczę, heretyczka, heretyczny, heretyk* (в SPXVI w. 1247 г.), *herezyja* (в SPXVI w. 46 р.), *herezyjarcha, heretykować*; продолжение получили также ст.-польск. *kacierz* от ср.-нем. *katzer* (BańkowskiEtSł I, 603) – в SPXVI w. 387 р. и *kaccerka, kacermistrz, kaccerować, kaccerski, kaccerstwo* (449 р.). Множество дериватов от личного имени *Luter* и *Kalwin* (4 р.). Часты лексемы *ewanjeli* ‘приверженец Реформации’ (419 р.), *odszczępieniec* – в SPXVI w. 320 р., *odszczępieńca* 2 р., *odszczępienie* 9 р., *nowokrzczeniec* – 144 р., *nowokrzczeństwo* 4 р., *nowokrzczeński* 2 р. Возникло нейтральное слово *protestant* ‘приверженец лютеранской веры’ – только 1 р., но также ‘протестующий в суде’ тоже только 1 р. в *Статутах Сарницкого* (*Statuty Sarnickiego*) (1594). Стилистически нейтральны также новые слова: *nowowierca* (3 р.), *nowowierek* (1 р.), *nowowiernik* (37 р.), *nowowierny* (4 р.), повторенные Линде (Linde III 360–361). Следует здесь упомянуть также *inkwizycyja* (SPXVI w. – 1 р.), *inkwizytor* (ib. 7 р.) – печально известные учреждения римской церкви.

Право. Словарный запас из правовой сферы получает дальнейшее развитие²⁷. *Prawo* как ‘система, собрание законов, кодекс, определяющий норму общества, собрание государственных и общественных правил’ SPXVI w. регистрирует в 2251 цитате – в 18 отдельных значениях; *sprawiedliwość* в материалах SPXVI w. встречается в целом 3205 р., *sprawiedliwy* – 1944 р. Окказионально – только 1 р. – *justycyja* от лат. *iustitia*.

²³ Górski K. Zagadnienia słownictwa reformacji polskiej // Odrodzenie w Polsce. Historia języka T. III. Cz. 2. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1962. S. 240.

²⁴ Там же. С. 268.

²⁵ Там же. С. 269.

²⁶ Sondel J. Słownik łacińsko-polski dla prawników i historyków. Kraków: J. Sondel i Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 1997. S. 421.

²⁷ Zajda A. Dwadzieścia dwa rzadkie wyrazy prawnicze z ksiąg sądowych wiejskich // Studia językoznawcze. Dar przyjaciół i uczniów dla Zofii Kurzowej / Red. Z. Cygal-Krupowa. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2001. S. 422–430.

Рядом с полисемантическим *prawo* в знач. ‘правовая система’ появляется моносемантическое *jurysdyccja* (90 р.), *jurysdykcja* (33 р.), которые давно вошли в польскую юридическую терминологию.

Самые важные источники для юридической терминологии XVI в. – это шесть великолепных трудов Бартомея Гроицкого (Bartłomieja Groickiego), например: *Artykuły prawa majdeburskiego* (1558), *Porządek sądów i spraw miejskich* (1559), *Tytuły prawa majdeburskiego* (1567), *Obrona wdów i sierot* (1605); затем: *Ustawy prawa polskiego* Яна Пальчовского (1561), *Statuta i przywileje koronne* Яна Гербурта (1570), *Ius municipale* и *Speculum Saxonum* Павла Щербица (1581), *Statuta i metryka przywilejów koronnych* Станислава Сарницкого (1594), *Statuta, prawa i przywileje* Яна Янушовского (1600).

XVI в. – это период совершенствования юридической терминологии, выражающейся в ее стремлении к точности. Происходил отказ от полисемантических лексем и сокращение полилексии некоторых полей и микрополей. Это самые важные факты совершенствования системы с ее тенденцией к стремлению к моносемии данной терминологии XVI в., но – отметим – *prawo* и дальше будет функционировать, несмотря на полисемию (18 значений). Выходили из употребления такие распространенные в предыдущий период юридические термины, как: *ciemnica*, *pierca*, *sąpierz*, *sąpierca*, *prza*, *rozprza*, *sąprza*, *rzecz* ‘тяжба’, некоторые из этих слов редко встречались, а другие были полисемичными; их заменяли моносемантические слова польского происхождения, например: *sprawa*, *więzienie*, или заимствования из латинского языка – *kauza*, *preskrypcja*; свидетельством роста латинских заимствований могут быть «Статуты» (*Statuta*) Сарницкого. Моносемичное слово *prokurator*, старопольское заимствование из латинского языка, становится в середине XVI в. доминирующим в поле ‘*vicarius*, *patronus*, *advocatus*’, насчитывающим в старопольский период целых 15 составных единиц. В *Porządku* Б. Гроицкого (1559 г.) *prokurator* встречается 58 р., синонимичное *rzecznik* только 13 р.; в «Статутах» Сарницкого их отношение равно 54:1 в пользу слова *prokurator*. Иноязычная лексема *prokurator* благодаря однозначности имеет все признаки термина²⁸. Чтобы проиллюстрировать приток латинизмов в польскую юридическую терминологию в XVI в. приведем два примера из трудов Сарницкого (1594), которые я процитировал в другом месте²⁹: *Są y inné Tytuły y z ich Státutámi obwłásnémi, ku nábyćiu bieglóści w práwie Królewskim: Iáko iest Obligácia, Minutá, ... Pręscriptia, Contumácia, inhibicia, Mándáty, Exempty* (с. 160); *wedle ich pozwów, przypozwów, controversiy, kaux, Dekrétow, Appelláciy, mocy, remissiy, rozpisow, limitáciy, y inszych punktów práwnych, żadnégo nie wyumuiąc* (с. 885).

Не все упомянутые заимствования, как это видно по заглавию документа и канцелярского труда, были приняты; например, слово *kauza* лишь коротко обозначило свое присутствие в юридической терминологии, *preskrypcja*, вместо *dawnóść*, заменено было позднее словом *przedawnienie*, также *kontrowersja* была удалена в пользу старого *spór*. У Сарницкого 19 р. употреблено *spadek*, *sukcesja* – 12 р., *dziedzictwo* 329 р., *sukcesor* 15 р. Закрепились в языке *apelacja*, *dekret*, *mandat*, *statut* и мн. др. *Sukcesor* на века опередил исконное *spadkobierca*, которое появляется только в SWil³⁰.

²⁸ Zajda A. Staropolska terminologia prawnicza (do 1500 r.). Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1990. S. 236.

²⁹ Там же. С. 235.

³⁰ Słownik języka polskiego / Oprac. A. Zdanowicz i inni. Wilno 1861. S. 1531.

В XVI в. продолжало существовать слово *prawnik* ‘знаток законов’ (8 р.), а также ‘представитель на процессе, адвокат’ (4 р.) и ‘законодатель’ (5 р.); рядом появляется заимствованное *jurysta* (13 р.) и неологизм *prawodawca* ‘законодатель’ (13 р.), редкое *prawostawca* (1 р.), *prawotworca* (2 р.), *prawowadźca* (1 раз). В XVIII в. появится *legislator*. Ср. в Словаре Кнапского (Кнапски): *Práwnik v. Práktyk* (с. 851). По-прежнему основным термином судебного процесса является *rok, roki*; появляется *roczek, roczki* – только 1 р. в SPXVI.

Количественно и структурно получило развитие поле ‘виновный’ – один из основных терминов в области закона. Это настоящее макрополе; лексем *winowajca* занимает уровень супергиперонимии и охватывает много микрополей с над- и подчинительной структурой; гипероним *przestępcą* с синонимами *gwaltownik, przestępnik, występca, zloczyńca* содержит в себе много субполей (например: ‘кража’, ‘поджигатель’) с собственной структурой; гипероним ‘убийца’ охватывает синонимы: *głównik, homicyda* (1 р.), *mężobójca, morderca, morderz, zabijak*.

Б. Гроицкий создал именование *wierzyciel* – в *Słowach prawnych w rzeczy sobie podobnych*, – глоссарии, добавленном к *Rejestrui* (1567), – он обосновывает необходимость ввода в употребление этого слова желанием противопоставить два значения слова *dłużnik*: *Polacy ... tym iednym słowem Dłużnik nazywáią y tego, kto winien, y tego, komu winno* (к. X4) (Поляки словом *Dłużnik* называют того, кто должен, и того, кому должны). Была попытка разрушить эту двойственность с помощью латинских заимствований *debitor – kredytor* (в SPXVI в. соответственно 2 и 52 р.). В польском языке утвердилась пара *dłużnik – wierzyciel*, в чем несомненная заслуга Гроицкого³¹.

По-прежнему используется ст.-польск. *dziedzictwo* (в SPXVI в. 329 р.) и *spadek* (в SPXVI в. 108 р.). Интересно, что в работе *Porządek* Гроицкого в разделе *O drzewie krewności* («О древе родства»), где речь идёт о наследовании и о праве на него, нет синтетизмов, указанных у Сарницкого (1594) иноязычных *sukcesor* (15 р.), *sukcesyja* (12 р.) – эти новации в польском языке будут еще долго употребляться. Все еще важны понятия *imienie leżące* (в SPXVI в. 6 р.), *imienie nieruszające* (1 р.), *imienie ruchome* (1 р.), *imienie ruchające* (1 р.), *imienie ruszające* (2 р.), *imienie stojące* (9 р.), *rzeczy ruchome* 1582 TestEwRef 28.

Кроме юридической лексики, функционирующей в общепольском словаре, обнаруживаются также социологически маркированные лексемы из субсреды. Пример поля ‘carcer’ из текста Гроицкого: *Posłuszeństwo, Kábat, Zá kratą, Więźnienie, Grzymká, Izdebká, Szátláwá, Sztok, Ciemnicá, Kazń, Kłodá, Sadzáwká, Byliná* 1567 GrRej k. X4v.

Свидетельством упорной работы над усовершенствованием в XVI в. юридической терминологии могут служить альтернативные ряды: *Świádectwá álbo wyznánie Świádków [...]* *świádectwo álbo zeznánie* ich; 1559 GrPost k. G; *kauza abo sprawa, kościól abo zbór, strych álbo wierzch, sakownicy álbo wędnicy, saki álbo wędy*. В XVIII в. такие сочетания были редкостью.

Названия родства и свойства имели значение в юридической практике, особенно при составлении наследственных документов, поэтому они есть, в том числе и старые названия, в «Порядке» (*Porządku*) Гроицкого в разделах *O drzewie krewności* (к. ff-

³¹ *Zajda A. Słowa prawne w rzeczy sobie podobne* Bartłomieja Groickiego // *Badania historycznojęzykowe. Stan, metodologia, perspektywy. Materiały konferencji naukowej, Kraków 21–23 września 2010 r.* / Red. B. Dunaj i M. Rak. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2011. S. 138–141.

ff3) и *O przyjaciolach po małżeństwie* (к. gg4-gg4v). Гроицкий употребляет в заглавиях слова *krewność* и *przyjaciel*, известные по SStpl, а внутри разделов также *krewny*, *przyjacielstwo*, *powinowactwo*. Примеры: *wnęk*, *wnęczka*, *prawnęk*, *prawnęczka*, *praprawnęk*, *praprawnęczka*, *przestryjec*, *przeciotka*, *przedwieć* ‘старший дядя’; *świekier*, *świekra*, *cieść* ‘отец моей жены’, *dziewierz*, *jątrew*, *świeść* ‘сестра мужа’, *szwak* ‘муж сестры’, *pasierb*, *pasierbica*, *ojczym*, *macocha*. Внимания заслуживает заметка Гроицкого в *Porządku: Świekier iest żony mey Oyćiec. Ale dziś pospolicie Oycem zową wedle zwyczajiu, nie świekrem* (к. gg4v) (*Свекор – это отец моей жены. Но сейчас обычно его называют отцом, а не свекром*). Некоторые из указанных здесь слов находим в *Статутах* Сарницкого (1594 г.)³²; некоторые из них отмечает Кнапский (1621), а даже Троц (1779); многие из них сохранились в диалектах³³. К старопольским выражениям *po mieczu*, *po kądzieli* добавляется и *po wrzecienie* (1559 GrPorz k. ff).

Mąż (‘муж’) в XVI в. (всего 4100 р.) имеет старые значения; SPXVI в. отмечает также новые слова того времени – частично *mężczyzna* (1 р.); в то время *mężczyzna* 375 раз; появляется *małżonek* (172 р.), а также редко из чешского *manžel* (1 р. – Мумер 1541, s. 40).

Żona (‘жена’) – это в XVI в. почти всегда исключительно ‘ухог’, например, в Словаре Мончиньского 97 р.; в исконном значении ‘mulier’ выступает *niewiasta* (2168 р.): *Uxor, Żoná, małżonká* 1564 Mącz 512a/45; *Gynaecratumenos, Który da po sobie niewieście yeździć, to yest którego żoná rzqdzi* ib. 150d/18; *Matrona, Niewiastá, páni, żoná, gospodyni* ib. 211a/32; даже *żonka* ib. 512a/46; новое слово *kobieta* с пейоративным значением – в SPXVI в. 10 р. с 1545, даже уменьш. *kobietka* (1 р.), несомненно, это результат контаминации существительного *kob* ‘хлев’ и части имени *Elżbieta* (BrücknerSłEt 241); дальше продолжает употребляться *małżonka*, а также из чешского периодически *manželka*; новым словом является также *biała głowa* (с 1534), употребляющееся также в сложном слове *białogłowa* – в SPXVI в. 984 р. По-прежнему существует *mac*, *macierz* ‘существо женского пола, которое рождает потомство’ – в SPXVI в. 134 р.; *matka* – в общей сложности 3167 р., *macocha* – 44 р.

Сельское хозяйство – это по-прежнему доминирующая область жизни. Уже в то время этой теме было посвящено несколько ценных трудов, полных лексики, необходимой и имеющей практическое значение в области сельского хозяйства: P. Krescencjusz. *Księgi o gospodarstwie* (1549, 2-ое изд. 1572); A. A. Gostomski. *Gospodarstwo* (1588); M. Cygański. *Myślistwo ptasze*, O. Strumieński. *O sprawie, sypaniu, wymierzaniu i rybieniu stawów* (1573); много материала на эту тему находим в изданных недавно материалах описях королевского имущества в 1564–1565 гг.³⁴

К известным по предыдущему периоду названиям собственности *dobra*, *imienie*, *mienie* добавляется *majętność* – в SPXVI в. уже 1193 р.; это слово будет важным и в следующие периоды; в XVI в. этот неологизм доминирует в микрополе наряду с *imienie* (938 р.); *dobra* 893 р., *mienie* 62 р.

³² Sarnicki S. Statuta i metryka przywilejów koronnych. Kraków, 1594. S. 598–599.

³³ Szymczak M. Nazwy stopni pokrewieństwa i powinowactwa rodzinnego w historii i dialektach języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966.

³⁴ Żurowski A. Nazwy terenów uprawnych w gospodarstwie wiejskim do końca XVI w // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Filologia Polska XII. Nauki humanistyczno-społeczne. Z. 80. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1977. S. 139–159.

Названия хлебопашцев и жителей деревни. Географические названия местности также определяли географическую дифференциацию именований жителей деревни, многие из которых находим в упомянутых описях королевского имущества. К перечисленным выше лексемам старопольского периода, добавляются следующие: *chałupnik, czynszownik, ćwiertnik, dniak, inkwilin, kątnik, komornik, niwianin, nowak, polownik, powabnik, póllannik, półrolnik, półślednik, półtoralannik, półwłócznik, półźrzebnik, pustkowanin, rolnik, siodlak, wieśniaczka, wieśniak, willan, włościanin, włóczanin, włócznik, wolak, wolnik, wsianin, wybraniec, zarębek*. Абсолютно любое название вспаханной земли могло стать основой для образования названия жителя. Слово *rolnik*, только что отмеченное в SStpl, в SPXVI в. уже зафиксировано 8 р., например: *a rolników 3, którzy mają po trosze rolej 1564 LKrak I 29*; появляется *rolnictwo* (1 р.), и даже *stan rolniczy* (1563). Эпизодически встречается *włościanin* от *włość* (от (1434)): *zapisuję ... imienie górskie z włościanami k'niemu należącemi 1565 TestSand 59*.

В широком употреблении находятся старопол. названия единиц измерения полей; к ним добавляются: *kwarczizna, półmórg, półrolek, półślad, półśladek, półstajanie*.

В материалах проверок XVI–XVIII вв. находится много названий платежей, являющихся свидетельством разнородного восприятия и интерпретации окружающего мира, что определяет, к примеру, значительную полилексию, разнообразную с точки зрения географии распространения; выделяется микрополе, содержащее названия платежей (или податей), даваемых крестьянами за пригон выгон свиней в дубовый или буковый лес: *gaj, gajne, gajowe, leśne, pastewne, paszne, paśne, wieprzowe, żółędne, żyrowe*.

В XVI в. продолжается употребление старопольских названий сетей, ср.: *Gdy się trafi zima pogodna, ulawia się ryb wiele. I lecie zawsze robią kłonicami, przewłokami, drgubicami, saki, wędami, stabnicami 1564 LRaw 94*. Новшеством является *stabnica*. Ср. также прекрасный текст: *Sakownicy abo wędnicy, którzykolwiek łowią saki abo wędami, co najmują rzeki, po 6 gr (sc. płacą) 1565 LWlkpKuj I 127*.

В животном мире по-прежнему важна лошадь; в лексикон, известный из SStpl, в XVI в. добавляются названия: *jednochodnik, kniazik, mierzyn, ogier, parepa, podjezdek, rumak, stępak, żmud, żmudzin*. Достойны внимания названия молодых животных на -e: *jałowię 1675, nazimczę 1670, prosię 1680, rocznię 1680, źrzebczę 1670, źrzebę 1680* – это все продолжение праслав. склонения -e, -ete; как именованья детей *rodzenie 1673, wnuczę 1673*.

Города. XVI в. принес значительное развитие городов – их описания находятся в материалах проверок и перечнях (описаниях); таким является, например, *Lustracje i opisy miasta Poznania z XVI–XVIII wieku* («Проверка и описание города Познань в XVI–XVIII вв.»).

Ремесленники и инструменты. В городах получило развитие ремесло, работали ремесленники; кроме лексем, отмеченных уже в SStpl, добавим еще: исконно польские *białoskórnik, botnik, czepiennik* ‘тот, кто делает шапочки (чепцы)’, *garbarz, kamiennik, mieczarz, olejnik, papiernik, pargamiennik, skrzynnik, węglarz*; заимствование *dreznar* ‘токарь’, *ludwisarz*.

На уровне гиперонимии поля ‘instrumentum’ («инструмент») по-прежнему доминирует *naczynie* – 424 р. в SPXVI в.; на втором месте находится *przyprawa* (107 р.), на

третьем новация в форме лексемы *instrument* – 84 р.; также одно из значений полисемантического слова *statek*; *narzędzie* словарь отметил ещё только 4 р. по сравнению с 11 р. *narząd*. Как уже было отмечено выше, постепенно возрастает частотность употребления слова *narzędzia* до его полнейшей победы в общепольском языке – *naczyynie* останется в диалектах.

Уровень поля гипонимии очень многочисленный; это кузнечные инструменты в инвентаре 1594 г.³⁵: *goździwnica, helmezyja, kleszcze, klin, kowadło, krazyja, lina, miech, młot, sparinek*. Инструменты переплетного дела: *bajzczag, berazek, cyrkiel, dłutko, drakaisen, hak, hantbus, heflada, hubel, młotek, nożyczki, osła, piłka, prasa, raszpla, rikhajzen, rikstepel, rzezak, sidło, snajdhubel, strajkhajzel, strug, sznytbrater, świderok, tygielek* 1566 InwMPozn 88; sim. 1573 ib. 136–137: *ambus, asznamer, balka, falczbajn, hebel, hebelek, kleszczek, polercak, praska, rigaisen, stempel, szruba, węgielniczka*. Многочисленны инструменты мастера золотых дел 1585 (ib. 248). Заимствования из немецкого языка весьма многочисленны, они свидетельствуют о долгой истории, которая, которая, к сожалению, не представлена в более ранних источниках.

Вместе с развитием лексики ремесел развивалась и фразеология, ср. к примеру: *szewska pasja, szewski poniedziałek, pijany jak szewc*³⁶.

Горнодобывающая промышленность. Проводимые в начале второй половины XVI в. описи королевского имущества, представленные в изданных текстах, выявили до сих пор не известную лексику, связанную с эксплуатацией месторождений. В описях королевского имущества краковского воеводства 1564 г. мы находим богатые тексты, описания олькушских, величских и бохненских соляных шахт. Впервые появляется многократное употребление слова *górnik* – в описаниях олькушских «гор» (LKrak II 50–70), где оно представлено 10 р., в сообщениях о величских и бохненских соляных шахтах эта лексема встречается 24 р., *kopacz, górnik* всего 3 р. (ib. 100–129). Лексема *góra* в знач. ‘шахта’ отмечена только в SPXVI w. – 75 р. Этот словарь демонстрирует употребление названия *górnik* впервые в трудах С. Фалимижа (S. Falimirz) *O trawach u ich sile (O ziołach i mocy ich, 1534)*, потом еще 8 р. в непрофессиональных текстах³⁷. Потом появляется *hawerz* (из нем. *Hawer, Hauer*) – SPXVI w. отмечает это слово 8 р. В описаниях – опять очень детальных – работы горняков и добытчиков обнаруживается много технической лексики, вероятно, с давних времен употреблявшейся в польском языке, поскольку «горы» и соляные шахты действовали уже в далеком прошлом, а вместе с ними существовала целая технология добывания и обработки полезных ископаемых: *bulgi, frejbelera, huta, karbaryja, kaszty, kruszec, latry, kierad, kleta, kreczwerk, orbora, orbornik, rostawka, rostacz, rostarz, rostawrki, rostwerk, rynna, smalcyrz, stola, stolwant, surowica, szlaka, szmitnia, szyb, szychta, terle, trakarki, tratwag, trunkować, rostowiska, trybarz, rurmistrz*. Ее показали изданные недавно тексты, которые веками лежали в архивах. Также много технической лексики содержат описания бумажных

³⁵ Inwentarze mieszczańskie z lat 1528–1635 z ksiąg miejskich Poznania / Wyd. S. Nawrocki i J. Wislocki. Poznań: Polskie Towarzystwo Historyczne. Oddział w Poznaniu, 1961. S. 277.

³⁶ *Młynarczyk E.* Nie święci garnki lepią. Obraz rzemiosła utrwalony w polskiej frazeologii. Kraków: Uniwersytet Pedagogiczny, 2013. S. 128–129.

³⁷ *Zajda A.* Historia języka polskiego dzisiaj. Możliwości, zadania i postulaty w zakresie badań nad historią słownictwa polskiego // *LingVaria. Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego*. R. V. Nr 2 (10). Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2010. S. 88.

фабрик, мельниц и металлургических заводов; «gógu» («горы»), т.е. шахты, копи, мельницы, суконные фабрики, кузницы, – это первые технические устройства на польских землях. Такие названия, как *górnik*, *żupnik*, *młynarz*, *kuźnik*, *hutnik* – их дериваты³⁸. Удивительно, что, например, лексема *kierad* ‘приспособление для подъема тяжестей’ является элементом обширного синонимического ряда, к которому SPXVI w. относит еще лексемы *baran*, *haspel*, *kłoba*, *koło*, *kolowrot*, *wał*, *walek*, *żoraw*. SPXVI w. добавляет старопол. лексемы *huta* (8 р.), *hutarz* (1 р.), отмечает название *hamer* ‘металлургический завод’ (4 р.), *hamernik* ‘владелец или рабочий на металлургическом заводе’ (2 р.), указывает новое слово *hutnik* (6 р.).

Ценные списки работников, которые трудились на металлургическом заводе, находятся в рекрутских документах, утвержденных Сеймом, например: *dymarz* ‘тот, кто обслуживает (кузнечные) мехи’, *kowal*, *kuźnik*, *papiernik*, *plókarz* ‘тот, кто промывает руду’, *popielarz* ‘тот, кто жжет золу’, *smelcarz* ‘плавильщик’, *węglarz* ‘угольщик’ 1588 VolLeg II 271–272; sim. 1564 ib. 39; 1580 ib. 199.

Торговля. Большинство старопольских лексем перешло в XVI в.; в этот период поле обогатилось заимствованием *handel* из средненем. *handel* – в SPXVI w. уже 90 р.; затем появились дериваты: *handlarski* (1 р.), *handlować* (36 р.), *handlowanie* (4 р.), *handlowany* (1 р.), *handlownik* (10 р.). Результатом заимствования стало соперничество лексем *handel* ‘оборот товара по принципу «купли-продажи»»; ‘товар’; ‘торговая деятельность, акт купли-продажи’ с унаследованными из старопол. словами *targ*, *targować*, *targowanie*. Результатом хозяйственного развития страны явилось обогащение элементов этого поля; многочисленны названия торговой деятельности, частично полученные в наследство от предыдущего периода, например: *handel*, *kupia*, *kupiectwo*, *kupno*, *przedaj*, *przedaż*, *sprzedaż*; конечно, это – *targ*, названия торговых дел, например: *jarmark*, *kiermasz*, *sochaczka* ‘свободная торговля мясом лицами, не входящими в цех (гильдию) мясников, например, крестьянами’, *targ*, *wolnica* ‘торговля лицами, не входящими в цех (гильдию)’, названия торговых мест, например: *rynek*, *tandeta*, *targ*, *targowisko*, *tret* ‘тротуар, место мелкой торговли’, *wendeta* ‘место продажи старых вещей или изготовленных за пределами цеха’, названия помещений и прилавков, например: *buda*, *jata*, *jatka*, *kram*, *kramik*, *kramnica*, *ławka*, *okno*, *piwnica*, *sklep*, *skład*, *smatruz* ‘торговая постройка’, *stół*, *sukiennica*, *szragi* ‘лоток’, *tasz* ‘торговая будка’; названия участников торговли, например: *handlarz*, *jatecznik*, *kramarz*, *kupiec*, *okienniczka* ‘женщина, продающая из окошка’, *przedawca*, *przekupień*, *przekupka*, *smatruzianka* ‘продащица в торговом ларьке’, *szot* ‘купец-шотландец, занимающийся мелкой торговлей’ и т.д.³⁹

Обращает на себя внимание слово *jatka*, имеющее множество синтаксических дериватов, как и *robota*, *towar*, *rzecz*; слово *sklep*, оказывается, уже в к. XVI в. начинает употребляться в известном нам современном значении ‘место продажи’. В соперничестве пары *targ* – *jarmark* доминирует более раннее многозначное слово *targ* – его полисемия развилась в результате метонимических сдвигов; в итоге *targ* принадлежит к нескольким полям. В отдельных полях функционирует несколько пар, например:

³⁸ Там же. С. 87.

³⁹ *Młynarczyk E.* Gdzie targowano dawniej w Polsce...; *id.* Nazwy spotkań handlowych w XVI i XVII wieku // *Staropolszczyzna piękna i interesująca* / Red. E. Koniusz, S. Cygan. T. I. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2006. S. 247–255; *id.* Polskie słownictwo handlowe XVI i XVII wieku. Kraków: Uniwersytet Pedagogiczny, 2010.

handlarz – przekupień, handel – kupiectwo, wolnica – sochaczka. Среди них легко увидеть многочисленные заимствования из немецкого языка.

С торговлей тесно связан сплав товара по рекам, что стало причиной широкого развития в течение веков терминологии речников, плотогонов. Литературным свидетельством важности этого занятия является произведение С. Клёновича (Sebastian Klonowic) *Flis to jest spuszczenie statków Wisłą i innymi rzekami do niej przypadającymi* (1598); по сути это «практическое руководство в стихах по навигации и торговли на Висле»⁴⁰. Некоторые лексические примеры из этой области: *splaw* (1 р. в 1488), *frycz, hak* ‘песок’, *ład* ‘берег’, *łacha* ‘боковое русло реки’, *oryl, szkuta, szyper, wanna* ‘глубокое место на реке’, *wart* ‘фарватер’ и т.д.

Строительство дворцов и замков. Отличительными особенностями ландшафта были дворцы и замки. Подробный отчет проверки в 1565 г. и инвентаризация в 1576 г. первыми сообщают нам о лексике из области строительства зданий и их интерьеров. Богатый словарь данной темы находим, например, в LWlkpKuj I в 1565 г. Вот примеры – а) постройки: *budowanie* ‘здание’ *dworek, dwór, gmach, lamus, samborza* ‘постройка над воротами в виде башни у въезда в дворец’, *sambornia* ‘то же’, *sernik, słodownia, sól, sołek, spichlerz, spichlerzyk, spichrz, stajnia, taras* ‘тюрьма’, *zamek*; б) часть постройки: *alkierz, astrych, ganek, izba, izdebka, komin, komora, komórka potrzebna, kownata, kuchnia, młocarnia* ‘постройка для молотыбы’, *pawiment, przewora przywora* ‘ограждение в конюшне’, *przętr* ‘этаж’, *skarbnica, sklep, sklepiczek, sklepik, spiżarnia*; в) отдельные части: *antaba* ‘железный брус, укрепляющий дверь’, *blona szklana, opona, skobel, skoblica, strychulec, wrzeciędz* ‘цепь’.

Поражает детализация описания проверяемых объектов. Это говорит о богатстве словника сферы строительства и архитектуры, соответствующие лексемы, несомненно, были известны и раньше, но в SStpl, по причине недостаточного количества такого рода текстов, не были зафиксированы.

Заслуживает внимания лексема *samborza* (с 1388) – древнейшее слово с до сих пор не выясненной этимологией – вероятно, из праслав. *so-bor-ьja; двор, несомненно, был огорожен, а *samborza* – как бы краеугольный камень ограждения, ср.: *sapierz, sampierz* ‘противная сторона в споре’ (с 1409) < праслав. *so-pьрьь; вариант развития *sambornia* – эти две формы часто встречаются в 1565 LWlkpKuj I; *sklep, sklepik, sklepiczek* встречается в XVI в. в двух значениях: в первичном – ‘свод’ и вторичном – ‘подвал’. Например: *Ty wszyscy sklepy są krzyżowem sklepem zasklepione* 1565 LWlkpKuj I 4. *Komórka potrzebna* – название туалета; другие названия в этом микрополе: *gdańsk, pilat, prewet, prywatne miejsce, retyratka, sekret, sekretne miejsce, tranzyt, wychód, wychodek*⁴¹.

При описании замков упоминаются должностные лица и замковая челядь, например: *bednarz, burgrabia, celnik, drab, dworka, dwornik, dziewczka, grodzanin, klucznik, kowal, kucharz, masztalerz, mielczarz, młynarz, młynek, myśliwiec, parobek, pastuch, pastur, piekarz, pisarz, piwowar, podpisek, podstarości, praczka, służga, sędzia, służebnik, surrogator, urzędnik, woźnica, wrotny* (1565 LWlkpKuj I 38, 45, 102, 117–118).

⁴⁰ Ożdżyński J. Konteksty kulturowe słownictwa flisackiego. Kraków: Oficyna Wydawnicza Edukacja, 1998. S. 203.

⁴¹ Zajda A. Historia języka polskiego dzisiaj. S. 87.

Для их содержания, т.е. на *wychowanie*, служила *pica* (7 р. с 1393), *spiża* (4 р. примерно с 1428), *strawa* (1 кол. с к. XV), *żywność* – это последнее слово появляется как раз в XVI в. Новое слово *żywność* постепенно устранил праслав. лексему *pica* (*pit-ja) и заимствованное *spiża* (4 р. примерно с 1428) – эти два слова сохранились в значениях ‘корм для скота’ и ‘провиант для войска’. Например: *Wychodzi na wychowanie: urzędnikom, czeladzi, drabom, zamkowych i do folwarków na tydzień: żyta ćw. 4 1/2, słodu na piwo ćw. 5. 1565 LWlkpKuj I 17; sim. ib. 17, 56, 75, 92, 104; Pro victu castrensi personis suprascriptis. Item naprzód na mięso, ryby, śledzie i insze rzeczy wszelakie ku żywności należące wychodzi c. v. u. fl. 82. И далее: żyto na chleb, pszenica na ciasta, jęczmień na krupy, groch, proso, siemię konopne na olej, siemię lniane, mak na olej, sadło, masło, sery, kapłony, kury, jajca, gęsi, jałowice, skopy ib. 93; Pabulum, Bydłęca picá, pástwá, kármia yáko yest trawá, śiáno, słómá, śieczká 1564 Mącz 272a/2; Strawa dla rzemieślników 1565 LWlkp I 22 (2 р.); Podle tego domu 2 spiżarnie z drzewa niemale ku schowaniu spiże 1565 LWlkpKuj I 51. От *pica* происходит *picnik i picownik*, в SPXVI w. 1 и 3 р., – ‘солдат, занимающийся добычей и доставкой провианта для войска (еда и корм для лошадей)’.*

Домашняя утварь (предметы быта). Неотделимым элементом описания построек и внутреннего убранства дворцов и замков является, конечно, утварь, а вместе с тем и названия – синонимами слова *sprzęt* (‘утварь’) являются гиперонимы *naczynie, statek*, гипонимы: *almaria olmara, kadź, kociel, lichtarz, listwa, łańcuszek, ława, ławka, łoże, panew, piec, przykadek, sąd, sądek, sądyszek, skrzynia, skrzynka, stolek, stół, służba* ‘посуда или место, где ее хранят’, *szafa, szafka, wiadro*. В словаре Мурмелиуша (Murmeliusz) (1528) находим обширный раздел под заглавием *O домашней утвари*, содержащий много слов из этой сферы (с. 108–138). *Kociel* (‘котел’) размещался на основании, которое называлось *kotlina*, – сейчас это слово является термином из области рельефа местности, что является интересным примером семантического развития слова. И дальше употребляются названия *gierada* и *hergewet* – Гроицкий посвящает им два первых раздела в своих *Tytułach prawa majdeburskiego* (1567). Семантически близкой лексеме *sprzęt* является *potrzeba* ‘вещь необходимая для жизни, проживания; предмет личного, домашнего, хозяйственного обихода; предмет необходимый для производства чего-нибудь, утварь, инструмент; оборудование’ (SPXVI w. 214 р.): *Obsono, Skupuyę, potrzeby do kuchniey* 1564 Mącz 257b/50; *drzwi na zawiasiech, z zamkiem i ze wszystkimi potrzebami* 1565 LWlkpKuj I 113; *Ten co pływa, y ten co skut dogłąda, ma wcześz przemyślác smolę, y każdą potrzebę do szku* 1584 Gost 90.

Одежда. Вместе с развитием культуры и подъемом степени зажиточности обогащается словарь из сферы именованной одежды. Отметим в группе этих слов генетические пласты; по-прежнему в употреблении исконные старопольские названия, но многие из них выходят из употребления; в XVI в. корпус названий одеяний обогащается за счет заимствований – немецких, латинских, итальянских, французских. Эта лексика, особенно относящаяся к названиям женских нарядов, была чрезвычайно богатой; Б. Гроицкий в своих «Титулах» (*Tytułach*) называет 60 таких слов, например: ... *nie dosyć mieć száthę po Polsku, ále po Niemiecku, po Węgiersku, po Hiszpánsku; także inne stroie główné, szyuné, ręczné, iako są Cepliki, oswiki, tkanki, bramki, czéпки Morawskie, starszowieckie, chómle, kędziorki, celpy s knáflámi, tocenice, lubki, wieńce rozmáite, forbóty perłowe, złote zauszki, birety ...* 1567 GrTyt k. Bv; и в конце делает такой вывод: *A kto*

by ty stroie mógł wyliczyć k. B2 («Да кто бы смог пересчитать эти наряды»). Ценным источником по названиям одежды богатого магната XVI в. является находящийся еще в рукописном варианте и прочитанный мною инвентарь вещей, оставшихся после Северина Бонера (Seweryn Boner) 1550 г.⁴²

В указателе Гроицкого находим названия *strój, szata, ubiór*, которые по сей день сохраняют позицию гиперонимии поля; *ubranie* появляется только в словаре Кнапско-го⁴³.

Текст Гроицкого показывает, что авторы понимают разнообразие источников происхождения этих названий – отмечается иноязычное происхождение многих из них.

Названия музыкальных инструментов: *piszczałka, pomort, szalataja, surma, sztort, krzywula, szrafayffen, flet, fletnia, piszczałka szwajcarska, kornet*.

Военное дело. Центральную позицию, как и в прежнее время, занимает гипероним *broń* ('оружие'); наряду с ним появляется *rynsztunek* – заимствование XVI в. от нем. *Rüstung*. Развитие словаря, относящегося к оружию и войне, в XVI в. тесно связано с совершенствованием огнестрельного оружия. Эта сфера нашла свое отражение в литературном творчестве – это: J. Tarnowski. *Consilium rationis bellicae* (1558); St. Łaski. *Spraw i postępów rycerskich i przewagi opisanie krótkie* (1599); M. Bielski. *Sprawa rycerska* (1569). Старое слово *strzelba* получило значение 'стрелечное снаряжение' и таким образом заняло позицию гиперонима микрополя: *działo, działko, hakownica, harkabuz, moździerz, moździerzyk, rusznica*; ср.: *Strzelba i zbroja zamkowa* 1565 LWlkpKuj I 110; sim. ib. 79.

Медицина. В XVI в. продолжает развиваться медицинская терминология. Разделы, содержащие лексику данной темы, находим уже в словаре Мурмелиуша (1526) на с. 67–80 «*O rozmaitych niemocach*» и Мымера (Mumer, 1528) в кол. 38–40 «*O niemocach rozlicznych*». Показывают они богатство польского словника того периода; очень возросла частота употребления лексемы *choroba* – в SPXVI w. уже 916 р., *niemoc* в SPXVI w. 1371 р. В словаре Мурмелиуша обнаруживаются известные по SStpl и сохранившиеся донныне слова: *dychawica* с. 74, *kurcz* с. 73, *nieżyt* с. 71, *świrzb* с. 72, *zimnica* с. 78, а также *suchoty* с. 74.

В 1534 г. появляется книга Стефана Фалимижа (Stefan Falimirz) «*O ziołach i mocy ich*» (1534) – первая медицинская книга на польском языке; затем книга Иеронима Спичинского (Hieronim Spiczyński) «*O ziołach*» (1542); врача Войцеха Очки (Wojciech Oczko) «*Cieplice we skle*» (1578), «*Przymiot*» (1581); Мартина Сенника (Marcin Siennik) «*Lekarstwa doświadczone*» и «*Herbarz*» (1568).

Польскую медицинскую терминологию в период до 1838 г. представила в четырех томах Фелиция Высоцка⁴⁴.

Как мы убедились, многовековая историческая динамика медицинской терминологии определяется прогрессом в медицинской науке. Это движение от лексики, тесно связанной с общепольским словарем, до терминологии, развитие от отдельных лексем до многословных терминологических групп. Так, в указанных разделах словарей Мурмелиуша и Мымера находим немногочисленные пока моносемантические терминологи-

⁴² Archiwum Państwowe na Wawelu. Castrensia Cracoviensia 67. S. 552–564.

⁴³ *Knapski G.* Thesaurus Polono-Latino-Graecus. Kraków, 1621. S. 1220.

⁴⁴ *Wysocka F.* Polska terminologia lekarska do roku 1838. T. I–IV. T. I. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1980. T. II–IV. Kraków: Polska Akademia Nauk, 1994–2013.

гические группы, например: *czzerwona niemoc* Murm 67, *niemoc wątrobną* ib. 70, *krosta nadęta* ib. 70, *żółta niemoc* ib. 70, *piaseczny kamień* ib. 71, *śpiąca niemoc* ib. 71, *zawrócenie głowy* ib. 71, *główny strup* ib. 72, *świni wrzód* ib. 75. Такого рода изменения можно видеть в указанных трудах С. Фалимижа; в них обнаруживается множество многословных названий, синтаксических дериватов (67,9% названий) – двухсловных, а даже трех- и четырехсловных единиц, например: *dna stawowa*, *wnętrzne zapalenie*, *zatwora spodnia macice*, *boleść boku lewego*, *kurcz suchych żył*, *czas zarażenia powietrzem morowe*, *proch korzenia większej marzanny*, *wodka z liścia włoskiego orzecha* и т.д. – как доказательство уточнения понятий, выраженных словами. Вместе с развитием медицины число синтаксических дериватов в медицинской терминологии будет постоянно увеличиваться. Л.А. Янковяк (L. A. Jankowiak) выделила в трудах Фальмижа 38 полей, более 90 субполей и более 130 микрополей. Исконные слова в этом труде представлены 73,3 % от общего числа, т.е. в огромном количестве; в приложении автор пишет: «Если бы добавить производные (дериваты) от заимствованных слов к количеству исконных единиц, то это число возросло бы до 90,6 %»⁴⁵. Часть исконных слов в трудах Фалимижа представляет собой продолжение праславянской традиции, например, слова: *bielmo*, *сус*, *dychawica*. Заимствованных слов у Фалимижа – 9,4%.

Старопол. *zle powietrze*, в XVI в. *morowe powietrze* после эллипсиса различительно-го элемента и универбации становится неосемантизмом – может быть, это один из первых примеров интересного типа неосемантизации; в таком виде и с таким значением SPXVI w. отмечает слово в 111 источниках во многих словосочетаниях и фразеологизмах; вместе с тем появляется и распространяется неологизм *zaraza* – в материалах SPXVI w. всего 61 р., с тем чтобы в начале новопольской эпохи постепенно уступить место слову *epidemia* (< фр. *épidémie* от греч. *epidēmiā*) – это заимствование цитирует Линде по упоминавшемуся уже ранее 9-томному словарю *Dykcjonarz medyczny*, переведенному с французского языка и изданному в 1783–1793 гг. (т. II, s. 117).

Наука. Степень формальной дифференциации, которая наблюдается в медицинской лексике текста Фалимижа, представляет собой продолжение развития польского научного языка, которое началось еще раньше в юридической и медицинской терминологии. Все это приводит к увеличению объема терминов – моносемантических единиц в польском языке XVI в. В SPXVI w. лексема *nauka* отмечена целых 6059 р. в восьми близких значениях, *nauczyciel* – 822 р., даже *nauczycielka* – 7 р.

Очередная веха в словаре научной терминологии XVI века – это произведение Т. Клоса *Algorismus to jest nauka liczby* (1538) – первая польская математическая книга; *algorytmus* (в SPXVI w. 2 р.) от ср.-лат. *algorithmus* – это наука считать, математика; синонимом является *arytmetyka* (в SPXVI w. 5 р.) от лат. *arithmētica*⁴⁶, *matematykę* отмечает SPXVI w. 4 р., но в значении ‘точные науки’ и ‘геометрия’, также *matematyk* ‘тот, кто владеет знаниями в области точных наук’ – 9 р.; Троц и Линде выделяют также ‘астролог’; в этом микрополе значение слова *matematyka* как ‘наука о счете’ становится очевидным только в сер. XIX в. (1861 SWil 638).

⁴⁵ Jankowiak L.A. Słownictwo medyczne Stefana Falimirza. T. I. Początki polskiej renesansowej terminologii medycznej. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 2005. S. 311.

⁴⁶ Sondel J. Słownik łacińsko-polski dla prawników i historyków. Kraków: J. Sondel i Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 1997. S. 879.

Слова из сферы геометрии и измерения находим в упомянутой уже книге С. Гжепского (S. Grzepski) «*Geometria to jest miernicka nauka*» (1566) – первой книге польских геодетов (землемеров).

Педагогическая лексика представлена в книге Эразма Гличнера (Erazm Gliczner) «*Książki o wychowaniu dzieci*» (1558). Тогда *wychowanie* ('воспитание') подразумевало физическое и умственное развитие, помимо значения 'utrzymanie' ('содержание'). В сер. XVII в. из широко понимаемого воспитания (*wychowanie*) выделяется *edukacja*, охватывающая умственное развитие и обучение в школе. Кнапский (1621) пишет: *Pédagog stroż dziećninny, wodz, náuczyciel prywátny* (s. 704); Бандтке (Bandtkie 1806) первым отмечает лексему *pedagogika* (s. 774); Линде добавляет лексему *pedagogia* 'воспитание детей' (Linde IV 71); *wykształcenie* ('образование') появляется в речи Гжегожа Пирамовича (Grzegorz Piramowicz) в 1776 г. (ZabPrz 136, 1788 PirPow 186), также *nomen actionis*, то же у Линде (Linde VI 515) – пока не как заглавное слово, а под *wykształcić* (ib. VI, 515); *kształcić* (ib., 532-533).

География. Географические различия легко заметить в названиях полей и в именовании феодальных повинностей, которые известны благодаря проверкам (люстрациям), проводимым в разных воеводствах. Например, *wzór* 'вспаханное поле' известно из малопольских источников; феномен географии (географических различий) в названиях полей первым, вероятно, заметил С. Гжепский (Stanisław Grzepski) в своей *Geometrii, to jest miernickiej nauce* (1566) – первой энциклопедии польского геодета, когда писал:

O łanie. W Polsce zasię miára insza i przezwiská są insze. W Polsce jest łan, á w Mázowszu włóká. W Polsce pręt, á w Mázowszu mórg. W Polsce zowiá pólko, á w Mázowszu pręt kopány, áczy pręt kopány tóż jest co i pólko (k. K4); sim. ib. k. 2v-13.

Это первое сознательное высказывание на тему словарной географии.

Этикет. В XVI в. продолжается традиция речевых форм этикета, сформировавшихся еще в старопольский период, особенно тех из них, где употребляется слово *miłość*; формы *Jej Miłość, Jego Miłość, Ich Miłość* сокращены до *Jejmość, Jegomość, Ichmość* и т.д.; форма *Wasza Miłość* часто встречается на письме в форме сокращения *W. M.*, они много раз встречаются вместе с другими формами, например, в «Придворном» («*Dworzanin*») Гурницкого (1566), *waszmość* в материалах SPXVI w. – 555 р. Вежливой формой обращения к уважаемым лицам, часто встречающимся в письмах и дарственных адресах, стало слово *dobrodziej*, в SStpl еще 'beneficus'. С. Клоновиц (S. Klonowic) в *Worku Judaszowym* приводит много форм такого рода: *Azaż nie często słychamy onych jedwabnych i pozłocistych słow: moj drogi, moj złoty, moje serce, moj serdeczny, moj bráciszeńku, moj krolu, moja hołowieńko, pánie brácie, przyiacielu, ojczyńku, diedu?* 1600 KlonWor k. **iii.

В словарном запасе XVI в. отметим также семантическое развитие некоторых унаследованных лексем, например: *obrok* 'дневной рацион', 'корм для скота' > 'корм для животных-лошадей в виде овса', *ojczyzna* от исконного 'наследство от отца' начинает развиваться в сторону значения 'страна, в которой родились и воспитывались', *sklep* от 'свод' – к 'место продажи', *złodziej* от 'причиняющий зло' к 'ворующий'; вслед за семантическим развитием упомянутых слов почти сразу появляются формы *ojcowizna, sklepienie, złoczyńca*. В XVI в. *ciekawy* – это еще 'быстрый, подвижный', 'неспокойный', *dziewka* это по-прежнему – 'девушка', 'дочь', 'прислуга', *przytomny* –

это ‘присутствующий’, ‘нынешний, современный’. Дальнейшее развитие наступит на следующих этапах развития польского языка.

Итоги XVI века. Представленный и прокомментированный здесь материал в достаточной мере, на наш взгляд, иллюстрирует значительное развитие словаря в XVI в. Изданные источники показали богатство лексики в разных областях практической жизни: строительства, горной промышленности, ремесла. Основу этих лексических пластов составляло, конечно, старопольское наследие, которое развивалось и изменялось. Характерной чертой польского словаря XVI в. был поиск соответствующих форм выражения (ср.: *sprawa* или *kauza*, *świadectwo* или *zeznanie*) – это ограничение полисемии и тенденция к развитию в сторону моносемии, т.е. точность, от которой происходит дальнейшее развитие терминологии. Как следствие этой тенденции следует признать наличие многих заимствований из латинского языка, например, в области закона и судебного дела, имеющих ценность по причине их моносемантичности. Развитие словаря в этот период характеризует не только его количественное и качественное обогащение, а также выход из употребления многочисленных устаревших слов и начало этого процесса для многих других, например: *leść* ‘ложь, лицемерие’, *prza*, *sapierca*, *sapierz*, *saprza*, *wrzeciądz*, *wrzemię*, *zachodźca*; старое праслав. *pica* ‘пища’, которое в SPXVI w. ещё встречается 13 р., но рядом с ним уже часто употребляется новое *żywność* – в SPXVI w. уже 831 р.

Отметим также ограничение влияния немецкого языка.

XVII–XVIII вв. – это очередной этап развития польского словаря. И если XVI в. является периодом отхода от старопольского языка и определяет направление дальнейшего развития, то «столетия XVII и XVIII являются основой создания современного польского лексикона во всем словообразовательном богатстве и с большим количеством заимствованных слов» (SJPXVII–XVIII w., t. I, z.1, s. VIII). Лексический материал этого времени собран в *Словаре польского языка XVII – перв. пол. XVIII в. (Słownik języka polskiego XVII i pierwszej połowy XVIII wieku – SJPXVII-1/XVIII)*, который начал издаваться с 1999 г. В.Р. Жепка (W.R. Rzepka), член редакционной коллегии Словаря, пишет во Вступлении: «... данные, приведенные во Вступлении, свидетельствуют о том, насколько глубокие и разнообразные, количественные и качественные изменения произошли в лексике польского языка XVII и XVIII вв. по сравнению с предыдущей эпохой» (ib. t. I, z. 1, s. II). Фрагментом SJPXVII-1/XVIII является двухтомный Словаря языка Яна Хризостома Пасека (*Słownik języka Jana Chryzostoma Paska 1695–1973*; SPaska). Сравнение словаря *Мемуаров (Pamiętników)* Пасека (1690–1695) с уже опубликованными томами и картотекой SXVI доказывает, что около 18% слов (каждое шестое заглавное слово в SPaska) – это новая лексика. Значительно возросла писательская деятельность, так что и число литературных источников увеличилось. В поэтическом творчестве И. Красицкого (I. Krasicki) польский язык достиг высокого художественного уровня. И если в XVI в. было опубликовано около 1600 печатных изданий, то в XVII в. – уже более 5300 (SJPXVII–1/XVIII w., s. VI); много текстов, однако, лежало на полках в рукописном виде. К превосходным проверкам и инвентеризациям добавились не менее ценные, с недавних пор издаваемые, завещания шляхты, мещан и крестьян. Из принятого канона источников SJPXVII–1/XVIII w. было отобрано более 86 тыс. заглавных слов, отражающих богатство словаря данной эпохи. Их

характерной чертой являются заимствования, «которые широкой волной вливались в польский язык XVII и XVIII веков» (SPXVII-1/XVIII w., t. I, z. 1, s. VIII), прежде всего – из латинского языка, как наследие развития школьной системы, остающейся в руках иезуитов. Много таких слов в находится в первом томе *Словаря*, содержащего статьи от *aaron* – *azust*.

Первым словарем XVII в., собирающим польские слова, в данный период был, по сути, нормативный – *Thesaurus Polono-Latino-Graecus* (1621 г.) иезуита Гжегожа Кнапского (G. Knapski), повторно изданный и частично дополненный в 1643 г. Для XVIII в. отметим словарь Данета (Danet 1743) и М.А.Троца (Трос 1764), второе издание 1779 г.

Основная лексическая тематика, о которой говорилось выше, развивается дальше; продолжение получают также процессы, которые происходят в лексике: появляются новые словообразовательные и семантические новации, продолжается соперничество между элементами внутри полей и микрополей, выходят из употребления слабые и по разным причинам не выдерживающие соперничества единицы, а также заимствования.

Иностранное влияние. XVII–XVIII вв. – это по-прежнему период влияния латинского языка; как прежде, так и теперь латинские единицы находятся в лексике, относящейся к сферам администрации, закона, науки, просвещения, о чем было сказано выше; достаточно открыть, к примеру, раздел *O palestrze* сочинения *Opisanie obyczajow* (*Opisu obyczajów*) Китовича (KitOpis, 175n) или другие тексты, чтобы в этом убедиться. Но XVIII в. – это уже конец их экспансии: заимствованные в более ранний период, они, однако, продолжают употребляться, даже появляются также новые единицы. В период правления Станислава Августа Понятовского усилилось влияние французского языка, о чем будет сказано ниже. Продолжается влияние немецкого языка; множество примеров такого рода издавна существует в военной терминологии. Источником немецких заимствований был язык командиров, немецких советников, нанимавшихся в польское войско. Таким образом, в польском языке находим уже упомянутые находившиеся все время в употреблении, к примеру, такие старопольские слова, как: *rycerz*, *żold* (17 р. с н. XV), *żolnierz*, а также в XVIII в. – *lenung* ‘жалование’ от нем. *Löhnung*. Новыми в XVIII в. являются в этом значении *gaża* от фр. *gage* и *lafa* от тур. *ulafa* ‘жалование’ (KitOpis 287, 312, 344). Последнее слово – это пример заимствований из турецкого языка, собранных и обработанных профессором Станиславом Стаховским⁴⁷.

Календарь. В названиях месяцев наряду со словами, возникшими ещё в старопольский период и существующими в языке до сих пор, нередко употребляются латинские синонимы, например: *september* 1673, *oktober* 1647, *nowember* 1625, 1694, *december* 1615, 1694; многие из этих слов мы встречаем в постановлениях Сейма 1786 г. и только там: *januar*, *februar*, *apryl*, *oktober*, *december*; даже прилагательные *februarowy*, *juniowy*, *septembrowy* (VolLeg IX 38).

Религия. В религиозном словаре, наиболее закрытом в сфере так называемого светского обряда, происходили самые незначительные изменения; зато многочисленные инновации – заимствования из латинского языка – появились в словаре, обслужи-

⁴⁷ *Stachowski S.* Glosariusz turecko-polski. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2005; *Stachowski S.* Słownik historyczno-etymologiczny turcyzmów w języku polskim. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2014.

вающим монашеские ордена, в связи с их большим количеством. Много новых слов находим в *Описании обычаев (Opisie obyczajów)* Енджея Китовича (1779–1788) в разделе *О духовном сословии (O stanie duchownym)* (KitOpis 110–174). Примеры: *cela, cylicyja* ‘власяница’, *erem* ‘монастырь камедулов’, *general, kapelania, kapituła, kartuzyja* ‘монастырь картезианцев’, *klauzura, kongregacyja, konsultor, konwent, konwers* ‘братиска’, *misyja, misyjonarz* (обе лексемы были отмечены позже Линде), *monaster* ‘монастырь’, *nowicyjat, nowicyjusz, opat, palendron* ‘разновидность платья ксендза’, *pod-przeorzy, prowincyjał, prowincyjonal, prowizor* ‘управляющий монастырской собственностью’, *przeor, refektarz, reguła, rekolekcyja, rekolektant* ‘участник реколлекции’, *seminarium, senior* ‘старший монах’, *socyjusz* (Трос 2178, а также *socyjuszka*), *superior* ‘начальник’. Из источников XVIII в. Оливия Бартызелъ выписала 1027 единиц, имеющих отношение к религии и духовенству⁴⁸. В 1792 г. Ф. Карпиньский (F. Karpiński) издал *Pieśni nabożne* для народа; содержащиеся в сборнике песни *Kiedy ranne wstają zorze, Wszystkie nasze dzienne sprawy, Bóg się rodzi* поют до сих пор.

В этот период в результате завершения реформации произошел регресс в области лексики, выработанной во время ожесточенной полемики (об этом см. выше). Из немногочисленных новаций следует упомянуть слово *dysydent* – новое определение не-католиков (1779 Трос 315; 1779–1788 KitOpis 124 2 p., 172), традиционные – *ewangelik, kalwin, luter* (ib. 172); многие производные от *luter*, образованные в XVI в., отмечает Линде (Linde II 683): *luteranin, luteranństwo* (со звездочкой), *luterszczyzna*. Неоднократно встречающиеся в исторических работах вплоть до настоящего времени странные *innowierca* (‘иноверец’) и *różnowierca* (‘разной веры’) – более поздние, *różnowierca* первый раз в словаре Троза 1779 г. (с. 170), а *innowierca* в SJAMick в тексте 1817 г.

Право. Юридический словарь обогащается многими новациями, как исконными, так и заимствованными, прежде всего – из латинского языка, а под конец XVIII в. также из французского. Труды XVI века Гроицкого все еще актуальны. Они издаются в XVII в., последний раз в 1760 г.; содержащиеся в них заключения цитируются неоднократно в протоколах и судебных приговорах. Юридической терминологией богаты труды: П. Кушевича (Paweł Kuszewicz) *Prawa chełmieńskiego ... ksiąg pięcioro* (1623), Я. Чеховича (Jakub Czechowicz) *Praktyka kryminalna* (1769) – первый на польском языке трактат об уголовном праве, А. Замойского (Andrzej Zamoyski) *Zbiór praw sądowych* (1778), Т. Островского (Teodor Ostrowski) двухтомное сочинение *Prawo cywilne albo szczególne narodu polskiego* (1784); ценным является, вышеупомянутый труд *Opis obyczajów* Енджея Китовича, а также изданные пиаристами *Volumina legum* (1732), собрание польских законов и постановлений сеймов, начиная с *Вислицких статутов (Statutów wiślickich)*; позже были изданы многочисленные книги сельских судов XVII и XVIII вв. Лексический материал упомянутых источников позволяет сделать вывод, что в сравнении с периодами старопольскими и XVI в. в структурах полей произошел значительный прогресс, например, в центре поля ‘*crimen, delictum*’ (‘преступление, правонарушение’) раньше находился *występek*, а с конца XVIII в. здесь начинает доминировать *przestępstwo* (например, в OstrPr), хотя еще в творчестве Мицкевича количественное отношение этих слов – 7 (*przestępstwo*) – 8 (*występek*). Появляется *wiolencyja*

⁴⁸ *Bartyzel O. O słownictwie dotyczącym religii i duchowieństwa w XVIII wieku // Język polski wczoraj, dziś, jutro / Red. B. Czopek-Kopciuch i P. Zmigrodzki. Kraków: Polska Akademia Nauk, 2010. S. 288–293.*

(KitOpis 205). В упомянутых уже группах *świadectwo*, *wyznanie*, *zeznanie* побеждает *zeznanie*; рядом с этим названием появилась *konfesata* (KitOpis 205); *złodziejstwo* уступает место *kradzieży*; в соперничестве с *wina* закрепляется *kara*, укрепилось слово *woźny* – прежний синоним *ślužebnik* вышел из употребления. По-прежнему функционирует старопол. *lice* ‘доказательство преступления’ (с 1388), например, 1667 KsJaz 38. Наряду со слово *prokurator* популярным становился *patron*, наряду с *plenipotenta* и *plenipotencyi* Линде отмечает *pełnomocnik* и *pełnomocnictwo*. *Prokurator*, вероятно, под влиянием французского «Кодекса Наполеона», принятого в Варшавском герцогстве, начинает употребляться в знач. ‘обвинитель, прокурор’; участника (судебного) спора в XVIII в. называли *pacujentem* (KitOpis 199, 180, 203). Сообщество чиновников, работающих в области права и суда, стали называть *palestra*, а его члена именовали *palestrant*. В XVIII в. увеличился корпус названий разного рода судебных чиновников – *kancelarzystów*, *metrykantów*, как следствие канцелярского труда, например: ... *takowa palestra dzielila się na regentów, wiceregentów, susceptantów i feryjantów* (1779–1788 KitOpis 175). Судью стали называть *mecenas*. Слово *laska* (‘палка, жезл’) маршалка, которым маршалок сейма стучал, закрывая сессию, приобрело метонимическое значение ‘urząd marszałka’ (‘должность маршалка’) и в этом значении функционирует до сих пор. Старопольск. *spadek* уступает место заимствованию *sukcesyja*. Традиционный *rok* ‘заседание суда, процесс’ уступает место неологизму *kadencyja*, *sesyja*. В этот период возрастает частота употребления слова *roczki* – Кнапский соотносит слово *roczki* и *roki* (с. 961), но в тестах судебных разбирательств *roczki* – это термин разбирательств городских судов, например: *Iż Roki Ziemskie y Roczki Grodzkie oraz częstokroć przypadaiąc, czynią wielką konfuzyę w sprawach obywatelow Kiiowskich, tedy ... postanawiamy, aby gdy Roki Ziemskie przypadaię, Roczki Grodzkie do drugiej kadencyi odwołane były* 1641 VolLeg IV 16; sim. 1661 ib. 329; 1673 ib. V 81 (2 p.); 1673 ib. 81 (2 p.), 85 (3 p.); 1726 ib. VI 235 (2 p.); 1768 ib. VII 342 (4 p.) и т.д. etc.

В наименованиях родственников в этот период можно заметить состояние ослабленности; Кнапский (1621) отмечает, правда, некоторые из лексем: *dziewierz* (с.163), ссылаясь на словарь Тухольчика, цитирует (что показательно) *świekier* (с. 1135), *świekra* (с. 1136), *Świeść*, *żołwica* (с. 1136) – *żołwicy* как самостоятельное заглавное слово не отмечает, другие дает со ссылкой: *Cieść vide Synowa* (с. 82); *Iątrew v. Brátowa* (с. 240); *Sneszka v. Synowa* (с. 1080). Формы *świekier*, *świekra* находим еще в *Гданьской Библии* (1632). Формы *cieść*, *świekier*, *świekra*, *świeść*, *żołwica* в словаре Троща (с. 152, 2301, 2303, 3119) следует признать отголоском Кнапского, откуда Троц много позаимствовал.

Сельское хозяйство. Лексика, относящаяся к теме обработки земли, продолжает развиваться. *Rolnik*, слово до недавних пор редкое, распространяется в XVIII в.; оно часто употребляется, например, в произведении Красицкого (Krasicki) *Pan Podstoli* (1778) и сохранилось до наших дней. Слово *włościanin*, как-то встретившееся уже в 1565 г., становится частно употребляемым в источниках вт. пол. XVIII в.; в SJAMick – 19 p., в настоящее время оно является историзмом. Замечательным источником лексикона сельского хозяйства являются описи королевского имущества и инвентаризации, проводимые в течение XVII и XVIII вв., а также неоднократно переиздававшиеся труды Якуба Казимежа Гаура (Jakub Kazimierz Haur) *Oekonomika ziemiańska generalna* (1675), *Ziemiańska ekonomika generalna* (1679), *Skład abo skarbiec znakomitych sekretów*

oekonomijej ziemiańskiej (1689). Тяжелый труд крепостных описан в *Мониторе* (*Monitor*) 1781 г. в произведении *Chłop polski* (с. 519–524).

Частотные старопол. слова *imienie, dobra* и доминирующую в микрополе в XVI в. лексическую новацию *majętność* Кнапский квалифицирует таким образом: *Imienie v. Mąiętność* (с. 223) – обычное в этот период слово *majętność* в к. XVIII в. начинает уступать место слову *majątek*.

Привычные для старопол. и польского языка XVI в. словосочетания *imienie ruszające, imienie nieruszające* для называния движимого и недвижимого имущества постепенно выходят из употребления, но данная модель продолжает развиваться; частотны в XVII и XVIII вв. *rzeczy ruchome*, например, 1617 TestEwRef 127; 1775 TestKrF 166; *dobra ruchome*, например, 1660 ib. 10 (2 p.); с сер. XVII в. появляются *mobilia*, например, 1656 TestPrus 250, почти одновременно *ruchomość* 1667 TestEwRef 194; 1668 ib. 201 (2 p.); в 1736–1754 гг. в I–II тт. UIWiej 5 p.; 1777 TestChł 336 (2 p.), *ruchomizna* 1708 UIWiej II nr 4685, в 1708–1756 гг. в I–II тт. того же источника 9 p.; 1718 TestChł 153; 1747 ib. 219; 1751 ib. 229; 1777 ib. 337. XVIII в. является периодом конкуренции между отдельными элементами микрополя; наиболее частотными в XVIII в. являются: *rzeczy ruchome, dobra ruchome*, часто встречается также *mobilia*, редко – *ruchomość*, также нечасто – *ruchomizna*. Из этого противостояния названных элементов с победой вышла лексема *ruchomość*, которая жива до сих пор – только эту форму отмечает 2 p. SJAMick. SWarsz определяет *mobilia* как слово редко используемое (т. II, с. 1019), SJPDoг как «устаревшее» (т. IV, с. 779); интересно, что ни один из словарей вообще не зафиксировал слова *ruchomizna*⁴⁹.

Города. Продолжалось развитие городов и городской жизни, а вместе с ними – словарного состава. В результате опустошений, совершенных шведами, города пришли в упадок. Это состояние отметили королевские описи-люстрации и инвентеризация шляхетских имений. Не без причины Красицкий пишет в *Monachomachii* (1778) о том, как выглядели тогдашние города: ... *bram cztery ułomki, Klasztorów dziewięć i gdzie niegdzie domki*.

Ремесло, ремесленники. По-прежнему сохраняется слово *rzemiosło*; наряду с *rzemiosło* появилось *rękodzieło* – Линде приводит эту лексему из двух источников к. XVIII в., хотя прилагательное *rękodzielny* отмечает уже 1 p. SPXVI w.; Линде показывает дериваты *rękodzielnia* и *rękodzielnik* нач. XIX в., но доминирующим является всё же *rzemieślnik*. Целых 35 названий ремесленников находятся в списке познанских цехов (гильдий) 1626 г. (LOpPozn 71), похожие 38 названий – в описании Львова 1661 г. (LRus II 8). Достойным внимания является источник 1620 VolLeg III 189n. Также бесценный материал по разным ремеслам дают трехтомные *Inwentarze miyszczan poznańskich* 1528–1793 годов. Выходит из употребления слово *tesarz*, из чешского языка, отмеченное в SStpl 6 p., отмеченное Кнапским вместе со словом *stolarz* (с. 116); также часто в источниках встречается *teszarską robotę*, например: *Ławy i listwy teczarskiej roboty* 1565 LWlkpKuj I 35 (4 p.); у Троча – *stolarz* и *stolarstwo* (с. 2253), еще – *teszarz* и *teszarstwo*, но со звездочкой (с. 2402). Трудно было бы перечислить профессиональную лексику всех ремесленников.

⁴⁹ *Zajda A. Studia z historii polskiego słownictwa prawniczego i frazeologii. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001. S. 423.*

Инструменты. Долго в центре микрополя находится триада *naczynie – narzędzie – statek*, на периферии также – *instrument*; в среде познанских ремесленников еще – *wercejg, werkcejg, werkcajg*, но с к. XVIII в. убедительно доминирует *narzędzie*. Столярные инструменты – «*Statki do rzemiosła*»: *cyrkiel, dluto, giernajza, grundubel, hebel, kalubel, kleszcze, klubzaga, laberzażka, piłka, raismudel, spuntubel, śrubcęga, świderek, toporek, torkularz, tygielek, warsztat, winkielak, winkilmus, zymszubel* 1626 InwMPozn 403; sim. ib. I 203; *Statki teszarskie* 1735 ib. 245–246. Инструменты ювелира: *ambusik, kamień do próbowania złota i srebra, młot, młotek złotniczy, nożyce, obcęgi, pilnik, pons, szrubsztak, świder* 1776 InwMPozn II 122–123. Не требует доказательств то, что немецкие заимствования находятся в профессиональном лексиконе любого ремесла.

Названия инструментов ткачей, которые находились во многих домах, представлены в труде Я.К. Гаура (J.K. Haur) *Ziemiańska ekonomika generalna* (1679): *Naczynia do przędziwá w zwysz pomięnionego tákowe máią mieć Robotnicy y Gospodarze, to iest Miądlíce, Cierlice, Szcotkę grubą y cienką, kądziel, krezel, Przędziono, Wrzędziono, Prześlíce, Motowidło, Wiądło, Koćioł, Potok y kiiankę* (с. 57). Эти названия до сих пор употребительны в диалектной среде, где занимаются традиционными промыслами.

Строительство. По-прежнему развивается словарь, связанный со строительством; много материала дают описи королевского имущества, инвентаризации, а также такие книги, как *Краткая наука строительства усадеб, дворцов, замков по указанию неба и по польским обычаям* (*Krótká nauka budownicza dworów, pałaców, zamków podług nieba i zwyczajów polskiego*, 1659), изданная А. Милобэндзким; *Architekt polski* Станислава Сольского (1690), *Budowanie wiejskie* (1782) Петра Свитковского. В *Краткой науке* находим определения: „*Compartitionem nazywają umięjtne i rozsądne podzielenie budynku na różne do wczesnego pomięszkania gmachy, jako są sień, izby, pokoje, alkierze, kotory, sale, galerie i insze*” («*Compartitionem называют искусное и сообразное разделение строения на разные помещения для удобного проживания, как-то: сени, комнаты, покои, боковушки, кладовки, залы, галереи, и другие*») (с. 9). Немногим различается это определение от указанных выше в LWlkrKuj I в 1565 г.; ср. также 1668 KsUswzi 236–239. Интересный материал для характеристики словарного состава этого периода дает бесценный труд Енджея Китовича (Jędrzej Kitowicz) *Opisanie obyczajów* (*Opisie obyczajów*), где он пишет: *Palace i zamki murowane składały się zwyczajnie z dwu piętrów, rzadko gdzie ze trzech. Wewnętrzny ich rozkład był: przysionki, ganki, izby wielkie i wysokie, po narożnikach izdebki małe, alkierzyki, apteczki, kapliczki i skarbcе* («*Дворцы и каменные замки строились обычно в два этажа, редко где в три. Внутреннее их деление было таково: крыльца, террасы, комнаты большие и высокие, по углам маленькие комнатки, боковушки, аптечки, часовенки и сокровищницы*») (с. 507).

Добыча полезных ископаемых и металлургия. Для этой сферы множество терминов, связанных с добыванием полезных ископаемых, транспортом и добычей соли дают *Instrukcje górnicze dla żup krakowskich z XVI–XVIII w.* В этом произведении находятся названия работников в 1725 г.: *beczkowy, bednarz, burtowy, cieśla, górnik, kasztowy, kieratowy, kopacz, kruszacz, krzyżowy, majster, pakownik, piecowy, rzapiowy, szybowy, trybarz, walacz, wodny, wozak, wózkowy* (с. 85–86). Обратим внимание на существительные на *-owy* – будут они функционировать и в наше время. Другие должностные лица – работники соляных шахт и «гор свинцовых и железных», некоторые названия – еще

старопольского времени: *bachmistrz, hutman, myncarz, podwarcabny, podwrotek, podżupek, rudnik, stolnik, sygor, szafarz, szopny, warcabny, ważnik, żupnik* 1673 VolLeg V 99.

Если речь идёт о металлургии, то можно вспомнить труд В. Роздзеньского (Walenty Rożdzieński) *Officina ferraria abo huta i warstat z kuźniami szlachetnego dzieła żelaznego* (1612). К упомянутым выше названиям работников металлургического завода из Роздзеньского можно добавить: *koszytarze* ‘тот, кто обслуживает печи’, *naprawcy, węgielnicy*; слово *huta* встречается в тексте 17 р., *hutnik* – ни разу; *kuźnik* 51 р., *kuźnica* 108 р.

Торговля. По-прежнему сохраняются различные поля и микрополя, разные хронологические и генетические пласты, о которых было сказано выше. Все еще многочисленны лексемы, образованные от корня *kup-*. Слово *sklep*, значившее прежде ‘свод’, является уже обиходным названием места купли и продажи. Употребительной становится лексема *sklepienie* с первоначальным значением слова *sklep*. Многочисленный и ценный словарный запас сферы торговли содержат государственные указы (универсалы) о рекрутских наборах и таможенные инструкции: 1620 VolLeg III 187–198 (например: *Rostrucharze, co koñmi kupczą* с. 190). Инструкции подробно перечисляют множество товаров, привозимых из-за границы, за которые брали таможенную пошлину, например: 1646 VolLeg III 42–43; 1650 162n. Преувеличением, однако, является утверждение из *Монитора (Monitor): Stąd Polacy równie zdatnymi i doskonałymi jak cudzoziemcy jeszcze nie bywają rzemieślnikami* 1784 Monitor 553.

Т. Островский (T. Ostrowski) в своем *Prawie cywilnym albo szczególnym narodu polskiego* 1784 г. помещает раздел *Miary, wagi, monety* (т. II, s. 236–256).

Одежда. Как и в XVI в., всё более многочисленными являются в XVII и XVIII вв. названия одежды. Из заведений XVII и XVIII вв. я выбрал 141 название, например: *delia, dołoman, ferezyja, futro, gorset, kabat, kaftan, kapota, kontusz, liberyja, opończa, płaszcz, rańtuch, salopa, szuba, westa, żupan*⁵⁰. Среди них немецкие, французские, турецкие, венгерские, итальянские заимствования, которые свидетельствуют о контактах с этими странами. Самые важные гиперонимы – это *strój, suknia, szata, ubiór*; Кнапский отмечает также *ubranie: Vbranie powszéchnie odzież nog* (с. 1220); в *Гданьской Библии* (1632) – *ubranie* 1 р. в современном значении в книге пророка Даниила (3, 21).

Названия постельных принадлежностей встречаются реже: *bielizna, koc, kołdra, naspa, pierzyna, poduszka, poszewka, poszwa, powłoka, prześcieradło, zagłówek*. Гипероним – *pościel*.

Военное дело. В этот период многочисленными являются слова, связанные с армией, распространение названий холодного и огнестрельного оружия значительно расширило словарный состав этой группы, например: *armata, bandolet, działo, flinta, fuzyja, hakownica, karabela, karabin, muszkiet, palasz, pancierz, pistolet, rusznica*; многие из них сохраняют свое прежнее состояние. Гиперонимом остается уже упомянутое слово *broń*. Несколько сот терминов из данной области содержит труд *O zgromadzeniu i szkole puszkarczów* (1622 и 1623) и сочинение *Praxis ręczna działą*, написанный итальянцем Андреа дель Аква (Andrzej dell’ Aqua), инженером и артиллеристом; последний труд был создан в 1625 г., а издан только в 1969 г. Пример: *O drugim rodzaju sztuki działą*,

⁵⁰ *Zajda A. Nieliterackie źródła do dziejów słownictwa polskiego (do XVIII w.) // LingVaria. Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2016. Cz. I. Nr XI (1). S. 123–138; Cz II. Nr XI (2). S. 165–181.*

które są kanony w bateryi, półkanony, kwartany, z formacją ich, i o drugich sztukach należących do niego, i które są bękartowate, także o proporcycy szufle, łoży, osi i kół 1625 Praxis 212. Эти труды положили начало польской литературе об артиллерии. Таможенные инструкции 1646 г. перечисляют: *Rynsztunki żołnierskie, iako: Zbroie, pancerze, strzelba ręczna, pistolety, muszkiety, ruśnice, bandolety, etc., które z cudzych kraioiw wprowadzaią do Korony* 1646 VolLeg IV 42; военные звания 1659 ib. 274; *Akta sejmii walnego elekcyi nowego króla rok 1674* запрещают во время заседаний ношение оружия и пользование им, их названия: *czekan, koncerz, kord, luk, miecz, pałasz, puginał, rusznica, strzelba, szabla, szpada, „ani inszą bronią”* (VolLeg V 133). Большое количество военных терминов, в том числе множество немецких и французских заимствований содержит *Etat woyska obozga narodów* – объемный документ решений Сейма 1788–1792 (VolLeg IX 112–132); пример: *Jedna kompania składa się: 1 kapitan, 1 porucznik, 1 podporucznik, 1 chorąży, 1 feldfebel, 1 sierżant, 1 furyer, 8 kapralów, 2 cieśłów umieiętnych, 3 doboszów, 156 gemeynow, 1 wóz 4konny kompaniczny i koń furyerski* (с. 121). *Furyer* (115, 117 – 2 р., 118н., от фр. *fourrier*), *furażyjer* (от фр. *fourrageur*, Linde I 679) – это тот, кто отвечает за фураж (*furaż*, от фр. *fourrage*) – корм для лошадей, т.е. бывшее *picownik*, – слово это отмечает уже Линде, как было сказано выше, – со звездочкой, как и лексему *pica*. Точное описание снаряжения содержит *Opis obyczajów* Китовича (с. 300, 304–305), также названия упряжи (с. 280–281).

Персонал королевского дворца был многочисленным: *Inszy wszystkich dwor nasz z ich domownikami y czeladzią przyobecnii będący, iako dworzanow, pokoioowych, trukczaszych, pacholąt, medyków, muzykow, trebaczow, doboszow, piwnicznych, owieśnych, podkuchmistrznych, szatnych, odźwiernych, lokaiow, myśliwcow, ptaśników, cyrulikow, malarzow, kucharzow, staiennych, wozowych, piechotę z ich starszemi, rzemieślnikow y innych sług wszystkich, iakimkolwiek imieniem nazwanych, z żonami y czeladzią ich utriusque sexus ...* 1673 VolLeg V 96.

Во дворцах магнатов, которые не уступали королевским, была многочисленная служба, откуда множество названий – вот выписка из *Opisu obyczajów* Китовича: *Słowo „dworski” ... wyrażało pokojowego chłopca, lokaja, hajduka, pacholka, pajuka, węgrzynka, huzara, strzelca, pazia, turczynka, turczyna, laufra czyli bieguna, strangreta, forysia, masztalerza, kuchmistrza, kucharza, kuchtę, cukiernika, szafarza, kredencerza, zgoła wszystkich ludzi służących wielkiemu panu lub pankowi małemu* 1779–1788 KitOpis 397–398. Множество наименований слуг находим в завещании жены заторского старосты 1794 TestKrakF 216–217. В это время в общепольском языке наряду со словом *sluga* появляется *służący*; в результате соперничества между этими словами *sluga* закрепилось в книжном стиле и до сих пор употребляется в современных переводах Библии на польский язык.

Роскошь дворцов магнатов нашла отражение в словах, описывающих богатство интерьеров, внутреннего убранства и мебели. К предметам интерьера, например, относятся: *dywan, firanka, kilim, kobierzec, kotara, makata, obicie, opona, parawan, pokrowiec, zasłona*. Некоторые названия мебели: *kanapa, kredens, krzesło, ława, łóżko, sepet, skrzynia, stół, szafa, szkatuła, zydel*⁵¹. Слово *mebel* от фр. *meuble* ‘мебель’ (BańkowskiEtSł II 159)

⁵¹ Zajda A. Nieliterackie źródła do dziejów słownictwa polskiego // LingVaria. Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2016 (w druku).

появилось во вт. пол. XVIII в. Много слов этого периода дает упомянутый ценный труд Китовича *Opis obyczajów*, например: ... *kawaler obstonił swój tapczan kobiercem tureckim, ścianę nad (sc.nim) obił makatą, powieszał na niej rzędy, palasze, pistolety, fuzyje, trąbki myśliwskie, ładownice; na ziemi przy tapczanie rozciągnął niedźwiednią (sc. skórę) ...* (с. 505).

Кулинария. Продолжают использоваться названия яств, которые во дворцах магнатов приобретают особую изысканность. Лексемы *pica* и *picownik* Линде помещает под звездочкой; повсеместное распространение получило слово *żywność*. Синонимичное слово *spiża* получило значение ‘провиант для войска’, а потом вышло из употребления; Троц (1779): *spiża woienna, pica* (Троц 2194). Свидетельством высокого уровня кулинарного искусства в Польше, правда, во дворцах магнатов, являются две книги конца XVII в. – С. Чернецкого (S. Czerniecki) *Compendium ferculorum albo zebranie potraw* (1682) и анонимная работа *Moda bardzo dobra smażenia różnych konfektów i innych słodkości*, вероятно, 1686–1688 гг. Эти две книги – первые польские работы, посвященные кулинарному искусству; сотни рецептов изобилуют словами по нашей теме, они содержат названия мяса разных животных и птиц, названия фруктов, овощей, приправ, блюд, кухонной утвари. Здесь представлены генетически разные пласты – помимо исконных названий, часто очень редких, много иноязычных заимствований. *Compendium ferculorum* неоднократно переиздавался, что не могло не оказать влияния на систему польского кулинарного словника, например: *Ozdoba potraw. ... Wolno jednak wymyślić, jaką chcesz albo rozumiesz obsączkę, ale i limonie, oliwki, kapary, cytryny, pomarańcze, rożenki wielkie i drobne, kasztany, pinelle, dachtelle, pistacje, bronelle, ślimaki, ostrygi, szparagi, pieczarki, smarze, pietruszka, koper, cebula ...* 1682 CzerComDum 100 (ср. также⁵²).

В медицине, кроме выработанных веками методов лечения, принято было лечение травами (*ziololecznictwo*). Прежде всего, Шимона Сыренского (Szymon Syreński-Syreniusz, Simon Syrenius) *Zielnik (Травник)*, содержащий «*opisanie ... skutków i mocy ziół wszelakich*» (1613); автор описал в *Травнике* 765 растений и их лечебные свойства. Пример из другого, регионального текста: *Pytana, co by za zioła w tej kąpieli były, respondit: Były. Naprzód była sankta, 2. segiecz, 3. przytulia, 4. nasiężrał, 5. dziewięćsiół, 6. lebiotka, 7. ruta, 8. dzwonek i insze domowe zioła* 1659 AMalVis 218.

Наука. Станислав Сольский в труде *Geometra polski* (1683) поместил глоссарий геометрических терминов – «первый польский словарик научных терминов»; в нем находятся геометрические термины, в большинстве случаев латинского происхождения: *angul, kąt* и *węgiel* ‘угол’, *angul ostry* ‘острый угол’, *angul rozwarty* ‘тупой угол’, *cyrkumferencyja* ‘окружность’ и *obwód, polus* и *biegun* ‘вершина’, *cyrkul* ‘круг’, *wertykalny* ‘вертикальный’, *dyjiameter* ‘диаметр’⁵³. В конце среднепольского периода в науке работает Кшиштоф Клюк (Krzysztof Kluk), собиравший и развивавший словарный состав в области зоологии и ботаники, его труд будет издан в следующем столетии; а также Онуфрий Копчиньский (Onufry Korczyński), который в 1778–1783 гг. впервые издал трехтомную, неоднократно потом переиздававшуюся *Gramatykę dla*

⁵² Bochnakowa A. Terminy kulinarne romańskiego pochodzenia w języku polskim do końca XVIII wieku. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego DCLXXXVIII. Prace Językoznawcze. Z. 78. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1984.

⁵³ Walczak B. Zarys dziejów języka polskiego. Poznań: Kantor Wydawniczy SAWW, 1995. S. 139.

szkół narodowych, где находится лингвистическая терминология. Он создал термины *imiesłów, przyimek, spójnik, wykrzyknik, cudzość, dwukropek, przecinek, iloczyn, pisownia, tryb oznajmujący, rozkazujący*, которые употребляются до сих пор. Иезуит Игнатий Влодек (Ignacy Włodek) к своему труду *O naukach wyzwolonych w powszechności i ogólności* (1780), первому в Польше размышлению о понятиях и классификации наук, сделал приложение – список старопольских и вышедших из употребления слов *Słownik polski dawny czyli zebranie słów dawnych zaniedbanych polskich z ich tłumaczeniem*.

К научным терминам близко примыкает терминология из области просвещения и обучения, а те, в свою очередь, находятся в тесной связи со школьной системой, в которой значительную роль исполняли монашеские ордена – иезуиты и пиаристы. Кнапский в своем словаре отмечает слова *student* и известное с 1400 г. слово *żak* (с. 1126 и с. 1434). Со вт. пол. XVII в. в новых источниках появляется *edukacje*: *Osobliwie starszego syna mego Jana zaklinam, ażeby ponieważ mimo insze dziatki na edukacją i na wyprawę jegołożyłem...* 1676 TestWlkp II 338; sim. 1696 DanDług 85. С тех пор слово *edukacja* распространено в источниках XVIII в. (как и *edukować* ‘обучать’), например, в работах С. Конарского (S. Konarski) и Комиссии народного образования (Komisji Edukacji Narodowej), в *Opisie obyczajów* Китовича, до сих пор пока не появилось слово *wykształcenie* (только в SWil, 1861, с. 1971); в 1776 ZabPrz 136 оно выступает как *poimen actionis*: *ku wykształceniu cnotliwych a oświeconych ludzi*; sim. 1787 PirPow 186; у Линде (Linde VI 515) под *wykształcić*. И. Красицкий в *Zbiorze potrzebniejszych wiadomości* (1781) дает следующее определение слова *edukacja*: *ćwiczenie młodzieży w obyczajności, naukach lub sztukach* (т. I, с. 255); *ćwiczenie* – с XVI в. ‘образование’ (542 р. в SPXVI w.). В этот период появляется *oświecenie* (‘просвещение’), хотя слово известно с к. XV в., для обозначения новой идеологии, основанной на культе разума, оно употреблялось с сер. XVIII в. Наконец, о лексеме *oświata*, которая была уже в XV в., но в новом, переносном, значении встречается с нач. XVII в., а как синоним *oświecenia* – особенно с к. XVIII в.⁵⁴ Много слов по этой теме, связанной с организацией школьного обучения, находится в трудах С. Конарского и в Комиссии народного образования, основанной в 1773 г. Например: *egzaminator, humanior, infima, inspektor, kolegium, konwikt, konwiktorka, parwa, prefekt, profes, profesorium, rektor, wikt, metr, stancyja, studium, wakacyje, wizytacyja, wizytator*, и т.д. В *Monitorze* за 1775 г. находим статью о богатстве польского словарного состава, где автор перечислил много составных терминов (*Monitor*, s. 424–432).

Этикет. XVII в. считается пиком развития речевых форм этикета, берущих начало в старопольский период, как важного элемента национальной культуры⁵⁵. Титулы были сословно дифференцированы; к крестьянину можно было применить определение *pracowity, uczciwy*, к мещанину *ślawny, ślawetny*, а к шляхтичу – *szlachetnie urodzony* или кратко *urodzony*; шляхта внутри своего сословия называла себя *bracia*. Именования *Wasza Miłość, Wasza Miłość Pan* и *Miłościwy Pan*, которыми называли в прежнюю

⁵⁴ Zajda A. *Wychowanie - edukacja - oświecenie*. Studium z historii słownictwa polskiego // Byle w ludziach światło było ... Księga pamiątkowa ku czci Profesora Waclawa Woźnowskiego w dziesiątą rocznicę Jego śmierci / Red. G. Zajac. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2012. S. 401.

⁵⁵ *Wojtak M.* Staropolska etykieta językowa jako obraz relacji międzyludzkich (wybrane zagadnienia) // *Przeźroczność w językowym obrazie świata* / Red. A. Pajdzińska, P. Krzyżanowski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. S. 205.

эпоху только господина, опростились и превратились в формы *Wasze, Waszeć, Waszmość, Waść* (эти формы см. в *Pamiętnikach* у Пасека), *Waćpan*. Продолжение получили формы *Jego Miłość*, сокращенные до *Jegomość*, аналогично *Jej Miłość* до *Jejmość, Ich Miłość* до *Ichmość*. Общеупотребительными являются слова *pan, pani*, появившиеся в старопольский период. Повсеместно распространены *dobrodziej, dobrodziejka*.

Итоги XVII–XVIII вв. Конец XVIII в., 80-е годы – это конец среднепольской эпохи. Характерной чертой этого времени было увеличение количества терминов. «Словарный состав среднепольской эпохи можно оценить в 50 тыс. слов»⁵⁶. В значительной мере это приумножение происходило благодаря заимствованиям; для образованных и пишущих людей этого периода обычным было владение двумя языками, сначала долгое время существовало польско-латинское двуязычие, а со вт. пол. XVIII в. – польско-французское. На протяжении XVI–XVIII вв. мы можем заметить развитие словарных полей, например: *gotowe pieniądze – gotowe – gotowizna; wychowanie – ćwiczenie – edukacja – oświecenie, oświata; imienie – mienie – majątność – majątek; imienie ruszające – ruchomość*; удивляет быстрое распространение слова *kobieta*, уже ставшее общеупотребительным в языке XVIII в.; И. Красицкий, мастер польского слова этого периода, формулирует афоризм: *Мы правим миром, а нами – женщины (My rządzą światem, a nami kobiety)*. Много слов в среднепольский период вышло из употребления, например: *ciemnica* ‘тюрьма’, *skot* ‘скот’, *łoński* ‘прошлый’, *śniedny* ‘съедобный’, *żec* ‘палить’, *dotychmiast* ‘до сих пор’⁵⁷; слова *ciemnica, śniedny, świekier, świekra* находим уже в *Гданьской Библии* (1632); другие изменили свое значение, например: *ciekawu, dziewczka, prokurator, sklep, obrok, złodziej*. Наряду с *występek* появилось слово *przestępstwo*. В работе С. Конарского «*O sztuce dobrego myślenia...*» (1767) на двух соседних страницах находим по 2 р. слова *ojczyzna* и *ojcowizna* с новой и до сих пор живой семантикой. *Wniosek* выступает в своем этимологическом значении: *Która to małżonka moja, że wniosła do mnie w gotowiznie i ruchomych rzeczach sumę zł. pol. 1000 i ten wniosek ginąc jej nie powinien* 1751 DanDług 179. Слова *wychowanie* и *ćwiczenie* (umysłowe) заменила лексема *edukacja*.

Местные слова, диалектизмы образовывали пласт, функционирующий параллельно по отношению к пластам общепольских слов. В связи с этим стоит отметить, что в произведении *Księżde zloczyńców sądu kryminalnego w Wiśniczu (1629–1665). Acta maleficorum Visniciae*, изданном В. Урущакон (W. Uruszczak, 2003), находится множество диалектизмов карпатских чабанов, например: *baca, bryndza, gazda, koliba, żętyca*.

Следует заметить, что давние производные слова, типа *podśędek*, в которых префикс *pod-* выполнял функцию противопоставления в должностной иерархии чиновников («вышестоящий – нижестоящий»), был заменен типом *wicegierent, wiceprezydent* с префиксом *wice-*, отмеченном в десяти словах уже в словаре Троча (Трос 2622).

Словарный состав новопольской эпохи. Нижняя граница новопольской эпохи – 80-е годы XVIII в. – начало модернизации различных областей польской жизни под влиянием идеологии Просвещения, например, создание Комиссии народного образования (1773). В продолжение всей новой эпохи словарный состав продолжал формироваться и развивался в сложных исторических условиях, в ситуации изменений, преис-

⁵⁶ *Walczak B. Zarys dziejów języka polskiego. S. 137.*

⁵⁷ Там же.

ходивших в политике, общественной, хозяйственной, культурной жизни: упадок польской государственности в конце XVIII в. и ее возрождение после Первой мировой войны, ограничение роли польского языка в условиях раздела польской территории, т.е. отсутствия государственности; развитие капитализма со вт. пол. XIX в., а после Второй мировой войны – социализма; на все это оказывало влияние возникновение, начиная с 70-х гг. XIX столетия, «века пара и электричества», стремительное развитие многих областей науки и техники, технологий, электрификация, интенсификация промышленного производства и новых форм общественной жизни, политики, прессы, радио, телевидения, спорта, туризма, фотографии, кинематографии и т.д., не говоря уже о железной дороге (линия Варшава – Вена начала строиться с 1845 г.). SWil (1861) первым отмечает слово *parowóz* – кальку нем. *Dampfwagen* (с. 971). Развитие словарного состава отражало эти условия и процессы, так что с той поры прирост происходит за счет, прежде всего, специальной лексики, т.е. терминологии; благодаря созданию и развитию различных форм средств массовой информации, в этом процессе оказались задействованы широкие массы пользователей языка. Д. Буттлер считает конец XIX в. «периодом общей модернизации словаря»⁵⁸. Из обихода уходили старые слова, появлялись новые. В период воссоздания польской государственности множество слов, связанных с прежней жизнью общества и государства, приобрело оттенок историзма, пополняющий пассивный словарь, например, названия должностных лиц и должностей стали использовать авторы исторических романов. Историзмами оказались – после отмены крепостного права в 1864 г. – такие слова, как: *pańszczyzna*, *poddaństwo*, *poddany*. Некоторые старые термины были вновь введены после получения независимости. В более позднее время на начальном этапе разработки электронного оборудования возникли названия на польском языке: *mózgi elektronowe*, *maszynę cyfrowe*, пока, в конце концов, они не уступили место заимствованному слову *komputer*; как следствие, возникла группа дериватов: *komputerowiec*, *komputerowy*, *komputeryzacja*, *komputeryzować*, *komputerzysta*, *komputerzystka* и инновации, типа: *komórka* ‘мобильный телефон’, *smartfon*, *tablet*. Словари не успевают фиксировать неологизмы из области техники и технологии.

Словарные собрания. Лексику новопольского периода регистрируют словари. В самом начале XIX в. появились только два таких издания: насчитывающий почти 2 тыс. страниц *Słownik dokładny języka polskiego i niemieckiego do podporęcznego używania dla Polaków i Niemców* (1806) Е.С. Бандтке (Jerzy Samuel Bandtkie) и шеститомный *Słownik języka polskiego* (1807–1814, 2-е изд. 1854–1860) С.Б. Линде (Samuel Bogumił Linde). До сих пор особую ценность представляет словарь Линде – первый польский исторический словарь, представляющий собой, несомненно, значимое лексикографическое событие европейского масштаба. Словарь Линде содержит около 60 тыс. заголовочных слов, выбранных из источников, начиная с сер. XVI в. и до нач. XIX в. Следующий словарь – *Dokładny słownik polsko-niemiecki* (1835) К.Ц. Мронговиуша (Krzysztof Celestyn Mrongowiusz); при выборе слов автор использовал, как он сам об этом пишет во введении, научные и литературные источники. Лексику А. Мицкевича, великого творца слова, собрал одиннадцатитомный *Słownik języka Adama Mickiewicza*,

⁵⁸ Buttler D. Rozwój semantyczny wyrazów polskich. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1978. S. 251.

разработанный в 1962–1983 гг. В 1861 г. вышел, разработанный авторским составом под руководством Александра Здановича, *Słownik języka polskiego*, называемый по месту его издания Виленским; по сути это карманный словарь, он содержит около 110 тыс. заглавных слов, взятых из источников нач. XIX в.

Около 50 тыс. заглавных слов содержит *Słownik języka polskiego* (1866), составленный Е. Рукачевским (E. Rykaczewski). В 1885 г. появился первый польский словарь синонимов *Słownik synonimów polskich*, разработанный епископом Адамом Красиньским (Adam Krasieński). Он демонстрирует состав и богатство польской синонимии вт. пол. XIX в. Значительным достижением польской лексикографии этого периода является *Słownik języka polskiego*, так называемый Варшавский, изданный в восьми томах в 1900–1927 гг. под ред. Яна Карловича, Адама Крыньского и Владислава Недзведзкого; это настоящий тезаурус польской лексики. Из многочисленных источников, начиная со старопольского периода и вплоть до нач. XX в., в словаре собрано около 270 тыс. заглавных слов, в том числе и диалектных. В лексикологических исследованиях трудно найти слова, которых бы не было в *SWarsz*, хотя иногда такое и случается. Кароль Штадтмюллер (Karol Stadtmüller) (отец) и Кароль Штадтмюллер (сын) разработали *Słownik techniczny*; немецко-польская часть содержала 120 тыс. заглавных слов (1913), часть польско-немецкая опубликована в 1936 г. К. Штадтмюллер (отец) в 1921–1925 гг. издал также *Słownictwo rzemieślnicze* – большой труд, куда вошла техническая терминология всех ремесел. В 1958–1969 гг. появился в одиннадцати томах замечательный, по сути, исторический *Słownik języka polskiego* под ред. В. Дорошевского (W. Doroszewski), содержащий 120 тыс. заглавных слов из источников, начиная со вт. пол. XVIII в. (т.е. приблизительно с начала новопольской эпохи) до современности. Все цитаты документированы и показаны в таком порядке: от современных до самых древних. Следует упомянуть также двухтомный *Słownik frazeologiczny języka polskiego* (1967–1968) С. Скорупки (Stanisław Skorupka). Особого внимания заслуживает семитомный тематический словарь, составленный на основе творчества Стефана Жеромского (Stefan Żeromski): т. I – вступительный (сост. К. Handke), т. II. Пространство (сост. К. Sobolewska), т. III. Дом (сост. Е. Sękowska), т. IV. Мир звуков (сост. В. Bartnicka), т. V. Мир цвета (сост. К. Handke), т. VI. Борьба, война (сост. К. Handke), т. VII. Мысль и речь (сост. Н. Sędziak) (Kraków, 2002).

Е. Кwapień (Е. Kwapień) в книге *Формирование лексического фонда польского языка XIX в. (Kształtowanie się zasobu leksykalnego polszczyzny XIX w.)*⁵⁹, проанализировав материалы упомянутых словарей, пришла к выводу, что в XIX в. и в нач. XX в. польский язык обогатился 6706 лексическими новациями (имя существительное).

Иноязычное влияние. Со вт. пол. XVIII в. усиливается влияние французского языка, живого, современного, воздействие которого заметно уже в XVII в.; это влияние касалось различных областей жизни: «театра и литературы, жизни при дворе и в салонах, нарядов, интерьеров, садов, армии»⁶⁰. Обучали модному французскому языку множество гувернанток и гувернеров. Его влияние, изначально ограниченное аристократической средой, распространилось в XIX в. и на другие слои населения, отсюда мно-

⁵⁹ Kwapień E. *Kształtowanie się zasobu leksykalnego polszczyzny XIX wieku*. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2010. S. 82–85.

⁶⁰ Walczak B. *Zarys dziejów języka polskiego*. S. 219.

жество заимствований, сохранившихся до наших дней, например, в области моды: *biżuteria, dekolt, kostium, pasmanteria, peleryna, szal*; кухни: *baleron, koniak, krem, szampan, omlet*; военного дела: *armia, defilada, dywizjon, eskorta, manewry, żandarm*; искусства и литературы: *atelier, ballada, beletrystyka, felieton, gobelin, pejzaż, plener, reportaż*; театра: *ekran, estrada, festiwal, konferansjer, kurtyna, rewia* и т.д. Заимствования в сфере администрации, политики, дипломатии: *afera, ankieta, attache, biuro, biuletyn, departament, etat, negocjacje, raport*; в хозяйственной жизни: *asortyment, bankrut, bilon, renta*; в научной и технической терминологии: *busola, inżynier, klisza, rezerwuuar, sonda* и, наконец, в повседневной обиходной польской речи: *adres, awans, awantura, bagaż, klika, kretyn, notes, peron, plaża, szansa, szantaż*⁶¹.

Д. Буттлер говорит об уменьшении латинского влияния в течение всего XIX в.; некоторые латинизмы были заменены польскими соответствиями, например: *gradus – stopień, ekspens – wydatek, konsolacja – pociecha*⁶².

Во времена раздела Польши польский язык должен был функционировать на вторых ролях; но всё же прекрасно развивалась литература как носитель языка – лексики и стиля. Польский язык заимствовал лексику государств, участвовавших в разделе Польши, т.е. немецкие и русские слова. Немецкие заимствования особенно заметны в разговорной речи диалектной среды и в неофициальных контактах северной и юго-западной частей Польши, например: *fest* ‘dobrze’ (‘хорошо’), *furt* ‘ciągle’ (‘постоянно’), *geszeft* ‘podejrzany interes’ (‘подозрительная сделка’). В общепольском языке заимствований было не так уж много; однако появились дословные переводы некоторых немецких сложных слов, т.е. кальки; считается, что такими являются, например: *czasopismo* < *Zeitschrift*, *listonosz* < *Briefträger*, *parostatek* < *Dampfschiff*, *parowóz* < *Dampfwagen*.

Влияние русского языка находим в произведениях А. Мицкевича (A. Mickiewicz) (около 40), например: *czuownik* – чиновник, *dacza* – дача, *knut* – кнут, *prokurator* – прокурор ‘должностное лицо в суде’, *samodzierzca* – самодержец ‘абсолютный монарх’; Ю. Крашевского (J. Kraszewski), например: *krasawica* – красавица, *odstawka* – отставка, *rokupka* – покупка, *turma* – тюрьма, *ukaz* – указ; Б. Пруса (B. Prus), например: *dzielo* – (судебное) дело, *podriad* – подряд, *prykaszczyk* – приказчик, *swolocz* – сволочь и т.д.

Заимствования из английского языка появились в польском языке последними – словарь Линде отмечает только несколько из них (например: *foder* ‘разновидность бочки’ (Linde I 660), *foksal* ‘вечернее развлечение в саду’ (ib. I, 669), *mops*, уменьш. *mopsik* ‘малая собачка’ (ib. III 156). Множество заимствований стало появляться к к. XIX в., а особенно после восстановления польской государственности, чему способствовало развитие дипломатических отношений, торговые контакты, эмиграция, спорт и туризм. Уже SWarsz отмечает слова: *finisz, kort, lider, rower, sport, strajk, trener, trening*. Другие английские примеры этого периода: *bekon, bridż, bobslej, mecz, pulower, spiker, stoper, sztorm*.

Религия и право. В области религии, представляющей собой наиболее закрытую и веками лексически стабильную систему, продолжает функционировать словарное наследие прошлого; она поддерживалась традиционными ограничениями, что не способствовало появлению новых слов. Употреблявшееся со старопольских времен

⁶¹ Walczak B. Zarys dziejów języka polskiego. S. 220–221.

⁶² Buttler D. Rozwój semantyczny wyrazów polskich. S. 98.

kazanie в настоящее время заменяется лексемой *homilia*, отмеченной в SStpl в форме *omelija*. В XIX в., согласно исследованиям Эвелины Квапень, проводимым по данным словарей, поле ‘человек и Бог’ помещается среди других групп, охватывающих меньшее количество лексических единиц⁶³. Группа ‘человек и государственные учреждения’, включающая лексические поля со словами из следующих групп: учреждение, государство, политика, армия, суд (т.е. право), собственность – находится на третьем месте по количеству составляющих элементов. На первом месте находится группа ‘человек и общество’, объединяющая разные лексические поля из области межлических и служебных отношений, поведения, обычаев, спорта и развлечений.

Сельское хозяйство. Традиционно в этой области пользовались лексическим наследием прошлого. Но новое интенсивное развитие сельского хозяйства принесло новые технологии и множество новых терминов, особенно в названиях машин и технических агрегатов, методов пахоты и т.д., например: *glebogryzarka, kiszonka, kombajn, kosiarka, kultywator, płodozmian* – этот термин первым отмечает в 1861г. SWil, 1030.

В словаре Линде *gleba* – это ‘комоч земли, земля, грунт’ (Linde II 51), для SJPdor *gleba* это уже ‘верхний слой поверхности земли, являющийся основой жизни растительности; грунт, поле, вспаханное поле, земля’ (SJPdor II 1137); отсюда отмеченные в словаре *gleby ciężkie, gleby lekkie, gleby zimne, gleby ciepłe, gleby kwaśne* и т.д.; вслед за этим появляется серия дериватов: *glebostan, glebotwórca, gleboznawca, gleboznawstwo, profil glebowy*.

Трудно перечислить новации из области **ремесла и промышленности**, вызванных совершенствованием техники и технологии; вт. пол. XIX в. – это развитие горного дела, металлургии, тяжелой промышленности, совершенствование машин; лексические новшества в этих областях относятся к специальной терминологии. Слово *przemysł* (‘промышленность’) в словаре Линде тесно связано с основным глаголом *przemysleć*, обозначающим размышление по поводу заработка, торговли, хозяйства (Linde IV 557), но в SWil (1861) это уже об ‘общем именовании всякого применения труда для производства, в ремеслах, сельском хозяйстве, торговле’ (с. 1246). По-прежнему сохраняется традиционное ремесленное производство на основе традиционных технологий. В ремесленной терминологии долго удерживались традиции заимствований из немецкого языка, но после Второй мировой войны в новых организационных условиях и в результате управления сверху профессиональным образованием, германизмы были ликвидированы путем замены их исконными терминами, например: в сфере столярного ремесла, известного мне с ранних лет: *abrykterka > wyrówniarka, banzega > pila taśmowa, canubel > drapień, cyrkularka > pila tarczowa, fajla > pilnik, hebel > strug, kranc > wieniec, rabanek > spust, raszpla > zdiernik, rufant > plecy* и т.д. Некоторые из этих слов вообще исчезли по причине развития новых технологий, например: *kalboki* ‘prasa na kliny’ (‘пресс для клиньев’), *labcyngi* ‘ściski drewniane na kliny’ (‘деревянные тиски для клиньев’), *ślajstrok* ‘urządzenie do ostrzenia narzędzi’ (‘приспособление для заточки инструмента’) – в словарях они не отмечены.

Наука. Область науки и ее словарь в самом начале новопольской эпохи обогатил Ян Кшиштоф Клюк (Jan Krzysztof Kluk 1739–1796) своими трудами – в сумме это 13

⁶³ Kwapien E. Kształtowanie się zasobu leksykalnego polszczyzny XIX wieku. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2010. S. 85.

томов по ботанике, зоологии и сельскому хозяйству (1777–1785 гг.); считается, что Клюк придумал названия для 361 растения. Собранный Клюком словарь оказал огромное влияние на развитие польской естественнонаучной лексики; поскольку некоторые из его работ были неоднократно переизданы, они таким образом закрепляли этот лексический пласт. В свою очередь, Ян Снядецкий (Jan Śniadecki 1756–1830), был создателем польской математической и астрономической терминологии, а его брат Енджей (1768–1838) создал польскую химическую терминологию. В труде Гжегожа Пирамовича (Grzegorz Piramowicz) *O powinnościach nauczyciela* 1788 находится множество слов, относящихся к науке и просвещению. Наметился заметный прогресс в медицине. Непрерывающееся изучение человеческого организма способствовало развитию медицинской терминологии. Мы видели это уже в старопольский период. В 1783–1793 гг. был издан десятитомный универсальный справочник по медицине и хирургии (*Dykcjonarz powszechny medyki, chirurgii*), переведенный с французского языка. В новопольский период заметно стремление к унификации терминологии как одного из условий прогресса в медицине; что показательно для дальнейшего развития. Особое место в этом деле занял словарь *Słownik anatomiczno-fizjologiczny* Юзефа Майера (Józef Majer) и Фридерика Скобла 1838 г., построенный на обширной специальной литературе. Авторы не только собрали в своем труде огромный словник медицинских терминов, но и исправили его с точки зрения нормы польского языка. Тем самым мы можем сказать, что этот словарь имеет нормативный характер. Формирование терминологии идет вслед за прогрессом медицины, и, таким образом, развитие познания в этой области отражается в названиях: от однословных – к многословным, о чем уже говорилось раньше, при упоминании Фалимижа; некоторые виды болезней получили названия, например: *prostata, sutki*; когда было установлено, что они выполняют функцию внешней и внутренней секреции, следствием этого стало составных именований – синтаксических дериватов: *gruczoł krokowy, gruczoły sutkowe, gruczoły mleczne, gruczoł łzowy, gruczoł potowy, gruczoł ślinowy* т.д.

Военное дело. В этой области в общепольском языке в период, когда Польша находилась под юрисдикцией соседних государств, функционировал и активный, полученный от предков, словарный запас (*armata, karabin, piechota, szabla, wojsko, żołnierz*), и пассивный (*husaria, miecz, rycerz, zbroya*), о чем свидетельствуют пометы в словарях; эти лексемы находим в исторических романах. Несмотря на отсутствие у Польши независимости и собственной армии, язык военной терминологии, однако, продолжал развиваться: так, в XIX в. слово *husarie* было заменено на *jazda, kawaleria, konnica*. Армии государств, принявших участие в разделе Польши, имели свою терминологию. Ситуация изменилась в 1918 г. после возвращения Польше независимости. Оживился активный запас слов, появилась новая лексика.

XX в. – это период бурного развития польской лексики. Особенно в сфере терминологии. Возникли новые и неизвестные раньше области науки и техники, а те, что уже были знакомы, получили дальнейшее свое развитие: фотография, электротехника, автомобильная промышленность, авиация, радиовещание, телевидение, телефонная связь, атомное дело, космонавтика; школьное обучение на общепольском языке стало всеобщим и обязательным. Все больше людей вовлекались в эти сферы и использовали новшества; а значит, осваивали соответствующую лексику.

После возвращения независимости в 1918 г. появилась необходимость в терминах в сфере государственной администрации и права, что содействовало объединению разрозненных и порабощенных в течение более века польских территорий. Обратились к словарному фонду старой Польши и возродили некоторые старинные термины, например: *asesor, chorąży, komornik, ławnik, marszałek, pisarz, poseł, powiat, referendarz, sejm, sejmik, sekretarz, senator, sędzia, starosta, wojewoda, województwo, wójt*. О. Бальцер (Oskar Balzer) предположил восстановить также такие слова, как: *instygator, kanclerz, podsejdek, podskarbi, podstarości*⁶⁴; модель с префиксом *pod-*, указывающим на низшую степень подчинения, уже со вт. пол. XVIII века не была продуктивной и была заменена префиксом *wice-* и, таким образом, уже были не *podwojewództwi*, а *wicewojewoda*, не *podstarości* а *wicestarosta* и т.д. (см. выше).

Очередной этап развития польской лексики наступил после Второй мировой войны, когда в условиях Народной Польши интенсивно начали развиваться промышленность, образование, наука и культура. Стала очевидной реальная отсталость страны, в то время как лексика отражала изменения и процессы интенсивного развития. Многие слова, связанные с прежней жизнью: *dziedzic, ekonom, fabrykant, fornal, majątek ziemski, ochronka, rządca, włodarz, ziemianin* – остались в прошлом. В общепольском лексиконе появились тысячи новых слов – как знаки нового времени – и сотни тысяч научных, технических и профессиональных терминов⁶⁵. Считается, что уже после издания SJPDoг польский язык стал богаче на 30 тыс. лексем. Сложно перечислить все новые области употребления слов, укажем только на некоторые и отметим общие тенденции и закономерности в развитии словарного состава этого времени.

На передний край инноваций выходят названия людей новых профессий. Например: *behapowiec* ‘инструктор ВНР, т.е. по технике безопасности и охране труда’, *kaowiec* ‘организатор культурно-просветительных мероприятий в трудовых коллективах, на отдыхе’, *lewicowiec, montażowiec* ‘специалист-монтажник’, *panowiec* ‘сотрудник PAN – Польской академии наук’, *potowiec* ‘работник POM, т.е. Państwowego Ośrodka Maszynowego (Государственного машиностроительного центра)’, *zaopatrzeniowiec* ‘работник, занимающийся снабжением предприятия необходимыми для производства материалами’ и т.д. Эти формы показывают новый, продуктивный способ словообразования на *-owiec* в наименованиях лиц, они отодвинули на задний план модель на *-arz*, например: *drukarz, garbarz, kolejarz*. Другой продуктивный способ словообразования – это производные на *-owy*, например: *aparaturowy, dźwigowy, kruszarkowy, mieszarkowy* – многочисленные примеры слов, образованных по данной модели, мы продемонстрировали выше, когда цитировали работу *Instrukcje górnicze dla żup krakowskich 1725 г.*

Эти производные, как видим, по причине узкой сферы употребления, характеризуются определенной точностью. Точность – черта современных нововведений – демонстрируют также названия судов: *dziesięcioletnik, gazowiec, kontenerowiec, masowiec, owocowiec, rudowęglowiec, tankowiec, zbożowiec* и т.д. Все они создают словесное поле

⁶⁴ Balzer O. W sprawie godel i słownictwa państwowego terażniejszej Polski. Lwów: Nakład Gubrynowicza i Syna, 1920.

⁶⁵ Smółkowa T. Nowe słownictwo polskie // Współczesny język polski / Red. J. Bartmiński Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. S. 397–398.

«судно», название *statek* раньше было вполне достаточным для наименования, а в новых исторических условиях – уже нет; слово стало гиперонимом поля⁶⁶. Похожее явление можно наблюдать на примере названий разного рода построек: *biurowiec, falowiec, galeriowiec, klatkowiec, mrówkowiec, punktowiec, szybkościowiec, wieżowiec* и др.; *plomba* ‘новое здание в непосредственной близости от существующих построек’. Примером стремления к точности в семантике в сфере просвещения может быть тоже слово *przedszkole* вместо прежнего *ochronka*, отсюда опять же серия дериватов: *przedszkolaczek, przedszkolak, przedszkolanin, przedszkolanka* – все эти слова SJPDoG датирует периодом после Второй мировой войны. Каждый факт, каждое открытие сразу находит свое отражение в словарном составе, ср., например: *wiertarka > wiertarka elektryczna > wiertarka elektryczna udarowa > udarówka > udar*.

Результатом стремления к точности являются составные слова, типа: *asfaltoguma, elanobawelna, pianobeton, piaskarkosolarka, smołogazobeton, styropian, zlewozmywak, żużlogips*. Удивительно точные названия! Все до сих пор представленные примеры – это результат точности, степень которого определяет состояние наших знаний и жизненная практика. Это доказывают отмеченные SStpl синтаксические дериваты, типа: *prawo magdeburskie, prawo miejskie, prawo polskie, prawo rycerskie* и т.д. Конструкции такого рода «определяют максимальную однозначность, что для терминов является основным правилом»⁶⁷.

Стремление к точности в номинациях особенно ярко выражено в самое последнее время в связи с большой интенсивностью интеллектуальной деятельности, когда интерпретация явлений и их классификация занимают важное место. «Следует стремиться к максимальному адекватному формальному соответствию по отношению к зачастую сложному современному новому понятию»⁶⁸.

«Итак, генетические причины количественного и качественного роста словарного состава (словаря) заключаются или в интенсивном узнавании действительности и ее интерпретации, или в интенсивном изменении этой действительности в процессе практической деятельности. Между этими двумя факторами существует взаимная зависимость»⁶⁹. «Расширение стремления к точности есть проявление интеллектуализации словаря. Это большое достижение его развития за последние десятилетия»⁷⁰.

Обратной стороной стремления к точности в современном польском лексиконе является тенденция к аббревиации, т.е. экономии языковых средств, отсюда частотность таких форм, как *drogówka* ‘policja drogowa’, *handlówka* ‘szkoła handlowa’, *komórka* ‘telefon komórkowy’, *motorówka* ‘łódź motorowa’, *ogólniak* ‘liceum ogólnokształcące’, *osobówka* ‘pociąg osobowy’, *pasażer* ‘pociąg, statek pasażerski’, *poprawczak* ‘dom poprawczy’, *wypoczynek* ‘komplet mebli do pokoju wypoczynkowego’; несложно заметить, что процесс этот ведет иногда к омонимии и полисемии. Много аббревиатур есть в названиях фирм, например: *PKP, PKS, Elwro, Pafawag, Stolbud*; специфической фор-

⁶⁶ Zajda A. O niektórych głównych zjawiskach i tendencjach w rozwoju współczesnego słownictwa polskiego // Non Mun Chip. Journal. Language-Literature-Humanities. Vol. XXIX. Seoul (South Korea): Hankuk University of Foreign Studies, 1996. S. 504.

⁶⁷ Там же. С. 508.

⁶⁸ Там же. С. 505.

⁶⁹ Там же. С. 503.

⁷⁰ Там же. С. 511.

мой является современное слово *manifa* < *manifestacja*. Отметим, что слова-сокращения очень часто социолингвистически детерминированы, например: *komórka*, *osobówka*, *ogólniak*, *poprawczak*, *udarówka* (см. выше), и используются они в речи говорящего, т.е. в сфере *parole*, которая также имеет свою специфику.

Результаты двух рассмотренных тенденций наблюдаются во всех областях современной польской лексики.

Можно также видеть проникновение технических терминов в обиходную речь: *dźwignia postępu*, *kalejdoskop wrażeń*, *kuć żelazo póki gorące*, *mechanizm zmian* и т.д.⁷¹

Кроме именованых лиц, названий из технической области, области науки, политики в современном польском языке представлены именованые многих видов спорта и туризма. В спортивной сфере встречается исконная лексика и заимствования; помимо видов спорта, названия спортсменов, тренировок и соревнований.

Исконные слова образовались в результате известных всем процессов обогащения словного запаса; словообразовательные производные отличаются разнообразием форм, например: *boisko*, *dobieg*, *koszykówka*, *łyżwiarz*, *napastnik*, *narciarz*, *oszczepnik*, *przysiad*, *rozbieg*, *rozkrok*, *saneczkarz*, *siatkówka*, *skoczek*, *skocznia*, *szczypiorniak*, *trójkrok*, *wyprost*, *zawodnik* и т.д. Многочисленны заимствования из почти всех европейских языков, но более всего, по-прежнему, – из английского языка: *debel*, *doping*, *dzudo*, *futbol*, *gokart*, *golf*, *hokej*, *rajd*, *remis*, *singiel*, *sparing*, *trening*, *faul*, *walkower* и т.д.⁷²

Отметим множасьее число серийных неологизмов, например, названий мероприятий, созданных по образцу *olimpiada*: *blazenada*, *familiada*, *parafiada*, *wampiriada*, *żakinada*; подобно: *pogodynka*, *wieczorynka*, *zegarynka*.

После преобразования политической системы и поворота в сторону Запада, т.е. с 1989 г., происходит настоящее нашествие английских слов: *biznes*, *biznesmen*, *cathering*, *chipsy*, *design*, *fan*, *keczup*, *kemping*, *lobby*, *market*, *marketing*, *menedżer*, *mobing*, *news*, *ranking*, *serwis*, *show*, *skaner*, *sponsor*, *trend* и т.д. Удивительно, но они иногда заменяют исконные названия: *interes*, *wzór*, *miłośnik*, *przywódca*, *dom towarowy*, *zarządca*, *widowisko*, *usługa*, *kierunek*. Английские заимствования вторглись в общепольский словарь, например: *hejt* ‘*nienawiść*’ (‘ненависть’) – слово, несколько раз услышанное по ТВ; вошли в систему языка и стали часто употребляться сочетания типа *biznes tydzień*, *Kredyt Bank*, *ogród system*.

Результатом уже упомянутого поворота в сторону Запада и Европы стало появление новых слов с префиксом *euro-*, например: *eurobiurokracja*, *eurocentryzm*, *euroczek*, *euroentuzjasta*, *eurogrupa*, *eurokrata*, *euromarket*, *euroobligacja* и др., которые SJPDoг не отмечает.

После реституции капитализма в Польше снова появились прежде употреблявшиеся слова, как например: *akcja*, *akcjonariusz*, *bankructwo*, *bezdomny*, *bezrobocie*, *bieda*, *biedny*, *bogaty*, *fabryka*, *firma* (в ПНР *zakład pracy*), *gięlda*, *burmistrz*, *dywidenda*, *makler*, *upadłość*, *syndyk*. Подобно *czesne*, *lombard*, *saksy*, *strajk*⁷³.

⁷¹ Bajerowa I. Wpływ techniki na ewolucję języka polskiego. Kraków: Polska Akademia Nauk, 1980. S. 49–50.

⁷² Ożdyński J. Polskie współczesne słownictwo sportowe. Wrocław: T-wo Miłośników Języka Polskiego, 1970.

⁷³ Smółkowa T. Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej. Kraków: Polska Akademia Nauk 2001. S. 20.

Развитие словарного состава сопровождается параллельный процесс выхода из употребления старых слов и их забвение; SJPDoG считает такими: *abszyt* ‘zwolnienie ze służby’ (‘увольнение со службы’), *adwersarz* ‘przeciwnik’ (‘противник’), *aerodrom* ‘lotnisko’ (‘аэропорт’), *aeroplan* ‘samolot’ (‘самолет’), *halsztuk* ‘rodzaj krawata’ (‘разновидность галстука’), *pospólstwo* ‘lud’ (‘народ’), *nikczemny* ‘mały, słaby’ (‘малый, слабый’), *odźwierny* ‘portier’ (‘привратник’), *ordynaria* ‘оплата натурой работникам в старых сельских хозяйствах’, *pierwiastkowo* ‘pierwotnie, początkowo’ (‘первоначально’), *suchoty*, *wrzeciądz* ‘устройство для запираания дверей’, *wujenka* и т.д.

Исчезновению слов из речи всегда способствовали и способствуют изменения в моде (см. приведенную выше цитату Гроицкого), появление новых видов тканей, обуви, например: *barchan*, *bistor*, *kremplina*; *adidas*, *meszty*, *oficerki*, *ortalion*, *tenisówki*, *trampki*.

Отдельным явлением является замена старых заимствований словами польского языка, например: *buldożer* заменил *spychacz*, слово *dynamo* заменило *prądnica*, *karburator* – *gaźnik*, *motor* – *silnik*, *szofer* – *kierowca*, *traktor* – *ciągnik*, *trotuar* – *chodnik*; но все ещё в употреблении находится *helikopter* – *śmigłowiec* (польское слово встречается чаще). Интересно, что вместо *listonosza* все чаще встречается неологизм *doręczyciel* (‘почтальон’), т.к. этот служащий приносит не только письма; см. аналогию в немецком языке *Brieftraeger* > *Zusteller*. Реже встречаем *letnisko*, а чаще *wczas*, откуда *wczasowicz*, *wczasowiczka*, *wczasowisko*, *wczarósowiskowy*, *wczasownictwo*; SJPDoG отмечает эти слова и датирует их периодом после Второй мировой войны. Отметим, что вместе с модернизацией жизни в Польше после Второй мировой войны многие слова вышли из диалектной сферы употребления, примером может служить слово *ciosek* ‘деревянная кочерга для уборки пепла из печи, в которой пекли хлеб’ – теперь мы покупаем хлеб в магазине.

Общие выводы. Очередной раз подтверждается старая истина, что тесный и естественный союз языка и жизни общества всегда проявляется в лексике. Просматривая нарисованную здесь панораму развития польского словаря, нетрудно заметить, что каждый последующий период имеет свое начало в предыдущем и продолжает его достижения, потому что прошлые годы всегда передают будущим основной фонд жизни, а вместе с ним словарный запас и термины. Это продолжение является важным фактором развития словарного богатства. Одновременно развитие знаний и экстралингвистическая действительность являются причиной того, что язык удаляет часть своего лексикона и обогащается за счет новых единиц, качественно более совершенных, отражающих новое состояние, в результате чего, в свою очередь, словарный запас каждого последующего периода становится количественно, качественно и структурно богаче. Его развитию сопутствовало в некоторых областях уменьшение неоправданной первоначальной полилексии.

Оценивая развитие польского словарного состава на протяжении длительного времени, можно отметить, что на начальном этапе развития наиболее стабильной являлась лексика, связанная с религией и правом – двумя основными областями жизни человека. Множество лексем из этих сфер действительности дошли до наших дней. Сохранились также многие слова из области сельского хозяйства, медицины, жизни города, армии. С праславянского времени наиболее стабильной остается лексика, име-

нующая, к примеру, части человеческого тела. В каждом историческом периоде в большой мере развивалась лексика из области хозяйства и производства, техники, технологии и науки, разнообразной практической жизни человека – труда, жилья, одежды, питания, развлечения.

Развитие и изменения на протяжении веков проявляются не только на уровне гипонимии, но также гиперонимии – старые синтетические образования заменяются новыми, например: *sprawa* в XVI в. заменила праслав. *rzecz; żywność – picę, narzędzie – naczynie, palestra* заменила словосочетание *ludzie prawni, przestępstwo – występек, spadkobierca* заменил *sukcesora*; появляются новые слова, например: *legumen*, мн. ч. *legumina* ‘растительность, выращиваемая ради их съедобных семян, таких как горох, бобы, некоторые злаки, из которых готовят кашу’ (с 1573), *słownikarz, leksykograf* (Linde V 325); более новые *nieprawidłowości* ‘разного рода несоответствия в правилах; преступления’, *środki czystości, środki produkcji, świadczenie* ‘пенсия и другая помощь и привилегии’.

Таким вот образом осуществлялся и все еще осуществляется образ польской «нити (пряжи) мысли» («*przędzy myśli*»), беспрестанной развивающейся в течение веков и производящей слова, словосочетания, новые значения, а все только затем, чтобы, как сказал Норвид, «дать вещи нужное слово». Богатство польского словаря – результат выраженных лексически точно разнообразных ассоциаций в момент восприятия при интерпретации мира, – как это отметил Мронговиуш, ссылаясь в предисловии к своему словарю (1835) на примеры: «*pokos, obkos, przekos, zakos, wykos, ukos, niekos*» (с. VIII, сноска внизу). Схожее имело место и раньше: *Nie praktykowaną robocizną (sc. wyciągają): zaorz-odorz, zakoś-odkoś, zażeń-odżeń* 1769 KsRefKor I 149.

Тема «Польская лексика на протяжении веков» – это увлекательное путешествие через панораму истории польского видения и интерпретации картины мира. Объем работы не позволил более подробно остановиться на всех полях и микрополях.

Перевод В. Шетэли и М.А. Пузиной, редакторы С.В. Некрасова, М.О. Новак. Литературу и сокращенные названия см. в конце оригинальной части.

ЛИЛЬЯНА МАКАРИОСКА

Скопье, Македония

Экскурс в историческую лексикологию македонского языка

Историческая лексикология любого языка, и в частности македонского, занимается изучением развития конкретных лексических систем и открывает этапы их становления, а также рассматривает изменение семантики и словарного значения лексических единиц. Одной из отличительных черт македонской средневековой письменности является ее целенаправленное обращение к традиции. Исследование языковых особенностей македонских церковнославянских текстов покрывает многие жанры, что дает возможность осознать языковое богатство македонской церковнославянской словесности. Лексические особенности данных текстов более, нежели грамматические, могут указывать на связь с той или иной редакцией, и результаты анализа лексики выступают одним из доказательств принадлежности рукописи определенному времени и территории. Понимание значимости церковнославянского лексического фонда македонских текстов является основанием для научного подтверждения македонского вклада в развитие средневековой славянской письменности, подтверждением исторической наследственности нашей истории культуры, лексической связи церковнославянского с современным македонским языком, с македонскими диалектами, и единства славянского лексического фонда в историческом плане в целом. Несомненно, важны и контакты между редакциями, межъязыковые влияния: например, вследствие греческого воздействия на развитие лексической системы и ввиду постоянного контакта с византийской культурой, грецизмы представляют составную часть лексики церковнославянских текстов и участвуют в формировании выразительных возможностей славянской языковой системы, в изменении частоты употребления отдельных средств письменного языка, в семантической структуре слов и в способе образования специальных терминов христианской духовной культуры.

Влияние народного языка можно проследить через употребление просторечной лексики уже в записях XII века, но преимущественно начиная с XVI–XVIII: например, в дамаскинах – в сборниках поучений – четко представлено отношение между церковнославянским и народным языком, и разграничивается их употребление; а уже XIX век стал периодом, когда македонская лексика начинает обогащаться за счет самостоятельного внутреннего развития языка. Письменный язык XIX века представляет собой интересный синтез народной и церковнославянской лексики, а также элементов других славянских языков: опираясь на основные направления, заложенные К. Мисирковым, в словарную основу стали проникать слова из диалектов, а язык через это стал богаче и более выразительным.

Итак, обратимся к мыслям, представленным в отдельных работах по исторической лексикологии македонского языка.

1. О лексике в сочинениях Климента и Наума Охридских

Сочинения великих македонских святителей и книжников, известных учеников Кирилла и Мефодия – св. Климента и Наума Охридского в лексическом плане представляют собой неисчерпаемый предмет для лингвистического исследования: особый интерес вызывает лексика гимнографических произведений, авторами которых были средневековые писатели Климент и Наум Охридские, а также их ученики и последователи. С. Поп-Атанасова¹ в своем анализе поэтических произведений, сохранившихся в рукописях македонской, сербской и русской редакции, с разных точек зрения рассматривает более 1900 единиц; она демонстрирует и общеславянский характер лексики этих произведений, и использование слов охридской книжной традиции: алкатн, брань, веланн, гоумьно, женнхъ, жртва, кзынга, тзкзмо, преславской: велнкъ, нспрзва, наслѣдне, погржзнтн, а также моравской письменной традиции (моравизмы): вьсь мнрз, древле, жнвотъ, знаменатн, чловѣчьскъ, недѣжъ, отъпоустъ, цѣсарьствне, напастъ, нзбавтель, молнтвьннкъ, развѣ. Составной частью лексики гимнографических произведений являются также слова семитских языков, прежде всего древнееврейского, что проявляется в славянских рукописях перевода Библии, специфичное содержание которой делает возможным использование подобных заимствований: ефратъ, адамль, евжннъ, алнлоу-на, манна, серафнмъ, хероувнмъ². Греческие заимствования относятся преимущественно к религиозной области: адъ, ангелъ, апостоалъ, апостольство, демоньскъ, днаволъ, термины церковного богослужения: псалмъ, нкосъ, нрмосъ, катавасна, кондакъ, стнхна, охтанкъ, церковные звания и должности: нерен, патрнархъ, абстрактная лексика и лексика из области материальной культуры³. Из древнеболгарских слов зафиксированы: врачъ, вьсоуе, врзтогъ, кроме того, отмечаются и латинизмы: поганьскъ, рака, германизмы: крзстъ, кзнась, мзннхъ, сълъ. В оригинальных поэтических произведениях присутствуют лексические варианты: взыж – прсно, вѣщанне – гласъ, глжбнна – бездзна, красота – лѣпота, лѣща – копне, матежь – мазва, недѣжъ – волѣзнь, печаль – скръьь, роуба – пелена, оупъванне – надежда, обнтѣанще – обнтѣль – жнанще, сзгрѣшенне – прѣгрѣшенне, коньць – коньчнна, токъ – потокъ и др., которые представляют собой характерные особенности уже первых переводных текстов св. Кирилла и Мефодия, а их наличие понимается как следствие диалектных различий, которые проявлялись в разговорном языке славянских народов⁴.

Сравнение лексического фонда трудов Климента и македонских гимнографических церковных текстов указывает на их тесную связь⁵. В трудах Климента выделяется слой лексики, который можно отнести к моравской редакции старославянского языка (например: вьсь мнрз, древле, дрѣвьль, знаменатн, отъпоустъ, цѣсарьствне и т. д.), архаизмы, которые соотносятся с широким македонским ареалом, а их употребление – с Охридской книжной школой (алкатн, брань, веланн, гоумьно, женнхъ, радн и т. д.), а также слой лексики, который связывают с Преславской книжной школой (волѣзнь, велнкъ,

¹ Поп-Атанасова С. Лексиката на македонската црковна поезија. Менора; Скопје, 2002.

² Ibid. С. 148.

³ Ibid. С. 45–49.

⁴ Ibid. С. 56–61, 148.

⁵ Макаријоска Л. Климентовото творештво и лексиката на химнографските текстови од македонска редакција, Реферати на македонските слависти на XIV меѓународен славистички конгрес во Охрид, Скопје, 2008. С. 165–190.

нспрѣва, наслѣдне, печаль, погрѣшнѣн). Важным отличием произведений Климента является большое количество синонимичных образований, однокоренных и разнокоренных: богороднѣльница — богородница — роднѣльница, зарѣне — зарѣ, нстѣльнѣне — тѣльнѣне — тѣль, коньць — коньчнна, моленне — молнѣва — мольба, мракъ — мраченне, отъпоустъ — отъпоушенне, лѣпота — красота, копне — лѣща, крннъ — цѣтъъ, наслѣднѣнкъ — настольнѣнкъ, отъпоустъ — отъпоушенне — оставленне, прѣставленне — оуспенне, рнза — пелена — роуба, чрѣво — жтроба, нстокъ — нсточнѣнкъ — истокъ — источнѣнкъ — кладѣнѣць и т.д.

2. О лексике македонских средневековых текстов

Бесспорным вкладом в церковнославянскую лексикологию является рассмотрение лексики отдельных средневековых рукописей как вклада в лексическое богатство церковнославянской словесности. При анализе лексического фонда выделяется как древний лексический слой, подтвержденный большим количеством текстов, так и слова, которые соответствуют определенным жанрам или памятникам, возникшие под влиянием языковой среды, в которой они имели обращение; кроме того, можно обнаружить специфические особенности лексической системы и определить место отдельных рукописей в корпусе средневековой письменности.

Архаичский лексический слой подтверждает связь рукописей со старой славянской письменной традицией, а слой более новых лексических вариантов отражает особенности речи создателей текстов⁶.

Изучая лексический состав евангельских текстов македонской редакции, Десподова⁷ выделяет: слова – точные аналоги при переводе греческих слов во всех текстах (с единственным, точным значением; их тождественность по всем текстам свидетельствует о совпадениях в книжном языке в течение долгого периода на разных территориях распространения славян); греческие слова, которые в разных текста могут передаваться разными славянскими вариантами, близкими по значению; лексические варианты, которые переводят одно и то же греческое слово. Эти слова в основном не выходят за рамки общеупотребительной лексики в славянских рукописях Евангелия, но есть и исключения, которые составляют индивидуальные особенности рукописей и которые следует рассматривать как более позднюю правку первоначального перевода. Анализ лексики с выделением архаизмов, лексических вариантов, редких слов или слов, ограниченных в употреблении, предоставляет важный материал для изучения истории кирилло-мефодиевского перевода Евангелия, расцвета определенных явлений в период развития церковнославянского лексического фонда и истории македонского языка. В классификации этапов становления старославянского перевода на примере Добромирова Евангелия (*Дбм*) Десподова⁸ (в соответствии с классификацией Льво-

⁶ Выделение лексических архаизмов и неологизмов возможно при обращении к компаративно-историческому, структурно-функциональному и текстологическому методам. Архаизмы и неологизмы определяются путем анализа синонимов или через вариативность в лексической системе, при этом необходимо помнить о происхождении слова, степени употребительности, структуре слова, мотивационных отношениях, продуктивности словообразовательных элементов, возраста и жанровой принадлежности рукописи, в которой фиксируется лексема, а также следует учитывать книжный центр, где она была создана.

⁷ Десподова В. Студии за македонската средновековна лексика. Скопје, 1997. С. 116.

⁸ Десподова В. Лексиката на Добромировото евангелие // Македонистика. 1. Скопје, 1977. С. 5–96.

ва⁹ по хронологической и территориальной принадлежности памятников) выделяет три лексических слоя: первоначальный южнославянский слой (архаизмы); моравизмы; второй южнославянский слой (восточноболгаризмы и македонизмы). Лексические архаизмы не всегда свидетельствуют о древности текста, поэтому необязательно выступают изначальным слоем, в текст могли быть внесены переписчиками более поздние вставки, а рукопись считается тем древнее, чем больше встречается архаических лексических вариантов¹⁰. В тексте Добромирова Евангелия сохранились некоторые архаизмы, но есть и исправления: более старое слово заменяется словом более новым; более старое слово заменяется словом с тем же корнем, но с другим аффиксом; текст славянизируется и заимствованные слова заменяются собственными образованиями. Получается, что Добромирово Евангелие в сравнении с Мариинским (*Мар*) и Зографским (*Зогр*) имеет достаточно много нового¹¹, но лексика по архаическим элементам древнее в сравнении с болгарским Тырновским Евангелием (*Трн*) или с другими македонскими памятниками¹², в которых перевод иностранных слов зашел дальше. Помимо консервативности македонских текстов в сравнении со старославянскими (каноническими), можно выделить еще один редакционный слой – те лексические особенности, которые появляются благодаря поздним переписчикам и которые позволяют идентифицировать их как македонские¹³. Классификация лексических вариантов опирается на учет разных факторов: некоторые варианты объясняются разными греческими источниками, другие основываются на истории конкретного текста и развитии славянского перевода евангелия, стилем, ошибками переписчиков и др. Добромирову Евангелию посвящен второй том под редакцией Р. Угриновой-Скаловской, В. Десподовой¹⁴.

Рибарова¹⁵ указывает на лексические варианты, которые отличают Радомирово Евангелие (*Рад*) от старославянских и македонских Евангелий, она также показывает, как оно соотносится с древнейшими сербскими Рашско-хиландарским и Мокропольским тетрами. Большая часть зафиксированных различий свидетельствует о приверженности Радомирова Евангелия определенной традиции евангельского текста, а его географическая принадлежность пролеживается в области словообразования. Исследовательница приходит к выводу, что в Радомировом Евангелии преобладают общие совпадения с сербскими тетрами, что свидетельствует о связи протографа с македонской языковой территорией. Инновации, которые присутствуют в Радомировом Евангелии, по Угриновой-Скаловской и Рибаровой¹⁶, выражаются через яркую тенденцию к переводам грецизмов – перевод такого количества слов известен только на примере Радомирова Евангелия в сравнении со следующими полными апракосами: Вуканово (*Вук*)

⁹ Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

¹⁰ Десподова В. Лексиката на Добромировото евангелие. С. 28.

¹¹ Мар 7,19 афедронъ Мар Зогр – проходъ Дбм, Мар12,41 газофлаакнѣ Мар – храннаьннѣ Дбм.

¹² Например, Лук 5,21 власфнмнѣ Дбм Мар – хоулы в Трн и в других македонских; оупокрнтн Дбм, Мар лндемѣрн Трн и в других македонских.

¹³ Десподова В. Лексиката на Добромировото евангелие. С. 67.

¹⁴ Угринова-Скаловска Р., Десподова В. Добромирово евангелие, II, кирилски споменик од XII век. Скопје; Прилеп, 1992.

¹⁵ Рибарова З. За некои лексички специфичности на Радомировото евангелие // Зборник во чест на Радмила Угринова-Скаловска по повод седумдесетгодишнината. Скопје, 1997. С. 237–245.

¹⁶ Угринова-Скаловска Р., Рибарова З. Радомирово евангелие. Стари текстови IV. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1988. С. 66–68, 78–79.

и Мстиславово Евангелие (*Мст*), Македонский тетр (*Мкд*), – характерна также замена старых слов более новыми вариантами, изменение семантики и словообразовательные инновации. Большое число исправлений не сохранилось в старославянских памятниках (*Зогр*, *Мар*), в Ассеманиевом Евангелии (*Асем*) и в Саввиной книге (*Сав*). Наблюдается также определенное вытеснение некоторых исправлений, связанных с преславской традицией, а в подтверждение тому, что переписчик адаптировал лексику и изменял места с двойным смыслом, рядом с новым вариантом стоит вариант оригинала¹⁷.

Анализ лексического фонда Карпинского Евангелия¹⁸ (*Крпн*) подразумевает выделение архаизмов, неологизмов, лексических вариантов, которые отличают данную рукопись, а также выявление лексических вариантов, которые связывают ее с русскими полными апракосами, с одной стороны, и с македонскими рукописями, с другой. Таким способом определяется соотношение лексической системы этого евангелия с соответствующими рукописями и указывается близость этого памятника и к каноническим древним четвероевангелиям, и к Добромирову Евангелию начала XII века. Архаичные лексические варианты подтверждаются и глаголическими памятниками: *взлаати сѧ*, *гоумьно*, *шоун*, *отъпоущенне* и т.д. Помимо яркой славянизации текста, выявляются и другие лексические исправления и слова, не встречающиеся более ни в старославянских канонических памятниках, ни в других македонских евангелиях: *смокзвнна*, *съмня*, *сзмзисльнз* и т. д. Частое употребление грецизмов объясняется стремлением соответствовать кирилло-мефодиевской традиции.

В связи с рассмотрением лексики Кратовского Евангелия¹⁹ (*Крат*) считается, что присутствие архаизмов указывает на то, что переписчик опирался на очень древний источник. Лексическая специфика этого памятника в сравнении с другими евангелиями заключается в том, что здесь отмечаются определенные лексические и словообразовательные различия, и часто они последовательны. Одни исправления известны²⁰, а другие не подтверждаются при сравнении с другими памятниками²¹: *кратнстѧ*, *правнтелѧ*, *схрѧннѧ* и т. д.

Согласно мнению Костовской²², лексика Македонского четвероевангелия (*Мкд*) содержит большое число лексических исправлений, характерных для отредактированных евангельских текстов. Параллельно с лексическими исправлениями сохранились и некоторые архаические элементы, свойственные глаголической письменной традиции, а также наблюдается тенденция к переводу грецизмов. При сопоставлении с лексикой Радомирова Евангелия подтверждается факт, что данное четвероевангелие демонстрирует большую близость к текстам полных апракосов. Лексическая специфика рукопи-

¹⁷ Лук 24, 47 *въ всѣхъ странахъ ѿ азъцѣхъ*; Мар 10, 22 *скръба пекын сѧ*; Мар 12, 40 *не вножъ непщеваниннѧ*.

¹⁸ *Десподова В.* (ред.) и др. Карпинско евангелие. Македонски средновековни ракописи. Кн. 4. ИСК-Прилеп, Матица Македонска. Скопје; Прилеп, 1995.

¹⁹ *Макаријоска Л.* Лексичките особености на Кратовското евангелие // XXXI научна конференција на XXXVII меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2005. С. 145–157.

²⁰ Например, *послоуѣхъ* Мат 18, 16 *Крат*; *свѣдѣтель Рад*; *свѣдѣтель* Мат 26, 65 *Крат Рад Јов Мкд*; *свѣдѣтѣльства* Мар 14, 63 *Крат*; *свѣдѣтель Дѣм Крпн*; *свѣдѣтелѣн Мкд*; *послоухъ Рад*.

²¹ *кратнсте* Лук 1,3 *Крат*; *славзны* Мар *Зогр*; *дръжѣвны Дѣм Дѣј Мкд*; *правнтелѧ* Лук 16,1 *Крат*; *прнставьннка Дѣм Дѣј Мкд Мар*; *нконома Рад*, *схрѧннѧ* Мар 14,44 *Крат*; *тврѣдо Дѣм Рад* и др.

²² *Костовска В.* Македонско четвороевангелие. Стари текстови VIII. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2003. С. 50.

си проявляется в использовании слов, не подтвержденных другими каноническими памятниками, например: *подзкрнлне, пръвосзымншьновъ, жродъ, домовладъика* и т. д.

Говоря о лексических особенностях текста Апостола, а именно о Вранешницком²³ (*Вран*) и Карпинском²⁴ (*Карп*) Апостоле, следует отметить характерные инновации: *дѣлѣ, обовун, коумнрѣ, трѣба*, особенно *скопъць, съборъ, съборнше, замоудѣнне, борѣахъ сѧ, вернгъи, прншьльць* – и тем не менее текст связан и с традицией через старые лексемы: *каженнкъ, сънымъ, сънымше, закьсьмѣнне, прѣахъ сѧ, жжа, внталь, жрътва*, – он сохраняет таким образом следы глаголического протографа и пересекается с Охридским Апостолом (*Охр*). Варьирование греческой и славянской лексики в данных памятниках наблюдается в использовании лексических дублетов: когда в одном месте присутствует заимствование, в другом – его славянский эквивалент, в отдельных случаях предпочтение отдается грецизму: *пернтомна – обрѣзанне, впопантн – сзрѣтенне*, или свободному переводу, например: *епнстолаи – боукъвн на лнстѣ напнсани / къннгъи на лнстѣ напнсани / боукъвъно лнствне напнсано / боукъи / къннга / посъланне / прнсыланне / поушѣнне къннгъ / поушѣньна къннга*.

Согласно мнению Благовой и Хауптовой²⁵, Струмицкий Апостол (*Стр*) наиболее близок Охридскому, как по лексике, так и по синтаксису, а в плане текстологических вариантов, в отличие от других апостолов, они совпадают более, чем в 60 случаях (ср. 20 совпадений со Слепчинским апостолом, что составляет только одну треть). Лексические совпадения этих двух апостолов составляют, с одной стороны, архаизмы: *етѣрѣ, спъитн, нзобнловатн* (в отличии от *нзвзтъчьствоватн* в других Апостолах), – а с другой стороны, исправления: *мѣдрость* (в отличии от *прѣмѣдрость* в других текстах), *добротворнтн* и *добросъзтварѣтн* (в отличии от *благодотворнтн*). По мнению Бицевской²⁶, Струмицкий Апостол вне зависимости от своей временной удаленности от первоисточника был мало подвержен позднейшим текстуальным правкам и лучше других сохранил следы греческого оригинала, к тому же переписчик сохранял буквальный перевод, хотя в порядке слов заметны следы влияния разных редакций. *Стр* содержит некоторые лексические особенности, которые не известны другим апостолам: *нданжднтель, мннкъ, опозднтн сѧ* – и другие архаизмы: *сѧть, (о)впостась, акровоустнѧ, пернтомна, ндолослоуженне*²⁷.

В связи с лексикой текста псалтыри следует отметить, что в сравнении с Синайской псалтырью (*Син*) мы видим различное отношение к грецизмам, моравизмам, последовательное и непоследовательное употребление лексических вариантов и т. д., а именно проявляются характерные особенности древних текстов Псалтыри: *Погодинской (Пог)*, *Болонской (Бон)*, *Радомировской (Рдм)*, *Григоровича (Грг)*, а также *Дечанской (Дчи)*. Варьирование наблюдается как в рамках одного текста, так и при сопостав-

²³ Конески Б. Вранешнички апостол. Стари текстови II. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1956.

²⁴ Бицевска К. Лексичките подновувања во Карпинскиот апостол // Македонски јазик. XXXV. Скопје, 1984. С. 373–380.

²⁵ Блахова Е., Хауптова З. Струмички (Македонски) апостол. МАНУ. Скопје, 1990. С. XXXI–XXXIII.

²⁶ Бицевска К. Струмички апостол од XIII век. Акта Велјуса. Скопје, 1984. С. 167–173.

²⁷ Например: *ндеже нѣсть еаннѣ н нуден шбрѣзаннѣ н акровѣстнѣ варварскааго рабѣ н свободоу С3,11 Карп Стр, акровѣстнѣ Слеп, акровѣстнѣна Верк, краевѣрѣзаннѣ Охр, обрѣзанне твоє акровоустнѣ възистъ R2,25 Слеп, акровѣстне Карп, ѣко вѣровано мн естѣ ев<аг>г<е>лне акровоустнѣ ѣкоже петровн пернтомн G2,7 Слеп, шбрѣзаннѣ Карп, н лнхонманне еже естѣ ндолослоуженне С3,5 Охр, ндололатрнѣ Верк Карп.*

лении разных²⁸. В употреблении моравизмов в этих псалтырях мы находим: древле, жнвотъ, напастъ, отрокъ, проснтн, стоуденьць, хрзвьтъ, цѣсарьствне, чловѣчьскъ, Погодинский текст отличается использованием ашоуть, баанн, мзито, Погодинский и Болонский – знаменатн, небесьскъ, проптн, шоун, дро, спзытн. Лексема рѣснота из старославянских рукописей встречается только в Синайской, а моравизм баанн – в Погодинской, в других последовательно употребляется врачъ – как в псалмах, так и в молитвах.

В Псалтыри Григоровича сохраняются некоторые грецизмы (олокавѣтома, лнва, моравизмы (сѣнмъ, налѣщн, банжынн, царьствне), лексические архаизмы, параллельно употребляются и новые лексические варианты, отмечаются также уникальные решения по сравнению с другими древними текстами Псалтыри. Например, здесь, как и в Радомировской псалтыри, можно заметить ограниченное употребление грецизмов и моравизмов, преобладание более новых лексических вариантов или параллельное употребление старого и нового слова, в отдельных случаях выбор определяется по примеру других текстов псалтыри (*Рдм* чаще всего совпадает с *Грг*, *Дчн*)²⁹. В Радомировской псалтыри часто встречаются уникальные варианты лексем (в большинстве случаев *Рдм* отличается в использовании редких слов, вероятно, диалектного происхождения) и большое многообразие в употреблении префиксов в сравнении с другими текстами Псалтыри, а примерно в трети случаев она совпадает с Дечанской, и немного меньше совпадений находим с Погодинской³⁰.

Помимо более новой лексики в Дечанской псалтыри, совпадения с Погодинской и Болонской идут еще от охридского протографа рукописи. Демонстрируя отношения между текстами псалмов и гимнов, Митревский³¹ подчеркивает, что лексика текстов архаична, а редкие слова чаще встречаются в гимнах и в молитвах. Он статистическим способом установил, что Дечанская псалтырь по лексическому материалу ближе всего Радомировской. На характерные различия между Дечанской и Болонской псалтырью, особенно в новой лексике, указывает и Рибарова³², а специфичные словообразовательные и лексические особенности македонских текстов псалтыри в сравнении с Радомировой³³ связываются с изданием текста.

Лексика комментатора текста Псалтыри³⁴ характеризуется большим числом лексических наслоений, обусловленных письменной традицией. Основа словаря коммента-

²⁸ Такие различия при употреблении грецизмов зафиксированы в нескольких примерах. Используется чръница в Пс77,47 в *Син*, *Пог*, ѿгоднчнѣ в *Грг*, наравне с грецизмом снкамнна в *Бон* и *Рдм*. Совпадает употребление въсезъжегаемъ в Пс39,7 в *Син* с *Рдм* и *Грг*, а в Пс65,15 *Грг* и *Дчн* с грецизмом олокавѣтома в Пс65,13 *Грг* совпадает с *Пог*, *Бон* и *Рдм*. *Син* совпадает только с *Дчн* в употреблении западь в Пс77,26, грецизм лнва есть в других текстах. Использование крастьль в Пс104,40 в *Син* совпадает с *Пог*, *Бон*, *Рдм*, *Грг*, а грецизм ортвгоментра отмечается только в *Дчн*. Только в *Син* есть грецизм сканъдаалъ в Пс49,20, Пс68,23, в других проанализированных псалтирях *Пог*, *Бон*, *Рдм*, *Грг*, *Дчн* находим сѣлаазнъ.

²⁹ Макаријоска Л. Григоровичевиот псалтир и архаичната редакција на псалтирниот текст // Кирило-методијевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски (по повод 1150 години од Моравската мисија и од словенската писменост). Скопје, 2014. С. 213–223.

³⁰ Макаријоска Л. Радомиров псалтир. Стари текстови. V. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1997.

³¹ Митревски Љ. Дечански псалтир. Македонски средновековни ракописи. Кн. 5. Прилеп, 2000. С. 224.

³² Рибарова З. Дечанскиот псалтир во споредба со Болонскиот // Климент Охридски и улогата на Охридската книжевна школа во развитокот на словенската просвета. МАНУ. Скопје, 1989. С. 143–150.

³³ Макаријоска Л. Радомиров псалтир. Стари текстови. V.

³⁴ Цубалевска М., Макаријоска Л. Лексиката на коментарот кон Погодиновиот псалтир. Посебни издања. Кн. 76. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2013.

тора архаична, отмечается частое употребление старых лексических вариантов, характерных для памятников Охридской книжной школы, широкое использование греческой лексики, а также и определенные словообразовательные тенденции, характерные для македонских текстов, использование малоизвестных грецизмов, например: *zmvpъ-на, касна, стактъ, усопъ, аспнда, васнанскъ, ортугомнтра, скорпна, кротафъ, метафрена*. Моравский лексический слой в комментарии прослеживается в употреблении отдельных словообразовательных моделей и в семантике следующих слов: *варнтн, вельмн, вѣсто, гобъсоватн, гонестн, прадревле, жнвотъ, заклепъ, замоуднтн, зъловольнъ, нзвѣстъ, нсконн, неприаънннъ, паланца, поганъ, раунтн, собота, сънмъ, оутѣштель*. Встречаются и охридизмы: *врѣтѣпъ, взнѣ, грастн, жнвотъ, жнтне, нсконн, нстнннъ, насѣдне, насѣдованне, насѣдыннкъ, область, пзѣтатн, прѣмнлостнвъ, сапогъ, скрѣзь, скѣдѣльннкъ, свѣдѣтель, сънмнше, шоун, ѡро, ѡдро, ѡдѣ и т. д.*, – реже и преславские варианты: *багроватн сѡ, вратарьннца, вратьннкъ, дѣлѣ, жнзнь, нспрѣва, обоуца, печаль, пещера, порода, послоухъ, послоушьствоватн, постнтн, прнчѣстне, прнчѣстьннкъ, раздѣратн, распатн, скоро, сѣборнше, трѣботворенне и др.*, а также лексемы, отражающие влияние диалектной среды.

Анализ лексического фонда Хлудовского (Лобковского) паримейника (*Лобк*), проведенный Миовским³⁵, охватывает лексический слой семитского происхождения с преобладанием ономастических единиц, греческого происхождения с апеллятивными единицами, и слои, отражающие другие влияния (латинское, франко-германское, древнеболгарское). Особое внимание уделяется лексическому слою славянского ареала³⁶. Семантический анализ состава лексики Паримейника включает – лексические единицы, связанные с семьей и близкородственными отношениями: *домачѣдьць, женнхъ, отрокъ, юноша, дѣшн и др.*, частями человеческого тела: *ланнта, лоно, оудъ, шоунца и др.*, разнообразный инвентарь (бытовые приборы, одежда): *кадно, врѣтнше, ложе, клобоукъ, гаща, гоньва и др.*, лексические единицы терминологического плана (орудия) и из области питания: *зелне, лон, квасъ, мѣжа, опрѣснъкъ, пнво и т. д.*, лексика сферы флоры и фауны: *дѣжь, кѣпнна, лоъа, лѣторасъ, пѣва, осанца, юньць, волъ*, лексические единицы для обозначения деятелей, лексические единицы, относящиеся к сфере обряда и т. д. Для Хлудовского паримейника, также как и для остальных церковнославянских памятников, характерно присутствие лексических дублетов, вариантов и синонимов. Этот паримейник выделяется не только благодаря своему богатому лексическому составу, но и по причине большого числа редких слов, употребление которых не зафиксировано в других македонских церковнославянских текстах³⁷.

При рассмотрении паримейника Григоровича (*Григ*) выделяются следующие варианты: *безаконне – грѣхъ, безгрѣшьнъ – без грѣха, благостъинн – благодсть, владѣика – господь, всѣмогъин – всѣдръжнтель, всь мнрѣ – мнрѣ, вѣдѣтн – знатн, застѣпннкъ – заштнннкъ, нзвѣствоватн – нзвѣстнтн, нзатн – нзбавнтн, надѣятн сѡ – оупзватн, отъдатн – отъпоустнтн, пропннатн – распатн, сѣпаснтель – сѣпасъ, ѡвнтн сѡ – просвь-*

³⁵ Миовски М. Хлудов паримейник – лингвистичка анализа. Метаморфоза. Скопје, 1996. С. 161–199.

³⁶ Ibid. С. 175–182.

³⁷ Миовски М. Лексиката на македонските паримейници наспрема старословенскиот лексички фонд // Реферати на македонските слависти на XII Меѓународен славистички конгрес. Прилози на МАНУ, 22, 1–2. Скопје, 1997. С. 123–132.

тѣтн сѧ, просвѣтнтн сѧ и др.; Рибарова³⁸ также обращает внимание на лексику литургических произведений: тропарей, стихи псалмов и указания типикона. Лексика тропарей охватывает большое число христианских терминов, связанных с новозаветной тематикой, и относительно большое количество лексем, встречающихся в тропарях, не известных паримейному тексту: *вѣзгрѣшьнѣ, бесзмрѣтънѣ, благоутѣраднѣ, благостннѣ, богатьно, вѣмѣстнтн сѧ, жнзнодавѣцѣ, застѣпннкѣ, заштнннкѣ, нѣзбавтель, краткѣ, крѣстнтн, крѣстѣ, мнлосрѣдне, мнлосрѣдѣ, мнлгогрѣшьнѣ, нѣзгтне, нѣвѣстнмѣ, непостоянѣ, прѣпѣтѣ, сѣставѣ, трончѣскѣ, трѣсѣатѣ, ѹловѣколюбно*; в паримиях представлено большое число лексем с единичными переводами. Варианты, отмеченные в стихах псалмов, часто имеют параллели в древних псалтырях, сохраняя тем старые связи – они лучше всего представлены в Синайской (Бычковской) Псалтыри XI века, большой процент совпадений наблюдается с Дечанской, Радомировской Псалтырью, меньше – с Погодинской.

Лексическая система Триоди, помимо того что подтверждает наличие общего древнего лексического слоя кирилло-мефодиевского наследия, благодаря использованию новой лексики указывает на специфические лексические особенности македонской редакции. В целом Триоди, как с точки зрения лексики, так и с точки зрения стилистических и выразительных средств, отличаются от других библейских текстов. Наряду с архаическим слоем, который их связывает с древней славянской письменной традицией, появляются и лексические инновации, являющиеся отражением родного говора автора или находящие подтверждение во многих южнославянских триодах. Наличие греческих заимствований зависит от состояния других библейских и литургических текстов, а определенная часть и вовсе была вытеснена славянскими эквивалентами или осталась вместе с ними. Црвенковска³⁹ рассматривает стилистические особенности триоди как гимнографической формы: синонимические средства, использовавшиеся для большей выразительности, употребление антонимов, частое обращение к фразеологическим выражениям, тавтологические высказывания, эпитеты и метафоры, преобладание определенных словообразовательных моделей и т. д. – в Загребской (*Заг*), Орбельской (*Орб*), Хлудовской (*Хлуд*) и Шафариковской триоди (*Шаф*). В этих триодах зафиксированы грецизмы: *адѣ, амннѣ, ангелѣ, апостолѣ, архангелѣ, геонѣ, днѣволѣ, едемѣ, ересь, еретнкѣ, ндолѣ, нкосѣ, нромосѣ, канонѣ, кнвотѣ, кондакѣ, манна, мѣннхѣ, муро, органѣ, паска, прокнменѣ, серафнмѣ, скнннн/скнннѧ, скнптрѣ, стнхѣ, тропарѣ* и др.; есть случаи и параллельного использования грецизмов наряду со славянским эквивалентом, а иногда и с несколькими одновременно: *катапетазма – завѣса – запона – опона, ароматѣ – вонѣ, кнвотѣ – ковѣчѣгѣ, лабанда – свѣща, олѣн – масло, порѣфѣра – багѣрѣннѣ*. Часто наблюдается тенденция, когда в одном тексте используется грецизм, а в другом на этом же месте – славянский эквивалент⁴⁰. Лексика триоди

³⁸ Рибарова З. Палеословенистички студии. Посебни издања. Кн. 63. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2009; Рибарова З. Григоровичев паримејник. II. Лексика. Index verborum. МАНУ. Скопје, 2014. С. 41–48.

³⁹ Црвенковска Е. Загребски триод. Стари текстови. Кн. VII. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1999. С. 51–60; *eadem*. Јазикот и стилот на триодот. Менора; Скопје, 2006. С. 61–94.

⁴⁰ Црвенковска Е. Јазикот и стилот. С. 178. Например, вместо грецизма *акротѣмѣ* в *Заг* и в *Шаф*, в *Орб* мы видим славянскую форму *несѣкомѣ*, в *Орб* чаще используется лексема *ковѣчѣгѣ*, чем греческая форма *кнвотѣ*, хотя не исключается и употребление *кнвотѣ*, в *Орб* встречается *муро* и *масло* вместо *хрѣзма* (*крѣзма*)

содержит много архаических черт⁴¹, это говорит о том, что первый перевод триоди был осуществлен очень рано – наличие моравизмов свидетельствует о связи с первоначальным моравским ареалом, а охридизмы подтверждают древность. К охридскому лексическому слою, который отражен в древнейших памятниках канонических рукописей, переписанных в Охридской книжной школе, относятся: *взѣа, взлаатн сѣ, гѣгѣннѣз, женнхъ, кѣзнь, лобѣзатн, пастѣрь, печаль, сѣзмнше* и др.

В разделе описания лексики Битолской триоди (*Бит*) Поп-Атанасова⁴² обращается к архаизмам и лексическим инновациям, связанных с преславской традицией, к грецизмам, преимущественно церковно-религиозного характера, и т.п.: *кнвотъ, порода, продромъ, скннна, астрономъ, телонъ*, к моравизмам: *рѣснь, раунтель, рауенне, отъпоустъ, недѣгъ, непръназь, древле* и к отдельным редким словам: *брашьньскъ, вѣчьствънь, въсезавѣтънь, дѣвонедѣльнь, зѣлославънь, крнчаньно, лоучьство, ошеръ, поуостолюбънь, сѣновъскъ*, – уделяется внимание также лексическим вариантам и словообразовательным особенностям, особенно это касается сложных слов. Подчеркивается, что предпочтение в тексте отдается более древним вариантам: *внноградъ, воннъ, рнза*, – а использование новых зафиксировано в следующих случаях: *алкатн – постнтн, взнѣ – прнсно, грастн – нтн, коньнна – коньць, ложе – одръ*. Лексемы диалектного происхождения отражены преимущественно в записях: *анстѣкъ, прѣсоль, мръзмнѣтн, маѣунца*.

Помимо архаического слоя, в Загребской триоди проявляются и лексические инновации, или являющиеся отражением родного говора автора, или имеющими подтверждения в других южнославянских триодах⁴³. Обращаясь к лексике Орбельской триоди, Црвенковска и Макариоска⁴⁴ указывают на использование архаизмов, что сближает этот памятник с каноническими рукописями или манускриптами Охридской книжной школы: *взѣа, взлаатн сѣ, гѣгѣннѣз, кѣзнь, лобѣзатн, печаль, ѣрьтогъ*, – через грецизмы *архнстратнгъ, днаконъ, нерен, коустодна*, характерные и для других церковнославянских текстов, литургические грецизмы в частях устава: *антнфонъ, нромосъ, катнзма, антоургна, стнхологнсатн, трнодъ* и др., а также параллельное употребление наряду со славянским эквивалентом или иногда с несколькими: *катапетазма – завѣса – запона – опона, телонъ – мѣитарь – мѣтѣемьць, впостась – анце – сѣшьство – ешьство – вещь – вещьство – свонство – сѣставъ, ароматъ – вонѣ, кнвотъ – ковѣчегъ, олен – масло*. И в этой триоди встречаются древнеболгарские заимствования: *бнсьръ, боляръ, капнще, ковѣчегъ, коумнрь, санъ, взоуе, ѣрьтогъ*, образования с суффиксом *-чнн*: *крѣзмъчнн, кѣннгъчнн*, – а также новый лексический слой: *еднннменнтн, едннннчѣанне, зѣоушнтн, калъ, небрѣшн, прнжнтне, сѣборъ*, – и лексические варианты: *врачь – нсѣѣантель, доблестъ – добродѣтель, одежда – одѣяанне, дверь – врата*. В частях церковного

в *Заг* и *олѣн/елен* в *Шаф*. Помимо форм *мѣитарь* в *Орб* и *мѣтоньць* в *Заг* и *реже* в *Орб*, в *Шаф* часто используется *телонъ*, в *Орб* отдается предпочтение славянской форме *стѣкѣннца* в противоположность *алавастръ* в *Заг* и в *Шаф*, подобно как и уже приведенная форма *море* вместо *помѣтъ* в *Заг* и в *Хлуд*. Греческая форма *псалмъ* сохраняется в *Заг*, а в *Орб* переводится как *пѣсьн*.

⁴¹ в отличие от нововведений *моуднтн – къснтн, овластнѣ – властнѣ, сѣзмнца сѣзмнше*, что часто зависит от редакторской правки в поздних переписях.

⁴² Поп-Атанасова С. Лингвистичка анализа на Битолскиот триод. Посебни издаѣија. Кн. 23. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1995. С. 55–76.

⁴³ Црвенковска Е. Загребски триод. С. 51–60.

⁴⁴ Црвенковска Е., Макаријоска Л. Орбелски триод. Стари текстови. Кн. X. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2010. С. 51–65.

устава в местах, где не предусмотрено строгих канонических правил, используется специфическая лексика: помимо литургических терминов, отмечаются случаи употребления народной лексики говора переписчика: юхо, сланнтковъз, слнва, кроуша, варнво.

Присутствие архаического слоя в триоди Шафарика⁴⁵ зафиксировано в использовании таких слов как: *взна, възлаатн см, гѣгъннвз, жалне, женнхъз, жазды, кзызнь, лобзатн, пастырь, печаль, сатъ*, примеры исправлений: *заоуштн, заоушенне, калъ, небръщн, одежда, прнжнтне, съборъз, съборнше, дѣлъ* и др. Грецизмы преставлены прежде всего в сфере церковной терминологии и покрывают большую часть абстрактной лексики. Помимо грецизмов в параллельном употреблении со славянскими эквивалентами встречаются моравизмы: *банжннн, въсь мнръ, вельмн, въсемогън, гобъзоватн, древле, жнвотъ, заклепъз, знаменатн, моуднтн, намѣстне, недѣгъз, область, отъпоустъз, стоуденьць, цѣсарьствне, древнеболгарские заимствования: бнсьръз, възсоуе, коумнръ, печать, санъз, ѳрътогъз, крѣзмъчнн, кзыннъчнн*, используется ряд лексических вариантов: *алкатн — постнтн, болѣзнь — недѣгъз, велнн — велнкъз, воннъз — орѣжннкъз, врачъ — цѣлнтель, възсоуе — безоума — ашоутъ, взнжъ — прнсно, нъврачеватн — оуврачеватн — нсцѣлнтн (сѣ), доблестъ — добродѣтель, жнвотъ — жнзнь — жнтне, нсконн — нспръва, нскръннн — банжннн, кладъсь — нсточннкъз, одежда — одѣянне, дверь — врата* и др., редкие слова, некоторые из которых подтверждены более древними каноническими текстами: *безмасльнъз, добровонѣнне, доброзаконне, доброланствънъз, свнзданне, зълокызыннъз, неосаъаньно, сластолюбнвз, оудебѣтнне* и др.

Лексику Станиславова пролога Трайкова⁴⁶ изучает в первую очередь через семантику путем анализа основных семантических групп с внутренним подразделением на подгруппы. Лексика рассматривается с точки зрения происхождения (славянизмы, грецизмы, латинизмы, германизмы, семитизмы, древнеболгарские заимствования), а также в ареалогическом и хронологическом аспектах, отмечается использование лексических вариантов и редких слов. Лексика данного пролога имеет многоуровневую структуру: помимо архаического слоя, который включает моравизмы отдельных житий, используется лексика, связанная с лексическими нормами Охридской и Преславской традиции, встречаются также инновации, связанные с македонским окружением: *ковачъ, тетъзка, црѣвенъз*. К новому слою относятся сербизмы, т.е. слова, связанные с периодом русского влияния в истории пролога (например, *глазатъ, пѣтъннца*), и таким образом проявляются точки пересечения с сербской и русской письменностью. Редко встречаются новые феминитивы (*хрнстнѣнъзка, хрнстнѣннца, фнлософнца, жьрнца*) и ряд других лексических и словообразовательных вариантов.

В октоихах македонской редакции до XIV века преобладают более ранние лексические варианты: грецизмы (*демонъз, ересь, мана, ортодоксъ, паркнтъз, порода, патнко-старь, ексапоснарь, нромосъ, ехндьна, соударь, моуснкнн, тумпанъз, драгъзма*), лексемы моравского происхождения (*балованне, гѣгъннвз, небесьскъз, недѣгъз, непнрънъзнь, окрочнтн*). Например, при наличии выбора: *брань — рать, взна — шня, тьма — несъвѣда, шоун — лѣвъз, ѣза — оковъз* — предпочтение отдается ранним вариантам: *брань, взна, тьма, шоун, ѣза*, в то время как при выборе: *ашоутъ — спзйтн — безоума, непъщеватн — мьнѣтн, понѣвнца — плащаннца* — новым лексемам: *безоума, мьнѣтн, плащаннца*. В ок-

⁴⁵ Макаријоска Л., Црвенковска Е. Шафариков триод – лингвистичка анализа. Скопје, 2012. С. 72–79.

⁴⁶ Трајкова К. Лексиката на Станиславовиот пролог. Посебни изданија. Кн. 34. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2002.

тоихах встречаются лексемы, не зафиксированные в других македонских средневековых текстах: анґелообразно, блнстѡносьць, богобзѣтне, богобзѣтне, глґбѡстѡяньнз, законстрадатн, нскореннѣльннца, красьнооблнчнѣ, мрачѣство, свѣтоземьнз, сзторнчѣство-ватн, царѣстводавѣць⁴⁷.

Лексика катехизисов очень интересна и разнопланова, большое количество слов не зафиксировано в лексикографии. Среди заимствований существенный объем, помимо латинизмов и семитизмов, занимают грецизмы (термины христианской идеологии и организации, многочисленные должности священнослужителей), параллельно встречаются кальки или описательные именованья, наряду с переведенными и адаптированными словами, что служит усилением выразительности высказывания, т.е. является осознанным выбором и тенденцией к варьированию⁴⁸. В фонде славянской лексики (связанной с семьей и близкородственными отношениями, частями человеческого тела, пищей, флорой и фауной и др.) большое число архаических черт приводит к мысли, что первоисточником мог служить самый ранний из всех список. Особое внимание уделяется моравским и западно-европейским элементам⁴⁹: коупетра, възсѣдз, стьлѣзз, рабз божнн, трѣба — трѣбзи творнтн, тажѣ, тажнтн, пьрѣ, непрнѣзнз, рачнтн и мѣдлѡсть.

С точки зрения лексической системы и переводческой практики Лесновский паренесис демонстрирует приверженность традиции, с одной стороны, и специфичные эволюционные особенности, с другой. Так же здесь проявляются многочисленные черты, которые отделяют Охридскую от Преславской книжной школы⁵⁰. Зарегистрировано большое количество лексических дублетов, из которых первый связывается с охридской традицией, другой — с преславской: аромать — вонѣ, варз — знѡн, катапетазма — запѡна, коньчнна — коньць, кзѣнґа — пнсанне, ложе — одрз, любѡдѣнца — блґдѣннца, постз — алканне. Слова единичного или редкого употребления в церковнославянских текстах могут представлять собой личные решения переписчика и восприниматься как индивидуальные особенности рукописи или как диалектные особенности. Они являются частым явлением в небиблейских текстах, например, в Лесновском паренесисе⁵¹: сочѣба, сзподѡвннца, сжѣдство, нзѡбнльство, коумнрѣство, непокорѣство, ѡрзварѣ, постѣнтель, походз, ѡудавленнна, мзмногпнтне, нѣтъщеславьно, новѡсажѣньнз, наѡмло-стадѣннкз, ожестѡсрдѣнтн, соуровоѡдѣць, славолюбѣць, стоудѡлюбѣне, подѣнґодавѣць.

Из охридского лексического слоя, который отражен в самых ранних текстах канонических рукописей, переписанных в Охридской книжной школе, в минеях зафиксировано: взнѣ, глґгзннѣз, етерз, женнкз, кззнз, пастзѣрь, печѣаль, ѡрѣтогз, блѡгодѣть, бранѣ, велнн, врзтзпз, врзтзпа, взнѣж, грѣстн, жнвѡтз, жнтне, нсконн, нстннннз, наслѣдне, наслѣдованне, наслѣдѣннкз, областѣ, прѣмьнлѡстнѣз, радн, рѣн, скрзбѣ, скжѣдѣльннкз, свѣдѣтель,

⁴⁷ Поп-Атанасов Ѓ. Октоихот во македонската книжевна традиција. Институт за македонска литература. Скопје, 2000. С. 137–155.

⁴⁸ Илиевска К. Мазуринска крмчија. Стари текстови. Кн. VI. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1999; *eadem*. Законз соуднзн людьмз. МАНУ. Скопје, 2004.

⁴⁹ Там же. С. 283–302.

⁵⁰ Как известно, Охридской школе присуща приверженность моравской традиции, большая консервативность, многочисленные архаизмы и сохранение грецизмов, а для Преславской школы характерна тенденция к калькированию греческой словообразовательной системы и перевод грецизмов.

⁵¹ Макаријоска Л. За Лесновскиот паренесис од аспект на преведувачката постапка // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 413–427.

свѣдѣтельствватн, сзньмнще, храмъ, шоун, ярость, яро и др. М. Цубалевска⁵² обращается к лексическим особенностям Ватошской минеи: в гимнографической части отмечают инновации, а иногда – употребление архаической лексики. Большую часть нововведений представляет книжная лексика, связанная с природой гимнографического текста, где предполагается использование большого числа стилистических фигур с целью удовлетворения формальных эстетических требований. Встречается частое употребление редких слов, сложных слов, новых суффиксальных и префиксальных образований. Паримийные чтения отличаются многочисленными вкраплениями, среди которых можно встретить и редкие слова, для прологов характерна бытовая лексика, а для текста типикона – многочисленные греческие и славянские термины, специальная лексика, относящаяся к каким-либо предметам, действиям и др., которые связаны с церковной службой. Употребляются грецизмы, связанные с богослужением, встречаются редкие лексемы, а также новообразования, отражающие влияние народного языка. При анализе лексических особенностей Миней 936 Митревский⁵³ выделяет архаизмы и заимствования, т.е. грецизмы: кедръ, кнтъ, порфура, серафимъ и др., моравизмы: древлє, напастъ (и напастьнъ, напастованъ), недѣгъ, пастырь, раунтель, сзньмнще, а также германизмы; особое внимание уделяется редким словам: законъдѣць, злолютьнъ, коумнробѣсне, многобољънъ, многопаетеньнъ, новогражданство, огнедѣжновенъ, познаменакъ, рождѣствоносънъ, хрѣстосокрасънъ, свѣрообразне.

В связи с лексикой Крнинского дамаскина Илиевски⁵⁴ считает, что в памятник проникло много элементов народной речи, и в тексте предпринимаются попытки найти соответствующие синонимы: нарече – нменуеуть – зоветь, поноуждае – наснлоуе – потезае, загражденне – затворенне, скажет – глаголет, оубоуше се – оужасоше се, домовъз – коуке, оубъз – закла – оусече. В большинстве случаев создаются кальки с греческих сложных слов: муротажельннца. Можно встретить большое количество типичных народных слов славянского происхождения или заимствованных из соседних языков, но уже адаптированных в народной речи: врга, бртва, гоумно, каца, котель, ластарь, падарь, перннца, половннкъ, портарь, скоупость, трапъ, самарь, тоувла, фоурка, фоута, фоустанъ.

Nomina instrumenti в македонских церковнославянских текстах – предмет лексико-семантического и словообразовательного анализа Трайкова⁵⁵. Речь идет об анализе лексико-семантических полей и характерных особенностей категории nomina instrumenti в текстах с XII до XVI вв. в различных жанрах (библейских и небиблейских), эксцептированных для «Словаря церковнославянского языка македонской редакции». В рамках лексико-семантических полей представлены: орудия труда; инструменты; посуда; расходный материал; оружие; музыкальные инструменты; средства передвижения, бытовые предметы; одежда и обувь; деньги и письменные принадлеж-

⁵² Цубалевска М. Ваташкиот минеј (со посебен осврт врз лексиката). Посебни изданија. Кн. 60. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2009. С. 105–170.

⁵³ Митревски Љ. Минеј бр. 936. Стари текстови. Кн. IX. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2010. С. 53–61.

⁵⁴ Илиевски П. Крнински дамаскин. Стари текстови. Кн. IV. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1972. С. 178–181.

⁵⁵ Трајкова К. Nomina instrumenti во македонските црковнословенски текстови. Посебни изданија на Институтот за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Кн. 57. Скопје, 2008. 128 стр.

ности и т. д. Указывается многозначность слов, синонимия и словообразовательная вариантность, приводятся также переносные или образные значения. В основном, это лексика праславянского происхождения, но встречаются также заимствования, например, грецизмы, латинизмы, протобългаризмы и т.п., более всего выражено греческое влияние.

Работа «Лексика материальной культуры в македонских церковнославянских текстах»⁵⁶, в качестве основы для которой выступила база жанрово разнообразных средневековых памятников, полна иллюстративного материала из области материальной культуры, который можно подразделить на следующие темы: архитектура; поселения и их части (водоснабжение, ирригация, мельницы); строительные материалы; места жительства и строительные объекты для разных целей и их составные части; храмовая архитектура (церкви, монастыри и их части); бытовые предметы, посуда и предметы религиозного культа; хозяйская, трудовая деятельность (земледелие, скотоводство, ремесло, бортничество, охота и рыболовство); земледельческие орудия, инструменты и средства труда; торговля и обмен (меры, монеты); пастбища; транспорт; еда и напитки; одежда, ткань, обувь, украшения; музыка, искусство; письменность и просвещение; обряды и обычаи; оружие, орудия пытки.

Например, при наименовании жилища, объектов, их частей и т.п. представлены преимущественно следующие лексические слои – праславянский (общеславянский): градъ, вртъ, жнлнше, внтаалнше, домъ, храмъ, храмна, кровъ, кѣща, позорнше, банѣ, стрѣха и др., некоторое количество грецизмов: пнръгъ, темель, варнсь, пернволь, канванъ, камара, коустодна, соуалнаръ, стерна, преторъ, нподромъ, керамнда, пнннзта, тоува, поръта, скала, германизмов или латинизмов: кѣжа, кѣжнца, кѣза, кѣжнна, полата, – и заимствований персидского происхождения: шатъръ, ѳрътогъ. Для этой семантической группы характерно присутствие большого числа синонимических рядов: тръгъ – тръговнше – тръжнше, снагога – съборъ – съборнше – сънымъ – сънымнше, градъ – стѣна – крѣпость, пнръгъ – коула, всь – село – селнше, стѣнь – шатъръ, домъ – храмъ – храмна – кѣща, кѣжа – кѣжнца – кѣза – кѣжнна, сѣднльннца – сѣднлнше – преторъ, тьмьннца – ѣжнлнше – ѣжьннца, възходьннца – възодьннца – горьннца, гостнльннца – гостнннца – гостнньннца, кѣпѣль – кѣпѣльннца – банѣ – нстерна, ложьннца – ложесьннца – лѣгалъннца, позоръ – позорнше – позрачнше – зрѣлнше, внопродавьннца – внопродавьнн храмъ, дверь – врата, поръта – врата, прозорьць – окъно, лѣствнца – скала, прагъ – подъбон.

Для каждой лексической единицы приводятся контексты из источников, греческие параллели, семантическое значение, этимология слова – на основе существующих этимологических словарей, представленности лексемы в «Словаре македонского языка» и в македонских диалектах. Для фиксации отдельных слов предлагаются лексемы из старославянских (канонических) рукописей, зафиксированные во многих словарях старославянского языка. Делается вывод, что лексический фонд связан с древнейшим слоем материальной культуры местного славянского населения, при этом у отдельных лексем наблюдается четкое употребление, а другие встречаются в многочисленных вариантах. Прослеживается синонимия, характерная для всех семантических групп, с

⁵⁶ Макаријоска Л. Лексиката на материјалната култура во македонските црковнословенски текстови. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2003. 451 с.

помощью многочисленных примеров фиксируется также словообразовательная вариативность. С хронологической точки зрения можно видеть нововведения по сравнению с архаическим пластом лексики и грецизмами в определенных семантических областях. Сопоставление с македонской диалектной лексикой подтверждает предположение, что большая часть лексических единиц в своем основном значении встречается на всей территории этнической Македонии, новые же значения или семантика, характерная для церковнославянских текстов, отмечаются как второстепенные.

Лексический фонд, относящийся к сфере медицины, который представлен в исторических произведениях, в библейских и небиблейских текстах, сборниках, кодексах, травниках, записях и т.п., представлен в работе «Лексика по истории медицины»⁵⁷. Здесь рассмотрены названия частей человеческого тела, входящие в основной лексический фонд (т.е. лексика общеславянского и праславянского происхождения): глава, тема, мозгъ, брада, уста, зъбъ, око, зѣннца, оуво, шна, гръло, грътань, гръбъ, ребро, сръдъце, чрѣво, слѣзена, ногъть, рамо, лакътъ, глезънь, пата, кожа, кость, крзвъ, их семантическое значение в историческом и синхроническом плане сохраняется. Обзор рассматривает и зафиксированные названия кожных заболеваний: сврзбъ, проказа, прокаженне, краста, аншан, маасъазъ, прнць, гноевнца, чнрзъ, заразных болезней: богнине, козница, жазтаа болѣзнь, жазтѣннца, жазтнна, глазных болезней: оунболь, оуболь, гоурель, бѣльмо на очню, павлака, ушных болезней: оушна болеть, нежнтъ, желудочных: грнзенне въ стомахоу, вѣтръ оу стомахоу, блоуванне, теченне здола, теченне веланко и т.д., простуды и т.п.: настннька, стоудъ, настоудъ, кашанца, задоусъ, топлота, вроукнна, горѣнне, веланкъ огнъ, грозница, огница, жегавнца, трасавнца, душевных болезней и т.п.: бѣсз, бѣсзи нмѣтн, веланкаа болѣть, падатн Ѡ бѣса, падатн на мѣсаць, на новъ мѣсаць падатн. Помимо наименования заболеваний, значительную часть представляют слова, обозначающие здоровье и выздоровление: врачеватн, нзврачеватн, врачевство-ватн, врачство подаватн, врачеванне, врачевство, врачѣба, врачѣбънъ, врачѣвнъ, врачѣвскъ, врачѣвскъ, врачѣвскы, нсцѣлеватн, нсцѣлнтн, нсцѣлѣватн, нсцѣлѣтн, нсцѣленне, лекарства растительного происхождения: ангелнка, боэль, бослекъ, магданосъ, маточнна, мента, пелннъ и т. д. Отмечается широкое разнообразие медицинских названий и соответствующих синонимичных названий: бѣльмо — павлака, жазтнна — жазтѣннца — жазтаа болѣзнь — нктеръ, проказа — прокаженне — лепра, стоудъ — настоудъ — настннька, топлота — вроукнна — горѣнне, огневнца — жегавнца.

В работе «Македонская лексика сквозь века»⁵⁸ содержится много лексикологических подборок. Обширный материал распределяется по нескольким семантическим полям, например, в метрологической терминологии в церковнославянских текстах представлены следующие названия мер длины, объема и веса: заметь, зевьгарь, коматъ, плоугъ, погонъ, статъ, стаъпъ, вѣдро, гръне, грънць, чаша, лоукъно, полоукъннца, боучоукъ, чѣбрь, коутелъ, шннкъ, осмакъ, талантъ, антра, драмъ, кнло, ока; меры времени: часъ, лѣто, вѣкъ, днь, ночь, полоуношне, полоуношь, вѣчера, некнн, мѣсаць, недѣлѣ, годнше, ннднтъ, ннднтко, среди наименований монет приводятся названия мелких денежных единиц: асарнн, аспра, цѣта, лепта, кодрантъ, пѣнъсь, мѣдъннца, мѣдъ, мѣра, грошь, пара, а также серебряных: драгъма, грнвъна, моннсто, дндрагъма, дннаръ, дннарнн,

⁵⁷ Макаријоска Л. Лексиката од областа на историјата на медицината. Посебни изданија. Кн. 70. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2011. 426 стр.

⁵⁸ Макаријоска Л., Павлеска-Георгиевска Б. Македонската лексика низ вековите. Скопје, 2013. С. 437.

денарь, сребро, сребрьникъ, сребрьница, золотых: златнкъ, златнца, златынкъ, перпнра, статнрз, талантз, наполеонз, медждна и медных: лепта, мѣдннца, мѣдъ. Показано богатство лексических вариантов и синонимия в средневековых текстах, например, относящаяся к номинации небесных тел и природных явлений: потопз — упохуснсь, аерз — вьздохъ, лоуна — мѣсць, мракъ — тьма — прнмракъ — шмракъ, ветрз — хладъ, тжча — дждь, громъ — градъ, к географической терминологии: бездзна — пропасть — глбнна, врзтпз — пещера, долъ — дьбрь — ѿдолъ — доупнна, дрмзга — дѣбрава — лѣсъ — лжъ, доупнна — пропасть — оустне — ѿдолъ и др., к военной терминологии: вернга — ѿза — ѿже, трзгорз — ражнъ, брань — рать — съъ, воннъ — ратынкъ, соунца — копне и т.п. Лексический фонд состоит, в основном, из славянской и народной лексики, а также включает заимствования (гречизмы и латинизмы), есть множество сложных образований, особенно с переносным значением. Если говорить о лексике записей, то помимо основного лексического слоя, можно выделить употребление лексем турецкого или греческого происхождения (в зависимости от времени составления записи). В более поздних версиях встречается больше слов народного языка.

3. О лексике македонского языка в XIX веке

С точки зрения лексики интерес представляют тексты религиозно-морализаторской направленности Иоакима Крчовского, изданные в 20-х годах XIX в.⁵⁹ В них противопоставляются два основных лексических слоя: слой традиционного письменного языка, т.е. церковнославянская лексика, и слой народного языка. Церковнославянские лексемы представлены в цитатах более старых памятников, в выражениях, проповедях и отрывках религиозного содержания. Часто Крчовский начинает конструкцию на народном языке, а завершает на церковнославянском и наоборот: *деву призвајте, та да имате берекет у нивите ваши; секаде себе да се ограждаме крестним знамением*⁶⁰ («призывайте Деву, чтобы был вам успех на нивах ваших; на всякое время ограждайте себя крестным знамением»). Выделяются церковнославянизмы, которые вовсе не известны народному языку и используются для архаизации текста: *багрјаница, волхв, јазва, јуноша, клевет, ненавист, ништета, ревност, тља, урод, ходатаица, дондеже, иногда, лихо, присно, туне*, а также болгаризмы: *баишта* ('сад'), *дреха* ('одежда'), *дума* ('слово'), *крака* ('ноги'), *развален* ('испорченный'), которые Крчовский объясняет, подобно церковнославянизмам: *тјах сиреч них; идам смирено и кротко и се радувам за тјахното, нихното спасение* («*тих* значит 'их'; иду я смиренно и кротко и радуюсь тих, их спасению»).

С целью толкования отдельных слов Крчовский приводит синонимы непосредственно друг за другом, первым обычно идет объясняемое слово, а после объясняющее⁶¹: *улучи, зема; словеса, речови; восходи, качува се; конци, краишта; егда, коги; уже, веке; сосуд, сад; да узриши, да видиши; чесо ради, зашто; благоухание, миризма; слова синонимической пары отделяются особой лексемой *санки, сиреч*, союзом и или выражениями *то ест, што се каже/казуе* и т.п.: *отроча и дете; мрежи и сети; врач и лекар; чини и сторува; жизн и живот; приходи и приступува; пресвитери, јереи, санки**

⁵⁹ Миовски М. Лексиката во текстовите на Јоаким Крчовски. НИО „Студентски збор“. Скопје, 1980.

⁶⁰ Ibid. С. 28.

⁶¹ Ibid. С. 95.

попови; прошение, санки молење; козлиштата, сиреч јарците; от леност, сиреч от мрза; узкиј пут, сиреч тесниј пат; мед што се каже манна.

В текстах преобладает народная лексика наддиалектного характера для достижения лучшего понимания и расширения круга читателей. Грецизмы встречаются, в основном, как специальные церковные термины, а грецизмы народного происхождения – редки: *кандило, керамида, колиба, ливада, магија, синап, фурна*; турцизмы более многочисленны⁶², что обусловлено использованием турецкого языка в народном языке, поэтому они служат также для объяснения соответствующих церковнославянских слов, а своим “простым” разговорным характером способствуют выразительности текста; будучи составной частью народного лексического слоя, эти слова участвуют в становлении письменного языка: *на воздух, на хавата; воини, сејмени; јавно ест, ашикере; нрав, табиег; без оружие, без пусат; возраст, бој; свидетелство, шаитл’к; сотник, јусбашијата; столп, кула; ходатај, рицаица; без шубе, несумнително*⁶³.

Язык Пейчиновича более приближен к народному, нежели язык Крчовского, в его текстах мы находим замену церковнославянских слов церковной терминологии турецкими эквивалентами. Памятники представляют собой комбинацию разнородных переведенных и оригинальных текстов, церковнославянский выступает как язык библейских цитат при перефразировании библейского содержания, а народный язык – язык авторского текста – представлен в морально-дидактических поучениях и высказываниях на каждый день. Очевидно стремление Пейчиновича приблизить библейское содержание через пересказ и объяснение религиозных понятий и терминов к народному языку, а когда ему не удавалось подобрать адекватного выражения, он прибегал к турецким лексическим элементам.

В языке Крчовского турцизмы значительно более многочисленны и большая их часть относится к разговорной лексике: *курбан, кабаег (кабаеглија, куртул, кеф, ексик, фодулак, измекар, лакрдија, марифет*. При толковании отдельных понятий, Крчовский использует слова с теми же или близкими значениями, синонимические пары, которые приводятся вместе, отделяются союзом или другой лексемой. Встречается большое количество пар слов церковнославянского лексического слоя и народных слов турецкого происхождения: и да се кае, да се пишмани; се раскаја Јуда, напишмани се; ги туриле у еден кораб, у гемиа; знамение, нишан христианство показуе; разбојник, сиреч хајдуко, харамијата; и у небесни житници, хамбари ште да се тури таја пшеница; и голема полза, сиреч фајда; како некој сад, фидан што се каже; Исаак казуе се образ Христов и јорнек. В текстах Крчовского турцизмы служат для объяснения не только церковнославянской лексики, но и грецизмов: *излезнал крин, што се казуе з’мбак прекрасен благомиризлив* («выросла лилия, так называется красивый пахнувший замбак»); *кошевете биле от прачки финикови, от фурма* («корзины были из финиковых прутьев, из фурмаиников»)⁶⁴.

Очевидно стремление Пейчиновича приблизить библейское содержание путем пересказа и объяснения религиозных понятий и терминов на народный язык; встречаются турецкие лексические элементы: *гараз, захмет, ниет, рахатлак, шаитлак, кадар, каил* и др. И турцизмы встречаются даже в евангельских цитатах и в молитвах, напри-

⁶² Ibid. С. 96.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Ibid. С. 97.

мер: *курбан* (‘жертва’), *аманет* (‘обет’), *берикет* (‘счастье’): *ја што се сторих курбан за вас; ќе речет што му пишет во молитвата: Тебје аманет ти го праќаме Господи, Боже наш, овои берикет*. Иллюстративным материалом может служить употребление турцизмов рядом с именем Богородицы – *султана* (‘царица’) и *риџал* (‘молитвенница’) (в связи с главным элементом культа Богородицы – Царицы Небесной появляется наименование *султана*, а употребление *риџал*, *риџаџика* относится к ее функции предстательницы за людей перед Христом, молящейся за них перед Богом) и с именем Христа – *сајбија* (‘господин’) и *куртулија* (‘спаситель’); встречаются также синонимические пары с турцизмами: *емиш*, *курбан*, *шаитлак*, *сефа* и др.⁶⁵

Говоря о лексическом выборе Партения Зографского, Миовский⁶⁶ подчеркивает характерное стремление автора расширить славянскую лексику. В отличие от Крчовского, который, чувствуя отдаленность церковнославянской лексики от народного языка, при объяснении церковнославянизмов предпочитал использовать лексику народного происхождения и прежде всего турцизмы, Зографский ограничивает употребление турцизмов, вместо этого у него встречаем: *воздати*, *жертва*, *зел*, *отроча*, *человеческиј*. Тексты Зографского отличаются от текстов Крчовского еще и наличием русизмов (*коварство*, *просба*), так что чувствуется влияние церковнославянского языка русской редакции. Зографский использует также болгаризмы (*дира*, *којто*, *нихно*, *чрез*), грецизмы (в основном термины: *даскалх*, *дјакон*, *идол*, *епископ*) и турцизмы в качестве редких лексем. Зографски осознанно дистанцируется от употребления турцизмов, он предпочитает славянскую лексику: *догмат* – *учење*, *едностојно* – *постојано*, причем наблюдается тенденция к созданию «общего языка» с единым языковым ареалом.

4. О лексике в книге К.П. Мисиркова «О македонских делах»

Язык Мисиркова, с деятельностью которого ассоциируется начало и процесс кодификации современного македонского языка, отражает лингвистические тенденции начала XX века. Выступая за народную основу будущего македонского языка, Мисирков предлагал использовать также лексические и словообразовательные модели. В книге «За македонцките работи», помимо лексики македонского языка, показан и ограниченный лексический пласт, относящийся к турецкому и греческому языкам, а также соседним славянским языкам: сербскому и болгарскому. Миовский⁶⁷ рассматривает лексику книги «За македонцките работи» в двух аспектах: в лексикологическом и в лексикографическом. Лексикологический реализован в этимологическом, структурном и стати-

⁶⁵ Например: *каков риџал имамо мие пред Бога: сама султана сиреч царица небеснаја, Матер Божиа за нас чинит риџалук пред Бога; не го остаат аманет на саубиата што го создал да го чуат* («какую заступницу мы имеем пред Богом: сама Султана, Царица Небесная, Матерь Божия за нас заступает перед Богом; не оставит своего обещания Господь сохранить, что сотворил»); *Или вокка, емиш ако сакаш да ти раѓат; а не знаете еле тија курбани идолска жертва; свидетелство ќе речат шаитлак; имаше некои чоек богат моино, свакиј ден се веселеше, сефа чинеше; сефалијата душа негоа му га отнесоа во џехнем, во вечна мука* («или хочешь, плод тебе родят; будто не знаете, что те жертвы идольские; свидетельство скажет очевидец; был очень богатый человек, каждый день веселился и получал удовольствие; служители отнесли его душу в ад, во вечные муки»).

⁶⁶ Миовски М. Од лексиката на Партенија Зографски (по повод стогодишнината од неговата смрт) // Литературен збор. XXIII. Кн. 2. Скопје, 1976. С. 53–56; Петковска Б. Јазичните погледи на Партениј Зографски и јазикот на неговите текстови. Скопје, 1996.

⁶⁷ Миовски М. Лексиколошки аспекти на делото „За македонцките работи“. Скопје, 1988.

стическом анализе, а лексикографический – в трех словарях: алфавитном, обратном и в частотном. При структурном подходе лексика произведения Мисиркова демонстрирует преемственность с предшествующими стадиями развития македонской лексики, представлены основные способы пополнения словаря путем заимствований и образования новых лексем с помощью отдельных словообразовательных элементов народного языка, имеющих большую продуктивность. Лексические пополнения в сравнении с текстами предыдущих этапов становления македонского письменного языка указывают на следующие изменения в словарном фонде: представлены многочисленные русизмы и интернационализмы, наблюдается также тенденция к уменьшению числа турцизмов. Большое количество синонимов объясняется наличием интернационализмов и русизмов, что представляет собой способ обогащения лексического фонда⁶⁸.

Миовский⁶⁹ считает, что объем церковнославянской лексики в произведении Мисиркова незначителен, а присутствие болгаризмов, пришедших из русского языка, имеет второстепенный характер. Мисирков сознательно стремится найти македонские элементы, которые бы отличали македонский язык от болгарского, вместо тех, которые могли бы объединять.

Присутствие церковнославянизмов в языке Мисиркова проявляется в религиозной терминологии: *молебен, крст, евангелието, епархии, парохии, екзарх*, эквиваленты для которых отсутствуют в народных говорах. Есть ряд церковнославянских лексических элементов, попавших в язык Мисиркова через русское посредство: *вход, вражда, вреда, жежда, лож, наследие, ненавист, нужда, оплот, паства, пон'атие, част, враждебни, непричастен, даже*. При сравнении с памятниками XIX века, текст Мисиркова демонстрирует увеличение употребления грецизмов, которые входят в культурную сферу, подобно словам интернационального происхождения, и являются следствием особых общественно-исторических условий, характеризующихся значительным экономическим и культурно-просветительским развитием. Часть грецизмов входит в так называемую группу интернационализмов – это названия различных научных дисциплин: *психологија, граматика, етнографија* (и прил. *етнографџки*), *историја* (и *историџки*), *географија, економија* (и *економиџки*), названия профессий: *теоретици, филолози, историци*, относящиеся к науке о языке термины: *филологиски и филологиџки, фонетични и фонетски, морфологија и морфологични, лексични, етимологиџки, дијалект, фраза*; примеры церковнославянской лексики в книге «За македонските работи»: *арџиепископ, фанариотџки, апостоџки, екзарх и екзархист, екзархија, екзархиџки, автокефални, патриархија, патриархист*.

В текстах Мисиркова мы находим ряд церковнославянских и русских элементов, рядом с которыми употреблены эквиваленты из народного языка или новообразования самого Мисиркова: *возглед – поглед; част – дел, исход – излез, происход – произлез, различит се – се разликуват, удивит се – се чудит, считат – броит, положителен – положен, сознателен – свесен, јазиков – јазичен*. Двойственность в употреблении обеих лексем не является следствием колебаний его четко выраженной позиции, касающейся того, что должен представлять лексический фонд македонского литературного языка. Однако <делается это> непоследовательно, церковнославянизмы употребляют-

⁶⁸ Миовски М. Лексиколошки аспекти... С. 178–179.

⁶⁹ Ibid. С. 8.

ся без особого отступления от значения, которое было им присуще в церковнославянской письменности: *произлез*, *происход* ‘потекло’ (‘происхождение’), *образ* ‘начин’ (‘способ’), *страна* ‘земја’ (‘страна’), *треба* ‘бара’ (‘требуется’), *држава* ‘голема сила’ (‘большая сила’), *другарство* ‘друштво’ (‘общество’).

В отличие от грецизмов, турцизмы в языке Мисиркова не столь частотны и их функция в тексте незначительна. Миовский⁷⁰ считает, что лексические турцизмы Мисирков поместил на второй план, а их использование в качестве толкования церковнославянских терминов (подобно Крчовскому и Пейчиновичу) не подтверждено материалом. Большая часть их представляет собой архаизмы: *амалин* (‘слуга’), *г’аур* (‘неверный’) (*москов-г’аур*, *срб-г’аур*), *каурин* (‘неверный подданный’), *музавирлук* (‘гость’), *раја* (*рајатин*, *рајатици*) (‘подданные’), часть их определяется как историзмы: *ага* (‘ага’), *аскер* (‘солдат’), *јаничар* (‘янычар’), *падишах* (‘падишах’), *санџак* (‘санджак’), *урум-милет* (‘греки’).

5. Об иноязычной лексике в македонском лексическом фонде

Монография «Грецизмы в македонском языке»⁷¹ посвящена грецизмам или греческим заимствованиям, вошедшим в лексическую систему македонского языка, их распространенности, фонетической, морфологической и семантической адаптации. Во введении рассматриваются заимствования из греческого в язык македонских славян с точки зрения различных культурно-исторических условий, хронологии заимствования и делается вывод, что несмотря на большое количество грецизмов, исчезнувших из литературного языка, некоторые все же закрепились в народных говорах и продуктивны. Не оставлена без внимания роль греческого языка как посредника вхождения слов негреческого происхождения, а также балканский характер некоторых грецизмов. Выделяются: балканизмы (слова неясного происхождения), балканские латинизмы (слова латинского происхождения) и балканские грецизмы (слова греческого происхождения). При семантической классификации грецизмов Аргировски выделяет двадцать шесть семантических сфер: церковно-религиозная терминология, представленная в церковнославянских памятниках; административно-правовая; военная; сельскохозяйственная; лексика, связанная с одеждой; лексика из области флоры и фауны и т.д. Главное место в работе занимает «Этимологическо-семантический словарь грецизмов в современном македонском языке и в народных говорах».

Вследствие влияния турецкого языка на балканские славянские и неславянские языки, турецкие лексические элементы проникали в македонский язык с XV века (с момента захвата Османами Балканского полуострова) вне зависимости от их этимологического происхождения (арабского, персидского, греческого, латинского и др.). Большое число турцизмов, чаще абстрактного характера, заменили славянскими, а неизвестные славянские слова (например, церковнославянские) стали объясняться через более понятные турецкие. С целью проследить процесс проникновения турецких элементов в историческом развитии македонского языка Яшар-Настева⁷² исследовала ма-

⁷⁰ Миовски М. Лексиколошки аспекти. С. 11.

⁷¹ Аргировски М. Грецизмите во македонскиот јазик. Посебни изданија. Кн. 29. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1998. С. 313.

⁷² Јашар-Настева О. Турските лексички елементи во македонскиот јазик. Посебни изданија. Кн. 31. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 2001. С. 230.

териал древних письменных памятников и особенно македонское народное творчество. Делается вывод, что проникновение тюркских элементов в македонскую лексическую систему с XV до XVII века относительно невелико, но с XVIII века начинается их активное массовое увеличение, с пиком в XIX веке. К концу XIX века македонский язык стремится к ограниченному употреблению турцизмов в пользу родных славянских слов, как результат усиления славянского влияния и значительной ориентации на славянские языки в период Национального Возрождения. Заимствования ясно свидетельствуют о турецком влиянии на материальную культуру, на развитие торговли и т. д. Влияние было столь сильным, что некоторые славянские слова и вовсе вышли из употребления, например, *обичај*, *жртва* были заменены турцизмами *адет*, *курбан*. Большое число заимствований относится к терминологии частей тела: *бубрег* ('почка'), *џигер* ('печень'), *табан* ('ступня'), семейного родства: *балдаза* ('золовка'), *бацанак* ('зять') и даже к религиозной терминологии: *курбан* ('жертва'), *кабаат* ('грех'), *џевнем* ('ад'), но особенно часто встречаются турцизмы в кулинарии: *чорба*, *мезе*, *куфте*, *сармасуџук*, *туриџија*, *алва*, *гурабиџа* и др.

Перевод А. Чиварзиной

МАЙДА МЕРШЕ

Словения

Словенская историческая лексикология – достижения и проблематика

0. Введение

0.1. Составление обзора, цель которого продемонстрировать результаты новейших исследований лексики, использовавшейся на протяжении всей истории словенского (литературного) языка, начиная с первых записей во *Фрейзингенских отрывках*¹ до конца XIX в.², по разным причинам оказалось трудно реализуемой задачей. В первую очередь ее осложняла трудность выбора многочисленных, но проблемно различным образом ориентированных и методологически неравноценных новейших исследований лексики. К этому присоединялась также сложность выбора описаний и интерпретаций, касающихся содержательного ядра словенской исторической лексикологии³, и, в свою очередь, трудности в наглядности и систематизации.

¹ Датируются периодом 972–1039 гг., по всей вероятности, не позже 1000 г.

² Конец XIX в. в многочисленных обзорах, опирающихся на развитие, также учитывается как рубеж в периодизации. Таким, особенно заметным рубежом считается выход словенско-немецкого словаря М.Плетершника (1894–1895 гг.).

³ Дискуссия касается проблематики словарных и грамматических определений содержательного ядра лексикологии (как области языкознания, занимающейся изучением и описанием лексики определенного языка, а также исследованием номинаций с точки зрения структуры их значений и взаимоотношений с дру-

0.2. В обзор периодов развития, условно разделенных на столетия, под их устоявшимися названиями, были включены более новые исследования, проводившиеся с середины XX в. до настоящего времени. Они, как правило, опираются на ранее сделанные заключения по исследованной тематике, при этом также указывают на методологические подходы и назначение предыдущих исследований. Как правило, более ранние исследования дополняются и надстраиваются с использованием нового материала и с учетом новых теоретических подходов, однако только частично.

1. Лексикологический анализ отдельных периодов развития словенского (литературного) языка

1.1. Средневековый рукописный период: от *Фрейзингенских отрывков* (972–1039) до выхода первой словенской книги в 1550 г.

1.1.1. Лексикологические исследования коснулись уже первых записей на словенском языке в *Фрейзингенских отрывках* (далее *ФО*) конца X в. – начала XI в.

1.1.1.1. Основные затруднения первых интерпретаций Е. Копитара⁴ состояли в трудности различения границ слов, понимание неясных мест, незнакомые слова и значения слов.

Е. Копитар приступил к анализу памятников на основе знания грамматики и словообразования старославянского языка и его более поздних редакций, а также на основе знания современных славянских языков⁵.

1.1.1.2. Уже в XIX веке за Е. Копитаром последовал ряд отечественных (например, Ф. Миклошич) и зарубежных исследователей. Их исследования были по-разному проблемно ориентированы⁶. Например, Ф. Миклошич включил *ФО* в исследование славянской обрядовой терминологии (1876). Вывод, касавшийся словенского языка и *ФО*, состоял в том, что славянские народы заимствовали христианские понятия. Для обозначения этих понятий они использовали как заимствования, так и слова из своих языков, адаптируя значения последних.

1.1.1.3. В новейшее время анализом христианской религиозной лексики *ФО* в своей монографии (1974) занималась также немецкий исследователь Ирене Вайль⁷. Она проанализировала терминологическую лексику с точки зрения заимствований. Анализ

гими номинациями). См. *Toporižišič Jože*. Slovenska slovnica. Četrta, prenovljena in razširjena izdaja. Maribor, 2000. S.105–141). Хотя предметом данной статьи является представление лексики, употреблявшейся в предыдущих периодах развития словенского (литературного) языка, она не предполагает обзора словенской лексикографии с точки зрения методологии и достижений, которая была представлена в отдельной публикации (См. *Merše Majda*. Slovenska leksikografija in leksikologija v zgodovinski perspektivi // Славянская лексикография / Отв. ред. М. Чернышева. Москва, 2013. С. 217–251). Вне этих рамок остается также диалектологическая проблематика. По причине оригинальности проблематики также неполно представлены достижения ономастики. Сведения по грамматике и словообразованию учтены только в качестве вспомогательных средств системного очерка лексики, использованной в различных типах текстов прошлых периодов.

⁴ Об обнаружении *Фрейзингенских отрывков* Е. Копитару сообщил Й. Добровский в письме от 22.07.1811 г.

⁵ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). Lj., 1996. S.11.

⁶ Ibid. S. 20–23.

⁷ Ibid. S. 11–79. В изучение части текстов (82 единицы) с важнейшими семантическими интерпретациями свой вклад внес также Р. Коларич (см.: *Kolarič Rudolf*. Sprachliche Analyse. Freisinger Denkmäler / Uredil J. Pogačnik. München, 1968. S. 79–105).

включает также (с оценкой частотности) обзор исходных сфер использования в языке, к которым принадлежала лексика до ее включения в христианско-религиозный корпус. В качестве фундаментальных источников заимствования указывается на общее применение (бытовой язык), а также язык права и религиозные термины из языческих источников, приобретшие христианское содержание.

1.1.1.3.1. В 80-х и в начале 90-х гг. XX века М. Орожен опубликовала большое количество работ (см. 1996b, 11–79)⁸, в которых она указывает на различные исторические причины возникновения словенской христианской обрядовой терминологии, на способы ее формирования и на ее исторические изменения. Исследования касаются также связи *ФО* со старославянским языком и оценивают их роль в развитии словенского (литературного) языка. Наличие «паннонизмов» в *ФО* исследователь интерпретирует при помощи восточнославянских текстов⁹.

1.1.1.3.2. Обширный корпус исследований второй половины XX в. представлен в *Сборнике Фрейзингенских отрывков*, который вышел в 1996 г. после появления нового критического и фонетического списка отрывков, дополненного словарем. Этот труд определил место лексики *ФО* на основании сравнительно-исторических исследований в словенском и славянском пространстве. Л. Мозиньски¹⁰, например, считает это первой попыткой формирования христианской терминологии у славян. При анализе религиозной лексики (так же, как и Вайль, 1974) он приходил к выводу о присутствии лексики, которую можно отнести к дохристианской эпохе, семантических калек и неологизмов, а также словообразовательных калек, латинских и немецких заимствований. Был также проведен анализ лексической структуры первого и третьего *ФО* как образцов общей исповеди¹¹. Исследовался также объем присутствия лексики *ФО* в произведениях словенских протестантских авторов XVI в.¹² Особое внимание было уделено дальнейшему развитию многозначности лексики и процессам изменения семантической структуры.

1.1.1.4. Словообразовательный анализ лексики *ФО* указал на типологические формы словообразовательных видов и словообразовательных значений¹³. Обнаруженные типы сопоставлялись с образцами.

1.1.1.5. Выводы И. Вайль и относительно идентификации части лексики как «релевантной правовой лексики» в *ФО* в своей монографии развивает К. Шкрубель¹⁴.

⁸ Из практических соображений в данной работе при ссылке на библиографические единицы учтены новейшие монографические издания, содержащие более ранние публикации отдельных авторов.

⁹ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Koptarja). S. 72, 88.

¹⁰ *Moszyński Leszek*. Terminologia religijna Zabytków Fryzyjskich – najstarsza znana terminologia religijna Słowian // Zbornik Brižinski spomeniki / Uredili J. Kos, F. Jakopin, J. Faganel. Lj., 1996. S. 245–252.

¹¹ *Suprun E. Adam*. K leksičeki strukturi Freizingskih listkov // Zbornik Brižinski spomeniki / Uredili J. Kos, F. Jakopin, J. Faganel. Lj., 1996. S. 267–288.

¹² *Merše Majda, Novak France*. Besedišče Brižinskih spomenikov v luči protestantskega besedišča 16. stoletja // Zbornik Brižinski spomeniki / Uredili J. Kos, F. Jakopin, J. Faganel. Lj., 1996. S. 289–301.

¹³ *Vidovič Muha Ada*. Zgradba tvorjenk v Brižinskih spomenikih // Srednji vek v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 10 / Uredil J. Toporišič. Lj., 1989. S. 51–62.

¹⁴ *Škrubelj Katja*. “Ritus gentis” Slovanov v vzhodnih Alpah. Model rekonstrukcije pravnih razmerij na podlagi najstarejšega jezikovnega gradiva. Lj., 2002. S. 75–87 и 105–206. См. также: Diahrona pomenska stabilnost nekaterih najstarejših slovenskih pravnih izrazov in performativ // Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Obdobja 24 / Uredila I. Orel. Lj., 2007. S. 247–261.

Автор реконструирует правоотношения на основании самого древнего языкового материала (например, записей слов *zakonik, oblast, soditi, gospod* и т.д.). Основными словенскими источниками помимо *ФО* она считает также рукописные тексты XIV–XVI вв., *Библию* Далматина, словенский перевод правового акта *Gorske bukve* и некоторые старые словари. Автор монографии подвергает ряд лексем лингвистическому анализу (с точки зрения древности, семантической семьи, первоначального значения и развития семантики), а также с точки зрения истории права. Семантическая стабильность правовой терминологии анализируется в диахроническом аспекте на примере семантической семьи *soditi*¹⁵.

1.1.2. В обширной монографии российского лингвиста Н. Михайлова¹⁶, опубликованной на немецком языке в 1998 г. (в 2001 г. в сокращенном виде – на словенском языке), всесторонне рассмотрены словенские рукописные памятники допечатного периода (с XIV в. по 1550 г.). Основная цель работы – историко-лингвистический анализ рукописных памятников. Монография состоит из подробного вступительного обзора важнейших публикаций об упомянутых памятниках в специальной литературе, где присутствуют также выводы о проанализированной лексике, а также из обзора памятников дипломатической и церковной переписки; сделан их многоуровневый лингвистический анализ и выводы об источниках проанализированной лексики. Отдельно рассматриваются заимствования (по большей части – из немецкого языка, реже – из латинского, в памятнике *Černejski rokopis* также – из фриульского и итальянского языков). Используемая в памятниках лексика распределена по разделам. Представлены также сведения об источниках и парадигмах, с добавлением современных словенских (и, как правило, немецких) параллелей, и семантический комментарий.

1.1.2.1. М. Орожен¹⁷ отмечает, что, начиная с X в., усиливается немецкое языковое влияние, которое в центральных словенских землях в устной обрядовой практике продолжается до периода протестантизма. Факт влияния доказывается рядом несоответствующих словенским словообразовательных моделей. Делается также вывод о том, что в период с момента написания *ФО* до момента зарождения словенского литературного языка в XVI в. уже сложилась новая обрядовая, юридическая, медицинская, ремесленная и кулинарная терминология, для которой особенно характерны лексемы словенского и иностранного происхождения и описательные сочетания (*opisne zveze*).

1.1.3. Несколько исследований были посвящены проблемам ономастики средневекового периода. Словенским географическим названиям славянского происхождения, упоминающимся в средневековых источниках до 1500 г., с анализом словообразовательных моделей, посвящено исследование А. Шивич-Дулар¹⁸. Особую группу составляют случаи перехода имен нарицательных в имена собственные в различных семан-

¹⁵ *Škrubej Katja*. Diahrona pomenska stabilnost nekaterih najstarejših slovenskih pravnih izrazov in performativ // Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Obdobja 24 / Uredila I. Orel. Lj., 2007. S. 247–261.

¹⁶ *Mikhailov Nikolai*. Frühslovenische Sprachdenkmäler. Die handschriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. bis 1550). Amsterdam; Atlanta, 1998. 445 s.

¹⁷ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 32 и 89.

¹⁸ *Šivic Dular Alenka*. Besedotvorne vrste slovenskih zemljepisnih imen. Na gradivu do leta 1550 // Srednji vek v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 10 / Uredil J. Toporišič. Lj., 1989. S. 229–244.

тических группах, это, например, географические названия (*Jama*), названия растений (*Topol*), названия животных (*Medved*) и т.д.

1.2. Период протестантизма: словенский литературный язык XVI в. (1550–1603)

1.2.0. Пятидесятилетний период возникновения словенского литературного языка и его дальнейшего ускоренного развития, с момента выхода первых двух книг Примож Трубаря на словенском языке до публикации многоязычного словаря Иеронима Мегисера, в который был включен также словенский язык, очень хорошо изучен также и с лексикологической точки зрения, в связи с его огромным значением. Возможности более точного и цельного изучения лексики протестантских произведений, ее изменений, фиксации различий в индивидуальном словоупотреблении существенно возросли с момента появления выписок для лексикографических целей.

1.2.1. Охват степени лексикологической изученности словенского литературного языка XVI в. уже был представлен дважды: обзорно и типологически для периода с середины XX в. и позже в работе Ф. Новака, Ф. Якопина и М. Мерше¹⁹, а точнее и вместе с тем содержательно в работе Й.Нарат²⁰. Во втором, более позднем обзоре, состоящем из четырех обширных разделов²¹, представлены синхронные, синхронно-диахронические и диахронические исследования.

1.2.1.1. При определении важности лексики, которую использовали словенские протестантские авторы XVI в., учитывались социолингвистические факты. Обнаружилось, что ее выбор зависел от потребностей в номинации в наиболее часто обсуждаемых сферах. Протестантские авторы заимствовали лексику из самых разных источников. Свои лексические потребности они пытались удовлетворить также за счет расширения семантики уже известных слов, за счет описаний, за счет неологизмов на основе словообразовательной системы родного языка, за счет использования диалектных слов, за счет заимствований, прежде всего, из немецкого языка, реже – из латыни и древнееврейского²².

1.2.2. Исследования лексики, использовавшейся в словенском литературном языке XVI в., с точки зрения назначения и использованной методологии, различны²³.

¹⁹ *Novak France, Jakopin Franc, Merše Majda.* Karakteristika besedišča slovenskih protestantov // III. Trubarjev zbornik / Uredili F. Jakopin, M. Kerševan, J. Pogačnik. Lj., 1996. S. 293–307. Представлены четыре типа исследований протестантского лексического фонда: для первого типа характерен сбор и интерпретация главных языковых особенностей лексики, для второго – использование новых методик, прежде всего, учет особенностей системы, для третьего – лексикографичность, для четвертого – использование всего материала и новейших методик.

²⁰ *Narat Jožica.* Slovenski knjižni jezik 16. stoletja v luči besedoslovnih raziskav // Slavistična revija 56/2008, št.4, 57/2009, št. 1. Trubarjeva številka / Uredila M. Merše. S.105–138. В обзор были включены лексикологические исследования словенского литературного языка со второй половины XIX в. и позже, а также были включены глоссарии и словари XVI в. и их переработки.

²¹ Разделы посвящены (1) анализу отдельных слов и групп слов, (2) лексикологическому анализу отдельных произведений, (3) влиянию переводов на выбор лексики и (4) глоссариям и словарям XVI в. с их переработками.

²² *Novak France, Jakopin Franc, Merše Majda.* Karakteristika besedišča slovenskih protestantov // III. Trubarjev zbornik. S. 293–307.

²³ Хотя исследования с точки зрения содержания специализированны, их системное включение в данную статью может быть только обзорным, поскольку мы включаем разнообразную проблематику.

1.2.2.1. Многие исследования посвящены лексике, использованной отдельными авторами, в одном или в нескольких произведениях, часто в связи с определенным слоем лексики. В большинстве случаев это часть многоуровневых исследований, реже – отдельные исследования.

1.2.2.1.1. М. Орожен краткий протестантский период определяет как дерзкую и успешную попытку формирования словенского литературного языка. В ее реализацию, помимо П. Трубара как зачинателя, внесли свой вклад, прежде всего, Б. Крель и Ю. Далматин. М. Орожен представляет их язык в историческом и социолингвистическом контексте на многих уровнях²⁴. Выводы, касающиеся лексики, как правило, обусловлены морфологией²⁵, они подтверждают структурированность лексического фонда каждого автора и различия, обнаруженные при сопоставлении. Автор указывает на архаичность терминологии у Трубара (словенской и заимствованной), на романизмы, в авторских текстах обнаруживает также экспрессивную лексику. Анализируя тексты Креля, помимо германских и романских заимствований²⁶, автор особо указывает на глаголизмы и латинизмы, Далматин же избегает архаичной лексики, при этом обогащая и развивая современную ему лексику литературного языка.

1.2.2.1.2. Исследованиями лексики, которую использовали отдельные авторы, с разных аспектов также занимались другие ученые.

1.2.2.1.2.1. Лексика, использованная П. Трубаром в оригинальном труде *Katehizem z dvejma izlagama* (1575), характеризующемся полемичностью, была проанализирована с точки зрения тематики, источников, стилистической окрашенности и семантики²⁷. Ф. Новак исследует выбор лексики также с точки зрения формирования индивидуального стиля, который характеризуется использованием различных ораторских приемов и приветствий.

1.2.2.1.2.2. Типологически, причинно-следственно и количественно были представлены синонимы как наиболее распространенный тип изменений в переводах Трубара новозаветных текстов, а также замены, обнаруженные при сравнении более ранних переводов отдельных библейских книг с полной *Библией*, переведенной Ю. Далматином²⁸. На выбор синонимов часто оказывала влияние распространенность

²⁴ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 113–288.

²⁵ Выбор Трубаром и Далматином определенной лексики М. Орожен анализирует на материале их библейских переводов, у Трубара в особом контексте извлечений из Евангелия и разъясняющих текстов (*Orožen Martina*. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Od sistema k besedilu. Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Maribor; Praha, 2010. S. 42–61), а у Креля предметом анализа является лексика требника и *Детской библии* (1566) как дидактического материала для чтения.

²⁶ О лексических романизмах у Трубара и Креля см.: *Godini Neva*. II punto su Sebastiano Krelj // *Linguistica XXVII/1987*. S. 33–45.

²⁷ *Novak France*. Besedje Trubarjevega dela *Catehismus z dveima izlagama* iz l. 1575 // *Vatroslav Oblak*. Obdobja 17 / Uredila A. Šivic Dular. Lj., 1998. S. 233–249.

²⁸ *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki // *Linguistica et philologica* 29. Lj., 2013. S. 11–32, 89–110. На (морфологически оформленные) лексические различия между изданиями Евангелия от Матфея 1555 г. и 1582 г. также по сравнению с Лютером и *Вульгатой* как источников перевода в рамках сравнительного анализа указал Г. Роте (*Rothe Hans*. Das Matthäus-Evangelium. Biblia Slavica. Slovenische Übersetzungen 1555–1582. Kommentare // *Biblia Slavica*. Ser. 4. Südslavische Bibeln. Bd. 3,2 / Uredili J. Krašovec, M. Merše, H. Rothe. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2006. S. 67–96, особенно S. 86–96).

(словенской или заимствованной) лексемы, иногда причиной выбора служило все большее расхождение в семантике первоначальных синонимов. Анализ постепенно сформировавшихся синонимических пар существительных у Трубара одновременно показал, что на выбор в значительной мере влияла распространенность словообразовательных моделей и типов.

1.2.2.1.2.3. Лексический выбор протестантских авторов XVI века обусловил также лексическую узнаваемость и отличия в произведениях каждого писателя (например, Трубара, Далматина, Креля и Юричича), а также зависимость от жанра текста.

1.2.2.1.2.4. В библейских переводах Трубара и Далматина по сравнению с оригиналами обнаруживается существенное расширение синонимических рядов. Причины этого явления стандартные: менее известным заимствованиям приписывался более известный синоним, как словенского, так и иностранного происхождения (например, *regiment*, но *regiranje*), т.е., семантически менее привычным словам словенского или иностранного происхождения, как правило, приписывается более известный или семантически более прозрачный синоним; менее употребительным словенским словам приписываются более известные синонимы; чаще всего же причиной использования того или иного синонима носит очевидный стилистический характер. Это справедливо и в отношении *Домашней постиллы* Трубара 1595 года, которая была переводом М. Лютера²⁹.

1.2.2.1.2.4.1. На основании сопоставления немецких оригиналов и словенских переводов были показаны (с пояснением причин) также (словообразовательные) различия эквивалентов для немецких сложных существительных³⁰, глаголов и прилагательных³¹. Особенно сложной оказалась задача перевода немецких фразеологизмов или устойчивых словосочетаний. Наибольшие расхождения между оригиналом и переводом обнаруживаются в модально окрашенных фрагментах³².

1.2.2.1.2.5. Лексические различия между Крелем и Юричичем возможно обнаружить при сопоставлении их переводов (1567 г. и 1587 г.) первой, зимней части, комментариев к Евангелиям в издании Шпангенберга³³. Юричич стремился приблизить произведение наиболее широкому кругу читателей, делая выбор в пользу общеизвестных, часто используемых, семантически недвусмысленных выражений, в большинстве случаев без учета происхождения. Это касается международных, в большинстве случаев специальных слов и выражений латинского и греческого происхождения, слов, заимствованных из немецкого языка. Для Креля в большей степени характерно присут-

²⁹ *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki // *Linguistica et philologica* 29. S. 43–88.

³⁰ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 121–122.

³¹ *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki // *Linguistica et philologica* 29. S. 54, 74–75, 118–120. Многие исследования подтвердили, что расхождения между переводом и оригиналом вследствие негармоничного выбора неологизма или синонимичного описания, являются характерной чертой всех переводов XVIв. (например: *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o oblikoslovju, besedotvorju, glasoslovju in pravopisu // *Linguistica et philologica* 23. Lj., 2009. S. 167–186).

³² *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki // *Linguistica et philologica* 29. S. 63–64, 121–123, 127.

³³ *Ibid.* S. 129–145, 154–160.

стве романизмов, диалектных слов, а также уменьшительных форм, экспрессивных и пейоративных выражений.

1.2.2.1.2.6. Уже Е. Копитар³⁴ указывает, что у Трубара по сравнению с Крелем и Юричичем германизмов встречается больше. Как на характерную черту переводов Креля и Юричича он указывает на более широкий выбор локализмов. Выбор лексики Трубаром и Юричичем был также проанализирован при сопоставлении новозаветных отрывков, включенных в оба издания *Постиллы* (1567 г. и 1578 г.). Сопоставление³⁵ подтвердило присутствие большого числа разнообразных (в том числе лексических) хорватизмов у Юричича по сравнению с Трубаром, а также замену немецких заимствований словенскими однословными или описательными синонимами (например, *cajñni* (Трубар) → *znatenja* (Юричич)).

1.2.2.1.2.7. Помимо библейских переводов с точки зрения различий в заимствованиях были проанализированы три постиллы – Креля (1567 г.), Юричича (1578 г.) и Трубара (1595 г.)³⁶. Все три текста опираются на немецкие оригиналы. Новая лексика – это многочисленные наименования предметов, видов деятельности и бытовые понятия. Признаком повышенной экспрессивности текстов является большое количество лексем с негативной или положительной эмоциональной окраской, на что указывает контекст (например, *pankrt*, *crkniti*, *natepsti se (štruklov)* и т.д.)

1.2.2.1.2.8. Всесторонне был оценен и исследован корпус словенской лексики, включенной в оба словаря Мегисера (1592 г. и 1603 г.), как с точки зрения целостности охвата, так и с точки зрения различий между словарями³⁷; был проведен количественный анализ и продемонстрирован вклад этих словарей в лексический фонд литературного языка XVI века³⁸.

1.2.2.1.2.9. Во многих исследованиях всесторонне проанализирована лексика, включенная в латинскую грамматику А. Бохорича (1584 г.)³⁹.

1.2.2.1.2.10. Лексикологические исследования словенского литературного языка XVI века от описания лексики и процессов заимствования у отдельных авторов, а также лексической индивидуальности и специфичности главных (переводных) текстов продвинулись и в направлении особенностей номинации в отдельных словообразовательно-семантических группах, в частности, по отношению к содержательно весьма разнообразным женским парам к мужским номинациям, а также словообразовательно

³⁴ *Kopitar Jernej*. Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. Laibach, 1808 (1809). S. XXXIV–XXXVI.

³⁵ *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki // *Linguistica et philologica* 29. S. 147–156.

³⁶ *Ibid.* S. 161–178.

³⁷ *Orel Irena*. Slovensko besedje iz prvega italijansko-slovenskega slovarja (1607) v luči slovarskega izročila in kontinuitete // *Razprave – Dissertationes XX* / Uredil J. Toporišič. Lj., 2007. S. 179; *Merše Majda*. Megiserjeva slovarja 1592 in 1603 v slovenski jezikoslovni zavesti ter prekrivnost slovenskega besedja v njih // *Stati inu obstati* 19–20/2014 / Uredil D. Voglar. Lj. S. 42–66.

³⁸ *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o oblikoslovju, besedotvorju, glasoslovju in pravopisu // *Linguistica et philologica* 23. S. 260; *eadem*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki // *Linguistica et philologica* 29. S. 179–184.

³⁹ *Gjurin Velemir*. Podgesla v slovarčkih Bohoričevih Zimskih uric // *Slavistična revija* 37/1989, št. 1–3. S. 365–383; *Premk Francka*. Besedišče Bohoričeve slovnice v gradivu slovenskih protestantskih piscev // *Riječ* 8/2002, št. 1. Rijeka. S. 80–82; *Ahačič Kozma*. Zgodovina misli o jeziku in književnosti na Slovenskem: protestantizem // *Linguistica et philologica* 28. Lj., 2007. 416 s.

специализированным и семантически разнообразным уменьшительным формам всех трех родов и далее, к изучению тематической группы наименований профессий, характеризующейся семантическим, словообразовательным и количественным разнообразием. Именно эта группа весьма информативна с точки зрения изучения образа жизни в областях со словенскоговорящим населением во второй половине XVI в.⁴⁰

1.2.2.2. Исследования отдельных лексем или лексических групп из произведений словенских протестантских писателей XVI века обнаруживают различные побудительные мотивы.

1.2.2.2.1. Исследовательский интерес к отдельным словам или лексическим группам часто был вызван их недостаточной известностью или трудностями в понимании⁴¹. Например, Ф. Рамовш еще в начале XX века (1913 г. и 1916 г.) опубликовал список из 44 наименее известных слов (в том числе, и словосочетание *ločitvi list*) из языка Трубара. Он предложил семантическую интерпретацию этих и других слов⁴².

1.2.2.2.2. За последние три десятилетия было также опубликовано много работ, посвященных семантическому анализу отдельных слов, словосочетаний и отдельных элементов семантических семей. В обзоре лексикологических результатов изучения словенского литературного языка XVI века этот материал содержательно представлен Й. Наратом⁴³, дополняя перечень достижений упоминанием словарных статей с морфологически различными заголовочными словами из *Пробного тома Словаря языка словенских протестантских писателей XVI века*⁴⁴. Кроме того, в кругу новейших исследований следует упомянуть этимологическую интерпретацию существительного *pèrla*⁴⁵.

1.2.2.3. Среди исследований, касающихся семантики слов и семантических связей в словенском литературном языке XVI века, в целях полноты обзора, следует упомянуть монографию Ф. Новака *Многозначность существительных в языке словенских протестантских писателей*⁴⁶, имеющую также особое теоретическое значение.

Монография описывает и представляет семантические явления словенского литературного языка XVI века. В ней определены семантические группы, объединенные общим семантическим ядром⁴⁷. Представлены также процессы, при помощи которых слово различными способами перемещается от исходного значения в позицию номинации другого явления: например, метафоризация, метонимизация, терминологиза-

⁴⁰ *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki // *Linguistica et philologica* 29. S. 187–205, 207–224, 225–246.

⁴¹ *Narat Jožica*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja v luči besedoslovnih raziskav. S. 106–108.

⁴² *Ramovš Fran*. Zbrano delo. Prva knjiga / Uredila T. Logar in J. Rigler. Lj., 1971. S. 9–16, 30–45.

⁴³ *Narat Jožica*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja v luči besedoslovnih raziskav. S. 106–108.

⁴⁴ *Merše Majda, Novak France, Premk Francka*. Slovar jezika slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja. Poskusni snopič. Lj., 2001. 131 s. Количеством материала выделяются работы Ф. Премк периода 1988–2006 гг., где, помимо всего прочего, имеется семантический анализ гебраизма *sela*, библеизма *mana*, германизма *ofer* с терминологическими связями, а также ряда других слов и словосочетаний.

⁴⁵ *Snoj Marko*. Pèrla. Novi pogledi na filološko delo o. Marka Pohlina in njegov čas / Uredila I. Orel. Lj., 2013. S. 227–235.

⁴⁶ *Novak France*. Samostalniška večpomenskost v jeziku slovenskih protestantskih piscev // *Linguistica et philologica* 10. Lj., 2004. 302 s.

⁴⁷ См. также: *Novak France*. Vprašanja pomenske analize leksike starejših obdobj / *Leksikografija i leksikologija*. Beograd; Novi Sad, 1982. S. 163–169; *id.* Vprašanja pomenske skupine v besedišču pri slovenskih protestantih // *Družbena in kulturna podoba slovenske reformacije* / Uredili M. Dolgan, D. Dolinar, F. Jakopin, D. Pokorn. Lj., 1986. S. 99–109.

ция, изменение значения до противоположного (превращение в антоним), фразеологизация, символизация, сравнение и т.п.⁴⁸ Помимо уже упомянутых способов, способствующих обогащению словарного фонда, и многозначности, автор добавляет также словообразование, описания (*opise*) и заимствования. Помимо способов и приемов, использовавшихся словенскими писателями XVI века для номинации новых понятий, Ф. Новак пытается выявить также типичные ситуации, которые принуждают к поиску новых выражений⁴⁹.

Анализ многозначности существительных был также дополнен рассмотрением зависимости от переводных образцов⁵⁰. Наибольшее внимание было уделено вторичным значениям важнейших библейских религиозных выражений (например, *jagnje, pastir*), которые были заимствованы одновременно с первичными значениями, а также группе вторичных значений, развивавшихся на словенской основе в связи с новыми потребностями в номинации, и семантическим калькам, прежде всего, из немецкого языка (*del* 'delež').

1.2.2.3.1. Так называемой концептуальной метафорой *beseda je...* (например, *posoda, premikanje, živo bitje*), что относится к теоретической области многозначности, и ее языковыми проявлениями (например, *beseda je posoda – prazne marnje*) у словенских протестантских писателей XVI века занималась Э. Кржишник⁵¹. Анализ носит ретроспективный характер, поскольку автор исходит из структуры метафоры, выделенной на основании анализа фразеологического материала современного языка, и ее бытующих форм, проверяя их по словенскому литературному языку XVI века.

1.2.2.4. Многие исследования были проведены в целях уточнения отношений между лексемами – синонимии и антонимии.

1.2.2.4.1. Большое количество исследований посвящено анализу синонимов, использовавшихся отдельными авторами, разумеется, в связи с определенным жанром текста, а также словарной синонимии.

1.2.2.4.1.1. При сопоставлении библейский переводов Трубара и Далматина были обнаружены лексические различия между ними, отражающие изменения синонимии⁵². Изучением различных аспектов синонимии у Далматина (с точки зрения происхождения, способов выражения, семантической и стилистической функции) занималась Й. Нарат⁵³. Причины синонимичности одновременно с ее охватом изучались также в

⁴⁸ О семантических исследованиях лексики литературного языка XVI в., включая многозначность и синонимии, см.: *Novak France. Pomen raziskovanja besedja knjižnega jezika 16. stoletja za jezikoslovje // Historizem v raziskovanju slovenskega jezika literature in kulture. Obdobja 18 / Uredila Aleksandra Derganc. Lj., 2002. S. 190–196.*

⁴⁹ *Novak France. Kako so protestantski pisci 16. stoletja poimenovali nove pojme // 450-letnica slovenske knjige in slovenski protestantizem / Uredil M. Kerševan. Lj., 2001. S. 103–120.*

⁵⁰ *Novak France. Samostalniška večpomenskost v knjižni slovenščini 16. stoletja glede na prevodne zglede // Slavistična revija 46/1998, št. 1/2. S. 83–94.*

⁵¹ *Kržišnik Erika. Jezikovno izražanje konceptualne metafore BESEDA JE X ... v besedilih 16. stoletja // Slavistična revija 56/2008, št. 4, 57/2009, št. 1. Trubarjeva številka / Uredila M. Merše. S. 253–267.*

⁵² *Orožen Martina. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 137–147.*

⁵³ *Narat Šrekl Jožica. Sinonimi v jeziku Jurija Dalmatina (izvor, pomenske in stilistične funkcije). Magistrska naloga. Lj., 1989. 251 str.; eadem. Samostalniške besednozvezne sopomenke v Dalmatinovi Bibliji // Jezikoslovni zapiski 1/1991 / Uredil J. Müller. Lj., S. 63–72; eadem. Sinonimi v jeziku Jurija Dalmatina (izvor, pomenske in stilistične funkcije) // Jezik in slovstvo 37/1992, št. 6. Lj. S. 161–163.*

многочленных группах, составляющих номинацию «ученик» у словенских протестантских писателей XVI века⁵⁴.

С *Библией* Далматина связано также исследование глагольной синонимии. Были установлены существующие (словообразовательно различные) глагольные конкурентные отношения и тенденции их одновременного и дальнейшего разрешения. Более детально также были исследованы синонимические отношения между глаголами, мотивированными существительными и прилагательными, и замещающими (синонимичными) словосочетаниями в *Библии* Далматина⁵⁵.

1.2.2.4.1.2. Историю словоупотребления синонимов *folk*, *ljudstvo* и *narod*, от *Фрейзингенских отрывков* до современности, описал Я. Мюллер⁵⁶. Обзор включает семантический анализ наименования *folk* у Трубара и указывает на исторически обусловленные направления развития синонимии.

1.2.2.4.1.3. Особой задачей было исследование местной и диалектной лексики, записанной в *Регистре* Библии (1584 г.) Далматина, а также пояснения в этой *Библии*.

1.2.2.4.1.3.1. О *Регистре* часто упоминает в своих исследованиях М. Орожен⁵⁷, давая ему определение как первому словарю синонимов словенского литературного языка, поскольку он раздвигает границы лексикона протестантских писателей в направлении соседних диалектных групп, в частности, в направлении хорватских кайкавских диалектов или чакавских диалектов полуострова Истрия. Речь идет также о так называемых контактных синонимах, которые сначала появляются в функции пояснения, а позже приобретают стилистическую функцию.

Анализируя указанную лексику, М. Орожен указала на большее число совпадений первых двух разделов словаря (Крайны и Каринтии), а также на различия между центральным и восточным типами лексики. М. Орожен также проанализировала включенность лексики из *Регистра* в библейский контекст⁵⁸.

1.2.2.4.1.3.2. На основании синонимических рядов, составленных из синонимов, приведенных в *Регистре*, М. Орожен делает выводы также о включении исходно различных слоев лексики⁵⁹. Лексика, включенная в оба *Регистра* Далматина (1578 г. и 1584 г.), была оценена также как зачатки разнообразных терминологий⁶⁰, некоторые же лексемы были включены в диахронические исследования в качестве специальных наименований.

⁵⁴ *Narat Jožica*. Izrazi za 'učenec' pri slovenskih protestantskih piscih // III. Trubarjev zbornik / Uredili F. Jakopin, M. Kerševan, J. Pogačnik. Lj., 1996. S. 263–272.

⁵⁵ *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o oblikoslovju, besedotvorju, glasoslovju in pravopisu // *Linguistica et philologica* 23. S. 167–186, 229–237.

⁵⁶ *Müller Jakob*. Zgodba o ljudstvu // *Jezikoslovni zapiski* 5/1999. Uredil J. Keber. Lj. S. 33–61.

⁵⁷ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 108, 202, 206–233; *eadem*. Razvoj slovenske jezikoslovne misli // *Zora* 26 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2003. S. 186–193.

⁵⁸ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 188–199; *eadem*. Razvoj slovenske jezikoslovne misli. S. 186–193.

⁵⁹ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 206–218, 222–230.

⁶⁰ *Bokal Ljudmila*. Zаметки терминологии в Регистру Далматиновега превода Библије // *Slavistična revija* 56/2008, št. 4, 57/2009, št. 1. Trubarjeva številka / Uredila M. Merše. S. 279–291.

1.2.2.4.2. Что касается произведений Трубара, особенно *Katehizem s dvejma izlagama* (1575 г.)⁶¹, а также анализа коротких списков слов словарного характера⁶², то на этом материале была более детально изучена (с точки зрения способов выражения, словообразования, исторической и контекстуальной обусловленности, включая степень экспрессивности) и представлена антонимия.

1.2.2.4.2.1. Значительное количество словосочетаний в произведениях словенских протестантских писателей, синонимического (*Nuz oli pryd*), антонимического (*mlad oli star*), дополняющего (*dar inu muzh*) или семантически независимого (например, *mistiti inu vprashati*) характера при анализе двойной формулы как одного из наиболее излюбленных стилистических приемов, помимо Б. Погорелец, изучали также Э. Зейтц и К. Ахачич⁶³.

1.2.2.5. На некоторые аспекты проблематики, связанной с именами, в произведениях словенских протестантских писателей XVI века, указал Ф. Якопин⁶⁴. На основе графической, фонетической и словообразовательной вариантности он делает вывод о различных фазах усвоения того или иного существительного в виде заимствования и о большем или меньшем влиянии разговорного языка.

1.2.2.6. Наиболее хорошо изученным лексическим пластом словенского литературного языка XVI века является терминология. В многочисленных исследованиях она представлена с точки зрения области применения и способов словообразования, а также с точки зрения соотношения с неспециальной лексикой и т.д. Значение трудов словенских протестантских писателей XVI века для формирования словенской терминологии и стилистики специальных текстов оценил Ф. Новак⁶⁵. Он представил тексты, которые особенно подходят для использования терминологии, области, содержащие признаки терминологического словоупотребления, процессы его становления и дальнейшие направления развития.

1.2.2.6.1. Изучением теологической терминологии Трубара занимается Й. Райхман⁶⁶, формированием же обрядовой терминологии как части христианской терминологии в XVI веке – А. Леган-Равникар⁶⁷. Й. Райхман различает у Трубара теологические термины из Писания (например, *gnada – milost*) и новые теологические выраже-

⁶¹ Orel Irena. Protipomenskost v Trubarjevem Katehizmu z dvejma izlagama (1575). Protipomenskost v Trubarjevem Katehizmu z dvejma izlagama iz leta 1575 // Slavia Centralis, 1/2008, št. 2 / Uredila B. Bošnjak. Maribor. S. 15–29.

⁶² Humar Marjeta. Protipomenskost v jezikoslovnih delih slovenskih protestantov // Slavistična revija 56/2008, št. 4, 57/2009, št. 1. Trubarjeva številka / Uredila M. Merše. S. 269–278.

⁶³ Pogorelec Breda. Zgodovina slovenskega knjižnega jezika. Jezikoslovni spisi I / Uredil K. Ahačič. Lj., 2011. S. 243–255; Seitz Elisabeth. Govorniško stilno sredstvo ali pomoč pri prevajanju? Dvojnično vezniško priredje v izbranih besedilih Primoža Trubarja, Martina Lutra in njunih sodobnikov // Slavistična revija 43/1995, št. 4. S. 469–489; Ahačič Kozma. Zgodovina misli o jeziku in književnosti na Slovenskem: protestantizem // Linguistica et philologica 28. Lj., 2007. S. 302–303.

⁶⁴ Jakopin Franc. Jezikovna in pisna adaptacija imen v besedilih 16. stoletja // Družbena in kulturna podoba slovenske reformacije / Uredili M. Dolgan, D. Dolinar, F. Jakopin, D. Pokorn. Lj., 1986. S. 69–75.

⁶⁵ Novak France. Pomen dela slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja za oblikovanje slovenskega strokovnega izrazja in stilistike strokovnih besedil // Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Obdobja 24 / Uredila I. Orel. Lj., 2007. S. 263–282.

⁶⁶ Rajhman Jože. Prva slovenska knjiga v luči teoloških, literarno-zgodovinskih, jezikovnih in zgodovinskih raziskav. Lj., 1977. S. 104–125.

⁶⁷ Legan Ravnikar Andreja. Slovenska krščanska terminologija // Lingua Slovenica 4 / Uredila H. Dobrovoljc. Lj., 2008. S. 15–33.

ния, включая в этот круг еще одну группу выражений, которые не являются строго теологическими (например, *Slovenec* и *slovenski*).

А. Леган-Равникар⁶⁸ на основе анализа существительных и субстантивных словосочетаний заключает, что в период протестантизма количество словенской терминологической лексики существенно увеличилось. В своей монографии исследователь ищет ответы на следующие вопросы: из каких источников протестантские авторы черпали терминологическую лексику, в какой мере они опирались на христианскую традицию, как создавали новые термины. Также она пытается ответить на вопросы, какие именно словосочетания можно понимать как терминологические, а какие уже таковыми не являются, как не являются и устойчивыми, а какие стали стилистически окрашенными (например, *prava vera* – «протестантское вероисповедание»)⁶⁹.

1.2.2.6.2. К. Ахачич⁷⁰ подвергает семантическому анализу лингвистическую терминологию, использованную в произведениях словенских протестантских писателей. В качестве особой группы рассматривает словенскую лексику, касающуюся перевода, и терминологию риторики.

1.2.2.6.3. С *Библией* Далматина (1584), приданным ей *Регистром* и многоязычным словарем И. Мегисера (1603 г.) связан основной материал для анализа группы наименований деревьев⁷¹. Исследователи проанализировали 48 номинационных единиц (для 28 различных деревьев) и отметили для некоторых единиц многозначность, обратили внимание на случаи перекрестной синонимичности, а также на случаи затруднений в номинации, связанные с известной трудностью номинации в библейском оригинале. С проблемой предметного содержания наименования растения *buča*, использованного в *Библии* Далматина, сталкивается также С. Сирк⁷².

1.2.2.7. Очень много внимания было уделено заимствованиям, прежде всего из немецкого языка, использовавшимся словенскими протестантскими писателями XVI в.

1.2.2.7.1. Лексике немецкого происхождения в *Katekizise* (1550) Трубара посвящены два исследования, опубликованные А. Янко и Й. Топоришечем⁷³. А. Янко интерпретирует избранные германизмы семантически, а Й. Топоришич, прежде всего, уделяет внимание общецивилизационной и религиозно-нравственной лексике. Он указывает также на синонимичные пары у Трубара, составленные из заимствованного слова и словенского синонима, типа *nuz oli pryd*, а также на пуристическую деятельность

⁶⁸ *Legan Ravnikar Andreja*. Slovenska krščanska terminologija. S. 16.

⁶⁹ *Legan Ravnikar Andreja*. Terminološki in stilistični vidik poimenovanja verskih pojmov v protestantizmu in obdobju katoliške prenove // Reformatcija na Slovenskem. Obdobja 27 / Uredil A. Bjelčević. Lj., 2010. S. 385–399.

⁷⁰ *Ahačič Kozma*. Zgodovina misli o jeziku in književnosti na Slovenskem: protestantizem // *Linguistica et philologica* 28. Lj., 2007. S. 242–246.

⁷¹ *Premk Ana, Premk Francka*. Primerjava slovenskega, francoskega in latinskega poimenovanja dreves. Pogled na 16. stoletje pri Slovencih // *Razvoj slovenskega strokovnega jezika*. Obdobja 24 / Uredila I. Orel. Lj., 2007. S. 325–342.

⁷² *Sirk Stanislava*. Referenca besede *buča* v Dalmatinovi Bibliji // *Slavistična revija* 48/2001, št. 3. S. 185–196.

⁷³ *Janko Anton*. Raba in pogostost iz nemščine prevzetih besed v Trubarjevem Katekizmu (1550) // 16. stoletje v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 6 / Uredila B. Pogorelec in J. Koruza. Lj., 1986. S. 427–434; *Toporišič Jože*. Besedjeslovne razprave // *Linguistica et philologica* 13. Lj., 2006. S. 84–93.

епископа Хрена в период Контрреформации. Пуризм проявился в *Evangelijih in listuvih* в виде исключения использованных Трубаром немецких заимствований⁷⁴.

А. Янко⁷⁵ также исследовал произведение Трубара *Cerkovna ordninga* (1564) с точки зрения присутствия заимствований. Он интерпретирует отдельные лексемы по тематическому критерию с точки зрения их исходного значения, с учетом периода заимствования, а также фонетической и морфологической адаптации к словенскому языку. Подобный исследовательский метод был применен и к анализу заимствований в более раннем произведении Трубара *Ena dolga pregovor* (1557) Х. Язбец⁷⁶.

1.2.2.7.2. В свете рассмотрения зависимости от немецкого языка были исследованы и типологически сгруппированы также глагольные кальки, использованные в произведениях словенских протестантских писателей XVI века⁷⁷.

1.2.2.7.3. А. Леган-Равникар в нескольких работах анализировала лексику, заимствованную из разных языков, которая была составной частью словенского литературного языка XVI века⁷⁸. Автор дополняет анализ германизмов примерами семантических структур, которые в большей или меньшей степени совпадают с исходными⁷⁹.

1.2.2.7.4. К. Ахачич проанализировал латинские заимствования, использовавшиеся словенскими протестантскими писателями, и, прежде всего, встречающиеся у Трубара в *Cerkovni ordnungi* (1564), с точки зрения процессов включения этой лексики в словенский литературный язык. Исследователь указывает также на роль заимствований из латинского языка на становление словенского языка как европейского⁸⁰.

1.2.2.8. Во многих исследованиях лексики словенского литературного языка XVI века упоминались также использованные фразеологизмы, чаще как особенность текста или авторского стиля конкретного писателя, либо как особенность перевода, замена и т.п. Отдельная работа была посвящена проблематике выявления устойчивых словосочетаний и опыту их типологического анализа на материале *Cerkovne ordnunge* Трубара⁸¹.

⁷⁴ На тот факт, что главной особенностью *Evangelijev in listov* было систематичное удаление лексических германизмов, с дополнительным списком внесенных изменений, указывал еще Я. Риглер (см. *Rigler Jakob. Začetki slovenskega knjižnega jezika* // Dela – Opera 22 / Uredil F. Bezljaj. Lj., 1968. S. 213–215).

⁷⁵ *Janko Anton. Deutsche Lehnwörter zur Bezeichnung des Begriffskomplexes “Christliche ethische Werte und menschliche Sünden” in Trubars Cerkovna Ordninga* // Slovenci v evropski reformaciji. Lj., 1986. S. 77–89.

⁷⁶ *Jazbec Helena. Nemške izposojenke pri Trubarju* // Linguistica et philologica 17. Lj., 2007. 114 str.

⁷⁷ *Merše Majda. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o oblikoslovju, besedotvorju, glasoslovju in pravopisu* // Linguistica et philologica. 23. S. 129–146.

⁷⁸ Помимо слов, заимствованных из немецкого языка, она анализирует слова, заимствованные из латыни, древнееврейского языка, арамейского языка, греческого, итальянского, хорватского языков и из старославянского языка. (см. *Legan Ravnikar Andreja. Prevzete besede neslovenskega in slovanskega izvora v knjižni slovenščini 16. stoletja. Slovensko in slovansko* // Jezikoslovni zapiski 19/2013, št. 1 / Uredil P. Weiss. Lj. S. 129–142).

⁷⁹ *Legan Ravnikar Andreja. Problematika germanizmov v zgodovinskem slovarju knjižne slovenščine 16. stoletja* // Slovenski jezik na stičišču več kultur. Zora 102 / Uredil M. Jesenšek. Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Maribor; Praha, 2014. S. 70–84.

⁸⁰ *Ahačič Kozma. Nekaj vidikov umeščanja slovenščine v evropski jezikovni prostor 16. stoletja: od uporabnosti slovenskega jezika do latinskih tujk* // Jeziki, identitete, pripadnosti med središči in obrobji / Uredila K. Ahačič in P. Testen. Lj., 2011. S. 109–122.

⁸¹ *Kržišnik-Kolšek Erika. Poskus razvrstitve stalnih besednih zvez v Trubarjevi Cerkovni ordningi* // 16. stoletje v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 6 / Uredila B. Pogorelec in J. Koruza. Lj., 1986. S. 435–445.

1.2.2.9. С исходной концентрацией на пятидесятилетний период в истории словенского литературного языка XVI века, одновременно с проверкой существования и развития в более поздних периодах, изучались отдельные части речи, а также морфологические и словообразовательные категории, с одновременным вниманием к лексическому составу (в частности, изучение вида и залога глагола)⁸².

1.3. XVII в. и первая половина XVIII в. – эпоха Контрреформации и барокко

1.3.0. Лексикологический анализ произведений XVII в. и первой половины XVIII в. (в первую очередь – словарей, а также произведений главных барочных писателей – Янеза Светокришского и Рогерия Люблянского) – наиболее частая составная часть многоуровневых лингвистических исследований.

1.3.1. Что касается состава и словообразовательной типологии синонимических рядов, то были проанализированы многочисленные печатные и рукописные словари, в составе которых был словенский язык, начиная с XVI века.

1.3.1.1. Первым, по времени непосредственно последовавшим за двумя многоязычными словарями Мегисера (1592 и 1603 гг.) протестантского периода, стал намного менее объемный итальянско-словенский словарь Аласио да Соммарипе (1607). В словарь включены словенские эквиваленты, исследователями было проанализировано их количество, типология, источники и семантические взаимоотношения. Проанализировано также семантическое соотношение итальянских исходных слов и их словенских эквивалентов. Сопоставление с более ранними и более поздними словарями подтвердило влияние словарей Мегисера, а также выявило необоснованные романизмы Аласио, диалектные выражения⁸³ и неологизмы⁸⁴. Многочленность и лексическая вариантность также была проанализирована с точки зрения причинности⁸⁵.

1.3.1.2.1. И. Орел⁸⁶ представила словарь *Kranjsko besedišče pisano* как первый сохранившийся рукописный словарь XVII века. На основе анализа синонимических рядов в словаре и на основе сопоставления с обоими словарями Мегисера особо подчеркивается вклад этого словаря в лексический фонд. Заслуживает внимания плановое включение славянской лексики и исключение германизмов.

1.3.1.3. Очень тщательно в диахроническом (с XVI в. по XVIII в.) и сопоставительном аспектах по перечням слов и словарям была исследована синонимия существительных⁸⁷. Синонимы представлены в зависимости от источника и социальной

⁸² *Merše Majda*. Vid in vrstnost glagola v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja. Aspect and aktionsart in the 16th century slovene // *Dela – Opera* 44 / Uredil F. Jakopin. Lj., 1995. 420 S. В этот список можно было бы также включить многотомную монографию Байца, изобилующую историческим материалом (1950, 1952 in 1959): *Besedotvorje slovenskega jezika*; см. *Toporišič Jože*. Besedjeslovne razprave // *Linguistica et philologica* 13. Lj., 2006. S. 115–130.

⁸³ На типичные для местности Крас выражения в словаре Аласио указывает также М. Орожен (см.: *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). Lj., 1996. S. 291–292.

⁸⁴ *Orel Irena*. Slovensko besedje iz prvega italijansko-slovenskega slovarja (1607) v luči slovarskega izročila in kontinuitete // *Razprave – Dissertationes* XX / Uredil J. Toporišič. Lj., 2007. S. 169–189.

⁸⁵ *Furlan Metka*. Variantnost v Alasijevem italijansko-slovenskem slovarju (1607) // *Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja*. Zora 56 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2008. S. 146–164.

⁸⁶ *Orel Irena*. Kranjsko besediše pisano – prvi ohranjeni obrnjeni slovar iz 17. stoletja // *Diahronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah*. Zora 41 / Uredili M. Koletnik in V. Smole. Maribor, 2006. S. 501–507.

⁸⁷ *Orel Pogačnik Irena*. Sopomenskost samostalnikov v starejših slovenskih slovarjih // *Slavistična revija* 39/1991, št. 2. S. 145–163.

окрашенности, сгруппированы по различным критериям, также в зависимости от степени совпадения.

1.3.1.4. С точки зрения поддержания протестантской традиции и отступлений от нее отдельно была проанализирована глагольная лексика, включенная в четыре словаря XVIII в.⁸⁸ Анализ обнаружил довольно сильные изменения в составе глагольной лексики. Новыми оказываются номинации многочисленных общественно актуальных вещей (действий), а также экспрессивные номинации (например, ономотопейные глаголы).

1.3.2. Произведения всех наиболее значимых писателей XVII в. – первой половины XVIII в. (главным образом, в контексте более широких лингвистических исследований) были проанализированы с точки зрения выбора лексики и с учетом их вклада в обогащение лексического фонда: Матия Кастелец⁸⁹, Адам Скалар, проповедники Светокришский⁹⁰ и Рогерий⁹¹, а также Пагловец⁹². Лексика анализировалась с точки зрения источника и доли заимствований, а также с точки зрения словообразования, а сами тексты – с точки зрения присутствия и способа использования синонимов. Были выявлены способы выражения многозначности, оценена доля устойчивых словосочетаний, использование фразеологизмов и т.д. При изучении языка Светокришского был также добавлен анализ использования лексики в зависимости от материальной сферы⁹³. Особо выделена группа имен собственных. М. Орожен подчеркивает языковые особенности переводов Пагловича, к которым относится замена архаизмов и книжных неологизмов Далматина и использование практически общепринятых заимствований.

1.3.2.1. В ряде исследований содержится также сопоставление с предшествующими периодами, в первую очередь с протестантизмом⁹⁴, что позволяет сделать выводы о происходящих изменениях при выборе лексики. Изменился и частично увеличился состав стилистически (эмоционально, либо социально) окрашенной лексики (например, *butiti, šeškati*), представленной как рефлексия части речи.

1.3.3. В рукописных текстах, созданных XVII–XVIII вв. (например, *Kalobski rokopis*, рукописи Стаплетона и Скалара), среди которых преобладают тексты религиозного содержания, лексический фонд сопоставим с таковым в печатных книгах⁹⁵.

⁸⁸ *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki // *Linguistica et philologica* 29. S. 281–295.

⁸⁹ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 290–302; *eadem*. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Od sistema k besedilu. S. 64–142.

⁹⁰ *Toporišič Jože*. Besedjeslovne razprave // *Linguistica et philologica* 13. Lj., 2006. S. 94–101; *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki // *Linguistica et philologica* 29. S. 249–263.

⁹¹ *Orel Irena*. Jezik pridig o. Rogerija Ljubljanskega // *Palmarium empyreum*. Spemne študije. Dela – Opera 55/III / Uredil J. Pogačnik. Lj., 2001. S. 29–76.

⁹² *Orožen Martina*. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Od sistema k besedilu. S. 153–165.

⁹³ *Toporišič Jože*. Besedjeslovne razprave. S. 94–101.

⁹⁴ См., например: *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 290–302; *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki // *Linguistica et philologica* 29. S. 249–263.

⁹⁵ *Orožen Martina*. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Od sistema k besedilu. S. 64–108, 144–152; *Orel Irena*. Od znanega k manj znanemu v 18. stoletju: od Škofjeloškega do Osapskega pasijona,

1.3.4. Одна из глав монографического исследования литургической (обрядовой) католической терминологии, периода с X в. до конца XIX в., посвящена периоду Контрреформации и барокко (1595–1768)⁹⁶. Автор трактует указанный период как непосредственное продолжение докнижной традиции. Терминология была католической, однако ангажированно подчеркивались различия с протестантским обрядовым языком: *prava vera* «католическая».

1.3.4.1. Исследование языка рукописи Колехера (1750) и подготовка книги П.-А. Маттиоли о лекарственных растениях⁹⁷ затронули также медицинскую и ботаническую области номинации, дополненные номинацией частей тела и мерами весов. Среди использованных слов помимо заимствований встречаются словенские, с признаками диалектного употребления, калькированные наименования, а также описания в качестве замены иностранных наименований. Удовлетворительную семантическую узнаваемость терминов во многих случаях обеспечивал перечень немецких, часто чешских, реже латинских названий.

1.4. Вторая половина XVIII в. и начало XIX в. – эпоха Просвещения, региональные языковые различия (центральные словенские земли, Каринтия, Штирия и Прекмурье)

1.4.1. Вторая половина XVIII в. в Крањской прошла под знаком разнообразной литературной деятельности отца Марко Похлина. Ему принадлежат: 1) разнообразные тексты религиозного содержания; 2) труды языковедческого-нормативного характера (грамматика, словарь); 3) труды воспитательно-просветительского характера (*Kmetom za potrebo inu pomoč*, 1789), в которых обращают на себя внимание его терминологические усилия. Похлин стремился преодолеть разрыв между традиционной литературной (письменной) и современной ему разговорной формой крањского-словенского языка, что проявилось также на лексическом уровне. Заметны германизмы, особенно мешали неологизмы. М. Орожен в рамках лингвистического анализа его молитвенников и проповедей упоминает также синонимические ряды, основанные на пояснениях, экспрессивные разговорные фразеологизмы, метонимические переносы и бытовые метафоры⁹⁸.

1.4.1.1. Многие исследования были посвящены усилиям Похлина в области специальной терминологии. Отдельную работу об охвате, типологии и способах формирования специальной (математической) терминологии в книге Похлина *Bukuvze fa rajtengo* (1781) написал Ф. Новак⁹⁹.

А. Леган-Равникар¹⁰⁰ анализирует зачатки терминологии из различных областей знания и способы ее формирования в переводе, выполненном Похлином, в просветительском труде Беккера энциклопедического характера, вышедшего под названием

---

od Stržinarjeve do Kadunčeve pesmarice, od pridig Janeza Svetokriškega do rokopisnih pridig s Koroškega // Neznano in pozabljeno iz 18. stoletja na Slovenskem / Uredil M. Preinfalk. Lj., 2011. S. 389–405.

⁹⁶ *Legan Ravnikař Andreja*. Slovenska kršćanska terminologija // *Lingua Slovenica*. 4 / Uredila H. Dobrovoljc. Lj., 2008. S. 35–48.

⁹⁷ *Novak France*. Jezik Koliherjevega rokopisa // *Medicinski razgledi* 23/1984, št. 8. S. 263–267.

⁹⁸ *Orožen Martina*. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Od sistema k besedilu. S. 166–195.

⁹⁹ *Ibid.*

¹⁰⁰ *Legan Ravnikař Andreja*. Slovensko strokovno izrazje in jezik v Pohlinovem delu *Kmetam za potrebo inu pomoč* (1789) // *Novi pogledi na filološko delo o. Marka Pohlina in njegov čas* / Uredila I. Orel. Lj., 2013. S. 275–293.

Kmetam za potrebo inu pomoč (1789), с точки зрения заимствования, перевода, калькирования и создания по различным словообразовательным моделям.

1.4.1.2. Трехязычный словарь Похлина (с исходным словенским языком) (1781) специально исследовался в целях изучения синонимии¹⁰¹. Было отмечено также присутствие и роль устойчивых словосочетаний и фразеологизмов.

Анализ словника словаря Похлина учитывал различные семантические пласты лексики¹⁰². Обнаружилось, что при включении в словарь учитывался, прежде всего, практический аспект: в словарь включено множество наименований из сферы актуального на тот момент материального и нематериального мира, за пределом словаря остались многочисленные системно предполагаемые дериваты и узкоспециальные и экспрессивные наименования. Типизированно представлена также различительная лексика, выявленная в сопоставлении с произведениями словенских протестантских писателей XVI в. и словаря Похлина.

1.4.2. Обзор ускоренного развития словенского языка как официального во второй половине XVIII в. представила М. Орожен¹⁰³. Официально-деловой язык в качестве нового функционального стиля словенского литературного языка, включая значительный новый терминологический слой лексики, начал быстро развиваться как следствие новых изменений в системе государственного управления в эпоху правления Марии-Терезии, в частности, появления патентов и разного рода извещений. В этот период наблюдается сильнейшее влияние лексики оригиналов на переводы. Недостояющие наименования явлений материального мира и абстрактные понятия часто переводились описательно или калькированно, иногда неадекватно.

1.4.2.1. На разграничение функциональных стилей в конце XVIII в. оказал влияние также выход поэтического сборника *Pisanice* (1779–1781). При лексикологическом анализе языка сборника выявляется, помимо общеизвестных слов и редкой архаичной лексики, новый пласт лексики, необходимой для номинации ранее не присутствующей тематики, а также ряд экспрессивных слов, характерных для поэтического языка¹⁰⁴.

1.5. Варианты литературного языка

1.5.0. Во второй половине XVIII в. на небольшой, но диалектно весьма пестрой словенской языковой территории, сформировались четыре (номинированные грамматическими и словарными описаниями) локальных диалектных варианта: центрально-словенский, восточно-штирийский, прекурский и каринтийский. Социолингвистические и исторические причины их возникновения представила М. Орожен¹⁰⁵.

¹⁰¹ *Novak France*. Večpomenskost v Pohlínovem slovarju Tu malu besediše treh jezikov iz leta 1781 // *Novi pogledi na filološko delo o. Marka Pohlina in njegov čas / Uredila I. Orel*. Lj. 2013. S. 208–226.

¹⁰² *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki // *Linguistica et philologica* 29. S. 265–279.

¹⁰³ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 326–343.

¹⁰⁴ *Legiša Lino*. *Pisanice 1779–1782. Die Gedichtsammlungen Pisanice 1779–1782 / Uredil A. Ocvirk*. Lj., 1977. S. 412–417.

¹⁰⁵ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 103, 313–318, 356–372. О возникновении и развитии прекурского языка см.: *Jesenšek Marko*. Spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor. Zora 33. Maribor, 2005. S. 26–38.

1.5.1. Каринтийский вариант языка

1.5.1.1. В XVIII в. в Каринтии различали три наддиалектных слоя языка: 1. буквеништво¹⁰⁶; 2. региональный вариант словаря Мегисера (1744), написанный Миклавцем; 3. грамматику Гутсмана со словарем, позже также труд Ярника о словообразовании, номинировавшем литературный язык¹⁰⁷.

1.5.1.2. М.Орожен в отдельной работе¹⁰⁸ на основании анализа каринтийского лексического материала представляет размеры территориального распространения локальной лексики и разъясняет причины этого явления, одновременно демонстрируя локальную обусловленность различий. Исследователь также проанализировала ряд произведений, относящихся к разным функциональным стилям, с точки зрения словообразования, например, дополненный каринтийской лексикой издание словаря Мегисера (1744)¹⁰⁹, материал из словаря Гутсмана (1789) и из религиозного текста *Christianske Resnice* (1770), а также рукописный сборник церковных гимнов *Tinjski rokopis* (стихотворные тексты были записаны, или, возможно, переписаны в 1839 г.)¹¹⁰. Во всех типах текстов отмечается стилистическое и семантическое использование каринтийской региональной лексики. Часто отмечаются заслуги Гутсмана в деле введения в оборот исконной лексики. Он использовал следующую модель введения словенской лексики: исходное слово+заимствованное слово в скобках, например *zrak (luft)*¹¹¹.

1.5.1.2.1. Отдельное исследование было посвящено короткому сборнику устойчивых словосочетаний из грамматики и словаря Гутсмана¹¹². Автор рассуждает (в согласии с пониманием Гутсманом устойчивых словосочетаний) на основании принципов, изложенных в рамках более широких теоретических размышлений о различиях между фразеологическими и нефразеологическими устойчивыми словосочетаниями, о синтаксических и семантических свойствах фразеологизмов. Приведенные в сборнике фразеологизмы распределены в зависимости от их синтаксической структуры и от соотношения между словенскими оригиналами и немецкими переводными эквивалентами.

¹⁰⁶ Литературная деятельность необразованных, народных писателей. Для их языка характерно большое количество заимствований и диалектных включений на всех уровнях языка (см.: *Orožen Martina. Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja)*. S. 349–350).

¹⁰⁷ *Orožen Martina. Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja)*. S. 313–318.

¹⁰⁸ *Ibid.* S. 344–355.

¹⁰⁹ В фокусе внимания словаря Мегисера 1744 г. процессы формирования синонимии. В синонимических рядах на первом месте находятся каринтийские, а затем центрально-словенские заимствования и кальки. См.: *Orožen Martina. Razvoj slovenske jezikoslovne misli. Zora 26 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2003.* S. 194–208.

¹¹⁰ *Orožen Martina. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Od sistema k besedilu.* S. 400–413. Обзор наиболее значимых (синтаксических) типов лексических и синтаксических связей, использованных в *Tinjskem rokopisu*, опубликовал М. Есеншек (см.: *Jesenšek Marko. Slovensko panonsko besedje in razvoj slovenskega jezika // Besedoslovne spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor. Zora 49 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2007.* S. 241–244).

¹¹¹ *Orožen Martina. Razvoj slovenske jezikoslovne misli. Zora 26 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2003.* S. 227–228.

¹¹² *Kržišnik Erika. Gutsmanovo razumevanje stalnih besednih zvez // Jezikoslovne in literarnovedne raziskave / Uredila B. Pogorelec s sodelavci. Celovec; Lj., 1997.* S. 27–37.

1.5.1.2.2 Лексикологический характер имеет также анализ структурно-семантической и выразительной структурированности словенских эквивалентов, приведенных в словаре Гутсмана, немецких сложных слов в роли оригиналов¹¹³. Были выявлены три типа соответствий: словенские эквиваленты (1), переведенные поморфемно (*Dreyeck – trivogel*); (2) обладающие собственной семантически-морфологической структурой (*Gotteshaus – cirkou*); (3) частично калькированные (*Brautbett – zakonska postel*).

1.5.2. Восточно-словенский литературный язык с восточно-штирийским и прекмурским вариантами

1.5.2.0. Восточно-словенскому литературному языку в обоих вариантах посвящен ряд работ М. Орожен¹¹⁴, а оба варианта исчерпывающе представлены в монографии Марко Есеншека¹¹⁵ (2013 в 2015). Для восточнословенского литературного языка XVIII века характерно использование исконной словенской лексики, присутствие германизмов и небольшого числа мадьяризмов, а также совпадения с кайкавской лексикой¹¹⁶.

1.5.2.1. Восточно-штирийский вариант (литературного) языка

1.5.2.1.1. М. Есеншек рассматривает (2015) восточно-штирийский литературный язык через призму его использования в различных произведениях: в словарях¹¹⁷, катехизисах¹¹⁸, проповедях епископа Сломшека¹¹⁹, в его же баснях¹²⁰, в поэзии Фольмера, в библейских переводах (сопоставительно, в переводах Япеля и Дайнко), в историческом труде Кремпеля *Dogodivšine štajerske zemle* (1845)¹²¹, а также с точки зрения

¹¹³ *Vidovič Muha Ada*. Tipologija slovenskih ustreznih nemških zloženkam v Gutsmanovem slovarju // Jezikoslovne in literarnovedne raziskave / Uredila B. Pogorelec s sodelavci. Celovec; Lj., 1997. S. 39–54.

¹¹⁴ *Orožen Martina*. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. Lj., 1996. S. 121–133; *eadem*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 70–112, 356–380.

¹¹⁵ *Jesenšek Marko*. Poglavlja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika // Zora 90. Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Maribor; Praha, 2013. 390 s; *id.* Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika // Zora 110. Maribor; Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Praha, 2015. 389 s.

¹¹⁶ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 84–85.

¹¹⁷ М. Есеншек (см. *Jesenšek Marko*. Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika // Zora 110. S. 52–84), например, описывает словенскую лексику из рукописного немецко-словенского словаря (1760), изданного Иваном Антоном Апостолом. Анализ, помимо словообразования, форм и синонимии, касается также и тематического аспекта.

¹¹⁸ На совпадения восточно-штирийской и кайкавской лексики указывает также лингвистический анализ словенского перевода Катехизиса И. Пархамера второй половины XVIII в. (см.: *Jesenšek Marko*. Slovensko panonsko besedje in razvoj slovenskega jezika. S. 220–229; *id.* Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika. S. 75–84).

¹¹⁹ Ораторский талант Сломшека проявился также в проповедях, как в выборе лексики, так и в синтаксисе. Он использовал архаичные слова, диалектные выражения, некоторое количество заимствований, как из немецкого языка, так и из венгерского, различные народные пословицы, различные стилистические приемы, а также двойные формулы (см.: *Jesenšek Marko*. Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika. S. 171–175).

¹²⁰ М. Есеншек приводит несколько характерных фразеологизмов и предисловий, использованных в баснях Сломшека (1896) (см.: *Jesenšek Marko*. Slovensko panonsko besedje in razvoj slovenskega jezika. S. 200–201).

¹²¹ Представлены группы имен собственных: личные, географические названия и реальные имена собственные.

присутствия в словарных материалах¹²², либо в специально отобранном (приданном словаре) материале, учтенном в словаре Плетершника.

1.5.2.1.2. Разнообразному лексикологическо-грамматическому творчеству Антона Мартина Сломшека, как одного из наиболее важных писателей первой половины XIX в., в ряде публикаций уделяет большое внимание также и М. Орожен¹²³. Книжная лексика Сломшека в своей основе является центрально-словенской, но он также использует локальную каринтийскую, штирийскую и панонскую лексику. Его стремление пополнить лексический фонд увеличило количество синонимичных пар. В текстах Сломшека также встречаются книжные неологизмы и даже заимствованные слова. М. Орожен при анализе языка проповедей упоминает семантические переносы, метафоры, гиперболы, ряды символов и т.п. В календаре *Blaže in Nežica* Сломшек вводит различные термины.

1.5.2.1.3. Многие исследователи занимаются творчеством П. Дайнко и его языком. Проанализирована также лексика.

З. Зорко исследовала две группы слов (наречия и глаголы говорения) с точки зрения словообразования и семантической самостоятельности в рамках словообразовательного и синтаксически обоснованного анализа произведения *Kmet Izidor*¹²⁴. Использование П. Дайнко видовых форма глагола¹²⁵ и предлогов¹²⁶ представлено в сопоставлении с центрально-словенским вариантом.

Литургическую терминологию, использованную в катехизисах Дайнко, в сопоставлении с центрально-словенской лексикой и произведениями Сломшека, анализировала А. Леган-Равникар¹²⁷, а пчеловодческую терминологию, использованную в книге *Čelarstvo* (1831), Ф. Новак¹²⁸. Были обнаружены следующие типологические особенности: восточно-штирийская обрядовая терминология у П. Дайнко отличается от центрально-словенской исконностью лексики и типичными словообразовательными морфемами. Также и в случае пчеловодческой терминологии на различных уровнях обнаруживаются региональные особенности. Встречаются также неологизмы, заметны и усилия по адаптации терминологии. Составной частью терминологии являются также многочисленные описания (например, *kotel na vrenje*), а также синонимические пары и ряды, которые Дайнко часто использует с информативной целью. Некоторые термины обнаруживают признаки метонимии.

¹²² *Jesenšek Marko*. Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika. S. 156–164, 231–254.

¹²³ *Orožen Martina*. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. Lj., 1996. S. 103–119; *Orožen Martina*. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Od sistema k besedilu. S. 257–323.

¹²⁴ *Zorko Zinka*. Oblikoslovna in skladijska analiza Dajnkovega dela *Kmet Izidor* s svojimi otroki ino lydmii // *Dajnkov zbornik. Zora 3 / Uredila M. Jesenšek in B. Rajh. Maribor, 1998. S. 111–128.*

¹²⁵ *Merše Majda*. Dajnkov prikaz in raba glagolskega vida v primerjavi z osrednjim slovenskim knjižno-jezikovnim prostorom // *Dajnkov zbornik. Zora 3 / Uredila M. Jesenšek in B. Rajh. Maribor, 1998. S. 143–158.*

¹²⁶ *Orel Irena*. Dajnkova raba predlogov v primerjavi z osrednjeslovensko // *Dajnkov zbornik. Zora 3 / Uredila M. Jesenšek in B. Rajh. Maribor, 1998. S. 129–141.*

¹²⁷ *Legan Ravnikar Andreja*. Liturgična terminologija v Dajnkovih katekizmih // *Dajnkov zbornik. Zora 3 / Uredila M. Jesenšek in B. Rajh. Maribor, 1998. S. 171–181.*

¹²⁸ *Novak France*. Dajnkovo čebelarstvo // *Dajnkov zbornik. Zora 3 / Uredila M. Jesenšek in B. Rajh. Maribor, 1998. S. 199–206.* Ф. Новак, описывая структурные особенности терминологических наименований, затрагивает также методологический вопрос в связи с наиболее точными способами определения и представления терминологии.

В исследованиях словенских лингвистов представлены также перечни пословиц в грамматиках Дайнко (1824) и Мурка (1832). Поскольку материал представляет интерес для этнологии, его исследованием занималась М. Станоник¹²⁹.

1.5.2.1.4. На некоторые лексические особенности исследователи обратили внимание и у других писателей (например, у Фолькмера).

1.5.2.2. Прекмурский вариант литературного языка

1.5.2.2.0. Основную характеристику лексического фонда прекмурского литературного языка представил В. Новак¹³⁰. В нем содержится большое количество диалектной лексики. Отсутствует, прежде всего, шутовская, ироническая и пейоративная лексика. Прекмурский диалект сохранил большое количество архаичной, унаследованной от праславянского языка, лексики, множество слов было создано самим диалектом, часть заимствована из родственных славянских диалектов (кайкавские диалекты хорватского языка). Как авторы рукописных произведений, так и позже прекмурские писатели заимствовали лексику также у центрально-словенских писателей, начиная с Трубара и его последователей, а в XIX веке также и у штирийских авторов. Обращает на себя внимание также стремление авторов заменить заимствования (из немецкого или венгерского) словенской лексикой.

1.5.2.2.1. Лингвистические исследования, включающие лексикологический анализ, были посвящены языку основных прекмурских писателей (Штефана и Миклоша Кюзмичей, Кардоша¹³¹, Кошича, Аугустича, Терплана, Сиярта). Лингвистические исследования последовательно охватили тексты многих жанров (например, библейские переводы, проповеди, катехизисы, буквари, песенники, учебники, журналы и т.д.).

1.5.2.2.1.1. Большое внимание исследователи уделяли языку Штефана Кюзмича как основоположника прекмурского литературного языка. Его библейский перевод *Nouvi Zákon* (1771) дает возможность сопоставления с центрально-словенскими библейскими переводами. М. Орожен¹³² обращает внимание на значительную степень согласованности на словообразовательном и лексическом уровне, в меньшей степени на синтаксическом, что объясняет зависимостью от разных оригиналов, с которых делались переводы. При сопоставлении М. Есеншеком¹³³ обнаружены языковые различия (в том числе, и лексические) между переводами новозаветных текстов Трубара, Кюзмича и Япеля. М. Орожен проанализировала также лексические и языковые кон-

¹²⁹ Stanonik Marija. Peter Dajnko in slovstvena folklor // Dajnkov zbornik. Zora 3 / Uredila M. Jesenšek in B. Rajh. Maribor, 1998. S. 317–330; eadem. Pregovori pri Antonu Murku // Murkov zbornik. Zora 9 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 1999. S. 49–63.

¹³⁰ Novak Vilko. Izbor prekmurskega slovstva. Lj., 1976. S. 15.

¹³¹ Важнейшим прекмурским протестантским автором после Штефана Кюзмича был Кардош, который не хотел отказываться от грамматической традиции своего предшественника. Он ввел некоторое количество языковых новаций, но одновременно пытался сохранить старославянский язык (*Jesenšek Marko. Poglavlja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika // Zora 90. S. 285–286.*)

¹³² Orožen Martina. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 110.

¹³³ Jesenšek Marko. Poglavlja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika. S. 62–71; id. Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika // Zora 110. S. 32–33. На выбор типологически различной глагольной лексики в словенском литературном языке XVI века, в языке Ю. Япеля и в старом литературном прекмурском языке указывает также сравнительно-историческое исследование вида глаголов (*Merše Majda. Glagolski vid v stari knjižni prekmurščini in v osrednjem knjižnem jeziku // Prekmurska narečna slovstvena ustvarjalnost / Uredil J. Vugrinec. Murska Sobota, 2005. S. 140–157.*)

струкции произведения Ш. Кюзмича *Vöre krsztsánszke kratki návuk* (1754) как образцового протестантского катехизиса¹³⁴.

1.5.2.2.1.2. В процессе сравнительно-исторических исследований (с Сломшеком и Кремпелем, а также с центрально-словенским и восточно-штирийским литературным языком) был более точно определен вклад Йозефа Кошича в формирование функциональных стилей литературного прекурского языка¹³⁵. Подобным же образом были обнаружены языковые различия между тремя переводами *Zgodb Svetega Pisma*¹³⁶.

1.5.2.2.2. Больше знаний об использованной лексике дали также исследования (протестантских и католических) проповедей и церковных гимнов на прекурском литературном языке¹³⁷. Исследования показали использование синонимов и неологизмов. Анализ проповедей также показал использование протестантской терминологической лексики и присутствие метафор, а анализ гимнов – использование ставшей общепринятой книжной лексики, редких архаичных кайкавских основ, а в католических текстах – старой паннонской обрядовой терминологии и характерных стилистических приемов.

1.5.2.2.3. М. Есеншек¹³⁸ также внес свой вклад в лингвистический анализ прекурских просветительских текстов XIX века – букварей и учебников, рассматривая их в контексте исторических событий.

Более подробный анализ лексических особенностей прекурского литературного языка опирается на букварь Миклоша Кюзмича (1790)¹³⁹. В небольшом словенско-венгерском словаре букваря (185 слов) приведены пары словенских (т.е., прекурских) и венгерских эквивалентов, сгруппированных по тематическому принципу. В словаре преобладают слова славянского происхождения. Заметно влияние венгерского языка, хотя Кюзмич адаптировал венгерские слова к словенскому языку¹⁴⁰. Распределенная по тематическим группам лексика Кюзмича была также проанализирована в сопоставлении с лексикой из других словарей¹⁴¹.

1.5.2.2.4. Некоторые сведения об использованной лексике дало сопоставление терминологического (научно-популярного) языка Агустича (1878) и Эрьявеца (1868–1871)¹⁴². Обзор учебников показал, что шли процессы формирования словенской научной грамматической лексики, при этом был выявлен тот факт, что прекурский научный язык стремился приблизиться к единому словенскому языку¹⁴³. М. Есеншек анализирует также язык прекурских газет и журналов, который продолжает суще-

¹³⁴ *Orožen Martina*. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. S. 450–458.

¹³⁵ *Orožen Martina*. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. Lj., 1996. S. 135–151.

¹³⁶ *Orožen Martina*. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. S. 469–486.

¹³⁷ *Ibid.* S. 405–413, 459–468.

¹³⁸ *Jesenšek Marko*. Poglavlja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika. S. 218–234.

¹³⁹ *Ibid.* S. 208–217.

¹⁴⁰ На заимствования из венгерского языка в переводе Кюзмича *Нового Завета* указала М. Байжек-Лукач (*Bajzek Lukač Marija*). Madžarske izposojenke v Kúmičevem prevodu Novega zakona // Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika. Zora 32 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2005. S. 436–448. Выбранные примеры распределены по тематическому принципу и дополнены сведениями о времени заимствования.

¹⁴¹ *Jesenšek Marko*. Slovensko panonsko besedje in razvoj slovenskega jezika // Besedoslovne spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor. Zora 49 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2007. S. 210–220.

¹⁴² *Jesenšek Marko*. Poglavlja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika. S. 224–228.

¹⁴³ *Ibid.* S. 226–232.

ствовать в XX веке¹⁴⁴. Особенности газетно-журнального стиля в первой прекурской газете *Prijatelj* комментируются также при помощи социолингвистических пояснений¹⁴⁵. В более позднем¹⁴⁶ многоуровневом анализе языка газеты исследователь указывает на несколько факторов, оказывавших влияние на лексику (например, тот факт, что газета была предназначена для всех слоев общества, в ней присутствуют тексты разных жанров) и на собственно лексические особенности. В газете появляется характерная паннонская лексика, а также фразеологизмы и поговорки. Заметно формирование политической лексики (например, *orszacsko szpravisce 'državni zbor'* – ‘Национальное собрание’). Словообразовательный анализ лексики показывает, что формирование политической лексики идет, в основном, по принципам паннонского словообразования. Отдельно представлены географические названия¹⁴⁷. Включение венгерской общественно-политической лексики и военной терминологии было продуманным. Агустич, как правило, старался найти прекурский эквивалент, чаще всего неологизм¹⁴⁸.

Целью лингвистического анализа рукописи *Sztarisinsztvo i zvacinsztvo* (1807)¹⁴⁹ Штефана Сиярта было выявление разнообразных диалектизмов, но он выявил также ряд других лексических особенностей, в частности, кроме паннонизмов, мадьяризмы и германизмы.

1.5.2.2.5. Особо были проанализированы некоторые лексические группы, например, имена святых в *Knjigi molitveni* Кюзмица (1846, 1904, 1914, 1931)¹⁵⁰, а также названия месяцев в словенском паннонском регионе¹⁵¹.

1.5.2.2.6. М. Есеншек опубликовал обширный сравнительно-исторический обзор паннонской лексики¹⁵². Работа проиллюстрирована материалом из словарей, а также из текстов различных жанров в хронологическом порядке (например, из рукописного текста XVII в. А. Рогана). Очевидно, что основной паннонский лексический фонд унаследован от праславянского языка и не отличается от центрально-словенского, а отличия восходят к кирилломефодиевскому периоду. Рукопись XVII в. свидетельствует, что прекурский язык, несмотря на зависимость от кайкавской книжности, обладал собственной религиозной лексикой.

¹⁴⁴ Ibid. S. 254–291. Более подробно о зарождении прекурской журналистики (первый журнал *Prijatelj: Učnik Natalija. Začetki prekmurskega časopisja. Besedje Agustičevega časopisa Prijatelj // Zora 67. Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Maribor; Praha, 2009.* Частью монографии является словарь, цель которого – более полно представить лексику Агустича, а также языковые и стилистические особенности газетного языка. Для этого служит газетный раздел, который также описывает новое в лексикографии. В этом разделе представлены отдельные слова, словосочетания и значения, характерные для нового функционального стиля прекурского литературного языка.

¹⁴⁵ *Jesenšek Marko. Slovensko panonsko besedje in razvoj slovenskega jezika. S. 188–191.*

¹⁴⁶ *Jesenšek Marko. Poglavlja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika. S. 261–274.*

¹⁴⁷ Ibid. S. 275–283.

¹⁴⁸ Ibid. S. 284–291.

¹⁴⁹ *Koletnik Mihaela. Dialektizmi v Starišinstvu i zvačinstvu Števana Sijarta // Prekmurska narečna slovstvena ustvarjalnost / Uredil J. Vugrinec. Murska Sobota, 2005. S. 158–167.*

¹⁵⁰ *Orožen Martina. Razvoj slovenske jezikoslovne misli // Zora 26 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2003. S. 279–299.*

¹⁵¹ Записаны в журналах и календарях. Проанализированы с точки зрения региональных различий и исторической изменчивости: *Jesenšek Marko. Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika // Zora 110. S. 301–308.*

¹⁵² *Jesenšek Marko. Slovensko panonsko besedje in razvoj slovenskega jezika. S. 9–284.*

1.5.2.2.7. В сопоставлении с центральным регионом в нескольких публикациях изучались также грамматические замены, появляющиеся в разных вариантах литературного языка, особенно на рубеже XVIII–XIX вв.: например, наречных обстоятельств образа действия¹⁵³. Помимо региональной распространенности употребления при анализе учитывались морфологические, словообразовательные и семантические свойства. На основании сопоставления переводов отрывков из евангельских текстов на центрально-словенский, каринтийский, штирийский и премурский варианты литературного языка с середины XVIII в. до середины XIX в. анализировались также различия в оригиналах¹⁵⁴.

1.6. Первая половина XIX века – эпоха пуризма

1.6.0. О Е.Копитаре как борце за чистоту словенского литературного языка в ряде работ писала М. Орожен¹⁵⁵. Его грамматика (1808/1809) содержит острую критику современного ему «городского» краньского языка. По мнению Копитара, преобразование литературного языка, которое в значительной мере касалось бы синтаксического и лексического уровней, должна была опираться на язык словенского крестьянства, преобладавшего в структуре населения.

1.6.1. Учет требования Копитара к последовательному включению исконных системных основ в области синтаксиса, словообразования, лексики имел заметные последствия¹⁵⁶.

1.6.1.1. Первым с предложениями по реформированию литературного языка, открытого для народной речи и учета лексики всех упомянутых в грамматике диалектных групп, в книге для чтения *Nemško-slovenske Branja* (1812) выступил Примиц¹⁵⁷. В своих трудах он использовал диалектную лексику, а заимствования приводил в скобках¹⁵⁸.

1.6.1.2. М. Орожен представляет деятельность поколения священников-грамматистов и практиков общего словенского литературного языка¹⁵⁹. Последние, с момента публикации грамматики Копитара до введения новых форм (1850), несли бремя преобразования старой калькированной краньской синтаксической и лексической структуры в новую, приемлемую для всех словенцев исконную синтаксическую и лексическую структуру. Старые, заимствованные из немецкого языка слова в значительной мере были замещены восточнословенскими (*trošt* → *upanje, nada*). На новое литера-

¹⁵³ *Orel Irena*. Osrednje in obrobno v zgodovini slovenskega jezika (na primeru izzaimenskih okoliščinskih prislovov v knjižnih različicah na prehodu iz 18. v 19. stoletje) // 37. seminar slovenskega jezika, literature in kulture / Uredila I. Orel. Lj., 2001. S. 33–55.

¹⁵⁴ *Orel Irena*. Predložni sestav osrednjeslovenske, koroške, štajerske in prekmurske knjižne različice od srede 18. do srede 19. stoletja // Logarjev zbornik. Zora 8 / Uredili Z. Zorko in M. Koletnik. Maribor, 1999. S. 124–136.

¹⁵⁵ *Orožen Martina*. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. Lj., 1996. S. 51–62, 77–90.

¹⁵⁶ *Orožen Martina*. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Od sistema k besedilu. S. 212–219.

¹⁵⁷ Изложение элементов лексикографии в двух трудах Примица – *Bukvar* и *Branja* – продемонстрировало также ряд синонимов и указало на многозначность лексики (*Narat Jožica*. Elementi slovaropisja v Primčevih delih // Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika. Zora 32 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2005. S. 417–435).

¹⁵⁸ *Orožen Martina*. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. S. 71, 91–102; *eadem*. Razvoj slovenske jezikoslovne misli // Zora 26 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2003. S. 248.

¹⁵⁹ *Orožen Martina*. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. S. 11–26.

турное словообразование оказывали влияние также словообразовательные модели восточнословенского литературного языка¹⁶⁰.

1.6.1.2.1. С точки зрения принципов Копитара и роли в дальнейшем формировании и выразительном совершенствовании словенского языка были оценены также *Kmetijske in rokodelske Novice* Блейвейса, выходявшее с 1843 г.¹⁶¹ Блейвейс, исходя из нужд и образовательного уровня словенцев, выбрал просветительскую образовательную программу. Лексикой он оценивал по критерию функциональности, закреплённости в устной речи, семантической ясности, что касалось также и терминологии. Заметны также случаи эстетической оценки слов (в художественных текстах). В сообщениях из словенских земель использовалась также (терминологическая) диалектная лексика.

1.6.2. Более детально было также проанализировано значение деятельности Ю. Япеля для развития словенского литературного языка¹⁶². В то время, когда происходил распад исторической литературной нормы, он вместе с помощниками полностью перевёл Библию. Сопоставление с *Библией* Далматина (1584) в выборе лексики обнаружило довольно много возможностей для замены¹⁶³. Например, замена некоторых случаев словоупотребления у Далматина, воспринятых как архаизмы, заимствованными словами, бытовавшими в регионе Гореньска¹⁶⁴, замена заимствований новыми, исконно словенскими словами и изъятие калек, введение новых диалектных и разговорных лексем. Заметны также различия словообразовательного характера. Анализ церковных и светских стихов Ю. Япеля обнаруживает влияние разговорного языка¹⁶⁵.

1.6.2.1. Несколько новейших публикаций на основе уже проанализированных образцов лексики¹⁶⁶ посвящены языку Япеля и лексике, как его важной составляющей¹⁶⁷.

Статья о фразеологизмах¹⁶⁸, использованных Япелем в проповедях (1794), носит теоретический характер, так как, помимо их разбора, касается вопроса о формировании критериев идентификации фразеологизмов в старых текстах. И. Страмлич-Брезник на основании примеров проанализировала словосочетания с *kakor* с точки зрения синтаксиса и семантики. Исследователь приходит к выводу, что случаи употребления у Япеля двух типов: индивидуальные, но неустойчивые, и фразеологические, т. е.

¹⁶⁰ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). S. 96.

¹⁶¹ *Orožen Martina*. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. S. 75, 153–182.

¹⁶² *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika... S. 382–386.

¹⁶³ *Ibid.* S. 251–288; *Orožen Martina*. Razvoj slovenske jezikoslovne misli. S. 226–227.

¹⁶⁴ На включение Ю. Япелем заимствований указывает также М. Есеншек (*Jesenšek Marko*. Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika // Zora 110. S. 15).

¹⁶⁵ *Orožen Martina*. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. S. 196–210.

¹⁶⁶ Проанализированы также ранние рукописи, школьные катехизисы (*Orel Irena*. Izrazna raznolikost v Japljevih besedilih med izreko in normo // Japljev zbornik / Uredila M. Humar. Kamnik, 2011. S. 282–286) в *Pridige* (1794) Ю. Япеля (*Jakop Nataša*. Frazеologija v Japljevih pridigah // Japljev zbornik / Uredila M. Humar. Kamnik, 2011. S. 347–353).

¹⁶⁷ Проблемный обзор предшествующего анализа языка Ю. Япеля и сделанных выводов подготовила М. Хумар (*Humar Marjeta*. Jezikoslovje o Juriju Japlju // Japljev zbornik / Uredila M. Humar. Kamnik, 2011. S. 117–133).

¹⁶⁸ *Jakop Nataša*. Frazеologija v Japljevih pridigah. S. 347–353.

устойчивые. Эти примеры проанализированы также с использованием приемов когнитивистики¹⁶⁹.

1.6.3. При сопоставительном анализе трех осовремененных изданий комедии А.-Т. Линхарта *Ta veseli dan ali Matiček se ženi* (1790) – 1810, 1811 и 1840 гг., соответственно, было обнаружено несколько типов изменений в выборе лексики: на изменение отношений в обществе указывает замена заимствований из немецкого языка (например, *kranzelz – venec*), а следствием некоторых замен было (желаемое) изменение стилистической окрашенности¹⁷⁰.

1.6.3.1. Дальнейшее лексическое изменение языка, на которое указывает сопоставление трех изданий перевода *Библии* в XIX веке, свидетельствует о большой зависимости от тогдашнего понимания литературной нормы, сначала от пуристических тенденций, а позже от новых представлений о норме, повлиявших на пересмотр старой обрядовой терминологии¹⁷¹.

1.6.4. Богатое литературное наследие Валентина Водника, современника Копитара и Япеля, послужило материалом для множества лингвистических исследований, включая анализ лексического материала.

1.6.4.1. В исследованиях представлен и оценен вклад В. Водника в формирование разнообразной терминологии (на эту деятельность его вдохновляло убеждение, что для каждого понятия необходимо найти словенское наименование);

- лингвистической терминологии в грамматике (1811)¹⁷²; ее источником в значительной мере послужили церковнославянский и русский языки;
- кулинарной в *Kuharških Bukvah* (1799)¹⁷³;
- анатомической терминологии в переводе *Babištva (Акушерства)* Матошека (1818)¹⁷⁴; автор описывает возникновение и становление словенской анатомической терминологии на основе перевода В. Водника, в сопоставлении с существовавшей до этого традицией (Маковčevi priročniki)¹⁷⁵ и более поздними учебниками акушерства;
- математической терминологии¹⁷⁶;

¹⁶⁹ *Stramljič Breznik Irena. Zveze s kakor v prvem delu Japljevih pridig 1794 // Japljev zbornik / Uredila M. Humar. Kamnik, 2011. S. 337–346.*

¹⁷⁰ *Orel Irena. Jezikovne posodobitve Linhartove komedije Ta veseli dan ali Matiček se ženi skozi čas // Jezikovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišiču ob 80-letnici / Uredila M. Jesenšek, Z. Zorko. Maribor, 2006. S. 572–584. О синонимах в переиздании (1840) см. также: *Suhadolnik Stane. Linhartov Matiček v izdaji 1840 // Obdobje romantike v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 2 / Uredili B. Paternu, F. Jakopin, J. Koruza. Lj., 1981. S. 475–489.**

¹⁷¹ *Orožen Martina. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika... S. 387–409.*

¹⁷² *Orožen Martina. Razvoj slovenske jezikoslovne misli. S. 228; Legan Ravnikar Andreja. Vodnikova Pismenost (1811) v zahodnem slovenskem narodnostnem prostoru // Škrabčevi dnevi 8 / Uredili D. Zuljan Kumar in H. Dobrovoljc. Nova Gorica, 2015. S. 20–30.*

¹⁷³ *Orožen Martina. Razvoj slovenske jezikoslovne misli. S. 228; Legan Ravnikar Andreja. Slovenski strokovni jezik in izrazje pri Vodniku v primerjavi s starejšim Pohlinom in mlajšim Jarnikom // Neznano in pozabljeno iz 18. stoletja na Slovenskem / Uredil M. Preinfalk. Lj., 2011. S. 319–338.*

¹⁷⁴ *Pirnat Marta. Anatomsko izrazje v prvih slovenskih babiških priročnikih. Slovenska medicinska beseda // Medicinski razgledi 23/1984, št. 8. Lj. S. 137–149.*

¹⁷⁵ Анализом терминологии, встречающейся в справочнике Маковца для повивальных бабок, написанном в семидесятых годах XVIII в., занимался М. Есеншек (*Jesenšek Marko. Spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor // Zora 33. Maribor, 2005. S. 153–166.*)

¹⁷⁶ *Lausegger Herta. Valentin Vodnik – sooblikovalec slovenskega računskega izrazja // Jezikoslovne in literarnovedne raziskave / Uredila B. Pogorelec s sodelavci. Celovec; Lj., 1997. S. 7–26.*

– административно-политической и военной терминологии¹⁷⁷; административная и политическая терминология Водника из *Lublanskih Novic* представлена также в аспекте семантических свойств и отношений: однозначности, многозначности, синонимичности и омонимичности¹⁷⁸.

1.6.4.2. К области лексикологии можно также отнести несколько лексикологически ориентированных исследований языка В. Водника (например, анализ глагольных калек, словообразовательной типологии словенских эквивалентов немецких основ в его немецко-словенском рукописном словаре). В них указано на способы решения указанных трудностей и терминологические лакуны в различных областях знания¹⁷⁹.

1.6.4.3. Одним из результатов запланированного исследования развития словенской терминологии является сопоставительное изучение ее развития у трех авторов (Похлина, Водника и Ярника) в конце XVIII – в начале XIX в.¹⁸⁰ Обсуждение особенностей терминологии у Похлина и Водника указывает также на особенности, отмечаемые у Ярника (например, использование терминологических синонимов-локализмов).

1.6.5. Лингвистические справочники А. Мурка (грамматика и словари) также становились предметом исследований. Изучались отдельные группы слов: например, включение в словарь терминологической лексики¹⁸¹, прекурская лексика (маркированная и немаркированная)¹⁸², имена собственные¹⁸³, фразеологизмы¹⁸⁴. Отмечены также стилистические свойства слов (особенно синонимов), на которые указывают различные пометы, прежде всего, нормативного характера¹⁸⁵.

1.6.6. В развитие научного функционального стиля существенный вклад внес Матия Вертовец изданиями *Виноградарства для словенцев* (1844) и *Крестьянской химии*

¹⁷⁷ *Legan Ravnika Andreja*. Tvorbeni načini upravno-političnih in vojaških terminov v Vodnikovih Lublanskih novicah (1797) // Jezikoslovni zapiski 3/1997 / Uredil J. Keber. S. 25–40; *eadem*. Pomenske lastnosti upravno-politične in vojaške terminologije v Vodnikovih Lublanskih novicah (1797) // Slavistična revija 45/1997, št. 3/4. S. 477–488; *eadem*. Slovenski strokovni jezik in izrazje pri Vodniku v primerjavi s starejšim Pohlinom in mlajšim Jarnikom. S. 319–338.

¹⁷⁸ *Legan Ravnika Andreja*. Pomenske lastnosti upravno-politične in vojaške terminologije v Vodnikovih Lublanskih novicah (1797). S. 477–488.

¹⁷⁹ *Ibid.*; *Legan Ravnika Andreja*. Characteristics of the technical terminology in Vodnik's German-Slovene dictionary (1804–1806) // Slovenski jezik – Slovene linguistic studies 8/2011. Lj., S. 79–93; *eadem*. Glagolski kalki med Vodnikovim rokopisnim slovarjem in njegovimi neverskimi tiskanimi besedili // Globinska moč besede: red. prof. dr. Martini Orožen ob 80-letnici. Zora 80 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2011. S. 184–196.

¹⁸⁰ *Legan Ravnika Andreja*. Slovenski strokovni jezik in izrazje pri Vodniku v primerjavi s starejšim Pohlinom in mlajšim Jarnikom. S. 319–338.

¹⁸¹ *Humar Marjeta*. Strokovno izrazje v Murkovih slovarjih // Murkov zbornik. Zora 9 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 1999. S. 277–291.

¹⁸² *Narat Jožica*. Mesto prekmurščine v Murkovih slovarjih // Murkov zbornik. Zora 9 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 1999. S. 348–367.

¹⁸³ Указывается на вариабельность собственно словенских имен собственных и словенские варианты иностранных географических названий (*Hajnšek Holz Milena*. Lastna imena v Murkovem slovarju // Murkov zbornik. Zora 9 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 1999. S. 292–303.

¹⁸⁴ *Kržišnik Erika*. Frazеологija v Murkovem slovarju // Murkov zbornik. Zora 9 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 1999. S. 312–347. В словарь 1833 года включена фразеология, собранная и представленная с комментариями в отдельном обзоре, в сопоставлении со словарем Гутсмана существенно превосходит его по количеству фразеологических единиц и их вариантов.

¹⁸⁵ *Orel Irena*. Vrednotenje besedja v Murkovem slovensko-nemškem in nemško-slovenskem slovarju // Murkov zbornik. Zora 9 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 1999. S. 225–248.

(1847)¹⁸⁶. Подробно, в виде иллюстрированного словаря, виноградарскую терминологию, включенную в *Виноградарство*, представил М. Есеншек¹⁸⁷. На основании анализа терминов исследователь делает вывод, что Вертовец также прилагал усилия к формированию словенской терминологии, включая в синонимические ряды, помимо неологизмов, также диалектные выражения (западно-словенского, видавского происхождения) и заимствования. Словенские неологизмы часто пояснял переводом на иностранный язык, которые добавлял в скобках, например, (*tershafhki terán (Stadtwein)*).

1.6.7. Периодические издания, выходявшие с конца XVIII в. до середины XIX в. (*Lublanske novize* В.Водника (1797), *Kmetijske in rokodelske novice oz. Novice kmetijskih, rokodelnih in narodskih reči* (1843/4–1850) Я. Блейвайса и *Slovenija* Цигале (1848–1850), исследовались также с точки зрения использования географических названий¹⁸⁸. В исследовании приводятся сопоставительные и типологические различия, а также особенности написания географических названий, использовавшихся в новостях из ближайшего географического окружения и заграницы (например, *Dunaj – Beč*¹⁸⁹).

1.6.8. На выбор лексики, как следствие зависимости от функционального стиля, а также на тип разговорного языка образованных словенцев в начале XIX века, указывает анализ словенского языка в эпистолярном наследии Е.Копитара¹⁹⁰, который в письмах, написанных на немецком и/или латинском, прежде всего, играет иллюстративную роль. Хотя Копитар публично отрицал любые германизмы и, тем самым, вызвал к жизни движение пуристов, в письмах он использовал довольно много заимствований из немецкого и других языков, а также кальки и европеизмы, типа – *grammatica* и т.п. Для словенского языка в эпистолярном наследии Е. Копитара характерно также использование словенской фразеологии, а также пословиц и поговорок и разнообразных экспрессивных выражений.

1.7. Вторая половина XIX века – реализм, закат региональных вариантов

1.7.1. В середине XIX в. возникла необходимость адаптировать язык к новым задачам, в частности, его официальное использование и преподавание всех дисциплин, естественнонаучных и гуманитарных, на словенском языке¹⁹¹. Начиная с 1849 г. и позже перевод законодательных актов формировал словенский юридический язык. До выхода в свет *Научной терминологии* Цигале (1880) в формирование словенской юридической и политической терминологии большой вклад внес весь образованный класс словенцев. М. Орожен особо выделяет вклад Ф. Миклошича в формирование официальной и юридической терминологии, реализованный фактом перевода *Общегражданского кодекса*¹⁹².

¹⁸⁶ Orožen Martina. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Od sistema k besedilu. S. 244–245.

¹⁸⁷ Jesenšek Marko. Slovensko panonsko besedje in razvoj slovenskega jezika // Besedoslovne spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor. S. 81–187.

¹⁸⁸ Orel Irena. Zemljepisna imena v slovenskem časopisju do srede 19. stoletja // Besedoslovne lastnosti slovenskega jezika. Slovenska zemljepisna imena / Uredil M. Jesenšek. Lj., Pišce, 2004. S. 35–49.

¹⁸⁹ Вена. – примеч. переводчика.

¹⁹⁰ Suhadolnik Stane. Kopitarjeva (dopisovalna) slovenščina. Kopitarjev zbornik // Slavistična revija 29/1981, št. 2. S. 171–186.

¹⁹¹ Orožen Martina. Razvoj slovenske jezikoslovne misli. S. 259–278.

¹⁹² Orožen Martina. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. S. 229–246.

1.7.1.1. В словаре *Deutsch-slowenisches Wörterbuch*, изданном в 1860 г., представлена словенская терминология Цигале, сознательно скоенструированная на основании знания словообразовательных возможностей словенского, немецкого и классических языков. Цигале в каждой словарной статье сопровождал немецкий термин словенскими синонимическими возможностями (как диалектного, так и общеславянского происхождения). Классические термины и заимствованные из других языков были адаптированы фонетически, морфологически, а иногда и словообразовательно¹⁹³.

Немецко-словенский словарь Цигале был детально проанализирован с точки зрения присутствия в нем славянской лексики¹⁹⁴. Заимствования из славянских языков (с указанием языка) выполняют пояснительную и информативную функцию и служат также для уточнения значения недостаточно ясных словенских номинаций. И. Орел проанализировала специальную терминологию и степень присутствия различных научных дисциплин в *Научной терминологии* (1880) Цигале, прежде всего, с точки зрения отношения к хорватскому или чешскому языкам как источнику¹⁹⁵.

1.7.2. А. Брезник¹⁹⁶ в ряде публикаций, посвященных языку словенской газетно-журнальной публицистики (например, языку Бейвейса, Левстика, Юрчича, Тавчара) и языку словенской прозы второй половины XIX в.¹⁹⁷, представил изменения, касающиеся выбора лексики. Автор с сожалением констатирует, что влияние газетно-журнального языка, усваивающего сербохорватскую, русскую и чешскую лексику, а позже и романизмы, вызвало отказ от собственно словенского лексического фонда. Отход газетно-журнального языка от словенского языка повлиял также на другие функциональные стили (например, на язык науки), в известной, но в меньшей мере на язык искусства, поскольку лучшие словенские прозаики того времени в своих произведениях сумели сохранить связь со словенским окружением также и в выборе лексики (например, Юрчич).

1.7.2.1. Дополнением к анализу А. Брезника языка газет и журналов является публикация М. Орожен¹⁹⁸ о газетно-журнальном языке Крека. Анализ междисциплинарных публикаций периода 1891-1903 гг. свидетельствует о соблюдении современной литературной нормы, в значительной мере освободившейся на тот момент, как от архаизации, так и славизации. Автор указывает также на системный подход А. Брезника и к созданию терминов, и на адаптацию к словенскому языку интернациональных терминов в различных дисциплинах (например, *materijalistično modroslovje*¹⁹⁹).

1.7.2.2. А. Брезник²⁰⁰ также анализировал язык прозы второй половины XIX в. и начала XX в., прежде всего Юрчича, Стритара, Тавчара, Керсника, Цанкара и Финжгара. На основании своего анализа он приходит к выводу, что писатели выбирают лексику

¹⁹³ Orožen Martina. Razvoj slovenske jezikoslovne misli. S. 266–278.

¹⁹⁴ Orel Irena. Dežele v besedi – besede v deželah // XXXII. seminar slovenskega jezika, literature in kulture / Uredila A. Derganc. Lj., 1996. S. 37–51.

¹⁹⁵ Orel Irena. Prvi slovenski terminološki slovar ter hrvaški in češki vir // Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Obdobja 24 / Uredila I. Orel. Lj., 2007. S. 343–364.

¹⁹⁶ Breznik Anton. Jezikoslovne razprave / Izbral in uredil J. Toporišič. Lj., 1982. S. 133–216.

¹⁹⁷ Опубликовано в *Dom in svet* в 1933 и 1934 гг., повторно в: *Breznik Anton. Jezikoslovne razprave / Izbral in uredil J. Toporišič. Lj., 1982. 460 s.*

¹⁹⁸ Orožen Martina. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. S. 277–293.

¹⁹⁹ Материалистическое любомудрие. – примеч. переводчика.

²⁰⁰ Breznik Anton. Jezikoslovne razprave / Izbral in uredil J. Toporišič. Lj., 1982. S. 163–216.

ку, синтаксис и прочее в меру своего таланта и в соответствии с целями, которые они перед собой ставят²⁰¹. В литературных произведениях учтен крестьянский язык и язык городского окружения. Язык образованных людей отличается, прежде всего, использованием иностранных заимствований.

1.7.2.2.1. Анализ языка Керсника, предпринятый А. Брезником, в новейшее время был дополнен Ф. Новаком, проанализировавшим использованную писателем лексику, сгруппированную по семантическим областям, в зависимости от жанра произведения, тематики и функционального стиля, а также от различных характеристик персонажей (образование, бытовое и социальное окружение²⁰²). Новаторским можно считать анализ лексики, характерной для городских образованных слоев, а также различную терминологию (например, все, что связано с велосипедом, как новейшим техническим достижением). Используя неологизмы, писатель старался удовлетворить потребность в стилистически окрашенной лексике и в номинации иронических и юмористических смыслов²⁰³. Сведения об учете И. Тавчаром литературной нормы при выборе лексики дополнила М. Орожен²⁰⁴.

1.7.3. После обзоров А. Брезника языка словенской журналистики²⁰⁵ и прозы второй половины XIX в. последовал анализ языковых средств, позволявших добиваться в литературных произведениях особых эффектов: средств выражения сатиры и юмора (у Трдины, Юричича, Мецингера, в юмористическом журнале *Pavliha* (1870) Ф. Левстика и в других изданиях)²⁰⁶. К этим средствам относятся: переносные значения, примеры, словообразовательные стилистические приемы, жаргонизмы, экспрессивная лексика (например, номинации типа *Smokavzar*, *zmerjavke* и т.п.). В. Джурин²⁰⁷ при анализе языковых средств выражения социальной принадлежности упоминает также разговорную лексику и фразеологизмы, усиливающие впечатление «народности».

1.7.4. Историческая тематика в романе Юричича *Slovenski svetec in učitelj* (1886) и в драме *Tugomer* (1876) требовала соответствующей адаптации языка. При анализе языковых средств, создающих впечатление архаичности, помимо фонетических и морфологических средств, обнаруживаются также процессы лексической архаизации²⁰⁸.

²⁰¹ *Breznik Anton. Jezikoslovne razprave / Izbral in uredil J. Toporišič. Lj., 1982. S. 163.*

²⁰² *Novak France. Značilnosti besedja v Kersnikovih delih // Zbornik Slavističnega društva Slovenije. 8 / Uredil Z. Jan. Lj., 1998. S. 84–91.*

²⁰³ *Ibid. S. 87. Языковые средства выражения юмора, иронии и сатиры, особенно заметные в газетном языке Керсника, проанализировал М. Есеншек (Jesenšek Marko. Jezikovne značilnosti humorja in satire v Kersnikovem podlistku. Janko Kersnik in njegov čas // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 8 / Uredil Z. Jan. Lj., 1998. S. 73–83).*

²⁰⁴ *Orožen Martina. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. S. 295–311.*

²⁰⁵ *Оценку А. Брезника избыточного использования Ф. Левстиком лексики, заимствованной из других славянских языков, новыми материалами дополняет и корректирует Т. Корошец (Korošec Tomo. O Levstikovem publicističnem jeziku // Slavistična revija 29/1981, št. 4. S. 351–371), считающий, что Левстик использовал эту лексику (прежде всего, специальную) из-за лексического дефицита. Оценочную роль играют синонимические пары, в которых один член играет роль нереконструируемой лексики, а другой – реконструируемой.*

²⁰⁶ *Orožen Martina. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. S. 328–350.*

²⁰⁷ *Gjurin Velemir. Socialnozvrstna zaznamovanost besedil v Levstikovem Pavlihi // Obdobje realizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 3 / Uredil B. Paternu s sodelovanjem F. Jakopina in J. Koruze. Lj., 1982. S. 401–417, в частности – S. 409–413.*

²⁰⁸ *Orožen Martina. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Od sistema k besedilu. S. 382–394.*

Наиболее эффективными при этом являются словообразовательные способы. Такие архаичные языковые средства были обнаружены при анализе инсценировки Ф. Левстика драмы Юрчича *Tugomer*²⁰⁹. Левстик превратил современную прозаическую речь Юрчича в возвышенную, усилив впечатление выбором синонимов, к чему его подталкивала верифицированность текста.

1.7.5. Изучалась также фразеология, использованная в краткой повествовательной прозе второй половины XIX века²¹⁰ (у Тавчара и Керсника). Она представлена с точки зрения частоты использования фразеологизмов, степени народности или частотности употребления, с точки зрения категориальности значений (на пример, преобладающая семантика деятельности), либо семантических полей, а также с точки зрения экспрессивности фразеологизмов, их устойчивости и адаптации, в их типологических разновидностях сращения, единства или сочетания.

1.7.6. Отдельные произведения XIX в. представляли интерес для лексикологов в связи с использованием синонимов как важного стилистического средства. При их изучении обнаруживается различная направленность лексики. Например, в переводе О. Цафа *Робинзона Младшего* (1849) очевидна склонность О. Цафа к иллиризму, так как он хотел приблизить к словенским читателям славянскую лексику, прежде всего, чешскую, и в перевод включал также и словенскую диалектную лексику. Синонимичность обогащается также за счет фразеологических сочетаний²¹¹.

1.7.7. М. Хумар²¹² на основании материала Немецко-словенского словаря (1860) Цигале и его *Научной терминологии* (1880) типологически распределила по разному маркированные, но только последовательно перечисленные (например, *oseka* и *plima*²¹³) антонимичные пары.

1.7.8. В некоторые важнейшие лингвистические труды (например, *Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen* (1868–1874) Ф. Миклошича) были включены исследования словенской лексики, которая использовалась в качестве примеров, иллюстрирующих те или иные явления и грамматические категории славянских языков²¹⁴.

1.7.9. Лексику, которую использовали словенские писатели предыдущих периодов, исследователи пытались изучить и с точки зрения оценки и анализа ее присутствия в обширном словенско-немецком словаре Плетершника 1894–1895 гг., в частности, лексику Креля и Юрчича²¹⁵, Похлина²¹⁶, Водника²¹⁷, а также лексику Япеля,

²⁰⁹ *Orožen Martina*. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. S. 313–328.

²¹⁰ *Kržišnik Erika*. Frazeologija v kratki pripovedni prozi druge polovice 19. stoletja // XXX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture / Uredila M. Orožen. Lj., 1994. S. 53–67.

²¹¹ См.: *Orožen Martina*. Razvoj slovenske jezikoslovne misli. S. 251–253; *Jesenšek Marko*. Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika // Zora 110. S. 255–264.

²¹² *Humar Marjeta*. Protipomenskost v slovenski jezikoslovni literaturi // Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika. Zora 32 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2005. S. 319–333.

²¹³ Отлив и прилив. – примеч. переводчика.

²¹⁴ *Jesenšek Marko*. Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika // Zora. 110. S. 265–285.

²¹⁵ *Merše Majda*. Građivska problematika zgodovinskega slovaropisja (ob Kreljevem in Jurčičevem besedju v Pleteršnikovem slovarju) // Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja. Zora 56 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2008. S. 307–325.

²¹⁶ *Orel Irena*. Pohlinovo slovarsko besedje v Pleteršnikovem slovarju // Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja. Zora 56 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2008. S. 110–121.

²¹⁷ *Legan Ravninar Andreja*. “Vodnikovo” besedje v Pleteršnikovem Slovensko-nemškem slovarju // Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja. Zora 56 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2008. S. 132–142.

Шкриняра и Травна, которые были главными переводчиками и толкователями т.н. библейского перевода Япеля конца XVIII в. – начала XIX в., текстов Шкриняра и Травна²¹⁸, а также Кошича²¹⁹, Шломшека²²⁰ и прекмурской лексики у Цафа²²¹.

1.7.9.1. Лексика, включенная в словари, взятая из одного или более произведений разных жанров писателей прошлого, как правило, анализировалась с точки зрения морфологии, принадлежности к семантическим полям, источника, распространенности, функциональной или стилистической окрашенности; в случае синонимии или омонимии также с точки зрения принадлежности к тому или иному синонимическому ряду и т.д.

1.7.9.2. На словарные описания от Мегисера до Плетершника опирается обзор развития лексики в течение трех столетий, и таким образом выявляются изменения, возникшие за этот период²²². Словарь Плетершника служит показателем витальности лексики, включенной в ранее созданные словари.

1.7.9.3. Значительное число научных работ посвящено фразеологии, включенной в словарь Плетершника. Оценка объема включенной фразеологии последовала за предварительной типологической дефиницией фразеологических оборотов (в строгом смысле слова), а также пословиц и поговорок²²³. При анализе отдельных фразеологических единиц из словаря Плетершника проверялись также немецкие фразеологические эквиваленты, которые определялись как системные или переводные.

1.7.9.4. А. Леган-Равникар в своих исследованиях ограничилась пластом христианской терминологии в словаре Плетершника²²⁴. В выборе терминов исследователь опиралась на более ранние исследования.

1.7.10. Из словаря Плетершника также была отобрана и содержательного проанализирована группа названий птиц²²⁵.

²¹⁸ *Narat Jožica*. Japelj, Škrinjar in Traven kot viri za Pleteršnikov slovar // Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja. Zora 56 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2008. S. 122–131.

²¹⁹ *Ulčnik Natalija*. Košičevo besedje v Slovarju stare knjižne prekmurščine // Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja. Zora 56 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2008. S. 168–181.

²²⁰ См. *Jesenšek Marko*. Slovensko panonsko besedje in razvoj slovenskega jezika // Besedoslovne spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor // Zora 49 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2007. S. 195–199.

²²¹ В словарь Плетершника были включены словарные материалы Цафа, которые были четко маркированы как прекмурские и представлены в виде алфавитных списков с комментариями (*Narat Jožica*. *Čafove prekmurske besede v Pleteršniku* // Prekmurska narečna slovstvena ustvarjalnost / Uredil J. Vugrinec. Murska Sobota, 2005. S. 99–129). Анализ этой лексики обнаружил распознаваемость диалектных вариантов по сравнению с общепринятыми, а также указал на присутствие заимствований из венгерского языка и кайкавского варианта хорватского языка.

²²² *Orel Pogačnik Irena*. Razvoj slovenskega besedišča od Megiserja do Pleteršnika // XXX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture / Uredila M. Orožen. Lj., 1994. S. 245–258.

²²³ См.: *Jesenšek Vida*. Kontrastive, lexicographische und fremdsprachendidaktische Dimensionen der Phraseologie // Besedoslovne spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor. Zora 49 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2007. S. 481–482 и 485–486.

²²⁴ *Legan Ravnikar Andreja*. Slovenska krščanska terminologija // Lingua Slovenica 4 / Uredila H. Dobrovoljc. Lj., 2008. S. 69–82.

²²⁵ Лексикологический анализ названий птиц учитывал источник, состав (в одно слово или несколько слов), морфологию и мотивированность (*Jesenšek Marko*. Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika // Zora 110. Maribor; Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Praha, 2015. S. 309–340).

2. Лексикологические исследования последующих периодов

2.0. Несколько исторически обоснованных исследований по различной лексикологической тематике включало в себя более длительные периоды времени, в том числе, несколько веков. Такие исследования также содержательно и методологически различаются между собой: чаще всего они ограничиваются отдельными, семантически и функционально связанными слоями лексики (например, специальная терминология, синонимы) или отдельными словообразовательными и морфологическими категориями, часто более тесно связанными с определенными типами текстов или типами лексики. Выводы об изменениях в процессе развития часто обоснованы историческими и социолингвистическими данными.

2.1. В диахроническом аспекте рассматривается²²⁶ теоретическое обоснование и содержание понятия науки о слове, т.е. лексикологии. В этом исследовании представлены результаты анализа всех лексикологических сведений в словенских грамматиках (написанных на словенском языке) от В. Водника (1811) до Й. Топоришича (2000). Анализ свидетельствует о том, что интерес к лексике распространялся от собственно слов, словообразования и значения (включая семантические процессы и межлексемные отношения) к их источнику, к стилистически маркированному употреблению, к использованию в словосочетаниях (фразеологические обороты, пословицы и поговорки), в различных типах текстов (прежде всего, в специальных) и т.д.; при этом интерес также и менялся, ведь при изучении семантики становились все более очевидными семантические составляющие значения. Становились все более очевидными также и различия между словарным и контекстуальным значением и т.п.

2.2. В отдельной работе М. Орожен представлено развитие частей речи, начиная с X в. до конца XIX в., при этом на выразительных примерах продемонстрирована также зависимость основ от грамматической категории²²⁷.

2.3. Развитие словенской обрядовой лексики также исследовала М. Орожен. Сопоставительное изучение текстов молитв (прежде всего, молитвы «Отче наш») наиболее древнего рукописного периода (с X в. по XV в.) и печатных религиозных текстов до середины XIX в. свидетельствует об изменениях в религиозно-обрядовой лексике²²⁸. Различия обоснованы лингвистическими причинами с учетом исторических и социолингвистических факторов²²⁹.

К наиболее значимым диахроническим исследованиям словенского (литературного) языка относится труд А. Леган-Равникар, в котором изучается религиозно-обрядовая лексика на протяжении тысячелетнего периода (от *Фрейзингенских отрывков* до конца XIX в.)²³⁰. Это наиболее полное и детальное исследование формирования и словоупотребления по отдельным периодам. В отдельных публикациях представлено раз-

²²⁶ *Bokal Ljudmila*. Besedoslovje v slovensko pisanih slovenskih slovnicaх // Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika. Zora 32 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2005. S. 304–318.

²²⁷ *Orožen Martina*. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika. Od sistema k besedilu. S. 240–256.

²²⁸ *Orožen Martina*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika... S. 80–102.

²²⁹ *Orožen Martina*. Kulturološki pogled na razvoj slovenskega knjižnega jezika... S. 31–32.

²³⁰ *Legan Ravnikar Andreja*. Obredna terminologija v razvoju slovenskega knjižnega jezika (od Brižinskih spomenikov do ustalitve enotne knjižne norme sredi 19. stoletja). Doktorska disertacija. Lj., 2001. 342 s.; *eadem*. Slovenska krščanska terminologija // Lingua Slovenica 4 / Uredila H. Dobrovoljc. Lj., 2008. 229 s.

витие и формирование ряда имен существительных – христианских терминов (с середины XVI в. до второй половины XIX в.)²³¹, при этом были также описаны наиболее продуктивные словообразовательные модели и словообразовательно-семантические группы по функциональным моделям²³². Словообразование рассматривается также с учетом источника, указывается на зависимость от словообразовательных диалектных моделей и на влияние немецких основ, а также на различия между заимствованным обрядовым термином у авторов из центральных районов и автохтонными выражениями на северо-восточных рубежах этнической территории. Исторический обзор формирования и использования христианской лексики завершается анализом ее присутствия в словаре Плетершника²³³.

2.3.1. М. Есеншек²³⁴, последовательно изучая катехизисы западной словенской языковой территории, отдельно рассматривает катехизисы второй половины XIX в., так как еще в этот период обнаруживаются, и, прежде всего, фонетическо-словообразовательные, признаки отдаления от центрально-словенского литературного языка, а на лексическом уровне это выражается в увеличении числа романизмов.

2.4. В связи с изучением текстов определенных жанров изучалась также нерелигиозная терминология.

2.4.1. М. Пирнат анализирует язык словенских переводов *Gorskih bukev* (памятник феодального горного права), с XVI в. до XIX в.²³⁵ При рассмотрении юридической лексики, являющейся составной частью этих текстов, было установлено, что в прошлом дефицит номинаций ликвидировался известными способами, прежде всего, при помощи словотворчества, что часто оказывалось поморфемным переводом, и при помощи заимствований.

2.4.2. Так же и в рукописных присягах, в большинстве случаев являющихся переводом с немецкого, возникших в период с XVI в. до XIX в., в лексике и в словосочетаниях обнаруживаются следы немецкого языка и признаки среды, в которой эти тексты писались²³⁶. В текстах из восточных районов наблюдается кайкавское и венгерское влияние. Лексика, имеющая отношение к органам власти и управления, судам, профессиям и т.п., которая появляется в текстах присяг, сгруппирована в отдельные списки, отражающие и социальную иерархию.

2.4.3. Все фазы развития словенского терминологического языка, с упоминанием важнейших исследований в различных областях, представлены в обширном исследо-

²³¹ Legan Ravnika Andreja. Izprivedniški krščanski termini v knjižni normi do srede 19. stoletja. Merkujev zbornik // Jezikoslovni zapiski 13/2007, št. 1–2 / Uredil S. Torkar s sodelavci. Lj. S. 251–265.

²³² Legan Ravnika Andreja. Izglagolske krščanske terminološke tvorjenke v slovenskih nabožnih priročnikih do srede 19. stoletja // Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Obdobja 24 / Uredila I. Orel. Lj., 2007. S. 283–300.

²³³ Legan Ravnika Andreja. Slovenska krščanska terminologija. S. 49–59, 61–68, 70–82.

²³⁴ Jesenšek Marko. Spemembe slovenskega jezika skozi čas in prostor // Zora 33. Maribor, 2005. S. 142–152.

²³⁵ Pirnat Marta. Jezik slovenskih prevodov in priredb gorskih bukev // Slovenski jezik v znanosti 2 / Uredila A. Vidovič Muha in N. Šumi. Lj., 1989. S. 187–195.

²³⁶ Golec Boris. Mestna prisežna besedila v slovenskem jeziku do začetka 19. stoletja // Elektronske znanstvenokritične izdaje slovenskega slovstva / Uredil M. Ogrin. Lj., 2009; id. Slovenska prisežna besedila trških skupnosti in neagrarnih poklicnih skupin do konca predmarčne dobe // Elektronske znanstvenokritične izdaje slovenskega slovstva / Uredil M. Ogrin. Lj., 2011.

вании А. Леган-Равникар²³⁷. В работе указывается на различия в методологических подходах исследований, рассматриваются устоявшиеся словообразовательные модели в их развитии, семантически-словообразовательная структура терминов, зависимость от иностранных образцов и т.д.

2.5. В некоторых работах анализируется история и развитие небольших групп наименований, связанных между собой тематическим сходством.

2.5.1. На основании словарных материалов XVI–XIX вв., например, описан путь возникновения, заимствования, распространения словенских названий животных²³⁸.

И. Орел (используя нехудожественные тексты, начиная с периода *Фрейзингенских отрывков* до физкультурной терминологии Ф. Левстика, которая формировалась под влиянием чешской, и вплоть до словаря Плелетершника) также делает вывод об изменениях в процессе развития (в морфологии, семантике и синонимии), касающихся терминов и фразеологизмов, связанных с телом и его частями у человека и животных²³⁹.

2.5.2. Предметом анализа была также словенская лексика, встречающаяся в трудах краеведов и географов (Вальватора, Линхарта и других) с XVI в. до середины XIX в. Здесь же встречаются наименования птиц и растений. Для различной лексики, связанной с местным употреблением, автор обнаруживает ряд мотиваций: предметность, семантические сдвиги, экспрессивность, эмоциональная окрашенность, а также различные источники корней²⁴⁰.

2.5.3. Словообразовательно и семантически связанную группу слов от слова *табак* с соответствующими глаголами, связанными с курением, на основе текстов XVIII–XIX вв., а также в словарях словенского языка разных периодов, проанализировала Й. Нарат²⁴¹. При анализе автор учитывала номинативную мотивированность.

2.6. В пределах довольно длительного периода времени анализировалось также употребление синонимичных пар и рядов, преимущественно в связи со словарным окружением.

2.6.1. Анализ употребления образцов синонимичных пар в восьми двуязычных словарях XIX в. указал направление при выборе синонимов, с учетом процесса постепенной стабилизации лексики²⁴².

2.6.2. Обзор развития семантики первично (в праславянском языке) семантической группы глаголов *uměti*, *věděti* и *znati* в словенском литературном языке XVI–XIX вв. представила в своем труде польский лингвист Х. Оржеховска²⁴³. С учетом из-

²³⁷ *Legan Ravnikar Andreja. Razvoj slovenskega strokovnega izrazja // Terminologija in sodobna terminografija / Uredile N. Ledinek, M. Žagar Karer, M. Humar. Lj., 2009. S. 49–73.*

²³⁸ *Orel Irena. Živalsko izrazje v starejšem slovenskem slovaropisju // Slovensko naravoslovno-tehnično izrazje / Uredila M. Humar. Lj., 1998. S. 189–198.*

²³⁹ *Orel Irena. Telo v slovenskih besedilih skozi tisočletje: od solznega telesa v Brižinskih spomenikih do Levstikove telovadbe // Telo v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi / Uredila M. Pezdirc-Bartol. Lj., 2009. S. 11–29.*

²⁴⁰ *Orel Irena. Dežele v besedi – besede v deželah // XXXIV. seminar slovenskega jezika, literature in kulture / Uredile E. Kržišnik, M. Lokar, H. Podobnik. Lj., 1998. S. 35–52.*

²⁴¹ *Narat Jožica. Lisica, lisjak sta pila tobak // Med dialektologijo in zgodovino slovenskega jezika. Zora 18 / Uredili M. Jesenšek, B. Rajh, Z. Zorko. Maribor, 2002. S. 319–335.*

²⁴² *Orel Irena. Izmjenjava in ustaljevanje besedja v slovenskem dvojezičnem slovaropisju 19. stoletja // Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika. Zora 32 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2005. S. 391–416.*

²⁴³ *Orzechowska Hanna. Vezava glagolov *věděti, *znati, *uměti v Dalmatinovi Bibliji in današnji slovenščini // Slavistična revija 22/1974, št. 2. S. 129–148.*

менений в управлении она продемонстрировала постепенное разделение семантического поля глаголов.

2.6.3. Я. Мюллер²⁴⁴ проанализировал 33 словенских библейских перевода, созданных в период с 1555 г. до 1997 г., и привел в своем труде все варианты того, как *Vulgata* называет *tetrarch* – «правитель четверти страны». Проверка употребления словенских наименований сторон света также опиралась на библейские переводы с XVI в. до настоящего времени²⁴⁵. Постепенная замена архаичной лексики более новой соответствовала изменениям семантической мотивации.

2.6.4. В пределах длительного периода времени (с XVI в. до наших дней) с точки зрения фольклорных жанров представлены случаи постепенной терминологизации наименований *ripovest*, *basen* и *historija*²⁴⁶.

2.7. Лексика, использованная в произведениях периода с середины XVIII в. до конца XIX в., была проанализирована и оценена также и по эстетическому критерию²⁴⁷. Особое внимание было уделено следующим явлениям: вычурность поэзии Косеского, добивавшегося эффекта при помощи неологизмов, просторечная и жаргонная лексика, а также «иллирийские», архаичные выражения (например, у Вальявца), прорыв «иллирийского» и славянского в язык газет и журналов и избыточный историзм, инспирированный теорией Ф. Миклошича о старославянском и новославянском языках.

2.8. Обзор глагольных и неглагольных дериватов, использованных X в. до конца XVIII в., с анализом их использования в текстах-образцах (например, во *Фрейзингенских отрывках*²⁴⁸, в *Cerkovne ordninge* Трубаря (1564)²⁴⁹, в словаре Воренца²⁵⁰ и в словаре Гутсмана²⁵¹) составила А. Видович-Муха. Исследователь выявила наиболее часто использованные модели и словообразовательную семантику. Конкретный материал иллюстрирует развитие итератива с XVI в. до XIX в., в пределах которого наблюдается также использование глаголов совершенного вида на месте итератива и появление нестандартно образованных глаголов²⁵².

²⁴⁴ Müller Jakob. Slovenska poimenovanja za svetopisemskega tetrarha // Jezikoslovni zapiski 6/2000 / Uredil J. Keber. Lj. S.117–139.

²⁴⁵ Narat Jožica. Slovenske strani neba // Diahronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah. Zora 41 / Uredili M. Koletnik in V. Smole. Maribor, 2006. S. 536–546.

²⁴⁶ Stanonik Marija. Začetki in spremembe slovenske terminologije pri posameznih folklornih žanrih // Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Obdobja 24 / Uredila I. Orel. Lj., 2007. S. 301–321.

²⁴⁷ Orožen Martina. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. Lj., 1996. S. 27–36.

²⁴⁸ Vidovič Muha Ada. Zgradba tvorjenk v Brižinskih spomenikih // Srednji vek v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 10 / Uredil J. Toporišič. Lj., 1989. S. 51–62.

²⁴⁹ Vidovič Muha Ada. Struktura glagolskih tvorjenk v Trubarjevi Cerkovni ordningi // Slavistična revija 32/1984, št. 3. S. 245–256; eadem. Neglagolske tvorjenke v Trubarjevi Cerkovni ordningi // 16. stoletje v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 6 / Uredila B. Pogorelec in J. Koruza. Lj., 1986. S. 349–374.

²⁵⁰ Vidovič Muha Ada. Zgradba glagolskih tvorjenk v Vorenčevem slovarju // Obdobje baroka v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 9 / Uredila A. Skaza in A. Vidovič-Muha s sodelovanjem J. Severja. Lj., 1989. S. 275–289; eadem. Zgradba neglagolskih tvorjenk v Vorenčevem slovarju // Slavistična revija 37/1989, št. 1–3 / Uredila J. Toporišič, V. Gjurin. S. 171–188.

²⁵¹ Vidovič Muha Ada. Tipologija slovenskih ustreznih nemških zloženkam v Gutsmanovem slovarju // Jezikoslovne in literarnovedne raziskave / Uredila B. Pogorelec s sodelavci. Celovec; Lj., 1997. S. 39–54.

²⁵² Orožen Martina. Razvoj slovenske jezikoslovne misli. S. 86–101.

2.8.1. Анализ истории интерпретации сложных слов в словенском языке, начиная с грамматики Бохорича (1584) и заканчивая грамматикой Й. Топоришича (2000), внес вклад в создание списка сформированных в процессе развития языка, словообразовательно и семантически различных неологизмов²⁵³.

2.9. В поледующие периоды также уделялось внимание исследованию некоторых лексических и грамматических категорий.

2.9.1. Анализ причастий и словообразования причастий на *-č* и *-ši* в словенском языке представил М. Есеншек²⁵⁴. При этом учитывались тексты всех функциональных стилей восточного и центрального литературного языка. Представлено образование и употребление причастий на *-č* и *-ši* во всех синтаксических конструкциях. Также представлены и обоснованы изменения в употреблении этих форм, произошедшие в процессе развития.

2.9.2. Было также описано развитие предложных конструкций и указано на различие между более ранней и современной системой употребления предлогов, что отражается в различном частотном распределении некоторых предлогов²⁵⁵. Анализ употребления наречий в различных (например, в грамматике Мурка и в немецко-словенском словаре, у Шкрабеца, в словаре Плелершника) показал дальнейшие пути развития их словообразовательных и семантических свойств²⁵⁶. Результатом работы являются также примеры, которые, как правило, являются типичными с точки зрения словообразования, грамматики, семантики, стиля, употребительности и т.д.

3. Заключение

3.1. Предметом лексикологических исследований истории словенского (литературного) языка во второй половине XX в. и в начале XXI в. является изучение состава, источника и функции лексического фонда прошедших периодов развития словенского языка. Исследования, которые в большинстве случаев являются составной частью многоуровневых лингвистических интерпретаций, содержательно и проблемно по-разному ориентированы, при этом они различаются методологически. Исследование последних десятилетий, как правило, оценивают лексику в рамках системных классификаций и разнообразных отношений. Установление различий с точки зрения выбора лексики и изучение изменений лексического фонда, как правило, происходило в порядке сопоставительного изучения. Как дополнительные инструменты для оценки используются обусловленность грамматической категорией и учет исторических и социолингвистических условий.

²⁵³ *Šekli Matej. Zgodovina obravnave zloženek v slovenščini // Novi pogledi na filološko delo o. Marka Pohlina in njegov čas / Uredila I. Orel. Lj., 2013. S. 236–263.*

²⁵⁴ *Jesenšek Marko. Deležniki in deležja na -č in -ši // Zora 5. Maribor, 1998, 339 s.; id. Spmembe slovenskega jezika skozi čas in prostor // Zora 33. Maribor, 2005. S. 39–114; id. Slovensko panonsko besedje in razvoj slovenskega jezika // Besedoslovne spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor. Zora 49 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2007. S. 251–259; id. Poglavlja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika // Zora 90. Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Maribor; Praha, 2013. S. 102–121; id. Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika // Zora 110. Maribor; Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Praha, 2015. S. 190–201.*

²⁵⁵ *Orožen Martina. Razvoj slovenske jezikoslovne misli. S. 71–85.*

²⁵⁶ *Ibid. S. 319–346.*

3.2. Обзор достижений словенской исторической лексикологии показал, что в исследованиях, которые в большинстве случаев проводились независимо друг от друга²⁵⁷, несмотря на ограниченность проблематики и методологическое разнообразие, тем не менее, удалось создать общее представление о постепенном формировании лексического фонда словенского (литературного) языка за прошедшее тысячелетие. Были изучены пути его формирования, описаны причины его роста в процессе развития, изменение и разнообразие.

Более фундаментально была изучена лексика, использованная в рукописных памятниках и в словенском литературном языке XVI в. Большое внимание было также уделено восточно-словенским вариантам литературного языка. Помимо многочисленных дискуссионных публикаций вклад в исследованность отдельных областей внесли и монографические публикации²⁵⁸. Лексикологические исследования словенского литературного языка второй половины XVI в. также дополнены теоретическим исследованием многозначности²⁵⁹. Лексикологические исследования коснулись различных областей и различных групп лексем, семантически, функционально, грамматически или иным образом связанных между собой, в том числе, представленных реже, – слоев стилистически окрашенной лексики, синонимов, устойчивых словосочетаний и фразеологизмов и т.п. Фундаментально исследована христианская, религиозно-обрядовая лексика на протяжении тысячелетнего развития (статьи и монографии А. Леган-Равникар²⁶⁰).

3.2.1. Достижением словенской исторической лексикологии можно считать также уже существующие сжатые обзоры лексикологических исследований, как по отдельным периодам²⁶¹, так и по функциональным стилям, или, например, исследований терминологического языка²⁶². В этот ряд следует включить также обзор объема и способов представления лексикологической проблематики в словенских грамматиках последних двух столетий²⁶³.

*Перевод на русский язык Е. Сагалович.
Литературу см. также в конце оригинальной части.*

²⁵⁷ Весь спектр содержания и проблематики можно оценить при индивидуальном анализе работы исследователей.

²⁵⁸ *Orožen Martina*. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. Lj., 1996. 405 s.; *eadem*. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (Od Brižinskih spomenikov do Kopitarja); *Merše Majda*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki // *Linguistica et philologica* 29. Lj., 2013. 436 s.; *Jesenšek Marko*. Poglavlja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika // *Zora* 90. Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Maribor; Praha, 2013. 390 s.; *id.* Poglavlja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika // *Zora* 110. Maribor; Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Praha, 2015. 389 s. itd.

²⁵⁹ *Novak France*. Samostalniška večpomenskost v jeziku slovenskih protestantskih piscev // *Linguistica et philologica* 10. Lj., 2004. 302 s.

²⁶⁰ *Legan Ravnikar Andreja*. Slovenska krščanska terminologija // *Lingua Slovenica* 4 / Uredila H. Dobrovoljc. Lj., 2008. 229 s.

²⁶¹ Например: *Narat Jožica*. Slovenski knjižni jezik 16. stoletja v luči besedoslovnih raziskav // *Slavistična revija* 56/2008, št. 4, 57/2009, št. 1. Trubarjeva številka / Uredila M. Merše. S. 105–138.

²⁶² *Legan Ravnikar Andreja*. Razvoj slovenskega strokovnega izrazja // *Terminologija in sodobna terminografija* / Uredile N. Ledinek, M. Žagar Karer, M. Humar. Lj., 2009. S. 49–73.

²⁶³ *Bokal Ljudmila*. Besedoslovje v slovensko pisanih slovenskih slovnica // *Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika*. *Zora* 32 / Uredil M. Jesenšek. Maribor, 2005. S. 304–318.

ЕЛКА МИРЧЕВА

София, Болгария

Проблемы и достижения болгарской исторической лексикологии*

Объект и границы исследования

Объектом исследования болгарской исторической лексикологии являются изменения в составе, характере и семантической структуре лексического состава болгарского языка в процессе его многовекового развития, начинающегося с создания и развития первого славянского письменного языка – староболгарского – до периода Предвозрождения, который завершается созданием «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского. Установка таких широких хронологических границ основывается на исследованиях, которые изучают этническую принадлежность языка Кирилла и Мефодия, на множестве базовых исследований в области славянской филологии в течение более чем 200-летней истории ее развития как науки, в том числе и на конкретных трудах, посвященных староболгарской лексике и ее значению для успешной реконструкции праславянского лексического фонда¹. По этой причине предлагаемый обзор проблем и достижений болгарской исторической лексикологии охватывает исследования письменных памятников от самых ранних датированных источников IX–X вв., через произведения Охридского и Преславского книжных центров, среднеболгарский период и Тырновскую книжную школу, болгарскую дамаскинскую литературу XVI–XVIII вв. – и достигает переработанных до неузнаваемости произведений средневековой болгарской литературы конца XIX в. Сделан обзор возможных подходов в исследовании данной тематики, теоретических построений и конкретных практических результатов на огромном исследовательском массиве, где существует все еще значительное число белых пятен из-за недостаточно изученного исходного материала, малого числа обобщающих исследований и, наконец, ненаписанной до настоящего времени целостной *Болгарской исторической лексикологии*.

Первые исследования

Первоначальный интерес к словарному составу болгарского языка связан с созданием лексикографического труда – это «Речник на български език с тълкувание речни-

* Предлагаемый очерк не претендует на то, чтобы охватить всю имеющуюся библиографию, его цель – привлечь внимание к более или менее изученным вопросам; наметить проблемы и задачи, стоящие перед болгарской исторической лексикологией.

¹ *Иванова-Мирчева Д.* Лексиката на класическите старобългарски паметници – източник за определяне етническата принадлежност на Кирило-Методиевия език // Международен конгрес по българистика. 2. Доклади. Т. 21. София, 1989. С. 5–12; *eadem.* Характерни особености на лексиката на старобългарските паметници // Славянска филология. Т. 19. София, 1988. С. 29–35; *eadem.* Наблюдения върху лексиката на класическите старобългарски паметници // Български език, 1984. № 6. С. 489–499; *Куркина Л.В.* Значение данных староболгарской письменности для реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда // Старобългаристика. 1984. № 2. С. 3–13.

те на български и на руски» Найдена Герова². Этот неоценимый по своему значению труд, включающий огромное лексическое богатство, а также исследования древних болгарских письменных памятников и болгарских диалектов, стал крепкой основой, на которую начали опираться при создании первых исследований по исторической лексикологии. В 1919 г. появляется статья Б. Цонева «Кои новобългарски говори стоят най-близо до старобългарски в лексикално отношение»³ – первое научное сочинение болгарского ученого по истории болгарской лексики. В этом, по существу, программном труде читаем: «На основе старобългарских памятников или по древним копиям с них мы можем легко установить, какие слова входили в состав болгарского литературного языка в первый период болгарской письменности. Затем мы можем двигаться дальше и установить, какие старобългарские слова более древние, а какие – более новые, имея в виду, как следовали одно за другим разные литературные произведения в старобългарское время; тогда мы определим, что те слова, которые мы находим в наиболее древнем евангельском переводе, более древние, чем слова, которые встречаем, например, у Иоанна Экзарха, хотя известно, что Иоанн Экзарх пишет также в старобългарское время»⁴. Сейчас, спустя один век, можно сказать, что такой подход становится одним из направлений в исследованиях по болгарской исторической лексикологии. Выявление лексического богатства старобългарского языка – одна из целей, которые ставят перед собой многие исследователи, и одна из тем, обсуждаемых на солидных научных форумах⁵. Преемственность и связь новобългарского и старобългарского языков – предмет множества трудов, в том числе и монографических – «Старинни народни думи» Ивана Добрева⁶ и «Единството на българския език на лексикално равнище» Марии Мыжлековой⁷. Интересные данные для современных приверженцев лексики так называемых классических старобългарских памятников (КСП) приведены в специальной рубрике в словарных статьях Словаря старобългарского языка БАН⁸.

Задачи болгарской исторической лексикологии в трудах исследователей

Язык – настоящее зеркало культурного развития данного народа, и определяющую роль в этом отношении играет его лексическое богатство. Однако изучение этого богатства сопряжено со многими трудностями. Языковой материал, с которым имеет дело историк языка, не однороден ни в жанровом, ни во временном, ни в пространственном отношении; эти исследования часто охватывают обширный период в не-

² Герова Н. Речник на българския език с тълкувание речите на българския и на руски. Ч. I–V. Пловдив, 1895–1904.

³ Цонев Б. Кои новобългарски говори стоят най-близо до старобългарски в лексикално отношение // Списание на БАН. Клон Историко-филологически (= Помагало по българска историческа лексикология / Съставители Т. Славова, Т. Лекова. Под научната редакция на Ив. Добрев. София, 1986).

⁴ Цит. соч. С. 13.

⁵ Мирчев К. Словното богатство на българския език // Училищен преглед. 1943. № 2. С. 212–218; Русек Й. Лексиката на българския език като отражение на 1300-годишното развитие на историята на народа // Първи международен конгрес по българистика. Т. 2. София, 1981. С. 247–271; Давидов А. Към въпроса за установяване на лексикалното богатство на старобългарския език // Международен конгрес по българистика. 2. Доклади. Т. 21. София, 1989. С. 1–20.

⁶ Добрев Ив. Старинни народни думи. София, 1987.

⁷ Мыжлекова М. Единството на българския език на лексикално равнище. София, 1994.

⁸ Старобългарски речник. Т. 1. София, 1999; Т. 2. София, 2009.

сколько веков. Дополнительное осложнение вносит отсутствие понятий нормы и кодификации литературного языка в современном их понимании. И еще одна особенность таких исследований, в отличие от изучения лексики современных славянских языков, – раскрытие истории слов требует комплексного подхода, часто на практике переплетается с открытием и введением в научный оборот новых источников, в целостном изучении которых анализ лексических особенностей занимает почетное место. Определяющее значение, не в последнюю очередь, имеют текстология, греческие параллели при переводных текстах, проблема с иноязычными копиями возникших или переведенных в Болгарии сочинений, как и с лексикографической обработкой словарного материала. Публикации, в которых открыто обозначаются проблемы болгарской исторической лексикологии, а также обсуждаются методологические трудности и предлагаются возможные подходы, – малочисленны.

В 1958 г. Кирилл Мирчев обобщает все сделанное до того момента в области болгарской исторической лексикологии, и в статье под заглавием «Днешното състояние на проучванията върху историята на българския език у нас»⁹ он констатирует, что на общем фоне исследований разработка лексических проблем слабо представлена, и ссылается на отдельные публикации Ст. Младенова, Й. Заимова, Ив. Лекова и свои более ранние труды¹⁰. Сделанное Мирчевым утверждение и критический взгляд на достигнутое дают сильный толчок дальнейшим исследованиям. В течение следующих десятилетий появляются и другие важные публикации болгарских ученых, занимающихся проблемами болгарских историко-лексикологических исследований¹¹.

● Восстановление в максимальной степени того основного корпуса лексем, которые могут быть извлечены из малочисленных рукописей, созданных и переписанных главным образом в Болгарии в староболгарский период X–XI вв., – одна из многократно обозначенных целей в историко-лексических исследованиях. Это разнородная и вполне случайная по составу коллекция, называемая часто «классические староболгарские памятники» (КСП) или «староболгарский канон», которую исследователи безусловно принимают в качестве источника для изучения кирилло-мефодиевского язы-

⁹ *Мирчев К.* Днешното състояние на проучванията върху историята на българския език у нас // Български език. 1958. № 4–5. С. 409–419.

¹⁰ *Младенов Ст.* Архаични думи // Родна реч. 1932. С. 239–240; 1933. С. 177–180; *id.* Потекло и състав на среднобълг. белгвнз, прякор на цар Асен I // Списание на БАН. 1933. С. 49–66; *Заимов Й.* Българските народни имена на месеците // Известия на Института за български език, 1954, Кн. 3. С. 101–147; *Леков Ив.* За тръпен–трапен, крап–крупен // Език и литература, 1956. С. 444–446; *Мирчев К.* За западнобълг. глагол *сакам* // Списание на БАН. 1950. С. 69–78; За идиома „от игла до конец“ // Български език. 1957. С. 350–352; *id.* За някои лексикални особености на българския Физиолог от XVI в. // Сборник Балан. 1955. С. 319–322; *id.* Бележки върху гръцките заемки в езика на седмоградските българи // Известия на Института за български език. 1952. Кн. 1. С. 231–238; *id.* За осмислянето на един гърцизъм в среднобългарските паметници // Български език. 1957. № 6. С. 540–541; *id.* Гръцко–български разговорници и речници през XIX в. и тяхното значение за проучването на българския език // Македонски преглед. 1941. № 4. С. 34–56; *id.* Гръцко–български разговорник от 1876 г. из Южна Македония // Годишник на СУ. Историко–филологически факултет, 1942. 109 с.

¹¹ *Гълъбов Ив.* Проблеми на старобългарските лексиколожки проучвания // Ив. Гълъбов. Избрани трудове по езикознание. София, 1986. С. 399–406; *id.* Лексикални проблеми на стария български книжовен език // Ив. Гълъбов. Избрани трудове по езикознание. София, 1986. С. 382–398; *Добрев Ив., Томанова А.-М.* Българската лексика като част от общославянския речников фонд // Славянска филология. Т. 19. София, 1988. С. 256–262; *Давидов А.* Актуални задачи на старобългарската лексикология // В памет на Петър Динеков. София, 2001. С. 509–511.

ка. На практике на этом корпусе, содержащем наиболее древние материальные свидетельства о первом письменном языке славян – староболгарском, – основываются исторические лексические исследования всех славянских языков. Для болгарского языка это начальный этап развития книжного языка. Этот феномен Р.М. Цейтлин формулирует следующим образом: староболгарская лексикология имеет два аспекта – национальный и общеславянский¹².

- Изучение староболгарской лексики начинается в рамках текстологии, так как при этом исследование ведется в ретроспективном плане. Во многих трудах главенствующее место занимает греческий оригинал, отклонения (лексические отличия) от которого считаются ошибками. Ряд современных исследователей характеризуют этот метод как неверный¹³. Р.М. Цейтлин предлагает другой метод исследования. По ее мнению, изучение староболгарской лексики требует систематизации и интерпретации огромного количества текстологических дублетов, вместе с тем нужно отойти от некоторых традиционных точек зрения на староболгарское слово и староболгарский книжный язык; она считает, что кирилло-мефодиевский язык в лексическом отношении может быть успешно реконструирован в результате синхронного и системного изучения языка рукописей конца X и XI в. В ряде своих исследований Р.М. Цейтлин использует возможности, которые дает синхронный анализ, и к известным данным о фонде КСП, насчитывающем 10000 лексем, добавляет, что в этом лексическом массиве выделяются 600 сложных слов, 100 аффиксов и 850 семантических групп с общим корнем¹⁴.

Среди основных задач исторической лексикологии – изучение значения слова. Это одна из наиболее сложных проблем языкознания. В исторической семантике известно только означающее (слово), а означаемое (значение) требуется определить¹⁵. В этом процессе у историка языка есть два основных помощника, которые, однако, могут его серьезно подвести. Из-за переводного характера огромной части древней славянской литературы большое значение имеет греческое соответствие, но богатая семантическая структура греческого слова может привести к неверному выводу. Сегодня в основном пережит тот период, когда староболгарские переводы исследовались через призму греческого оригинала, да и не все *composita* являются непременно кальками. Второй фактор для определения значения – контекст. Велика опасность, что исследователь «модернизирует» значение староболгарского слова и припишет современные реалии как характерные для болгарского языка более тысячелетия назад. На конкретных примерах об этом предупреждает Р.М. Цейтлин. Насколько более древними являются изучаемые факты, настолько более широкий круг косвенных источников должен быть принят во внимание. Исследователь полагает, что для правильного толкования лексемы *слово*, например, требуется изучить понятие «логос» в античной философии. В других случаях на помощь приходят праславянский или праболгарский – так, например, этимологический анализ приставки *о-* определяет значение целой группы

¹² Цейтлин Р.М. О современных проблемах древнеболгарской лексикологии // *Palaeobulgarica*. 1980. № 2. С. 43–51.

¹³ Марти Р. Проблеми на значението на славянската лексика от Кирило-Методиево време // *Palaeobulgarica*. 1994. № 4. С. 23–39.

¹⁴ Цейтлин Р.М. О современных проблемах древнеболгарской лексикологии...; она же. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. София, 1986.

¹⁵ Марти Р. Проблеми на значението...

слов¹⁶. Автор прилагает усилия и к восстановлению словарного богатства староболгарского книжного языка, предлагая свой метод исследования¹⁷.

- Для болгарской лексикологии серьезной и многоаспектной является проблема иноязычного влияния, т.е. вопрос о заимствованиях в болгарском языке. По причине длительных и сложных болгарско-русских языковых связей особенно трудно определить, что в болгарском языке является староболгарским материалом, что церковнославянским и что появилось в языке под русским влиянием. Теоретический вклад в этом направлении внесла статья К. Босилкова «За характеристиката на възрожденската лексика»¹⁸. Хотя статья посвящена возрожденческому периоду развития болгарского языка, в ней сформулированы важные методологические принципы, которые могут помочь распутыванию сложного узла влияний. Автор указывает на необходимость разграничения генетического, исторического и типологически-функционального подхода при исследовании лексики. С помощью генетического подхода определяется происхождение лексемы, а исторические и фонетико-типологические особенности указывают путь проникновения.

- Создание надежной основы для аргументированных выводов, имеющих обобщающий характер, требует изучения большого объема источников, что часто сопровождается этапом создания различных типов словарей (словоуказатели, конкордансы и т.п.). В последние годы появляются теоретические исследования, которые открывают пространство для дискуссии и, безусловно, дают хорошую основу не только для создания новых типов лексикографических трудов, но и для будущего весомого вклада в область исторической лексикологии¹⁹.

Болгарская историческая лексикология в исторических грамматиках болгарского языка и в современных обобщающих исследованиях по болгарской лексикологии

- **Б. Цонев «История на българския език»²⁰**. Второй том сочинения «История на българския език» Б. Цонева – первый болгарский научный труд, в котором отведено место исторической лексикологии в разделе «Болгарская семантика». В этом томе собраны рабочие материалы и лекционные курсы выдающегося ученого, который не успел завершить начатое дело (из задуманного целостного труда при жизни исследователя вышел из печати лишь первый том). Содержание системного курса, который слушали студенты в Софийском университете «Св. Климент Охридский» в начале XX в.,

¹⁶ *Цейтлин Р.М.* Об одном приеме анализа значения древнеболгарского слова // *Palaeobugrica*. 1984. № 3. С. 33–41.

¹⁷ *Цейтлин Р.М.* Възстановяване на незасвидетелствани старобългарски думи (способи и методи) // *Български език*. 1986. № 2. С. 110–120.

¹⁸ *Босилков К.* За характеристиката на възрожденската лексика // *Международен конгрес по българистика*, 2. История на българския език. София, 1987. С. 285–289.

¹⁹ *Тасева Л.* Конкорданс на лексикалните варианти в южнославянските многократни преводи: методологически проблеми // *Acta Palaeoslavica*. Vol. 2 in honorem professoris Angelinae Minceva. Sofia, 2005. P. 119–127; *Илиева Т.* Състояние и перспективи на съвременната българска историческа лексикология – диахронен речник на думите от чужд произход в българския език // *Български език*. 2014. Приложение. С. 120–135.

²⁰ *Цонев Б.* История на българския език. А. Обща част. Б. Специални части. Т. 2. Посмъртно издание / Под редакцията на проф. д-р Ст. Младенов. София, 1934.

может дать нам представление о содержании, которое в то время имело понятие «лексикология», это: Предмет и задачи семантики; Значение семантики; Заимствования из литовского языка; Заимствования из немецкого языка; Заимствования из греческого и латинского языков; Заимствования из турецкого языка; Влияние русского языка; Болгарская лексикография; Семантические принципы – А. Корни; Б. Основы; В. Суффиксы; Г. Сложные слова. Определяющей в понимании семантики является следующая мысль автора: «Важность семантики состоит в том, что через нее мы узнаем, как народ дополнял и дополняет лексическое богатство, какие слова заимствовал у других народов и когда и как образовал слова... В зависимости от исторической судьбы болгарского народа видим и разные пласты в языке: самые древние, более новые и новейшие»²¹.

Производит впечатление то внимание, которым пользуется изучение иностранных заимствований в болгарском языке. Уже достаточно рано наука о болгарском языке моделирует объект своего исследования, стремится систематизировать особенности иностранного влияния, чтобы при изучении истории болгарского языка выделить собственно староболгарский материал. В середине XX в. появляются знаковые труды Л. Андрейчина «Старобългарското градиво в съвременния български книжовен език» и «Ролята на черковнославянския език в изграждането на съвременния български книжовен език»²².

Изучение иностранных заимствований в болгарском языке в его многовековом историческом развитии – одна из наиболее разработанных тем в болгарской исторической лексикологии. В предлагаемом обзоре основное внимание направлено на те труды, в которых собрана и критически осмыслена огромная библиография по этому вопросу. Вообще, изучение особенностей иноязычного влияния на болгарский язык могло бы стать предметом самостоятельного обзорного анализа, но рамки данного общего изложения не позволяют нам проанализировать результаты, достигнутые на сегодняшний день.

Следующие обобщающие труды по истории болгарского языка обращаются к проблеме иностранных заимствований в болгарском языке.

- **Стефан Младенов «История на българския език»**²³. В труде Ст. Младенова исторической лексикологии отводится незначительное место. Это беглые заметки в главе «Към историята на старобългарския и новобългарския книжовен език»²⁴. Автор отсылает к высказанным мнениям о мнимых моравизмах, типа брадатъ, дръжнна, жнаа, златаръ и подобных и делает наблюдения относительно семантики отдельных слов.

- **Кирилл Мирчев «Историческа граматика на българския език»**²⁵. К. Мирчев рассматривает вопросы болгарской исторической лексикологии в разделе «Исторически връзки на българския език с други езици». Само заглавие подсказывает, что в фо-

²¹ Там же. С. 314.

²² Андрейчин Л. Старобългарско градиво в съвременния български книжовен език // Български език. 1963. № 3. С. 198–203; *id.* Ролята на черковнославянския език в изграждането на съвременния български книжовен език // Български език. 1958. № 4–5. С. 309–320.

²³ Младенов Ст. История на българския език. Превод и редакция на проф. д-р Иван Дуриданов от немското издание през 1925 г. София, 1979.

²⁴ Цит. соч. С. 364–370.

²⁵ Мирчев К. Историческа граматика на българския език. III изд. София, 1978.

кусе внимания автора особенности иноязычного влияния в историческом развитии болгарского языка (морфологические, синтаксические и лексические).

• **Иван Харлампиев «Историческа граматика на българския език»²⁶**. Задуманная как учебное пособие для студентов-филологов, грамматика И. Харлампиева – первый обобщающий труд по истории болгарского языка, в котором, наряду с неизменно присутствующей проблемой иноязычного влияния, отводится место и общим теоретическим вопросам. Это исследование не только обращается к вопросу о преемственности в развитии болгарского языка, но и к причинам этого явления. Развитие лексического состава происходит в двух направлениях – количественном и качественном. И тогда как предшествующие исследования делают акцент исключительно на количественной стороне (проникновение новых лексем и отсеивание архаичных; образование новых слов с помощью словообразовательных средств языка; калькирование), в грамматике Харлампиева уделено внимание и внутренним (качественным) изменениям в семантической структуре слов. Автор опирается на труды Доры Ивановой-Мирчевой²⁷ о возникновении переносных значений как основном факторе семантических изменений, который непрерывно действует в историческом развитии языка и связан с историей народа. Далее он рассматривает внутреннее развитие слов, происходящее в трех направлениях: расширение, сужение и изменение значения. *Расширение* структуры слов происходит вследствие переносного употребления, результатом которого является полисемия, бывающая двух видов: понятийная (каждое значение именуется отдельное понятие) и функциональная (разные значения связаны с общим понятием, но в отдельных значениях объем и содержание или расширяются, или сужаются). Рассматриваемые явления подтверждаются богатым староболгарским лексическим материалом. *Сужение* структуры слов происходит по языковым или внеязыковым причинам. Нужны серьезные изменения, при которых «утраченное» значение перестает существовать в семантическом объеме определенного слова и возникает другой звуковой комплекс. Так, в историческом развитии болгарского языка глагол *хотѣти* становится частицей для образования будущего времени «ще». В значении «хотеть» («искам») глагол *хотѣтн* взят от *нскатн*, на место которого в значении «искать» («търся») встают несколько глаголов – «търся диря, тража (диал.)». Харлампиев уделяет внимание также взаимосвязи и последовательности *расширения, сужения и изменения значения*. Ученый обстоятельно рассматривает преемственность в лексическом развитии языка и предлагает новый взгляд на вопрос об особенностях иноязычного влияния с точки зрения исторического развития.

Для болгарской лингвистики отраден тот факт, что новейшие обобщающие труды в области современной болгарской лексикологии уделяют место и болгарской исторической лексикологии.

• **Тодор Бояджиев «Българска лексикология»²⁸**. Труд Т. Бояджиева определен как учебник для студентов-филологов. Прежде чем обратиться к изучению современ-

²⁶ Харлампиев Ив. Историческа граматика на българския език. В. Търново, 2001.

²⁷ Иванова-Мирчева Д. Преносно значение на думата и преносимост на значението // Известия на Института за български език. Кн. 6. 1959. С. 3–37; *eadem*. Стесняване на семантичната структура като исторически процес // Известия на Института за български език. Кн. 11. 1964. С. 151–160; *eadem*. Характерни особености на лексиката на старобългарските паметници // Славянска филология. Т. 19. 1988. С. 29–35.

²⁸ Бояджиев Т. Българска лексикология. София, 2011.

ной болгарской лексической системы, ученый считает необходимым вернуться назад в историю языка. В очередной раз, при повороте назад, возникает характерное для болгарского языкознания внимание, преимущественно, к иноязычным заимствованиям. Обращение к истории болгарского языка проливает свет на происхождение, время и способ проникновения значительной части иноязычной лексики, часть которой издавна не осознавалась как чуждая и является органичной частью нашего языка. Автор представляет различные группы заимствований: фракийские, праболгарские, греческие, латинские, турецкие – и делает критический обзор внушительной библиографии, собранной в течение десятилетий.

● **Коллективный труд «Българска лексикология и фразеология»²⁹**. Недавно вышел из печати трехтомный труд, посвященный современным проблемам болгарской исторической лексикологии, первый том которого имеет вышеупомянутое заглавие. Для болгарской исторической лексикологии существенное значение имеет его *Часть первая* под названием «Формиране и развитие на българската лексикална система», автор Л. Крумова-Цветкова³⁰. Впервые развитие современной лексической системы представлено в динамике – от праславянского языка с 2000 лексем, продолживших свое развитие в староболгарском языке³¹, в староболгарский период, и приблизительно 2800 лексем, перешедших в современный литературный язык в том же формальном виде, 800 – с изменившейся семантикой и большей частью лексем, сохранившихся в диалектах; также приведены статистические данные о том, что в целом 92–93% лексики так называемых староболгарских памятников имеют аналоги в современном языке³². Уделено внимание калькированию греческих моделей при переводе, особенно с начальным *θεο-*, *ευ-*, без которых у нас не было бы, например, прекрасного болгарского *благодаря*. Наряду с констатацией, что староболгарский язык имел все особенности, характерные для живого языка, – многозначность, способность к употреблению переносных значений, образность, расширение и сужение значений, – уделено серьезное внимание типам и моделям семантического словообразования. Эти наблюдения основываются на исследовании Емилии Пернишкой «Исторически устойчивото в българската лексика»³³. Автор выделяет 7 основных типов метонимических значений у имен существительных, которые иллюстрирует с помощью староболгарского материала. Преимущество существует и в отношении семантической деривации у прилагательных. Прежде чем перейти к своей основной цели, т.е. к современной болгарской лексической системе, в коллективном труде «Българска лексикология и фразеология» авторы уделяют внимание периоду Предвозрождения, а также чрезвычайно важным и сложным проблемам точного определения церковнославянского влияния.

²⁹ Крумова-Цветкова Л., Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С., Божилова М. Българска лексикология и фразеология. Т. 1. София, 2013.

³⁰ Цит. соч. С. 33–81.

³¹ Бояджиев Т. Българска лексикология...

³² Иванова-Мирчева Д. Лексиката на класическите старобългарски паметници – източник за определяне на етническата принадлежност на Кирило-Методиевия език // Втори международен конгрес по българистика. Т. 21. Доклади. Исторически развой на българския език. София, 1989. С. 5–6.

³³ Пернишка Ем. Исторически устойчивото в българската лексика // Първи международен конгрес по българистика. Т. 1. Доклади. Исторически развой на българския език. София, 1983. С. 434–444.

Первый обобщающий болгарский монографический труд, посвященный староболгарской лексикологии

В 1996 г. появляется первый опыт, в котором обобщаются все проблемы болгарской исторической лексикологии, – это труд Ангела Давидова «Старобългарска лексикология»³⁴. Как показывает само заглавие, объектом исследования является начальный, староболгарский период развития болгарского литературного языка. Одновременно с констатацией факта, что, несмотря на многочисленные ценные работы болгарских и иностранных исследователей, целостный труд, посвященный истории болгарской лексики, не только не написан, но, вероятно, и не будет создан в ближайшем будущем, автор определяет причины этого: 1. не существует единого взгляда на памятники, в которых зафиксирована староболгарская лексика; 2. не все памятники изучены в лексическом отношении; 3. недостаточно число палеославистов, которые нацелены на лексикологические исследования. Что касается плановых работ, то их целенаправленные усилия направлены на выпуск лексикографических трудов в научно-исследовательских академических центрах (Россия, Чехия, Болгария). Нужно отметить, что на протяжении всей работы А. Давидов рассматривает староболгарскую лексикографию как неделимую часть лексикологии. Это видно как по структуре исследования, так и по поставленным во *Введении* задачам: 1. Выявление всех лексических средств староболгарского языка; 2. Классификация лексики; 3. Семасиологические исследования; 4. Исследование фразеологических единиц; 5. В области лексикографии – а) словари-индексы отдельных памятников; б) полный староболгарский словарь-тезаурус; в) словарь синонимов; г) словарь антонимов. Хотя с точки зрения современной науки рассмотрение лексикологии совместно с лексикографией представляет своеобразный синкретизм и отсутствие ясно различимых целей исследования, при историческом языковедческом исследовании сочетание этих самостоятельных научных дисциплин полностью оправдано и необходимо. На практике лексикологические исследования чаще всего следуют за сбором и словарной обработкой исходного материала. Главная часть труда Давидова названа «Речников състав на старобългарския език», она включает такие проблемы, как: происхождение староболгарской лексики; лексика староболгарских сочинений, сохранившихся в более поздних списках (Шестоднев, Беседа против богомилов, Симеонов изборник); староболгарская лексика в народных говорах. Автор касается вопросов староболгарской синонимии, а в конце своего исследования представляет различные типы трудов по исторической лексикографии. Хотя данная монография А. Давидова не может быть охарактеризована как труд по болгарской исторической лексикографии (среднеболгарский и предвозрожденческий периоды не являются предметом исследования), она обобщает опыт в изучении староболгарского книжного языка, на основе которого возможно будет создать целостное исследование.

Основные периоды. Типы исследования. Староболгарский период

Староболгарский период развития болгарского языка – бесспорно, наиболее разработанный этап его развития. Здесь представлено и наибольшее число исследований

³⁴ Давидов А. Старобългарска лексикология. В. Търново, 1996.

иностранных ученых. Этот факт, конечно, имеет свое объяснение. Все современные славянские языки кладут в основу своего исторического развития этот начальный, непосредственно связанный с делом Кирилла и Мефодия, период IX–XI вв., к которому относятся самые ранние сохранившиеся рукописи, формирующие корпус так называемых КСП. Все исследования более поздних источников, анализ проблем лексико-семантических, словообразовательных и прочих групп лексики начинаются с этой группы рукописей. Их словарный состав стал известен благодаря лексикографическим трудам – словарям Садник-Айтцетмюллера³⁵, Р.М. Цейтлин и коллектива Чешской академии наук³⁶, Словарю староболгарского языка³⁷. Остальные известные, широко применяемые и классические палеославистические словари (Фр. Миклошича³⁸, И.И. Срезневского³⁹, Словарь Чешской академии⁴⁰) используют исходный материал, выходящий за рамки периода X–XI вв., и включают рукописи, возникшие в русской, сербской, хорватской, чешской языковой среде.

Лексический материал КСП увеличился благодаря важному открытию Йоаниса Тарнанидиса на Синае в 1975 г. Через тридцать лет эти опубликованные вновь открытые источники были лексикографически обработаны как Дополнение ко второму тому Словаря староболгарского языка. Конкретных лексических исследований этих источников мало – только новой части Синайской псалтири⁴¹. В Словаре староболгарского языка БАН использован еще один источник для обогащения лексического материала периода IX–X вв. – староболгарские надписи. Их лексика также является объектом исследования в немногочисленных публикациях⁴².

Об одной существенной особенности лексики КСП

Специалистам хорошо известно, что наиболее объемный в КСП Супрасльский сборник содержит 5285 словоформ, из которых 3124 встречаются только в этом памятнике⁴³. Все это, естественно, рассматривалось как неоспоримый факт до появления одного источниковедческого труда Климентины Ивановой «*Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*»⁴⁴. На первый взгляд, эта монография имеет мало общего с языковедческими, в частности – лексикологическими, исследованиями, но, задав себе вопрос о месте сборников в корпусе КСП (их существует только два – Клоцов и Супрасльский) и сравнив распространение текстов Супрасльского сборника (сейчас возможны иссле-

³⁵ *Sadnik, L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den Altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.*

³⁶ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва, 1994.

³⁷ Старобългарски речник...

³⁸ *Miklosich Fr. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.*

³⁹ *Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.*

⁴⁰ *Slovník jazyka staroslovenského, Praha, 1959–2007.*

⁴¹ *Карачорова И. Лексиката на новооткритата част на Синайския псалтир // Palaeobulgarica. 2007. № 3. С. 41–70.*

⁴² *Смядовски Ст. Към езиковата характеристика на българските кирилски надписи до XV в. // Palaeobulgarica. 1980. № 4. С. 93–101; Константинова В. Лексиката на старобългарските надписи от IX–XI в. // Годишник на ВПИ. Т. 11. Шумен, 1987. С. 65–79.*

⁴³ *Цейтлин Р.М. Сколько было слов в книжном древнеболгарском языке? (О проблеме восстановления утраченного) // Търновска книжовна школа. Т. 6. 1999. С. 271–280.*

⁴⁴ *Иванова Кл. Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica. София, 2008.*

дования только минейной части кодекса), мы получим озадачивающие результаты, которые непременно должны быть приняты во внимание при ссылках на корпус КСП. Оказывается, что отрывки минейной части Супрасльского сборника (это половина всего объема кодекса) во всей южнославянской литературе сохранились только в этой единственной копии⁴⁵, т.е. они определенно занимают маргинальное положение и не являются показательными для состава сборников в целом. Это относится к лексике текстов, которая, будучи признанной однажды «классической», стала основой для сравнений в многочисленных лексикологических исследованиях. Более глубокие конкретные исследования с точным определением лексем из Супрасльского сборника показывают, что знакомое палеославистике значение, известное только по этому памятнику, оказывается окказиональным, оно связано только с одним единственным употреблением, т.е. не лексикализовано, а в практике исследований по лексикологии это нелексикализованное значение принимается за типичное для древнеболгарского периода и на его основе делают заключения об изменениях в семантике⁴⁶.

Староболгарское литературное наследие, сохранившееся в иноязычных копиях

Серьезную проблему для исследователей болгарской лексики в историческом плане традиционно представляет тот факт, что большая часть староболгарского литературного наследия сохранилась в русских, сербских и влахо-молдавских копиях. Болгарская лингвистика испытывает трудности при работе с сочинениями древнеболгарских писателей, когда они сохранены в рукописях, созданных в иноязычной среде. Как мы видели выше, А. Давидов указал на эти трудности и сделал соответствующее заключение о том, что понятие «древнеболгарская лексика» имеет неустановленный объем, и это является проблемой номер один в лексикологических исследованиях. Этот факт стал причиной того, что двухтомный «Словарь староболгарского языка» БАН использует источники, которые переписаны в последний раз (рукописи) или созданы (надписи) на территории исторически болгарских земель. Такое строгое требование привело к сокращению числа источников, на основе которых исследуется болгарский литературный язык, при изучении которого выпадают сочинения Климента Охридского, Иоанна Экзарха, Константина Преславского и др. (Здесь мы имеем в виду целостные труды, а не исследование языка писателя, что является сравнительно хорошо разработанным научным жанром.) С другой стороны, в силу того, что сохранились в русских копиях «Симеонов изборник» 1073 г., «Шестоднев» и «Богословие» Иоанна Экзарха, «Слова» Григория Богослова, «Учительное евангелие» Константина Преславского и многие другие произведения Преславского книжного центра, хотя они были созданы или переведены болгарскими книжниками в Болгарии, эти тексты являются материалом для словарей И.И. Срезневского, «Словаря русского языка XI–XIV вв.»

⁴⁵ *Мирчева Е.* За етапите в развитието на Преславската преводаческа и редакторска школа (Отново за Супрасълския сборник) // *Palaeobulgarica*. 2011. № 4. С. 3–23; CODEX SUPRASLIENSIS и BIBLIOTHECA HAGIOGRAPHICA BALCANO-SLAVICA (некоторые размышления относительно состава одной из самых старших древнеболгарских рукописей) // *Преоткриване. Супрасълски сборник, старобългарски паметник от X век.* София, 2012. С. 25–34.

⁴⁶ *Мирчева Е.* Житието на св. Кодрат Никомидийски в славянската традиция // *Сборник в чест на проф. д.ф.н. Анисава Милтенова* (в печати).

«Словаря русского языка XI–XVII вв.». Болгарской исторической лексикологии нужно преодолеть этот комплекс и после серьезного и аргументированного отсеивания иноязычных наслоений расширить базу источников для своих исследований. Первые шаги в этом направлении делают те исследователи, которые ставят своей целью восстановить утерянное преславское книжное наследие⁴⁷, а также конкретные публикации, посвященные теоретическим и практическим проблемам в этом направлении⁴⁸.

Староболгарский период развития книжного языка затронут во множестве исследований, посвященных Охридскому и Преславскому книжным центрам, а также в исследованиях языка отдельных писателей. Отдаленность эпохи создания наиболее древних сохранившихся староболгарских памятников от времени свв. Кирилла и Мефодия обоснованно ставит вопрос о семантике славянской лексики кирилло-мефодиевского времени⁴⁹. Ряд трудов восстанавливают это наиболее древнее состояние при рассмотрении текстовой традиции данного литературного памятника⁵⁰. Можно сказать, что значительная часть того, что может быть восстановлено в лексическом составе кирилло-мефодиевского языка, есть в исследованиях многочисленных переводных средневековых текстов, посвященных технике перевода и выделению характерных особенностей переводных и оригинальных литературных произведений, созданных в Преславском книжном центре. Редки исследования, посвященные конкретным авторам или текстам, переведенным еще в кирилло-мефодиевское время. Конечно, исключениями являются сочинения Климента Охридского⁵¹, «Господня молитва»⁵², а также работы о проблемах варьирования в лексике переводов свв. Кирилла и Мефодия⁵³ или рецепция литургических книг⁵⁴.

В отличие от восстановленного по более поздним источникам кирилло-мефодиевского наследия и от разнородного по времени, характеристике и охвату понятия «Охридский книжный центр», просуществовавшего столетия, для Преславского книжного центра с исторической точки зрения определена максимально точная дата рождения и год приблизительной его гибели – от прибытия учеников Кирилла и Мефодия в Плиску в 886 г. до разгрома болгарской столицы 971 г. Литературное наследие, созданное в течение одного века в книжных центрах, связанных с Преславом, представляет собой

⁴⁷ Сравни, например, исследования: *Милтенов Я.* Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. София, 2006; *id.* Златоструй: старобългарски хомилетичен свод, създаден по инициатива на българския цар Симеон. София, 2013.

⁴⁸ *Станков Р.* Проблемы исследования древнеболгарских переводных текстов, сохранившихся в инославянской рукописной традиции // *Palaeobulgarica*. 1984. № 4. С. 91–99; *Темчин С.* Текстологическая значимость церковнославянской лексики: восточноболгарская лексика в древнерусском Мстиславовом евангелии // *Славяноведение*. 1996. № 1. С. 63–72.

⁴⁹ *Марти Р.* Проблемы на значението...

⁵⁰ *Карачорова Ив.* Към въпроса за Кирило-Методиевия превод на Псалтиря // Кирило-Методиевски студии. Т. 6. София, 1989. С. 130–245.

⁵¹ *Христова И.* Речник на словата на Климент Охридски. София, 1994; *eadem.* Средства за номинация в словата на Климент Охридски // *Palaeobulgarica*. 1987. № 4. С. 32–40; *eadem.* Речникът на Климент Охридски в контекста на старобългарската книжовна лексика // Международен конгрес по българистика. 2. Доклади. Т. 21. София, 1989. С. 334–341.

⁵² *Христова И.* О славянских переводах Господней молитвы // *Palaeobulgarica*. 1991. № 3. С. 41–56.

⁵³ *Шьоберг А.* Некоторые замечания о лексическом варьировании в переводах первоучителей Кирилла и Мефодия // *Palaeobulgarica*. 1980. № 2. С. 37–42.

⁵⁴ *Rusek J.* Das Problem der Teilnahme an der Übersetzung liturgischer Bücher // *Selecta Slavica* 13. Hieronymus. Neuried, 1988. S. 247–253.

значительно более четко определенный объект исследования, поскольку уточнен регион (насколько этот критерий применим к средневековой литературе) и время: период правления князя Бориса I и царя Петра I, а также известны имена конкретных древнеболгарских писателей. Это и является причиной того, что работы, посвященные текстам, возникшим в Преславе, являются преобладающими. Наряду с обобщающими исследованиями⁵⁵, многие авторы посвящают свои труды преславским книжникам или памятникам, связанным с Преславом.

Среди наиболее изученных староболгарских писателей на первом месте, бесспорно, стоит Иоанн Экзарх Болгарский. Наряду с пристальным вниманием к его переводческим приемам, во всех исследованиях обязательно обращают внимание на лексические особенности его произведений⁵⁶. Цитируемые заглавия указывают и на другой аспект научных поисков – анализ лексики Иоанна Экзарха в сопоставительном плане с материалом других авторов или групп литературных памятников. Остальные преславские книжники не привлекают к себе внимание в той же степени, и их имена часто соотносятся с именами исследователей, которые посвятили свой научный труд конкретному автору. Так, после выпуска Словаря-индекса к «Беседе против богоми-

⁵⁵ Баранкова Г. С. Лексикални особености на паметниците от Преславската книжовна школа // Език и литература. 1982. № 1. С. 40–48; Гълъбов Ив. Преслав в историята на стария книжовен език // Преслав, I. София, 1968. С. 125–137; Вечерка Р. К толкованию языковых норм Преславской литературной школы // Преславска книжовна школа. Т. 1. Шумен, 1995. С. 181–185; Дунков Д. Супрасълският сборник и етапите в развитието на Преславската редакция на старобългарските книги // Език и литература. 1985. № 5. С. 11–20; Костова Кр. Преславските текстове и проблемите на българската историческа лексикология // Palaeobulgarica. 1992. № 3. С. 17–22; Минчева А. Актуални езикови проблеми на преславската книжнина // Преславска книжовна школа. Т. 2. Шумен, 1997. С. 15–22; eadem. Архаизми и нови черти в езика на преславската книжнина // Славянска филология. Т. 19. София, 1988. С. 138–146; eadem. Към въпроса за Кирило-Методиевите традиции в дейността на преславските книжовници // Език и литература. 1982. № 6. С. 29–39; Иванова-Мирчева Д. К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX–X до XIV века // Palaeobulgarica. 1977. № 1. С. 37–48.

⁵⁶ Благова Э., Икономова Ж. Лексическите совпадения Бесед Григория Двоеслова и Второго Жития Вячеслава с лексикой Иоанна Экзарха // Palaeobulgarica. 1993. № 3. С. 113–26; Благова Э. Лексика Супрасълской рукописи и лексика Иоанна Экзарха // Проучвания върху Супрасълския сборник. Старобългарски паметник от X в. София, 1980. С. 117–126; Вайер Е., Миклас Х. Преводчески похвати в Богословието на Йоан Экзарх в сравнение с по-късни паралелни преводи // Старобългарска литература. 1986. С. 29–59; Георгиева Т. За лексикалния състав на анонимното слово о тварн воинн // Преславска книжовна школа. Т. 8. Шумен, 2005. С. 207–226; Давидов А. Някои лексикални успоредици между Йоан Экзарх и Презвитер Козма // Преславска книжовна школа. Т. 1. Шумен, 1995. С. 290–295; id. Шестодневът на Йоан Экзарх и старобългарската лексика // Славянска филология. Т. 19. София, 1988. С. 90–98; Иванова-Мирчева Д. Йоан Экзарх Български. Слова. Т. 1. София, 1971; Илиева Т. Наблюдения върху лексиката на Богословието в превод на Йоан Экзарх // Palaeobulgarica. 2005. № 3. С. 36–60; eadem. Лексиката на Йоан-Екзарховия превод на Богословието – количествени показатели // Palaeobulgarica. 2011. № 2. С. 14–36; Колесов В.В. Семантични промени на думите в преводите на Йоан Экзарх Български // България 1300. Статии и изследвания на ленинградски българисти. София, 1983. С. 211–239; Русек Й. Из наблюденията върху лексиката на Йоан-Екзарховия «Шестоднев». 1 // Palaeobulgarica. 1992. № 4. С. 27–33; id. Из наблюденията върху лексиката на Йоан-Екзарховия «Шестоднев». 2 // Преславска книжовна школа. Т. 1. Шумен, 1995; Стефова Л. Из лексиката на Екзарховия Шестоднев. 1: абаань, агла, агнадне // Български език. 1989. № 3. С. 217–221; eadem. Из лексиката на Екзарховия Шестоднев. 2 // Български език. 1990. № 2. С. 136–139; eadem. Из лексиката на Йоан Экзарх // Лексикографски и лексиколожки четения '98. София, 2000. С. 366–32; eadem. За две гръцки думи в Шестоднева на Йоан Экзарх // Кирило-Методиевски студии. Т. 14. 2001. С. 266–269; Hansack E. Der Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // Palaeobulgarica. 1977. № 3. С. 33–59; Thomson Fr. John the Exarch's Theological Education and Proficiency in Greek as Revealed by his Abridged Translation of John of Damascus "De Fide Orthodoxa" // Palaeobulgarica. 1991. № 1. С. 35–58.

лов Козьмы Пресвитера» А. Давидов анализирует это произведение в серии публикаций⁵⁷.

Лексическое богатство обширного творчества Константина Преславского все еще ожидает своего исследователя⁵⁸. Что касается перевода «Четырех слов против ариан св. Афанасия Александрийского», являющегося важным переводческим достижением староболгарского книжника, то палеославистику последнего времени обогатил монографический труд⁵⁹, посвященный «Второму» из них, благодаря чему в научный оборот введен текст спустя целых 60 лет после известного труда Андре Ваяна⁶⁰.

До сих пор недостаточно специальных исследований, что имеет свое логическое объяснение: в палеославистике источниковедческая, текстологическая, издательская работа находятся на начальном исследовательском этапе, а чтобы иметь ключ к критически обработанному тексту, лексиколог должен опираться на какой-нибудь тип лексикографического оформления. Это принципиальный вопрос, и он касается целого исследовательского поля в области исторической лексикологии.

Повышенный интерес со стороны ученых вызывают знаковые памятники, переведенные в Преславе, такие как «Супрасльский сборник», «Лествица»⁶¹, «Служебная минея»⁶², «Простой Пролог»⁶³, «Слова» Григория Богослова, некоторые Ветхозаветные книги⁶⁴, «Симеонов изборник»⁶⁵, «Златоструй»⁶⁶, «Диалоги» Псевдо-Кесария⁶⁷,

⁵⁷ Давидов А. Някои лексикални варианти в «Беседа против богомилите» от Пресвитер Козма // Изследвания върху историята и диалектите на българския език (сборник в памет на чл.-кор. Кирил Мирчев). София, 1979. С. 120–124; *id.* Към въпроса за старобългарския характер на лексиката на Пресвитер Козма // Български език. 1970. № 4. С. 343–344; *id.* Речникът на «Беседа против богомилите» от Пресвитер Козма и Супрасълският сборник // Проучвания върху Супрасълския сборник, старобългарски паметник от X век. София, 1980. С. 137–145.

⁵⁸ Тихова М. За някои езикови особености в Учителното евангелие на Константин Преславски // 1100 години Велики Преслав. 2. Шумен, 1995. С. 313–333.

⁵⁹ Пенкова П. Св. Атанасий Александрийски. Второ слово против арияните (в старобългарски превод). Първо издание. София, 2015.

⁶⁰ Vaillant A. Discours contre les Ariens de Saint Athanase. Version slave et traduction en français. Sofia, 1954.

⁶¹ Василева Н. «Лествицата» и преславската редакция на старобългарския книжовен език // Преславска книжовна школа. Т. 6. София, 2002. С. 165–174.

⁶² Давидов А. Някои лексикални особености на Минея за месец февруари от Руската национална библиотека в Санкт Петербург (Соф. 1377) // Кирило–Методиевски студии. Т. 17. 2007. С. 191–196.

⁶³ Желязкова В. Обща характеристика лексического состава Софийского пролога конца XII – начала XIII в. // Palaeobulgarica. 1998. С. 75–88.

⁶⁴ Желязкова В. Наблюдения върху лексиката на среднобългарските преписи на Книга Изход // Преславска книжовна школа. Т. 9. Шумен, 2006. С. 330–334; Илиева Т. Чуждата лексика в Книга на пророк Иезекиил по ръкопис F.I.461 от Руската държавна библиотека в Санкт Петербург // Кирило–Методиевски студии. Т. 18. 2009. С. 116–135; *eadem.* Сравнение на лексиката на Ез. F.I.461 с фонда редки, остарели и диалектни думи в българския език от XIX–XX в. // Български език. 2010. № 3. С. 19–30; Йовчева М., Камуля М. От лексиката до структурата на Книга на пророк Иезекиил: резултати от компютърно изследване на различни езикови равнища // Palaeobulgarica. 2000. № 3. С. 3–20; Мострова Т. Към лексикалната характеристика на Книга на пророк Иеремия // Кирило–Методиевски студии. Т. 21. 2012. С. 12–146.

⁶⁵ Минчева А. Старобългарският книжовен език в Симеоновия сборник по преписа от 1073 г. // Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 1. Изследвания и текст. София, 1991. С. 162–181.

⁶⁶ Георгиева Т. Наблюдения над някои езикови особености на Златостуй от XII в. // Проглас. 1997. № 1–2. С. 48–58.

⁶⁷ Милтенов Я. Редки думи и *haraх legomena* в старобългарския превод на Диалозите на Псевдо–Кесарий // Palaeobulgarica. 2005. № 4. С. 75–83.

«Откровение» Псевдо-Мефодия Патарского⁶⁸, «Хроника» Иоанна Малалы⁶⁹, «Хроника» Георгия Амартола⁷⁰, «Паренесис» Ефрема Сирина⁷¹, «Патерик»⁷², «Палея»⁷³, «Кормчая книга»⁷⁴, а также отдельные тексты, которые были созданы в этом книжном центре⁷⁵.

В 80-е годы XX в. серия примечательных открытий болгарских и иностранных ученых обогатила палеославистику новым, крайне ценным текстовым материалом, который вывел на первый план вопрос оригинальности части древнеболгарской гимнографической поэзии⁷⁶. В данный момент этот корпус не изучен в лексическом отношении. Единственное исключение в этом направлении – несколько исследований гимнографического репертуара Служебной минеи⁷⁷.

В конце 70-х годов XX в. статьи Ивана Добрева «Гръцките думи в Супрасълския сборник и втората редакция на богослужебните книги»⁷⁸ и «Текстът на Добромировото евангелие и втората редакция на старобългарските богослужебни книги»⁷⁹ зародили интерес к так называемой *Преславской редакции* основных книг для ежедневного бо-

⁶⁸ Йовчева, М., Л. Тасева, Преславска лексика в превода на Псевдо-Методиевото Откровение // Palaeobulgarica. 1994. № 3. С. 44–51.

⁶⁹ Пеев Д. Портретни описания на личностни характеристики в Хрониката на Йоан Малала // Преславска книжовна школа. Т. 9. Шумен, 2006. С. 270–293.

⁷⁰ Станков Р. Славянский перевод Хроники Георгия Амартола в издании В.М. Истрина // Palaeobulgarica. 1994. № 1. С. 89–95; *id.* Из наблюдении над лексикой древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Slavia Orthodoxa. Език и култура. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Румяна Павлова. София, 2003. С. 380–389; *id.* К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Преславска книжовна школа. Т. 7. Шумен, 2004. С. 57–72.

⁷¹ Русек Й. За славянския превод на Паренесиса на Ефрем Сириин // Търновска книжовна школа. Т. 5. В. Търново, 1994. С. 335–348; *Voss Chr.* Zum lexikalischen Bestand des Textes der altbulgarischen Paranesis von Ephraim dem Syrer // Palaeobulgarica. 1994. № 2. Р. 50–65.

⁷² Петков П. Лексикални и словообразователни варианти в текста на Синайския патерик // Преславска книжовна школа. Т. 9. Шумен, 2006. С. 120–134; *Харалампиев Ив.* По езиковите особености на Сводния патерик // Език и литература. 1982. № 5. С. 88–92.

⁷³ Станков Р. Обща характеристика на лексикалния състав на Историческата Палея // Език и литература. 1986. № 5. С. 39–56.

⁷⁴ Славова Т. За някои езически реалии в Ефремовската кормчая // Старобългарска литература. Кн. 33–34. 2015. С. 416–425.

⁷⁵ Караджинова-Кузилова И. Наблюдения върху лексиката на старобългарския превод на Житието на св. Иларион Велики от Йероним Блажени. – В: Преславска книжовна школа, Т. 12. Шумен, 2012, С. 326–337.

⁷⁶ Най-пълното и системно описание на тази колекция, правено досега виж при *Станчев Кр., Наумов Ал., Попов Г., Йовчева М., Пожидаева Г.А.* La poesia liturgica slava antica. Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubliana, 15–21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni. Roma–Sofia, 2003.

⁷⁷ Досева Ц. Из лексиката на ранната славянска химнография (названия на облекло) // Пение мало Георгию. Сборник в чест на 65–годишнината на проф. д.ф.н. Георги Попов. София, 2010. С. 250–267; *eadem.* Из лексиката на ранната славянска химнография // Търновска книжовна школа, Т. 9. В. Търново, 2011. С. 417–435; *eadem.* Из лексиката на ранната славянска химнография (суфиксните имена за лица в Новгородските минеи от 1095–1097 // Преславска книжовна школа. Т. 14. С. 436–450.

⁷⁸ Добрев Ив. Гръцките думи в Супрасълския сборник и втората редакция на богослужебните книги // Български език. 1978. № 2. С. 89–98.

⁷⁹ Добрев Ив. Текстът на Добромировото евангелие и втората редакция на старобългарските богослужебни книги // Български език. 1979. № 1. С. 9–21.

гослужения – Евангелия⁸⁰, Апостола⁸¹, Псалтири⁸² – и положили начало серии исследований, в которых основным объектом изучения и доказательством сделанных выводов являются древнеболгарские рукописи и тексты, написанные в иноязычной среде. Эти системные исследования помогают существенному продвижению того, что сегодня наука знает как Преславскую книжную школу, и становятся основными ориентирами для последующих исследований связанного с ней чрезвычайно большого по объему литературного наследия. Можно сказать, что благодаря этим исследованиям, как и многочисленным трудам, инициированным утвердившимися во времени авторитетными симпозиумами Преславской книжной школы, сегодня наука восстанавливает фрагмент за фрагментом картину масштабной преславской литературной деятельности.

Можно достаточно уверенно сказать, что пережит этап резкого противопоставления Охрида и Преслава в языковом отношении и придания этому особенного значения, вплоть до противопоставления на материале лексических пар, что хорошо известно еще со времени В. Ягича⁸³, а затем обогащено и развито А. С. Львовым⁸⁴.

Введение в научный оборот все увеличивающегося числа источников и их исследование постепенно привело ученых к заключению, что существует разница между так называемым ранним и поздним Преславом, что отражается и на использовании лексических средств⁸⁵. В трудах современных исследователей лексический критерий используется также для локализации места, где был осуществлен данный перевод⁸⁶.

⁸⁰ *Славова Т.* Преславска редакция на Кирило–Методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило–Методиевски студии. Т. 6. 1989. С. 15–129; *Георгиева Т., Трендафилова П.* Лексиката на евангелските цитати в слово о твари божии в сборника Златоустрий // Преславски книжовна школа. Т. 8. 2005. С. 199–206; *Дунков Д.* Преславската лексика в староруско евангелие – пълен апракос от сбирката на Хлудов // Преславска книжовна школа. Т. 1. Шумен, 1995. С. 353–358; *Коссек Н.О.* О лексике среднеболгарских евангелий // *Palaeobulgarica*. 1984. № 3. С. 57–69; *id.* Лексико–фразеологические раритеты в языке среднеболгарских Евангелий // *Palaeobulgarica*. 1988. № 2. С. 15–24; *Львов А.С.* Особенности в лексиката на Остромировото евангелие // *Български език*. 1958. № 3. С. 209–234; *Новикова А.* Некоторые наблюдения над лексикой Воскресенского евангелия // *Palaeobulgarica*. 1988. № 3. С. 66–86; *eadem.* Евангелские цитаты в Супрасльской рукописи (лингво–текстологический анализ) // Преоткриване: Супрасълски сборник, старобългарски паметник от X век. София, 2012. С. 177–193; *Славова Т.* Лексиката на Тертеровото евангелие от 1322 г. // *Palaeobulgarica*. 1988. № 1. С. 67–80; *Самойлова Н.* Преславска лексика в евангелските цитати Супрасълскогo сборника // *Palaeobulgarica*. 1997. № 1. С. 85–89; *Шатковска Е.* Явлението «синонимия» в Зографско-то евангелие на сравнителна основа // *Palaeobulgarica*. 1989. № 1. С. 39–45; *Moszyński L.* Cytaty ewangelijne w tekście Kodexu Supraskiego // Проучвания върху Супрасълския сборник, старобългарски паметник от X век. София, 1980. С. 43–50.

⁸¹ *Христова-Шмова И.* Преславизмите в апостолските четива в хърватските глаголически мисали и бревиари // Преславска книжовна школа. Т. 7. Шумен, 2004. С. 42–56.

⁸² *Карачорова И.* Лексиката на Чудовския псалтир и преславската редакция на старобългарските богослужебни книги // *Български език*. 1984. № 1. С. 53–61.

⁸³ *Jagić V.* *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Berlin, 1913.

⁸⁴ *Львов А.С.* *Очерки по лексике памятников старославянской письменности*. М., 1966.

⁸⁵ *Thomson Fr.* *The Slavonic Translations of Pseudo-Methodius of Olympus Apoclypsis* // Търновска книжовна школа. Т. 4. В. Търново, 1985. С. 143–73; *Йовчева М., Тасева Л.* Преславска лексика в превода на Псевдо-Методиевото Откровение // *Palaeobulgarica*. 1994. № 3. С. 44–51.

⁸⁶ *Станков Р.* Локализация древнеболгарских переводных текстов в свете так называемой «охридской» и «преславской» лексики (на материале Исторической палеи) // *Palaeobulgarica*. 1991. № 4. С. 83–91.

Среднеболгарский период

Основное внимание исследователей славянской литературы обращено, естественно, на исторические периоды государственного и культурного подъема, с которыми неразрывно связаны наивысшие моменты в развитии литературной жизни. Это определяет привлекательность темы Тырновской литературной школы и деятельности патриарха Евфимия Тырновского, его учеников и последователей. В истории славистики этот интерес, однако, имеет свои причины, что связано с подчеркнута отрицательной оценкой, которую давали языку Евфимия его первые издатели и исследователи. Только в 1970-х гг., благодаря учреждению авторитетного научного форума «Тырновска книжовна школа» («Тырновская книжная школа»), начались системные исследования, которые меняют эту оценку. В 1990 г. выходит обобщающий труд Ив. Харлампиева «Езикът и езиковата реформа на Евтимий Тырновски»⁸⁷, представляющий впервые целостный взгляд на переводное и оригинальное творчество последнего тырновского патриарха, в том числе и его словарный запас. Вместе с тем постепенно накапливаются специальные исследования, посвященные лексике произведений как самого Евфимия⁸⁸, так и одного из самых выдающихся его учеников – Григория Цамблака⁸⁹.

Деятельность тырновских книжников неотделима от литературных процессов на Афоне. Интересная публикация Марии Спасовой⁹⁰ обоснованно ставит вопрос о времени, когда смена Типикона и переход на Иерусалимский устав на Афоне положили начало обновлению богослужебной литературы. Аргументы автора, подкрепленные множеством фактов, перемещают начало этого процесса к XIII в. Сделанный вывод имеет существенное значение для взгляда историка на материал источника и на литературные взаимодействия, которые он отражает. Особенно ценные результаты дают исследования, которые показывают, что афонские образцы не перенесены механически в Тырново, а имели целенаправленное лексическое редактирование в духе «крити-

⁸⁷ Харлампиев Ив. Езикът и езиковата реформа на Евтимий Тырновски. София, 1990.

⁸⁸ Русек Й. Из лексикалните особености на езика на Евтимиевите ученици и последователи // Тырновска книжовна школа. Т. 2. София, 1980. С. 293–300; Трендафилова П., Георгиева Т. Стилистични и лексикални особености в две жития на св. Евтимий, Патриарх Тырновски // Тырновска книжовна школа. Т. 7. В. Тырново, 2008. С. 321–328; Давидов А. Към лексикалната характеристика на Тырновската книжовна школа // Palaeobulgarica. 1990. № 4. С. 8–18; Благова Э. Значение переводных текстов для исследования лексики Тырновской литературной школы // Тырновска книжовна школа. Т. 6. В. Тырново, 1999. С. 193–198; Василева Н. От преславската към тырновската книжовна норма // Преславска книжовна школа. Т. 8. Шумен, 2005. С. 282–288; Цейтлин Р.М. Современные задачи изучения лексики болгарских рукописей XII–XIV веков // Международный конгресс по българистика. 2. Доклади, Т. 2. София, 1987. С. 95–104.

⁸⁹ Гълъбов Ив. Цамблаковото слово за Евтимий и българският книжовен език в края на XIV век // Ив. Гълъбов. Избрани трудове по езикознание. София, 1986. С. 146–175; Давидов А. Езикът на Григорий Цамблук с оглед на неговата лексика // Тырновска книжовна школа. Т. 3. София, 1984. С. 207–219; *id.* Григорий Цамблук и старобългарската лексикална традиция // Тырновска книжовна школа. Т. 5. В. Тырново, 1994. С. 235–246; *id.* Редки думи в Житие на Стефан Дечански // Григорий Цамблук // Тырновска книжовна школа. Т. 6. В. Тырново, 1999. С. 175–184; *id.* За някои особености в езика на Григорий Цамблук като елементи на художествената форма // Тырновска книжовна школа. Т. 8. В. Тырново, 2007. С. 177–192; Сване Г. Новосъздадено и унаследено в езика на Григорий Цамблук // Български език. 1981. № 2. С. 95–115; Спасова М. Влияние на говоримия език от XIV век върху лексиката на Цамблаковите проповеди // Българистични проучвания. В. Тырново, 1997. С. 161–180.

⁹⁰ Спасова М. Приписката на стареца Йоан и проблемът за Атонската редакция на старобългарските книги // Тырновска книжовна школа. Т. 8. В. Тырново, 2007. С. 211–229.

ческой преемственности». Большое значение в этом отношении имеют тырновские версии переведенных впервые на Афоне книг, таких как Триодный синаксарь⁹¹.

Важное место среди исследований древнеболгарской лексики занимает изучение одного четко обособленного раздела – церковно-юридической литературы. Она присутствует в славянской средневековой литературе во множестве различных типов памятников, а ее нормотворческий (терминологический) и, с другой стороны, подчеркнута будничность характер, т.е. обслуживающий каждодневную жизнь средневекового человека, предлагает чрезвычайно интересный лексический материал, представленный в крупных сравнительных исследованиях⁹².

Одно из постоянных направлений в исследовании лексического богатства, преемственности и варьирования представляют исследования отдельных среднеболгарских или близких по своей жанровой принадлежности рукописей⁹³. Они вводят в обращение малоизученные или совершенно неисследованные памятники и способствуют обогащению научных представлений об истории болгарской лексики.

Большой интерес вызывают многократные переводы одного и того же текста в древнеболгарской литературе – Кирилло-Методиевский / Преславский; Кирилло-Методиевский / Преславский / нового извода (Тырновский); ранний Преславский / поздний Преславский. Исследования в этом направлении ведутся с самого начала развития славянской филологии и продолжают привлекать внимание ученых. Сильный толчок вперед в этом направлении дало проведение двух научных форумов – «Преводите през XIV столение на Балканите» (2003 г.) и «Многократните преводи в Южнославянското средновековие» (2005 г.). Результаты опубликованы в одноименных сборниках⁹⁴. Они изобилуют исследованиями конкретных проблем, во многих затрагивается широкий круг вопросов о развитии конкретных текстов, исследуется влияние литературных

⁹¹ *Тасева Л.* Езикът на преводача Закхей: между книжовното наследство и формалистичните тенденции на епохата // *Slavia*. 2000. № 2. С. 189–210; *eadem.* Лексикалната вариативност в южнославянските преводи на триодните синаксар // *Palaeobulgarica*. 2004. № 4. С. 43–68.

⁹² *Цибранска-Костова М.* Формиране и развитие на старобългарските лексикални норми в църковно-юридическата книжнина. София, 2000; *eadem.* Покаяната книжнина на Българското средновековие. София, 2011.

⁹³ *Русек Й.* За лексиката на Битолския триод // *Palaeobulgarica*. 1981. № 2. С. 72–78; *Schidt W.-H.* *Berlinski sbornik und boхъмьтская взра* // *Palaeobulgarica*. 1983. № 4. С. 110–115; *Rusek J.* *Ze studiów nad słownictwem Zbornika Iwana Aleksandra* // *Prace Filologiczne*. 1985. 32. Р. 283–289; *Йовчева М., Тасева Л.* Редки думи от Берлинския сборник // *Palaeobulgarica*. 1992. № 4. С. 43–49; *Хараламиев Ив.* Из езиковите особености на Берлинския сборник, среднобългарски паметник от XIII в. // *Български език*. 1997/1998. № 2. С. 4–8; *Кавецка А.* Несколько замечаний о семантической категории «общности» в развитии болгарского языка (на материале царских грамот XIII–XIV вв. // *Palaeobulgarica*. 2010. № 2. С. 67–77; *Райкова М.* Към лексиката на Витошката грамота // *Palaeobulgarica*. 2002. № 2. С. 62–69; *eadem.* За някои лексикални особености на Житие на свети мъченик Николай Софийски и църковно-юридически текстове // *Български език*. 2010. С. 72–85; *Марчевски Ив.* Опит върху етимологията и семантиката на някои лексеми от Рилския панегирик (№ 61) на Владислав Граматик // *Български език*. 1990. № 1. С. 45–46; *Мирчева Е.* Из лексиката на Зайковския требник от първата половина на XIV век // *Проглас*. 1998. № 2. С. 110–128; *Тончева Хр.* Към неописаното лексикално богатство на требниците // *Лексикографски преглед*. 1999. № 1. С. 24–30; *Тотманова А.–М.* Езикът на молдавските грамоти от XV в. // *мѣстѣ вѣченнкѣ надѣ вѣнтелемѣ своимѣ*. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Иван Добрев, чл.-кор. на БАН и учител. София, 2005. С. 477–500; *Шаламанов Бл.* Из лексиката на Иван–Александровия сборник от 1348 г. (по материал от буква К) // *Търновска книжовна школа*. Т. 5. В. Търново, 1994. С. 321–334.

⁹⁴ *Преводите през XIV столение на Балканите*. Доклади от международната конференция София, 26–28 юни 2003. София, 2004; *Многократните преводи в Южнославянското средновековие*. Сборник доклади от международната конференция в София 7–9.07.2005. София, 2006.

школ и центров, авторы делают важные заключения о развитии нормы литературного языка, сообщают важную информацию о развитии лексики, при этом особенно ценно то, что анализ проводится в сопоставительном плане. Таким образом, возникает интересная картина динамики лексических процессов, а также предпочтений книжников как представителей книжных центров, таким образом становятся ясны преемственность и инновации.

Не стремясь дать исчерпывающую информацию, в качестве примера того, что исследования одного текста часто становятся предметом серии публикаций одного ученого, укажем на анализ второй версии перевода Учительного евангелия⁹⁵.

Новоболгарский период

В болгарской средневековой литературе XVI–XVIII вв. появляется один характерный только для нее феномен – дамаскинская литература. Она привлекает исследовательский интерес большого числа ученых уже в течение двух столетий. Несмотря на это, издана и исследована лишь незначительная часть многочисленных рукописей, имеющих это именование. Возникнув на основе переводного печатного сборника новогреческого автора Дамаскина Студита, эти произведения довольно быстро заметно расширили свой состав, при этом происхождение большого числа текстов все еще неясно. И все же, хотя наука располагает известными знаниями о типах дамаскинских сборников, а также, хотя и малочисленными, именами переписчиков дамаскинов, сведениями о переводческой, составительской и компиляторской работе некоторых наиболее выдающихся книжников (в первую очередь – Иосифа Брадатого), чисто лексикологические исследования этой исключительно богатой и интересной литературы остаются очень малочисленными⁹⁶.

Несмотря на удаленность во времени, несмотря на широту границ понятий нормированности и нормативности, несмотря на то, что в истории языка критерии разграничения типов «диалектное», «народное», «разговорное» трудно определимы, некоторые исследователи нацелены на разъяснение этих проблем⁹⁷. Налицо и начальные опыты реконструкции средневекового регионального диалекта (в данном случае тырновского говора) по данным значительного числа рукописей, связанных с Тырново и прилегающей к нему территорией⁹⁸.

Наиболее многочисленны исследования, посвященные отдельным словам или классам слов. Сюда мы относим и многочисленные публикации среднеболгарских и

⁹⁵ Спасова М. Евангелските цитати в среднобългарското Учительно евангелие и проблемът за славянския превод на Евангелието // *Slavia Orthodoxa*. Език и култура. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Румяна Павлова. София, 2003. С. 367–378; *eadem*. Лексикални особености на славянския евангелски превод в Учительното евангелие от 1343 г. // Сборник в чест на А. Давидов за 70-годишния му юбилей. В. Тырново, 2004. С. 109–127; *eadem*. Редки и диалектни думи в среднобългарското Учительно евангелие от 1343г. // Сборник научни изследвания в чест на проф. Боян Байчев. В. Тырново, 2005. С. 173–184; *eadem*. Изповедна молитва в Учительното евангелие от 1343 г. // Йорданка Маринова. Изследвания по случай нейния 70-годишен юбилей. В. Тырново, 2006. С. 149–161.

⁹⁶ Младенова О. Наблюдения върху лексиката на дамаскините // *Български език*. 2004. № 4. С. 15–21.

⁹⁷ Велчева Б. Книжовно и народно в езика на българските книги от XVI век // Сборник с доклади за българска обща и културна история през XVI век. София, 1996. С. 327–442.

⁹⁸ Велчева Б. Тырновският говор през XIV в. // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 27–34; Тотманова А.–М. Езикът на XIV век и съставът на Палаузовия сборник // *Palaeobulgarica*. 2012. № 1. С. 24–37.

новоболгарских памятников, которые выходят за рамки рассмотренных выше произведений Търновской книжной школы и новоболгарских дамаскинов и которые в связи с объемом данного очерка не могут быть упомянуты. Их перечисление здесь, к сожалению, невозможно, хотя это дало бы ясное представление о многолетних усилиях большой группы болгарских и иностранных исследователей, о многообразии поставленных тем, об огромном круге исследований письменных источников, преобладающая часть которых не опубликована.

Настоящий обзор ограничивается упоминанием нескольких монографических, целиком лексикологических по своему характеру, изданий знатоков средневековой болгарской литературы – русских исследователей А.С. Львова «Очерки по лексике памятников старославянской письменности»⁹⁹ и Р.М. Цейтлин «Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв.»¹⁰⁰, а также двух трудов польского палеослависта Йежи Русека, вобравших в себя малую часть его невероятно богатого научного творчества – «Studia z historii słownictwa bulgarskiego» и «Dzieje nazw zawodów w językach słowiańskich»¹⁰¹.

К этому добавим, с единичными примерами, в качестве образцов преемственности и научной полемики в исследованиях – те случаи, когда одно и то же слово (*майка*¹⁰², *вече*¹⁰³, *малъжена*¹⁰⁴) десятилетиями привлекало внимание нескольких поколений исследователей.

Значительное количество трудов выходят под однотипными или приблизительно одинаковыми заголовками. В начале 60-х годов XX в. К. Мирчев на страницах журнала «Български език» опубликовал новые данные о 13-ти лексемах под заголовком «Към българската историческа лексикология»¹⁰⁵. Такое же название носит исследование Ангелины Даскаловой¹⁰⁶. Совсем близкое по звучанию заглавие – «Из българската историческа лексикология» – имеют несколько исследований Ивана Добрева¹⁰⁷ и статья Петра Илчева¹⁰⁸. К этому можно добавить еще сходные заголовки: Й. Русек «Из старобългарската лексика»¹⁰⁹ и Тадеуш Шимански «Из старата българска лекси-

⁹⁹ Львов А. С. Цит. соч.

¹⁰⁰ Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей ...

¹⁰¹ Rusek J. Studia z historii słownictwa bulgarskiego. Warszawa, 1984; *id.* Dzieje nazw zawodów w językach słowiańskich. Warszawa, 1996.

¹⁰² Мирчев К. От матн до майка // Български език. 1957. № 3. С. 263–265; Велчева Б. От матн до майка и един словообразователен модел // Кирило–Методиевски студии. 2001. Кн. 14. С. 239–242; Русек Й. Дребни приноси към историята на българския език. 1. Бълг. майка // Проглас. 1993. № 2/3. С. 90–93.

¹⁰³ Мирчев К. За новобългарското наречие *вече* // Български език. 1961. № 1. С. 39–41; Тотоманова А.-М. Още веднъж за произхода на наречието *вече* // Palaeobulgarica. 1992. № 1. С. 109–114; Велчева Б., Бояджиев А. Веке/вече. Етимологична бележка // нѣстѣ ѹченнѣ надѣ ѹнтелемѣ свонмѣ. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Иван Добрев, член–кореспондент на БАН и учител. София, 2005. С. 428–431.

¹⁰⁴ Георгиев Вл. Стб. малъжена «съпрузи» – една старинна славянска дума // Български език. 1986. № 5. С. 424–426; Хемп Ер. малъжена и мѣжъ // Български език. 1987. № 4. С. 305–307; Шаур Вл. За етимологията на старобълг. малъжена // Български език. 1990. № 3. С. 503–510.

¹⁰⁵ Мирчев К. Към българската историческа лексикология // Български език. 1960. № 2/3. С. 218–220; 1961. № 3. С. 247–250; 1962. № 3. С. 208–211; 1963. № 3. С. 255–257; 1965. № 1. С. 48–51.

¹⁰⁶ Даскалова А. Към българската историческа лексикология // Кирило–Методиевски студии. 2001. Кн. 14. С. 59–64.

¹⁰⁷ Добрев Ив. Из българската историческа лексикология // Български език. 1979. № 6. С. 493–496; 1983. № 2. С. 136–141; Език и литература. 1981. № 5. С. 60–65.

¹⁰⁸ Илчев П. Из българската историческа лексикология // Известия на Института за български език. 1962. Т. 8. С. 117–129.

¹⁰⁹ Русек Й. Из старобългарската лексика // Palaeobulgarica. 1983. № 4. С. 34–51.

ка»¹¹⁰. Это повторение заглавий не является следствием недостатка воображения, а свидетельствует о ясно выраженной воле авторов внести свой вклад в необъятную задачу исследования болгарской лексики в историческом плане.

Среди тем, которым ученые отдают предпочтение, перечислим следующие: феномен *hаrах legomenа*¹¹¹, редкие лексемы¹¹², хотя не являются исключением и разработки, в которых оспаривается существование определенных слов в исследуемых рукописях¹¹³. Сравнительно редки исследования идиом¹¹⁴, лексико-семантических групп¹¹⁵ и словообразовательных гнезд¹¹⁶.

Исследования отдельных лексем рассеяны по множеству специализированных журналов и тематических сборников. Их число увеличивается с каждым годом. Перед болгарской исторической лексикологией стоит задача создать аннотированную библиографию многочисленных публикаций, которую можно будет разместить в интернете и дополнять.

Большой интерес представляет начальный этап формирования терминологической системы староболгарского литературного языка. Эта тема в течение длительного времени привлекает интерес исследователей, посвятивших множество усилий рассмотрению данной проблемы. Наряду с множеством статей¹¹⁷, палеослависты распо-

¹¹⁰ Шимански Т. Из старата българска лексика // *Palaeobulgarica*. 1983. № 4. С. 55–58.

¹¹¹ Десподова В. *Нарах legomenа* в Синайския палимпсест (Греч. 70) // Кирило–Методиевски студии. 2007. Т. 17. С. 204–212; Димитров К. *Нарах legomenа* в среднобългарския превод на словата против аномеите на св. Йоан Златоуст // *Български език*. 2013. Приложение. С. 96–109; Тасева Л. *Φλαζοσρδζ*: един *hаrах legomenon* от Паримейника // *нєстѣ зчєнкѣ надѣ зчнтєлємѣ свонѣмѣ*. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Иван Добрев, член-кореспондент на БАН и учител. София, 2005. С. 452–461; Тотоманова А.-М. За един *hаrах legomenon* в славянската версия на Хрониката на Георги Синкел и за словообразователното значение на *и*-основата в праславянски и старобългарски // *Palaeobulgarica*. 2009. № 1. С. 26–32.

¹¹² Йовчева М, Тасева Л. Редки думи от Берлинския сборник // *Palaeobulgarica*. 1992. № 4. С. 34–49; Милтенова А. За някои редки думи в еротапокритичен паметник встроєнне словєсѣ // Езиковедски проучвания в памет на проф. Йордан Заимов. София, 2005. С. 196–203; Стефова Л. За една лексема в Супрасълския сборник // Езиковедски проучвания в памет на проф. Йордан Заимов. София, 2005. С. 234–236; *eadem*. Една рядка лексема в Житието на св. Иван Рилски от Патриарх Евтимий // *Филология, история, изкуствознание*. София, 2010. С. 112–115.

¹¹³ Минчева А. Има ли в старобългарски прилагателно *недовольнѣ* // *Старобългарска литература*. 1994. № 28/29. С. 66–69; Мирчев К. Има ли глагол *мѣзати* в Супрасълския сборник // *Български език*. 1958. № 1. С. 50–51; Мирчева Е. Как не трябва да се държим с родителите си или има ли глагол *мѣкати* в Зайковския требник // *Магията на думите*. Езиковедски изследвания в чест на проф. д.ф.н. Лилия Крумова–Цветкова. София, 2012. С. 478–485; Keipert H. *ansnн ein abzuänderndes Lemma im altkirchenalavischen Wörterbuch* // *Palaeobulgarica*. 1978. № 2. P. 66–69.

¹¹⁴ Мирчев К. Към историческото разяснение на идиома *от игла до конец* // *Български език*. 1957. № 4. С. 350–352; Русинов Р. Още за произхода на съчетанието *през куп за грош* // *Ibid*. 1971. № 2/3. С. 259–261.

¹¹⁵ Русек Й. Из историята на думите със значение «хубав» в българския език // *Научни трудове на Пловдивския университет «Паисий Хилендарски»*. Филология. Т. 36. Кн. 1. Пловдив, 1998. С. 37–49; *id.* Названия за «път» в българския език // *Българистични проучвания*. 11. В. Търново, 2007. С. 102–113.

¹¹⁶ Тотоманова А.-М. *таньбнѣ, таньбнѣкѣ, таньбнѣ* в Супрасълския сборник и историята на един словообразователен модел // *Преславска книжовна школа*. Т. 8. Шумен, 2005. С. 238–244.

¹¹⁷ Верецагин Е. К вопросу начального этапа формирования философской терминологии в древнеболгарском литературном языке // *Първи международен конгрес по българистика*. Т. 5. София, 1981. С. 70–72; Иванова–Мирчева Д. За думите–термини в старобългарски // *Български език*. 1987. № 1/2. С. 18–22; *Велковска Ел*. Значението на термина *трьстѣна* в Синайския евхологий // *Palaeobulgarica*. 1999. № 4. С. 59–63; *Минчева. А.* За преводните варианти на прилагателното *ομορφѣ* «с еднаква природа» в старобългарската книжнина и църковнославянската терминологична система // *нєстѣ зчєнкѣ надѣ зчнтєлємѣ свонѣмѣ*. Сборник в чест

лагают и целостными монографическими исследованиями¹¹⁸.

Существенный вклад в исследование исторической болгарской лексикологии вносят труды, посвященные словообразованию. Ведущее место среди опубликованных исследований занимает словообразование имен существительных. Создается впечатление, что наиболее часто эти труды опираются на материал конкретного памятника или на творчество определенного писателя¹¹⁹. Значительно меньше исследовано словообразование глагола¹²⁰ и имени прилагательного¹²¹. Важное место в исследованиях

на проф. д.ф.н. Иван Добрев, член-кореспондент на БАН и учител. София, 2005. С. 419–427; *Цибранска–Костова М.* Словосъчетанията като средство за номинация в първия старобългарски Номоканон // Български език. 1997/1998. № 6. С. 13–19; *eadem.* Славянски приноси в църковноправната терминология на Средновековието // Филология. история, изкуствознание. София, 2010. С. 89–99; *Илиева Т.* Ментализацията (осмислянето) при терминообразуването в Йоан–Екзархovia превод на Богословието // В памет на Петър Динеков. София, 2001. С. 578–588; *eadem.* История на терминологията – състояние и перспективи // Български език. 2007. № 3. С. 47–54; *Димитров К.* Промени в богословската терминология X–XIV в. // Търновска книжовна школа. Т. 9. В. Търново, 2011. С. 478–486.

¹¹⁸ *Илиева Т.* Терминологичната лексика в Йоан–Екзархovia превод на «De fide orthodoxa». София, 2013.

¹¹⁹ *Баранкова Г.С.* О словообразовании существительных в списках «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского // Памятники русского языка. Вопросы, исследования и издания. М., 1974; *Борисов П.* Мотивирани съществителни имена със значение на лица в първите две книги на ранния старобългарски превод на Римския патерик // *Palaeobulgarica*. 2013. № 2. С. 79–96; *Димитров К.* *Номина loci* в Борилския синодик // Проф. д-р Върбан Вътв. Юбилеен сборник. В. Търново, 2011. С. 233–241; *Досева Ц.* Съществителни имена с наставка -ота в Новгородските минеи от 1096–1096 г. // Език и литература. 1986. № 5. С. 91–96; *Желязкова В.* Съществителни имена със суфикс -(ъ)нца в Станиславовия пролог // *Slavia Orthodoxa*. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Румяна Павлова. София, 2003. С. 153–164; *Илиева Т.* Словообразователни склонности в химографското творчество на Климент Охридски // Преславска книжовна школа. Т. 12. Шумен, 2012. С. 110–125; *Ковачева П.* Към лексикалната характеристика на абстрактните съществителни именни основи в произведенията на Йоан Екзарх // Международен конгрес по българистика. 2. Доклади. Т. 21. София, 1989. С. 138–145; *Кочев Ив., Кочева Е., Мострова Т.* Словообразуване на съществителното име в Супрасълския сборник // Проучвания върху Супрасълския сборник, старобългарски паметник от X век. София, 1980. С. 131–136; *Кърпачев Вл.* Словообразователни модели при *nomina agentis* в Беседите на папа Григорий // *Acta Palaeoslavica*. Vol. 2. in honorem professoris Angelinae Minčeva. Sofia, 2005/ С. 172–177; *Мострова Т.* Към образуването на девербативните съществителни в книжовния език от XIV в. (*Nomina instrumenti* и *Nomina loci*) // Български език. 2013. Приложение. С. 161–177; *Перчеклийски Л.* Словообразователната категория *nomina essendi* в Марииинското евангелие (имена от ж. р.) // Езиков свят. 2011. Т. 9. Кн. 1. С. 58–65; *Тасева Л.* Словообразователни тенденции в Захеевия превод на триодните синаскари и неговата търновска редакция // Търновска книжовна школа. Т. 8. 2007. С. 345–358; *Славова Т.* Архаични лексеми и словообразователни модели в старобългарския превод на библиейската Книга Царства // Българска реч. 2011. № 3. С. 42–51; *Снасова М.* Производни съществителни за означаване на лица в старобългарския и среднобългарския преводи на *Oratio XXXVIII* (слово за Рождество Христово от Григорий Богослов) // Търновска книжовна школа. Т. 6. 1999. С. 231–254; *Цейтлин Р.М.* О древнеболгарских существительных еднaкъз и суффиксе -акъз со значением лица (К проблеме восстановления утраченного) // Кирило–Методиевски студии. Т. 14. 2001. С. 54–58; *Цибранска–Костова М.* Няколко имена на лица в лексиката на Номоканона // Български език. 1998. № 3/4. С. 35–37.

¹²⁰ *Димитров К.* Словообразователни модели при глаголите в среднобългарския превод на словата на авва Доротея // Състояние и проблеми на българската ономастика. Т. 10. В. Търново, 2010. С. 560–577; *Тотманова А.–М.* Към историята на словообразователните модели при глаголите с ономастичен корен в българския език // Език и литература. 1989. № 5. С. 51–56; *Шимански Т.* «Безсуфиксните» названия за действие в българския език като словообразователна проблема // Български език. 1975. № 6. С. 547–551.

¹²¹ *Илиев И.* Епитетите прилагателни с наставка -ън в житията и похвалните слова на писателите от Търновската книжовна школа // Търновска книжовна школа. Т. 8. В. Търново, 2007. С. 453–464; *Селимски Л.* Прилагателните имена с наставки -ов-нъ, -(ъ)j- и -ъск- в две творения на Цамблук // Търновска книжовна школа. Т. 3. София, 1984. С. 267–275.

занимают сложные слова¹²². Эти исследования, опять же, связаны с конкретным текстом или автором. По всему видно, что в области словообразования палеославистика переживает период накопления достаточного опытного материала в аналитических публикациях, которые подготавливают путь целостному исследованию словообразовательных моделей болгарского языка в историческом плане. Традиционно сложные слова считаются типичным признаком литературного языка, сформированного по моделям, привнесенным при переводе византийской литературы, но появились убедительные доказательства наличия внушительного числа сложных слов в болгарских диалектах, которые недвусмысленно указывают на то, что их появление имеет прочную основу в живой народной речи¹²³.

Подобно исследователям современных славянских языков, палеослависты стремятся к изучению отдельных тематических групп¹²⁴.

В последнее время набирает обороты новый тип публикаций. Интерес к так называемой «картине мира» переносится на средневековую литературу. Этот метод изучения обещает обогатить палеославистику комплексными исследованиями, которые выходят за рамки чисто лингвистического подхода¹²⁵.

¹²² Досева Ц. Композита със значение на лице в ранни славянски минейни преписи някои наблюдения // Преславска книжовна школа. Т. 12. 2012. С. 90–109; Ефимова В., Желязкова В. Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // Palaeobulgarica. 2014. № 3. С. 33–48; Маргос А. Две стари български сложни думи – ерепомоанне и царевопомаанне // Български език. 1991. № 5. С. 449; Билярски Ив., Цибранска–Костова М. За един композитен тип в Палеологовия вариант на славянския Синодик в Неделята на Православието // Palaeobulgarica. 2012. № 1, С. 51–65; Илиева Т. Сложните думи в Книга на пророк Иезекиил по препис от XIV в. // Българска филологическа медиевистика. Сборник научни изследвания в чест на проф. д.ф.н. Иван Хараламиев (по случай 60-годишния му юбилей). В. Търново, 2006. С. 429–448; Николов Н., Георгиева Г. Сложните съществителни в старобългарския превод на Огласителните слова на св. Кирил Йерусалимски ГИМ, Син. 478) // Преславска книжовна школа, Т. 14. 2014. С. 91–121; Карачорова И. Сложните думи в съчиненията на Патриарх Евтимий // Търновска книжовна школа, Т. 9. В. Търново, 2011. С. 205–224; Тихова М. Сложните думи в езика на Григорий Цамблак, Константин Костенечки и Йоасаф Бдински // Годишник на Висшия педагогически институт Шумен. Т. 1. София, 1976. С. 11–43; Цибранска–Костова М., Карамфилова П. Сложните думи в Житието на Ромил Видински от Григорий Доброписец // Търновска книжовна школа. Т. 8. В. Търново, 2007. С. 383–396.

¹²³ Домусчиева Л. Старинни лексеми – компоненти на старобългарски и диалектни композита // Български език. 1993/1994. № 4. С. 366–370; Кочев Ив., Кочева Е., Домусчиева Л. За народната основа на словообразователните модели на сложните съществителни в старобългарския език // Славянска филология. Т. 19. София, 1998. С. 46–63.

¹²⁴ Верецагин Е.М. О тематических группах лексики в Псалтыри // Исследования върху историята и диалектите на българския език (сборник в памет на чл.–кор. Кирил Мирчев). София, 1979. С. 83–87; Гешева В. и посла кз дѣлателемъ рабѣз (Названия на обществени и стопански понятия в старобългарския евангелски текст като свидетелство за устройството и самосъзнанието на т. нар. варварско общество // Palaeobulgarica. 2004. № 4. С. 88–99; Даскалова А., Велчева Б. Из историята на българската роднинска терминология // Palaeobulgarica. 1982. № 4. С. 58–68; Елкина Н. Лексикосемантичката група слов старославянскогo языка, обозначающа предмети, предназначени за наказание и пыток // Slavia Orthodoxa. Език и култура. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Румяна Павлова. София, 2003. С. 137–152; Заиев Е. Бит и превод – названия на предмети от всекидневието в Синайския патерик (торби, кошове, севича) // Преславска книжовна школа. Т. 9. Шумен, 2006. С. 108–119; Русек Й. Из историята на думите със значение «бърз» в българския език // Palaeobulgarica. 1989. № 4. С. 33–42; Цибранска–Костова М. Категорията «духовно родство» в старобългарската книжнина (IX–X в.) // Кирило–Методиевски студии. Т. 17. 2007. С. 814–826; Huntley D. Semantics of Paired Verbs of Motion in Old Bulgarian // Palaeobulgarica. 1986. № 2. С. 38–55.

¹²⁵ Илиева Т. Лингвокултурният концепт *джендър* в езика на старобългарските паметници // Български език. 2012. Приложение. С. 241–261; Кирилова Й. Онтологични метафори за ума в Тихонравовия дамаскин // Български език и литература. 2013. № 5. С. 747–782; Мичева В. Лингвокултурният концепт *добро* в

* * *

Представленная нами картина проблем и достижений болгарской исторической лексикологии показывает, что это еще молодая (хотя ей уже один век) научная дисциплина, которой теперь предстоит раскрыть необъятный и сложный мир огромного лексического богатства нашего языка.

Перевод Е.А. Баньковой.

Житието на св. Петка от Патриарх Евтимий // Български език. 2010. № 3. С. 31–40; *eadem*. Концептът *грях* в езика на новобългарските дамаскини // Известия на Института за български език. Т. 27. 2014. С. 113–129; *Мичева–Пейчева К.* Семантичната опозиция *чист–нечист* в старобългарските класически произведения // Изследователски хоризонти на българската лингвистика. София, 2014. С. 231–238; *Първанов К.* Концептът *богатство* в старобългарския език // Български език. 2012. № 4. С. 55–62.

Б. ТАФРА

Загреб, Хорватия

Лексико-семантические связи в хорватском языке в диахронической перспективе

1. Введение

В развитии лексики в славянских языках наблюдается много общего, так как большая часть лексики была унаследована из праславянской эпохи, а в дальнейшем она пополнялась заимствованиями из других языков, путем словообразования, калькирования, а также с помощью таких семантических процессов, как онимизация, деонимизация, деполисемизация¹. И все же в каждом отдельно взятом языке процессы формирования новой лексики различны. Так, для развития хорватской лексики важны языковые контакты и влияние определенных культурных сфер, прежде всего средиземноморской, средневропейской и западноевропейской, а также балканской, т.е. славянского круга кирилло-мефодиевской письменности. Ранняя форма существования хорватской письменности на трех языках, латинском, церковнославянском и народном, оставила большой след в лексике. Хорватский литературный язык на штокавской основе, на базе которого сформировался современный хорватский стандартный язык, развивался с эпохи Возрождения, и поэтому достаточное количество слов, помимо обычного калькирования и заимствования, формировалось по словообразовательным законам штокавской системы. Большинство древнехорватских произведений содержит лексику, которую следует рассматривать как соединение исторических культурных связей и литературно-языковых конвергентных сил, объединявших литературные вы-

¹ *Tafra B., Košutar P.* Rječotvorni modeli u hrvatskom jeziku // *Suvremena lingvistika*. 2009. Vol. 35. № 67. S. 87–107.

ражения на различных диалектных основах. Это отличает исторический путь лексики хорватского языка от других языков, что отразилось и на лексико-семантических связях в лексике, которые, хотя и являются универсальными, показывают такие специфические черты, как, например, появление богатой лексической и грамматической синонимии при соприкосновении нескольких литературных хорватских микроязыков. Синонимия является результатом исторического развития языка. В случае хорватского языка это был результат, в первую очередь, соединения трех наречий и культурного соприкосновения с другими языками, а также развития лексики семантическим и словообразовательным путем, т.е. путем ее функционального разделения.

В этой работе мы будем исследовать семантические связи в хорватском языке, прослеживая развитие хорватской лексики на примерах из древних хорватских двуязычных и многоязычных словарей, а также и из литературных произведений. В кroatистике часто даются примеры синонимических рядов, чьи члены принадлежат или разным диалектам, или разным временным отрезкам, однако еще не был поставлен теоретический вопрос о том, во всех ли случаях речь действительно идет о синонимах? Возможно, в центре внимания находятся другие виды лексико-семантических связей или никаких семантических связей между лексемами вообще нет? Диахронической лексикологии требуется много сложных исследований, когда в центре изучения находится одно-единственное слово². В данной работе мы хотим поставить несколько теоретических вопросов в качестве предпосылки к системным историческим лексикологическим исследованиям. Подробнее всего мы остановимся на синонимии как на главной отличительной черте истории хорватского литературного языка, а именно на примерах лексических рядов, которые относятся к одному референту. Так как о паронимии не писали ни с точки зрения синхронии, ни тем более с точки зрения диахронии, мы проиллюстрируем развитие паронимических отношений на примере десинонимизации. Нас также интересуют, как лексикографы раньше работали над синонимией, омонимией и полисемией и могут ли их взгляды об этих лексико-семантических связях соответствовать современным теоретическим и методологическим положениям. Особенно нас интересует, являются ли критерии, которые будут нами выделены, универсальными и являются ли они вневременными, т.е. одинаково действительными и для синхронии, и для диахронии.

2. Теоретические положения

Теоретическая лингвистическая литература о лексико-семантических связях огромна³, поэтому вполне понятно, что там высказываются различные точки зрения на один и тот же вид лексико-семантических связей. Некоторые из этих точек зрения являются спорными, и поэтому сначала необходимо определить хотя бы главные теоре-

² Кайперт исследовал лексику в *Данице иллирийской*, журнале, который сыграл ключевую роль в стандартизации хорватского языка в XIX веке. Для того, чтобы получить достоверные результаты, ему было необходимо сравнить немецкие, сербские, чешские ... источники. Только так, после обширного исследования, он смог верно ответить, как, например, в хорватский язык вошло слово *gledište* (*Keipert H. Prevodenje iz druge ruke u Gajevoj "Danici ilirskoj" // Obzori preporoda: Kroatističke rasprave. Zagreb: FFpress, 2014 [2008]*).

³ Количество такой литературы увеличивается с большой скоростью. Еще Апресян указывал, что лексической синонимии посвящены тысячи теоретических статей (*Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 216*).

тические положения, которых мы будем придерживаться в настоящем исследовании, а также сразу сказать и о сомнениях, которые возникают при их определении. О лексико-семантических связях можно говорить только тогда, когда соблюдены три предва- рительных условия:

- а) один лексико-грамматический разряд;
- б) один идиом;
- в) один временной отрезок лексического развития.

Эти критерии являются основой для того, чтобы лексемы вообще могли вступать в синонимические, омонимические, паронимические и антонимические связи. Только в случае выполнения этих условий далее проверяются критерии для каждого отдельного вида лексико-семантической связи. Для синонимии этими критериями являются различающаяся форма, но близкое значение, для омонимии – одинаковая форма (в хорватском языке это омофонные омографы) и различающееся значение без какого-либо общего семантического признака (у них нет ни одной общей семы), для антонимии – различающиеся форма и значение, но с наличием хотя бы одного общего семантического признака, благодаря которому значения антонимов являются противоположными. Для паронимии критериями выступают: сходство формы и значения вследствие принадлежности к одной словообразовательной семье. Паронимы обладают сильным потенциалом к взаимозамещению, однако их замена является нарушением языковой нормы.

Данные критерии ясны, однако вопреки этому многие примеры являются пограничными, т.е. могут быть растолкованы по-разному. Даже такой серьезный критерий, как один лексико-грамматический разряд (одна и та же часть речи), иногда бывает спорным, так как границы между словами в некоторых случаях неочевидны, особенно когда речь идет о конверсии, о переходе слова из одной части речи в другую, о нулевой деривации⁴. Самым спорным при этом является вопрос о разграничении числительных от других частей речи, так как в этом случае оспаривается даже статус самостоятельного лексико-семантического разряда. Однако именно лексико-семантические связи могут помочь в определении грамматического статуса конкретного слова. Учитывая то, что числительные, особенно в славянских языках, являются очень интересной частью речи и в морфологическом, и в синтаксическом плане, несколько в стороне остался тот факт, что они не вступают в лексико-семантические связи⁵ и что это может быть вспомогательным критерием для их идентификации как части речи. Например, застывшие формы винительного падежа *stotinu* ‘сотня’, *tisuću* ‘тысяча’ и т.д. в хорватском языке употребляются как количественные числительные в выражениях *tisuću sto druge godine* ‘в тысяча сто втором году’, *s tisuću kuna ne možeš kupiti računalo* ‘с тысячей кун не можешь купить компьютер’, *bez tisuću kuna ne idi u veliku kupovinu* ‘без тысячи кун не ходи в большой магазин’. Это доказывает то, что эти слова являются количественными числительными и что это уже не форма косвенного падежа, а новая часть речи. Семантический процесс развития слова от его облика до нового слова и до перехода в новую часть речи⁶ протекал следующим образом:

⁴ *Tafra B.* Konverzija kao gramatički i leksikografski problem // *Filologija*. 1998. № 30–31. S. 349–361.

⁵ *Tafra B.* Što su brojevi (gramatički i leksikografski problem) // *Rasprave Zavoda za jezik IFF*. 1989. 15. S. 219–237.

⁶ Аналогично словообразованию с помощью морфем, новое слово может считаться двухступенчатым семантическим дериватом.

деграмматикализация → лексикализация → конверсия.

Этот процесс начался давно, так как в старославянских текстах можно найти примеры именно застывшей формы винительного падежа в номинативной функции: *tri desęti* и *ętyri desęti*⁷. В роли количественного числительного слово *tisuću* ‘тысяча’ (конечно, и *stotinu* ‘сотня’, *milijun* ‘миллион’, *milijardu* ‘миллиард’, *bilijun* ‘миллиард’...) является моносемичным, у него нет синонимов, антонимов, омонимов, а поэтому его содержательные и содержательно-выразительные связи можно считать нулевыми.

Невозможность синонимически объединить количественные числительные *stotinu*, *tisuću* и т.п., когда они обозначают точное количество, вызывает вопрос о том, к какой части речи принадлежат слова *stotinu*, *tisuću* в примерах *stotinu sam ti puta rekao* ‘я сто раз тебе сказал’, *glava ju boli od tisuću problema* ‘у нее болит голова от тысячи проблем’. В вышеприведенных примерах их можно заменить синонимичными наречиями *mnogo* ‘много’, *bezbroj* ‘множество’, *puno* ‘много’. Возможность субституции является одним из главных критериев при определении синонимии, т.е. синонимическая замена может являться условием для того, чтобы мы отнесли эти слова к наречиям. Иначе говоря, для определения меньшего или большего количества, которое нельзя точно установить, используются количественные наречия, но очень рано стали употребляться и «округленные» числа при обозначении большего количества. Так, для числа 10 000 (греч. *μυριάς*) существовало особое наименование *тъма* ‘тъма’, которое обозначало очень большое количество, «необозримое множество, большое количество». Скок (см. *tma*) обнаруживает параллель в тохарском языке, в слове *tumane*, а также и в турецком слове *tuman*. В хорватском языке слово *тъма* употребляется еще в XIV веке⁸, например, в Молитвеннике Вита Омишлянина (BrVO)⁹ находим *тъма grêhovъ* и *tmê ċ(lovê)kъ* на месте греческого (*δέδεκα μυριάδες*) и латинского числительного (*centum viginti millia hominum*) (Иона 4,11). Этот пример подтверждает, что всегда было невозможно подсчитать большое количество объектов и что это количество обозначалось числительными или существительными, а сегодня еще и наречиями. Границы частей речи в диахроническом плане нестабильны. Увеличивается число слов, возникших с помощью конверсии. В некоторых славянских языках этот процесс представлен сильнее (например, в хорватском и русском), а в других – слабее (например, в польском). Наблюдая развитие числительных в хорватском языке, обнаруживается сильная динамика в развитии лексики. Это демонстрирует следующая таблица:

диахрония	морфология существительные —————> числительные, наречия (изменяемые) (неизменяемые)
синхрония	семантика числительные —————> существительные, наречия (определенное количество) (неопределенное количество)

⁷ Damjanović S. Staroslavenski jezik. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2005.

⁸ Hamm J. Staroslavenska gramatika. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, 1963. S. 151.

⁹ Brevijar Vida Omišljanina. Beč: Österreichische Nationalbibliothek. 1396. Cod. slav. 3.

Так, от старославянских изменяемых частей речи (существительных) в ходе истории появились две неизменяемые части речи – числительные и наречия. От числительных же, если смотреть в синхронном плане, вследствие конверсии образовались существительные и наречия, хотя и этот процесс также является историческим. Такие слова мы не считаем омонимами, так как у них нет общего семантического признака, даже с учетом того, что они принадлежат одной словообразовательной семье. Их не связывают парадигматические отношения, и поэтому они не могут быть ни изменяемыми, ни неизменяемыми в одном и том же контексте, хотя многие лингвисты считают конверсию главным способом возникновения омонимии¹⁰. Эту точку зрения можно оспорить, так как слово, которое образовывается путем конверсии, имеет с основным словом хотя бы одну общую сему, что является не только условием для конверсии, но и основным препятствием для установления омонимических связей, которые основываются на семантическом несоответствии. И в конверсии, и в омонимии речь идет об омографах¹¹ и о невозможности их взаимозаменяемости в одном и том же контексте, однако в первом случае они принадлежат двум разным частям речи и совпадают по значению, а в другом случае они относятся к одной части речи и имеют разное значение.

Что касается второго критерия, принадлежность одному идиому, ответ на вопрос о том, что же понимается под одним идиомом, может быть неоднозначным. Хорватский язык, по отношению, например, к чешскому языку является другим идиомом, диалект по отношению к литературному языку – также другой идиом, язык Мирослава Крлежи можно считать особым идиомом по отношению к языку Тина Уевича, хотя оба и писали на хорватском языке. Определяя границы синонимии, намечается еще один теоретический вопрос. Иначе говоря, если мы считаем, что синонимами являются слова внутри одного идиома, является ли каждый перенос текста из одного в другой идиом переводом, идет ли речь в этом случае о семантических эквивалентах, а не о синонимах, как это рекомендует литература? Хорватское слово *glagol* по отношению к чешскому *sloveso* является семантическим эквивалентом, точно так же, как и хорватское слово *rod* по отношению к чешскому *rod*. Слова *glagol* и *sloveso* не являются синонимами, хотя обозначают одно и то же явление, но ни хорватское слово *rod*, ни чешское *rod* не являются одним и тем же словом, и в обоих случаях чешские слова переводятся на хорватский язык. Согласно установленным критериям, в хорватском стандарте *pomidor* и *rajčica* ‘помидор’, *vanjkuš* и *jastuk* ‘подушка’, *avlija* и *dvorište* ‘двор’ не являются синонимами, так как только второй член этих пар принадлежит стандартному языку, в то время как первый – диалектам (*pomidor* принадлежит чакавским диалектам, *vanjkuš* – кайкавским, а *avlija* – штокавским), а следовательно, другим идиомам. В стандартном языке синонимами также не являются слова *glava*, *bulja*, *čelenka*, *tikva*, *tintara* ‘голова’; *kosa*, *flora*, *griva*, *skalp*, *zurka* ‘волосы’; *jedinica*, *kolac*, *kulja*, *kec* ‘единица’¹², так как только *glava*, *kosa*, *jedinica* принадлежат стандартному языку, а осталь-

¹⁰ Ahmanova 1957, Koteljnijk1982, Lakova 1995 в: *Tafra B. Konverzija kao gramatički i leksikografski problem // Filologija. 1998. № 30–31. S. 349–361.*

¹¹ Отступление в таких примерах, как *sljedeći* и *sljedeći* можно оставить без внимания, так как графема для обозначения старого ѣ могла быть и другой, например, *ě*, и омография не была бы нарушена.

¹² *Samardžija M. Leksikologija s poviješću hrvatskoga jezika. Udžbenik za 4. razred gimnazije. Zagreb: Školska knjiga, 1995. S. 20.*

ные слова относятся к жаргону. Итак, с точки зрения синхронии, территориальное (*magarac, tovar*) и временное (*smrdiš, bromid*) расслоение лексики сужает область синонимии, в то время как стилистическое расслоение (*urin, mokraća* ‘моча’) внутри стандартного языка не должно быть препятствием для синонимических связей. С диахронической точки зрения эти границы выглядят иначе.

Если рассматривать семантические отношения в лексике подобным образом, то тогда перенос текста из одного идиома в другой являлся бы *переводом*. Не углубляясь в лингвистические проблемы определения статуса хорватского и сербского языка и их отношений в XIX и XXI веке, Ковачич¹³, исследовал два издания *Нового Завета*, одно из которых является переводом Вука Стефановича Караджича, а другое – хорватским изданием, подготовленным Богославом Шулеком на основе перевода Вука по просьбе Британского и зарубежного Библейского общества. В результате своего анализа он сделал вывод, что речь идет о переводе литературного идиолекта Караджича на идиолект Шулека. Так, например, и штокавская песня на чакавском наречии является переводом. Богатова¹⁴ также считает, что перевод (лексически, стилистически и т.д.) возможен и внутри одного языка. Этот критерий легче применять по отношению к современным идиомам, так как у нас есть о них гораздо более ясное представление, чем о прошлых, и так как существует кодификация норм, согласно которым в хорватском стандартном языке один и тот же статус следовало бы иметь словам *arija* ‘воздух’ (заимствование в чакавском наречии), *vazduh* (сербский), *air* (английский), *luft* (*Luft*, немецкий). Ни одно из этих слов не входит в стандартный язык, хотя все они и употребляются. Например: *Hòdi vãn na âriju* ‘Выйди на воздух’¹⁵; *Ona širi ruke, i, mjesto krvi i mesa, grli vazduh i mrak* ‘Она стирает руки, и вместо крови и мяса обнимает воздух и мрак’ (Матош)¹⁶; *Šta se bojite pa to je zrak, luft je to!* ‘Чего вы боитесь, это же воздух, воздух это!’ (Шовагович)¹⁷; *Blizu deset tisuća ljubitelja glazbe poznatog Đorđa Balaševića istinski i do kraja bilo je zadovoljno Open air koncertom u subotu navečer u međimurskom selu Domašincu* ‘Около десяти тысяч поклонников музыки известного композитора Джордже Балашевича действительно были довольны open-эйр концертом в субботу вечером в межимурском селе Домашинец’¹⁸. Исследуя синонимию в диахроническом аспекте, мы проверим этот критерий и увидим, будет ли возможно его применить, а если возможно, то насколько при этом нам удастся быть последовательными.

Третий критерий – общий временной отрезок языкового развития – сильнее всего выражается при разработке словарей синонимов, так как «синхронность представляет один из существенных пределов для квалификации лексики с точки зрения синонимических отношений»¹⁹. Словарь синонимов обычно описывает синонимы того периода,

¹³ Kovačić M. Filološki i teološki rad Bogoslava Šuleka na hrvatskom izdanju Novoga zavjeta. Doktorski rad. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2015.

¹⁴ Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 83.

¹⁵ Ivančić Dusper Đurđica, Bašić Martina. Rječnik crikveničkoga govora. Crikvenica: Centar za kulturu, 2013. S. 49 (см. ârija).

¹⁶ <http://riznica.ihjj.hr/philocgi-bin/getobject.pl?c4.12954.Cijelih.16.6.1.0> (доступ 18.10.2015.)

¹⁷ <http://riznica.ihjj.hr/philocgi-bin/getobject.pl?c4.13146.Cijelih.1.6.1.0> (доступ 18.10.2015.)

¹⁸ <http://riznica.ihjj.hr/philocgi-bin/getobject.pl?c4.13065.Cijelih.128.6.1.0> (доступ 18.10.2015.)

¹⁹ Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. С. 83 (со ссылкой на: Евгеньева А.П. Проект словаря синонимов. М., 1964. С. 10 [отв. ред.]).

в котором он появляется, но иногда и какого-то прошлого, например, вполне мог бы появиться словарь синонимов хорватского литературного языка XVIII века.

Когда мы рассматриваем синонимию или какие-то другие лексико-семантические связи в диахронии, то видим, что в любой период существует некий обмен языковыми элементами между прошлой и современной эпохами, точно так же как и в других областях человеческой деятельности, например, в литературе со временем происходит наложение черт разных стилистических формаций. Поэтому помимо «чистых» эпох, существует много переходных или промежуточных. Некоторое время в употреблении сосуществуют старые и новые слова для обозначения одного и того же понятия точно так же, как сосуществуют старые и новые облики, в результате чего между ними и развивается синонимия. Понятно, что в исторических словарях находится лексика разных эпох, т.е. слова, которые уже перешли в пассивный слой или развились и приняли другой фонологический облик. Так например, Арделио Делла Белла в хорватской лексикографии *Dizionario italiano, latino, illirico ...* (1728, 1785) вполне обоснованно в качестве заглавных слов употребляет слова и прошлых столетий, так как он писал этот словарь на основе лексики Дубровника того времени, т.е. лексики сорока штокавских и чакавских произведений XVI–XVII века. Похожую практику мы находим и в других словарях, но так как в их случае нет свидетельств о том, где авторы собирали лексический материал, то мы не можем считать их историческими. Однако если сегодня в словаре современного языка заглавное слово *abak* ‘счеты’ определяется синонимом *računalo* ‘компьютер’, а слово *lug* ‘роща, пепел’ синонимом *pepeo* ‘пепел’, тогда следует задать вопрос, действительно ли эти пары являются синонимами, ведь носители языка, за исключением редких территорий, сегодня не употребляют слово *lug*, а тем более *abak*, а слово *računalo* является хорватским вариантом слова *komputer*, чем точно не является слово *abak*. Эти два слова сегодня являются архаизмами и не вступают в синонимические связи, хотя в какой-то другой период они могли быть синонимами, например, *pepel*, *lug* в хорватско-латинском словаре *Gazophylacium* (1740) Ивана Белостенца. Это только доказывает то, что не только возникновение, но и распад синонимии является диахроническим процессом, и для каждого времени характерны свои ряды синонимов.

Здесь мы не будем глубже вдаваться в эту проблематику и не будем анализировать различные точки зрения²⁰ о лексических связях, так как для настоящей работы достаточно определить только границы теоретических положений, которые будут дополнены в следующих главах. Необходимо подчеркнуть, что теоретические границы, которые мы здесь очертили, действительны, в основном, для языка *in potentia*, но не действуют *in actu*.

3. Синонимические ряды

Синонимия изучалась с теоретической точки зрения как вид парадигматических отношений между лексемами или с практической точки зрения как выбор между лексемами с близким значением в данном контексте, т.е. возможность их замены и связи с другими лексемами. Под синонимическими рядами мы понимаем две или более лек-

²⁰ Подробнее об этом см. в: *Tafra B. Što su brojevi (gramatički i leksikografski problem); eadem. Od riječi do gječnika. Zagreb: Školska knjiga, 2005.*

семы, которые имеют одинаковое значение и которые, следовательно, имеют одинаковую денотацию, принадлежат к одному идиому и одному промежутку времени. Разумеется, они принадлежат и к одной части речи, так как в противном случае они не могут иметь одинаковое значение. Полисемичные лексемы чаще всего вступают в синонимические связи только с одним из своих значений, а не в совокупности своей семантической структуры. Поскольку в контексте всегда осуществляется только одна семема полисемичной структуры, эквивалентность на контекстуальном уровне может именоваться как синонимичность, в отличие от синонимии в языке как системе.

В хорватском языке синонимическими рядами были бы, например, *đavao*, *vrag* ‘черт’; *učenik*, *đak* ‘учение’; *brzo*, *hitro*, *žurno*, *časkom* ‘быстро’. Носители хорватского языка соглашались с тем, что эти лексемы и вне контекста имеют одинаковое значение, что и является подтверждением их синонимичности. Согласно установленным критериям, слова *tovar*, *magarac*, *osel* и *kenjac* ‘осел’, хотя и относятся к одному референту (лат. *equus asinus*, *asinus*), синонимами не являются, так как принадлежат к разным идиомам. Только слово *magarac* относится к стандартному языку, остальные же являются диалектными. Точно так же синонимами не являются слова *vrač* и *liječnik* ‘врач’, *mudroslovlje* и *filozofija* ‘философия’, так как *vrač* и *mudroslovlje* являются архаизмами. В литературе, посвященной лексикологии²¹, такие примеры, по причине того что они относятся к одному референту, провозглашаются синонимами, а точнее – видом синонимии – частичными синонимами. Подобное понимание синонимии и название *частичная синонимия* было взято у Згусты²², который считает, что «идентичность значения, которая необходима для синонимов, можно... понимать двумя способами: или как абсолютную идентичность, или как сильное сходство». По его мнению, синонимия охватывает оба случая, хотя название «синонимия» у него закреплено за абсолютной идентичностью, а в случае сильного сходства «смыслов» он использует термин «частичная синонимия» (*bliskoznačnost*; англ. *near-synonyms*), т.е. синонимия в широком смысле слова. Иначе говоря, очень сложно установить полное тождество значений двух или более слов, и поэтому некоторые лингвисты считают, что «синонимии в более узком смысле не существует, учитывая то, что всегда существует (или можно так предположить) некоторая стилистическая, эмоциональная, социальная и т.д. особенность, которая, хотя бы и немного, но отличает друг от друга слова, являющиеся на первый взгляд тождественными по значению»²³. Берруто считает, что синонимия существует только в широком смысле, в то время как другие лингвисты различают отдельные виды синонимов. Так, например, Крузе²⁴ выделяет три типа синонимов: «the absolute synonyms, the propositional synonyms and the near-synonyms». Нам ближе точка зрения об определении контекстуальных (семантических, синтаксических, морфологических, сочетаемых), прагматических и иных условий нейтрализации различий между синонимами²⁵.

²¹ Ср.: *Samardžija M.* Leksikologija s poviješću hrvatskoga jezika. S. 19.

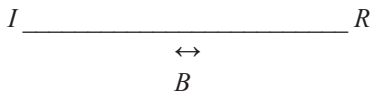
²² *Zgusta L.* Priručnik leksikografije. Preveo Danko Šipka. Sarajevo: Svjetlost, 1991. S. 88.

²³ *Berutto G.* Semantika. Prevela Iva Grgić. Zagreb: Antibarbarus, 1994. S. 85.

²⁴ *Cruse A.* Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 154.

²⁵ *Апресян Ю.Д.* “Новый объяснительный словарь синонимов русского языка”, предисловие ко второму изданию // Славянская лексикография / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва: Азбуковник. С. 445.

Мнения о синонимии настолько противоречивы, что некоторые лингвисты даже оспаривают само существование синонимов, и при установлении некой идентичности еще со времен античности возникали конфликты. Таким образом, вполне логично, что невозможно найти критерии для определения того, что является близким значением, если очень сложно установить, что является тождественным значением. В хорватском языке синонимии обозначают термином *istoznačnost*, и поэтому необходимо выделить критерии для определения *идентичного* значения. Что-то либо является тождественным, либо – нет, не существует ничего между, поэтому и близкие значения не могут быть подвидом синонимии²⁶. Если под *I* будем понимать нечто одинаковое, а под *R* – различное, невозможно определить, насколько *B* должно быть близко к *I*, чтобы быть близким:

В модели, где частичные синонимы являются отдельным видом синонимов, единственным критерием является возможность или невозможность их взаимозамещения в одном контексте. Вследствие этого при разработке хорватского WordNet, компьютерного лексикона, его основная организационная единица, «синонимическая группа» (т.е. синонимический ряд), была определена как группа синонимов, «устроенная по принципу их взаимозаменяемости хотя бы в одном контексте»²⁷. Члены группы целенаправленно подвергают лексикализации определенный совместный, более или менее общий концепт так, чтобы их значения можно было свести к одной дефиниции.

Следует иметь в виду, что далеко не каждая возможность взаимозамещения является доказательством существования синонимической связи, так как замещение возможно и в том случае, когда речь идет о семантических эквивалентах (слова из двух идиомов). Кроме того, если слова принадлежат к одному семантическому полю или находятся в отношении гипонимии (слова из одного идиома), то такие слова также взаимозаменяемы в одном контексте. В хорватской лингвистике, и не только в ней, это мнение не является распространенным²⁸, так как синонимы чаще всего делятся на полные (хорв. *istoznačnice*), то есть те, которые взаимозаменяемы в любом контексте (обычно это исконные слова и заимствования), и на частичные, неполные (хорв. *bliskoznačnice*), т.е. слова, которые могут быть заменены только в отдельных контекстах. Таким образом, происходит деление на абсолютные и относительные синонимы, или говорится об уровнях синонимии. В действительности же эти уровни смешиваются при выделении синхронии и диахронии, диалекта и стандарта, синонимии (язык, *langue*) и синонимичности (речь, *parole*), что методологически является неправильным. Критерий Апресяна²⁹, согласно которому два слова являются синонимами, если имеют общую дефиницию, а именно если они переводятся одним выражением семантического языка, относится к языку как к системе (*langue*),

²⁶ *Tafra B.* Od riječi do rječnika. Zagreb: Školska knjiga, 2005.

²⁷ *Raffaelli I., Katunar D.* Leksičko-semantičke strukture u hrvatskom WordNetu // *Filologija*. 2012. № 59. S. 70.

²⁸ «Б. Тафра занимает одну из радикальных позиций по поводу синонимии. В отличие от большинства авторов, которые не признают абсолютные синонимы, она не верит в существование частичных синонимов» (*Драгићевић Р.* Лексикологија српског језика. Београд: Завод за издавање уџбеника, 2007. С. 256).

²⁹ *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 220.

а такие примеры как *anđeo* ‘ангел’, *zlato* ‘золото’, *dete* ‘дитя’³⁰ относятся к языку как к его реализации (*parole*). В тексте нет строгих критериев, синонимичным может быть все (могут быть и синтагмы³¹), что относится к одному референту.

Древнехорватская литература изобилует примерами лексем, которые следуют друг за другом, но при этом являются тождественными по значению. Кроатисты называют их контактными синонимами, их легко заметить, так как они находятся в одном ряду, хотя, конечно, есть и синонимы, рассыпанные по тексту. Это уже является языковой универсалией, а не чертой только хорватского языка. Мы будем называть эти лексические ряды синонимами до тех пор, пока из их анализа не увидим, действительно ли они являются синонимичными рядами. Мы встречаем их на протяжении всей истории хорватского литературного языка, а появляются они уже в первых переводах на старославянский язык. «Решающим фактором для образования синонимов была широкая географическая распространенность первого славянского литературного языка». Авторы первых славянских переводов «допускали и варианты внутри одной словообразовательной системы, и варианты из различных диалектов», поэтому пары синонимов чаще всего составляли словообразовательные дублеты, например, *dobrorodije*, *dobrorodьstvo*³² или пару исконного слова и заимствования, например, *stьklъnica*, *alavastrь*; *sъtьnikъ*, *kenturionъ*. Если это были два исконных слова, то пару бы составляли старое и новое слово, одно было из глаголического корпуса, а другое – из кириллического: *животъ*, *жизнь*; *отокъ*, *островъ*. Иногда синонимический ряд содержал несколько членов: *кънигы*, *bukъvi*, *pisъme*³³. Словообразовательные дублеты (*slušalac*, *slušatelj*) и пары заимствований и исконных слов (*kompjuter*, *računalo*) и сегодня являются наиболее типичными парами синонимов.

В нелитургических глаголических текстах, особенно в сборниках, «в том самом популярном типе рукописной книги у глаголяшей, который значительно пережил Средние века»³⁴, синонимия была настолько распространена, что с полным правом можно говорить о желании глаголяшей создать *общий язык* (*lingua communis*). «С помощью введения синонимических пар, где одно слово объясняло другое, старались нейтрализовать диалектные и локальные различия, развитые в инвентаре лексических средств, которые тогда, как и в более поздних эпохах хорватской литературно-языковой диахронии, считались основной преградой к большей коммуникативности литературного произведения и к пониманию письменной речи на просторах всех диалектных обществ»³⁵. Уже в тот ранний период существовало бесчисленное множество примеров синонимических рядов, чьи члены были из разных диалектов. Несмотря на то что чаще всего второй член синонимической пары выполнял объяснительную функцию, существуют примеры, где пары выполняли и стилистическую функцию, что показывает пример из Петрисова сборника 1468 года: «I reku emu anđeli vraž’i ki ga budu držali

³⁰ Драгућевућ П. Лексикологија српског језика. С. 253.

³¹ Туџњава, *fizički obračun*; *zemljovid*, *zemljopisna karta* (Petrović B. Sinonimija i sinonimičnost u hrvatskome jeziku. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2005. S. 137).

³² Примеры из глаголицы транслитерированы, а примеры на латинице даны в современной, кроме примеров с ѣ, обозначенным одной графемой во всех случаях, и кроме примеров с неоднозначной графикой.

³³ Damjanović S. Staroslavenski jezik. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2005. S. 46–47.

³⁴ Hercigonja E. Tropismena i trojezična kultura hrvatskoga srednjovjekovlja. Zagreb: Matica hrvatska, 1994. S. 196.

³⁵ Ibid. S. 211.

čto se žalostiš ubogi človeče i kai se mećeš' i zač' trepećeš'»³⁶. Речь идет о стилистическом варьировании церковнославянского, кайкавского и чакавского местоимения *čto*, *zač*, *kaj* 'что'. Херцигоня³⁷ приводит большое количество похожих синонимических рядов: *tuče*, *gradь* 'град'; *hudi*, *zali* 'дурной, плохой'; *zove* и *kliče* 'зовет'; *oprati se*, *zmiti* 'вымыть'; *napitati*, *prehraniti* 'накормить' и т.д., среди которых некоторые выполняли объяснительную, а некоторые – стилистическую функцию, например, *sramь*, *stidь* 'стыд, срам'; *tuge*, *žalosti* 'печаль, горе'; *hipь*, *časь* 'час, мгновение'.

Контактные синонимы широко представлены в произведениях протестантских писателей Истрии, у которых была концепция трех наречий литературного языка, т.е. они поддерживали гибридный язык и публиковали труды и на глаголице, и на кириллице. Идея гибридного языка продолжает существовать и в XVII веке вокруг князей Зринских и Франкопанов и формируется на интердиалектной основе, которая появилась в Покупле (озальский литературно-языковой круг), где все три наречия вступили в контакт. Яркий пример нам предоставляет письмо Петра Зринского, которое он пишет своей жене в 1671 году накануне убийства. В нем присутствует много языковых элементов из всех трех наречий, но и одна штокавско-кайкавская пара синонимов: *ja ga budem molil i prosil*³⁸. Глаголы *moliti* и *prosi* 'просить' имеют общее денотативное значение и в том письме являются синонимами. Юрий Крижанич, оказавшись в России, в Тобольске, куда его сослал царь в 1661 году, спроектировал в общеславянской грамматике *Gramatično iskazanje ob ruskom jeziku* идею гибридного литературного языка, перенеся микроситуацию своего родного Покупля, места встречи различных диалектов, на макросистему славянского мира как на место встречи славянских языков.

Хотя в случае хорватского языка можно говорить о чакавской, кайкавской и штокавской литературной стилизации, т.е. о трех литературных микроязыках³⁹, «чистое трехчленное деление нарушают многие древнехорватские писатели»⁴⁰. Богатство разнодиалектных лексических и грамматических синонимов в некоторых случаях дает языку признак гибридности, как например, гибридный чакавско-кайкавский язык не-литургических текстов глаголяшей в XV веке, гибридный язык протестантских писателей в XVI веке или язык озальского литературного круга в XVII веке, а особенно язык всех древних словарей.

Ряды вопросительных местоимений и их дериватов, по которым и получили свои названия хорватские наречия, чакавское, кайкавское и штокавское, являются ярким иллюстративным примером синонимических рядов. Во многих древних хорватских словарях встречаем лексические ряды: *ča*, *što*, *kaj* 'что'; *zač*, *zakaj*, *zašto* 'почему'. Так, например, латинско-хорватский/хорватско-латинский словарь *Gazophylacium* (1740) Ивана Белостенца относится к числу кайкавских словарей, однако содержит множество некайкавских слов, которые автор маркирует как далматинские (чакавские) и славонские (штокавские), а также включает и местоимения *kaj*, *što* (см. *quid*), и *zakaj*, *zašto* (см. *quia nam*). А Андрей Ямбрешич в своем четырехязычном труде *Lexicon*

³⁶ *Hercigonja E.* Tropismena i trojezična kultura hrvatskoga srednjovekovlja. S. 209.

³⁷ *Ibid.* S. 211–212.

³⁸ *Vončina J.* Jezičnopovijesne rasprave. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1979. S. 197.

³⁹ О понятии *književni mikrojezik* см.: Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки. Таллин: Валгус, 1981.

⁴⁰ *Vončina J.* Jezičnopovijesne rasprave. S. 7.

(1742)⁴¹ на первом месте употребляет штокавские лексемы, хотя словарь является кайкавским: *što, kaj* (см. quid). Ямбрешич не маркирует происхождение своих контактных синонимов, а только их перечисляет, у него присутствуют слова из всех трех наречий, например, *Vuzem, Vazam, Uskrs* ‘Пасха’ (см. Pasha). Кроме того, Ямбрешичу известно понятие синонимии, так как рядом с латинскими лексемами он дает помету *synon*.

В переводных словарях в языке перевода всегда было достаточное количество синонимов, разве что в хорватских словарях они очень часто принадлежат различным наречиям. В то время как наличие контактных синонимов в словарях вполне объяснимо, их появление в литературных произведениях не настолько ожидаемо, и, тем не менее, они встречаются там регулярно. Так, у Степана Маргитича (1708), боснийского францисканца, читаем: *šipka aliti prut, oštari(j)a aliti krčma, bilig aliti zlamenje, plašt aliti kabanica, barjak aliti orugva, du(v)ar aliti zid, Konštantinopoli aliti Carigrad, šižmatik aliti odmetnik, trgo(v)ište aliti pi(j)aca, figure aliti prilike, čudo aliti mirakulo, juriš aliti naskočen'je, lisica aliti lija, Tilo Gospodinovo aliti Brašančani četvrtak, skula aliti nauk, čatrnja aliti bunar, medika aliti likarija, sat aliti ura, bližnjik aliti susid*. В этих парах синонимов в большинстве случаев один член пары является заимствованием, а второй – исконным словом (*čudo aliti mirakulo* ‘чудо’, *šižmatik aliti odmetnik* ‘раскольник’), которое выполняет функцию своеобразного толкователя для заимствованного слова. Одна часть примеров охватывает разговорную и литературную речь, как например, *du(v)ar aliti zid* ‘стена’, *lisica aliti lija* ‘лисица’. Интересны такие примеры, как пара *barjak aliti orugva* ‘знамя’, где заимствование объясняется через слово, которое Маргитич мог найти у далматинских писателей и которое в его время, вероятно, уже было архаичным, хотя и славянским по происхождению⁴².

Точно так же, как все исторические названия языка (*slovenski, ilirički, ilirski, bosanski, horvatski, slavonski* ...) можно свести к общему понятию – хорватский, так и все литературные микроязыки можно свести к гиперониму – хорватский литературный язык⁴³. Такое терминологическое разграничение необходимо для того, чтобы объяснить статус заимствованных из других диалектов языковых элементов в языке писателей. С современной точки зрения и согласно той же методологии их следует рассматривать в качестве заимствований, так как они пришли из другой языковой системы точно так же, как заимствования приходят из другого языка. Кайкавское слово, которое прижилось в штокавском литературном языке, о чьей лексике мы здесь рассуждаем, должно иметь тот же статус, что и итальянское слово, также закрепившееся в языке (*kukec > kukac* ‘насекомое’; *aria > arija* ‘воздух’). Так, если итальянизм является синонимом для исконно хорватского слова (*napjev*), так и заимствования из другого диалекта являются синонимами в штокавском литературном языке, например: *kupa* ‘кубок, чаша’, *kupica* ‘небольшой кубок’, *ocet* ‘уксус’, *poculica* (головной убор), *tancovanje* ‘танцы’ или *kvasina* ‘уксус’, *vrtao* ‘сад’, *lincun* ‘брезент’, *skalin* ‘лестница’ у Мариана Ланосовича (XVIII век). Пример Ивана Анчича (XVII век) очень хорошо показывает, о чем идет речь: *čardin, aliti giardin, aliti vartao illi cvitchnak*. В этих четырех примерах

⁴¹ *Jambrešić A.* Lexicon latinum. Zagreb. Pretisak. Zagreb: Zavod za hrvatski jezik, 1992.

⁴² *Tafra B.* Raznolikošću do jednosti – franjevački put književnojezične ujednačke. Zbornik o fra Stipanu Margitiću. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu – Institut za latinitet BiH, 2015.

⁴³ Подробнее об этом см.: *Tafra B., Košutar P.* Nova periodizacija hrvatskoga književnoga jezika // *Filologija* 2011. 57. S. 185–204.

мы наблюдаем два вида связей: одна из них представляет собой связь двух языков (*đardin* ‘сад’ : *vrtao* и *cvičnak* ‘сад’), а вторая – связь двух идиомов внутри одного языка (*vrtao* : *cvičnak*). В языке Анчича речь идет о трех синонимах, разве что один из них появляется в двух фонологических вариантах⁴⁴.

Для иллюстрации воспользуемся еще некоторыми примерами из языкового справочника *Neue Einleitung zur slavonischen Sprache* (1778) Мариана Ланосовича, славонского францисканца. Справочник имеет такую же структуру, как и другие похожие европейские справочники того времени: грамматика, словарь, разговорные примеры, образцы писем. В словаре представлены следующие лексические ряды: *stig* (*stjef*), *zastava*, *barjak* ‘знамя, флаг’; *ocet*, *kvasina*, *sirčec* ‘уксус’; *ponjava*, *lincun* ‘рядно, брезент’; *kupa*, *bukara*, *buklija* ‘кубок’; *sapun*, *midlo* ‘мыло’ и т.д. Помимо штокавских и славонских, среди этих слов есть кайкавские (*kupa*, *kupica*, *ocet*, *poculica*, *tancovanje* и т.д.) и чакавские слова (*kvasina*, *vrtao*, *lincun*, *skalin* и т.д.), а также и богемизм *midlo* (чеш. *mýdlo*). Подобным образом автор поступал и в разговорных примерах: *Ja sam šavač (krojač)* ‘я портной’, *Je li gospodin kod kuće (doma)* ‘Господин дома?’, *Divojka je (cura je)* ‘Это девушка’. В XVIII веке, когда работал Мариан Ланосович, хорватский язык еще не был кодифицирован, что может быть оправданием существования таких лексических рядов. В первой половине XIX века и в дальнейшем в хорватских языковых справочниках встречаются похожие лексические ряды со словами из разных диалектов или просто из литературных произведений, будь то современные или древние. Так, например, Игнат Алойзие Брлич, также родом из Славонии, в своем труде *Grammatik der illyrischen Sprache* (1833) приводит достаточное количество лексических рядов, которые не являются характерными ни для одного диалекта, ни для штокавского наречия: *tydan*⁴⁵, *nedylja dana*, *sedmica* ‘неделя’; *kiša*, *dažd* ‘дождь’; *val*, *talas* ‘волна’; *stolyće*, *vyk* ‘век’; *novo lyto*, *nova godina* ‘новый год’; *travanj (lažak)*⁴⁶ ‘апрель’; *tanjur*, *piat* ‘тарелка’; *sirče*, *ocet*, *kvasina* ‘уксус’; *purger (građanin)* ‘горожанин, гражданин’; *komšija (susud)* ‘сосед’; *dućan*, *bolta*, *štacun* ‘магазин’. В концептуальном словаре Брлича, который добавлен к грамматике по образцу европейских двуязычных справочников, находятся и нештокавские слова, например, *bolta*, *pjat*, *štacun*, *kvasina*, *ocet*, *vanjkuš*, или слова для обозначения понятий, которых нет в Славонии, например: *sardela* ‘сардина’, *narandča* ‘апельсин’, *potoranča* ‘апельсин’, *smokva* ‘смоква’ и т.д.⁴⁷

В литературе всегда была и будет синонимия, которая выполняет стилистическую функцию, в то время как контактные синонимы, которые происходят из различных диалектов и находятся в словарях, являются отличительной чертой хорватских словарей преимущественно до середины XIX века, когда хорватский язык был кодифицирован, была основана первая кафедра хорватского языка в высшем учебном заведении (1846) и решением Собора (1847) хорватский язык становится государственным. Контактные синонимы присутствуют в словарях, в которых хорватский язык является языком перевода, в то время как в словарях, где хорватский язык представлен как исходный, синонимы даны под заглавным словом, а не как эквиваленты. Например, в слова-

⁴⁴ Графема *ç* могла обозначать /č/ или /ʒ/, что для данной темы не столь важно (*Tafra B. Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja*. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2012).

⁴⁵ Графемой *y* обозначались все рефлексy т.

⁴⁶ Названия месяцев не совпадают у всех авторов, поэтому у некоторых авторов *lažak* значит ‘март’.

⁴⁷ *Tafra B. Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja*. Zagreb, 2012.

ре Волтича (1803) есть заглавные слова *ča*, *što* и *zač*, но нет *zašto*. Стулли также (1806) включает *ča*, *kaj* (с данными о том, что это из словаря Белостенца и с отсылкой к *što*), *što*, *zač* (с отсылкой к *zašto*), *zakajzato*⁴⁸. Есть множество и других подобных примеров, хотя речь идет о штокавских словарях. Причина кроется в том, что авторы этих словарей пользовались старыми лексиконами, дело также в том, что они их писали как для штокавцев, так и для нештокавцев.

Похожая ситуация происходила и в недавнем прошлом в Югославии, когда в двуязычные словари, для того чтобы они были более продаваемыми и употребляемыми на всей штокавской территории, включали лексические ряды, члены которых только с виду являлись синонимами, хотя никогда как синонимы и не употреблялись. Они не были маркированы ни как территориальная лексика, ни как варианты⁴⁹. Таким образом, на основе этих словарей можно было прийти к выводу, что синонимами являются, например, *Luft zrak*, *uzduh* ‘воздух’; *Luftfahrzeug* *udušno* (*zračno*) *vozilo*, *avion* ‘самолет’; *Bohne grah*, *pasulj* ‘фасоль’⁵⁰. Яркие примеры нам дает Словарь Матицы хорватской – Матицы сербской, который в 1967 году начал выходить в Загребе и в Новом Саде как совместный проект Матицы хорватской и Матицы сербской. В первой книге словарная статья выглядела так: «*azot m.* = *dušik*, *gas*, *plin bez boje i mirisa*, *jedan od glavnih sastojaka vazduha, zraka*) («азот *m.p.* = азот, газ, газ без цвета и запаха, один из главных элементов воздуха, воздуха»). Когда же Матица хорватская после выхода двух книг прекратила сотрудничество и когда Матица сербская закончила словарь, «синонимия» в нем была утрачена, и словарная статья выглядела следующим образом: «*ugljikovodik m. jedinjenje ugljenika i vodonika*) («углекислый газ *m.p.* соединение углерода и водорода»). Для того чтобы концепция словаря осталась прежней, определение должно было бы выглядеть так: *jedinjenje, spoj ugljenika, ugljika i vodonika, vodika* («соединение, соединение углерода, углерода и водорода, водорода»). Причиной, по которой мы считаем, что у Белостенца слова *hiža* и *kuća* ‘дом’, *kaj* и *što* ‘что’ – синонимы, а слова *uzduh* и *zrak* у Шамшаловича, слова *azot* и *dušik*, *gas* и *plin* в словаре Матицы – не синонимы, является тот факт, что кайкавские слова *hiža* и *kaj* носители хорватского языка, не кайкавцы (например, жители Загреба), считают своими и в некоторых ситуациях могут их употреблять вместо слов *kuća* и *što*. Согласно этому ни в диахроническом, ни в синхронном плане слова *hirurg* и *kirurg* ‘хирург’ в хорватском языке не являются вариантами, а *mrkva* и *šargarepa* ‘морковь’ не являются синонимами.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на основе приведенных примеров не только лексических, но и грамматических рядов в старых словарях и грамматиках можно сделать вывод о том, что речь идет о справочниках хорватского языка, несмотря на то что кто-то в славистике думал или думает и сегодня по-другому, из-за того что язык на обложках чаще всего назывался иллирийским. Доказательством являются лексические ряды, которые характерны исключительно для хорватского языка: *kupica*, *čaša* ‘кубок, чаша’; *kruhar*, *pečnik*, *pekar* ‘пекарь’; *ocat*, *kvassina*, *sirće* ‘уксус’; *kopača*, *motika*, *mašlin* ‘мотыга’; *pisak*, *pržina*, *žalo* ‘песок’; *tovar*, *oslac*, *magarac* ‘осел’; *slovnica*, *gramatika* ‘грамматика’. Наиболее показательными являются ряды вопросительных

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Так же как и в современных английских словарях, дается английский и американский вариант.

⁵⁰ Šamašalović G. Njemačko-hrvatski rječnik. Zagreb: Znanje, 1971.

местоимений, так как только в хорватском языке присутствуют все три вопросительных местоимения: *što, ča, kaj*. Тут непременно следует добавить и грамматические ряды, прежде всего, примеры трех рефлексов ѣ: *vime, vrieme, vreme; snig, snijeg, sneg*, рефлексы редуцированных гласных: *osem, osam*, такие синонимические показатели, как например, родительный падеж множественного числа: *golubov, golubâ, golubî*, творительный падеж множественного числа: *golubim, golubima, golubî*, причастие прошедшего времени: *poslal, poslo, poslao*⁵¹. Контактные синонимы подтверждают тот факт, что понятие *иллирийский* очень часто охватывало более широкое понятие и иногда даже выступало в качестве синонима слов *slavenski* ‘славянский’ и *hrvatski* ‘хорватский’, как указал Белостенец (1740): *Horvat Croata, Illyricus*. Из этого можно сделать вывод, что лексическая и грамматическая синонимия вместе с языковым пуризмом являются главной особенностью истории хорватского литературного языка.

До кодификации хорватского языка функции лексических и грамматических синонимических рядов были очень разнообразными, поэтому мы выделим только наиболее типичные.

а) Произведения были предназначены для читателей, которые являлись носителями различных диалектов, и поэтому авторы брали из всех диалектов слова, которые имели одинаковое значение, а также синонимичные грамматические облики и включали их в общий список. Чаще всего они не приводили данные о их территориальной распространенности, но есть примеры, где они это делали. Наиболее иллюстративным в этом смысле является кайкавский словарь *Gazophylacium* (1740) Ивана Белостенца⁵². В этом словаре представлены слова из Далмации с пометой D., а слова из Славонии с пометой S., *Sl. ili Turc. Sl.*, что обозначает некайкавские слова, например, *pannus sukno* ‘сукно’, (D.) *svita* ‘сукно’, (Tur. Sl.) *čoha* ‘сукно’; *civis varašan, purgar* ‘горожанин, гражданин’, (D.) *građanin* ‘горожанин, гражданин’.

б) Второй член ряда объяснял неизвестные слова. При этом слово могло быть как из другого языка, так и из другого диалекта.

в) Синонимические ряды, лексические и грамматические, а также и ряды фонологических вариантов, особенно различные рефлексы ѣ, выполняли функцию создания надрегионального культурного идиома вопреки большому литературно-языковому плюрализму (несколько литературных микроязыков). Словарь Белостенца, *Gazophylacium*, представляет собой наилучший пример конвергенции трех наречий не только в развитии хорватского языка, но и в создании общего литературного языка, где была представлена и графика, так как графемой для всех рефлексов ѣ была *ě*, а для рефлекса редуцированных – *ě*. Таким образом, фамилию автора, *Bélloszténecz*, можно было читать по-разному. Такие методы уже в XVII веке породили попытку обобщения диахронического (эволюционного) и синхронного (диалектного) разнообразия в один надрегиональный культурный идиом, в один литературный язык не только на уровне хорватского языка (например, Иван Белостенец, Павел Витезович), но и на более широком, славянском уровне (Юрий Крижанич).

⁵¹ *Tafra B. Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja.*

⁵² *Belostenec I. Gazophylacium. Zagreb. Pretisak. Zagreb: Liber – Mladost, 1972.*

г) Синонимы выполняли и стилистическую функцию. Пранич⁵³ «из репертуара стилистических методов, примененных в соответствующих текстах» в литературных произведениях древних эпох хорватской литературы описывает одиннадцать методов, среди которых есть и употребление иностранных и исконных слов, два облика синонимизации, которые автор анализирует как диахронические стилемы. У боснийских писателей-францисканцев XVII–XVIII века эти методы были очень частотными, что мы можем проиллюстрировать несколькими примерами из анализа Пранича. Употребление иностранных слов (*aloglotizacija*) чаще всего относится к романизмам или турцизмам по двум причинам: боснийские францисканцы часто получали образование в Италии, а Босния была под османской властью. Так, Степан Матиевич сначала приводит хорватское слово, а потом иностранное: *Grieh s rođaci svojiemi i ženiniemi, tja do četvrtoga koljena uklapajući jest prikrvje, što Latin zove inčestum*. Ту же последовательность предлагает и Степан Маргитич: *Zašto, nu, promisli svaka koju fali duh sveti i zove ju vrtao, aliti đardin zatvoreni*⁵⁴. У боснийских францисканцев, однако, очень часто турцизмы оставались без хорватского эквивалента, так как они, вероятно, уже являлись освоенной лексикой. В других случаях последовательность была обратной, иностранное слово толковалось через исконное, так как исконные слова обычно были более известны, например, какое-либо церковное или лингвистическое название, в то время как хорватские слова чаще всего были переводными или неологизмами.

Между тем, в литературных произведениях «контактные синонимы были очень громоздкими и мешали, особенно в поэзии, поэтому писатели принимали решение «употреблять такие синонимы лучше на дистанции, например, в одном месте они использовали слово из одного наречия, в другом – слово того же значения, но из другого наречия»⁵⁵.

Мы сейчас не обращаемся к стилистической функции таких примеров, как это делает Пранич, так как нас интересует, в какой семантической связи находятся эти лексемы. Анализируя рукописный *Lexicon* Витезовича, Зрнка Мештрович и Нада Вайс понимали синонимию в очень широком смысле: «Понятие синонимии охватывает целый спектр различных языковых ситуаций, а здесь речь идет о так называемых географических вариантах. Примеры *ča/kaj/što* ‘что’, *koji/gdo/ki/tko* ‘кто’ или *ulika/maslina* ‘маслина’, которые представляют собой синонимы с различной основой и с идентичной семантикой, являются так называемыми контактными синонимами, в то время как выражения *Osek/Osik* ‘Осиек’, *mačić/mečić* ‘котенок’, *orih/oreh/orah* ‘орех’ представляют собой только различные диалектные варианты одной лексемы (чакавско-кайкавско-штокавские облики)»⁵⁶.

Выражения в таком ряду, как *privrzak*, *pribacak*, *pridavanje* и т.д., представляют собой третий тип синонимов. Они являются синонимами в прямом лингвистическом смысле, так как мы можем их изучать как настоящие семантические дублеты и различить у них одинаковое, близкое или похожее значение в двух или более обликах различных лексем, например, *nagovaravac*. *nagovornik*. *nagovoritelj*. *nanudjavac* (см.

⁵³ *Pranjić K.* Iz-Bo-sne k Europi. Zagreb: Matica hrvatska, 1998. S. 26.

⁵⁴ *Ibid.* S. 27.

⁵⁵ *Vončina J.* Analize starih hrvatskih pisaca. Split: Čakavski sabor, 1977. S. 199.

⁵⁶ *Meštrović Z., Vajs N.* Vitezovićeve *Lexicon latino-illyricum*, zapostavljeno djelo hrvatske leksikografije // *Senjski zbornik*. 1994. 21. S. 132.

adhortator 1. 14) ‘подстрекатель’; *privrzak. pribacak. navrzak. pridavanje, pribacenje. navrženje* (см. *adjeetio* 1. 14) ‘придание’; *povojac za rame. ranoveznica* (см. *anadesmus* 1. 30) ‘бинт’; *pâs. pâsci od sablje ali oružja, remeni pâs* (см. *baltheus. baltheum* 1. 57) ‘пояс’; *sike. grebeni morski, plovci. zplovci* (см. *Brevia* 1.63) ‘риф, песчаная гряда’ и т.д.»

В нашей теоретической модели для того, чтобы слова являлись синонимами, им недостаточно иметь одно денотативное значение. Они должны отвечать трем основным критериям. Поэтому первый случай (*ča, kaj, što* и др.) является спорным, если синонимия не ставится в контекст литературно-языковой концепции Витезовича и в определенный период, во вторую половину XVII – начало XVIII века. Спорным является и термин *географические варианты*⁵⁷, так как если варианты относятся к одному и тому же, то они тогда представляют собой два облика одного слова, а здесь речь идет о двух или трех словах. Во втором случае можно говорить о вариантах, если примеры принадлежат к одному идиому, но вариативность не входит в синонимию, и поэтому, например, слова *orih/oreh/orah* не могут быть синонимами именно потому, что являются фонологическими вариантами по отношению к общему этимону. Однако словообразовательные дублеты синонимами являются, как, например, слова *nagovaravac, nagovornik, nagovoritelj*. Границы синонимии вообще невозможно установить, если лингвисты сначала не определяют, анализируют ли они синонимы у одного писателя, в одном литературном произведении, в одном локальном говоре, в жаргоне или в стандартном языке.

На основе анализа примеров лексических и грамматических, одинаковых по значению рядов в истории хорватского литературного языка можно сделать вывод, что не всегда в центре внимания находится синонимия. Речь идет о трех процессах:

- а) внутриязыковое варьирование;
- б) внутриязыковое заимствование;
- в) межъязыковое заимствование.

Внутриязыковое варьирование не является синонимией, но выполняет ту же функцию: для выражения одного значения используется несколько форм. Примером фонологического варьирования являются, например, слова *orih, oreh, orah* ‘орех’ у Витезовича. Чаще всего встречаются примеры различного рефлекса *ѣ*: *sino, sijeno, seno; breg, brig, brijeg; posle, posli, poslije; did, djed; vitar, vjetar*⁵⁸. К современному стандартному языку относится только екавский рефлекс *ѣ*, остальные же относятся к другим языковым системам.

Внутриязыковое заимствование как источник синонимии можно толковать так же, как и заимствование из других языков, так как речь идет о различных идиомах. Но с точки зрения диахронии заметно, что литераторы, а особенно лексикографы, брали весь хорватский язык в качестве одного идиома, не учитывая его диалектного разнообразия. При этом следует помнить, что помимо смешения различных диалектов, существует и смешение различных языковых периодов, так как очень часто писатели используют языковые единицы, которые уже не употребляются и являются частью истории. Наряду с языковыми чертами, которые в развитии хорватского языка рассматриваются в синхро-

⁵⁷ Берутто называет их так же, но предлагает и другое название: *geosinonimi* (Berutto G. Semantika. Prevela Iva Grgić. S. 86).

⁵⁸ *Tafra B. Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja.*

нии, у писателей регулярно встречаются и такие, которые принадлежат его истории. Например, у Бартола Кашича (1604) присутствуют числительные *jedanadeste*, *petsat*. Здесь речь идет о том, что писатели ориентировались на письменную традицию, которая становится образцом высокого стиля.

В современном стандартном языке приведенные лексические ряды были бы:

1) синонимами, словами из одного идиома, которые имеют тождественное значение, и варианты происхождения которых могут быть следующими:

- а) исконное слово и исконное слово;
- б) исконное слово и заимствование;
- в) заимствование и заимствование.

2) семантическими эквивалентами, словами из двух и более идиомов, которые имеют одинаковое значение.

Между тем, с точки зрения диахронии лексические связи все же представляют собой нечто другое. Данных о взаимном влиянии диалектов, а точнее о разных диалектных и временных характеристиках древнехорватской литературы, очень много в хорватской лингвистике, поэтому это разнообразие не нужно особенно доказывать. Но все же мы не можем не вспомнить, что еще давно Ягич отметил, что подобное смешение было самым обычным явлением. В своей истории хорватской литературы он сделал вывод о том, что местоимение *ča* получило в науке незаслуженную важность, «так как заблуждается тот, кто думает, что с произношением *ča* сразу же узко объединяются и все остальные особенности». Так, существуют тексты, которые являются чакавскими по определенным характеристикам, хотя в них и нет местоимения *ča*. Точно так же и наоборот, есть тексты, где наряду с этим местоимением есть и нечакавские черты. «В любом случае интересно, что во многих боснийских газетах появляются все черты чакавизма, и нет только местоимения *ča*, а позже, в литературе Далмации находим много примеров, где язык является абсолютно новым, но присутствует и местоимение *ča*»⁵⁹. Ягич также указывает на тот факт, что у писателей в одно и то же время сосуществуют местоимения *ča*, *zač*, *nač* вместе с *ništar* или *nišće*. Ученые, стандартизирующие язык, не согласились бы с мнением Ягича о том, что смешение элементов из разных диалектов является «нормальным». Существует большое количество причин, почему историческая междиалектная интерференция должна толковаться иначе, нежели современная.

Предисловие к труду *Ritual rimski* (1604) Кашич, хотя он и был чакавцем, все же пишет на штокавском, т.е. у него *što* или *šta* ‘что’ и *poslao sam* ‘я отправил’, *učio sam* ‘я учился’, но при этом не запрещает Далматинцу говорить *ča* и *poslal sam*, *učil sam*. Это отражает основной исторический литературно-языковой принцип, согласно которому все хорватские идиомы являются возможным источником языкового заимствования в литературный язык. При этом сосуществование старых и новых форм, эквивалентных форм и лексем с одним значением, становится правилом, а не случайностью.

Для того, чтобы было понятнее, о чем идет речь, приведем сравнение с манифестом Людевита Гаия накануне двухлетия *Даницы* (1835), где дана программа: «*Naša slovnica i naš rečnik jest čitava Iliria. U tom velikom vertu (bašči) imade svagde prekrasnoga cvětja, saberimo sve što je najbolje u jedan vënac.*» («Наш словник и наш словарь есть *целая*

⁵⁹ *Jagić V. Iz prošlosti hrvatskoga jezika // Književnik. 1864. I. S. 346.*

Иллирия. В этом великом саду есть все прекрасные цветы, соберем все самое лучшее в один венец»). Манифест обозначен датой «6. prosinca (grudna) 1836.». Таким образом, употребление синонимов *prosinac* и *gruden* ‘март’, *vrt* и *bašča* ‘сад’ показывает, как понимался хорватский литературный язык, что уже много раз наблюдалось в предыдущих столетиях. Параллели очевидны. Иллирийцы в программе использовали один язык для всех южных славян (макроуровень), а кодифицирован был хорватский язык (микроязык). Точно так же и писатели в свой литературный язык включали языковые элементы из всего хорватского языка (макроуровень), что некоторых привело в выводу о том, что речь идет о языке на основе трех наречий, но в конце был кодифицирован общенациональный язык на новоштокавской основе (микרוуровень) с заимствованиями из других диалектов, которые вошли в стандартный язык по тем же законам, что и заимствования из иностранных языков, и были освоены согласно нормам стандартного языка.

Когда мы видим это богатство синонимичных рядов в истории хорватского литературного языка, оправданно возникает вопрос, возможно ли существование синонимичных лексических и грамматических рядов из разных диалектов признать языковой нормой, когда известно, что норма – это именно выбор из существующих возможностей. Есть два главных аргумента в пользу того, что речь идет о языковой норме. Первый аргумент основывается на том факте, что грамматическая и лексическая синонимия была характерна для хорватского литературного языка на протяжении всей его истории, и поэтому, будучи постоянной чертой, становится нормой. Вторым аргументом является то, что и сегодня существуют, правда другого происхождения, синонимичные формы, например, дат.п., ед.ч. *snagi/snazi*, род.п., мн.ч. *naranača, naranča, naranči*, аорист *htjedoh/htjeh/hotjeh* и т.д. О лексической синонимии и не говорится, по крайней мере при комбинации заимствованных и исконных слов. Раньше у писателей органическая основа литературного языка была просто шире, чем мы понимаем ее сегодня. Вопреки этому, в словарях есть достаточно показателей, которые указывают на то, что их авторы предпринимали попытку нормирования, делая отсылку от неверного слова к верному⁶⁰. Например, *čmela* см. *pčela*, *kreč* см. *varno*, *jeđup* см. *cigan*, *gvožđe* см. *železo* (Belostenec 1742); *cerussa belilo, belnica* (vulgo: *plajbas*), *lima pila* (*turpija vox est turcica*) (Patačić s. a.); *kopitec*, *Hab.*⁶¹, см. *kopito*; *lupaoc*, см. *lupalac*⁶²; *vura* см. *ura*, *sojuz bolje svez*, *aldov* см. *žrtva*⁶³; *akov* см. *vjedro*, *škver* vulg. см. *brodarnica*, *štenge* vulg. см. *shodići, špilja* см. *spilja*⁶⁴.

Предоставляя своим читателям возможность выбора и позволяя им руководствоваться собственными чувствами и интуицией, кайкавские лингвисты нормируют литературный язык на кайкавской основе с некайкавскими элементами, писатели озальского круга вокруг Зринских и Франкопанов формируют даже гибридный язык с элементами трех наречий, Йосип Юрин нормирует язык на штокавской основе с элементами чакавского наречия. Бартол Кашич, отец хорватской грамматики, начал со своего родного чакавского, а закончил на штокавском, выбрав его для *общего языка* в своем труде

⁶⁰ *Tafra B.* Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja.

⁶¹ Из словаря Габделича.

⁶² *Stulli J.* Rječnoslojxe slovinsko-italijansko-latinsko. Dubrovnik, 1806.

⁶³ *Danica ilirska.* 1835–1849. Pretisak. Zagreb: Liber, 1972.

⁶⁴ *Šulek B.* Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenog nazivlja, I–II. Zagreb, 1874–1875.

Ritual rimski, который использовался в качестве литургического текста вплоть до XX века с сильным влиянием на течения стандартизации. Или другой пример. Павел Витезович начал писать по-чакавски (*Odiljenje sigetsko*), продолжил на кайкавском (*Kronika*), а закончил, приблизившись к штокавскому (*Priričnik*). Во всех этих трех случаях речь идет только об исходном идиоме с таким количеством дополнений из других идиомов, что Вончина (1988) с полным правом назвал эту литературно-языковую концепцию гибридной. Когда мы помним об этом, то становится понятно, почему Иван Белостенец в своем труде *Gazophylacium* использовал слова из всех трех наречий. После, когда во время национального возрождения литературный язык на штокавской основе стал общенациональным, традиция лексического взаимодействия между диалектами осталась, но была выражена слабее, чем прежде. Август Шеноа объяснил это следующим образом: «Мы думаем, что основа литературного языка штокавская и его нужно пополнять словами из кайкавского и чакавского наречия, если те слова по своему корню понятны и штокавцам и если в штокавском для обозначения какого-то понятия нет слова или есть только иностранное»⁶⁵.

Динамичность синонимических связей можно увидеть в любой период. До 90-х годов прошлого века лингвистическая терминология не включала синонимы, в большинстве случаев употреблялись заимствования, но с 90-х годов ситуация изменилась, так как были восстановлены исконные названия предыдущих эпох, XIX века, поэтому сейчас достаточно равноправно употребляются заимствования и исконные слова: *gramatika, slovnica* ‘грамматика’; *morfologija, oblikoslovlje* ‘морфология’; *palatali, nepčanici* ‘палатальные’; *dentali, zubnici* ‘зубные’ и т.д. В военной терминологии протекал другой процесс. Возрожденные исконные термины вообще не вступили в синонимические связи с прежними, так как они сразу же отошли к пассивному слою, и поэтому сегодня, не образуя синонимической пары, используются слова *časnik* ‘сотник’, *satnik* ‘сотник’, *vojarna* ‘казарма’, *stožer* ‘столб в центре гумна’, а слова *oficir* ‘офицер’, *kapetan* ‘капитан’, *kasarna* ‘казарма’, *štab* ‘штаб’ не употребляются. Из этого можно сделать вывод, что в каждый период есть свои синонимические ряды и что они не заданы навсегда, так как со временем некоторые из них возникают, а некоторые – утрачиваются.

4. Десинонимизация

Наибольшие разногласия в толковании лексических связей в лингвистической литературе существуют в связи с паронимией. К этому следует добавить, что из всех лингвистических связей паронимия наименее изучена и в лингвистических статьях, и в книгах, которые в своем названии содержат слово *лексикология*. Паронимия стала изучаться достаточно поздно и, прежде всего, в связи с изучением языка, а только потом – как системная лексическая связь. В лексикологии все еще нет общепринятого определения паронимии, не существует ни установленного названия для этой лексической связи, характеризующейся словообразовательным сходством и разной семантикой. Филипец и Чермак⁶⁶ паронимами считают близкие по звучанию и графике слова, связанные только близостью выражения, как, например, чеш. *etický* и *etnický*, *siný* и

⁶⁵ Vince Z. Putovima hrvatskoga književnog jezika. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1978.

⁶⁶ Filipec J., Čermák F. Česká lexikologie. Praha: Academia. Československá akademie věd, 1985.

sivú. Згуста (1991) утверждает, что термин *паронимы* традиционно используется для слов, близких по форме, но несовпадающих по значению, например, итал. *traduttore* «переводчик» и *traditore* «изменник».

Под паронимией понимаются различные явления в языке и даже между языками. Нашему пониманию паронимии очень близко понимание Вишняковой⁶⁷. Согласно трем основным критериям, которые мы привели во второй главе, значимым для всех лексико-семантических связей, паронимы должны принадлежать одной словообразовательной семье, из-за чего они имеют частично совпадающую фонологическую и семантическую структуру, и именно из-за этого сходства у них есть потенциал к замещению. Следовательно, паронимами являются однокоренные слова, принадлежащие к одному лексико-грамматическому и лексико-семантическому разряду, близкие по форме и содержанию и взаимоисключаемые в одном контексте. В хорватском языке паронимы часто появляются путем десинонимизации однокоренных синонимов с целью разгрузить их многозначность и дать наименование каждому понятию. Таким образом возникли многие пары паронимов: *rodni* // *rodovni*, *lisni* // *listovni*, *vršni* // *vrhovni*, *knjižni* // *književni*, *vodni* // *vodeni*, *drvni* // *drveni*, *brojni* // *brojevni*, *stručni* // *strukovni*, *maseni* // *masovni*, *davalac* // *davatelj*, *slušač* // *slušatelj*, *čitač* // *čitatelj* и т.д. Относительные прилагательные имеют такое же значение: «относящиеся к i' (существительное, от которого они образованы), а существительные обозначают исполнителя действия, но в этих примерах каждая пара содержит только часть семантического содержания мотивирующего слова. Существительные на *-ač* и *-telj* в основном имеют одинаковое значение, это создает богатый резерв синонимов – кандидатов для десинонимизации – ради терминологических потребностей. Так слова *istraživač* и *istražitelj* «исследователь» по отношению к мотивирующему слову имеют одно и то же значение: «человек, который исследует», но с учетом того, на что они указывают в действительности, каждое из них получило новое значение, которое можно продемонстрировать следующими формами: «человек, который умеет исследовать» (*znanstveni istraživači* «исследователь»; *istraživači Sjevernoga pola* «исследователи Северного полюса»; *kad prohoda, dijete je pravi istraživač svoje okolice* «когда ребенок начинает ходить, он настоящий исследователь своей окрестности») и «человек, профессией которого является исследование» (*suciistražitelji* «следователь»). Точно так же разграничение произошло и в паре *slušač* // *slušatelj* «слушатель». *Slušač* теперь не только «человек, который слушает», но и «человек, в профессию которого входит слушать, студент». В то время как в Словаре JAZU⁶⁸ (кн. XV: 624–625, 629) представлено шесть синонимов: *slušač*, *slušalac*, *slušar*, *slušatelj*, *slušatnik* и *slušavac*, сегодня употребляются только два синонима *slušalac* и *slušatelj*, из которых слову *slušatelj* отдается предпочтение и в паронимической связи со словом *slušač*. Некоторые синонимические суффиксы часто расподобляются так, что один член пары «специализируется» только на одном разряде значений. Так, с помощью суффикса *-telj* образуются *nomina agentis*, а с помощью суффикса *-ač* могут образовываться и *nomina agentis*, и *nomina instrumenti*, например, *crtáč* «чертежник», *čitač* «читатель», *klizač* «конькобежец», *upravljáč* «управляющий», поэтому возможен резерв для терми-

⁶⁷ Вишнякова О.В. Паронимы современного русского языка. Москва: Русский язык, 1981; она же. Словарь паронимов русского языка. Москва: Русский язык, 1984.

⁶⁸ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976.

нологизации *nomina instrumenti*, а тем самым и для паронимизации *snimač // snimatelj* ‘оператор’, *pretraživač // pretražitelj* ‘исследователь’.

Десинонимизация является диахроническим процессом и не происходит в одночасье. Некоторое время члены пар употребляются и как синонимы, и как паронимы до тех пор, пока не завершится процесс расподобления. Причина десинонимизации часто бывает внеязыковой, например, с появлением компьютерных технологий появляется необходимость в терминах, поэтому разграничение синонимических пар началось по признаку одушевленное–неодушевленное: *snimatelj // snimač*, ‘оператор’ // ‘записывающее устройство’ *pretražitelj // pretraživač* ‘исследователь’ // ‘браузер’ и т.д.

На одном примере мы покажем исторический путь развития паронимов, который характерен и для других славянских языков. Например, в русском языке в XIX веке прилагательные типа *покорный* и *покорливый* (хорв. *pokoran* и *pokorljiv*) были синонимами, а в современном языке эта пара является паронимами, первый член пары используется для обозначения пассивного свойства, а другой – для обозначения активного. Так и в хорватском языке в XIX веке, а частично и в XX веке, существительные типа *matematik* и *matematičar* были синонимами, но со временем норма отдала предпочтение существительным на *-ar*, а меньшая часть синонимических пар десинонимизировалась, поэтому в современном языке эти существительные являются паронимами.

В хорватском языке при образовании *nomina agentis* до недавнего времени использовался и суффикс *-ik*. Чаще всего такие существительные образовывались от существительных греко-латинского происхождения, которые обычно заканчивались суффиксом *-ika*, а также и другими: *atletika, gramatika, mehanika, tehnika, lirika, kronika, politika, fizika, kemija, magija, satira ...*

В хорватском языке есть два суффикса *-ik*. Один из них праславянского происхождения (*brezik, zakonik*), а другой появился из латинского *-icus* или греческого *-ικος* (*fizik, lirik*). Нас интересует второй суффикс иностранного происхождения. Подтверждение факта существования слов, обозначающих лиц, которые занимаются отдельными видами человеческой деятельности, находим в тот период времени, когда эти виды деятельности появляются, очень часто в двуязычной и многоязычной лексикографии они употребляются при внесении хорватских эквивалентов иностранных слов. Так как ученые занимались грамматикой с давних времен, названия для лиц подобной профессии также являются очень древними. Согласно Словарю JAZU (см. *gramatik*) уже в XV веке есть подтверждение употребления слова *gramatik* (греч. *γραμματικός*) в значении ‘писарь’. В значении ‘тот, кто занимается грамматикой’ это слово появляется с XVI века. Также рано появляются существительные *matematik* ‘математик’, *muzik* ‘музыкант’, *historik* ‘историк’. Но больше всего подобных слов обнаруживается в XIX веке, что вполне понятно, учитывая развитие новых наук и количество новых слов, которые тогда появляются. В XIX веке при образовании таких существительных возникает новый суффикс. С исторической точки зрения аффикс *-ičar* возникает от вышеупомянутых суффиксов *-ik* и *-jar* (от лат. *-arius*): *botaničar* ‘ботаник’, *muzičar* ‘музыкант’, *političar* ‘политик’... Интересна судьба двух этих словообразовательных дублетов. Лингвисты расходились во мнении по вопросу их нормирования. В начале XX века одни отдавали предпочтение существительным *botanik, kritik*, а другие их отрицали,

считая, что с помощью аффикса *-ik* создаются дериваты от существительных, обозначающих деревья: *kestenik* ‘каштан’, *borik* ‘сосна’, *šljivik* ‘слива’, а с помощью аффикса *-ar* (*-jar*) всегда образуются существительные, обозначающие человека, который чем-либо занимается. Кроме того, у вторых была причина выступить против суффикса *-ik*, так как именительный падеж множественного числа таких существительных как *botanici* ‘ботаники’, *politici* ‘политики’ совпадает с дательным и предложным падежом единственного числа существительных *botanika* ‘ботаника’, *politika* ‘политика’. Маретич⁶⁹, в отличие от этих лингвистов, делает выбор в пользу *botanik*, *gramatik*, «как не только Вук и Даничич писали, но и все наши писатели ..., как пишут и говорят все другие славяне». Но в дальнейшем мнения лингвистов расходились, поэтому и в 1941 году предпочтение отдается существительным *botanik*, *lirik*, *kemik*, а это значит, что оба типа дублетов употребляются как синонимы и что это был только вопрос времени, когда одна из этих возможностей будет нормирована. После Второй мировой войны все меньше упоминаются существительные на *-ik*. Интересно, что в XX веке эту проблему решали в Орфографиях. Так, Орфография двух Матиц 1960 года (с. 44) содержит определение: «Наряду с суффиксом [*-ičar*. – Б. Т.] в этом же значении употребляется и более короткий суффикс *-ik*, т.е.: *liričar* и *lirik*, но иногда бывают и разные значения: *fizičar* (‘тот, кто занимается физикой’) и *fizik* наряду с *fizikus* (‘городской врач’)». О том, что и после Второй мировой войны еще были люди, которые под влиянием классического образования предпочитали краткое словообразование, более близкое языку носителей, свидетельствует и Скок⁷⁰ (см. *-ičar*): «Пуристы требуют, чтобы вместо *-ičar* в словах иностранного происхождения всегда употреблялся *-ik*: *satirik*, *lirik*, *kritik*, *empirik*». Вопреки этому требованию нормой стали формы на *-ar*. Причины кроются, прежде всего, в самом образовании форм. С современной точки зрения дериват *botanik* приравнен к своей формообразующей основе (*botanik* + *a*). В образовании существительных, обозначающих исполнителя действия, самым частотным является именно суффикс *-ar*, или *-jar*, который меняет конечный согласный основы: *kritik* + *jar* > *kritičar*. Так как существительное *botaničar* и т.п. вписывается в формообразующие образцы хорватского словообразования лучше, чем существительное *botanik*, то и норма отдала им предпочтение. Этим облегчалось и словообразование парных наименований для лиц женского пола: *botaničarka*, *gramatičarka*, *političarka*. При образовании этих форм удалось избежать двойственности, так как из-за звуковых изменений многие формы существительных *botanik* и *botanika* совпадают. Так, в примере *s botanikom sam raščistio* не вполне ясно, идет ли речь о человеке или о науке. Прежнее словообразование с помощью суффикса *-ik* не утратилось. Оно осталось как ограниченное стилистическое средство (*naši mladi lirici*), а в некоторых примерах служит для разграничения заимствований по значению, т.е. для паронимизации: *fizik* // *fizičar*, *akademik* // *akademičar*, *klasik* // *klasičar*, а также для разграничения по значению исконных слов: *dionik* // *dioničar*.

⁶⁹ Maretić T. Hrvatski ili srpski jezični savjetnik. Zagreb: JAZU, 1924. S. 193.

⁷⁰ Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 3. Zagreb: JAZU, 1973.

5. Границы омонимии

Сначала напомним о том, что помимо трех основных критериев, приведенных во второй главе, омонимы должны быть тождественными⁷¹ по форме (в хорватском это омофонные омографы) и у них не должно быть ни одной общей семы. Несмотря на то что это вполне понятно, часто омонимами называют слова, возникшие путем конверсии, хотя они и принадлежат разным лексико-грамматическим разрядам, а также, учитывая их принадлежность к одной словообразовательной семье, семантически совпадают. Таким образом, главным условием для осуществления какой-либо лексико-семантической связи, в том числе и омонимической, является принадлежность к одной части речи. Поэтому лексемы типа *dobro* 'добро, благо' (существительное) и *dobro* 'хорошо' (наречие) являются не синонимами, а омографами. Как и в случае синонимии, нередко говорится о полных и частичных омонимах, полных и неполных и т.п. Мы считаем, что для лексико-семантических связей в языке необходимо определить критерии, согласно которым две лексемы будут или не будут являться омонимами, синонимами, антонимами и т.д., хотя «поиски “критериев” для распознавания различных языковых объектов ... красноречивее, чем что-либо другое»⁷². Критерии необходимы для того, чтобы вообще можно было определить границы «языковых объектов» (слова, предложения, омонима, фраземы и т.д.). При определении границ, ключевую роль играет семантическое ядро каждой лексемы, так что ее семантическая периферия в актуальной семантической реализации может внести определенное различие с учетом других лексем, с которыми она находится в некоторой семантической связи. Критерии для определения омонимов установить проще, чем для синонимов, так как омонимы взаимоисключают друг друга в одном контексте, в то время как взаимозамещаемость синонимов является основой их классификации, а также главным предметом споров лингвистов. Тем не менее, вечная проблема разграничения омонимии от полисемии все же остается⁷³.

Так как в хорватском языке омонимы имеют одинаковую форму только в случае омографов и омофонов, а в прошлом в словарях обычно ударений не было, не всегда легко понять, действительно ли речь идет об омонимах. Иногда ударения все же присутствуют, но непоследовательно, а кроме того, тремя знаками ударения (акут, циркумфлекс и гравис) вплоть до середины XIX века обозначались различные системы ударений, и они имели иную просодическую ценность, чем те же самые знаки сегодня. Среди немногих авторов, которые занимались омонимией именно в хорватских словарях, был Шипка⁷⁴. Однако он очень широко понимает омонимию, где в одном ряду находятся и омофоны, и омографы, и омоформы. При таком широком понимании омонимии он нашел доказательства того, что в своих двуязычных и многоязычных словарях Фауст

⁷¹ К сожалению, лингвисты часто употребляют *такие же* (*iste*), а необходимо *одинаковые* (*jednake*) выражения, так как *таким же* (*isto*) является только то, что тождественно само себе, а когда речь идет о двух лексемах, то их выражения являются *одинаковыми*. Точно так же иногда забывают о том, что в хорватском языке ударения выполняют различительную функцию, отчего *lúk* и *lùk* не являются омонимами.

⁷² Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 184.

⁷³ Tafra B. Razgraničavanje homonimije i polisemije (leksikološki i leksikografski problem) // Filologija. 1986. № 14. S. 381–393.

⁷⁴ Šipka D. Homonimija i polisemija u Vrančićevom. Habelićevom i Della Bellinom rječniku // Leksikografija i leksikologija. Sarajevo: ANUBiH. Posebna izdanja knjiga LXXXV, 1988. S. 155–164.

Вранчич (1595), Юрай Габделич (1670) и Арделио Делла Белла (1728)⁷⁵ различали омонимию и полисемию. Точно так же широко омонимия понималась в транскрипции трехязычного словаря *Blaga jezika slovinskoga* Якова Микаля (1651)⁷⁶, первого хорватского словаря, где хорватский язык был исходным. В нем⁷⁷ проанализированы в качестве омонимов слова (пронумерованные заглавные лексемы), которые ими не являются и которые Микаля различал по ударению: *pàs* ‘собака’ (*pàs* ‘domaća životinja’ ‘домашнее животное’), *pás* ‘пояс’ (*pás* ‘remen’ ‘пояс, ремень’); *lùk* ‘лук’ (*lùk* ‘vrsta povrća’ ‘овощ’), *lúk* ‘лук’ (*lúk* ‘zaobljena naprava za izbacivanje strijela’ ‘устройство закругленной формы для выбрасывания стрел’).

В ранних словарях более успешным разграничением омонимии и полисемии можно считать представление «омонимов в двух словарных статьях, т.е. нумерацию значений под одним заглавным словом при обработке полисемии. При особых заглавных словах у омонимов мы не будем требовать и нумерации тех заглавных слов, как это принято в современной лексикографии»⁷⁸. Петра Кошутар после исследования словаря XVIII века пришла к выводу, что Делла Белла хорошо распознавал омонимы, так как он обозначал их двумя разными заглавными словами. Родным языком для него был итальянский, поэтому различение омонимии и полисемии может быть и влиянием итальянских словарей, которыми он пользовался. Родным языком для Ивана Белостенца был латинский, и у него было достаточное количество словарей, образцов, которые он использовал, но при этом выделял омонимы не так хорошо, как Делла Белла, что ярко показывает одна его словарная статья: *ius*, *iuris*, хотя речь идет о двух омонимах: *ius*¹ ‘право, закон’ и *ius*² ‘суп’. Структура словарной статьи с семью значениями не раскрывает разницы между двумя словами. Но другой пример (*saltus*, *us*, *m.* ‘ples’, ‘skok’ ‘танец’, ‘прыжок’ и *saltus*, *us*, *m.* ‘lug’, ‘gaj’, ‘роща’) показывает образцовый анализ омонимов в двух словарных статьях⁷⁹. Невозможно сделать вывод о том, почему Белостенец описывал омонимы по-разному. Предположительно, существовал пропуск в латинском словаре, который был для него источником латинского слова, или же это было упущением автора.

В других словарях под одним заглавным словом нумерацией разграничены полисемия и омонимия, что можно считать началом лексикографического оформления омонимии и полисемии. Кошутар приводит примеры из четырехязычного *Lexicon*’а Андрея Ямбрешича (1742), где омонимы пронумерованы в одной словарной статье, например, *ius* 1. правда, право, 2. область, 3. суп, чорба. После анализа нескольких хорватских словарей XVIII века, а также европейских, которые были лексикографическими образцами и источниками, как например, *Dizionario degli Accademici della Crusca* или разные переработки словарей Калепина, она пришла к выводу, что «произведения, которые принадлежат итальянской лексикографии, регулярно обозначают

⁷⁵ Della Bella A. Dizionario italiano, latino, illirico. Venecija, 1728.

⁷⁶ Mikalja J. Blago jezika slovinskoga. Loretto. Pretisak. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2011.

⁷⁷ Gabrić-Bagarić D., Horvat M., Lovrić Jović I., Perić Gavrančić S. Jakov Mikalja. Blago jezika slovinskoga (1649./1651.). Transkripcija i leksikografska interpretacija. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2011.

⁷⁸ Košutar P. Hrvatsko jezikoslovlje 18. stoljeća u suodnosu s hrvatskim. Doktorski rad. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2013.

⁷⁹ Ibid.

омонимы двумя заглавными словами, независимо от года издания. Следовательно, и издания, которые вышли в XVII веке, точно так же дают омонимы в виде двух заглавных слов, как и издания XVIII века». Поэтому в хорватских словарях, опирающихся на итальянскую лексикографию, хорошо различается, что является одним словом, а что представляет собой два одинаковых по форме слова.

Здесь мы не будем дальше исследовать металексикографические достижения хорватской лексикографии, но на примере двух пар омонимов покажем диахроническое развитие омонимии в хорватском языке и влияние просодии на омонимию. Известно, что *luk* ‘овощ’ и *luk* ‘устройство закругленной формы для выбрасывания стрел’ в русском языке являются омонимами, в то время как в хорватском языке *lùk* и *lûk* таковыми не являются, так как ударение выполняет различительную функцию. Мы не считаем их квазиомонимами, даже учитывая тот факт, что в хорватском языке ударения не пишутся. В данном случае это только омографы, которые из-за разницы в ударении не являются тождественными по значению.

Сегодня в хорватском стандартном языке *sûd*¹ 1. ‘суд’, 2. ‘мнение’ и *sûd*² ‘посудина, сосуд’, *lûg*¹ ‘роща’ и *lûg*² ‘пепел’ являются омонимами. Если настаивать на том, что все формы лексем должны быть одинаковыми для того, чтобы эти две лексемы были омонимами, тогда данные пары не могут удовлетворять этому критерию, так как не все падежные формы имеют одинаковое ударение. Мы считаем, что эти малые отличия могут нейтрализовываться, так как в словарях в качестве заглавного слова появляются канонические формы, которые в этом случае являются одинаковыми.

Когда Делла Белла (с. 3) отмечает эти пары односложных слов с разными ударениями в именительном и родительном падеже: *sûd*, *giudizio*, *sûda*; *sûd*, *vaso*, *sûda*; *lûg*, *seneghe*, *lûga*; *lûg*, *bosco*, *lûga*⁸⁰, тогда они не являются омонимами, так как здесь речь идет о прежней акцентологической системе с новым акутом и с исконным долгим нисходящим ударением: *sûd* и *sûd*, *lûg* и *lûg*. Эти примеры позже использовал Матия Антун Релькович (1767)⁸¹, который мог в своей речи иметь посавский новый акут, но и у него это еще не омонимы. Эти слова являются омонимами у Микали (1651), хотя его словарь и старше, так как Микаля писал «на боснийском языке», т.е. на штокавском, поэтому и отметил долгое нисходящее ударение в обоих словах *sûd* (у него *sûd*). Омонимическая связь, следовательно, зависела от диалектной основы языка отдельного писателя. Делла Белла и Релькович отмечают систему с тремя ударениями и новым акутом. Первый делал это под возможным влиянием чакавского, а второй – под влиянием посавских староштокавских говоров. Это является диалектологической причиной, и тогда возникает вопрос, откуда в XIX веке появляется новый акут, например, в *Сборнике* в конце первого года выпуска *Даницы* (1835) или в словаре Йосипа Дробнича (1849)⁸². Из-за этого, кроме диалектологических причин, мы добавили и возможные лексико-лексикографические, так как совсем не понятно, как произошло так, что эти пары по ударению оказались различными в словаре Дробнича, когда над ним работал Антон Мажураич, выдающийся акцентолог, который описал новоштоковскую акцентологическую систему тщательнее, чем кто-либо другой в то время.

⁸⁰ Делла Белла использует такие знаки ударения.

⁸¹ *Reljković M. A. Nova slavonska i nimačka grammatika. Zagreb, 1767.*

⁸² *Drobnic J. Ilirsko-němačko-talianski mali rěčnik. Beč: Matica ilirska, 1846–1849.*

Иначе говоря, односложные пары слов, отмеченные разными ударениями, присутствуют и в словарях, и в грамматиках XIX века, т.е. в произведениях, в которых не ожидается появление новоштокавских ударений. В середине XIX века была кодифицирована новоштокавская акцентологическая система, которую очень хорошо описал Антон Мажуранич в своем труде *Slovnica hrvatska* (1859), используя при этом четыре знака. До него Шиме Старчевич в грамматике (1812)⁸³ также описал ее довольно успешно⁸⁴, но используя три знака. После этого разные ударения в приведенных примерах ожидать не следовало бы, так как они приравнены в литературном языке: односложные слова имеют долгое нисходящее ударение и являются омонимами. Сейчас должна была бы возникнуть проблема, как обозначить омонимы с учетом того, что они и звучат, и пишутся одинаково: *lûg* ‘пепел’ и *lûg* ‘роща’. Мажуранич⁸⁵ знал, что долгое нисходящее ударение (*oštri*) может быть двух видов: оригинальное, первичное (у него *dár*), которое уже в чакавском было таким, и второе, более новое, вторичное, которое утратилось в чакавском (у него *kráj*, *píšem*). На основе ударений можно сделать вывод о том, что одни авторы отмечали новый акут, чакавский или посавский, но при этом следует предположить, что некоторые перенимали у прежних авторов акцентированные примеры, чтобы обозначить омонимы, для которых не было определенной системы обозначений. Вплоть до национального возрождения существовала практика обозначения долгих слогов удвоенными гласными, а кратких – удвоенными согласными. Так мог выглядеть способ выделения на письме омонимов, что было бы возможным объяснением хотя бы некоторых знаков у новоштокавских⁸⁶ омонимов: *sud*¹, *sud*² и *lug*¹, *lug*².

Принимая во внимание тот факт, что у Мажуранича в Загребе не было никого, кто бы хорошо знал и чакавскую, и штокавскую акцентуацию, он не мог никого спросить и, по его признанию⁸⁷, вынужден был верить печатным книгам таких писателей, как Делла Белла, Стулли и «главным образом, – Караджич». Ему помогал и Даничич своими трудами. Для того чтобы оставить разные ударения в заглавных словах *lug* и *sud*, он мог найти подтверждение, которое дает только Делла Белла, так как у остальных эти различия не представлены. У Стулли есть только одна словарная статья с обозначением долготы: *sûd*, а у Караджича, который был новоштокавцем, обе омонимичные формы в именительном падеже имели одно и то же ударение, а в родительном падеже – разное.

К выводу о влиянии литературы и об осознании новоштокавской основы общего литературного языка добавляется тот факт, что во время публикации словаря Дробнича была полностью закреплена новоштокавская норма, за исключением несинкретических падежей множественного числа. Поэтому кажется невозможным, чтобы Антон Мажуранич и Векослав Бабукич, главные кодификаторы языка в то время, работая над словарем, оставили чакавское или, возможно, посавское ударение. В этом нас убежда-

⁸³ *Starčević Š. Nòvâ riscòslovica iliricska*. Trst. Pretisak. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2002.

⁸⁴ Такой же вывод сделал и Трубецкой (*Трубецкой Н.С. Основы фонологии*. М.: Наука, 1960. С. 220).

⁸⁵ *Mažuranić A. Slovnica Hèrvatska: za gimnazije i realne škole*. Zagreb, 1859. S. 12.

⁸⁶ В чакавском, где новый акут и долгое нисходящее ударение являются разными ударениями, речь вообще не идет об омонимах.

⁸⁷ *Mažuranić A. Slovnica Hèrvatska: za gimnazije i realne škole*. S. V.

ет и *Ilirska slovnica* Бабукича⁸⁸, где нет различительных форм именительного падежа, а только родительного, из которых видно, что долгое нисходящее ударение имеет двойное происхождение: «*sûda* (род.п., ед.ч. *posuda*) и *sûda* (от *sûditi*, *judicare*)». Мажуранич⁸⁹ именно на этом примере разъяснил переход ударения на проклитику в чакавском и штокавском наречии. Чакавское и штокавское ударение совпадают в винительном падеже, если исконным является нисходящее ударение: *nà sūd* ('*posuda*'), а когда исконным является новое ударение, в чакавском ударение на проклитику не переходит: *na sūd*⁹⁰, в то время как в штокавском процесс перехода ударения ослаблен: *nà sūd*. Это является доказательством различного происхождения долгого нисходящего ударения в новоштокавской акцентологической системе. Данная разница в ударении появилась в ходе исторического развития просодии, а не в результате «замены акцентуации», с помощью которой избегается «омонимический конфликт»⁹¹. Путем изменения ударения в языке становится возможной деполисемизация. Деполисемизация – долгий процесс, в ходе которого появляются омонимы. Однако результат деполисемизации может быть двух видов:

а) деполисемизация = омонимизация (*park*¹ '*perivoj*' ('сад'), *park*² '*sva vozila nekoga produzeća*' ('весь транспорт некого предприятия')

б) деполисемизация ≠ омонимизация (*pečēnje* и *pečēnje* 'печенье, жарение' и 'жареное мясо', *kràvetina* и *kravětina* 'корова').

В первом случае разрываются семантические связи между двумя значениями, каждое слово входит в другую словообразовательную семью, и поэтому они считаются омонимами. Во втором случае ударение сыграло роль словообразовательного средства, и поэтому от глагольного существительного образовались две лексемы, которые обозначают действие и результат этого действия, а в другом примере расподобление аугментатива произошло по признаку одушевленности, и поэтому *kràvetina* значит 'коровье мясо', а *kravětina* – пренебрежительно 'женщина'.

В диахронии за омонимией можно наблюдать двумя способами:

а) как лингвисты понимали и описывали омонимию;

б) как возникла омонимия.

Мы видели, что лингвисты очень хорошо различали, когда несколько значений принадлежат одному слову, а когда – двум, но мы также видели, что просодия играет большую роль как внутри одного языка, так и между языками. Будут ли слова *sud* и *sud* омонимами или нет, зависит от того, о каком хорватском идиоме мы говорим и в какой период его рассматриваем, а будут ли омонимами слова *luk* и *luk*, зависит от того, о каком языке идет речь, о хорватском или русском.

6. Заключение

Несмотря на то что каждая лексико-семантическая связь в лексикологии выявляет бесконечное множество различных мнений, нами были установлены критерии как для диахронии, так и для синхронии, но параметры при этом неоднородны. Так, остается

⁸⁸ *Babukić V.* Ilirska slovnica. Zagreb, 1854. S. 33.

⁸⁹ *Mažuranić A.* Slovnica Hèrvatska: za gimnazije i realne škole. S. 24.

⁹⁰ Современное обозначение: *na sūd*.

⁹¹ *Šipka D.* Leksička homonimija. Sarajevo: Institut za jezik, 1990. S. 146.

понятие «тождественный идиом», но с точки зрения диахронии его объем изменялся в течение времени, от писателя к писателю. В случае хорватского языка он охватывал весь хорватский язык, а у некоторых писателей, особенно у лексикографов (например, у Йоакима Стулли), также и другие славянские языки; не следует забывать и о том, что в некоторые периоды истории хорватского литературного языка считалось, что существует один славянский язык – иллирийский. Однако с точки зрения синхронии, учитывая то, что речь идет о нескольких литературных микроязыках, контакты следует рассматривать вне зависимости от того, идет ли речь об отношениях между хорватским и другими языками, или между тремя наречиями и их литературными стилизациями. Последствия этих контактов таким же образом отражаются в литературном языке. Так, у Анчица слова *đardin* или *vrtao* имеют статус заимствований, которые при нехватке терминологии, условно могут называться внешними и внутренними заимствованиями⁹². Точно так же и о диалектной основе литературного языка следует условно говорить для того, чтобы разграничить литературные идиомы ради более легкого описания. Она определяется согласно преобладанию языковых особенностей, а именно литературный язык был открыт влиянию не только других языков и диалектов, но и литературных произведений. Большинство этих произведений содержит лексику, которую следует рассматривать как пересечение исторических культурных контактов и литературно-языковых конвергентных сил, которые объединяли литературные выражения на различных диалектных основах и породили богатую общехорватскую лексическую синонимию, которую необходимо исследовать с точки зрения времени ее появления. Так, только до кодификации хорватского языка слова *tovar*, *oslac*, *magarac*; *ocat*, *kvasina*, *sirće* или *ča*, *kaj*, *što* можно считать синонимами в литературном языке того времени, в современном стандартном языке эти слова синонимами не являются, так как принадлежат различным идиомам. Точно так же между словами или формами, которые относятся к разным периодам, то есть между современными словами и архаизмами, синонимические связи отсутствуют, так как эти слова не относятся к одному временному отрезку. Для того чтобы вообще можно было говорить о лексической синонимии, слова, помимо тождественного значения, должны характеризоваться принадлежностью к одной части речи, одному идиому и одному периоду времени. У древнехорватских авторов два последних условия распространяются на хорватский литературный язык в качестве основного понятия для всех его вариантов и в синхронном, и в диахроническом плане, то есть на пространственное и историческое целое. Общехорватская синонимия выполняла следующие функции в истории:

а) интегрирующая литературно-языковая функция (создание наддиалектного культурного идиома);

б) пояснительная (объяснение носителям разных диалектов неизвестных слов).

Если бы сегодня была признана общехорватская синонимия, то была бы нарушена коммуникация в обществе. Достаточно упомянуть ситуацию, когда гость отеля выплатил денежный штраф, так как украл *pinjure*, *šugomane*, *pjate*, после чего он подавал жалобу, а в апелляционном суде его дело рассматривал судья, который был кайкавцем.

⁹² Учитывая тот факт, что нам известно, что заимствованиями являются слова из другого языка, названия иноязычные и одноязычные заимствования (*inojezične* и *istojezične posuđenice*) могли бы создать некую путаницу, хотя речь идет именно о них.

Стандартизованность какого-либо языка определяется согласно его кодификации, которая охватывает и лексику, в то время как междиалектная интерференция может, например, выполнять стилистическую функцию в литературе.

Многие писатели в предисловиях объясняли, почему они употребляют слова из более широкой области, чем это ожидается. Речь идет о почти совпадающих мнениях по поводу диалектных различий и территориальной распространенности, что мы проиллюстрируем цитатами.

«И если слово, которое ты найдешь, покажется тебе необычным, имей в виду, что наш язык по многим государствам разбросан, ведь где-то каким-то образом слова возникают; поэтому я хочу угодить не только одному государству, но многим» (“I ako rič ku najdeš ka polak tebe ne bi bila običajna, procini da jezik naš po mnogih državah, jest rastrkan, jer nigdi nikako, a nigdi nikako riči unašaju; zato se jednoj državi, nego i većim želim ugoditi”)⁹³. О подобном говорит в предисловии и Тадиянович (1761)⁹⁴: «Я включил в эту книгу достаточно слов, которые тебе будут казаться новыми и чужими, но они являются по-настоящему иллирийскими» (“Metnio sam ja u ovoj knjizi dosta riči koje će se tebi viditi kakono nove i tuđe, ali su one prave ilirske”).

Лексический фонд хорватского языка столетиями пополнялся самыми различными способами. В этом живом процессе лексико-семантические связи не были статичными, они со временем менялись. В этой работе мы попытались охватить часть этого динамичного процесса.

Перевод Е.В. Куренковой.

Литературу см. в конце оригинальной части.

⁹³ Glavinic 1628, в: *Vončina J. Analize starih hrvatskih pisaca*. Split: Čakavski sabor, 1977. S. 194.

⁹⁴ *Tadijanović B. Svaschta po mallo*. Magdeburg, 1761. Pretisak. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Благоева Диана Георгиева
доктор, професор
Институт за български език „Проф. Любомир
Андрейчин“ при БАН
София, България
d.blagoeva@ibl.bas.bg

Валентова Ивета
Valentová Iveta
Mgr., PhD., samostatná vedecká pracovníčka
(vedúca oddelenia dejín slovenčiny, onomastiky
a etymológie)
Oddelenie dejín slovenčiny, onomastiky a
etymológie
Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej
akadémie vied
Bratislava, Slovenská republika
ivetav@juls.savba.sk

Генералова Елена Владимировна
кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия
elena-generalova@yandex.ru

Георгиева Цветелина Николова
доктор, главен асистент
Секция за българска лексикология и лексико-
графия
Институт за български език „Проф. Любомир
Андрейчин“ при БАН
София, България
cveti.g@abv.bg

Гнатюк Ирина Святославовна
Гнатюк Ірина Святославівна
кандидат філологічних наук
доцент, старший науковий співробітник від-
ділу лексикології,
лексикографії та структурно-математичної
лінгвістики
Інститут української мови НАН України
Київ, Україна
iryna.gnatyuk@gmail.com

Добродомов Игорь Георгиевич
доктор филологических наук, профессор
Московский педагогический государствен-
ный университет
Москва, Россия

Драгичевич Райна
Драгићевич Рајна
доктор филолошких наука
редовни професор Филолошког факултета
Универзитета у Београду
Београд, Србија
rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs
rajnad@yahoo.com

Дубичинский Владимир Владимирович
профессор, доктор филологических наук
адъюнкт
Instytut Rusycystyki Uniwersytetu
Warszawskiego
Warszawa, Polska
v.dubichynskiyi@uw.edu.pl

Ефимова Валерия Сергеевна
доктор филологических наук
зав. отделом славянского языкознания
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
valeriefimova@yandex.ru

Зайда Александар
Zajda Aleksander
profesor doktor habilitowany
profesor emerytowany
Wydział Polonistyki Uniwersytetu
Jagiellońskiego
Kraków, Polska

Иванович Ненад
Ивановић Ненад Б.
доктор филолошких наука, научни сарадник
уредник *Речника српскохрватског књижев-
ног и народног језика САНУ*,
Институт за српски језик САНУ у Београду
Београд, Република Србија
nenad.ivanovic@isj.sanu.ac.rs

Калиновская Валентина Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований
РАН
Санкт-Петербург, Россия
kalinovskaiavn@yandex.ru

Крейчиржова Ивета
Krejčířová Iveta
PhDr.
Slovanský ústav AV ČR
Praha, Česká republika
krejcirnova@slu.cas.cz

Макариоска Лильяна
Лилјана Макаријоска
доктор на филолошки науки, редовен професор,
научен советник, раководител на проектот
„Речник на црковнословенскиот јазик од
македонска редакција“
Универзитет „Св. Кирил и Методиј“,
Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“
Скопје, Р Македонија
makarijoska@yahoo.com

Мальшева Ирина Алексеевна
профессор, доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований
РАН
Санкт-Петербург, Россия
iamalysheva@mail.ru

Мерше Майда
Majda Merše
doktor filoloških znanosti, izr. prof.
znanstvena svetnica
Znanstvenoraziskovalni center Slovenske
akademije znanosti in umetnosti
Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša
Ljubljana, Slovenija
majda.merše@guest.arnes.si

Мирчева Елка Петрова
профессор, доктор (PhD)
Секция за история на българския език

Институт за български език «Проф. Любомир
Андрейчин» към БАН
София, България
elka_mircheva@abv.bg

Мызников Сергей Алексеевич
член-корреспондент РАН
профессор, доктор филологических наук
главный научный сотрудник
заведующий Словарным отделом
Институт лингвистических исследований
РАН
заведующий кафедрой уральских языков,
фольклора и литературы
РГПУ им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
myznikovs@rambler.ru

Новак Мария Олеговна
доктор филологических наук
доцент кафедры русского языка и прикладной
лингвистики
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Россия
mariaonovak@gmail.com

Пиотровски Тадеуш
Tadeusz Piotrowski
Prof.dr. hab.
Wyższa Szkoła Filologiczna we Wrocławiu
Wrocław, Polska
tad46ster@gmail.com

Прискока Олег Володимирович
кандидат філологічних наук
доцент кафедри російської мови
Національний педагогічний університет
імені М.П. Драгоманова
Київ, Україна
pryskoka@ukr.net

Ристич Стана
Ристић Стана С.
доктор филолошких наука, научни саветник,
ред. проф.
уредник Речника српскохрватског књижевног
и народног језика САНУ

Институт за српски језик САНУ
Београд, Република Србија
stana.ristic@isj.sanu.ac.rs

Судаков Гурий Васильевич
профессор, доктор филологических наук
заведующий кафедрой русского языка, журналистики и теории коммуникации
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
gvs035@rambler.ru

Тафра Бранка
Taфра Branka
Dr. sc.
redoviti profesor u trajnom zvanju
Hrvatski studiji Sveučilišta
Zagreb, Hrvatska
branka.taфра47@gmail.com

Чернышева Маргарита Ивановна
профессор, доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
chernysheva@bk.ru

Чоролеева Мария Георгиевна
профессор, доктор на филологическите науки
Секция за българска лексикология и лексикография
Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ при БАН
София, България
char_m@abv.bg

Шапошников Александр Константинович
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
отдела этимологии и ономастики
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
etymol@mail.ru, possidima@gmail.com

Шестакова Лариса Леонидовна
доктор филологических наук, доцент
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
lara.shestakova@mail.ru

Щербин Вячеслав Константинович
Шчэрбін Вячаслаў Канстанцінавіч
кандыдат філалагічных навук,
загадчык сектара інавацыйнага развіцця
галін,
Цэнтр сістэмнага аналізу і стратэгічных
даследаванняў Нацыянальнай акадэміі навук
Беларусі
Мінск, Беларусь
e-mail: slavalex@mail.ru

Эзериня Светлана Аркадьевна
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
Институт лингвистических исследований
РАН
Санкт-Петербург, Россия
sezerspb@yandex.ru

Якушкина Екатерина Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
jkatia@yandex.ru

Ярошова Александра
Alexandra Jarošová
PhDr., CSc.
samostatná vedecká pracovníčka
hlavná redaktorka Slovníka súčasného
slovenského jazyka
Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej
akadémie vied
Bratislava, Slovensko
sasaj@juls.savba.sk

ПЕРЕВОДЧИКИ

Банькова Елена Анатольевна
преподаватель церковнославянского языка
Дмитров, Россия
len-no@list.ru

Куренкова Елена Васильевна
филологический факультет МГУ
им. М.В. Ломоносова,
Белградский университет
Москва, Россия;
Београд, Република Србија
elenakurenkova7@gmail.com

Некрасова Светлана Валерьевна
преподаватель польского языка
и русского как иностранного
Российский центр науки и культуры
Rosyjski Ośrodek Nauki i Kultury
(www.ronik.org.pl)
Warszawa, Polska
asksveta@gmail.com

Пузина Мария Анатольевна
кандидат филологических наук
научный сотрудник
отдела древнерусского языка
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
maria-malygina@yandex.ru

Романова Галина Яковлевна
ведущий научный сотрудник
отдела исторической лексикографии
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия

Сагалович Елена Владимировна
научный редактор редакционно-
издательского отдела
Всероссийская государственная библиотека
иностранной литературы им. М.И. Рудомино
Москва, Россия
jelena@comtv.ru

Чиварзина Александра Игоревна
младший научный сотрудник
научно-образовательного центра
славистических исследований
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
mss-vah@yandex.ru

Шетэля Виктор
кандидат филологических наук
доцент кафедры контрастивной лингвистики
Института иностранных языков Московского
педагогического государственного универси-
тета
Москва, Россия
szetela@mail.ru

Научное издание

**ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

ООО «ЛЕКСРУС»
127206, РФ, г. Москва, ул. Вучетича, д. 20

Подписано в печать 06.11.2017
Формат 70х100/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 55. Усл. печ. л. 71,5.
Тираж 300 экз. Заказ № К-2595

ISBN 978-5-9909698-2-7

9 785990 969827 |>

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13